СТИВЕН

КИНГ

ОНО

ОНО

Стивен Кинг

Аннотация
Стивен Кинг. ОНО
ЧАСТЬ I. ТЕНЬ ПРОШЛОГО
  Глава 1. ПОСЛЕ НАВОДНЕНИЯ (1957 год)
  Глава 2. ПОСЛЕ ФЕСТИВАЛЯ (1984)
  Глава 3. ШЕСТЬ ТЕЛЕФОННЫХ ЗВОНКОВ (1985)
ДЕРРИ: ПЕРВАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ
ЧАСТЬ II. ИЮНЬ
  Глава 4. БЕН ХЭНСКОМ ПАДАЕТ
  Глава 5. БИЛЛ ДЕНБРО ПОБЕЖДАЕТ ДЬЯВОЛА (1)
  Глава 6. ОДНО ИЗ ИСЧЕЗНОВЕНИЙ. РАССКАЗ ИЗ ЛЕТА 1958 г.
  Глава 7. ЗАПРУДА В БАРРЕНСЕ
  Глава 8. КОМНАТА ДЖОРДЖА И ДОМ НА УЛИЦЕ НЕЙБОЛТ
  Глава 9. ОЧИЩЕНИЕ
ДЕРРИ: ВТОРАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ
ЧАСТЬ III. ВЗРОСЛЫЕ
  Глава 10. ВОЗВРАЩЕНИЕ
  Глава 11. ПРОГУЛКИ ПЕШКОМ
  Глава 12. ТРИ НЕЗВАНЫХ ГОСТЯ
ДЕРРИ: ТРЕТЬЯ ИНТЕРЛЮДИЯ

ЧАСТЬ IV. ИЮЛЬ 1958
Глава 13. РЕШАЮЩАЯ БИТВА
Глава 14. АЛЬБОМ
Глава 15. ДЫМОВОЕ ОТВЕРСТИЕ
Глава 16. ПЕРЕЛОМ ЭДДИ
Глава 17. ЕЩЕ ОДНО ИСЧЕЗНОВЕНИЕ, ИЛИ СМЕРТЬ ПАТРИКА ХОКСТЕТТЕРА
Глава 18. РОГАТКА
ДЕРРИ: ЧЕТВЕРТАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ
ЧАСТЬ V. РИТУАЛ ЧУДИ
Глава 19. ВО ВРЕМЯ НОЧНОГО БДЕНИЯ
Глава 20 КРУГ ЗАМЫКАЕТСЯ
Глава 21. ПОД ГОРОДОМ
Глава 22. РИТУАЛ ЧУДИ
Глава 23. ВЫХОД
ДЕРРИ:. ПОСЛЕДНЯЯ ИНТЕРЛЮДИЯ
ЭПИЛОГ. БИЛЛ ДЕНБРО ПОБЕЖДАЕТ ДЬЯВОЛА II

Аннотация

В маленьком провинциальном городке Дерри много лет назад семерым подросткам пришлось столкнуться с кромешным ужасом – живым воплощением ада. Прошли годы... Подростки повзрослели, и ничто, казалось, не предвещало новой беды. Но кошмар прошлого вернулся, неведомая сила повлекла семерых друзей назад, в новую битву со Злом. Ибо в Дерри опять льется кровь и бесследно исчезают люди. Ибо вернулось порождение ночного кошмара, настолько невероятное, что даже не имеет имени...

Стивен Кинг
ОНО

ЧАСТЬ I. ТЕНЬ ПРОШЛОГО

Они начинают!
Совершенствуя форму,
Цветок отдает своих лепестков много-
цветье щедро солнцу,
Но пчела пролетает мимо,
И они утопают с плачем в перегное.
Можно назвать это плачем,
Что дрожа проплывает над ними,
А они увядают и гибнут.
Уильям Карлос Уильяме «Патерсон»

Вырождение в городе мертвеца
Брюс Спрингстин

Глава 1. ПОСЛЕ НАВОДНЕНИЯ (1957 год)

1

Ужас, продолжавшийся в последующие двадцать восемь лет, — да и вообще был ли ему конец? — начался, насколько я могу судить, с кораблика, сделанного из газетного листа и подхваченного дождевым потоком, который унес его вниз по водному желобу...

Кораблик кружился, переворачиваясь, уходил под воду и снова всплывал, устремляясь вниз по Витчем-стрит по направлению к светофору, который регулировал движение между улицами Витчем и Джексон. Все огоньки светофора были темные в эти дни осени 1957 года, так же, впрочем, как и дома. Дожди не прекращались уже неделю, а два дня назад начались еще и сильные ветры. Большинство районов Дерри лишились электроэнергии, и ее не успели подать.

Мальчонка в желтом плаще и красных галошах бежал рядом с бумажным корабликом. Дождь еще не кончился, но уже начал стихать. Капли били по капюшону мальчика, отдаваясь в его

ушах приятным ощущением, так стучит дождь по крыше деревенского сарая. Мальчика в желтом плаще звали Джордж Денбро. Ему было шесть лет. Его брат Уильям, известный большинству ребят в начальной школе Дерри (и даже учителям, не терпящим прозвищ) как Заика Билл, остался дома: он переболел каким-то отвратительным гриппом и не совсем еще выздоровел. Той осенью 1957 года, за восемь месяцев до начала настоящих ужасов и за двадцать восемь лет до их окончания, Заике Биллу было десять лет.

Именно Билл и сделал кораблик, рядом с которым бежал теперь его брат Джордж. Он сделал его, сидя на кровати, облокотившись на подушки, в то время как мама в гостиной наигрывала на пианино пьесу «к Элизе» и дождь, не переставая, хлестал в окно спальни.

Витчем-стрит была завалена урнами и оранжевыми козлами для пилки дров, на которых было написано: «Управление общественных работ в Дерри». Канавы были переполнены ветками, камнями и грудами осенних листьев. Вода стала выливаться на тротуар сперва тонкими струями, а затем, на третий день непрерывного дождя, целыми пригоршнями. К полудню на четвертые сутки улица была затоплена, все плыло на пере-

кресток улиц Джексон и Витчем. К тому времени жители уже нервно пошучивали — не пора ли строить ковчег для спасения от потопа. Управлению общественных работ удалось открыть Джексон-стрит, но Витчем-стрит до самого центра городка была плотно забита козлами.

И все же все сходились на том, что самое худшее позади. Речка Кендускеаг чуть было не вышла из берегов в Барренсе и на несколько дюймов не дошла до бетонных ограничений канала в самом центре городка. В настоящий момент группа мужчин — и среди них Зак Денбро, отец Джорджа и Билла — убирала мешки с песком, которые они в панике набросали накануне, дабы спастись от потопа. Вчера еще катастрофа казалась неизбежной. Богу известно, что такое случалось и раньше: наводнение 1931 года стоило миллионы долларов и двух десятков жизней. Это случилось давно, но еще живы были те, кто помнил, какой страх нагнала она на всю округу. Одна из первых жертв того наводнения была найдена в двадцати пяти милях к востоку, в Бакспорте. Глаза этого несчастного, три пальца, пенис и большая часть левой ноги были съедены рыбой. В руках, вернее в том, что осталось от его рук, торчал руль «Форда».

Теперь, однако, река отступала, а когда вверх по

течению построят новую плотину гидроэлектростанции Бангор, она вообще перестанет угрожать опасностью. Что-то в этом роде сказал Зак Денбро, который работал на Бангоре. Впрочем, что касается будущего — там будет видно, а пока что надо справиться с этим наводнением, повернуть воду вспять и забыть о нем. Предавать в Дерри забвению трагедии и несчастья граничило с искусством — к такому выводу с течением времени пришел Билл Денбро.

Джордж задержался у козел на краю глубокой трещины, прорезавшей асфальтовое покрытие Витчем-стрит по диагонали. Трещина кончалась в самом конце улицы, у холма, примерно в сорока футах от того места, где сейчас стоял мальчик. Он громко засмеялся — это было ликование ребенка, ощутившего радость свободы, быстрого движения в этот серый, безрадостный день, когда по прихоти бегущей воды его бумажный кораблик из-за разрыва в асфальте оказался в быстрине, напоминавшей речные пороги. Вода неслась под напором так, что кораблик маневрировал от одной стороны Витчем-стрит до другой, поток быстро уносил его — так быстро, что Джордж должен был бежать, чтобы поспевать за ним. Вода грязными брызгами отлетала от его галош

в разные стороны. Брызги весело жонглировали, когда Джордж Денбро бежал навстречу своей странной смерти, и чувство, наполнявшее его в этот момент, было чувством любви, чистой и простой любви к брату Биллу.., любви и немножко сожаления, что Билл не мог быть здесь вместе с ним, видеть это и быть частью этого. Конечно, он постарается рассказать все Биллу, когда вернется домой, но он знал, что не сможет рассказать так, чтобы Билл УВИДЕЛ это, а вот Билл, окажись он на его месте, сумел бы рассказать все так, что он, Джордж УВИДЕЛ бы это. Билл хорошо писал и читал, но даже для своего возраста Джордж был достаточно умен, чтобы понимать, что не только поэтому во всех табелях у брата высокие оценки и не только поэтому учителя так любят его сочинения. ГОВОРИТЬ — это еще не все. Билл хорошо ВИДЕЛ.

Кораблик только что не гудел — но это страничка из раздела рекламы газеты «Новости», а Джорджу сейчас представлялось, что это корабль из фильма о войне — из тех фильмов, которые он иногда смотрел с Биллом в кинотеатре на субботних утренниках. Картина о войне с Джоном Вейном, сражающимся с японцами. Кораблик рвался вперед и нос его рассекал воду,

так добрался он до восточной трубы на левой стороне Витчем-стрит. В этом месте новый поток обрушился в трещину на асфальте, образовав большую воронку; мальчику показалось, что сейчас вода захлестнет кораблик и он вот-вот опрокинется. Кораблик опасно накренился, но тут Джордж возликовал — кораблик выпрямился, повернулся и стремительно понесся к перекрестку. Джордж побежал, надеясь захватить его. Над его головой неумолимый жестокий шквал октябрьского ветра с ревом раскачивал деревья, благодаря урагану почти полностью лишившиеся груза разноцветной листвы... Урагану, который в этом году пожал самый страшный урожай.

2

Сидя в кровати, с пылающими от жара щеками (его лихорадка, также как и Кендускеаг, сходила уже на нет), Билл закончил кораблик, Джордж протянул было руку, но Билл не дал его.

— Теперь принеси-ка мне парафин.

— Что это? Где он?

— На полке в подвале, спустись туда, — сказал Билл. — В коробке, на которой написано: «Гг-галф». Принеси ее мне, и нож, и ммиску, и ппачку спичек.

Джордж послушно вышел из комнаты, чтобы принести все это. Он слышал, как мама играла на пианино, но не «к Элизе», а что-то другое, что не очень ему нравилось, что-то звучавшее сухо и как-то вычурно; он слышал, как дождь непрерывно бил в окно кухни. Это были умиротворяющие звуки, но он думал о том, что подвал был совсем не умиротворяющим, что там что-то есть в темноте. Это, конечно, было глупо, так говорил отец, и мама так говорила, и — что даже важнее — так говорил Билл, но все-таки...

Он не любил даже открывать дверь, чтобы включить свет, потому что его не покидало ощущение — это было так чудовищно глупо, что он никому не осмеливался рассказать такое, — что пока он нащупывает выключатель, какая-то ужасная когтистая лапа тихонько ложится на его руку — а затем резко вдергивает его в темноту, которая пахнет грязью и сыростью, и бесцветными гнилыми овощами.

Глупо! Не было ничего такого дико злобного, волосатого с когтями. Время от времени кто-то сходил с ума и убивал множество людей — Чет Хантли рассказывал о таких вещах в вечерних новостях, — и конечно же были коммунисты, но не существовало жившего в подвале чудовища. И

все-таки мысль о нем свербила. В те бесконечные минуты, пока правая рука его тянулась к выключателю, левая в это время судорожно хваталась за дверной косяк, казалось, что подвальный запах заполняет весь мир. Сейчас запах грязи, сырости и гнилых овощей сольется в безошибочный неотвратимый, запах — запах чудовища, апофеоза всех чудовищ. Это был запах чего-то такого, чему не было названия: запах ЕГО, затаившегося перед прыжком — и его, готового к прыжку. Существо это чем-то питалось, но особенно изголодалось оно по человечине, по мясу мальчика.

В тот день он открыл дверь и потянулся к выключателю, одновременно держась, как обычно, мертвой хваткой за дверной косяк. Глаза его были в тревоге закрыты, кончиком языка он увлажнял пересохшие губы — так измученный жаждой корешок нащупывает воду в пустыне. Смешно? Наверно. Эх, ты! *Смотрите-ка, Джордж! Джордж боится темноты! Что за ребенок!*

Звуки пианино доносились из той комнаты, которую папа называл гостиной, а мама — залом. Музыка звучала как будто из другого мира, издалека — так должен звучать разговор и смех для измученного, борющегося с встречным течением пловца. Его пальцы нашли выключатель.

Щелк! — И ничего. Никакого света!

Вот те на! Электричество!

Джордж отдернул руку, как от корзины, наполненной змеями. Он шагнул в разверстую дверь подвала, сердце у него в груди учащенно билось. Электроэнергии не было, конечно, — он забыл, электроэнергию отключили. Бог ты мой! Что теперь делать? Идти назад и сказать Биллу, что он не может достать коробку с парафином, в темноте, он боится, ведь ЧТО-ТО может схватить его, пока он стоит на лестнице в подвал, ЧТО-ТО такое, что заграбастает его, намного страшнее комми или убийцы? ОНО просто размажет часть его "я" по ступеням лестницы? Другие ох и посмеялись бы над такой нелепой фантазией, но Билл, он смеяться не станет. Билл взбесится и скажет: «Стань взрослым, Джордж! Ты хочешь этот кораблик или нет?»

И, как будто отгадав его мысли, Билл позвал из спальни:

— Ты там не уммер, Джордж?

— Нет, я иду, — тотчас отозвался Джордж. Он потер руки, стараясь разгладить кожу, чтобы исчезли предательские гусиные пупырышки.

— Я просто задержался попить...

— Ну, ппоторапливайся!

И он прошел четыре ступеньки вниз, в самый подвал, — сердце, теплый бьющийся молоточек, ушло у него в пятки, волосы на затылке встопорщились, глаза горели, а руки были ледяные — уверенный, что вот сейчас дверь подвала распахнется сама собой, закрыв белый свет, проникающий из кухни, и потом он услышит ЕГО, нечто похуже всяких комми и убийц на свете, хуже, чем японцы, хуже, чем варвар Аттила, хуже, чем что-либо в сотне фильмов ужасов. ОНО ползает где-то в глубине подвала — он слышит рычание в доли секунды, перед тем, как ОНО набросится на него и выпустит ему кишки.

Запах в подвале сегодня был тяжелее, чем всегда, из-за наводнения. Их дом стоял высоко на Витчем-стрит, у гребня холма, и потому избежал наихудшего, но все равно внизу стояла вода, просочившаяся через старый каменный фундамент. Из-за неприятного запаха становилось трудно дышать.

С максимальной быстротой Джордж изучил весь хлам, разбросанный на полке: старая банка из-под киви, гуталин, тряпки, разбитая керосиновая лампа, две пустые бутылки Виндекс, банка с воском «Черепаха». Каким-то таинственным образом эта банка стукнула его, и он несколько

секунд в гипнотическом замешательстве смотрел на черепаху, нарисованную на крышке. Затем подвинул ее... — и вот, наконец-то, она, вожделенная квадратная коробочка с надписью «Галф».

Джордж схватил ее и быстро побежал вверх по лестнице, сообразив вдруг, что у него сзади болтается незаправленный хвост рубашки, и уверенный в том, что эта оплошность сработает против него: ТО, что в подвале, выпустит его, но в самый последний момент схватит за этот хвост и затащит обратно...

Он добежал до кухни, с грохотом затворил за собой дверь и прислонился к ней спиной, закрыв глаза, весь в поту, крепко сжав в руке коробочку с парафином.

Пианино замолкло, и до него донесся голос мамы:

— Джордж, в следующий раз не мог бы ты быть поаккуратнее с дверью? Так ты нам разобьешь все тарелки в буфете.

— Извини, мама, — отозвался он.

— Джордж, ты теряешь время, — сказал Билл из спальни. Он говорил тихим голосом, чтобы мама не слышала.

Джордж выдавил из себя смешок. Его страх уже улетучился. Так ускользает кошмар от челове-

ка, только что проснувшегося в холодном поту и тяжело дышащего; он ощущает свое тело и осматривается, чтобы удостовериться, что ничего страшного не происходит, и вскоре полностью абстрагируется от сна. Кошмар понемногу оставляет его в тот момент, когда ноги его коснутся пола, рассеивается, когда он примет душ и разотрется полотенцем, а к концу завтрака и вовсе улетучивается.., до следующего раза, когда, снова охваченный кошмаром, он вспоминает все.

"Та черепаха, -думал Джордж, приближаясь к полке, на которой лежали спички. — *Где раньше я видел такую черепаху?"*

Но ответа не было, и Джордж выбросил вопрос из головы.

Он взял с полки коробок спичек, снял нож с гвоздя (держа острие на расстоянии от себя, как учил его отец) захватил маленькую миску из буфета в столовой и направился в комнату к Биллу.

— Какой же ты жжжопа, Джордж, — сказал Билл довольно дружелюбно и убрал на ночной столик часть своего гриппозного набора: пустой стакан, бутыль с водой, книжки, пузырек специфического лекарства, запах которого Билл потом всю жизнь будет связывать с астматическим

дыханием и с сопливым носом. Там было и старое радио, игравшее не Шопена и не Баха, а мелодию «Маленький Ричард», только очень нежно, так нежно, что Маленький Ричард лишен был своей неистовой силы. Их мать, изучавшая классическую музыку в Джуллиарде, не признавала рок-н-ролл, а просто не выносила его.

— Я не жопа, — сказал Джордж) присев на край кровати Билла.

— Нет, жопа, — сказал Билл. — Ничего, кроме большой черной жопы, вот ты кто.

Пытаясь представить себе ребенка в виде большой жопы на ногах, Джорж начал хихикать.

— Ты жопа больше, чем *Августа,* -сказал Билл, тоже захихикав.

— А *ты* жопа больше, чем вся *страна,* -ответил Джордж. Мальчики раззадорились.

Затем разговор перешел в шепот, понятный только маленьким мальчикам: обсуждалась, кто самая большая жопа, у кого самая большая жопа, чья жопа самая черная и т, п. Наконец, Билл произнес одно из запрещенных слов — он обвинил Джорджа в том, что тот — большая черная ЗАСРАННАЯ жопа — и оба они расхохотались. Смех Билла перешел в приступ кашля. Когда он стал задыхаться от кашля (лицо его приобрело

сливовый оттенок, испугавший Джорджа), пианино снова замолкло. Оба мальчика посмотрели в сторону гостиной и услышали скрип отодвигаемого от пианино стула, и торопливые шаги матери. Билл уткнулся ртом в локтевой сгиб, пытаясь подавить кашель, и указал на бутыль с водой. Джордж налил ему стакан воды, и Билл ее тотчас выпил.

Пианино снова заиграло — снова «к Элизе». Заика Билл никогда не забывал этой пьесы и даже много лет спустя у него по спине и по рукам бегали мурашки и падало сердце, когда он вспоминал: *«Мама играла это в тот день, когда умер Джордж».*

— Ты больше не кашляешь, Билл?

— Нет.

Билл вытащил таблетку из коробочки с лекарствами, откашлялся, выплюнул мокроту в марлечку, скрутил ее и бросил в корзинку для мусора, стоявшую у кровати, в которой уже было полно марлевых комочков. Затем он открыл коробочку с парафином и положил кубик воска на ладонь. Джордж внимательно смотрел на Билла, но молчал и никаких вопросов не задавал. Джордж знал: когда Билл что-то делает, он не любит, чтобы с ним заговаривали, зато если будешь

держать рот на замке, Билл сам все объяснит.

Билл взял нож и отрезал маленький кусочек от кубика парафина.

Он положил кубик в миску, зажег спичку и положил ее поверх парафина. Оба мальчика уставились на маленькое желтое пламя, а ветер на улице в это время стучал дождем в окна дома.

— Нужно сделать кораблик водонепроницаемым, иначе он намокнет и потонет, — сказал Билл. Говоря с Джорджем, он мало заикался, иногда вообще не заикался. А вот в школе заикание было настолько сильным, что становилось трудно говорить. Общение с одноклассниками прерывалось, и они отводили глаза в сторону, а Билл сидел, стиснув руками края парты, и лицо у него становилось красным под цвет волос, а глаза суживались в щелки, когда он силился выдавить слово из своей заикающейся глотки. Иногда — довольно часто — это получалось. Но порой усилия оказывались тщетными. Когда ему было три года, его сбило машиной и отбросило в сторону дома. Мама говорила, что тот несчастный случай и вызвал заикание. Но Джорджу иногда казалось, что отец, да и сам Билл не были в этом уверены.

Кусочек парафина в миске почти полностью растаял. Пламя спички расползлось, стало синим

в месте соприкосновения с картонной подпоркой, а затем потухло. Билл опустил палец в жидкость и тут же, обжегшись, отдернул. «Горячо» — сказал он. Через несколько секунд он снова окунул палец в жидкий воск и начал размазывать его по сторонам кораблика; воск быстро высыхал, приобретая молочный оттенок.

— Можно мне? — спросил Джордж.

— О'кей. Только не капни на одеяло, а то мама убьет тебя.

Джордж опустил палец в парафин — очень теплый, но не горячий — и начал растирать его по другой стороне кораблика.

— Не клади так много, жопа! — сказал Билл. — Ты хочешь утопить его в самом первом рейсе?

— Нет-нет.

— Тогда клади поменьше.

Джордж закончил другую сторону, подержал кораблик в руках. Он стал чуть-чуть тяжелее, но не намного. — Холодно. Я пойду пущу его, — сказал Джордж.

— Да, давай, — сказал Билл. Он вдруг устал — устал и выглядел не лучшим образом.

— Жаль, что ты не можешь пойти, — сказал Джордж.

Он действительно жалел. Правда, Билл любил

командовать, но у него всегда были здравые идеи и он никогда не задавался. — Это ведь твой кораблик.

— Он твой. Мне тоже жалко, что я не могу пойти.

— Ну... — Джордж с корабликом в руках переминался с нот на ногу.

— Надень дождевик, — сказал Билл, — а то подхватишь грипп, как я. А можешь заразиться и от моих микробов.

— Спасибо Билл. А здоровский кораблик... — и он сделал то, что давно не делал, и чего Билл никогда не забывал: он наклонился и поцеловал брата в щеку.

— Теперь наверняка заразишься, жопа, — сказал Билл, но при этом был очень доволен. Он улыбнулся Джорджу. — Отнеси все это назад, а то мама расстроится.

— Конечно. — Джордж собрал весь материал для создания водонепроницаемости и вышел из комнаты. Кораблик лежал на парафиновой коробочке, коробочка — в миске.

— Джордж?..

Джордж обернулся и посмотрел на брата.

— Будь осторожен.

— Конечно. — Брови Джорджа удивленно под-

нялись. Так говорила мама, но не брат, пусть даже старший. Это было так же необычно, как и то, что он поцеловал Билла. — Конечно.

Он ушел. Больше Билл никогда не видел его.

3

Теперь Джордж был здесь, гоняясь за своим корабликом по левой стороне Витчем-стрит. Он бежал быстро, но вода бежала быстрее, и его кораблик вырвался вперед. Он услышал все более усиливающийся гул и увидел, что в пятидесяти ярдах от холма вода из канавы стекает в еще открытый водосток. Джордж заметил, что из водостока торчала сломанная ветка с темной и блестящей, как у шкуры тюленя, корой. Кораблик на какое-то мгновение задержался там, а затем соскользнул внутрь. Вот куда занесло его кораблик!

— Черт побери! — закричал Джордж в отчаянии.

Он побежал быстрее, еще надеясь поймать кораблик. Потом нога его соскользнула, и он пошел враскорячку, ободрав колено и плача от боли. Передвигаясь таким образом, он увидел, как его кораблик качнулся дважды, но его в тот же миг подхватило потоком, и затем он исчез.

— Черт возьми! — снова закричал Джордж и ударил кулаком по мостовой.

Это причинило новую боль, и он снова заплакал. Так глупо потерять кораблик! Он поднялся и пошел к стоку. У края его он встал на колени, вперившись глазами вовнутрь. Падая в темноту, вода издавала глухой звук. Это был какой-то мистический звук. Он напоминал ему о... «Ух!» — этот звук вырвался из него, как разжатая пружина, и он отшатнулся.

Там, внизу, были желтые глаза, глаза, которые он всегда себе представлял, но никогда в действительности не видел — у себя дома, в подвале. *Это животное,* подумал он бессвязно, *какое-то животное, может быть, домашний кот, который застрял там...*

Все-таки он готов был бежать — бежать тотчас же, без оглядки, когда его внутренний регулятор оправился от шока, произведенного сверкающими желтыми глазами. Он почувствовал грубую поверхность щебенки и холодную воду пальцами. Он уже видел, как встает и ретируется, и тогда какой-то голос — совершенно разумный и довольно приятный голос — сказал ему оттуда: «Привет, Джорджи».

Джордж заморгал и снова посмотрел вовнутрь.

Он едва мог поверить тому, что видит; это было похоже на какую-то выдумку или на кино, где животные танцуют и разговаривают. Если бы он был на десять лет старше, он бы не поверил в то, что видит, но ему было не шестнадцать, а всего шесть лет.

В канаве был клоун. Видно было неважно, но достаточно хорошо, чтобы Джордж Денбро убедился в том, что он видит. Это был клоун, похожий на клоуна в цирке или по телевизору. Он выглядел как нечто среднее между Бозо и Кларабель, который (или которая? — он никогда не знал точно, он это или она) гудел в рожок по утрам в крестильные субботы; только Боб Буффало мог понять Кларабель, и это всегда задевало Джорджа. Лицо клоуна в канаве было белым, с обеих сторон его плешивой головы торчали смешные клочья рыжих волос, а к губам налипла клоунская гримаса. Живи Джордж позже, ему бы прежде всего пришел в голову Рональд Макдональд, а вовсе не Бозо и Кларабель.

Клоун держал в одной руке связку разноцветных воздушных шаров — словно разноцветные сочные плоды. А в другой руке — бумажный кораблик Джорджа.

— Хочешь свой кораблик, Джордж? — улыб-

нулся клоун.

Джордж улыбнулся в ответ. Он не мог не улыбнуться — улыбку клоуна нельзя было оставить без ответа.

— Конечно, — сказал он.

Клоун засмеялся. — Конечно! Это хорошо. Это очень хорошо! А как насчет шарика?

— Ну.., конечно! — Джордж потянулся было, но затем нехотя убрал руку.

— Мне не разрешают ничего брать у чужих. Так сказал папа.

— Очень мудро с его стороны, — сказал, улыбаясь, клоун, устроившийся в канаве.

«Как это я мог подумать, что у него желтые глаза?» -недоумевал Джордж. Они были ясными, живыми, голубыми — как у мамы, как у Билла. — Это очень мудро, конечно. Поэтому я хочу представиться. Джордж, я мистер Боб Грей, известный также как Танцующий Клоун Леннивайз. Леннивайз, познакомься с Джорджем Денбро. Джордж, познакомься с Леннивайзом. Теперь мы знаем друг друга. Я тебе не чужой, и ты мне не чужой. Правильно я говорю?

Джордж хихикнул. — Думаю, что да. — Он потянулся снова — и снова убрал руку. — Как вы туда попали?

— Буря сдула меня, — сказал Танцующий клоун. — Она одула весь цирк. Ты чувствуешь запах цирка, Джордж?

Джордж весь подался вперед. Внезапно он почувствовал запах арахиса. Горячие жареные арахисовые орешки! И уксус! Белая масса, которую вы кладете на жаренные ломтики картофеля через отверстие в крышке. Он мог почувствовать запах сладкой ваты и жареных пончиков и слабый, но явственный запах испражнений дикого животного. Он уловил запах свежих опилок. И еще...

И еще при всем при этом был запах потопа и гниющих листьев и мрачных теней. Запах был сырой и затхлый. Запах подвала.

Но другие запахи были сильнее.

— Вы уверены, что я чувствую его? — сказал он.

— Хочешь свой кораблик, Джорджи? — спросил клоун. — Я повторяюсь, так как ты, по-видимому, не очень-то его жаждешь.

Он, улыбаясь, протянул кораблик. На клоуне был мешковатый шелковый костюм с огромными оранжевыми пуговицами. Впереди болтался яркий галстук, на руках были большие белые перчатки, наподобие тех, что всегда носили доб-

рый Микки Маус и Утенок Дональд.

— Да, конечно, — сказал Джордж, глядя в водосток.

— А шарик? У меня есть красные, и зеленые, и желтые, и голубые...

— А они летают?

— Летают? — Лицо клоуна расплылось в улыбке. — Да, конечно! Они летают! А вот сладкая вата...

Джордж потянулся.

Клоун схватил его за руку.

И Джордж увидел, что лицо клоуна изменилось.

То, что он увидел потом, было настолько ужасно, что все его наихудшие представления о подвале в сравнении с этим походили на сладкие грезы; то, что он увидел, помутило его рассудок.

— Они *летают*, -сказало то, что было в канаве сиплым хихикающим голосом. Оно схватило руку Джорджа мертвой хваткой, оно утащило Джорджа в эту ужасную темноту, где вода бесновалась, клокотала и ревела так, как когда она несет груз обломков после страшнейшей бури в море. Джордж отпрянул от этой кромешной тьмы и начал кричать в дождь, безумно кричать в бледное осеннее небо, которое нависло над

Дерри в тот день осенью 1957 года. Крик его был пронзительный и пронизывающий, и все, кто жил на Витчем-стрит — от начала улицы и до ее конца — поспешили к окнам или открыли двери. «Они летают, Джорджи, прорычало ОНО, — они летают, и когда ты спустишься сюда со мной ты тоже полетишь».

Плечо Джорджа ударилось о цемент в основании водостока, и Дейв Гарднер, который в тот день не пошел на работу из-за наводнения, видел маленького мальчика в желтом дождевичке, маленького мальчика, который кричал, извивался в водостоке, грязная вода заливала ему лицо, крики захлебывались и приглушались водой.

"Все здесь плавает, — шипел хихикающий мерзкий голос, затем внезапно раздался звук, какой бывает, когда что-то рвется, вырвалась вспышка агонии, и Джордж Денбро больше ничего не узнал...

Дейв Гарднер прибежал первым, и хотя прошло всего сорок пять секунд после первых криков, Джордж Денбро был уже мертв. Гарднер взял его сзади за дождевичок, вытащил на улицу.., и сам закричал, так как тело Джорджа перевернулось у него в руках. Левая сторона плаща у него было ярко-красная. Кровь стекала в сточную канаву

из зияющей дыры, где раньше была левая рука. Кусок кости, ужасно яркий кусок кости, торчал из разорванной материи.

Глаза мальчика смотрели в белое небо, и когда Дейв, шатаясь, в полной прострации шел по улице, а другие люди в суматохе бежали по ней, глаза стали наполняться дождем.

Где-то внизу, в бушующей канализации, до предела заполненной нечистотами («Никто не мог там тогда находиться говорил позже с негодованием, почти с яростью репортеру Дерри Ньюз шериф округа, — самого Геркулеса смело бы в том неистовствующем потоке»), кораблик Джорджа продолжал свой путь через темные отсеки и длинные бетонные проходы, в которых ревела и клокотала вода. Какое-то время он плыл бок о бок с мертвым цыпленком, желтые лапки которого стали почти прозрачными, а потом, где-то в восточной части города, цыпленок был снесен течением влево, в то время как кораблик продолжал плыть прямо.

Через час, пока мать Джорджа приводили в чувство в реанимационной палате домашнего госпиталя Дерри и пока Заика Билл сидел ошеломленный, белый и безмолвный в постели, слушая хриплые рыдания отца в гостиной, где

мать играла «к Элизе», когда Джордж уходил из дома, кораблик вырвался через лазейку, как пуля из дула ружья, и на огромной скорости устремился к шлюзу и далее в безымянный поток. Когда минут через двадцать он вышел в бурлящую, вспученную реку Пенобскот, вверху на небе явились первые проблески синевы. Буря кончилась.

Кораблик погружался и всплывал, вода затекала вовнутрь, но он не тонул: два брата обезопасили его. Не знаю, где он в конце концов оказался, если это могло произойти; быть может, добрался до моря и плавает там вечно, как сказочный волшебный корабль. Я знаю о нем лишь то, что пересекая черту города Дерри, штат Мэн, он все еще плыл по воде, но с этого момента навсегда уходит из моего рассказа.

Глава 2. ПОСЛЕ ФЕСТИВАЛЯ (1984)

1

Адриан потому носил эту шляпу, позже говорил рыдая его друг в полиции, что он выиграл ее в конкурсе-фестивале как раз за шесть дней до своей смерти. Он гордился ею.

— Он носил ее, потому что ЛЮБИЛ этот дерьмовый городишко, — орал полицейским его друг Дон Хагарти.

— Спокойно, спокойно — нет необходимости в таких выражениях, — сказал Хагарти офицер Гарольд Гарднер. Гарольд был одним из четырех сыновей Дейва Гарднера. В тот роковой день, когда Дейв Гарднер нашел безжизненное, лишенное руки тело Джорджа Денбро, его сыну было шесть лет. А в этот день, спустя почти двадцать семь лет, ему было тридцать два и он начинал лысеть. Сознавая, какую горесть и боль испытывает сейчас Хагарти, Гарольд Гарднер в то же время понимал, что нельзя принимать его горести всерьез. Этот человек, если вообще его можно называть человеком, красил губы и носил атласные панталоны, так плотно его облегав-

шие, что вырисовывалась каждая складка на его члене. Горе горем, печаль печалью, а все же он без сомнения тронутый. Как и его друг, покойный Адриан Меллон.

— Давай-ка провернем все сначала, — сказал коллега Гарольда, Джеффри Ривз. — Вы вдвоем вышли из Фэлкона и пошли по направлению к каналу. Что потом?

— Сколько раз, идиоты, я вам должен пересказывать это? — продолжал орать Хагарти. — Они убили его! Они сделали из него котлету! И для них это просто обычный день в Мако Сити! Хагарти зарыдал.

— Ну, еще раз, терпеливо повторил Ривз. — Вы вышли из Фэлкона. Что потом?

2

Внизу, в комнате следователей, двое других полицейских разговаривали со Стивом Дубей, юношей семнадцати лет; наверху в комнате для работы с несовершеннолетними еще двое допрашивали Джона Вебби Гартона, которому было восемнадцать; а в кабинете шефа полиции на пятом этаже сам шериф Эндрю Рейдмахер и помощник прокурора округа Том Бутильер допрашивали пятнадцатилетнего Кристофера

Унвина. Унвин — на нем были стертые джинсы, засаленная, почти липкая рубашка и саперные ботинки — плакал. Рейдмахер и Бутильер хорошенько взялись за него, так как поняли, что он — самое слабое звено во всей этой цепочке.

— Давай-ка провернем все сначала, — сказал Бутильер в этом кабинете, в то время как те же самые слова говорил Джеффри Ривз двумя этажами ниже.

— Мы совершенно не хотели его убивать, — простонал Унвин. — Это все шляпа. Мы никак не могли поверить, что он еще может.., может носить свою шляпу после того, что перед тем сказал ему Вебби. Мы просто хотели припугнуть его.

— За то, что он сказал, — вмешался Рейдмахер.

— Да.

— Джону Гартону, днем семнадцатого.

— Да, за то, что он сказал Вебби. — Унвин залился слезами. — Но мы попытались спасти его, когда увидели, что он в беде.., во всяком случае, я и Стив Дубей.., мы совершенно не собирались его убивать!

— Ну, ладно, Крис, не заливай, — сказал Бутильер. — Ты бросил тело бедняги в канал.

— Да, но...

— И вы втроем чистосердечно в этом призна-

лись. Мы это ценим, не правда ли, Энди?

— В каком-то смысле да. Но каждый должен отвечать за свои поступки, Крис.

— И потому, если врешь нам — нагадишь себе. Итак, ты бросил его в канал и через минуту увидел его, выходившего из Фэлкона со своим приятелем.

— Нет! — горячо запротестовал Крис Унвин.

Бутильер достал пачку «Мальборо», вытащил из нее сигарету, сунул ее в рот, и протянул пачку Унвину.

— Сигарету?

Унвин взял одну. Бутильеру пришлось осторожно поднести спичку к его губам, чтобы дать прикурить; губы Унвина дрожали.

— Но когда ты заметил, что на нем шапка? — спросил Рейдмахер.

Унвин глубоко затянулся, опустил голову так, что его засаленные волосы упали на глаза, выпустил дым из угреватого носа.

— Угу, — сказал он еле слышно.

Бутильер посмотрел на него, нахмурив брови. Но, хотя лицо его было суровым, тон был мягкий.

— Что ты говоришь, Крис?

— Я сказал, да. Кажется, видел. Сбросить его, но не убить. — Он взглянул на них. Лицо безумное

и несчастное. Он до сих пор не мог взять в толк, сколь большие перемены произошли с ним с тех пор, как ушел из дома с двумя своими друзьями и затем в 7.30 вечера накануне того дня отправился на праздник дней Канала. — Но не убить! — повторил он. А тот парень под мостом... Я до сих пор не знаю, кто это был.

— Что еще за парень? — спросил Рейдмахер без особого интереса. Они слышали эти россказни и раньше, но никто из них не верил этому — рано или поздно обвиняемые в убийстве вытаскивают этого таинственного другого парня. Бутильер называл это: "Синдром вооруженного человека, в честь старого телесериала «Дезертир».

— Парень в клоунском костюме, — сказал Крис Унвин и затрясся. — Парень с шарами.

3

Фестиваль дней Канала, который проходил с пятнадцатого по двадцать первое июля, проходил с огромным успехом, с этим было согласно большинство жителей Дерри: нужное мероприятие для имиджа города в моральном плане, и.., для бумажника. Недельный фестиваль был приурочен к столетию открытия Канала, проходившего через центр города. Этот канал полностью открыл

Дерри для торговли лесом с 1884 по 1910 гг. Этот Канал вызвал бум вокруг Дерри.

Город приводили в порядок с востока на запад и с севера на юг. Досаждавшие жителям ямы и колдобины, к которым не притрагивались в течение десяти или более лет, были аккуратно заделаны. Внутри здания ремонтировались, внутри и снаружи их красили свежей краской. Самые непристойные мрачные высказывания типа: УБИВАЙТЕ ВСЕХ ДУРИКОВ или СПИД ОТ БОГА, КРУТЫЕ ПЕДЫ!

— были счищены песком со скамеек и деревянных обшивок маленького пешеходного перехода через канал, известного под названием Мост Поцелуев.

В трех пустых витринах магазинов в центре города был устроен музей, посвященный Дням Канала и представленный экспонатами Микаэля Хинлона, местного библиотекаря и любителя-историка. Старейшие семейства города добровольно отдавали на обозрение свои бесценные сокровища, и в течение фестивальной недели около сорока тысяч жителей платили по 25 центов каждый, чтобы посмотреть на ресторанное меню 1890-х годов, топоры лесорубов 1880-х годов, детские игрушки 1920-х годов, а также около двух

тысяч фотографий и девять частей кинокартины из жизни города за последние сто лет.

Спонсором музея выступило Деррийское женское общество, которое не пропустило некоторые из предложенных Хинлоном экспонатов и фотографий (например, фотографии банды Брэдли после известного налета). Но все сходились на том, что экспозиция имела огромный успех, а окровавленное старье в общем-то никто особо не хотел видеть.

Куда важнее было подчеркнуть положительное и закрыть глаза на отрицательное, как поется в старой песне.

В Дерри-парке под огромным полосатым тентом каждый вечер играл оркестр. В Бассей-парке был организован карнавал с катанием верхом и играми, в которых участвовали местные жители. Специальный трамвай каждый час колесил по историческим местам города; его маршрут заканчивался в кричащем веселом денежном конвейере.

Именно здесь Адриан Меллон выиграл ту шапку, которая его убьет, бумажный цилиндр с цветком и лентой, на которой было написано: Я ЛЮБЛЮ ДЕРРИ!

— Я устал, — сказал Джон Вебби Гартон. Как и два его приятеля, он был одет в подражание — и совершенно при этом неосознанное — Брюсу Спрингстину, хотя, если бы его спросили, он наверняка назвал бы Спрингстина занудой, а восторженно отозвался о таких «крутых» группах металл, как «Деф Леппард», «Гвистид Систер» или «Джудас Прист». Рукава его простенькой футболки порвались, обнажив хорошо развитые мускулы рук. Густые темные волосы спадали на один глаз — это скорее было позаимствовано у Джона Сугара Мелленкампа, чем у Спрингстина. На руках была синяя татуировка — скрытые символы будто нарисованные ребенком. — Я не хочу больше говорить.

— Расскажи нам только о том, что было на ярмарке во вторник днем, — сказал Пол Хьюз.

Хьюз устал, он был шокирован и напуган всей этой омерзительной историей. О финале Дней Деррийского канала знали все, думал он, но никто не осмелился бы поместить сообщение об этом в ежедневную сводку новостей. А если бы осмелился, она выглядела бы так:

*Суббота, 9.00 вечера*заключительный концерт оркестра (принимают участие оркестр средней школы Дерри и музыканты-любители общества

парикмахеров).

Суббота, 10.00: большой праздничный фейерверк.

Суббота, 10.35: ритуальное жертвоприношение.

Адриана Меллона официально завершает Дни Канала.

— Насрать на ярмарку, — ответил Вебби.

— Только о том расскажи, что ты сказал Меллону и что он тебе ответил.

— О, Боже! — Вебби закатил глаза.

— Давай, Вебби, — сказал коллега Хьюза.

И Вебби Гартон снова начал рассказывать.

5

Гартон увидел их двоих, Меллона и Хагарти; они жеманно держали друг друга за талию и хихикали, как парочка девчонок. Сначала он и вправду подумал, что это девчонки. Но тут узнал Меллона, которого ему показывали раньше. Потом он увидел, как Меллон повернулся к Хагарти.., и они поцеловались. «О, люди, я торчу!» — крикнул Вебби, почувствовав отвращение.

С ним были Крис Унвин и Стив Дубей. Когда Вебби указал на Меллона, Стив Дубей сказал, что другого лидера зовут кажется Дон какой-то и что

он брал парня из хайхичинга в Дерри и пытался что-то проделать с ним.

Меллон и Хагарти направились к трем мальчикам — в сторону выхода с карнавала. Вебби Гартон потом рассказывал офицерам Хьюзу и Конли, что его «гражданская гордость» была уязвлена зрелищем дерьмового пидера, на котором была шляпа со словами Я ЛЮБЛЮ ДЕРРИ. Это была дурацкая шляпа — бумажная имитация цилиндра с огромным цветком, торчащим сверху и кланяющимся во все стороны. Дурацкая эта шляпа очевидно уязвила гражданскую гордость Вебби даже больше, чем сам Меллон.

Когда Меллон и Хагарти проходили мимо, обняв друг друга за талию, Вебби Гартон крикнул:

— Я заставлю тебя съесть свою шляпу, дерьмовый пед!

Меллон повернулся к Гартону, кокетливо закатив глаза, и сказал:

— Если ты хочешь есть, дорогой, я могу найти тебе кое-что повкуснее моей шляпы.

— Сейчас перекрою рожу этому ублюдку — решил Вебби Гартон. — НИКТО никогда не предлагал мне сосать, НИКТО.

Он двинулся к Меллону. Приятель Мелона Хагарта, встревоженный и попытался оттащить

Меллона, но Меллон стоял и улыбался. Гартон потом говорил офицерам Хьюзу и Конли, что он был совершенно уверен: у Меллона было что-то на уме. Да, было, соглашался Хагарти, когда эту идею подбросили ему офицеры Гарднер и Ривз. У него на уме была парочка жареных пончиков с медом, карнавал и весь этот день. Поэтому он не мог осознать реальной угрозы, которую являл собой Вебби Гартон.

— Таким был Адриан, — сказал Дон, промокая глаза тряпочкой и размазывая тени с блестками, которые он накладывал на веки.

— У него не было защитного слоя. Он был из тех дураков, для которых все всегда будет о'кей.

Гартон, видимо, был так глубоко уязвлен, что, не почувствовал даже, как что-то коснулось его локтя. То была дубинка полицейского. Он обернулся и увидел Фрэнка Макена, блюстителя порядка.

— Ничего, паренек, — сказал Макен Гартону. — Ты думай о своих делах и оставь в покое тех веселых парней. Веселись.

— Да. Вы слышали, что он сказал мне? — возбужденно спросил Гартон. Теперь к нему присоединились Унвин и Дубей — во избежание беды они пытались оттащить Гартона, но Гартон

оттолкнул их и повернулся к ним с кулаками. Его мужскому самолюбию нанесено оскорбление, которое должно быть отомщено. НИКТО не предлагал ему сосать, НИКТО.

— Я не думаю, что он тебя оскорбил, — сказал Макен. — Это ты заговорил с ним первый, я уверен. Давай, сынок, двигай отсюда. Не заставляй меня повторять это.

— Он сказал мне такое.

— Тебя это беспокоит? — спросил Макен, кажется, искренне заинтересовавшись, и Гартон залился отвратительной красной краской.

В ходе этого обмена мнениями Хагарта все более отчаянно пытался оттащить Адриана Меллона от места происшествия. Наконец, ему это, удалось.

— Та-та, любовь! — развязно бросил Адриан через плечо.

— Заткнись, ты! — сказал Макен. — Проваливай отсюда.

Гартон хотел броситься на Меллона, но Макен схватил его.

— Я ведь могу забрать тебя, друг мой, — сказал Макен, — хотя в принципе действуешь ты неплохо.

— *Встречу тебя еще раз — врежу!* -крикнул

Гартон вслед удалявшейся парочке, и они обернулись. — *И если на тебе опять будет эта дурацкая шляпа, убью! Этому городу педы не нужны!*

Не оборачиваясь, Меллон помахал пальцами левой руки — ногти у него были накрашены вишневой краской — и пошел, еще больше виляя задом. Гартон снова сделал рывок.

— Еще одно слово или движение — и ты пойдешь со мной, — мягко сказал Макен. — Поверь, мой мальчик, что сказал, то и сделаю.

— Пошли, Вебби, — встревожено сказал Крис Унвин. — Меллон ушел.

— Вам что, нравятся такие малые, а? — спросил Макена Вебби, игнорируя Криса и Стива.

— К любителям задницы я совершенно равнодушен, — сказал Макен. — Но я — за порядок и спокойствие, а ты нарушаешь то, что я люблю, морда! Ну что, хотите пойти со мной в обход или как?

— Давай, Вебби, — спокойно сказал Стив Дубей. — Пойдем поедим пирожки с сосисками.

И Вебби пошел, изливая свой гнев в эмоциональных жестах и то и дело отбрасывая падавшие на глаза волосы.

Макен, который также дал показание наутро после смерти Адриана Меллона, сказал:

— Последнее, что я услышал, когда он отошел с дружками, было: «Встречу его еще раз — ЗДОРОВО ВРЕЖУ».

6

— Я должен поговорить с матерью, — в третий раз сказал Стив Дубей. — Она мне нужна, чтобы смягчить отчима, иначе дома будет кромешный ад.

— Через некоторое время, — сказал ему офицер Чарлз Аварино. И Аварино, и его напарник, Барни Моррисон, знали, что Стив Дубей не пойдет вечером домой и еще много-много вечеров его не будет дома. По-видимому, парень не представлял, насколько серьезными было это задержание, и Аварино не удивился, узнав позже, что Дубей в шестнадцать лет бросил школу. Даже после третьей отсидки в седьмом классе умственное его развитие сильно отставало от сверстников.

— Расскажи нам, что случилось, когда ты увидел, как Меллон выходит из Фэлкона, — предложил Моррисон.

— Нет, лучше не надо.

— Почему? — спросил Аварино.

— Я уже и так рассказал слишком много.

— Ты пришел рассказывать, не правда ли? —

сказал Аварино.

— Ну.., да.., но...

— Послушай, — сказал Моррисон с теплотой в голосе, садясь рядом с Дубеем и протягивая ему сигарету, — как ты думаешь, я и Чик — мы похожи на лидеров?

— Не знаю...

— Мы ПОХОЖИ на лидеров?

— Нет, но...

— Мы твои друзья, Стивио, — сказал торжественно Моррисон, — и поверь мне, тебе, и Крису, и Вебби — вам всем нужны сейчас друзья. Потому что завтра каждое обливающееся кровью сердце будет требовать вашей крови, ребята.

Стив Дубей выглядел слегка встревоженным. Но Аварино, хорошо читающий кошачьи мысли этого увальня, подозревал, что он опять думает об отчиме. И хотя Аварино не питал пристрастия к веселенькой компании Дерри как любой полицейский, он бы радовался, если бы «Фэлкон» навсегда закрыли, — он с удовольствием бы сам отвез Дубея домой. И с неменьшим удовольствием держал бы Дубея за руки, пока отчим лупил, делал бы из него отбивную. Аварино не любил гомосексуалистов, но это отнюдь не означало, что их можно мучить и убивать. С Меллоном рас-

правились жестоко. Когда его вытащили из-под моста через канал, его вытаращенные от ужаса глаза были открыты. А этот парень совершенно не представляет, чему он способствовал.

— Мы не собирались врезать ему, — повторил Стив. Он пошел на попятный и слегка смутился.

— И потому хотите выйти отсюда вместе с нами, — сурово сказал Аварино.

— Давай-ка, выкладывай факты, а не заливай. Правда, Барни?

— Сущая правда, — согласился Моррисон.

— Ну, так что ты скажешь? — терпеливо добивался Аварино.

— Ладно... — сказал Стив и медленно начал рассказывать.

7

Когда в 1973 г. Элмер Курти открывал Фэлкон он рассчитывал, что его клиентура будет состоять в основном из пассажиров автобусов — конечная станция, находящаяся по соседству, обслуживала три разные направления: Трейлвейз, Грейхаунд и Арустук Саунти.

Однако же он не учел, что автобусами ездят женщины и семьи с маленькими детьми. К тому же, многие пассажиры держали собственные

бутылки в черных сумках и из автобуса предпочитали не выходить. Те же, кто выходил — обычно солдаты или моряки, — хотели не более, чем кружку-другую пива — ведь за десятиминутную стоянку хорошенько не заложишь.

Курти начал сознавать эти простые премудрости к 1977 году, но было уже слишком поздно: он крепко задолжал по счетам и совершенно не знал, как избавиться от красных чернил в графе «задолженность». Ему пришла мысль сжечь это место, чтобы получить страховку, но для этого надо было нанять профессионалов, иначе ведь попадешься, а он не имел ни малейшего представления, где сшиваются профессиональные поджигатели.

В феврале того года он решил: до 4 июля будь что будет, а если к тому времени ничего не изменится, он просто выйдет из соседней двери, сядет на автобус до Грейхаунда и посмотрит, как там, во Флориде.

Но в последующие пять месяцев бар вдруг стал процветать — его бар, выкрашенный изнутри черным с золотом и украшенный чучелами птиц (брат Элмера Курти был набивщиком чучел, специализировался на птицах, и после его смерти все это досталось Элмеру). Если раньше он напол-

нял шестьдесят кружек пива и от силы двадцать стаканов разных напитков за вечер, то теперь спрос увеличился до восьмидесяти кружек пива и до ста, ста двадцати, а то и до ста шестидесяти стаканов напитков...

Его клиенты были молодые, вежливые, почти сплошь мужчины. Многие из них одевались возмутительно вызывающе, но в те годы такая одежда была еще нормой. Примерно до 1981 года они не представлял, что его постоянные посетители — исключительно гомики. Расскажи он это жителям Дерри, они бы рассмеялись, решив, что Элмер Курти их просто разыгрывает, а между тем это было совершенной правдой. Как человек, которому изменяет жена, он узнал последним.., а к тому времени, когда узнал, ему было уже наплевать. Бар делал деньги, и хотя в Дерри было еще четыре бара, которые приносили доход, Фэлкон был единственным, где шумные завсегдатаи регулярно не устраивали погромов. Во-первых, здесь не бывало женщин, из-за которых обычно возникают драки, а эти мужчины, педы или не педы, по-видимому, владели секретом ладить друг с другом, в отличие от их гетеросексуальных коллег.

Когда Курти узнал о сексуальных предпочтени-

ях своих завсегдатаев, его слуха стали достигать дикие россказни о Фэлконе. На самом деле рассказывалось это уже задолго до 1981 года. Но Курти просто не слышал. Он пришел к выводу, что самыми вдохновенными рассказчиками, смаковавшими детали, были мужчины, которые так боятся за свою шкуру, что их веревкой не затащить в Фэлкон.

Согласно их рассказам, в Фэлконе в любое время ночи можно увидеть танцующих мужчин, тесно прижавшихся друг к другу, групповую мастурбацию прямо на полу дансинг-холла, французские поцелуи в баре, сношение в ванных комнатах. Якобы где-то в глубине была комната для желающих провести некоторое время на Башне Могущества — там находился громила в фашистской униформе, у которого до плеча была смазана рука и который был бы очень не прочь позаботиться о вас.

На самом деле все это было неправдой. Те, кто заходили в Фэлкон с автобусной станции, чтобы выпить пива или виски с содовой, не замечали там ничего экстраординарного. Гомиков, правда, много, но вообще-то обычный бар, каких тысячи в стране. Клиенты — гомики, но ведь гомик — не синоним дурака. Если им желательны были

крайности, они ехали в Портленд. Если много крайностей — в Нью-Йорк или Бостон. Дерри же был маленьким провинциальным городишкой, и небольшое сообщество гомиков ценило крышу, под которой могло спокойно существовать.

Дон Хагарти к марту 1984 года был уже завсегдатаем Фэлкона, а однажды появился там с Адрианом Меллоном.

К концу апреля даже Элмеру Курти, которого мало беспокоили такие вещи, стало очевидным, что они состоят в любовной связи.

Хагарти был чертежником в одной технической конторе в Бангоре. Адриан Меллон был свободным писателем и печатался повсюду, где только мог: в журналах авиакомпаний, конфессиональных, региональных, порно-журналах, воскресных приложениях. Он работал над романом, хотя это сомнительно: уж больно давно он его начал — на третьем курсе колледжа, двенадцать лет тому назад.

Он приехал в Дерри написать очерк о Канале — у него было задание от «Нью Ингленд Бевейз» — вполне пристойного журнала, выходящего в Конкордии раз в два месяца. Адриан Меллон взялся за это задание, так как «Байвейз» обеспечивал ему трехнедельное содержание, включая

симпатичный номер в деррийской гостинице, а на то, чтобы собрать требуемый для очерка материал, ему хватило бы пять дней. Еще две недели он мог собирать материал для других очерков.

Но в этот трехнедельный период он встретил Дона Хагарти, и вместо того, чтобы возвратиться назад, в Портленд, когда кредит был исчерпай, он нашел себе маленькую квартирку на Коссут-лейн. Он прожил там всего шесть недель. Потом он пошел с Доном Уягатуги

8

То лето, как сказал Хагарти Гарольду Гарднеру и Джеффу Ревзу, было самым счастливым в его жизни — это должно было насторожить его, ведь известно, что судьба немилостива к таким парням, как он.

Только неожиданное безрассудное отношение Адриана к Дерри сказал он, бросало тень на их жизнь. У Адриана была футболка с надписью «И Мэн не плохой — но Дерри великий!» У него был пиджак старшеклассников школы «Деррийские Тигры». И, конечно, шляпа. Ему необходима была живая атмосфера и поддержка со стороны. Похоже, в этом что-то было: около года назад в его манерах появилась некая томность.

— Он действительно работал над романом? — спросил Гарднер Хагарти, просто так, желая сделать ему приятное.

— Да, он сочинял роман. Он сказал, что это, наверно; страшный роман, но дальше он не будет таким страшным, нескончаемым. Он думал окончить его к своему дню рождения, в октябре. Конечно, он не знал, какой Дерри на самом деле; думал, что знает, но слишком недолго здесь пробыл, чтобы получить истинное впечатление от Дерри. Я все время говорил ему это, но он не слушал.

— А какой Дерри, Дон? — спросил Ривз.

— Он очень похож на старую увядшую проститутку, которая кокетничает и жеманничает, — сказал Дон Хагарти.

Оба полицейских уставились на него в тихом изумлении.

— Это ПЛОХОЕ место, — сказал Хагарти. — Клоака. Вы, два парня, не знаете этого? Вы, два парня, прожили здесь всю жизнь и не ЗНАЕТЕ этого?

Никто не ответил. Чуть погодя Хагарти ушел.

9

Пока Адриан Меллон не вошел в его жизнь, Дон намеревался уехать из Дерри. Он пробыл

там уже три года, главным образом потому, что согласился на долгосрочную аренду квартиры с самым фантастическим в мире видом на реку, но теперь аренда подошла к концу, и Дон был рад. Больше не надо будет ездить туда-сюда, в Бангор и обратно. Больше не будет таинственных происшествий — в Дерри, как он однажды сказал Адриану, всегда было что-то роковое. Быть может, Адриан и считал Дерри великим городом, но это испугало Дона. Какая-то мрачная гомофобия была свойственна этому городу, гомофобия, настолько ярко выраженная городскими проповедниками равно как и надписями в Бассей-парке, что это сразу бросалось в глаза. Хагарти указал на это Адриану. Но тот рассмеялся.

— Дон, в каждом городишке в Америке есть контингент, который ненавидит гомосексуалистов, — сказал он. — Не говори мне, что ты не знаешь. В конце концов, это эпоха Ронн Морона и филлиса Хауелая.

— Пошли со мной в Бассей-парк, — ответил Дон, увидев, что Адриан в самом деле считает, будто Дерри не хуже любого другого ярмарочного городка в глубинке Штатов. — Я хочу тебе кое-что показать, любовь моя.

Они поехали в Бассей-парк — это было в сере-

дине июня, приблизительно за месяц до убийства Адриана, как сказал Хагарти полицейским. Он привел Адриана в мрачную темень Моста Поцелуев, от которого на расстоянии пахнуло вонью. Он показал на одну из надписей. Адриану пришлось зажечь спичку, чтобы прочесть ее: ПОКАЖИ МНЕ СВОЙ ХЕР, И Я ЕГО ОТРЕЖУ.

— Я знаю, как люди относятся к гомикам, — спокойно сказал Дон Адриану. — Меня избили на автостоянке в Дейтоне, когда я был подростком; несколько парней в Портленде бросили мои ботинки в огонь перед баром, а его владелец, толстокожий кот, сидел в своей тачке и ржал. Я много видел.., но я никогда не видел ничего подобного. Посмотри вот здесь.

Другая спичка осветила: ВБИВАЙТЕ ГВОЗДИ В ГЛАЗА ВСЕМ ПЕДЕРАСТАМ (ВО ИМЯ ГОСПОДА)!

— Все авторы этих призывов страдают глубоким психическим расстройством. Мне легче было бы считать, что это делает один человек, один изолированный больной, но... — Дон указал рукой на Мост Поцелуев. — Здесь много этого.., и я не верю, будто все это сделал один человек. Вот почему я хочу уехать из Дерри, Эйд. Здесь слишком много людей, по-видимому, тяжело больных психически.

— Ладно, подожди, пока я закончу роман, о'кей? Ну пожалуйста! Октябрь, я обещаю, не позже. Здесь воздух лучше.

— Он не знал, что нужно остерегаться воды, — с горечью сказал Дон Хагарти.

10

Том Бутильер и шеф полиции Рейдмахер подались вперед, оба они молчали. Крис Унвин сидел с опущенной головой, и глядя в пол, монотонно рассказывал. Это было как раз то, что они хотели услышать: то, что определит судьбу этих подонков; по меньшей мере двое из них попадут в Томастон.

— На ярмарке ничего хорошего уже не было, — сказал Унвин. — Они все разобрали. Они уже повесили вывеску «закрыто». Все было закрыто, кроме детских катаний. Поэтому мы прошли мимо игр и Вебби увидел аттракцион «Бросай, пока не выиграешь», и он заплатил пятьдесят центов и увидел шляпу, которую держал на голове тот дурик, и он бросал, но все промазывал, и с каждым разом настроение у него все больше портилось. А Стиву (этот парень всегда всех подстрекает) все было по фигу, потому что он принял ту пилюлю, знаете? Я не знаю, что за пилюля. Красная такая.

Может быть, даже дозволенная. Он стал подначивать Вебби: «Эх ты, даже не можешь выиграть шляпы того дурика, ты, должно быть, пропащий, если не можешь даже выиграть той шляпы». Я даже подумал, сейчас бебби ударит его. В конце концов женщина дала ему приз, хотя он его и не выиграл. Просто хотела от нас избавиться. Хотя не знаю. Может и нет. Но я думаю, хотела. Шумелку такую дала, знаете? В нее дуешь, а она развертывается и издает звук, словно пернул кто, знаете? У меня была одна. Я получил ее на Хэллоуин или на Новый год, или на какой-то херовый день рождения, кажется, она была здоровская, только я потерял ее. Или может быть, кто-то увел ее из кармана на этой херовой спортплощадке в школе, знаете? Так вот, ярмарка закрывается и мы уходим, а Стив все еще цепляется к Вебби, не мог мол выиграть шляпы того дурика, знаете, и Вебби помалкивает, а я знаю, что это плохой признак; надо, думаю, тему сменить, а чего придумать — не знаю. Приходим мы, значит, на стоянку автомобилей, Стив говорит: ты куда хочешь идти? Домой?

А Вебби в ответ: давай-ка подрулим сначала к Фэлкону, посмотрим, нет ли там поблизости того дурика.

Бутильер и Рейдмахер обменялись взглядом. Бутильер приложил палец к щеке: этот недоносок в саперных ботинках не подозревает, что речь идет об убийстве первой степени.

— Я с ними не иду, я собираюсь домой, а Вебби говорит: «Ты что, испугался идти к тому дуриковому бару?» Ну я пошел, черт! А Стив все подначивает: «Пойдем размажем какого-нибудь дурика! Пойдем размажем какого-нибудь дурика!..»

11

По времени все выходило так, что срабатывало против всех и каждого. Адриан Меллон и Дон Хагарти вышли из бара Фэлкон после двух кружек пива, прошли мимо автобусной остановки, а затем соединили руки. Бездумно взялись за руки — и все. Было 10.20. Они дошли до угла и повернули налево.

Мост Поцелуев был почти в полумиле отсюда вверх по течению реки. Они намеревались пересечь Главный мост, который был не столь живописным. Речка Кендускеаг текла спокойно, вода по крайней мере на четыре фута не доходила до бетонных надолбов.

Когда машина поравнялась с ними (Стив Дубей

заметил их обоих, когда они выходили из Фэлкона, и ликующе указал на них), они были уже у пролета.

— Врежь, врежь! — кричал Вебби Гартон. Двое мужчин как раз только что прошли под светофором, и он отметил то, что они держались за руки. Это разъярило его.., но еще больше его разъярила шляпа. Огромный бумажный цветок кланялся во все стороны. — Врежь, черт возьми!

И Стив врезал.

Крис Унвин отрицал свое активное участие в том, что последовало, но Дон Хагарти утверждал иное. Он сказал, что Гартон вышел из машины еще до того, как она остановилась, а два другие быстро его догнали. Был разговор. Нехороший разговор. Со стороны Адриана в тот вечер не было никакого намека на дерзость или фальшивое кокетство, он понял, что они с Хагарти попали в беду.

— Дай мне эту шляпу, — сказал Гартон, — дай мне ее, дурик.

— Если я дам ее, вы оставите нас в покое? — Адриан хрипло дышал, только что не кричал от страха, переводя взгляд с Унвина на Дубея и на Гартона. Глаза его были полны ужаса.

— Давай же мне эту хреновину!

Адриан протянул шляпу. Гартон достал нож из переднего левого кармана джинсов и разрезал ее на два куска. Он потер эти куски о зад своих джинсов. Затем бросил их под ноги и растоптал.

Дон Хагарти отпрянул назад, пока их внимание было разделено между Адрианом и шляпой — сказал, что искал полицейского.

— Теперь вы разрешите нам у... — начал Адриан Меллон, и вот тогда Гартон ударил его в лицо, отбросив на ограждение моста. Адриан закричал, схватившись руками за рот. По пальцам его текла кровь.

— Эйд! — закричал Хагарти и бросился ему на помощь. Дубей подставил ему подножку. Гартон ударил его ботинком в живот, выбросил с пешеходной части на проезжую. В это время проезжала какая-то машина. Хагарти поднялся на колени и крикнул. Она не остановилась. Водитель, сказал он Гарднеру и Ривзу, даже не оглянулся.

— Заткнись, дурик! — сказал Дубей и ударил его в скулу. Хагарти упал на бок в водосток, в полубессознательном состоянии.

Через несколько минут он услышал голос Криса Унвина. Тот советовал ему убираться, пока он не получил того, что сейчас получает его приятель. Унвин в своих показаниях подтвердил

это Хагарти слышал глухие удары и крик своего любовника. Так кричит кролик в силках, говорил он в полиции. Хагарти отполз к перекрестку, к яркому свету автобусной стоянки, и, когда оказался на достаточном расстоянии, обернулся.

Адриана Меллона, весившего примерно фунтов сто тридцать пять, совершенно мокрого, пинали от Гартона к Дубею, от него к Унвину, словно в какой-то игре с тремя участниками. Тело его тряслось и глухо шлепалось на землю, как тело тряпичной куклы. Они толкали его, били, рвали одежду. Хагарти видел, как Гартон ударил Адриана в промежность. Волосы Адриана прилипли к лицу. Кровь хлестала изо рта и насквозь промочила его рубашку. Вебби Гартон носил два тяжелых кольца на правой руке: одно — кольцо деррийской школы, другое он сделал сам в школьной мастерской — переплетение медные буквы ДБ. Буквы эти означали «Дед Багз» — группа металл, которой он восторгался. Кольца разорвали верхнюю губу Адриана и выбили три зуба сверху.

— *Помогите!* -кричал Хагарти. — *Помогите! Помогите! Они убивают его! Помогите!*

Дома на Мейн-стрит оставались темными и таинственными. Никто не пришел на помощь — даже из белого островка света — с автобусной

станции. А ведь люди там были! Он видел их, когда вместе с Эйдом проходил мимо. Никто из них не пришел на помощь? Никто?

«Помогите! Помогите! Они убивают его, помогите, пожалуйста, ради Бога!»

— Помогите, — донесся до Дона Хагарти слабый шепот.., а вслед затем хихиканье.

— *Задницын ублюдок!* -кричал теперь Гартон.., кричал и смеялся. Все трое, как сказал Хагарти Гарднеру и Ривзу, хохотали, избивая Адриана. — *Задницын ублюдок!*

— *Задницын ублюдок! Задницын ублюдок! Задницын ублюдок!* -подпевал, смеясь, Дубей.

— Помогите, — снова послышался слабый голос, и потом — смешок — будто голос беззащитного ребенка.

Хагарти посмотрел вниз и увидел клоуна — и именно с этого момента Гарднер и Ривз начали скептически относиться ко всему, что сказал Хагарти, потому что все остальное было бредом лунатика. Однако потом, вспомнив, что Унвин тоже видел клоуна — или сказал, что видел, — Гарднер почувствовал себя озадаченным — у него появились мысли иного порядка. У его напарника либо никогда не было мыслей, либо он не признавался в них.

Клоун, как сказал Хагарти, напоминал и Рональда Макдональда и старого телевизионного клоуна Бозо — а может так ему только показалось. Клочья рыжих волос торчали у него во все стороны, что и давало повод сравнивать его с Макдональдом и Бозо. Но по зрелом размышлении оказывалось, что он вовсе не был похож на них. Улыбка на белом блине нарисована красным, а не оранжевым, и глаза отливают таинственным серебряным блеском. Контактные линзы, возможно.., хотя и тогда что-то ему подсказывало, и сейчас, что серебро, возможно, было настоящим цветом его глаз. На клоуне был мешковатый костюм с большими оранжевыми пуговицами-помпонами; на руках — картонные рукавицы.

— Если вам нужна помощь. Дон, — сказал клоун, — возьмите себе шарик.

И он предложил связку, которую держал в руке.

— Они летают, — сказал клоун. — Мы здесь внизу все летаем; очень скоро ваш приятель тоже полетит.

12

— Этот клоун назвал тебя по имени, — сказал Джефф Ривз бесцветным голосом. Он посмотрел

через склоненную голову Хагарти на Гарольда Гарднера и подмигнул ему.

— Да, — сказал Хагарти, не поднимая взгляда. — Я знаю его голос.

13

— Итак, затем вы сбросили его, — сказал Бутильер, — сбросили задницына ублюдка.

— Не я! — сказал Унвин, взглянув вверх. Он убрал рукой спадавшие на глаза волосы и в упор посмотрел на полицейских. — Когда я увидел, что они в действительности хотят сделать, я пытался оттолкнуть Стива, так как знал, что так парня можно изувечить... Футов десять было до воды..."

До воды было двадцать три фута. Один из патрульных шефа полиции уже сделал замер.

— Он был похож на сумасшедшего. Те двое продолжали вопить «Задницын ублюдок! Задницын ублюдок!», а затем подняли его. Вебби держал его за руки, а Стив за штаны сзади и.., и...

14

когда Хагарт увидел, что они делают, он рванулся к ним, крича во весь голос:

— Нет! Нет! Нет!

Крис Унвин оттолкнул его, и они с Хагарти упа-

ли в кучу металлической стружки на пешеходной дорожке. — Ты тоже хочешь туда? — прошипел Унвин. — Беги, щенок!

Они скинули Адриана Меллона с моста в воду. Хагарти услышал всплеск.

— Давайте сматываться отсюда, — сказал Стив Дубей. Он и Вебби пятились к машине.

Крис Унвин подошел к перилам и посмотрел вниз. Сначала он увидел Хагарти, ползущего по заросшей сорняками, заваленной отбросами насыпи к воде. Затем он увидел клоуна. Одной рукой клоун вытаскивал Адриана; в другой руке были шары. С Адриана стекала вода, он задыхался, стонал. Клоун вращал его голову и во весь рот улыбался Крису. Крис сказал, что он видел его сверкающие серебром глаза и его оскаленные зубы — большие, огромные зубы, сказал он.

— Как у льва в цирке, — сказал он. — Я имею в виду, что они такие же большие.

Затем, сказал он, он увидел, как клоун закидывает руку Адриана ему на голову.

— Что потом, Крис? — спросил Бутильер. Слушать такое ему надоело. Сказки наскучили ему с восьми лет.

— Да-да, — сказал Крис. — Это было, когда Стив схватил меня и пихнул в машину. Но... Я думаю,

он укусил его подмышкой. Крис снова посмотрел на полицейских, но теперь неуверенно. — Я так думаю, он это сделал. Укусил его подмышкой. Как будто хотел съесть его. Как будто хотел съесть его сердце.

15

— Нет, — сказал Хагарти, когда ему представили версию Криса Унвина в форме вопросов. Клоун не вытаскивал и не тащил Эйда, во всяком случае, он этого не видел. До определенного момента клоун, по-видимому, был сторонним наблюдателем.

Клоун, как сказал Хагарти, стоял на дальнем берегу обхватив руками мокрое тело Эйда. Правая несогнутая рука Меллона, торчала из-за головы клоуна, а глаза клоуна вперились в правую подмышку Эйда, но он не кусал его, он улыбался. Хагарти увидел, что он смотрит из-под руки Эйда и улыбается.

Руки клоуна сжались, и Хагарти услышал, как затрещали ребра.

Эйд пронзительно закричал.

— Плыви с нами, Дон, — произнес гримасничающий красный рот и рука в белой перчатке указала под мост.

Шары полетели под мостом — не десяток и не десять десятков, а тысячи — красные, и синие, и зеленые, и желтые, и на каждом было написано: Я ЛЮБЛЮ ДЕРРИ!

16

— Да, действительно тысячи шаров, — сказал Ривз и еще раз подмигнул Гарольду Гарднеру.

— Я знаю звук его голоса, — снова и снова повторял Хагарти тем же мрачным голосом.

— Ты видел эти шары, — сказал Гарднер.

Дон Хагарти медленно поднес руки к лицу.

— Я видел их так же ясно, как вижу свои собственные пальцы. Тысячи шаров. Ничего нельзя было разглядеть под мостом — так много их было. Они касались друг друга и расходились в стороны. И еще был звук, какой-то звук. Чудной, жалостливый. Это они терлись друг о друга. И бечевки. Свисал целый лес белых бечевок. Будто белые нити паутины. Клоун забрал Эйда туда. Я видел, как мелькает его костюм через эти бечевки. Эйд издавал ужасные удушливые звуки. Я устремился туда, за ним.., и клоун обернулся. Я увидел его глаза, и тут же понял, кто он такой.

— Кто же это был. Дон? — спросил мягко Гарольд Гарднер.

— Это был Дерри, — сказал Дон Хагарти. — Этот город.

— И что вы тогда сделали? — спросил Ривз.

— Я побежал, черт вас дери, — сказал Хагарти и залился слезами.

17

Гарольд Гарднер сохранял спокойствие до 13-го ноября — до того дня, когда Джон Гартон и Стивен Дубей должны были предстать перед судом в окружном суде Дерри 39 убийство Адриана Мелллона. Накануне суда он пошел к Тому Бутильеру. Он хотел поговорить с ним о клоуне. Бутильер не хотел этого, но, увидев, что Гарднер может сделать какую-нибудь глупость, согласился.

— Не было никакого клоуна, Гарольд. Единственные клоуны той ночью — те три мальчишки. Ты знаешь это не хуже меня.

— У нас есть два свидетеля...

— Это чушь. Унвин решил настроиться на Однорукого — их песня: «Мы не убивали несчастного лидера, это сделал Однорукий» — как только понял, что дело на этот раз пахнет керосином. Хагарти — истеричка. Он стоял рядом и наблюдал, как трое мальчишек убивают его лучшего друга. Я бы не удивился, если бы он увидел летающие

тарелки.

Но Бутильер знал другое. Гарднер мог прочесть это в его глазах, и увертывание, виляние помощника прокурора федерального судебного округа раздражали его.

— Мы говорим с тобой сейчас о беспристрастных свидетелях, — сказал он. — Не засирай мне мозги.

— О, ты хочешь говорить об этой чепухе? Выходит, ты веришь, что под мостом был клоун-вампир? Все это бред собачий.

— Нет, не так, но...

— Или о том, что Хагарти увидел там биллионы баллонов и на каждом было написано в точности то же самое, что на шляпе его любовника? Это тоже бред собачий.

— Нет, но...

— Тогда зачем ты меня этим беспокоишь?

— *Прекрати подвергать меня перекрестному допросу!* -взревел Гарднер.

Оба они говорили одно и то же, хотя ни один из них не знал, что говорил другой.

Бутильер сидел за столом, играя карандашом. Теперь он положил карандаш, встал и подошел к Гарольду Гарднеру. Бутильер был на пять дюймов ниже, но Гарднер попятился, видя гнев

полицейского.

— Ты хочешь, чтобы мы проиграли это дело? А, Гарольд?

— Нет. Конечно...

— Ты хочешь, чтобы эти праздношатающиеся хлюсты ходили на свободе?

— Нет!

— О'кей. Хорошо. Так как тут у нас полное согласие, я расскажу тебе без утайки, что думаю по этому поводу. Да, возможно под мостом в ту ночь был человек. Не исключено даже, что на нем был клоунский костюм, хотя я имея дело с достаточным количеством свидетелей и думаю, что это просто какой-то случайный бездельник в чужих обносках. Там он, возможно, торчал в поисках оброненной мелочи или мясных отбросов. Все остальное сделали его ГЛАЗА, Гарольд. Ну, что такое возможно?

— Я не знаю, — сказал Гарольд. Он бы сам хотел, чтобы его убедили, но учитывая точное соответствие двух описаний.., нет. Он не считал такое возможным.

— Это уже слишком. Мне плевать, был ли это Кинко-клоун, или парень в костюме Анкла Сэма на ходулях, или Губерт Счастливчик. Если мы введем в дело этого парня, их адвокат уцепится за

него, ты и ахнуть не успеешь. Он скажет, что два эти невинных агнца с модными стрижками в модных костюмчиках не сделали ничего особенного, просто в шутку сбросили этого парня-гомика с моста в реку. Он заметит, что Медлен был еще жив после падения; у них для этого есть свидетельские показания Хагарти, а также Унвина.

— ЕГО клиенты не совершили убийства, о нет! Это был какой-то дух в клоунском костюме...

— Во всяком случае, Унвин собирается рассказать эту историю.

— А Хагарти нет, — сказал Бутильер. — Потому что ОН понимает. Без Хагарти кто поверит Унвину?

— Мы, — сказал Гарольд Гарднер с горечью, которая удивила даже его самого, — но я думаю, МЫ не будем рассказывать.

— *Что за дьявольщина.* -взревел Бутильер, воздевая руки. — *ОНИ УБИЛИ ЕГО!* Они не просто бросили его в реку — у Гартона была бритва. Меллону нанесли семь режущих ранений, в том числе в левое легкое и два в яйца. Раны явно нанесены бритвой. Сломано четыре ребра — Дубей сделал это, медвежьей своей хваткой. Его укусили, да. У него на руках были укусы, на левой щеке, на шее. Я думаю, это сделали Унвин и Гартон, хотя

у нас только одно явное доказательство, да и то вероятно, недостаточно явное, чтобы выставить его на суде. Да, под правой его мышкой вырвав большой кусок мяса, ну так что? Один из них действительно любил кусаться. Вероятно, даже лакомился, делая это. Я имею ввиду Гартона, хотя мы никогда не докажем это. И еще у Меллона не было мочки уха.

Бутильер остановился, внимательно посмотрел на Гарольда.

— Если мы допустим эту клоунскую версию, мы НИКОГДА не уличим их.

— Ты хочешь этого?

— Нет, я же сказал тебе.

— Парень был тот еще фрукт, но он никого не обижал, — сказал Бутильер. — И вот нежданно-негаданно пришли эти трое в своих саперных ботинках и украли его жизнь. Я упеку их в каталажку, друг мой, и если услышу, что они греют свои сморщенные зады там, в Томастоне, я пошлю им открытки, где напишу, что надеюсь, тот, кто сделал это, заражен СПИДОМ.

"Очень здорово, -подумал Гарднер. — *Все ваши убеждения и взгляды будут очень хорошо смотреться в вашем послужном списке, когда через два года вы достигнете верхней ступени своей*

карьеры".

Но он ушел, ничего больше не сказав, потому что тоже хотел, хотел видеть этих подонков упрятанными в тюрьму.

18

Джон Веббер Гартон был обвинен в непредумышленном убийстве первой степени и приговорен к тюремному заключению в Томастонской тюрьме штата Мэн сроком от десяти до двадцати лет.

Стивен Бишоф Дубей был обвинен в непредумышленном убийстве первой степени и приговорен к пятнадцати годам заключения в Шоушенкской тюрьме штата Мэн.

Кристофер Филипп Унвин был привлечен к судебной ответственности отдельно, как несовершеннолетний, и обвинен в непредумышленном убийстве второй степени. Он был приговорен к шести месяцам воспитательной колонии для мальчиков Саус Виндхэм, *с*отсрочкой исполнения приговора.

В то время, когда пишутся эти строки, все три приговора находятся в апелляции. Гартона и Дубей в любой день можно увидеть в Бассей-парке, где они наблюдают за девочками либо играют на

деньги недалеко от того места, где разорванное тело Меллона нашли плавающим возле одной из опор Мейн Стрит Бридж.

Дон Хагарти и Крис Унвин уехали из города.

На основном судебном процессе — процессе над Гартоном и Дубей — никто не упомянул о клоуне.

Глава 3. ШЕСТЬ ТЕЛЕФОННЫХ ЗВОНКОВ (1985)

1

Стэнли Урис принимает ванну

Патриция Урис позже корила себя: Почему я не заподозрила неладное, — говорила она своей матери. — Ведь я же знала, что Стэнли никогда не принимал ванну ранним вечером. Он мылся под душем рано утром, иногда поздно вечером (с журналом в одной руке и холодным пивом — в другой), но чтобы в семь часов вечера — никогда. И еще одно: книги. Вместо удовольствия он, читая их — почему, она не понимала, — казалось, испытывал раздражение и даже ужас. За три месяца до той страшной ночи Стэнли узнал, что его друг детства Уильям Денбро, по прозвищу Заика Билл, оказывается, писатель, да при том еще не просто писатель, а писатель-романист. Он перечитал все книги Денбро и последнюю читал всю ночь 28 мая 1985 года. Пэтти из любопытства заглянула в одну из ранних работ Денбро, но, просмотрев три главы, отложила.

Это был не просто роман, как сказала она позже матери. Это — роман ужасов. Пэтти была милой, доброй женщиной, но не умела ясно и кратко выражаться — она пыталась объяснить матери, почему эта книга напугала ее, расстроила, но не смогла. «В ней речь идет только о монстрах, — сказала она. — О монстрах, которые гоняются за маленькими детьми. Там полно убийств и.., я не знаю, как сказать.., нездоровых ощущений и боли... Вот такая книга!» Роман задел ее, почти как порнография; это слово держало ее в страхе, может быть, потому, что она никогда в жизни не произносила его, хотя знала, что оно значит. «Но Стэн, читая книги Денбро, будто нашел старого друга, друга детства. Он говорил о том, что напишет ему, но я знаю, что он не сделал бы этого.., я знаю, те истории портили ему настроение, он потом плохо себя чувствовал.., и.., и...»

И здесь Пэтти Урис разрыдалась.

Той ночью — почти шесть месяцев прошло с того дня, когда двадцать восемь лет назад Джордж Денбро встретил клоуна-Грошика — Стэнли и Пэтти находились в комнате, у себя дома в окрестностях Атланты. Они смотрели телевизор. Пэтти сидела на своем любимом месте, разделяя внимание между мытьем посуды и своей любимой

передачей — семейный конкурс. Она просто преклонялась перед Ричардом Даусоном и находила очень пикантной его цепочку для часов. Еще она любила эту передачу потому, что в ней получала самые популярные ответы на интересующие ее вопросы, именно популярные, а не правильные ответы! Однажды она спросила Стэнли, почему вопросы, которые кажутся ей простыми, так сложны для участников передачи. «Наверно, находясь там, под этими лампами, гораздо хуже соображаешь, — сказал Стэнли, и, как показалось Пэтти, тень прошла по его лицу. — Все становится гораздо сложнее, когда ничего нельзя сделать. Когда задыхаешься, например. Когда ничего нельзя сделать...»

Она решила, что это очень похоже на правду. Стэнли вообще были свойственны очень правильные взгляды на человеческую природу. Гораздо более правильные, чем у его старого друга Уильяма Денбро, который нажил свое состояние, издавая романы ужасов, которые портят изначальную человеческую природу.

Не то, чтобы Урисы испытывали нужду. Предместье, в котором они жили, считалось одним из лучших, а дом, который в 1979 году был оценен в 87000 долларов, сейчас можно было свободно и

быстро продать за 165000, долларов; "е то, чтобы они хотели его продать, но знать такие вещи было полезно. Возвращаясь иногда из Фоке Ран Молл на своем «Вольво», (Стэнли водил «Мерседес» на дизельном топливе, он им гордился; Пэтти, дразня его, называла его машину «Седанли») она, при виде своего дома, живописно выглядевшего за невысокой живой изгородью, мысленно обращалась к себе: *«А кто живет в этом доме? Конечно, я! Миссис Стэнли Урис!»* Но дикая гордость, которую она испытывала при этом омрачала ее счастье. Давным-давно жила себе одинокая восемнадцатилетняя девушка по имени Патриция Блюм, которую не пустили на вечеринку в городе Плойнтон на севере штата Нью-Йорк. И не пустили, конечно же, потому что ее фамилия рифмовалась со «сливой» (блюм-плюм). Она и была маленькой, сухой еврейской сливой — произошло это в 1967 году, такая дискриминация была противозаконна и потом прекратилась. Но в душе ее оставила неизгладимый след. В памяти то и дело возникала машина с Майклом Розенблаттом, одолженная им на один вечер у отца. Она слышала, как шуршит гравий под ее легкими туфлями и его ботинками для официальных приемов, взятыми напрокат.

Она всегда будет мысленно возвращаться к прогулкам с Майклом, одетым в светлый вечерний пиджак, — как он мерцал в мягкой весенней ночи! А она была одета в бледно-зеленое вечернее платье, в котором, как заявила ее мать, походила на русалку; сама мысль о.., еврейской русалке была смешной, ха-ха-ха-ха. Они гуляли вроде бы с высоко поднятыми головами, и она не плакала, но поняла: в движениях их не было свободы, они крались, крались, как воры, чтобы никем не быть замеченными; они чувствовали себя ростовщиками, угонщиками автомобилей, и тогда-то осознали сущность еврейства — что значит быть длинноносым, иметь смуглую кожу и не сметь даже рассердиться, когда хочется. Ей оставалось только стыдиться, только страдать. Потом кто-то засмеялся. Высокий, пронзительный, быстрый смех, как перебор клавиш на пианино. В машине она могла отплакаться, но кому было жалко ее, еврейскую русалку, чья фамилия рифмуется со сливой, которая плачет как сумасшедшая? Майкл Розенблатт положил свою теплую, мягкую, успокаивающую руку ей на плечо, но она увернулась ощущая грязь, стыд, ощущая свое *еврейство...*

Дом, со вкусом поставленный за живой изгородью, действовал умиротворяюще... Но не всегда...

Стыд и боль все еще обитали где-то здесь... Хотя с соседями все было спокойно, никто не высмеивал теперь ни их самих, ни их одежду. Хотя метрдотель клуба, в котором они состояли, приветствовал их словами: «Добрый вечер, мистер и миссис Урис». Она приезжала сюда на «Вольво» 84-го года выпуска, оглядывала свой дом, выделяющийся на фоне ярко-зеленых газонов, и часто вспоминала — даже слишком часто, как полагала — тот пронзающий уши смех. И в глубине души все время думала, что та девчонка, смех которой засел в ее ушах, живет сейчас в какой-нибудь каморке с мужем-водопроводчиком, который бьет ее, оскорбляет, что она трижды беременела и каждый раз у нее был выкидыш, что муж обманывает ее с больными женщинами...

И она ненавидела себя за эти мысли, за эти мстительные мысли, и обещала себе исправиться — перестать пить эти умопомрачительные коктейли. Потом много месяцев подряд она не вспоминала об этом... *"Может, этот кошмар уже позади, — размышляла она в такие периоды. — Я уже не та восемнадцатилетняя девчонка. Я женщина, мне тридцать шесть лет; девчонка, слышавшая когда-то в свой адрес нескончаемый поток оскорблений и насмешек, девчонка, избе-*

гающая руки Майкла Розенблатта, желавшего утешить ее, только потому, что это была рука ЕВРЕЯ, существовала полжизни тому назад. Глупой маленькой русалки больше нет.

Я могу забыть ее и быть самой собой..." Но потом где-нибудь — в супермаркете, к примеру, — она вновь слышала тот противный смех со спины или сбоку, ей кололо в спину, соски набухали и становились болезненными, в горле вставал горький ком, и, со всей силы сжимая ручку тележки, она думала про себя: *«Это кто-то сказал кому-то, что я еврейка, что я — ничтожество, что я — длинноносая еврейская морда, но у меня есть хороший счет в банке — ведь все евреи экономны, что нашу чету вынуждены пускать в клуб, но все равно над нами смеются, и смеются, и смеются...»* А порой слышала таинственный щелчок над своим ухом или покашливание и думала: *русалка, русалка.*

И снова — потоки ненависти и стыд, как мигрень, и снова она впадала в отчаяние — не только за себя, но и за путь, по которому идет человечество. Оборотни. Книга Денбро — та, которую она пыталась читать, но почти сразу же отложила — была как раз про оборотней. Оборотни, дерьмо. Откуда человек может знать про оборотней?

И все-таки большую часть времени она чувствовала себя вполне прилично, несравненно лучше, чем та, прежняя... Она любила своего мужа, любила свой дом, а часто была даже в состоянии любить себя и свою жизнь. Дела шли не так уж плохо. Но это пришло к ним не сразу. Когда она приняла обручальное кольцо Стэнли, ее родители обозлились и йочувствовали себя несчастными... Они со Стэнли познакомились на университетском вечере. Стэнли приехал в ее колледж из Нью-йоркского университета, где он был студентом на стипендии. Их познакомил общий приятель, и когда вечер подошел к концу, она заподозрила, что влюблена; это подтвердилось после недолгой разлуки. Когда весной Стэнли предложил ей колечко с маленьким бриллиантом, она не отказалась от него. В конце концов и ее родители, несмотря на разногласия между ними, также согласились. Они ничего не могли поделать, хотя Стэнли Урис вскоре должен был отправиться на биржу труда с молодыми бухгалтерами, в этих джунглях ему не обойтись было без семейного капитала, залогом же служила их собственная дочь. Но Пэтти исполнилось двадцать два, она была уже самостоятельной женщиной и вскоре должна была получить зва-

ние бакалавра гуманитарных наук.

— Мне придется содержать этого четырехглазого сукина сына всю жизнь, — услышала однажды дочь слова своего отца. Ее родители были на ужине, и отец слегка перебрал.

— Тс-с, она может услышать, — сказала Руфь Блюм.

Пэтти лежала с сухими глазами, ее бросало то в жар, то в холод, она ненавидела обоих родителей. Следующие два года она пыталась побороть в себе эту ненависть; слишком много ненависти было в ней самой.

Иногда, смотрясь в зеркало, она видела весьма приятные черты своего лица. Этот бой она выиграла! И помог ей в этом Стэнли.

Его же родители к женитьбе отнеслись вполне спокойно. Хотя считали, что «дети слишком опрометчивы». Дональд Урис и Андреа Бертоли поженились, когда им было чуть больше двадцати, но, по-видимому, забыли об этом.

А Стэнли оставался уверенным в себе, уверенным в будущем и абсолютно безразличным к уловкам родителей, твердивших об «ошибках детей». И в конце концов оправдалась его уверенность, а не их страхи. В июле 1977 года, Пэтти, едва чернила высохли на ее дипломе, отправи-

лась работать преподавателем стенографии и делового английского в Трейнор, городок в сорока милях южнее Атланты. Когда она думала о том, как могла докатиться до такой должности, это сильно задевало ее — да, жутко. У нее был список из сорока возможных вариантов работы, начиная с работы в отделе рекламы журнала для родителей; потом она за пять ночей написала сорок писем — по восемь за ночь, в каждом с просьбой дать подробную информацию о сути работы, и заявление к каждому. Из двадцати двух пунктов ответили, что они уже наняли работника. В нескольких случаях подробная информация не оставляла шансов на успех, и подача заявления оказалась бы пустой тратой времени, поэтому она остановилась только на десятке предложений. Одно привлекательнее другого. Стэнли вошел в тот момент, когда она думала, как заполнить все эти заявления на преподавательскую работу и при этом не рехнуться. Он посмотрел на ворох бумаг на ее столе и постучал пальцем по письму инспектора школ в Трейноре — письму, которое было для нее не более и не менее обнадеживающим, чем все остальные.

— Вот, — сказал он.

Она посмотрела на него, удивленная уверен-

ностью его тона. — Ты знаешь что-нибудь о Джорджии, чего не знаю я?

— Нет. Джорджию я видел раз в жизни, и то в кино.

Она посмотрела на него, слегка приподняв брови.

— "Унесенные ветром". Вивьен Ли. Кларк Гэйбл. Давай обсудим это завтра, день завтра не такой тяжелый. Похоже, что у меня южный акцент, Пэтти?

— Да, Южный. Бронкс. Если ты ничего не знаешь и никогда не был в, Джорджии, тогда почему..."

— Попала в самую точку...

— Но ты не можешь знать, как там...

— Но я знаю, — просто сказал он. — Я знаю...

Она посмотрела на него — он действительно не шутил. Ей стало не по себе, захотелось отвернуться.

— *Откуда ты знаешь?..*

Он едва заметно улыбался. Затем улыбка исчезла, но в лице оставалось что-то загадочное. Глаза его потемнели, как будто он заглянул внутрь своей души, консультируясь с каким-то внутренним устройством, которое тикало и звенело, но которое в конечном счете, он понимал не больше,

чем человек средних умственных способностей понимает принцип действия наручных часов.

— Черепаха не могла нам помочь, — внезапно сказал он. Она услышала. Он сказал это совершенно ясно и четко. Внутренний взгляд, взгляд загадочного удивления все еще отражался на его лице, и это начинало пугать ее.

— Стэнли? О чем ты говоришь? Стэнли?

Он спустился с небес на землю. Работая над заявлениями, она ела персики. Его рука задела тарелку с персиками. Тарелка упала на пол и разбилась. Его глаза, казалось, прояснились.

— О черт, извини меня.

— Ничего. Стэнли, о чем ты говорил?

— Я забыл, — сказал он. — Но я думаю, детка, мы должны хорошенько подумать о Джорджии.

— Но...

— Положись на меня, — сказал он ей, что она и сделала.

Собеседование прошло замечательно. Садясь на поезд в Нью-Йорк, она уже знала, что ее приняли на работу. Глава департамента и Пэтти сразу понравились друг другу, и Пэтти считала, что сделала все, что могла. Подтверждающее письмо пришло через неделю. Управление школ " Трейноре могло предложить ей жалование в

9200 долларов и испытательный контракт.

— Ты умрешь с голоду на такое жалование, — сказал Герберт Блюм, когда его дочь рассказала, что хочет там работать. — И тебе будет ХОТЕТЬСЯ, когда ты будешь умирать.

— Тише, успокойся, Скарлетт, — ответил ей фразой из «Унесенных ветром» Стэнли, когда она передала ему свой разговор с отцом. Она была в ярости, только что не плакала, но теперь улыбалась, и Стэнли сжал ее в своих объятиях.

Хотеться — им хотелось, голодать — они не голодали. Они поженились 19 августа 1972 года. Пэтти вышла замуж девственницей. Лежа в постели, она сказала: «Не делай мне больно».

— Я никогда не причиню тебе боль, — пообещал он и сдержал свое обещание до 25 мая 1985 года, до той ночи, когда он принял ванну.

Ей работалось хорошо. Стэнли стал развозчиком хлеба за сотню долларов в неделю. В ноябре того же года, когда открылся центр по продаже квартир в Трейноре, он получил работу в одном из отделений этой фирмы за 150 долларов в неделю. Их общий доход составлял 17000 долларов в год, это казалось им фантастическим, — ведь в то время газ стоил двадцать пять центов за галлон, а буханку хлеба можно было купить даже

за меньшую сумму. В марте 1973 года, как само собой разумеющееся, она перестала принимать пилюли от беременности.

В 1975 году Стэнли бросил офис и открыл свое дело. Все четверо родителей супругов сошлись на том, что это глупая затея. Не то, чтобы Стэнли не должен был вести свое дело, видит Бог, он способен на это. Но уж слишком рано принялся он за него, — так считали они — и слишком много денежных проблем ляжет на Пэтти. «Уж во всяком случае до тех пор, пока она не забеременеет от этого сопляка — сказал Герберт Блюм своему брату после выпивки на кухне, — а Тогда я должен буду помогать им». Было вынесено общее семейное решение: человек не имеет права и думать о своем бизнесе, пока не достигнет более солидного возраста, скажем, лет семидесяти восьми.

А Стэнли выглядел все таким же уверенным в себе. Он был умен, молод, удачлив. Работая на фирму по продаже квартир, он завел кое-какие полезные связи, и это ему пригодилось. Но ему и в голову , не приходило, что «Корридор Видео», пионер в быстро развивающемся бизнесе видеозаписи, намерен арендовать огромное пространство земли, примерно в десяти милях от того места, куда Урисы переехали в 1979 году и

обосноваться там. Не мог он также знать, что эта компания начнет процветать спустя неполный год после переезда в Трейнор. Но если бы даже Стэн кое-что знал об этом, то уж никак не мог бы поверить, что компания даст работу молодому очкастому еврею — обычному американскому еврею с легкой усмешкой, с прыщеватым юношеским лицом и манерами хиппи — по выходным он ходил в потертых джинсах. Но они дали ему работу. Дали.

И, казалось, Стэнли изучил свое дело вдоль и поперек.

По контракту он должен был работать на «Корридор Видео» полный рабочий день с начальным жалованием в 30000 долларов в год. "И это только начало, — сказал Стэнли Пэтти той ночью. — Они будут расти, как зерно в августе, дорогая. И если не случится ничего экстраординарного в течение ближайших десяти лет, то они смогут конкурировать с такими фирмами, как «Кодак», «Сони» и «РКА».

— Ну, и что ты собираешься делать? — спросила она, заранее зная ответ.

— А я расскажу им, какое это удовольствие — иметь с ними дело, — сказал он, засмеявшись, и поцеловал ее. Чуть погодя, он поднял ее на руки,

потом была любовь — раз, два, три — как яркие всполохи на ночном небе, — но ребенка не было.

Его работа с «Корридор Видео» свела его с наиболее могущественными и богатыми людьми Атланты, и оба они были удивлены, что эти люди в большинстве своем очень даже ничего. Терпимость счастливо сочеталась в них с добродушием, что было почти неизвестно на Севере. Пэтти вспомнила, что Стэнли как-то писал своим родителям: *"Самые богатые люди Америки живут в Атланте, штат Джорджия.*

Я собираюсь помочь некоторым из них приумножить свое состояние, а они — мое, и никто не стремится обладать мною, кроме моей жены. Патриции, я же обладаю ею, и это меня устраивает".

К тому времени, как они переехали из Трейнора, у Стэнли было свое дело и шесть человек в подчинении. В 1983 году их доход достиг сказочных размеров. И произошло это с той же легкостью, с какой в субботнее утро ноги попадают в мягкие домашние тапочки. Это иногда пугало ее. Однажды она даже пошутила, не сделка ли это с дьяволом. Стэнли смеялся до упаду, но ей было не до смеху.

ЧЕРЕПАХА НЕ МОГЛА НАМ ПОМОЧЬ.

Иногда, совершенно без всякой причины, она просыпалась с этой мыслью в голове, как с последним фрагментом только что забытого сна, и поворачивалась к Стэнли, испытывая необходимость дотронуться до него, убедиться, что он еще здесь.

У них была хорошая жизнь: без диких запоев, постороннего секса, скуки, даже мелких споров о том, что делать дальше. Было только одно темное пятно, одно облачко. Именно мать Пэтти первая напомнила о его существовании. Она по сути дела все предопределила.

Вылилось это в вопрос в одном из писем Руфи Блюм. Она писала Пэтти еженедельно, а то, письмо пришло ранней осенью 1979 года.

Его переслали с их старого адреса в Трейноре, и Пэтти прочла его в гостиной, заполненной бумажными стаканчиками для ликера, выглядевшими, заброшенными в их большой светлой гостиной.

В целом это было самое обычное письмо от Руфи Блюм, из дома, четыре до конца исписанные страницы, каждая под заголовком «Просто записка от Руфи». Ее каракули были настолько неразборчивы, что однажды Стэнли пожаловался, что не может понять ни единого слова,

написанного тещей. «А зачем тебе это надо?» — просила Пэтти.

Это письмо было полно обычных маминых новостей; семейные воспоминания были чем-то неотделимым от нее. Многие люди, с которыми переписывалась Руфь Блюм, уже начали стираться в памяти ее дочери, как фотокарточки в старом альбоме, но в памяти матери всегда оставались живыми. Ее вопросы об их здоровье и ее любопытство ко всем их делам никогда, казалось, не иссякнут, а ее прогнозы неизменно были ужасны. У отца Пэтти часто болел живот. Он уверен, что это просто диспепсия, писала она, а мысль о том, что это может быть язва, даже не приходит ему в голову, дождется, начнет харкать кровью, тогда, глядишь и поймет. «Знаешь, дорогая, твой отец работает как вол и иногда и мыслит также, прости меня Господи за такие слова. У Ренди Харленген появились завязи, они сняли плоды, большие, как шары для гольфа, и никаких болезней, слава Богу, по двадцать семь плодов, представляешь? В Нью-Йорке было наводнение, и, конечно, воздух в городе тоже загрязненный, она убеждена была, что вода неминуемо должна была добраться и до Пэтти. Ты вряд ли представляешь себе, писала Руфь Блюм, как много раз благодарила я Бога за

то, что „вы, дети“ находитесь в деревне, где и воздух, и вода — особенно вода — здоровые (для Руфи весь Юг, включая Атланту и Бирмингем, были деревней). Тетя Маргарет опять враждовала с электрокомпанией. Стелла Фланаган опять вышла замуж, некоторые люди не усваивают никаких жизненных уроков. Ричи Хьюбер опять прогорел».

И в этом месте письма, в середине абзаца, ни с того ни с сего, Руфь Блюм прямо в лоб, хотя и непреднамеренно, задает этот страшный вопрос: «А когда вы со Стэнли собираетесь сделать нас бабушкой и дедушкой? Мы уже готовы начать баловать его (или ее). Ты может быть забыла, Пэтти, но ведь мы не молодеем...» А дальше следовало про девочку из соседнего дома, которую прогнали из школы домой за то, что она не носила бюстгальтер, и через блузку все было видно.

Затосковав по их старому дому в Трейноре, чувствуя себя не в своей тарелке и немного страшась того, что их ожидает, Пэтти вошла в комнату, которая была их спальней, и повалилась на матрас (кровать все еще стояла в гараже, а лежавший прямо на полу матрас казался некой диковинкой, брошенной на странном желтом пляже). Она положила голову на руки и так пролежала, плача,

минут двадцать. Ей уже давно хотелось выплакаться. Письмо матери просто было последней каплей.

Стэнли хотел детей. Она тоже хотела детей. Это желание связывало их, было общим, как удовольствие, получаемое от фильмов Вуди Аллена, как более или менее регулярные посещения синагоги, политические взгляды, неприязнь к марихуане и еще сотни крупных и мелких вещей. В их доме в Трейноре была одна лишняя комната, которую они разделили ровно пополам. Слева стоял стол для работы и стул для чтения — это половина Стэнли; а справа — швейная машинка и карточный столик, на котором она раскладывала пасьянсы. Хотя они очень редко говорили об этой комнате, у них была договоренность. Однажды эта комната перейдет Энди или Дженни. Но где же ребенок? Швейная машинка, корзины с тканью и карточный стол стояли на своих местах, из месяца в месяц выглядели все привычнее, так, будто ничего не изменится и они никогда не покинут своих мест. И она думала об этом, хотя сама не могла разобраться в своих мыслях; как слово *«порнография»,* это был аспект недоступный ее пониманию. Как-то раз, когда у нее были месячные, она полезла за коробкой с

гигиеническими пакетами в ванной комнате, и тут ей вдруг показалось — она хорошо помнит это, — что коробка выглядит очень самодовольной и словно бы говорит ей: *«Привет, Пэтти! Мы твои дети. Мы единственные дети, которые будут у тебя, и мы голодны...»*

В 1976 году, через три года после приема последнего цикла таблеток «Оврал», они пошли к доктору по имени Харкавей в Атланте. «Мы хотим знать, есть ли какие-либо нарушения, — сказал Стэнли, — мы хотим знать, можем ли мы что-то сделать в этом случае».

Они сдали пробы. Пробы показали, что сперма Стэнли действенна, что яичники Пэтти способны к деторождению, что все каналы, которые *должны* быть открыты, *ОТКРЫТЫ.*

Харкавей, который не носил обручального кольца и у которого было открытое, приятное, румяное лицо выпускника колледжа, только что вернувшегося с лыжных каникул в Колорадо, сказал им, что возможно виноваты тут нервы. Он сказал им, что случай это отнюдь не оригинальный. Он сказал им, что тут имеет место психологическая корреляция, которая в некотором роде похожа на сексуальную импотенцию — чем больше вы хотите, тем меньше вы може-

те. Им необходимо расслабиться. Они должны, по возможности, полностью забыть о желании зачать, когда занимаются сексом.

По дороге домой Стэн был раздражен. Пэтти спросила, почему.

— Я никогда этого не делаю.

— Чего?

— Не думаю В ЭТО ВРЕМЯ о зачатии.

Она хохотнула, хотя ощутила что-то вроде одиночества и была напугана. В ту ночь, лежа в постели и думая, что Стэнли уснул, она, испугалась, услышав его голос в темноте. Голос был ровный, но его явно душили слезы. «Это я виноват, — сказал он. — Это моя вина».

Она повернулась, потянулась к нему, обняла его.

— Не будь глупым, — сказала она. Но ее сердце учащенно забилось. И не только потому, что Стэнли напугал ее; он словно бы заглянул в нее и прочитал тайное ее убеждение, о котором сама она не подозревала до этой минуты. Вне связи с чем-либо, без всякой причины, она почувствовала — поняла, что он прав. Что-то было не так, и причиной была не она, а он. Что-то в нем.

— Не глупи, — прошептала она сердито в его плечо. Он немного вспотел, и она внезапно по-

чувствовала, что он боится. Страх исходил от него холодными волнами; лежать голой рядом с ним было все равно, что лежать голой перед открытым холодильником.

— Я не дурак и не глуплю, — сказал он тем же голосом, который был одновременно и ровным и задыхался от слез, — и ты знаешь это. Я тому виною. Но почему, не знаю.

— Ты не можешь знать ничего такого. — Ее голос был резким, бранчливым — голос ее матери, когда она боялась. Но тут дрожь пронзила ее тело, как удар хлыстом. Стэнли почувствовал это, и прижал ее к себе.

— Иногда, — сказал он, — иногда мне кажется, что я знаю, в чем дело. Иногда мне снится страшный сон, и я просыпаюсь с сознанием того, что не все в порядке. И дело не только в том, что ты не можешь забеременеть, что-то не так в моей жизни.

— Стэнли, нет НИЧЕГО такого, что не так в твоей жизни!

— Я имею в виду не изнутри, — сказал он. — Изнутри все прекрасно. Я говорю об ИЗВНЕ. Что-то, что должно кончиться и никак не кончается. Я просыпаюсь с такими мыслями и думаю, что чего-то не понимаю...

Она знала, что у него бывают тяжелые сны. В таких случаях он часто стонал, будил ее, мечась, как в лихорадке. И всякий раз, когда она спрашивала его, он говорил одно и то же: «Не могу вспомнить». Затем тянулся за сигаретами и курил, сидя в постели, ожидая, когда остаток сна выйдет через поры, как болезненный пот.

Нет детей. Ночью 28 мая 1985 года — ночь, когда он принимал ванну — родители Пэтти и Стэна все еще ждали, что будут бабушками и дедушками. Запасная комната все еще была запасной; гигиенические салфетки все еще занимали привычное место в шкафчике под рукомойником в ванной комнате, месячные приходили каждый месяц. Ее мать, хотя и слишком занятая своими делами, но все же не вполне равнодушная к дочерней боли, перестала задавать вопросы на эту тему и в письмах, и когда Стэн и Пэтти дважды в год приезжали в Нью-Йорк. Отказалась она и от нелепых советов принимать витамин Е. Стэн тоже не упоминал теперь о детях, но иногда, глядя на него, Пэтти видела тень на его лице. Какую-то тень. Как будто он пытался отчаянно вспомнить что-то.

Если бы не это облако, их жизнь была приятной вплоть до телефонного звонка ночью 28 мая. Перед Пэтти лежали шесть рубашек Стэнли, две

свои блузки, швейные принадлежности, коробочка с пуговицами; у Стэна в руках был новый роман Уильяма Денбро. На обложке книги изображен был шипящий зверь. На задней стороне обложки — лысый человек в очках.

Стэн сидел ближе к телефону. Он поднял трубку и сказал:

— Алло — квартира Уриса.

Он слушал, и складка пролегла у него между бровями.

— Кто это? — Пэтти почувствовала толчок страха. Потом стыд заставил ее солгать, и она сказала родителям, что с момента, когда зазвонил телефонный звонок, она знала: что-то не так, но на самом деле было только одно мгновение, один быстрый взгляд, оторванный от шитья. Но, может быть, оба они подозревали о чем-то задолго до телефонного звонка, о чем-то, что никак не вяжется с симпатичным домиком, уютно стоящим за низкой живой изгородью...? Мига страха, подобного уколу сосульки, было достаточно.

— Это мама?

— спросила она одними губами в тот момент, подумав, не сердечный ли приступ у отца, который в свои сорок с небольшим имел двадцать фунтов лишнего веса и, по собственному призна-

нию, «мучился животом».

Стэн отрицательно покачал головой, а затем слегка улыбнулся чему-то, что говорил голос в телефоне. «Ты.., ты! Майкл! Как ты...»

Он замолчал, слушая. Когда улыбка погасла, она узнала — или ей показалось, что узнала — свойственное ему вдумчивое выражение, из которого следовало, что кто-то излагает ему проблему, или объясняет внезапное изменение ситуации или рассказывает что-то необычное и интересное. Скорее всего последнее, подумала она. Новый клиент? Старый приятель? Возможно. Она снова переключила внимание на телевизор, где какая-то женщина, обвиваясь вокруг Ричарда Даусона, как безумная целовала его. Пэтти подумала, что она сама была бы не прочь расцеловать его.

Когда она начала подбирать черную пуговицу к голубой рубашке Стэнли, то смутно почувствовала, что разговор входит в спокойную колею. Тон у Стэнли порой был ворчливый, потом он спросил: «Ты уверен Майкл?» В конце концов, после очень длинной паузы, он сказал: «Ладно, понятно. Да, я... Да, да, все. Я.., что? Нет, я не могу твердо обещать это, но хорошенько подумаю. Ты знаешь, что.., а? Будь уверен! Конечно. Да.., уверен.., спасибо.., да. До свидания». Он положил трубку.

Пэтти посмотрела на него и увидела, что он тупо уставился в пространство над телевизором. На экране в это время публика аплодировала семье Риан, которая набрала двести восемьдесят очков, правильно догадавшись, что на вопрос: «Какой урок школьники младших классов больше всего не любят?» надо ответить: «математику». Рианы подпрыгивали и радостно кричали. Стэнли, напротив, хмурился. Она потом рассказывала своим родителям, что заметила, как с лица Стэна сошла краска, но того не сказала, что отмела тогда эту мысль, решив, что это просто отсвет настольной лампы.

— Кто это был, Стэн?

— Хм-м?

— Он посмотрел мимо нее. Она подумала, что взгляд у него был несколько рассеянный, возможно, с примесью некоторой досады. И только потом, снова и снова воспроизводя эту сцену, начала сознавать, что то был взгляд человека, который методически отключается от реальности. Лицо человека, который погружается из меланхолии в депрессию.

— Кто это звонил?

— Никто, — сказал он. — Никто, правда. Я, пожалуй, приму ванну. Он встал.

— Что, в семь часов?

Он не ответил и вышел из комнаты. Она могла бы спросить, не случилось ли чего, могла бы даже пойти за ним, поинтересоваться, не болит ли у него живот — на этот счет он был без комплексов, но в чем-то другом вполне мог быть до странности щепетильным, сказать, например, что собирается принять ванну, на самом деле намереваясь сделать нечто несообразное. Но в этот момент новая семья, Пискапы, предстала перед публикой на телеэкране, и Пэтти знала, что сейчас Ричард Даусон скажет что-нибудь забавное по поводу фамилии, к тому же куда-то запропастилась нужная пуговица, не иначе, как спряталась.

Поэтому она дала ему уйти и не думала о нем до подведения итогов конкурса, и только тут подняла голову и увидела пустой стул. Она услышала, как наверху в ванной бежала вода, потом через пять-десять минут там стихло.., но тут она поняла, что не слышала, как открывается и закрывается дверца холодильника, и это значило, что он там, наверху, был без банки пива. Кто-то позвонил ему, страшно озадачил его, а выразила ли она хоть одним словом свое сочувствие? Нет. Пыталась его немного отвлечь? Нет. Заметила

что-то неладное? Еще раз нет. Все из-за этой дурацкой телепередачи, и пуговицы были не причем — так, предлог.

О'кей, она принесет ему банку «Дикси» и сядет рядом с ним на край ванны, потрет ему спину, разыграет гейшу и вымоет ему волосы, если он захочет, и при этом выяснит, в чем проблема.., или кто звонил.

Она вытащила банку пива из холодильника и пошла с ней наверх. Первый раз она всерьез забеспокоилась, обнаружив, что дверь в ванную комнату закрыта. Не прикрыта, а плотно затворена. Стэнли НИКОГДА не закрывал дверь, принимая ванну. Между ними был шуточный уговор: закрытая дверь означала, что он делает нечто такое, чему научила его мать, открытая дверь — что он расположен делать то, обучение чему его мать совершенно справедливо предоставила другим.

Пэтти царапнула в дверь ногтями, внезапно осознав, какой мерзкий получился звук. Но стучать в дверь ванны, да и в любую другую дверь своего дома, как посторонний гость — такого она никогда раньше в своей замужней жизни не делала.

Беспокойство внезапно усилилось в ней, и она

вспомнила про Карсон Лейк, куда часто ездила купаться в детстве. Вода там в озере к началу августа оставалась теплой, как в ванне.., но вот вы к своему удивлению и радости попадали в холодный карман. Только что вам было тепло, и вдруг свинцовым холодом свело вам ноги до бедер от ледяной воды. Нечто подобное испытала она теперь — как будто попала в холодный карман. Только ледяной холод ощутили не длинные ноги подростка в черных глубинах Карсон Лейк:

Холод ощутило сердце.

— Стэнли? Стэн?

Она уже не царапала дверь ногтями. Она барабанила в нее. Не услышав ответа, стала стучать еще сильнее. Словно молотком.

— Стэнли?

Ее сердце. Ее сердце было уже не в грудной клетке. Оно билось в горле, заставляя тяжело дышать.

— Стэнли!

В тишине, сопровождавшей ее крик (именно собственный крик поблизости от того места, где она каждую ночь преклоняла голову, ложась спать, особенно напугал ее), она услышала звук, который, как непрошеный гость, вызвал панику из глубин ее мозга. Это был всего-навсего звук

капающей воды. *Плинк.., п*ауза. *Плинк,., п*ауза. *Плинк.., п*ауза. *Плинк...*

Она мысленно видела, как собираются капли в отверстии водопроводного крана, тяжелеют, наливаются, *БЕРЕМЕНЕЮТ* там и затем падают: *плинк.*

Только этот звук. Никакого другого. И она вдруг с ужасом поняла, что это Стэнли, а не ее отца, сегодня ночью хватил сердечный удар.

С воплем она схватилась за стеклянный дверной набалдашник, повернула его. Дверь не поддавалась: она была закрыта. И внезапно три *НИКОГДА* пришли в голову Пэтти, как в калейдоскрпе сменяя друг друга: Стэнли никогда не принимал ванну ранним вечером, Стэнли никогда не закрывал никакой двери, кроме туалета, и Стэнли никогда вообще не закрывал дверь от нее.

Возможно ли, думала она обезумев, *ГОТОВИТЬ* сердечный приступ?

Пэтти провела языком по губам — словно наждачной бумагой потерли доску — и снова позвала его. И снова не было никакого ответа, кроме монотонного капанья из крана. Опустив глаза, она увидела, что все еще держит в руке банку пива «Дикси». Она тупо уставилась на нее

— сердце, как кролик, билось в горле — уставилась так, словно до этой минуты никогда не видела банки пива в своей жизни. И вправду наверно, не видела, потому что, не успела она моргнуть, как банка превратилась в телефонную трубку — черную и угрожающую, как змея.

«Чем могу быть полезен, мэм? — выплюнула в нее змея, — у вас какие-нибудь проблемы?» Пэтти со стуком бросила ее и отошла, потирая руку. Осмотревшись, она снова обнаружила себя в комнате с телевизором, и поняла, что паника, вспыхнувшая в ее мозгу, как вор, тихо поднимающийся по лестнице, неотлучно была с ней. Теперь она вспомнила капанье пива из банки у двери ванной и свой стремительный бег вниз по ступеням. *Это все ошибка, какая-то ошибка, смутно думала она, и мы будем потом смеяться над ней. Он наполнил ванну, забыв, что у него нет сигарет, и вышел взять их, прежде чем снимет одежду...*

Да. А поскольку он уже успел закрыть ванную комнату изнутри, и открывать ее опять было хлопотно, то он просто отворил окно и ушел торцовой стороной дома, как муха, ползущая по стене. Да, конечно, да...

Снова в голове поднималась паника — как

горький черный кофе, грозящий перелиться через край чашки. Она закрыла глаза и пыталась побороть это наваждение. Стояла совершенно спокойная — бледная статуя с пульсом, бьющимся в горле.

Теперь она смогла вспомнить, как бежала сюда, назад, ноги стучали по ступеням, бежала к телефону, да, конечно, но кто мог звонить?

В безумии она подумала: *«Я бы позвала черепаху, но черепаха не смогла бы помочь нам».*

Впрочем, это не имело значения. Она набрала «ноль» и, должно быть, сказала что-то не вполне обычное, потому что оператор спросил, есть ли у нее проблемы. Да, у нее есть проблема, но как было сказать этому голосу без лица, что Стэнли заперся в ванной и не отвечает ей, что непрерывный звук капающей воды разбивает ее сердце? Кто-То должен был помочь ей. Кто-то...

Она стиснула зубами тыльную сторону ладони. Она пыталась думать, пыталась ЗАСТАВИТЬ себя думать.

Запасные ключи. Запасные ключи в кухонном шкафу.

Она пошла на кухню, по дороге задев коробочку с пуговицами на том столе, где работала. Пуговицы рассыпались, мерцая, как глаза в очках,

в свете лампы. Она увидела по меньшей мере полдюжины черных пуговиц.

На внутренней стороне дверцы кухонного шкафчика, висящего над раковиной, была вмонтирована полированная доска в форме ключа — один из клиентов Стэнли сделал ее в своей мастерской и подарил ему на Рождество два года назад. Эта доска-щиток для ключей была сплошь утыкана маленькими крючками, на которых висели все имеющиеся в доме ключи, по два на каждом крючочке. Под каждым крючком была полоска, на которой маленькими аккуратными печатными буквами было написано: «гараж», «чердак», «нижняя ванная», «верхняя ванная», «передняя дверь», «задняя дверь». Отдельно висели ключи, помеченные «М-В» и «Вольво».

Пэтти схватила ключ от верхней ванной и побежала по лестнице, но затем заставила себя идти. Бег ввергал в паническое состояние, а она и так уже была на грани его. К тому же, если она пойдет спокойно, ничего такого не случится. Или, если что-то не так, Бог, увидев, что она просто идет, подумает: "О, *я совершил промах, но у меня есть время все переиграть".*

Стараясь сдерживать шаг, — словно идет себе женщина в клуб любителей книги — она

поднялась наверх и подошла к закрытой двери ванной.

— Стэнли? — позвала она, снова пытаясь одновременно открыть дверь и вдруг испугавшись использовать ключ, потому что необходимость открыть дверь ключом означала финал. Если Бог сейчас не заберет у нее ключ, он никогда его не заберет... Ведь век чудес позади...

Дверь по-прежнему была закрыта; медленное *плинк.., п*ауза, молчание воды было ответом.

Дрожащей рукой она пыталась попасть ключом в замочную скважину. Она повернула ключ и услышала щелчок замка. Она взялась за ручку двери, но рука ее соскользнула, не потому что дверь была закрыта, а потому что ладонь была влажная от пота. Она крепко взялась за ручку и заставила ее повернуться. Она распахнула дверь.

— Стэнли? Стэнли? Ст...

Она посмотрела на ванну с синей занавеской, собранной на дальнем конце стержня из нержавеющей стали, и забыла, как закончить имя своего мужа. Она просто смотрела на ванну и лицо у нее было серьезное, как лицо ребенка, впервые пришедшего в школу. Через секунду у нее вырвется нечеловеческий вопль, и Анита Маккензи, соседка, услышав этот вопль, вызовет

полицию, решив, что кто-то забрался в дом Урисов и там кого-то убивают.

Но в этот момент Пэтти Урис просто стояла в молчании, схватившись руками за блузку, с диким лицом, ужасным выражением глаз. Но вот ее ужас и кошмар начали трансформироваться во что-то другое. Глаза вылезли из орбит. Рот вытянулся в кошмарную гримасу ужаса. Она хотела кричать, но не могла. Ее крики были слишком сильны, чтобы вырваться наружу.

Ванная была залита светом флуоресцентных ламп. Яркий свет не давал теней. Вошедший волей-неволей видел все в подробностях. Вода в ванне была ярко-розовой. Стэнли лежал на спине, упираясь в изножье ванны, с головой, откинутой назад, так что кончики его черных волос доставали до позвонка между лопатками. Если бы его открытые глаза еще могли видеть, она смотрела бы на него сверху вниз. Его рот был широко раскрыт, как сорвавшаяся с пружины дверь. Выражение лица было какое-то неестественное, леденящее. Упаковка лезвий «Жилетт Платинум Плюс» лежала на краю ванны. Он перерезал себе руку сверху донизу, а потом пересек порез у локтя и на запястье, так что образовались две заглавных кровавых буквы "Т". Раны отлива-

ли ярко-красным на фоне ослепительно белого света. Она подумала, что его вылезшие связки и сухожилия похожи на бифштекс с кровью.

Капля воды собралась на кончике крана. Она набухала. БЕРЕМЕНЕЛА, можно было бы сказать. Блеснула. Упала. Плинк.

Макнув указательный палец правой руки в собственную кровь, он огромными, спотыкающимися буквами написал одно-единственное слово на голубом кафеле над ваннол. Кровавая струйка зигзагом стекла в воду с последней буквы этого слова — его палец написал это, она видела, когда рука его упала в ванну, где плавала и сейчас. Она подумала, что Стэнли, должно быть, оставил этот знак — свое последнее впечатление о мире, когда терял сознание. Знак, казалось кричал ей:

ОНО.

Еще одна капля упала в ванну.

Плинк.

Пэтти Урис наконец обрела свой голос. Глядя в упор в мертвые, искрящиеся глаза своего мужа, она начала кричать.

2

Ричард Тозиер делает ноги

Ричи казалось, что все идет в общем-то хорошо,

до тех пор пока не началась рвота.

Он выслушал все, что говорил ему Майк Хэнлон, да, ответил на вопросы Майка, даже задал несколько своих. Он смутно сознавал, что воспроизводит один из своих Голосов — не какой-то необычный, крикливый, наподобие того, каким он пользовался иногда на радио (Кинки Брифкейс, сексуальный маньяк, был его личным пристрастием, во всяком случае, в настоящее время, и реакция слушателей на Кинки была почти столь же бурной, как на постоянного их любимца полковника Буфорда Киссдривела), а теплый, богатый модуляциями, доверительный Голос. Голос «У МЕНЯ ВСЕ В ПОРЯДКЕ».

Он звучал сильно, но был ложным. Так же впрочем, как все другие Голоса.

— Ты много помнишь, Ричи? — спросил его Майк.

— Очень мало, — сказал Ричи и замолчал. — Достаточно, мне кажется...

— Ты приедешь?

— Приеду, — сказал Рич и положил трубку.

Какое-то время он сидел у себя в кабинете за столом, откинувшись на спинку стула, и глядя на Тихий океан. Слева от него два парня взгромоздились на доски для серфинга, но у них ничего не

получалось — не было прибоя.

Часы на столе — дорогие, кварцевые, подарок фирмы звукозаписи — показывали 5.09, 28 мая, 1985. Там, откуда звонил Майк было на три часа больше. Уже темно. Он почувствовал мурашки на коже — надо было двигаться, что-то делать. Прежде всего он, разумеется, поставил запись — без разбора, просто взял вслепую первую попавшуюся из тысяч, разбросанных по полкам. Рок-н-ролл был столь же значительной частью его жизни, как Голоса, и ему трудно было что-либо делать без музыки — и чем громче, тем лучше. Запись, которую он достал, оказалась «Мотаун Ретроспектив». Марвин Гей, один из новичков в том, что Ричи иногда называл «оркестром мертвецов», пел: «Я слышал это по сарафанному радио».

"Ооооох-хооооо, держу пари, тебе интересно, как я узнал..."

— Неплохо, — сказал Ричи. И даже слегка улыбнулся. Это Было плохо, явно ошеломило его, но он чувствовал, что сумеет поладить с НИМ.

Без паники, без суеты.

Он начал собираться домой. На какое-то мгновение в течение следующего часа ему пришло в голову: все было так, будто он умер, но ему дали возможность сделать последние распоряжения..,

не говоря уже о собственных похоронах. Он вышел на агента из бюро путешествий, к услугам которого прибегал обычно, полагая, что эта женщина сейчас в дороге, приближается к дому, но при этом все же рассчитывал на ничтожный шанс. На удивление, он застал ее. Он сказал, что ему нужно, и она попросила у него пятнадцать минут. — Я должен вам одну, Кэрол, — сказал он. За последние три года они перешли от мистера Тозиера и мисс Фини до Ричи и Кэрол — этакая простота в обращении, учитывая, что они никогда не встречались лицом к лицу.

— Ладно, расплатись, — сказала она. — Вы можете мне сделать Кинки Брифкейса?

Без паузы — если вам нужно делать паузу, чтобы найти Голос, найти его обычно невозможно — Ричи сказал:

— Кинки Брифкейс, сексуальный маньяк, перед вами: у меня тут на днях был парень, который хотел знать, что же такого страшного в СПИДЕ.

Его голос немного упал, но в то же время обрел ритм, стал веселым, беспечным — это явно был голос американца и все-таки вызывал в памяти образ некоего парня из британских колоний, который был так же симпатичен на свой грязный манер, как и испорчен. Ричи не имел ни малейше-

го представления, кто такой в действительности был Кинки Брифкейс, но он был уверен, что тот всегда носил белые костюмы, читал «Эсквайр» и пил то, что приносят в высоких бокалах и что пахнет как кокосовый шампунь.

— Я сказал ему сразу же — пытаясь объяснить вашей матери, как вы подцепили его от гаитянской девочки. — А дальше Кинки Брифкейс, сексуальный маньяк, говорит:

— Нанесите мне визит, коль у вас не стоит.

Кэрол Фини залилась смехом. — Потрясающе!

Потрясающе! Мой приятель не верит, что вы можете вот так просто делать голоса, он говорит, что это, должно быть, какое-то звукофильтрующее устройство или что-то в этом роде...

— Просто талант, моя дорогая, — сказал Ричи. Кинки Брифкейс ушел. Теперь здесь был В. С. Филдс, в высокой шляпе, с красным носом и с мешком, в котором хранятся клюшки для гольфа. — Я так набит талантом, что должен затыкать все свои отверстия, чтобы он просто не вытек как.., чтобы просто не вытек.

Ее снова охватил приступ смеха, а Рич закрыл глаза. Он почувствовал начало головной боли.

— Будьте лапушкой и посмотрите, что я умею, ладно? — спросил он, все еще будучи В. С. Фил-

дсом, и повесил трубку под ее смех.

Теперь он должен был вернуться в себя, и это было трудно — это становилось труднее с каждым годом. Легче быть смелым, когда ты в чужом обличье.

Он попытался вытащить еще парочку хороших лоботрясов и уже решил было влезть в тапочки, как снова зазвонил телефон. Это снова была Кэрол Фини, в рекордно короткий срок. Он почувствовал было желание войти в голос Буфорда Киссдривела, но раздумал. Она сумела достать ему первый класс на прямой рейс американской авиакомпании из Лэкс в Бостон. Он вылетает из Лос-Анджелеса в 9.30 и прибывает в Логан завтра около пяти утра. «Дельта» доставит его из Бостона в 7.30 утра, и он будет в Бангоре, штат Мэн, в 8.20. От международного аэропорта в Бангоре до городской черты Дерри всего двадцать шесть миль, туда его доставит седан.

"Только двадцать шесть миль? -подумал Ричи. *— И это все, Кэрол? Впрочем, в милях это может и так. Но ты не имеешь ни малейшего представления, да и я тоже, как в действительности далеко до Дерри. Но, о Боже, о Боже ты мой, я хочу выяснить".*

— Я не заказывала комнату, потому что вы не

сказали мне, сколько пробудете там, — Вы...

— Не надо, я сам об этом позабочусь, — сказал Ричи, а затем появился Буфорд Киссдревел. — Ты была первый сорт, милашка, экстракласс.

Он повесил трубку под ее смех — всегда все смеялись — и затем набрал 207-555-1212 — справочная служба штата Мэн. Он хотел заказать номер гостиницы в Дерри. Боже мой, это было название из прошлого. Он не думал о гостинице в Дерри — сколько лет? Десять? Двадцать? Двадцать пять? Каким бы безумным это ни казалось, он был склонен думать, что двадцать пять лет, и если бы Майк не позвонил, он бы никогда в жизни больше не вспомнил о ней. И все-таки было в его жизни время, когда он каждый день проходил мимо той огромной груды кирпича, и не раз бежал мимо нее с Генри Бауэрсом и Белчем Хаггинсом за тем здоровым парнем, Виктором — как его фамилия? Они гнались за ним, кричали и выкрикивали всякие непристойности типа: *«Мы тебя поймаем, дерьмо!» «Куриные мозги!» «Поймаем, вонючий пед!» Поймали ли они его в конце концов?*

Прежде чем Рич вспомнил, телефонистка спросила его, какой город ему нужен.

— Дерри.

«Дерри!» Боже мой! Слово это казалось странным и забытым для его уст, произносить его было как целовать древность.

— .Пожалуйста, номер гостиницы в Дерри?

— Одну минуту, сэр.

Выхода нет. Когда-нибудь гостиницы не будет. Ее уничтожит программа обновления города. Ее трансформируют в площадку для игры в шары или видеоаркаду с фантастическим ландшафтом. А может быть, она сгорит по случайности однажды ночью; пьяный торговец обувью закурит в постели. Все проходит, Ричи, помнишь очки, которыми обычно Генри Бауэре доводил тебя? И это прошло. Как там поется в песне Спрингстина? «Дни славы.., ушедшие в глазки одной девчонки». Какой девчонки? Бев, конечно, Бев...

Может и трансформируют городскую гостиницу, но пока что она явно не исчезла; беспристрастный голос робота возник в трубке и сказал: «Номер.., девять.., четыре.., один.., восемь.., два.., восемь.., два... Повторяю: номер...»

Но Ричи уловил его с первого раза. Какое же удовольствие — пресечь этот монотонный голос, положив трубку, — легко было вообразить себе некоего огромного шарообразного монстра справочной службы, заключенного где-то под

землей, монстра, потными руками перебиравшего заклепки и державшего тысячи телефонов в тысячах сочлененных хромированных щупалец — возмездие Спайди, доктор Октопус в изложении Ма-Белл. Мир, в котором жил Ричи, с каждым годом становился все более похожим на огромный набитый электроникой дом, в котором в неуютном соседстве жили числовые привидения и напуганные человеческие существа.

Все еще стоит. Все еще стоит, спустя столько лет.

Он набрал номер гостиницы, которую последний раз видел через очки детства. Набирать этот номер, 1-207-941-8282, было каким-то роковым образом просто. Он держал трубку у уха и через окно кабинета рассматривал картину за окном. Виндсерфингистов больше не было, какая-то парочка рука об руку медленно прогуливалась по пляжу. Парочка могла бы быть рекламой на стене бюро путешествий, где работала Кэрол Фини, так она была совершенна. За исключением того, что на них были очки.

«Поймаем, дерьмо! Сломаем твои очки!»

Крис, четко сработала его голова. *Его фамилия Крис. Виктор Крис.*

О боже, он ничего не хотел знать, ведь так много

времени прошло, но, по-видимому, это не имело ни малейшего значения. Что-то происходило там, под сводами, там, где Ричи Тозиер держал личную свою коллекцию «Запетой фонд старых песен». Открывались двери.

Только там, внизу, не записи, ведь так? Там не записи Ричи Тозиера, человека состоящего из тысячи голосов, ведь так? И то, что открывается... Ведь это не двери, а?

Он попытался отбросить эти мысли.

Нужно помнить, что все в порядке. Все о'кей; у меня о'кей, у тебя о'кей, у Ричи Тозиера о'кей. Можно покурить, это все.

Он бросил курить четыре года назад, но сейчас-то одну сигарету можно выкурить.

Это не записи, а мертвые тела. Ты глубоко захоронил их, но сейчас происходит какое-то сумасшедшее землетрясение, и земля выплевывает их на поверхность. Там ты не Ричи Тозиер «Записи» — там, внизу, ты просто Ричи Тозиер — Четырехглазый, и ты со своими дружками, и ты так перепуган, что, кажется, шарики твои превращаются в виноградное желе. То не двери, и не они открываются. То склепы, Ричи. Это они отворяются со скрипом, и те, кого ты считаешь мертвыми, снова вылетают на поверхность.

Сигарету, только одну сигарету. Даже Карлтон бы закурил, ради всего святого.

«Поймаем, четырехглазый! Заставим тебя СЪЕСТЬ этот дерьмовый портфель!»

— Гостиница, — сказал мужской голос с интонациями янки; ему понадобилось проникнуть через всю Новую Англию, Средний Запад, пройти под казино Лас Вегаса, чтобы достичь его уха.

Ричи спросил этот голос, можно ли ему забронировать комнаты начиная с завтрашнего дня. Голос ответил, что можно, и даже спросил, на какой срок.

— Не могу сказать. У меня... — Он внезапно сделал паузу, на одну минуту.

Что у него на самом деле? Перед его глазами возник мальчик с матерчатым ранцем, убегающий от улюлюкающих хулиганов; он увидел мальчика в очках, худенького мальчика с бледным лицом, которое, казалось, каким-то странным образом кричало каждому пробегавшему громиле: *«Поймайте меня! Бегите, поймайте меня! Вот мои губы! Вдави их мне в зубы! Вот мой нос! Разбей его в кровь! Врежь в ухо, чтобы оно распухло, как кочан цветной капусты! Раскрои бровь! Вот мой подбородок, нокаутируй меня! Вот мои глаза, такие голубые и увеличенные за этими ненавист-*

ными, ненавистными очками, этими роговыми очками, одна дужка которых удерживается лейкопластырем. Разбей очки! Вдави осколок стекла в глаз и закрой его навсегда! Какого черта!»

Он закрыл глаза и сказал:

— Видите ли, у меня в Дерри дело. Я не знаю, столько времени займет заключение сделки. Как насчет трех дней с возможностью продлить?

— Возможность продлить? — с сомнением спросил клерк, и Ричи терпеливо ждал, пока этот тип сообразит. — О, да, хорошо!

— Спасибо, и я.., надеюсь, что вы сможете голосовать за нас в ноябре, — сказал Джон Кеннеди. — Жаки хочет сделать Овальный Кабинет.., у меня работа, связанная.., с.., братом Бобби!

— Мистер Тозиер?

— Да.

— О'кей... Кто-то подключился к линии на несколько секунд.

*Просто старый неудачник из Старой Партии Мертвецов,*подумал Ричи. *Не беспокойтесь о ней.* Дрожь пронзила его и он снова сказал себе, почти в отчаянии: *«Все о'кей, Ричи».*

— Я тоже слышал, — сказал Ричи. — Да, должно быть, подключился. Ну, так как у нас с вами будет с комнатой?

— О, нет проблем, — сказал клерк. — Мы здесь в Дерри, правда, занимаемся бизнесом, но никакого бума.

— Точно?

— О, да, — уверенно сказал клерк, и Ричи снова передернуло. Он забыл, что на севере Новой Англии «да» произносили специфически, как этот клерк.

«Поймаем, гадина!» -закричал призрачный голос Генри Бауэрса, и он почувствовал, что теперь склепы со скрипом отрываются внутри него; вонь, которую он ощущал, шла не от разложившихся тел, а от разложившейся памяти, от разложившихся воспоминаний, и это было еще хуже.

Он дал клерку в деррийской гостинице номер своего американского экспресса и положил трубку. Затем он позвонил Стиву Коваллу, директору программы «Клэд».

— Что случилось, Ричи? — спросил Стив. Последний рейтинг показал, что КЛЭД занимает на каннибальском рынке рока в Лос-Анджелесе самую вершину, и с тех пор Стив был в отличном настроении — благодарение Богу за маленькие победы.

— Ты можешь пожалеть, что спросил, — сказал

Ричи. — Я делаю ноги.

— Делаешь ноги... — Он услышал недовольство в голосе Стива. — Что-то я не понимаю тебя.

— Я собираю манатки. Я исчезаю.

— Что ты имеешь в виду под «собираю манатки»? По логике, я сейчас здесь, а ты завтра в воздухе от двух дня до шести вечера, как всегда. В четыре часа ты в студии интервьюируешь Кларенса Клемонса. Ты знаешь Кларенса Клемонса, Ричи? Который в «Приди и ударь, босс»?

— Клемонс может с таким же успехом говорить с Майком О'Хара.

— Кларенс не хочет говорить с Майком, Рич. Кларенс не хочет говорить с Бобби Русселом. Он не хочет говорить со мной. Кларенс — фанат Буфорда Кисодривела и Байата-Гангстера-убийцы. Он хочет говорить только с тобой, мой друг. И у меня нет никакого желания иметь зассанного двухсотпятидесятифунтового саксофониста, которого однажды отделали футболисты профи, учинившие дебош в моей студии.

— Не думаю, что он повинен в истории с дебошем, — сказал Ричи. — Мы ведь сейчас говорим о Кларенсе Клемонсе, а не о Кейте Муне.

В трубке было молчание. Ричи терпеливо ждал.

— Ты не серьезно, а? — спросил наконец Стив. Голос у него был печальный. — Разве что у тебя только что умерла мать или тебе предстоит удалять опухоль мозга, или что-то в этом роде, а иначе это чушь.

— Я должен ехать, Стив.

— У тебя мать заболела? Или — Боже упаси — умерла?

— Она умерла десять лет назад.

— У тебя опухоль мозга?

— У меня нет даже прыща на заднице.

— Это не смешно, Ричи.

— Нет.

— Это дерьмовый розыгрыш, мне это не нравится.

— Мне тоже не нравится, но я должен ехать.

— Куда? Почему? В чем дело? Скажи мне, Ричи.

— Мне позвонили. Некто, кого я знал в давние времена. В другом месте. Снова что-то случилось. Я дал обещание. Мы все дали обещание, что вернемся, если что-то будет случаться. И мне кажется, оно случилось.

— О каком «что-то» мы говорим, Ричи?

— Я бы с удовольствием не говорил. *Если скажу правду, ты подумаешь, что я сумасшедший. Так вот, я не помню.*

— Когда ты дал это знаменитое обещание?

— Давно. Летом 1958-го.

Последовала длинная пауза; Стив Ковалл явно пытался понять, дурит ли его Ричард Тозиер «Записи», он же Буфорд Киссдривел, он же Вайат-гангстер-убийца, и т.д, и т.д., или у него какое-то психическое расстройство.

— Ты же был еще ребенком, — спокойно сказал Стив.

— Мне было одиннадцать. Двенадцатый.

Снова длинная пауза. Ричи терпеливо ждал.

— Ладно, — сказал Стив. — Я сделаю перестановку — поставлю Майка вместо тебя. Я могу позвонить Чаку Фостеру, сделать несколько замен, если смогу узнать, в каком китайском ресторане он сейчас ошивается. Я это сделаю, потому что мы давно вместе. Но я никогда не забуду, как ты подсадил меня.

— Ой, брось ты, — сказал Ричи, головная боль все усиливалась. Он знал, что он делает, а Стив в это не верил. — Мне нужно несколько выходных, все. Ты ведешь себя так, как будто я насрал на права нашей федеральной комиссии связи.

— Несколько выходных для чего? Тусовка компашки молодчиков в борделе Фоле, Северная Дакота, или Пуссихамр Сити, Западная Вирджи-

ния?

— Мне кажется, на самом деле бордель в Арканзасе, приятель, — сказал Буфорд Киссдривел глухим, как из большой пустой бочки, голосом, но Стива было не отвлечь.

— И только потому, что ты дал обещание, когда тебе было одиннадцать? Побойся Бога, в одиннадцать лет серьезных обещаний не дают. Ты понимаешь, Рич, что не в этом дело. У нас не страховая компания, не юридическая контора. Это ШОУ-БИЗНЕС, какой бы он ни был скромный, и ты это очень хорошо знаешь. Если бы ты предупредил меня за неделю, я бы не держал сейчас телефон в одной руке и бутылку «Миланты» в другой. Ты загоняешь меня в угол, и сознаешь это, поэтому не оскорбляй мой разум такими заявками.

Стив теперь почти что кричал, и Ричи закрыл глаза. — Я никогда не забуду этого, — сказал Стив, и Ричи подумал, что да, не забудет. Но Стив сказал также, что в Одиннадцать лет серьезных обещаний не дают, а это совсем неправда. Ричи не помнил, что это было за обещание — он не был уверен, что ХОЧЕТ помнить, но оно было сто раз серьезным.

— Стив, я должен.

— Да. И я сказал, что управлюсь. Так что давай. Давай, мудак.

— Стив, это...

Но Стив уже положил трубку. Ричи поставил телефон. Но едва отошел от него, тот снова зазвонил, и еще не подняв трубку, Рич знал, что это опять Стив, разъяренный, как никогда. Это не сулило ничего хорошего — говорить с ним на такой ноте значило нарываться на скандал. Он отключил телефон, повернув переключатель направо.

Рич вытащил два чемодана из шкафчика и, не глядя, набил их ворохом одежды: джинсами, рубашками, нижним бельем, носками. До последней минуты ему не приходило в голову, что он не взял ничего, кроме детских вещей. Он отнес чемоданы вниз.

На стене в маленькой комнате висела черно-белая фотография Биг Сура работы Ансела Адамса. Он развернул ее на скрытых шарнирах, обнажив цилиндрический сейф. Открыл его, протянув руку к бумагам: здесь дом, двадцать акров леса в штате Айдахо, пакет акций. Он купил эти акции, по-видимому, случайно; его брокер, увидев это схватился за голову, но акции за все эти годы постоянно поднимались. Его иногда удивляла

мысль о том, что он почти — не совсем, но почти — богатый человек. Музыка рок-н-ролла.., и Голоса, конечно.

Дом, акры, страховой полис, даже копия его завещания. *Нити, плотно связывающие тебя с жизнью,* подумал он.

Внезапно у него возник дикий импульс схватить весь этот хлам — все это тленное скопище «почему», «как», «носитель данного удостоверения имеет право» — и сжечь его. Теперь он мог это сделать. Бумаги в сейфе внезапно перестали что-либо значить.

И тут его впервые обуял настоящий ужас. Пришло ясное осознание того, как легко промотать жизнь. И это было страшно. Вы просто суетились всю жизнь, сгребая все в кучу. Сжечь это, или смести, и тогда только делать ноги.

За бумагами, которые были просто бумагами, лежала настоящая ценность. Наличные. Четыре тысячи долларов в купюрах по десять, двадцать, пятьдесят.

Он вытащил деньги, стал запихивать их в карманы джинсов. Мог ли он каким-то боком догадаться раньше, что за деньги прячет он сюда — пятьдесят баксов за один месяц, сто двадцать за следующий, а потом, быть может, только десять?.

Деньги крысы, бегущей с тонущего корабля. Деньги для того, чтобы унести ноги.

«Дружище, это страшно», — сказал он, едва ли сознавая, что говорит. Он безучастно посмотрел через большое окно на пляж. Сейчас пляж был пустынен: виндсерфингисты ушли, молодожены (если они были таковыми) тоже ушли.

Ах, да, теперь все возвращается ко мне. Помнишь Спэнли Уриса, например? Да... Помнишь, как мы говорили тогда, думаешь, это было шиком? Стэнли Урин — так парни звали его. «Эй, Урин, эй, дерьмовый христоубивец! Куда идешь? Один из твоих гомиков трахнет тебя?»

Он с шумом закрыл дверцу сейфа и повернул картинку на свое место. Когда он последний раз вспоминал Стэна Уриса? Пять лет назад? Десять? Двадцать? Рич и его семья уехали из Дерри весной 1960 года, и как быстро забылись все эти лица, его компашка, эта жалкая кучка бездельников с их маленьким клубом в Барренсе — забавное название для места, сплошь покрытого буйной растительностью. Игра в исследователей джунглей, в моряков, солдат, строителей дамбы, ковбоев, пришельцев с других планет — называйте это как хотите, но не забывайте, что было истинной причиной этих игр: желание спрятать-

ся. Спрятаться от больших пашней. Спрятаться от Генри Бауэрса, и Виктора Криса, и Белча Хаггинса, н остальных. Какой кучкой бездельников они были — Стэн Урис с его большим еврейским носом, Билл Денбро, который не мог и слова сказать, не заикаясь) кроме «Привет, Силвер», так что это бесило, Беверли Марш со своими синяками и сигаретами в рукаве блузки, Бен Хэнском, который был такой огромный, что выглядел человеческой разновидностью Моби Дика, и Ричи Тозиер со своими толстыми очками, умным ртом и лицом, черты которого и выражение беспрерывно менялись. Можно одним словом обозначить их тогдашнюю сущность? Можно. Всего одним словом. В данном случае словом — тряпки.

Как это вернулось.., как все это вернулось.., и сейчас он стоял здесь в комнате, дрожа, как беспомощная бездомная собачонка, застигнутая грозой, дрожа, потому что парни, с которыми он бежал — это не все, что он припомнил. Было еще другое, то, о чем он не думал годами, трепеща под землей.

Кровавое.

Темнота. Какая-то темнота.

"Дом на Нейболт Стрит — и кричащий Билл: *Ты уубил моего брата, подддонок!"*

Помнил ли он? Достаточно, чтобы больше не хотеть вспоминать.

Запах отбросов, запах дерьма и запах чего-то еще. Еще хуже. Это была вонь зверя, ЕГО дерьмо, там внизу, в темноте под Дерри, где машины громыхали и громыхали. Он вспомнил Джорджа...

Но это было уже слишком, и он побежал к ванной, наткнувшись по дороге на стул и чуть не упав. Он сделал это.., с трудом. На коленях прополз по скользкому кафелю, словно какой-то дикий исполнитель брейка, ухватился за края унитаза и его вывернуло наизнанку до кишок. Но даже после этого он не остановился; вдруг увидел Джорджа Денбро, как будто в последний раз видел его вчера, Джорджа, который был началом всего этого, Джорджа, который был убит осенью 1957 года. Джорджи погиб сразу после наводнения, одна руки у него была с мясом вырвана из сустава, и Рич заблокировал все это в своей памяти. Но иногда такие вещи возвращаются, да, да, иногда они возвращаются.

Спазм прошел, и Ричи стал приходить в себя. Вода шумела. Его ранний ужин, отрыгнутый огромными кусками, исчез в канализации.

В сточных трубах.

В вонь и темень сточных труб.

Он закрыл крышку, положил на нее голову и начал плакать. С момента смерти матери в 1975 году он кричал впервые. Потом бездумно нажал подглазья, и контактные линзы, которые он носил, выскользнули и замерцали на ладонях.

Через сорок минут, очистив желудок, он закинул чемоданы в багажник своей MG и вывел ее из гаража. Темнело. Он посмотрел на дом с новыми посадками, он посмотрел на пляж, на воду. И в него вселилась уверенность, что он никогда этого больше не увидит, что он странствующий мертвец.

— Теперь едем домой, — прошептал про себя Ричи Тозиер. — Едем домой, да поможет нам Бог, домой.

Он включил коробку передач и поехал, снова чувствуя, как легко было преодолеть неожиданную трещину в том, что он считал прочной жизнью — как легко добраться до темени, выплыть из голубизны в черноту.

Из голубизны в черноту, да, так. Где ожидает все, что угодно.

3

Бен Хэнском пьет

Если в ту ночь 28 мая 1985 года вам бы захоте-

лось найти человека, которого журнал «Тайм» назвал «возможно, самым многообещающим архитектором Америки», то пришлось бы ехать на запад от Омахи к границе штатов, в этом случае вам надо было бы воспользоваться дорогой на Сведхольм и по шоссе 81 достичь центра Сведхольма. Там, у кафетерия Бакки («Цыплята-гриль — наша специализация!») вы бы свернули на шоссе 92, а оказавшись за пределами города, держались бы шоссе 63, которое тянется прямо, через пустынный городишко Гатлин и в конце концов ведет в Хемингфорд Хоум. Центр Хемингфорд Хоум вынудил центр Сведхольма походить на Нью-Йорк Сити; деловой центр состоял там из восьми зданий — пять на одной стороне и три на другой. Там была парикмахерская Клина Ката (в витрине торчала желтеющая, сделанная от руки вывеска пятнадцатилетней давности со словами: «Если ты хиппи, стригись в других местах»). Там было отделение банка домовладельцев Небраски, автозаправочная станция 76 и Государственная фермерская служба. Единственным бизнесом в городе была поставка скобяных изделий, а выглядел он так, словно был на полпути к процветанию.

На краю большого незастроенного простран-

ства, отступив несколько от других зданий, и выделяясь, как пария, стояла главная придорожная закусочная «Красное колесо». На автостоянке, изрытой заполненными грязью рытвинами, вы могли бы увидеть «Кадиллак» выпуска 1968 года, с открывающимся верхом и двумя антеннами сзади. Престижный номерной знак говорил просто: «Кедди» Бена. Войдя в закусочную, вы нашли бы того, кого искали — долговязого, загорелого человека в легкой рубашке, выцветших джинсах и в изношенных саперных ботинках. Легкие морщинки виднелись у него только в уголках глаз. Он выглядел лет на десять моложе своего возраста, а было ему тридцать восемь лет.

«Хеллоу, мистер Хэнском», — сказал Рикки Ли, положив бумажную салфетку на стойку, когда Бен сел. Рикки Ли казался слегка удивленным, да он и был удивлен. Никогда раньше не видел он Хэнскома в «Колесе» в будни. Бен регулярно приезжал сюда вечером по пятницам за двумя кружками пива, а по субботам — за четырьмя-пятью, он всегда осведомлялся о здоровье трех мальчишек Рикки Ли, он оставлял неизменные пять долларов чаевых под пивной кружкой, когда уходил. Но в плане профессионального разговора и личной симпатии он был Далеко не

самым любимым посетителем Рикки Ли. Десять долларов в неделю (и еще за последние пять лет пятьдесят долларов под кружкой в Рождество) это было отлично, но хорошая мужская компания стоила больше. Достойная компания всегда была редкостью, но в кабаке, подобном этому, где шла самая примитивная болтовня, она случалась реже, чем зубы у курицы.

Хотя родом Хэнском был из Новой Англии и учился он в колледже в Калифорнии, в нем было что-то от экстравагантного техасца. Рикки Ли рассчитывал на субботне-воскресные остановки Бена Хэнскома, потому что за эти годы убедился, что на него твердо можно рассчитывать. Мистер Хэнском мог строить небоскреб в Нью-Йорке (где им уже было построено три из наиболее нашумевших зданий города), новую картинную галерею в Редондо Бич или торговый центр в Солт Лейк Сити, но каждую пятницу он въезжал в ворота, ведущие на автостоянку, так, словно бы жил не далее чем на другом конце города и, поскольку по телевизору не было ничего хорошего, решил заскочить сюда. У него был свой самолетик и личная взлетно-посадочная полоса на ферме в Джанкинсе.

Два года назад он был в Лондоне, сначала про-

ектируя и затем наблюдая за строительством нового центра связи Би-би-си — здания, о котором до сих пор шли жаркие споры в английской прессе, выдвигались все «за» и «против». («Гардиан»: «Возможно, это самое красивое здание, из сооруженных в Лондоне за последние двадцать лет»; «Миррор»: «Уродливейшая вещь, из всего, что я когда-либо видел»). Когда мистер Хэнском взялся за ту работу, Рикки Ли подумал: *«Ну, когда-нибудь я снова увижу его. А может, он просто забудет обо всех нас».* И действительно, в пятницу, после своего отъезда в Лондон, Бен Хэнском не появился, хотя Рикки Ли поймал себя на том, что между восемью и девятью тридцатью он смотрит на открывающуюся дверь. *Да, когда-нибудь я увижу его. Может быть.* «Когда-нибудь» обернулось следующим вечером. Дверь открылась в четверть десятого, и он вошел легкой походкой, в джинсах, рубашке и старых саперных ботинках — как будто бы приехал из соседнего городка. И когда Рикки Ли крикнул почти радостно: «Хей, мистер Хэнском! Бог ты мой! Что вы здесь делаете?», м-р Хэнском посмотрел на него слегка удивленно, как будто в его появлении здесь не было ничего необычного. И это был не эпизод; он показывался в «Красном колесе» каждую субботу в течение

двух лет его работы с Би-би-си. Он улетал из Лондона каждую субботу на Конкорде, в 11.00 утра — как говорил зачарованному Рикки Ли — и прибывал в аэропорт Кеннеди в Нью-Йорке в 10.15 — за сорок пять минут до того, как вылетал из Лондона, по крайней мере по часам («Боже, это как путешествие во времени, а?» — говаривал впечатленный Рикки Ли). Невдалеке останавливался лимузин, чтобы довезти его в аэропорт Тетерборо в Нью-Джерси — поездка, которая в субботу утром занимает обычно не более часа. Он мог сидеть в кабине пилота в своем Лире без проблем до 12.00 и коснуться земли в Джункинсе к двум-тридцати. Если движешься на запад достаточно быстро, сказал он Рикки, день кажется бесконечным. Затем у него был двухчасовой сон, час он проводил с прорабом и полчаса с секретаршей. Затем ужинал и приезжал в «Красное колесо» часика на полтора. Он всегда приходил один, сидел в баре и уходил тоже один, хотя известно, что в этой части Небраски полно женщин, которые были бы счастливы снимать ему носки. Потом он обычно спал на ферме шесть часов, после чего весь процесс повторялся в обратном порядке. У Рикки не было ни одного клиента, на которого бы не производило впечатление это его повест-

вование. «Может быть, он педераст», — сказала однажды какая-то женщина. Рикки Ли посмотрел на нее коротко, оценивая тщательно уложенные волосы, тщательно сшитую одежду, которая несомненно имела ярлык модельера, бриллиантовые сережки в ушах, выразительные глаза, и понял, что она с востока, возможно из Нью-Йорка, а здесь находится в гостях у родственницы или, может быть, старой школьной приятельницы и ждет не дождется, когда выберется отсюда. "Нет, — ответил он. — Мистер Хэнском не «голубой». Она вытащила пачку сигарет «Дорал» из сумочки и зажала одну в ярко красных своих губах, а он поднес ей зажигалку. «Откуда вы знаете?» — спросила она, слегка улыбаясь. «Знаю», — сказал он. И знал. Он мог бы сказать ей: я думаю, он ужасно одинокий человек, самый одинокий из всех, кого я когда-либо встречал в своей жизни. Но он никогда бы не сказал такой вещи этой женщине из Нью-Йорка, которая смотрела на него так, будто он являл собой некий неведомый, весьма странный и забавный человеческий тип.

Сегодня мистер Хэнском выглядел бледным и несколько рассеянным.

— Привет, Рикки Ли, — сказал он, садясь, и принялся изучать свои руки.

Рикки Ли знал, что он намеревается провести следующие шесть-восемь месяцев в Колорадо-Спрингс, наблюдая за началом строительства там культурного центра — разветвленного комплекса из шести зданий, врезающихся в горы. *Когда центр будет готов,*сказал Бей Рикки Ли *некоторые люди станут говорить, что это выглядит так, будто гигантский ребенок разбросал кубики по лестничным пролетам. И в какой-то мере они будут правы. Но я думаю, центр будет работать.*

Рикки Ли подумал, что, возможно Хэнском только изображает некий испуг. Ведь когда ты столь заметная фигура, у кого-то вряд ли возникает желание на тебя охотиться. И это естественно. *А*может, его укусило насекомое? Их чертовски много вокруг.

Рикки Ли взял кружки со стойки и потянулся к пробке («Олимпией».

— Не надо, Рикки Ли.

Рикки Ли с удивлением обернулся, но когда Бен Хэнском отвел руки от лица, он внезапно испугался. Потому что на его лице бы; не театральный испуг, и не муха его укусила или что-то в этом роде Он выглядел так, будто ему только что нанесли страшный удар, он все еще пытается

понять, что же такое его ударило.

Кто-то умер. Он не женат, но у каждого есть семья, и кто-то в его семье только что был повержен в прах, свалился замертво Вот что произошло, и это так же, верно, как то, что говно и, сортира спускается вниз.

Кто-то из посетителей опустил в автопроигрыватель четверть доллара, и Барбара Мандрелл стала петь о пьяном мужчине и одинокой женщине.

— У вас все в порядке, мистер Хэнском?

Бен Хэнском посмотрел на Рикки Ли из глубины своих глаз, которые вдруг постарели на десять — нет, на двадцать — лет по сравнению с лицом, и Рикки Ли был крайне удивлен, увидев, что волосы мистера Хэнскома седеют. Он никогда раньше не замечал седины в его волосах.

Хэнском улыбнулся. Улыбка была страшная, мрачная. Улыбка трупа.

— Не думаю, что в порядке, Рикки Ли. Нет. Сегодня нет. Вообще нет.

Рикки Ли поставил кружку и подошел к тому месту, где сидел Хэнском. В баре было человек двадцать — не больше, чем в ночном баре, работающем по понедельникам задолго до открытия футбольного сезона. Анни сидела у двери в кух-

ню, играя в крибидж с поваром.

— Плохие новости, мистер Хэнском?

— Да плохие. Плохие новости из дома. — Он посмотрел на Рикки Ли. Он посмотрел через Рикки Ли.

— Я очень огорчен, что слышу это, мистер Хэнском.

— Спасибо, Рикки Ли.

Он замолчал; Рикки Ли собирался было спросить, чем он может быть полезен, когда Хэнском сказал:

— Какое виски у тебя в баре?

— Для кого-нибудь другого в этом кабаке — «Четыре розы», — сказал Рикки Ли, — но для вас, я думаю, «Дикий турок».

Хэнском улыбнулся одними губами.

— Я очень тебе признателен, Рикки Ли. Возьмика кружку и наполни ее «Диким турком».

— Кружку?

— спросил ошарашенный Рикки Ли. — Господи, да мне придется выносить вас отсюда — "Или вызывать «скорую», — подумал он.

— Не сегодня, — сказал Хэнском, — не думаю.

Рикки Ли внимательно посмотрел в глаза мистера Хэнскома: не шутит ли он? И ему потребовалось менее секунды, чтобы понять: нет, не

шутит. Поэтому он вытащил кружку из бара и бутылку «Дикого турка» с одной из нижних полок. Горлышко бутылки стукалось о края кружки, когда он наливал. Он зачарованно наблюдал, как булькает виски. Да, мистер Хэнском не иначе как техасец, решил Рикки Ли, ведь такую порцию виски он никогда еще не наливал и вряд ли кому-нибудь еще нальет в своей жизни.

Вызывай «скорую», малый. Виски раздавит этого малыша, мне придется вызывать Паркера и Уотерса из Сведхольма за катафалком.

Тем не менее он поставил бутылку перед Хэнскомом; отец говорил однажды Рикки Ли, что, если человек в здравом уме, следует принести ему то, за что он платит, неважно, моча это или яд. Рикки Ли не знал, хорош ли совет, зато точно знал: если вы содержите бар ради куска хлеба, это совет отличный, и он спасает вас от искушения копошиться в собственной совести.

Хэнском минутку задумчиво смотрел на адский напиток, а затем спросил:

— Сколько я вам должен за такую порцию, Рикки Ли?

Рикки Ли медленно покачал головой, не отрывая взгляда от кружки с виски, чтобы не видеть запавших, пронизывающих глаз Хэнскома.

— Нет, — сказал он, — я угощаю.

Хэнском снова улыбнулся, на этот раз более естественно. — Что ж, спасибо, Рикки Ли. Сейчас я что-то покажу вам, о чем узнал в Перу в 1978 году. Я работал там с парнем по имени Фрэнк Биллингс — я бы сказал, в паре с ним. По-моему, черт возьми, Фрэнк Биллингс был лучшим архитектором в мире. Он схватил лихорадку, врачи всадили ему биллион разных антибиотиков, и ни один не помог. Он сгорел за две недели и умер. То, что я покажу вам, я узнал от индейцев, которые работали с нами над проектом. У них хорошо варят черепушки, обычно вы глотаете, вроде бы испытывая при этом приятное ощущение, но у вас во рту словно бы кто-то зажигает факел и направляет его в глотку. А индейцы пьют спиртное, как кока-колу, я редко видел там пьяных, и ни разу никого — с похмелья. У меня же никогда не было целого бурдюка со спиртным, чтобы попробовать их метод. Думаю, сегодня получится. Принесите мне несколько ломтиков лимона.

Рикки Ли принес четыре ломтика и аккуратно положил их на свежую салфетку, рядом с кружкой, в которой был виски. Хэнском взял одну дольку, запрокинул голову назад, будто собирался закапать себе глазные капли, а затем начал

выжимать свежий лимонный сок в правую ноздрю. «Боже правый!» — Рикки Ли в ужасе.

У Хэнскома задвигался кадык. Покраснело лицо.., затем Рикки Ли увидел, как слезы катятся к ушам по гладким плоскостям его лица. Теперь на автопроигрывателе были Спиннеры, они пели песню о любопытном. «О, господи, я прямо не знаю, сколько я могу вынести», — пели Спиннеры.

Хэнском, не глядя, нащупал еще один ломтик лимона и выжал сок в другую ноздрю.

«Вы, черт возьми, убьете себя», — прошептал Рикки Ли. Хэнском кинул отжатый лимон на стойку бара. Глаза у него страшно покраснели и сперло дыхание. Яркий лимонный сок выливался из обеих ноздрей и стекал к уголкам рта. Он нащупал кружку, поднял ее и выпил треть. Рикки Ли сдержанно наблюдал, как кадык его ходит вверх-вниз.

Хэнском отставил кружку, поежился, затем кивнул. Он посмотрел на Рикки Ли и слегка улыбнулся. Глаза его уже не были красными.

— Вы настолько озабочены своим носом, что не чувствуете, что проходит в вашу гортань.

— Вы сумасшедший, мистер Хэнском, — сказал Рикки Ли.

— Даю голову на отсечение, — сказал мистер Хэнском. — Помните это, Рикки Ли? Мы обычно говорили, когда были маленькими: «Даю голову на отсечение». Я когда-нибудь говорил вам, что был толстым?

— Нет, сэр, никогда, — прошептал Рикки Ли. Теперь он был убежден, что из-за мощного своего интеллекта мистер Хэнском сошел с ума.., или временно потерял себя.

— Я был нюней. Никогда не играл в бейсбол или баскетбол и салили меня первым. Да, я был толстый. В моем городке были такие мальчишки, которые постоянно потешались надо мной. Регинальд Хаггинс, например, все называли его Белч или Виктор Крисс и другие. Но мозговым центром был Генри Бауэре. И если существовал когда-нибудь дьявольский парень, топчущий тело земли, Рикки Ли, то это был Генри Бауэре. Потешались они не только надо мной, но я к тому же не умел бегать так быстро, как другие.

Хэнском расстегнул рубашку и открыл грудь. Наклонившись, Рикки Ли увидел необычный, крученый шрам на животе мистера Хэнскома, прямо над пупком. Старый, зарубцевавшийся, белый, в виде буквы. Кто-то вырезал букву "Н" на животе этого человека, может быть, задолго до

того, как он стал мужчиной.

— Это сделал Генри Бауэре. Около тысячи лет назад...

— Мистер Хэнском...

Хэнском взял еще две Дольки лимона, по одной в каждую руку, запрокинул голову, как бы намереваясь закапать в нос. Но его передернуло, он отложил ломтики в сторону и сделал два больших глотка из кружки. Вздрогнул, сделал еще один большой глоток и с закрытыми глазами провел рукой по краю стойки. В какой-то момент он походил на человека, находящегося на парусник и во время сильной качки державшегося за борт, чтобы сохранить равновесие. Потом он открыл глаза и улыбнулся Рикки Ли.

— Я бы всю ночь мог ездить на этом быке, — сказал он.

— Мистер Хэнском, я бы хотел, чтобы вы этого больше не делали, — сказал нервозно Рикки Ли.

Анни подошла к официантской стойке с подносом и потребовала пару «Миллеров». Рикки Ли дал их ей. Ноги у него были как ватные.

— С мистером Хэнскомом все в порядке, Рикки Ли? — спросила Анни. Она смотрела на Рикки Ли сзади, и он обернулся на ее взгляд.

Мистер Хэнском склонился над баром, осторож-

но выковыривая ломтики из банки, в которой Рикки Ли хранил заправку к напиткам.

— Не знаю, — сказал он. — По-моему, нет.

— Тогда перестань катать шарики из говна и сделай что-нибудь. — Анни, как и большинство других женщин, была неравнодушна к Бену Хэнскому.

— Ладно. Папа всегда говорил, что если человек в здравом уме...

— У твоего папаши не было мозгов. Хватит о твоем папаше. Ты должен прекратить это, Рикки Ли. Он убьет себя.

Рикки Ли снова подошел к Бену Хэнскому. — Мистер Хэнском, я действительно думаю, что вам...

Хэнском запрокинул голову. Выдавил лимон, и на этот раз спокойно втянул в себя лимонный сок, как будто это кокаин. Отпил виски, как будто это вода. И торжествующе посмотрел на Рикки Ли.

— Бим-бом, я видел всю шайку, танцующую на коврике у меня в гостиной, — сказал он и улыбнулся. В кружке оставалось совсем немного виски.

— Достаточно, — сказал Рикки Ли и потянулся к кружке.

Хэнском осторожно отодвинул ее. — Нанесен

ущерб, Рикки Ли, — сказал он. — Нанесен ущерб, старина.

— Мистер Хэнском, пожалуйста...

— У меня есть кое-что для твоих ребятишек, Рикки Ли. Черт подери, чуть не забыл!

На нем была выцветшая рубашка, и он вытаскивал что-то из кармана. Рикки Ли слышал приглушенное позвякивание.

— Мой отец умер, когда мне было четыре года, — сказал Хэнском. Голос у него был чистый. Он оставил нам кучу долгов. Я хочу, чтобы у твоих ребятишек было вот это, Рикки Ли. Он положил три серебряных доллара на стойку, и они замерцали под мягким светом. Рикки Ли сдержал дыхание.

— Мистер Хэнском, это очень любезно, но я не мог бы...

— Их было четыре, но один я дал Заике Биллу и другим. Билл Денбро, вот его настоящее имя. Заика Билл — это мы его так звали, так же как говаривали тогда: «Даю голову на отсечение». Он был одним из самых лучших друзей, которые у меня когда-либо были, — у меня их было немного, даже такой толстый парень, как я, имел немного друзей. Заика Билл сейчас писатель.

Рикки Ли едва слышал его. Он зачарованно смотрел на серебряные монеты. 1921, 1923 и 1924.

Бог знает, какая была им теперь цена.

— Я не могу, — сказал он снова.

— Но я настаиваю, — мистер Хэнском взял кружку и осушил ее. Он смотрел прямо в глаза Рикки Ли. Его глаза были бесцветные, воспаленные, но Рикки Ли поклялся бы на Библии, что это были глаза трезвого человека.

— Вы меня немного пугаете, мистер Хэнском, — сказал Рикки Ли. Два года назад один малый из местных, Грешам Арнольд, пришел в «Красное колесо» с рулоном четверть долларовых купюр в руке и двадцатидолларовой бумажкой, засунутой в края шляпы. Он вручил рулон Анни с указанием класть по четыре двадцатипятицентовика в автопроигрыватель. Двадцать долларов он оставил на стойке бара и велел подавать выпивку бесплатно — ввести такую систему. Этот малый, этот Грешам Арнольд, когда-то давно был звездой баскетбола в Хемингфорд Рэмз и вывел свою команду на командное первенство (первое, и вполне вероятно, последнее) среди школ. Это было в 1961 году. Перед молодым человеком, казалось, простирались неограниченные возможности. Но из университета его исключили в первом же семестре по неуспеваемости — жертва спиртного, наркотиков, ночных кутежей. Он приехал домой,

разбил машину, которую его предки подарили ему к окончанию школы, и стал коммивояжером у своего отца, который занимался дилерством. Прошло пять лет. Отец не смог зажечь его этой работой, поэтому он в конце концов продал свое дилерство и уехал в Аризону — его угнетала и состарила раньше времени необъяснимая и явно необратимая деградация сына. Пока дилерство еще принадлежало отцу, и Арнольд по крайней мере делал вид, что работает, он предпринял попытки воздержаться от пьянства. Потом оно его полностью захватило. Он мог нагрузиться, но всегда был как огурчик после ночи, проведенной в кабаке, угощая всех, и все его любезно благодарили, и Анни продолжала ставить «Мо Бенди Сонгз», потому что он любил «Мо Бенди Сонгз». Он сидел в баре, у стойки — на том же самом месте, где сейчас сидел мистер Хэнском, подумал Рикки Ли со все возрастающим беспокойством — выпил три-четыре «Бурбона», подпевая под автопроигрыватель, и, не вызвав никакого беспокойства, пошел домой, когда Рикки Ли закрыл «Колесо», повесился на ремне в клозете. Глаза Грешама Арнольда в тот вечер напоминали глаза Бена Хэнскома.

— Я вас пугаю, да? — спросил Хэнском, не отво-

дя глаз от Рикки Ли. — Он отодвинул кружку и сложил руки перед тремя серебряными монетами. — Вполне возможно. Но вы не так напуганы, как я.

— Что случилось? — спросил Рикки Ли. — Может быть... — Он облизнул губы. — Может, я могу вам помочь.

— Что случилось? — засмеялся Бен Хэнском. — Ну, не слишком многое. Сегодня ночью мне позвонил старый друг, Майкл Хэнлон.

Я совсем о нем забыл, Рикки Ли, но не это напугало меня. В конце концов, я был ребенком, когда знал его, а дети забывчивы, правда?

Конечно, забывчивы. Даю голову на отсечение. Но, что меня напугало, так это сознание того, что забыл я не только о Майке, но и обо всем том, что было в мои детские годы.

Рикки Ли посмотрел на него. Он абсолютно не понимал о чем говорил мистер Хэнском, но человек был определенно напуган. Это как-то не вязалось с Беном Хэнскомом, но это было так.

— Я имею в виду, что забыл ВСЕ об этом, — сказал он легонько постучав по стойке бара костяшками пальцев. — Приходилось ли; вам слышать, Рикки Ли, о столь полной амнезии, когда вы даже не знаете, что у вас амнезия?

Рикки Ли покачал головой.

— Я тоже не слышал. Но сегодня вечером я был в своем «Кэдди», и вдруг это меня ударило. Я вспомнил Майкла Хэнлона, но только потому, что он позвонил мне по телефону. Я вспомнил Дерри, но только потому, что он звонил оттуда.

— Дерри?

— Но это ВСЕ. Мне пришло в голову, толчком, что я даже не думал о том, что был ребенком, с.., не знаю, с какого момента. И затем все потоком начало вливаться обратно. Как то, что мы сделали с четвертым серебряным долларом.

— Что вы сделали с ним, мистер Хэнском?

Хэнском посмотрел на свои часы и внезапно слез со стула. Он слегка шатался, но только слегка. Это было все. — Я не могу позволить времени уйти от меня, — сказал он. — Я улетаю сегодня вечером.

Рикки Ли взглянул на него встревоженно, и Хэнском засмеялся.

— Улетаю, но не управляю самолетом, Рикки Ли. На этот раз нет. Авиакомпания Соединенных Штатов.

— Ох, — лицо Рикки Ли выразило облегчение. — Куда же вы летите?

Рубашка Хэнскома все еще была расстегнута.

Он задумчиво смотрел на белые линии старого шрама на животе, затем застегнул ее.

— Я думал, что сказал вам, Рикки Ли. Домой. Я лечу домой. Отдайте эти монеты своим ребятишкам.

Он пошел к двери, и что-то в том, как он шел, даже как подтягивал брюки, напугало Рикки Ли.

Сходство с усопшим и неоплакиваемым Грешамом Арнольдом вдруг стало настолько сильным, что он казался привидением.

— Мистер, Хэнском! — закричал Рикки Ли тревожно.

Хэнском обернулся, а Рикки Ли быстро отступил. Задним местом он ударился о стойку бара, посуда звякнула, когда бутылки стукнулись друг о дуга. Он отступил, потому что убедился вдруг, что Бен Хэнском мертв. Да, Бен Хэнском лежал где-то мертвый в канаве или на чердаке или, возможно, висел в сортире с ремнем на шее, и кончики его четырехсотдолларовых ковбойских ботинок болтались в дюйме-двух от пола, а то, что стояло около автопроигрывателя и в упор смотрело на него, было привидением.

На мгновение — только на короткое мгновение, но этого было достаточно, чтобы почувствовать, как индевеет сердце — Рикки Ли показалось,

что он может видеть прямо сквозь него столы и стулья.

— Что, Рикки Ли?

— Ннн-ничего.

Бен Хэнском посмотрел на Рикки Ли глазами, под которыми были темно-пурпурные круги. Его щеки побагровели от выпитого, нос был красным и воспаленным.

— Ничего, — снова прошептал Рикки Ли, но не мог отвести глаз от этого лица, лица человека, который умер во грехе и теперь стоит у дымящейся парами боковой двери ада.

— Я был толстым, и мы были бедными, — сказал Бен Хэнском. — Теперь я это помню. И я помню, что или девочка по имени Беверли, или Заика Билл спасли мне жизнь серебряным долларом. Я до безумия боюсь того, что могу еще вспомнить до конца ночи, но то, что я напуган, не имеет значения, все равно это придет. Это, как огромный пузырь, который все растет и растет в моем мозгу. Но я уезжаю, потому что всем, что я имею сейчас, я обязан тому, что мы сделали тогда, а человек должен платить за то, что получает в этом мире. Может быть, поэтому Господь сперва делает нас детьми и ставит к земле поближе, потому что знает: вам предстоит много падать и истекать

кровью, прежде чем вы выучите этот простой урок. Платить за то, что имеете, обладать тем, за что платите.., и рано или поздно, чем бы вы ни владели, все возвращается к вам домой.

— Вы вернетесь в конце недели, не так ли? — спросил Рикки Ли онемевшими губами. Во все возраставших страданиях это было единственное, все, за что он мог уцепиться. — Вы вернетесь в конце недели, как всегда, да?

— Не знаю, — сказал мистер Хэнском и улыбнулся жуткой улыбкой. — На этот раз я отправляюсь намного дальше Лондона, Рикки Ли.

— Мистер Хэнском!...

— Дайте эти монеты своим ребятишкам, — повторил тот и выскользнул в ночь.

— Что за черт? — спросила Анни, но Рикки Ли ее проигнорировал.

Он закрыл перегородку бара и подбежал к окну, которое выходило на стоянку машин. Он увидел, как включились передние фары на «Кэдди» мистера Хэнскома, услышал, как заводится двигатель. Машина тронулась, задние фары красными точками мелькнули на шоссе 63, и ночной ветер Небраски унес поднявшуюся пыль.

— Он сел в свой ящик накачавшись, и ты позволил ему уехать в этой его громадине, — сказала

Анни. — Ехать далеко, Рикки Ли.

— Ничего.

— Он убьется.

И хотя менее пяти минут назад это была его собственная мысль, Рикки Ли повернулся к Анни, когда погас свет фар «Кадиллака», и сказал:

— Не думаю, он так выглядел сегодня.., может, было бы лучше, если бы он убился.

— Что он сказал тебе?

Рикки Ли покачал головой. Все перемешалось у него в мозгу, и в целом это, по-видимому, ничего не значило. — Не имеет значения. Не думаю, что мы когда-нибудь еще увидим этого парня.

4

Эдди Каспбрак принимает лекарство

Если бы вам захотелось узнать все, что можно узнать об американце или американке, принадлежащих к среднему классу в конце тысячелетия, вам достаточно было бы заглянуть в его или ее аптечку. Боже ты мой, посмотрите в аптечку, когда Эдди Каспбрак открывает ее — с белым лицом и широко открытыми внимательными глазами.

На верхней полке — анацин, екседрин, контак, гелюзил, тиленол и большая синяя банка Вик, похожего на нависающие глубокие сумерки под

стеклом. Бутылка виварина, бутылка серутана, две бутылочки молока окиси магния Филипса, — дежурное лекарство, которое имеет вкус жидкого мела и аромат мяты — что-то наподобие мятного сока. Вот большая бутылка ролайдс рядом с большой бутылкой тамс. Тамс стоит рядом с большой бутылкой таблеток Ди-Джел с привкусом апельсина. Она как трио копилки, набитой пилюлями вместо монет.

Вторая полка — покопайтесь в витаминах: вы найдете Е, С, просто В, и В в сложном составе, и В-12. Здесь лизин, который, как предполагают, делает что-то с плохой кожей, и лецитин, который, как предполагают, делает что-то с холестеролом внутри и вокруг большого насоса — печени. Есть железо, кальций и рыбий жир. Есть разные поливитамины. А наверху самой аптечки — огромная бутылка жеритола — для стабилизации веса.

Двигаясь вправо по третьей палке, мы находим универсальных представителей мира запатентованных лекарств. Слабительные. Пилюли Картера. Они заставляют работать кишечник Эдди Каспбрака. Здесь, рядом, каопектат, пептоисмол и препарат Н на случай поноса или болезненного стула. Также Такс в банке с закручивающейся *крышкой* для туалета после испражнения. Здесь

есть состав 44 от кашля, никиль идвистан от отморожений, большая бутылка касторки. Есть банка сукретс, если заболит горло, и четыре зубных элексира: хлорасептик, цепакод, цепестат в пульверизаторе и, конечно, добрый старый листерин, имеющий много аналогов, но никогда не дублируемый. Визин и мурин для глаз. Мази кортаид и неоспорин для кожи (второй рубеж обороны, если лизин не оправдал ожиданий), кислородная подушка и несколько тетрациклиновых пилюль.

И с одной стороны, собравшись как заговорщики, стоят три бутылочки шампуня из угольной смолы.

Нижняя полка почти пуста, но ее наполнение — серьезный бизнес — на этой начинке вы могли бы совершать круиз. На этой начинке вы могли бы летать выше самолетика Бена Хэнскома. Здесь валиум, перкодан, славил идарвон-комплекс. На этой нижней полке стоит еще одна коробочка сакретс, но в ней сакретс нет. Если бы вы открыли ее, вы бы нашли шесть квалюдс.

Эдди Каспбрак верил в девиз бойскаутов.

Когда он зашел в ванную, в руках у него раскачивалась голубая сумка. Он поставил ее на рукомойник, открыл молнию и дрожащими

руками начал запихивать в нее бутылки, банки, тюбики, фляжки, пульверизаторы. В других обстоятельствах он брал бы их понемножку, но сейчас было не до нежностей. Выбор, как его видел Эдди, был прост и жесток в одно и то же время: либо ехать, либо оставаться на одном месте, начать думать, что все это значило, и просто умереть от страха.

— Эдди? — позвала его Мира снизу. — Что ты деееелаешь?

Эдди бросил коробочку сукретс. Аптечка почти опустела, остался Мирин мидол и маленький, почти использованный тюбик блистекса. Он помедлил чуть-чуть, затем забрал и блистекс. Начал было застегивать сумку, поразмыслил и бросил туда мидол. Могла бы купить и побольше.

— Эдди? — послышалось теперь уже с лестницы.

Эдди вышел из ванной, с одного бока раскачивалась сумка. Он был невысокий мужчина с пугливым, кроличьим лицом. Почти что все волосы у него выпали; оставшиеся вяло росли там и сям. Тяжесть сумки заметно клонила его в одну сторону.

Чрезвычайно большая женщина медленно взбиралась на второй этаж. Эдди слышал, как

под ней недовольно скрипят ступени. — Что ты *ДЕЕЕЕЕЕЕЛАЕШЬ?*

Эдди и без психиатра понимал, что он женился, в некотором смысле, на своей матери. Мира Каспбрак была огромна. Она была просто большая, когда он женился на ней пять лет назад, но иногда он думал, что бессознательно видит некий потенциал ее огромности; бог тому свидетель, его собственная мать была громадина. И Мира выглядела внушительнее, чем обычно, когда поднялась на площадку второго этажа. На ней была белая ночная рубашка, которая раздувалась на груди и на бедрах. Ее лицо, лишенное косметики, было белым и блестящим. Она выглядела сильно напуганной.

— Я должен на некоторое время уехать, — сказал Эдди.

— Что ты имеешь в виду — уехать? Что это был за телефонный звонок?

— Ничего, — сказал он, подлетая к большому стенному шкафу. Он положил сумку, открыл дверцу шкафа, и сгреб в сторону с полдюжины одинаковых черных костюмов, висевших там. Он всегда носил один из черных костюмов, когда работал. Затем он влез в шкаф, в котором пахло антимолином и шерстью, и вытащил один из

чемоданов. Открыл его и начал бросать туда одежду.

На него упала тень.

— В чем дело, Эдди? Куда ты собрался? Скажи мне!

— Я не могу сказать тебе.

Она стояла, глядя на него в замешательстве, не зная, что сказать и что предпринять. Мысль просто запихнуть его в шкаф, а затем прижать дверцу собственной спиной, пока не пройдет его безумие, пронзила ее мозг, но она не могла заставить себя сделать это, хотя вообще-то могла: она была на три дюйма выше Эдди и на сто фунтов перевешивала его. Она не могла придумать, что сделать или сказать, потому что такое было ему совершенно несвойственно. Она бы испугалась не больше, если бы, войдя в комнату, где стоит телевизор, увидела, что их новый с большим экраном телик летает по воздуху.

— Ты не можешь ехать, — услышала она сама себя. — Ты обещал достать мне автограф Аль-Пасино. Это был абсурд — бог тому свидетель, но даже абсурд здесь был лучше, чем ничего.

— Ты его получишь, — сказал Эдди. — Тебе придется самой привезти Пасино.

О, это был новый кошмар — как уместить такое

в ее бедной голове. Она издала слабый крик:

— Я не могу — я никогда...

— Тебе придется, — сказал он. Теперь он изучал свои ботинки. — Здесь не хватает одного.

— Мне не годится ни одно платье! Они слишком жмут в груди!

— Пусть Долорес выбросит одно из них, — сказал он беспощадно. Он бросил назад две пары ботинок, нашел пустую коробку из-под обуви и запихнул в нее третью пару. Хорошие черные ботинки, вполне еще годные, но для работы выглядят слишком потертыми. Когда вы ради куска хлеба возите богатых людей по Нью-Йорку, причем многие из них — известные богатые люди, все должно выглядеть на уровне. Эти ботинки уже не смотрелись, но он подумал, что они пригодятся там, куда собрался. Для всего того, что он, возможно, должен будет сделать, когда доберется туда. Может быть, Ричи Тозиер...

Но потом наступила чернота, рот его закрылся сам собой. Эдди панически осознал, что, упаковав всю чертову аптеку, он оставил самую важную вещь: свой аспиратор — там, внизу, на шкафчике со стереосистемой.

Он опустил крышку чемодана и закрыл его на замок. Он посмотрел вокруг, на Миру, которая

стояла в коридоре, прижав руку к толстой короткой шее, как будто у нее был приступ астмы. Она уставилась на него, на лице у нее был страх и ужас, и он, быть может, пожалел бы ее, если бы у него самого не наполнял бы сердце ужас.

— Что случилось, Эдди? Кто это был на телефоне? У тебя беда? Да? Какая у тебя беда?

Он подошел к ней, с сумкой на молнии в одной руке и чемоданом в другой, стоя теперь более или менее прямо, потому что в руках был приблизительно равный вес. Она загораживала проход на лестницу, и он подумал было, что она не отойдет. Но когда лицо его чуть не врезалось в мягкую засаду из ее грудей, она отступила.., в страхе. Когда он миновал ее, она разрыдалась несчастными слезами.

— Я не могу привезти Аль Пасино! Я врежусь в столб или еще куда-нибудь, я знаю, что я врежусь! Эдди, я бояюююююсь!

Он посмотрел на часы на столе у лестницы. Двадцать минут десятого. Клерк в Дельте сказал ему сухим голосом, что он уже опоздал: последний авиарейс на север в штат Мэн из Ля Гардиа — в восемь двадцать пять. Он позвонил в Американтранс и выяснил, что последний поезд на Бостон отправляется с Пен Стейшн в одиннадцать трид-

цать. Он бы его доставил до Сауссстейшн, а там он может взять кэб до офисов «Кейп Код Лимузин» на Арлингтон-стрит. «Кейп Код» и компанию Эдди «Ройал Крест» на протяжении многих лет связывало полезное и взаимовыгодное сотрудничество. Срочный звонок Бучу Каррингтону в Бостоне обеспечил ему передвижение на север — Буч сказал, что для него будет приготовлен «Кадиллак». Так что поедет он с шиком, без занудного клиента, сидящего на заднем сидении, дымящего вонючей сигарой и спрашивающего, не знает ли Эдди, где можно снять девочку, или несколько граммов кокаина, или то и другое вместе.

Ехать с шиком хорошо, подумал он. *С большим шиком можно было бы ехать в катафалке. Не волнуйся, Эдди — так ты может быть, будешь возвращаться назад. То есть, если от тебя что-либо останется.*

— Эдди?

Девять двадцать. Еще полно времени, чтобы поговорить с ней, полно времени, чтобы быть добрым. Ах, но лучше всего, если бы она сегодня молчала, если бы можно было выскользнуть из дома, оставив записку под магнитиком на дверце холодильника (он всегда оставлял записки Мире на дверце холодильника, потому что там они за-

метны). Уходить из дома как беглец — нехорошо, но так вот было еще хуже. Будто ты снова и снова уходишь из дома...

Иногда дом — это место, где лежит твое сердце, думал Эдди беспорядочно. *Я в это верю. Старик Бобби Фрост сказал, что дом — это место, где тебя всегда должны принимать, когда ты идешь туда. Увы, это также место, откуда тебя не хотят выпускать.*

Он стоял на лестнице, наполненный ужасом, тяжело дыша, и смотрел на свою рыдающую жену.

— Пойдем вниз, я расскажу тебе, что могу, — сказал он.

Эдди поставил сумку с лекарствами и чемодан с одеждой у двери в холле. Потом ему вспомнилось что-то еще.., как бы призрак его матери: она уже много лет была мертва, но он все еще часто мысленно слышал ее голос.

"Ты знаешь, Эдди, когда у тебя промокают ноги, ты всегда простужаешься — ты не как другие, у тебя очень слабый организм, тебе надо быть осторожным.

Вот почему ты должен всегда надевать галоши, когда идет дождь".

В Дерри часто шел дождь.

Эдди открыл шкафчик у выхода, снял с крючка свои галоши, где они аккуратно висели в полиэтиленовом пакете, и положил их в чемодан с одеждой.

Молодец, Эдди.

Он и Мира смотрели телевизор, когда случился весь этот бардак. Он взял телефонную трубку и вызвал такси. Диспетчер сказал, что оно будет через пятнадцать минут. Эдди ответил, что нет проблем.

Он положил трубку и взял аспиратор сверху плейера «Сони». *Я потратил пятнадцать сотен баксов на стереосистему, чтобы Мира не пропустила ни одной записи Барри Манилоу,* подумал он, а затем почувствовал внезапный прилив вины. Он купил роскошную стереосистему по тем же самым причинам, что и этот небольшой дом на Лонг-Айленде, где оба они болтались, как две горошины в банке: потому что это был способ смягчить, утешить мать, чтобы не слышать ее мягкий, испуганный, часто смущенный, но всегда непреклонный голос; он как бы говорил ей: "Я сделал это, ма! Посмотри на все это! *Я сделал это! Теперь, пожалуйста, ради Христа, заткнись хоть на время!"*

Эдди запихнул аспиратор в рот и, как человек,

имитирующий самоубийство, спустил защелку. Облачко с ужасным лакричным привкусом прошло в горло, и Эдди глубоко вздохнул. Он мог чувствовать толчки с трудом проходившего дыхания, напряженность в груди начала ослабевать, и вдруг он услышал голоса в голове, голоса-привидения.

"Вы *получили записку, которую я послала вам?*

Да, миссис Каспбрак, но...

Ну, если вы не умеете читать, Коуч Блэк, скажите мне лично. Вы готовы?

Миссис Каспбрак...

Хорошо. Давайте вот так — прямо из моих губ к вам в уши. Готовы? Мой Эдди не может заниматься физкультурой. Я повторяю: он НЕ может заниматься физкультурой. Он очень слабый, и если он бегает.., или прыгает...

Миссис Каспбрак, у меня есть результаты последнего медицинского обследования Эдди. Там говорится, что Эдди несколько маленький для своего возраста, но в остальном он абсолютно нормальный. Поэтому я позвонил вашему домашнему врачу, просто чтобы удостовериться, и он подтвердил...

Вы говорите, что я лгунья? Да, Коуч Блек? Ну, вот он! Вот Эдди, вот он стоит рядом со мной! Вы

слышите, как он дышит? Как?

Мам.., пожалуйста.., у меня все в порядке...

Эдди, ты знаешь, что нельзя перебивать старших.

Я слышу мальчика, миссис Каспбрак, но...

Слышите?

Хорошо! Я думала, что вы, может быть, глухой! Он дышит, как грузовик, поднимающийся в гору на малой скорости, не так ли?

И если это не астма...

Мама, я...

Спокойно, Эдди, не перебивай меня. Если это не астма, учитель Блэк, тогда я — королева Елизавета!

Миссис Каспбрак, Эдди очень счастлив на уроках физкультуры. Он любит играть в игры, и бегает он довольно быстро. В моем разговоре с доктором Бейнсом проскользнуло слово *«психосоматический». Интересно, рассматривали ли вы возможность...*

.., что мой сын ненормальный? Вы это пытаетесь сказать? ВЫ ПЫТАЕТЕСЬ СКАЗАТЬ, ЧТО МОЙ СЫН СУМАСШЕДШИЙ?

Нет, но...

Он слабый.

Миссис Каспбрак...

Мой сын очень слабый.

Миссис Каспбрак, доктор Бейнс подтвердил, что он не может найти ничего вообще...

...физически неполноценного", — закончил Эдди. Воспоминание о той унизительной встрече, когда его мать кричала на учителя Блэка в начальной школе Дерри, пока он задыхался у нее под боком, а другие ребята сошлись у одной из баскетбольных корзин и наблюдали за ними, пришло ему в голову сегодня впервые за многие годы. Он знал, что это не единственное воспоминание, которое звонок Майкла Хэнлона вернул ему. Он чувствовал, как к нему теснящейся толпой, рвутся другие воспоминания — еще хуже, еще отвратительнее, как толпа сумасшедших покупателей, создавших пробку в дверях универмага. Но скоро пробка рассосется, и они пройдут. Он был совершенно уверен в этом. И что они найдут в продаже? Его рассудок? Может быть. За полцены. Дым и отравленная вода. Все должно уйти.

— Ничего физически неполноценного, никаких физических отклонений, — повторил он, сделал глубокий вдох и положил аспиратор в карман.

— Эдди, — сказала Мира, — пожалуйста, скажи мне, что все это такое?

Следы слез блестели на ее пухлых щеках. Ее руки беспокойно двигались, как пара розовых безволосых животных в игре. Однажды, незадолго до того, как он предложил ей руку и сердце, он взял портрет Миры, который она ему подарила, и поставил его рядом с портретом своей матери, которая умерла от паралича сердца в возрасте шестидесяти четырех лет. Когда она умерла, вес ее перевалил за четыреста фунтов, точнее, она весила, четыреста шесть фунтов. Она стала прямо-таки уродливой к тому времени — ее тело казалось сплошным огромным пузом, в котором утопало студенистое, постоянно встревоженное лицо. Но ее портрет, который он поставил рядом с Мириным, был сделан в 1944 году, за два года до его рождения. *("Ты был очень слабым ребенком,* -шептала теперь в ухо его мама-привидение. *Много раз мы отчаивались, выживешь ли ты...")* *и* 1944 году его мать была относительно стройной — всего сто восемьдесят фунтов.

Он сделал это сравнение, подумал он, в последней попытке удержаться от чисто психологического инцеста. Он переводил взгляд с матери на Миру и снова на мать.

Они могли бы быть сестрами. Такое было сходство.

Эдди смотрел на два почти одинаковых портрета и обещал себе, что не совершит этого сумасшедшего поступка. Он знал, что мальчишки на работе уже шутят над Джеком Спрэгом и его женой, но они не знают и половины правд)". Шутки и жалкие замечания можно стерпеть, но действительно ли он хочет быть клоуном в таком вот фрейдистском цирке? Нет, не хочет. Он с Мирой сломает его. Он позволит ей спокойно спуститься, потому что она добрая, милая, и у нее было даже меньше опыта с мужчинами, чем у него с женщинами.

И потом, когда она дойдет до горизонта жизни, то может быть будет брать уроки тенниса, о которых он так мечтал.

«Эдди счастлив на уроках физкультуры?»

"Эдди любит играть в игры? и не станет упоминать тот клуб здоровья, который открылся на Третьей авеню по диагонали от гаража..."

«Эдди бегает достаточно быстро, он бегает достаточно быстро, когда вас здесь нет, бегает быстро, когда поблизости нет никого, кто напоминает ему о том, какой он слабый, и я вижу по лицу миссис Каспбрак, что он знает даже сейчас, в возрасте девяти лет, он знает, что самое большое счастье в мире, какое он мог

себе позволить, — это быстро бежать в любом направлении, чего вы не позволяете ему. Миссис Каспбрак, дайте ему БЕГАТЬ».

В конце концов он все-таки женился на Мире. Старые принципы и старые привычки оказались слишком сильными. Дом был местом, где, если ты должен идти туда, тебя сажают на цепь. О, он мог бы ударить призрак своей матери. Это было бы трудно, но он не сомневался, что смог бы сделать такое, если бы только это он и должен был сделать. Именно Мира обрекала его на волнения, захватила заботой, приковала усладой. Мира, как и его мать, фатально, неизбежно проникла в самую суть его характера. Эдди был все также слаб, потому что иногда подозревал, что он совсем не слаб; Эдди нужно защитить от его собственных слабых признаков возможной храбрости.

В дождливые дни Мира всегда вытаскивала его галоши из пластикового мешочка в клозете и ставила их около вешалки радом с дверью. Около его тарелки с не намазанным маслом пшеничным тостом каждое утро стояло блюдо чего-то напоминающего многоцветные воздушные хлопья и что при ближайшем рассмотрении оказывалось целым спектром витаминов (многие из которых Эдди уносил сейчас в своей аптечке). Мира, как

и мать, понимала его, и все возможности для него фактически были закрыты. Будучи молодым неженатым человеком, он трижды уходил от матери и трижды возвращался в ее дом. Затем, четыре года спустя после того, как мать умерла в первом зале своих королевских апартаментов, полностью заблокировав своей тушей переднюю дверь, так что парням из морга пришлось пробиваться черным ходом между кухней и служебной лестницей, он вернулся домой в четвертый и последний раз. По крайней мере, он поверил, что в последний — снова дома, снова дома, с Мирой — толстой жирной свиньей. Да, толстой жирной свиньей, но любимой, дорогой свиньей, он любил ее, и никакой другой возможности у него вообще не было. Она приворожила его к себе фатальной, гипнотизирующей мудростью.

«Снова дома навсегда», — думал он тогда.

"Но, может, я не прав, -размышлял он. — *Может, это не дом и никогда не был им, может дом — это куда я должен идти сегодня ночью. Дом — это место, где, когда ты идешь туда, оказываешься в конце концов лицом к лицу с тем, что в темноте".*

Он беспомощно поежился, как будто бы вышел на улицу без галош и схватил страшную

простуду.

— Эдди, *пожалуйста.*

Она снова начала рыдать. Слезы служили ей обороной, так же, как матери — защитой: нежное оружие, которое парализует, которое превращает доброту и нежность в неизбежные прорехи в вашей броне.

Не то чтобы он изнашивал много брони — броня, по-видимому, не шла ему.

Слезы были больше, чем защита, для его матери, они были оружием. Мира редко столь цинично использовала слезы, но, так или иначе, он понимал, что сейчас она пытается использовать их.., а в этом она преуспевала.

Он не мог уступить ей. Слишком большим искушением было поддаться мыслям о том, как одиноко будет ему в поезде, сквозь темноту летящим в Бостон — чемодан над головой, сумка, набитая лекарствами, между ног, страх сжимает грудь. Слишком просто разрешить Мире забрать его наверх и делать с ним любовь при помощи аспирина и алкоголя. И уложить его в постель, где они — то ли да, толи нет — занимались бы любовью более откровенно.

Но он обещал. *ОБЕЩАЛ.*

— Мира, послушай меня, — сказал он намерен-

но сухо и прозаично.

Она смотрела на него своими мокрыми, искренними, испуганными глазами.

Он думал, что сейчас попытается как можно лучше все ей объяснить: позвонил мол Майк Хэнлон и сказал ему, что это началось снова, что другие снова приезжают.

Но то, что вышло из него оказалось куда более здравой ерундой.

— Поезжай в офис — это первое, что нужно сделать утром. Поговори с Филом. Скажи ему, что я должен был уехать и что ты повезешь Пасино...

— Эдди, я просто не могу! — закричала она. — Он ведь большая звезда! Если я заблужусь, он будет кричать на меня, я знаю, будет, он будет кричать, они все кричат, когда водитель не знает дорогу.., может быть несчастный случай.., наверняка будет несчастный случай... Эдди... Эдди, ты должен остаться дома...

— Ради бога, *прекрати это!*

От его голоса она отшатнулась, как будто ее ударили; Эдди схватил свой аспиратор, но не воспользовался им. И она тот час усмотрела в том его слабость, слабость, которую могла бы использовать против него. *О Боже, если Ты есть, пожалуйста, поверь мне, я в самом деле не хо-*

чу обидеть Миру. Я не хочу зарезать ее, даже толкнуть ее не хочу. Но я обещал, мы все клялись кровью, пожалуйста, помоги мне. Господи, потому что я должен сделать это...

— Я терпеть не могу, когда ты кричишь на меня, — прошептала она.

— Мира, я сам это ненавижу, но должен, — сказал он, и она вздрогнула. *Ты идешь туда, Эдди — и снова нанесешь ей обиду. Избить ее, протащить по комнате было бы куда милосерднее. И быстрее.*

Вдруг — возможно, мысль избить кого-то вызвала новый образ — он увидел лицо Генри Бауэрса. За многие годы он впервые подумал о Бауэрсе, но это отнюдь не принесло ему спокойствия духа. Отнюдь, не принесло.

Он быстро закрыл глаза, затем открыл их и сказал:

— Ты не заблудишься, и он не будет кричать на тебя. Мистер Пасино очень милый, очень понятливый. — Он раньше никогда в жизни не возил Пасино, но успокаивал себя тем, что эта ложь — золотая середина: существовал миф, согласно которому большинство знаменитостей — говнюки, но Эдди возил их достаточно и знал, что на самом деле это не так.

Были, конечно, исключения из правил, и в большинстве случаев исключения были чудовищами! Но во имя Миры он надеялся, что Пасино — не из них.

— Да? — спросила она нежно -Да.

— Откуда ты знаешь?

— Деметриос возил его два или три раза, когда работал в «Манхэттан Лимузин», — сказал Эдди. — Он сказал, что мистер Пасино всегда дает на чай по меньшей мере пятьдесят долларов.

— Мне все равно, будь хоть пятьдесят центов, только бы ты не кричал на меня.

— Мира, это просто, как дважды два четыре. Первое, ты заезжаешь завтра в Сейнт Регис в 7.00 и везешь его в Эй-би-си. Они записывают последнее действие его пьесы — вроде бы она называется «Американский Буффало». Второе, ты везешь его обратно в Сейнт Регис около II. Третье, ты едешь назад в гараж, ставишь машину и подписываешь зеленый лист.

— Это все?

— Все. Ты можешь делать это без напряга, Марти.

Ее обычно смешило это уменьшительное имя, но сейчас она посмотрела на него с полной боли детской серьезностью.

— А что, если он захочет идти обедать вместо возвращения в отель? Или пить? Или дансинг?

— Не думаю, но если захочет, ты отвезешь его. Если будет похоже, что он собирается гулять всю ночь, ты можешь позвонить Филу Томасу по радиофону после полуночи. К тому времени у него освободится водитель, чтобы подменить тебя. Я бы тебя ни за что не озадачивал ничем подобным, если бы у меня был свободный водитель, но два парня больны, Деметриос в отпуске, а кто-то еще заказан заранее. Ты ляжешь в постель в час ночи, Марти — в час ночи, не позднее. Я гарантирую тебе это.

Она промолчала.

Он прочистил горло, подался вперед, с локтями на коленях. Мгновенно мама-привидение прошептала: *«Не сиди так, Эдди. Это вредит, твоей осанке и ты стесняешь легкие. У тебя очень слабые легкие».*

Он снова сел прямо, едва ли сознавая, что делает это.

— Хотя бы мне всего единственный раз пришлось везти, — почти простонала она. — Я превратилась в такую корову за последние два года, я в такой ужасной форме.

— Единственный раз, я клянусь.

— Кто звонил тебе, Эдди?

Как по сигналу, два световых луча пронеслись по стене, послышался гудок машины на дороге. Он почувствовал облегчение. Пятнадцать минут провели они в разговорах о Пасино вместо Дерри и Майкла Хэнлона, и Генри Бауэрса, и это было хорошо. Хорошо для Миры и для него тоже. Он бы раньше времени не хотел думать или говорить о таких вещах.

Эдди встал.

— Это мое такси.

Она вскочила так быстро, что наступила на кромку ночной рубашки и упала вперед. Эдди подхватил ее, но на мгновение исход был под большим сомнением: она перевешивала его на сотню фунтов.

Она начала опять канючить.

— Эдди, ты должен сказать мне!

— Не могу. Нет времени.

— Ты раньше никогда ничего не скрывал от меня, Эдди, — всхлипывала она.

— Я и сейчас не скрываю. Правда. Я всего не помню. Человек, который позвонил.., старый приятель. Он...

— Ты заболеешь, — сказала она отчаянно, провожая его к выходу. — Я знаю, заболеешь. Дай мне

добраться до сути, пожалуйста, я буду заботиться о тебе, Пасино может поехать на такси, с ним ничего не случится, ну скажи, а? Она говорило все громче, в голосе ее слышалось безумие, и, к ужасу Эдди, она становилась все более похожей на его мать, его мать, какой она была в последние месяцы перед смертью: старая, и толстая, и сумасшедшая. — Я буду тереть тебе спину и следить, чтобы бы принимал свои пилюли... Я... Я помогу тебе... Я не буду разговаривать, если ты не хочешь, но ты можешь мне все сказать... *Эдди... Эдди, пожалуйста, не уезжай! Эдди, пожаааааалуйста!*

Он шагал к выходу в какой-то прострации, с опущенной головой — так движется человек против сильного ветра. Он снова дышал с присвистом. Когда он поднял свои вещи, казалось, каждая весит сотню фунтов. Он чувствовал на себе ее пухлые розовые ладони, они касались его изучающе, тянулись к нему в беспомощном желании, но без реальной силы, пытались соблазнить его сладкой заботливостью, пытались вернуть его.

«Я не должен делать этого!» -думал он с отчаянием. Астма его усилилась с тех пор, когда он был ребенком. Он потянулся к ручке двери, но она как бы отступила от него, ушла в темноту

космического пространства.

— Если ты останешься, я сделаю тебе кофейный торт со сметаной, — лепетала она. — У нас есть воздушная кукуруза... Я сделаю обед из твоей любимой индейки. Я сделаю ее завтра на завтрак, если хочешь... Я начну прямо сейчас... *Эдди, пожалуйста, я боюсь, ты меня пугаешь...*

Она схватилась за его воротник и потащила его назад — так здоровенный фараон хватает подозрительного парня, пытающегося удрать. Эдди шел с угасающими усилиями.., и когда он совершенно истощился и утратил способность сопротивляться, ее руки разжались.

Она издала последний вопль.

Пальцы его схватились за дверную ручку — какой благословенно прохладной она была! Он толкнул дверь и увидел такси: ожидавший его посланец из страны здравого смысла. Ночь была ясной. Звезды были яркие и прозрачные.

Он повернулся к Мире — она всхлипывала и трудно дышала. — Ты должна понять, что я вовсе не ХОЧУ этого делать, — сказал он. — Если бы у меня был выбор — любой выбор вообще, — я бы не поехал. Пожалуйста, пойми это. Марта. Я уезжаю, но я вернусь.

В этом чувствовалась ложь.

— Когда? Как долго?

— Неделя. Или может быть десять дней. Конечно, не дольше.

— Неделя! — вскричала она, хватаясь за грудь, как примадонна в плохой опере. — Неделя! Десять дней! Пожалуйста, Эдди, *по-жаааааа...*

— Марта, прекрати. Ладно? Прекрати!

На удивление, она прекратила: остановилась и стояла, глядя на него мокрыми, с синевой, глазами, не сердясь, только напуганная за него и за себя. И, возможно, в первый раз за все годы, что он знал ее, он почувствовал, что несомненно может любить ее. Прощание было тому причиной? Видимо, да. Впрочем.., можно было устыдиться этого «видимо». Он ведь ЗНАЛ это. Он уже ощущал себя на другом, нехорошем конце телескопа. Но может быть, все было как надо? Может быть он почувствовал, что любовь к ней оправдана? Оправдана, хотя она была похожа на его мать в молодые годы, хотя грызла печенье в кровати, пока смотрела триллеры, рассыпая крошки вокруг и хотя не все в ней было о'кей, хотя она распоряжалась всеми его лекарствами в домашней аптечке, потому что свои собственные держала в холодильнике?

Много мыслей приходило ему в голову в разные времена в ходе его странно переплетающихся

жизней в качестве сына и любовника и мужа; теперь, когда он вероятно навсегда покидал этот дом, его осенила новая мысль.

Возможно ли, чтобы Мира была напугана даже больше, чем он?

Могло ли быть, чтобы его мать существовала?

Бессознательно и резко, как злобно шипящий фейерверк, пришло воспоминание из Дерри: на центральной улице города был обувной магазин. Однажды его мать взяла его туда — ему было тогда не больше пяти-шести лет — и велела сидеть тихо и быть паинькой, пока она купит пару белых туфелек для свадьбы. Он и сидел тихо и был паинькой, пока мать разговаривала с одним из продавцов — мистером Гарднером, но Эдди было только пять (или, может, шесть лет), и после того, как мать отвергла уже третью пару белых туфель, которую мистер Гарднер показал ей, Эдди наскучило так сидеть и он пошел в дальний угол, приметив там что-то интересное.

Сначала ему показалось, что это просто корзина, но подойдя поближе, он решил, что это стол. Самый чудной стол, из всех, какие он когда-либо видел. Очень узкий, из яркого полированного дерева с множеством нарезанных на нем линий и рисунков. Еще там были три ступеньки, а он

никогда не видел стола со ступеньками. Подойдя вплотную, Эдди увидел, что внизу столешницы — прорезь, с одной стороны — кнопка и еще что-то похожее на телескоп Капитана Видео.

Эдди прошел вокруг стола и увидел вывеску. Ему, должно быть, было как минимум шесть, потому что он умел читать и прошептал каждое слово:

"ВАША ОБУВЬ ВАМ ПОДХОДИТ?
ПРОВЕРЬТЕ И ПОСМОТРИТЕ!"

Обойдя «стол» вокруг, он забрался на три ступени на маленькую площадку и затем сунул ногу в прорезь. Его ботинки были в пору?

Эдди не знал, но ему очень хотелось посмотреть! Он сунул лицо в резиновую защитную маску и нажал кнопку. Зеленый свет залил его глаза. Эдди задыхался. Он мог видеть ногу, плавающую внутри ботинка, заполненного зеленым дымом. Он пошевелил пальцами: эти пальцы в самом деле были его пальцами. А потом он сообразил, что не только пальцы может видеть, но даже свои косточки.

Косточки своей ноги! Он скрестил большой палец ноги со вторым пальцем и таинственные косточки получились на рентгеноснимке, который был не белый, а зеленый. Он мог видеть...

Затем его мать пронзительно закричала, возраставший панический шум прорезал тишину обувного магазина, как убегающая лопасть жатвенной машины, как колокол на пожаре, как судьба. Он отпрянул с испуганным лицом от смотрового окошечка и увидел, как мать бросилась к нему через весь магазин; платье раздувалось за ней, грудь ее вздымалась, рот багрово округлился от ужаса. К ним повернулись посетители.

— *Эдди, выходи оттуда!* -кричала она. — *Уходи оттуда. От этих машин будет рак! Уходи оттуда, Эдди. Эддиииии...*

Он отпрянул, как будто машина вдруг раскалилась докрасна. В паническом испуге он забыл о легком полете звезд позади него. Он оступился и стал медленно падать назад, а руки балансировали, пытаясь сохранить равновесие. И разве он не думал с какой-то сумасшедшей радостью: *вот сейчас я упаду! Упаду, чтобы выяснить, что чувствуешь, когда падаешь и ударяешься головой!..*Разве он не так думал? А может быть его детскому разуму были навязаны взрослые представления. Так или иначе он не упал. Мать подбежала к нему как раз вовремя. Мать поймала его. Он расплакался, но не упал.

Все смотрели на них. Он помнил это. Он пом-

нил, как мистер Гарднер взял инструмент для мерки обуви и поставил какую-то маленькую скользящую штучку, чтобы убедиться, что у них все в порядке, а другой клерк поставил на место упавший стул, отряхивая руки с забавным отвращением, прежде чем надеть на себя снова любезно нейтральную маску. Больше всего он запомнил мокрые щеки матери и ее жаркое, кислое дыхание. Он помнил, как она снова и снова шептала ему на ухо: «Никогда этого не делай, никогда этого не делай, никогда». Вот что она бубнила, чтобы отвести от него беду. То же самое она пела годом раньше, обнаружив, что нянька в жаркий душный летний день повела его в общественный бассейн в Дерри-парк — это было как раз тогда, когда страх перед полиомиелитом пятидесятых годов немного улегся. Она вытащила его из бассейна, твердя, чтобы он больше никогда, никогда этого не делал, а все другие ребята, а также все служащие и посетители, смотрели на них, и ее дыхание также вот отдавало кислым.

Она вытащила его из «магазина», крича на служащих, что они предстанут перед судом, если что-то случится с ее мальчиком. Слезы текли у него все утро, и особенно давала себя знать астма. В ту ночь он долго лежал без сна, размышляя, что

такое рак, хуже ли он полиомиелита, сколько времени он убивает человека, насколько больно перед смертью. Еще он размышлял, не в ад ли он потом попадет.

Угроза была серьезной, он это знал.

Она была так испугана.

Она была в ужасе.

— Марта, — сказал он через пропасть лет, — ты меня поцелуешь?

Она расцеловала его и прижала к себе так крепко, что у него затрещали кости. Если бы мы были в воде, подумал он, она бы утопила нас обоих.

— Не бойся, — прошептал он ей в ухо.

— Я ничего не могу поделать, — всхлипнула она.

— Я знаю, — сказал он и осознал, что хотя она так крепко прижала его к груди, что трещали кости, астма его успокоилась. Свист прекратился. — Я знаю, Марта.

Таксист снова дал гудок.

— Ты позвонишь? — спросила она его, дрожа.

— Если смогу.

— Эдди, скажи, пожалуйста, что это?

А что, если рассказать? Насколько бы это ее успокоило?

«Марти, сегодня вечером мне позвонил Майкл

Хэнлон, и мы немного поговорили, но все, что мы сказали, сводилось к двум вещам. „Это началось снова, — сказал Майкл. — Ты приедешь?“ И сейчас у меня озноб, только этот озноб, Марти, нельзя приглушить аспирином, у меня нехватка дыхания, поэтому не помогает проклятый аспиратор, потому что нехватка дыхания не в горле и не в легких, а вокруг сердца. Я вернусь к тебе, если смогу, Марти, но я чувствую себя как человек, стоящий у края старой осыпающейся шахты, он стоит там и прощается с дневным светом».

Да уж, конечно! Это наверняка бы ее успокоило!

— Нет, — сказал он, — пожалуй я не могу рассказать тебе, что это.

И прежде чем она могла еще что-то произнести, прежде чем она могла начать снова: *(«Эдди, выйди из такси! У тебя будет рак!»),* он зашагал от нее, все прибавляя шаг. У такси он уже бежал.

Она все еще стояла в дверях, когда такси выехало на улицу, все еще стояла там, когда такси поехало по городу — большая черная тень — женщина, вырезанная из света, льющегося из дома. Он махал рукой и думал, что она машет ему в ответ.

— Куда мы направляемся, мой друг? — спросил

таксист.

— "Пени Стейшн", — сказал Эдди, его рука покоилась на аспираторе. Астма ушла куда-то вглубь бронхиальных трубок. Он чувствовал себя.., почти хорошо.

Но аспиратор понадобился ему больше, чем когда-либо, четыре часа спустя, когда он вышел из легкого забытья в спазматическом подергивании — так что парень в костюме бизнесмена опустил газету, посмотрел на него с некоторым любопытством.

"Я вернусь, Эдди! -кричала победно астма. — *Я вернусь ох, вернусь, и на этот раз* я, *может быть, убью тебя! Почему бы и нет? Когда-нибудь это должно произойти, ты ведь знаешь! Не могу же я, черт возьми, вечно сопровождать тебя!"*

Грудь Эдди подымалась и опускалась. Он потянулся за аспиратором, нашел его, направил в горло и нажал защелку. Затем он снова сел на высокое сидение, дрожа, ожидая облегчения, вспоминая сон, от которого он пробудился. Сон? Господи, если бы этим ограничилось. Он боялся, что то было скорее воспоминание, чем сон. Там был зеленый свет, как свет внутри рентгеновского аппарата в обувном магазине, и гниющий прокаженный тащил кричащего мальчика по

имени Эдди Каспбрак сквозь туннели под землей. Он бежал и бежал (он бежал достаточно быстро, *как учитель Блэк сказал его матери, и он бежал очень быстро от того гниющего прокаженного, который гнался за ним, о да, поверьте, даю голову на отсечение)* в своем сне, — где ему было одиннадцать лет, а затем почувствовал запах чего-то наподобие смерти времени, и кто-то зажег спичку, и он посмотрел вниз и увидел разложившееся лицо мальчика по имени Патрик Хокстеллер, мальчика, который исчез в июле 1958 года, и черви вползали и выползали из щек Патрика Хокстеллера, и тот жуткий запах исходил изнутри Патрика Хокстеллера, и в этом сне было больше воспоминания, чем сна, в котором он увидел два школьных учебника, которые разбухли от влаги и покрылись зеленой плесенью — «Дороги везде» и «Познание нашей Америки». Они были в таком состоянии, потому что там была отвратительная влага («Как я провел свои летние каникулы», тема Патрика Хокстеллера — «Я провел их мертвым в туннеле! На моих книгах вырос мох, и они распухли до размеров огромных каталогов!») Эдди открыл рот, чтобы закричать, и вот тогда скользкие пальцы прокаженного провели по его щекам и полезли в рот и вот тут он проснулся,

содрогаясь, будто ток прошел по его спине, и оказался не в сточных трубах под Дерри, штат Мэн, а в вагоне Американской транспортной компании в голове поезда, пересекающего Род-Айленд под большой белой луной.

Человек, сидевший через проход, поколебавшись, все же заговорил с ним:

— У вас все в порядке, сэр?

— О, да, — сказал Эдди. — Я уснул и видел плохой сон. Он вызвал астму.

— Понимаю.

— Газета опять поднялась. Эдди увидел, что это была газета, которую его мать иногда называла «Еврей-Йорк-таймс».

Эдди посмотрел из окна на спящий ландшафт, освещаемый только сказочной луной. Здесь и там были дома, иногда скопления их, в большинстве темные, лишь в некоторых горел свет. Но свет был едва заметным, фальшиво дразнящим, по сравнению с призрачным мерцанием луны.

Он думал, что луна разговаривает с ним -вдруг пришло ему в голову. *Генри Бауэре. Боже, он был такой сумасшедший.* Интересно, где сейчас Генри Бауэре? Умер? В тюрьме? Ездит по пустынным равнинам где-нибудь в центре страны, шныряя, как неизлечимый вирус, между часом и четырь-

мя — в часы, когда люди спят особенно крепко — или, может быть, убивая людей, настолько глупых, что они замедляли шаг на его поднятый палец, а он перекладывал доллары из их бумажника в свой собственный?

Возможно, возможно.

А может, он где-нибудь в психолечебнице? Глядит на луну, которая входит в полную фазу? Разговаривает с ней, слушает ответы, которые только он может слышать?

Эдди считал такое вполне вероятным. Он дрожал. *Мне вспомнилось наконец мое отрочество,* думал он. *Вспомнилось, как провел свои собственные летние каникулы в тот тусклый мертвый год 1958.* Он чувствовал, что теперь может припомнить почти любой фрагмент того лета, но ему не хотелось. *О, Боже, если бы только можно было снова забыть все это.*

Он прислонился лбом к грязному стеклу окна, держа аспиратор в руке, как талисман, а мимо поезда пролетала ночь.

Еду на север, думал он, но это была неправда.

Я еду не на север, потому что это не поезд. Это машина времени. Не на север — назад. Назад во время.

Ему казалось, будто он слышит, как тихо гово-

рит луна.

Эдди Каспбрак плотно сжал аспиратор и, почувствовав головокружение, закрыл глаза.

5

Порка Беверли Роган

Том почти что засыпал, когда зазвонил телефон. Он привстал, потянулся к нему, а затем почувствовал, как одна грудь Беверли прижалась к его плечу, когда она через него взяла трубку. Он снова упал по подушку, тупо соображая, кто звонил по их незарегистрированному телефонному номеру в такой поздний час. Он слышал, как Беверли сказал «алло», и затем отключился. Он отбил сегодня шесть мячей в ходе игры в бейсбол, волосы у него были всклокочены.

Затем голос Беверли, резкий и возбужденный:

— "Чтоооо?" — врезался в ухо как сосулька, и он открыл глаза. Он попытался сесть, и телефонный шнур врезался ему в шею.

— Сними с меня эту дерьмовую штуку, — сказал он, и она быстро встала и обошла вокруг кровати, держа телефонный провод согнутыми пальцами. Волосы у нее были огненно-красные и лились естественными волнами по ночной рубашке почти до талии. Волосы шлюхи. Ее глаза

не пересекались с его лицом, и Тому Рогану не нравилось, что он не может прочесть ее душевное состояние. Он сел. У него началась головная боль. Черт, она, может быть, была и перед тем, но когда ты заснул, ты этого не знаешь.

Он пошел в ванную, мочился там, похоже, часа три и затем решил, как только встанет, пойти в другой бар похмелиться.

Проходя через спальню к лестнице, в белых боксерских шортах, развевающихся, как паруса под его большим животом, а руки были как бы натяжками парусов (он больше походил на громилу из дока, чем на президента и генерального управляющего «Беверли Фэшинз»). Том глянул через плечо и грубо крикнул:

— Если звонит эта подстилка Лесли, скажи ей, пусть катится ко всем чертям и даст нам спать.

Беверли быстро посмотрела на него, покачала головой — это не Лесли, и затем снова сосредоточилась на телефоне. Том почувствовал, как мышцы на его шее напряглись. Это выглядело, как поражение. Поражение от Миледи. Херовой леди. Похоже было на что-то серьезное. Возможно, Беверли нужен краткий курс, чтобы напомнить, кто здесь старший. Возможно. Иногда она в нем нуждалась. И начинала понимать, где ее место.

Он сошел вниз через холл на кухню, рассеянно-автоматически вытаскивая из задницы шорты, и открыл холодильник. Там не нашлось ничего более алкогольного, чем синяя посудина с остатками «Томанова». Все пиво выпито. Даже фляжка, которую он прятал поглубже, тоже, выпита. Его глаза прошлись по бутылкам с крепкими напитками на стеклянной полке над кухонным баром, и он на мгновение представил себе, как наливает «Бим» на кубик льда. Затем он опять подошел к лестнице, посмотрел на циферблат старинных часов с маятником, висящих там, и увидел, что уже за полночь. Это не улучшило его настроения, которое никогда, даже в лучшие времена, не было хорошим.

Он медленно поднимался по лестнице, сознавая, ясно сознавая, как тяжело работает сердце. Ка-бум, ка-туд. Ка-бум, ка-туд. Он нервничал, когда чувствовал, что сердце бьется не только в груди, но и в ушах и запястьях. Иногда, когда такое случалось, он представлял себе, что сердце — вовсе не сжимающийся и разжимающийся орган, а огромный диск в левой части груди со стрелкой, медленно и зловеще приближающейся к красной зоне. Ему не нравилась вся эта чертовня, ему не нужна была эта чертовня. Что ему

нужно было — так это хороший ночной сон.

Но эта тупая идиотка, на которой он был женат, все еще висела на телефоне.

— Я понимаю, Майкл.., да.., да, я.., да, я знаю.., но...

Продолжительная пауза.

— Билл Денбро? — воскликнула она, и снова ледяная сосулька пронзила его ухо.

Он стоял за дверью спальни, пока к нему не вернулось нормальное дыхание. Теперь оно было ка-туд, ка-туд, ка-туд: сердцебиение прекратилось. Он быстро вообразил себе, что стрелка медленно отступает от красного поля, и затем отбросил это видение. Он был мужиком, да, настоящим мужиком, а не печью с плохим термостатом. Он был в хорошей форме. Он был железный. И если ей снова надо будет напомнить об этом, он рад будет ее проучить.

Он *собрался* было войти, затем передумал и постоял еще минуту, слушая, но не особенно вникая в то, с кем она говорит, и что говорит, только слушая интонацию ее голоса. И то, что он чувствовал, было старое, знакомое, тупое бешенство.

Он встретил ее в чикагском баре для холостяков четыре года назад. Разговор был очень легкий, потому что оба они служили в «Стэндард Брэндз

Билдинг», и у них были общие знакомые. Том работал у «Кинг и Лэндри, Паблик-Релейшиз», за сорок два доллара. Беверли Марш — так ее звали тогда — была помощником дизайнера в «Делиа Фэшнз», за двенадцать долларов. «Делиа» обслуживала вкусы молодежи — рубашки, блузы, шали и слаксы «Делиа» в больших количествах продавались в магазинах, которые Делиа Калсман называла «магазинами для молодежи», а Том — «магазинами для наркоманов». Том Роган сходу узнал две вещи о Беверли Марш: она была желанна и она была ранима. Менее, чем через месяц он узнал и третью: она была талантлива. Очень талантлива. В ее небрежных набросках платьев и блуз он видел денежный станок с редчайшими возможностями.

С «магазинами для наркоманов» надо покончить, думал он тогда, но до времени не стал говорить об этом. *Покончить с плохим освещением, с самыми низкими ценами, мерзейшими выставками где-нибудь в глубине магазина между наркопринадлежностями и рубашками рок-групп. Оставь все это говно для плохих времен.*

Он узнал о ней многое еще до того, как она поняла, что он всерьез интересуется ею, и этого

он как раз и хотел. Он всю жизнь искал подобную женщину, и рванул к ней со скоростью льва, изготовившегося к прыжку на медленно бегущую антилопу. Не то чтобы ее ранимость выступала на поверхность — вы видели перед собой шикарную женщину, изящную, и при этом очень аппетитную. Может быть, бедра были узковаты, зато выдающийся зад и хорошо поставленные груди — лучшее, что он когда-либо видел. Том Роган любил грудь, всегда любил, а высокие девочки почти никогда не оправдывали его надежд. Они носили тонкие рубашки, и их соски сводили с ума, но, заполучив эти соски, вы обнаруживали, что это все, что у них есть. Сами груди смотрелись как набалдашники на комоде. «Зря только рука работала», — любил говорить его сосед по комнате, впрочем сосед Тома был такой говнистый, что Том не вступал с ним в дебаты.

О, она была великолепна, с этим ее воспламеняющим телом и шикарными, ниспадающими на плечи красными волосами. Но она была слабая.., какая-то слабая. И будто посылала сигналы, которые только он мог принять. Были у нее кое-какие неприятные привычки: она много курила (но он почти что излечил ее от этого), никогда не встречалась глазами с собеседником; ее беспокойный

взгляд только мельком касался его, и она тут же отводила глаза. У нее была привычка слегка поглаживать локти, когда она нервничала; ее ухоженные ногти были слишком коротки. Том заметил это, когда встретился с нею в первый раз. Она отодвинула стакан белого вина, он увидел ее ногти и подумал: *какие короткие, верно, грызет их.*

Львы, может быть, не думают, по крайней мере, не так, как думают люди.., но они видят. И когда антилопы уходят от источника, чуя пыльный запах близящейся смерти, львы видят, как одна из них падает в хвосте стада, может быть, потому что у нее повреждена нога, или она просто медлительнее других.., или у нее менее других развито чувство опасности. Не исключено даже, что некоторые антилопы — и некоторые женщины — ХОТЯТ быть сломлены.

Вдруг он услышал звук, который резко вывел его из этих воспоминаний — щелчок зажигалки.

Снова вернулась тупая ярость. Его живот наполнился неприятным теплом. Курила. Она курила. Они провели несколько спецсеминаров на эту тему, семинаров Тома Рогана. И вот она снова делает это. Да, она плохо, медленно училась, но плохим ученикам нужен хороший учитель.

— Да, — сказала она. — Угу. Ладно. Да... — она слушала, затем издала странный, пьяный смешок, которого он никогда не слышал раньше. — Две вещи: закажи мне комнату и помолись за меня. Да, о'кей.., я тоже. До свидания.

Она клала трубку, когда он вошел. Он хотел было войти твердо и с криком прекратить это *немедленно, ПРЯМО сейчас,* но когда он увидел ее, слова застряли у него в горле. Он видел ее такой раньше, но не более двух-трех раз. Один раз перед их первой большой выставкой, второй — когда была предварительная демонстрация перед покупателями-соотечественниками, и третий — когда они поехали в Нью-Йорк за награждением.

Она мерила комнату большими шагами, ночная сорочка с завязками плотно облегала ее тело, из сигареты, зажатой между передними зубами (Боже, как он ненавидел, как она выглядит с хабариком во рту), тянется через левое плечо маленькое белое облачко, как дым из трубы локомотива.

Но его остановило именно ее лицо, оно подавило запланированный крик. Его сердце ухнуло — *кабамп!* -и он поморщился, внушая себе, что он почувствовал вовсе не страх, а только удивление, застав ее в таком виде.

Эта женщина оживала лишь в кульминации своего творчества. Это, конечно, всегда было связано с карьерой. В такое время он видел перед собой женщину совершенно отличную от той, какую так хорошо знал — женщину, которой до лампочки его чувствительный радар страха, которая подавляла его своими яростными вспышками. Женщина, которая выходила по временам из стресса, была сильная, но легко возбудимая, бесстрашная, но непредсказуемая.

Щеки ее пылали. Широко открытые глаза искрились, в них не осталось и намека на сон. Волосы потоком сбегали вниз по спине. И... О, смотрите, друзья и ближние! Вы только посмотрите сюда! Она вытаскивает чемодан из шкафа? Чемодан? О, Боже, да!

Закажи мне комнату.., помолись за меня.

Нет уж, ей не нужна будет комната ни в каком отеле, во всяком случае в обозримом будущем, потому что Беверли Роган останется здесь, дома, большое спасибо, и три-четыре дня будет принимать пищу стоя.

Помолиться ей все же не мешает перед тем, как он разделается с нею.

Она кинула чемодан в ноги кровати и пошла к бюро. Открыла верхний ящик и вытащила две

пары джинсов и пару плисовых брюк. Бросила их в чемодан. Снова к бюро, с сигаретой, пускающей дым через плечо. Она схватила свитер, пару рубашек, одну из старых блуз, в которой идиотски выглядела, но выбросить отказывалась. Кто бы ей ни звонил, человек этот не принадлежал к кругу путешественников-аристократов.

Не то чтобы его волновало, кто именно ей звонил и куда она собиралась ехать, все равно она никуда не поедет. Не это долбило его мозг, тупой и больной от недосыпа и сверх меры выпитого пива.

Причиной была сигарета.

Она говорила, что выбросила их. Но, выходит, надула его — доказательство было зажато в зубах. И так как она еще не заметила, что он стоит в дверях, то он позволил себе удовольствие вспомнить две ночи, которые уверили его в полном контроле над ней.

— Я не хочу, чтобы ты курила рядом со мной, -сказал он ей, когда они приехали домой с вечеринки в Лейк Форест. Это было в октябре. *— Я вынужден вдыхать это дерьмо на вечеринках и в офисе, но я не хочу дышать им, когда я с тобой. Ты знаешь, на что это похоже? Я скажу тебе правду, хотя и неприятную. Это все равно что*

есть чьи-то сопли.

Он ждал хотя бы слабой искры протеста, но она только посмотрела на него робко, желая угодить. Ее голос был низким, и нежным, и послушным. — *Хорошо, Том.*

— *Брось ее тогда.*

Она бросила. Том был в хорошем настроении весь остаток ночи.

Через несколько недель, выйдя из кинотеатра, она машинально зажгла сигарету в вестибюле и закурила, пока они шли к машине через автостоянку. Был ветренный ноябрьский вечер — ветер бил, как маньяк, в каждый квадратный сантиметр обнаженной поверхности кожи. Том вспомнил запах озера — такое бывает в холодные ночи — то был одновременно и запах рыбы, и запах какой-то пустоты. Он позволил ей курить сигарету. Он даже открыл перед ней дверцу машины. Он сел за руль, закрыл свою дверцу и затем сказал:

— Бев?

Она вытащила сигарету изо рта, повернулась к нему, вопрошая, и он разрядился: его тяжелая рука ударила ее по щеке — достаточно сильно, чтобы рука задрожала, достаточно сильно, чтобы ее голова откинулась назад. Ее глаза расшири-

лись от удивления и боли.., и чего-то еще. Рука потянулась к щеке, чтобы ощутить ее теплоту и дрожащую немоту. Она закричала:

— Ооооо! Том!

Он посмотрел на нее, его глаза сузились, рот улыбался небрежно. Он оживился, с интересом ожидая, что будет дальше, как она станет реагировать. Член в его брюках напрягался, но он едва ли замечал это. Это на потом. На сейчас урок был в самом разгаре. Он еще раз разыграл происшедшее. Ее лицо. Что это было за третье, едва мелькнувшее выражение? Первое удивление. Второе — боль. Затем *ностальгия?*

Взгляд памяти.., чьей-то памяти. Только одно мгновение. Она сама вряд ли знала, что это было — мысль или выражение.

Теперь — что она не сказала. Он знал это, как знал собственное имя.

Она не сказала: *«Сукин сын!»*

Не сказала: *«До свидания, город настоящих мужчин».*

Не сказала: *«Все, Том».*

Она только посмотрела на него ранеными, карими глазами и произнесла:

— Зачем ты сделал это?

Затем пыталась сказать еще что-то, но — зали-

лась слезами.

— *Выброси ее.*

— *Что? Что, Том?* -Ее косметика растеклась по лицу грязными следами. Он не обращал на это внимания. Ему даже нравилось видеть ее такой. Лицо было грязным, но в нем было что-то сексуально-возбуждающее. Сучье.

— *Сигарета. Выброси ее.*

Она поняла. И почувствовала себя виноватой.

— *Я просто забыла!* -закричала она. — *Это все!*

— *Выброси ее, Бев, или ты получишь еще одну пощечину!*

Она открыла окно и выбросила сигарету. Затем повернулась к нему, ее лицо было бледное, испуганное и какое-то суровое.

— *Ты не можешь.., ты не должен бить меня. Это плохой фундамент для дальнейших отношений.* -Она пыталась найти нужный взрослый тон, но у нее не получалось. Он подавил ее. Он был с ребенком в этой машине. Чувственным, адски возбуждающим, но ребенком.

— *Не могу и не должен — две разные вещи, девочка,* — *сказал он.* Он едва сдерживал свое ликование. — *И я один решаю, что будет составлять наши дальнейшие отношения, а что нет. Если ты можешь жить с этим, отлично. Если*

нет, ты можешь пойти пешком. Я не остановлю тебя. Я, может быть, вытолкну тебя в жопу, но не остановлю!

Это свободная страна. Что еще мне сказать?

— Ты уже, вероятно, достаточно сказал, -прошептала она, и он ударил ее снова, сильнее, чем в первый раз, потому что ни одна девка никогда не должна перечить Тому Рогану. Он бы стукнул королеву английскую, если бы она вздумала перечить ему.

Щекой она ударилась о дверцу. Рука ее схватилась за ручку, а затем упала. Она просто забилась в угол, как кролик, одной рукой закрыв рот, глаза большие, влажные, испуганные. Минуту Том смотрел на нее, затем вышел из машины и обошел ее сзади. Он открыл ее дверцу. Он дышал черным ветренным ноябрьским воздухом, и до него явственно доносился запах озера.

— Ты хочешь выйти, Бев? Я видел, как ты потянулась к ручке дверцы, поэтому я думаю, что ты, должно быть, хочешь выйти. О'кей. Хорошо. Я просил тебя что-то сделать, и ты сказала, что сделаешь. Потом ты не сделала. Так ты хочешь выйти? Давай. Выходи. Что за черт! Выходи. Ты хочешь выйти?

— Нет, -прошептала она.

— *Что? Мне не слышно.*

— *Нет, я не хочу выйти,* -сказала она немного громче.

— *У тебя что, эмфизема от этих сигарет? Если ты не можешь говорить, я дам тебе мегафон, черт возьми. Это твой последний шанс, Беверли. Скажи громко, чтобы я мог слышать тебя, ты хочешь выйти из этой машины или ты хочешь вернуться со мной?*

— *Хочу вернуться с тобой,* -сказала она, и схватилась руками за рубашку, как маленькая девочка. Она не смотрела на него. Слезы скользили по ее щекам.

— Ладно, — сказал он. — Прекрасно. Но сначала ты скажешь это мне, Бев. Ты скажешь: «Я не буду курить в твоем присутствии, Том».

Теперь она смотрела на него, глаза у нее были раненые, молящие, непонятные. «Ты можешь меня заставить сделать это» говорили ее глаза, — но, пожалуйста, не надо. Не надо, я люблю тебя, может это кончиться?

Нет — не могло.

— *Скажи это.*

— *Не буду курить в твоем присутствии. Том.*

— *Хорошо. Теперь скажи. «Прости».*

— *Прости,* -повторила она глухо.

Сигарета, дымясь, лежала на тротуаре, как отрезанный кусок взрывателя. Люди, выходящие из театра, смотрели на них — на мужчину, стоящего около открытой дверцы «Беги» последней модели, и на женщину, сидящую внутри: руки прижаты к губам, голова откинута назад, волосы ниспадают золотом в сумеречном свете, Он раздавил сигарету. Размазал ее по тротуару.

— Теперь скажи: «Я никогда не сделаю этого без твоего разрешения».

— Я никогда...

Она начала икать.

...никогда.., н-н-н...

— Скажи это, Бев.

...никогда не сделаю этого. Без твоего разрешения.

Он захлопнул дверцу и вернулся назад, на свое место водителя. Он сидел за рулем и вез их назад, к ним домой, в центр города. Никто из них не сказал ни слова. Одна половина отношений была улажена на автостоянке, вторая — через сорок минут, в постели Тома.

Не хочу заниматься любовью, — сказала она. Он увидел в ее глазах другую правду и напряженный клитор между ногами, и когда он снял ее блузку, ее соски были каменно-твердые. Она застонала,

когда он потер их, и сладострастно вскрикнула, когда он стал сосать сначала один, потом другой, безостановочно массируя их. Она взяла его руку и сунула ее между ног.

— *Я думал, ты не хочешь*, -сказал он, и она отвернула свое лицо.., но не дала уйти его руке, и движение ее губ ускорилось.

Он толкнул ее на постель.., и теперь он был мягкий, нежный, не рвал ее нижнее белье, а снимал его с тщательной осторожностью, что отдавало жеманством..

Войти в нее было подобно тому, чтобы войти в изысканную смазку.

Он двигался в ней, используя ее, но позволяя также ей использовать его, и она кончила первый раз почти сразу, крича и вдавливая ногти в его спину. Потом они раскачивались в длинных, медленных ударах и где-то там он подумал, что она снова кончает. Он подумал о счетах на работе, что у него будет все о'кей. Потом она начала делать более быстрые движения, ее ритм в конце концов растворился в диком оргазме. Он посмотрел на ее лицо — мазки туши, размазанную губную помаду, и почувствовал исступление.

Она дергалась бедрами сильнее и сильнее — в те дни между ними не было никакой пропасти,

и их животы ударялись друг о друга все более быстрыми шлепками.

В конце она закричала и потом укусила его плечо своими маленькими ровными зубами.

— *Сколько раз ты кончила?* -спросил он ее, когда они приняли душ.

Она отвернула лицо, и когда заговорила, голос ее был настолько тихий, что он еле уловил его. — *Ты не об этом должен спрашивать.*

— *Нет?*

Кто тебе сказал это? Мистер Роджерс?

Он взял ее лицо рукой, большой палец глубоко вошел в одну щеку, остальные сжали вторую, между ними в ладони прятался подбородок.

— *Ты разговариваешь с Томом,* -сказал он. — *Слышишь меня, Бев? Скажи папе.*

— *Три,* -неохотно сказала она.

— *Хорошо,* -сказал он. — *Можешь взять сигарету.*

Она посмотрела на него недоверчиво, ее красные волосы рассыпались по подушке, на ней не было ничего, кроме трусиков. Просто смотреть на нее вот так заставляло его машину работать снова. Он кивнул.

— *Продолжай,* -сказал он. — *Все верно.*

Через три месяца они официально пожени-

лись. Пришло двое его друзей и один ее, которого звали Кей Маккол; Том назвал его «трахатель грудастых феминисток».

Все эти воспоминания прошли через мозг Тома в доли секунды, как быстрая съемка, когда он стоял в дверях, наблюдая за ней. Она зарылась в нижнем ящике шкафа, и сейчас кидала в чемодан нижнее белье — не то, что он любил, скользящие атласные и гладкие шелковистые трусики; это был хлопок, хлопок, как для маленькой девочки, уже полинявший. Хлопчатобумажная ночнушка, которая выглядела словно из *«Маленького домика в прерия»*. Она пошарила в глубине нижнего ящика, чтобы посмотреть, что еще можно положить.

Между тем Том Роган прошел по ворсистому коврику к гардеробу. Ноги у него были голые и поступь бесшумная, как дуновение бриза. Сигарета. Вот что на самом деле свело его с ума. Прошло много времени с тех пор, как она получила свой первый урок. С тех пор были другие уроки, много других, и были жаркие денечки, когда она носила блузы с длинными рукавами или даже глухие свитера, застегнутые по самую шею. Серые дни, когда она носила солнцезащитные очки. Но тот первый урок был таким неожиданным и осно-

вательным...

Он забыл телефонный звонок, который разбил его сон. Сигарета. Если она сейчас курила, значит, забыла Тома Рогана. Временно, конечно, только временно, но даже временно было чертовски долго. Что могло ее заставить забыть — не имело значения. Такое не должно случаться в доме ни по какой причине.

На внутренней стороне дверцы шкафа висел на крючке широкий черный кожаный ремень. На нем не было пряжки — он давно ее снял. На том конце, где была пряжка, он был сдвоен, и эта сдвоенная часть образовала петлю, в которую Том Роган сейчас засунул руку.

"Том, ты плохо вел себя! -говорила иногда его мать — впрочем вернее было бы сказать не «иногда», а «часто». — *Иди сюда, Томми. Я должна тебя выпороть".* Жизнь его в детстве шла от порки до порки. В конце концов он сбежал в Викита Колледж, но, очевидно, полное бегство невозможно — он продолжал слышать ее голос во сне: *«Иди сюда, Томми. Я должна тебя выпороть. Выпороть...»*

Он был самым старшим из четверых. Через три месяца после рождения младшего Ральф Роган умер — ну, «умер», может быть, не слишком точ-

ное слово; вернее было бы сказать «покончил с собой» поскольку щедро плеснул щелока в стакан джина и залпом выпил эту адскую смесь, сидя в спальне. Миссис Роган нашла работу на заводе Форда. Том, хотя ему было только одиннадцать, стал " семье мужчиной. И если он баловался, если младенец запачкал пеленки после ухода сиделки и они оставались грязными, когда мама возвращалась домой.., если он забыл перевести Меган на углу Броуд Стрит после яслей и эта носатая миссис Гант видела.., если он, случалось, смотрел «Американ Бэндстрэен», а Джо в это время устраивала беспорядок на кухне.., по любому поводу из тысячи возможных.., уложив малышей в постели, мать вытаскивала огромную палку и приговаривала как заклинание: *«Иди сюда, Томми. Я должна тебя выпороть».*

Лучше пороть, чем быть поротым.

И даже если он ничему больше не научился на широкой дороге жизни, этому уж он научился.

Том еще раз прищелкнул свободным концом ремня и сжал его в кулаке. Это давало чувство уверенности и превосходства. Кожаный ремень спускался из его сжатого кулака, как мертвая змея. Головная боль прошла.

Она нашла то, что искала в глубине ящика:

старый белый хлопчатобумажный бюстгальтер с чашечками. Мысль о том, что этот поздний Звонок мог быть от любовника, возникла у него в голове и тут же исчезла. Это было бы забавно. Женщина, собирающаяся встретиться с любовником, не берет выцветшие блузки и хлопчатобумажное белье. Она бы не могла.

— Беверли, — сказал он мягко, и она тут же, вздрогнув, с широко открытыми глазами, распущенными волосами, повернулась к нему.

Ремень поколебался.., немного опустился. Он уставился на нее, опять почувствовав легкий толчок беспокойства. Да, вот так она смотрела перед большими шоу, и он понимал, что то была смесь страха и некой агрессивности, голова ее словно была наполнена светильным газом: одна искра — и взорвется. Она рассматривала эти шоу не как возможность отколоться от «Делиа Фэшнз», открыть свое дело и перестроить свою жизнь и даже судьбу. Будь это так, у нее все сложилось бы наилучшим образом. Но она была слишком талантлива, чтобы удовлетвориться этим. Она рассматривала эти шоу как своего рода суперэкзамен, на котором ее оценивают строгие учителя. В этих случаях перед ней возникало некое существо без лица. И называлось это безли-

кое существо — власть.

И сейчас лицо ее с широко раскрытыми глазами выражало такую нервозность. И не только лицо. Вокруг нее была как бы видимая глазу-аура, излучавшая высокое напряжение, и это внезапно сделало ее еще более привлекательной и более опасной, чем она казалась ему годами. Он испугался, потому что та Она, какую он сейчас видел, была существенной частью той, какая соответствовала бы его желанию, той, какую он делал.

Беверли выглядела шокированной и испуганной. Но при этом — бешенно возбужденной. Ее щеки пылали горячечным румянцем, лоб блестел, а под нижними веками обозначились белые дорожки, которые выглядели как вторая пара глаз.

И изо рта все еще торчала сигарета, теперь слегка под углом, вылитый Рузвельт, черт возьми! Сигарета! Вид ее вызывал тупую ярость, снова захлестнувшую его зеленой волной. Смутно, где-то на задворках мозга, он вспомнил, как она сказала ему однажды ночью из темноты, сказала бесцветным, равнодушным голосом:"Д *один прекрасный день ты просто зайдешь слишком далеко и это будет конец. Прибьешь".*

Он ответил: *«Ты поступай, как я тебе говорю,*

Бев, и этот день никогда не придет».

Теперь, прежде чем ярость вычеркнула все, ему стало интересно, придет ли в конце концов этот день?

Сигарета. Черт с ним, со звонком, упаковыванием, странным выражением ее лица. Они будут разбираться с сигаретой. Затем он будет иметь ее. А затем уж они смогут обсудить все остальное. К тому времени это, быть может, покажется важным.

— Том, — сказала она, — Том, я должна...

— Ты куришь, — сказал он. Его голос казался пришедшим издалека, как будто по очень хорошему радио. — Похоже, ты забыла, девочка. Где ты их прячешь?

— Смотри, я брошу ее, — сказала она и пошла к двери в ванную комнату. Она швырнула сигарету — даже отсюда он мог видеть отпечатки зубов на фильтре — в унитаз сортира. Фссссс. Она вышла. — Том, это был старый приятель. Один старый, старый приятель. Я должна...

— Заткнись, вот что ты должна! — закричал он. — Заткнись немедленно!

Но страх, который он хотел увидеть — страх перед ним — его не было на ее лице. Страх был, но он исходил из телефона, а не от него. Она как

будто не видела ремень, не видела ЕГО, Тома, и он почувствовал легкое беспокойство. БЫЛ ли он здесь? Глупый вопрос, но БЫЛ ли он, в самом деле?

Вопрос этот был настолько ужасным и стихийным, на какое-то мгновенье он в страхе почувствовал что его "я" полностью оторвалось от корней и подобно перекати-полю перекатывается бризом. Потом он обрел себя. Он был здесь, все в порядке, он был здесь, он, Том Роган, *Том — черт возьми — Рогач,* если эта спятившая девка не упрямится и не ударится в бегство в следующие секунд тридцать, она будет выглядеть как выброшенная из быстроидущего вагона.

— Я должен выпороть тебя, — сказал он, — очень сожалею, девочка.

Да, он и раньше видел эту смесь страха и агрессивности. Но сейчас это впервые обращалось к нему.

— Убери эту штуку, — сказала она. — Я должна ехать в О'Хара как можно быстрее.

Ты здесь. Том? А?

Он отбросил эту мысль. Полоска кожи, которая когда-то была ремнем, медленно раскачивалась перед ним, как маятник. Его глаза вспыхнули, а затем задержались на ее лице.

— Послушай меня. Том. В моем родном городе опять беда. Очень большая беда. Тогда у меня был приятель. И думаю, он мог бы стать моим другом, если бы не разница в возрасте. Ему было всего одиннадцать лет и он страшно заикался. Сейчас он новеллист. Я думаю, ты даже читал одну из его книг... «Черные пороги»?

Она искала его лицо, но его лицо было бесстрастно. Был только ремень, маятником качающийся взад-вперед, взад-вперед. Он стоял, слегка склонив голову и расставив ноги. Потом она пробежала рукой по своим волосам — встревоженно — как будто озабочена множеством важных вещей и как будто просто не замечала ремня, засевший в нем, страшный вопрос снова всплыл в его голове: *Ты там?*

Ты уверен?

— Та книга неделями лежала здесь, но я никогда не видела связи.

Может, я бы заметила какую-то связь, но мы все сейчас старше, и я просто давным давно не думала о Дерри. Словом, у Билла был брат, Джордж, и Джорджа убили перед тем, как я по-настоящему узнала Билла. Он был убит. И затем, на следующее лето...

Но Том достаточно наслушался ереси отовсюду.

Он близко подошел к ней, отведя правую руку, как человек, собирающийся бросить копье. Ремень просвистел в воздухе. При его приближении Беверли пыталась было ускользнуть, но ее правое плечо ударилось о дверь ванной комнаты, и прозвучал сочный удар; ремень пришелся по ее левому предплечью, оставив красную полосу.

— Буду пороть тебя, — повторил Том. Голос у него был спокойный, в нем даже слышалось сожаление, но его зубы оскалились в белую ледяную улыбку. Он хотел видеть тот ее взгляд, взгляд, полный страха, ужаса и стыда, тот взгляд который говорил: *«Да, ты прав, я заслуживала это»*, тот взгляд, который говорил: *«Да, ты здесь, да, я чувствую твое присутствие»*. Затем могла прийти любовь, и все бы образовалось, потому что он как-никак любил ее. Они могли бы даже, если бы она захотела, подискутировать о том, кто и зачем звонил. Но это должно было прийти позже. Сейчас обучение в самом разгаре. Как всегда. Сначала пороть — раз, потом иметь, — два.

— Жаль, девочка.

— Том, не делай э..

Он раскачал ремень и увидел, как он лизнул ее бедро. Щелкав ремня доставило ему удовлетворение, когда он ударил ей по ягодицам. И...

И, Господи Иисусе, она схватила его! Она схватила ремень!

На какое-то мгновение Том Роган был настолько ошарашен этим неожиданным актом непослушания, что почти потерял из виду наказываемую, только петля оставалась зажатой в его кулаке.

Он дернул ремень назад.

— Никогда не хватай ничего у меня из рук, — сказал он хрипло. — Ты слышишь меня? Если еще когда-нибудь это сделаешь, месяц будешь писать малиновым сиропом.

— Том, прекрати, — сказала она, и сам ее тон взбесил его — она говорила, как старший на игровой площадке с шестилеткой.

— Я должна ехать. Это не шутка. Люди погибли, и я дала обещание давным-давно...

Том не слышал.

Он взревел и бросился к ней, с опущенной головой, в руках бессмысленно качался ремень. Он ударил ее, протащив от дверного прохода вдоль стены спальной. Он отводил руку назад, бил ее, отводил руку назад, бил ее, отводил руку назад, бил ее. Потом, утром, он, поднеся руку к глазам, будет глотать кодеиновые таблетки, но сейчас он ничего не сознавал, кроме того, что она

не повинуется ему! Она не только курила, *она пыталась схватить у него ремень*, — — *о* люди! о друзья и ближние! — она сама напросилась на это, и он будет свидетельствовать перед троном Всевышнего, что она должна получить сполна.

Он протащил ее вдоль стены, раскачивая ремень, осыпая ее ударами. Она подняла руки, чтобы защитить лицо, но он бил по всему остальному. В тишине комнаты щелкал ремень. При этом она не кричала, не умоляла прекратить, как бывало раньше. Хуже того — она не плакала, как обычно. Слышно было только щелканье ремня и их дыхание, его — тяжелое и хриплое, ее — учащенное и легкое.

Она задела за кровать и за туалетный столик у кровати. Ее плечи были красными от ударов ремня. Волосы растекались огнем. Он тяжело двигался за ней, медлительный, но огромный — он играл в сквош, пока не повредил себе Ахиллесово сухожилие два года назад, и с тех пор, без контроля, сильно прибавил в весе, но мускулатура осталась прежней — прочные снасти в тучном теле. Все-таки он был немного встревожен своим дыханием.

Она потянулась к туалетному столику — он подумал, она спрячется за него или, быть может,

попытается уползти под него. Вместо этого она взяла.., повернулась.., и вдруг воздух наполнился летящими снарядами. Она бросала в него косметику. Бутылка «Шантильи» ударила его между сосками, упала ему на ноги, разбилась. Он утопал в запахе духов.

— *Кончай!* -взревел он. — *Кончай, сука!*

Но она не прекратила — ее руки парили над туалетным столиком, заставленным разными стекляшками, хватая все, что ни попадя и бросая это и него. Он дотронулся до своей груди, куда его ударила бутылочка «Шантильи», не в состоянии поверить, что она посмела поднять на него руку, хотя разные предметы продолжали летать вокруг. Стеклянная пробка бутылки порезала его. Это был даже не порез, а чуть больше, чем треугольная царапина, но была Ли в комнате некая красноволосая леди, которая увидит восход солнца из больничной койки? О да, была. Некая леди, которая...

Баночка с кремом ударила его над правой бровью с внезапной, зловещей силой. Он услышал тупой звук, по-видимому, внутри головы. Белый свет вспыхнул над полем зрения правого глаза, и он отступил на шаг с открытым ртом. Теперь тюбик крема «Нивеа» попал ему в живот с лег-

ким шлепаньем, и она — неужели? возможно ли это? — да! Она кричала на него!

— Мне нужно в аэропорт, сукин сын! Ты слышишь меня? У меня дело, и я еду! И ты уйдешь с дороги, потому что Я УЕЗЖАЮ!

Кровь прилила к его правому глазу, зудящему и горячему.

Некоторое время он стоял, уставясь на нее, как будто никогда не видел ее раньше. В каком-то смысле, и не видел... Ее груди отяжелели. Лицо пылало. Губы были злобно втянуты. Она все повыкидывала с туалетного столика. Склад снарядов опустошился. Он все еще мог прочитать страх в ее глазах.., но это все еще был не страх перед ним.

— Ты положишь все вещи назад, — сказал он, стараясь не задыхаться. Это было бы нехорошо, отдавало бы слабостью. — Затем ты положишь назад чемодан и пойдешь в постель. И если ты все это сделаешь, я, может быть, не буду бить тебя слишком сильно. Может быть, ты сможешь выйти из дому через два дня вместо двух недель.

— Том, послушай меня, — она говорила медленно. Ее взгляд был очень ясный. — Если ты приблизишься ко мне снова, я убью тебя. Ты понимаешь это, ты, лохань с кишками? Я убью тебя.

И вдруг — может потому, что лицо ее выражало явное отвращение, презрение к нему, может, потому что она назвала его лохань с кишками, или потому, что грудь ее мятежно поднималась и опускалась — его охватил страх. Это была не почка, не цветок, а целый — черт возьми — САД страха — ужасный страх, что его ЗДЕСЬ нет.

Том Роган рванулся к жене, на этот раз без вопля. Он подошел тихо, как торпеда, прорезающая воду. Теперь он намеревался не просто бить и подчинять ее, а сделать с ней то, чем она так опрометчиво угрожала ему.

Он думал, что она убежит. Возможно к ванной. Или к лестнице. Вместо этого она стояла, не двигаясь с места. Ее бедро ударялось о стену, когда она легла на туалетный столик, и стала толкать его вперед, на него, сломав до основания два ногтя, поскольку потные ладони сделались скользкими.

На какое-то мгновение туалетный столик пошатнулся, затем она снова подалась вперед. Столик завальсировал на одной ножке, зеркало ухватило свет и отразило короткую плавающую тень аквариума на потолке, затем он закачался вперед-назад. Край его ударил Тома по бедрам и он свалился. Раздался мелодичный перезвон

бутылочек, они опрокинулись и разбились. Он видел, как зеркало падает на пол слева от него, поднес руку к глазам, чтобы защитить их и выпустил ремень. Стекло рассыпалось по полу. Он почувствовал режущую боль, показалась кровь.

Теперь она плакала, ее дыхание перешло в высокие рыдания. Сколько раз она представляла себе, как бросает его, бросает этого тирана, как она бросила когда-то тирана-отца, удрав в ночь и заранее затолкав сумки в багажник своего «Катласса». Она была не настолько глупа, чтобы не понимать — даже в разгар этой невероятной бойни — что она не любила Тома и никоим образом не любит его сейчас. Но это не мешало ей бояться его.., ненавидеть его.., и презирать себя за то, что выбрала его по каким-то неясным причинам, похороненным в те времена, которые вроде бы канули в прошлое. Ее сердце не разбивалось; оно словно сгорало в груди, таяло. Она боялась, что огонь ее сердца может уничтожить рассудок.

И сверх того, на задворках ее разума, ноющей болью отдавался сухой голос Майкла Хэнлона: "Оно *вернулось, Беверли.., оно вернулось.., и ты обещала..."*

Туалетный столик качнулся. Раз. Два. Третий раз. Казалось, он дышит.

Двигаясь в возбуждении — уголки ее рта конвульсивно дергались, — она быстро обогнула туалетный столик, на цыпочках ступая по разбитому стеклу, и схватила ремень как раз в тот момент, когда Том накренил его. И тут же выпрямилась, рука скользнула в петлю. Она стряхнула волосы с глаз, наблюдая за его движениями.

Том встал. Осколок зеркала порезал ему щеку. Диагональный порез — тонкая линия, похожая на ту, что рассекла бровь. Он искоса смотрел на Беверли, медленно вставая на ноги, и она видела капли крови на его шортах.

— Ты дашь мне этот ремень, — сказал он.

Но она повертела ремень в руке и посмотрела на него с вызовом.

— Прекрати это, Бев. Немедленно.

— Если ты подойдешь ко мне, я вышибу из тебя все говно, — эти слова, к ее великому удивлению, исходили из ее рта.

А кто этот троглодит в окровавленных шортах? Ее муж? Ее отец? Любовник, которого она привела в колледж, и который однажды ночью разбил ей нос, просто из прихоти? *ПОМОГИ МНЕ ГОСПОДИ,* подумала она. *ГОСПОДЬ сейчас поможет мне.* А ее рот продолжал:

— Я могу это сделать. Ты толстый и неповорот-

ливый, Том. Я уезжаю, и, думаю, там останусь. Это, наверно, все.

— Кто этот парень, Денбро?

— Забудь это; Я была...

Она слишком поздно поняла, что вопрос он задал просто, чтобы отвлечь ее. Он приблизился к ней, когда у него с губ слетало последнее слово. Ремень в ее руках по дуге рассек воздух, и звук, который он издал, когда рассек ему рот, был подобен звуку упрямой пробки, вырвавшейся из бутылки.

Он взвыл и зажал рот руками, в расширившихся глазах были боль и удивление. Между пальцами по рукам полилась кровь.

— Ты разбила мне рот, сука! — закричал он. — О, Бог мой, ты разбила мне рот!

Он опять пошел на нее, с вытянутыми руками, рот — мокрое красное пятно. Его губы разорвались в двух местах. Из переднего зуба была выбита коронка. Она увидела, как он выплюнул ее. Какая-то часть ее существа, больная и стонущая, была вне этой сцены и хотела бы закрыть глаза. Но та, другая Беверли, чувствовала экзальтацию приговоренного к смертной казни заключенного, вырвавшегося на свободу по прихоти землетрясения. Той Беверли все это очень

нравилось. *Я хочу, чтобы ты это проглотил! Чтобы ты этим подавился!*

Именно та Беверли раскачала ремень в последний раз — ремень, которым он сек ее по ягодицам, по ногам, по грудям. Ремень, который он испробовал на ней бессчетное число раз за последние четыре года. Количество ударов зависело от того, насколько ты провинилась. Том приходит домой и обед холодный? Два удара ремнем. Бев много работает в студии и забывает звонить домой? Три удара ремнем. О, посмотрите-ка — Бев получила еще один вызов в полицию за нарушение стоянки. Один удар ремнем — по груди. Он был добрым. Он редко бил до синяков. Она не испытывала сильной боли. Кроме боли унижения еще большую боль причиняло то, что она сознавала: что-то в ней жаждало этой боли. Жаждало унижения.

«Последний раз плачу за все», -подумала она и раскачала ремень. Она размахнулась, медленно размахнулась сбоку, и ремень наотмашь ударил его по яйцам с резким звуком — словно женщина выбивает коврик. Это было все, что требовалось. Вся агрессия моментально вышла из Тома Рогана.

Он издал тонкий, бессильный крик и упал на

колени, как в молитве. Его руки были между ног. Голова откинута назад. На шее натянулись жилы. На лице — гримаса страшной боли. Его левое колено неуклюже опустилось на толстый, острый осколок разбитой бутылочки из-под духов, и он медленно откатился на один бок, как кит. Одной рукой обхватил раненое колено.

"Кровь, -подумала она. *Боже мой, у него везде кровь".*

"Он *выживет,* -холодно ответила новая Беверли — Беверли, которая воспряла от телефонного звонка Майкла Хэнлона. *Такие, как он, всегда выживают. Ты только давай, уматывай отсюда, пока он не решит, что хочет еще музицировать. Или пока не решит спуститься в подвал и достать свой Винчестер".*

Она выпрямила спину и почувствовала боль в ноге, порезанной стеклом от разбитого туалетного зеркала. Она наклонилась, чтобы взять ручку чемодана. При этом не сводила с него глаз. Она спиной открыла дверь и, пятясь, прошла в холл. Чемодан она держала перед собой обеими руками. Порезанная нога оставляла кровавые отпечатки. Добравшись до лестницы, она развернулась и быстро пошла вниз, не разрешая себе думать и полагая, что у нее не осталось никаких

связных мыслей, по крайней мере, на данный момент.

Она почувствовала, как что-то хлестнуло ее по ноге, и закричала.

Потом взглянула вниз и увидела, что то был конец ремня. Он все еще висел у нее на руке, и в тусклом свете еще сильнее напоминал мертвую змею. Она с отвращением бросила ремень через перила и увидела, как он упал внизу на дорожку в холле.

У подножия лестницы она схватила конец ночной рубашки и стянула ее через голову. Рубашка была в крови, она не может ни секунды оставлять ее на себе. Беверли отбросила рубашку в сторону, и она, как парашют, упала на цветок каучуконос в дверях гостиной. Голая Беверли наклонилась к чемодану. Ее соски были холодные, твердые, как пули.

— Беверли, подними свою жопу наверх!

Она схватила ртом воздух, дернулась, затем снова наклонилась к чемодану. Она открыла чемодан и выгребла трусы, блузу, старую пару «Левис». Она швырнула все у двери, в то время как ее глаза продолжали следить за лестницей. Но Том не появлялся наверху. Он крикнул ее имя еще дважды, и каждый раз она уходила от этого

звука, а глаза ее охотились, губы оттягивались от зубов в бессознательной гримасе.

Она рванула пуговицы блузки через прорези. Две верхние пуговицы отлетели, и она подумала, что выглядит как проститутка-почасовик, ищущая последнюю халтуру перед ночным звонком.

— Я УБЬЮ ТЕБЯ, СУКА!ДЕРЬМОВАЯ СУКА!

Она закрыла и защелкнула чемодан. Кусочек блузки торчал оттуда, как язычок. Она всего один раз, быстро, осмотрелась вокруг, подозревая, что никогда больше не увидит этот дом.

В этой мысли она нашла облегчение, открыла дверь и вышла. Она прошла три квартала, совершенно не соображая, куда идет, когда поняла, что ноги у нее до сих пор голые. Левая, которую она порезала — тупо ныла. Надо что-нибудь надеть на ноги. Было два часа ночи. Ее бумажник и кредитки остались дома. Она пощупала в карманах джинсов и не нашла ничего, кроме обрывков ткани. У нее не было ни цента, ни пенни. Она оглянулась на свой жилой квартал — симпатичные домики, ухоженные лужайки и посадки, темные окна.

И вдруг начала смеяться.

Беверли Роган сидела на каменной ограде и смеялась. Между ногами у нее стоял чемодан. Вы-

сыпали звезды, и какие же они были яркие! Она запрокинула голову, засмеялась им, и ощутила душевный прилив; волной унесло и очистило ее, и то была сила настолько мощная, что любая сознательная мысль отсутствовала; только голос крови невнятно говорил в ней о каком-то желании, о каком именно — ее не интересовало. Приятно было чувствовать, что всю ее заполняет тепло. Желание, подумала она, и снова внутри нее поднялась волна прилива.

Она смеялась звездам, испуганная, но свободная — ее страх, был острый, как боль, и сладкий, как спелое октябрьское яблоко, и когда свет вошел в верхнюю спальню дома, у которого была эта каменная стена, она взялась за ручку чемодана и ушла в ночь, смеясь и смеясь...

6

Билл Денбро берет тайм-аут

— *Уехать?* -повторила Одра. Она смотрела на него, озадаченная, слегка испуганная, затем подобрала под себя голые ноги. Пол был холодный. Весь коттедж был холодный. На юге Англии весна была пронизывающе сырой, и не один раз во время своих постоянных утренних и вечерних моционов Билл Денбро ловил себя на том, что

думает о штате Мэн.., смутно думает о Дерри.

Коттедж должен был иметь центральное отопление — так говорилось в объявлении; естественно, в крошечном подвальчике была печь, с жадностью пожирающая уголь, но он и Одра обнаружили как-то, что идея центрального отопления в Британии сильно отличается от американской. Британцы, по-видимому, полагали, что центральное отопление — это когда ваша моча по утрам не замерзает в унитазе. Сейчас было утро — четверть восьмого. Пять минут назад Билл положил телефонную трубку.

— Билл, ты не можешь просто уехать. Ты знаешь это.

— Я должен, — сказал он. В дальнем углу комнаты стоял шкаф. Он направился к нему, взял бутылку «Гленфиддих» с верхней полки и налил себе стакан. Виски перелился через край.

— Черт, — пробормотал он.

— Кто это был на проводе? Чего ты испугался, Билл?

— Я не испугался.

— Да?

Твои руки всегда так дрожат? Ты всегда принимаешь глоток до завтрака?

Он пошел к своему стулу, в халате, бившем по

лодыжкам, и сел. Он пытался улыбнуться, но это была неудачная попытка, и он отказался от нее.

По телевизору диктор Би-би-си завершал сводку плохих новостей, прежде чем перейти к вчерашнему футбольному матчу. Когда они приехали в маленькую отдаленную деревушку Флит за месяц до открытия охотничьего сезона, оба восторгались техническим качеством британского телевидения — цветоустановка выглядела так, будто ты оказывался внутри. «Больше строк изображения, или что-то в этом роде», сказал Билл. *«Я не знаю, что это, но это великолепно»,*ответила Одра. Но вскоре они обнаружили, что большая часть программы состоит из американских шоу — таких, как «Даллас» — и бесконечных британских спортивных новостей — от скрыто-скучных (чемпионат по метанию дротиков, в котором все участники были похожи на борцов «сумо», страдающих повышенным давлением) до просто скучных (английский футбол был ужасен; крокет еще хуже).

— Последнее время я много думаю о доме, — сказал Билл и сделал глоток.

— О доме? — сказала она и выглядела такой искренне-удивленной, что он засмеялся.

— Бедная Одра! Замужем за мужиком почти

одиннадцать лет — и ничего о нем не знаешь. Что ты в самом деле знаешь? — он опять засмеялся и выпил до дна. Было столь же удивительно слышать этот смех, сколь видеть его со стаканом шотландского виски в руке в столь ранний час. Смех был похож на вопль боли. — Интересно, другие мужья и жены тоже обнаруживают, как мало знают они друг друга? Должно быть, да.

— Билли, я знаю, что люблю тебя, — сказала она. — Одиннадцати лет достаточно.

— Я знаю. — Он улыбнулся ей — улыбка была нежная, усталая и испуганная.

— Пожалуйста, расскажи мне, что все это значит.

Она посмотрела на него прекрасными серыми глазами, сидя в уютном кресле снятого в аренду дома, с ногами, упрятанными под ночную рубашку, женщина, которую он любил, на которой женился и все еще любил. Он попытался по глазам ее прочесть, что она знает. Но понимал, что это ничего не даст.

Вот бедный парень из штата Мэн, который учится в университете и получает стипендию. Всю свою жизнь он хотел быть писателем, но когда его зачисляют на писательские курсы, он ощущает себя заблудшим, без компаса в незнако-

мой и пугающей стране. Есть там парень, который хочет стать Алдайком. Другой мечтает быть новоанглийской разновидностью Фолкнера — только он хочет писать о суровой жизни бедных белым стихом. Еще девушка, которая восхищается Джойс Кэрол Оутс, но считает, что поскольку Оутс была воспитана в обществе женоненавистников, она «радиоактивна в литературном смысле». Оутс не способна, не может быть чистой, говорит эта девушка. А вот она будет чище. Есть толстый, небольшого роста выпускник, который не принимает участия в этом брюзжании. Этот малый написал пьесу, в которой девять действующих лиц. Каждое из них говорит только одно слово. Постепенно зрители начинают понимать, что, если сложить эти слова вместе, получится фраза: «Война — инструмент женоненавистнических торговцев смертью». Парень получает высшую оценку руководителя творческого писательского семинара. Этот преподаватель опубликовал четыре книги стихов и докторскую диссертацию — все в университетской печати. Он курит наркотики и носит медальон борца за мир. Пьеса этого жирдяя поставлена партизанской театральной труппой в ходе забастовки к концу вьетнамской войны, в результате которой университет в мае

1970 года был закрыт. Учитель играет одного из своих героев.

Билл Денбро, между тем, написал один страшный детектив, три научно-фантастические повести и несколько повестей ужаса, которыми он обязан главным образом Эдгару Аллану По, Х. Н. Лавкрафту и Ричарду Матсону — позднее он скажет, что эти повести напоминали погребальные дроги середины 1800-х годов, выкрашенные в красный цвет.

За одну из своих научно-фантастических повестей он получает хорошую оценку.

"Это лучше, -пишет рецензент на титульном листе. *— В чуждом нам контрударе мы видим порочный круг, в котором насилие порождает насилие; мне особенно понравился космический корабль с иглоподобной носовой частью как символ социо-сексуального вторжения. Интригующий подтекст повести интересен". Остальные произведения отмечены не выше, чем оценкой удовлетворительно.*

Однажды в классе обсуждали маленький рассказ одной болезненной девицы о том, как корова изучала выброшенный двигатель на пустынном поле (это могло быть, к примеру, после ядерной войны), обсуждение длилось уже около полутора

часов или более. Болезненная девушка, курившая только «Винстон» — одну сигарету за другой — то и дело трогавшая прыщи на висках, настаивала, что рассказ — социально-политическое заявление в духе раннего Оруэлла. Большинство участников, включая руководителя семинара, согласились с ней, но все равно дискуссия продолжалась.

И тут встал Билл — высокий и очень заметный. Все глаза обратились к нему.

Стараясь говорить осторожно, не заикаясь (он не заикался уже пять лет), он начал так:

— Я вообще не понимаю. Ничего в этом не понимаю. Почему рассказ должен быть социально — каким-то? Политика.., культура.., история.., не являются естественными компонентами рассказа. Рассказ может быть просто хорошим. Я имею в виду... — Он смотрит вокруг, видит враждебные глаза и понимает смутно, что они расценивают его слова как вызов. А может, это и впрямь — вызов. Они сейчас небось вообразили, думает он, что среди них завелся этакий женоненавистнический торговец смертью. — Я имею в виду.., а почему вы, ребята, не можете позволить рассказу быть просто рассказом?

Никто не отвечает. Молчание. Он стоит, пе-

реводя взгляд с одной холодной пары глаз на другую. Болезненная дама прекращает курить и гасит сигарету в пепельнице, которую принесла с собой в рюкзаке.

В конце концов руководитель семинара говорит ему увещевательно, как ребенку, раздраженному без всякой причины:

— Вы думаете, Уильям Фолкнер просто рассказывал истории? Вы думаете, Шекспир просто интересовался, как делать деньги? Давайте, Билл, скажите нам, что вы думаете.

— Я думаю, это очень похоже на правду, — говорит Билл после длинной паузы, во время которой он честно обдумывал вопрос, — и в их глазах читает осуждение.

— Я полагаю, — говорит руководитель, играя ручкой и улыбаясь Биллу, полуприкрыв глаза, — что вам нужно МНОГОМУ учиться.

Из глубины комнаты раздаются аплодисменты.

Билл уходит.., но на следующей неделе возвращается, решив сразиться с ними. За это время он написал рассказ «Тьма» — историю о маленьком мальчике, который обнаруживает монстра на чердаке своего дома. Маленький мальчик встречается с монстром лицом к лицу, вступает с ним в

схватку и в конце концов убивает его. Билл писал этот рассказ в какой-то священной экзальтации; даже чувствовал, что не столько он рассказывает историю, сколько разрешает истории вытекать из него. Наконец он дал отдых своей горячей, натруженной руке и вышел на улицу в десятиградусный декабрьский мороз. Он ходит вокруг, его зеленые тупоносые ботинки скрипят на снегу, как маленькие ставни, которым нужна смазка; его голова, кажется, распухла от рассказа; делается немного страшно: как выбраться? Он чувствует: если рука его не будет поспевать за рассказом, он, рассказ, заставит работать глаза. «Я добью его», — уверяет он пронизывающую зимнюю тьму и нервно смеется. Он понимает, что в конце концов сделал открытие: десять лет попыток увенчались успехом — он вдруг обнаружил стартовую кнопку на огромном мертвом бульдозере, занимающем так много места в его голове. Начало положено, кнопка нажата. Машина набирала и набирала обороты. Она не для того создана, чтобы водить хорошеньких девушек на прогулки. Она — не статический, но символ. Она олицетворяет бизнес. Если он не будет соблюдать осторожность, машина сокрушит его. Билл бросается в комнату и в возбуждении заканчивает «Тьму», работая

до четырех часов утра и засыпая прямо за столом. Предложи ему кто-либо написать о брате Джордже, он бы удивился. Он годами не думал о Джордже — он искренне верил этому. Рассказ возвращается от рецензента — руководителя семинара — с оценкой 2 на титульном листе. Два слова приписаны внизу, заглавными буквами. ЧЕПУХА, кричит одно. ХАЛТУРА, кричит второе.

Билл берет рукопись — пятнадцать страничек — подносит ее к камину и открывает дверцу. Всего лишь дюйм отделяет бумагу от огня, от расправы, когда ему ясно становится вся абсурдность содеянного. Он садится на кресло-качалку, и, глядя на плакат с «Благодарным мертвецом», смеется. Чепуха? Прекрасно! Пусть будет чепуха! Леса полны ею!

«Пусть валяются эти хреновые деревья!» — восклицает Билл и смеется, смеется до слез.

Он перепечатывает титульный лист, лист, на котором вынесен приговор рукой рецензента, и посылает рукопись в мужской журнал под названием «Фрак» (хотя по сути дела, он должен бы называться *«Обнаженные девочки, наркоманки с виду»),* И все-таки, судя по читательскому спросу, они покупают рассказы ужасов; в двух потрепанных выпусках, которые он купил в местном

магазинчике, действительно было четыре таких рассказа, втиснутых между обнаженными девочками и рекламой порнофильмов и таблеток для потенции. Один из них, «Деннис Эчисон» был даже вполне приличным.

Он отослал «Тьму» без всякой надежды — он ведь и раньше писал много хороших рассказов в журналы, но их отфутболивали — и был ошеломлен и обрадован, когда художественный редактор «Белого галстука» ответил ему, что покупает рассказ за двести долларов. Помощник редактора приписал от себя, что считает его «лучшим адскистрашным рассказом после „Кувшина“ Рэя Брэдбери». И еще добавил: «Жаль, что мало людей прочтет его», но Биллу Денбро наплевать на это. Двести долларов!

Он идет к консультанту с зачетной книжкой. Тот ставит в ней свои инициалы. Билл Денбро скрепляет зачетную книжку с поздравительной запиской помощника художественного редактора и прикалывает ее к доске объявлений на двери руководителя семинара. В углу доски — антивоенная карикатура. И вдруг — это получилось как-то само собой — его пальцы достают ручку из нагрудного кармана и он пишет через всю карикатуру: *"Если литература и политика*

действительно станут когда-нибудь взаимозаменяемыми, я убью себя, потому что не буду знать, что делать. Политика, видите ли, всегда меняется. Литература — никогда. -И, подумав, добавляет, не сдержавшись:

— Я думаю, вы должны многому учиться".

Его зачетная книжка возвращается по университетской почте через три дня. В графе: ОЦЕНКА НА МОМЕНТ СДАЧИ, руководитель даже не поставил ему «удовлетворительно», сердитая двойка красовалась там. Ниже руководитель приписал: *«Вы думаете, Денбро, деньги что-нибудь доказывают?»*

— Разумеется, — сказал Билл Денбро пустой квартире и снова громко расхохотался.

На последнем курсе колледжа он осмеливается написать роман, потому что не знает, как выкрутиться. Он спасается рукописью в пятьсот страниц. Он посылает ее в «Викинг Пресс», считая это первой попыткой пристроить свою книгу о привидениях... Первая попытка оказалась последней. «Викинг» приобретает книгу.., и для Билла Денбро начинается сказка. Человек, которого знали когда-то как Заику-Билла, стал пользоваться успехом в возрасте двадцати трех лет. Три года спустя и в трех тысячах миль от

севера Новой Англии он становится еще более известным благодаря женитьбе на кинозвезде, которая старше его на пять лет; бракосочетание состоялось в голливудской церкви.

В светской хронике им предрекают семь месяцев совместной жизни. Обсуждается лишь вопрос, кончится ли брак разводом или просто аннулируется. Друзья (и враги) с обеих сторон — того же мнения. Кроме разницы в возрасте, несоответствие — разительное. Он высокий, лысеющий, склонный к полноте. Медленно, порой невнятно, говорит в компании. Одра, с ее каштановыми волосами, вылепленная как статуэтка, великолепна — не земная женщина, а существо из какой-то полубожественной суперрасы.

Его наняли сделать сценарий своего второго романа «Черные пороги», главным образом потому, что право сделать по крайней мере первый набросок сценария была непреложный условием продажи, хотя его агент брюзжала, что он сумасшедший; набросок его на самом деле оказался очень приличным. Его приглашают в университетский городок для последующей работы и постановочных встреч.

Его агент — маленькая женщина по имени Сюзан Браун. Рост у нее — пять футов. Она неистово

энергична и еще более неистово эмоциональна. — Не делай этого. Билли, — говорит она ему. — Откажись. У них много денег на это, и они найдут кого-нибудь, кто напишет сценарий. Может быть, даже Голдмана.

— Кто?

— Уильям Голдман. Единственный хороший писатель.

— О чем ты говоришь, Сюз?

— Он был там у них, но остался самим собой, — сказала она. — Твои шансы подобны шансам приобрести рак легких — можно, конечно, но кто захочет попробовать? Ты сгоришь на сексе и пьянке. Или на наркотиках. — Сумасшедшие карие глаза Сюзан метали молнии.

— Сюзан...

— Послушай меня. Билли! Бери деньга и беги. Ты молод и силен. Вот, что они любят. Ты войдешь туда, и они сначала лишат тебя самоуважения, а затем и твоего умения писать прямую линию от точки А до точки В. Последнее, но не меньшее — они возьмут твои пробы. Ты пишешь как взрослый, но ты просто высоколобый ребенок.

— Я должен ехать.

— Здесь кто-то пукнул? Должно быть так, уж очень сильно воняет.

— Но я должен. Должен.

— Господи!

— Я должен уехать из Новой Англии. — Он боялся продолжить. Это было как произнести ругательство, но ей он обязан сказать:

— Я должен уехать из Мэна.

— Зачем, ради Бога?

— Не знаю. Просто должен.

— Ты говоришь мне что-то реальное или выдуманное писателем?

— Реальное.

Во время этого разговора они в постели. Ее груди маленькие, как персики, сладкие, как персики. Он очень любит ее, но не так, как любят обычно, и оба они знают это. Она зажигает сигарету, плачет. Но он сомневается, знает ли она то, что знает он. В ее глазах — свет. Было бы бестактно напоминать ей об этом, и он не напоминает. По-настоящему он не любит ее, но готов ради нее горы свернуть.

— Тогда давай, — говорит она сухим деловым тоном, повернувшись к нему. — Позвони мне, когда будешь готов и если будешь в силах. Я приеду и соберу все вещи. Если они остались.

Киноверсия «Черных порогов» называется «Ловушка Черного Дьявола», с Одрой Филипс в главной роли. Название ужасное, но фильм полу-

чается вполне приличный. И единственное, что он теряет в Голливуде, — это свое сердце.

— Билл, — снова сказала Одра, выведя его из этих воспоминаний. Он увидел, что она выключила телевизор. Он выглянул в, окно: за оконными стеклами стлался туман.

— Я объясню, насколько могу, — сказал он. — Ты заслуживаешь это. Но сначала сделай для меня две вещи.

— Ладно.

— Налей себе еще чашку чая и расскажи мне, что ты знаешь обо мне. Или считаешь, что знаешь.

Она посмотрела на него, удивленная, и пошла, к буфету.

— Я знаю, что ты из штата Мэн, — сказала она, заваривая себе чай. Она не была англичанкой, но в речи ее иногда прорывался английский акцент — пережиток роли, которую она сыграла в «Комнате на чердаке», фильме, который они приехали делать сюда. Это был первый киносценарий Билла. Ему предложили и режиссуру. Благодарение Богу, это он отклонил. Его отъезд положит конец нудным просьбам. Он знал, что они все скажут, весь съемочный коллектив. Вот Билл Денбро и показал наконец истинное свое лицо. Просто еще

один дерьмовый писатель, говно собачье.

Бог видит, как смятенно он себя чувствует сейчас.

— Я знаю, что у тебя был брат, и что ты его очень любил, и что он умер, — продолжала Одра. — Я знаю, что ты вырос в городке Дерри, переехал в Бангор через два года после смерти брата, а в четырнадцать лет переехал в Портленд. Я знаю, что твой отец умер от рака легких, когда тебе было семнадцать. И ты написал бестселлер, когда еще был в колледже, живя на стипендию и почасовую работу на текстильной фабрике. Это, должно быть, показалось тебе странным.., такое изменение доходов. В перспективе.

Она повернулась в его сторону, и он увидел себя тогдашнего в ее лице: осознал скрытое между ними пространство.

— Я знаю, что через год ты написал «Черные пороги» и приехал в Голливуд. И за неделю до начала съемок ты встретил очень растерянную женщину по имени Одра Филипс, которая немножко познала то, через что ты, должно быть, прошел — жуткую депрессию, потому что лет пять назад она была просто Одри Филпот. И эта женщина тонула...

— Одра, не надо.

Ее глаза в упор смотрели на него. «О, почему нет? Давай говорить правду и стыдить дьявола». — Я тонула. За два года до тебя я обнаружила наркотики, через год я узнала кокаин, и это было даже лучше. Наркотик внутрь утром, кокаин днем, вино вечером, «Валиум» в постели. Витамины Одры. Слишком много важных интервью, слишком много хороших ролей. Я была похожа на героиню из романа Жаклин Сюзанн, она была веселой. Ты знаешь, как я теперь думаю о том времени, Билл?

— Нет.

Она отпила чай, отвела глаза от него и нахмурилась. — Это было как бег на полосе в Л. А. Интернейшнл. Понимаешь?

— Не совсем.

— Это движущаяся полоса длиной в четверть мили.

— Я знаю эту полосу, но не понимаю, что ты...

— Ты просто стоишь там, а она несет тебя к багажному отсеку.

Но если хочешь, можешь идти по ней. Или бежать. При этом кажется, что ты совершаешь свою обычную прогулку, или пробежку, или спринт — что угодно, — потому что твое тело забывает, что на самом деле ты просто наращиваешь ско-

рость, с какой движется полоса. Вот почему у них в конце надпись: ОСТАНОВИСЬ. В тот момент, когда я встретила тебя, я жила с ощущением, будто выбежала с конца той полосы на неподвижный пол. Мое тело было на десять миль впереди моей головы. Невозможно удержать равновесие. Рано или поздно ты падаешь лицом. А я не упала. Потому что ты подхватил меня.

Она отставила чай и зажгла сигарету, ее глаза в упор смотрели на него. Он видел, как дрожат ее руки в пламени зажигалки, которая вибрировала вокруг кончика сигареты, пока не нашла ее.

Она затянулась и выпустила дым.

— Что я знаю о тебе? Я знаю, что у тебя все под контролем. Ты, мне кажется, никогда не торопишься к выпивке, или знакомству, или вечеринке, поскольку уверен, что все это будет, если ты захочешь. Ты говоришь медленно отчасти потому, что так, растягивая слова, говорят в штате Мэн, в основном — это твоя собственная манера. Ты — первый человек там, из тех, кого я встретила, кто осмеливался говорить медленно. Я должна была успокоиться и слушать. Я увидела в тебе, Билл, того, кто никогда не бежит по полосе, потому что знает — она и так его доставит. Ты казался нетронутым ни депрессией, ни истерией.

Ты не арендовал «Ролле» и мог ездить по Родео со своими престижными номерными знаками, пристегнутыми к машине взятой напрокат у какого-нибудь паршивенького агентства. У тебя не было агента по печати, дающего материал в «Барьере» или «Голливудский репортер»... — Я знаю, ты всегда оказывался там, когда был мне нужен. Может быть, ты спас меня от принятия нехорошей пилюли на фоне огромного количества наркотиков... Я знаю, что с тех пор ты был там. И я была там для тебя. Нам хорошо в постели. Для меня это много. Но нам хорошо и без постели, и это кажется важнее. Я чувствую, что могла бы состариться с тобой и все равно быть в соку. Я знаю, что ты пьешь слишком много пива и недостаточно занимаешься спортом; я знаю, что иногда ночами тебе снятся плохие сны...

Он вздрогнул, потрясенный до глубины души. Почти испуганный.

— Мне никогда не снятся сны.

Она улыбнулась. — Так ты говоришь репортерам, когда они спрашивают, откуда ты берешь свои идеи. Но это не так. Разве что от несварения желудка ты порой стонешь по ночам. Но я этому не верю, Билл.

— Я говорю во сне? — спросил он осторожно. Он

не мог вспомнить ни одного сна. Никакого сна, ни плохого, ни хорошего.

Одра кивнула. — Порой. Но я никогда не понимаю, что ты говоришь. И пару раз ты рыдал.

Он посмотрел на нее без выражения. И почувствовал неприятный привкус во рту; он оттянул язык к горлу — то был привкус растаявшего аспирина. «Вот теперь ты знаешь, какой привкус у страха», — подумал он. И еще подумал, что привыкнет к этому привкусу. Если проживет достаточно долго.

И вдруг все воспоминания стали толпиться, скучиваться. Как будто черноты в его мозгу выпятились, угрожая выблевать пагубные сны-образы из сферы подсознательного — в ментальное *поле* зрения, управляемое рациональным бодрствующим мозгом; если такое случится снова, это сведет его с ума. Он пытался оттолкнуть воспоминания, и ему удалось — но потом он услышал голос — это было, как будто кто-то, похороненный заживо, кричал из-под земли. Это был голос Эдди Каспбрака.

«Ты спас мне жизнь, Билл. Те большие парни, они достают меня. Иногда мне кажется, они действительно хотят меня убить».

— Твои руки, — сказала Одра.

Билл посмотрел на руки. Они покрылись мурашками, крупными мурашками, как яйца насекомых. Они оба уставились на них, не говоря ни слова, как на интересный музейный экспонат. Мурашки постепенно исчезли.

В наступившей тишине Одра сказала:

— И я знаю еще одну вещь. Кто-то позвонил тебе сегодня утром из Штатов и сказал, что ты должен уехать от меня.

Он встал, быстро посмотрел на бутылку с ликером, затем пошел на кухню и вернулся со стаканом апельсинового сока. Он сказал:

— Знаешь, у меня был брат, и он умер, но ты не знаешь, что его убили.

У Одры перехватило дыхание.

— Убили! Билл, почему ты никогда...

— Не говорил тебе? — он улыбнулся, улыбнулся с каким-то лающим звуком. — Я не знаю.

— Что случилось?

— Мы жили в Дерри тогда. Было наводнение, оно в общем-то уже кончилось, и Джорджу было скучно. Я лежал в постели с гриппом. Он хотел, чтобы я сделал ему кораблик из газеты. Я научился в лагере год назад. Он сказал, что пустит его в трубы Витчем-стрит и Джэксон-стрит, — там полно воды. И я сделал ему кораблик, и он по-

благодарил меня и ушел, и это был последний раз, когда я видел своего брата Джорджа живым. Если бы у меня не было гриппа, может быть, я бы спас его.

Он помолчал, потерев правой рукой левую щеку, как будто проверяя, есть ли щетина. Его глаза, увеличенные линзами очков, выглядели задумчивыми.., но он не смотрел на нее.

— Это случилось прямо там, на Витчем-стрит, недалеко от пересечения с Джексон. Тот, кто его убил, вырвал ему левую руку, как второклассник вырывает крылышко мухи. Латалогоанатом сказал, что он умер или от боли, или от потери крови. Насколько я понимаю, это не имело значения.

— Боже правый, Билл! — Я думаю, ты удивляешься, почему я никогда не говорил тебе этого. По правде сказать, я и сам удивляюсь. Мы женаты одиннадцать лет, и до сегодняшнего дня ты и ведать не ведала, что случилось с Джорджем. Я знаю обо всей твоей семье — даже о твоих дядях и тетях. Я знаю, что дед твой умер в гараже, разрезав себя пилой, когда был пьян. Я знаю такие вещи, потому что женатые люди, как бы ни были они заняты, узнают друг о друге почти все. И даже если им надоедает и они перестают слушать, они все равно впитывают это — осмотически. Ты

думаешь, я неправ?

— Нет, не думаю — слабо сказала она.

— А мы ведь всегда могли говорить друг с другом, правду? Я имею в виду, что никто из нас не уставал, никому не надоедало, не было нужды впитывать осмотически, правда?

— Да, — сказала она, — до сегодняшнего дня и я так думала.

— Послушай, Одра. Ты знаешь все, что случилось со мной за последние одиннадцать лет моей жизни. Каждое дело, каждую идею, каждую неприятность, каждого приятеля, каждого парня, который сделал мне что-то плохое или пытался сделать. Ты знаешь, я спал с Сюзан Браун. Ты знаешь, что иногда я делаюсь сентиментальным, когда выпью, и слишком громко проигрываю записи.

— Особенно «Благодарного покойника», — сказала она, и он рассмеялся.

На этот раз она засмеялась в ответ.

— Ты знаешь самое важное — вещи, на которые я надеюсь.

— Да. Думаю, что знаю. Но это... — она замолчала, покачала головой, немного подумала. — Насколько этот звонок связан с твоим братом?

— Дай я сам к этому подойду. Не гони волну,

иначе я не смогу. Это так огромно и так.., так чудовищно ужасно.;, что я содрогаюсь. Видишь ли.., мне никогда не приходило в голову рассказывать тебе о Джорджи.

Она посмотрела на него, нахмурилась, слабо покачала головой. — Я не понимаю.

— Я пытаюсь сказать тебе, Одра, что даже не ДУМАЛ о Джорджи в течение двадцати лет или более.

— Но ведь ты говорил мне, что у тебя был брат по имени...

— Я назвал ФАКТ, — сказал он. — И все. Его имя было словом. Оно не бросало никакой тени на мой разум.

— Но мне кажется, оно бросало тень на твои сны, — сказала Одра.

Ее голос был очень спокойным.

— Стенания? Плач?

Она кивнула.

— Думаю, ты права, — сказал он. — На самом деле, ты почти полностью права. Но ведь сны, которые ты не помнишь, не считаются, правда?

— Ты в самом деле вовсе никогда не думал о нем?

— Да.

Она с сомнением покачала головой. — Даже о

том, как ужасно он умер?

— До сегодняшнего дня. Одра.

Она посмотрела на него и снова покачала головой.

— Ты спросила меня, перед тем как мы поженились, есть ли у меня братья и сестры, и я сказал, что у меня был брат, который умер, когда я был ребенком. Ты знала, что родителей у меня нет, а поскольку у тебя большая родня, это и заняло все наше внимание. Но сегодня — новое.

— Что ты имеешь в виду?

— Не только Джордж был в этой черной дыре. Я не думал о САМОМ ДЕРРИ двадцать лет. Ни о людях, с которыми общался — Эдди Каспбрак, Ричи Рот, Стэн Урис, Бев Марш... — он пробежал руками по волосам и нервно засмеялся. — Это как случай амнезии и настолько серьезный, что ты даже не знаешь, что она у тебя есть. И когда Майкл Хэнлон позвонил...

— Кто это Майкл Хэнлон?

— Еще один парень, с которым мы контачили — с которым я контачил после смерти Джорджа. Конечно, теперь он уже не парень. Как и все мы. Это был Майкл на телефоне, трансатлантическая связь. Он сказал:

— Алло, я попал в квартиру Денбро? — и я ска-

зал да, и он сказал:

— Билл? Это ты? и я сказал да, и он сказал:

— Это Майкл Хэнлон. — Это ровным счетом ничего для меня не значило, Одра. Он мог быть, к примеру, продавцом энциклопедии или записей Берла Ивса. Потом он сказал:

— Из Дерри. — И когда он это сказал, как будто бы дверь открылась внутри меня и какой-то страшный свет засветил, и я вспомнил, кто это. Я вспомнил Джорджа. Я вспомнил всех остальных. Все это случилось...

Билл стиснул пальцы.

— Да. И я знал, что он будет просить меня приехать.

— Вернуться в Дерри.

— Да. — Он снял очки, протер глаза, посмотрел на нее. Никогда в жизни она не видела человека, который бы выглядел таким испуганным. — В Дерри. Потому что мы обещали, — сказал он, — мы обещали. Все мы. Дети. Мы стали в круг у протоки, бегущей через Барренс, держась за руки, и мы резали ладони кусочком стекла, как будто хотели породниться, только это была не игра.

Он протянул к ней руки, и она увидела в центре каждой ладони лесенку из белых линий — раненую ткань. Она держала его руки в своих

— бессчетное число раз, но никогда раньше не замечала этих шрамов на его ладонях. Они были слабые, но она бы подумала...

А вечер! Тот вечер!

Не тот, где они познакомились, хотя этот второй вечер соотносился с первым, как концовка с книгой, потому что он был прощальным после завершения съемок «Ловушки Черного Дьявола». Было шумно и пьяно, разгульно. Пожалуй, даже похлеще, чем на других таких же вечеринках, на которых она бывала, потому что съемка прошла лучше, чем все они могли ожидать, и все они знали это. Для Одры Филипс вечер был прекрасным, потому что она влюбилась в Уильяма Денбро.

Как звали ту самозваную гадалку? Одра помада только, что та была одним из двух помощников гримера. В какой-то момент вечеринки девушка сорвала с себя блузку, обнажая очень экстазный бюстгальтер, и повязала ее вокруг головы, как шарф у цыганки. Разгоряченная дымом и вином, она остаток вечера или пока не ушла, читала по руке...

Одра не могла теперь вспомнить, были ли предсказания девушки хорошими или плохими, мудрыми или глупыми: ей было очень хорошо в тот вечер. Но она помнила, что в какой-то момент

девушка схватила ладонь Билла и, сравнив ее со своей собственной, заявила, что они совершенно одинаковые. «Мы близнецы в жизни», сказала она. Одра помнила: она более чем ревниво следила за тем, как девушка водила по линиям на его ладони своим великолепно накрашенным ногтем — как глупо это было, в миражном киномире, в этой киношной субкультуре, где мужчины так же запросто, обыденно похлопывают женские попки, как нью-йоркцы трогают свои щеки! Но в исследовании гадалки было что-то интимное, затянувшееся.

Тогда на ладонях Билла не было никаких маленьких белых шрамов.

Она наблюдала за этой шарадой глазами ревнивой возлюбленной, и она доверяла этому воспоминанию. Доверяла ФАКТУ.

И сейчас сказала это Биллу.

Он кивнул. — Ты права. Их тогда не было. И хотя я не могу поклясться в этом, думаю, их не было и прошлой ночью, в «Плоу и Барроу». Мы стали меряться руками на пиво и, я думаю, я бы заметил.

Он усмехнулся. Усмешка была сухой, лишенной юмора, испуганной.

— Я думаю, они вернулись, когда позвонил

Майкл Хэнлон. Вот что я думаю.

— Билл, это невозможно. — Она потянулась за сигаретами.

Билл смотрел на свои руки. — Стэн сделал это, — сказал он. — Разрезал ладони осколком бутылки из-под «Кока-колы». Теперь я отчетливо вспоминаю это. — Он посмотрел на Одру, и глаза его за очками выглядели больными, непонимающими.

— Я помню, как этот кусок стекла мерцал на солнце. Он был от новой бутылки, прозрачный. Раньше бутылки «Кока-колы» были зелеными, ты помнишь?

— Она покачала головой, но он не видел. Он все еще изучал свои ладони. — Я помню, что Стэн резал свои руки последним, притворяясь, будто намерен не просто надрезать ладони, а полоснуть по запястью. Я думаю, это была глупость, но я подался к нему.., чтобы остановить его. Потому что секунду-две он выглядел серьезным.

— Билл, не надо, — сказала она низким голосом. На этот раз, чтобы зажигалка не дрожала в руке, ей понадобилось обхватить запястье другой рукой — так полицейский держит пистолет на стрельбище. — Шрамы не могут возвращаться. Они или есть, или их нет.

— Ты их видела раньше, а? Ты это говоришь мне?

— Они едва заметны, — сказала Одра резче, чем хотела.

— Мы истекали кровью, — сказал он. — Мы стояли в воде недалеко от того места, где Эдди Каспбрак, Бен Хэнском и я построили плотину...

— Ты имеешь в виду архитектора, да?

— Есть архитектор с таким именем?

— Боже, Билл, он построил новый центр связи Би-би-си! И до сих пор ведутся споры, мечта это или неудача!

— Ну, я не знаю, тот же это парень или нет. Это кажется невероятным, но кто знает. Тот Бен, которого я знал, классно строил. Мы все стояли там, и я держал левую руку Бев Марш в своей правой, и правая рука Ричи Тозиера была в моей левой. Мы стояли в воде, как будто принимали крещение, и на горизонте я видел деррийскую водонапорную башню.

Она была такой белой, какой представляется воображению одеяние архангелов, и мы пообещали, поклялись, что если это не кончилось, что если это возобновится, мы вернемся. И мы бы сделали это. И остановили. Навсегда.

— Остановили ЧТО? — закричала она, внезапно

разъярившись на него. — Что остановили? Что за чушь ты несешь?

— Лучше бы ты не спрашивала... — начал Билл и остановился. Она увидела, как выражение ужаса распространяется по всему его лицу, как пятно. — Дай сигарету.

Она протянула ему пачку. Он закурил. Она никогда не видела, чтобы он курил.

— Я еще и заикался.

— Заикался?

— Да. Тогда. Ты говорила, что я был единственным человеком в Лос-Анджелесе, который осмеливался говорить медленно. Но правда была в том, что я не осмеливался говорить быстро. Это был не плод размышлений.

И не рассуждение. И не мудрость. Все исправившиеся заики говорят очень медленно. Это один из известных ходов, также как свое второе имя надо вспомнить прямо перед тем как представляешься, потому что у заик более всего проблем с существительными, и слово, которое причиняет самое большое беспокойство, — это их собственное имя.

— Заикался. — Она улыбнулась легкой улыбкой, как будто он пошутил и она потеряла нить.

— До смерти Джорджа я заикался умеренно

— сказал Билл, и уже начал слышать, как слова повторяются в его мозгу, как будто бесконечно разделенные во времени; он говорил гладко, медленно и размеренно, но мысленно слышал, как такие слова, как «Джбрижи» и «умеренно», наскакивают одно на другое, становясь Джджджорджи и уммеренно. — Я имею в виду, что у меня было несколько действительно ужасных моментов — обычно, когца меня вызывали, и особенно , если я действительно знал ответ и хотел ответить. После смерти Джорджа пошло намного хуже. Потом, где-то в возрасте четырнадцати-пятнадцати лет, стало улучшаться. Я поехал в Чеврус Хай в Портленде, и там был классный логопед, миссис Томас. Она научила меня некоторым уловкам. Наподобие того, чтобы думать о втором имени непосредственно перед тем, как говоришь: «Привет, я Билл Денбро». Я брал уроки французского, и она научила меня переключаться на французский, если я застреваю на слове. Если ты чувствуешь себя, как самая большая жопа в мире, снова и снова произнося «кккк», как заезженная запись, переключайся на французский, и снова сорвется с твоего языка. И как только ты сказал это по-французски можешь возвращаться к английскому и сказать «эта кни-

га» без всяких проблем. И если ты спотыкаешься на словах, начинающихся с "с", можно шепелявить. Никакого заикания. Все это помогало, но главным образом надо было забыть Дерри и все, что случилось там. И это произошло. Когда мы жили в Портленде и я собирался в Чеврус. Я не сразу все забыл, но оглядываясь назад, сказал бы, что это случилось через замечательно короткий промежуток времени. Месяца через четыре, не более, мое заикание и мои воспоминания стерлись одновременно. Кто-то вымыл доску, и все старые уравнения исчезли.

Он выпил остатки сока. — Когда я заикнулся на слове «спросить» несколько секунд назад, это было впервые за двадцать один год.

Он посмотрел на нее.

— Сначала шрамы, потом заиккание. Ты сслышишь?

— Ты делаешь это намеренно! — сказала она, сильно испугавшись.

— Нет. Я думаю, человека в этом убедить нельзя, но это так.

Заикание смешит.

Одра. Страшно. На одном уровне ты даже не сознаешь, как это происходит. Просто... Что-то еще ты слышишь в своей голове. Как будто часть

твоего мозга на минуту опережает остальной.

Он встал и беспокойно обошел комнату. Он выглядел усталым, и она с тревогой подумала, как упорно он работал почти тринадцать последних лет, как будто талант можно измерить неистовством, почти что безостановочностью работы. Мысль, которая пришла ей в голову, была тревожной, и она попыталась отогнать ее, но напрасно.

Предположим, что Биллу звонил не Ральф Фостер, приглашающий его в «Плау и Бэрроу» на хандрестлинг или трик-трак на часок, и не Фредди Файерстоун, продюсер «Комнаты на чердаке» по какому-нибудь вопросу?

Но тогда напрашивалась мысль, что все это дело «Дерри-Майкл Хэнлон» было ничем иным, как галлюцинацией. Галлюцинацией, вызванной начинающимся нервным расстройством.

Но шрамы.

Одра — как ты объяснишь эти шрамы?

Он прав. *Их не было, а сейчас они есть. Это правда, и ты знаешь ее.*

— Расскажи мне остальное, — сказала она. — Кто убил твоего брата Джорджа? Что ты и эти другие дети сделали? Что вы обещали?

Он подошел к ней, встал перед ней на колени, как старомодный поклонник с просьбой о руке и

сердце и взял ее руки.

— Я думаю, я мог бы рассказать тебе, — сказал он мягко. — Я думаю, если бы я действительно хотел, то мог бы. Многого я не помню даже сейчас, но раз я начал говорить, оно придет. Я могу ощущать эти воспоминания.., ожидать рождения. Они как облака, несущие дождь. Только этот дождь очень грязный. Растения, которые вырастают после такого дождя, — монстры. Может быть, я могу встретиться с ними...

— Они знают?

— Майкл сказал, что он зовет всех. Он думает, они все приедут.., кроме, может быть, Стэна. Он сказал, что голос Стэна звучал как-то странно.

— Это все звучит для меня странно. Ты очень пугаешь меня, Билл.

— Извини, — сказал Билл и поцеловал ее. Это было похоже на поцелуй незнакомца. Она почувствовала, что ненавидит этого человека — Майкла Хэнлона. — Я думал, я должен объяснить столько, сколько могу; я думал, так будет лучше, чем сжиматься и дрожать ночью. Я полагаю, некоторые из них как раз так и дрожат сейчас. Но я должен ехать. И я думаю, Стэн будет там, неважно, что голос его звучал странно. Или, может быть, это потому, что я не могу представить

себе, что не еду.

— Из-за твоего брата?

Билл медленно покачал головой. — Я мог бы тебе сказать, что да, но это было бы ложью. Я любил его. Я знаю, как странно это должно звучать после того, как я признался, что не думал о нем двадцать с лишним лет, но я чертовски любил этого человечка. — Он улыбнулся. — Он был спазмоид, но я любил его. Знаешь?

Одра, у которой была младшая сестра, кивнула:

— Я знаю.

— Но дело не в Джордже. Я не могу объяснить, что это. Я...

Он выглянул из окна и посмотрел на утренний туман.

— Я чувствую себя так, как должна чувствовать себя птица, когда приходит осень, и она знает.., как-то она знает, что ей надо лететь домой. Это инстинкт, малыш.., и я думаю, я верю, что инстинкт — это железный остов, на котором держатся все наши идеи свободной воли. Даже если ты хочешь выкурить трубку, или выпить бутыль, или предпринять длинную прогулку, ты не можешь сказать НЕТ некоторым вещам. Ты не можешь отказаться принять свой выбор" потому что нет

никакого выбора. Я должен ехать. То обещание.., оно в моем мозгу как рррыболовный крючок.

Она встала и осторожно подошла к нему; она чувствовала себя очень слабой, хрупкой, вот-вот сломается. Она положила руку на его плечо и повернула его к себе.

— Тогда возьми меня с собой.

Выражение ужаса, которое появилось в этот момент на его лице — не ужаса от нее, а ужаса за нее — было настолько обнаженным, что она отступила назад, действительно в первый раз испугавшись.

— Нет, — сказал он. — Не думай об этом. Одра. Никогда не думай об этом. Ты не поедешь в Дерри, ты не приблизишься к Дерри на три тысячи миль. Я думаю, Дерри будет очень плохим местом следующие несколько недель. Ты останешься здесь и будешь вести дела, находить отговорки за меня. Обещай мне это!

— Должна ли обещать? — спросила она, причем глаза ее так и не оторвались от него. — Должна ли я, Билл?

— Одра...

— Должна ли? Ты дал обещание и смотри, во что это вылилось. А я — твоя жена, и я люблю тебя.

Его большие руки больно сжали ее плечи. —

Обещай мне! Обещай! Ооообещай!

И она не смогла вынести это, это сломанное слово, пойманное его ртом, как забагренная рыба.

— Я обещаю, ладно? Я обещаю? — Она залилась слезами. — Теперь ты счастлив? Боже! Ты сумасшедший, все это безумие, но я обещаю!

Он обнял ее и положил на кушетку. Принес бренди. Она отпила чуть-чуть, держа себя под контролем.

— Когда ты едешь?

— Сегодня, — сказал он. — Конкордом. Я успею, если я поеду в Хитроу машиной, а не поездом. Фредди хотел, чтобы я начал после ланча. Ты иди в девять, и ты не знаешь ничего, ладно?

Она неохотно кивнула.

— Я буду в Нью-Йорке до того, как все прояснится в забавном свете. А в Дерри — до захода солнца, если все правильно сссогласовать.

— А когда я увижу тебя снова? — спросила она мягко.

Он обнял ее и крепко прижал к себе, но так и не ответил на ее вопрос.

ДЕРРИ: ПЕРВАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ

Сколько людских глаз проникло в их
тайную анатомию сквозь годы?
Клайв Баркер «Книги Крови»

Отрывок, приведенный ниже и все остальные отрывки «Интерлюдии» взяты из Микаэла Хэнлона «Дерри: Несанкционированной истории города». Это неопубликованная серия записок и выдержки из рукописи (которая читается почти как начало дневника), найденные под сводами Деррийской публичной библиотеки. Приведенное выше название, написанное на обложке подборки из отдельных листочков, в которой хранились эти записки до своего появления здесь. Автор, однако, неоднократно ссылается на эту работу в собственных своих заметках как на: «Дерри: взгляд через заднюю дверь ада».

Предполагают, что мысль о популярном издании этих записей не только помрачила рассудок мистера Хэнлона...

2 января, может ли *ВЕСЬ город* быть населен призраками?

Населен призраками так же, как населены ими

некоторые дома?

Не просто одно-единственное здание в том городе или одной-единственной улицы, или единственный баскетбольный корт в крошечном парке, не просто одна городская зона — не ВСЕ. Все сооружения.

Может ли это быть?

Слушайте:

Населенный призраками: «Часто посещаемый привидениями или духами». Функ и Вагнеллз.

Навязчивость: «Нечто постоянно приходящее в голову; трудно забыть». Также Функ и Фрэнд.

Являться: «Появляться или часто приходить, особенно это относится к призракам». НО — слушайте! — *"Место часто посещаемое:* курорт, притон, места постоянных сборищ"...

И еще одно — похоже, последнее, — определение этого слова как существительного, в самом деле пугает меня: *«Место кормления животных».*

Подобных животных, которые зверски избили Адриана Меллона и затем сбросили его под мост?

Подобие животному, которое ждет под мостом?

Место кормления животных.

Кто кормит в Дерри? Кто кормится Дерри?

Интересное дело — я даже не предполагал, что человек может стать таким пуганным, как стал я после истории с Адрианом Меллоном и все еще продолжаю жить, вернее просто функционировать. Я как будто попал в рассказ, а ведь известно что испуг ты должен чувствовать только в финале рассказа, когда призрак тьмы в конце концов выходит из леса, чтобы начать питаться.., вами, конечно.

Вами.

Но этот рассказ не из серии классических шедевров Лавкрафта, Брэдбери, или По. Разумеется, я знаю далеко не все, но многое. Я только что начал его, когда однажды в конце сентября открыл «Новости» Дерри, прочитал стенограмму предварительного слушания дела мальчика Унвина, и понял, что клоун, который убил Джорджа Денбро, может вернуться опять. Фактически все началось в 1980 году, когда, как я думаю, какая-то ранее уснувшая часть меня пробудилась.., почувствовав, что Его время, кажется, опять подходит.

Какая часть? Я думаю, нечто вроде дозорного.

А может быть, был голос Черепахи. Да.., пожалуй так. Я знаю, Билл Денбро поверил бы в это.

Я обнаружил новости о старых ужасах в старых

книгах; прочитал материалы о старых зверствах в старых периодических изданиях; на задворках своего разума, с каждым днем все громче, я слышал гудение морской раковины, какой-то нарастающий шум; казалось, я чувствую горький озоновый аромат будущих молний. Я начал записи для книги, которую я почти наверняка не успею опубликовать при жизни. И в то же время я продолжал свою жизнь. На одном уровне моего разума я жил и живу с невероятными, гротескными, ужасными видениями; на другом — продолжаю жить земной жизнью библиотекаря маленького городка. Я складываю книги на полки, я составляю библиотечные карточки для новых читателей, я убираю аппарат для чтения микрофильмов, который небрежные читатели иногда оставляют включенным; я щучу с Кэрол Даннер, говорю, как бы мне хотелось пойти с ней в постель, и она отшучивается — как бы ей хотелось пойти в постель со мной, и оба мы заем, что на самом деле она шутит, а я нет, так же как оба мы знаем, что она не останется надолго в таком маленьком городишке, как Дерри, а я буду здесь до самой смерти — брошюровать разорванные страницы в «Бизнес Уик», сидеть на ежемесячных собраниях, посвященных комплектованию

библиотеки, с трубкой в одной руке и пачкой «Библиотечных журналов» в другой.., и просыпаться посреди ночи и сдерживать крик, прижав кулаки ко рту.

Готические условности тут не причем. Мои волосы не побелели. Я не хожу во сне. Я не отпускаю таинственных комментариев, не ношу дощечку для спиритических сеансов в кармане своей спортивной куртки. Разве что смеяться стал больше, и вероятно смех мой кажется людям чересчур пронзительным, пронизывающим, неестественным, потому что иногда они странно смотрят на меня, когда я смеюсь.

Часть меня — часть, которую Билл называл «голосом Черепахи» — говорит мне, что я должен позвонить им всем сегодня ночью. Но полностью ли я уверен, даже сейчас? Хочу ли я быть полностью уверенным? Нет — конечно, нет. Но Боже, то, что случилось с Адрианом Меллоном, так похоже на то, что случилось с братом Заики Билла, Джорджем, осенью 1957 года...

Если это началось снова, я позвоню им. Я должен позвонить. Но пока, что нет. Впрочем, еще рано. В прошлый раз это шло медленно и закончилось раньше лета 1958. Поэтому.., я выжидаю. И заполняю ожидание, делая записи в этой запис-

ной книжке, а также подолгу смотрю в зеркало на незнакомого человека, которым стал тот мальчик.

Лицо у мальчика было умным и застенчивым; лицо мужчины — лицо кассира в банке из вестерна, парня без особых примет, парня, который при виде грабителей пугается и поднимает руки вверх. И если по сценарию требуется, чтобы кто-то был застрелен бандитами, он как раз и есть тот человек.

Тот самый старина Майк. Немного страха в глазах, может быть, не совсем еще прошел от прерванного сна, но не настолько, чтобы вы могли заметить что-то, не вглядевшись пристально.., на расстоянии воздушного поцелуя, а я не был с ними на таком расстоянии уже очень долго. Если бы вы мельком на меня глянули, то подумали бы: *ОН ЧИТАЕТ СЛИШКОМ МНОГО КНИГ,* ну и все. Сомневаюсь, что вы бы отгадали, сколько сил стоит этому человеку с добрым лицом банковского кассира удержаться в здравом рассудке.

Если я должен буду всем позвонить, это кого-нибудь из них убьет.

Это один из фактов, которым я должен посмотреть в глаза длинными ночами без сна, ночами, когда я лежу в постелив своей обычной синей

пижаме, мои очки, аккуратно сложенные, лежат на ночном столике рядом со стаканом воды, которую я всегда ставлю на случай, если проснусь и захочу пить. Я лежу там в темноте и глотаю воду маленькими глотками и думаю, как много — или как мало — они помнят. Я как-то убежден, что они ничего не помнят об этом, потому что им не нужно помнить. Я единственный, кто слышит голос Черепахи, единственный, кто помнит, потому что я единственный, кто остался здесь в Дерри. И так как их разбросало ветрами, у них нет способа узнать идентичные образчики, по которым были сделаны их жизни. Вернуть их назад, показать им этот образчик.., да, это может убить кого-то из них. Это может убить их всех.

Поэтому я снова и снова прокручиваю их в голове; прокручиваю, пытаясь воссоздать их, какими они были и какими могли быть теперь, пытаясь понять, кто из них самый уязвимый. Ричи Тозиер, думаю я иногда — его Крис, Хаггинс и Бауэре, кажется, доставали чаще всего, хотя Бен был таким толстым. Бауэрса Ричи боялся больше всего — да мы все его боялись, и другие тоже. Если я позвоню ему в Калифорнию, он, верно, расценит это как жуткое Возвращение отъявленных хулиганов, двух из могилы и одного — из

сумасшедшего дома в Джанилер Хилл, где он беснуется по сей день? Иногда я думаю, Эдди был самым слабым, Эдди с его комплексом матери и ужасной астмы. Беверли? Она всегда старалась казаться грубой, но напугана была не меньше нас. Заика Билл с ужасом на лице, закрывающий крышку на пишущей машинке? Стэн Урис?

Лезвие гильотины нависло над их жизнями, острое, как бритва, но чем больше я думаю об этом, тем больше прихожу к выводу, что они не знают об этом лезвии. Я один держу руку на рычаге. Я могу пустить его в ход, просто открыв телефонную книжку и позвонив им одному за другим.

Может быть, мне не нужно этого делать. Я хватаюсь за слабеющую надежду, что кроличьи крики моего застенчивого разума я принял за сильный, истинный голос Черепахи. В конце концов, что я имею? Меллон в июле. Ребенок, найденный мертвым на Нейболт-стрит в прошлом октябре, еще один, найденный в Мемориал-парке в начале декабря, как раз перед первым снегом. Может быть, это сделал бродяга, как пишут газеты. Или сумасшедший, который потом уехал из Дерри или убил себя из угрызений совести или самоотвращения, как может быть сделал

— если верить некоторым книгам — настоящий Джек-Потрошитель.

Может быть.

Но девочка Альбрехта была найдена прямо через улицу от того проклятого старого дома на Нейболт-стрит.., и она была убита в тот же самый день, что и Джордж Денбро двадцать семь лет назад. И затем мальчик Джонсон, найденный в Мемориал-парке с ногой, вырванной из коленного сустава. В Мемориал-парке, конечно, находится водонапорная башня Дерри, и мальчик был найден почти у ее основания. Водонапорная башня в двух шагах от Барренса; водонапорная башня — это где Стэн Урис видел тех мальчишек.

Тех мертвых мальчишек.

И все-таки, это не могло быть ничем, кроме дыма и миража. Не могло быть. Или совпадение. Или, — возможно, что-то среднее — своего рода пагубное эхо. Могло это быть? Я ощущаю, что могло. Здесь, в Дерри, все, что угодно, могло быть.

Я думаю, что то, что было здесь раньше, все еще присутствует — то, что было здесь в 1957 и 1958 годах, то, что было здесь в 1929 и 1930, когда Черное Местечко было сожжено Легионом Белой благодарности, штат Мэн, то, что было здесь в 1904 и 1905 и в начале 1906 — по крайней мере, до взры-

ва чугунолитейного завода Кичнера, то, что было здесь в 1876 и 1877, то, что появлялось каждые двадцать семь лет или что-то около этого. Иногда оно приходит немного раньше, иногда немного позже.., но приходит всегда. Когда обращаешься назад к прошлому, соответствующие записи найти все труднее и труднее, потому что они беднеют, и дырки, проеденные молью в повествовательной истории района, становятся больше. Но знание, куда смотреть — и когда смотреть — проходит долгий путь к решению проблемы. Понимаете, Оно всегда возвращается Оно.

Итак — да: я должен сделать эти звонки. Я думаю, мы именно это имели тогда в виду. По какой-то неведомой причине, мы избраны остановить это навсегда. Слепая судьба? Слепая удача? Или это опять та проклятая Черепаха? Возможно она командует, так же как и говорит. Не знаю. И сомневаюсь, имеет ли это значение. Много лет назад Билл сказал: *«Черепаха не может помочь нам»,* и если это было правдой тогда, это должно быть правдой и теперь.

Я мысленно вижу, как мы стоим в воде, взявшись за руки, и даем обещание вернуться, если это начнется когда-нибудь снова — стоим там, почти как друиды в кольце, скрепленные кровью

нашего обещания, ладонь в ладонь. Ритуал старый, как само человечество, — ритуал, который находится на грани реального и ирреального Потому что сходство...

Но здесь я как бы сам становлюсь Биллом Денбро, заикаюсь на той же самой почве снова и снова, излагая некоторые факты и много неприятных (и довольно расплывчатых) предположений, с каждым абзацем все более навязчивых. Ничего хорошего в этом нет. Бесполезно. Даже опасно. Но ведь так трудно ждать событий.

Эта записная книжка будет попыткой выйти за пределы навязчивых предположений, расширяя фокус моего внимания — в конце концов, в этой истории завязаны более шести мальчиков и одна девочка, все они несчастны, все они не приняты равными себе по положению, и все они свалились в ночной кошмар в одно жаркое лето, когда был еще Эйзенхауэр президентом. Это попытка, если хотите, оттащить камеру немного назад, чтобы с дистанции увидеть весь город, место, где около тридцати пяти тысяч людей работают и едят, и спят, и совокупляются, и ходят за покупками, и ездят, и гуляют, и ходят в школу, и садятся в тюрьму, а порой — исчезают во тьме.

Чтобы знать, что это за место сейчас, — я уве-

рен — надо знать, что это было за место ранее. И если я должен был бы назвать день, когда все это реально началось для меня снова, это был день ранней осенью 1980, когда я приехал в гости к Альберту Карсону, который умер прошлым летом — в девяносто один год. Он был наполнен годами и почестями. Он был здесь главный библиотекарь с 1914 по 1960 — невероятный отрезок времени (но он сам был невероятным человеком), и я понял, что если кто-нибудь знает, с какой истории надо начинать, то это Альберт Карсон. Я задал ему мой вопрос, когда мы сидели у него на веранде, и он мне ответил каким-то квакающим голосом — он уже страдал от рака горла, который в конце концов убил его.

— Ни одна из историй не стоит того. И ты чертовски хорошо это знаешь.

— Тогда с чего же я должен начать?

— Что начать?

— Исследование этого района. Города Дерри.

— О, да. Начни с Фрика и Мичеда. Так лучше всего.

— Прочтя эти...

— Прочтешь, Боже, нет! Выброси их в мусорную корзину! Это будет твой первый шаг. Затем читай Буддингера. Брэнсон Буддингер чертов-

ски неряшливый исследователь, у него полно оплошностей, если половина того, что я слышал в детстве, — правда, но, когда он приехал в Дерри, его сердце оказалось на своем месте. У него много неверных фактов, но они у него неверные с чувством, Хэнлон.

Я засмеялся, и Карсон ухмыльнулся своими кожаными губами — что свидетельствовало о хорошем настроении, но на самом деле — немного пугало. В этот момент он выглядел как хищник, охраняющий свежеубитое животное, ожидающий, когда оно дойдет до такой стадии разложения, когда им можно будет пообедать.

— Когда ты закончишь с Буддингером, читай Ивса. Отмечай всех людей, с которыми он говорит, Сэнди все еще в университете штата Мэн, фольклорист. После того как ты его прочтешь, поезжай к нему. Угости его обедом. Я бы повез его в «Оринеку», там обед обычно длится бесконечно долго. Накачай его, заполни записную книжку именами и адресами. Поговори со старожилами, с которыми говорил он — теми, кто еще остался; а нас несколько — ахахахахаха — и еще от них получи имена. К тому времени у тебя будет четкая картина. Если ты сумеешь охватить достаточное количество людей, ты услышишь от них нечто

такое, чего нет в историях. И обнаружишь, что это беспокоит твой сон.

— Дерри...

— Что Дерри?

— В Дерри не все в порядке, не так ли?

— В порядке? — спросил он своим квакающим голосом. — В порядке? Что? Что это слово означает? Симпатичные картинки в Кендускеаге? Если так, тогда с Дерри все в порядке, потому что картинок этих десятки. Имеет ли право уродливая пластмассовая статуя Пола Буниана стоять перед Городским центром? О, будь у меня грузовик напалма и моя старая зажигалка «Зиппе», я бы позаботился об этой мерзкой вещи, уверяю тебя.., но если чьи-то эстетические взгляды настолько широки, что допускают существование пластмассовых статуй, тогда в Дерри все в порядке. Вопрос в том, что для тебя означает «в порядке» Хэнлон? А? Точнее, что значит «не в порядке»?

На это я мог только покачать головой. Он или знал, или не знал. Или скажет, или не скажет.

— Ты имеешь в виду неприятные истории, которые можно услышать, или те, о которых ты уже знаешь? Неприятные истории всегда бывают. Хроника города — как старый беспорядочно перестраивающийся особняк со множеством

комнат, уютных закутков, помещений для белья, чердаков и всякого рода потайных местечек.., не говоря уже о неожиданных тайных проходах. Если вы приметесь исследовать Дерри, как такой вот особняк, то все это найдете в нем.

Да, потом вы пожалеете об этом, но уж коль скоро найдете, то надо обосновать? Некоторые комнаты закрыты, но есть ключи.., есть ключи.

Его глаза рассматривали меня со старческой проницательностью.

— Ты можешь подумать, что нащупал самый худший из секретов Дерри.., но всегда существует еще один. И еще один. И еще один.

— Вы...

— Кажется я должен попросить у тебя извинения. У меня сегодня очень болит горло. Пора принять лекарство и отдохнуть. Другими словами, вот тебе нож и вилка, друг мой: иди посмотри, что ты можешь разрезать ими.

Я начал с истории Фрика и истории Мичеда. Я последовал совету Карсона и бросил их в мусорную корзину, но сперва прочитал их. Они были, как он и предполагал, ужасны. Я прочитал историю Буддингера, переписал все сноски и пошел по их следам. Это удовлетворяло больше, но сноски — вещь особая: они как тропинки,

извивающиеся по дикой нетронутой местности. Они раздваиваются, затем опять раздваиваются, и в какой-то точке вы можете повернуть не туда, и это приведет вас либо к смертельному исходу, либо в болотную трясину. «Если вы находите сноску, — сказал однажды группе, в которой я учился, крупный специалист в области библиотековедения — наступите ей на голову и убейте ее, до того как она сможет плодоносить».

Они плодоносили, размножались; иногда размножение — хорошая вещь, не чаще, я думаю, нет. Сноски в сжатой «Истории старого Дерри» (Ороно: издание университета штата Мэн, 1950) проходят через сотни забытых книг и пыльных докторских диссертаций в области истории и фольклора, через статьи в исчезнувших журналах и среди ворохов городских судебных хроник и надгробных плит.

Мои разговоры с Сэнди Иве были интереснее. Его источники пересекались время от времени с Буддингеровскими, но этим сходство ограничивалось. Иве провел большую часть своей жизни, собирая устные предания. Иве написал цикл статей о Дерри в течение 1963-66 годов. Большинство старожилов, с которыми он тогда говорил, умерли к тому времени, когда я начал

свое исследование, но у них были сыновья, дочери, племянники, двоюродные братья и сестры. Одна из величайших истин в мире гласит: на каждого умершего старожила приходится хотя бы один родившийся. И хорошая история никогда не умирает, ее передают из уст в уста. Я сидел на многий балконах и во многих гостиных, выпил много чая и пива. Я много прослушал, кассеты моего плейера вращались непрерывно.

И Буддингер, и Иве полностью соглашались в одном: первоначальная партия белых поселенцев насчитывала около трех сотен. Они были англичане. У них был свой устав, и они были известны формально как «Компания Дерри». Территория, дарованная им, охватывала ту, что сегодня именуется Дерри, — большую часть Ньюпорта и частично — земли близлежащих городов. Ив 1741 году все люди в Дерри исчезли. Еще в июне того года сообщество насчитывало около трехсот сорока душ, но в октябре его уже не было. Маленькая деревушка, построенная из деревянных домов, стояла заброшенной. Один из домов — он стоял тогда где-то на пересечении Витчем и Джексон-стрит, был сожжен дотла. История Мичеда утверждает, что все поселяне были зарезаны индейцами, но для такого соображения нет

оснований, кроме разве что одного сгоревшего дома. Да и то более вероятно, что пожар возник из-за сильно раскалившейся печи.

Индейская резня? Сомнительно. Никаких костей, никаких тел. Наводнение? В том году его не было. Болезнь? Ни слова о ней в окружающих городах.

Они просто исчезли. Все. Все триста сорок. Бесследно.

Насколько я знаю, единственный случай, отдаленно напоминающий наш в американской истории, — это исчезновение колонистов на Роунок Айленд, Вирджиния. Каждый школьник в стране знает о нем, но кто слышал об исчезновении Дерри? Об этом не знают даже люди, живущие здесь. Я спросил об этом нескольких студентов, которые сдают требуемый курс по истории штата Мэн, и никто из них ни о чем слыхом не слыхивал. Затем я просмотрел справочник «Мэн тогда и сейчас». В тексте — более сорока ссылок на Дерри, большинство из них касается годов бума вокруг лесоматериалов. И — ничего об исчезновении первых колонистов... Как мне назвать это явление? Некое спокойствие здесь как бы закономерно.

Существует своего рода завеса спокойствия,

которая скрывает многое из того, что произошло здесь.., но все же люди разговаривают. Ведь, ничто не в состоянии остановить людей в желании общаться, говорить друг с другом. Но слушать надо внимательно, а это редкое мастерство. Я льщу себя надеждой, что развил его в себе за последние четыре года. Один старик рассказал мне о том, как его жена услышала голоса, говорящие с ней из водоотвода кухонной мойки, за три недели до смерти их дочери — это было в начале зимы 1957-58 годов. Девочка, о которой он говорил, была одной из первых жертва пиршестве смерти, которое началось с Джорджа Денбро и длилось почти до следующего лета.

— Целый сонм голосов, все они перебивали друг друга, — сказал он мне.

У него была водопроводная станция на Канзас-стрит, и он говорил со мной, то и дело отлучаясь к насосам, там он наполнял газовые баллоны, проверял уровень масел и вытирал ветровые щиты.

— Они заговорили, когда жена наклонилась над водоотводом, и она закричала в него: «Кто вы такие, черт вас побери? Как вас зовут?» А в ответ хрюканье, невнятный шум, завывание, визг, крики, смех, знаете ли. По ее словам они сказали то, что одержимый говорил Иисусу: «Имя нам

— легион». Она не подходила к этой раковине два года. Все два года я после двенадцати часов проводимых здесь, внизу, должен был идти домой и мыть всю чертову посуду.

Он пил Пепси из автомата за дверью конторки, семидесятидвух-семидесятитрехлетний старик в выцветшем рабочем комбинезоне, с ручейками морщинок, бегущих из уголков глаз и рта.

— Вы, наверное, подумаете, что я сумасшедший, — сказал он, — но я расскажу вам кое-что еще, если вы выключите свою вертелку.

Я выключил магнитофон и улыбнулся ему.

— Принимая во внимание то, что я услышал за последние пару лет, нужно очень постараться, чтобы убедить меня, что вы сумасшедший, — сказал я.

Он улыбнулся в ответ, но юмора в этом не было.

— Однажды ночью я мыл посуду, как обычно — это было осенью 1958 года, после того как все вроде бы улеглось. Моя жена спала наверху. Бетти была единственным ребенком, которого нам дал Господь, и после ее убийства моя жена много спала. Ну, вынул я пробку из раковины, и вода потекла вниз. Вы знаете звук, с которым мыльная вода проходит в фановую трубу? Сосущий такой

звук. Вода шумела, но я не думал об этом, я хотел выйти по делам, и как только звук воды стал умирать, я услышал там свою дочь. Я услышал Бетти — где-то там внизу, в этих чертовых трубах. Смеющуюся. Она была где-то там, в темноте, и смеялась. Если чуток прислушаться, она скорее кричала. Или то и другое. Крик и смех там, внизу, в трубах. Первый и единственный раз я слышал нечто подобное. Может быть, мне это послышалось... Но.., не думаю.

Он посмотрел на меня, а я на него. Свет, падающий на него через грязные стекла окон, делал его лицо старше, делал его похожим на древнего Мафусаила. Я помню, как холодно мне было в эту минуту, как холодно.

— Вы думаете, я рассказываю небылицы? — спросил меня старик, которому было где-то около сорока пяти лет в 1957 году, старик, которому Бог дал единственную дочь по имени Бетти Рипсом. Бетти нашли на Аутер Джексон-стрит сразу после Рождества, замерзшую, с выпотрошенными внутренностями.

— Нет, — сказал я, — я не думаю, что вы рассказываете небылицы мистер Рипсом.

— И вы тоже говорите правду, — сказал он с каким-то удивлением. — Я читаю это на вашем

лице.

Я думаю, он намеревался рассказать мне еще что-то, но за нами резко задребезжал звонок, — машина подъехала к питающему рукаву, и включились насосы. Когда зазвенел звонок, мы оба подпрыгнули, и я вскрикнул. Рипсом вскочил на ноги и подбежал к машине, вытирая на ходу руки. Когда вернулся, то посмотрел на меня как на назойливого незнакомца, который от нечего делать болтается по улице. Я попрощался и вышел.

Буддингер и Иве соглашаются еще в чем-то: дела в Дерри отнюдь не в порядке; дела в Дерри НИКОГДА небыли в порядке.

Я видел Альберта Карсона в последний раз за месяц до его смерти. С горлом у него стало хуже: из него выходил только шипящий шепоток. — Все еще думаете написать историю Дерри, Хэнлон?

— Все еще забавляюсь этой идеей, — сказал я, хотя, конечно, никогда не планировал написать историю города, и думаю, он это знал.

— Вам бы потребовалось двадцать лет, — прошептал он, — и никто бы не стал читать ее. Никто бы не захотел читать ее. Пусть себе все идет, как идет, Хэнлон.

Он помолчал и добавил:

— Буддингер покончил жизнь самоубийством, вы знаете?

Конечно, я знал это, но только потому, что люди говорят, а я научился слушать. Заметка в «Ньюз» называла это несчастным случаем при падении; Брэнсон Буддингер и в самом деле упал, но «Ньюз» пренебрегла сообщением о том, что он упал со стульчака в своем сортире, а вокруг шеи в это время у него была петля.

— Вы знаете о цикличности? — Я посмотрел на него, вздрогнув.

— Ода, прошептал Карсон. — Знаю. Каждые двадцать шесть или двадцать семь лет. Буддингер тоже знал. Многие старожилы знают, но об этом они не станут говорить, даже если их накачать наркотиками. Оставьте это, Хэнлон.

Он протянул ко мне руку с птичьими когтями. Он положил ее мне на запястье, и я почувствовал жар рака, который свободно гуляет по его телу, сжирая все оставшееся, что хорошего было для еды...

— Микаэл — незачем все это. В Дерри есть вещи, которые кусаются. Пусть все идет своим чередом. Пусть.

— Я не могу.

— Тогда берегитесь, — сказал он. Вдруг испуган-

ные огромные глаза ребенка глянули на меня с лица умирающего старика, — берегитесь, Дерри.

Мой родной город. Названный по графству в Ирландии с тем же названием.

Дерри.

Я родился здесь, в деррийском роддоме, посещал деррийскую начальную школу, ходил в младшие классы средней школы на Девятой-стрит, в старшие классы — в Деррийскую хай-скул. Я учился в университете штата Мэн, затем вернулся сюда. В деррийскую публичную библиотеку. Я человек маленького города, живущий жизнью маленького города, один среди миллионов.

Но.

НО:

В 1879 году бригада лесорубов нашла останки другой бригады, которая провела зиму в палаточном лагере в верховьях Кендускеаг — на стрелке того, что ребята все еще зовут Барренс. Их там было девятеро, все девятеро раскромсаны на куски. Головы валялись отдельно.., не говоря уж о руках.., нога или две.., и пенис одного мужчины был прибит к стенке палатки.

НО:

В 1851 году Джон Марксон убил всю семью ядом и затем, сидя в середине круга из четырех

трупов, целиком сожрал смертельно ядовитый *гриб.* Его предсмертные муки должны были быть ужасны. Городской констебль, который нашел его, написал в своем рапорте, что сначала он подумал, будто труп смеется над ним: он написал о «страшной белой улыбке Марксона». Белая улыбка — это полный рот гриба-убийцы; Марксон умер, продолжая жевать, даже когда судороги и мучительные мышечные спазмы разрушали его умирающее тело.

НО:

В пасхальное воскресенье 1906 года владельцы чугунолитейного завода Кичнера, который стоял там, где сейчас находится новый бульвар в Дерри, организовали охоту «за пасхальным яйцом» «для всех хороших детей Дерри». Забава проходила в огромном здании чугунолитейного завода. Опасные зоны были перекрыты, рабочие и служащие по своей инициативе поставили охрану, чтобы никто из любознательных мальчишек или девчонок не вздумал нырнуть под ограждения и заняться исследованием в опасных зонах. Пятьсот шоколадных пасхальных яиц, завязанных веселыми ленточками, были спрятаны в разных местах. Согласно мнению Буддингера, на каждое яйцо был как минимум один подарок. Дети бега-

ли, хохотали, кричали, радовались — бегали по заводу, замершему в воскресенье, находя яйца то под гигантским самосвалом, то в ящике стола мастера, то под литейными формами на третьем этаже (на старых фотографиях эти формы похожи на противни из кухни какого-то гиганта). Три поколения Кичнеров находились здесь для того, чтобы наблюдать за веселым беспорядком и присуждать призы в конце «охоты», который был намечен на четыре часа, независимо от того, нашлись бы все яйца или нет. Конец наступил на сорок пят" минут раньше, в четверть четвертого. Чугунолитейный завод взорвался. До захода солнца семьдесят два человека вытащили из-под обломков мертвыми. Окончательный итог — сто два человека. Из них восемьдесят восемь погибших — дети. В следующую среду, когда город все еще находился в молчаливо-мпеломленных раздумьях о трагедии, какая-то женщина нашла голову девятилетнего Роберта Дохея между сучьями яблони в конце сада. В зубах Дохея *бал* шоколад, а в волосах кровь. Он был последний из узнанных погибших. О восьми детишках и одном взрослом не *было* никаких сведений.

Это была самая страшная трагедия Дерри, хуже даже, чем пожар на Черном Пятне в 1930 году, и

она никак не объяснялась. Все четыре бойлера завода были закрыты. Не просто отгорожены — закрыты.

Убийств в Дерри в шесть раз больше, чем убийств в любом другом городке Новой Англии. С трудом поверив в свои предварительные данные, я показал свои цифры одному старшекласснику, который, если не проводит время перед своим «Коммодором», торчит здесь, в библиотеке. Он пошел дальше, — добавил еще десяток городишек к тому, что называется «болотом» и представил мне диаграмму, сделанную на компьютере, где Дерри торчит, как распухший палец. «Люди здесь, должно быть, грешные, мистер Хэнлон», — был его единственный комментарий. Я не ответил. Если бы я ответил, я должен был бы сказать ему: что-то в Дерри несомненно имеет весьма грешный нрав.

Здесь дети исчезают бесследно — от сорока до шестидесяти в год. Большинство из них — подростки. Предполагают, что они беглецы. Думаю, что это верно только отчасти.

И к концу того, что Альберт Карсон без раздумий назвал бы циклом, число исчезнувших детей увеличивается. В 1930 году, например, году — когда сгорело Черное Местечко — в Дерри исчезло

сто семьдесят детей, поймите, только попавших в полицейскую отчетность, то есть зарегистрированных, а сколько сверх того?

— Ничего удивительного, — сказал мне нынешний шеф полиции, когда я показал ему статистику, — *тогда была депрессия. Большинству из них надоело есть картофельный суп или голодными ходить по дому, и они ушли в поисках лучшего.*

В 1958 году сто двадцать семь детей в возрасте от трех до девятнадцати лет, как сообщалось, пропали в Дерри.

— *Была ли депрессия в 1958 году?* -спросил я шефа Рэдмахера.

— Нет, — сказал он. — *Но люди много передвигаются, Хэнлон. Особенно у ребят чешутся ноги. Получают взбучку из-за позднего возвращения со свидания — и бум! Нет их — ушли.*

Я показал шефу Рэдмахеру фотокарточку Чэда Лоу, которая появилась в «Ньюз Дерри» в апреле 1958 года.

— *Вы думаете, этот мальчик убежал после драки с родными по поводу позднего возвращения со свидания, шеф Рэдмахер? Ему было три с половиной, когда он пропал.*

Рэдмахер как-то кисло посмотрел на меня и ска-

зал, что было очень приятно поговорить со мной, но если вопросов больше нет, он занят. Я ушел.

Населенный призраками, навязчиво является.

Место, посещаемое духами или призраками, например, трубы под раковиной; появляться или возвращаться — каждые двадцать пять, — двадцать шесть или двадцать семь лет; место кормления животных, как в случаях с Джорджем Денбро, Адрианом Меллоном, Бетти Рипсом, девочкой Альбрехта, мальчиком Джонсона.

Место кормления животных.

Если еще что-нибудь произойдет — что-нибудь вообще — я буду звонить. Я должен буду. Сейчас у меня только предположения, мой разбитый отдых, мои воспоминания — мои проклятые воспоминания. О, и еще одно — у меня есть записная книжка, не так ли? Стэна, в которую я вою. И вот я сижу здесь, рука моя так дрожит, что я едва могу писать; вот я в темных стеллажах, наблюдая за тенями, отброшенными тусклыми желтыми шарами...

Здесь сижу я рядом с телефоном.

Я кладу на него руку.., подвигаю его к себе.., касаюсь прорезей в диске, я могу соединиться со всеми ими, моими старыми друзьями.

Мы глубоко зашли вместе.

Мы вместе зашли во тьму. Выбрались бы мы из тьмы, если бы пошли туда во второй раз?

Не думаю.

Господи, сделай так, чтобы я не должен был звонить им.

Пожалуйста, Господи.

ЧАСТЬ II. ИЮНЬ

Моя поверхность – это я сам.
Свидетельствую – под нею хоронят
юность.
Корни?
Все имеют корни.
Уильям Карлос Уильяме, «Патерсон»

Иногда я думаю, что я буду делать,
голубизна лета – неизлечима.
Эдди Кокран

Глава 4. БЕН ХЭНСКОМ ПАДАЕТ

1

Около 11.45 одна из стюардесс, обслуживающих первый класс рейса 41 Омаха — Чикаго объединенной авиакомпании, испытываем адский шок. Несколько мгновений она думает, что человек в кресле 1-А мертв.

Когда он еще садился в Омахе, она подумала: «О, черт, здесь не обойдется без неприятностей. Он в стельку пьян». Зловоние виски, разливавшееся вокруг его головы, сразу напомнило ей облако пыли, которым окружен грязный маленький мальчик по имени Пиг Пен в сборнике картинок «Пинат». Она приготовила первый десерт — радость для пьяниц — и была уверена, что он закажет выпивку, и не один раз. И тогда уж она решит станет ли обслуживать его. К тому же в тот вечер по всему маршруту были грозовые штормы, и она не сомневалась, что в какой-то момент этот парень в джинсах будет сильно блевать.

Но когда пришло время десерта, этот высокий человек не заказал ничего, кроме одной порции виски с содовой, — лучшего и нельзя было

предполагать. Лампочка его не загорелась, и стюардесса скоро забыла о нем, ведь в рейсе дел по горло. В сущности, о такого рода рейсе хочется забыть сразу же после его окончания: будь у вас время, не миновать бы вопросов о возможностях вашего собственного выживания.

41-й лавирует междуродливыми карманищами грома и молнии, как хороший лыжник, спускающийся вниз. Воздух очень тяжелый. Пассажиры издают возгласы и через силу шутят по поводу молнии, которая вспыхивает в плотных облаках вокруг самолета. «Мама, это Бог фотографирует ангелов?» — спрашивает маленький мальчик, и его зеленая от страха мама невольно смеется. Первый десерт оказывается единственным той ночью для 41-го. Стюардессы все время стоят в проходах, отвечая на вызовы.

Сигнал пристегнуть ремни появляется через двадцать минут и остается. «Ральф сегодня очень занят», — говорит ей старшая стюардесса, когда они встречаются в проходе, — старшая стюардесса идет назад с лекарствами против воздушной болезни. Это полушутка. Ральф всегда занят на полетах, связанных с тряской. Самолет трясет, у кого-то вырывается крик, стюардесса слегка наклоняется, вытягивает руки, чтобы удержать

равновесие, и внимательно смотрит в немигающие, невидящие глаза пассажира в кресле 1-А.

Боже мой, он мертв, — думает, она. — Виски.., затем воздушные ямы.., его сердце.., напуган до смерти.

Глаза долговязого мужчины смотрят на нее, но не видят ее! Они не моргают.

Они совершенно неподвижны и пусты. Вне всякого сомнения это глаза мертвого человека.

Стюардесса отводит глаза от этого леденящего душу взгляда, ее собственное сердце рвется из груди, она не знает, что делать, как поступить, и благодарит Бога, что у него хотя бы нет попутчика не будет крика и паники. Она решает сначала предупредить старшую стюардессу, а потом мужчин из экипажа. Может быть, они смогут накрыть его одеялом и закрыть ему глаза. Пилот не выключит свет ни в коем случае, даже если воздух разрядится, поэтому никто не сможет пройти к туалету, а когда пассажиры будут высаживаться из самолета, они подумают, что он просто спит.

Эти мысли мгновенно проносятся в ее голове, и она снова встречается глазами с этим ужасным взглядом. Мертвые, ничего не говорящие глаза смотрят на нее.., и вдруг труп подносит ко рту стакан и немного отпивает из него.

Именно в этот момент самолет трясет, качает, и удивленный крик стюардессы теряется в других криках, криках страха. Глаза мужчины едва заметно моргают, достаточно, чтобы она поняла, что он жив и видит ее. «Странно, — думает она, — когда он садился в самолет, мне казалось, что ему около пятидесяти, а сейчас он выглядит моложе, хотя волосы его уже тронула седина».

Она подходит к нему, хотя слышит сзади нетерпеливые просьбы (Ральф действительно очень занят сегодня: после посадки в О'Харе тридцать минут назад уже семьдесят человек попросили аптечки).

— Все в порядке, сэр? — спрашивает она, улыбнувшись. Улыбка выглядит фальшивой, неестественной.

— Все прекрасно и в полном порядке, — говорит долговязый мужчина. Она смотрит на табличку его кресла в отсеке первого класса, его зовут Хэнском. — Прекрасно и в полном порядке. Только сегодня немного трясет, не правда ли? У вас, наверно, работы по горло. Не беспокойтесь обо мне. Я... — Он награждает ее принужденной улыбкой, улыбкой, которая наводит ее на мысль о пугалах, стоящих на мертвых ноябрьских полях. — Со мной все в порядке.

— Вы выглядели (мертвым) похуже погоды.

— Я вспоминал минувшие дни, — говорит он. — Я только сегодня осознал, что это такое — старое, былое, во всяком случае, что касается меня.

Еще вызовы.

— Извините меня, стюардесса! — зовет кто-то нервно.

— Ну хорошо, если вы абсолютно уверены, что с вами все в порядке...

— Я думал о запруде, которую строил со своими друзьями, — говорит Бен Хэнском. — Я полагаю, первыми друзьями в моей жизни. Они строили запруду, когда я... — Он останавливается, испуганно смотрит, потом смеется. Это искренний, почти беззаботный смех ребенка, и он звучит несколько странно в трясущемся, качающемся самолете. — , когда я заглянул к ним. Именно это я и сделал. Во всяком случае, они совершенно запутались с этой запрудой. Я это помню.

— Стюардесса!

— Извините, сэр, я должна приступить к своим обязанностям — Ну, конечно, идите.

Она уходит, скорее счастливая, что больше не видит этот мертвый, почти гипнотический взгляд.

Бен Хэнском поворачивает голову к окну и

смотрит в него. Молнии пронзают огромные грозовые тучи милях в девяти от правого борта. В заикающихся вспышках света облака кажутся огромными прозрачными мозгами, наполненными дурными мыслями.

Он ощупывает кармашек жилета, но серебряных долларов нет. Ушли из его кармана в карман Рикки Ли. Вдруг захотелось хоть один из них подержать в руках. Конечно, можно было бы пойти в любой банк — разумеется, не в этом трясущемся самолете на высоте двадцати семи тысяч футов — и получить там пригоршню серебряных долларов, но где гарантия, что они не окажутся паршивой подделкой, которую правительство пытается выдать за настоящие. А против оборотней и вампиров нужно нечто подобное блеску звезды, нужно чистое серебро. Требуется серебро, чтобы остановить монстра. Требуется...

Он закрыл глаза. Воздух вокруг него был наполнен криками и шумом. Самолет вздрагивал, подпрыгивал, трясся, слышался перезвон. Перезвон?

Нет.., звонки.

Это были звонки, это был звонок, звонок всех звонков, звонок, которого вы ждали целый год. Тот звонок — апофеоз всех школьных звонков

— сигнализировал свободу.

Бен Хэнском сидит на своем первоклассном месте, подвешенный среди громов на высоте двадцати семи тысяч футов, его лицо обращено к окну, и он чувствует, как стена времени вдруг утончается; происходит какая-то ужасная и чудесная перемена. Бог мой, — думает он, — меня переваривает мое собственное прошлое.

Свет молнии озаряет его лицо, и хотя он не знает этого, день только что завершился. Двадцать восьмое мая 1985 года стало двадцать девятым мая над темной, грозовой землей, какой является западный Иллинойс сегодняшней ночью; фермеры, у которых болит спина от работы в поле, спят как убитые и видят свои быстрые, живые, ртутные сны, и кто знает, что может происходить в их амбарах, их подвалах и их полях, когда молния гуляет, а гром болтает? Никому не ведомы эти вещи. Они знают только, что сила высвобождается ночью и что воздух — сумасшедший от высокого напряжения бури.

Но это звонки на высоте двадцати семи тысяч футов, когда самолет снова врывается в свет, когда его движение снова стабилизируется; это звонки; звонок, когда Бен Хэнском спит; и когда он спит, стена между прошлым и настоящим

полностью исчезает, и он глубже и глубже погружается в прошлое, как человек, падающий в глубокий колодец, — уэллсовский Путешественник во Времени, возможно, падающий вниз и вниз, в страну Морлоков, где машины стучат и стучат в туннелях ночи. Это 1981, 1977, 1969; и вдруг он здесь, здесь в июне 1958: повсюду яркий солнечный свет, и за спящими веками зрачки Бена Хэнскома реагируют на команды его дремлющего мозга, который видит не темноту, лежащую над западным Иллинойсом, а яркий солнечный свет июньского дня в Дерри, штат Мэн, двадцать семь лет назад.

Звонки.

Звонок.

Школа.

Школа...

2

...кончилась!

Звук звонка разнесся вверх и вниз, заполнил все помещение школы в Дерри, большое кирпичное здание, расположенное на Джексон-стрит, и в этом звоне ребята из пятого класса, где учился Бен Хэнском, подняли невообразимый гвалт, и миссис Дуглас, обычно строжайшая из учителей,

не сделала попыток успокоить учеников. Вероятно, понимала, что это не удастся.

— Дети! — сказала она, когда крики смолкли. — Можно мне в последний раз обратить ваше внимание?

По классу прошел шепот, смешанный со вздохами. Миссис Дуглас держала в руках их табели.

— Я надеюсь, что сдала! — сказала шепотом Салли Мюллер Беверли Марш, которая сидела в соседнем ряду. Сэлли была яркая, красивая, оживленная. Бев тоже была симпатичная, но в ней не было никакого оживления в этот последний школьный день. Она сидела, мрачно глядя на свои дешевые чулки. На ее щеке желтел кровоподтек.

— Мне все одно дерьмо, сдала я или нет, — сказала Бев.

Сэлли фыркнула. Леди не пользуются таким языком, означало это фырканье. Затем она повернулась к Грете Бови. «Не иначе как возбуждение, вызванное последним звонком в конце еще одного учебного года, заставило Сэлли повернуться к Беверли и заговорить с ней», — подумал Бен. Сэлли Мюллер и Грета Бови происходили из богатых семей Западного Бродвея, тогда как Бев приходила в школу из трущоб на Лоуэр Мейн-стрит. Лоуэр

Мейн-стрит и Западный Бродвей были всего в полутора милях друг от друга, но даже такой ребенок, как Бен, знал, что реальное расстояние между ними равнялось расстоянию между Землей и Плутоном. Достаточно было взглянуть на дешевый свитер, болтающуюся юбку, которые происходили из экономного гардероба Армии Спасения, на дешевые чулки Беверли Марш, чтобы понять, как далеки были девочки друг от друга. Но все равно Бену больше нравилась Беверли — гораздо больше. Грета и Сэлли были хорошо одеты, возможно они ежемесячно делали перманент или завивку, но для Бена это ровно ничего не значило. Они могли бы хоть каждый день делать перманент и все равно оставались парой самодовольных говняшек.

«Беверли куда лучше.., и намного симпатичнее», — думал он, хотя ни за что на свете не осмелился бы сказать ей это. Но все-таки иногда, в середине зимы, когда свет снаружи казался бледно-желтым, как кошка, свернувшаяся на(диване, и миссис Дуглас зацикливалась на математике (как не запутаться в делении десятичных чисел или как найти общие знаменатели, чтобы их сложить), или зачитывала задачи из «Блестящих мостов», или рассказывала об оловянных прии-

ках в Парагвае, в такие дни, когда казалось, что школа никогда не кончится и это даже не имело значения, таким отдаленным казался окружающий мир снаружи... В такие дни Бен смотрел на Бев сбоку, любуясь ее лицом и ощущая в сердце и отчаянную боль, и теплоту в одно и то же время. Он увлекся ею или даже влюбился в нее, вот почему он всегда думал о Беверли, когда «Пингвины» выступали по радио с песней «Земной Ангел», — «Любимая моя. Люблю тебя всегда»... Да, это было глупо, конечно, сентиментально, но это было так, и, конечно же, он никогда никому об этом не скажет. Толстым парням, так он полагал, можно любить красивых девушек только про себя. Расскажи он кому-нибудь о своих чувствах (хотя ему некому было рассказывать), этот человек скорее всего смеялся бы над ним до сердечного приступа. А если бы он когда-нибудь рассказал Беверли об этом, она бы или посмеялась про себя (что плохо), или распустила бы всяческие слухи (что еще хуже).

— Теперь подходите ко мне, как только я назову ваше имя. Пол Андерсон... Карла Бордо... Грета Бови... Кальвин Кларк... Цисси Кларк...

Учительница называла имена, и ребята подходили к ней по очереди, кроме близнецов Кларков,

которые вышли вместе, как всегда, рука в руку, неразличимые, только светлые волосы были разной длины да еще она носила платье, а он — джинсы, брали свои темно-желтые экзаменационные листы с американским флагом и Обетом Преданности на лицевой стороне и Священной Молитвой на задней, спокойно выходили из класса и.., сразу же летели вниз, где двери уже были распахнуты. А затем они просто убегали в лето и расходились или разъезжались: кто на велосипедах, кто на невидимых лошадях, кто вприпрыжку, хлопая руками по ляжкам, некоторые в обнимку, с песней «С удовольствием бы увидел свою школу горящей» на мотив «Боевого Гимна Республики».

— Марция Фадден.., Франк Фрик... Бен Хэнском...

Он поднялся, бросив свой последний до конца лета (как он тогда думал) взгляд на Беверли Марш, и пошел к столу миссис Дуглас, одиннадцатилетний парнишка — бочонок, размером с Нью-Мехико, бочонок, впихнутый в ужасные новые синие джинсы, которые сверкали маленькими точками медных заклепок и издавали звук *ВШТ-ВШТ-ВШТ,* когда толстые ляжки терлись друг о друга. У него был по-девчоночьи толстый

зад, расползшийся живот. На нем был мешковатый свитер, хотя день был теплый. Он почти всегда носил мешковатые свитера, потому что глубоко стыдился своей груди с того первого после рождественских каникул дня, когда пришел в школу в новой рубашке «Айви Лиг», которую ему дала мать" и Белч Хаггинс из шестого класса прокаркал: «Эй, ребята, посмотрите, что Сайга Клаус подарил Бену Хэнскому на Рождество! Большой набор титек!» Белч ржал, как конь, от своей остроты. Остальные тоже смеялись, в том числе и некоторые девочки. И если бы перед ним в этот момент разверзлась преисподняя, он бы провалился туда без звука.., или бормоча благодарность.

С того времени он носил эти спортивные свитера. У него их было четыре — мешковатый коричневый, мешковатый зеленый и два мешковатых синих. На этом он сумел настоять. Если бы он увидел, что и Беверли Марш смеется над ним, он бы, наверное, умер.

— Удовольствие было учить тебя, Бенджамин, — сказала миссис Дуглас после вручения ему экзаменационного листа.

— Спасибо, миссис Дуглас.

Кто-то сзади передразнил фальцетом: «Спасибо,

миссис Дуглас».

Это, конечно, был Генри Бауэре. Генри вместе с Беном Хэнскомом учился в пятом классе, хотя должен был быть в шестом со своими друзьями Белчем Хатгинсом и Виктором Криссом, потому что его оставили на второй год. У Бена мелькнула мысль, что, может, Бауэре останется еще на год. Его имя не было названо, когда миссис Дуглас вручала экзаменационные листы, и это означало неприятности. Бен чувствовал неловкость, потому что если Генри действительно останется, он, Бен, будет частично в ответе за это.., и Генри это знал.

Во время заключительных экзаменов года, неделю тому назад, миссис Дуглас рассадила их наугад, вытаскивая их имена, написанные на бумажках, из шапки на своем столе. Бену выпало сидеть рядом с Генри Бауэрсом в последнем ряду. Как всегда, Бен посидел с умным видом над своей работой, а затем склонился над ней, чувствуя приятное прикосновение живота к парте и в поисках вдохновения грызя временами свой карандаш «Бе-Боп».

Приблизительно в середине экзамена во вторник — это был экзамен по математике — до Бена через проход донесся шепот. Едва слышный,

почти неуловимый, напоминавший шепот пленного, приготовившегося бежать из тюрьмы: «Дай списать».

Бен посмотрел налево прямо в черные бешеные глаза Генри Бауэрса. Генри был здоровенным парнем даже для своих двенадцати лет. Под его брюками и рубашкой чувствовались бугры мышц. У его отца, которого многие считали сумасшедшим, был небольшой участок земли в конце Канзас-стрит, рядом с городской линией Ньюпорт, и Генри проводил как минимум тридцать часов в неделю, работая мотыгой, сажая, копая, убирая камни, рубя дрова, собирая плоды, если было что собирать.

Волосы его были коротко острижены под машинку, так что выдавалась белизна скальпа, и выглядели весьма грозно. Впереди он навощил их из тюбика, который всегда носил в заднем кармане джинсов, так что они топорщились над лбом, как зубы этакой нечистой силы; страсти-мордасти. Его сопровождал запах пота и жвачки «Джуси Фрут». В школу он носил розовый мотоциклетный жакет с изображением орла на спине. Однажды один четвероклассник проявил тупость — высмеял его жакет. Генри повернулся к маленькому наглецу — гибко, как ласка, и

быстро, как гадюка — и обрушил на его голову двойной удар. Наглец лишился трех передних зубов. Генри исключили из школы на две недели. Бен надеялся с неосознанной, но отчаянной надеждой униженного и оскорбленного, что Генри исключат совсем, а не на время. Но этого счастья не случилось. Не рой яму другому... Наказание окончилось, Генри снова разгуливал по школьному двору все в той же своей мотоциклетной тужурке, волосы так сильно навощены, что, казалось, вопят из его черепа. Оба глаза распухшие, с разноцветными следами побоев — отцовская награда за «драку на площадке». Следы побоев постепенно прошли; для детей же, которые должны были как-то сосуществовать с Генри в Дерри, урок не прошел даром. Насколько было известно Бену, с тех пор никто больше не трогал его мотоциклетную тужурку с орлом на спине.

Когда Генри зловещим шепотом попросил дать ему списать, три мысли молниеносно, в тысячные доли секунды пронеслись в голове Бена. Первая: если миссис Дуглас заметит, что Генри сдувает у него ответы, оба получат нули за экзамен. Вторая: если он не даст ему списать, то почти наверняка тот поймает его после школы и проучит своими двойными ударами, и, возможно, Хаггинс будет

держать одну его руку, а Крисс — другую.

Это все были мыслями ребенка, да и не удивительно, ведь Бен и был еще ребенком. Третья мысль, более разумная, была почти что мыслью взрослого человека: *«Конечно, он может разобраться со мной. Но ведь это последняя неделя, и я, скорее всего, смогу избежать встречи с ним. Я почти уверен, что смогу, если хорошенько постараюсь. А за лето он все забудет, я думаю. Да. Ведь он достаточно глуп. Если он провалится на экзамене, то его опять оставят на второй год. И я все время буду опережать его. Мы больше не попадем с ним в один класс... Я раньше его перейду в старшие классы... Я... Я смогу быть свободным».*

— Дай списать, — прошептал опять Генри. Его глаза теперь сверкали, требовали.

Бей покачал головой и плотнее закрыл рукой свою работу.

— Я до тебя доберусь, толстяк, — прошептал Генри, на этот раз громче. На листе у него ничего не было написано, кроме его имени. Он был доведен до отчаяния. Если он провалится на экзамене и останется снова, отец вышибет ему мозги. — Дай мне списать, не то смотри, хуже будет.

Бен опять покачал головой, челюсти его дрожали. Он был напуган, но в то же время решителен.

Он осознал, что впервые в жизни совершает столь решительный поступок, но это и напугало его, хотя он не совсем понимал, почему, — пройдет еще немало лет, прежде чем он осознает хладнокровность тогдашних своих расчетов, прагматический подход к определению цены, что свидетельствовало о скором его повзрослении, которое пугало его больше, чем Генри. Генри он мог избежать. Повзросление, как он всегда полагал, в конце концов все-таки настигнет его.

— Кто разговаривает там, сзади? — размеренным голосом спросила миссис Дуглас. — Прошу немедленно это прекратить.

Следующие десять минут в классе преобладала тишина: детские головы склонились над контрольными листами, которые уже пропахли ароматными синими мимеографическими чернилами, и вот шепот Генри вновь пронесся по проходу, внятный шепот, не оставлявший сомнения в своей правдивости:

— Ты уже труп, толстяк.

3

Бен взял свой экзаменационный лист и ушел, благодарный богам, покровительствующим одиннадцатилетним толстякам, за то, что Генри

Бауэрсу — по алфавитному списку — не разрешили выйти из класса первым, а то бы он устроил ему засаду.

Бен не побежал по коридору, как другие ребята. Он мог побежать, и довольно быстро для парня его комплекции, но слишком хорошо сознавал, как смешно будет при этом выглядеть. Он шел быстрым шагом и вышел из прохладного пропахшего книгами холла в яркий солнечный свет июня. Он постоял немного с лицом, обращенным к этому свету, благодарный ему за тепло и свою свободу. Сентябрь был в миллионе лет от сегодняшнего дня. Календарь мог бы сказать нечто другое, но календарь лжет. Лето было намного длиннее, чем сумма его дней, и оно принадлежало ему, Бену. Он чувствовал себя высоким, как водонапорная башня, и широким, как весь город.

Кто-то ударил его — ударил сильно. Приятные мысли о предстоящем лете улетучились из головы Бена, когда он пытался удержать равновесие на краю каменных ступеней. Он вовремя ухватился за железный поручень.

— Убирайся с дороги, лохань с кишками, — это был Виктор Крисс. Волосы у него были зачесаны назад в стиле «помпадур» и блестели от бриолина. Он пошел по лестнице к выходу, с руками в

карманах джинсов, подковки на его саперных ботинках цокали.

Бен, с бьющимся от испуга сердцем, видел, что Белч Хаггинс стоит через дорогу с начатой сигаретой в руке. Белч протянул Виктору сигарету, тот сделал затяжку, вернул сигарету Белчу и указал в ту сторону, где сейчас стоял Бен, наполовину спустившийся с лестницы. Виктор сказал что-то, и они разошлись. Лицо Бена покрылось краской. Всегда они доставали его. Такова уж, видно, была его судьба или что-то еще.

— Тебе так нравится это место, что ты собираешься простоять здесь весь день? — спросил голос у его локтя.

Бен обернулся и покраснел еще больше. Это была Беверли Марш. Ее каштановые волосы рассыпались по плечам, серо-зеленые глаза были прекрасны. Свитер, с засученными до локтя рукавами, был потерт у шеи и такой же мешковатый, как свитер Бена. Слишком мешковатый, чтобы сказать, носит ли она что-нибудь на груди, но Бену было плевать; любовь до половой зрелости приходит такими чистыми и сильными волнами, что устоять просто невозможно, и Бен даже не пытался это делать. Он просто уступил ей. Он чувствовал себя глупым, экзальтированным и таким

смущенным, каким он не был никогда в жизни.., и все-таки бесспорно счастливым. Все эти эмоции смешались в какой-то клубок, в котором были и радость, и боль.

— Нет, — пролепетал он. И ухмыльнулся. Он знал, что ухмылка эта идиотская, но не мог ее спрятать.

— Ну хорошо. Занятия кончились, слава Богу.

— Желаю... — опять лепет. Ему надо было прочистить горло, и он еще пуще покраснел. — Желаю тебе хорошего лета, Беверли.

— Тебе тоже, Бен. Увидимся в будущем году.

Она быстро спустилась по ступеням, и Бен все видел глазами влюбленного: яркий рисунок ее рубашки, колыхание ее рыжеватых волос, молочный цвет лица, маленькую заживающую царапину на одной икре и (по какой-то причине это последнее вызвало новую волну чувства, которое захлестнуло его с такой силой, что он должен был снова схватиться за поручень; чувство было мощным, бессловесным, милосердно коротким; возможно, то был сексуальный предсигнал, столь же яркий и теплый, как свет лета, вне связи с его телом, где эндокринные железы все еще спали почти без сна) яркий золотой браслет на левой ноге над туфлей, мерцающий на солнце

маленькими бриллиантовыми вспышками.

Какой-то непонятный звук вырвался из него. Он спустился по ступеням, как немощный старик, и стоял внизу и смотрел, пока она не повернула налево и не исчезла за высокой изгородью, отделявшей школьный двор от тротуара.

4

Он постоял там — ребята еще выходили из школы шумными группами, но затем вспомнил Генри Бауэрса и быстро свернул за угол. На детской площадке он тронул пальцами висячую цепь, чтобы она звякнула, прошел по доскам качелей. Выйдя из маленьких ворот, выходящих на Чартер-стрит, он повернул налево, ни разу не оборачиваясь назад, на каменную глыбу, где провел большую часть времени за последние девять месяцев. Он засунул свой экзаменационный лист в задний карман и начал насвистывать. На нем были кеды, но, похоже подошва их так и не дотронулась до тротуара на протяжении примерно восьми кварталов.

Школа окончилась сразу после полудня, матери не будет дома как минимум до пяти часов, потому что по пятницам после работы она шла прямо в Шоппинг Сейв. Остаток дня принадлежал ему.

Он пошел в Маккарон-парк и сел под дерево, страстно нашептывая: «Я люблю Беверли Марш». Чувствуя легкое головокружение, он романтически повторял эту фразу. А когда в парк ввалилась компания мальчишек и начала делить поле для игры в бейсбол, он дважды прошептал: «Беверли Хэнском», а потом спрятал свое лицо в траву, пока она не охладила его пылающие щеки.

Чуть погодя он встал и направился через парк по направлению к Костелло Авеню. Если пройти пять кварталов, он будет у цели — в публичной библиотеке. Он уже почти выходил из парка, когда шестиклассник по имени Питер Гордон увидел его и закричал: «Эй, Сиськи! Хочешь поиграть? Нам нужен кто-нибудь на правый фланг». Послышался взрыв смеха. Как можно быстрее он вышел из парка, втянув шею в воротник, как черепаха в панцирь.

«Пока еще не так плохо», — с некоторым облегчением подумал он. Уже завтра они, возможно, станут преследовать его, захотят поиздеваться, а может, изваляют его в грязи, чтобы посмотреть, заплачет ли он. Сейчас же они были очень заняты приготовлениями к игре — очерчивали границы поля, очищали его от мусора. Бен с удовольствием оставил их готовиться к первой летней игре и

пошел своей дорогой.

Через три квартала по Костелло он высмотрел нечто интересное, а возможно, и прибыльное, под чьей-то живой изгородью. В порванной бумажной сумке блестело стекло. Бен ногой подцепил сумку и выволок ее на тротуар. В самом деле — удача. В сумке оказались четыре бутылки из-под пива и четыре больших содовых бутылки. Большие стоили по пять центов каждая, «Рейнгольды» — два пенни. Двадцать восемь центов под чьей-то живой изгородью, ждущих проходящего мимо ребенка, который поднимет их. Какого-нибудь *удачливого* ребенка.

«Это я», — счастливо подумал Бен, не ведая, каким будет продолжение этого дня. Он пошел дальше, придерживая сумку за дно, чтобы она окончательно не разорвалась. Магазин на Костелло-авеню был через квартал, и Бен свернул туда. Он обменял бутылки на деньги и большую их часть истратил на конфеты.

Он остановился у витрины со сладостями, с нетерпением дожидаясь продавца и, как всегда, испытывая удовольствие от приятного скрипа открывающейся двери. Он получил пять красных конфет с ликером, пять черных, десять баночек слабого пива (две за пенни), никелированную

коробочку «колечек», пакет «Ликем Эйд» и пачку пистонов для своего пистолета.

Бен вышел с маленьким кулечком конфет и четырьмя центами в правом переднем кармане своих новых джинсов Он посмотрел на кулечек со сладостями, и одна мысль попыталась вырваться наружу:

(*если ты будешь продолжать есть в таком количестве, то Беверли Марш даже и не взглянет на тебя),*но это была неприятная мысль, и он сразу ее отогнал. Она тотчас ушла, эта мысль привыкла, чтобы ее изгоняли.

Если бы кто-нибудь спросил его: «Бен, ты одинок?», он искренне бы удивился. Этот вопрос никогда не приходил ему в голову. Друзей у него не было, зато были его книги и мечты; у него были модельки Ревелла; у него был огромный линкольновский конструктор с кубиками, и он строил самые разнообразные модели домов. Его мать не раз восклицала, что его домики выглядят гораздо лучше многих настоящих домов, изображенных на открытках. У него был еще довольно неплохой строительный набор. Он мечтал получить в подарок на свой день рождения в октябре суперконструктор. Тогда можно будет собрать часы, которые действительно показывают время, и

машину с настоящим механизмом внутри. «Одинок?» — мог бы он переспросить с неподдельным удивлением. — «А? Что?» Ребенок, родившийся слепым, даже и не подозревает, что он слепой, до тех пор, пока кто-нибудь не скажет ему об этом. Даже тогда он будет иметь самое смутное представление о том, что такое слепота; только зрячие знают, что это такое. Бен Хэнском не знал, что такое одиночество по той причине, что у него никогда не было друзей. Если бы у него появился друг, а потом исчез, он, возможно, и понял бы, что такое одиночество, ну а так оно составляло самую суть его жизни. Оно просто было как два больших пальца на его руках или как маленькая дырочка в одном из передних зубов, маленькая дырочка, которую он нащупывал языком всякий раз, когда нервничал.

Беверли была его сладкой мечтой, а конфеты — сладкой реальностью. Конфеты были его друзьями. И он приказал чуждой ему мысли уйти, и она сразу ушла, без всяких споров. А между магазином на Костелло Авеню и библиотекой обнаружилось, что он съел уже все конфеты. Он честно хотел сохранить конфеты: любил, смотря телевизор вечером, засовывать их по одной в пластмассовый пистолетик и слушать, как

щелкает пружинка внутри, а еще больше любил выстреливать их себе в рот по одной, как маленький мальчик, совершающий самоубийство сахаром. В этот вечер должны были показывать «Ястребов» с Кеннетом Доби в роли бесстрашного пилота самолета, «Бредель», где все было чистой правдой, только имена изменены, чтобы обезопасить невиновных, и его любимое полицейское шоу «Патруль на шоссе», где Бродерик Крофорд играл патрульного полицейского Дэна Мэттыоза. Бродерик Крофорд был любимым героем Бена. Бродерик Крофорд был быстр, Бродерик Крофорд ничем особо не выделялся, Бродерик Крофорд ни от кого не набрался никакого дерьма.., и, самое главное, Бродерик Крофорд был толстым.

Он дошел до перекрестка Костелло и Канзас-стрит, а оттуда пошел к публичной библиотеке. Это были два здания — старое, каменное, впереди, построенное в 1890 году, и новое, низкое здание из песчаника, позади — там была детская библиотека. Библиотека для взрослых и детская библиотека соединялись застекленным переходом.

Находясь близко к центру города, Канзас-стрит была улицей с односторонним движением, поэтому Бен, прежде чем перейти улицу, посмотрел

только в одном направлении — направо. Если бы он посмотрел налево, ужас пронзил бы его. В тени большого старого дуба, на газоне перед Домом общественных мероприятий Дерри, находящимся через квартал от библиотеки, стояли Белч Хаггинс, Виктор Крисс и Генри Бауэре.

5

— Давайте устроим ему взбучку, — Виктор почти задыхался.

Генри посмотрел на маленькую, толстую сволочь, перебегающую через дорогу, на его трясущийся живот, на его колышущийся взад-вперед чуб, на его виляющий, как у девчонки, зад в новых синих джинсах. Он оценил расстояние между ним с друзьями и Беном Хэнскомом и расстояние между Хэнскомом и безопасным местом — библиотекой. Они, пожалуй, успеют схватить его, прежде чем он войдет вовнутрь, но ведь он, наверно, заорет. Но тогда вмешаются взрослые, а он не хотел никакого вмешательства. Сука Дуглас сказала Генри, что он провалился на английском и математике. Она сказала, что ему придется проучиться четыре недели летом, чтобы не остаться на второй год. Генри и так скорее всего останется на второй год. И если это

случится, отец изобьет его еще раз. Четыре часа в день, в течение четырех недель, да еще в самый разгар фермерских работ, — отец будет бить его шесть раз в день, а может, и больше. Генри утешало только одно — то, что он сможет выместить все свое зло сегодня днем на этом толстяке.

— С удовольствием.

— Да, давай, — сказал Белч.

— Подождем, пока он выйдет.

Они видели, как Бен открыл одну из больших двойных дверей и как он вошел внутрь, а потом они сели и закурили сигареты, и начали рассказывать друг другу скабрезные анекдоты о путешественниках и торгашах, и ждали, пока он выйдет из библиотеки. Генри знал, что в конце концов он выйдет. И когда выйдет, то он. Генри, постарается, чтобы он пожалел, что вообще родился на свет.

6

Бен любил библиотеку.

Он любил ее прохладу — даже в самые жаркие дни самого жаркого лета здесь было прохладно; он любил ее бормочущую тишину, прерываемую случайным шепотком, приглушенный звук, с которым библиотекарь проштамповывает книги

или карточки, шелест страниц, переворачиваемых в зале периодики, где торчат старики, читая газеты, собранные в большие подшивки. Он любил свет, который проникал через высокие узкие окна днем или мерцал ленивыми лужицами, отбрасываемыми фонарями-шарами, зимними вечерами при завывании ветра. Он любил запах книг — какой-то специфический, нереальный. Проходя мимо стеллажей с книгами для взрослых и гладя на тысячи томов, он воображал себе людей, заключенных в каждом из них, так же, как, идя по улице в сумрачный, туманный октябрьский день, когда солнце лишь слабым оранжевым контуром обозначалось на горизонте, он воображал себе мир людей за окнами домов, — людей, смеющихся или спорящих, ухаживающих за цветами, или занятых кормлением детей, животных или себя у экрана телевизора. Ему нравилось, что в переходе, соединяющем старое здание с детской библиотекой, было всегда жарко, даже зимой, если только не выдавались особо холодные дни; миссис Старретт, главный библиотекарь в детской части, сказала, что это вызвано так называемым эффектом парника. Бен воодушевился идеей: через много лет он построит здание центра связи Би-би-си в Лондоне,

жаркие споры вокруг этого здания возможно продлятся тысячу лет, но никто (кроме самого Бена) не узнает, что центр связи был ни чем иным, как стеклянным переходом деррийской публичной библиотеки.

Ему нравилась и детская библиотека, хотя в ней не было той тенистой прохлады, того шарма, который он ощущал в старой библиотеке с ее шарами и изогнутыми железными лестницами, настолько узкими, что двоим на них было не разойтись. Детская библиотека была яркой и солнечной, немножко шумной, несмотря на надписи: «ДАВАЙТЕ БУДЕМ СПОКОЙНЫМИ, ЛАДНО?», которые висели повсюду. Шум доносился обычно из уголка Пуха, куда малыши приходили посмотреть на книжки с картинками. Сегодня, когда Бен пришел туда, был как раз час рассказа. Мисс Дэвис, симпатичная молодая библиотекарша, читала «Трех козлят».

«Кто это стучит по моему мосту?» — Мисс Дэвис читала низким, раскатистым голосом с интонациями тролля. Некоторые малыши хихикали и закрывали рот, но большинство следили за ней торжественно, принимая голос тролля, как они принимали голоса своих снов, и их серьезные глаза отражали внутреннюю прелесть сказки:

будет чудовище повержено.., или оно съест?

Яркие плакаты торчали повсюду. Здесь была карикатура, на которой хороший ребенок чистил зубы до тех пор, пока рот его не начал пениться, как морда бешеной собаки; изображен был и плохой ребенок, который курил сигареты (КОГДА Я ВЫРАСТУ, Я БУДУ МНОГО БОЛЕТЬ, КАК И МОЙ ПАПА), здесь была замечательная фотография биллиона малюсеньких точек света, мерцающих в темноте. Надпись внизу гласила:

«Одна идея зажигает тысячу свечей».

Ральф Вальдо Эмерсон.

Были приглашения присоединиться к исследовательскому эксперименту. Один плакат гласил: «Клубы для девочек сегодня создают женщин завтра». И, конечно, был плакат, приглашающий детей присоединиться к программе летнего чтения. Бен был большим любителем программы летнего чтения. Перед началом игры вы получали карту Соединенных Штатов. Затем за каждую прочитанную книгу или сделанный по ней доклад, вы получали наклейку штата и приклеивали ее на карту. Наклейка заполнялась информацией наподобие: птица штата, цветок штата, год принятия в Союз, какие президенты, если таковые были, родом из этого штата. Когда

у вас на карте были все сорок восемь штатов, вы получали бесплатно книгу. Бен собирался последовать совету на плакате: «Не теряйте времени, записывайтесь сегодня».

Среди этого яркого буйства красок выделялся простой голый плакат, прикрепленный к контрольному столу. Здесь не было ни карикатур, ни затейливых фото, только черный шрифт на белом листе:

"ПОМНИ О КОМЕНДАНТСКОМ ЧАСЕ.

19.00"

Полицейское управление Дерри.

Холодок пробежал по спине Бена при взгляде на эту надпись. Возбужденный получением экзаменационного листа и взволнованный эпизодом с Генри Бауэрсом, разговором с Беверли и началом летних каникул, он забыл о комендантском часе и об убийствах.

Люди спорили, сколько их было, но все сходились на том, что с прошлой зимы как минимум четыре или пять, если считать Джорджа Денбро (многие придерживались мнения, что смерть малыша Денбро была все же каким-то аномальным несчастным случаем). Первым убийством, как все думали, было убийство Бетти Рипсом, которую нашли на следующий день после Рождества в

районе строительства дорожной магистрали на Аутер Джексон-стрит. Тринадцатилетняя девочка была изуродована, труп вмерз в грязную землю. В газете об этом не сообщалось, взрослые об этом не говорили, известно это стало из слухов, обрывков разговоров.

Через три с половиной месяца, когда начался сезон ловли трески, рыбак, сидевший на берегу протока в двадцати милях к востоку от Дерри, подцепил крючком нечто, похожее на палку. Это оказалась рука девушки с четырьмя дюймами предплечья. Крючок подцепил этот жуткий трофей между большим и указательным пальцами.

Полиция штата нашла остальную часть тела Шерил Ламоники в семидесяти ярдах ниже по течению, пойманную деревом, которое упало в проток прошлой зимой. Удача, что тело не смыло в Ленобскот и в весенний разлив не унесло в море.

Девушке было шестнадцать. Она была из Дерри, но не посещала школу. Три года назад Шерил родила дочку Андреа и вместе с ней жила в доме родителей.

— Шерил бывала немного дикой, но она была хорошей девочкой, — говорил в полиции ее рыдающий отец. — Энди все спрашивает: «Где моя

мама?» — и я не знаю, что ей сказать.

О пропаже девушки объявили за пять недель до того, как нашли тело. Полицейское расследование смерти Шерил Ламоники началось с достаточно логичного предположения, что она была убита одним из своих дружков. У нее было много дружков. Особенно на летной базе в Бангоре.

— Они были приятные ребята, большинство из них, — сказала мать Шерил. Один из этих «приятных мальчиков» — сорокалетний полковник ВВС имел жену и троих детей в Нью-Мехико. Другой в настоящее время отбывал срок в Шоушенке за вооруженный разбой.

«Приятель, — думала полиция. — Или, возможно, просто незнакомец. Сексуальный партнер».

Бели это был сексуальный партнер, то он явно был и врагом мальчишек. В конце апреля школьный учитель на прогулке со своим восьмым классом заметил пару красных теннисных туфель и детский вельветовый комбинезон, которые торчали из водопропускной трубы на Мерит-стрит. Этот конец улицы был блокирован козлами для пилки дров. Асфальт был разворочен — в этом месте расширяли магистраль на Бангор.

Найденное тело принадлежало трехлетнему Мэтью Клементсу, о пропаже которого родители заявили только за день до этого (на первой странице «Дерри Ньюз», изображен был темноволосый мальчишка, усмехающийся дерзко в камеру, на голове кепочка набекрень). Клементсы жили на Канзас-стрит, в другой стороне города. Его мать, настолько ошарашенная своим горем, что, казалось, пребывала в стеклянном шаре невозмутимого спокойствия, сказала полиции, что Мэтти катался на трехколесном велосипеде по тротуару около дома на углу Канзас-стрит и Коссут-лейн. Она пошла положить белье в сушилку, и когда потом выглянула из окна, чтобы проверить, где Мэтти, его не было. На траве между тротуаром и проезжей частью валялся только перевернутый велосипед. Одно из колес еще лениво вращалось. Когда она посмотрела на него, оно остановилось.

Этого было достаточно для шефа Бортона. На специальной сессии городского совета на следующий вечер он предложил ввести семичасовой комендантский час; это было единодушно одобрено и введено в действие на следующий день. Маленькие дети должны были находиться под наблюдением взрослых все время. В школе Бена месяц назад состоялось специальное собрание.

Шеф полиции вышел на сцену и, заложив большие пальцы за пояс, заверил ребят, что им не о чем беспокоиться, пока они следуют нескольким простым правилам: не разговаривать с посторонними, не садиться в машину с людьми, если вы их недостаточно хорошо знаете, всегда помнить, что полицейский — ваш друг.., и подчиняться комендантскому часу.

Две недели назад какой-то мальчик, которого Бен знал очень отдаленно (он был в параллельном пятом классе начальной школы Дерри), увидел в одном из стоков у Нейболт-стрит что-то, напоминающее волосы. Этот мальчик, которого звали то ли Фрэнки, то ли Фрэдди Росс (или, может быть. Рог), вышел на улицу в поисках каких-нибудь полезных штуковин с изобретенным им приспособлением, которое он называл легендарной дубинкой. Говорил не о ней так, словно она писалась заглавными буквами, а вдобавок, может, еще и неоновыми — ЛЕГЕНДАРНАЯ ДУБИНКА.

Эта легендарная дубинка была просто березовой веткой с большим комком смолы на конце. В свободное время Фрэдди (или Фрэнки) гулял с ней по Дерри, вглядываясь в водосточные и сливные канавы. Иногда он замечал там деньги

— чаще пенни, но порой десятицентовики или двадцатипятицентовики (по причине, известной только ему, он называл их «береговыми монстрами»). Обнаружив деньги, Фрэнки-или-Фрэдди и ЛЕГЕНДАРНАЯ ДУБИНКА приступали к работе. Одно движение дубинки вниз через решетку — и монета была в его кармане.

Бен слышал о Фрэнки-или-Фрэдди и его дубинке задолго до того, как мальчик попал в поле зрения, обнаружив тело Вероники Гроган.

— Он действительно тупой, — однажды доверительно сказал Бену в период активных действий Фрэнки-или-Фрэдди парень, которого звали Ричи Тозиер. Тозиер был костлявый, носил очки. Без них Тозиер, думал Бен, наверное, видит все, как мистер Маг: его увеличенные глаза плыли за толстыми линзами с выражением постоянного удивления. У Тозиера были огромные передние зубы, которые заслужили ему прозвище «Бобер». Он был в том же пятом классе, что и Фрэнки-или-Фрэдди. — Весь день тыкает своей дубинкой в канализацию, а потом всю ночь жует смолу на ее конце.

— Черт возьми, это ужасно! — воскликнул Бен.

— Да, кролик, — сказал Тозиер, картавя, и ушел.

Фрэнки-или-Фрэдди двигал легендарной дубинкой туда-сюда в этом стоке в надежде, что нашел парик. Он думал высушить его и подарить матери на день рождения или что-то в этом роде. Пошуровав несколько минут, он уже готов был отказаться от своей затеи, когда в мрачной воде сточной ямы всплыло лицо, лицо с мертвыми листьями, приклеенными к белым щекам, и грязью в широко открытых глазах.

Фрэнки-или-Фрэдди с криком побежал домой.

Вероника Гроган училась в четвертом классе церковной школы на Нейболт-стрит. Управляли школой люди, которых мать Бена называла Кристерами. Ее похоронили в тот день, когда ей должно было исполниться десять лет.

После этого последнего ужаса Арлен Хэнском однажды вечером привела Бена в гостиную и села рядом с ним на диване. Она взяла его за руки и посмотрела очень внимательно ему в лицо. Бен тоже посмотрел на нее, чувствуя какое-то беспокойство.

— Бен, — сказала она, помолчав, — ты дурачок?

— Нет, мама, — сказал Бен, чувствуя еще большее беспокойство. Он не мог припомнить, когда мама выглядела такой серьезной.

— Да, — эхом отозвалась она. — Я тоже так думаю.

Она надолго замолчала, задумчиво глядя мимо Бена на улицу. Бену показалось, что мама забыла о нем. Она была еще молодой женщиной — только тридцать два года, но то, что она воспитывала мальчика одна, наложило на нее отпечаток. Она работала сорок часов в неделю в катушечном цехе прядильной фабрики Старика, и после работы, наглотавшись пыли и волокна, иногда так кашляла, что Бен пугался. В такие ночи он долго лежал, не засыпая, глядя в окно у своей кровати, глядя в темноту и размышляя, что с ним будет, если она умрет. Он станет тогда сиротой, думал он. Может стать Ребенком штата (в его понимании это означало жить у фермера, который заставляет работать от зари до зари), еще его могут отправить в сиротский приют в Бангоре. Он пытался внушить себе, что глупо беспокоиться о таких вещах., но тщетно. Он беспокоился не только о себе, но и о ней. Она была крепкой женщиной, его мама, и она настаивала, что надо иметь собственное "я", но она была хорошая мама. Он очень любил ее.

— Ты знаешь об этих убийствах? — сказала она, наконец обратившись к нему.

Он кивнул.

— Сначала люди думали, что это... — она колебалась, произнести ли следующее слово, она никогда не произносила его раньше в присутствии сына, но обстоятельства были чрезвычайные, и она заставила себя. — , сексуальные преступления. Может, да, а может, нет. Может быть, они уже кончились, а может быть, нет. Нельзя быть ни в чем уверенным, кроме того, что какой-то сумасшедший, который охотится на маленьких детей, находится здесь. Ты меня понимаешь, Бен?

Он кивнул.

— И ты знаешь, что я имею в виду, когда говорю, что это, может быть, сексуальные преступления?

Он не знал, во всяком случае, не точно, но он снова кивнул. Если мама собиралась говорить с ним о птичках и пчелках или о прочих таких вещах, он умрет от смущения.

— Я беспокоюсь за тебя, Бен. Я беспокоюсь, что не могу быть при тебе.

Бен смущенно поежился и ничего не сказал.

— Ты предоставлен самому себе. Слишком, я думаю. Ты...

— Мама...

— Молчи, когда я говорю с тобой, — сказала она, и Бен замолк. — Ты должен быть осторожен, Беннни. Подходит лето, и я не хочу портить тебе

каникулы, но ты должен быть осторожен. Я хочу, чтобы к ужину ты каждый день был дома. В котором часу мы ужинаем?

— В шесть часов.

— Точно в шесть! Поэтому послушай, что я скажу: если я накрываю на стол, наливаю тебе молоко и вижу, что Бен не моет руки в раковине, я иду прямо к телефону и звоню в полицию, и заявляю о твоем исчезновении. Ты это понимаешь?!

— Да, мама.

— Ты веришь, что я сделаю, что говорю?

— Да.

— Может, окажется, что я сделала это напрасно, если вообще сделаю это. Я не игнорирую мальчишеские интересы. Я знаю, что они заняты своими собственными играми и проектами во время каникул — возвращать пчел в ульи, играть в мяч, сшибать банки, да мало ли что. Я хорошо понимаю, как ты и твои друзья выросли.

Бен благоразумно кивнул, подумав про себя, что она ровно ничего не знает о его детстве, если не знает, что у него нет друзей. Но ему и не снилось сказать ей такое, никогда, ни в одном из десяти тысяч снов.

Она что-то вынула из кармана своего домашнего платья и вручила ему. Это была маленькая

пластмассовая коробочка. Бен открыл ее и, увидев, что там внутри, широко раскрыл рот.

— О! — сказал он с искренним восторгом. — Спасибо!

Это были ручные часы «Таймекс» с маленькими серебряными цифрами и ремешком из кожзаменителя. Мама установила время и завела часы, он слышал их тиканье.

— Ого, классно! — он крепко обнял ее, поцеловал в щеку.

Она улыбнулась, довольная, что он доволен, и кивнула. Затем снова посерьезнела.

— Надевай их, храни их, носи их, заводи их, имей их в виду и не теряй.

— О'кей.

— Теперь, когда у тебя есть часы, у тебя нет причины опаздывать домой. Помни, что я сказала: если тебя не будет вовремя, полиция будет искать тебя по моему поручению. По крайней мере до тех пор, пока они не поймают негодяя, который убивает детей, не смей задерживаться ни на минуту или я буду звонить.

— Да, мама.

— Еще одно. Я не хочу, чтобы ты ходил один. Ты знаешь, что не надо принимать конфет от незнакомых или садиться с ними в машину, — мы оба

солидарны в том, что ты не дурачок и ты большой для своего возраста, но взрослый человек, особенно ненормальный, при желании всегда может одолеть ребенка. В парк или в библиотеку иди всегда с приятелем.

— Хорошо, мама.

Она снова посмотрела в окно, тревожно вздохнула.

— Дела приняли странный оборот, если такое может продолжаться. Во всяком случае, вокруг этого города происходит что-то страшное. Я всегда так думала. — Она посмотрела на него, нахмурив брови. — Ты такой гулена, Бен. Ты, должно быть, знаешь в Дерри каждый уголок, да? По меньшей мере, центр.

Бен неплохо ориентировался в городе, хотя вряд ли знал каждый уголок. Но он настолько был возбужден неожиданным подарком «Таймекса», что согласился бы с матерью этим вечером, даже если бы она предположила, что Джон Вейн должен сыграть Адольфа Гитлера в музыкальной комедии о Второй мировой войне. Он кивнул.

— Ты ведь никогда ничего *не видел*, так? — спросила она. — Что-то или кого-то.., ну, подозрительное? Что-нибудь необычное? Что-нибудь, что напугало тебя?

Испытывая радость по поводу часов, любовь к матери, удовольствие, что о нем заботятся (правда, забота несколько пугала своей неприкрытой бесцеремонностью), он чуть было не рассказал ей, что случилось в январе.

Открыл было рот, но повинуясь какой-то мощной интуиции, закрыл его.

Что же это конкретно было? Интуиция. Не более чем.., но и не менее. Даже дети могут чувствовать время от времени большую ответственность перед лицом любви и понимать, что в некоторых случаях может быть милосерднее промолчать. Частично это было причиной, по которой Бен закрыл рот. Но была и другая причина, не столь благородная. Она могла быть твердой, его мама. Она могла быть хозяйкой. Она никогда не называла его «толстый», она называла его «большой» (иногда «большой для своего возраста»), и когда от ужина что-то оставалось, она обычно приносила ему, пока он смотрел телевизор или делал домашнюю работу, и он это съедал, хотя какой-то смутной своей частью ненавидел себя за это (но ни в коем случае не маму, за то что она поставила перед ним еду, — Бен Хэнском не осмелился бы ненавидеть свою маму; Господь наверняка поразил бы его насмерть за такую, пусть

даже секундную грубость и неблагодарность). И, возможно, какая-то еще более смутная часть его — отдаленный Тибет глубинных мыслей Бена — подозревала, что со стороны матери в этой постоянной подкормке есть какая-то корысть. Была ли это просто любовь? Могло это быть что-либо еще? Наверняка нет. Но.., он задавал себе вопросы. По существу, она не знала, что у него нет друзей. Отсутствие этого знания заставляло его не доверять ей, делало его неуверенным в том, какая реакция будет на его рассказ о том, что случилось с ним в январе. Если *что-либо* случилось. Может быть, приходить в шесть и оставаться дома было не так уж плохо. Он мог читать, смотреть телевизор (есть), что-то строить из бревен и конструктора. Но необходимость оставаться дома весь день была бы очень нежелательной... И если бы он рассказал ей, что он видел — или думал, что видел, — в январе, она бы наверняка заставила его сделать это.

Поэтому по многим причинам Бен увильнул от рассказа.

— Нет, мама, — сказал он. — Только мистер Маккиббон рылся в чужих отходах.

Это заставило ее засмеяться — она не любила мистера Маккиббона, который был республикан-

цем, а также «кристером», и ее смех закрыл тему. В эту ночь Бен доли) не спал, но никакие мысли о том, что его бросили на произвол судьбы, сиротой в этом жестоком мире, его не беспокоили. Он чувствовал себя любимым и защищенным, когда лежал в постели, глядя на лунный свет, проникавший через окно и ложившийся через кровать на пол. Он то прикладывал часы к уху, слушая их тиканье, то подносил их к глазам, восторгаясь их прозрачным радиевым диском.

В конце концов он заснул, и ему приснилось, что он играет в бейсбол с другими мальчишками на пустой площадке за стоянкой грузовиков «Трэкер Бразез». Только что у него был удачный мяч, и товарищи по команде радостно тузили его и хлопали по спине. Они подняли его на плечи и понесли туда, где были разбросаны бейсбольные принадлежности. Во сне он сиял от гордости и счастья.., а затем взглянул на центральное поде, где цепное ограждение отмечало границу между зольной площадкой и травой, а потом отлого спускалось к Барренсу. В спутанной траве и низком кустарнике, почти что вне поля зрения, стояла фигура. Она держала связку воздушных шаров — красных, желтых, синих, зеленых — в одной руке, на которой была белая перчатка. Дру-

гой рукой она раскланивалась. Ему не видно было лица фигуры, но он видел мешковатый костюм с большими оранжевыми пуговицами-помпонами и болтающимся желтым галстуком-бабочкой.

Это был клоун.

«Верно, кролик», — картавым голосом согласился фантом.

Когда Бен проснулся на следующее утро, он забыл сон, но его подушка на ощупь была мокрой.., как будто он плакал во сне.

7

Он подошел к абонементному столу в детской библиотеке, отряхиваясь от вереницы мыслей, вызванных надписью о комендантском часе, как собака отряхивается после купания.

— Здравствуй, Бенни, — сказала миссис Старретт. Как и миссис Дуглас в школе, она искренне любила Бена. Взрослые, особенно те, которым долг службы повелевал следить за дисциплиной детей, обычно любили его, потому что он был вежлив, смышлен, иногда даже забавен, не шумел, не озорничал, говорил мягко. По этим же причинам большинство ребят считали его препротивным. — Ты уже устал от каникул?

Бен улыбнулся. То была обычная острота мис-

сис Старретт.

— Нет еще, — сказал он, — поскольку летние каникулы длятся всего — он посмотрел на свои часы — час семнадцать минут. Дайте мне еще часок.

Миссис Старретт негромко засмеялась, прикрыв рот рукой. Она спросила Бена, не хочет ли он записаться на программу летнего чтения, и Бен сказал, что да, хочет. Она дала ему карту Соединенных Штатов, и Бен горячо ее поблагодарил.

Он пошел к стеллажам, вытаскивал книги, просматривал и ставил обратно. Выбор книг был серьезным делом. Тут нужна была внимательность. Если вы были взрослым, вам можно было взять сколько угодно книг, но детям разрешалось брать только три одновременно. Выберешь какую-нибудь чушь, и мыкайся с нею.

В конце концов он выбрал три книги: «Бульдозер», «Черный жеребец» и книгу, подобную вспышке во тьме: «Лихач» — так называлась книга человека по имени Генри Грегор Фельзен.

— Тебе она не понравится, — заметила миссис Старретт, проштамповывая книгу. — В ней сплошная кровь. Я советую читать это подросткам, особенно тем, у кого есть водительские права, им есть над чем здесь подумать. Может,

хоть на неделю эта книга умерит их скорости.

— Ну я ее просмотрю, — сказал Бен и понес книги к одному из столов подальше от уголка Пуха, где большой козленок показывал троллю под мостом, где раки зимуют.

Он стал листать «Лихача»; нет, это было не так уж плохо. Совсем не плохо. В книге говорилось о парне, который был классным водителем, но один зануда-полицейский вечно пытался умерить его пыл. Бен узнал, что в Айове нет скоростных пределов. Он просмотрел три главы, и тут на глаза ему попался еще один плакат. На верхнем, вся библиотека была завешена плакатами, красовался счастливый почтальон, вручающий письмо счастливому ребенку.

"БИБЛИОТЕКИ ПРЕДНАЗНАЧЕНЫ ТАКЖЕ И ДЛЯ ПИСЬМА, — говорил плакат. — ПОЧЕМУ БЫ НЕ НАПИСАТЬ ДРУГУ СЕГОДНЯ?

УЛЫБКИ ГАРАНТИРОВАНЫ!"

Под плакатом находились три ячейки, заполненные чистыми почтовыми открытками, конвертами и канцтоварами, на которых синими чернилами была изображена публичная библиотека в Дерри. Конверты стоили пять центов, открытки — три цента. Два листа бумаги — один пенни.

Бен порылся в кармане. Там у него еще оставалось четыре цента от сданных бутылок. Он отметил в «Лихаче» то место, где остановился, и подошел к абонементу.

— Дайте мне, пожалуйста, одну открытку.

— Конечно, Бен. — Как всегда, миссис Старретт была очарована его серьезной вежливостью и слегка огорчена его габаритами. Ее мама говорила, что мальчик ножом и вилкой роет себе могилу. Она дала ему открытку и смотрела, как он возвращается на место: За этим столом могло сидеть шесть человек, но Бен был один. Она никогда не видела Бена с другими мальчиками. Это было очень плохо, потому что она была уверена, что внутри у Бена Хэнскома зарыты сокровища. Он бы мог передать их доброму и терпеливому изыскателю.., если бы таковой появился.

8

Бен вытащил свою шариковую авторучку, открыл ее и надписал открытку довольно просто: Мисс Беверли Марш, Лоуэр Мейн-стрит, Дерри, штат Мэн, Зона 2. Он не знал точного номера ее дома, но мама говорила ему, что большинство почтальонов, довольно давно работающих на своем участке, имеют представление о своих

клиентах. Если почтальон, обслуживающий Лоуэр Мейн-стрит, доставит эту открытку, будет великолепно. Если нет, она попадет в бюро невостребованных писем, и он просто-напросто потеряет три цента. Конечно, открытка к нему не вернется, потому что у него не было намерения ставить на ней свое имя и адрес.

Неся открытку адресом внутрь, он взял несколько квадратных листочков бумаги из деревянного ящика около картотеки. Потом пошел на свое место и начал что-то царапать на бумаге, перечеркивать и снова царапать.

Последнюю неделю перед экзаменами они на уроках английского в школе читали и писали хайку. Хайку это жанр японской поэзии, сжатая и четкая форма.

Миссис Дуглас говорила, что трехстишия хайку могут быть только семнадцатисложными — ни больше, ни меньше. В основе хайку — один четкий образ, связанный с одной определенной эмоцией: грусть, радость, ностальгия, счастье.., любовь.

Бена эта идея привела в восторг. Он получал большое удовольствие на уроках английского, но оно было кратковременным. Потом, хотя он и выполнял работу, она, как правило, его не за-

хватывала. И все-таки в идее хайку было что-то, что зажигало его воображение. Сама идея заставляла его чувствовать себя счастливым — так же, как делало его счастливым объяснение миссис Дуглас относительно парникового эффекта. Хайку — хорошая поэзия, чувствовал Бен, потому что это *структурная* поэзия. Никаких таинственных правил. Семнадцать слогов, один образ связан с одной эмоцией — и вы раскрылись. Бинго. Она была чистой, утилитарной, самодостаточной поэзией и зависела только от своих правил. Ему даже нравилось само слово, как будто воздух скользит вдоль пунктирной линии и рассекается звуком "к" в самой глубине рта: ХАЙКУ.

ЕЕ ВОЛОСЫ, думал он и видел, как она спускается по ступеням школы с волосами, рассыпавшимися по плечам. Солнечные искры вспыхивали в них, но нельзя было сказать, что они горят на солнце.

Основательно работая в течение двадцати минут (только одни раз он отвлекся, чтобы пойти и взять бумаги), изобретая слова, которые оказывались слишком длинными, меняя, вычеркивая, Бен пришел к этому:

Твои волосы — зимний огонь,
Тлеющие красные угольки в январе.

Мое сердце сгорает.

Он был не в восторге от стихов, но лучше не сумел бы. Он боялся, что, если его заклинит, он закончит в нервном возбуждении и будет еще хуже. Или вообще ничего. А этого ему не хотелось. Тот момент, когда она заговорила с ним, был решающим для Бена. Он хотел отметить его в памяти. Наверно, Беверли всерьез увлеклась каким-нибудь старшим мальчиком — шести-, а может, даже семиклассником, и она подумает, что, может быть, тот мальчик прислал ей хайку. Это сделает ее счастливой, и, таким образом, день, когда она получит стихи, будет отмечен в ее памяти. И хотя она никогда не узнает, что это сделал Бен Хэнском, неважно; *ОН-то* знает.

Бен переписал стихотворение на открытку (печатными буквами, как будто то была случайная записка, а не любовные стихи), засунул ручку в карман и положил открытку в конец «Лихача».

Затем он встал и, попрощавшись с миссис Старретт, направился к выходу.

— До свидания, Бен, — сказала миссис Старретт:

— Желаю тебе хорошо отдохнуть в каникулы, но не забывай о комендантском часе.

— Не забуду.

Он прошел через застекленный проход между двумя зданиями, наслаждаясь его теплом *(парниковый эффект,* подумал он на ходу) после прохлады во взрослой библиотеке. В нише читального зала один старик читал «Ньюз», усевшись в старинное, уютное кресло. Заголовок — прямо под содержанием номера — гласил: «ДАЛЛЕС ТОРЖЕСТВЕННО КЛЯНЕТСЯ, ЧТО ВОЙСКА США ПОМОГУТ ЛИВАНУ, ЕСЛИ ЭТО НЕОБХОДИМО!»

Там был фотоснимок Айка, здоровающегося с каким-то арабом в Саду Роз. Мать Бена говорила, что когда страна выберет президентом в 1960 году Губерта Хамфри, начнутся, может быть, какие-нибудь изменения. Бен смутно сознавал, что существует нечто, называемое спадом, и его мама боится быть уволенной.

На нижней половине страницы был меньший заголовок: «ОХОТА ПОЛИЦИИ ЗА ПСИХОПАТОМ ПРОДОЛЖАЕТСЯ».

Бен толкнул большую входную дверь библиотеки и вышел.

В начале дорожки был почтовый ящик. Бен выудил почтовую открытку из книги и опустил ее туда. Он чувствовал, как сердце учащенно забилось, когда он разжал пальцы. Что, если она каким-то образом узнает, что это он?

«Не будь болваном», — ответил он сам себе, слегка встревоженный тем, как взволновало его такое предположение.

Он шел по Канзас-стрит, едва сознавая, где он идет, и ничего не видя вокруг. В его голове начала формироваться фантазия. Вот Марш подходит к нему со своими широко расставленными серо-зелеными глазами и каштановыми волосами, завязанными в конский хвост. «Я хочу задать тебе вопрос, Бен, — говорит она, — и ты должен поклясться сказать мне правду. — В руке она держит открытку. — Это ты написал?»

Это была ужасная фантазия. Это была удивительная фантазия. Он не хотел, чтобы она прекращалась. Он не хотел, чтобы она когда-нибудь прекратилась. Его лицо снова начинало гореть.

Бен шел, мечтал, перекладывал библиотечные книжки из одной руки в другую и насвистывал. «Ты наверняка подумаешь, что я ужасна, — сказала Беверли, — но я хочу поцеловать тебя. Ее губы приоткрылись».

Губы Бена внезапно пересохли и не могли свистеть.

— Я думаю, да, — прошептал он и улыбнулся одурманенной и прекрасной улыбкой.

Если бы он в этот момент посмотрел на тротуар, то увидел бы, что еще три тени выросли вокруг его собственной; если бы он прислушался, он услышал бы звук подковок Виктора, который подошел к нему вместе с Белчем и Генри. Но он и не слышал, и не видел. Бен был далеко, чувствуя, как губы Беверли нежно скользят по его рту, а ее поднятые руки хотят коснуться матового ирландского огня его волос.

9

Как многие города, маленькие и большие, Дерри не был спланирован, как, например, Топси; он просто вырос. Никто никогда не спланировал бы его таким образом. Центр Дерри находился в долине реки Кендускеаг, которая пересекала деловой район по диагонали с юго-запада на северо-восток. Остальной город теснился по склонам окружающих холмов.

Долина, куда пришли первые поселенцы, была болотистая и тяжелая для обработки. Реки Кендускеаг и Пенобскот, в которую впадала Кендускеаг, много значили для торговцев, а для тех, кто сеял урожай или строил дома поблизости от рек, они были помехой, особенно Кендускеаг, которая каждые три-четыре года выходила из

берегов. Город все еще был подвержен наводнениям, несмотря на огромные суммы денег, затраченные за последние пятьдесят лет на разрешение этой проблемы. Если бы наводнения вызывались только самой речкой, мог бы помочь комплекс дамб. Однако существовали и другие факторы. Низкие берега Кендускеаг были одним из них. Медленный спуск воды во всем районе — другим. С начала столетия в Дерри было много серьезных наводнений и одно катастрофическое, в 1931 году. И что еще хуже, холмы, на которых находилась большая часть Дерри, были иссечены маленькими протоками, один из них — Торролт-стрит, где нашли тело Шерил Ламоники. В периоды сильных дождей всегда существовала угроза, что они выйдут из берегов. «Если дождь будет продолжаться две недели, у города будет гайморит», — сказал однажды отец Заики Билла.

В пределах городского центра Кендускеаг была заключена в канал. Этот канал протяженностью в две мили на пересечении с Мейн-стрит нырял под землю на полмили, становясь подземной речкой, а затем снова выныривал в Бассей-парке. Канал-стрит, на которой, подобно очереди уголовных преступников перед полицией, выстроились по рангу большинство деррийских баров, шла

параллельно Каналу на своем выходе из города, и каждые несколько недель полиция должна была вылавливать машину какого-нибудь пьяного из воды, загрязненной отходами текстильного производства и канализационными отходами. Время от времени в Канале ловили рыбу, но это были несъедобные мутанты.

В северо-восточной части города — Канал-сайд — река сумела забраться чуть повыше. Бойкая торговля шла вдоль нее, несмотря на редкие наводнения. Люди гуляли окало Канала, иногда держась за руки (если ветер не приносил зловоние, которое отбивало всякую романтику), а у Бассей-парка, который выходил к школе, стоявшей на противоположной стороне Канала, порой разбивали лагеря бойскауты. В 1969 году горожане были шокированы и уязвлены, узнав, что хиппи (один из них действительно нашил американский флаг на задницу штанов, и ЭТОТ розовый пед особенно выделялся) курят наркотики и продают там пилюли. К 1969 году Бассей-парк стал постоянной открытой аптекой. *"Подождите,* -говорили люди. — *Кого-нибудь убьют, прежде чем они остановятся".* И вот это свершилось. Семнадцатилетний мальчик был найден мертвым у Канала, его вены были полны

чистого героина, который ребята называют «белый дурман». После этого наркоманы покинули Бассей-парк, даже ходили слухи, что призрак того мальчика обитает в районе. История, конечно, глупая, но если она держала наркоманов и всяких проходимцев подальше от этого места, это была во всяком случае *полезная* глупая история.

В юго-западной части города река представляла еще больше проблем. Здесь холмы были резко срезаны огромным ледником и далее изранены бесконечной эрозией Кендускеага и сетью ее притоков; во многих местах выходил на поверхность бедрок, будто торчащие из земли кости динозавров. Старожилы из рабочего управления в Дерри знали, что осенью они могут рассчитывать на ремонт мостовой в юго-западной части города, поскольку после первого же сильного мороза бетон сжимался и становился хрупким, а затем бедрок вдруг раскалывал его, как будто земля намеревалась что-то выродить.

В мелководной почве хорошо произрастали растения с неглубокой корневой системой и морозоустойчивые — густой низкорослый кустарник, ядовитый плющ и ядовитый дуб росли повсюду, где позволяла им опора. На юго-западе земля обрушивалась в зону, которую в Дерри

называли Барренс. Барренс, который можно было назвать чем угодно, но не песчаной равниной, был вообще-то грязным участком земли в полторы мили шириной и три мили длиной. С одной стороны его ограничивала Канзас-стрит, с другой — Старый мыс. Старый мыс был малодоходной разработкой под строительство, и дренаж там был настолько плохой, что постоянно велись разговоры о туалетах и канализационных стоках.

Кендускеаг бежала через центр Барренса. Город разросся к северо-востоку и на обоих ее берегах, и единственно, что осталось от города в Барренсе, была насосная станция Дерри (муниципальная станция по очистке сточных вод) и городская свалка. С воздуха Барренс выглядел, как большой зеленый кинжал, указывающий на центр города.

Для Бена вся эта география, соединенная с геологией, сводилась к тому, что он знал: на правом берегу не было домов — земля там отступила. Шаткое, окрашенное в белый цвет ограждение, высотой до пояса, тянулось вдоль тротуара в целях предосторожности. Он едва-едва слышал бегущую воду; она была звуковым аккомпанементом его разыгравшейся фантазии.

Он остановился и посмотрел на Барренс, все еще представляя ее глаза, свежий запах ее волос.

Кендускеаг поблескивала через разрывы в густой листве. Ребята говорили, что в это время года там были москиты — большие, как воробьи; другие говорили, что и приближаться к реке опасно — там оползень. Бен не верил в москитов, но оползень пугал его.

Чуть левее он увидел стаю кружащихся и ныряющих чаек: свалка. До него слабо доходил их крик. Через дорогу он видел Дерри Хайте и низкие крыши домов Старого мыса, близко подходивших к Барренсу. Справа от Старого мыса — толстый белый палец, указующий в небо — высилась водонапорная башня Дерри. Прямо под ней из земли торчала ржавая водопропускная труба, из которой обесцвеченная вода лилась с холма в мерцающий маленький проток, исчезавший в гуще деревьев и кустарников.

Дивная фантазия Бена о Беверли вдруг была прервана самым зловещим образом: что, если мертвая рука покажется из водопроводной трубы прямо сейчас, прямо в эту секунду, пока он смотрит туда? А когда он повернется, чтобы позвонить в полицию, то увидит там клоуна? Смешного клоуна в мешковатом костюме с большими оранжевыми пуговицами-помпонами? Предположим...

На плечо Бена упала рука, и он вскрикнул.

Раздался смех. Он повернулся, прижавшись к белой ограде" отделяющей безопасный тротуар Канзас-стрит от дикого неистового Барренса (перила чуть слышно скрипнули), и увидел стоявших там Генри Бауэрса, Белча Хаггинса и Виктора Крисса.

— Привет, Титьки, — сказал Генри.

— Чего вы хотите? — спросил Бен, стараясь, чтобы голос звучал смело.

— Я хочу избить тебя, — сказал Генри. Он, по-видимому, трезво, даже серьезно, рассматривал эту перспективу. Но вот глаза его сверкнули. — Я научу тебя кое-чему, Титьки. Ты не будешь возражать? Ведь ты любишь выучивать новое, а?

Он потянулся к Бену. Бен ускользнул.

— Держите его, ребята.

Белч и Виктор схватили Бена за руки. Он пронзительно закричал. Это был трусливый крик, кроличий, слабый, но он ничего не мог поделать. «Пожалуйста, Господи, не дай им заставить меня кричать и не дай им разбить мои часы», — мешались мысли в голове у Бена. Он не знал, разобьют ли они его часы, но он был вполне уверен, что закричит. Он был совершенно уверен, что закричит и будет долго кричать, до тех пор, пока они с

ним не покончат.

— Ого, он вопит как свинья, — сказал Виктор, скрутив запястье Бена. — Он вопит как свинья?

— Да, конечно, — хихикнул Белч.

Бен дернулся сначала в одну сторону, потом в другую. Белч и Виктор как бы давали ему возможность улизнуть, а потом хватали его.

Генри схватил Бена за перед свитера и задрал его вверх, обнажив живот. Он нависал над ремнем.

— Посмотрите-ка на это брюхо! — крикнул Генри с удивлением и отвращением. — Бог ты мой!

Виктор и Белч громко засмеялись. Бен дико озирался в поисках помощи. Но никого не было видно. Позади него, внизу, в Барренсе, дремали сверчки и кричали чайки.

— Лучше прекратите! — сказал он. Он еще не ревел, но был близок к этому. — Лучше прекратите или...

— Или что? — спросил Генри, как будто искренне заинтересовавшись. — Или что, а?

Бен вдруг обнаружил, что он думает о Бродерике Крофорде, который играл Дэна Мэттыоза в «Патруле на шоссе», — тот ублюдок был низкий, подлый, изгалялся над всеми, а потом, небось, слезами заливался. Дэн Мэттьюз избил бы рем-

нем этих парней прямо через ограду, на насыпи, вдрызг.

— Ох, мальчик, посмотрите-ка, малыш! — фыркнул Виктор. Белч присоединился к нему. Генри усмехнулся, но взгляд у него был все такой же серьезный, размышляющий, почти что грустный. И этот взгляд напугал Бена. Он понял, что его, возможно, не просто изобьют.

Как бы для подтверждения этой мысли Генри полез в карман своих джинсов и вытащил оттуда нож-пилку.

Бена охватил ужас. Генри слегка подпилил его тело с двух сторон, и он резко подался вперед. В какой-то момент Бен подумал, что сможет убежать. Он обливался потом, и мальчики, державшие его за руки, с трудом с ним справлялись. Белч сумел ухватить его правое запястье, но не крепко. От Виктора удалось освободиться. Еще рывок...

Но тут Генри подошел вплотную и толкнул его. Бен отлетел назад. На этот раз ограда скрипнула громче, и он почувствовал, что она слегка подалась под его весом. Бенч и Виктор снова схватили его.

— Теперь держите его, — сказал Генри, — слышите меня?

— Да, Генри, — сказал Белч. В голосе у него

послышалось некоторое беспокойство. — Он не убежит, не волнуйся.

Генри подошел вплотную, его плоский живот почти коснулся живота Бена. Бен смотрел на него широко открытыми глазами, слезы беспомощно текли из них. «Пойман! Я пойман!» — кричало что-то в его сознании. Он пытался прекратить эти стенания, совершенно не дававшие ему думать, но ничего не получалось. Пойман! Пойман! Пойман!

Генри вытащил нож — длинный, широкий, с его именем на лезвии. Кончик ножа блеснул в дневном солнечном свете.

— Я сейчас буду испытывать тебя, — сказал Генри тем же задумчивым тоном. — Наступили экзамены, и тебе лучше быть готовым.

Бен заплакал. Его сердце бешено колотилось в груди. Из носа текли сопли и собирались на верхней губе. У ног валялись библиотечные книги. Генри наступил на «Бульдозер», посмотрел вниз и черным саперным ботинком отшвырнул книги в сточную канаву.

— Вот первый вопрос на экзамене, Титьки. Когда кто-нибудь скажет во время выпускных экзаменов «Дай мне списать», что ты должен ответить?

— Да! — немедленно воскликнул Бен. — Я скажу да! Конечно! О'кей! Списывай, что хочешь!

Кончик ножа прошел два дюйма воздуха и уперся в живот Бена. Он был холодный, как поднос с кубиками льда, только что вынутый из холодильника. Бен втянул живот. На миг мир почернел. Рот Генри двигался, но Бен не понимал, что он говорит. Генри был как телевизор с выключенным звуком, и мир плыл.., плыл...

"Не смей размякать! -кричал панический голос. — *Если ты размякнешь, он может остервенеть и убить тебя!"*

Мир снова вернулся в фокус. Он увидел, что и Белч, и Виктор перестали смеяться. Они нервничали.., выглядели испуганными. Это лицезрение прояснило разум Бена. *Вдруг они не знают, что он собирается делать или как далеко он может зайти. Как бы ни были плохи мысли, действительность может быть хуже. Ты должен думать. Пусть ты никогда не делал этого раньше, сейчас надо думать. Потому что его глаза говорят правду: что он нервничает. Его глаза говорят, что он ненормальный.*

— Это неправильный ответ, Титьки, — сказал Генри, — если любой скажет «Дай мне списать», я не дам ни хрена. Понял?

— Да — сказал Бен, его живот сотрясался от рыданий. — Да, я понял.

— Так, хорошо. Жаль, но приближаются взрослые. Ты готов к взрослым?

— Я.., я думаю, что да.

К ним медленно подъезжала машина. Это был запыленный «Форд 51» с пожилыми мужчиной и женщиной, втиснутыми на переднее сиденье, как пара манекенов из универмага. Бен видел: голова мужчины медленно повернулась к нему. Генри приблизился к Бену, пряча нож от людей в машине. Бен почувствовал его кончик, упирающийся в его тело прямо над пупком. Нож был все еще холодный. Он не понимал, как это может быть, но он был холодный.

— Давай, кричи, — сказал Генри. — Тебе придется собирать свои херовые кишки из своих тапочек.

Они были друг от друга на расстоянии поцелуя. Бен мог почувствовать запах фруктовой резинки изо рта Генри.

Машина проехала и продолжала двигаться по Канзас-стрит, медленно, на одной скорости, как на Турнире парада роз — Хорошо, Титьки, вот второй вопрос. Если я скажу «Дай мне списать», что ты должен сказать?

— Да. Я скажу да. Сразу же.

Генри улыбнулся.

— Хорошо. Это правильный ответ, Титьки. Теперь третий вопрос: какие гарантии, что ты никогда не забудешь *этого?*

— Я.., я не знаю, — прошептал Бен.

Генри опять улыбнулся. Его лицо зажглось и на какой-то миг стало почти прекрасным.

— Я знаю! — сказал он, как будто открыл великую правду. — Я знаю, Титьки! Я вырежу свое имя на твоем огромном жирном пузе!

Виктор и Белч рассмеялись. На какое-то мгновение Бен почувствовал непонятное облегчение: это не могло быть ничем, кроме выдумки, — просто эти трое надумали хорошенько напугать его. Но Генри Бауэре не смеялся, и Бен вдруг понял, что Виктор и Белч смеются потому, что они уверены — было ясно — Генри не может говорить такое всерьез. Но Генри не шутил.

Нож открылся, гладкий, как масло. Кровь выступила ярко-красной линией на бледной коже Бена.

— Эй! — закричал Виктор. Слово вышло приглушенным, словно он в испуге проглотил его.

— Держите его! — разозлился Генри. — Вы только держите его, слышите?

— Теперь на лице Генри не было ничего серьезного и задумчивого; теперь это было перекошенное лицо дьявола.

— *Чертова ворона. Генри, не зарежь его!* -кричал Белч высоким, почти как у девочки, голосом.

Затем все случилось быстро, но Бену Хэнскому показалось, что медленно словно раз за разом щелкнули затворы фотоаппарата, снимающего кадры для репортажа в журнале «Лайф». Паника оставила Бена. Он вдруг что-то открыл в себе и поэтому не было никакой нужды паниковать — это что-то съело панику.

При первом щелчке затвора Генри закатил ему свитер на груди. Из небольшого вертикального пореза над пупком текла кровь.

При втором щелчке затвора Генри снова вытащил нож, действуя быстро, как военный хирург-сомнамбула при воздушной бомбардировке. Снова потекла кровь.

"Назад, -холодно подумал Бен, в то время как кровь стекала вниз и собиралась у пояса джинсов. — *Надо податься назад. Это единственное, куда я могу податься".* Белч и Виктор больше его не держали. Несмотря на команду Генри, они от него отпрянули. Они отпрянули в ужасе. Но если бы он побежал, Бауэре схватил бы его.

При третьем щелчке затвора Генри соединил два вертикальных пореза короткой горизонтальной линией. Бен почувствовал, как кровь побежала ему в штаны, улитка с липким хвостом ползла по левому бедру.

Генри чуть отклонился назад, нахмурясь с сосредоточенностью художника, пишущего ландшафт. *«После D идет E»,* -подумал Бен, и это заставило его действовать. Он подался вперед, Генри оттолкнул его, он ударился в добела вымытый поручень между Канзас-стрит и спуском в Барренс и, подняв правую ногу, с силой толкнул ею Генри в живот. Это не было ответным ударом — так уж получилось. И все же выражение крайнего, удивления на лице Генри наполнило его дикой радостью — чувством настолько сильным, что на какую-то долю секунды он подумал, что у него едет крыша.

Затем послышался сильный треск ломавшегося ограждения. Виктор и Белч пытались подхватить Бена, но он рухнул на задницу в водосток рядом с остатками «Бульдозера» и вслед за тем — полетел в пространство. Он летел с криком, похожим на смех.

Бен упал на спину и задницу у самой водопропускной трубы, которую он заметил раньше.

Приземлись он на трубу, он мог бы сломать себе спину. Он упал на подушку из папоротника и сорняков и едва ощутил удар. Сделал кувырок назад, а затем начал скатываться вниз по склону, как ребенок на большой зеленой горке; его свитер задрался до шеи, руки хватались за какую-то опору и пучок за пучком вырывали папоротник и сорняки.

Он видел верх насыпи (казалось невероятным, что он только что был там, наверху), удалявшийся с бешеной скоростью мультипликационных фильмов. Он видел Виктора и Белча, их округлившиеся белые лица, уставившиеся на него. Он успел даже пожалеть о своих библиотечных книгах. Затем он ударился обо что-то со страшной силой и прикусил себе язык.

Это было сброшенное дерево, и оно сдержало падение Бена, чуть не сломав ему левую ногу. Он уцепился руками за поверхность склона, со стоном дергая ногами. Дерево остановило его на полпути. Внизу кустарник был гуще. Вода из водопропускной трубы тонкими струйками бежала по его рукам.

И тут над ним раздался пронзительный крик. Он снова посмотрел вверх и увидел, что Генри Бауэре летит над склоном с ножом, зажатым в

зубах. Генри прыгнул на обе ноги, чуть отклонившись назад, и потому не потерял равновесие и не упал. Затем заскользил к гигантскому узору из отпечатков ног и бросился вниз по насыпи длинными кенгуриными прыжками.

— *Я бьююю бяяя, Итьки!* -кричал Генри с ножом во рту, и Бену не нужен был переводчик Организации Объединенных наций, чтобы понять, что Генри кричит: *«Я убью тебя. Титьки!»*

Теперь с хладнокровием, которое появляется в наиболее стрессовых ситуациях, Бен осознал, что он должен делать. Он сумел встать на ноги до того, как Генри настиг его. Бен сознавал, что левая штанина его джинсов распорота, и из ноги кровь течет сильнее, чем из живота.., но это поддерживало его, ибо означало, что он ее не сломал. Во всяком случае, он надеялся, что так оно и есть.

Бен слегка присел, чтобы удержать ненадежное равновесие, и когда Генри, державший теперь нож в руке прямо, как штык, схватил его одной рукой и занес нож другой, Бен отступил в сторону. Он потерял равновесие, но падая, выставил вперед раненую левую ногу. Генри ударился о нее голенями, и его ноги взмыли вверх. На какое-то мгновение Бен широко раскрыл рот, его ужас сменился смесью благоговейного страха и вос-

торга. Генри Бауэре, казалось, плыл, прямо как Супермен, над упавшим деревом, которое только что остановило Бена. Его руки были вытянуты прямо перед собой — Джордж Ривс так держал руки на телевизионных шоу. Да только то, что Джордж Ривс всегда казался летящим, было так же естественно, как принять ванну или пообедать на балконе. А Генри выглядел так, будто кто-то врезал ему горячей кочергой по заду. Его рот открывался и закрывался. Слюна ниточкой текла из уголков рта и скоро растянулась до мочки его уха.

Вслед за этим Генри с шумом рухнул на землю. Нож вылетел у него из руки. Он перевернулся через плечо, упал на спину и покатился в кусты с ногами враскорячку. Раздался пронзительный крик. Глухой звук. И затем тишина.

Бен сидел ошеломленный, глядя на то место в густых зарослях, где исчез Генри. Вдруг камни и галька запрыгали вокруг. Он посмотрел вверх. По насыпи спускались Виктор и Белч. Они двигались осторожнее, чем Генри, и поэтому медленнее, но добрались бы до него секунд за тридцать и даже меньше, если бы он ничего не предпринял.

Он застонал. Кончится ли когда-нибудь это сумасшествие?

Не отрывая от них глаз, Бен вскарабкался на сваленное дерево и пополз по насыпи, тяжело дыша. У него была острая боль в боку. Адски болел его язык. Кусты теперь были высотой с него. Резкий запах какой-то дикорастущей зелени ударил ему в нос. Где-то поблизости резвилась меж камней вода.

Его ноги заскользили, и он снова пошел, шатаясь, ударяясь руками о выступавшие камни, отбиваясь от шипов, которые цеплялись за его свитер, вырывая куски материи и раздирая руки и щеки.

Лотом он сидел с ногами в воде. Здесь вился маленький искривленный ручей, который справа от Бена перегораживал мощный заслон из деревьев. Там было темно, как в пещере. Он посмотрел и увидел, что Генри Бауэре лежит на спине посредине потока. В полуоткрытых глазах были видны только белки. Кровь сочилась из уха и бежала тонкими струйками.

О, Боже мой! Я убил его! Я убийца. Боже мой!

Забыв, что Белч и Виктор позади него (или, возможно, понимая, что они потеряли интерес к тому, чтобы вышибить из него говно, когда обнаружили, что их Бесстрашный Вождь мертв), Бен прошел, брызгаясь, двадцать футов вверх по

течению к тому месту, где лежал Генри — рубашка в клочья, джинсы промокли дочерна, одного ботинка нет. Бен смутно сознавал, что от его собственной одежды мало что оставалось и что тело его, покрытое болячками и ранами, превратилось в одну большую развалину. Хуже всего было с левой лодыжкой — она уже распухла в его промокшем ботинке, и, щадя ее, он ступал с большой осторожностью, как моряк, оказавшийся на берегу впервые после длительного плавания.

Он наклонился над Генри Бауэрсом. Глаза Генри широко раскрылись. Он схватил Бена за икру исцарапанной и окровавленной рукой. Рот его двигался, и хотя ничего, кроме серии свистящих вдохов оттуда не выходило, Бен мог все-таки различить, что он говорит: *«Убью тебя, жирное дерьмо».*

Генри пытался привстать, используя как опору ногу Бена. Бен резко отпрянул. Рука Генри скользнула, затем упала. Бен отлетел, хватаясь руками за воздух, и за последние четыре минуты третий раз упал на задницу. И снова прикусил язык. Вокруг него взмыли водяные брызги. Круги пошли перед его глазами, но это ему было по фигу, — ему по фигу было бы, если бы он нашел горшок золота. Он страшился за свою несчастную

жирную жизнь.

Генри перевернулся. Попытался встать. Упал. Сумел приподняться на четвереньки. И, наконец, шатаясь, встал на ноги. Темным взглядом уставился на Бена. Его туловище качалось из стороны в сторону, как обертка кукурузного початка на сильном ветру.

Бен вдруг разозлился. Больше, чем разозлился. Он был взбешен. Он шел с библиотечными книгами под мышкой, мечтал о невинном поцелуе Беверли Марш, никому не мешая. И посмотрите. Только посмотрите! Штаны порваны. Левая лодыжка, может быть, разбита, но уж наверняка растянута. Нога вся в болячках, язык поцарапан, на животе монограмма Генри черт возьми! — Бауэрса. Но, вероятно, именно мысль о книгах, за которые он в ответе, взывала к мщению.

Он потерял библиотечные книги, в голове у него возникла картина: укоризненные глаза миссис Старретт, когда он расскажет ей об этом. Какой бы ни была причина — порезы ли, растяжение, библиотечные книги или даже мысль о насквозь промокшем и, возможно, нечитабельном экзаменационном листе в его заднем кармане, — этого было достаточно, чтобы начать действовать. Он подошел к Генри и ударил его

прямо по яйцам.

Генри издал страшный крик, который вспугнул птиц с деревьев. В течение минуты он стоял с широко расставленными ногами, руки его закрывали промежность, и он, не веря глазам своим, смотрел на Бена.

— Ой! — сказал он слабо.

— Хорошо, — сказал Бен.

— Ой, — сказал Генри еще более слабым голосом.

— Хорошо, — снова сказал Бен.

Генри медленно опустился на колени, как бы даже не падая, а складываясь. Он все еще смотрел на Бена неверящим темным взглядом.

— Ой.

— Хорошо, *черт возьми,* -сказал Бен.

Генри упал на бок, все еще хватаясь за яички, и начал медленно перекатываться с боку на бок.

— Ой! — стонал он. — Мои яйца. Ой! Ты разбил мне яйца. Ой-ой!

У Генри стала появляться сила, и Бен отошел на шаг. Ему было не по себе от того, что он сделал, но его наполняло и чувство праведности своего деяния.

— *Ой!., м*оя чертога мошонка.., о*й-ой!., о*, мои чертовы ЯЙЦА!

Бен, может быть, и остался бы здесь на какое-то время — может быть, даже до тех пор, пока Генри не пришел бы в себя окончательно, чтобы идти за ним, но как раз в этот момент острый камень угодил ему в голову над правым ухом, и он почувствовал теплую струящуюся кровь. Сперва Бен подумал было, что его ужалила оса.

Он повернулся и увидел двоих мальчишек, крупным" шагами идущих к нему по середине потока. У каждого была пригоршня округленных камешков. Виктор запустил один — просвистевший мимо уха Бена. Он увернулся, но еще один камешек попал ему в правую коленку, заставив вскрикнуть от резкой боли. Третий пролетел мимо его скулы с правой стороны.

Бен достиг дальней насыпи и вскарабкался на нее как можно быстрее, хватаясь за выступающие корни и выдергивая из земли кустарник. Он забрался наверх (один последний камень ударил его в задницу, когда он поднимался) и быстро посмотрел через плечо назад.

Белч на коленях стоял возле Генри, а Виктор — в десяти футах от него стрелял камнями; один, размером с бейсбольный мяч, пронесся сквозь кустарник рядом с Беном. Он достаточно насмотрелся; в самом деле, более чем достаточно. Хуже

всего, что Генри Бауэре снова поднимался. Бен повернулся и с трудом стал пробиваться через кусты в западном, как он надеялся, направлении. Если бы ему удалось подойти к Барренсу со стороны Старого мыса, он смог бы попросить у кого-нибудь полдоллара и доехать домой на автобусе. А добравшись туда, он бы запер за собой дверь и сунул всю рваную окровавленную одежду в мусор, и этот безумный сон в конце концов ушел бы. Бен представил, как он сидит на стуле у себя в гостиной после ванной, в ярком красном банном халате, смотрит мультики Дэффи Дака и пьет молоко через клубничную соломинку. *"Держись за эту мысль,* -сказал он себе сурово, — *и продолжай идти".*

Кусты били его по лицу. Бен отводил их. Колючки цеплялись за него. Он пытался не обращать на них внимания. Он подошел к плоскому, черному, грязному участку земли. Широкий заслон бамбуковидной растительности тянулся через него, и от земли поднималось зловоние. Зловещая мысль *(зыбучий песок)*тенью прошла на переднем плане его сознания при виде блеска стоячей воды в глубине зарослей псевдобамбука. Он не хотел идти туда. Даже если это не зыбучий песок, грязь всосет его спортивные тапочки. Он повернул направо

и побежал вдоль бамбуковых зарослей, пока не попал наконец в полосу настоящего леса.

Деревья, главным образом ели, были толстые, росли повсюду, борясь друг с другом за пространство и солнце, но мелколесья здесь было меньше, и он мог двигаться быстрее. Бен не знал теперь точно, в каком направлении идти, но думал, что он все же в выигрыше. Дерри подступал к Барренсу с трех сторон, а с четвертой был ограничен тем местом, где велись работы по расширению дорожной магистрали. Рано или поздно он где-нибудь выйдет.

Его живот болезненно пульсировал, и он задрал кверху то, что осталось от его свитера, чтобы посмотреть, что там такое. Он поморщился и присвистнул. Его живот был похож на гротескный шар с рождественской елки: везде красные потеки спекшейся крови и зеленая грязь от ползанья по насыпи. Он снова заправил свитер. Смотреть на это безобразие было неприятно.

Теперь впереди послышалось однообразное, едва различимое жужжание.

Взрослый человек, сосредоточенный на том, как бы поскорее выбраться отсюда (москиты теперь обрушились на Бена, и хотя размером они были поменьше воробьев, все же достаточно

большие), проигнорировал бы это жужжание или вовсе не услышал бы его. Но Бен был мальчик, и он уже прошел через страх. Он отклонился влево и пробрался сквозь низкие лавровые кусты. За ними из земли торчали верхние три фута цементного цилиндра шириной около четырех футов. Он был закрыт цементной крышкой со смотровым отверстием. На крышке были слова: УПРАВЛЕНИЕ КАНАЛИЗАЦИОННЫМ КОЛЛЕКТОРОМ ДЕРРИ. Звук, это было скорее приглушенное жужжание, чем гул, исходил откуда-то из глубины, изнутри.

Бен приложил один глаз к смотровому отверстию, но ничего не увидел. Он мог только слышать жужжание и бегущую там внизу воду. Он сделал вдох, почувствовал кислый запах, промозглый и зловонный, и с отвращением подался назад. Это была канализация. Или, может быть, одновременно и канализация, и сточный коллектор — их было полно в подвластном наводнениям Дерри. У него по коже пробежал холодок. Часть канализации была запрятана от глаз, но часть выходила наружу — бетонный цилиндр, торчавший из земли. За год до этого Бен прочел «Машину времени» Герберта Уэллса, сначала классический комикс, а затем саму книгу. Этот цилиндр с железным покрытием, имеющий смотровую

щель, напомнил ему о колодцах, которые ведут в страну ужасных Морлоков.

Он быстро отошел от трубы, пытаясь опять держаться запада. Он увидел маленький просвет и направился туда, следя, чтобы тень его была позади. Затем пошел прямо.

Минут через пять он снова услышал впереди бегущую воду и голоса. Голоса ребят.

Он остановился и прислушался, и вот тогда-то услышал треск ломаемых веток и голоса позади себя. Они были отлично узнаваемы. Они принадлежали Виктору, Белчу и единственному и неповторимому Генри Бауэрсу.

Оказалось, кошмар еще не кончился.

Бен осмотрелся вокруг, ища, куда бы спрятаться.

10

Он вышел из своего укрытия через два часа, еще грязнее, чем был до того, но несколько посвежевший. Это казалось невероятным, но он подремал.

Когда он услышал тех троих за собой, он остолбенел, как животное, пойманное фарами грузовика. Парализующая сонливость напала на него. Мысль просто лечь, свернувшись клубком, как ежик, и позволить им делать все, что забла-

горассудится, пришла ему в голову. Это была сумасшедшая мысль, но она казалась хорошей мыслью.

Но вместо этого Бен пошел на звук бегущей воды, на голоса тех, других ребят. Он пытался разобрать их голоса, расслышать, что они говорят, — все, что угодно, только бы избавится от устрашающего паралича духа. Какой-то проект. Они говорили о каком-то проекте. Один-два голоса были даже немного знакомы. Раздался всплеск воды и тут же взрыв добродушного смеха. Смех вызвал в Бене какое-то странное желание и заставил еще больше осознать опасность своего положения.

Если его поймают, нельзя впутывать в это дело мальчишек. Бен снова повернул направо. Как у многих крупных людей, у него была очень легкая поступь. Он подошел достаточно близко к игравшим мальчикам, чтобы увидеть их снующие взад-вперед тени между ним и блестевшей водой, но они его не видели и не слышали. Постепенно голоса начали удаляться.

Он вышел на узкую тропинку, проложенную на голой земле. Минуту рассматривал ее, затем тряхнул головой, пересек тропинку и углубился в мелколесье. Теперь он шел медленнее, раздвигая

кусты, а не наступая на них. Он все еще двигался в основном параллельно потоку, у которого играли дети. Даже через заслонявшие поле зрения кусты и деревья он смог разглядеть, что поток здесь намного шире, чем в том месте, куда упали он и Генри.

Здесь был еще один бетонный цилиндр, едва видимый среди путаницы черничных зарослей, и он спокойно жужжал про себя. Позади насыпь обрывалась в поток, старый сучковатый вяз криво склонялся над водой. Его корни, наполовину выставленные наружу из-за эрозии берега, выглядели, как спутанные грязные волосы.

Надеясь, что здесь нет насекомых или змей, но слишком уставший и испуганный, чтобы всерьез озаботиться этим, Бен спустился между корнями вниз, в мелкую пещеру. Он отпрянул, когда корень сердито ткнул его, как палец. Потом немного поменял положение, и стало удобнее.

Сюда и подошли Генри, Белч и Виктор. Что-то словно влекло их на эту тропу. Какой-то миг они стояли совсем рядом и, вытянув руку из своего тайника, он мог бы дотронуться до них.

— Держу пари, он где-то здесь, — сказал Белч.

— Ну хорошо, пойдем выясним, — ответил Генри, и они пошли назад тем путем, каким

пришли.

Через несколько минут Бен услышал, как он заорал:

— Что за хреновину вы здесь делаете, парни?

Последовал какой-то ответ, но Бен не расслышал: дети были слишком далеко, да и река, это была, разумеется, Кендускеаг, очень шумела. Но голос у парня был испуганный. Бен мог только почувствовать ему.

Затем Виктор Крисс сказал что-то, совсем непонятное Бену:

— Хреновая запруда сопляков. — Запруда сопляков? А может, Виктор сказал: хреновая компашка сопляков?

— Давай-ка сломаем ее! — предложил Белч.

Последовали крики протеста, кто-то закричал от боли, кто-то заплакал. Да, Бен мог посочувствовать им. Не сумев поймать его (по крайней мере, пока что), они решили отыграться на других детях.

— Конечно, ломай ее, — сказал Генри.

Всплески. Крики. Утробный смех Белча и Виктора. Полный страдания, взбешенный крик одного из ребят.

— Держи свое говно при себе, заика-уродец, — сказал Генри Бауэре. — Я не намерен больше

терпеть говна ни от кого.

Раздался треск. Шум бегущей воды усилился, и на мгновение поток взревел, перед тем, как снова успокоиться. Бен мгновенно понял. Хреновая запруда сопляков, да, вот что сказал Виктор. Дети — двое или трое, как ему послышалось, когда он шел мимо, — строили запруду. Генри и его друзья только что разнесли ее. Бену даже показалось, что он знает одного из этих мальчиков. Единственный «заика-уродец», которого он знал по школе в Дерри, был Билл Денбро из параллельного пятого класса.

— Ты не должен был этого делать! — выкрикнул тонкий испуганный голос, и Бен узнал и этот голос, хотя сразу не смог соотнести его с лицом.

— Зачем ты это сделал?

— Потому что мне так захотелось, болваны! — разъярился снова Генри.

Раздался глухой звук. Кто-то закричал от боли. Затем последовал плач.

— Заткнись, — сказал Виктор. — Заткнись, ты, а то я вырву твои уши и подвяжу их под подбородком.

Плач перешел в прерывистые всхлипывания.

— Мы пошли, — сказал Генри, — но прежде я хочу узнать одну вещь. Вы за последние десять

минут не видели жирного парня? Большого жирного парня в крови и порезах?

Короткий ответ мог означать только «нет».

— Уверены?

— спросил Белч. — Лучше быть больше уверенными, нюни.

— Я у-у-уверен, — ответил Билл Денбро.

— Пошли, — сказал Генри. — Он, возможно, перешел туда вброд.

— Та-та, мальчики, — сказал Виктор Крисс. — Это была запруда сопляков, поверьте мне. Ни к черту не годится.

Звуки шлепанья по воде. Снова донесся голос Белча, но теперь уже дальше. Бен не мог разобрать слов. Да он и *не хотел* разбирать слова. Мальчик вблизи снова заплакал. Другой его успокаивал. Бен решил, что их двое — Заика Билл и плачущий.

Он попусидея-полулежал в своем укрытии, слушая двух мальчиков у реки и затихающие голоса Генри и его динозавров-приятелей, рвущихся к дальней стороне Барренса. Солнечный свет блеснул ему в глаза, кругляшки света замелькали на спутанных корнях над ним и вокруг него. Здесь было грязно, но уютно и.., безопасно. Звук бегущей волны успокаивал. Даже плач ребенка

действовал умиротворяюще. Его собственные боли притупились, как бы сошлись в один узел; голоса динозавров полностью растворились в воздухе. Он немножко обождал, просто чтобы убедиться, что они не возвращаются.

Бен мог слышать вибрацию дренажных механизмов в земле, мог даже ощущать ее: низкое, непрерывное колебание передавалось из земли корню, к которому он прислонился, а от корня — его спине.

Он снова подумал о Морлоках, об их обнаженной плоти; он представил себе, что она бы пахла, как промозглый и вонючий воздух, который исходил из смотровых отверстий того железного покрытия. Он подумал об их колодцах, загнанных глубоко под землю, колодцах с ржавыми лестницами по сторонам. Он задремал, и в этот момент его мысли стали сном.

11

Ему снились Морлоки. Ему снилось то, что с ним случилось в январе, то, что он никак не мог рассказать своей матери.

Был первый день занятий после долгого рождественского перерыва. Миссис Дуглас попросила добровольца остаться после уроков и помочь

ей пересчитать книги, которые были получены прямо перед каникулами.

Бен поднял руку.

— Спасибо тебе, Бен, — сказала миссис Дуглас, одарив его улыбкой столь восхитительной, что она согрела его до кончиков носков.

— Лизоблюд вонючий, — шепотом заметил Генри Бауэре.

Это был тот зимний день в штате Мэн, который был и самым лучшим, и самым худшим: безоблачный, до слез ясный, но пугающе холодный. В довершение к десятиградусному морозу дул сильный ветер, который колол и сек лицо.

Бен считал книга и выкрикивал номера; миссис Дуглас их записывала (совершенно не перепроверяя его работу, гордо отметил он), а затем оба они понесли книги в хранилище через залы, гае дремотно позвякивали батареи. Сначала школа была полна звуков: треск закрывающихся дверей, перестук печатной машинки миссис Томас в конторе, нервный удар-удар-удар баскетбольных мячей в гимнастическом зале, скольжение и удары спортивных туфель, когда игроки двигались к корзинам или дрались за мяч на полированном деревянном полу.

Понемногу эти звуки прекратились, только

позвякивали батареи, слышалось *виш-виш* метлы мистера Фазио, сметавшего опилки на полу в зале, да завывание ветра за окном.

Бен посмотрел в единственное узкое окно книгохранилища и увидел, что свет на небе быстро меркнет. Было четыре часа, и надвигались сумерки. Крупинки сухого снега носились вокруг заледенелого гимнастического зала и кружились между качелями, которые прочно вмерзли в землю. Только апрельская оттепель сломает эти зимние сварные швы. На Джексон-стрит никого не было видно. Он посмотрел еще минуту: вдруг какая-нибудь машина проедет через перекресток Джексон-Витчем, но машины не было. Все в Дерри спасались, и миссис Дуглас просто умерла бы или спаслась бегством от того, что он видел отсюда.

Он посмотрел на нее и понял, что она чувствует почти то же самое, что он. Он мог определить это по выражению ее глаз. Они были глубокие, задумчивые и отсутствующие — не глаза сорокалетней школьной учительницы, а глаза ребенка. Ее руки были сложены под грудью, как будто бы в молитве.

"Я боюсь, -подумал Бен, — *и она тоже боится. Но чего мы боимся?"*

Он не знал. Она посмотрела на него и коротко,

несколько смущенно засмеялась.

— Я тебя слишком задержала, — сказала она, — извини, Бен.

— Ничего страшного. — Он посмотрел на свои ботинки. Он ее немножко любил — не той искренней, откровенной любовью, какую он питал к мисс Тибодо, своей учительнице первого класса.., но все же он любил ее.

— Будь я за рулем, я бы тебя подвезла, — сказала она, — но я не за рулем. Муж заберет меня где-то в четверть пятого. Если бы ты подождал, мы могли бы...

— Нет, спасибо, — сказал Бен. — Я должен добраться до дому раньше.

На самом деле это была неправда, но перспектива встретиться с мужем миссис Дуглас вызывала в нем какое-то странное отвращение.

— Может, твоя мама могла бы...

— Она тоже не водит машину, — сказал Бен. — Все будет в порядке. Мой дом всего лишь в миле отсюда.

— Миля — это близко при хорошей погоде, но в такую погоду миля — длинный путь. Ты зайдешь куда-нибудь погреться, если замерзнешь, ладно, Бен?

— Да, конечно. Я зайду в Костелло-маркет, обо-

греюсь там у печки или еще где-нибудь. Мистер Гедро не будет возражать. И я надену теплые брюки. И мой новый рождественский шарф.

Он вроде бы убедил миссис Дуглас, она снова посмотрела в окно.

— Там, кажется, так холодно, — сказала она. — Так.., так враждебно.

Он не знал этого слова, но точно знал, что она имела в виду. Что-то только что произошло. Но что?

И вдруг понял: он увидел человека, а не просто учительницу. Вот что случилось. И лицо у нее было совсем другое, новое, — лицо усталого поэта. Он ясно представил себе, как она идет домой с мужем, садится рядом с ним в машину со сложенными руками, шумит мотор, а он рассказывает ей о своем дне. Представил себе, как она готовит ему обед. Странная мысль пронзила его мозг и праздный вопрос вертелся на языке: «У вас есть дети, миссис Дуглас?»

— В это время года я часто думаю, что людям не предназначено жить так далеко на север от экватора, — сказала она. — По крайней мере, не на *этой* широте.

Затем она улыбнулась, и необычное выражение исчезло из ее глаз, или с ее лица — он увидел

ее такой, как всегда. *«Ты никогда больше не увидишь ее такой необычной, никогда»,* -подумал он в смятении.

— До самой весны я буду чувствовать себя старой, а затем снова молодой. И так каждый год. Ведь у тебя все будет в порядке, Бен?

— Все будет отлично.

— Да, я тоже так думаю. Ты хороший мальчик, Бен.

Он снова посмотрел на кончики своих носков, краснея и любя ее больше, чем когда-либо.

В вестибюле мистер Фазио сказал:

— Будь осторожен, берегись этого кусачего мороза, парень, не поднимая головы от красных опилок.

— Ладно.

Бен надел теплые штаны. Он был мучительно несчастлив, когда мать настаивала, чтобы он носил их и нынешней зимой в особенно холодные дни, потому что считал, что это одежда для малышей, но сегодня был рад, что штаны на нем. Он медленно пошел к двери, застегивая куртку, натягивая перчатки. Вышел и постоял на верхней ступеньке крыльца, дожидаясь, пока дверь за ним захлопнется.

Школа была затянута израненной кожей неба

— неба в синяках и кровоподтеках. Непрерывно дул ветер. Ветер врезался в теплую плоть лица — щеки онемели.

«Берегись этого кусачего мороза, парень».

Бен быстро натянул шарф — теперь он напоминал карикатуру Реда Райдера, маленькую, — пухлую, неуклюжую. Темнеющее небо было фантастически красиво, но Бен не стал останавливаться, чтобы полюбоваться им, — было слишком холодно. Он продолжал идти.

Сначала ветер дул ему в спину, подталкивал его, и все обстояло не так уж ужасно. Однако на Канал-стрит мальчику пришлось повернуть направо и идти почти против ветра. Теперь, казалось, тот держал его за спину.., как будто у него было дело к Бену. Шарф не слишком-то помогал. Глаза сильно заморгали, влага в носу замерзла до глянца. Ноги онемели. Руками в перчатках Бен стал колотить себя под мышками, чтобы согреться. Ветер протяжно завывал, иногда почти человеческим голосом.

Бен чувствовал и испуг, и бодрость. Испуг, потому что он вспомнил рассказы, которые прочел, например Джека Лондона, где люди фактически замерзли до смерти. Замерзнуть в такую ночь было вполне вероятно — температура упала до

пятнадцати градусов ниже нуля.

Бодрость была трудно объяснима. Это было какое-то уединенное, меланхолическое чувство. Он ощущал себя на свободе; он летел на крыльях ветра, и никто из людей за ярко освещенными квадратами окон не видел его. Он был внутри, внутри, где свет и тепло. Они не знали, что он прошел. Это был секрет.

Порывистый ветер колол иголками, но он был свежий и чистый. Белый пар аккуратными маленькими струйками выходил из носа.

Когда солнце зашло — остаток дня желтовато-оранжевой полосой на западном горизонте — и первые звезды холодными алмазными кристаллами замерцали на небе, он подошел к Каналу. Теперь он был от дома в трех кварталах и мечтал, чтобы лицо и ноги оказались в тепле, приводящем в движение кровь, заставляя ее пульсировать.

Все-таки он остановился.

Канал замерз в своем бетонном русле. Он был неподвижен и все-таки жил в этом суровом зимнем свете; в нем была своя собственная, уникальная, трудная красота.

Бен повернул на юго-запад. В сторону Барренса. Теперь ветер опять дул ему в спину. Он колыхал

его штаны, раздувал их. Канал проходил прямо между бетонными стенками на протяжении полумили; затем бетон кончался, и река сама по себе продолжала свой путь в Барренс, который в это время года являл собой скелетообразный мир заледенелой ежевики и торчащих обнаженных ветвей.

Там внизу, на льду, стояла какая-то фигура.

Бен пристально посмотрел на нее и подумал: «Там, внизу, кажется, стоит какой-то человек, но может ли он быть одет в то, во что одет? Это невозможно, не так ли?»

На человеке было нечто, похожее на серебристо-белый костюм клоуна. На полярном ветру костюм раздувался и морщился. На ногах у него были огромные оранжевые ботинки. Они соответствовали пуговицам-помпонам, которые шли по переду костюма. Одной рукой он держал клубок веревок, которые переходили в связку воздушных шаров, и когда Бен увидел, что шары плывут в его направлении, он почувствовал, как нереальность все сильнее окутывает его. Он закрыл глаза, потер их, открыл. Шары все еще плыли к нему.

В голове он слышал голос мистера Фазио: *«Берегись этого кусачего мороза, парень».*

Это, должно быть, галлюцинация или мираж — какие-то проделки погоды. Там, внизу, на льду мог быть человек. Бен подумал, что возможно даже, чтобы он был одет в клоунский костюм. Но шары не могли плыть по направлению к Бену, против ветра. И все-таки это было именно так.

— *Бен!* -позвал клоун на льду. Бену показалось, что голос этот только у него в голове, хотя, по-видимому, он слышал его собственными ушами. — *Хочешь шарик, Бен?*

В этом голосе было что-то настолько ужасное, настолько зловещее, что Бену захотелось убежать немедленно, но его ноги, казалось, приросли к тротуару, как качели на школьном дворе вросли в землю.

— Они летают, Бен! Они все летают! Попробуй один и увидишь!

Клоун начал идти по льду к мосту через канал, где стоял Бен. Бен видел, как он идет; не двигаясь, он наблюдал за ним, как птица наблюдает приближающуюся змею. Шары должны были бы лопаться в таком насыщенном холоде, но они не лопались, — они плыли над клоуном и перед ним, хотя должны были быть позади него, рваться назад, в Барренс.., откуда, как что-то подсказывало Бену, это существо пришло.

Теперь Бен заметил кое-что еще.

Хотя последний дневной свет пролил розовое зарево на лед Канала, клоун не отбрасывал тени. Никакой.

— *Тебе здесь понравится, Бен,* -сказал клоун. Теперь он был настолько близко к Бену, что тот мог услышать шарканье его смешных ботинок по неровному льду. — *Тебе здесь понравится, я обещаю, всем мальчикам и девочкам, которых я встречаю, нравится здесь, потому что это, как Остров Удовольствий в «Пинокио» или Страна Никогда в «Питере Пэне»; они никогда не вырастут, а этого хотят все дети. Так давай! Любуйся красивыми местами, играй с шариком, корми слонов, катайся с горки! О, тебе понравится, и, о, Бен, как ты полетишь...*

И несмотря на свой страх, Бен понял, что какая-то часть его действительно хочет шарик. У кого еще на свете был шарик, который летал против ветра? Кто слышал о таком чуде? Да.., он хотел шарик, и он хотел увидеть лицо клоуна, которое склонилось ко льду, как будто прячась от убийственного ветра.

Клоун посмотрел вверх, как бы испугавшись, и Бен увидел его лицо.

«Мумия! О Боже мой, это мумия!» — была пер-

вая мысль, сопровождавшаяся безумным ужасом, который заставил Бена схватиться руками за ограждение моста, чтобы не упасть в обморок. Но, конечно же, он не был просто мумией, не мог быть мумией. О, существовали египетские мумии, множество их, он знал это, но его первой мыслью было, что это тот самый пыльный монстр-мумия, которую играет Борис Карлофф в старом кино, он как раз в прошлом месяце смотрел его допоздна в Театре Шока.

Хотя нет, это не была *та* мумия, не могла быть, киномонстры нереальны, все знают это, даже маленькие дети. Но...

Клоун не носил грима. И не был он просто запеленат в ворох бинтов или повязок. Бинты были, большинство — вокруг его шеи и запястий — развевающиеся на ветру, но Бен мог отчетливо видеть лицо клоуна. Оно было глубоко прорезано линиями, кожа — пергаментная карта из морщин, ободранных щек, сухой плоти. Кожа на лбу была потрескавшаяся, но бескровная. Мертвые губы широко улыбались, зубы торчали вперед, как надгробные камни. Десны были разъеденные и черные. Бен не мог видеть никаких глаз, но что-то мерцало глубоко в угольных ямах сморщенных впадин, что-то, как холодные драго-

ценности в глазах египетских жуков-скарабеев. Ему казалось, что он ощущает запах корицы и пряностей, тлеющего савана, пропитанного таинственными лекарствами, песком и кровью, настолько старой, что она высохла до чешуек и крупинок ржавчины...

— Мы все здесь летаем — квакающим голосом сказал клоун-мумия, и Бен с новым ужасом осознал, что так или иначе он подошел к мосту, он был сейчас как раз под ним, протягивая сухую и скрюченную руку, на которой лоскутья кожи болтались, как флажки, руку, на Которой видна была кожа, похожая на желтую слоновую кость.

Один почти бесплотный палец ласкал кончик его ботинка. Паралич Бена прошел. Тяжело ступая, он прошел остаток пути через мост, когда на здании ратуши пробило пять. Часы перестали бить, когда он добрался до противоположной стороны. Это, наверно, был мираж, это должен был быть мираж. Клоун просто не мог бы пройти так далеко за те десять — пятнадцать секунд, пока били часы.

Но его страх не был миражом; не были миражом горячие слезы, которые сочились из его глаз и тотчас замерзали на щеках. Он бежал, ботинки стучали по тротуару, и слышал за собою,

как мумия в клоунском костюме выбирается из Канала, древние окаменевшие ногти скребутся о железо, старые суставы скрипят, как несмазанные петли. Он мог слышать сухое свистящее дыхание через ноздри, которые лишены влаги, как проходы-туннели под Великой Пирамидой. Он мог чувствовать песчаный аромат его савана, и он знал, что через минуту руки клоуна, такие же бесплотные, как геометрические фигуры, которые он делал из своего конструктора, опустятся ему на плечи. Они развернут его к себе, и он будет смотреть в это морщинистое, улыбающееся лицо. Мертвый поток дыхания клоуна выльется на Бена. Черные глазницы с их мерцающими глубинами склонятся над ним. Беззубый рот зевнет, и Бен будет иметь шарик. О, да. Все шарики, которые он хочет.

Но когда он добежал до угла своей улицы, рыдающий и взвинченный, и его сердце билось как сумасшедшее, отдаваясь в ушах, когда он наконец посмотрел через плечо, улица была пустынна. Арочный мост с его низкими бетонными откосами и старомодным булыжным покрытием был тоже пустынен. Он не видел самого Канала, но чувствовал, что если и увидит его, там тоже ничего не будет. Нет, если бы мумия не была

галлюцинацией или миражом, если бы она была реальной, она бы ждала под мостом — как тролль в сказке о трех козлятах.

Под. Прятаться под.

Бен спешил домой, оглядываясь назад через каждые несколько шагов, пока дверь не закрылась за ним на замок. Матери он объяснил — она так устала от особенно тяжелого дня на прядильной фабрике, что, по правде говоря, не очень соскучилась по нему, — что он помогал миссис Дуглас считать книги. Затем он сел ужинать лапшей и остатками воскресной индейки. Он запихнул в себя три порции, и с каждой порцией мумия удалялась все дальше и становилась похожей на сон. Она не была реальной, такие вещи никогда не бывают реальными. Они входят в жизнь только между коммерческими показами телефильмов поздно ночью или в течение субботних утренников, где вы счастливы тем, что можете за двадцать пять центов получить двух монстров, а если у вас есть лишний двадцатипятицентовик, вы можете еще купить воздушную кукурузу и съесть ее в свое удовольствие.

Нет, это не реальность. Телемонстры и киномонстры, и монстры комиксов — нереальны. Только после того, как вы пошли спать и не мо-

жете уснуть; только после того, как последние четыре кусочка конфеты, завернутые в бумажки и спрятанные у вас под подушкой от ночных зол, съедены; только после того, как сама постель превратилась в озеро прогорклых снов и ветер завыл снаружи, и вы боитесь посмотреть в окно, потому что там может быть лицо, старческое, с широкой улыбкой лицо, которое не сгнило, а просто высохло, как старый лист, а глаза, как потонувшие алмазы, глубоко засажены в темные глазницы; только после того, как вы увидели разодранную когтистую руку, держащую связку шариков: *любуйся красивыми местами, играй с шариком, корми слонов, катайся с горки! Бен, о, Бен, как ты полетишь...*

12

Он проснулся с удушьем — это все сон о мумии, — охваченный паникой из-за надвинувшейся, вибрирующей темноты вокруг него. Он дернулся, и корневище перестало поддерживать его и снова ткнуло в спину, как бы в раздражении.

Он увидел свет и стал пробираться к нему. Он пополз в дневной солнечный свет и журчание потока, и все снова встало на свое место. Было

лето, не зима. Мумия не унесла его в пустынный склеп — Бен просто спрятался от больших парней в песчаной дыре под наполовину выкорчеванным деревом. Он был в Барренсе. Генри и его приятели в какой-то мере отыгрались на паре ребят, строивших запруду на реке, потому что они не смогли найти Бена и отыграться на нем по большому счету. *Та-та, мальчики. Это была запруда сопляков. Ни к черту не годится.*

Бен угрюмо посмотрел на свою загубленную одежду. Мать устроит ему головомойку.

Он проспал достаточно долго, чтобы взбодриться. Он съехал по насыпи и потом пошел вдоль потока, вздрагивая на каждом шагу. Он был месивом из ран и болячек; он чувствовал себя так, как будто Спайк Джоунз играл на разбитом стекле внутри его мышц быструю мелодию. На каждом дюйме видимой кожи была засохшая или засыхающая кровь. Ребята, строившие запруду, уже ушли, успокаивал он себя. Он не знал, сколько он спал, но если даже не более получаса, неожиданная короткая встреча с Генри и его приятелями, возможно, убедила за это время Денбро и его друга, что другое место — например Тимбуку, — вероятно, лучше для их здоровья.

Бен еле-еле тащился, понимая, что, вернись

большие парни назад, он не сможет убежать от них. Впрочем, его это мало заботило.

Он срезал изгиб реки и постоял там, вглядываясь. Строители запруды были все еще там. Один из них был, конечно, Заика Билл Денбро. Он стоял на коленях рядом с другим мальчиком, который, сидя, прислонился к насыпи. Голова этого мальчика была отброшена так далеко назад, что его адамово яблоко выпирало, как треугольная пробка. Вокруг носа и на подбородке у него была высохшая кровь, ручейки крови струились по шее. В руке у него болталось что-то белое.

Заика Билл резко повернулся и увидел стоявшего там Бена. Бен со страхом увидел: с мальчиком, который прислонился к насыпи, что-то не в порядке; Денбро был явно напуган до смерти. Он подумал с отчаянием: кончится ли когда-нибудь этот день?

— Скажи, ттты мог бы помочь ммммне? — сказал Билл Денбро. — Йего ассспиратор пуст. Мне кажется он ммможет...

Его лицо затвердело, покраснев. Он спотыкался на слове, заикаясь, как пулемет. С его губ сорвалась слюна, и потребовалось почти тридцать секунд, прежде чем Бен понял, что хотел сказать Денбро: другой парень может умереть.

Глава 5. БИЛЛ ДЕНБРО ПОБЕЖДАЕТ ДЬЯВОЛА (1)

1

"Все это чертовски напоминает путешествие в космос, — думает Билл Денбро. — А может, я внутри ядра, выстреленного из пушки.

Эта мысль, хотя совершенно верная, не особенно комфортна. Действительно, в течение первого часа с момента взлета «Конкор-дии» с Хитроу (возможно, правильнее сказать не взлета, а вертикального пуска) он являет собой легкий случай клаустрофобии. Узкий самолет вызывает ощущение беспокойства. Пища далеко не изысканна, персонал, обслуживающий полет, вынужден крутиться, наклоняться, приседать, выполняя свою работу; они похожи на труппу гимнастов. Наблюдая за их усердием, Билл несколько утрачивает удовольствие от еды, зато его попутчика это совершенно не колышет.

Попутчик — еще один минус. Он толстый и не очень чистый; наодеколонен, кажется, «Тедом Лапидусом», но под одеколоном Билл безошибочно ощущает запах грязи и пота. Он еще и не

особенно щепетилен в отношении своего левого локтя — периодически толкает им Билла.

Глаза не отрываются от цифрового табло перед кабиной. Оно показывает, как быстро летит эта британская пуля. Теперь «Конкордия» достигает своей крейсерской скорости. Билл вытаскивает из кармана рубашки ручку и кончиком ее нажимает кнопочки на часах с компьютером, которые Одра подарила ему в прошлое Рождество. Если махометр правильный — а у Билла совершенно нет повода думать, что это не так — они летят со скоростью восемнадцать миль в минуту. Билл не уверен, что это то, что он действительно хотел узнать.

За окном, маленьким и толстым, как окошечко в одной из оболочек ртутного пространства, он может видеть небо — не голубое, а сумеречно-пурпурное, хотя сейчас середина дня. Он видит: линия горизонта, где встречаются море и вебо, слегка наклонена. «Вот я сижу, — думает Билл, — с „кровавой Мэри“ в руке и локтем грязного жирдяя, тыкающим меня в бицепс, и обозреваю крутизну земли».

Он слегка улыбается: человек, смело воспринимающий такого рода переживания, не должен ничего бояться. Но он боится, и не просто полета

в этой узкой хрупкой скорлупе, летящей со скоростью восемнадцать миль в минуту. Он просто чувствует, как на него кидается Дерри. Это точное выражение.

Восемнадцать миль в минуту или нет — ты как будто совершенно спокоен, а вот Дерри кидается на тебя, как некое плотоядное животное, притаившееся в ожидании своего времени. Дерри, о, Дерри! Написать оду Дерри? Воспеть вонь его фабрик и рек? Величественную тишину его бульваров? Библиотеку? Водонапорную башню? Бассей-парк? Начальную шкоду Дерри? Барренс?

Огни зажигаются в его голове, большие прожектора. Будто он сидел в затемненном театре двадцать семь лет, ожидая, что что-то случится, и теперь наконец-то началось. Однако постепенно открывающаяся декорация и вспыхивающие один за другим прожектора означают начало не какой-нибудь безвредной комедии, наподобие «Мышьяка и Старого шнурка»; для Билла Денбро она больше похожа на «Кабинет доктора Калигари».

«Все рассказы, которые я написал — думает он с глупым удивлением, — все романы, все пришло из Дерри, Дерри был их источником. Они возникли из того, что случилось тем летом, и из того, что

перед тем, осенью, случилось с Джорджем. Всем репортерам, которые задавали мне ТОТ ВОПРОС.., я давал неправильный ответ».

Локоть жирдяя снова толкает его, чуть-чуть проливается напиток.

Билл сперва говорил что-то приблизительное, а затем задумывался об этом всерьез. ТОТ ВОПРОС, конечно, был «Где вы черпаете ваши идеи?» Билл предполагал, что на этот вопрос все писатели должны отвечать минимум два раза в неделю, или притворяться, что отвечают, — но он, зарабатывавший себе на жизнь сочинительством вещей, которых не было и быть не могло, должен был отвечать, или притворяться, намного чаще.

— У всех писателей коммуникативные связи уходят в область подсознания, — говорит он, не упоминая, что с каждым годом все больше сомневается, существует ли такая вещь, как подсознание. — Но у мужчины или женщины, которые пишут книги ужасов, коммуникативные связи идут еще глубже, может быть.., в под-под-сознание, если хотите.

Изящный ответ, да, но ответ, в который сам он никогда не верил. Подсознание? Ну там, в глубине, что-то есть, конечно, но, по мнению Билла, люди сильно преувеличили функцию, которая

скорее всего является ментальным эквивалентом промывания глаз, когда в них попала пыль, или хождения до ветру через час-другой после плотного обеда. Вторая метафора, вероятно, лучшая из двух, но вы никогда бы не смогли рассказать вашим интервьюерам, что для вас такие понятия, как мечты, неосознанные желания, ощущения, этакое дежавю, — не что иное, как умственный пердеж. Но им, по-видимому, что-то было нужно, этим репортерам, с их записными книжками и маленькими японскими магнитофонами, и Билл хотел помочь им, как мог. Он знал, что писательство — тяжкий труд, чертовски тяжкий. Зачем же делать его еще тяжелее, говоря им: «Друг мой, вы могли бы с таким же успехом спросить меня „Кто резал сыр?“ и довольствоваться этим».

Теперь он думал: "Ты всегда знал, что они задают не тот вопрос, даже перед звонком Майка; но теперь ты знаешь, какой, вопрос верный. Не где вы черпаете ваши идеи, а почему, зачем вы черпаете их. Коммуникация существовала, да, но она не имела ничего общего ни с версией подсознательного, ни с Фрейдом, ни с Юнгом; не было никакой внутренней дренажной системы в мозге, никакой подземной каверны, наполненной Морлоками. В конце этой коммуникационной

трубы не было ничего, кроме Дерри. И — «кто это идет и ставит ловушки на моем мосту?»

Он вдруг садится прямо, вытянувшись в струну, теперь его локоть блуждает и глубоко погружается в бок толстого попутчика.

— Осторожнее, парень, — говорит толстяк, — тесно.

— А вы не толкайте меня, тоща я попытаюсь не толкать вас.

Толстяк награждает его кислым, скептическим взглядом, говорящим: о чем ты, черт побери, лопочешь? Билл пристально смотрит на него, пока толстяк не отворачивается, что-то бубня.

Кто там?

Кто это идет и ставит ловушки на моем мосту?

Он снова выглядывает из окна и думает: «Мы водим дьявола за нос».

У него покалывает в руках и затылке. Он залпом выпивает свой стакан. Еще один из тех больших огней погас.

Сильвер. Его велосипед. Так он назвал его в честь лошади Лоуна Рейнджера. Большой «Швинн» высотой в двадцать восемь дюймов. «Ты убьешься на нем, Билли», — сказал отец, но никакой тревоги в его голосе не было. Он мало о чем тревожился после смерти Джорджа. Раньше

он был назойливым. Сносным, но назойливым. С тех пор можно было делать что угодно. У него остались отцовские жесты, отцовские движения, но не более чем жесты и движения. Похоже было, что он все время прислушивается, не возвратился ли Джордж домой.

Билл увидел его на витрине магазинчика «Байк энд Сайкл» на Центральной улице. Он уныло опирался о подставку — больший, чем самый большой на витрине, тусклый, в то время как другие были радированные, блестящие, прямой в тех местах, в которых другие были согнуты, и, наоборот, искривленный там, где другие были прямые. На передней шине болталась табличка:

"ПОДЕРЖАННЫЙ.

Продается"

Дальше случилось так, что Билл вошел, и владелец магазина предложил ему то, от чего Билл не отказался, и цена — двадцать четыре доллара — которую запросили, показалась Биллу отличной, даже щедрой. Он расплатился за Сильвера деньгами, которые скопил за последние семь-восемь месяцев: деньги, подаренные на день рождения, на Рождество, вырученные за работу на газоне. Он приметил велик в витрине еще со Дня благодарения. Он заплатил за него и прика-

тил домой, как только снег начал окончательно таять. Это было забавно, потому что до прошлого года он и не думал о приобретении велосипеда. Эта идея, казалось, пришла ему в голову как-то сразу, возможно, в один из тех бесконечных дней после смерти Джорджа. Убийства Джорджа.

В начале Билл чуть не убил себя. Первая поездка на новом велике закончилась тем, что Билл свалился с него намеренно, чтобы не врезаться в дощатый забор в конце Коссут-лейн (он не столько боялся врезаться в забор, сколько проломить его и упасть на шестьдесят футов вниз, в Барренс). Он вернулся с глубокой пятидюймовой раной между запястьем и локтем на левой руке. Не прошло и недели, как он обнаружил, что не может быстро затормозить, и его вынесло на пересечение Витчем и Джексон со скоростью, возможно, тридцать пять миль в час — маленького мальчика на пыльном сером мастодонте (Сильвер *был* серебряным только за счет полета фантазии), — и если бы проходила машина, его бы раздавило всмятку. Он был бы мертв. Как Джордж.

Понемногу, по мере вступления весны в свои права, он овладел управлением Сильвера. За это время никто из родителей не заметил, что он играл со смертью, катаясь на велосипеде. Он

думал, что спустя несколько дней после покупки они вообще перестали лицезреть его велик — для них он был просто реликвией с облупившейся краской, которая в дождливые дни прислонялась к стенке гаража.

Хотя на самом деле Сильвер был больше, чем пыльная старая реликвия. Он не очень смотрелся, но он летал, как ветер. Друг Билла — его единственный настоящий друг по имени Эдди Каспбрак — разбирался в механике. Он показал Биллу, как привести Сильвера в форму, — какие болты подтягивать и регулярно проверять, *тле* смазывать цепные колеса, как подтягивать цепь, как наложить пластырь, когда шина спустилась от прокола.

«Тебе нужно его покрасить», — вспомнил он слова Эдди, но Билл не хотел красить Сильвера. Он даже себе не мог объяснить причину, но ему хотелось, чтобы его «Швинн» оставался таким, как есть. Он смотрелся как настоящая колымага, которую беззаботный ребенок регулярно оставлял на улице в дождь, которая трещит и скрипит. Он выглядел как колымага, но летал как ветер. Он...

— Он побеждал дьяволу, — говорит Билл вслух и смеется. Его попутчик внимательно пригляды-

вается к нему; у смеха — та же воющая оболочка, от которой у Одры побежали мурашки.

Да, Сильвер смотрелся не лучшим образом, с его облупившейся краской и старомодным багажником над задним колесом и рожком с черным резиновым пузырем; этот рожок постоянно прикрепляли к рулю ржавым болтом размером с детский кулак. Не лучшим образом.

Но как Сильвер ехал! Боже Это была, черт возьми, здоровская штука, потому что Сильвер спас жизнь Биллу Денбро на четвертой неделе июня 1958 года — через неделю после того, как он встретил Бена Хэнскома в первый раз, через неделю после того, как он, и Бен, и Эдди построили запруду, на той неделе, когда Бен, и Ричи Тозиер, и Беверли Марш объявились в Барренсе после субботнего утренника. Ричи ехал позади него, на багажнике Сильвера, в тот день, когда Сильвер спас жизнь Билла.., так что можно считать, что жизнь Ричи тоже. И он помнил дом, из которого они убегали, да. Он помнил его отлично. Тот проклятый дом на Нейболт-стрит.

В тот день он мчался на огромной скорости, чтобы обвести вокруг пальца дьявола; о да, конечно, разве вы не знаете. Дьявола с глазами блестящими, как старые монеты. Старого воло-

сатого дьявола с полным ртом окровавленных зубов. Но все это пришло потом. Если Сильвер спас жизнь Ричи и его собственную в тот день, тогда, возможно, он спас и жизнь Эдди Каспбрака в другой день, когда Билл *и* Эдди встретили Бена около раскуроченных остатков их запруды в Барренсе. Генри Бауэре, выглядевший так, как будто он вырвался из дурдома, разбил нос Эдди, а затем у Эдди разыгралась астма, а его аспиратор оказался пустым. И в тот день тоже Сильвер пришел на помощь.

Билл Денбро, почти семнадцать лет не садившийся на велосипед, выглядывает из окна самолета; нет, в 1958 году он бы ему не доверился. «Пошел, Сильвер, ДАВАААААЙ!» — думает он, вынужденный закрыть глаза, чтобы сдержать ручеек слез.

Что случилось с Сильвером? Он не может вспомнить. Та часть декорации еще в затемнении; тот прожектор еще не включен.

Возможно, это милосердие.

Пошел.

Пошел, Сильвер.

Пошел, Сильвер...

2

...ДАВАААААЙ! — закричал он. Ветер разрывал слова над его плечом, как развевающуюся креповую ленту. Они казались большими и сильными, те слова, они казались триумфальным ревом. И были единственными.

Он нажимал на педали на Канзас-стрит, направляясь в сторону города и медленно набирая скорость. Сильвер катился, как только его приводили в движение, но привести его в движение было двойной работой. Набирая скорость, серый вел был подобен большому самолету, катящемуся по взлетно-посадочной полосе. Сначала вы не верите, что такая огромная ковыляющая штуковина сможет когда-нибудь оторваться от земли, — абсурд! Но затем вы видите ее тень внизу и не успеваете удивиться — не мираж ли это? Когда тень вытягивается, самолет уже вверху, он прорезает себе путь сквозь воздух, холеный и грациозный: мечта в удовлетворенном мозгу.

Сильвер был похож на самолет.

Билл ехал под гору и все сильнее нажимал на педали, его ноги работали вверх-вниз, в то время как он стоял на велосипедной вилке. Пару раз разбившись из-за этой вилки самым болезненным для мальчика местом, он теперь старался как можно выше задрать трусы перед тем, как сесть

на Сильвера. Позднее, тем же летом, наблюдая за этим процессом, Ричи говорил: «Билл делает это потому, что ему когда-нибудь захочется иметь нескольких детишек, которые будут похожи на его жену, верно?»

Они с Эдди до предела опустили сиденье, и теперь, когда он стоя работал педалями, оно ударялось о его поясницу и натирало ее. Какая-то женщина, вырывавшая сорняки в своем саду, прикрыв глаза рукой, посмотрела как он гонит. И слегка улыбнулась. Мальчик на огромном велосипеде напомнил ей обезьяну, которую она однажды видела катающейся на одноколесном велосипеде в цирке «Барнум и Бейли». «Однако ведь он может убиться, — подумала она, принимаясь за работу. — Этот велосипед для него слишком большой. Впрочем, это не ее проблемы».

3

Билл был не так глуп, чтобы вступать в спор с большими парнями, когда они пробились из кустов, похожие на охотников в дурном расположении духа, которые идут по следу зверя, успевшего покалечить одного из них. Однако Эдди необдуманно открыл свой рот, и Генри Бауэре

обрушился на него.

Билл, конечно, знал, кто они: Генри, Белч и Виктор были худшие из худших в школе. Они пару раз зверски избили Ричи Тозиера, с которым Билл немного дружил. Билл считал, что Ричи сам отчасти был виноват. Не зря его называли Затычка.

Однажды в апреле Ричи проехался по поводу их воротников, когда они трое проходили мимо него по школьному двору. Воротники у всех троих были подняты, как у Вика Морроу в «Школьных джунглях». Билл, который оказался рядом и апатично бросал стеклянные шарики, ничего толком не понял. Не понял и Генри, и его друзья.., но и того, что они услышали, было достаточно, чтобы повернуться в сторону Ричи. Билл подумал, что Ричи хотел это сказать потихоньку, но беда в том, что он не умел говорить тихим голосом.

— Что ты сказал, четырехглазый подонок? — спросил Виктор Крисс.

— Я ничего не сказал, — возразил Ричи, и этими его словами в сочетании с естественно испуганным лицом, возможно, все бы и ограничилось. Но рот Ричи был как наполовину укрощенная лошадь, в любой момент готовая понести. И этот рот добавил:

— Вам надо накопать серы из ушей. Нужна взрывчатка?

Минуту они стояли и смотрели на него, не веря, а потом погнались за ним. Заика Билл наблюдал за этим неравным состязанием с самого начала до естественного его завершения со своего места у школьной стены. Никаких чувств он не испытывал: те три обормота рады были бы избить двух мальчишек вместо одного.

Ричи бежал по диагонали через площадку для малышей, перепрыгивая через качели и лавируя там, и сообразил, что попал в тупик, только наткнувшись на изгородь, отделявшую площадку от парка, который примыкал к школьной территории. Он попытался было забраться на цепную ограду, и был уже довольно высоко, когда Генри и Виктор Крисс стащили его назад, — Генри держал его за куртку, а Виктор схватился за зад его джинсов. Ричи орал, когда они содрали его с ограды. Он ударился спиной об асфальт. Его очки слетели в сторону. Он потянулся за ними, а Белч Хаггинс пихнул, их ногой — и вот почему одна из дужек этим летом держалась на лейкопластыре.

Билл вздрогнул и прошел к передней части здания. Он видел, как миссис Моран, одна из учительниц четвертого класса, уже спешила вос-

становить порядок, но он знал, что они успеют избить Ричи до того, как она подойдет. Ричи будет реветь. Плакса, плакса, посмотрите на плаксу!

У Билла с ними почти не было проблем. Они, конечно же, смеялись над его заиканием. Насмешки иногда отдавали жестокостью; однажды, когда они шли завтракать в гимнастический зал, Белч Хаггинс вышиб из руки Билла его сумку с завтраком и растоптал ее своим саперным ботинком, раздавив все внутри.

«Ой-ей-ей-ей! — закричал в фальшивом ужасе Белч, поднимая руки и размахивая ими у лица. — Жжжжаль твой зззавтрак, ррржа!» И он пошел прочь к тому месту, где у двери комнаты для мальчиков наклонился к фонтанчику с водой Виктор Крисс, смеявшийся до колик в животе. Впрочем, ничего страшного в этом не было, Билл попросил поесть у Эдди Каспбрака, и Ричи рад был дать ему яйцо со специями, которые мать регулярно упаковывала ему на завтрак, и от которых, как он утверждал, его тошнило.

Нельзя было стоять у них на дороге: коль скоро не можешь себе позволить это — попытайся стать невидимым.

Энди забыл правила, поэтому они избили его. До прихода этих парней ему не было плохо, да

и когда они ушли, разбрызгивая воду, на другой берег тоже было еще терпимо, хотя из носа у него фонтаном текла кровь. Его носовой платок промок насквозь, и Билл дал ему свой и заставил его положить руку на затылок и откинуть голову назад. Билл помнил, что мать велела так делать Джорджу, у того иногда были носовые кровотечения...

О, но как больно думать о Джордже...

Только когда слоновье топанье парней утихло вдали и носовое кровотечение у Эдди фактически прекратилось, у него разыгралась астма. Он начал ловить ртом воздух, руки его то поднимались, то бессильно падали при дыхании — словно звук флейты слышался в горле.

— Черт! — Эдди задыхался. — Астма! Вот так штука!

Он потянулся за аспиратором и наконец вытащил его из кармана. Аспиратор выглядел почти как бутылка «Виндекса» с распылителем наверху. Он вставил его в рот и нажал зажим.

— Лучше? — спросил Билл озабоченно.

— Нет. Пустой. — Эдди посмотрел на Билла глазами, охваченными паникой, которые говорили: «Я попался, Билл! Я попался!»

Пустой аспиратор откатился от его руки. Речка

посмеивалась, ее ни в коей мере не заботило, что Эдди Каспбрак не может дышать. Билл рассеянно подумал, что те парни правы в одном: это в самом деле была запруда сопляков. Но они смеялись, черт возьми, и он почувствовал внезапную тупую ярость, что так должно было все кончиться.

— Успокойся, Эдди, — сказал он.

Минут сорок Билл сидел рядом с Эдди в надежде, что приступ астмы у него вот-вот кончится, но постепенно ожидание перешло в тревогу. К тому времени, когда появился Бен Хэнском, тревога стала реальным ужасом. Приступ не только не кончался, он становился хуже. И аптека на Центральной улице, где Эдди наполнял свой аспиратор, была почти в трех милях отсюда. Что, если он пойдет за заправкой для Эдди и, придя, найдет его без сознания? Без сознания или (Не дури, пожалуйста, не думай об этом) или даже мертвым, беспощадно настаивал его разум.

(как Джордж, мертв как Джордж) Не будь такой жопой! Он не умрет!

Нет, вероятно, нет. А что, если он вернется и найдет Эдди в глубоководной волне? Билл все знал о глубоководных волнах; он даже пришел к выводу, что их так называют из-за сходства с теми огромными волнами, на которых ребя-

та катаются на Гавайях, и это казалось вполне правдоподобным, — в конце концов, что такое глубоководная волна, как не волна, которая топит ваш мозг? На знахарских сеансах, таких, как сеансы Бена Кейси, люди всегда уходили в глубоководные волны и иногда оставались там, несмотря на брюзжащие крики Бена Кейси.

Поэтому Билл сидел здесь, понимая при этом, что он должен идти, что он не может принести пользу Эдди, оставаясь на месте, но и боясь оставить его одного. Иррациональное, суеверное чувство внушало ему уверенность, что Эдди скользнет в волну в ту самую минуту, когда он, Билл, повернется к нему спиной. Тут Билл посмотрел вверх по течению реки и увидел стоящего там Бена Хэнскома. Конечно он знал, кто такой Бен, — самый толстый мальчишка в любой школе имеет несчастье быть известным. Бен учился в параллельном классе. Билл иногда видел его на перемене, он держался обычно особняком в углу, глядя в книгу или поедая свой завтрак из сумки размером с бельевой мешок.

Глядя сейчас на Бена, Билл подумал, что он выглядит, пожалуй, даже хуже Генри Бауэрса. Поверить трудно, но это так. Билл никак не мог себе представить этих двоих в жестокой схватке

друг с другом. Волосы Бена — грязные клочья — стояли торчком. Его свитер превратился в сплошную рванину и был испачкан кровью и травой. Штаны на коленях были разодраны.

Бен увидел, что Билл смотрит на него и слегка отшатнулся, глаза его настороженно бегали.

— Нинвие уххходи! — закричал Билл. Он поднял руки вверх, ладонями наружу, показывая, что он безопасен. — Ниам нужна пппомощь.

Бен подошел ближе, все еще держась настороже. Он шел, и ноги не слушались его.

— Они ушли? Бауэре и те парни?

— Дддда, — сказал Билл. — Сссслушай, ммможешь ты остаться с моим дддругом, пока я пойду за его лекккарством? У него аааа...

— Астма?

Билл кивнул.

Бен подошел к остаткам запруды и страдальчески опустился на одно колено рядом с Эдди, который лежал навзничь с закрытыми глазами и тяжело вздымавшейся грудью.

— Который ударил его? — спросил наконец Бен. Он посмотрел наверх, и Билл увидел, что толстяка распирает тот же гнев, какой чувствовал он сам. — Это был Генри Бауэре?

Билл кивнул.

— С него станется. Давай, иди. Я останусь с ним.

— Сссспасибо.

— О, не благодари меня, — сказал Бен. — Ведь они набросились на вас из-за меня. Иди. Торопись. Я должен к ужину быть дома.

Билл ушел, больше ничего не сказав. А хорошо было бы сказать Бену, чтобы он не принимал это близко к сердцу — в том, что случилось Бен виноват был не больше, чем Эдди, который имел глупость открыть свой рот. Столкновение с такими парнями, как Генри и его приятели, было несчастным случаем, своего рода детским вариантом потопа, или смерча, или желчных камней. Хорошо было бы сказать это, но он, Билл, сейчас был в таком напряжении, что это заняло бы у него минут двадцать, а к тому времени Эдди мог бы соскользнуть в глубоководную волну (все это Билл узнал у доктора Кайси и доктора Кильдаре: вы никогда не входите в волну, вы всегда в нее соскальзываете).

Он пошел вниз по течению, и один раз обернулся назад. Бей Хэнском с суровым видом выбирал камешки из воды. Сначала Билл не мог сообразить, что он делает, а потом понял. Это был полевой склад. На случай, если они вернутся.

4

Барренс для Билла не был тайной. Этой весной он много играл здесь, иногда с Ричи, чаще с Эдди, иногда сам с собой. Всю местность он, конечно же, знал, он без проблем мог найти дорогу назад, на Канзас-стрит от Кендускеага — и сейчас нашел ее. Он вышел к деревянному мосту, где Канзас-стрит пересекала один из небольших безымянных протоков, который вытекал из дренажной системы Дерри и впадал в Кендускеаг ниже. Сильвер был спрятан под этим мостом, его руль привязан к одному из устоев моста мотком веревки, чтобы колеса не касались води.

Билл отвязал веревку, засунул ее в рубашку и с усилием вытащил Сильвера на мостовую, тяжело дыша и обливаясь потом, пару раз теряя равновесие и приземляясь на зад.

Но наконец он выбрался. Занес ногу над высокой вилкой.

И как всегда; когда он был на Сильвере, он стал кем-то еще.

5

— Пошел, Сильвер, ДАВАЙ!

Эти слова вышли откуда-то из глубины и звучали иначе, чем его нормальный голос, — это был

голос человека, которым он становился. Сильвер медленно набирал скорость, Билл стоял на педалях, его руки сжимали руль запястьями вверх. Он выглядел, как человек, пытающийся поднять невероятно тяжелую штангу. На шее выступили жилы. В висках пульсировали вены. Рот был напряженно приоткрыт, когда он преодолевал так знакомые ему вес и инерцию, силой разума заставляя Сильвера двигаться.

Как всегда, усилия оправдали себя. Сильвер покатился быстрее. Дома убегали назад по прямой, а не выпячивались, как раньше. Слева от него, где Канзас-стрит пересекала Джексон, освобожденная Кендускеаг становилась Каналом. После перекрестка Канзас-стрит быстро устремилась вниз к Центральной и Мейн-стрит, деловому району Дерри.

Улицы здесь пересекались часто, но на всех, к счастью для Билла, были надписи «Стоп»; мысль же о том, что водитель в один прекрасный день может удариться об одну из этих надписей, быть раздавленным и стать кровоточащей тенью на этой улице, никогда не приходила Биллу в голову. Впрочем, маловероятно, чтобы он изменил свой маршрут, если бы она и пришла. Не исключено, что это бы случилось рано или поздно в

его жизни, но эта весна и раннее лето были для него очень уж странным и мрачным временем. Бен бы удивился, если бы кто-нибудь спросил его, одинок ли он; Билл точно так же был бы поражен, если бы кто-нибудь спросил его, не ищет ли он смерти. «Кконечно, инет!» – немедленно (и негодующе) ответил бы он, но это не изменило бы того факта, что его поездки на Канзас-стрит стали с приходом весны все более и более походить на психические атаки.

Эта часть Канзас-стрит называлась Ап-Майл-Хилл. Билл взял подъем на полной скорости, склонился над рулем Сильвера, чтобы уменьшить сопротивление ветра, одна рука его лежала на треснувшем резиновом пузыре рожка, чтобы предупредить зеваку, рыжие волосы развевались на ветру мягкой волной. Жилые дома справа уступили место деловым зданиям (в основном склады и фабрики-мясоукладчики), которые проносились мимо в жутком, но радующем рывке. В уголке глаз слева мелькал Канал.

— ПОШЕЛ, СИЛЬВЕР, ДАВАЙ!

— кричал он, как победитель.

Сильвер пролетел над первым бордюром, и его ноги — как почти всегда в этом месте — потеряли контакт с педалями. Он был свободен, полностью

во власти Бога, которому определена работа защищать маленьких мальчиков. Он углубился в улицу, делая миль на пятнадцать в час больше разрешенной скорости в двадцать пять.

Сейчас все было позади него: его заикание, пустые, подернутые болью глаза его отца, когда он бесцельно ходил по своей мастерской в гараже, ужасное зрелище пыли на крышке закрытого пианино наверху, потому что мама больше не играла. Последний раз она играла на похоронах Джорджа — три методистских гимна. Джордж, вышедший в дождь в своем желтом дождевике, с корабликом на парафине; мистер Гарднер, поднимающийся по улице через двадцать минут с телом, завернутым в запачканное кровью одеяло; исполненный муки крик матери. Все позади него. Он *был*Одинокий Скиталец, он был Джон Вейн, он был Бо Дидли, он был всем, кем угодно, только не тем, кто кричал и боялся и требовал мммаму.

Сильвер летел, и с ним летел Заика Билл Денбро; их тень, похожая на портал крана, летела позади них. Они вместе гнали с Майл-Хилл. Ноги Билла нашли педали, и он начал работать ими, чтобы ехать быстрее, быстрее, чтобы достичь какой-то гипотетической скорости — не звука, а памяти — и разбить болевой барьер.

Он продолжал гнать, склонившись над рулем; он гнал, чтобы выиграть у дьявола.

Быстро приближалась трехосевое пересечение — Канзас. Центральный и Мейн. Это был кошмар одностороннего движения, и противоречивые надписи и стоп-сигналы, которые должны были выдерживаться по времени, но в действительности не выдерживались. Результатом, итогом, как заявила редакционная статья «Дерри Ньюз» за год до этого, была транспортная развязка, зачатая в аду.

Как всегда, глаза Билла улавливали все справа и слева, быстро оценивая транспортный поток, выискивая разрыв в нем. Если бы он ошибся в оценке — можно сказать, заикнулся, — он был бы серьезно ранен или убит.

Он стрелой вонзился в медленно движущийся поток, который создавал пробку на перекрестке, двигаясь на красный свет и съезжая направо, чтобы не врезать в «Бьюик» с иллюминатором. Он быстро оглянулся через плечо: свободна ли средняя полоса. Он снова посмотрел вперед и увидел, что через какие-нибудь пять секунд врежется в зад пикапа, который остановился как раз посередине перекрестка, пока тип за рулем, вытянув шею, старался прочитать все надписи и

удостовериться, что он сделал правильный поворот и так или иначе попадет на Майами-Бич.

Полоса справа от Билла была занята внутригородским автобусом, следующим по маршруту Дерри — Бангор. Он проскользнул в этом направлении и заполнил разрыв между остановившемся пикапом и автобусом, все еще двигаясь со скоростью сорок миль в час. В последнюю секунду он резко отвел голову в сторону, как солдат, подобострастно делающий равнение направо, чтобы зеркало, установленное со стороны пассажира в пикапе не пересчитало ему зубы. Горячие выхлопные газы автобуса попали ему в горло, как глоток крепкого ликера. Он услышал тонкий пронзительный крик, когда руль его вела ударился об алюминиевый бок автобуса. Он мельком увидел шофера автобуса, лицо которого было мертвенно-бледным под его кепкой компании «Гудзон бас». Шофер показывал Биллу кулак и что-то кричал.

Вот трио пожилых леди пересекают Мейнстрит со стороны Нью-Инглэнд банка. Резкий звук заставил дам посмотреть вверх. Рты их открылись от удивления, когда мальчик на огромном велосипеде, как мираж пронесся мимо них на расстоянии полуфута.

Самое худшее — и самое лучшее — теперь было позади. Он посмотрел в глаза собственной смерти и снова нашел, что он живучий. Автобус не раздавил его; он не убил себя и трех пожилых леди с их хозяйственными сумками и чеками социального страхования; обошлось все и с пикапом. Теперь он ехал в гору, скорость убыла, и с ней убыло еще что-то — о, можете назвать это желанием.

Все мысли и воспоминания опять охватили его — привет, Билл, парень, мы потеряли было тебя из виду, но вот мы снова здесь; они забирались к нему по рубашке, прыгали в уши и со свистом проносились у него в голове, — так малыши катаются с горки. Он чувствовал, как они занимают свои привычные места, их возбужденные тела сталкиваются друг с другом. Ага! Вот! Мы снова в голове Билла! Давай думать о Джордже! О'кей! Кто хочет начать?

Ты слишком много думаешь, Билл.

Нет — не это было проблемой. Проблема состояла в том, что он слишком много воображал.

Он повернул на Ричард-аллею и через несколько минут выехал на Центральную улицу, медленно нажимая на педали и чувствуя пот на спине и на волосах. Он слез с Сильвера перед аптекой и вошел внутрь.

6

До смерти Джорджа Билл обычно находил общие темы для разговора с мистером Кином. Аптекарь не то, чтобы был добр — так Билл не думал, — но он был достаточно терпелив, он не дразнил, не высмеивал. Но сейчас Билл заикался еще больше и он действительно боялся, что задержись он, что-нибудь может случиться с Эдди.

Поэтому, когда мистер Кии сказал: « Привит, Билл Денбро, чем могу быть полезен?», Билл взял проспект, рекламирующий витамины, перевернул его и написал сзади: «Эдди Каспбрак и я играли в Барренсе. У него страшный приступ астмы, то есть он едва может дышать. Не дадите ли вы мне наполнитель к его аспиратору?»

Он подтолкнул записку через застекленную стойку мистеру Кину, который прочитал ее, посмотрел на Билла серьезными глазами и сказал:

— Конечно. Подожди прямо здесь и не трогай то, что не нужно.

Билл нетерпеливо переминался с ноги на *йогу,* пока мистер Кин был за задней стойкой. Хотя он пробыл там менее пяти минут, Билли показалось это вечностью; наконец он вернулся с одним из пластмассовых баллончиков Эдди. Он вручил его Биллу, улыбнулся и сказал:

— Это решит проблему.

— Сссспасибо, — сказал Билл. — У меня нет д-д-д-денег...

— Ничего, садкие. Миссис Каспбрак имеет здесь счет. Я просто добавлю это. Уверен, она захочет поблагодарить тебя за твою доброту.

Билл облегченно поблагодарил мистера Кина и быстро вышел. Мистер Кин тоже вышел из-за стойки, чтобы посмотреть, как он поедет. Он видел, как Билл бросил аспиратор в велосипедную корзину и неуклюже забрался на свою машину. «Он действительно умеет ездить на таком большом велосипеде? — удивлялся мистер Кин. — Сомневаюсь, я очень сомневаюсь в этом». Но мальчишка Денбро не свалился и медленно нажал на педали. Велосипед, который казался мистеру Кину чьей-то шуткой, вихлял из стороны в сторону. Аспиратор в корзине перекатывался взад-вперед.

Мистер Кин ухмыльнулся. Если бы Билл увидел эту ухмылку, она была бы лишним подтверждением его мнения, что мистер Кин отнюдь не является одним из самых приятных людей в мире. Это была мрачная ухмылка человека, который открыл для себя многое достойное удивления, но почти ничего, чтобы изменить положение

вещей. Да, он добавит стоимость противоастматического медикаментозного средства Эдди в счет Сони Каспбрак, но она, как всегда, будет удивлена, и скорее подозрительна, чем благодарна, что оно такое дешевое. «Другие лекарства такие дорогие», — говорила она. Мистер Кин знал, что миссис Каспбрак — одна из тех, кто считает, что ничего дешевое не может принести пользу человеку. Он, действительно мог бы ее нагреть на «Гидрокс Мист» для ее сына, и порой впадал в искушение.., но зачем ему наживаться на глупости женщины?

Не помрет же он с голоду, в самом деле.

Дешевое? О, да. «Гидрокс Мист» («Применяется по показаниям» — напечатано аккуратно на ярлычке, который он наклеил на каждый флакончик для аспиратора) был удивительно дешевым, но даже миссис Каспбрак была вынуждена признать, что он успокаивает приступ астмы у сына, несмотря на дешевизну. Лекарство было дешевым потому, что оно было ничем иным, как сочетанием водорода и кислорода и чуточки камфары, для придания ему слабого медикаментозного привкуса.

Другими словами, лекарством от астмы Эдди была вода из-под крана.

7

Обратно Билл добирался дольше, потому что он ехал в гору. В нескольких местах приходилось слезать с Сильвера и толкать его. У него просто не хватало мускульной силы, чтобы заставить велосипед подниматься на крутые склоны.

К тому времени, когда он спрятал велосипед и пошел назад к ручью, было десять минут пятого. Через его голову прошли все самые мрачные мысли. Бен Хэнском сбежал, оставив Эдди умирать.

Или могли возвратиться те бандиты и избить их... Или.., самое худшее.., тот человек, который зверски убивал детей, мог разделаться с одним иди с обоими. Как он разделался с Джорджем.

Он знал, что по поводу этого было много сплетен и размышлений. Билл был заикой, но он не был глухим, хотя иногда, по-видимому, его считали глухим, так как говорил он только в случае острой необходимости. Одни полагали, что убийство его брата не соотносилось с убийством Бетти Рипсом, Шерил Ламоники, Мэтью Клементе и Вероники Гроган. Другие утверждали, что Джордж, Рипсом, Ламоники были убиты одним человеком, а двое других — работа убийцы-двойника. Третьей точкой зрения было, что мальчики убиты одним человеком, девочки — другим.

Билл считал, что все они убиты одним и тем же человеком.., если это был человек. Он иногда размышлял над этим. Как размышлял этим летом и о своих чувствах относительно Дерри. Было ли это следствием смерти Джорджа, того, что его родители, казалось, игнорировали его теперь, были настолько убиты своим горем, что просто не замечали: он, Билл, пока еще жив и может покалечиться? Может быть причиной были многочисленные убийства? Голоса, которые нашептывали ему (голоса эти не были вариациями его собственного голоса, — они не заикались, были спокойны и уверены) , советовали делать одно и не делать другое? Это заставило его увидеть Дерри другими глазами? Потому город стал угрожающим, неизведанные улицы не манили, а, казалось, зевали в какой-то зловещей тишине? Потому многие лица выглядели таинственными и испуганными?

Он не знал точно, но считал, как считал, что все убийства были работой одной силы, что Дерри действительно изменился, и что смерть его брата была сигналом к началу этих перемен. Мрачные предположения в его голове исходили из потаенной мысли, что теперь в Дерри может случиться все что угодно. Все что угодно.

Но, когда он, обойдя последнюю излучину, увидел мальчиков, там все выглядело спокойно. Бен Хэнском сидел рядом с Эдди. Голова Эдди теперь была опущена, руки болтались между кален, он все еще дышал с присвистом. Солнце село достаточно низко и отбрасывало через речку длинные зеленоватые тени.

— Ты очень быстро, — сказал Бен, вставая. — Я ожидал тебя не раньше, чем через полчаса.

— У меня бббыстрый вввелик! — с некоторой гордостью сказал Билл.

Какое-то мгновение они смотрели друг на друга настороженно, подозрительно. Затем Бен попробовал улыбнуться, и Билл улыбнулся в ответ. Парень был толстый, но казался нормальным. И он остался. Это потребовало достаточно мужества, ведь Генри со своими дружками-головорезами может рыщет где-нибудь поблизости.

Билл подмигнул Эдди, который смотрел на него с немой благодарностью.

— Ввввйот, Ээээдди. — Он бросил ему аспиратор.

Эдди засунул его в открытый рот, нажал зажим и судорожно глотнул воздух. Затем он с закрытыми глазами откинулся назад. Бен смотрел на него с беспокойством.

— Черт! Ему действительно было плохо, да?

Билл кивнул:

— Я испугался, — сказал Бен низким голосом. — Что делать, думаю, если у него начнутся конвульсии или что-то в этом роде. Пытался вспомнить ту чушь, которую нам рассказывали на собрании Красного Креста в апреле. И единственное, что припомнил, — положить палку в рот, чтобы он не откусил язык.

— Это наверное для эээээпилептиков.

— Да, конечно. Я думаю, ты прав.

— Так или иначе, у него не будет конвульсий, — сказал Билл.

— это лллекарство поможет ему. Сссмотри.

Тяжелое дыхание Эдди смягчилось. Он открыл глаза и посмотрел на них.

— Спасибо, Билл, — сказал он. — Это был настоящий кошмар.

— Мне кажется, он начался, когда они разбили тебе нос, а? — спросил Бен.

Эдди грустно засмеялся, встал и сунул аспиратор в задний карман.

— Я даже не думал о своем носе. Я думал о мамаше.

— Да? Действительно? — спросил Бен удивленно; его рука дотронулась до разодранного свитера

и нервно забегала.

— Она только увидит кровь на рубашке и в пять секунд отведет меня в травмопункт.

— Зачем? — спросил Бен. — Ведь кровь остановилась? Боже, я помню одного парня, с которым я был в детском саду. Скутера Моргана. Он разбил нос, когда упал с перекладины. Его взяли в травмопункт, но только чтобы остановить кровотечение.

— Да? — спросил Билл, заинтересовавшись. — Он умммер?

— Нет, но он не ходил всю неделю.

— Не имеет значения, остановилась кровь или нет, — мрачно сказал Эдди. — Так или иначе она поведет меня. Она подумает, что нос разбит и кусочки кости вонзятся в мозг или что-то в этом. роде.

— Ммммогут косточки попасть в твой ммозг? — спросил Билл. Это был поворот к самому интересному разговору за долгие недели.

— Не знаю. Если послушать мать, все может быть. — Эдди снова повернулся к Бену. — Она отводит меня в травмопункт раз или два в месяц. Я ненавижу это место. Однажды один санитар сказал, что они вынуждены просить ее вносить плату. Она была взбешена.

— Н-да, — сказал Бен. Он подумал, что мать Эдди, должно быть, действительно странная, не сознавая, что обе его руки теребят остатки свитера. — Почему ты не скажешь ей нет? Скажи что-нибудь наподобие этого: "Послушай, мама, я чувствую себя нормально, я хочу просто остаться дома и смотреть «Морскую охоту». Наподобие этого.

— Аааааа, — сказал Эдди безнадежно, и больше ничего.

— Ты Бен Хххэнском, ппправильно? — спросил Билл.

— Да. А ты Билл Денбро.

— Дда... Аэто... Ээээ...

— Эдди Каспбрак, — сказал Эдди. — Я терпеть не могу, когда ты заикаешься на моем имени. Оно у тебя звучит как Элмер Фадд.

— Пппрости.

— Ну я рад познакомиться с вами обоими, — сказал Бен. Это прозвучало жеманно и как-то неуклюже. Образовалась тишина. Но тишина не была неловкой. В ней они становились друзьями.

— Почему те парни преследуют тебя? — спросил Эдди.

— Они вввсегда пппреследуют ккого-нибудь, —

сказал Билл. — Я инненавижу тех пиздюков.

Минуту Бен молчал — главным образом, от восхищения перед тем, что Билл применил слово, которое мать Бена иногда называла Действительно Плохим Словом. Бен за свою жизнь никогда не сказал вслух Действительно Плохого Слова, хотя как-то написал его (малюсенькими буквами) на телефонном столике в День всех святых.

— Бауэре перестал сидеть рядом со мной на экзаменах, — сказал Бен наконец. — Он хотел списать мою работу. Я ему не дал.

— Ты, парень, должно быть, хочешь умереть молодым, — сказал Эдди восхищенно.

Заика Билл залился смехом. Бен резко посмотрел на него, но тут же понял, что смеются не над ним (трудно сказать, как он это понял, но он понял), и широко улыбнулся.

— Думаю, да, — сказал он. — Так или иначе ему предстоит учиться летом, ну они и устроили на меня засаду, и вот что получилось.

— Ттты ввыглядишь ттак, словно они уббили тебя, — сказал Билл.

— Я упал сюда с Канзас-стрит. Со стороны холма, — Бен посмотрел на Эдди. — Я, наверно, увижусь с тобой в травмопункте. Потому что, когда моя мамаша увидит мою одежду, она тоже

отведет меня туда.

На этот раз и Били, и Эдди прыснули от смеха, и Бен присоединился к ним. От смеха ему было больно в животе, но он все равно смеялся, пронзительно и немножко истерично. В конце концов он даже сел на насыпь и все смеялся и смеялся. Ему нравилось, как его смех звучит вместе с их смехом. Это был звук, который он никогда раньше не слышал: не просто смешанный смех — он слышал ею много раз — а смешанный смех, в котором была его собственная часть.

Он посмотрел на Билла Денбро, их глаза встретились, и это было все, что требовалось, чтобы заставить обоих засмеяться снова.

Билл подтянул свои штаны, отбросил воротник рубашки, начал сутуло и неуклюже ходить смешной страусиной походкой. Его голос сильно упал, и он сказал:

— Я убью тебя, парень. Не неси чушь. Я тупой, но я большой. Я могу лбом щелкать грецкие орехи. Я могу писать уксусом и срать цементом. Меня зовут Лапушка Бауэре и я главный мерзавец в этом районе Дерри.

Эдди свалился на насыпь и катался по земле, хватаясь за живот и воя. То же самое делал Бен, потом просунул голову между голеней, из глаз у

него струились слезы, из носа длинными белыми дорожками висели сопли, он смеялся, как гиена, жестоко смеялся.

Билл сел с ними, мало-помалу все трое успокоились.

— Во всем этом есть одна положительная вещь, — сказал Эдди вскоре. — Если Бауэре будет в летней школе, мы его не часто будем встречать здесь.

— Вы много играете в Барренсе? — спросил Бен. Этот вопрос никогда бы за тысячу лет не пришел ему в голову из-за той репутации, которая была у Барренса, но теперь, когда он был здесь, Барренс казался ему не столь уж плохим. И правда, эта полоса низкой насыпи, когда день медленно подвигал ее к сумеркам, выглядела очень приятно.

— Дда. Здесь ппотрясно. Оообычно нникто не ббеспокоит нас ззздесь. Ммы часто ссюда ссбегаем. Ббббауэрс и те дддругие ппарни в принципе сюда не пприходят.

— Ты и Эдди?

— Рррр — Билл качал головой. Его лицо собралось в узел, как мокрая тряпка, когда он заикался, заметил Бен, и вдруг ему пришла в голову странная мысль: «Билл совсем не заикался, когда он высмеивал Генри Бауэрса».

— Ричи! — воскликнул Билл, и после паузы продолжил, — Ричи Тозиер обычно пприходит тоже. Но сегодня они с оттцом собирались чистить свой чччердак.

— Чердак, — перевел Эдди и бросил камешек в воду. Плюм!

— Да, я его знаю, — сказал Бен. — Вы, ребята, часто сюда ходите? — Эта мысль заворожила его и заставила чувствовать какое-то глупое желание.

— Дддостаточно часто, — сказал Билл. — Пппочему бы ттебе не пприйти сюда ззавтра? Я и Эдди шпкмщтались ббы сделать заапруду.

Бен ничего не сказал. Он был удивлен не только самим предложением, но и тем, с какой простотой и небрежностью оно было сделано. — Может стоит построить что-нибудь другое, — сказал Эдди. — Запруда не так уж и хороша была.

Бен встал и пошел к протоку, стряхивая грязь со своей огромной задницы. По обе стороны протоки все еще лежали кучи маленьких веток, но все остальное, что они сложили вместе, унесло водой.

— Вам нужно несколько досок, — сказал Бен. — Возьмете доски и поставите их в ряд.., друг напротив друга.., как хлеб в сэндвиче.

Билл и Эдди смотрели на него озадаченные. Бен

опустился на колено.

— Глядите, — сказал он. — Доски здесь и здесь. Вы втыкаете их в русло протоки друг против друга, О'кей? Затем быстро, чтобы вода их не смыла, вы заполните пространство между ними камнями и песком.

— Мммы, — сказал Билл.

— Что?

— Мы сделаем это.

— О, — сказал Бен, чувствуя (и выглядя, он был уверен) себя страшно тупым. Но ему было наплевать, как он выглядит, потому что он вдруг почувствовал себя очень счастливым. Он не мог даже вспомнить, когда в последний раз был счастлив. — Да. Мы. Так или иначе, если вы — мы — наполним пространство между досками камнями и прочим, запруда выдержит. Доска, которая выше по течению, будет опираться о камни и песок по мере того как вода будет скапливаться. Вторая доска отклонится назад и выпустит воду, я думаю, но если бы у нас была третья доска.., смотрите.

Он сделал на песке палочкой рисунок. Билл и Эдди Каспбрак наклонились и изучали его с живым интересом.

— Ты когда-нибудь раньше строил запруду? —

спросил Эдди.

Тон у него был уважительный, почти благоговейный.

— Нет.

— Тогда отткуда ты знаешь, что она будет рр-работать?

Бен посмотрел на Билла озадаченный.

— Конечно будет, — сказал он. — Почему нет?

— Но оттткуда ты зззнаешь? — спросил Билл. Бен почувствовал в интонации вопроса не саркастическое недоверие, а искренний интерес. — Как тты можешь ббыть увверен?

— Я просто знаю, — сказал Бен. Он посмотрел вниз на свой рисунок, чтобы самому удостовериться. Он *никогда я* жизни не видел водонепроницаемую перемычку, ни на чертеже, ни в действии, и не имел никакого представления о том, что он только что отлично воспроизвел ее.

— О'ккей, — сказал Билл и похлопал Бена по спине. — Ддо зззавтра.

— Во сколько?

— Я и Эээдди придем сюда к восьми ттридцати...

— Если мы с матерью не будем еще сидеть в травмопункте, — сказал Эдди и вздохнул.

— Я принесу несколько досок, — сказал Бен. — У

одного парня в соседнем квартале их полно. Я стрельну несколько.

— Принеси еще какого-нибудь провианта. — сказал Эдди. — Что-нибудь поесть. Знаешь, типа сэндвичей.

— О'кей.

— У тттебя есть ккакое-нибудь орружие?

— У меня есть духовое ружье «Дейзи», — сказал Бен. — Мама подарила мне его на Рождество, но она сходит с ума, если я стреляю дома.

— Ппринеси его, — сказал Билл. — Может быть, мы будем играть в войну.

— О'кей, — сказал Бен счастливо. — Слушайте, я должен мчаться домой, парни.

— Ммы ттоже, — сказал Билл.

Они втроем покинули Барренс. Бен помог Биллу поднять Сильвера на насыпь. Эдди плелся в хвосте, снова дыша с присвистом и с горечью глядя на свою запачканную кровью рубашку.

Билл сказал «до свидания» и нажал на педали, крича «Пошел, Сильвер, ДАВАЙЙЙ!» на пределе своих легких.

— Гигантский вел, — сказал Бен.

— Еще бы, — сказал Эдди. Он сделал еще одну затяжку из аспиратора и опять дышал нормально. — Он иногда возит меня на багажнике. Едет

так быстро, что из меня дух вон. Он хороший мужик, Билл. — Это последнее он сказал экспромтом, но его глаза говорили нечто более выразительное, значимое. Они были полны обожания. — Ты знаешь, что случилось с его братом, нет?

— Нет, а что с ним?

— Убили прошлой осенью. Какой-то парень убил его. Вырвал руку — прямо как вырывают крылышко у мухи.

— Боже мой!

— Билл — он обычно несильно заикался. Сейчас ужасно. Ты заметил, что он заикается?

— Да.., немного.

— Но его мозг не заикается — понимаешь, что я имей в виду?

— Да.

— Ну в общем я тебе это рассказал, потому что ты хочешь, чтобы Билл был твоим другом, а с ним лучше не заговаривать о его маленьком братишке. Не задавай ему вопросов. Он от этого весь съеживается.

— Господи, еще бы, — сказал Бен. Он теперь, смутно вспомнил о маленьком мальчике, которого убили прошлой осенью. Интересно, думала ля мать о Джордже Денбро, когда давала ему часы,

которые он теперь носил, или о более ранних убийствах. — Это случилось сразу после большого наводнения?

— Да.

Они дошли до угла Канзас и Джексон, где должны были разойтись. Тут и там бегали ребята, играя в салки и в бейсбол. Один смешной маленький паренек в больших белых шортах шел с сознанием собственной значимости за Беном и Эдди, катил хула-хуп и кричал: «Эгегей!»

Мальчишки посмотрели на него, удивленные, потом Эдди сказал:

— Ну, я должен идти.

— Подожди секунду, — сказал Бен. — У меня есть идея, если ты действительно не хочешь идти в травмопункт.

— Да? — Эдди посмотрел на Бена в сомнении, но с надеждой.

— У тебя есть пятицентовик?

— У меня есть десятицентовик. А что?

Бен рассматривал высыхающие темно-бордовые пятна на рубашке Эдди.

— Зайди в магазин и купи шоколадное молоко. Пролей примерно половину себе на рубашку. А когда придешь домой, скажи маме, что ты все .его пролил.

Глаза Эдди прояснились. За четыре года, с момента смерти отца, зрение матери значительно ухудшилось. Из-за самолюбия (и потому, что она не умела водить машину) она отказалась от консультаций с окулистом и не хотела носить очки. Высохшие пятна крови и пятна от шоколадного молока выглядели почти одинаково. Может быть...

— Это может сработать, — сказал он.

— Только не говори, что это моя идея, если все раскроется.

— Не скажу, — сказал Эдди. — Пока, аллигатор.

— О'кей.

— Нет, — сказал Эдди — когда я говорю так, ты должен ответить: «До скорого, крокодил».

— До скорого, крокодил.

— Понял. — Эдди улыбнулся.

— Ты что-нибудь имеешь в виду? — сказал Бен. — Вы на самом деле парни хладнокровные?

Эдди выглядел более чем смущенно, он явно нервничал.

— Билл хладнокровный, — сказал он и ушел.

Бен смотрел, как он шел до Джексон-стрит и затем повернул к дому.

Через три квартала он увидел три хорошо знакомые фигуры, стоящие на автобусной остановке

на углу Джексон и Мейн. Ему здорово повезло, они стояли к нему спиной. Бен нырнул за забор, сердце у него отчаянно билось. Через пять минут междугородный автобус Дерри — Ньюпорт — Хейвен остановился, Генри и его дружки вынесли свои зады с остановки и прыгнули внутрь.

Бен подождал, пока автобус не скрылся из поля зрения, и поспешил домой.

8

Той ночью с Биллом Денбро случилась ужасная вещь. Она случилась второй раз.

Его мама и папа были внизу и смотрели телевизор, почти не разговаривая друг с другом, сидя на разных концах кушетки, как столбики-подставки для книг. Было когда-то время, когда комната, где стоял телевизор, открывающаяся на кухню, полна была разговоров и смеха, и того и другого было так много, что порой невозможно было слушать телевизор.

— Замолчи, Джордж! — кричал обычно Билл.

— А ты прекрати жрать воздушную кукурузу, — отвечал обычно Джордж.

— Ма, заставь Билла дать мне воздушную кукурузу.

— Билл, дай ему воздушную кукурузу. Джордж,

не называй меня Ма. Ма — это похоже на блеянье овцы.

Или отец шутил, и они все смеялись, даже мама. Билл знал, что Джордж не всегда понимал эти шутки, но он тоже смеялся, потому что все смеялись.

В те дни мама и папа также были подставками для книг на кушетке, а он и Джордж были книгами. Уже после смерти брата Билл тоже старался быть книгой между ними, когда они смотрели телевизор, но это была холодная и неблагодарная работа. С двух сторон он ощущал холод, а дефростер Билла был слишком невелик, чтобы справиться с ним. И он должен был уходить, потому что этот холод замораживал его щеки, и от него у мальчика слезились глаза.

— Ххотите ппослушать шутку, которую я ссслышал сегодня в шшшколе?

— попытался он расшевелить их однажды, несколько месяцев назад.

Молчание. По телевизору преступник просил брата-священника спрятать его.

Отец Билла оторвался от журнала, который смотрел, и взглянул на Билла с мягким удивлением. Потом снова обратился к журналу. Там, на картинке, был изображен охотник, уставивший-

ся из сугроба на огромного ревущего полярного медведя. «Искалечен убийцей из Белых Пустынь» — так называлась статья. Билл подумал: «я знаю, где находятся белые пустыни, — между папой и мамой на этой кушетке».

Мама совсем не подняла головы.

— Это насчет того, сколько нужно французов, чтобы ввернуть лампочку, — начал Билл. Он почувствовал мелкую испарину на лбу, как бывало в школе, когда он знал, что учительница игнорировала его, пока могла, но скоро должна его вызвать. Он сказал это слишком громко, но казалось, не может понизить голос. Слова эхом отдавались в его голове, как сумасшедший перезвон, сжимаясь и изливаясь опять.

— Тты знаешь, ссколько?

— Один — чтобы держать лампочку, и четверо — чтобы повернуть дом, — равнодушно сказал Зак Денбро и перевернул страницу журнала.

— Ты что-то сказал, дорогой? — спросила мама, а в Театре Четырех звезд брат, который был священником, уговаривал брата, который был бандитом, признать свой грех и молиться о прощении.

Билл сидел, истекающий потом, но холодный — такой холодный! Было холодно, потому что

на самом деле он не был единственной книгой между ними двумя: Джордж все еще находился там, только теперь это был Джордж, которого он не мог видеть, Джордж, который никогда не просил воздушной кукурузы и не вопил, что Билл его обижает. Этот новый вариант Джорджа никогда не вырезал чертиков. Это был однорукий Джордж, бесцветно, задумчиво молчаливый в призрачном бело-синем мерцании «Моторолы», и, возможно, не от родителей, а от Джорджа исходит этот жуткий холод; возможно, это Джордж был настоящим убийцей с Белых Пустынь. В конце концов Билл убежал от холодного, невидимого брата к себе в комнату, где он лег лицом в постель и плакал в подушку.

Комната Джорджа оставалась такой же, какой была в день его смерти. Недели через две после похорон Зак положил игрушки Джорджа в картонную коробку, имея в виду отдать их то ли Доброй Воле, то ли Армии Спасения, то ли еще кому-то в этом роде, как считал Билл. Но, когда Шерон Денбро увидела, что он выходит с коробкой в руках, ее руки, как испуганные белые птицы, взвились к голове, зарылись в волосы и там замкнулись в кулаки. Билл при виде этого повалился на стену — сила вышла из него, ноги не

держали. Его мать выглядела сумасшедшей, как Эльза Ланкастер в «Невесте франкенштейна».

— Ты не посмеешь трогать его вещи! — кричала она хриплым голосом.

Зак вздрогнул и, не говоря ни слова, отнес коробку с игрушками обратно в комнату Джорджа. Он даже разложил их точно на тех же местах, с которых взял. Билл вошел и увидел, что отец стоит на коленях у кровати Джорджа (которую мать все еще меняла, хотя теперь только раз в неделю вместо двух) и головой зарылся в свои волосатые мускулистые руки. Билл увидел, что отец плачет, и это увеличило его ужас. Пугающая возможность вдруг пришла ему в голову: может быть предметы не просто выходят из строя и все, может они все продолжают и продолжают выходить из строя до тех пор, пока окончательно не разваливаются.

— Пппапа...

— Иди, — сказал отец. Его голос был приглушенный и дрожащий. Спина его вздрагивала. Билли страшно хотелось прикоснуться к его спине, а вдруг рука его сможет успокоить эти безутешные рыдания, но как-то не осмелился. — Иди, проваливай.

Он ушел, шатаясь и слыша, как мать рыдает

внизу на кухне. Звук был пронзительный и беспомощный. Билл подумал: «Почему они до сих пор плачут?» — а затем отшвырнул эту мысль.

9

В первую ночь летних каникул Билл вошел в комнату Джорджа. Его сердце тяжело билось в груди, ноги были ватными и неуклюжими от напряжения. Он часто приходил в комнату Джорджа, но это не значило, что ему здесь нравилось. Комната была так наполнена присутствием Джорджа, что казалась наводненной призраками. Он вошел, представляя себе, что дверца шкафа может скрипнуть в любой момент и Джордж окажется там среди рубашек и штанов, все еще аккуратно развешенных в нем, Джордж, одетый в дождевик, покрытый красными пятнами, дождевичок с одной болтающейся желтой рукой. Глаза Джорджа будут пустые и страшные, глаза зомби из фильма ужасов. Он выйдет из шкафа, и его галоши издадут скрип, пока он будет идти через комнату туда, где на его постели сидит Билл, замерзший сгусток ужаса...

Если бы это случилось когда-нибудь вечером, пока он сидел здесь, на кровати Джорджа, глядя на картинки на стене или на поделки наверху

комода, он был уверен, что сердечный приступ, возможно с фатальным исходом, последовал бы через десять секунд.

И все-таки он шел. Война с ужасом Джорджа-призрака была безмолвной, неотвязной необходимостью — жаждой; надо было как-то пройти через смерть Джорджа и найти достойный способ жить дальше. Не забыть Джорджа, но каким-то способом сделать его не таким чудовищно жутким. Он понял, что его родителям это не удавалось и что если он собирается сделать это для себя, то должен будет сделать это сам.

Он пришел не только для себя , он пришел и для Джорджа. Он любил Джорджа, и для братьев они ладили очень хорошо. О, у них были свои неприятные моменты — как-то Билл устроил Джорджу хорошую старую индейскую ловушку;

Джордж наябедничал на Билла, когда Билл, после того как выключил свет, спустился вниз и съел остатки глазури из лимонного крема, — но в целом они ладили. Плохо, что Джордж умер. Но превращение Джорджа в какую-то разновидность ужасного монстра — это было даже хуже.

Он потерял братишку, это правда. Потерял его голос, его смех; глаза Джорджа, так доверительно касающиеся его глаз, уверенные, что Билл имеет

ответы на все-все вопросы. Это он тоже потерял. И странное дело: временами он чувствовал, что больше всего любит Джорджа в своем страхе, потому что даже в своем страхе — тревожных чувствах, что зомби-Джордж может прятаться в шкафу или под кроватью, — он лучше помнил любовь Джорджа к себе и свою любовь к нему. В попытке примирить эти две эмоции — свою любовь и свой страх — Билл чувствовал, что он ближе всего к разгадке.

Он не мог бы говорить об этом, потому что считал свои мысли чем-то бессвязным и путанным. Но его теплое и страждущее сердце подсказывало ему такое решение, и это было главным.

Иногда он просматривал книги Джорджа, иногда изучал игрушки Джорджа.

В альбом фотографий Джорджа он не смотрел с прошлого декабря.

Теперь, ночью, после знакомства с Беном Хэнском, Билл открыл дверь шкафчика Джорджа (закаляя себя, как всегда, чтобы увидеть воочию самого Джорджа, стоящего в своем окровавленном дождевике среди висящей одежды, и ожидая, как всегда, увидеть, как мертвенная, с рыбьими пальцами рука высовывается из темноты, чтобы схватить его за руку) и взял с верхней полки

альбом.

«МОИ ФОТОГРАФИИ»

— гласила надпись золотом на обложке. Ниже, приклеенные клейкой лентой (лента теперь слегка пожелтела и шелушилась) — тщательно выведенные слова «ДЖОРДЖ ЭЛМЕР ДЕНБРО, 6 ЛЕТ». Билл взял альбом на кровать, на которой спал Джордж, и сердце его забилось учащеннее, чем обычно. Он не мог сказать, что снова заставило его взять альбом с фотографиями. После того, что случилось в декабре...

Второй взгляд — это все. Просто для того, чтобы убедиться, что первый не был реальным. Что в первый раз была просто игра его воображения.

Что ж, так или иначе, это была идея.

А если правда? Но Билл подозревал, что причина в самом альбоме. Он определенно обладал для Билла какими-то сумасшедшими чарами. То, что он видел, или то, что он думал, что видел...

Билл открыл альбом. Он был наполнен картинками, которые Джорджу дарили мать, отец, тетушки и дяди. Джорджу было все равно: были это портреты людей или мест, знакомых и незнакомых; его привлекала, очаровывала сама идея фотографии. Когда ему не удавалось ни у кого выпросить новые фотографии для коллек-

ции, он сидел на кровати, где сейчас сидел Билл, со скрещенными ногами и смотрел на старые, тщательно переворачивая страницы, изучая черно-белые снимки. Здесь была их мать, когда она была молодая и невероятно великолепная; вот их отец, ему не более восемнадцати, — один из трех улыбающихся молодых людей с ружьями, стоящих над тушей оленя, — у оленя открытые глаза; дядя Хойт на камнях со щуренком в руках; тетушка Фортуна на сельскохозяйственной ярмарке в Дерри с гордым видом опустилась на колени рядом с корзиной помидоров, которые сама вырастила; старый «Бьюик»; церковь; дом; дорога, ведущая откуда-то куда-то. Все эти картинки, снятые кем-то, по каким-то причинам были собраны здесь, в альбоме фотографий мертвого мальчика.

Здесь Билл увидел себя в три года на больничной койке с тюрбаном бинтов на голове. Бинты шли по щекам и под его сломанной челюстью. Его сбила машина на стоянке на Центральной улице. Он помнил очень немногое из своего пребывания в больнице, только то, что ему давали молочные коктейли с мороженым через соломинку и что у него три дня ужасно болела голова.

Здесь была вся семья на лужайке дома: Билл стоял возле матери и держал ее за руку, а Джордж,

еще совсем маленький, спал на руках Зака. А вот...

Это не был конец альбома, но это была последняя имевшая значение страница, потому что дальше шли пустые. Последняя фотография была школьным портретом Джорджа, снятым в октябре прошлого года, меньше чем за десять дней до его смерти. На Джордже была одета рубашка с вырезом на шее. Его непослушные волосы были прилизаны водой. Он широко улыбался, обнажая две пустые щели, в которых никогда не вырастут новые зубы. «Если они не будут продолжать расти после того, как ты умрешь», — подумал Билл и вздрогнул.

Он некоторое время внимательно смотрел на портрет и собирался уже закрыть альбом, когда то, что случилось в декабре, случилось снова.

Глаза Джорджа на портрете повернулись. Они встретились с глазами Билла. Искусственная фотографическая улыбка Джорджа превратилась в ужасный злобный взгляд. Его правый глаз подмигнул: скоро увидимся, Билл. В моем шкафу. Может быть, сегодня вечером.

Билл бросил альбом через комнату. Он зажал рот руками.

Альбом ударился о стену и упал на пол, откры-

тый. Страницы перевернулись, хотя не было никакого сквозняка. Альбом открылся сам, открылся на этом страшном портрете, портрете, под которым было написано: «ШКОЛЬНЫЕ ДРУЗЬЯ 1957-58».

Из портрета потекла кровь.

Билл сидел замороженный, его язык — распухающий душивший ком во рту, кожа покрылась мурашками, волосы поднялись. Он хотел кричать, но, казалось, жалкие ноющие звуки, выползающие из его горла, единственное, на что он был способен.

Кровь потекла через страницу и капнула на пол.

Билл выскочил из комнаты, с шумом захлопнув за собой дверь.

Глава 6. ОДНО ИЗ ИСЧЕЗНОВЕНИЙ. РАССКАЗ ИЗ ЛЕТА 1958 г.

1

Не все они были найдены. Нет, не все. И время от времени высказывались неверные предположения.

2

Из «Новостей Дерри» от 21 июня 1958 года. Первая страница:

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ МАЛЬЧИКА ПОРОЖДАЕТ НОВЫЕ СТРАХИ

Эдвард Л. Коркоран, с Чартер-стрит, дом 73, Дерри был объявлен пропавшим прошлой ночью его матерью, Моникой Маклин, и его отчимом, Ричардом П.Маклином. Коркорану десять лет. Его исчезновение вызвало в Дерри новые страхи, что убийца похищает детей.

Мисс Маклин сказала, что мальчик не приходил домой с 19 июня, — это был последний день перед каникулами.

На вопрос о том, почему они почти сутки воз-

держивались от заявления о пропаже, миссис и мистер Маклин отвечать отказались.

Шеф полиции Ричард Бортон тоже не стал комментировать это, но сотрудник-информатор Управления полиции сказал, что отношения между отчимом и сыном были весьма прохладные, и что сын часто не ночевал дома. Сотрудник полагает, что годовые отметки сыграли не последнюю роль в трагедии, случившейся с мальчиком.

Завуч школы Дерри Гарольд Меткальф уклонился от комментариев по поводу успеваемости мальчика, сославшись на то, что это не имеет значения.

«Я надеюсь, исчезновение мальчика не вызовет необоснованных страхов, — сказал вчерашней ночью шеф Бортон. — Настроение общественности, естественно, непростое, но я хочу подчеркнуть, что каждый год к нам поступает от 30 до 50 заявлений о пропаже. Большинство из пропавших оказываются живыми и здоровыми меньше чем через неделю после официального заявления. Дай Бог, чтобы так было и с Эдвардом Коркораном».

Бортон также подтвердил свое мнение о том, что убийство Джорджа Денбро, Бетти Рипсом, Шерил Ламоники, Мэтью Клементса и Вероники

Гроган — дело рук не одного человека.

«В преступлениях просматриваются существенные различия», — сказал Бортон, но от подробностей уклонился. Он сказал также, что местная полиция в тесном сотрудничестве с Главным детективным агентством делают все возможное. На вопрос в телефонном интервью, насколько успешно идет следствие, шеф полиции ответил: «Очень успешно». На вопрос, последуют ли какие-либо аресты Бортон отвечать отказался.

Из «НОВОСТЕЙ ДЕРРИ» за 22 июня 1958 года. (1-я страница)

ПРИКАЗ
ПРОИЗВЕСТИ СРОЧНУЮ ЭКСГУМАЦИЮ

Вчера районный прокурор Эрхард К. Моултон приказал произвести эксгумацию Дорси Коркорана в связи с таинственным исчезновением его брата Эдварда. Прокурор поступил так по просьбе отдела убийств и отдела медицинских заключений.

Дорси Коркоран тоже жил с матерью и отчимом на Чартер-стрит, 73, он умер в мае 1957 года, как считалось, от несчастного случая.

Мальчика привезли тогда в местную больни-

цу Дерри, он страдал от множества переломов, включая перелом черепа. Ричард П.Маклин был ответственным лицом. Он заявил, что мальчик играл на стремянке в гараже и, по-видимому, упал с ее вершины. Мальчик умер, не приходя в сознание, через три дня.

Эдвард Коркоран, которому десять лет, был объявлен пропавшим в эту среду. На вопрос, подозреваются ли миссис или мистер Маклин в убийстве или исчезновении мальчика, шеф полиции не стал отвечать.

Из «НОВОСТЕЙ ДЕРРИ» от 24 июня 1958 года. (1-я страница)

МАКЛИН АРЕСТОВАН ЗА ИЗБИЕНИЕ ДО СМЕРТИ И НАХОДИТСЯ ПОД ПОДОЗРЕНИЕМ

Шеф полиции Ричард Бортон созвал пресс-конференцию для журналистов, чтобы оповестить общественность, что Ричард П.Маклин арестован и ему предъявлено обвинение в убийстве своего приемного сына. Дорси Коркорана. Дорси скончался в местной больнице Дерри, как было объявлено, из-за несчастного случая. «В медицинском заключении написано, что ребенок был жестоко избит», — сказал Бортон. Хотя Маклин и заявил, что ребенок упал со стремянки, играя в

гараже, из медицинского заключения явствует, что ребенка избивали каким-то тупоконечным инструментом. На вопрос, что это мог быть за инструмент, шеф Бортон ответил: "Скорее всего, это был молоток. Но сейчас важнее медицинское заключение, из которого следует, что мальчика долго били достаточно тяжелым предметом с целью раздробить ему кости. Травмы, особенно травма черепа, несопоставимы по тяжести с возможными травмами при падении.

Дорси Коркоран был избит до полусмерти, а потом отправлен в больницу умирать".

На вопрос, не нарушили ли доктора свой долг, не предприняв все возможное, чтобы спасти мальчика, Бортон ответил: «Им зададут много серьезных вопросов, когда мистер Маклин явится в суд». На вопрос о том, как, по его мнению, все эти события связаны с недавним исчезновением старшего брата Дорси, Эдварда, о котором заявили четыре дня назад Ричард и Моника Маклин, шеф Бортон ответил: «Я думаю, здесь все гораздо серьезнее, чем показалось с первого взгляда, не так ли?»

Из «НОВОСТЕЙ ДЕРРИ» за 25 июня 1958 года. (2-я страница)

УЧИТЕЛЬНИЦА ГОВОРИТ. ЧТО ЭДВАРД

КОРКОРАН ЧАСТО БЫЛ В СИНЯКАХ

Генриетта Думонт, учительница пятого класса начальной школы Дерри на Джексон-стрит, сказала, что Эдвард Коркоран, которого ищут около недели, часто приходил в школу, покрытый синяками. Миссис Думонт, которая еще со времен Второй мировой войны преподает в пятых классах, сказала, что примерно за три недели до исчезновения, Коркоран пришел в школу «с маленькими щелками вместо глаз». Когда я его спросила, что случилось, он ответил, что отец немного вздул его за то, что он не хотел ужинать.

На вопрос, почему она не сообщила о таких, явно жестоких побоях, миссис Думонт сказала: «Это не первый такой случай в моей карьере учительницы. У меня был ученик, отец которого путал избиение с дисциплиной, я пыталась что-то предпринять, но заместитель директора Гвендолин Рейберн сказала мне, чтобы я лучше не вмешивалась. Она сказала, что когда учителя недовольны тем, как родители воспитывают детей, это обычно оборачивается для школы лишними финансовыми проверками. Я пошла к директору, и он посоветовал обо всем этом забыть, а иначе он вынесет мне выговор. И, не

переубедив меня, он объявил мне выговор».

На вопрос, осталось ли такое отношение к ученикам в школе в настоящее время, миссис Думонт ответила: «Ну как оно могло измениться, когда происходят такие события? Я могу только добавить, сказала она, что если бы я в этом году не уходила на пенсию, я бы вам ничего не рассказала».

«С тех пор я каждый вечер встаю на колени и молюсь Богу, — продолжала Миссис Думонт, — чтобы Эдди Коркорану надоел его зверь-отец и он ушел бы от него. Я молю Бога, чтобы Эдвард прочитал в газете или услышал где-либо, что его отца посадили в тюрьму, и он мог бы вернуться домой».

В непродолжительном телефонном интервью Моника Маклин горячо опровергла заявление миссис Думонт: «Риг никогда не бил ни Дорси, ни Эдди, — сказала она. — Я говорю вам это сейчас, и могу это повторить в здании суда, под присягой, смотря Богу прямо в лицо».

Из «НОВОСТЕЙ ДЕРРИ» за 28 июня 1958 года. (2-я страница) «ПАПА ВЫНУЖДЕН БЫЛ МЕНЯ ПРОУЧИТЬ, потому что я плохой». — сказал малыш

ВОСПИТАТЕЛЬНИЦЕ ПЕРЕД СМЕРТЬЮ ОТ

ПОБОЕВ

Воспитательница нулевого класса школы, которая просила не называть ее имя, рассказала вчера нашему корреспонденту, что маленький Дорси Коркоран пришел в школу, которую посещал два раза в неделю. с сильным растяжением большого пальца и еще трех пальцев на правой руке, меньше чем за неделю до его жестокой смерти в гараже. "Это причиняло ему сильную боль, так что бедный ребенок не мог раскрасить свой плакат, — сказала учительница. — Пальцы распухли и стали похожи на сосиски. Когда я спросила, что случилось, он ответил, что его отец (отчим Ричард П.Маклин) вывернул ему пальцы за то, что он ходил по попу, который его мать только что вымыла и натерла.

«Папа был вынужден меня проучить, потому что я плохой», — вот как он это объяснил. Я чуть не расплакалась, глядя на его бедные маленькие пальчики. Он действительно очень хотел раскрасить свой плакат, как и другие дети, поэтому я дала ему детский аспирин и позволила раскрашивать, пока другие дети читали. Он любил раскрашивать плакаты, больше всего любил, и я очень рада, что смогла ему доставлять маленькую радость в тот день. Когда он умер, мне и в голо-

ву не пришло, что это мог быть не несчастный случай. Прежде всего я подумала, кажется, что он упал со стремянки, потому что не мог как следует орудовать своей правой рукой. В тот момент я, наверно, даже поверить не могла, что взрослый может сделать такое с ребенком. Теперь же я верю. Молю Бога, чтобы не знать «такое».

Старший брат Дорси, Эдвард, до сих пор разыскивается. Ричард Маклин, находясь в тюрьме Дерри, продолжает отрицать какую-либо причастность к смерти своего младшего пасынка или к исчезновению старшего.

Из «НОВОСТЕЙ ДЕРРИ» от 30 июня 1958 года. (5-я страница)

МАКЛИН ПОДОЗРЕВАЕТСЯ В УБИЙСТВАХ ГРОГАН И КЛЕМЕНТСА

Приведены неоспоримые алиби, утверждают документы из «Новостей Дерри» от 6 июля 1958 г. (1-я страница):

По словам Бортона, Маклин обвиняется только в убийстве своего пасынка Дорси.

Эдварда Коркорана все еще ищут.

Из «Новостей Дерри» от 24 июля 1958 г. (1-я страница):

ПЛАЧУЩИЙ ОТЕЦ СОЗНАЕТСЯ В УБИЙСТВЕ

МОЛОТКОМ СВОЕГО ПРИЕМНОГО СЫНА

В драматическом развитии дела об убийстве Дорси Коркорана Ричард Маклин в здании окружного суда Дерри на перекрестном допросе сознался, что он убил своего четырехлетнего сына и назвал инструмент убийства — молоток с длинной ручкой, который он закопал в самом конце фруктового сада жены перед тем как отвести мальчика в травматологию деррийской местной больницы.

В комнате суда царила тишина и ошеломление, пока плачущий Ричард Маклин, уже сознавшийся в избиениях своих приемных детей, «если они этого заслуживали, для их же собственного блага», излагал свою историю.

— Я не знаю, что тогда со мной случилось. Я увидел, как он опять пезет на эту проклятую лестницу, и схватил молоток со скамейки, где он лежал, и только употребил его. Я не собирался убивать Дорси. Клянусь Богом, никогда я не собирался убивать его.

— Он сказал что-нибудь вам перед смертью? — спросил Витсам.

— Он сказал: «Не надо, папа, прости, я люблю тебя», — ответил Маклин.

— И вы остановились?

— В конечном счете, да, — сказал Маклин. И тут он начал рыдать, и у него началась истерика, так что судья Эрхард Моуптон вынужден был объявить перерыв.

Из «Новостей Дерри» от 18 сентября 1958 г. (16-я страница):

ГДЕ ЖЕ ЭДВАРД КОРКОРАН?

Его приемный отец, которому грозит заключение от двух до десяти лет в национальной тюрьме Шоушенк за зверское убийство своего четырехлетнего приемного сына Дорси, по-прежнему продолжает утверждать, что не имеет ни малейшего понятия', где находится Эдвард Коркоран. Мать Эдварда, которая уже подала в суд на развод с Ричардом П.Маклином, сказала, что ее бывший муж врет.

Действительно так?

"Лично я так не думаю, — говорит отец Эшли О'Брайен, который обслуживает католиков в тюрьме Шоушенк. Ричард Маклин решил обратиться в католическую веру почти сразу же после заключения в тюрьму, и отец Брайен провел с ним много времени. «Он действительно искренне раскаивается в том, что сотворил», — продолжает отец О'Брайен, добавив, что, когда он

спросил Маклина, почему ему захотелось стать католиком, тот ответил: «Я слышал, у католиков есть акт покаяния, и мне очень нужно покаяться, иначе я попаду в ад, когда умру».

«Он сознает, что сделал младшему мальчику, сказал отец О'Брайен. — Если он что-нибудь сделал и старшему, то этого он не помнит. Что касается Эдварда, он считает, что его руки чисты».

Насколько чисты руки Ричарда Маклина в отношении его приемного сына Эдварда — вопрос, который продолжает волновать жителей Дерри, но с него абсолютно убедительно сняты подозрения в убийствах детей, которые произошли в последнее время.

Что касается первых трех убийств — он предоставил железное алиби: когда в конце июня, в июле и в августе были совершены следующие семь убийств, он находился в тюрьме.

Все десять убийств не раскрыты.

В эксклюзивном интервью «Новостям» на прошлой неделе Маклин вновь повторил, что он не имеет понятия, где находится Эдвард Коркоран.

«Я бил их обоих, — сказал он в мучительном монологе, который сопровождался всхлипываниями. — Я любил их, но я бил их. Я не знаю почему, так же как не знаю, почему Моника позволяла

мне это или почему она стала покрывать меня после смерти Дорси. Я думаю, я мог бы так же спокойно убить и Эдди, но клянусь перед Богом, перед Иисусом, перед всеми святыми рая, что я этого не сделал. Я знаю, как это нелепо выглядит, но я не убивал его. Я думаю, он просто убежал. Если это действительно так, то я должен поблагодарить за это Бога».

На вопрос, есть ли у него провалы в памяти — мог ли он убить Эдварда, а потом выбросить это из головы, Маклин ответил: "У меня нет никаких провалов памяти.

Я очень хорошо знаю, что я делал. Я отдал свою жизнь Христу и буду пытаться в оставшееся мне время загладить свою вину".

Из «Новостей Дерри» от 27 января 1960 г. (1-я страница):

БОРТОН ЗАЯВЛЯЕТ, ЧТО НАЙДЕН ТРУП, КОТОРЫЙ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ТРУПОМ ЭДВАРДА КОРКОРАНА

Шеф полиции Ричард Бортон заявил сегодня утром репортерам, что сильно разложившийся труп мальчика в возрасте Эдварда Коркорана, который исчез из Дерри, где он проживал до июня 1958 года, не признан трупом Коркорана. Труп

был найден в Эйнесфорде, Массачусетс, закопанным в яму из гравия. Национальная полиция штатов Мэн и Массачусетс решила, что труп принадлежит Коркорану, которого прикончил маньяк после побега с Чертер-стрит, где находился его дом и где до смерти был избит его брат.

Исследования зубов ясно показали, что труп, найденный в Эйнесфорде, не принадлежит Коркорану, которого разыскивают уже девятнадцать месяцев.

Из «Пресс-Геральд» Портленда, 19 июля 1967 г. (3-я страница):

ОСУЖДЕННЫЙ
УБИЙЦА СОВЕРШАЕТ САМОУБИЙСТВО В ФЭЛМАУСЕ

Ричард П.Маклин, которого осудили за убийство своего четырехлетнего приемного сына девять лет назад, был найден мертвым вчера днем в своей маленькой квартире на третьем этаже в Фэпмаусе. Выпущенный под честное слово, он тихо жил и работал в Фэпмаусе со времени своего освобождения из национальной тюрьмы Шоушенк в 1964 году. Он несомненно совершил самоубийство.

«Записка, которую он оставил, четко отражает

крайне плохое состояние его ума», — сказал помощник начальника полиции Фэлмауса Брандон Кроч. Он отказался разглашать содержание записки, но служащий полицейского управления сказал, что в записке было только две фразы: «Вчера вечером я видел Эдди. Он был мертв».

Эдди — так звали хорошо известного приемного сына Маклина, брата мальчика, за убийство которого Маклин был осужден в 1958 году. Именно из-за исчезновения Эдварда Коркорана открылся факт убийства его младшего брата Дорси. Старшего брата ищут уже девять лет. На коротком судебном процессе в 1966 году мать мальчика объявила своего сына мертвым и поэтому смогла войти во владение страховыми счетами Эдварда. На счетах оказалось шестнадцать долларов.

3

Эдди Коркоран, естественно, был мертв.

Он умер ночью девятнадцатого июня, и его отчим действительно не имел к этому никакого отношения. Он умер, когда Бен Хэнском сидел дома и смотрел телевизор со своей матерью; когда мать Эдди Каспбрака с беспокойством щупала его лоб, чтобы найти признаки ее любимой болезни «фантомной лихорадки»; когда отчим Беверли

Марш, который имел во всяком случае по темпераменту, необычайное сходство с отчимом Эдди и Дорси Коркоранов, ударил Бев, приказав ей «немедленно убираться на кухню и вытирать эту проклятую посуду, как тебе сказала мать»; когца на Майка Хэнлона, вырывающего сорняки в саду возле своего дома на Витчем-роуд, неподалеку от фермы, принадлежащей психованному отцу Генри Бауэрса, орали парни из старших классов; когда Ричи Тозиер с удовольствием рассматривал полураздетых девиц в номере «Gem», который он нашел в ящике, где-то отец хранил носки и нижнее белье (весьма опрометчиво), и когда Билл Денбро отбросил альбом фотографий своего мертвого брата, не доверяя самому себе.

Хотя никто из них не вспомнит, что именно он тогда делал, но все они подняли глаза в тот самый момент, когда Эдди Коркоран умер.., как будто услышали какой-то отдаленный крик.

«Новости» были абсолютно правы относительно одной вещи: экзаменационный лист Эдди был достаточно плохим, и он боялся идти домой и столкнуться лицом к лицу со своим отчимом. К тому же его родители очень много ссорились за последний месяц. Это еще более все осложняло. Когда обстановка накалялась, его мать начинала

выкрикивать бессвязные обвинения. Его приемный отец сначала отвечал на это ворчанием, потом криком заткнуться и в конце концов ревом кабана, которому вонзились в рыло иглы дикобраза. Хотя Эдди ни разу не видел, чтобы он упражнял на ней свои кулаки. Вряд ли он мог отважиться на такое. В прежние дни он берег свои кулаки для Эдди и Дорси, а сейчас, когда Дорси был мертв, Эдди получал и свою долю, и долю своего маленького брата.

Эти шумные схватки имели свои циклы. Чаще всего они случались в конце месяца, когда приходили счета. Если дело принимало совсем дурной оборот, к ним раз-другой заскакивал полицейский, вызванный соседом, и просил их сбавить тон. Обычно на этом кончалось. Правда, мать имела склонность подначивать полицейского, но отчим обычно не перечил ему.

Отчим, по мнению Эдди, боялся полицейских.

В эти напряженные периоды он лежал тихо. Так было мудрее. Если не верите, вспомните, что случилось с Дорси. Эдди не знал деталей о Дорси и не хотел знать, но у него было свое представление об этом. Дорси, так он считал, оказался не там, где нужно и когда не нужно, — в гараже в последний день месяца. Эдди сказали, что Дорси свалился

с лестницы в гараже: «Ну ведь не единожды я ему говорил не подходи к ней, а шестьдесят раз говорил», — сказал отчим. Его мать не смотрела на него, только нечаянно.., когда глаза их таки встретились, Эдди уловил испуганный, жалкий, слабый отблеск в ее глазах, который ему не понравился. Старик как раз тихо сидел за кухонным столом с квартой «Рейнгольда», глядя в пространство из-под тяжелых опущенных век. Эдди держался вне поля его зрения. Когда отец орал, с ним обычно — не всегда, но обычно — было все в порядке. Вот когда он останавливался, надо было быть осторожным.

Два дня назад, ночью, он бросил стулом в Эдди, когда Эдди встал посмотреть, что идет по другой программе телевидения. Он просто поднял один из полых алюминиевых кухонных стульев, размахнулся им и запустил в Эдди. Удар угодил в зад и чуть повыше. Зад у него болел до сих пор, но ведь могло быть хуже — могла быть голова.

Потом как-то ночью старик вдруг встал и ни с того ни с сего втер пригоршню картофельного пюре в волосы Эдди. А однажды, в сентябре прошлого года, Эдди пришел из школы и с шумом закрыл за собой дверь, когда его отчим дремал. Маклин вышел из спальни в грубых боксерских

шортах, волосы у него стояли торчком, щеки заросли двухдневной щетиной, дыхание отдавало пивным перегаром после двухдневных возлияний. «Ну, Эдди, — сказал он, — я должен взяться за тебя, за то что ты хлопаешь этой дерьмовой дверью». В лексиконе Рича Маклина «взяться» было эвфемизмом «выбить из тебя дерьмо». Что он и сделал потом с Эдди. Эдди потерял сознание, когда старик бросил его в холл. Мать низко прибила там пару крючков, специально, чтобы они с Дорси вешали пальто. Эти жесткие стальные крючки врезались в нижнюю часть спины Эдди, и он отключился. Когда через десять минут он пришел в себя, то услышал, как мать кричит, что она поведет Эдди в больницу, и он не сможет удержать ее.

— После того, что случилось с Дорси? — отреагировал отчим. — Ты хочешь пойти в тюрьму, женщина?

Это был конец их разговора. Она помогла Эдди пройти в его комнату, где он, дрожа, лег в постель, лоб его был покрыт каплями пота. В следующие три дня, он единственный раз вышел из комнаты, когда оба они ушли. Он поплелся на кухню, охая и постанывая, и вытащил из-под раковины виски отчима. Несколько глотков притупили боль. К

пятому дню боль в основном ушла, но еще почти две недели он писал кровью.

И молотка в гараже больше не было.

Как насчет *этого?* Как насчет *этого,* друзья и близкие?

О, молоток Мастерового — обычный молоток — был все еще там. Не хватало «Скотти» с длинной ручкой. Особого молотка их отчима, молотка, который ему и Дорси запрещалось трогать. «Если вы дотронетесь до этого ребетенка, — сказал он им в тот день, когда купил его, — ваши кишки будут висеть на ваших ушах». Дорси робко спросил, очень ли дорогой этот молоток. Старик сказал ему, что он, черт возьми, со звуком. Что он наполнен шарикоподшипниками и его невозможно ни при каких условиях заставить отскочить назад.

Теперь молотка не было.

Оценки у Эдди были не блестящие, потому что он пропустил много занятий со времени второго замужества матери, но он ни в коем случае не был глупым мальчиком. Он полагал, что знает, куда делся молоток с длинной ручкой (без отдачи), «Скотти». Отчим, вероятно, попробовал его на Дорси, а затем захоронил в саду или, может быть, бросил в Канал. Такое часто случалось в комиксах ужасов, которые Эдди читал, комиксах, которые

он держал на верхней полке своего шкафчика.

Эдди подошел ближе к Каналу, который журчал между своими бетонными берегами, как промасленный шелк. Полоска лунного света в виде бумеранга мерцала на его темной поверхности. Он сел, болтая ногами и ударяя ими по бетону. Последние шесть недель было сухо, и вода текла футов на девять ниже драных подошв его спортивных туфель. Но если взглянуть поближе на берега Канала, то видно, что вода часто меняла там уровни. Нынешний уровень воды был отмечен темно-коричневой краской на бетоне. Коричневое пятно постепенно переходило в желтое, затем почти в белый цвет на том уровне, где прикасались пятки спортивных туфель Эдди, когда он болтал ногами.

Вода ровно и спокойно вытекала из бетонной арки, вымощенной булыжникам с внутренней стороны, текла мимо того места, где сидел Эдди, а затем вниз, к крытому деревянному мостику между Бассей-парком и средней Дерри. Стороны моста и дощатое основание, даже балки под сводом, все было сплошь покрыто узорами из инициалов, телефонных номеров, воззваний, разного рода; объявлений, касающихся любви; хотят «сосать» и «трахаться»; заявлений, что те, кого обнаружат

сосущими и трахающимися, потеряют свою крайнюю плоть или им заткнут жопы горячей смолой; случайными эксцентричными воззваниями, смысл которых был непонятен. Одно из них озадачило Эдди этой весной: «СПАСАЙТЕ РУССКИХ ЕВРЕЕВ! СОБИРАЙТЕ ЦЕННЫЕ НАГРАДЫ!»

Что конкретно это означало? И означало ли?

Сегодня вечером Эдди не пошел в Киссинг-Бридж. У него не было желания переходить на другую сторону. Он подумал, что, возможно, поспит в парке на опавших листьях под насыпью, но пока здорово было просто сидеть здесь. Он любил парк и приходил сюда часто, когда ему надо было подумать. Иногда в парке появлялись люди, но они не трогали Эдди, и он их не замечал. Он слышал мрачные истории на школьной площадке о странностях, которые происходили в Бассей-парке после захода солнца, и он принимал эти истории без всяких вопросов, но это никогда его не озадачивало. Парк был мирным местом, и он считал, что лучшая его часть была именно здесь, где он сейчас сидел. Ему нравилось бывать здесь в середине лета, когда вода, такая низкая, усмехаясь текла над камнями и разбивалась на отдельные ручейки, которые извивались, расходились и сходились снова. Он любил Канал

в конце марта или начале апреля, сразу после ледохода, тоща он обычно стоял у Канала (сидеть было слишком холодно, зад отмерзнет) час или больше, шкура его старой парки, из которой он уже года два как вырос, задиралась, руки были засунуты в карманы, и он не осознавал, что его тощее тело трясется и дрожит. Канал обладал ужасной, необоримой силой недели через две после того, как сходил лед. Эдди был очарован тем, как вода бурлит и клокочет, вздымая белую пену, мчится из-под покрытой булыжником арки, неся палки и ветки, и всякого рода человеческие отбросы. Не раз он представлял себе, как гуляет в марте по берегу Канала с отчимом и с огромной силой толкает туда ублюдка. Тот кричит и падает, раскинув руки для равновесия, а Эдди стоит на бетонном парапете и смотрит, как того несет потоком вниз по течению, его голова — что-то черное, болтающееся в середине белого, неистового, непокорного потока. А он, Эдди, наверху, приложив руки трубочкой ко рту, кричит: «ЭТО ЗА ДОРСИ, ВОНЮЧИЙ ПИДОР! КОГДА ТЫ ОКАЖЕШЬСЯ В АДУ, СКАЖИ ДЬЯВОЛУ, ЧТО ПОСЛЕДНЕЕ, ЧТО ТЫ УСЛЫШАЛ, ЭТО ЧТО Я СКАЗАЛ ТЕБЕ, ЧТОБЫ ТЕБЯ ЗАТРАХАЛИ!» Такое никогда не случится, конечно, но фантазия была

великолепная. Великолепная мечта — когда ты сидишь здесь у Канала и...

Какая-то рука приблизилась к ноге Эдди.

Он смотрел через Канал в направлении школы, улыбаясь сонной и прекрасной улыбкой, когда представил себе, как его отчима уносит бурным весенним потоком, навсегда уносит из его жизни. Мягкое, но довольно сильное пожатие напугало его так сильно, что он почти потерял равновесие и чуть не упал в Канал.

«Это один из чудиков, о которых говорят большие парни», -подумал он, и посмотрел вниз. Его рот открылся. Моча полилась жаркой струйкой по ногам и пачкая его джинсы черным при лунном свете. Это был не чудик.

Это был Дорси. Это был Дорси, такой, каким его похоронили, Дорси в своем голубом блейзере и серых штанишках, только теперь блейзер был в грязных клочьях, рубашка Дорси — желтые тряпки, штаны Дорси мокро болтались вокруг ног, тонких, как метловище. И голова Дорси была жутко *сложена,* как будто она была выдолблена в спине и постепенно протолкнута вперед.

Дорси широко улыбался.

«Эддиишии», -квакал его мертвый брат, подобно тем мертвецам, которые всегда возвращаются из

могилы в комиксах ужасов. Улыбка Дорси ширилась. Желтые зубы сверкали, а там, в темноте, казалось, что-то корчится.

«Эддишии... Я пришел повидать тебя Эдддддддиии...»

Эдди пробовал закричать. Волны ужаса накатили на него, появилось странное ощущение, что он плывет. Но это был не сон, он бодрствовал. Рука на тапке была белая, как брюхо форели. Босые ноги брата как-то цеплялись за бетон. Что-то откусило одну из пяток Дорси.

«Иди вниз Эддиииии...»

Эдди не мог кричать. Его легким не хватало воздуха. Он издал смешной пронзительный стонущий звук. Громче не получалось. Именно так. Через секунду-другую его мозг уснет и тогда ничто не будет иметь значения. Рука Дорси была маленькая, но жесткая. Зад Эдди сползал по бетону к краю Канала.

Все еще издавая этот пронзительный стонущий звук, он повернулся, схватился за бетонный край и подался назад. Он почувствовал, как рука моментально соскользнула, услышал сердитый свист и успел подумать: *«Это не Дорси. Я не знаю, что это, но это не Дорси».* Затем *адреналин наполнил его тело,* и он сполз, пытаясь бежать

даже перед тем, как встал на ноги; дыхание его перешло в короткий пронзительный свист.

На бетонных губах Канала появились белые руки. Послышался мокрый шлепающий звук. Капли воды стекали в лунный свете мертвой бледной кожи. Теперь над краем появилось лицо Дорси. Тусклые красные искорки мерцали в его запавших глазах. Его мокрые волосы приклеились к черепу. Грязь стекала по щекам, как косметика.

Наконец грудь Эдди раскрылась. Он поймал дыхание и обратил его в крик. Он встал на ноги и побежал. Он бежал, оглядываясь через плечо, желая увидеть, где Дорси, и в итоге с разбегу наткнулся на большой вяз.

Ощущение было такое, будто кто-то, его старик, например, заложил динамитный заряд в его левое плечо. Звезды стреляли и свербили в его голове. Он упал у подножия дерева, как подкошенный алебардой, кровь струилась из его левого виска. Он плыл водами полусознания в течение девяноста секунд. Затем он ухитрился опять встать на ноги. Стон вышел из него, когда он попытался поднять свою левую руку. Она не хотела подниматься. Немая и далекая. Поэтому он поднял правую и потер неистово болевшую голову.

Потом он вспомнил, зачем он бежал к вязу, и осмотрелся.

Край Канала был, как кость, белый, и как струна в лунном свете, прямой. Никакого признака ТОГО.., если когда-либо *было* ТО. Он повернулся, медленно повернулся на триста шестьдесят градусов. Бассей-парк был молчаливым и спокойным, как черно-белая фотография. Плакучие ивы тянули свои тонкие красивые руки, и все что угодно могло стоять, вывернутое и безумное, под их укрытием.

Эдди пошел, озираясь. Его ушибленное плечо болезненно пульсировало в такт с сердцем.

"Эддиишии, -стонал ветер в деревьях, *ты не хочешь меня видеть,* Эддиииии?"

Он чувствовал, как слабые пальцы трупа ласкают его шею. Он извивался, его руки поднимались вверх. Когда ноги его соединились вместе и он упал, то увидел, что это просто легкий ветерок шелестит листьями ивы.

Он снова встал. Он хотел бежать, но когда попытался это сделать, еще один динамитный заряд вошел в его плечо, и вынудил остановиться. Он каким-то задним чувством преодолел свой страх. «Глупый маленький ребенок, ты просто испугался отражения или, может быть, нечаянно

уснул и видел плохой сон», — уговаривал он сам себя. Хотя в действительности было совсем не так. Его сердце теперь билось так быстро, что он не различал отдельных ударов и чувствовал, что скоро это выльется в страх. Бежать он не мог, но выйдя из ив, хромая, сделал несколько шагов.

Он устремил глаза на уличную лампочку, которая отмечала главные ворота парка. Он направился туда, немного ускоряя шаг и думая: *«Сейчас я возьму налево, и все будет в порядке. Я возьму налево, и все будет в порядке. Яркий свет, не страшно, в ночь, какое зрелище...»*

Что-то сопровождало его.

Эдди слышал, как оно проходило через ивовую рощицу. Если бы он обернулся, он бы увидел. Оно подходило. Он мог слышать его шаги, какое-то фырканье, большие шаги, но он не смотрел назад, нет, он смотрел вперед на свет, свет был о'кей, он просто продолжает свой полет к свету, он был уже почти что там, почти...

Запах — вот что заставило его посмотреть назад. Ошеломляющий запах, как будто рыбу оставили гнить в большой куче, и она превратилась в скользкую падаль на летней жаре. Это был запах мертвого океана.

Теперь за гам не было Дорси; то было Существо

из Черной Лагуны. Рыло Существа было длинное и плиссированное. Зеленый поток выходил из черных пастей, похожих на вертикальные рты в его щеках. Его глаза были белые и желейные. Его сплетенные пальцы заканчивались когтями, острыми как бритвы. Его дыхание было пенящееся и глубокое, звук ныряльщика с плохим регулятором. Когда оно увидело, что Эдди смотрит, его зелено-черные губы сморщились, обнажив огромные клыке в мертвой и свободной улыбке.

Оно тащилось за ним, капая, и Эдди внезапно понял. Оно хотело утащить его обратно в Канал, унести его в черноту подземного прохода Канала. Сожрать его там.

Эдди прибавил шагу. Натриевый свет на воротах приближался. Он мог видеть жучков и мотыльков в его сиянии. Мимо прошел грузовик, направляясь к маршруту 2, водитель работал на большой скорости, и отчаявшийся, испуганный мозг Эдди пронзила мысль, что тот человек, быть может, пьет кофе из бумажного стаканчика и слушает по радио мелодию Бадди Холли, не сознавая, что менее чем в двухстах ярдах от него находится мальчик, который через двадцать секунд может быть мертв.

Вонь. Ошеломляющая вонь. Доберется.

Эдди перепрыгнул через парковую скамейку. Несколько ребят столкнули ее сегодня вечером, направляясь домой, чтобы успеть к комендантскому часу. Ее сиденье высовывалось на дюйм-два из травы, одна тень от зелени перекрывала другую, и сиденье было почти невидимо в завороженной лунной темноте. Конец его ударил Эдди в бедро, вызвав отчаянную боль. Его ноги плелись за ним, и он тяжело ступал по траве.

Он посмотрел назад и увидел устремляющееся к нему создание. Его белые яичные глаза блестели, его чешуйки капали слизью, жабры ходили вверх и вниз по его надутой шее, а щеки открывались и закрывались.

— *Кр!* -прокаркал Эдди. Казалось, это единственный звук, который он мог произнести — *Кр! Кр! Кр!*

Он теперь полз, пальцы глубоко входили в дерн. Язык его свисал вниз.

Через секунду перед тем, как мозолистые руки, пахнущие рыбой, схватили его за горло, успокаивающая мысль мелькнула в его голове: "Это *должно быть сон. Нет никакого настоящего Существа, нет настоящей Черной Лагуны, и даже если бы была, она была бы в Южной Америке или на равнинах Флориды, или где-то еще. Это только*

сон, и я проснусь в своей кровати или, может, в листьях под насыпью, и я..."

Жуткие руки обхватили его шею, и у Эдди вырвались хриплые звуки; когда Существо его перевернуло, крючки, которые отделились от этих рук, выводили кровоточащие, как каллиграфия, знаки на его шее. Эдди уставился в мерцающие белые глаза. Он чувствовал, как перепонки между пальцами давят ему на горло, словно стягивающие ленты живых морских водорослей. Его обостренный от ужаса взгляд отметил плавник, что-то наподобие петушиного гребня на согнутой обшитой металлическим листом голове Существа. Когда руки Существа плотно сжимались, лишая его воздуха, он даже смог увидеть, как белый свет натриевой лампы превратился в дымчато-зеленый, как будто он прошел через тот перегородчатый главный плавник.

— Ты.., ты.., тебя нет — задыхался Эдди, но нечто серое теперь приблизилось, и он смутно осознал, что оно достаточно реально, это Существо. Оно, в конце концов, убивало его.

И все-таки что-то рациональное осталось, до самого конца: когда Существо вонзило свои когти в мягкую плоть его шеи, когда кровь из сонной артерии забрызгала чешую рептилии, руки Эдди

нащупали на спине Существа как бы застежку-молнию. Они упали, только когда Существо оторвало ему голову с низким удовлетворенным бормотанием.

И тогда то, что видел Эдди, стало быстро изменяться во что-то другое.

4

Не в состоянии уснуть, мучимый плохими снами, мальчик по имени Микаэл Хэнлон встал едва рассвело в первый день летних каникул. Свет был бледный, смешанный с низким плотным туманом, который часам к восьми поднимется, сняв обертку с прекрасного летнего дня.

Но это потом. А сейчас день был серым и вставал тихо, как кошка, идущая по ковру.

Майк, одетый в вельветовые штаны, футболку и черные кеды, спустился вниз, съел миску пшеничных хлопьев (на самом деле он не любил пшеничные хлопья, но ему захотелось бесплатную награду), затем вскочил на свой велосипед и закрутил педали в направлении города, двигаясь из-за тумана по тротуару. Туман все изменил: самые обычные предметы, например пожарные гидранты или надписи «Стоп» выглядели как-то таинственно-странно и немножко зловеще.

Машины были слышны, но не видимы; из-за странного акустического свойства тумана нельзя было понять, далеко они или близко, пока они не выкатывались из тумана с призрачным ореолом влаги вокруг фар.

Майк повернул направо на Джексон-стрит, проехав мимо Центра города, и затем переехал на Майн-стрит по Пальмер-аллее и вскоре проехал дом, где будет жить взрослый. Он и не взглянул на него; это был маленький двухэтажный жилой дом с гаражом и двориком.

Он не вызвал никаких эмоций у проезжающего мальчика, который проведет там большую часть своей взрослой жизни как владелец и единственный жилец.

На Мейн-стрит он повернул направо и поехал в Бассей-парк просто так, катаясь и наслаждаясь тишиной раннего утра. У главного входа он слез с велосипеда, поставил его на упор и пошел к Каналу.

Он был уверен, что им двигал чистейший каприз. Разумеется, ему не приходило в голову, что его нынешний маршрут и его ночные сны — взаимосвязаны; он даже не помнил точно, что это за сны, — просто за одним следовал другой, пока он не проснулся в пять утра, весь в поту, дрожащий,

с мыслью, что он должен съесть завтрак и потом прокатиться на велосипеде в город.

Здесь, в Бассей-парке, в воздухе стоял запах, который ему не нравился: запах моря, соленый и старый. Конечно, он чувствовал его и раньше. В ранних утренних туманах в Дерри часто ощущается запах океана, хотя побережье находится в сорока милях. Но запах этим утром казался особо насыщенным. Почти опасным.

Что то привлекло его внимание. Он наклонился и подобрал дешевый карманный нож с двумя лезвиями. Кто-то сбоку вырезал инициалы Э.К. Минуту-другую Майк внимательно смотрел под ноги, затем положил его в карман. Что нашел, то храню, потеряю — плачу.

Он осмотрелся.

Здесь, рядом с местом, где он нашел нож, лежала опрокинутая парковая скамейка. Он поднял ее, установил железные опоры в отверстиях. За скамейкой он увидел Два углубления в земле. Трава выпрямилась, но эти углубления видны были отчетливо. Они шли в направлении Канала.

И была кровь.

(*птица помнить птица помнить пт)*Но он не хотел помнить птицу и поэтому отбросил эту мысль. *Драка, вот и все. Один из них, должно*

быть, очень сильно ударил другого. Это была убедительная мысль, которая его как-то не убеждала. Мысли о птице продолжали возвращаться — птице, которую он видел на чугунолитейном заводе Кичнера, птице, которую Стэн Урис так и не нашел в своем справочнике по орнитологии.

Прекрати. Просто уйди отсюда.

Но вместо того, чтобы уйти, он пошел за этими углублениями в земле. Шел, и мысленно сочинял маленькую историю. Это была история убийства. «Смотри, вот этот ребенок. Поздно. На улице после комендантского часа. Убийца хватает его. А как он избавляется от тела? Конечно, бросает его в Канал». *Прямо по Альфреду Хичкоку.*

Следы, по которым он шел, могли быть следами пары волочащихся ботинок или спортивных тапочек.

Майк вздрогнул и неуверенно осмотрелся. История как-то очень напоминала реальность.

*А предположим, что не, человек сделал это, а монстр. Как из комикса ужасов, или книги ужасов, или фильма ужасов, или (страшный сон)*сказки, или нечто подобного.

Он решил, что история ему не нравится. Это была глупая история. Он пытался выбросить ее из головы, но она не уходила. Ну что же? Пусть

остается. Она была безмолвна. Поездка в город утром была безмолвной. Исследование этих двух поросших травой углублений было безмолвным. У отца сегодня полно поденной работы. Он должен вернуться назад и начать работу, а когда наступит жара, надо скирдовать сено в сарае. Да, он должен вернуться. Именно это он и собирался сделать.

Конечно. Хотите пари?

Вместо того, чтобы возвращаться к велосипеду, сесть на него, поехать домой и начать свою поденщину, он пошел по углублениям в траве. Засохших капель крови становилось все больше. Хотя не так много. Не так много, как в том месте около скамейки, где была примятая трава.

Теперь Майк мог слышать Канал, текущий мерно и спокойно.

Через минуту он увидел его бетонный край, вырисовывающийся в тумане.

Здесь в траве было что-то еще. *Бог ты мой, что за день находок!* -говорил его разум с сомнительной веселостью, а затем где-то закричала чайка, и Майк вздрогнул, опять вспомнив птицу, которую он видел в тот день, в тот день нынешней весной.

Что бы это ни было в траве, я даже смотреть

не хочу. И это было верно, но он был здесь и он уже наклонялся, чтобы увидеть, что это.

Порванный клочок материи с каплей крови на ней.

Опять закричала чайка. Майк уставился на кровавый обрывок материи и вспомнил, что случилось с ним весной.

5

В течение апреля — мая ферма Хэнлона каждый год пробуждалась от зимней спячки.

Для Майка весна приходила ни тогда, когда под окнами маминой кухни появлялись первые крокусы, или когда дети приносили в школу всяких тварей, и даже ни тогда, когда вашингтонские сенаторы начинали бейсбольный сезон (и весьма честно терпели поражение), а только тогда, когда отец звал Майка, чтобы тот помог ему вытолкнуть из сарая их доморощенный комбайн. Передняя часть комбайна — это старая модель «Форда», задняя — пикап с прицепом, сооруженным из двери старого курятника. Если зима была не слишком холодной, им вдвоем удавалось вытолкнуть его на дорогу. В пикапе не было дверей, не было также ветрового стекла. Сиденьем служила половинка старого дивана, который Вилл

Хэнлон утащил со свалки Дерри. Ручка коробки передач заканчивалась стеклянным дверным набалдашником.

Они выталкивали комбайн на дорогу, стоя по сторонам его, потом его разгоняли, и Вилл запрышвал внутрь, включал зажигание, пытался подать искру, нажимал на сцепление, включал первую передачу своей большой рукой, лежащей на дверном набалдашнике. Затем он кричал: «Стукни меня по хребту!». И опять выжимал сцепление, и старый двигатель «Форда» кашлял, задыхался, пыхтел, давал обороты.., и иногда действительно начинал двигаться, шел сначала рывками, затем ровно. Вилл вырывался на дорогу к ферме Рулин, затем сворачивал на их дорогу (поедь он другой дорогой, ненормальный папаша Генри Бауэрса, возможно, размозжил бы ему башку выстрелом из ружья) и затем поворачивал обратно; освобожденный двигатель трещал без умолку, Майк прыгал от восторга, кричал, а его мама стояла в дверях кухни, вытирая руки о полотенце и делая вид, что она недовольна, хотя на самом деле это было не так.

Иногда машина не желала ехать, и Майк должен был ждать, пока отец выйдет из сарая с рукояткой для завода, что-то бормоча про себя.

Майк был совершенно уверен, что бормотав он ругательства, и тогда он побаивался отца (и только намного позднее, во время одного из бесконечных посещений больничной палаты, где умирал Вилл Хэнлон, он понял: отец бормотал, потому что боялся рукоятки для завода, однажды она вырвалась, вылетела из паза и разорвала ему рот).

— Стой там. Майки, — говорил отец, вставляя рукоятку в паз у основания радиатора. И когда машина наконец-то начинала двигаться, он обычно говорил, что в будущем году обязательно поменяет ее на"Шевроле", но никогда не менял. Этот гибрид старого «Форда» и пикапа все еще валялся у них дома, в сорняках, даже оси и двери курятника.

Когда машина шла и Майк сидел на месте пассажира, вдыхая горячее масло и синие выхлопные газы, приходя в восторг от резкого ветра, который рвался через незастекленное окно, где когда-то было ветровое стекло, но обычно думал: *«Вот и снова весна. Мы все пробуждаемся».* И в душе его поднималась радость, сотрясавшая стены обычно и без того радостного пространства. Он чувствовал любовь ко всему и вся, и особенно к отцу, который улыбался ему широкой улыбкой

и кричал:

— Давай, Майки!

Мы поднимем ветер этим малышом!

Мы заставим птиц искать укрытия!

Затем машина вырывалась на дорогу, задние ее колеса отплевывали грязь и серые комья глины, а они подпрыгивали на диванном сиденье в открытом кузове, смеясь как ненормальные. Вилл вел «Форд» через высокую траву заднего поля, предназначенного на сенокосы, либо к южному полю (картофель), западному полю (кукуруза и бобовые) или к восточному полю (горох, кабачки, тыква). Птицы вспархивали перед машиной и в ужасе разлетались. Однажды взлетела куропатка — великолепная птица, коричневая, как позднеосенний дуб, взрывной шелест ее крыльев не заглушал даже тарахтящий мотор.

Те поездки были для Майка началом весны.

Работа начиналась с уборки камней. Каждый день в течение недели они брали «Форд» и загружали его камнями, которые могли сломать лезвие бороны, когда придет время ворочать землю. Иногда машина застревала в весенней грязи, и Вилл мрачно бормотал.., проклятия, как догадывался Майк. Некоторые из слов и выражений он знал, другие, например «сын блудницы», озада-

чивали его. Он наткнулся на это слово в Библии, и понял, что блудница — это просто женщина, родом из города, называемого Вавилон. Как-то раз он настроился спросить об этом отца, но «Форд» был по днище в грязи, на челе отца собирались грозовые тучи, и он решил подождать до другого раза. Позднее, в том же году, он спросил об этом Ричи Тозиера, которому его отец объяснил, что блудница — это женщина, которой платили за то, что она занималась сексом с мужчинами.

— Что такое «заниматься сексом»? — спросил Майк, и Ричи ушел, держась за голову.

Как-то раз Майк спросил отца, почему, хотя они каждый год в апреле убирают камни, в апреле следующего года их становится еще больше.

Время было перед заходом солнца, это был последний день уборки камней в том году, они стояли у места свалки. Грязная разбитая колея, которую всерьез нельзя было назвать дорогой, вела от их западного поля к этому оврагу у берега Кендускеаг. Овраг был завален камнями, которые собирались с земли Вилла за все эти годы.

Глядя на эту неплодородную почву, которую он возделывал сначала один, а затем с помощью сына (где-то под камнями, он знал, были гниющие останки культей, которые он вытаскивал по

одной за раз, перед тем как начинать работу на полях), Вилл зажег сигарету и сказал:

— Мой отец обычно говорил мне, что Бог любит камни, мух, сорняки и бедных людей превыше всего из всех Его созданий, и вот почему Он сотворил их так много.

— Но каждый год они как будто возвращаются.

— Да, думаю, возвращаются, — сказал Вилл. — Только так я могу это объяснить.

Вдали с Кендускеага в сумеречном закате, сделавшем воду оранжево-красной, послышался крик гагары. Это был такой щемяще одинокий крик, что усталые руки Майка покрылись гусиной кожей.

— Я люблю тебя, папа, — сказал он вдруг, чувствуя такой прилив любви, что слезы выступили у него в глазах.

— Да, я тоже люблю тебя, Майки, — сказал отец и крепко стиснул его своими сильными руками. У своей щеки Майк чувствовал шершавую ткань фланелевой рубашки отца.

— Что ты скажешь на то, чтобы нам вернуться? У нас есть время каждому принять ванну перед тем, как добрая женщина накроет на стол ужин.

— Ага, — сказал Майк.

— Сам ага, — сказал Вилл Хэнлон, и оба они за-

смеялись, чувствуя усталость и радость, чувствуя, что руки и ноги работали, но не переработали, руки загрубели от камней, но не болели мучительно.

"Вот и весна, -думал Майк той ночью, засыпая в своей комнате, пока мать и отец в соседней комнате смотрели *«Молодоженов». — Вот и снова весна, спасибо Тебе, Господи, Большое Тебе спасибо".* И засыпая, погружаясь в сон, он услышал, как опять закричала гагара, и отдаленность ее болота незаметно перешла в его сновидения. Весна была напряженным временем, но и добрым.

После сбора камней Вилл ставил «Форд» в высокой траве за домом и выводил из сарая трактор. Затем начиналось боронование: отец вел трактор, а Майк либо сидел сзади, держась за железное сиденье, либо шел рядом, собирая камни, которые они пропустили, и отшвыривая их в сторону. Затем шла посадка, а за ней летняя работа: рыхление.., рыхление.., рыхление. Мать снова чистила Лари, Мо и Керли, трех своих пугал, а Майк помогал отцу делать приспособления наверху каждой головы, набитой соломой. Приспособление представляло собой наушники с отрезанными концами. Вы плотно привязывали длинную намазанную воском и канифолью ве-

ревку к середине наушников, и когда ветер дул через них, появлялся на редкость страшный звук — какой-то хриплый стон. Поедающие урожай птицы довольно скоро решали, что Лари, Мо и Керли не представляют никакой угрозы, но поддувала всегда их отпугивали.

В июле было мотыжение и начинался сбор урожая: сначала горох и редис, затем салат и помидоры, которые созревали в теплице, затем кукуруза и бобы в августе, еще кукуруза и бобы в сентябре, затем тыква и кабачки. Где-то посредине всего этого подходил молодой картофель, и тогда, так как дни укорачивались и воздух становился резче, они с отцом принимались за приспособления к чучелам (иногда зимой они исчезали, каждую весну им приходилось делать новые). Вилл звал Нормана Садлера (который был такой же неразговорчивый, как и его сын Муз, но намного добрее), и Норми приходил со своей картофелекопалкой.

В течение следующих трех недель они все работали на сборе картофеля. Кроме членов семьи, Вилл нанимал в помощь трех-четырех старшеклассников, платя им четверть доллара за бочку. «Форд» ехал вдоль рядов четвертого, самого большого поля, на малой скорости, борт откидывался,

задняя часть заполнялась бочками, на каждой было отмечено имя того, кто ее наполняет, а в конце дня Вилл открывал свой старый лоснившийся бумажник и платил каждому сборщику наличными. Майку тоже платил, также, как и его матери, — это были их деньги, и Вилл Хэнлон никогда не спрашивал их, что они с ними делают. Когда Майку исполнилось пять лет — достаточно, как потом говорил ему Вилл, чтобы держать тяпку и различать сорняки и горох, ему была выделена на ферме пятипроцентная доля. Каждый год ему выделялось по проценту, и каждый год, после Дня Благодарения, Вилл подсчитывал доходы фермы и вычитал долю Майка.., но Майк никогда не видел тех денег. Они шли на счет колледжа, и к ним ни при каких обстоятельствах дотрагиваться было нельзя.

Наконец наступал день, когда Норми Садлер увозил свою картофелекопалку домой; к тому времени воздух становился серым и колодным и на куче оранжевых тыкв, сложенных у сарая, появлялся иней.

Майк обычно стоял в дверях (нос красный, грязные руки засунуты в карманы джинсов) и наблюдал, как отец сначала уводит трактор, а затем «Форд» назад в сарай. Он думал: *«Мы гото-*

вы снова заснуть. Весна., исчезла лето.., прошло. Урожай.., собран». Все, что оставалось теперь, это отходящая осень: деревья без листьев, замерзшая почва, ледяное обрамление берегов Кендускеаг. На полях вороны иногда опускались на плечи Ларри, Мо и Керли и оставались там столько, сколько им хотелось. Пугала были безголосы, безопасны.

Майк не приходил в смятение от мысли, что закончился еще один год, — в девять и десять лет он был еще слишком мал, чтобы иметь склонность к страшным мыслям, к тому же так много предстояло впереди: катание на санках в Маккарон-парке (или Рулин-хилл, если вы смелые, хотя главным образом там катались большие ребята), катание на коньках, игра в снежки, строительство снежных крепостей. Пора было подумать о снегоступах, чтобы пойти с отцом за рождественской елкой, и о лыжах «Нордика», которые, может, будут, а может, и не будут к Рождеству. Зима — хорошее время, но смотреть, как отец едет на «Форде» назад в сарай *(весна исчезла, лето прошло, урожай собран)*всегда было все же грустно, и то, что стаи птиц отправлялись на зиму к югу, заставляло его чувствовать грусть, а косой луч света порой вызывал желание заплакать без

всякой причина. *Мы готовимся снова уснуть...*

Но была не только школа и поденщина, поденщина и школа; Вилл Хэнлон не раз говорил жене, что мальчику нужно время, чтобы ходить на рыбалку, даже если он этим и не занимается всерьез. Когда Майк приходил домой из школы, он первым делом клал книги на телевизор в гостиной, затем чего-нибудь перехватывал (он был особенно неравнодушен к сэндвичам с арахисом, маслом и луком — мать в притворном ужасе поднимала руки) и изучал записку, которую папа оставлял ему; в ней говорилось, где он. Вилл, находится в данное время и какие обязанности у Майка на день — прополоть грядки, убрать, принести корзины, подмести сарай — все что угодно. Но как минимум раз в неделю — иногда два — не было никакой записки. И в такие дни Майк ходил ловить рыбу, хоть он этим и не занимался всерьез. Это были отличные дни.., дни, когда ему не надо было никуда идти и, следовательно, не было необходимости спешить.

Однажды отец оставил ему другую записку: «Никаких дел по дому, — говорилось в ней. — иди к Старому Мысу и посмотри на трамвайные пути». Майк пошел в район Старого Мыса, нашел улицы с уложенными на них путями, внимательно

но их изучил, изумляясь, что прямо посередине улицы идут поезда. Той ночью они с отцом говорили об этом, и отец показал ему картинки из его альбома о Дерри, картинки, где были изображены трамваи: смешной шест шел от крыши трамвая до электрического провода, а сбоку была реклама сигарет. В другой раз отец послал Майка в Мемориал-парк, где была водонапорная башня, посмотреть на птичье купанье, а однажды они пошли в суд, поглядеть на страшную машину, которую шеф Бортон нашел на чердаке. Эта штука называлась стулом для бродяг. Он был чугунный и в ручки и в ножки были вделаны оковы. Закругленные набалдашники торчали из спинки и из сиденья. Этот стул напомнил Майку фотографию, которую он видел в какой-то книге, — фотографию электрического стула в Синг-Синге. Бортон позволил Майку сесть на стул и примерить оковы.

Когда первое зловещее впечатление от наручников изгладилось, Майк вопросительно посмотрел на отца и на шефа Бортона, не слишком понимая, почему это должно было быть таким ужасным наказанием для бродяг, которые наводняли город в двадцатые — тридцатые годы. Конечно, с набалдашниками в кресле сидеть

несколько неудобно, и оковы на запястьях и на щиколотках не дают переместиться в более удобное положение, но...

— Ну ты просто ребенок, — сказал шеф Бортон, смеясь. Сколько ты весишь? Семьдесят, восемьдесят фунтов? Большинство бродяг, которых шериф Салли усаживал на этот стул в былые дни, весили в два раза больше. Где-то через час они чувствовали себя немного неуютно, по-настоящему неуютно через два-три и совсем плохо через четыре-пять часов. Через семь-восемь часов они начинали кряхтеть, а после шестнадцати-семнадцати обычно начинали плакать. И к тому моменту, когда двадцатичетырехчасовой тур кончался, они готовы были клясться перед Богом и человеком, что в следующий раз они будут обходить Дерри на кривой кобыле.

Двадцать четыре часа в кресле для бродяг были чертовски убедительным средством.

Внезапно показалось, что в кресле больше набалдашников, вонзающихся в ягодицы, позвоночник, поясницу, даже затылок.

— Можно мне отсюда вылезти? — спросил он вежливо, и шеф Бортон засмеялся. В одно мгновение, в какую-то долю мгновения, Майк подумал, что шеф закроет сейчас на ключ наручники и

скажет: *«Конечно я выпущу тебя.., через двадцать четыре часе».*

— Зачем ты ценя сюда брал, папа? — спросил он по дороге домой.

— Узнаешь, когда будешь старше, — ответил Вилл.

— Тебе ведь не нравится шеф Бортон, а?

— Нет, — ответил отец так резко, что Майк не осмелился больше спрашивать.

Но в большинстве случаев те места в Дерри, куда отец отправлял его или брал с собой, доставляли Майку наслаждение, и к тому времени, когда Майку исполнялось десять лет, Виллу удалось передать сыну свой собственный интерес к истории Дерри. Иногда, например, когда он проводил пальцем по слегка покрытой галькой поверхности, где была устроена птичья купальня в Мемориал-парке, или когда они приседали, чтобы лучше рассмотреть трамвайные пути, которые прорезали Монт-стрит в Старом Мысе, его вдруг охватывало глубокое чувство времени.., времени, как чего-то реального, как чего-то, что имеет невидимый вес, как солнечный свет имеет вес (некоторые ребята в школе смеялись, когда миссис Грингус сказала им это, но Майк был слишком ошеломлен этой мыслью, чтобы

смеяться; первое, что он подумал, было: *"Свет имеет* вес? О, *Боже, это* ужасно!").., времени, как нечто, что в конце концов похоронит его.

Первая записка, которую отец оставил ему той весной 1958 года была нацарапана на обратной стороне конверта и положена под солонку. Воздух был по-весеннему теплый, удивительно ароматный, и мать открыла все окна. *Никаких дел,* говорилось в записке. *Если хочешь, прокатись на велосипеде по Дороге на Пастбище. Там ты увидишь много обрушившейся кирпичной кладки и старую технику в поле слева. Посмотри вокруг, привези назад сувенир. Не подходи близко к отверстию в погреб. И возвращайся до наступления темноты.*

Ты знаешь почему.

Да, Майк знал, почему.

Он сказал матери, куда он собирается, и она нахмурилась.

— Почему бы тебе не спросить, не хочет ли Рэнди Робинсон поехать с тобой?

— Ладно, о'кей, я остановлюсь и спрошу его, — сказал Майк.

Он остановился у дома Робинсона, но Рэнди уехал с отцом в Бангор покупать картофель-сеянец. Поэтому Майк поехал по Дороге на Пастбище

один. Это была довольно приятная прогулка, около четырех миль. Майк подсчитал, что к тому моменту, когда он поставит свой велосипед к старой деревянной ограде на левой стороне Дороги на Пастбище и заберется на поле за ней будет часа три. Значит, примерно час он сможет заниматься исследованиями, а затем должен будет возвратиться домой. Обычно мать не сердилась на него, если он приходил домой к шести, когда она накрывала на стол к ужину, но один памятный эпизод научил его, что в этом году все не так. Тогда, в тот единственный раз, когда он опоздал к ужину, с ней была почти что истерика. Она отходила его кухонным полотенцем, хлестала его, а он стоял в дверях кухни с широко открытым ртом, а у его ног стояла корзина с речной форелью.

— Не смей так пугать меня! — кричала она. — Не смей *никогда! Никогда! Никогда.*

Каждое *«никогда»* сопровождалось сильным ударом полотенцем. Майк ждал, что отец вступится и положит этому конец, но отец не вступился... Может, он знал, что, вступись он, мать обернет свой бешеный гнев и на него. Майк выучил этот урок. Одна порка кухонным полотенцем — это все, что требовалось. «Дома до темноты. Да, мама, хорошо».

Через поле он прошел к гигантским развалинам, находящимся в центре. Это были, конечно, остатки чугунолитейного завода Кичнера — он проезжал мимо него, но никогда не думал по-настоящему его исследовать и никогда не слышал, чтобы другие ребята делали это. Сейчас, наклонившись, чтобы исследовать обрушившиеся камни, которые образовывали пирамиду, он подумал, что может понять, почему. Поле было ослепительно яркое, вымытое весенним солнцем, (время от времени, когда под солнцем проходило облако, грозная тень медленно плыла через поле), но в то же время было во всем этом что-то таинственное — тишина размышления, нарушаемая только ветром. Он чувствовал себя исследователем, нашедшим остатки исчезнувшего легендарного города.

Выше впереди, чуть справа, он увидел скругленный торец массивного изразцового цилиндра, подымающегося из высокой травы.

Он побежал к нему. Это была главная дымовая труба чугунолитейного завода. Он всматривался в ее стержень и почувствовал холодок в позвоночнике. Труба была довольно большая, он смог бы войти в нее, если бы захотел. Но он не хотел: Бог знает, какая чертовщина могла там быть, и

отвратительные насекомые и звери, может быть, поселились там. Дул порывистый ветер. Когда он дул через основание упавшей дымовой трубы, он издавал звук, похожий на звук ветра, колеблющего вощеные струны-веревки, которые он и его отец ставили в поддувалах каждую весну. Он нервно отступил, вдруг подумав о фильме, который они с отцом смотрели прошлой ночью в *«Раннем Шоу»*. Фильм назывался *«Роган»*, и смотреть его казалось большим удовольствием; отец смеялся и кричал всякий раз при появлении Рогана, а Майк стрелял пальцем, пока мать не схватилась за голову и не велела им замолчать — у нее головная боль от этого шума.

Сейчас, когда он думал о фильме, ему не было смешно. В кино Роган был освобожден из недр земли японскими углекопами, которые копали самый глубокий в мире туннель. И глядя в черную сердцевину этой трубы, было очень легко представить в дальнем ее конце ту припавшую к земле птицу со сложенными за спиной кожистыми крыльями, как уставилась она своими глазами в голубых обводах на глядящее в темноту маленькое круглое мальчишеское лицо.

Задрожав, Майк отпрянул.

Он ушел от дымовой трубы, наполовину во-

шедшей в землю. Снаружи труба была не такой страшной, ее кирпичная поверхность была обогрета солнцем. Он встал на ноги и зашагал, выставив вперед руки, и ему нравилось, как ветер продувает его волосы.

На дальнем конце завода он спрыгнул вниз и начал изучать то, что там было: груды кирпичей, скрученные литейные формы, куски дерева, частя проржавевшей техники. *Принести сувенир,* говорила записка отца; он хотел хороший сувенир.

Майк подошел ближе к зияющему подвальному отверстию, остерегаясь, чтобы не порезаться разбитым стеклом. Кругом было много строительного мусора.

Майк не забыл об отцовском предупреждении не подходить к отверстию подвала; не забыл он также и о том, как пятьдесят с лишним лет назад на это место обрушилась смерть. Если есть в Дерри место, населенное привидениями, думал он, так это здесь. Но несмотря на это, а может, по этой как раз причине он решил остаться до тех пор, пока не найдет что-нибудь действительно интересное, чтобы принести домой и показать отцу.

Он двигался медленно и хладнокровно к отверстию в подвал, еще с большей осторожностью,

когда внутренний голос шептал ему, что подходить туда слишком близко опасно: размытый весенними дождями край может осыпаться у него под ногами, и он провалится в ту дыру, где Бог только знает, сколько может быть ржавого железа, которое ждет, чтобы пронзить его как жука, оставив умирать в конвульсиях.

Он поднял оконный переплет и отбросил его в сторону. Здесь был ковш — достаточно большой для стола-гиганта, его ручка деформировалась — видимо, раскалена была до предела. Находился здесь поршень, слишком большой, чтобы он его мог даже сдвинуть с места. Майк переступал через него. Он переступил через него и...

"Что если я найду череп? -подумал он вдруг. — *Череп одного из тех ребят, которые были убиты здесь, пока они охотились за пасхальными шоколадными яйцами в тысяча девятьсот каком-то году?"*

Он посмотрел на залитое солнцем пустое поле, неприятно пораженный этой мыслью. В его уши задувал ветер, и еще одна тень медленно кружила по полю, наподобие тени гигантской летучей мыши или птицы. Он снова подумал, как здесь тихо и как странно выглядело поле с беспорядочно разбросанными повсюду кучами

кирпичной кладки. Как будто какая-то страшная битва прошла здесь давным-давно.

"Не будь таким трусишкой, -сказал он себе с тревогой. — *Они нашли все, что можно было найти, пятьдесят лет назад. После того как это случилось. И даже если не нашли, какой-нибудь парень — или взрослый — нашел бы.., остальное.., за это время. Думаешь, ты единственный, и никто больше не приходил сюда когда-либо за сувенирами?"*

Нет.., нет, я так не думаю. Но...

Что но? — требовала рациональная часть его ума, и Майк подумал, что она звучит громче, тверже. Даже *если бы что-то еще и можно было найти, оно бы разложилось давным-давно. Поэтому.., что?*

В сорняках Майк нашел разбитый ящик письменного стола. Он посмотрел на него, отшвырнул его в сторону и подошел немного, ближе к отверстию в подвал — там было особенно много навалено. Вот там можно что-нибудь найти.

А что, если призраки? Что, если я увижу руки, тянущиеся к краю этого отверстия в подвал, и что, если меня обступят дети в остатках своей пасхальной одежды, одежды, которая вся сгнила и изодрана, и отмечена пятидесятилетней весен-

ней грязью, осенними дождями и слежавшимся снегом? Дети без голов (он слышал в школе, что после взрыва какая-то женщина нашла голову одной из жертв на дереве в своем саду), *дети без ног, дети, освежеванные, как треска, эти дети так же, как и я, может быть, пришли и играли.., там.., внизу, где темно.., под согнутыми железными балками и большими старыми ржавыми слитками...*

О, остановись, ради Бога!

Но по спине его снова прошла дрожь, и он решил, что пора что-нибудь взять — все что угодно — и прогнать чертика. Он потянулся, почти наугад, и взял зубчатое колесо диаметром около семи дюймов. В кармане у него был карандаш, и он его использовал, чтобы выковырять грязь из зубьев. Потом он положил сувенир в карман. Теперь он пойдет. Он пойдет, да...

Но его ноги медленно двигались в другом направлении, к отверстию в подвале, и он с каким-то унылым ужасом понял, что ему нужно посмотреть вниз. Он должен был видеть.

Он взял ноздреватую перекладину, торчавшую из земли, и прошел вперед, пытаясь заглянуть вниз и внутрь. У него это не очень получалось. Он подошел на расстояние пятнадцати футов

от края, но это было все еще далековато, чтобы увидеть дно подвала.

Мне плевать, увижу я дно или нет. Я сейчас пойду назад. У меня уже есть сувенир. Нечего мне смотреть в эту вшивую старую дыру. Да и папина записка говорила держаться от нее подальше.

Но несчастное, почти лихорадочное любопытство, которое захватило его, не ушло. Он шаг за шагом приближался к отверстию, сознавая, что земля здесь рыхлая и крошащаяся. Местами вдоль края он видел впадины, наподобие провалившихся могил, и понял, что здесь обрушивалась земля.

С сердцем, отбивающим удары в его груди, как тяжелые размеренные шаги солдатских ботинок, он приблизился к краю и взглянул вниз.

Из своего гнезда в подвале вверх посмотрела птица.

Майк сначала не поверил тому, что видит. Все нервы и проводящие пути в его теле, казалось, заледенели, включая и те, которые управляли мыслями. Это был не просто шок от зрелища птицы-монстра, птицы, чья грудь была оранжевой, как у малиновки, и чьи перья были мягкими, серыми, невыразительными перьями воробья; более всего он испытал шок от крайней неожи-

данности. Он ожидал увидеть монолитные блоки техники, погруженные в стоячую воду и черную грязь; вместо этого он заглянул в гигантское гнездо, которое заполняло подвал от края до края. Оно было сооружено из такого количества травы-тимофеевки, которого хватило бы для дюжины стогов сена, но трава эта была посеребренная и старая. Птица сидела в середине гнезда, ее ярко-очерченные глаза были черные, как свежая теплая смола, и на какой-то один безумный момент перед тем, как паралич прошел, Майк увидел себя отраженным в каждом из них.

Затем земля вдруг начала перемещаться и уходить у него из-под ног. Он услышал звук разрыва неглубоких корней и понял, что он скользит!

С криком он подался назад, балансируя руками. Он потерял равновесие и судорожно хватался за землю. Тяжелый тупой кусок металла больно вдавился ему в спину, и у него было время подумать о стуле для бродяг, прежде чем он услышал взрывоподобный шум крыльев птицы.

Он с трудом встал на колени, пополз, оглянулся назад через плечо и увидел, как она поднимается из подвала. Ее чешуйчатые когти были сумеречно-оранжевые. Ее бьющиеся крылья, каждое более десяти футов в поперечнике, разметали

траву-тимофеевку туда-сюда, как ветер, создаваемый роторами вертолета. Она издала гудящий, звенящий крик. Несколько перьев соскользнули с ее крыльев и по спирали полетели вниз в подвал.

Майк снова встал на ноги и побежал.

Он тяжело бежал через поле, не оглядываясь, боясь смотреть назад. Птица не походила на Рогана, но он чувствовал, что она была духом Рогана, поднятым из подвала чугунолитейного завода Кичнера. Он споткнулся, упал на одно колено, встали опять побежал.

Тот таинственный гудящий, звенящий крик прозвучал снова. Его накрыла тень, и когда он посмотрел наверх, то увидел эту штуковину: она прошла менее чем в пяти футах над его головой. Ее клюв, грязно-желтый, открывался и закрывался, обнажая розовое содержимое внутри. Она кружила над Майком. Ветер, который исходил от нее, обдувал его лицо, неся с собой сухой, неприятный запах: чердачную пыль, мертвые памятники древности, гниющие диванные подушки.

Он отскочил влево, и теперь снова увидел упавшую главную дымовую трубу. Он прыжками побежал к ней, руки подстегивали его короткими ударами по бокам. Птица кричала, и он слышал,

как она взмахивала крыльями. Они звучали, как паруса. Что-то толкнуло его в затылок, и по нему разлился огонь. Он почувствовал, как огонь распространяется, когда кровь закапала под воротничок его рубашки.

Птица снова кружила под ним, намереваясь схватить его своими когтями и унести, как коршун уносит полевую мышь. Намереваясь унести его в свое гнездо. Намереваясь съесть.

Когда она устремилась вниз, на него, и ее черные, ужасно живые глаза сфокусировались на нем, Майк срезал резко вправо. Птица чуть не потеряла его. Пыльный запах ее крыльев подавлял, был непереносим.

Теперь он бежал параллельно упавшей дымовой трубе и видел, где она кончается. Если бы он мог добраться до ее конца и забраться вовнутрь, он вероятно был бы в безопасности. Птица слишком велика, чтобы втиснуться туда за ним. Теперь она устремилась к Майку, ее крылья хлопали, создавая ураган, ее чешуйчатые когти распрямились. Она снова закричала, и на этот раз Майк услышал в ее голосе триумф.

Он опустил голову, выбросил руки вверх и двинулся прямо вперед. На мгновение когти птицы мощными тисками сжали его предплечье. Они

кусали, как зубы. Хлопающие крылья отзывались громом в его ушах; он смутно сознавал, что вокруг него падают перья, порой задевая его щеки, как поцелуи фантома. Птица снова поднялась, и Майк почувствовал, как его несет вверх, вот он уже на цыпочках.., на одну леденящую секунду кончики его кед потеряли контакт с землей.

— *Дай мне УЙТИ!*

— крикнул он и вырвал руку. На минуту когти схватили его, затем треснул рукав рубашки. Он ударился, упав. Птица пронзительно закричала. Майк стал прорываться сквозь перья хвоста, задыхаясь от сухого их запаха. Это было похоже на бег через бесконечную завесу из перьев.

Все еще кашляя, — глаза застилали слезы и мерзкая пыль с крыльев птицы, — он наткнулся на упавшую трубу. Теперь он уже не раздумывал, сможет ли укрыться внутри. Он вбежал в темноту, его рыдания отдавались там эхом, повернулся к яркому кольцу дневного света. Его грудь поднималась и опускалась судорожными рывками.

Он вдруг осознал, что, если бы неправильно оценил размеры птицы или размеры жерла дымовой трубы, он бы убился так же наверняка, как если бы приложил отцовское ружье к голове и нажал спусковой крючок. Из трубы не было пути

наружу. Это была не просто труба. Это был тупик. Другой конец трубы был захоронен в земле.

Птица снова пронзительно закричала, и вдруг свет в конце дымовой трубы погас, так как птица опустилась туда. Он мог видеть ее желтые чешуйчатые лапы, толстые, как икры человека. Затем она наклонила голову вниз и посмотрела внутрь. Майк обнаружил, что он опять глядит в эти отвратительно яркие, смоляные глаза с золотыми обручальными кольцами радужной оболочки. Клюв птицы открывался и закрывался, и каждый раз, когда он закрывался, Майк улавливал хорошо различимый звук, напоминающий зубовный скрежет. *"Острый,* -подумал он. — *Я знал, конечно, что у птиц острые клювы, но по-настоящему никогда не думал* об *этом до сего момента".*

Птица еще раз пронзительно крикнула. Звук так громко отдавался в кирпичном горле трубы, что Майк заткнул уши руками.

Птица начала пробиваться в устье трубы.

— Нет! — закричал Майкл. — Нет, не сможешь!

Свет убывал по мере того, как тело птицы проталкивалось в трубу.

(*О мой Бог, почему я забыл, что это ведь перья? Почему я забыл, что она может сжаться?)* Свет мерк.., мерк.., исчез. Теперь была только кромеш-

ная тьма, удушающий чердачный запах от птицы и шелестящий звук ее перьев.

Майк упал на колени и начал ощупью пробираться по искривленному проходу, разметав руки в разные стороны. Он нашел кусок разбитого кирпича, его острые грани покрылись чем-то похожим на мох. Он отвел руку назад и швырнул его. Звук попадания. Птица издала свистящий клекот.

— Уходи *отсюда'.* -закричал Майк.

Наступила тишина.., и затем снова этот хрустящий, шелестящий звук — птица возобновила прорыв в трубу. Майк ползал по внутренней поверхности трубы, и, найдя куски кирпича, швырял их один за другим. Они ударялись и отскакивали от птицы, стукались о кирпичный рукав дымовой трубы.

"Пожалуйста, Боже, -думал Майк бессвязно, — *пожалуйста, Боже, пожалуйста. Боже..."*

Ему пришло в голову отступить по трубе дальше. Ведь само собой, дальше она сужается. Он мог отступить, слыша пыльный шелест за собой, — птица прокладывала себе путь. Он мог отступить, и, если ему повезет, — достичь места, куда птица проникнуть не сможет.

Но что, если она протиснется?

Если это случится, он и птица умрут здесь вместе. Во тьме.

«Пожалуйста, Боже» -кричал он, совершенно не сознавая, что кричит громко. Он бросил еще один кусок кирпича, и на этот раз его бросок был мощнее — он чувствовал, как говорил потом, много позже, что *кто-то* словно был с ним в тот момент, и этот *кто-то*дал его руке огромный импульс. На этот раз глухого звука не последовало. Вместо этого — словно брызганье, как будто ребенок шлепает рукой по поверхности миски с полузатвердевшим «Джелло». На этот раз птица закричала на от гнева, а от настоящей боли. Мрачный шелест ее крыльев наполнил дымовую трубу; зловонный Дух разнесся ураганом, всколыхнув его одежду, заставляя его кашлять и задыхаться, и отступать, когда летели пыль и мох.

Снова забрезжил свет, сначала серый и слабый, он то появлялся, то исчезал: птица отступала от устья трубы. Майк залился слезами, снова упал на колени и стал лихорадочно нащупывать куски кирпича. Не сознавая, что он делает, Майк побежал вперед, к устью трубы с кусками кирпича в руках. (В этом свете он увидел, что кирпич затянут сине-серым мхом и лишайником, как по-

верхность надгробий). Он хотел удержать птицу от повторного вторжения сюда, если получится.

Птица наклонилась, нагнув голову так, как это делает на насесте домашняя птица, и Майк увидел, куда он попал последним броском. Правый глаз птицы почти что вытек. Вместо сверкающего шара свежей смолы был кратер, заполненный кровью. Беловато-серая липкая слизь сочилась из угла глазницы и тонкой струйкой стекала по клюву. В этой омерзительной слизи кишели и извивались мельчайшие паразиты.

Птица увидела его и ринулась вперед. Майк начал швырять в нее осколки кирпича. Они попадали ей в голову, в клюв. Она на мгновение отступила и снова ринулась на него — в открытом клюве виднелось розовое нутро и еще что-то, что заставило Майка на минуту застыть с открытым ртом. Язык птицы был серебряным, его поверхность дико трескалась, как поверхность вулканической лавы, которая сначала спекала, а затем выпускала шлак.

И на этом языке, как таинственные перекати-поле, которые временно пустили здесь корни, были оранжевые вздутия.

Майк бросил последний кирпич прямо в раскрытую пасть, и птица снова отступила, крича от

боли и гнева. На мгновение Майк увидел пакостные ее когти... Потом ее крылья рассекли воздух, и она улетела. Он поднял лицо серо-коричневое от грязи и какого-то мха, которые крылья птицы, как крылья ветряной мельницы, надули на него. Единственными чистыми участками на лице были следы его слез.

Птица кружила вверху: *так-так-так-так.*

Майк немного отступил, собрал побольше кирпичей и положил их максимально близко к устью трубы. Если она повернет назад он должен быть во всеоружии. Свет снаружи оставался ярким, теперь, в мае, долго не темнело, но может быть, она просто решила подождать?

Майк сглотнул слюну, пересохшее горло на мгновение смягчилось.

Наверху: *так-так-так-так.*

У него теперь была целая гора боеприпасов. В тусклом свете, сюда не проникало солнце, они выглядели, как глиняные черепки, выметенные хозяйкой.

Майк обтер об джинсы свои грязные руки и стал выжидать.

Целая вечность прошла, прежде чем это случилось, — пять минут или двадцать пять, — он не мог сказать. Он только понял, что птица опять

ходит над его головой по трубе, как лунатик на рассвете.

Затем она села перед входом в трубу. Но прежде чем птица наклонила голову, Майк, стоя на коленях за кучей кирпича, стал метать в нее снаряды. Один из них попал в ее желтую, как бы обшитую металлическим листом лапу и обозначил капельку крови, такую же темную, как ее глаза. Майк победно закричал, но крик его потонул в разъяренном вопле птицы.

— *Уходи отсюда!* -кричал Майк. — *Я буду стрелять в тебя., пока ты не уйдешь отсюда! Клянусь Богом!*

Птица возобновила хождение по дымовой трубе.

Майк ждал.

В конце концов он услышал шум крыльев — она взлетела. Майк ждал, что вот сейчас ее желтые ноги, так похожие на куриные, появятся вновь. Они не появлялись. Он еще обождал, убеждая себя, что это должно быть какой-то трюк. Но потом понял, что не выходит наружу, потому что боится оставить свое безопасное убежище.

«Что за ерунда? Я же не кролик!»

Сунул за пазуху целую пригоршню кирпичных обломков. Потом вышел из трубы, как следует

осмотрелся, жалея, что у него нет глаз на затылке. И увидел только раскинувшееся вокруг поле, заваленное обследованными ржавыми останками чугунолитейни Кичнера. Он покрутился еще, уверенный, что сейчас увидит где-нибудь одноглазого хищника, жаждущего атаковать его в последний раз, изорвать, исколоть его своим острым клювом.

Но птицы там не было.

Она действительно ушла.

Нервы Майка не выдержали.

Издав неистовый вопль ужаса, он побежал к разбитой непогодой ограде между полем и дорогой, роняя из рук последние куски кирпича. Остальные выпали из рубашки, когда она выбилась из штанов. Держась одной рукой за ограду, он перемахнул ее, как Рой Роджерс, решивший покрасоваться перед Дайл Ивэнс на обратном пути из загона, откуда он шел с Пэтом Бренди и другими ковбоями. Майк схватил руль велосипеда, и, прежде чем сесть на него, сорок футов бежал по дороге. Затем он бешено заработал педалями, не осмеливаясь оглянуться, не осмеливаясь замедлить ход, пока не добрался до пересечения Дороги на Пастбище и Аутер Мейн-стрит, где взад-вперед сновало множество машин.

Когда он пришел домой, его отец менял контакты на тракторе. Вилл заметил, что Майк весь в грязи и пыли. Поколебавшись секунду, Майк сказал отцу, что упал с велосипеда по дороге домой, объезжая рытвину.

— Ты сломал что-нибудь, Майки? — спросил Вилл, взглянув внимательно на сына.

— Нет, сэр.

— Растяжение?

— Хм. Гм.

— Уверен?

Майк кивнул.

— Ты привез сувенир?

Майк полез в карман за шестерней. Он показал ее отцу, который только взглянул на нее, а потом снял кирпичную крошку с рваной ранки на большом пальце Майка. Он казался очень заинтересовавшимся.

— Из той старой дымовой трубы? — спросил Вилл.

Майк кивнул.

— Ты был там внутри?

Майк снова кивнул.

— Видел что-нибудь там, внутри? — спросил Вилл и, словно бы шутя (хотя шуткой это вовсе не звучало), добавил:

— Захороненное сокровище?

Слегка улыбаясь, Майк покачал головой.

— Ладно, не говори матери, что ты там сшивался, — сказал Вилл. — Сначала она убьет меня, а потом тебя. Он посмотрел на сына еще внимательнее:

— Майки, у тебя все в порядке?

— Что?

— Ты выглядишь осунувшимся.

— Я немного устал, — сказал Майк, — Восемьдесять миль туда и обратно, не забывай. Тебе нужна помощь с трактором, папа?

— Нет, я раскручусь с ним за эту неделю. Иди в дом и помойся.

Майк отошел, но затем отец снова позвал его. Майк оглянулся.

— Больше туда не ходи, — сказал он, — по крайней мере, пока все это не прояснится, и они не схватят человека, который делает это... Ты никого не видел там, нет? Никто не гнался за тобой, не пугал?

— Я вообще не видел людей, — сказал Майк.

Вилл кивнул и зажег сигарету.

— Наверно, я зря посылал тебя туда. Старые места, вроде этого, могут быть опасны.

Они встретились глазами.

— О'кей, отец, — сказал Майк. — Так или иначе, я не хочу больше туда ходить. Было немного страшно.

Вилл кивнул снова.

— Чем меньше слов, тем лучше, мне кажется. Пойди и приведи себя в порядок. И скажи матери, чтобы поставила варить еще Три, четыре сосиски.

Майк ушел.

4

"Ничего особенного, -думал Майк Хэнлон, глядя на желобки, ведущие к бетонному краю Канала. — *Ничего страшного, это, может быть, просто сон, и..."*

На краю Канала были пятна засохшей крови.

Майк посмотрел на них, потом заглянул вниз, в Канал. Черная гладкая вода текла мимо. Дорожки грязной желтой пены цеплялись за края Канала, иногда прорываясь к течению ленивыми кривыми петлями. На мгновение — только на какое-то мгновение — два сгустка этой пены соединялись и, казалось, образовали лицо, лицо ребенка, а глаза его вскинулись в реальном воплощении ужаса и агонии.

Майк сдержал дыхание, как будто уколовшись.

Пена рассеялась, потеряла очертания, и в этот момент справа раздался громкий всплеск. Майк быстро повернул голову, подавшись немного назад, и в течение минуты ему казалось будто он видит что-то в тенях туннеля, через который вода Канала, протекавшая под землей, снова выходит наружу.

Потом оно ушло.

Вдруг, почувствовав холод и вздрогнув, Майк порылся в кармане в поисках ножа, который он нашел в траве. Нашел и бросил его в Канал. Послышался всплеск, рябь, потом круговерть, потом как бы наконечник стрелы.., и — ничего.

Ничего, кроме страха, который внезапно охватил его, и жуткая уверенность, что поблизости что-то есть, что-то наблюдает за ним, проверяя свои возможности, ожидая подходящего момента.

Он повернулся, намереваясь идти к велосипеду — бежать было бы унизительно, означало бы, что он поддался страху, — но тут снова раздался всплеск. На этот раз — намного громче. Позабыв о чувстве собственного достоинства, Майк помчался во всю прыть, на воротах набил себе ягодицы, снял с упора велосипед и заработал педалями на огромной скорости. Запах моря был

даже слишком насыщенный. Он был повсюду. И вода, казалось, слишком громко капает с мокрых веток деревьев.

Что-то надвигалось. Он слышал волочащиеся, крадущиеся шаги в траве.

Он стоял на педалях, выжимая из них все возможное, и выскочил на Мейн-стрит не оглядываясь. Он несся домой с удивлением думая, что, к черту, нашло на него, что потянуло его.., на это место.

А затем попытался думать о поденной работе, ни о чем больше, кроме поденной работы. В конце концов, это ему удалось.

И когда на следующий день он увидел в газете заголовок «ЕЩЕ РАЗ ОБ ИСЧЕЗНУВШЕМ МАЛЬЧИКЕ, НОВЫЕ СТРАХИ», то подумал о карманном ноже, который бросил в Канал, — о карманном ноже с инициалами Е.С, на боку. И подумал о крови, которую видел на траве.

И еще — о тех желобках на земле, которые тянулись к краю Канала.

Глава 7. ЗАПРУДА В БАРРЕНСЕ

1

Если смотреть на Бостон со скоростной автомагистрали в четверть пятого утра, то он кажется городом мертвецов, размышляющих над какой-то трагедией прошлого — то ли чумой, то ли проклятием. Запах соли, тяжелый, насыщенный, исходит от океана. Из-за утреннего тумана в городе почти незаметно движения.

Двигаясь на север вдоль Морроу Драйв, сидя за рулем черного «Кадиллака», Эдди Каспбрак словно бы ощущает возраст этого города. Возможно нигде больше в Америке нельзя так ощутить возраст города. Бостон — шпротина в сравнении с Лондоном, дитя в сравнении в Римом, но по американским стандартам, по крайней мере, он стар. Он занял свое место на этих низких холмах триста лет назад, когда еще и думать не думали о налогах на чай и на почтовые отправления, когда Поль Ривер и Патрик Генри еще не родились.

Возраст города, его тишина, туманный запах моря — все это делает Эдди нервным. А когда Эдди нервничает, он берется за аспиратор. Он

всовывает его в рот и выдавливает в горло облачко оживляющей струи.

На улицах, которые он проезжает, мало людей, всего один — два прохожих на пешеходных дорожках, — это создает ложное впечатление будто он как-то вошел в сказку Лавкрафта об обреченных городах, древних злых началах и монстрах с непроизносимыми именами. На автобусной остановке с надписью «Городской центр Кенмор Сквза» он видит официанток, медсестер, городских служащих, с лицами, распухшими от сна.

«Хорошо, — думает Эдди, проезжая под надписью, которая гласит „Тобин Бридж“. — Ладно, прорывайся к автобусам. Под землей не надо. Я бы на твоем месте туда бы не поехал. Только не вниз. Не в туннель».

Это плохие мысли; если он не избавится от них, ему опять придется пользоваться аспиратором. Он рад более напряженному движению на Тобин Бридж. Он проезжает завод по изготовлению памятников. На кирпичном торце красками написано несколько тревожное предостережение: «СБАВЬ СКОРОСТЬ! МЫ МОЖЕМ ПОДОЖДАТЬ!»

Вот зеленая с рефлексией надпись: «НА 95 — МЭН, НЬЮ-ГЕМПШИР, ВСЕ СЕВЕРНЫЕ ТОЧКИ НОВОЙ АНГЛИИ».

Он смотрит на нее, и вдруг пробирающая до костей дрожь сотрясает его тело. Его руки мгновенно привариваются к рулю «Кадиллака». Ему хотелось бы надеяться, что это начало какой-то болезни, вирус или, возможно, одна из «фантомных лихорадок» его матери, но он знает, что это не так. Город, спокойно удерживаемый на грани ночи и дня, — уже позади него, а то, что обещает эта надпись, — впереди. Он болен, да, в этом нет никакого сомнения, но это не вирус и не фантомная лихорадка. Он отравлен своими собственными воспоминаниями.

«Я боюсь, — думает Эдди. — Вот что всегда было главным. Просто боязнь. Но в конце концов, я думаю, мы как-то преодолели это. Но как?»

Он не может вспомнить. Интересно, могут ли другие?

Слева от него гудит грузовик. У Эдди все еще включены фары, и теперь он моментально гасит свет, когда грузовик благополучно выходит вперед. Он делает это, не задумываясь. Это стало автоматической функцией, составной частью вождения для сохранения жизни. Невидимый водитель грузовика в ответ дважды мигает своими фарами, благодаря Эдди за его любезность. «Если бы все могло быть так просто и так ясно», — ду-

мает он.

Он следует за надписями «1-95». Движение в северном направлении небольшое, тогда как несмотря на ранний час в южном направлении машин все прибывает. Эдди несется на своей большой машине, предугадывая большинство указующих надписей и заранее вливаясь в нужный ряд. Прошли годы с тех пор, как он ошибся в догадке и пронесся мимо смерти, мимо того исхода, которого хотел. Он выбирает ряды автоматически, так же как выключил дальний свет для водителя грузовика; так же автоматически он нашел однажды дорогу через лабиринт тропинок в Барренс, в Дерри. То, что он прежде никогда в жизни не выезжал из центра Бостона, одного из самых сложных для вождения городов Америки, кажется, не имеет значения.

Он вдруг вспоминает о том лете еще что-то, что-то, о чем Билл сказал ему однажды: «У ттеббя кккомпас в гголове, Эээдди».

Как он тогда обрадовался! Это радует его и теперь, когда «Дорадо-84» снова вырывается на шоссе. Он выдает скорость, внушающую доверие полицейским — Пятьдесят миль в час, и по радио находит какую-то спокойную музыку. Он тогда умер бы за Билла, если бы потребовалось.

Попроси его Билл об этом, он бы просто ответил. «Конечно, большой Билл.., ты уже наметил время?»

Вспомнив об этом, Эдди смеется, хотя и беззвучно, но по-настоящему. Он редко смеется в эти дни, да и до смешного ли в его черном паломничестве? Ричи бывало любил спрашивать: «У тебя сегодня было что-нибудь смешное, Эдд?» Но, если Бог столь низок и подл, что проклинает верующих за то, что им хочется более всего в жизни, то Он, быть может, достаточно ловкий и ушлый, чтобы предложить что-нибудь смешное в дороге?

«За последнее время у тебя было что-нибудь смешное, Эдд?» — повторяет он громко и снова смеется. Боже, он ненавидел, когда Ричи называл его Эдд.., но ему и нравилось это. Так же, как Бен Хэнском, должно быть, любит, когда Ричи называет его Хэйстэк. В этом имени было что-то.., таинственное. Таинственная личность. Способ стать теми, у кого ничего не было, чтобы мириться со страхами, надеждами, с постоянными требованиями своих родителей. Ричи не мог делать свои любимые голоса для всякого дерьма, но, может быть, он действительно понимал, как важно таким оглоедам, как они, и тогда чувствовать себя другими людьми.

Эдди смотрит на перемену направления, аккуратно обозначенную на приборном щитке «Дорадо», перемена направления — еще один из автоматических приемов. Когда приближаются автоматы, регистрирующие дорожные сборы, вам не хочется вытаскивать свое серебро, не хочется обнаружить, что вы попали в ряд с автоматическим платным проездом не в нужном направлении.

Среди монет — два или три серебряных доллара Сузан В. Дороти. Он считает, что это монеты, которые вы, возможно, только находите в карманах шоферов и водителей такси из зоны Нью-Йорка в эти дни, так же как единственное место, где вы можете увидеть много двухдолларовых счетов, это окошко выплаты на ипподроме. Он всегда держит несколько в руке, потому что робот-сборщик налога вкладывает их в корзину на Джорджа Вашингтона, на Триборо Вриджес забирают их.

Еще одна из тех мыслей вдруг приходит ему в голову: серебряные доллары. Не фальшивые медные сэндвичи, а настоящие серебряные доллары, с отпечатанной на них леди Свободой, одетой в пышные одежды. Серебряные доллары Бена Хэнскомл Да, но разве Билл, или Бен, или Беверли не использовали однажды один из этих сереб-

ряных кругляшей для спасения своих жизней? Он не вполне в этом уверен, он в действительности не вполне уверен, или он просто не хочет вспоминать?

«Там было темно, — думает он внезапно, — Я это хорошо помню. Там было темно».

Теперь Бостон позади него, и туман начинает рассеиваться. Впереди МЭН, НЬЮ-ГЕМПШИР, ВСЕ СЕВЕРНЫЕ ГОРОДА НОВОЙ АНГЛИИ. Дерри впереди, и в Дерри есть что-то, что умерло двадцать семь лет назад и вместе с тем словно бы и нет. Что-то многоликое, как у Лона Чейни. Но как это реально выглядит? Видели ли они его по-настоящему, без многочисленных масок?

Ах, он многое может вспомнить, но этого недостаточно.

Он помнит, что он любил Билла Денбро; он помнит это очень хорошо. Билл никогда не смеялся над его астмой. Билл никогда не называл его маменькиным сынком. Он любил Билла, как старшего брата.., или отца. Билл умел делать интересные вещи. Знал, в какие места пойти. Что увидеть. Билл никогда не противился. Бежать вместе с Биллом, значило побеждать дьявола и смеяться при этом. «Мы очень редко выбивались из сил, а редко выбиваться из сил было здорово,

очень здорово», — сказал бы Эдди всему свету. Мы бежали с Биллами смеялись каждый день.

«Да, парень, каждый день», — произносит он голосом Ричи Тозиера, и снова смеется.

Построить запруду в Барренсе было идеей Билла, и именно запруда в общем-то свела их вместе. Бен Хэнском показал, как надо строить запруду, — и они построили ее так хорошо, что у них были неприятности с мистером Неллом, участковым полицейским. — но это не было идеей Билла. И хотя все они, кроме Ричи, видели очень странные вещи — пугающие вещи — в Дерри с начала года, именно Билл нашел мужество первым сказать об этом вслух.

Та запруда.

Та чертова запруда.

Он вспомнил Виктора Крисса. «Та-та, мальчики. Это запруда на соплях, поверьте мне. Ни к черту не годилась», Через день Бен Хэнском говорил им с широкой улыбкой:

— Мы могли бы

— Мы могли бы затопить

— Мы могли бы затопить...

2

...весь Барренс, если бы захотели.

Билл и Эдди сперва с сомнением посмотрели на Бена, а затем на материал, который Бен принес с собой: несколько досок (спертых с заднего двора мистера Маккиббона, но это ничего, мистер Маккиббон наверняка стянул их еще у кого-то), кувалду, лопату.

— Мы пытались вчера сделать запруду, — сказал Эдди, глядя на Билла, — но она не очень хорошо работала. Течение размывало наши палки.

— Эта будет работать, — сказал Бен. Он также смотрел на Билла, ожидая от него окончательного решения.

— Ну давайте пппопробуем, — сказал Билл. — Я зззвонил Ррричи Тозиеру сегодня утром. Он ссказал, что пподойдет ппозднее.

Может, он и Ссстэнли захотят помочь.

— Стэнли кто? — спросил Бен.

— Урис, — ответил Эдди. Он все еще посматривал на Билла, который казался сегодня каким-то другим — был спокойнее, с меньшим энтузиазмом относился к запруде. Билл выглядел сегодня бледным. Далеким.

— Стэнли Урис? Я наверно не знаю его. Он учится в начальной?

— Он нашего возраста, но только что закончил

четвертый класс, — сказал Эдди. — Он пошел в школу на год позже, потому что много болел, когда был маленьким. Ты думаешь, наверное, о том, что он смылся вчера, но ты должен быть просто доволен, что ты не Стэн. Над Стэном всегда кто-нибудь жестоко издевается.

— Он евввврей, — сказал Билл. — Мниногие ппарни не любят его, ппотому что он ееееврей.

— Да? — спросил Бен, впечатленный. — Еврей? — он помолчал, а затем сказал осторожно:

— Это то же самое, что быть турком или, более похоже, египтянином.

— Мне кажется, это больше похоже на тттурка, — сказал Бил.

Он взял одну из принесенных им досок, и осмотрел ее. Она была футов шесть в длину, фута три в ширину. — Мой отттец говорит, что у большинства евреев большие носы и много денег, но Стттт...

— Но у Стэна правильный нос, и он всегда на мели, — сказал Эдди.

— Да, — сказал Билл, в первый раз за этот день на лице его разлилась улыбка.

Бен широко улыбнулся.

Эдди широко улыбнулся.

Билл отбросил доску в сторону, встал и отряхнул зад своих джинсов. Он подошел к ручью, за ним пошли оба мальчика. Он засунул руки в задние карманы и глубоко вздохнул. Эдди был уверен, что Билл собирается сказать что-то серьезное. Он перевел взгляд с Эдди на Бена, а затем опять на Эдди, теперь без улыбки. Эдди вдруг испугался. Но, все, что Билл сказал тогда, было:

— У тебя есть аспиратор, Ээдди?

Эдди похлопал себя по карману.

— Я нагружен до отвала.

— Скажи, как он работает с шоколадным молоком? — спросил Бей.

Эдди засмеялся.

— Работает отлично! Они с Беном лопались от смеха, пока Билл смотрел на них, улыбающийся, но озадаченный.

Эдди объяснил, и Билл кивнул, опять широко улыбнувшись.

— Эээдина ммать боится, что он исспортит его и она не ссможет получить вввозмещения.

Эдди фыркнул и сделал вид, будто толкает Билла в ручей.

— Следи за ним, морда вонючая, — сказал он голосом Генри Бауэрса. — Я откручу тебе голову, чтобы ты мог смотреть, когда будешь вытирать-

ся.

Бен давился от смеха. Билл посмотрел на него, все еще улыбаясь, с руками в карманах джинсов, улыбаясь, да, но теперь немного отдаленно, как-то смутно. Он посмотрел на Эдди, а затем повернул голову к Бену.

— Детская гггглупость, — сказал он.

— Да, — согласился Эдди, почувствовав, что им предстоит хорошо провести время. Он думал, что Билл расколется, когда захочет; вопрос был в том, хочет ли Эдди слышать такое — «Ребенок умственно отсталый».

— Отсталый, — сказал Бен, все еще хихикая.

— Ты собираешься ппоказать нам, как состроить запруду или ты ссобираешься ппросидеть в ссвоем нужнике весь день?

Бен снова встал на ноги. Он посмотрел на речку, спокойно текущую мимо них. Кендускеаг была не очень широкой здесь, в Барренсе, но все-таки вчера она нанесла им поражение. Ни Эдди, ни Билл не смогли толком сделать опору на ручье. Бен улыбался улыбкой человека, который обдумывает что-то новое.., что-то несколько забавное. Эдди думал: «Он знает как — я действительно думаю, что он знает».

— О'кей, — сказал он, — вы, ребята, снимите

свои ботинки, чтобы ноженьки свои не замочить.

Эдди снова услышал голос матери — суровый командирский, голос регулировщика: «Не смей делать это, Эдди! Не смей! Мокрые ноги — это один из тысяч путей к простуде, а простуда ведет к пневмонии, поэтому не делай этого!»

Билл и Бен сидели на берегу, стягивая спортивные тапочки и носки. Бен суетливо закатывал джинсы. Билл посмотрел на Эдди. Его глаза были ясные и теплые — сочувствующие. Эдди вдруг внезапно понял, что Большой Билл точно угадал его мысли и ему стало стыдно.

— Ты иииидешь?

— Да, конечно, — сказал Эдди. Он сел на берег и разулся, пока мать занималась нравоучениями в его голове.., но голос ее все *болееотдалялся* и становился эхом, как облегченно отметил про себя Эдди, как будто кто-то зацепил большим рыболовным крючком ее блузку и теперь оттаскивал ее от него по очень длинному коридору.

3

Это был один из тех замечательных летних дней, который в мире, где все в порядке, все как надо, вы никогда не забудете. Легкий бриз ото-

гнал противных москитов и черных мушек. Небо было яркое, хрустяще-голубое. Температура — немного более семидесяти по Фаренгейту. Птицы пели и занимались своими птичьими делами в кустах и на деревьях. Эдди пришлось один раз воспользоваться аспиратором, но потом его грудная клетка задышала свободно и горло, казалось, магически расширилось. Все остальное время он не вынимал аспиратора из нижнего кармана.

Бен Хэнском, накануне казавшийся таким робким и неуверенным, стал признанным генералом, с головой уйдя в строительство запруды. Время от времени он выбирался на берег и, упершись в бока грязными руками и что-то бормоча про себя, глядел, как продвигается работа. Иногда он проводил рукой по волосам, и часам к одиннадцати они у него уже торчали смешными нелепыми лохмами.

Сначала Эдди чувствовал какую-то неопределенность, затем им овладела радость, и наконец пришло совершенно новое чувство — в нем было что-то таинственное, оно и пугало и одновременно возбуждало, опьяняло. Это чувство было настолько не свойственно обычному состоянию его бытия, что он не смог назвать его до той ночи, когда, лежа в постели и глядя в потолок, он

проигрывал заново весь день. Сила. Вот какое это было чувство. Сила. Она должна была работать. Боже мой, и она должна была работать лучше, чем он и Билл, а может, даже сам Бен — могли мечтать об этом.

Он видел, что Билл тоже увлекается — он входил в работу не сразу, что-то обдумывал, а затем постепенно отдался ей полностью.

Раз или два он похлопал Бена по мясистому плечу и сказал ему, что он невероятный, непревзойденный. Бен каждый раз краснел от удовольствия.

Бен велел Эдди и Биллу поставить одну из досок в ручей и держать ее, чтобы вбить наковальней в ложе потока.

— Так, все в порядке, но вы продолжайте держать ее, иначе ее смоет водой, — сказал он Эдди, поэтому Эдди стоял в центре потока, держа доску, а вода текла поверху, и руки у него были колеблющимися морскими звездами.

Бен и Билл поставили вторую доску в двух футах от первой, ниже по течению. Бен снова наковальней всадил ее поглубже и Билл держал ее, пока Бен заполнял пространство между досками песчаной землей с берега. Сначала землю размывало по краям досок наносами, и Эдди

сомневался, будет ли это вообще работать, но когда Бен начал добавлять камни и грязную массу из ложа потока, наносы стали выравниваться. Менее чем за двадцать минут он создал из земли и песка настоящий канал между двумя досками в середине потока. Для Эдди это выглядело как оптический обман. Будь у нас настоящий цемент вместо грязи и камней, мы бы к середине следующей недели сдвинули бы город с места.., вплоть до Старого мыса, — сказал Бен, отбрасывая в сторону совок и садясь на берег, чтобы отдышаться. Билл и Эдди смеялись, и Бен широко улыбался им в ответ. Когда он улыбался, в чертах его лица угадывался будущий красивый мужчина.

За доской, поставленной выше по течению, начала скапливаться вода.

Эдди спросил, что им делать, если вода пойдет по сторонам.

— Пусть идет. Это не имеет значения.

— Не имеет значения?

— Нет.

— Почему нет?

— Я не могу точно сказать. Пусть она идет.

— Откуда ты знаешь?

Бен пожал плечами. Я просто делаю, говорило плечо, и Эдди замолчал.

Пока он отдыхал, Бен взял третью доску — самую толстую из четырех-пяти, которые он с трудом пронес через весь город в Барренс и осторожно поставил ее против доски в нижнем течении; один конец ее, хорошенько укрепив в ложе потока, а другой вбив у доски, которую держал Билл, он сделал распорку — такую, какая была на рисунке.

— О'кей, — сказал он, стоя сзади. Он широко улыбался им. — Теперь, ребята, можете отдыхать. Месиво возьмет на себя основное давление воды, а остальную часть возьмет распорка.

— Вода ее не смоет? — спросил Эдди.

— Нет. Вода ее только утрамбует.

— А если ты иннеправ, мы ттебя уууубьем, — сказал Билл.

— Не возражаю, — сказал Бен дружелюбно.

Билл и Эдди отступили. Две доски, которые сформировали основание запруды, немного скрипнули, качнулись.., и это было все.

— Потрясно! — в возбуждении закричал Эдди.

— Ззздорово, — сказал Билл, улыбаясь.

— Да, — сказал Бен. — Давайте есть.

4

Они сидели на берегу и ели, почти не разгова-

ривая, наблюдая за тем, как вода скапливается за запрудой и стекает вокруг концов досок. Они уже кое-что сделали для географии берегов, как заметил Эдди: поток воды выравнивал берега реки, срезая выступы. Пока они смотрели, другой поток подсек берег на дальней стороне, вызвав маленький водоворот.

Вверх по течению от запруды вода образовала искусственный пруд, и в одном месте она фактически вышла из берегов. Яркие расходящиеся ручейки стекали в траву и в подлесок. Эдди медленно начал понимать то, что Бен знал с самого начала: запруда готова. Расстояния между досками и берегами стали каналами шлюза. Бен не знал, как объяснить это Эдди. Поток воды, переливаясь через доски, растекался вокруг. Журчанье мелкой воды над камнями и гравием прекратилось; все камни в верхнем течении запруды оказались под водой. Время от времени дерн и грязь, подрезанные расширяющимся потоком с плеском падали в воду.

Вниз по течению от запруды водное русло было пустым, тонкие струйки без устали бежали к его центру. Камни, которые недавно были под водой Бог знает сколько, высыхали на солнце. Эдди смотрел на эти камни с мягким удивлением..,

и с тем таинственным новым чувством. Они сделали это. Они. Глядя на лягушку, прыгающую рядом, он подумал, что старый мистер Фрогти наверно удивляется, куда ушла вода. Эдди громко засмеялся.

Бен аккуратно складывал в свою сумку оберточную бумагу из-под завтрака. И Эдди, и Билл были поражены размерами трапезы, принесенной Беном и разложенной им с большой деловитостью: два деликатесных сэндвича, один сэндвич с вареной колбасой, сваренное вкрутую яйцо (вместе с щепоткой соли, завернутой в скрученный из вощенки пакетик), два брикета инжира, три больших шоколадных печенья и «Ринг-Динр».

— Что тебе сказала мать, когда увидела, каким ты тепленьким вернулся? — спросил его Эдди.

— Что? — Бен посмотрел поверх растекающейся лужицы воды за запрудой и легонько срыгнул в руку. — О, я знал, что она вчера пошла в бакалею, и потому смог обскакать ее. Я принял ванну, помыл волосы. Лотом я сбросил джинсы и свитер, которые были на мне. Не знаю, заметит ли она их исчезновение. Бумажный свитер, может, и не заметит, у меня их много, но вот новую пару джинсов мне наверно придется купить, пока она не залезла в мой ящик.

Мысль о столь бессмысленной трате денег тенью легла на лицо Бена.

— А ккак насчет ттого, что ты в сссиняках?

— Я сказал ей, что был в сильном возбуждении после школы, бежал по лестнице и упал, — сказал Бен, и был удивлен и немного задет тем, что Эдди и Билл начали смеяться. Билл подавился куском маминого дьявольского пирога, и у него начался приступ кашля. Эдди, продолжая ржать, похлопал его по спине.

— Ну почти что упал на лестнице, — сказал Бен. — Не потому что побежал, а потому что меня толкнул Виктор Крисс.

— Я ббыл бы ккак ттолченая кукуруза с ккрасным пперцем в таком свитере, — сказал Билл, заканчивая последнее печенье. , Бен колебался. Минуту казалось, что он ничего не скажет в ответ.

— Лучше, когда ты толстый, — сказал он в конце концов. — Я имею в виду — когда на тебе надеты свитера.

— Из-за твоего пуза? — спросил Эдди.

Билл фыркнул. — Из-за твоих ттттит...

— Да, из-за моих титек. Ну и что?

— В самом деле, — кротко сказал Билл. — Ну и что?

Был момент неловкой тишины, и затем Эдди сказал:

— Посмотрите, как темнеет вода, проходя через тот край запруды.

— Вот те на! — Бен вскочил на ноги. — Поток высасывает начинку! Боже, если бы у нас был цемент!

Повреждение быстро исправили, но даже Эдди понял, что случится, если почти непрерывно не делать наполнения: эрозия в конце концов обрушит доску в верхнем течении на доску в нижнем, и затем все рухнет.

— Мы можем укрепить берега, — сказал Бен. — Эрозию это не остановит, но хотя бы приостановит.

— Если мы снова используем песок и грязь, она не будет продолжать размываться? — спросил Эдди.

— Мы используем куски дерна.

Билл кивнул, улыбнулся и сделал "О" указательным и большим пальцами правой руки. — Ппошли. Я нннакопаю иих и тты ппокажешь мне, ккуда их пположить Биг Бен.

Позади них скрипуче бодрый голос произнес:

— Боже мой, кто-то тут в Барренсе устроил лужу и прочее!

Эдди повернулся, обратив внимание на то, как съежился Бен от звука этого странного голоса, как сжались у него губы. Над ними вверх по течению, на тропинке, которую накануне пересек Бен, стояли Ричи Тозиер и Стэнли Урис.

Ричи подошел, подпрыгивая в джазовом ритме, посмотрел с некоторым интересом на Бена и затем толкнул Эдди в щеку.

— Не делай так! Я этого терпеть не могу, Ричи.

— О, тебе нравится это, Эдд, — сказал Ричи и улыбнулся ему лучезарной улыбкой — Итак, что скажешь? У тебя много было смешного или как?

5

Все пятеро трудились около четырех часов. Они сели на насыпь намного выше того места, где Билл, Бен и Эдди ели завтрак и где теперь была вода, и внимательно смотрели на дело рук своих. Даже Бену немного не верилось. Он чувствовал усталость от сделанной работы, которая соединялась с беспокоящим страхом. Он обнаружил, что думает о Фантазии. Подобно Микки Маусу он знал, как заставить метлы работать.., но вот, как заставить их остановиться...

— Дьявольски невероятно, — тихо сказал Ричи Тозиер, поправив очки на носу.

Эдди посмотрел на него, но Ричи сейчас не выделывал ни одного из своих номеров: лицо у него было задумчивое, почти торжественное.

На дальнем берегу реки, где земля немного поднималась, а затем опускалась вниз, они создали новый кусок болотистой местности. Папоротник и остролист стояли на фут в воде. Даже отсюда они видели, как болото, выпуская все новые ложноножки, распространяется на запад. За запрудой Кендускеаг, еще нынешним утром мелкая и безопасная, стала спокойной полноводной рекой.

К двум часам бассейн позади запруды так распространился по насыпи, что ручейки разрослись почти до размеров речек. Все, за исключением Бена, отправились в экстренную экспедицию на свалку в поисках дополнительных материалов. Бен торчал на месте, методично затыкая течь дерном. «Мусороискатели» вернулись не только с досками, но и с четырьмя шинами, ржавой дверцей «Гудзор Хорнет — 1949», и большим куском обшивки из рифленой стали. Под руководством Бена они построили два крыла на первоначальной запруде, блокируя выход воды по сторонам, — с крыльями, поставленными под углом к потоку, запруда заработала еще лучше прежнего.

— Полностью остановили засасывание, — сказал Ричи. — Ты гений, мужик!

Бен улыбнулся. — Да это ерунда.

— У меня есть несколько «Винстонов», — сказал Ричи. — Кто хочет?

Он вытащил смятую красно-белую пачку из кармана штанов и пустил ее по кругу. Эдди, подумав о том, какую адскую штуку может сотворить сигарета с его астмой, отказался. Стэн тоже отказался. Билл взял одну и Бен, после минутного раздумья, тоже взял одну. Ричи вытащил коробок спичек с надписью «РОЙТАН» на внешней стороне, дал прикурить сперва Бену, а затем Биллу. Он собирался и сам прикурить, когда Билл задул спичку.

— Спасибо большое, Денбро, мокрица, — сказал Ричи.

Билл улыбнулся, извиняясь. — Тттретья осспичка. К ннесчастыо...

— Несчастьем было для твоих стариков родителей — твое рождение, — сказал Ричи, и зажег сигарету другой спичкой. Он положил скрещенные руки под головой. Сигарета, зажатая в зубах, торчала кверху. — У «Винстона» вкус настоящей сигареты. — Он слегка повернул голову и подмигнул Эдди. — Не правда ли, Эдд?

Эдди видел, что Бен смотрит на Ричи с каким-то благоговейным страхом. Эдди мог это понять. Он знал Ричи Тозиера четыре года, и все еще не мог взять в толк, что у того на уме. Он знал, что у Ричи высшие оценки по всем предметам и низшие за прилежание и поведение. Его отец устраивал ему за это настоящий разнос, а мать чуть не плакала каждый раз, когда Ричи приносил домой плохие оценки по поведению, и Ричи клялся, что отныне все будет хорошо, и, может, так оно и было.., в течение одной, двух четвертей. Беда Ричи заключалась в том, что он не в состоянии был держаться спокойно более минуты, и вообще не мог держать свой рот закрытым. Даже здесь, в Барренсе, где ему не грозили неприятности, хотя Барренс не был далекой пустынной местностью, и они могли быть здесь Дикими Мальчишками, всего несколько часов (мысль о Диком Мальчишке с аспиратором в заднем кармане заставила Эдди улыбнуться). Самое неприятное в Барренсе заключалось в том, что отсюда надо было уходить. Туда, в другой, большой мир, где бред собачий Ричи доставлял ему неприятности, мир со взрослыми, что было плохо, и с парнями типа Генри Бауэрса, что было даже хуже.

Его появление сегодня утром было весьма для

него характерным. Бен Хэнском просто хотел сказать ему «привет», когда Ричи упал на колени у его ног и начал серию своих «салям». Расставив руки, он принялся кланяться, каждый раз касаясь головой земли и одновременно говоря одним из своих Голосов.

У Ричи было около дюжины разных Голосов. — Моя амбиция велит мне, — сказал он однажды Эдди, когда на улице шел дождь и они сидели в маленькой, со стропилами комнатушке над гаражом Каспбраков, читая книгу комиксов «Маленький Лулу», — моя амбиция велит мне стать величайшим в мире чревовещателем. Еще более великим, чем Эдгар Берген, и каждую неделю я буду выступать в «Эд Сюльван Шоу».

Эдди восхищала его амбиция, но он предвидел проблемы с ней связанные. Во-первых, все голоса Ричи звучали очень похоже на голос Ричи Тозиера. Разумеется, порой он бывал довольно забавным, выдавая чушь, как он это называл, обычно в весьма неподходящей компании. Во-вторых, когда Ричи чревовещал, его губы двигались. И очень заметно — на всех звуках. В-третьих, Ричи обещал бросить свой голос, но ему это не удавалось. Большинство его друзей были слишком деликатны, к тому же слишком действовало на

них колдовское обаяние Ричи, чтобы они могли напоминать ему об этих маленьких проколах.

Неистово кланяясь напуганному и смущенному Бену Хэнскому, Ричи говорил голосом, который он называл «Негр Джим»:

— Елки-палки, Мощный Стог! — кричал Ричи. — Не упади на меня, мистер Стог. От меня останется мокрое место, если упадешь. Елки-палки, триста фунтов болтающихся сосисок, двадцать восемь дюймов промеж сисек, Стог будет вонять, как говно пантеры! Только бы оно не выпало из тебя!

— Нне волнуйся, — сказал Билл. — Это пппросто Рррричи. Он сссумасшедший.

Ричи поднялся на ноги.

— Я слышал это, Денбро. Лучше оставь меня в покое, а то я пихну Стог на тебя.

— Ттвоя ллучшая чччасть уже переутомила нногу ттвоего оотца, — сказал Билл.

— Верно, — сказал Ричи, — но посмотри, сколько хорошего еще осталось. Как дела, Стог? Ричи Тозиер зовусь я, делать Голоса берусь я. — Он выставил руку. Ужасно смущенный, Бен потянулся к ней. Ричи убрал руку. Бен заморгал. Смягчившись, Ричи качнулся.

— Меня зовут Бен Хэнском, на случай, если тебе

интересно, — сказал Бен.

— Видел тебя в школе, — сказал Ричи. Он быстро коснулся рукой все увеличивающейся лужи. — Это должно быть твоя идея. Эти мокрые концы не способны зажечь фейерверк огнеметом.

— Говори за себя, Ричи, — сказал Эдди.

— О, ты имеешь в виду, что это твоя идея, Эдд? Боже, мой, прости.

Он упал перед Эдди и снова начал свое неистовое «салям».

— Встань, прекрати, ты брызгаешь на меня грязью, — закричал Эдди.

Ричи опять вскочил на ноги и ударил Эдди по щеке. — Смышленый, смышленый, смышленый! — восклицал Ричи.

— Прекрати, я терпеть этого не могу!

— Не суетись, Эдд. Кто построил запруду?

— Ббен ппоказал нам, — сказал Билл.

— Хорошо. — Ричи повернулся и открыл Стэнли Уриса, стоявшего за ним, с руками в карманах и спокойно наблюдающего, как Ричи выделывает свое шоу.

— Вот здесь Стэн — Мужчина — Урис, — сказал Ричи Бену. — Стэн еврей. Еще он убил Христа. Во всякой случае, так мне однажды сказал Виктор Крисс. С тех пор я за ним присматриваю. Я думаю,

если он и вправду тот малый, он должен суметь купить нам пива. Правильно, Стэн?

— Я думаю, ты должен был бы быть моим отцом, — сказал Стэн низким, приятным голосом, и они все подавились от смеха, включая Бена. Эдди смеялся, пока слезы не побежали у него по лицу.

— Чушь! — кричал Ричи, двигаясь крупными шагами, вскинув руки над головой, как футбольный рефери, объявляющий очко. — Стэн-мужик выдает чушь! Великий момент истории.

— Привет, — сказал Стэн Бену, казалось вовсе не обращая никакого внимания на Ричи.

— Привет, — ответил Бен. — Мы были в одном классе, когда учились во втором. Ты тот парень, который...

— ., никогда ничего не говорил, — закончил Стэн, немного улыбаясь.

— Верно.

— Стэн не сказал бы чушь, если бы у него рот был занят, — сказал Ричи. — Что он часто делает...

— Зззззаткнись, Ричи, — сказал Билл.

— Ладно, только сначала, как ни прискорбно, я должен сказать вам одну вещь. Думаю вы потеряете свою запруду. Долина растечется. Давайте заберем отсюда женщин и детей.

И не заботясь о том, чтобы засучить штаны или хотя бы снять обувь, Ричи прыгнул в воду и начал швырять дерн в то место на ближнем крыле запруды, где упорный поток тащил с собою все наполнение грязными узкими лентами. Одна дужка его очков была обмотана кусочком лейкопластыря и свободный его конец болтался у скулы, когда Ричи работал. Билл перехватил взгляд Эдди, слегка улыбнулся и дернулся. Как Ричи. Конечно, он доставал вас, но что-то приятное было в том, что он находился рядом.

Они работали над запрудой еще час. Ричи выполнял команды Бена, двое парней помогали ему, необыкновенно охотно и в маниакальном темпе. Выполнив команду, он докладывал об этом Бену и обращался за дальнейшими распоряжениями, небрежно, по-британски, салютуя и вплотную приставив друг к другу спортивные тапочки. Иногда он начинал разглагольствовать одним из своих Голосов: немецкий комендант Тудлз, английский Бутлер, южный Сенатор (который звучал очень похоже на Фогхорна Легхорна и который, когда пробьет час, станет героем по имени Буфорд Киссдревель, комментатора кинохроники).

Работа не просто продвигалась вперед — это

был спринтерский бег. И теперь, незадолго до пяти часов, оказалось, что то, что сказал Ричи, правда: они полностью предотвратили засасывание. Дверца машины, кусок гофрированной стали и старые шины стали второй ступенью запруды, и она поддерживалась огромным насыпным холмом из земли и камней. Стэн, казалось, смотрел в небо, но Эдди знал, что Стэн смотрит на деревья на другой стороне потока, выискивая птицу-другую, чтобы вписать их этим вечером в свою записную книжку по орнитологии. Эдди сам только что сел, скрестив ноги, чувствуя приятную усталость и веселость. Все парни казались ему сейчас выдающимися, о дружбе с ними можно было только мечтать. Они хорошо себя чувствовали вместе: соприкасались своими гранями. Это трудно было объяснить, и поскольку в объяснениях не нуждалось, то Эдди решил — пусть все так и остается.

Он посмотрел на Бена, который неуклюже держал свою наполовину выкуренную сигарету и часто сплевывал, как будто ему не очень нравился ее вкус. Поймав взгляд Эдди, Бен погасил сигарету и бросил в грязь длинный хабарик.

Увидев, что Эдди наблюдает за ним, Бен в смущении отвел свой взгляд.

Эдди посмотрел на Билла и увидел в лице Билла

что-то ему не понравившееся. Билл смотрел через реку внутрь деревьев и кустарников на дальнем берегу, глаза его были серые и задумчивые. На лице читалось размышление. «Он выглядит так, будто его преследуют призраки», — подумал Эдди.

Как будто угадав его мысли, Билл посмотрел на него. Эдди улыбнулся, но Билл не ответил улыбкой. Он вытащил сигарету и посмотрел на остальных. Даже Ричи был втянут в тишину своих собственных мыслей — событие редкое, как лунное затмение.

Эдди знал, что Билл редко говорит что-то важное, — только в полной тишине, потому что ему трудно говорить. И ему вдруг захотелось самому что-нибудь сказать, или чтобы Ричи начал одним-двумя из своих Голосов. Он вдруг почувствовал, что Билл собирается открыть рот и сказать нечто ужасное, ужасное-ужасное, и это нечто все должно изменить. Эдди автоматически потянулся за аспиратором, вытащил его из заднего кармана и взял в руку. Он сделал это бессознательно.

— Мможно ввам ччто-то ррассказать, ребята? — спросил Билл.

Они все посмотрели на него. «Выдай шутку,

Ричи! — подумал Эдди. — Выдай шутку, скажи что-нибудь оскорбительное, смути его, мне плевать, только заткни его. Что бы это не было, я не хочу слышать, я не хочу, чтобы все менялось, я не хочу бояться».

В его голове сумрачный, квакающий голос шептал: «Я сделаю это за десятицентовик».

Эдди вздрогнул и пытался отогнать этот голос и внезапную картину, которую он вызвал в его мозгу: дом на Нейболт-стрит, его передний двор, заросший сорняками, гигантские подсолнечники, кланяющиеся в одну сторону в заброшенном саду.

— Конечно, Большой Билл, — сказал Ричи. — В чем дело?

Билл открыл рот (Эдди испытал тревогу), закрыл его (благословенное облегчение для Эдди) и затем снова открыл его (опять тревога).

— Еесли вы, ппарни, ббудете ссмеяться, яя нникогда ббольше нне ббуду с ввами бболтать, — сказал Билл. — Это бббезумие, но я клянусь, я это нне ввыдуммал. Это ппо-настоящему ссслучилось.

— Мы не будем смеяться, — сказал Бен. Он посмотрел на других. — Верно?

Стэн покачал головой. То же сделал Ричи.

Эдди хотел сказать: «Да, будем, мы будем смеяться до потери пульса и говорить, что ты действительно ненормальный, так что не лучше бы тебе заткнуться прямо сейчас?» Но, конечно, он не мог сказать ничего подобного. Это был в конце концов Большой Билл. Он покачал головой, чувствуя себя несчастным. Нет, я не буду смеяться. Никогда в жизни ему не хотелось смеяться меньше, чем сейчас.

Они сидели вокруг запруды, которую Бен научил их делать, переводя взгляд с лица Билла на лужу, которая все ширилась, а вслед за нею ширилось болото, а затем снова на лицо Билла. Они тихо слушали, а он рассказывал им о том, что случилось, когда он открыл альбом фотографий Джорджа, как школьная фотография Джорджа повернула голову и подмигнула ему, как книга закровоточила, когда он бросил ее через комнату. Это было длинное, мучительное повествование, и ко времени, когда он закончил, лицо у Билла было красное и он обливался потом. Эдди никогда не слышал, чтобы он заикался так ужасно.

Наконец история была рассказана. Билл посмотрел на них и удовлетворенный, и испуганный. Эдди увидел похожее выражение на лицах Бена, Ричи и Стэна. Это был торжественный,

благоговейный страх. И ни капельки недоверия. Эдди страстно захотелось вскочить на ноги и закричать: «Что за сумасшедшая история! Ты ведь не веришь этой сумасшедшей истории, правда, и даже если ты веришь, ты не веришь, что мы верим ей, правда? Школьные фото не могут подмигивать! Книги не могут кровоточить! Ты не в своем уме. Большой Билл!»

Но он не смог бы сказать такое, потому что выражение торжественного страха было и на его собственном лице. Он не мог этого видеть, но он чувствовал.

— Иди-ка сюда, парень, — шептал хриплый голос. — Я сдую тебя. Иди сюда!

— Нет, — простонал Эдди. — Пожалуйста, уходи, я не хочу об этом думать.

— Возвращайся сюда, парень.

И теперь Эдди видел что-то еще — не на лице Ричи, он так не думал, а на лице Стэна и Бена наверняка. Он знал, что произошло; знал, потому что такое же выражение было на его собственном лице.

Узнавание.

Я тебя сдую.

Дом под номером 29 по Нейболт-стрит был сразу же за сортировочной станцией Дерри. Он

был старый, заколоченный досками, крыльцо вросло в землю, лужайка вокруг заросла травой. Старый трехколесный велосипед, ржавый и опрокинутый, спрятался в высокой траве, одно колесо торчало под углом.

Но по левую сторону крыльца на лужайке было обширное пятно голой земли и можно было увидеть грязные окна подвала, врезанные в осыпающееся кирпичное основание дома. В одном из этих окон Эдди Каспбрак шесть недель назад впервые увидел лицо прокаженного.

6

По воскресеньям, когда Эдди не с кем было играть, он часто ходил на сортировочную станцию. Без всякой причины; просто любил туда ходить.

Он обычно ехал на своем велосипеде по Витчем-стрит, а затем, срезая путь, сворачивал на северо-запад по дороге №2, пересекавшей Витчем. Церковная школа стояла на углу дороги №2 и Нейболт-стрит — примерно в миле или несколько дальше. Это было ветхое, но аккуратное деревянное здание с большим крестом наверху и словами «ПОЗВОЛЯЮ МАЛЕНЬКИМ ДЕТЯМ ПРИХОДИТЬ КО МНЕ», написанными над парадной дверью позолоченными буквами высотой два фута. Иногда

по воскресеньям Эдди слышал изнутри музыку и пение. Это была евангелистская музыка, но казалось, там играет Джерри Ли Льюис, а вовсе не постоянный церковный пианист. Музыка звучала не очень религиозно, хотя в ней было что-то вроде: «прекрасного Сиона» и «окропления кровью агнца» и «какого друга мы имеем в Иисусе». Чтобы так божественно петь, думал Эдди, у людей должно быть слишком много времени. Но все равно ему нравилась эта музыка, впрочем он любил слушать и Джерри Ли, который пел, подвывая, «Тряска Лотты продолжается». Иногда он останавливался, прислонял свой велосипед к дереву и, притворяясь будто читает на траве, сопереживал музыку.

В иные субботы церковная школа была закрыта и безмолвна, и он, не останавливаясь, проезжал сортировочную станцию туда, где Нейболт-стрит закачивалась депо. Там он прислонял свой велосипед к деревянной ограде и смотрел на проходящие миме поезда. По субботам их было полно. Его мать говорила, что в былые времена на станции Нейболт-стрит, можно было сесть на пассажирский поезд; пассажирские поезда прекратили ходить, когда началась корейская война. «Если бы ты сел в поезд, направляющийся

на север, ты бы приехал на Браунсвил-стейшн, — сказала она, — а там мог бы пересесть на поезд, идущий через Канаду к Тихому океану. Поезд южного направления привез бы тебя в Портленд, а затем в Бостон. Теперь пассажирские поезда уступили здесь дорогу трамваям. Никто не хочет ездить поездом. Зачем? Когда есть „Форд“. Ты может быть никогда и не поедешь в поезде».

Но длинные товарные составы все еще шли через Дерри. Они направлялись на юг, нагруженные древесиной, бумагой, картофелем, на север — промышленными товарами для тех городов, которые население штата Мэн иногда называло Большим Севером — Бангор, Миллинокет, Макиас, Преск Айл, Хаултон. Эдди особенно любил смотреть поезда северного направления с их продукцией — сверкающими «Фордами» и «Шевиотами». "У меня будет когда-нибудь такая машина, — пообещал он себе. — А может, даже лучше. Может быть, даже «Кадиллак». На станции сходилось шесть путей — так нити паутины сходятся в центре: Бангор и Большой Северный путь с севера, Большой Южный и Западный Мэн с запада, Бостон и Мэн с юга и Южный морской с востока.

Однажды, за два года до этого, когда Эдди стоял

около последней колеи и смотрел, как проходит товарняк, пьяный проводник бросил на него ящик из медленно движущегося вагона. Эдди наклонился и отпрянул, хотя ящик упал на угольный шлак в десяти футах от него. Внутри ящика были живые существа, они щелкали и двигались. «Возьми же наконец, парень!» — закричал пьяный кондуктор. Он вытащил плоскую коричневую бутылочку из кармана своей бумажной куртки, открыл ее, выпил, затем бросил на угольный шлак, где она разбилась вдребезги. Проводник указал на ящик: «Отнеси его домой, маме! Привет от Южной-Хреновой-морской-Дороги!» Он подался вперед, чтобы прокричать эти последние слова, так как поезд стал набирать скорость, и на какой-то момент Эдди тревожно подумал, что он сейчас выпадет.

Когда поезд ушел, Эдди приблизился к ящику и осторожно наклонился над ним. Он боялся подходить слишком близкой Существа внутри были скользкие и ползучие. Если бы проводник крикнул, что они предназначены ему, Эдди оставил бы ящик лежать. Но он сказал взять их домой, маме, и, как Бен, при упоминании о маме, Эдди подпрыгнул.

Он стибрил моток веревки из пустующего

складского помещения, покрытого гофрированным железом, и привязал ящик к багажнику велосипеда. Его мать заглянула внутрь ящика еще более осторожно, чем он сам, и затем закричала — от радости, а от ужаса. В ящике было четыре омара, большие, на два фунта, с шевелящимися клешнями. Она приготовила их на ужин и ужасно рассердилась на Эдди, что он мало съел.

— Что ты думаешь едят Рокфеллеры сегодня вечером у себя дома в Бар Харборе? — негодующе спросила она. — Что, как ты думаешь, едят светские люди на Двадцать первой улице и на Сарди в Нью-Йорке. Арахисовое масло или сэндвичи с вареньем? Они едят омаров, Эдди, таких же, каких едим мы! Давай — попробуй еще!

Но Эдди не хотел, даже не то чтобы не хотел, а не мог. Он помнил какие они были склизкие там в ящике, какие щелкающие звуки они издавали. Мама продолжала убеждать его, что это деликатес, что от такого угощения нельзя отказываться, до тех пор, пока он не начал задыхаться и не вынужден был прибегнуть к своему аспиратору. Тогда она оставила его в покое.

Эдди ушел в свою спальню и стал читать. А мать позвонила своей подруге Элеоноре Дантон. Элеонора пришла, они принялись листать ста-

рые экземпляры «Фотоигры» и «Секретов экрана» и, хихикая над колонками сплетен, пожирали холодный салат из омаров. Когда Эдди на следующее утро встал в школу, мать все еще была в постели, она тяжело храпела, издавая длинные рулады пердежа, которые звучали, как веселая игра на корнете (она выдавала Чушь, сказал бы Ричи). В миске, где бал салат из омаров, не осталось ничего, кроме нескольких пятнышек майонеза.

Это был последний поезд с Южного побережья, который видел Эдди. Потом, увидев мистера Брэддока, начальника станции Дерри, он спросил его, колеблясь, что случилось. Мистер Брэддок ответил:

— Компания разорилась. Все к этому шло. Ты не читаешь газет? Такое происходит повсеместно в этой чертовой стране. А теперь уходи отсюда. Здесь не место детям.

После этого Эдди иногда гулял вдоль пути 4, — колеи южного направления, и словно бы слышал, как кондуктор монотонно произносит названия, магические названия: Кэмден, Роклэнд, Бар Харбор, Вискассет, Ват, Портленд, Оганквит, Бервикс; он шел обычно по пути 4 на восток, пока не уставал; заросшие сорняками шпалы вызывали

грусть. Однажды он посмотрел вверх и увидел чаек (возможно, просто старых жирных чаек с помойки, которые никогда не видели моря, но тогда это не пришло ему в голову), кружащих и кричащих наверху, и звук их голосов заставил *его* тоже вскрикнуть.

Когда-то на сортировочную станцию вела калитка, но ее снесло ураганом, и никого это не заботило. Эдди приходил сюда и уходил, когда ему вздумается, хотя мистер Брэддок, обычно вышвыривал его, когда замечал (не только его, а любого ребенка). Иные водители грузовиков ловили болтающихся там ребят — ведь того и гляди стибрят чего-нибудь, впрочем, иногда дети и в самом деле подворовывали.

Хотя вообще-то место было спокойное. Была здесь сторожевая будка с разбитыми камнями окнами, но она пустовала. Примерно с 1950 годов здесь не было постоянной службы безопасности. Мистер Брэддок шугал детей днем, да ночной сторож приезжал четыре-пять раз за ночь в старом «Студебекере» с прожектором, установленным за вентиляционным окошком, — вот и все.

Впрочем и тогда бывали бродяги и бездомные. Если что-нибудь на станции и пугало Эдди, так это они — небритые мужчины с потрескавшейся

кожей, волдырями на руках и лихорадкой на губах.

Они приезжали по железной дороге на какое-то время, затем выползали на какое-то время, проводили некоторое время в Дерри, и затем садились на другой поезд и ехали куда-то еще. Иногда у них не хватало пальцев на руках. Обычно они были пьяные и интересовались, нет ли у тебя сигареты.

Один из этих мужиков выполз однажды из-под крыльца дома номер 29 по Нейболт-стрит и предложил Эдди половой акт за четверть доллара. Эдди отпрянул, кожа у него заледенела, во рту пересохло. Одна ноздря бродяги была разъедена. Виден был красный покрытый струпьями канал.

— У меня нет четверти доллара, — сказал Эдди, пятясь к велосипеду.

— Я сделаю его за десятицентовик, — крякнул бродяга, подходя к нему.

На нем были зеленые фланелевые штаны. Желтая блевотина затвердела у лона. Он расстегнул ширинку и полез внутрь. Он пытался широко улыбнуться. У него был ужасный красный нос.

— Я... У меня нет и десятицентовика, — сказал Эдди и внезапно подумал: «О, мой Бог, у него лепра! Если он дотронется до меня, я тоже заражусь!»

Его управление сработало, и он побежал. Он услышал, как бродяга бежит за ним, волоча ноги, его завязанные веревками ботинки шаркают и хлябают по пышной лужайке у заброшенного соляного склада.

— Возвращайся сюда, парень! Я трахну тебя бесплатно. Вернись!

Эдди склонился над велосипедом, дыша с присвистом, чувствуя, как горло сжимается до булавочного ушка. Он пригнулся еще ниже, накручивая педали, и как раз набирал скорость, когда рука бродяги ударила по багажнику. Велосипед забуксовал. Эдди посмотрел через плечо и увидел, что бродяга ДОБИРАЕТСЯ до заднего колеса, его губы оттянуты от черных остатков зубов с выражением, которое могло быть либо отчаянием, либо бешенством.

Невзирая на камни, давящие грудь, Эдди энергичнее нажимал на педали, ожидая, что в любой момент одна из покрытых струпьями рук бродяги приблизится к его руке, бродяга оттолкнет его от его «Ралея» и свалит в канаву, где Бог знает, что случится с ним. Он не осмеливался оглянуться назад до тех пор, пока не миновал церковную школу и перекресток дороги №2. Бродяги не было.

Эдди держал в себе эту страшную историю по-

чти неделю и затем поверил ее Ричи Тозиеру и Биллу Денбро, когда они читали вместе комиксы над гаражом.

— У него не было лепры, дуралей, — сказал Ричи. — У него был сифилис.

Эдди посмотрел на Ричи, — не разыгрывает ли он его — никогда раньше он не слышал о болезни, которую называют сифилис. Она звучала так, будто Ричи сам ее придумал.

— Разве есть такая штука, Билл?

Билл серьезно кивнул.

— А что это?

— Это болезнь, которую получают от ебли, — сказал Ричи. — Ты ведь знаешь о ебле, не так ли, Эдд?

— Конечно, — сказал Эдди. Он надеялся, что не краснеет. Он знал, что когда вы взрослеете, из вашего пениса что-то выходит, когда он твердый. Винсент Бугерс Талиендо напичкал его однажды в школе информацией. По Бугерсу, когда вы занимаетесь еблей, вы трете своим членом о живот девочки, пока он не затвердеет (ваш член, а не живот девочки). Затем вы трете еще, пока не начнете «получать ощущение». Когда Эдди спросил, что это значит, Бугерс только таинственным образом покачал головой. Бугерс

сказал, что описать это невозможно, понять можно только самому ощутив. Он сказал, что можно попрактиковаться, лежа в ванной и натирая свой член мылом «Айвори» (Эдди попробовал, но единственным ощущением, которое он вскоре получил, была необходимость помочиться). Так или иначе, продолжал Бугерс, после того как вы «получили ощущение», эта штука выходит из вашего пениса. Многие парни называют это «кончить», сказал Бугерс, но его старший брат сказал ему, что по-настоящему научное слово для этого эякуляция. И когда вы «получаете ощущение», вы должны схватить свой член и как можно скорее, как только эякуляция наступает, выстрелить жидкостью в дырочку в животе. Она попадет в ее живот и сделает ей там ребенка.

— Девочкам это нравится? — спросил Эдди Бугерса Талиендо.

Он был в ужасе.

— Думаю, должно нравиться, — ответил Бугерс, сам выглядя загадочным.

— Теперь слушай, Эдд, — сказал Ричи, — потому что потом могут быть вопросы. У некоторых женщин есть эта болезнь. У некоторых мужчин тоже, но обычно у женщин.

Парень может схватить ее от женщины...

— Или другого ппарня, если они гголубые, — добавил Билл.

— Верно. Важно то, что ты получаешь сифилис, трахая кого-нибудь, у кого он уже есть.

— Что он делает? — спросил Эдди.

— Вызывает в тебе гниение, — просто ответил Ричи.

Эдди в ужасе уставился на него.

— Это ужасно, я знаю, но это так, — сказал Ричи. — Первым проваливается твой нос. У некоторых парней, у которых сифилис, носы отваливаются. Затем их члены.

— Пппожалуйста, — сказал Билл. — Я только что ппоел.

— Привет, парень, это наука, — сказал Ричи.

— А какая разница между проказой и сифилисом? — спросил Эдди.

— Проказу не получают от ебли, — быстро сказал Ричи, а потом взорвался хохотом, который озадачил и Билла, и Эдди.

7

С тех пор Эдди так и подмывало пройти мимо дома 29 по Нейболт-стрит. При мысли об этом его охватывало какое-то странное волнение. Глядя на поросший сорняками двор, на разбитое

крыльцо и заколоченные досками окна, он чувствовал, как нечистые чары захватывают его. А шесть недель назад он поставил свой велосипед на усыпанный гравием край дороги (тротуар закончился четырьмя домами раньше) и прошел вдоль лужайки к крыльцу этого дома.

Его сердце тяжело билось в груди и во рту снова была сухость, слушая рассказ Билла об ужасном портрете, он знал, что входя в комнату Джорджа Билл чувствовал примерно то же, что сам он, приближаясь к тому дому. Он словно бы не владел собой, что-то толкало его к этому дому.

Казалось, даже не его ноги двигаются, а сам дом, размышляющий, спокойный, приближается к тому месту, где он стоит.

Едва доходили до него звуки дизельного двигателя на сортировочной станции и металлическое лязганье сцеплений. Там маневрировали вагонами, составляли эшелон.

Его рука схватила аспиратор, но, странно, приступ астмы не прекратился, как прекратился в тот день, когда он убежал от бродяги со сгнившим носом. Было одно желание: стоять спокойно и смотреть, как дом будто по невидимой колее неуклонно скользит к нему.

Эдди посмотрел под крыльцо. Там никого не

было. Это было неудивительно. Была весна, а бездомные в Дерри обычно появлялись с конца сентября до начала ноября. В течение этих шести недель можно было найти поденную работу на одной из отдаленных ферм, даже если бродяга выглядел не слишком прилично. Можно было наняться собирать картофель и яблоки, ставить снеговой заслон, латать крыши амбаров и сараев до прихода, высвистывающего зиму, декабря.

Никаких бродяг под крыльцом не было, но следов их пребывания было множество. Пустые пивные банки, пустые ликерные бутылки.

Заскорузлое от грязи одеяло лежало на кирпичном основании, как мертвая собака. Валялись вороха мятой бумаги, старый башмак, стоял запах отбросов... Там внизу толстым слоем лежали прошлогодние листья.

Не в состоянии противиться этому, Эдди пополз под крыльцо. Сердце билось у него в голове, направляя белые пятна света сквозь поле его зрения.

Внизу запах был еще хуже — запах выпивки, и пота, и резкое амбре разлагающихся листьев. Старые листья и старые газеты даже не шуршали под его ногами и коленями. Они тяжко вздыхали.

«Я бродяга, — думал бессвязно Эдди. — Я бродя-

га, и я езжу по железке. Вот чем я занимаюсь. У меня нет денег, нет дома, но у меня есть бутылка, и доллар, и место для ночлега. Я буду собирать яблоки на этой неделе, а через неделю картошку, и когда мороз замкнет землю, как банковские своды деньги, да, я прыгну в ящик поезда, который пахнет сахарной свеклой, и сяду в уголке и укроюсь сеном, если оно есть, и выпью немного, и пожую немного, и рано или поздно я доберусь до Портленда или Бинтауна, и если меня не сцапает железнодорожный сыщик, я прыгну в один из ящиков „Бама Стар“ и отправлюсь на юг, и когда я доберусь туда, я буду собирать лимоны, или лайму, или апельсины. И скитаясь, я буду строить дороги, по которым будут ездить туристы. Черт, ведь я этим занимался раньше, а? Я просто одинокий старый бомж, у меня нет денег, у меня нет дома, но у меня есть одна вещь: у меня есть моя болезнь, которая пожирает меня. Моя кожа трещит, мои зубы вываливаются, и знаешь что? Я ощущаю свою порчу, как яблоко, которое размякает, я могу чувствовать, как это происходит, как поедает меня изнутри, поедает, поедает, поедает меня».

Эдди с гримасой отвращения отодвинул в сторону затвердевшее одеял — осторожно дотронулся

до него большим и указательным пальцами, испытывая при этом смешанные чувства. Одно из низких окон подвала было прямо за крыльцом, оконное стекло частично разбито, оставшееся стекло грязное, светонепроницаемое. Он наклонился вперед, почти что загипнотизированный. Он наклонился ближе к окну, ближе к темноте подвала, вдыхая запах старости и упадка, разложения, ближе и ближе к черному, и вероятно прокаженный схватил бы его, если бы его астма в этот самый момент не наделала шума. Он с силой сжал свои легкие, его дыхание тотчас же выдало знакомый ненавистный свистящий звук.

Он подался назад, и вот тогда появилось лицо. Его появление было настолько внезапным, пугающим (и в то же самое время настолько ожидаемым), что Эдди не мог бы вскрикнуть, даже если бы у него не было приступа астмы. Глаза были выпученные. Рот открывался со скрипом. Это был не бродяга с провалившимся носом, но сходство было. Ужасное сходство. И все-таки.., эта вещь не могла быть человеком. Невозможно быть настолько съеденным и остаться в живых.

Кожа на лбу была рассечена. Белая кость, покрытая мембраной желтого слизистого вещества, смотрела через линзу затуманенного прожек-

тора. Нос — мост из хряща над двумя красными вспыхивающими каналами. Один глаз — ликующая голубизна. Другая глазница наполнена массой губчатой черно-коричневой ткани. Нижняя губа прокаженного отвисла, как печень. Верхней губы у него вообще не было; зубы выступали в злобной ухмылке.

Оно выпростало руку сквозь разбитое оконное стекло. Оно выпростало другую руку через грязные остатки стекла, разбив его на осколки. Его ищущие, хватающие руки были в болячках. Жучки ползали и сновали туда-сюда.

Всхлипывая, тяжело дыша, Эдди попятился назад. Он едва мог перевести дыхание. Его сердце было вышедшим из-под контроля двигателем в груди. Оказалось, что на прокаженном изношенные остатки какого-то странного серебристого костюма. Что-то кучками роилось в его волосах.

— Как насчет того, чтобы трахнуться, Эдди? — проквакало привидение, ухмыляясь остатками рта. Оно пропело:

— Бобби делает это за четверть цента, он сделает это в любое время, пятнадцать центов за сверхурочную работу. — Он подмигнул:

— Это я, Эдди, — Боб Грей. И теперь, когда мы должным образом познакомились... — одна из

его рук потянулась к правому плечу Эдди. Эдди пронзительно закричал.

— Все в порядке, — сказал прокаженный, и Эдди, как в страшном сне, увидел, что он выползает из окна. Костлявый щит за его шелудивым лбом обнажал тонкую деревянную полоску между оконными стеклами. Его руки скребут покрытую листьями землю.

Серебристые плечи его костюма.., костюма.., каким бы он ни был... начали пробиваться, протискиваться через пролом. Один видящий голубой глаз не покидал лица Эдди.

— Вот я иду, Эдди, все в порядке, — прокрякал он. — Тебе понравится здесь у нас. Некоторые из твоих друзей — здесь.

Его рука снова потянулась, и в каком-то уголке своего охваченного паникой, кричащего разума Эдди вдруг холодно понял, что если «это» дотронется до его обнаженной кожи, он тоже начнет гнить. Эта мысль вывела его из паралича. Он резко отступил назад, затем повернулся и рванул к дальнему концу крыльца. Солнечный свет, проникающий узкими пыльными лучами сквозь трещины между досками крыльца, иногда накладывал полоски на его лицо. Его голова протолкнулась сквозь пыльную паутину, которая

осела на его волосах. Он посмотрел назад через плечо и увидел, что прокаженный уже наполовину снаружи.

— Бесполезно бежать, Эдди, — звало это существо.

Эдди достиг дальнего конца крыльца. Там была решетчатая конструкция. Через нее светило солнце, кладя алмазы света на его щеки и лоб. Он наклонил голову и вломился в нее без всякого колебания, вырывая с криком рубашку с ржавых дешевых гвоздей. Дальше были кусты роз, и Эдди прорывался сквозь них, спотыкаясь, не чувствуя шипов, которые покрыли мелкими порезами его руки, щеки, шею.

Он повернулся и отступил на согнутых ногах, вытаскивая аспиратор из кармана, включая его. Наверно, все это было иена самом деле? Он подумал о бомже и его голова.., ну, просто (устроила шоу) показала ему фильм, фильм ужасов, наподобие картин на субботних утренниках, с франкенштейном и Вольфманом, которые шли у них иногда в «Бижу» или «Джеме», или «Аладдине». Конечно, это так. Он сам себя испугал! Какой болван!

Он даже готов уже был посмеяться над неподозреваемой живостью своего воображения,

но гниющие конечности выпростались из-под крыльца, цепляясь за кусты роз с безумной свирепостью, хватая их, срывая их, запечатлевая на них бусинки крови.

Эдди пронзительно закричал.

Выползал прокаженный. На нем был клоунский костюм, он видел клоунский костюм с большими оранжевыми пуговицами впереди. Он широко улыбался Эдди. Подобие рта раскрылось, высунулся язык. Эдди снова закричал, но стук дизельного двигателя на сортировочной заглушил задыхающийся крик мальчика. Язык прокаженного не просто вывалился изо рта; в нем было по меньшей мере три фута и он раскатывался по всей длине. Стреловидный кончик его стягивал грязь. Пена, желтая и липкая, разливалась по нему. Он кишел жучками.

Кусты розы, обнаруживавшие первые признаки, весны, когда Эдди пробирался через них, сейчас стали мертвыми и похожими на черное кружево.

— Сношение, — прошептал прокаженный и нетвердо встал на ноги.

Эдди побежал к велосипеду. Это была такая же гонка, как в первый раз, только с оттенком кошмара: вы словно бы двигаетесь с мучитель-

ной медлительностью, несмотря на отчаянные попытки бежать быстрее.., разве в этих случаях вы никогда не чувствовали позади себя чего-то нацеленного на вас? Не ощущали запах Его смердящего дыхания, как сейчас Эдди ощущал его?

На мгновение Эдди почувствовал дикую надежду: а что, если это действительно кошмар? Вот сейчас он проснется в своей собственной кровати, весь в поту, трясущийся, может быть даже в слезах.., но живой. Невредимый. Но он оттолкнул эту мысль. Ее очарование было смертоносно, ее комфорт фатален.

Он не пытался немедленно сесть на свой велосипед; он бежал, держась за руль и толкая его. Он чувствовал, будто тонет, но не в воде, а внутри своей грудной клетки.

— Сношение, — снова прошептал прокаженный. — Приходи в любое время, Эдди. Приводи своих друзей.

Гниющие пальцы прокаженного, казалось, хватали его затылок, но, возможно, это была всего лишь колышущаяся нить паутины из-под крыльца, уцепившаяся ему за волосы. Эдди запрыгнул на велосипед и нажал на педали, не обращая внимания на то, что его горло сдавило, не давая никакого послабления своей астме, не

оглядываясь назад. Он не оглядывался до тех пор, пока не оказался почти что дома, и, конечно, за ним никого не было, когда он в конце концов с двумя мальчишками пошел играть в парк в мяч.

Той ночью, лежа прямо, как кочерга, в кровати с одной рукой на аспираторе и всматриваясь в тени, он услышал, как прокаженный шепчет: «Бесполезно убегать, Эдди».

8

— Н-да, — сказал Ричи с уважением. Это было первое, что было произнесено между ними с того момента, как Билл Денбро закончил свой рассказ.

— У тттебя есть еееще оодна ссигарета, Рричи?

Ричи дал ему последнюю в упаковке, которую он выцарапал полупустой из ящика стола своего отца. Он даже дал Биллу прикурить.

— Тебе это не приснилось, Билл? — вдруг спросил Стэн.

Билл покачал головой. — Нннет — этто был нне ссон.

— По-настоящему, — сказал Ричи низким голосом.

Билл внимательно посмотрел на него. — Чч-что?

— По-настоящему, я сказал, — Ричи посмотрел на него почти обиженно. — Это по-настоящему случилось. Это было реально. И прежде чем он смог остановиться — прежде чем он понял, что сделает это — Эдди вдруг услышал себя рассказывающим историю прокаженного, который выполз из подвала дома 29 по Нейболт-стрит. На половине рассказа он начал тяжело дышать и должен был воспользоваться своим аспиратором. А в конце разразился горькими слезами, его тощее тело сотрясалось.

Они все смотрели на него тревожно, затем Стэн положил ему руку на спину. Билл неуклюже обнял его, а другие глядели в сторону, смущенные.

— Нничего, Ээдди. Ввсе о'кей.

— Я тоже видел его, — сказал внезапно Бен Хэнском. Его голос был и ровный, и резкий, испуганный.

Эдди посмотрел вверх, на лице его все еще были слезы, глаза красные, наивные. — Что?

— Я видел клоуна, — сказал Бен. — Только он был не таким, как ты сказал — во всяком случае, не таким, когда я видел его. Он не был склизкий. Он был.., он был сухой. — Бен помедлил, нагнул голову и посмотрел на руки, которые безучастно лежали на его слоновьих бедрах.

— Я думаю, он был мумией.

— Как в кино? — спросил Эдди.

— И так и не так, — медленно сказал Бен. — В кино он выглядит, как подделка. Он жуткий, но можно сказать, что это работа на высшем уровне, ясно? Все эти бинты, обертки — они выглядят слишком аккуратными, что ли. Но этот мужик.., он выглядел, как выглядела бы настоящая мумия. Если бы вы нашли ее внизу, под пирамидой, я имею в виду. Кроме костюма.

— Какой костюм?

Бен посмотрел на Эдди. — Серебряный костюм с большими оранжевыми пуговицами спереди.

Рот Эдди открылся. Он закрыл его и сказал:

— Если ты шутишь, скажи. Я все еще.., все еще вижу того мужика под крыльцом.

— Это не шутка, — сказал Бен и начал рассказывать свою историю. Он рассказывал ее медленно, начав с добровольного желания помочь миссис Дуглас считать и складывать книги и закончив своими собственными видениями. Он говорил медленно, не глядя на остальных. Он говорил так, будто глубоко стыдился своего поведения. Он не поднимал головы, пока история не закончилась.

— Тебе, должно быть, это приснилось, — сказал Ричи в конце концов. Он увидел, как Бен вздрог-

нул, и поспешно прибавил:

— Не принимай это лично на свой счет Биг Бен, но ты должен понять, что воздушные шары не могут, вроде, летать против ветра...

— И портреты не могут мигать, — сказал Бен.

Ричи перевел взгляд с Бена на Билла, озадаченный. Сомневаться в правдивости Бена было еще можно, но Билл... Билл был их лидером, они все смотрели на него. Никто не говорил об этом вслух — не было необходимости. Но Билл был человеком идеи, он мог придумать, что делать в тоскливый, скучный день, он помнил игры, которые другие забывали. Они ощущали что-то подкупающе взрослое в Билле — возможно, это было чувство ответственности, чувство, что Билл, если надо, взял бы на себя ответственность. Правда была в том, что Ричи верил в историю Билла, какой бы невероятной она ни казалась. И, возможно, не хотел верить Бену.., или Эдди в этом плане.

— А с тобой ничего такого никогда не происходило, а? — спросил Эдди у Ричи.

Ричи помедлил, начал что-то говорить, покачал головой, снова помедлил, затем сказал:

— Самое страшное, что я видел в последнее время, это, как Марк Прендерлист мочится в Мак-

карон-парке. Мерзейшая штука.

Бен сказал:

— А как ты, Стэн?

— Нет, — сказал Стэн быстро, и посмотрел куда-то в сторону.

Лицо его было бледно, губы так плотно сжаты, что побелели.

— Бббыло ччто-нибудь? — спросил Билл.

— Нет, я сказал вам! — Стэн поднялся на ноги и подошел к насыпи; руки его были в карманах. Он стоял и смотрел, как вода проходит по верху первоначальной запруды и скапливается за вторым шлюзом.

— Давай, давай, Стэнли! — сказал Ричи резким фальцетом. Это был еще один из его голосов: голос бабули Грант (Ворчуньи). *Когда*Ричи говорил голосом бабули Грант, он обычно поколачивал себя кулаком по пояснице и похихикивал. Однако голос его сейчас был больше похож на голос Ричи Тозиера.

— Давай, Стэнли, расскажи своей бабуле о плаааааахом клоуне, и я дам тебе печеньице. Ты только скажи...

— Заткнись! — вдруг закричал Стэн, толкнув Ричи, который в страшном удивлении отлетел на один-два шага. — Заткнись немедленно!

— Ладно, хозяин, — сказал Ричи и сел. Он смотрел на Стэна Уриса с недоверием. Яркие пятна вспыхнули на щеках Стэна, но он все-таки выглядел скорее испуганным, чем сумасшедшим.

— Ладно, — спокойно сказал Эдди. — Не бери себе в голову, Стэн.

— Это был не клоун, — сказал Стэн. Его глаза перебегали с одного на другого, на третьего, на четвертого. Казалось, он борется с самим собой.

— Тты ммможешь ррассказать, — сказал Билл спокойным тоном. — Ммммы ррррассказали.

— Это был не клоун...

Но тут вмешался развязный пропитой голос мистера Нелла, заставив их всех подпрыгнуть, как от выстрела:

— Иисус Христос на колченогой колеснице! Посмотрите на эту кутерьму! Иисус Христос!

Глава 8. КОМНАТА ДЖОРДЖА И ДОМ НА УЛИЦЕ НЕЙБОЛТ

1

Ричард Тозиер выключил радио, из которого раздавались крики Мадонны, исполняющей песню «Как девственница». Это была станция ВЗОН, рекламирующая себя как «Стерео-рокер Бангора», причем делалось это как-то истерически, слишком часто. Ричард свернул на обочину дороги, выключил двигатель «Мустанга», который ребята Ависа взяли для него напрокат в фирме «Бангор Интернэйшнл», и вышел из машины. В его ушах раздавалось его собственное дыхание. Ему представилось видение, от которого у него по спине пошли мурашки.

Он обошел машину, подошел к ней спереди и положил руку на капот. Он слышал тиканье остывающего двигателя. Вскрикнула сойка, но тут же замолчала. И треск сверчков. Постоянный треск.

Это видение уже было. Оно прошло. И вдруг снова он в Дерри. 25 лет спустя этот дрянной Ричи Тозиер приехал домой. Приехал.

Вдруг дикая боль как иглами пронзила его гла-

за, отогнав все его мысли. Он коротко вскрикнул и поднял руки к лицу. Единственный раз в жизни он испытал раньше такую же жуткую боль, когда ресница попала ему под контактную линзу. Это случилось в колледже, и тогда боль была только в одном глазу. А теперь — в обоих.

Но боль прошла так же внезапно, как началась, он даже не успел поднести руки к лицу.

Он медленно опустил руки и задумчиво посмотрел на дорогу №7. Дорожная застава осталась позади, в Этна-Хавене. Почему-то, он и сам не понимал почему, он не хотел попадать на эту заставу, которая еще строилась, когда он и его семья покинули этот городишко и направились в Мидвест. Нет, эта застава, наверное, была раньше, но дорога здесь была другая.

Поэтому он поехал по дороге №9 мимо спящих домов поселка Хавен, потом свернул на дорогу №7. День постепенно прояснялся.

Опять этот знак. Такие знаки стояли на границах более чем 600 городов штата Мэн, но на сей раз этот знак просто пронзил его сердце!

Графство. Пенобскот.
Д.
Е.
Р.

Р.
И.
МЭН.

Еще знаки: знак, предупреждающий о лосях, о Ротари-клубе, и, заключая троицу, знак, сообщающий о том, что Дерри — это город, в котором «львы» — за объединенный фонд. А дальше между массивами сосен и елей снова продолжается дорога №7. В дневном свете деревья кажутся голубоватым сигаретным дымом в непроветренной комнате.

«Дерри, — думал он. — Дерри, Господи, помоги мне. Дерри. Отгони беды».

Вот он и на дороге №7. Еще 5 миль, и будет ферма Рулин, где его мать покупала яйца и овощи. В 7 милях от дороги №7 — Витчем-роуд, которая обязательно приведет на улицу Витчем — можно радоваться... И где-то там, между фермой Рулин и городом можно проехать к Бауэрсам и к Хенлонам. Примерно в миле от этого места — Кендускеаг. И буйная зелень Барренса.

«Не представляю себе, как я все это увижу, — думал Ричи. — Да, ребята, это так. По правде говоря, совсем не представляю себе, как это у меня получится».

Всю предыдущую ночь он провел в мечтаниях.

И всю дорогу эти мечты продолжались. А теперь он остановился — или его остановили дорожные знаки — и понял, что все это не мечты, а реальность.

Воспоминания шли сплошным потоком, он боялся, что сойдет от них с ума. Он закусил губу и сложил руки ладонями друг к другу, как будто боялся взлететь. Ему казалось, будто что-то несет его вперед и вверх. Ему хотелось заглянуть в несколько следующих дней.

Его мысли резко оборвались. На дорогу вышел олень. Он слышал, как олень мягко ступал по гудрону.

У Ричи перехватило дыхание. Он был ошеломлен. Ничего подобного он не видел на шоссе Родео. Чтобы увидеть такое, нужно было вернуться домой.

«Это олениха», — весело пронеслось в голове. Она вышла из леса справа и остановилась посередине дороги №7. Ее ноги стояли на прерывистой белой линии. Ее темные глаза спокойно смотрели на Ричи Тозиера. В глазах был интерес, но не страх.

Он с удивлением взглянул ни нее, подумав, что это, быть может, какое-то предзнаменование или какие-то дерьмовые штучки мадам Азонки. Вдруг

он совершенно неожиданно вспомнил мистера Нелла, который пришел к ним в тот день. Вся их компания пребывала на небесах.

Глядя на оленя, Ричи глубоко вздохнул и обнаружил, что он с кем-то разговаривает. Это был голос ирландского полицейского, одного их тех, кто был в его репертуаре после того памятного дня. На него что-то накатывалось в тишине странного утра, что-то, напоминающее шар, накатывалось, становилось больше и громче.

«Иисус Христос на колченогой колеснице! О олениха, девочка, что ты делаешь? Господи! Ты будешь дома прежде, чем я расскажу все отцу Отаггерсу».

Прежде чем затихло эхо его слов, прежде чем первая ошеломленная сойка выругала его за кощунство, олениха вскинула хвост как флаг примирения и исчезла среди елей, как в сигаретном дыму, оставив только дымящиеся орешки как свидетельство того, что даже в свои 37 лет Ричи Тозиер временами может уйти от всего.

Ричи начал смеяться. Сначала он просто хихикал — его поразила смехотворность его собственного положения: он стоит утром здесь, в Мэне, на расстоянии 3,5 тысяч миль от дома и разговаривает с оленихой голосом ирландского

полицейского. Он стал смеяться громче, затем смех перешел в хохот. Потом он замолчал и побрел к своей машине. Слезы катились по его щекам, он мрачно констатировал, что к тому же еще обмочил штаны. Каждый раз, когда он пытался взять себя в руки, его взгляд останавливался на оленьих орешках.

Сопя и посмеиваясь, он наконец забрался на место водителя и включил мотор «Мустанга». Мимо проехал грузовик с химическими удобрениями и обдал его ветром. Ричи пропустил его и поехал дальше в Дерри. Теперь он чувствовал себя лучше, может, просто оттого, что двигался. Мысли вернулись.

Он снова стал думать о мистере Нелле и о том дне. Мистер Нелл спросил, кто придумал эту штуку. Их было пятеро, он переводил глаза с одного на другого, пока Бен не шагнул вперед. Он был бледен, все его лицо дрожало, он не поднимал глаз, он сдерживал себя, чтобы не сказать лишнего. Бедный ребенок, вероятно, полагал, что его отправят в Шоушенк на Витчем-стрит, где все затоплено канализацией. По крайней мере, так сейчас подумал Ричи. У него самого было такое же ощущение, как у Бена. Они либо были скверными мальчишками, либо считали себя

таковыми. Трусы. Они мало походили на телегероев. Так или иначе, это держало их вместе. И так 27 лет. Иногда они выбивали друг друга из седла. Как при игре в домино.

«Интересно, — думал Ричи, — когда будет поздно повернуть назад? Когда они со Стэном соберутся и пойдут помогать строить запруду? Когда Билл рассказал им, что его брат на фотографии повернул голову и подмигнул? Может быть...» Но для Ричи Тозиера, как ему казалось, игра в, домино началась, когда Бен Хэнском шагнул вперед и сказал: "Я показал им...

2

...как это сделать. Это моя вина".

Мистер Нелл стоял, плотно сжав губы, и смотрел на него. На руках у него были кожаные перчатки. Он смотрел то на Бена, то на лужу позади запруды. Потом он повернулся к Бену: Казалось, он не видит Бена. Мистер Нелл был ирландец. Черные зачесанные назад волосы. Синяя островерхая шапка на голове. Ярко синие глаза и красный нос. Он был не более чем среднего роста, но выстроившимся перед ним мальчикам казался великаном. Мистер Нелл открыл рот, чтобы что-то сказать, но прежде чем он произнес хотя бы слово, Билл

Денбро шагнул вперед и встал рядом с Беном.

— Эээто бббыла мммоя ииидея, — наконец выдавил он из себя. И глубоко вздохнул. Мистер Нелл смотрел на него невозмутимо, солнце ярко отсвечивало от его кокарды, а в это время Билл выдавил из себя все остальное, что хотел сказать:

— Бен не виноват. Он просто случайно проходил мимо и посоветовал нам, как лучше сделать то дело, которое мы уже начали и делали плохо.

— И я тоже, — резко сказал Эдди и встал рядом с Беном.

— Что это значит? — спросил мистер Нелл. — «Я тоже» — это твое имя или твой адрес, подхалим?

Эдди ярко вспыхнул, он покраснел до кончиков волос.

— Я был с Биллом еще до того, как пришел Бен, — сказал он. — Вот что я имел в виду.

Ричи встал рядом с Эдди. Мысль о том, что один или два голоса могут успокоить мистера Нелла, появилась у него в голове внезапно. Второй мыслью было то, что голос или два могут только ухудшить положение, но вторая мысль не получила развития. Мистер Нелл совсем не растерялся, как ожидал Ричи, когда он тихим голосом произнес:

— Я тоже.

— И я, — сказал Стэн, становясь рядом с Биллом.

Теперь все пятеро стояли в ряд перед мистером Неллом. Бен смотрел на них, он был просто поражен поддержкой. На минуту Ричи показалось, что старик Хейстэк готов расплакаться от благодарности.

— О Господи! — сказал мистер Нелл, с явным отвращением в голосе. Казалось, он готов рассмеяться. — Более жалкой компании мальчишек я в жизни не видел. Бели все вы знаете, где вы были, вам будет жарко сегодня вечером.

Ричи больше не мог сдерживаться, он открыл рот и, как это часто с ним бывало, затараторил.

— Как делишки, мистер Нелл? — нес он напропалую. — Ничего себе зрелище, мой дорогой, не правда ли? Вызывает уважение, а?

— Я окажу уважение вашему заду через три секунды, мой дорогой маленький друг, — сказал мистер Нелл сухо.

Билл прорычал, повернувшись к нему:

— Ради Бога, Рррричи, зззаткнись!

— Хороший совет, мистер Вильям Денбро, — сказал мистер Нелл. — Даю голову на отсечение, Зак не знает, что здесь у вас бар и что вы развле-

каетесь среди проституток, не так ли?

Билл опустил глаза и кивнул. Его щеки ярко вспыхнули. Мистер Нелл посмотрел на Бена.

— Не могу вспомнить твое имя, сынок.

— Бен Хэнском, сэр, — прошептал Бен.

Мистер Нелл кивнул и снова оглянулся на запруду.

— Это была твоя идея?

— Как построить — да, — прошептал Бен еле слышно.

— Какого черта, ты что инженер, взрослый парень, ты что, не знаешь, что здесь, на баре и в канализационной системе Дерри дерьма хватает?

Бен покачал головой. Спокойно, без злобы мистер Нелл объяснял ему:

— В этой канализационной системе две части. Одна для плотных отходов человеческой жизнедеятельности — для дерьма, если это не оскорбит ваш слух. Другая — для жидких отходов из туалетов, раковин, ванн, стиральных машин. Это то, что течи по канализационным трубам города. Ну, слава Богу, с твердыми отходами нет проблем — их откачивают в Кендускеаг. Наверное, на полпути огромные кучи дерьма лежат сейчас на поверхности и сохнут на солнце благодаря тому,

что вы сделали, но вы можете быть абсолютно уверены, что по вашей вине на потолке ни у кого это не окажется.

Что же касается жидких отходов, то их не откачивают насосами. Все это течет вниз в приспособления, которые эти ребята инженеры называют земляной канализацией. Клянусь, вы все знаете, где заканчивается эта канализация, правда, ребята?

— Вон там, — сказал Бен. Он указал на место позади запруды, которое было почти затоплено. Он указал, не поднимая глаз. Крупные слезы медленно потекли по его щекам. Мистер Нелл сделал вид, что не заметил этого.

— Правильно, мой молодой друг. Вся эта земляная канализация ведет к ручьям, которые текут к верхнему Барренсу. Естественно, во многих из этих ручейков ничего, кроме канализационных отходов, не течет. Дерьмо всплывает то в одном месте, то в другом. Хотелось бы вам прожить здесь долгие годы, пользуясь такой водой из канализации?

Эдди вдруг начал задыхаться и вынужден был воспользоваться аспиратором.

— Знаете, что вы сделали? Вы направили эту воду обратно в шесть или восемь центральных

водоемов, которые обслуживают Витчем, и Джексон, и Канзас, и четыре-пять маленьких улиц, которые находятся между ними, — мистер Нелл сухо взглянул на Била Денбро. — Ваш дом как раз находится там, господин Денбро. Вот и получилось, что у вас не работает канализация, из стиральной машины некуда вылить грязную воду, а канализационные трубы заливают подвалы.

Бен издал звук, похожий на рыдание. Остальные посмотрели на него и отвернулись. Мистер Нелл положил свою большую руку на плечо мальчика. Она была тяжелая и в то же время мягкая.

— Не нужно, ты же взрослый парень. Может быть, все не так плохо, по крайней мере пока. Я немного преувеличил, чтобы вы меня поняли... Меня послали посмотреть. Никому, кроме меня и вас пятерых, не нужно знать, что именно произошло. Сейчас у нас в городе есть более важные дела, чем маленькая протечка. В отчете я напишу, что нашел протечку и несколько мальчиков, которые были поблизости, помогли мне заделать ее. Имен ваших я не буду называть, а вы ничего не говорите о плотине на баре.

Он посмотрел на всех пятерых ребят... Бен ожесточенно тер глаза носовым платком; Билл

задумчиво смотрел на запруду; Эдди держал аспиратор в руке; Стэн стоял около Ричи и держал его за руку, готовый стиснуть ее, как только тот захочет сказать что-то, кроме «спасибо».

— Мальчикам нечего делать в таких грязных местах, как это, — продолжал мистер Нелл. — Здесь можно подцепить не меньше 60 разных болезней. Мусорные свалки, реки мочи, грязная одежда, клопы, всякая пакость... В таком грязном месте вам совершенно нечего делать. Четыре чистых городских парка, в которых можно целыми днями играть в мяч, а я нахожу вас здесь. Господи Иисусе!

— Нинам зззде́сь ни нравится, — неожиданно сказал Билл. — Когда мы приходим сюда, никто не мешает нам делать, что мы хотим.

— Что он сказал? — спросил мистер Нелл у Эдди.

— Он сказал, что, когда мы приходим сюда, никто не указывает нам, что делать, — сказал Эдди. Голос у него был слабый, но в то же время твердый. — И он прав. Когда ребята вроде нас приходят в парк поиграть, скажем, в бейсбол, то всегда находятся другие, которые обязательно хотят быть вторыми или третьими на старте.

Ричи передернул плечами.

— Извините, но он прав. И Билл прав. *Нам здесь нравится,*Ричи думал, что мистер Нелл рассердится, но полицейский удивил их всех — он засмеялся.

— Да, — сказал он, — я и сам любил здесь бывать, когда был мальчишкой. Это правда. Поэтому я и не буду вам запрещать. — Он указал рукой на всех них. А они тихо смотрели на него. — Но если выбудете ходить сюда, то обязательно ходите компанией. Вот как сейчас. Вместе, обязательно все вместе. Вы меня понимаете?

Они закивали головами.

— Поняли?

Всегда вместе. Никаких игр в прятки и уходов по одному. Сами знаете, что происходит в этом городе. И все равно я вам не запрещаю приходить сюда. По той простой причине, что вы все равно придете. Но ради вашего же блага и здесь, и поблизости держитесь вместе. — Он посмотрел на Билла:

— Вы что, не согласны со мной, молодой господин Билл Денбро?

— Нннет, сэр, — сказал Билл, — Мы будем дадержаться вввместе:

— Этого мне довольно, — сказал мистер Нелл. — Ваши руки.

Билл протянул руку, и мистер Нелл пожал ее. Ричи стряхнул руку Стэна и шагнул вперед.

— Клянусь Богом, мистер Нелл, вы лучший из людей, правда. Замечательный вы человек, просто замечательный. — Он схватил своей рукой лапищу ирландца и поднял ее вверх, все время улыбаясь. Смущенному мистеру Нейлу мальчик показался пародией на Франклина Рузвельта.

— Спасибо, мальчик, — сказал мистер Нелл, убирая руку. — Тебе надо заняться этим. А сейчас ты говоришь, как ирландец.

Остальные мальчишки с облегчением рассмеялись. Стэн взглянул на Речи с упреком.

— Спокойно, Ричи.

Мистер Нелл пожал руки всем ребятам, последнему — Бену, задержав его руку подольше.

— Тебе нечего бояться, кроме несправедливости. А что касается всего этого... Ну ты читал об этом в книгах... Знаешь, как это делается?

Бен покачал головой.

— Все забыто?

— Да, сэр.

— Я не сомневаюсь, когда-нибудь ты сделаешь настоящее дело. Но Барренс для этого не годится.

Он задумчиво огляделся:

— Здесь не сделать никаких больших дел,

скверное это место.

Он вздохнул:

— Оторвитесь от него, ребята, оторвитесь немедленно. Я, кажется, сяду сейчас в тени этих кустов и буду молиться, чтобы вы это сделали.

Он иронично посмотрел на Ричи, как бы подначивая его на всплеск.

— Да, сэр, — сказал Ричи мрачно.

Мистер Нелл удовлетворенно кивнул головой, а мальчики принялись за работу, повернувшись к Бену и показывая, как быстрее всего убрать то, что они сделали по его совету. Тем временем мистер Нелл достал из мундира коричневую бутылочку, сделал хороший глоток и закашлялся. Потом он сплюнул мокроту и посмотрел на ребят влажным подобревшим взглядом.

— Что это у вас в бутылке? — спросил Ричи, стоя по колено в воде.

— Ричи, ты когда-нибудь заткнешься? — спросил Эдди.

Мальчики с удивлением посмотрели на Ричи, а потом на бутылку. Никакой этикетки на ней не было.

— Это микстура от кашля. А теперь посмотрим, можешь ли ты так же быстро кланяться, как болтать языком.

3

Немного позднее Билл и Ричи шли по улице Витчем. Билл вел велосипед. После того как они строили запруду, а потом исправляли свои ошибки, у него просто не было сил ехать на нем.

Мальчики были грязные, измазанные и усталые. Стэн предложил зайти к нему домой поиграть в «Монополию» или во что-нибудь еще. Никто не захотел. Время было позднее. Бен, усталый и подавленный, сказал, что ему надо пойти домой, посмотреть, не вернул ли кто-нибудь его библиотечные книги. Он надеялся на это, так как на библиотечных книгах в специальном пакетике записывалось, кто взял книгу, когда и адрес.

Эдди сказал, что собирается посмотреть «Рок-шоу» по телевизору с Нейлом Седака, чтобы уяснить себе, негр тот или нет. Стэн сказал на это — не надо быть таким глупым, что Нейл Седака — белый, можно понять даже по его пению. Эдди утверждал, что по пению ничего понять нельзя, он, например, всегда думал, что Чак Берри — белый, а потом на концерте увидел, что он негр.

— По крайней мере, моя мама упорно считает, что он белый, а это много значит, — сказал Эдди, — если окажется, что он негр, то она, вероятно, запретит мне смотреть его.

Стэн пообещал Эдди дать несколько книжек, из которых ясно, что Нейл — белый. А двое мальчиков — Ричи и Билл — отправились по дороге, которая так или иначе вела к дому Билла. Теперь они не разговаривали. Ричи думал о человеке на фотографии, который повернул голову и подмигнул. И, несмотря на усталость, он вдруг понял, что ему в голову пришла сумасшедшая идея. Привлекательная, хоть и безумная.

— Послушай, Билл, давай на минуту остановимся. Я смертельно устал.

— Не пойдет, — сказал Билл, но остановился, аккуратно положил велосипед на край газона перед теологическим училищем. Мальчики сели на каменные ступени подножия викторианского строения.

— Ну и день, — сказал Билл мрачно. Под глазами у него были темные круги, лицо бледное. — Ты бы лучше позвонил домой своей маме, что мы скоро придем, чтобы твои знали.

— Хорошо. Послушай, Билл, — Ричи немного помолчал, думая о матери Бена и вообще о том, что рассказывал Стэн. Что-то шевельнулось у него в голове, что-то связанное с памятником Полу Баниану в центре города. Но это было лишь воображение. Он стряхнул эти навязчивые мыс-

ли и начал:

— Что ты скажешь насчет того, чтобы пойти к тебе домой? Взглянуть на комнату Джорджа. Хочется посмотреть на ту фотографию.

Билл посмотрел на Ричи с удивлением. Он хотел что-то сказать, но не смог, так сильно был потрясен. Ричи сказал:

— Ты же слышал рассказ Эдди и Бена. Ты веришь в то, что они рассказывали? Они сомневаются, может быть, им все это показалось.

— Точно. Я тоже так думаю. Все дети, которых убили в этих местах, могли бы кое-что рассказать. Единственная разница между Эдди и Беном и теми ребятами — это то, что они не попались.

Ричи не думал, что Билл так это воспримет.

— Давай займемся этим, дружище Билл. Похоже, что этот парень в клоунской одежде убивает детей. Не знаю, зачем он это делает. Наверное, никто этого не знает, правда?

— М-да...

— Почти то же самое делает Джокер в книжонке Бэтмона, — Ричи возбудился от того, что сказал это вслух. Интересно, сумел ли он внятно донести свою мысль, дать понять, что он хочет видеть ту комнату и ту фотографию. В конце концов не в этом дело. Можно просто посмотреть в глаза

Биллу.

— А где эта фотография? И что ты на этот счет думаешь, Билл?

Тихо, не глядя на Ричи, Билл сказал, что, по его мнению, это как-то связано с уликами.

— Я думаю, что это был призрак Джорджа.

— *На фотографии* -призрак?

Билл кивнул. Ричи подумал немного. Мысль о призраке совсем не пугала его. Он был уверен, что такое бывает. Его родители были методистами. Они ходили в церковь каждое воскресенье, а он ходил на собрания молодых методистов. Он уже довольно прилично знал Библию. А в ней говорилось о призраках. По Библии, сам Бог был призраком, на одну треть призраком. Кроме того, в Библии говорится о бесах, например, Иисус изгнал их из одного парня. Так что ничего страшного. Когда Иисус спросил парня, в котором были бесы, как его зовут, бесы ответили и еще сказали, что он должен вступить в Иностранный легион или что-то в этом духе.

В Библии обо всем этом говорится лучше, чем в комиксах. Люди загоняют себя в кипящее масло или вешаются, ведут себя, как Иуда Искариот, есть рассказ о том, как злой царь Ахаз упал с башни, а собаки прибежали лизать его кровь,

говорится там о массовом убийстве младенцев, которое было и при рождении Моисея, и при рождении Христа, о людях, которые выходили из могил и поднимались в воздух, о солдатах, которые заколдовали стены, о пророках, которые видели будущее и побеждали чудовищ. Это все есть в Библии, и каждое слово — чистая правда, — так сказал почтенный Коейг, так говорят и в семье Ричи, да и сам Ричи так считает. Он очень хотел принять участие в объяснении того, о чем рассказал Билл. Его беспокоила логика всего этого.

— Но ты сказал, что испугался. Почему же призрак Джорджа испугал тебя, Билл?

Билл облизнул руку и вытер ее. Она слегка дрожала.

— Он, наверное, хочет свести меня с ума. За ттто, что его уубили. Эттто из-за ммменя. Я его пппослал. — Он был не в состоянии говорить больше, он просто поднял руки.

Ричи кивнул в знак того, что понимает, о чем идет речь.., но не согласился с Биллом.

— Думаю, что это не так, — сказал он. — Если бы ты толкнул его в спину или выстрелил в него, тогда другое дело. Или, допустим, ты бы дал ему поиграть с заряженным ружьем своего отца. Но

это не было ружье. Просто бумажный кораблик. Ты же не хотел ему ничего плохого. — Ричи поднял палец, желая показать, что Билл ни в чем не виновен. — Ты ведь просто хотел, чтобы он поразвлекался, правда?

Билл напряженно думал. То, что сказал Ричи, впервые за многие месяцы принесло ему некоторое облегчение. Но что-то в нем протестовало против того, чтобы принять такую версию. «Нет, ты виноват!» — говорило что-то в нем. Поэтому он мог только частично согласиться с Ричи. *Если Ричи прав, то откуда же это холодное место на кровати между его матерью истцом? Если это так, то почему за ужином никто не произносит ни слова и слышны только звуки вилок и ножей?*

Ему казалось, что он сам — призрак, он разговаривал, двигался, но его никто не видел и не слышал, что-то было в нем нереальное.

Конечно, ему не нравилась мысль, что он виноват, но другие объяснения были и того хуже; получалось, что все внимание и любовь, которую его родители проявляли по отношению к нему прежде, было результатом того, что рядом находился Джордж. А когда не стало Джорджа, на его долю ничего не осталось. И все это произошло случайно, без всяких причин. И если вы прислу-

шаетесь к тому, что происходит за *той* дверью, то услышите, что там, за дверью, слышен шум ветра безумия.

Вспомнив все происшедшее, все, что он чувствовал и сказал в день смерти Джорджа, Билл подумал, что Ричи, возможно, и прав, хотя что-то в нем противилось этой мысли. Конечно, он не был идеальным старшим братом для Джорджа, они и дрались, и ссорились довольно часто. Возможно, что и в тот день они подрались.

Хотя нет. Драк не было. Но у Билла было нехорошо на душе оттого, что они с Джорджем в тот день сильно поссорились. Он спал, бредил.., вдруг ему представилась *черепаха* -такое маленькое смешное животное. Он точно не помнил, от чего проснулся, кажется, от того, что прекратился дождь. Джордж что-то жалостно бормотал в гостиной. Он спросил у Джорджа, что случилось. Джордж вошел и сказал, что он пытается сделать кораблик из бумаги по описанию в книге, но у него ничего не получилось. Билл велел Джорджу принести книгу. Теперь, сидя рядом с Ричи на ступеньках семинарии, он вспомнил, как радостно заблестели глаза Джорджа, когда кораблик получился, он тоща и сам обрадовался. Но раз он это сделал, значит, он был дерьмом, прямым

виновником. Короче, он дал почувствовать Джорджу, что он — старший брат.

Этот кораблик и убил Джорджа, но Ричи прав, он же не давал Джорджу играть заряженным ружьем. Он ведь не знал, что произойдет из-за этого кораблика, какие несчастья посыпятся. И Билл сразу почувствовал себя лучше.

Он открыл было рот, чтобы сказать об этом Ричи, но вместо этого разрыдался.

Ричи, встревоженный, обнял Билла за плечи, предварительно оглянувшись, нет ли кого-нибудь поблизости, кто мог бы принять их за педерастов.

— Все в порядке, Билл, все в порядке, правда. Пошли. Прекрати реветь.

— *Я ведь няне хххотел, чтобы он погиб!* -рыдал Билл. — *Я совсем не хотел этого!*

— Господи! Билли, я знаю, что ты не хотел. Если бы ты хотел, то столкнул бы его с лестницы, или еще что-нибудь сделал, — Ричи неуклюже потрепал его по плечу. — Пойдем, приятель, а то ты ревешь, как дитя малое.

Понемногу Билл успокоился. Он все еще испытывал боль, но то была как бы боль после прорвавшегося нарыва: гной вытек, и дело идет на поправку.

— Я ннне ххххотел, чтобы он пппогиб, — повторял Билл. — Но смотри, никому не говори, что я ревел, а то дам в нос.

— Не скажу, не беспокойся, — сказал Ричи. — Это же был твой брат. Господи. Если бы мой брат погиб, я бы оттяпал себе голову.

— Но у тебя нет бббрата.

— Нет, но если был бы.

— Ты бы действительно так поступил?

— Конечно, — сказал Ричи и с опаской посмотрел на Билла: как бы он, чего доброго, такого не сделал. Билл тер свои красные глаза, и Ричи испугался, что он решится на это. — Я просто хотел сказать, что не понимаю, почему Джордж проделывает с тобой такие шутки. Может быть, эта фотография хочет что-то сказать не тебе, а другому — клоуну.

— Ммможет бббыть, Джордж ннне зззнает... Ммможет ббыть, он думает...

Ричи понял, что хочет сказать Билл, и махнул рукой.

— Билл, дружище, ты же знаешь, как люди к тебе относятся, — он говорил наставническим тоном, тоном учителя, отвергающего завиральные идеи неотесанных мужиков. — В Библии говорится: «Даже если сейчас мы плохо видим,

глядя на отражением зеркале, то после смерти мы все увидим, как через окно». Это Первое или Второе Послание вавилонянам. Я точно не помню где. Это значит...

— Я понял, что эттто зззначит, — сказал Билл.

— Что ты сказал?

— А?

— Пойдем в комнату и посмотрим. Может, мы получим какой-нибудь намек на то, кто убивает детей.

— Я боюсь.

— Я тоже, — сказал Ричи, думая, что нужно сказать что-то, чтобы заставить Билла сдвинуться с места. Он повернулся и увидел, что Билл позеленел от ужаса.

4

Ребята прошли в дом Денбро незаметно, как призраки. Отец Билла был еще на работе. Шарон Денбро была на кухне, читала там газету. По запаху во всем доме было понятно, что на ужин приготовлена рыба. Ричи позвонил к себе домой, чтобы мама знала, что он жив. Он у Билла.

— Кто там? — спросила миссис Денбро, когда Ричи положил трубку на рычаг. Они виновато посмотрели друг на друга. Потом Вилл сказал:

— Мама, это я и Рррр...

— Ричи Тозиер, мадам, — добавил Ричи.

— Привет, Ричи, — ответила миссис Денбро. — Оставайся поужинать с нами!

— Спасибо, мадам. Мама ждет меня через полчаса.

— Передай ей привет, ладно?

— Конечно, передам, мадам.

— Входи, — прошептал Билл. — Мы ненадолго.

Они поднялись по лестнице в комнату Билла. Это была чистенькая мальчишечья комната, видно было, что матери она не доставляет больших хлопот, связанных с уборкой. Полки были забиты книгами, среди них было много комиксов. Пожалуй, комиксов было больше всего да плюс несколько моделей и игрушек. Стояла еще пишущая машинка старой марки «Ундервуд». Родители подарили ему эту машинку на Рождество два года назад. Он иногда писал рассказы и печатал на этой машинке. После смерти Джорджа он стал это делать чаще, чем раньше. Воображение отвлекало его от серьезных проблем. На полу стоял патефон, а на нем — груда одежды. Билл схватил одежду и сунул ее в ящики бюро. Затем он взял пластинки с письменного стола, посмотрел их, отобрал с полдюжины. Одну из них он поста-

вил на патефон и включил его. Флитвидз пел: «Приходи, дорогая». Ричи покрутил носом. Билл усмехнулся, хотя на сердце у него было тяжело.

— Ооони не лллюбят рок-н-ролл, — сказал он. — А эту мне подарило на день рождения. И еще две — Буни и Томми Сэндз. А когда никого нет, я ставлю пластинки Литтла Ричарда и Хокинса. Но главное — когда мама слышит музыку, она спокойна, что я дома.

В комнату Джорджа нужно было идти через гостиную. Дверь была закрыта. Ричи посмотрел на дверь и облизнул губы. «Обычно они ее не закрывают», — шепнул Билл. И вдруг поймал себя на мысли: хоть бы дверь оказалась закрытой.

Билл, бледный от волнения, нажал на ручку двери, вошел в комнату в оглянулся на Ричи, тот последовал за ним. Когда защелка мягко звякнула, Ричи от испуга слегка подпрыгнул.

Осматриваясь, он одновременно ощущал и страх и любопытство. Сразу чувствовалось, что здесь давно никто не жил, и что окна давно не открывались. Вот как это бывает. Он вздрогнул и снова облизнул губы. Его взгляд упал на кровать Джорджа. «Раньше Джордж спал здесь, — подумал он, — а теперь спит на кладбище. Ему не сложили руки на груди, как полагается, потому

что для этого надо иметь две руки, а Джорджа похоронили с одной». Ричи издал слабый звук, Билл обернулся вопросительно.

— Ты прав, — сказала Ричи хрипло. — Здесь что-то говорят. Как ты не побоялся оставаться здесь один?

— Ведь эээто бббыл мммой брат, — сказал Билл просто. — Мне это нужно.

На стенах висели старые афиши и плакаты — афиши маленького ребенка. Один из плакатов изображал Тома Террифика (Ужасного) — персонажа программы «Капитан Кенгуру». Том держал за руку Грабби Аплетона, который был, конечно, испорчен до корней волос. На другом плакате были изображены племянники Дональда Дакса — Хью, Луи и Дени, они маршировали в своих кепочках. Третий плакат, его Джордж раскрасил, изображал мистера Ду, который приостановил уличное движение, чтобы маленькие дети могли пройти в школу. А внизу было написано: «Мистер Ду ждет, когда можно будет переходить улицу».

«Этот ребенок был как все дети, ничем особенным не занимался, да, видно, и не стремился как-то выделиться», подумал Ричи и передернул плечами. У окна стоял стол, на нем — школьные принадлежности. Джордж уже никогда не до-

красит эти картинки, он ушел безвозвратно и навсегда, успев только походить в детский сад и в первый класс. Ричи это впервые понял, впервые понял, что эта идиотская правда раздавила жизнь всего дома. Эта мысль запала ему в голову так явно, что он почти физически ощутил ее тяжесть — словно тяжелый утюг вложили в его голову датам и оставили. «Ведь умереть мог я!» Эта мысль предательски пронзила его насквозь. Кто угодно мог умереть! Кто угодно!

— Послушай, — сказал он неуверенно. Он больше не мог сдерживаться.

— Да, — ответил Билл почти шепотом, сидя на кровати Джорджа. — Посмотри!

Ричи посмотрел туда, куда указал Билл, и на полу увидел фотоальбом. На нем было написано: «Мои фотографии». А дальше Ричи прочел: «Джордж Элмер Денбро. 6 лет»

Всего б лет! И уже не вернется никогда. Какое-то предательство. Ведь умереть тогда мог любой человек! Дерьмо! Херовый любой человек!

— Раньше он был открыт, — сказал Билл. — Когда я последний раз видел его.

— Ну а теперь закрыт, — мрачно сказал Ричи. Он сел рядом с Биллом на кровать и посмотрел на фотоальбом. — Книги часто закрываются сами.

— *Страницы* -да, но не *обложка же.* А эта закрылась сама, — Билл торжественно посмотрел на Ричи, на бледном усталом лице его ярко выделялись темные глаза. — Но этот альбом хочет, чтобы его снова открыли, я так считаю.

Ричи поднялся и медленно подошел к альбому. Он лежал у оконных штор. Из окна была видна яблоня в саду за домом Денбро. Он снова посмотрел на книжку Джорджа и заметил на ней старое высохшее пятно. «Наверное, от кетчупа, — подумал он. — Скорее всего, Джордж ел горячую сосиску в тесте или гамбургер и смотрел одновременно альбом, вот и капнул на него кетчупом». Но Ричи знал, что это не так. Он притронулся к альбому и тут же отдернул руку, почувствовав холод. А лежал альбом на солнцепеке, его только чуть-чуть прикрывала занавеска. А может, занавеска целый день защищала его От солнца?

"Пожалуй, надо оставить его в покое, -подумал Ричи. *— Не хочется мне смотреть этот старый альбом. Скажу Биллу, чтоя передумал, и мы пойдем к нему в комнату читать смешные книжки. Потом я отправлюсь домой, поужинаю, пораньше лягу спать, потому что я здорово устал. А завтра, когда я встану, будет совершенно ясно, что это пятно от кетчупа. Пожалуй, таки надо*

сделать".

Вот он и решил открыть альбом как ни в чем не бывало. Он представил себе, что его руки сделаны из пластика и что они существуют от него отдельно. Он рассматривал в альбоме *разные лица* -тети, дяди, дети, — улицы, «Студебекеры», почтовые ящики, заборы ярмарки, развалины завода — всякая всячина. Он листал страницы быстрее и быстрее, пока вдруг не пошли чистые листы. Он перелистал несколько страниц обратно, как бы против своего желания. А вот и фотография центра Дерри. Главная улица и улица Кэнел примерно в 1939 году. А над ней — ничего.

— Тут нет фотографии школы Джорджа, — сказал Ричи и посмотрел на Билла с чувством облегчения. — Ну а ты что говорил, Билл?

— Что?

— Эта фотография центра города в старые времена, последняя в альбоме. Остальные страницы пустые.

Билл поднялся с кровати и подошел к Ричи. Он посмотрел на фотографию центра Дерри тридцатилетней давности, на старомодные машину, старомодные уличные фонари, похожие на гроздья винограда, на прохожих на улице Кэнел, потом он перевернул страницу. Там действитель-

но ничего не было...

Нет, не *совсем* ничего. Был один уголок, куда вставляются фотографии.

— Она *была* здесь, — сказал он, притронувшись к уголку. — Смотри!

— Как бы думаешь, что с ней случилось?

— Не знаю. — Билл взял альбом у Ричи и положил его себе на колени. Он снова просмотрел альбом в поисках фотографии Джорджа, но не нашел ее и перестал листать страницы, но они вдруг начали перелистываться сами по себе, четко и равномерно. Билл и Ричи смотрели друг на друга, широко раскрыв глаза. Вот открылась опять последняя страница, и перелистывание прекратилось. Вот центр Дерри задолго до рождения Билла и Ричи.

— Послушай!

— вдруг сказал Ричи и взял у Билла альбом. Теперь в его голосе не было страха, лицо выражало удивление. — Чертово дерьмо!

— Чччто этто?

— Вот что это! *Смотри!*

Билл встал около альбома. Наклонившись над ним, мальчики напоминали хористов. Билл резко выдохнул.

Под старой выгоревшей поверхностью фото-

графии они заметили движение: два маленьких мальчика шли по Главной улице к центру, к тому месту, где Канал уходит под землю. Мальчиков хорошо было видно на фоне бетонной стены. На одном из них были бриджи, а на другом — матросский костюм. На голове твидовая шапка. Мальчики повернулись к фотоаппарату на 3/4, разглядывая что-то на противоположной стороне улицы. Мальчик в бриджах был Ричи Тозиер, сомневаться не приходилось, а мальчик в матросском костюме и твидовой шапке — Билл.

Мальчики, как загипнотизированные, стояли и смотрели на себя, таких, какими они были, когда им было в три раза меньше лет, чем сейчас. У Ричи пересохло во рту. Впереди мальчиков шел человек, одетый в пальто, и полы его пальто развевались по ветру... По улице ехали машины разных марок — «Модель-Т», «Шевроле», «Пиэс-Эрроу» («Пронзающая стрела»).

— Нине мммогу поверить своим глазам, — сказал Билл, когда фотография ожила.

«Модель-Т», которая так и осталась навечно на перекрестке, по крайней мере, до тех пор, пока сохранится химический состав фотографии, проезжала мимо, из выхлопной трубы ее валил дым. Она направлялась к Верхним Холмам. Включился

левый поворот. Машина повернула на Корт-стрит, выехала на поля фотографии и скрылась из поля зрения.

«Пиэс-Эрроу», «Шевроле», «Паккарды» — все вдруг пришло в движение, каждая машина ехала своим путем к перекрестку. И спустя 28 лет полы пальто человека, который шел перед мальчиками, перестали хлопать. Он нахлобучил шапку поплотнее и пошел дальше.

Мальчики теперь стояли лицом к фотоаппарату. Через мгновение Ричи понял, что они смотрели на собаку, которая трусцой перебегала Главную улицу. Мальчик в матроске — БИЛЛ — СУнул два пальца в рот и свистнул. Ричи вдруг почувствовал, что он слышит свист, слышит и звуки едущих машин, которые напомнили ему звук работающих швейных машинок. И хотя все эти звуки были негромкие, как будто они слышались через толстое стекло, они были совершенно отчетливы, они звучали сейчас и здесь.

Собака посмотрела на мальчиков и затрусила дальше. Мальчики переглянулись и засмеялись. Они пошли дальше. Ричи схватил Билла за руку и показал на Канал.

"Нет, -подумал Ричи, — *только не это..."*

Они пошли к низкой бетонной стене, и вдруг

над ней возник клоун, ужасный клоун, похожий на сказочного персонажа Джек-в-коробке. У клоуна было лицо Джорджа Денбро, волосы гладко зачесаны назад, кроваво-красный загримированный рот ухмыляется, вместо глаз были черные отверстия. В одной руке у него было три воздушных шарика на веревочке, а другой он дотронулся до мальчика в матросском костюмчике, а потом схватил его за горло.

— *Нннет!* -закричал Билл, приблизился к фотографии и вдруг исчез в ней.

— *Подожди, Билл!* -закричал Ричи, хватая его за руку. Билл уже почти весь исчез в фотографии. Ричи видел, как кончики его пальцев высовывались из ее поверхности, а весь он был уже в другом мире. Розовый цвет пальцев проступал через блеклую белизну старого фото, и в то же время было видно, как они уменьшаются. Это было такое же впечатление оптической иллюзии, какая наблюдается, если опустить руку в миску с водой: часть руки, погруженная в воду, существует как бы отдельно от остальной руки, находящейся на поверхности.

На руке Билла появились диагональные порезы, как будто бы он схватился за лопасти вентилятора, — а не прикоснулся к изображению

на фотографии.

Ричи схватил его за предплечье и сильно дернул. Оба они повалились. Альбом Джорджа упал на пол и захлопнулся с сухим щелчком. Билл сунул руку в рот. Ему было так больно, что слезы стояли в его глазах. Ричи видел, как кровь тонкой струйкой текла по его ладони к запястью.

— Дай посмотреть,. — сказал он.

— Больно, — промолвил Билл и протянул руку Ричи. Порезы лесенкой поднимались к указательному и среднему пальцам. Мизинец же только прикоснулся к поверхности фотографии (если это слово применимо к фотографии), и хотя он не был поранен, Билл позднее сказал Ричи, что на этом пальце аккуратно, как маникюрными ножницами, был срезан ноготь.

— Господи, Билл, надо перевязать. — Он ничего не соображал. О, Боже, как им повезло — если бы он не потянул Билла за руку, то ему бы отрезало пальцы, а так он только отделался порезами. — Нужно все это забинтовать, а то твоя мама...

— Какая разница, что подумает моя мама, не в этом сейчас дело. — Он снова схватил альбом, с которого на пол капала кровь.

— Больше не открывай его! — закричал Ричи, оттаскивая Билла за плечо. — Господи Иисусе! Ты

ведь только что чуть не потерял *пальцы.*

Билл освободился от него, стряхнув его руку. Он стал перелистывать страницы, а на его лице была мрачная решительность, которая испугала Ричи больше всего. Глаза Билла блестели, как у сумасшедшего. Его раненые пальцы оставляли следы свежей крови на альбоме Джорджа. Сейчас эти пятна не были похожи на кетчуп, но через некоторое время, наверное, станут похожими.

Вот опять изображение центра города. В центре перекрестка стоит «Модель-Т», остальные машины стоят на тех же местах, где стояли и прежде. Человек в пальто опять идет к перекрестку, а полы его пальтр опять раздувает ветер. А мальчики ушли.

Их больше нет на фотографии. Но...

— Смотри, — прошептал Ричи и указал на что-то. Палец он предусмотрительно держал подальше от фотографии. Над низкой бетонной стеной у края Канала была видна часть чего-то круглого. Это что-то напоминало воздушный шар.

5

Они вышли из комнаты Джорджа очень вовремя. У лестницы слышался голос матери Билла, а

на стене была видна ее тень.

— Вы что, боретесь там, ребята? — спросила она резко. — Я слышала какой-то звук — будто кто-то упал.

— Мы только немножко, мама, — Билл бросил на Ричи пронзительный взгляд, как бы ведя ему : *«будь спокоен».*

— Ну тогда прекратите. Я думала, что потолок упадет мне на голову.

— Хорошо, — сказал Билл.

Ребята слышали, как она пошла в переднюю часть дома. Билл схватил носовой платок и обвязал им руку. Через мгновение носовой платок пропитался кровью и стал красным. Мальчики побежали в ванную комнату, и Билл сунул руку род кран. Раны промылись, но были глубокими, прямо до мяса. Ричи почувствовал, что к горлу подкатывает тошнота. Он схватил бинт и поскорее завязал раны.

— Чертовски больно, — сказал Билл.

— Зачем держать руку под водой, смотри, ты весь мокрый.

Билл торжественно посмотрел сначала на повязку, потом на Ричи.

— Эттто бббыл ккклоун, который притворился Джорджем, — сказал он.

— Точно, — отозвался Ричи. — Точно так же, как этот клоун притворился мамой, когда его увидел Бен. И он же притворился этой задницей, прокаженным, которого видел Эдди.

— Верно.

— А эээто дддействительно клоун?

— Это чудовище, — мрачно и бесстрастно ответил Ричи. — Чудовище, которое поселилось здесь, в Дерри, и которое убивает детей.

6

В субботу после всех этих происшествий с запрудой, разговора с мистером Неллом и ожившей фотографией Ричи и Беверли Марш столкнулись лицом к лицу не просто с чудовищем, а сразу с двумя. Они были страшные, но не опасные, они набрасывались на свои жертвы в кинотеатре «Аладдин», где на балконе сидели Ричи, Бен и Бев.

Один из этих монстров был оборотнем, которого играл Майкл Ландон. И несмотря на то, что он изображал оборотня, было видно, что ему холодно и что он покрылся гусиной кожей. Другим чудовищем был разбившийся гонщик, которого играл Гари Конвей, и потомок Виктора Франкенштейна воскресил его к жизни. Виктор

скармливал все, что ему не надо, аллигаторам, которых он держал в подвале. В программе был также фильм с показом последних французских мод, с сообщением о недавних взрывах на мысе Канаверал и известные мультики, а также рекламы готовящихся аттракционов. Среди этих рекламируемых фильмов Ричи сразу отметил два, которые надо будет посмотреть: «Я вышла замуж за космическое чудовище» и «Капля».

Бен сидел и смотрел совершенно спокойно. Генри, Белч и Виктор раньше смеялись над Оле Хейсаком, и Ричи казалось, что только это его и тревожит.

Эти ребята сидели близко к экрану, грызли кукурузные хлопья каждый из своей коробки и улюлюкали.

Бен молчал из-за Беверли. Он просто терял рассудок от того, что она сидела рядом с ним. У него даже мурашки пробежали по телу, а если она ерзала на своем месте и поворачивалась так, что оказывалась еще ближе, то все его тело горело как в лихорадке. Когда она наклонялась, чтобы достать кукурузные хлопья, и ее лента касалась Бена, он замирал от восхищения. Потом, позднее, он подумал, что эти три часа, проведенные рядом с ней, были одновременно самыми долгими и

самыми короткими часами в его жизни.

Ричи же не понимал, что Бен пребывает в муках телячьей любви, и был совершенно спокоен. В его книжке единственно, что было интереснее серии Френсис, говорящий Мул, это картины ужасов — дети в театре, зал набитый окровавленными детьми, которые кричат от ужаса и боли и визжат. Он, конечно, не связывал, то, что они смотрели сейчас, т, е, низкопробный фильм серии «Эмерикен Интернэйшнл», с тем, что происходило у них в городе. По крайней мере, в данный момент не связывал.

Он увидел рекламу субботнего сеанса «Двойного удара» утром в пятницу в «Новостях». Он тут же забыл, что плохо спал накануне ночью и что в конце концов, потеряв надежду на сон, он встал и зажег свет в чулане (вот уж точно — детская проделка), но уснуть так и не удалось. А на следующее утро все пошло своим чередом, вернее, почти все. Вдруг ему стало казаться, что у них с Биллом была общая галлюцинация. Но раны на руке у Билла не были галлюцинацией, разве что он порезался листками фотоальбома Джорджа. А вдруг и правда? Бумага довольно толстая, все может быть. И кроме того, не обязан же он думать обо всем этом постоянно, лет десять

подряд. Конечно, не обязан.

А дальше Ричи Тозиер поступил так, как поступают многие дети и что совсем не выносят взрослые (такой стиль жизни быстро отправил бы их в дурдом). Он встал, съел огромное количество блинов на завтрак, просмотрел рекламы фильмов ужасов, которые печатаются на специальной странице, сообщающей о том, где и как можно развлечься, сосчитал свои деньги, обнаружил, что их довольно мало, и начал приставать к отцу.

Его отец, дантист, вышел к столу уже готовый к работе — в своем белом халате, раскрыл спортивную страницу и налил себе вторую чашку кофе. Это был довольно приятный человек с узким лицом. Он носил очки в металлической оправе, голова его сзади начинала лысеть. Потом, в 1973 году, он умер от рака гортани. Он взглянул на рекламу, на которую указывал Ричи.

— А, фильм ужасов, — сказал Бентворт Тозиер.

— Да — усмехнулся Ричи.

— Хочешь пойти, что ли? — спросил Бентворт Тозиер.

— Да.

— Чувствую, что если ты не попадешь на этот дрянной фильм, то просто умрешь от огорчения.

— Вот именно. Умру от огорчения в страшных конвульсиях. Трах! — Ричи упал со стула на пол, схватившись за горло и высунув язык. Этакий своеобразный способ выражения.

— О Господи! Ричи, прекрати, пожалуйста, — попросила мама, которая стояла у плиты и жарила ему яичницу, потому что ему недостаточно было блинов на завтрак.

— Послушай, Ричи, — сказал отец, когда Ричи поднялся и снова сел на стул. — Я, кажется, забыл дать тебе денег в понедельник. Наверное, именно поэтому тебе понадобились деньги в пятницу.

— Ну...

— Идет?

— Ну...

— Понимаю, это слишком глубокая тема для мальчика с таким жалким умишком, — сказал Бентворт Тозиер. Он поставил руку на стол и подпер ею подбородок. На своего единственного сына он смотрел с обожанием.

— Куда это годится? — Ричи вдруг заговорил голосом Тудли, английского дворецкого. — Ну я сделал это, не так ли! Пип-пип. Привет, и все такое. Это мой вклад в войну. Что нам всем надо сделать — так это выбить обратно этого проклятого немца, правда? Этого мокрого ежика! Этого...

— Эту кучу дерьма, — подхватил Бент и потянулся за земляничным вареньем.

— Избавьте меня от ругани за завтраком, пожалуйста, — обратилась к мужу Мэгги Тозиер, которая как раз в это время принесла яичницу для Ричи.

— Не понимаю, как тебе не противно забивать голову всей этой чепухой? — сказала она Ричи.

— Ах, мама, — ответил Ричи. Внешне он был как бы раздавлен, а в душе торжествовал. Он мог читать мысли своих родителей, как по книге — любимой зачитанной книге, и он прекрасно знал, что он получит то, чего добивается — деньги и разрешение пойти днем в субботу в кино.

Бент наклонился к Ричи и широко улыбнулся.

— Думаю, я правильно понял тебя, — сказал он.

— Правда, папа? — ответил Ричи и улыбнулся ему в ответ.., несколько натянуто.

— О, да. Ты знаешь, как выглядит наш газон, Ричи? Ты представляешь себе наш газон?

— О, конечно, сэр, — ответил Ричи опять голосом Тудли. Пытаюсь представить его себе. Такой нестриженный, да?

— Угу! — согласился Бент. — Вот ты и приведи его в порядок, Ричи.

— Я?.

— Подровняй его, Ричи.

— О'кей, папа, конечно, — сказал Ричи, но тут же в его голове возникло ужасное подозрение. А что если отец имеет в виду не только главный газон перед домом?

Улыбка Бентворта Тозиера стала еще шире — ни дать ни взять хищная акула.

— Все газоны, о мой злосчастный отпрыск: перед домом, за домом и с боков. А когда ты закончишь, я положу тебе в руку две зелененькие бумажки с изображением Джорджа Вашингтона.

— Я не смогу, папа, — сказал Ричи, но испугался, что отец будет непреклонен.

— Два доллара.

— Два доллара за *все газоны!* -вскричал Ричи с искренней болью. — Это самый большой газон во всей *округе,* папа!

Бент вздохнул и снова взял газету. Ричи был виден заголовок на первой странице: «Исчезновение мальчика рождает новые страхи». Он сразу вспомнил о Джордже Денбро, о его странном альбоме — наверное, все это была галлюцинация. Да и кроме того, это было вчера, а сегодня — все другое.

— Полагаю, что тебе не так сильно хочется

смотреть эти фильмы, как ты говоришь, — произнес Бент из-за газеты, потом он взглянул на Ричи поверх газеты, изучая его. Он изучал его так, как изучает крупный картежник картежника-любителя.

— Когда такую работу выполняют Кларки вдвоем, ты им даешь по два доллара *каждому'*.

— Да, это правда, — согласился Бент. — Но, насколько мне известно, *они* не собираются завтра в кино. Хотя, может, и собираются, но тогда они рассчитывают на свои деньги, и они не суют нос не в свои дела, не следят за тем, как живут их соседи. А ты наоборот, хочешь и в кино пойти, и деньги получить, и сунуть нос куда не надо. А живот у тебя болит от того, что ты съел за завтраком пять блинов да еще два яйца, а потом выпил целую бочку жидкости. Ну что? — сказал Бент и, не дожидаясь ответа, снова погрузился в чтение галеты.

— Зря ты наговариваешь на меня, — сказал Ричи и повернулся к матери за поддержкой. Мать в это время ела тост.

— Ты-то знаешь, что это наговор — обратился к ней Ричи.

— Да, дорогой, знаю. Вытри яйцо на подбородке.

Ричи вытер подбородок.

— Три доллара, если я скошу все газоны к твоему приходу сегодня вечером, пойдет? — обратился он к газете.

Отец выглянул из-за газеты.

— Два пятьдесят.

— О Господи! — сказал Ричи. — Опять двадцать пять — Мое сокровище, — сказал Бент из-за газеты, — Решай. Мне хочется прочитать информацию о боксе.

— Ладно — согласился Ричи, — Когда твои близкие хватают тебя за глотку или за другие места, они делают это со знанием дела. Чертовски здорово это у тебя получается.

Потом он косил траву и, подражая героям фильмов, говорил разными голосами.

7

Он закончил косить газон перед домом, за домом и с боков в пятницу к трем часам, поэтому в субботу утром в кармане его джинсов уже лежали два доллара и пятьдесят центов. Вот она, *чертовская фортуна.* Он позвонил Биллу. Билл сказал, что ему нужно пройти исследование у логопеда. Ричи выразил сочувствие Биллу и произнес голосом Билла, заикаясь так же, как он:

— Пппошли иих к чччерту, дддружище Бббил.

— Хватит смеяться надо мной, Тозиер, — сказал Билл и повесил трубку.

Потом Ричи позвонил Эдди Каспбраку, но у Эдди настроение было еще хуже, чем у Билла. Его мать, сказал он, купила проездные билеты на автобус, и они должны посетить тетушек Эдди в Гавене, Бангоре и Хампдене. Все три тетушки были толстые, как миссис Каспбрак, и все три не замужем.

— Они будут щипать меня за щеки и говорить, что я вырос, — сказал Эдди.

— Это способ узнать, какой ты хороший Эд. Им, наверное, нравиться смотреть на тебя. Точно так же, как и мне, — ты мне тоже понравился, когда я увидел тебя первый раз.

— Ты прямо как проститутка, Ричи.

— Чтобы узнать человека, нужно какое-то время, Эд, ты же знаешь их всех. Вы собираетесь на следующей неделе в Барренс?

— Думаю, что да, если другие пойдут. Не хочешь поиграть во что-нибудь со стрельбой?

— Может быть. Но... Пожалуй, у нас с Биллом есть что сказать тебе.

— Что?

— Вообще-то это дела Билла. Ну пока. Желаю поразвлечься у тетушек.

— Очень смешно.

Третий звонок был к Стану, но старик Стэн был в немилости у своих домашних за то, что разбил окно. Он играл в летающие тарелки, для чего использовал пирожковую тарелку. Тарелка, конечно, разбилась с громким треском. Ему пришлось ходить в виноватых весь уикэнд и еще, вероятно, следующее воскресенье. Ричи посочувствовал ему и спросил, пойдет ли он в Барренс на следующей неделе. Стэн сказал, что, вероятно, пойдет, если, конечно, отец не придумает для него какую-нибудь работу или не продолжит его наказание.

— О Боже, Стэн, и все из-за какого-то окна, — сказал Ричи.

— Да, но *большого* окна, — сказал Стэн и положил трубку.

Ричи уже собирался уйти из гостиной, как вдруг вспомнил о Бене Хэнскоме. Он полистал телефонный справочник и нашел нужную страницу. Арлен Хэнском была единственной дамой среди всех Хэнскомов, которые были в списке, поэтому Ричи решил, что ему нужен именно ее телефон, и позвонил, чтобы поговорить с Беном.

— Я бы с удовольствием пошел, но уже потратил все свои деньги, — сказал Бен с сожалением; ему было стыдно вспомнить, что все свои деньги он потратил на всякую чепуху — леденцы, содовая вода, чипсы и т, п.

Ричи тянул резину (ему не хотелось идти в кино одному), потом сказал:

— У меня полно денег. Ты можешь потом мне отдать.

— Правда? Ты дашь мне?

— Конечно, — ответил Ричи с удивлением, — Почему бы и нет?

— О'кей — счастливо закричал Бен. — Это просто здорово. Два фильма ужасов! Что ты скажешь насчет фильма об оборотне?

— Пойдет.

— Старик, я обожаю фильмы про оборотней!

— Слушай, Хейстак, не обмочи штаны от восторга.

Бен засмеялся.

— Давай встретимся около «Аладдина», о'кей?

— Да, годится.

Ричи повесил трубку и задумчиво посмотрел на *телефон.* Ему вдруг пришло в голову, что Бен Хэнском очень одинок. Поэтому он почувствовал себя героем. Посвистывая, он побежал наверх,

чтобы прочитать комиксы перед фильмом.

8

День был солнечный, ветреный и прохладный. Ричи, пританцовывая, шел по центральной улице к кинотеатру «Аладдин», мурлыча себе под нос и прищелкивая пальцами в такт. У него было хорошее настроение. Когда он шел в кино, у него всегда было хорошее настроение, — он любил уходить в волшебный мир, в волшебные мечты. Он жалел тех, кто не мог, как он, пойти в кино и получить удовольствие, тех, у кого были разные дела и обязанности в это время, — например Билла, которому надо было идти к логопеду, Эдди, которому надо было ехать к теткам, старика Стэна, который в это время будет скрести ступеньки и подметать гараж из-за пирожковой тарелки, которая полетела не налево, как ему хотелось, а почему-то направо.

На Центральной улице он увидел девушку в бежевой юбке в складку и белой блузке без рукавов, которая сидела около аптеки Шука. Она ела фисташковое мороженое, по крайней мере, оно было похоже на фисташковое. Ее ярко-рыжие волосы, которые казались то совершенно медными, то вдруг совсем светлыми, падали ей на

плечи. Ричи знал только одну девушку с таким цветом волос.

Это была Беверли Марш.

Ричи очень нравилась Бев. Да, она здорово нравилась ему, но не *в смысле секса.* Он был просто в восторге от ее внешности (и он знал, что не только он; поэтому такие девицы, как Садли Мюллер и Грета Бови, ненавидели Беверли страшным образом, они были еще слишком малы, чтобы понять, что могут многого достигнуть совсем простым способом.., и поэтому вынуждены были соперничать во внешности с девушкой, которая жила в трущобах Нижней улицы), но больше всего он ее любил за то, что она была крутой и обладала чувством юмора.

И у нее всегда были сигареты. Короче говоря, она нравилась ему потому, что была прекрасным парнем. И все же он пару раз поймал себя на том, что пытается рассмотреть, какое у нее белье под дешевыми выношенными юбками, а ведь за парнями он так не наблюдает, правда?

И Ричи пришлось признать, что если она и была парнем, то парень этот был чертовски хорош.

Приближаясь к скамейке, на которой она сидела и ела мороженное, Ричи представил себе, что он Хамфри Богарт, что на нем пальто, перепоясан-

ное ремнем, и шляпа. Он просто перевоплотился в Хамфри Богарта, почувствовал, что он и есть Хамфри Богарт — по крайней мере, для самого себя. Нужно еще только говорить немного в нос.

— Привет, милочка, — сказал он, пробираясь к ее скамейке и следя за уличным движением. — Автобус здесь ждать бесполезно. Нацисты отрезали нам отход. Последний самолет будет в полночь. Поэтому я... Хотя я как-нибудь переживу.

— Привет, Ричи, — сказала она, повернувшись к нему, и он увидел синяк на ее правой щеке, похожий на тень вороньего крыла. Его еще раз поразила ее красота.., только сейчас ему пришло в голову, что она прелестна. Раньше ему казалось, что прекрасные девушки бывают только в кино. Теперь он понял, что это бывает не только в кино и что одну из таких красивых девушек он знает. Может, он это понял только из-за синяка, который контрастировал с ее красотой. Он вдруг понял, что у нее прекрасные серо-синие глаза, губы естественного красного цвета, прекрасная свежая кожа без всякой косметики, а на носу крошечные веснушки.

— Ищешь что-нибудь зелененькое? — она дерзко вскинула голову.

— Тебя, моя прелесть, — ответил Ричи, — Ты превратилась в прекрасный свежий лимбургский сыр. И когда мы привезем тебя из Капабланки, ты попадешь в самую лучшую больницу, которую только можно купить за деньги. Ты у нас побелеешь снова. Клянусь своей матерью.

— Болтун ты, Ричи, совсем это не похоже на Хамфри Богарта, — сказала она с легкой улыбкой.

Ричи сел рядом с ней.

— Ты собираешься в кино?

— Нет, у меня нет денег, — сказала она. — Можно мне посмотреть твою йо-йо?

Он засмеялся:

— Но мне придется забрать эту игрушку обратно. Она должна спать, а не крутиться.

Она продела палец в петлю шнура, Ричи поправил очки, чтобы лучше видеть, что она будет делать дальше. Она повернула руку ладонью вверх, игрушка заплясала на ее руке. Она сняла йо-йо с указательного пальца. Когда она сгибала палрц, игрушка оживала и по шнуру снова взбиралась на ее ладонь.

— О, вот это да, глядите-ка, — сказал Ричи.

— Детская штучка, — сказала Бев. — Вот посмотри. — Она снова опустила йо-йо вниз, дала

ей немного успокоиться, а потом йо-йо снова запрыгала по ее руке.

— Прекрати, — сказал Ричи, — я не выношу это зрелище.

— А если так? — спросила она, мягко улыбаясь. Йо-йо забегала теперь взад и вперед, оставляя красный след от своего Дункановского танца, который напомнил Ричи танец в исполнении Бо-Ло Боунсер, который ему довелось однажды видеть. Закончился танец йо-йо двумя круговыми пробежками (Бев почти ненавидела старую даму, которая наблюдала за ними). Йо-йо прекратила вертеться, и ее шнур аккуратно смотался вокруг оси. Бев отдала игрушку Ричи и снова села на скамейку. Ричи сел рядом, от восторга у него даже отвисла челюсть. Бев посмотрела на него и усмехнулась.

— Закрой рот, а то муха залетит.

Ричи закрыл рот так, что он даже щелкнул.

— Эта последняя часть танца была просто превосходна. Первый раз в жизни мне удалось сделать два подряд круговых оборота, не сбившись.

Мимо них проходили дети. Они спешили на сеанс. Прошел Петер Гордон с Марсией Фадден. Считалось, что они идут вместе, но Ричи подумал,

что это скорее оттого, что они живут рядом на Западном Бродвее, и потому нуждаются во взаимном внимании и поддержке. Петер Гордон уже был весь в прыщах, хотя ему исполнилось всего двенадцать лет. Он иногда ошивался с Бауэрсом, Криссом и Хаггинсом, сам же он не осмеливался ни на что.

Он посмотрел на Ричи и на Бев, которые сидели на одной скамейке, и стал дразнить их:

— Жених и невеста! Сначала любовь, потом свадьба...

— .а потом появляется Ричи с детской коляской! — закончила Марсия, давясь от смеха.

— Перестань, дорогая — сказала Бев и погрозила им пальцем.

Марсия с отвращением отвернулась, как будто ей было стыдно за них.

Гордон обхватил ее рукой и крикнул Ричи через плечо:

— Пока, очкарик!

— Вот достанется тебе ремня от матери, — спокойно ответил Ричи. Беверли задыхалась от смеха. На минуту она наклонилась к плечу Ричи, и в это мгновение Ричи понял, что ее прикосновение и все ощущения, связанные с ней, ему далеко не безразличны. Она выпрямилась.

— Вот сопляки, — сказала она.

— Да уж, думаю, что Марсия Фадден мочится розовой водой, — сказал Ричи, а Беверли снова засмеялась.

— *Канал номер пять*, -сказала она глухим голосом, потому что зажала рот рукой.

— Даю голову на отсечение, — ответил Ричи, хотя не имел ни малейшего представления, что такое Канал номер пять. — Бев!

— Что?

— Не покажешь, как быстро успокоить йо-йо?

— Думаю, что смогу, хотя мне никогда не приходилось это показывать.

— Как ты научилась? Тебе кто-то показал?

Она пренебрежительно посмотрела на него.

— Никто мне не показывал. Я сама догадалась. Просто нужно покрутить палочку. Мне никто этого не показывал. Но нетрудно догадаться.

— Ты совсем не тщеславна, — сказал Ричи, вращая глазами.

— Это верно, но я действительно этому не училась.

— У тебя с вращением все в порядке?

— Конечно.

— Наверное, можешь быть чемпионом среди юниоров, а?

Она улыбнулась. Такой улыбки Ричи до сих пор никогда не видел. Она была мудрая, циничная и печальная в одно и то же время. Он даже отпрянул от этой неизвестной силы, как он отпрянул от альбома Джорджа, когда изображения в нем стали оживать.

— Это для таких девочек, как Марсия Фаддея, — сказала она, — для нее, для Сэлли Мюллер и Греты Бови. Одним словом, это для девочек, которые мочатся розовой водой. Это им подойдет А я никогда не буду чемпионом.

— Ну, Бев, это не дело...

— Да нет. Все так, — она передернула плечами. — Не обращай внимания. Кому же нравится кувыркаться и показывать свое нижнее белье миллионам людей, как ты думаешь? Посмотри-ка сюда, Ричи.

Целых десять минут она показывала Ричи, как быстро остановить его йо-йо. Под конец Ричи стал что-то соображать, хотя получалось у него, как правило, только до половины.

— Не нужно резко дергать пальцем, вот и все, — сказала она.

Ричи взглянул на часы на Меррил Траст, через дорогу, и вскочил, запихивая свою йо-йо в задний карман.

— Ого, мне нужно идти, Бев. Я еще должен встретиться с Хейстаком. А то он решит, что я передумал или что-то в этом роде.

— Кто это Хейстак?

— А, Бен Хэнском, но я зову его просто Хейстак. Ну, знаешь, этого борца Хейстак Келхоун.

Бев нахмурилась, услышав это:

— Не очень это хорошо. Мне Бен нравиться.

— Я сражен, мадам, — проговорил Ричи голосом Пиканини, вращая глазами и хлопая руками. — Я в нокауте, мадам! Я...

— Ричи, — взмолилась она.

Ричи перестал придуриваться.

— Мне он тоже нравится, — сказал он. — Мы вместе строили запруду в Барренсе несколько дней назад и ..

— Вы были там? Вы с Беном там развлекались?

— Конечно. Там нас была целая компания. Там здорово холодно.

Ричи снова взглянул на часы.

— Мне действительно нужно покинуть сцену. Бен будет ждать.

— О'кей.

Он помолчал и сказал:

— Если тебе нечего делать, пошли со мной.

— Я же говорила тебе. У меня нет денег.

— Я заплачу за тебя. У меня есть пара долларов.

Она бросила остаток мороженого в ближайшую урну. Ее прекрасные серо-голубые глаза встретились с его глазами. Они оба смутились. Она сделала вид, что поправляет волосы и спросила:

— О, так это приглашение на свидание?

Ричи как-то неестественно засуетился. Он даже почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо. Он пригласил ее в кино как обычно, он точно так же пригласил бы Бена. Хотя какая-то разница все же была. Он вдруг почувствовал, что все это как-то связано с судьбой. Он оторвался от приятного зрелища, опустил глаза, заметив, что юбка на девушке сморщилась, когда она потянулась к урне, чтобы выбросить остаток мороженого, стали видны ее колени. Тогда он поднял глаза, но и тут его подстерегала опасность — он уперся взглядом в выпуклости ее груди.

Тогда Ричи поступил так, как он всегда поступал, когда смущался, — стал нести околесицу.

— Да, свидание, — пропищал он, опускаясь перед ней на колени и сложив руки. — Пожалуйста, приходи! Приходи, пожалуйста. Если ты не придешь, я повешусь. Понимаешь?

— О, Ричи, ты такой сумасброд, — сказала она,

посмеиваясь, но Ричи показалось, что ее щеки слегка порозовели. Это сделало ее еще привлекательнее. — Поднимись, а то меня заберут в полицию.

Он поднялся и снова сел рядом с ней. Равновесие вернулось к нему. «Дурачество всегда помогает, когда попадаешь в странные ситуации», подумал он.

— Ну так придешь?

— Конечно. Большое спасибо, — сказала она. — Знаешь, это мое первое свидание. Я запишу это в своем дневнике сегодня вечером. — Она сложила руки на груди, быстро подняла глаза и засмеялась.

— Не надо это так называть, — сказал Ричи.

Она вздохнула:

— В тебе совсем нет романтики.

— К черту ее!

Он остался доволен собой. Весь мир вокруг вдруг показался ему ясным и добрым. Он все время ловил себя на том, что бросал на нее взгляды. А она разглядывала витрины магазинов — платья и ночные рубашки фирмы «Комел-Хоплей», полотенца и кастрюли магазина «Дискаунт Барн», а он исподтишка бросал на нее взгляды, стараясь рассмотреть ее лицо, волосы, очертания щек. Он

разглядывал то место, где блузка прикрывает голые руки. Он был просто в восторге от всего этого. И почему-то, он не мог сказать почему именно, все то, что происходило в спальне Джорджа Денбро, вдруг отдалилось и стало несущественным. Пора было идти встречать Бена, но ему хотелось задержаться и посидеть рядом с ней еще хоть минутку, последить за ней, пока она разглядывает витрины. Потому что ему было очень приятно сидеть рядом с ней и смотреть на нее.

9

У входа в кинотеатр «Аладдин» и у кассы толпились дети, потом они заходили в вестибюль. Через стеклянную дверь было видно толпу детей у стойки, где продавались конфеты. Автомат, который выдавал кукурузные хлопья, работал беспрестанно, постоянно выкидывая пакеты, его заляпанная крышка двигалась то вверх, то вниз.

Ричи нигде не видел Бена. Он спросил у Беверли, не видит ли она его. Она отрицательно покачала головой.

— Может, он уже вошел?

— Он сказал, что у него совсем нет денег. А без билета его ни за что не пропустят, — Ричи показал пальцем на миссис Коул, которая была

билетершей в кинотеатре «Аладдин» задолго до того времени, когда кино стало звуковым. Ее волосы, окрашенные в рыжий цвет, были такие тонкие, что сквозь них просвечивал череп. У нее были толстые отвисшие губы, которые она красила фиолетовой помадой. Брови она подводила черным карандашом. Миссис Коул была демократкой. А всех детей она ненавидела в равной степени.

— Послушай, я не могу идти без него, а сеанс скоро начнется. Где же он бродит?

— А ты купи ему билет и оставь его там, где пропускают, — сказала Беверли достаточно логично. — А когда он придет...

Но в это время на углу Центральной улицы и улицы Маклина как раз показался Бен. Он старался отдышаться, его грудь вздымалась под рубашкой. Он увидел Ричи и помахал ему рукой. А потом он увидел Беверли, и рука его опустилась. Глаза округлились. Он перестал махать рукой и медленно пошел к тому месту, где они стояли около «Аладдина».

— Привет, Ричи, — сказал он и взглянул на Бев так, как будто он боялся долго смотреть на нее. — Привет, Бев!

— Привет, Бен! — сказала она, и зависла стран-

ная тишина.

А Ричи подумал, что это неспроста, и волна слабой ревности накатилась на него, потому что теперь что-то разделяло их, что — он не знал, но *это что-то,* неизвестное для него, *существовало.*

— Как поживаешь, Хейстак? — сказал он. — Думаю, что этот фильм сгонит с тебя десять фунтов веса. Знаешь, приятель, говорят, что от этого фильма даже седеют. Надо бы взять сюда с собой помощника, чтобы он помог тебе выйти, когда тебе станет плохо.

Ричи направился к кассе, а Бен тронул его за руку и сказал, поглядывая на смеющуюся Бев.

— Я был там, — сказал он. — Я поворачивал за угол и видел, как шли эти ребята.

— Какие ребята? — спросил Ричи, но тут же догадался, о чем идет речь.

— Генри Бауэре, Виктор Крисс, Белч Хагтинс и другие парни.

Ричи свистнул.

— Они уже, наверно, вошли в кинотеатр. Что-то я не видел, чтобы они покупали конфеты.

— Думаю, что да.

— На их месте я бы не смотрел фильмы ужасов, — сказал Ричи. — Я бы на их месте сидел дома

и смотрелся в зеркало. Все же какая-то экономия.

Бев весело засмеялась, услышав эти слова, а Бен только слегка улыбнулся.

Хотя Генри Бауэре и причинил ему боль в тот день на прошлой неделе, но теперь он раздумал убивать его. Бен был совершенно уверен в этом.

— Знаешь что, — сказал Ричи, — мы пойдем на балкон. А все они будут сидеть внизу, во втором или третьем ряду, и жевать.

— Ты это серьезно? — спросил Бен. Ричи, наверное, в полной мере не знает, что за поганые это парни, думал он. А самый скверный из них, конечно, Генри.

На самом деле Ричи, которому удалось ускользнуть от мести Генри и его маразматических дружков три месяца назад, знал о Генри больше, чем можно было предположить. И о его банде.

— Если бы я не был в этом уверен, я бы не пришел сюда, в этот кинотеатр, Хейстак, хотя, конечно, мне совсем не хочется, чтобы они меня *прикончили.*

— Ну и кроме того, если они будут к нам приставать, мы просто скажем Фокси, чтобы он дал им, — сказала Бев.

Фокси, Мир фоксворт, худой, желтый, мрачный человек, был директором «Аладдина». Сейчас как

раз он продавал леденцы и кукурузные хлопья, беспрестанно повторяя: «Не лезьте без очереди, не лезьте без очереди». На нем была застиранная рубашка, и весь он был какой-то потрепанный. Бен с сомнением посмотрел на него.

— Вряд ли от него будет какая-то помощь, — сказал Ричи мягко. — Надо как-то обойти их стороной.

— Думаю, что так будет лучше, — сказал Бен и вздохнул. На самом же деле он не знал, как лучше... Это Беверли все нарушила. Если бы ее не было, он бы попытался уговорить Ричи пойти в кино в другой раз. Даже если бы Ричи настаивал, он, может быть, уговорил бы его. Но тут была Бев. Ему не хотелось выглядеть жалким цыпленком перед ней. Он представил себе, как они будут сидеть на балконе в темноте. Это была очень привлекательная перспектива, даже несмотря на то, что с ними был Ричи.

— Давайте войдем после начала сеанса, — сказал Ричи. Он усмехнулся и ущипнул Бена за руку:

— Эй, дерьмовый Хейстак, жить хочешь?

Брови Бена сошлись на переносице, а потом он разразился смехом. Ричи тоже захохотал. И, глядя на них, Беверли тоже рассмеялась.

Ричи снова подошел к кассе. Кассирша мрачно смотрела на него.

— Добрый день, мадам, — сказал он, стараясь подражать приветливому голосу Барона Бутхола. — Мне очень нужно три билета на американский фильм.

— Не кривляйся и скажи, какие билеты тебе нужны, — сказала кассирша через круглое отверстие в стеклянной перегородке и так нахмурила свои накрашенные брови, что он быстро сунул доллар в отверстие и пробормотал:

— Три билета, пожалуйста.

Из отверстия показались три билета. Ричи взял их. Кассирша смотрела ему в спину, наставляя: «Не бегай по вестибюлю, не бросайся коробками от кукурузных хлопьев, не шали, не бегай по проходам».

— Хорошо, мадам, — сказал Ричи и пошел обратно к Бену и Бев.

— Я просто балдею от того, как эта старая пердунья любит детей, — сказал он им.

Они постояли еще немножко, ожидая, когда начнется сеанс. Кассирша подозрительно смотрела на них из стеклянной клетки. Ричи излагал Бев историю о запруде в Барренсе, описывал мистера Нелла в его новой ирландской шапочке и говорил

его голосом. Бев улыбалась и без его рассказа, этот рассказ не очень-то рассмешил ее. Бей тоже усмехнулся, но его глаза следили поочередно то за входом в «Аладдин»,то за Беверли.

10

На балконе было очень удобно и хорошо. Во время первой части фильма «Я был подростком» Ричи поливал Генри Бауэрса и его приятелей. Те сидели во втором ряду, как он и предполагал. Их было пять или шесть пяти-, шести– и семиклассников, все они были в мотоциклетных ботинках, ноги они закидывали на сиденья, фокси сказал им, чтобы они сняли ноги с сидений. Они убрали ноги, а как только он отошел, задрали их снова. Но Фокси предвидел это и вернулся минут через 10, и вся сцена разыгралась снова. У Фокси кишка была тонка, чтобы выгнать их, и они это знали.

Фильм был просто блеск. Подросток Франкенштейн был великолепен, оборотень был просто страшным, и все же.., что-то было не так, быть может потому, что он выглядел как-то печально. И произошло все не по его вине. Это гипнотизер трахнул его, но смог он это сделать, потому что ребенком оборотень был очень злой и вообще скверный, поэтому и превратился в оборотня.

А Ричи подумал, что такие желания, наверное, испытывают многие люди. Вот, например. Генри Бауэре просто переполнен подобными ощущениями, но в отличие от других людей он и не собирается этого скрывать.

Беверли сидела между ребятами, грызла из пакета кукурузные хлопья, смеялась, иногда от страха закрывала глаза. Когца оборотень вошел в гимнастический зал, где девочка делала упражнения, Бев прижалась лицом к руке Бена, и Ричи слышал, как Бей от неожиданности громко вздохнул. Так громко, что было слышно, несмотря на шум испуганных фильмом детей.

В конце концов этого оборотня убили. Фильм заканчивался тем, что один полицейский рассказывал обо всем этом другому и говорил, что это должно послужить людям уроком, что люди должны делать то, что велит Бог. Занавес закрылся, и зажегся свет. Раздались аплодисменты. Ричи чувствовал полное удовлетворение, только немного болела голова. Наверное, ему надо пойти к окулисту и сменить линзы. А к тому времени, когда он поступит в институт, он будет носить очки с толстыми, будто бутылочными стеклами, подумал он мрачно.

Бен тронул его за рукав.

— Они заметили нас, — сказал он сухим неузнаваемым голосом.

— А?

— Бауэре и Крисс. Они поднимутся сюда, прежде чем уйти из кинотеатра. Они заметили нас.

— О'кей, о'кей, — сказал Ричи,. — успокойся, Хейстак, *успокойся.* А мы выйдем через боковую дверь.. Не о чем беспокоиться.

Они пошли к лестнице. Сначала Ричи, Беверли в середине, а Бен шел последним, оглядываясь.

— Они что-то имеют против тебя, Бен? — спросила Бев.

— Думаю, что да, — ответил Бен. — Я подрался в школе с Генри Бауэрсом в последний день.

— Ну и здорово тебе досталось?

— Не очень, по крайней мере, не так сильно, как ему бы хотелось, — сказал Бен. — Думаю, поэтому он и злится.

— Олу Ханку по прозвищу Танк тоже пришлось оставить часть своей шкуры, — пробормотал Ричи. — По крайней мере, я так слышал. Не думаю, что ему это очень понравилось. — Он растворил входную дверь, и они все трое шагнули на дорожку между «Аладдином» и кафетерием Нана. Кошка, сидевшая на куче мусора, зашипела на них и убежала по дорожке, которая упиралась

в забор. Кошка взобралась на забор и исчезла. Крышка мусорного ящика громко хлопнула. Бев подпрыгнула от неожиданности, схватив Ричи за руку.

— Я все еще под впечатлением этого фильма, — сказала она.

— Ты... — начал он.

— Привет, е...ная морда, — сказал Генри, появляясь сзади.

Все трое, ошарашенные, оглянулись — в начале аллеи стояли Генри, Виктор и Белч, а за ними еще двое.

— Ах ты, *дерьмо.* Я чувствовал, что это должно произойти, — простонал Бен.

Ричи бросился к «Аладдину», но входная дверь была уже заперта.

— Попрощайся, е...ная рожа, — сказал Генри и бросился к Бену.

Все, что происходило потом, Ричи воспринимал, как события кинофильма, — в реальной жизни такого просто не бывает. В реальной жизни маленькие дети дерутся, выбивают друг другу зубы и разбегаются по домам.

На этот раз все происходило по-другому. Беверли шагнула вперед, как будто собиралась поздороваться с Генри за руку. Ричи слышал

звук его шагов, Виктор и Белч следовали за ним. Другие ребята стояли в начале дороги, преграждая путь.

— Оставь его в покое, — закричала она, — выбери кого-нибудь подходящего по комплекции.

— Да он как е...ный грузовик Мака, сука, — заорал Генри; да, он не был джентльменом. — А ну убирайся...

Ричи выставил ногу вперед. Он и не собирался делать этого, это произошло спонтанно, также спонтанно он начинал иногда нести околесицу. Дорожка, вымощенная кирпичом, была скользкой от мусора, всюду валялись банки из-под сока и пива. Его занесло.

Он выпрямился, напрягся и закричал:

— А! Вам всем придется умереть!

До этого момента Бену было страшно. Он издал рыкающий звук и схватил одну из пустых банок, которая валялась поблизости. И тут с банкой в руке среди мусора он вдруг действительно почувствовал себя Хейстаком Келхоуном. Лицо его стало бледным и зловещим. Он швырнул банку в Генри, она немного задела его спину.

— А ну вон отсюда! — заорал Ричи.

Они побежали к началу дорожки. Виктор Крисс выпрыгнул им навстречу. Бен наклонился и уда-

рил Виктора головой в живот.

— *Ой!* -застонал Виктор и сел.

Белч схватил Бев за хвост волос и потащил к кирпичной стене «Аладдина». Бев вырвалась и побежала по дорожке, потирая руку. Ричи побежал за ней, схватив на ходу крышку от банки на помойке. Белч Хаггинс приготовил огромные кулачищи, замахнулся на Ричи, но тот выставил крышку от банки вперед. Раздался громкий звук — *трах-х-х-х!* Ричи ощутил сильный толчок в плечо. Белч вскрикнул и начал прыгать, держа на весу раненую руку.

— Ты будешь мне ноги лизать, — сказал ему Ричи доверительно, голосом Тони Куртиса, и побежал за Беном и Бев.

Один из парней в начале дорожки схватил Беверли. Бен бросился на помощь. Другой парень стал барабанить Бена сзади по спине. Ричи размахнулся и ударил ногой этого парня по ягодицам. Тот взвыл от боли. Ричи схватил Бена за одну руку, Бев за другую.

— *Побежали!* -закричал он.

В это время удар кулака обрушился на Ричи. От острой боли он ощутил как бы взрыв в ухе, потом все онемело и стало теплым. В голове что-то засвистело.

Они побежали по Центральной улице. Люди оглядывались им вслед. Живот Бена на бегу то поднимался, то опускался. Собранные в хвост волосы Беверли обвисли. У Ричи очки были на лбу, он их придерживал рукой, чтобы не потерять. Он чувствовал, что ухо его вздувается, но самочувствие у него было превосходное. Он начал смеяться. За ним расхохотался и Бен.

Они срезали угол на Корт-стрит и повалились на скамейку напротив полицейского участка: сейчас это было единственное место в Дерри, где они могли чувствовать себя в безопасности... Беверли обняла за шею Бена и Ричи и сильно прижала к себе.

— Это было просто здорово! — Ее глаза блестели. — Вы видели, как они удивились? Видели?

— Я все хорошо видел — выдохнул Бен. — И больше я их видеть не хочу.

Они опять начали истерически хохотать. Ричи не исключал, что банда Генри может появиться из-за угла и наброситься на них, невзирая на то, что рядом полицейский участок. И все равно он не мог остановиться — хохотал и хохотал. Беверли была права, это действительно было здорово.

— Растяпы, а ну вон отсюда, — пронзительно заорал Ричи. Потом он прикрыл рот рукой и на-

чал говорить голосом Бена Верни.

Из окна второго этажа выглянул полицейский и гаркнул:

— А ну, ребята, идите отсюда! Идите прогуляйтесь!

Ричи открыл было рот, чтобы сказать что-нибудь нестандартное, может быть, даже голосом ирландского полицейского, но Бен толкнул его в бок.

— Заткнись, Ричи, — сказал он, опасаясь опять накликать беду.

— Правда, Ричи, — сказала Бев нежно.

— О'кей, — согласился Ричи. — Так что мы дальше будем делать? Не хотите ли найти Генри Бауэрса и предложить ему поиграть с нами в «Монополию?»

— Прикуси язык, — сказала Бев.

— Что это значит?

— Ничего, — ответила Бев. — Некоторые ребята *ничего не понимают.*

Запинаясь и смущаясь, Бен спросил:

— Тебе было очень больно, когда он потянул тебя за волосы?

Она нежно улыбнулась ему в ответ, и в этот момент она уверилась в том, о чем раньше только догадывалась, — это именно Бен Хэнском посы-

лал ей открытки.

— Да нет, не очень, — ответила она.

— Пошли в Барренс, — предложил Ричи.

Так они и сделали. Туда они и пошли, вернее, сбежали туда. Ричи потом подумал, что там неплохо было бы отдыхать летом. Беверди, как и Бен до встречи с компанией Бауэрса, никогда прежде здесь не была. Она шла между Ричи и Беном, все они дружно шагали по дороге. Ее юбка смешно морщилась, Ричи было приятно смотреть на нее, он даже испытывал спазмы в желудке. Браслет на руке Бев блестел на солнце.

Они прошли приток Кендускеага, где ребята строили плотину, бросая в него камни, свернули на другую дорогу и вышли на восточный берег речки. Слева Бей увидел два бетонных цилиндра, которые сверху были закрыты люками. Под ними через речку шли бетонные трубы. Тонкие струйки грязной воды вытекали из труб в Кендускеаг. "Л *ведь люди берут из этой речки воду",* подумал Бен, вспомнив объяснения мистера Нелла о канализационной системе.

Он почувствовал прилив безысходного гнева. Ведь раньше здесь, наверное, и рыба водилась. А сейчас попробуй поймай тут форель.

Никаких шансов. Скорее поймаешь кусок туа-

летной бумага.

— Как здесь хорошо, — вздохнула Бев.

— Точно, совсем неплохо, — согласился Ричи. — Ветерок отгоняет москитов.

Он посмотрел на нее с надеждой:

— Сигареты есть?

— Нет, — сказала она. — У меня было несколько штук, но я выкурила их вчера.

— Очень плохо, — сказал Ричи.

Налетел сильный порыв ветра, они увидели, как прошел пассажирский поезд.

Сначала показались бедные домишки мыса Олд, потом бамбуковые заросли на противоположной стороне Кендускеага, а потом при выходе из Баренца — гравийная дорожка, которая вела к городской свалке.

На мгновение Ричи мысленно вернулся к истории с Эдди — этот сумасшедший в заброшенном доме на улице Нейболт. Он постарался забыть об этом и повернулся к Бену.

— Что тебе больше всего понравилось в фильме, Хейстак?

— Хм? — Бен повернулся к нему, смущенный, думая о своем, он разглядывал ее профиль.., и синяк на ее щеке.

— Ну, в этом фильме. Что тебе больше всего

понравилось?

— Мне понравилось, то место, где Франкенштейн начал бросать людей крокодилам, которые жили под домом, — сказал Бен. — Это мне здорово понравилось.

— Да, это было что надо, — сказала Бев и поежилась. — Не выношу таких вещей. Всяких крокодилов, акул, пираний.

— Да? А что такое «пиранья?» — заинтересовался тут же Ричи.

— Крошечная такая рыбка, — пояснила Беверли, — но у нее много крошечных очень острых зубов. И если зайти в реку, где живут такие рыбы, то они обглодают человека до косточки.

— Я смотрела фильм о них. Там люди хотели перейти реку, но мост был разрушен, — сказала она. — Тогда они привязали к корове веревку и пустили ее в воду, и пока пираньи ели эту корову, они переправились через реку. А как стали тащить корову из реки, то увидели — один скелет от нее остался... Мне потом целую неделю снились кошмары.

— Знаешь, мне бы хотелось иметь пару таких рыбок. Я бы разобрался с этим Генри Бауэрсом, пустил бы их ему в ванну.

Бен захихикал:

— Не думаю, что он когда-нибудь принимает ванну.

— Не знаю, принимает ли он ванну, — сказала Беверли, — но точно знаю, что нам нужно быть осторожными сейчас, эти парни могут нас где-нибудь подстеречь. — Она тронула рукой свой синяк на щеке.

— Это мне досталось от отца за разбитые тарелки. Думаю, за неделю пройдет.

Все помолчали. Никто ничего плохого не сказал, все приняли ее слова спокойно. Лотом молчание нарушил Ричи. Он опять вспомнил кино и сказал, что ему больше всего понравилось то место, где подросток-оборотень расправился со злым гипнотизером.

Потом они стали говорить о фильмах вообще. Они смотрели фильмы ужасов постоянно, вспомнили фильм Альфреда Хичкока, который шел по телевизору в течение почти часа. Бев сорвала маргаритку, росшую на берегу реки. Она приложила ее сначала к подбородку Ричи, а потом к подбородку Бена, чтобы посмотреть, идет ли это им, и сказала, что идет. Когда она прикладывала к ним цветок, оба чувствовали легкое волнение от ее прикосновения и от запаха ее волос. На одно мгновение ее лицо оказалось рядом с лицом Бена,

но этого было достаточно, чтобы потом всю ночь он вспоминал ее взгляд.

Они услышали приближающиеся по дорожке шаги и замолчали. Все трое резко обернулись, а Ричи вдруг с тоской подумал, что отходить им можно разве что к реке. Бежать было некуда.

Голоса приближались. Ребята вскочили, Ричи и Бен совершенно автоматически встали перед Беверли.

Кусты в конце дорожки зашевелились, и из-за них вдруг появился Билл Денбро. С ним был еще какой-то мальчик, которого Ричи знал меньше. Его звали Бредли, он сильно шепелявил. Возможно, они шли в Бангор к логопеду, подумал Ричи.

— А, привет, старик Билл! — сказал он и добавил голосом Тудли:

— Мы рады видеть вас, мистер Денбро.

Билл посмотрел на них и усмехнулся — и в голове у Ричи промелькнула мысль, что это неспроста, когда Билл перевел взгляд с Бена на Беверли, а затем на Бредли, так, кажется, звали этого парня. Глаза Билла, казалось, отметили тот факт, что Беверли была с ними. А глаза этого самого Бредли ничего не говорили. У него были свои мысли. Он мог сегодня делать, что хотел, мог пойти в Баренс, никто не запретил бы ему

этого, жаль вот только, что в Клубе неудачников нет мест, правда, он уже состоял в кружке детей с задержкой речи.

И все же у ребят появился какой-то безотчетный страх. Ричи испытывал ощущения человека, который оказался под водой и может не успеть вынырнуть. Он интуитивно плещется. *Но может утонуть. "Да,* подумал он, *все это не случайно, они не случайные участники всех этих событий. Их специально выбрали".*

Лотом это интуитивное ощущение перешло в поток бессвязных мыслей — как будто оконное стекло разбилось о каменный пол. Хотя не исключено, что все это чепуха. Билл здесь, он сделает, что надо. Он не позволит событиям выйти из-под контроля. Он был самым высоким из них и, уж конечно, самым красивым. Достаточно было видеть, как Беверли смотрит на Билла, чтобы понять это. Кроме того, Билл был самым сильным из них, и не только физически. Ричи не знал значения слова *«магнетизм»,* он просто чувствовал, что Билл сильный и что эта сила может проявиться в чем угодно, иногда совершенно неожиданно. И Ричи подумал, что если бы Беверли легла с Биллом, или, как говорят, переспала с ним, «трахнулась» с ним, то он бы не

испытывал ревности *(а Билл бы ревновал, если бы я «трахнул» ее,* подумал Ричи), он бы принял это, как нечто совершенно естественное. Была и еще одна деталь: Билл был добрый. Дурацкие это слова, конечно, но он просто чувствовал, что это так. Билл, казалось, просто излучал *добро* и силу. Это был настоящий рыцарь из старого кино, старого и смешного кино, которое, однако, заставляет нас плакать, смеяться и хлопать в ладоши при счастливом конце. Да, он был добрый и сильный. Через пять лет после того, что случилось в Дерри, еще перед летом и в течение лета он вдруг резко стал чахнуть. Ричи вдруг пришло в голову, что Билл похож на Джона Кеннеди.

«На кого?» -как будто кто-то спросил его мысленно. Он слегка смутился и встряхнул головой. — "Вот так-то. *Один из моих приятелей — такой парень".*

Билл Денбро упер руки в бока и улыбнулся солнечной улыбкой:

— А вот и мы.

— Сигареты есть? — с надеждой спросил Ричи.

11

Пять дней спустя в конце июня Билл сказал Ричи, что он хочет пойти на Нейболт-стрит и

понаблюдать за местом, где Эдди видел этого сумасшедшего.

Они только что пришли домой к Ричи; Билл вел Сильвер. Большую часть пути он проехал, а неподалеку от дома Ричи слез с велосипеда и пошел пешком. А Ричи слез за квартал от своего дома. Потому что если бы мать Ричи увидела, что он едет на велосипеде, она бы очень поразилась.

Игрушечные пистолеты лежали в прикрепленной к Сильверу металлической плетеной корзинке, два — Билла, три — Ричи. Днем в Барренсе они играли с этими пистолетами. Примерно в три часа там появилась Беверли Марш в своих выгоревших джинсах с духовым очень старым ружьем — если нажать на курок, то оно издает звук, больше похожий на лопанье воздушного шарика, чем на выстрел. Она была у них японским снайпером. Она здорово лазила по деревьям, так вот, она залезала на дерево и стреляла сверху. Синяк на ее щеке к этому времени стал желтым.

— Что ты говоришь? — спросил Ричи. Он был поражен.., и немного заинтригован.

— Мммне бы ххотелось вввзглянуть, что там, под крыльцом, — сказал Билл. Голос у него был уверенный, но на Ричи он не смотрел. Щеки

его горели. Они подошли к дому Ричи. Мэгги Тозиер стояла у входа, она помахала им рукой и позвала:

— Привет, ребята, не хотите чай со льдом?

— Сейчас придем, мама, — ответил Ричи и повернулся к Биллу. — Там небось нет ничего. Он, наверное, видел простого бродягу, слава Богу. Ты же знаешь Эдди.

— Ддда, зззнаю. Нно вввспомни ожившие фотографии в альбоме.

Ричи неловко переступал ногами. Билл поднял правую руку. Бинтов уже не было, но шрамы от порезов еще остались на трех его пальцах.

— Да, но...

— Послушай, — сказал Билл. И заговорил медленно, глядя Ричи в глаза. И Ричи опять подумал, что, пожалуй, истории Бена, Эдди и оживающих фотографий как-то взаимосвязаны. Что этот клоун убивает девочек и мальчиков, которых потом в Дерри находили мертвыми. Это началось с декабря прошлого года.

— Ммможет он уубивал и раньше, — закончил свою мысль Билл. — Ддругие же тоже исчезали. Помнишь Эээди Коркорана?

— Чепуха! Его отчим напугал, — сказал Ричи.

— Ммможет да, а ммможет и ннет, — сказал

Билл. — Я тттоже знал его нннемного, да, отец бил его, и на ночь он иногда убегал от него.

— Может, этот клоун и поймал его, когда он убежал, — сказал задумчиво Ричи. — Правда ведь?

Билл согласился.

— А что ты теперь хочешь? Его автограф?

— Этот клоун, возможно, убивает и других людей, — сказал Билл и взглянул Ричи в глаза. Взгляд его был прямой, уверенный, бескомпромиссный. — Я хочу убить его.

— Господи! — сказал испуганно Ричи. — Как же ты собираешься это сделать?

— У моего отца есть пистолет. Он не знает, что я знаю об этом. Пистолет лежит на верхней полке в чулане.

— Здорово, — сказал Ричи. — Если мы найдем этого клоуна на куче детских костей...

— Ребята, я налила чай, — приветливо позвала мама Ричи, — пойдемте.

— Сейчас, мама, — ответил Ричи и фальшиво улыбнулся. Как только мама ушла, он тут же повернулся к Биллу:

— Но нельзя же просто так стрелять в человека только потому, что он одет в клоунский костюм, Билл. Ты мой лучший друг, я не советую тебе это делать, я должен остановить тебя.

— А ччто если тттам действительно куча костей?

Ричи облизнул губы, он ничего не мог возразить сразу.

— А что если это не тот человек, Билли? — спросил он. — Что если существует чудовище? Бывает же такое? Бен Хэнском говорил, что на ветру летал муляж и воздушные шарики, не оставляя тени. А фотографии в альбоме Джорджа... Может, нам все это показалось. Хотя я должен сказать тебе, что я не верю, будто это всего лишь наше воображение, остались же следы на твоей руке.

Билл кивнул.

— Вот в том-то и дело. Что мы будем делать, если это не тот человек, Билл?

— Тогда надо бббудет дделать ччто-то другое.

— Да, — согласился Ричи. — Могу себе представить, как ты стреляешь в него пять или шесть раз, а он прямо как тот оборотень в фильме, который мы видели с Беном и Беверли. Можно бросить в него нюхательный табак, если выстрелы не помогут. А если и это не поможет, то переждать немного и сказать: «Эй, мистер Монстр, так не пойдет! Мне пришлось из-за вас перечитать всю библиотеку. Я еще вернусь, а пока извините, я ухожу». Так ты ему скажешь, Билл, дружище?

Он посмотрел на Билла. Что-то в нем противилось тому, чтобы искать чудовище в том доме, но что-то отчаянно хотело, чтобы Билл пошарил там. И все же лучше бы Билл отказался от своей идеи. Уж очень это напоминало мир тех фильмов ужасов, которые они смотрели, особенно того фильма, который шел тогда днем в субботу, в «Аладдине». А с другой стороны, это вовсе не похоже на фильм. Потому что в фильме было безопасно, вы там знали, что все кончится хорошо, а если даже и не так, с вашей задницей все равно ничего не сделается, кожу с нее не сдерут. А вот комната Джорджа совсем не была похожа на кино. Ему бы хотелось забыть все, что там было, но это значило обмануть себя, ведь он видел рубцы на пальцах Билла. Если бы он тогда не оттянул Билла...

Это невероятно — Билл усмехался. Действительно *усмехался.*

— Хочешь, чтобы я взял тебя посмотреть на ожившие фотографии? — сказал он. — А я хочу взять тебя с собой посмотреть на тот дом. Только мы с тобой.

И добавил:

— Завтра утром.

Он сказал это так, будто это было решенное

дело.

— А вдруг это чудовище? — спросил Ричи, глядя Биллу в глаза. — А вдруг пистолет твоего отца не остановит его, Билл, дружище? Вдруг он будет продолжать идти?

— Тттогда пппридумаем что-нибудь еще. Мы должны это сделать, — сказал Билл, откинув голову и засмеявшись. Ричи тоже засмеялся. Не рассмеяться было невозможно.

Они пошли в дом Ричи. Мэгги поставила огромные стаканы с охлажденным чаем и положила пачку вафель.

— Ты хочешь?

— *Нет, но перекушу,* -ответил Ричи.

Билл шлепнул его по спине, чтобы отогнать все страхи, и Ричи почувствовал, что в эту ночь будет спать хорошо.

— Вы выглядите так, будто обсуждали какое-то серьезное дело, — сказала миссис Тозиер, сидя с книгой в одной руке и со стаканом охлажденного чая — в другой. Она выжидающе смотрела на ребят.

— А, у Денбро серьезные проблемы с *Ред Соксом,* -сказал Ричи.

— Мой отец думает, что это получится не в первом квартале, а в третьем, — сказал Билл и

отхлебнул чай. — Очень вкусно, миссис Тозиер, — сказал он.

— Спасибо, Билл.

— Когда закончатся работы в Соксе, ты перестанешь заикаться, — сказал Ричи.

— *Ричи!* -вскрикнула миссис Тозиер, пораженная его бестактностью. Она чуть не уронила очки в чай. А Ричи и Билл Денбро истерически захохотали. Она посмотрела на своего сына, потом на Билла, потом снова на сына, удивленная, озабоченная и испуганная до такой степени, что ее кольнуло в сердце и что-то задрожало в нем.

«Не понимаю я их обоих, куда они идут, что они делают, чего хотят и что с ними будет. В какие-то моменты их глаза кажутся совсем дикими, иногда я даже боюсь за них, а иногда боюсь их».

Она поймала себя на том — и уже не в первый раз, — что как было бы хорошо, если бы у них с Бентом была дочь, беленькая девочка; ей можно было бы надевать юбочки, повязывать банты, обувать по воскресеньям в кожаные туфельки. Хорошенькая маленькая девочка, которая просила бы купить пирожные после школы, любила бы играть в куклы больше, чем читать книги о гоночных машинах.

Маленькая хорошенькая девочка, которую она

могла бы понять.

12

— Ты взял его? — спросил Ричи возбужденно.

Они вели велосипеды по Канзас-стрит. Было это около десяти часов утра на следующий день. Небо было скучно-серым. По прогнозу в середине дня ожидался дождь. Ричи лег спать только после полуночи. Но когда он посмотрел на Денбро, он подумал, что тот вообще не спал ночью. Под глазами у него были темные круги.

— Да, я взял его, — сказала Билл, похлопав по карману своей зеленой шерстяной куртки.

— Дай посмотреть, — сказал Ричи восхищенно.

— Не сейчас, — сказал Билл и криво усмехнулся, — чтобы никто не увидел. Да, но посмотри, что я еще принес.

Он подошел к нему поближе и из заднего кармана куртки достал рогатку.

— О, черт, опять у нас проблемы, — сказал Ричи; засмеявшись. Билл прикинулся обиженным.

— Это же твоя идея, Тозиер.

Биллу на прошлый день рождения подарили алюминиевую рогатку. Это был компромисс между тем, что хотел он, и тем, что хотела его мать. Мать считала неправильным дарить такому

маленькому мальчику огнестрельное оружие.

В инструкции к рогатке говорилось, что ее можно использовать как оружие для охоты, если только научиться ею пользоваться. В хороших руках эта рогатка может быть смертоносным оружием, таким же эффектипным, как лук и стрелы или огнестрельное оружие. По крайней мере, так писалось в инструкции. Инструкция предупреждала, что рогатка может быть опасной, поэтому не надо целиться в людей, это так же опасно, как целиться из заряженного пистолета.

Билл еще не научился хорошо ею пользоваться и полагал, что не научится, но предупреждения в инструкции явно были достойны внимания. Если зарядить рогатку куском олова, как следует оттянуть резинку, она может сделать не просто дыру, а черт знает что.

— Ну что, тебе с ней спокойней, дружище Билл? — спросил Ричи.

— Ха-ха-ха, немножко. — сказал Билл. Это было правдой только частично. Изучив иллюстрации в инструкции, которые были пронумерованы, и хорошенько напрактиковавшись, он научился пользоваться ею так, что мог попасть в бумажную мишень, приложенную к *той же* инструкции, причем три раза из десяти. Один раз он даже

попал в десятку Ричи оттянул ретину, повертел рогатку в руках и положил ее обратно. Он ничего не сказал, но лично он сомневался, что она окажется столь же полезна, как пистолет Денбро, когда они пойдут убивать Чудовищ.

— Да, рогатка — это большое дело. Смотри, что я принес, Денбро.

Из кармана он достал пакет с картинкой, на которой лысый человек со щеками, раздутыми, как у Диззи Гиллеспи, говорил: «Апчхи». На пакете было написано: «Чихательный порошок».

Они взглянули друг на друга и громко захохотали, подталкивая друг друга в спину.

— Кое к чему мы уже приготовились, — сказал Билл, смеясь и вытирая глаза рукавом куртки.

— Задница ты, заика Билл, — сказал Ричи.

— Думаю, что лучше попробовать другой способ, — сказал Билл. — Теперь послушай. Мы едем в Барренс на велосипедах. Твой велосипед оставляем там. Дальше едем на Сильвере, ты — позади, на тот случай, если нам понадобится быстро сматываться.

Ричи кивнул и не стал спорить. Его двадцатидвухдюймовый Ралли (когда надо было быстро ехать, он надевал наколенники на руль) выглядел пигмеем по сравнению с высоким и огромным

Сильвером. Он знал, что Билл сильнее его, а Сильвер быстроходнее его Рэлли..

Они подошли к маленькому мосту, Билл помог Ричи поставить его велосипед под мостом, затем они сели, и когда над их головами проезжал транспорт, Билл расстегнул пальто и достал отцовский пистолет.

— Будь осторожен, — сказал Билл, протягивая Ричи пистолет. — С ним не безопасно.

— Он заряжен? — спросил Ричи с благоговейным страхом. Пистолет, «Вальтер», который Зак Денбро нашел во время оккупации, казался невероятно тяжелым.

— Еще нет, — сказал Билл и похлопал себя по карманам. — У меня здесь есть несколько патронов. Но мой отец говорит, что иногда, когда думаешь, что он не заряжен, он оказывается заряженным и может выстрелить. — На его лице появилась странная улыбка. Раньше он в это не верил, но теперь верил полностью.

Ричи понял, что ему никогда не разобраться в том, какая разница между всеми этими пистолетами, даже разницу между пистолетом и ружьем он не очень-то видел. Он только знал, что их нужно смазывать, оттягивать курок и вообще лучше хранить их в чулане. А этот «Вальтер» как

будто бы сделан с одной единственной целью — убивать людей... А чему же еще в самом деле может служить пистолет? Не сигареты же им прикуривать.

Ричи направил пистолет на Билла, держа пальцы подальше от спускового крючка. Один лишь вид черного глазка вызвал в памяти слова отца: «Помни, что незаряженных ружей не бывает, и все будет в порядке!» Он отдал пистолет Биллу, радуясь, что отделался, а Билл сунул его под куртку. Теперь дом на Нейболт-стрит показался Ричи не таким страшным. Но возможность кровопролития показалась более возможной.

Он посмотрел на Билла, желая удостовериться, что тот не передумал:

— Готов?

13

Как всегда, когда Билл оторвал вторую ногу от земли, Ричи почувствовал, что они разобьются на этом мертвом бетоне. Велосипед заносило. Камни с дороги отлетали и стучали о крыло. Велосипед раскачивался все больше и больше. Ричи закрыл глаза, а Билл запел: *«Хейо, Сильвер».*

Велосипед продолжал набирать скорость и наконец пошел прямо, устав от качки.

Билл пересек Канзас-стрит, поехал по боковой улице, направляясь к Витчем.

Они пулей вылетели на Страфам-стрит и на Витчем на огромной скорости. Билл, сидя на своем Сильвере, снова запел: *"Хейо, Сильвер,* гони, гони, дорогой!"

— Давай, Большой Билл! — закричал Ричи, который испугался так, что чуть не испачкал джинсы, но при этом смеялся.

— *Так жми!*

Билл так и делал, он летел, то выпрямляясь, то склоняясь к рулю, и нажимал на педали, развивая фантастическую скорость.

Ричи смотрел на Билла сзади. Одиннадцатидвенадцатилетнему парню эта спина казалась широченной. Билл что есть силы нажимал на педали то с одной, то с другой стороны. И Ричи понял, что, несмотря ни на что, жить они еще будут долго, возможно, и не все, но Билл — точно. Но сам Билл не ощущал, что он сильный и уверенный в себе.

Они неслись дальше; теперь дома встречались все реже, и улиц, пересекающих дорогу, становилось все меньше.

— *Хейо, Сильвер!* -заорал Билл, а Ричи подхватил голосом негра Джима:

— Хейо, Сильвер, — масса, такие дела, во так! Хейо, Сильвер!

Мимо проносились зеленые поля, которые казались совсем плоскими, бесконечными под серым небом. Ричи с трудом различил вдалеке старое кирпичное строение железнодорожной станции. Правее изогнутым рядом выстроились склады. Навалом лежали куски рельсов, вывернутых во время крушения на дороге.

А вот и Нейболт-стрит, резко сворачивающая вправо. «Депо Дерри»

— было написано голубыми буквами на красном фоне. Табличка была покрыта пылью и криво висела. Ниже висел знак покрупнее. Черными буквами на желтом фоне. «Мертвый тупик» — было написано на ней. Билл свернул на Нейболт-стрит, поехал по обочине, потом остановился.

— Давай начнем прогулку отсюда, — сказал он, слезая с велосипеда. Ричи почувствовал облегчение, но и сожаление:

— О'кей!

Они шли по обочине. Далеко впереди медленно двигался дизель, он то появлялся, то пропадал. Раз или два послышался лязг вагонных сцеплений.

— Тебе страшно? — спросил Ричи у Билла.

Билл, ведя Сильвера за руль, быстро взглянул на Ричи и кивнул.

— Да, а тебе?

— Конечно, мне тоже, — сказал Ричи.

Билл сказал, что вчера вечером он спросил у отца о Нейболт-стрит. Оказывается, в этой части улицы до конца Второй мировой войны жили железнодорожники, инженеры, проводники, сигнальщики, носильщики и работники железнодорожного депо.

Улица сворачивала в сторону депо. Дома становились все более темными и стояли на отшибе. Последние три или четыре дома по обеим сторонам были разобраны. Дворы изрядно заросли. На крыльце одного из домов была приколочена табличка: «Продается».

Ричи показалось, что этой табличке лет тысяча, а то и две.

Боковая улочка кончилась. Далее шел проход, в котором росла редкая сорная трава.

Билл остановился и указал на дом: «Это здесь». Ричи понял: Нейболт-стрит, 29. Ричи подумал, что, возможно, здесь жил инженер; он приходил домой раз или два в месяц, дня на три или на четыре, не более, в это время он слушал радио, ухаживал за растениями в саду. Питался он, ве-

роятно, все больше жареным (сам овощей не ел, выращивал их для друзей). А в ветреные ночи вспоминал в этом доме о той *девушке*, которая некогда была с ним. Красная краска на доме выгорела, местами стала розовой, на ней появились уродливые грязные пятна. Окна смотрели, как слепые глаза, они были заколочены. Вокруг дома росли сорняки. Газон же был покрыт первыми ландышами. Слева высился деревянный забор, когда-то, вероятно, белый, а теперь грязно-серый. У забора росли подсолнухи, самый высокий из них был футов пяти, да и выглядел он довольно жалко. Они как будто кивали головами: *«Мальчики пришли, да? Вот хорошо! Еще мальчики».* Ричи поежился.

Билл прислонил Сильвера к тополю. Ричи изучал дом. У порога на густой траве лежало колесо. Ричи указал на него Биллу. Билл кивнул. Эдди упоминал об этом.

Они осмотрели улицу Нейболт. Вся улица — и вверх и вниз — была абсолютно пустынна. Послышалось пыхтенье паровоза. Ричи слышал, как по дороге №2 проезжали редкие машины. Звук дизельного двигателя то возникал, то замирал. Огромные подсолнухи кивали головами: *«Свежие мальчики. Хорошие мальчики. Наши мальчики».*

— Ты готов? — спросил Билл. Ричи от неожиданности подпрыгнул.

— Знаешь, я как раз думал, что, верно, те книги, которые я взял сегодня в библиотеке, как раз то, что надо, — сказал Ричи. — Может быть, мне...

— Подожди, Ричи. Ты готов?

— Думаю, что да, — ответил Ричи, прекрасно сознавая, что он совсем не готов.

Они прошли по газону к дому.

— Смотри! — сказал Билл. Вдалеке слева висела на кусте юбка.

Мальчики увидели ржавые гвозди, валяющиеся на земле. Слева и справа от дома росли дикие розы. Перед домом цвели дикие цветы. Некоторые кусты роз засохли.

Мальчики с горечью посмотрели друг на друга. Все, о чем говорил Эдди, было правдой. Спустя семь недель все еще было по-прежнему.

— Ты ведь действительно не хочешь заходить туда? — спросил Ричи. Он почти умолял.

— Нет. Не хочу, — сказал Билл, — но пойду.

И с замиранием сердца Ричи понял, что Билл пойдет.

Глаза Билла загорелись металлическим светом. Это была железная решимость. Теперь он выглядел старше. Ричи подумал: *"Билл действи-*

тельно убьет его, если он все еще здесь. Убьет и, может, отрежет голову, чтобы взять ее с собой, показать отцу и сказать. «Смотри, вот кто убил Джорджа».

— Билл, — сказал он, но Билл уже отошел. Он направился к правому краю крыльца, туда, наверное, полз Эдди. Ричи следил за ним глазами, — он чуть не упал, зацепившись за велосипед в кустах, но снова зашагал твердым шагом.

Ричи видел, как Билл наклонился и заглянул под крыльцо. Ричи пошел за ним. Сердце его стучало как барабан. Под крыльцом ничего не было, кроме пожухлых листьев и пожелтевших газет.

— Билл, — повторил он.

— Что? — Билл достал «Вальтер» своего отца. Он осторожно отодвинул затвор и вынул из кармана четыре пули. Вставил их все в пистолет. Ричи наблюдал как зачарованный. Потом он тоже заглянул под крыльцо. На этот раз он там что-то увидел. Разбитое стекло, слабо поблескивающее разбитое стекло. Живот его свела судорога. Он понял, что история Эдди подтверждается. Осколки стекла на листьях под крыльцом означали, что окно разбили изнутри. Из подвала.

— *Что?*

— спросил Билл, посмотрев на Ричи. Лицо его

было бледное, даже зеленое.

— Ничего, — сказал Ричи.

Они залезли под крыльцо.

Обычно Ричи любил запах прелых листьев, но на сей раз в этом запахе не было ничего приятного. Листья были мягкие, как губка, и прилипали к рукам и коленям. Создавалось впечатление, что они могут ползти так несколько футов. Вдруг он подумал, что из этих листьев может высунуться лапа или коготь и схватить их.

Билл разглядывал разбитое стекло. Стекла были разбросаны повсюду. Верх оконной рамы был разбит — Что-то случилось с этим гадом, — выдохнул Ричи. Билл, пытаясь заглянуть внутрь, кивнул.

Ричи толкнул его локтем, чтобы он тоже посмотрел. У фундамента было полно мусора и банок. Пол в подвале был земляной и влажный, как и листья. Слева возвышалась печка, а от нее к потолку отходила труба. Над ней, в конце подвала, Ричи увидел большое стойло с деревянными стенками. Он подумал, что это конюшня. Но разве лошадей держат в подвале? И дом, и стойло были очень старые, и отапливаться этот дом мог только углем, а не нефтью. А теперь он никому не нужен.

Билл сидел.., подавшись вперед.., и прежде чем Ричи смог понять, что происходит, ноги его приятеля исчезли в окне.

— Билл! Ради Бога! — прошептал он. — Что ты *делаешь!* Иди *сюда!*

Билл не отвечал. Он ускользал. Куртка сползала с его спины. В следующее мгновение Ричи услышал звук, похожий на стук теннисного мяча о земляной пол внутри.

«Сраные дела», — пробормотал Ричи про себя, глядя на темный квадрат, через который исчез его друг.

— Билл, ты что, с *ума* сошел?

Послышался голос Билла:

— Ты можешь тоже забраться сюда, если хочешь, Ричи. Посторожи.

Ричи на животе вполз через окно подвала, стараясь не порезать о разбитое стекло руки или живот.

Что-То ударило его по ногам. Ричи вскрикнул.

— Держись, — зашептал Билл.

Через мгновение Ричи стоял рядом с Биллом, стаскивая с себя рубашку и куртку.

— Как ты думаешь, кто это был?

— Бугимен, — сказал Ричи и засмеялся, поеживишись.

— Ты иди сюда, а я ..

— Твою мать, — сказал Ричи. Он слышал, как бьется его собственное сердце.

Сначала они пошли к куче угля, Билл шел немного впереди с пистолетом в руке, стараясь видеть все вокруг. Он постоял около угольной кучи, потом решился обойти ее, держа пистолет двумя руками. Ричи зажмурился в ожидании выстрела. Но выстрела не было. Он осторожно открыл глаза.

— Ничего, кроме угля, — сказал Билл и нервно хохотнул.

Ричи подошел к нему. Уголь был навален до самого потолка. Он был черен как вороново крыло.

–Давай, — начал Ричи.

Они налегли на подвальную дверь. Дверь открылась, и дневной свет полился на лестницу.

Мальчики вскрикнули.

Ричи услышал какой-то ворчащий звук. Что-то громко ворчало, издавало звуки, как дикий зверь в клетке. Бродяги шли по лестнице. На них были выцветшие джинсы, руки болтались.

Но это были не руки... Это были лапы. Огромные, бесформенные лапы.

— *Уголь! Лезь на уголь!* -закричал Билл. Но Ричи стоял, окаменев, он теперь понял, кто пришел к

ним, кто хотел их убить в подвале, который вонял мокрой землей и дешевым вином в углах. — *Наверху, на угольной куче — окно!*

Лапы были покрыты густой бурой шерстью, которая закручивалась как проволока, пальцы заканчивались острыми когтями. Вдруг Ричи увидел шелковую куртку. Черную с оранжевой отделкой — куртку Дерриевского колледжа.

— Пошли! — закричал Билл и сильно толкнул Ричи.

Ричи подбежал к куче угля, они полезли на нее. Острые куски больно кололись. Уголь прилипал к рукам. А они лезли и лезли.

Ричи запаниковал.

Он плохо соображал, что делает, но продолжал лезть на кучу угля, соскальзывая, падая и вскакивая. Окно на вершине угольной кучи зияло чернотой, там не было ни единого проблеска света. Оказалось, что оно закрыто черной крышкой и заперто на щеколду. Ричи ухватился за щеколду и изо всех сил стал тянуть ее, пытаясь открыть, но она и не думала отодвигаться. Рычание приближалось.

Раздался выстрел, рычание в запертой комнате утихло. Ричи почувствовал запах пороха. Ему вдруг пришло в голову, что он неправильно от-

крыл щеколду. Он потянул ее в другую сторону, и ржавая щеколда заскрипела. На руки ему посыпалась, как перец, ржавчина.

Раздался второй выстрел. Билл Денбро закричал:

— ТЫ УБИЛ МОЕГО БРАТА, ТЫ, ПОДОНОК!

На какое-то мгновение существо, шедшее по лестнице, засмеялось, и что-то вроде бы проговорило — звуки этой речи были похожи на лай мерзкой собаки. Ричи вспомнил о куртке из колледжа. Существо пролаяло:

— *Я тебя тоже убью!*

— *Ричи!* -закричал Билл.

Ричи слышал, как сыпался уголь под его руками и ногами. Рычание и шипение продолжались. В этом кошмарном мраке и холоде раздавался лай и вой.

Ричи сильно толкнул окно, не думая о том, что он порежет руки и разобьет стекло. Ему было не до того. Но окно не разбилось. Оно раскрылось, повиснув на ржавых петлях. С него посыпалась угольная пыль, засыпав Ричи лицо. Он высунулся в окно, хватая свежий воздух. Как во сне, он заметил, что идет дождь. Огромные подсолнухи раскачивались у забора, зеленые и пушистые.

«Вальтер» выстрелил в третий раз, и зверь на

чердаке вскрикнул, вернее, это был резкий грубый рев. Билл закричал:

— *Он тащит меня! Ричи! Помоги!*

Стоя на четвереньках, Ричи повернулся и увидел лицо своего друга в квадрате подвального окна, через которое осенью ссыпают уголь.

Билл лежал распростертый на угле. Его руки пытались схватиться за оконную раму, но не могли до нее дотянуться. Рубашка и куртка на нем были разорваны. И он отползал.., да, его что-то *тянуло* туда назад, что-то темное и огромное, что-то, похожее на человека, это существо лаяло и издавало какие-то невнятные звуки.

Ричи не мог смотреть на все это, он уже видел нечто подобное в субботу, в кинотеатре «Аладдин». Все это было как в страшном сне, какое-то безумие, хотя Ричи нисколько не сомневался в собственном здравомыслии.

Это он, подросток-оборотень, утащил Билла. Все повторилось точно как в кино, только тут не было никакого грима. Все было в *реальности.* Вот и сейчас совершенно реально раздался крик Билла. Ричи подполз к нему и взял его руки в свои. В одной из них был «Вальтер». Ричи второй раз в этот день посмотрел в глазок.., на этот раз пистолет был заряжен. Началась борьба за Билла

— Ричи тянул его к себе, а Оборотень — к себе.

— *Уходи отсюда, Ричи!* -закричал Билл. — *Уходи!*

Вдруг в темноте показалось лицо Оборотня. Его лоб и впалые щеки были покрыты шерстью. Глаза, ужасные темные глаза, были умны. Рот открылся и раздался рык, пар повалил двумя струйками из углов рта. Волосы были зачесаны назад, что выглядело пародией на прически подростков. Не сводя глаз с Ричи, Оборотень откинул голову назад. Билл скреб пальцами по углю. Ричи схватил его за руку и потянул. На мгновение ему показалось, что он побеждает, но Оборотень сильнее потянул Билла за ноги, и Билл стал сползать назад, в темноту.

Ричи, плохо понимая, что и зачем он делает, вдруг закричал голосом ирландского полицейского мистера Нелла. Это был уже не Ричи, а сам полицейский, самый что ни на есть настоящий ирландский полицейский, который по ночам следит за порядком:

— *А ну отпусти его, а то я откручу тебе башку! Клянусь Богом! Отпусти его, а то я раздавлю тебя!*

Чудовище в подвале издало душераздирающий крик, но что-то изменилось. Может, это касалось

страха. Или боли.

Ричи еще раз изо всех сил дернул Билла. Билл вылетел в окно и упал на траву. Он смотрел на Ричи обезумевшими глазами. Куртка на нем была черная от угля.

— Быстрее! — сказал он со стоном. , Ричи услышал, что по углю кто-то идет, приближаясь к ним. В следующее мгновение морда Оборотня выглянула в окно подвала. Он зарычал на них.

Билл все еще держал в руке «Вальтер». Он не выпускал его из руки все это время. Теперь он взял пистолет обеими руками, прицелился и нажал курок. Опять раздался глухой выстрел. Ричи видел, как голова Оборотня качнулась и по щеке потекла кровь, пачкая шерсть и воротник форменной куртки колледжа, которая была на нем.

Рыча, он отступил от окна.

Медленно, как во, сне, Ричи полез в свой задний карман. Он достал пакет с изображением чихающего человека, разорвал его, пока рычащее окровавленное чудовище отступало от окна, вгрызаясь когтями в землю. Ричи сжал пакет. *«Убирайся на свое место!»* -приказал он чудовищу голосом ирландского полицейского и выдул ему в морду порошок. Красные затуманенные глаза Оборотня остановились на Ричи. Казалось,

он запомнил его навсегда...

Оборотень чихал, чихал и чихал. Слюна струями свисала с его морды. Зеленые сопли висели из носа. Одна капля соплей попала на Ричи и обожгла его как кислотой. Ричи вытер ее с отвращением и болью.

На лице Оборотня теперь была не только злоба, но и боль, это было несомненно. Может, эту боль причинил ему выстрел Билла, но еще больше Ричи.., сначала голосом полицейского, а потом этим порошком.

«Господи, будь у меня побольше этого порошка, я мог бы убить его», -подумал Ричи, а Билл схватил его за ворот куртки и оттянул. И хорошо сделал. Оборотень прекратил чихать и неожиданно направился к Ричи. Невероятно быстро. Ричи застыл с пакетом в руке, глядя на бурую шерсть Оборотня, на кровь, текущую по его морде, сознавая, что все это происходит в реальной жизни. Оборотень вероятно так бы и схватил его своими острыми когтями за горло, но тут Билл, встряхнув, поставил его на ноги.

Они побежали к фасаду дома. "Он *не посмеет преследовать нас больше*, -думал Ричи, — *теперь мы на улице, не посмеет, не осмелится,.."*

Но он посмел. Ричи слышал его за своей спи-

ной. Он был сзади, он бежал рыча, сморкаясь и отплевываясь.

А вот и Сильвер, прислоненный к дереву. Билл вскочил в седло и бросил отцовский пистолет в сумку, в которой они носили обычно игрушечные пистолеты. Ричи бросил взгляд назад и вскочил на багажник. Он успел заметить, как Оборотень бежал к ним через газон. Кровь и слюни вперемешку текли по его форменной куртке. На морде были следы чихательного порошка. Ричи заметил еще кое-что, что привело его в ужас. На его куртке вместо молнии были пушистые оранжевые пуговицы, как помпоны. Заметил он и еще кое-что, от чего чуть не потерял сознание. На куртке золотыми буквами было вытканно имя — такую надпись мог заказать за доллар любой желающий.

Надпись на куртке гласила: «РИЧИ ТОЗИЕР».

— *Поехали, Билл,* -закричал Ричи. Сильвер тронулся — но как медленно! Билл разгонял его довольно долго.

Оборотень выскочил на дорогу как раз в тот момент, когда Билл выехал на Нейболт-стрит. Его выгоревшие джинсы были в крови. Ричи, как под гипнозом, оглянулся через плечо и ему показалось, что он явственно различает дырки

на джинсах, через которые видна бурая шерсть. Сильвер, раскачиваясь, набирал скорость. Билл приподнялся на педалях, откидывая голову назад.

Страшная лапа потянулась к Ричи. Он жалобно вскрикнул и отстранился от нее. Оборотень рычал и пыхтел, ухмыляясь. Он был так близко от Ричи, что Ричи мог видеть желтоватые зрачки его глаз и чувствовать запах протухшего мяса, исходящий от Оборотня. Изо рта его торчали клыки.

Ричи вскрикнул снова, когда лапа опять потянулась к нему. Оборотень явно хотел оторвать ему голову, но он промахнулся, лапа прошла в дюйме от Ричи. Волосы Ричи были мокрые от пота. Его обдало струей воздуха — *Хейо, Сильвер!* -закричал Билл изо всех сил.

Они доехали до вершины небольшого холма, который был как раз под силу Сильверу.

Билл бешено крутил педали. Сильвер перестал качаться и шел прямо по Нейболт-стрит к дороге №2.

"Господи, спаси нас. Господи, спаси нас. Господи, спаси нес!" — мысленно произносил Ричи.

Оборотень снова зарычал. "О, *Господи! Кажется, он совсем рядом со мной".* Куртку и рубашку Ричи сдувало ветром назад. Он издавал дикие

звуки, пытаясь помочь Биллу. Сильвер замедлил ход и качнулся. На мгновение Ричи показалось, что велосипед сейчас сбросит их обоих назад. Затем его куртка — она болталась сзади, как рюкзак, — отделилась от его спины, при этом раздался громкий звук, словно пуканье. Теперь Ричи снова мог дышать.

Он осмотрелся вокруг и вдруг наткнулся на бешеный взгляд, взгляд убийцы.

— *Билл!* -хотел он крикнуть, но звука не получилось.

Тем не менее Билл каким-то образом услышал его. Он крутил педали сильнее и сильнее, никогда в жизни он их так не крутил. Даже все его внутренности вибрировали. Кровь подходила к горлу он чувствовал ее медный привкус. Открытым ртом он ловил воздух. Какое-то сумасшедшее возбуждение охватило его, какое-то дикое желание. Он стоял на педалях, крутя их и придавая им силу.

Сильвер продолжал набирать скорость. Было такое ощущение, что дорога взлетает.

— *Хейо, Сильвер!* -заорал он снова. — *Хейо!*

Ричи услышал топот бродяг, бегущих по щебню. Он обернулся. Лапа Оборотня ударила его по глазам с такой силой, что на мгновение Ричи

подумал, что у него оторвалась голова. Все покрылось вдруг дымкой. Потеряло значение. Звуки затихли, прекратились. Мир потерял цвета. Он в отчаянии прислонился к Биллу. На правом глазу была теплая кровь, она стекала на лицо.

Лапа снова нанесла удар, на сей раз сзади. Ричи почувствовал, что велосипед сильно качнуло, а потом он опять понесся по прямой. Билл заорал: *«Хейо, Сильвер!»,* а Ричи показалось, что голос его звучит издалека, как эхо.

Ричи закрыл глаза, держась за Билла и ожидая конца.

14

Билл тоже слышал, что за ними бегут, и понял, что клоун еще не прекратил погоню. Но он не осмеливался обернуться назад и посмотреть. Неужели он схватит их?

— *Давай, дружище Сильвер, давай! Выдай все, что можешь! Давай!*

Билл Денбро еще раз понял, что он победил дьявола, но на этот раз дьяволом был ухмыляющийся клоун со вспотевшим, покрытым гусиной кожей лицом и искривленным ртом вампира, глаза которого блестели, как серебряные монеты. Клоун, который по странной случайности был

одет в форменную куртку Дерриевского колледжа поверх серебристого костюма с оранжевой отделкой и оранжевыми пуговицами-помпонами.

— *Поехали, дорогой, давай, Сильвер! Ты что-то говоришь? Дивой, дорогой!*

Вокруг него на Нейболт-стрит сгущалась тьма, Сильвер несся с ровным звуком, а эти страшные тяжелые шаги, что они — приближались или отдалялись?

Билл все еще не решался оглянуться. Ричи держался за него мертвой хваткой, и ему не хватало воздуха. Билл хотел попросить Ричи немного отпустить руки, держаться не так крепко, но ему и на это не хватало дыхания.

Там, впереди, как прекрасная мечта, висел стоп-знак, отмечая пересечение Нейболт-стрит и дороги №2. Машины неслись вперед и назад к Витчему. Устав от напряжения, Билл принял это как чудо. Он только теперь решился посмотреть через плечо. То, что он увидел, заставило его остановиться одним движением педали. Сильвера занесло, и он ударился ободом. Голову Ричи отбросило к плечу Билла. Ричи вскрикнул от боли. Улица была абсолютно пуста.

В двадцати пяти ярдах перед ними (в направлении паровозного депо), в первом из заброшенных

домов, имеющих похоронный вид, в этом самом доме вспыхивал, мерцая, оранжевый свет.

«У-у-у-х-х-х!»

Билл поздно понял, что Ричи сползает с Сильвера, но он был так повернут к Биллу, что были видны только нижние веки и брови, отремонтированная дужка очков свисала вбок. Со лба медленно стекала кровь. Билл быстро схватил его за руку, их занесло вправо, Сильвер потерял равновесие. Они грохнулись на дорогу, их руки и ноги переплелись. Билл сломал себе плечо и заорал от боли. Глаза Ричи широко раскрылись на мгновение. Ричи сказал, задыхаясь:

— Я хочу показать вам сокровища, синьоры, да вот только этот Добс изрядно опасен.

Он сказал это голосом Панчо Ванилла, и в тот же момент его передернуло от боли при движении. Он увидел несколько бурых волосинок, напоминавших волосы его отца в паху. Он испугался еще больше. Билл звонко хлопнул его по затылку.

— *Ой-ой-ой!* -закричал Ричи, широко открыв глаза. — За что ты меня лупишь, дружище? Ты же разобьешь мне очки. Оправа не очень крепкая, ты и не заметишь, как разобьешь их....

— Ттты тттолько что умирал или что-то вроде этого, — заикался Билл.

Ричи медленно поднялся и сел на дороге, положив руку себе на голову:

— Что случилось?

И тут он все вспомнил.

От внезапного шока глаза его округлились. Он пытался подняться и встать на колени, задыхаясь и спеша.

— Не надо, Ричи, — сказал Билл, — все прошло. Все прошло.

Ричи увидел пустынную улицу, никакого движения не было на ней. Он неожиданно разревелся. Билл посмотрел на него, потом обнял. Ричи держался за его шею. Он хотел сказать что-то значительное. Например, о том, как Билл боролся с Оборотнем, но он ничего не смог сказать, он только всхлипывал.

— Не надо, Ричи, не надо, — сказал Билл и тут же расплакался сам.

Они стояли на коленях возле велосипеда, плакали, и слезы, смешанные с углем, текли по их щекам.

Глава 9. ОЧИЩЕНИЕ

1

Вечером 9 мая 1985 года, когда самолет пролетал где-то в районе штата Нью-Йорк, у Беверли Роган опять начался приступ смеха. Пытаясь успокоиться, она обхватила себя обеими руками, опасаясь, что ее примут за сумасшедшую, но не могла остановиться.

«Тогда, давно, мы тоже много смеялись», — подумала она. Но сейчас было что-то другое, новое. Тогда мы все время были в страхе, но не могли перестать смеяться, а сейчас я смогу.

Рядом с ней сидел молодой длинноволосый симпатичный парень. С тех пор как в 2.30 самолет вылетел из Милуоки (прошло почти два с половиной часа полета с остановками в Кливленде и Филадельфии), он несколько раз бросал на нее оценивающие взгляды, но, видя, что она не желает вступать в разговор, решил оставить ее в покое; после пары ничего не значащих вопросов, на которые она ответила вежливо, но не более того, он открыл дорожную сумку и достал роман Роберта Лэдлэма.

Теперь он отложил его, отметив страницу пальцем, и участливо спросил:

— Вам холодно?

Она кивнула, попыталась сделать серьезное лицо, но вместо этого прыснула от смеха. Он слегка улыбнулся в недоумении.

— Ничего страшного, — сказала она, снова предприняв безуспешную попытку вернуть выражение лица; но чем больше она пыталась взять себя в руки, тем больше ее лицо морщилось от смеха. Совсем как у старушки. — Я только что поняла, что не знаю, на какой села самолет. Помню только бббольшого утенка на ббоку... — Она ослабела от смеха. Люди начали оборачиваться на нее, некоторые хмурились.

«Республиканский», — сказал он.

— Простите?

«Вы летите со скоростью 470 миль в час благодаря любезности республиканских авиалиний». Так написано на рекламном спичечном коробке компании ПСПЗ в кармашке сиденья.

— ПСПЗ?

Он достал коробок (на этикетке действительно стоял рекламный знак республиканских авиалиний) из кармашка сиденья. На нем были указаны запасные выходы, расположение флотацион-

ных приборов, как пользоваться кислородными масками и как приземляться при вынужденной аварийной посадке. "Коробок компании «поцелуй себя на прощание в задницу», — сказал он, и тут они оба рассмеялись.

«А он действительно симпатичный», — неожиданно подумала она, свежая мысль, по крайней мере, ясная. Такие мысли, должно быть, приходят человеку в голову, когда он просыпается утром и голова еще не совсем забита всякой чушью. Парень был одет в пуловер и протертые джинсы. Светлые волосы перехвачены сзади куском кожаной бечевки; они напомнили ей о том конском хвосте, который она всегда носила в детстве. Она подумала: «Могу поспорить, что член у него, как у хорошенького вежливого мальчика из колледжа: достаточно длинный, чтобы можно было трахаться, но не достаточно толстый, чтобы можно было гордиться».

Не в силах сдержаться, она снова рассмеялась. Она вспомнила, что у нее даже нет носового платка, чтобы вытереть слезы, которые ручьем текли из глаз, и это рассмешило ее еще больше.

— Лучше возьми себя в руки, а то стюардесса вышвырнет тебя из самолета, — сказал он серьезно, но она только потрясла головой; бока и живот

уже давно болели от смеха.

Он протянул ей чистый носовой платок, и она вытерла слезы.

Это немного помогло ей справиться со смехом, хотя она еще не пришла в себя окончательно. Каждый раз, вспоминая о большом утенке на боку самолета, она начинала хихикать.

Немного погодя она вернула ему платок:

— Спасибо.

— Господи Иисусе, мэм, что с вашей рукой? — он осторожно взял ее руку.

Она опустила глаза и посмотрела на поломанные ногти, они сломались, когда она боролась с Томом. Воспоминания о боли причинили ей больше страдания, чем израненные пальцы, и она прекратила смеяться. Она мягко отобрала у него руку.

— Я прищемила пальцы дверцей машины в аэропорту, — сказала она и подумала, что ей все время приходится лгать, чтобы скрыть то, что сделал с ней Том, как раньше приходилось лгать про синяки, которыми награждал ее отец. Может быть, это последняя ложь? Как это было бы чудесно.., слишком чудесно, чтобы в это можно было поверить. Она подумала о враче, который приходит к умирающему от рака больному и говорит:

«Рентген показал, что опухоль рассасывается. Мы понятия не имеем, почему это происходит, но это правда».

— Тебе должно быть чертовски больно, — сказал он.

— Я приняла немного аспирина. — Она снова открыла журнал, хотя он наверняка заметил, что она прочла его уже дважды.

— Куда ты направляешься?

Она закрыла журнал, посмотрела на него и улыбнулась.

— Ты очень милый, — сказала она, — но у меня нет желания разговаривать. Понятно?

— Понятно, — сказал он в ответ с улыбкой. — Но если ты захочешь выпить в честь большого утенка на боку самолета, когда прилетим в Бостон, то плачу я.

— Спасибо, но мне надо успеть на другой самолет.

— Да, дружище, сегодня утром твой гороскоп подвел тебя как никогда, — сказал он сам себе и снова открыл роман. — Но у тебя такой чудесный смех, что в тебя невозможно не влюбиться.

Она опять открыла журнал, но поймала себя на том, что вместо того, чтобы читать статью о красотах Нью-Орлеана, рассматривает свои

поломанные ногти. Под двумя ногтями темнели пунцовые кровавые волдыри. В ее ушах еще звучал голос Тома, орущего с лестницы: «Я убью тебя, сука! Ты — чертова сука!» Она поежилась, как от холода. Сука для Тома, сука для швей, которые бестолково суетятся перед ответственным шоу и считают Беверли Роган дешевой писакой, сука для отца.

Сука.

Ты — сука.

Ты — чертова сука.

Она на мгновение закрыла глаза.

Нога, которую она порезала осколками флакона из-под духов, убегая из спальни, пульсировала больше, чем израненные пальцы. Кей дала ей бинт, пару туфель и чек на тысячу долларов, который Беверли сразу обменяла на наличные в Первом чикагском банке на площади Уотер-тауэр.

Несмотря на протесты Кэй, Беверли выписала чек на тысячу долларов на простом листе писчей бумаги.

— Я однажды читала, что чек обязаны взять независимо от того, на чем он написан, — сказала она Кэй. Ее голос, казалось, исходил не от нее. Может, из радио в соседней комнате. — Кто-то

однажды обналичил чек, который был написан на артиллерийском снаряде. По-моему, я читала это в «Списках». — Она помолчала, потом неестественно засмеялась. Кэй спокойно и серьезно смотрела на нее.

— Надо получить в банке наличные как можно скорее, пока Том не сообразил заморозить счета.

Беверли не чувствовала усталости, хотя полностью отдавала себе отчет в том, что держится только на нервах и черном кофе, сваренном Кэй. Предыдущая ночь казалась ей страшным сном.

Она помнила, как за ней шли трое подростков, которые кричали ей вслед и свистели, но не осмеливались подойти. Она помнила, какое облегчение охватило ее, когда она увидела белый свет люминесцентных огней магазина на пересечении Седьмой и Одиннадцатой улиц. Она вошла туда, позволив прыщавому продавцу разглядеть ее старую блузку, и попросила у него взаймы сорок центов, чтобы позвонить по телефону. Это оказалось не трудно, ей было ясно с первого взгляда.

Первым делом она позвонила Кэй Макколл, набрав номер по памяти.

После дюжины звонков она уже испугалась, что Кэй уехала в Нью-Йорк, но сонный голос Кэй

пробурчал. «Было бы неплохо, если б вы представились» — как раз когда Беверли собиралась повесить трубку.

— Кэй, это Бев, — сказала она и, поколебавшись какое-то время, решительно добавила:

— Мне нужна помощь.

Наступило молчание. Потом Кэй снова заговорила голосом человека, окончательно очнувшегося ото сна:

— Где ты? Что стряслось?

— Я около Седьмой и Одиннадцатой улиц, на углу Стрейленд-авеню и какой-то улицы. Я...Кэй, я ушла от Тома.

Кэй быстро взволнованно закричала в трубку:

— Прекрасно! Наконец-то! Ура! Я приеду за тобой! Сукин сын! Кусок дерьма! Я сейчас приеду за тобой в своем чертовом «Мерседесе»! Я найму оркестр! Я...

— Я возьму такси, — сказала Бев, зажав оставшиеся две десятицентовые монеты во вспотевшей ладони. В круглом зеркале внутри магазина она видела, как прыщавый продавец задумчиво уставился на ее задницу. — Но тебе придется заплатить по счетчику. У меня совсем нет денег. Ни цента.

— Я дам этому ублюдку пять баксов на чай, —

прокричала Кэй. — Это, мать твою, самая лучшая новость после отставки Никсона! Сейчас мы с тобой, девочка моя, пропустим рюмочку-другую и... — Она замолчала, и когда снова заговорила, ее голос был совершенно серьезен, В нем было столько доброты и любви, что Беверли чуть не расплакалась.

— Слава Богу, ты наконец-то решилась, Бев. Слава Богу, Кэй Макколл раньше работала модельером, но вышла замуж за разведенного богача и в 1972 году увлеклась феминистическим движением, Это было примерно за три года до знакомства с Беверли. В тот период, когда она достигла наибольшей популярности среди феминисток, ее обвинили в использовании архаичных шовинистских законов, благодаря чему она оттяпала у своего делового мужа все, что полагалось ей по закону до последнего цента.

— Чушь собачья! — как-то сказала Кэй Беверли. — Те, кто несет эту чепуху, никогда не спали с Сэмом Чаковицем, Тыкнуть пару раз, получить удовольствие и кончить — вот девиз Сэма. Единственный раз у него простоял больше семидесяти секунд, когда он дрочил в ванной. Я не обманывала его, я просто получила компенсацию за страдания.

Она написала три книги: одну о феминистическом движении и деловой женщине, другую о феминистическом движении и семье и третью о феминистическом движении и духовности. Первые две книги пользовались достаточной популярностью. Через три года после опубликования ее последней книги она совершенно вышла из моды, и Беверли показалось, что ей стало легче от этого. Она выгодно вложила деньги («Феминизм и капитализм, слава Богу, не исключают друг друга», — сказала она однажды Беверли), и сейчас Кэй — молодая здоровая женщина с собственным домом в городе и в провинции — имела двух или трех любовников, достаточно зрелых для постели, но еще не созревших для того, чтобы обыграть ее в теннис, — Если им когда-либо удастся обыграть меня, я их брошу в то же момент, — говорила она Беверли, и хотя было ясно, что Кэй шутит, Беверли недоумевала, неужели она говорит серьезно.

Беверли заказала такси и, когда машина подъехала, забралась со своим чемоданчиком на заднее сиденье, радостная, что этот продавец из магазина больше не будет на нее глазеть, и назвала шоферу адрес Кэй.

Кэй уже ждала ее, накинув норковую шубку

прямо на фланелевую ночнушку. На ногах были надеты розовые бархатные шлепанцы с большими помпонами. Слава Богу, что помпоны не оранжевые, а то Беверли снова взвыла бы. Это — судьба, что она приехала именно к Кэй: прошлое возвращалось к ней, воспоминания нахлынули так стремительно и отчетливо, что она испугалась. Будто кто-то запустил в ее голове бульдозер и начал раскапывать кладбище воспоминаний, о существовании которого она и не подозревала. Только вместо тел возникали давно забытые имена, которые она не вспоминала годами: Бен Хэнском, Ричи Тозиер, Грета Бови, Генри Бауэре, Эдди Каспбрак... Билл Денбро. Особенно Билл — заика Билл, как они называли его с чисто детской прямотой, которую иногда считают непосредственностью, а иногда — жестокостью. Он казался ей тогда очень высоким, самим совершенством (до тех пор, пока не открывал рот и не начинал говорить).

Имена...

Ее бросило в жар, потом в холод. Беверли вспомнила голоса из водостока ..и кровь. Вспомнила, как закричала от ужаса, а ее отец отшлепал ее. Отец, Том...

Она была близка к тому, чтобы расплакаться...

Кэй, расплачиваясь с таксистом, столько дала на чай, что изумленный водитель прокричал: «Спасибо, леди! Ничего себе!»

Кэй отвела Беверли в дом, отправила ее в душ, после душа дала халат, сварила кофе и внимательно осмотрела ее синяки и ссадины, обработав порез и забинтовав ногу. Во вторую чашку кофе она налила Беверли изрядное количество бренди и заставила выпить все до дна. Затем приготовила им обеим по превосходному бифштексу со свежей горчицей.

— Ну ладно, — сказала она. — Что произошло? Позвонить в полицию или просто отправить тебя пожить у Рено?

— Я не могу тебе рассказать все, — сказала Беверли. — Ты посчитаешь, что я сошла с ума. Но это я во всем виновата, в основном...

Кэй ударила кулаком по полированному столику красного дерева. Раздался звук, похожий на выстрел из малокалиберного пистолета. Бев подпрыгнула.

— Не смей так говорить, — сказала Кэй. Ее щеки горели, карие глаза сверкали от негодования. — Сколько лет мы с тобой дружим? Девять? Десять? Если ты еще раз скажешь, что ты во всем виновата, меня стошнит.

Поняла? Меня сейчас чуть не стошнило, мать твою. Ты сейчас не виновата ни в чем, и раньше не была виновата, и не будешь виновата никогда. Неужели ты не понимаешь, что почти все твои друзья знали, что рано или поздно он тебя покалечит, может быть, убьет.

Беверли смотрела на нее широко раскрытыми глазами.

— И твоя самая большая вина в том, что ты продолжала жить с ним и дала случиться тому, что случилось. Но теперь ты ушла от него. Благодари Бога, что он защитил тебя. И ты сидишь здесь, с поломанными ногтями, порезанной ногой, со следами от ремня на спине, и говоришь мне, что ты во всем виновата?

— Он не бил меня ремнем, — автоматически солгала Бев.., и от жгучего стыда ее щеки вспыхнули отчаянным румянцем., — Если ты покончила с Томом, тебе следует также покончить с враньем, — спокойно сказала Кэй и посмотрела на Бев долгим взглядом с такой любовью, что Бев вынуждена была опустить глаза. Она почувствовала в горле соленый привкус слез.

— Кого ты хотела обмануть? — по-прежнему спокойно продолжала Кэй. Она наклонилась через стол и взяла руку Бев. — Темные очки, блузы

с длинными рукавами и глухим воротом... Может быть, тебе и удалось обмануть одного-двух твоих покупателей, но тебе не удастся обмануть своих друзей, Бев. Тебе не обмануть людей, которые тебя любят.

И тут Бев действительно заплакала. Она плакала долго и трудно, а Кэй обнимала ее за плечи. И позднее, перед самым сном, она рассказала Кэй то, что не могла рассказать раньше. Старый друг из штата Мэн, который живете Дерри, где она выросла, позвонил ей и напомнил об обещании, которое она дала много лет назад. Настало время выполнить свое обещание, сказал он и спросил, сможет ли она приехать. Она ответила, что приедет. Потом начались неприятности с Томом.

— И какое обещание ты дала? — спросила Кэй.

Беверли медленно покачала головой.

— Я не могу тебе этого сказать, Кэй. Я и так рассказала слишком много.

Кэй подумала и кивнула в ответ.

— Хорошо.

И так достаточно. Что ты решила делать с Томом, когда вернешься из Мэна?

Бев, все более уверенная в том, что больше не вернется из Дерри, лишь ответила:

— Я сначала приеду к тебе и мы решим с тобой,

что мне делать. Хорошо?

— Прекрасно, — сказала Кэй. — Это тоже обещание?

— Как только я вернусь, — твердо сказала Бев, — можешь рассчитывать на это. — И она крепко обняла Кэй.

Получив деньги по чеку, выписанному Кэй, и в ее туфлях, Беверли направилась в Грейхаунд, к северу от Милуоки, потому что опасалась, что Том может поехать искать ее в О'Харе. Кэй, которая проводила ее до банка и до автобусной станции, пыталась переубедить ее.

— В О'Харе полно надежных людей, моя дорогая, — сказала она — Тебе не стоит волноваться. Как только он приблизится к тебе, ори во всю глотку, черт возьми.

Беверли покачала головой.

— Я хочу избавиться от него раз и навсегда. И это единственный выход для меня.

Кэй внимательно посмотрела на нее.

— Ты боишься, что он может уговорить тебя вернуться, не так ли?

Беверли подумала о семерых детях, стоящих у ручья, о Стэнли с осколком от бутылки из-под кока-колы, сверкающим на солнце; она подумала о неприятной боли, которая обожгла руку, когда он

слегка резанул ей по ладони чуть наискось; она вспомнила, как они, взявшись за руки, встали в круг и поклялись вернуться, если это снова начнется.., вернуться и уничтожить это навсегда.

— Нет, — сказала она, — Он не сможет отговорить меня. Но он может причинить мне боль, и здесь не помогут никакие надежные люди. Ты не видела его прошлой ночью, Кэй.

— Я его достаточно видела при других обстоятельствах, — сказала Кэй, сдвинув брови. — Дырка от задницы, которая ходит, как человек.

— Он сумасшедший, — сказала Бев. — Его никто не остановит. Так будет лучше. Поверь мне.

— Хорошо, — неохотно согласилась Кэй, и Бев с удивлением подумала, что Кэй была раздосадована, что не встретила сопротивления с ее стороны.

— Как можно быстрее обменяй чек, — напомнила ей Беверли, — до того как ему придет в голову заморозить счета. Он сделает это, ты знаешь его.

— Разумеется, — сказала Кэй. — Если он сделает это, я надеру задницу этому сукиному сыну.

— Держись от него подальше, — резко сказала Беверли. — Он опасен, Кэй, поверь мне. Он как... — как мой отец, чуть не вырвалось у нее. Вместо этого она сказала:

— Он как дикарь.

— Ладно, — сказала Кэй. — Не бери в голову, моя дорогая. Иди, выполняй свое обещание. И подумай немного о том, что будет дальше.

— Подумаю, — сказала Бев, но это было неправдой. Ей слишком о многом предстояло подумать: например, о том, что произошло тем летом, когда ей исполнилось одиннадцать. Или, например, о голосах из водостока. И о том ужасе, который она испытала тогда; даже когда она в последний раз обнимала Кэй у серебристого бока автобуса на Грейхаунд, ее разум не позволял себе до конца представить это опять.

Когда самолет с утенком на боку начал долгий спуск к Бостону, она вновь мысленно вернулась туда, в прошлое.., к Стэну Урису.., к стихам без подписи на почтовой открытке.., и к голосам.., она вспомнила те несколько секунд, показавшихся ей бесконечными, когда она с глазу на, глаз встретилась с этим.

Она глянула в иллюминатор, посмотрела вниз и подумала, что зло, которое носит в себе Том, ничтожно и безобидно по сравнению с тем злом, которое ожидает ее в Дерри. Конечно, там будет Билл Денбро. Она помнила любовную открытку со стихами на обороте и догадывалась, кто их

написал. Больше она ничего не помнила, даже о чем были стихи.., но была уверена, что открытку мог послать именно Билл. Да, это вполне мог быть именно Билл Денбро.

Неожиданно она вспомнила тот вечер, когда собиралась ложиться спать, посмотрев те два фильма ужасов, на которые ее взяли Ричи и Бен. Это было ее первое свидание. Они с Ричи обменивались по этому поводу едкими шуточками — в те времена это была некая форма самозащиты, но в глубине души она была взволнована и немного испугана. Это действительно было ее первое свидание, несмотря на то, что на нем было два мальчика, а не один. Ричи платил за билеты и за все остальное, совсем как на настоящем свидании. Потом были те мальчики, которые преследовали их.., они провели остаток вечера в Барренсе.., а Билл Денбро поссорился с другим мальчишкой, она забыла с кем, но зато помнила, как Билл посмотрел на нее и словно электрический разряд пробежал по телу.., и неожиданный прилив чувств захлестнул ее.

Вспоминая прошедшее свидание, она натянула ночную рубашку и пошла в ванную, чтобы умыться и почистить зубы. Ей казалось, она долго не сможет заснуть в эту ночь; столько впечатлений

за вечер, надо все хорошо осмыслить; мальчики казались воспитанными, с ними можно и подурачиться, и пооткровенничать. Все могло быть прекрасно. Все могло быть.., божественно.

Она в задумчивости взяла мочалку, наклонилась к умывальнику...

2

...и услышала голос из водостока:

— Помоги мне...

Беверли отшатнулась в испуге, сухая мочалка свалилась на пол. Она затрясла головой, чтобы немного прийти в себя, и затем снова наклонилась к раковине и осторожно посмотрела в водосток. Ванная комната находилась в дальнем конце их четырехкомнатной квартиры. До нее смутно доносились звуки какой-то западной программы, идущей по телевизору. Когда передача кончится, отец, скорее всего, переключит на бейсбольный матч или борьбу, а потом заснет в кресле.

Обои в ванной были отвратительны. Какие-то лягушки, на листьях кувшинки. Внизу они горбились на комковатой штукатурке, в некоторых местах отсырели, в некоторых — оторвались. Сама ванная проржавела, унитаз расколол-

ся. Одинокая лампочка в 40 ватт свисала над умывальником прямо из фарфорового гнезда. Беверли помнила — смутно, — что когда-то здесь была лампа, но ее разбили несколько лет назад, а другую так и не купили. Пол был застелен линолеумом, с которого давно стерся рисунок за исключением небольшого участка под раковиной.

Не самая приятная комната, но Беверли так привыкла к ней, что перестала замечать ее убожество.

Умывальник был такой же ржавый, как и ванна. Сток в виде круга с перекрещенными планками имел в диаметре дюйма два. Когда-то он был покрыт хромом, но это было очень давно. Цепочка затычки для стока была небрежно переброшена через вентиль с пометкой «хол.». В стоке было темно, и когда она наклонилась, то первый раз в жизни обратила внимание на слабый тошнотворный запах, исходивший оттуда, — немного рыбный запах. От отвращения она сморщила нос.

— Помоги мне...

Она стояла пораженная. Это был голос. Сначала она решила, что это просто треска трубах.., или разыгралось воображение.., остаточное впе-

чатление после фильмов ужасов, которые она посмотрела сегодня...

— Помоги мне, Беверли...

Она включила контрастный душ. Сняла ленту с волос, которые рассыпались по плечам. Неожиданно для себя самой она наклонилась к умывальнику и спросила полушепотом: «Эй? Там есть кто-нибудь?» Голос из водостока напоминал голос маленького ребенка, который, казалось, только недавно научился говорить. Несмотря на то, что у нее по телу бегали мурашки, разум пытался отыскать разумное объяснение происходящему. Она жила в многоквартирном доме. Семья Маршей занимала дальнюю часть дома на первом этаже. Помимо прочего в доме имелось еще четыре квартиры. Возможно, какой-нибудь ребенок развлекается и говорит в водосток. И если учесть звуковые искажения...

— Там есть кто-нибудь? — спросила она в водосток, на этот раз громче. Внезапно она подумала, что, если сейчас случайно войдет отец, он подумает, что она сошла с ума..

Ей никто не ответил, но неприятный запах из стока, казалось, усилился. Она подумала о бамбуковом участке в Барренсе и свалке за ним; Беверли представила медленно поднимающийся

от земли горький дымок и черную грязь, набившуюся в туфли.

На самом деле в доме не было детей, это она знала наверняка. У Тремонтов был мальчик лет пяти и девочки трех лет и шести месяцев, но мистера Тремонта уволили из обувного магазина на Тракер-авеню, они задолжали за квартиру и незадолго до окончания школьных занятий в один прекрасный день уехали в старом ржавом бьюике мистера Тремонта. На третьем этаже в передней части дома проживал Скиппер Болтон, но Скипперу было четырнадцать.

— *Мы все хотим встретиться с тобой, Беверли..*,Она зажала рукой рот, и ее глаза расширились от ужаса. На какое-то мгновение.., только на мгновение ей показалось, что там что-то *двигается.* Внезапно она поняла, что ее волосы двумя толстыми жгутами свисают в опасной близости — очень близко — от водостока. Инстинктивно она убрала волосы.

Она осмотрелась. Дверь ванной была плотно закрыта. Она слышала приглушенный звук телевизора, Шейен Боули увещевал крутых парней сложить оружие, пока они не натворили бед. Она была одна. Не считая, естественно, голоса.

— Кто ты? — сказала она в раковину, понизив

голос.

— Мэтью Клементе, — прошептал голос. — Клоун забрал меня в трубы, и я умер; очень скоро он придет за тобой, Беверли, и за Беном Хэнскомом, и Биллом Денбро, и Эдди...

Она сжала щеки руками. Ее глаза расширялись от ужаса все больше. Беверли чувствовала, как внутри у нее все похолодело. Теперь голос звучал приглушенно и как бы издалека.., но в нем слышалось ликование.

— Ты уплывешь сюда вниз со своими друзьями, Беверли, как: мы все уплыли сюда. Передай Биллу привет от Джорджи, скажи Биллу, что Джорджи скучает по нему, в одну из ближайших ночей он будет в уборной с куском струны от рояля и воткнет ее ему в глаз, скажи ему...

Голос перешел в захлебывающийся звук, и неожиданно из стока с хлюпаньем выплеснулись ярко красные пузыри, разбрызгивая вокруг капли крови.

Булькающий голос теперь произносил слова очень быстро, постоянно меняя тембр: то это был голос маленького мальчика, который она слышала сначала, то голос девушки-подростка, то — о, ужас! — голос девочки, которую Беверли когда-то знала — Вероники Гроган. Но Вероника была

мертва, ее тело нашли в водосточной трубе...

— Я — Мэтью... Я — Бетти... Я — Вероника.., мы здесь, внизу. Здесь внизу с клоуном.., и живые, и мумии.., и оборотни.., и ты, Беверли, мы тут внизу с тобой, и мы плаваем, мы меняемся...

Внезапно водосток начал выплевывать сгустки крови, затопляя ванну, обрызгивая зеркало, обои с лягушками на кувшинах. Беверли заорала резко и пронзительно. Она выскочила из ванны, заколотила руками в закрытую дверь, стала царапаться, пытаясь открыть ее и влетела в гостиную к отцу.

— Что с тобой? — спросил он, нахмурившись. В тот вечер они оставались дома одни, мать работала в вечернюю смену с 3 до 11 в Грин Фарм, в лучшем ресторане Дерри.

— В ванной! — истерически закричала она. — В ванной, папа, там в ванной...

— За тобой кто-нибудь подглядывал? А? — он грубо схватил ее за руку, впиваясь в нее пальцами. Его лицо выражало беспокойство, но оно было мнимым и пугало ее больше, чем если бы он вдруг начал утешать ее.

— Нет.., ванна.., в ванне.., в.., в... — Она истерически зарыдала не в силах произнести ни слова. Ее сердце стучало так сильно, что ей казалось,

она вот-вот задохнется.

Эл Марш оттолкнул ее, на его лице было такое выражение, как будто он хотел сказать: «Господи Иисусе, и что дальше?» Он направился в ванную комнату. Он пробыл там довольно долго, и Беверли уже начала волноваться.

Затем он прокричал:

— Беверли! Иди сюда, детка!

Она никогда ни о чем его не спрашивала. Если бы они вдвоем стояли на краю отвесной скалы и он сказал бы ей прыгнуть вниз, ее врожденное послушание почти наверняка столкнуло бы ее с обрыва еще до того, как разум успел бы вмешаться.

Дверь в ванную была открыта. Ее отец, большой, с редеющими темно-рыжими волосами, стоял посреди ванной. На нем были серые брюки и серая рубашка (он убирал в городской больнице). Отец мрачно посмотрел на Беверли. Он не пил, не курил, не увлекался женщинами. *"Все женщины, которые мне нужны, находятся в доме,* -говорил он при случае, и при этих словах на его лице появлялась особенная скрытная улыбка, но она не придавала ему привлекательности, скорее наоборот. Улыбка напоминала тень от облака, быстро спрятавшегося за скалами. *— Они*

заботятся обо Мне, а когда им требуется моя помощь, я забочусь о них".

— Ну что это за дурачество? — спросил он, когда она вошла.

У Беверли было ощущение, что у нее в горле застрял камень. Сердце бешено колотилось в груди. Казалось, ее вот-вот стошнит. С зеркала липкими каплями стекала кровь. Лампочка над раковиной также была вся в крови, и она чувствовала запах кипящей крови. Кровь стекала с фарфоровых краев раковины и тяжелыми каплями, хлюпая, падала на линолеум.

— Папа... — прошептала она осипшим голосом.

Он обернулся, с отвращением посмотрел на нее (он часто на нее так смотрел) и принялся небрежно мыть руки в окровавленной раковине.

— Господи помилуй, детка. Рассказывай. Ты чертовски напугала меня. Объясни, ради Бога, что это значит.

Он принялся мыть руки. Там, где он прислонялся к раковине, на его серых рабочих брюках оставались пятна крови. «Если бы он прислонился лбом к зеркалу, кровь осталась бы на коже», — подумала Беверли. Она судорожно сглотнула.

Он выключил воду, взял полотенце, на котором

веером рассыпались брызги крови, и стал вытирать руки. В полуобморочном состоянии Беверли смотрела, как кровь впитывается в его пальцы и ладони. Она видела кровь под его ногтями, и это делало его похожим на убийцу.

— Ну? Я жду. — Он забросил окровавленное полотенце обратно на вешалку.

Кровь, везде кровь.., а *ее отец не видит ее.*

— Папа... — Она понятия не имела, что ему скажет, но отец перебил ее.

— Я беспокоюсь за тебя, — сказал Эл Марш. — Мне кажется, ты никогда не повзрослеешь, Беверли. Ты все время где-то бегаешь, ничего не делаешь по дому, ты не умеешь готовить, не умеешь шить. Половину времени ты витаешь в облаках, уткнувшись в книгу, а другую половину мечтаешь или скучаешь. Я беспокоюсь за тебя.

Он неожиданно размахнулся и больно ударил ее по заднице. Она закричала и посмотрела ему в глаза. Его густая правая бровь была слегка перепачкана кровью. *«Если это будет продолжаться долго, то я сойду с ума»,* -словно сквозь туман подумала она.

— Я *очень* беспокоюсь, — сказал он и снова ударил ее, на этот раз по руке, чуть выше локтя. Руку обожгла мгновенная боль и тут же стихла.

Завтра наверняка будет синяк.

— *Ужасно* беспокоюсь, — сказал он и ударил ее кулаком в живот. В последний момент он ослабил удар, но у Беверли все равно перехватило дыхание. Она согнулась пополам, хватая воздух ртом, как выброшенная на берег рыба, на глазах выступили слезы. Отец невозмутимо смотрел на нее, засунув окровавленные руки в карманы брюк.

— Тебе пора повзрослеть, Беверли, — сказал он голосом, полным доброты и прощения. — Ты согласна со мной?

Она кивнула. Ее голова тряслась. Она плакала, но плакала беззвучно. Если бы она рыдала в голос — ее отец называл это «детским плачем», — он бы избил ее до полусмерти. Эл Марш всю жизнь прожил в Дерри и говорил всем (кто его спрашивал и кто не спрашивал), что желает быть похороненным здесь, но еще поживет немного, лет до ста десяти. «Не вижу причины, почему бы мне не жить вечно, — бывало говорил Роджер Ориет, раз в месяц посещавший парикмахерскую, — я никому в жизни не сделал зла».

— Теперь рассказывай, — сказал он, — и побыстрее.

— Здесь был... — она с трудом сглотнула, потому что в горле у нее совершенно пересохло, — здесь

был паук. Большой, толстый черный паук. Он.., он вылез из стока, и я.., я думаю, сейчас он уполз обратно.

— О! — теперь он слегка улыбался ей, как бы удовлетворившись ее объяснением. — В самом деле? Черт побери! Если бы ты мне сразу сказала, Беверли, я бы никогда тебя не ударил. Все девчонки боятся пауков. Почему ты сразу не сказала?

Он склонился над водостоком, и Беверли пришлось закусить губу, чтобы удержаться и не предупредить отца.., какой-то внутренний голос, ужасный чужой голос, твердил ей не делать этого; она не сомневалась, что это был голос самого дьявола: "Пусть оно возьмет его, если захочет. *Пусть оно утащит его к себе вниз. Скатертью дорога, черт бы его побрал.*'"

В ужасе она попыталась избавиться от этого голоса. Еще минута, и подобные мысли приведут ее прямо в ад.

Он вглядывался в темный глаз водостока. Его руки упирались в окровавленный край раковины. Беверли с трудом преодолевала тошноту. Живот болел в том месте, куда ее ударил отец.

— Ничего не вижу, — сказал он. — Здесь все постройки старые, Бев. Водостоки в них, как автострады. Когда я работал сторожем в старой школе,

мы однажды утопили крыс в унитазе. Девчонки чуть с ума не сошли от страха. — Он довольно рассмеялся при мысли о женских страхах. — Однако с тех пор, как сделали новую водопроводную систему, живности в трубах поубавилось.

Он крепко прижал ее к себе.

— Послушай. Иди спать и не думай больше об этом. Хорошо?

Она почувствовала, что любит его. *«Я никогда не ударю тебя, Беверли, если ты этого не заслужишь»,* сказал он однажды, когда она расплакалась из-за несправедливого, как ей тогда казалось, наказания. И, конечно, она на самом деле любила его, потому что было за что полюбить его. Иногда он проводил с ней целые дни, учил мастерить самые разнообразные вещи или просто рассказывал всякую чепуху, гуляя с ней по городу; он был таким добрым и хорошим, что ей казалось, ее сердце разорвется от счастья. Она любила его и пыталась понять, почему же он так часто наказывает ее. Он говорил, что так ему велит Господь Бог. *"Дочерей,* -говорил Эл Марш, — *следует наказывать чаще, чем сыновей".* У него не было сына, и она как будто смутно чувствовала в этом свою вину.

— Хорошо, папочка, — сказала она. — Я больше

не буду об этом думать.

Они вместе пошли в ее спальню. От удара правая рука теперь сильно болела. Она оглянулась через плечо и увидела окровавленную раковину, окровавленное зеркало, окровавленную стену, окровавленный пол и полотенце, которым ее отец вытер руки и небрежно бросил на вешалку. Она подумала: *«Смогу ли я после всего зайти сюда снова? Прошу тебя. Господи, дорогой Боженька, прости меня, что я плохо подумала о своем отце. Ты можешь наказать меня за это, если хочешь: я заслужила наказание. Ты можешь сделать мне больно, или пусть я заболею воспалением легких, как прошлой зимой, когда у меня был такой кашель, что меня однажды даже вырвало, но, пожалуйста. Господи, пусть утром исчезнет вся эта кровь, очень прошу Тебя, Господи, хорошо? Хорошо?»*

Отец, как обычно, укрыл ее одеялом и поцеловал в лоб. Он постоял немного, как только он стоял, по-особенному, как ей казалось: чуть подавшись вперед с глубоко, чуть не до локтей, засунутыми в карманы руками, блестящие печальные, как у бассет-хаунда, голубые глаза свысока смотрели на нее. В последние годы, через много лет после пережитого кошмара,

она совсем перестала вспоминать Дерри; она будет представлять себе мужчин в автобусах, на улице, очертания их фигур, мужских фигур, в предрассветные часы, в ясный осенний вечер, на площади Уотертауэр...фигуры мужчин, как они ведут себя, какие у них желания; она будет представлять себе Тома, так похожего на ее отца, когда он, сняв рубашку, стоял, ссутулившись перед зеркалом в ванной комнате и брился. Мужские фигуры...

— Иногда я беспокоюсь за тебя, Бев, — сказал он, но сейчас в его голосе не чувствовалось раздражения. Он нежно дотронулся до ее волос, откинув их со лба.

"В ванной полно крови, папа! -чуть не закричала она. *Неужели ты не видишь? Она повсюду! Даже на лампочке над раковиной! Неужели ты не ВИДИШЬ?"*

Но она промолчала, и он ушел, закрыв за собой дверь; комната погрузилась во мрак. Она еще не спала, лежала, уставившись в темноту, когда в половине двенадцатого вернулась мать и выключила телевизор. Она слышала, как родители ушли в спальню и заскрипела кровать, когда они занялись любовью. Беверли случайно услышала, как Грета Бови говорила Сэлли Мюллер,

что секс — это страшная боль, как при ожоге, и хорошие девочки никогда не захотят им заняться («В конце полового акта мужчина мочится прямо на тебя», — сказала Грета, и Сэлли воскликнула: "Нет уж, к черту, я *никогда* не позволю ни одному мальчишке сделать со мной такое!"). Если секс, по словам Греты, это так больно, то мать Беверли очень стойко переносила боль; Бев слышала, как она несколько раз кричала низким голосом, но эти крики не были похожи на крики боли.

Медленный скрип пружин перешел в более быстрый, потом стал почти бешеным и прекратился вовсе. Некоторое время стояла полная тишина, затем послышался тихий разговор и шаги матери, направляющейся в ванную. Беверли затаила дыхание в ожидании, что мать закричит.

Но никто не кричал. Только звук льющейся воды в умывальнике и легкий плеск. Затем, как обычно, булькая, вода вылилась из умывальника. Теперь мать чистила зубы. Немного погодя в комнате родителей скрипнули пружины — мать легла спать.

Минут через пять раздался храп отца.

Черный страх прокрался в сердце и сдавил горло. Она обнаружила, что ей страшно повернуться

на правый бок — ее любимая поза во сне, — потому что она боится увидеть в окне чьи-нибудь глаза. Так она лежала на спине, ни жива, ни мертва, и смотрела в потолок. Через некоторое время — минуты или часы, она не знала, — Беверли заснула беспокойным сном.

3

Беверли всегда просыпалась по звонку будильника в комнате родителей. Пока отец был в ванной, она быстро оделась и на мгновение замерла перед зеркалом (последнее время она проделывала это почти каждое утро), пытаясь определить, увеличилась ли за, эту ночь ее грудь, которая начала развиваться еще в прошлом году. Поначалу она испытывала легкую боль, но теперь боль прошла.

Груди были необычайно малы, не больше чем яблоки весной, но ведь они были, на самом деле *были.* Детство подошло к концу. Беверли превращалась в женщину.

Она улыбнулась своему отражению и, распушив волосы, выпятила грудь. Она хихикнула, как хихикают маленькие девочки.., и внезапно вспомнив о залитой кровью ванной, резко прекратила смех.

Она посмотрела на правую руку и увидела синяк, образовавшийся за ночь, — отвратительное пятно между плечом и локтем.

Из туалета послышался стук и звук сливаемой воды.

Быстро, чтобы с утра не рассердить отца (лучше бы он вообще *не заметил ее* сегодня), Беверли натянула джинсы и форменный школьный джемпер. Тянуть время больше не имело смысла; она вышла из комнаты и направилась в ванную. Она встретила отца в гостиной, когда он возвращался в комнату переодеться. Голубая пижама свободно висела на нем. Он что-то проворчал, но Беверли не разобрала что.

— Хорошо, папочка, — на всякий случай ответила она.

Беверли постояла минуту перед закрытой дверью, пытаясь мысленно подготовить себя к тому, что может ждать ее внутри. *«Во всяком случае, сейчас день»,* -подумала она, и от этой мысли ей стало спокойнее. Не намного, но спокойнее. Она положила руку на ручку двери, повернула ее и вошла.

4

В то утро у Беверли было много хлопот. Она

приготовила отцу завтрак: апельсиновый сок, яичницу-болтунью и тост на вкус Эла Марша (хлеб должен быть горячим, но не пересушенным). Он сел за стол, отгородился газетой «Ньюз» и все съел.

— Где ветчина?

— Ветчины нет, папочка. Кончилась еще вчера.

— Приготовь мне гамбургер.

— Там остался небольшой кусочек, и...

Отец зашелестел газетой и опустил ее на стол. Пристальный взгляд его голубых глаз как бы давил на нее.

— Что ты сказала? — мягко спросил он.

— Я сказала, что сейчас сделаю, папочка.

Он задержал на ней взгляд и снова взялся за газету. Беверли поспешила к холодильнику за мясом.

Она приготовила гамбургер, размяла небольшой кусочек мяса, чтобы он казался больше. Пока он ел; просматривая спортивную страницу, Беверли приготовила ему ленч: пару сандвичей с арахисовым маслом и желе, большой кусок торта, который мать принесла накануне из ресторана «Грин Фарм» и залила в термос горячий сладкий кофе.

— Скажи своей матери, что я просил сегодня почистить это, — сказал он, протягивая мусорное ведро. — Оно уже похоже на старый вонючий свинарник. Я целый день вожусь с грязью в госпитале не для того, чтобы возвращаться в дом, похожий на хлев. Запомнила, Беверли?

— Хорошо, папочка, я скажу.

Он поцеловал ее в щеку, грубо обнял и ушел. Как обычно, Беверли подошла к окну в комнате и проводила его взглядом. И как обычно испытала чувство облегчения, когда он завернул за угол.., и ненавидела себя за это.

Она вымыла тарелки и взяла книгу. Ларе Терамениус. Его длинные белокурые волосики, казалось, излучали тихий внутренний свет. Он приковылял из соседнего дома, чтобы похвастаться Беверли своим богатством, которое кому-то могло показаться просто хламом с помойки, но малыш очень гордился им, а заодно показать свежие ссадины на коленках. Беверли выразила восхищение по поводу того и другого. Тут она услышала, как ее зовет мать.

Они перестелили обе постели, помыли полы и натерли линолеум на кухне. Мать помыла пол в ванной, и Беверли была ей за это чрезвычайно признательна. Эльфрида Марш была малень-

кой женщиной с серыми волосами и угрюмым взглядом. По ее лицу было видно, что она умела добиться своего и это давалось ей не просто.

— Ты вымоешь окна в гостиной, Беверли? — спросила она, возвращаясь в кухню. Она переоделась в свою рабочую одежду официантки. Я должна навестить Черил Таррент в Бангоре. Вчера вечером она повредила ногу.

— Да, я вымою, — сказала Беверли. — Что случилось с миссис Таррент? Упала или случилось что-то другое? — Эльфрида работала с Черил Таррент в одном ресторане.

— Она со своим никчемным муженьком попала в автомобильную катастрофу, — хмуро ответила мать. — он был пьян. Ты должна каждый вечер благодарить Господа, что твой отец не пьет, Беверли.

— Я благодарю, — сказала Беверли, и это было правдой.

— Она может потерять работу, а он один не в состоянии содержать семью, — в голосе Эльфриды появились гневные нотки. — Боюсь, им придется пойти по миру.

Самым ужасным для Эльфриды Марш была нищета. Потерять ребенка или узнать, что она смертельно больна раком, было ничто по срав-

нению с нищетой. Ты можешь быть бедным; ты можешь «царапаться», как она говорила, всю жизнь. Но оказаться на самом дне, в канализации, *просить подаяние* или в поте лица батрачить на хозяина и принимать это как подарок... Такая судьба, по ее мнению, ожидала Черил Таррент.

— Когда вымоешь окна и вынесешь мусор, можешь немного погулять, если хочешь. Отец вечером собрался в кегельбан, и тебе не надо готовить ужин, но только возвращайся до темноты. Сама знаешь почему.

— Хорошо, мама.

— Боже мой, как ты быстро растешь! — сказала Эльфрида. Она задержала взгляд на бугорках под джемпером дочери. Взгляд был одновременно любящим и бесцеремонным. — Не знаю, что я буду здесь делать, если в один прекрасный день ты выйдешь замуж и уедешь отсюда.

— Я всегда буду жить здесь, — улыбаясь, сказала Беверли.

Мать притянула ее к себе и поцеловала в уголок рта сухими теплыми губами.

— Я лучше знаю, — сказала она. — Но я люблю тебя, Бевви.

— И я тоже люблю тебя, мамочка.

— Когда будешь уходить, проверь, чтобы на

стеклах не осталось разводов, — сказала она, взяла сумку и направилась к двери. — Если отец увидит, он всыпет тебе по первое число.

— Я проверю.

Когда мать открыла входную дверь, Беверли, как ей казалось, безразличным голосом спросила:

— Ты ничего не заметила забавного в ванной, мама?

Эльфрида оглянулась, посмотрела на нее и нахмурилась.

— Забавного?

— Ну... Вчера вечером я видела паука. Он выполз из водостока. Разве папа не говорил тебе?

— Ты опять разозлила вчера отца, Бевви?

— Нет. Ха-ха! Я сказала ему, что из водосточной трубы вылез паук, и я испугалась, а он сказал, что они как-то утопили в туалете крыс в старой школе. Это все трубы. Разве он не говорил тебе, что я вчера видела паука?

— Нет.

— Ну ладно. Не важно. Я просто поинтересовалась, не видела ли ты его?

— Я не видела никаких пауков. Думаю, нам надо перестелить в ванной линолеум. — Она посмотрела на небо. Оно было голубым и безоб-

лачным. — Говорят, убить паука — к дождю. Ты не убила его вчера?

— Нет, — сказала Беверли. — Я его не убила.

Мать обернулась и посмотрела на нее. Ее губы были так плотно сжаты, что, казалось, их совсем нет.

— Ты *уверена,* что папа не рассердился на тебя вчера вечером?

— *Нет!*

— Бевви, он когда-нибудь трогал тебя?

— Что? — Беверли посмотрела на мать, совершенно обескураженная. Господи, да он каждый *день* ее трогает. — Я не понимаю, что ты...

— Не обращай внимания, — коротко сказала Эльфрида. — Не забудь убрать мусор. И если на стеклах останутся разводы, *отец с*тебя шкуру спустит.

— Я *(когда-нибудь трогал тебя)*не забуду.

— И возвращайся до темноты.

— Вернусь.

*(он) (ужасно беспокоится)*Эльфрида ушла. Беверли снова вернулась в комнату и проводила мать до угла взглядом, пока та не скрылась из виду. Так же как и отца. Убедившись, что мать направилась к автобусной остановке, Беверли взяла половое ведро, средство для мытья стекол

и несколько тряпок из-под раковины. Она вошла в гостиную и начала мыть окна. В квартире было тихо. Каждый раз, когда раздавался скрип пола или хлопала дверь у соседей, она вздрагивала. Когда в туалете у Болтонов спустили воду, она чуть не закричала.

И она не спускала глаз с ванной.

Наконец она подошла к ванной комнате, приоткрыла дверь и заглянула внутрь. Мать утром все вымыла, под раковиной и по краям умывальника крови стало гораздо меньше. Но в самой раковине остались темные разводы, на зеркале и обоях засохли кровавые пятна.

Беверли посмотрела на свое бледное отражение и вдруг с суеверным страхом подумала, что из-за крови на зеркале создается впечатление, что *она* истекает кровью. Она вновь задумалась: *что теперь делать? неужели я схожу с ума? неужели это все существует только в моем воображении?*

Неожиданно в трубе что-то забулькало.

Беверли закричала и вылетела за дверь. Еще пять минут спустя ее руки продолжали дрожать так сильно, что она чуть не разбила бутылку со средством для мытья окон, когда мыла стекла в гостиной.

Около трех часов дня, заперев квартиру и сунув ключ в плотный карман джинсов, Беверли Марш пошла по Ричард Эллей, узкой улочке, соединяющей Главную и Центральную улицы, и встретила Бена Хэнскома, Эдди Каспбрака и еще одного парня, которого звали Бредли Донован. Они играли в чеканку.

— Привет, Бев! — сказал Эдди. — Тебя наверняка мучили кошмары после вчерашних фильмов ужасов.

— Нет, — сказала Бев, присаживаясь на корточки, чтобы было удобнее наблюдать за игрой. — Кто тебе сказал?

— Соломенная Копна, — сказал Эдди, ткнув пальцем в Бена, который покраснел до корней волос без всякой причины.

— Фто за фильмы? — спросил Бредли, и Беверли сразу узнала его: неделю назад он приехал в Барренс вместе с Биллом Денбро. Они вместе учились в Бангоре в школе для детей с недостатками дикции. Беверли почти не обратила на него внимания. Если бы у нее спросили, она бы ответила, что Бен и Эдди гораздо интереснее его.

— Парочка фильмов ужасов, — сказала она и, подвинувшись ближе к играющим, оказалась между Беном и Эдди. — Играете?

— Да, — сказал Бен. Он мельком взглянул на нее и быстро отвел глаза.

— Кто выигрывает?

— Эдди, — ответил Бен. — Эдди просто ас.

Она посмотрела на Эдди, который с важным видом чистил ногти о рубашку, и хихикнула.

— Можно мне поиграть с вами?

— Хорошо, — сказал Эдди. — У тебя есть центовые монетки?

Она пошарила по карманам и достала три монеты.

— Черт побери, ты не боишься выходить из дома с такой кучей денег? — поинтересовался Эдди. — Я бы не рискнул.

Бен и Бредли Донован засмеялись, — Не все девчонки трусихи, — серьезно произнес Бен, и все снова засмеялись.

Бредли метал первым, затем бросал Бен и потом Беверли. Эдди как выигрывающий бросал в последнюю очередь. Некоторые монеты падали рядом со стеной, другие ударялись об стену к отскакивали назад. В конце каждого раунда игрок, чья монета оказывалась ближе к стене, забирал все четыре монеты. Через пять минут у Беверли было уже 24 цента. Она проиграла только один раунд.

— Девсенка мосенничает! — заявил Бредли и поднялся на ноги. Ему было больше не до смеха, и он со злостью смотрел на Беверли. — Девсенкам нельзя разресать...

Неожиданно Бен ударил его по ноге. Было очень странно видеть дерущегося Бена Хэнскома.

— Забери свои слова обратно!

Бредли посмотрел на Бена, открыв рот:

— Фто?

— Забери свои слова обратно! Она не мошенничает!

Бредли посмотрел на Бена, потом на Эдди и на Беверли, которая все еще сидела на корточках. Затем он опять посмотрел на Бена.

— Тыхоцесь, чтобы я расквасил твои зырные губы, ублюдок?

— Конечно, — сказал Бен и усмехнулся.

Что-то в его усмешке заставило Бредли с удивлением отступить. После ссоры с Генри Бауэрсом, которого он, Бен Хэнском, дважды побил, его, Бена, пытается запугать какой-то тощий Бредли Донован, у которого все руки в бородавках и который шепелявит, как кипящий чайник? Вот что прочел Бредли в его усмешке.

— Так, теперь вы всей бандой навалитесь на меня одного, — сказал Бредли, отступая назад. Его

голос дрожал, на глазах выступили слезы. — Все, кто выигрывает, все *мосенники!*

— Забери обратно то, что ты сказал про нее, — сказал Бен.

— Да ладно, Бен, не обращай внимания, — сказала Беверли. Она протянула Бредли пригоршню медных монет.

— На, возьми, они твои. Я играла на интерес.

От унижения Бредли заплакал. Он выбил деньги из руки Беверли и побежал в конец Центральной улицы по Ричард Эллей. Остальные стояли и смотрели ему вслед с раскрытыми ртами. Отбежав на безопасное расстояние, Бредли обернулся и прокричал:

— Ты просто маленькая суцка, вот так! Мосенница! Мосенница! А твоя мать — *слюха!*

У Беверли перехватило дыхание. Бен бросился вдогонку за Бредли, но бесполезно. Бредли убежал, но Бен поклялся, что поквитается с ним. Он повернулся к Беверли, чтобы убедиться, что с ней все в порядке. Слова Бредли потрясли его не меньше, чем ее.

Она посмотрела на его обеспокоенное лицо, открыла рот, чтобы сказать, что с ней все в порядке и не стоит волноваться, (боль от палок и камней злого прозвища больней...) и снова

вспомнила страшный вопрос матери *(он когда-нибудь трогал тебя?)*Странный вопрос — прост до бессмысленности, полон какой-то угрожающей недоговоренности, темен, как старый кофе. Вместо того, чтобы сказать «злого прозвища больней», она разрыдалась.

Эдди было неловко смотреть на нее, он достал из кармана аспиратор и сделал несколько вдохов. Лотом он наклонился и начал собирать рассыпавшиеся монеты. Его лицо было растерянным и озабоченным.

Бен поначалу инстинктивно шагнул к ней, собираясь обнять ее и утешить, но потом остановился. Она была слишком хорошенькой. Он чувствовал себя совершенно беспомощным.

— Не переживай, — сказал он, понимая, насколько по-идиотски звучат его слова, но не мог придумать ничего другого. Он слегка обнял ее за плечи (она закрыла лицо руками, чтобы он не видел ее мокрые от слез глаза и пятна на щеках), но потом убрала их, как будто их прикосновение обожгло ее. Бен так сильно покраснел от смущения, что казалось, его вот-вот хватит апоплексический удар. — Не переживай, Беверли.

Она опустила руки и в бешенстве завизжала резким пронзительным голосом:

— Моя мать не шлюха! Она.., она *официантка'.*

Ее слова были встречены полным молчанием. Бен уставился на нее, открыв рот. Эдди поднял глаза от булыжной мостовой и застыл с полной пригоршней мелочи. Неожиданно все трое истерически захохотали.

— *Официантка!* -гоготал Эдди. Он имел очень слабое представление о том, кто такие шлюхи, но сравнение было слишком нелепым. — Она в самом деле *официантка?*

— Да!

Да! Официантка! — задыхаясь от смеха, прокричала Беверли.

От смеха Бен с трудом держался на ногах. Он грузно опустился на мусорный бак. Под его тяжестью крышка бака провалилась, и он свалился на землю. Эдди показал на него пальцем и застонал от смеха. Беверли помогла ему подняться.

Над их головами распахнулось окно, и женский голос пронзительно закричал:

— Дети! Убирайтесь отсюда! Люди пришли с ночной смены и хотят отдохнуть! Исчезните!

Взявшись за руки, они побежали по Центральной улице, продолжая смеяться.

Они сложили деньги в общий котел, и у них оказалось сорок центов, как раз на два коктейля в аптекарском магазине. Так как старый мистер Кин был брюзга и не разрешал детям моложе двенадцати лет есть продукты из автоматов (он уверял, что автоматы морально разлагают детишек), они купили коктейли в двух вощеных бумажных стаканчиках, пошли в Бассей-парк, уселись на траву и выпили их. У Бена был с собой кофе, а у Эдди — клубника. Беверли сидела между мальчиками, с соломинкой во рту и вертелась, как пчелка на цветке. К ней снова вернулось прекрасное настроение, впервые после вчерашнего вечера. Водосток, извергающий фонтаны крови, довел ее до душевного истощения, но теперь она пришла в себя. На это время, во всяком случае.

— Я так и не понял, какая муха укусила Бредли, — неловко сказал Эдди, как бы извиняясь за него перед Беверли. — Он никогда раньше не позволял себе ничего подобного.

— Ты защитил меня, — сказала Беверли и неожиданно поцеловала Бена в щеку. — Спасибо.

Бен снова вспыхнул.

— Ты же не мошенничала, — пробормотал он и залпом, тремя огромными глотками, выпил

остатки кофе.

— Еще немного, старик? — спросил Эдди, и Беверли засмеялась, схватившись за живот.

— Хватит, — сквозь смех выдавила она. — У меня уже болит живот от смеха. Пожалуйста, не надо больше.

Бен улыбался. Вечером перед сном он снова и снова будет проигрывать мгновение, когда она поцеловала его.

— С тобой действительно все в порядке? — спросил он.

Она кивнула.

— Это были *не его* слова. Даже то, что он сказал о моей матери. Все дело в том, что случилось вчера вечером, — она заколебалась, посмотрела на Бена, потом на Эдди и снова на Бена. — Я.., я должна кому-нибудь рассказать обо всем. Или показать. По-моему, я расплакалась из-за того, что испугалась, что схожу с ума.

— Кто тут сходит с ума? — раздался чей-то голос.

Это был Стэнли Урис. Он был маленьким, худеньким и сверхъестественно опрятным, чересчур опрятным для одиннадцатилетнего мальчика. Он был одет в белоснежную рубашку, аккуратно заправленную в новенькие джинсы,

волосы были причесаны, носки высоких кроссовок не по-спортивному чисты, он казался самым маленьким взрослым на свете. Но стоило ему улыбнуться, как это впечатление сразу же рассеивалось.

Теперь она не скажет, что собиралась сказать, подумал Эдди, *потому что его не было с нами, когда Бредли обругал ее мать.*

Но после минутного колебания Беверли заговорила. Стэнли был совсем не похож на Бредли. Он мог остановить это, а Бредли не мог.

Стэнли — один из нас, подумала Беверли и удивилась, что при воспоминании о вчерашнем вечере ее руки сжались в кулаки. *Вряд ли мой рассказ их обрадует,* подумала она. *Ни их, ни меня, ни кого-либо.*

Она приготовилась рассказывать. Стэн уселся рядом с ними, его лицо было спокойным и невозмутимым. Эдди предложил ему последнюю ягоду, но Стэн только покачал головой, не спуская глаз с Беверли. Никто из мальчиков не проронил ни слова.

Она рассказала им о голосах. О том, что она узнала голос Ронни Гроган. Она знала, что Ронни мертва, но все-таки это был ее голос. Она рассказала им про кровь в ванной, что ее отец не

видел ее и не чувствовал, и ее мать тоже ничего не заметила сегодня утром.

Закончив рассказ, она взглянула на их лица, боясь увидеть на них насмешку или недоверие, но они выражали один лишь ужас.

Наконец Бен сказал:

— Пошли посмотрим.

7

Они вошли в дом через черный ход, потому что Беверли сказала, что отец убьет ее, если миссис Болтон увидит, как она направляется в дом с тремя мальчиками, в то время как родителей нет дома.

— Почему? — спросил Эдди.

— Тебе не понять, сосунок, — сказал Стэн. — Успокойся.

Эдди собрался ответить ему, но посмотрел на бледное напряженное лицо Стэна и решил промолчать.

Они вошли в кухню, наполненную лучами послеполуденного солнца и летней тишиной. В сушилке сверкали вымытые после завтрака тарелки. Четверо детей, сбившись в кучу, стояли у стола, и, когда наверху хлопнула дверь, они все вздрогнули и нервно засмеялись.

— Где оно? — спросил Бен. Он говорил шепотом.

В висках Беверли глухо пульсировала кровь. Она отвела мальчиков в небольшой холл, разделявший спальню родителей и ванную комнату. Она толкнула дверь в ванную, быстро вошла и вытащила затычку из раковины. Затем она отошла и встала между Беном и Эдди. Темно-красные пятна крови засохли на зеркале, обоях и раковине. Она смотрела на кровь, потому что ей отчего-то легче было смотреть на нее, чем на лица мальчиков.

Тихим голосом, в котором она едва узнала свой собственный голос, она спросила:

— Вы видите это? Вы *что-нибудь* видите? Оно там.

Бен сделал шаг вперед, и она опять поразилась, с какой легкостью двигается этот толстый мальчик. Он потрогал одно кровавое пятно, потом другое, затем дотронулся до длинной капли на зеркале. «Здесь. Здесь. Здесь.» Его голос был ровный и уверенный.

— Господи! Похоже, что здесь зарезали свинью, — сказал Стэн с суеверным страхом.

— И вся эта кровь из водостока? — спросил Эдди. При виде крови он почувствовал себя неважно.

Его дыхание стало прерывистым. Он снова достал аспиратор.

Беверли стоило немалых усилий, чтобы не расплакаться вновь. Она боялась, что если расплачется, то мальчики будут презирать ее, как и других девчонок. Ей пришлось ухватиться за ручку двери, потому что она почувствовала глубокое облегчение, пришедшее на смену страху. До этого момента Беверли не просто подозревала, а была совершенно уверена: она сходит с ума, у нее галлюцинации.

— И твои отец и мать не видят этого? — удивился Бен. Он потрогал грязное кровавое пятно, засохшее на раковине, отдернул руку и вытер ее о край рубашки. — Бр-р-р...

— Не знаю, смогу ли я еще раз войти сюда, — сказала Беверли. — Ни умыться, ни почистить зубы.., ничего.

— Ладно, почему бы нам все тут не вымыть? — неожиданно предложил Стэн.

Беверли посмотрела на него:

— Вымыть?

— Конечно. Может, нам не удастся убрать это с обоев, но мы вымоем остальное. У тебя найдутся тряпки?

— В кухне под раковиной, — сказала Беверли. —

Но мама очень удивится, если они пропадут.

— У меня есть 50 центов, — спокойно сказал Стэнли. Он не отрывал глаз от крови, разбрызганной под умывальником. — Мы вымоем, как сможем, потом отнесем тряпки в прачечную-автомат, я видел ее по дороге сюда. Выстираем их, высушим и положим на место до прихода твоих стариков.

— Моя мама говорит, что кровь не отстирывается, — возразил Эдди. — Она говорит, что кровь въедается в ткань или что-то в этом роде.

Бен издал короткий истеричный смешок.

— Какая разница, смоется кровь или не смоется, — сказал он. — *Они* все равно ее не видят.

Никто не посмел переспросить его, кого он имел в виду. — Ладно, — сказала Беверли. — Давайте попробуем.

8

Следующие полчаса четверо детей, как зловещие эльфы, мыли окровавленную ванную, и когда со стен, зеркала и умывальника исчезли пятна крови, Беверли почувствовала, что ей стало легче. Бен и Эдди мыли раковину и зеркало, а она скребла пол.

Стэн корпел над обоями, осторожно протирая

их чуть влажной тряпкой. Вскоре они почти все отмыли. Бен вынул из кладовки коробку с лампочками и заменил висевшую над умывальником окровавленную лампочку на новую. Лампочек было много: Эльфрида Марш накупила их на два года вперед на ежегодной распродаже компании «Дерри Лайонс».

Они взяли половое ведро, средство для мытья полов «Эджекс» и налили горячей воды. Воду меняли часто, потому что никому из них не хотелось окунать руки в розовую от крови воду.

Наконец Стэнли отошел в сторону, осмотрел ванную критическим взглядом мальчика, для которого аккуратность и порядок — понятия врожденные, и сказал:

— Я думаю, лучше мы и сделать не могли.

На обоях слева от раковины, где бумага была такой тонкой и потертой, что Стэнли решился лишь слегка промокнуть ее, еще остались небольшие следы крови. Но даже здесь кровь потеряла свою зловещую густоту; пятна были ненамного темнее бессмысленного пастельного цвета.

— Спасибо вам, — поблагодарила всех Беверли. Она не помнила, что была кому-нибудь так благодарна, как сейчас. — Спасибо вам.

— Мне нравится, — пробурчал Бен и снова

смутился.

— И мне тоже, — согласился Эдди.

— Давайте уберем эти тряпки, — сказал Стэнли. Его лицо было спокойным, почти суровым. Позднее Беверли поняла, что такое лицо бывало у Стэнли, когда они одерживали очередную маленькую победу в своей невероятной борьбе.

9

Они отмерили у миссис Марш чашку стирального порошка «Тайд» и высыпали его в пустую майонезную банку. Бев нашла бумажный пакет и положила в него окровавленные тряпки. Четверо детей направились в прачечную на углу Главной и Меховой улиц. Через два квартала они дошли до Канала, мерцающего ярким голубым светом в лучах послеполуденного солнца.

В прачечной никого не было за исключением женщины в белом медицинском халате, которая ждала, когда остановится сушилка с ее бельем. Она подозрительно посмотрела на ребят и снова уткнулась в книгу в мягкой обложке.

— Нужна холодная вода, — тихо сказал Бен. — Моя мама говорит, что кровь нужно отстирывать в холодной воде.

Пока они закладывали тряпки в стиральную

машину, Стэн разменял две четвертьдолларовые монеты на четыре десятицентовые и две пятицентовые. Он вернулся и стал наблюдать, как Беверли засыпает стиральный порошок и завинчивает крышку машины. Потом он опустил в отверстие две монеты по десять центов и нажал на кнопку включения.

Беверли потратила большую часть выигранных денег на коктейль, но в левом кармане джинсов уцелели четыре монеты. Она выудила их из кармана и предложила Стэнли, который посмотрел на нее со страдальческим выражением.

— Господи, — сказал он, — я привел девушку на свидание в прачечную, и теперь она желает поехать в свадебное путешествие.

Беверли рассмеялась:

— Ты уверен?

— Уверен, — как обычно сухо ответил Стэн. — Я имею в виду, что хоть я и оторвал от сердца эти четыре цента, но я уверен.

Ребята направились к пластмассовым стульям, стоящим в ряд у кирпичной стены прачечной, и молча уселись. Стиральная машина пыхтела, брызгаясь грязной водой. Мыльная пена белыми плевками налипала на толстом круглом стекле. Сначала пена была красноватого цвета. Глядя на

нее, Беверли почувствовала легкое подташнивание, но вдруг обнаружила, что не может от нее отвести глаза.

Кровавая пена ужасала своей привлекательностью. Женщина в медицинском халате все чаще и чаще поглядывала на них поверх книги. Видимо, сначала она приняла их за хулиганов; но они вели себя очень тихо и она нервничала из-за этого. Когда ее сушилка остановилась, она забрала белье, сложила его, положила в голубой фирменный пластиковый пакет прачечной и ушла, у дверей бросив на них последний озадаченный взгляд.

Как только она ушла, Бен сказал почти грубо:

— Ты не одна.

— Что? — переспросила Беверли.

— Ты не одна, — повторил он. — Понимаешь...

Он замолчал и посмотрел на Эдди, который кивнул головой. Потом он посмотрел на Стэна, сидящего с несчастным видом, который пожал плечами и тоже кивнул.

— О чем ты говоришь? — спросила Беверли. Сегодня она слишком устала от недоговоренностей. Она взяла Бена за руку чуть ниже локтя. — Если ты что-то об этом знаешь, скажи мне!

— Рассказать? — спросил Бен у Эдди.

Эдди тряхнул головой и, достав из кармана аспиратор, с ужасным шумом задышал.

Медленно подбирая слова, Бен рассказал Беверли, как он познакомился с Биллом Денбро и Эдди Каспбраком в Барренсе в последний школьный день — трудно поверить, что это было меньше недели назад. Он рассказал ей, как на следующий день они строили запруду в Барренсе. Он рассказал о происшествии с Биллом, как на школьной фотографии его покойный брат повернул голову и подмигнул Биллу. Он рассказал его собственную историю с мумией, разгуливавшей в , разгар зимы по льду Канала с воздушными шариками. Беверли слушала, и ее охватывал ужас. Она чувствовала, как расширяются ее глаза и холодеют конечности.

Бен замолчал и посмотрел на Эдди. Эдди хрипло задышал в аспиратор и повторил историю с прокаженным. Он говорил быстро, слова наталкивались друг на друга, словно стараясь столкнуться и разбежаться навсегда. Он закончил говорить с легким всхлипом, но, на этот раз не заплакал.

— А ты? — спросила она, глядя на Стэна Уриса.

— Я...

Внезапно наступила тишина.

— Стирка закончена, — сказал Стэн.

Он поднялся — маленький, бережливый, аккуратный — и открыл машину. Он достал слипшиеся в ком тряпки и осмотрел их.

— Остались небольшие пятнышки, — сказал он, — но в целом неплохо. Похоже на пятна от клюквенного сока.

Он показал им тряпки, и все мрачно кивнули, как будто проверяли важные документы. Беверли почувствовала облегчение, как в(прошлый раз, когда они вымыли ванную. Ее уже не тошнило от блеклых пятен на обоях и тряпках. Они *смогли* хоть что-то сделать с этим, и это главное. Может быть, они не справились с этим до конца, но она поняла, что получила душевный покой, как будто бы у Беверли, дочери Эла Марша, появился брат.

Стэн бросил тряпки в одну из бочковидных сушилок и опустил две монеты по пять центов. Сушилка начала вращаться, Стэн вернулся и сел между Эдди и Беном.

Несколько минут дети сидели молча, наблюдая за ворочающимися в сушилке тряпками. Гудение горелки успокаивало, усыпляло. Мимо открытой двери прачечной прошла женщина, катя перед собой тележку с бакалеей. Она взглянула на них и прошла мимо.

— я видел что-то реальное, — внезапно сказал Стэн. — Я не хотел говорить об этом, мне хотелось думать, что это сон или что-то в этом роде. Или припадок, как у того малыша Стейверов. Кто-нибудь из вас знает этого мальчика?

Бен и Бев помотали головой. Эдди сказал:

— Тот мальчик, у которого эпилепсия?

— Да, именно. Это было ужасно. Я подумал, что у меня то же самое, но увидел что-то.., действительно реальное.

— Что это было? — спросила Бев.

Она не была уверена в том, что действительно хочет знать. Это не походило на рассказы о привидениях у костра, когда все едят копченые колбаски с поджаренными сдобными булочками и греют над огнем стебли алтея, пока они не почернеют и не завьются. Они сидели в душной прачечной, где под стиральными машинами ползали грязные котята, в горячих лучах солнечного света, падающего через грязное стекло, кружилась пыль, на маленьком столике валялись старые журналы с рваными обложками. Очень мило, естественно и скучно. Но она испугалась. Смертельно испугалась. Потому что чувствовала, что все эти истории не выдуманные и чудовища в них настоящие: мумия Бена, прокаженный

Эдди.., кто-нибудь из них, а может быть, и оба могут появиться сегодня вечером после захода солнца. Или однорукий жестокий брат Билла Денбро, плавающий во тьме канализационных труб с серебряными монетками вместо глаз.

И все-таки, когда Стэн не ответил ей сразу, она повторила:

— Что это было?

Осторожно подбирая слова, Стэн сказал:

— Я был в том небольшом парке, где находится водонапорная башня...

— О, Господи, терпеть не могу это место, — меланхолично произнес Эдди. — Если в Дерри существует гиблое место, то только там.

— *Что?*

— резко сказал Стэн. — Что ты сказал?

— Разве ты не *знаешь* об этом местечке? — спросил Эдди. — Моя мать не разрешала мне близко подходить к башне еще до того, как стали погибать дети. Она.., по настоящему заботится обо мне. — Он с трудом улыбнулся и плотнее сжал в руке аспиратор.

— Понимаете, там утонуло несколько детей. Трое или четверо. Они... Стэн? Стэн, с тобой все в порядке?

Лицо Стэна Уриса было белым как полотно,

губы беззвучно шевелились, глаза выкатились из орбит. Одной рукой он судорожно хватался за воздух.

Эдди сделал единственное, что пришло ему в голову в тот момент. Он наклонился, обнял обмякшие плечи Стэна тонкой рукой, прижал аспиратор ко рту Стэна и включил его на полную мощность.

Стэн закашлялся и задохнулся. Он выпрямился — глаза вернулись на свои места — и стал кашлять в кулак. Наконец, с трудом переводя дыхание, он уселся в кресле.

— Что это было? — произнес он наконец.

— Мой прибор от астмы, — извиняющимся голосом произнес Эдди — Господи, а на вкус, как дерьмо дохлой собаки.

Все засмеялись, но смех был нервным. Все испугались за Стэна. Постепенно на его щеки вернулся прежний румянец.

— Да, довольно паршивая вещь, — с легкой гордостью сказал Эдди.

— Это кошерное? — сказал Стэн, и все они снова рассмеялись, хотя никто из них (включая Стэна) не знал, что означает «кошерное».

Стэнли первым перестал смеяться и пристально посмотрел на Эдди.

— Расскажи мне, что ты знаешь о башне, — сказал он.

Эдди принялся рассказывать, а Бей и Беверли его дополняли. Водонапорная башня была расположена на Канзас-стрит, примерно в полутора милях к западу от деловой части города рядом с южной границей Барренса. Одно время, примерно в конце прошлого столетия, она снабжала Дерри водой и имела вместимость 1 3/4 миллиона галлонов воды. Так как с круговой открытой галереи как раз под крышей башни открывался прекрасный вид на город и близлежащие окрестности, она была очень популярным местом для отдыха до 1930 года или около того. Люди семьями выезжали в крошечный Мемориальный парк в субботу или в воскресенье утром, пока стояла хорошая погода, карабкались наверх по 160 ступенькам, чтобы забраться на галерею и насладиться видом. Часто прямо на галерее устраивались небольшие пикники с закуской.

Винтовая лестница находилась между внешней частью башни, покрытой ослепительно белым гонтом, и внутренней муфтой в форме цилиндра из нержавеющей стали 106 футов высотой, и достигала самого верха.

Сразу под галереей находилась толстая дере-

вянная дверь, которая вела во внутреннюю часть башни, к платформе над самой водой.

Темное озеро освещалось мягким светом магниевых ламп, ввинченных в жестяные отражатели. Глубина озера была ровно сто футов, вода подавалась гораздо выше.

— Откуда брали воду? — спросил Бен.

Бев, Эдди и Стэн переглянулись. Никто из них не знал.

— Ну, ладно, а что насчет детей, которые утонули?

О детях было известно чуть больше, чем о самой башне. Оказалось, что в те времена («старые добрые времена», как торжественно выразился Бен, начав свою часть рассказа) дверь на платформу никогда не запиралась. Однажды ночью двое детей.., или один.., а может, их было трое.., обнаружили, что дверь внизу тоже не заперта, и решили туда подняться. По ошибке они попали на платформу, а не на галерею. В темноте они оступились и свалились вниз, так и не узнав, где находятся.

— Мне рассказал об этом один парень. Вик Крумли, а ему эту историю рассказал отец, — сказала Беверли, — может, так и было на самом деле. Отец Вика говорил, что если кто упадет в воду,

то наверняка умрет, потому что не за что даже ухватиться. Платформа далеко. Он сказал, что они барахтались и звали на помощь всю ночь, но их никто не услышал, они слабели все больше и больше, пока...

Она замолчала, чувствуя, что ее охватывает ужас. Она представила себе мальчиков, барахтающихся в черной воде. Они то скрывались под водой, то показывались на поверхности. Силы оставляли их, ими овладело отчаяние. Пропитавшиеся водой теннисные туфли тянули на дно. Пальцы царапались о гладкую стальную поверхность муфты, безуспешно стараясь ухватиться за нее. Беверли почувствовала даже вкус воды во рту. Она слышала безжизненное эхо из слабеющих голосов. Как долго это продолжалось? Пятнадцать минут? Полчаса? Сколько прошло времени до того, как умолкли крики и они поплыли лицом вниз, словно большие странные рыбы... Утром их обнаружил смотритель.

— Боже, — сухо сказал Стэн.

— Я знаю, что у одной женщины там тоже утонул ребенок, — неожиданно сказал Эдди. — Это случилось уже после того, как закрыли башню. Но я слышал, что туда все-таки пропускали людей. И однажды произошел этот случай с женщиной и

ее ребенком. Не знаю, сколько лет было ребенку, но эта платформа находится прямо над водой. Женщина подошла к перилам; наверное, ребенок был у нее на руках, и она поскользнулась или просто перегнулась через перила. Я слышал, что какой-то парень пытался спасти ребенка. Героический поступок, на мой взгляд. Он прыгнул вниз, но ребенок уже утонул. Может быть, у него был тяжелый свитер или еще что-то.

Коща одежда намокает, она тянет на дно.

Эдди резко сунул руку в карман и вынул маленькую стеклянную бутылочку. Он открыл ее, достал две белые таблетки и проглотил их, не запивая.

— Что это? — спросила Беверли.

— Аспирин. У меня разболелась голова, — он почти с вызовом посмотрел на нее, но Беверли больше ничего не сказала.

Бей закончил рассказ. После случая с ребенком (по его словам, он сам слышал, что это действительно был маленький ребенок, девочка трех лет) городской Совет проголосовал закрыть водонапорную башню, не только верхнюю часть, но и нижнюю, и запретить экскурсии и пикники на галерее. С тех пор башня закрыта. Раньше приходил смотритель, время от времени заглядывали

ремонтники, и почти каждый сезон приезжали туристы. Вслед за женщиной из исторического общества любопытные горожане поднимались на галерею по винтовой лестнице, восхищались видами и щелкали «кодаками», чтобы потом похвастаться перед друзьями. Но теперь дверь, ведущая к внутренней муфте, наглухо заперта.

— А вода по-прежнему осталась? — спросил Стэн.

— Думаю, что да, — сказал Бен. — Я видел, как там заправлялись пожарные машины во время пожаров, когда горела трава. Они вели шланг в нижнюю часть башни.

Стэнли снова смотрел на сушилку, в которой крутились тряпки.

Ком развалился и некоторые тряпки парили в воздухе, как парашюты.

— Что ты там увидел? — осторожно спросила Бев.

На какой-то момент он вообще не ответил. Потом Стэн вздрогнул, глубоко вздохнул и сказал фразу, смысл которой, как им сперва показалось, был далек от сути разговора:

— Парк назвали Мемориальным в честь 23-го полка штата Мэн, который принимал участие в Гражданской войне. *Их называли голубые сол-*

даты из Дерри. Когда-то здесь стояла статуя, но в сороковые годы ее снесло во время бури. На восстановление статуи не нашлось достаточно денег, и вместо нее установили купальню.

Большую каменную купальню для птиц.

Все смотрели на него. Стэн шумно сглотнул.

— Я видел этих птиц, понимаете. У меня есть альбом, пара биноклей и все такое прочее, — он посмотрел на Эдди. — У тебя найдется еще аспирин?

Эдди протянул ему бутылочку с лекарством. Стэн взял две таблетки, замялся и взял еще одну. Он вернул бутылочку Эдди и, поморщившись, проглотил таблетки одну за другой. Затем продолжил рассказ.

10

Стэн увидел это дождливым апрельским вечером два месяца назад. Он надел непромокаемый плащ, положил книгу о птицах и бинокль в водонепроницаемую сумку с завязками наверху и направился к Мемориальному парку. Они с отцом обычно ходили туда вместе, но отцу пришлось вечером выйти на работу сверхурочно, и он специально позвонил Стэнли, чтобы все ему объяснить.

Один из его заказчиков в агентстве, тоже наблюдатель за птицами, обнаружил, как ему показалось, самца кардинала — Fringillidae Pichmondena, — который пил воду из купальни в Мемориальном парке, сказал он Стэну. Они любят есть, пить и купаться как раз с наступлением сумерек. Увидеть кардинала так далеко к северу от Массачусетса — большая редкость. Не сможет ли Стэн пойти в парк и, может, ему удастся пополнить коллекцию? Погода, конечно, отвратительная, но...

Стэн согласился. Мать заставила его пообещать, что он наденет капюшон у плаща, но Стэнли кое-как натянул его. Он был привередливым мальчиком.

Никакими силами его было не заставить надеть зимой калоши или валенки.

Полторы мили до парка он прошел пешком, несмотря на дождь, который больше походил на туман. Воздух был безмолвный и волнующий.

Тающие сугробы под кустами и в пролесках напоминали Стэну кучу грязных наволочек. В воздухе стоял запах рождающейся природы. Ветки вязов, кленов и дубов на фоне свинцового неба казались Стэну сказочно причудливыми. Через одну-две недели на них начнут распускаться

нежные, почти прозрачные листья.

Сегодня вечером в воздухе *пахнет зеленью,* подумал он и слегка улыбнулся.

Он шел быстро, потому что через час, а может и раньше, уйдет свет. В своих наблюдениях он был так же разборчив, как и в одежде: не будь он уверен, что света достаточно, он не позволит себе пополнить коллекцию фотографией этой птицы.

Он пересек Мемориальный парк по диагонали. Слева белела водонапорная башня. Стэн мельком взглянул на нее. Он не испытывал к ней ни малейшего интереса.

Мемориальный парк имел форму неправильного прямоугольника. Трава в парке (еще выцветшая и помертвевшая в эту пору) летом была аккуратно подстрижена, и вокруг все утопало в цветах. В парке не было спортивных площадок, так как он считался парком для взрослых.

Парк был расположен на холме. В глубине парка угол наклона сглаживался, а затем резко увеличивался в районе Канзас-стрит и за границами Барренса. Купальня, о которой говорил отец, была расположена на ровной поверхности. Она имела форму каменного блюдца, закрепленного на приземистом каменном пьедестале, который был слишком велик для своей скромной

роли. Отец сказал Стэнли, что, когда еще были деньги, статую солдата собирались вернуть на прежнее место.

— Мне больше нравится птичья купальня, папа, — сказал Стэн.

Мистер Урис потрепал его по голове.

— Мне тоже, сынок, — сказал он. — Больше купален, меньше пуль — вот мой девиз.

В верхней части пьедестала в камне был высечен эпиграф. Стэнли никак не мог понять его смысл; единственные латинские слова, которые он понимал — классификация видов птиц в его книге.

Apparebat eidolon senex.
Pliny.

Гласила надпись.

Стэн сел на лавочку, достал из сумки альбом с птицами, открыл страницу, на которой изображен кардинал, и принялся внимательно его рассматривать, чтобы вникнуть во все тонкости.

Самца кардинала было бы сложно спутать с кем-то еще — он был красный, как пожарная машина, разве что не такой большой, — но Стэн был человек привычки и привержен обычаям, такого рода занятия придавали ему спокойствие

и давали ощущение своего места в мире. Итак, уделив картинке добрые три минуты внимания, он закрыл альбом (сырой воздух загнул края страниц) и положил его обратно в сумку. Затем он достал бинокль и приставил его к глазам. Устанавливать фокус не было необходимости, потому что в последний раз он сидел на этой же скамейке и наблюдал то же самое птичье купание.

Привередливый мальчик, терпеливый мальчик. Он не суетился, не поднимался и не ходил вокруг, не поворачивал бинокль в разные стороны. Он сидел на одном месте, направив бинокль в сторону птичьего водоема, и туман оседал крупными каплями на его желтом макинтоше.

Ему не было скучно. Он смотрел вниз, на обычное место обитания птиц. Четыре коричневых воробья присели там ненадолго, и, окунувшись в воду, обрызгивали себя. Затем прилетела голубая сойка, волоча за собой шумную толпу бездельников. Сойка казалась большущей через окуляры Стэна, и потому ее сварливый голос звучал нелепо тонко (если ты в течение долгого времени наблюдаешь птиц через бинокль, их размеры начинают казаться нормальными). Воробьи улетели. Сойка занялась делом, походила с важным видом, приняла ванну, потом

вдруг поскучнела и улетела. Воробьи вернулись, затем снова улетели; они словно бы совершали рейсы, чтобы искупаться и, возможно, обсудить некоторые важные для их компании дела. Отец Стэна смеялся над такого рода предположениями сына, да Стэн и сам был уверен в правоте отца: птицы не настолько сообразительны, чтобы говорить — их черепные коробки слишком малы; все это так, но, черт возьми, они действительно *выглядели* так, словно беседовали. Новая птица присоединилась к ним. Она была красной. Стэн поспешно отладил бинокль. Не она ли? Это был ярко-красный дубонос, хорошая птица, но не кардинал, которого он искал. Дубонос присоединился к дятлу, который был частым гостем на водоеме Мемориального парка. Стэн узнал его по растрепанному правому крылу и, как всегда, стал размышлять, что с ним могло случиться? Всего вероятнее — как он предполагал — то были кошачьи проделки. Прилетали и улетали другие птицы, Стэн видел грача, неуклюжего и уродливого, как летающий вагон, голубую птицу, другого дятла. Под конец он был вознагражден появлением новой птицы — но то опять был не кардинал, а коро-вячник, выглядевший через бинокль огромным и глупым. Стэн положил

бинокль рядом со своей сумкой и вынул альбом, надеясь, что коровячник не улетит, пока он не зафиксирует свои наблюдения. По крайней мере, можно было бы хоть что-то принести домой отцу. И уже пора уходить. Быстро темнело. Стэн почувствовал холод и сырость. Он посмотрел в свой альбом, затем снова приложил к глазам бинокль. Коровячник был еще там, но не купался, а молча стоял на краю птичьего водоема. Без сомнения, птица была очень похожа на коровячника, по крайней мере, так казалось на расстоянии, хотя и в меркнувшем свете быть абсолютно уверенным было нельзя. А может быть, света достаточно, чтобы еще раз проверить? Стэн внимательно, в напряжении сдвинув брови, вгляделся в рисунок в альбоме, а затем снова стал смотреть в бинокль. Он только зафиксировал птицу на краю водоема, когда раздался оглушительный звук: «БУМ-М-М», заставивший коровячника — если это был он — тут же взлететь. Стэн попытался проследить за птицей в бинокль, понимая, сколь слаба надежда на это. Он потерял птицу и от раздражения издал свистящий звук сквозь зубы. Ладно, раз прилетела, возможно, появится снова. А потом это всего лишь коровячник. (*вероятно, коровячник)*в конце концов, не золотой орел и не большая гагара.

Стэн вложил бинокль в футляр и положил назад птичий альбом. Затем встал и огляделся кругом, пытаясь понять, что могло произвести такой неожиданный и громкий шум.

Он не был похож на пистолетный выстрел или взрыв автомобиля. Скорее на скрежет двери, открываемой приведением в замке или подземелье.., словно бы эффект эха.

Ничего не было видно.

Стэн встал и направился вниз по склону в сторону Канзас-стрит. Напорная башня была сейчас справа от него, белый меловой цилиндр, словно фантом в тумане и надвигающейся темноте. Она казалась.., поплавком.

Это была странная мысль. Он полагал, что она должна была родиться в его собственной голове — откуда же ей еще было взяться? — но почему-то казалось все же не его собственной мыслью.

Он пристально посмотрел на напорную башню и совершенно бессознательно изменил направление мыслей. Окна здания поднимались с интервалами по спирали, и это напомнило Стэну шест, по спирали окрашенный в белый и красный цвета, с вывеской парикмахерской перед лавкой мистера Орлетта, где они с отцом делали стрижку. Белые, как кость, навесы выпячивались

над каждым из этих темных окон, словно брови над глазами.

Удивительно, как это сделано, -подумал Стэн, хотя и не с таким интересом, какой был бы у Бена Хэнскома, при виде темного контура подножия водонапорной башни — отчетливого продолговатого предмета на круглом основании.

Он остановился, сдвинув брови и подумав, какое, однако, странное место для окна: совершенно асимметрично с остальными. Но тут же понял, что это не окно, а дверь.

— *Шум, который я слышал,* -подумал он, — *Это шум этой двери, открытой дуновением.*

Он осмотрелся. Рано опустился мрак. Белое небо постепенно заволоклось мрачным пурпуром, туман все более сгущался, предвещая дождь этой ночью. Туман и мгла, и никакого ветра.

Ну а.., если она открыта не дуновением, а кто-то толкнул ее? Зачем? Дверь выглядела ужасно тяжелой, открыть ее с таким шумом могло.., очень крупное существо.., может быть...

Стэн с любопытством осмотрел дверь.

Она была даже больше, чем он предполагал сначала — шесть футов в высоту и два фута в ширину, доски, из которых она была сделана, соединялись медными скобками. Стэн качнул

прикрытую дверь, и она задвигалась плавно и легко на своих петлях, несмотря на размер. И двигалась бесшумно, без малейшего скрипа. Он еще немного приоткрыл ее, чтобы посмотреть, нет ли на ней каких-либо повреждений после столь сильного хлопанья. Никаких повреждений, даже просто отметины не было. «Загадочное место», — как сказал бы Ричи.

— *Да, ладно, ты слышал вовсе не эту дверь, только и всего,* -подумал он, — *Может быть, это самолет из Лоринга громыхнул над Дерри или еще что-нибудь. Дверь, возможно, была открыта все...*

Его нога наткнулась на что-то. Стэн посмотрел вниз и увидел, что это развороченный висячий замок. Он был оторван, когда дверь распахнулась. Это выглядело фактически так, как если бы кто-то набил замочную скважину черным порохом и поднес к ней спичку. Искореженные отрывки металла торчали из дырки в замке. Толстый запор висел криво на одном болте, который был на три четвери выдернут из дерева. Остальные три изогнутых болта от запора валялись на влажной траве.

Сдвинув брови, Стэн качнул дверь, открыл ее и вгляделся внутрь.

Узкая винтовая лестница вела наверх и там пропадала из виду. Наружная стенка лестницы из неокрашенного дерева подпиралась гигантскими балками, которые скреплялись не гвоздями, а деревянными штифтами; некоторые из них показались Стэну толще его собственной руки. Внутренняя стена была стальной, на ней, как нарывы, вздымались гигантские заклепки.

— Есть тут кто-нибудь? — спросил Стэн.

Ответа не последовало.

Он заколебался, а затем ступил внутрь — теперь он мог лучше разглядеть узкую лестницу, ведущую наверх. Никого. Он повернул было назад и тут.., услышал музыку.

Она была неотчетливой, но все более узнаваемой.

Музыка Каллиопы.

Он поднял голову, прислушиваясь, напряжение на его лице стало постепенно исчезать. Музыка Каллиопы, так и есть, музыка карнавалов и деревенских ярмарок. Она всколыхнула в памяти воспоминания столь же приятные, сколь и эфемерные: воздушная кукуруза, карамельки, жаренные в топленом жире человечки из теста, звенящие цепями карусели: Дикий Маус, Кучер, Кастер-Капс.

Брови его перестали хмуриться, на лице появилась улыбка, Стэн поднялся на одну ступеньку, затем еще на одну — задрав кверху голову. Подождал. При мысли о карнавале он действительно почувствовал запах жареной кукурузы, карамели и человечков из теста.., и более того! Запах перца, сосисок с острым соусом, сигаретного дыма и опилок. Еще был острый запах белого уксуса, которым можно полить французское жаркое. Он мог почувствовать и запах горчицы, ярко-желтой, обжигающей, ее намазываешь на горячую сосиску деревянной палочкой.

Это было изумительно.., невероятно.., потрясающе.

Он сделал еще шаг наверх и тут услышал шорох, энергичные шаги над собой, кто-то спускался по лестнице. Он снова поднял голову. Музыка Каллиопы неожиданно зазвучала громче, словно для того, чтобы заглушить звук шагов. Сейчас он вполне мог узнать мелодию, это были «Кэмптонские скачки».

Шаги, нет, шаги, пожалуй, не шуршали, не так ли? Они скорее.., хлюпали, верно ведь? Словно кто-то сходил сверху в резиновых башмаках, полных воды.

Кэмптонские леди поют эту песню, дуда-дуда

(хлюп-хлюп)

Кэмптонский гоночный трек длиною девять миль, дуда-дуда (хлюп-хлюп — теперь ближе) Скакать кругом всю ночь Скакать кругом весь день...

Тени закачались на стене над ним. В тот же момент ужас сдавил горло Стэна, он словно глотнул что-то горячее и противное — гнусное, резко возбуждающее, как разряд тока, лекарство. То была тень того, кто сделал это.

Он увидел их через мгновенье. И успел заметить только, что их было двое, что они сутулились, причем как-то неестественно. У него было только мгновенье, потому что свет здесь мерк, мерк слишком быстро, он повернул назад, массивная дверь водонапорной башни тяжело колыхнулась и захлопнулась.

Стэнли, очень испуганный, бежал обратно вниз по лестнице (почему-то оказалось, что он поднялся гораздо выше, чем предполагал).

Было слишком темно, чтобы разглядеть что-либо. Он слышал собственное дыхание и веселье Каллиопы где-то наверху.

(*Что Каллиопа делает там наверху в темноте? Кто играет эту мелодию?)*И еще он слышал мокрые шаги. Они становились все ближе, ближе.

Он ударил руками в возникшую пред ним

дверь, ударил так сильно, что жгучая боль охватила руки до самых локтей. Дверь так легко поддавалась раньше.., а сейчас она не двигалась совсем.

Нет.., все же не совсем так. Сначала она поддалась самую малость, как раз достаточно для того, чтобы он мог видеть дразнящую полоску серого света, бегущего вертикально вниз с левого края двери. Затем она снова уперлась. Как будто кто-то стоял по ту ее сторону и не давал открыть.

Тяжело дыша, в полном ужасе, Стэн толкал дверь изо всех своих сил. Он чувствовал, как медные скобы вонзаются в его руки. Тщетно.

Он повернулся кругом, спиной к двери и, вывернув руки назад, уперся в нее. Со лба его стекал пот, горячий и липкий. Музыка Каллиопы стала еще громче. Она медленно лилась вниз и отдавалась эхом на винтовой лестнице. Но в ней теперь не было ничего веселого. Она изменилась. Она стала звучать, как панихида. Она завывала, как ветер, как вода, и внутренним взором Стэн видел деревенскую ярмарку поздней осенью, ветер с дождем обдувает пустынную дорогу, трепещут флажки, вздуваются, переворачиваясь, палатки и разлетаются, словно брезентовые летучие мыши. Он видел пустые карусели, стоящие под небеса-

ми, как виселицы; ветер громыхает и свистит в темных уголках их подпорок. Он вдруг понял, что его ждет гибель, что смерть пришла за ним из темноты, он не сможет убежать.

Внезапный поток воды пролился вниз по лестнице. Теперь он ощущал не запах воздушной кукурузы, жареных человечков из теста, хлопковых конфет, а влажное зловоние разлагающейся мертвой свинины, съедаемой червями в удаленном от солнца углу.

— *Кто здесь?* -крикнул он вверх дрожащим голосом.

Ему ответили низким, журчащим голосом, казалось, он полнится грязью и застоялой водой.

— Некто мертвый, Стэнли. Мы мертвые. Мы утонули, но сейчас мы всплываем.., и ты всплывешь тоже.

Он чувствовал воду, плескавшуюся у его ног. Он съежился от страха перед дверью. Они были совсем близко. Он чувствовал их близость. Он чувствовал их *запах.* Что-то кололо у него в боку, и он в беспамятстве снова и снова толкал дверь в бесполезной попытке убежать.

— Мы мертвецы, но иногда мы ходим вокруг и немного дурачимся, Стэнли. Иногда мы...

Птичий альбом. Стэн без раздумий схватился

за него. Альбом был втиснут в карман его макинтоша и никак не вытаскивался оттуда. Один из них был уже внизу, Стэн слышал шуршание, забившись в маленький каменный закуток, «тот» мог дотянутся до него через мгновение, Стэн уже ощущал его холодное тело.

Он сделал еще один бешеный рывок, — птичий альбом оказался у него в руках. Он держал его перед собой как слабую защиту, не думая, что будет делать, но вдруг уверившись в том, что все он делает *правильно.*

— Малиновки! — крикнул он сквозь темноту, и в тот же миг существо, которое было в каких-нибудь пяти шагах от него, заколебалось — он был почти уверен в этом. И еще он почувствовал, что кто-то отступил от двери, у которой он стоял съежившись.

Стэн больше не *боялся.* Он выпрямился в темноте. Когда это произошло? Удивляться не было времени. Стэн облизал сухие губы и начал говорить нараспев:

— Малиновки! Серые цапли! Полярные гагары! Грачи! Молото-годовые дятлы! Красноголовые дятлы! Синицы! Крапивники! Лели...

Дверь открылась с протестующим визгом, и Стэн сделал огромный шаг наружу в разрежен-

ный туманный воздух. Он растянулся на мертвой траве. Он держал птичий альбом прямо перед собой, а позже, тем же вечером, разглядел глубокие отпечатай своих пальцев на обложке — словно следы тяжелого пресса.

Он не пытался подняться, но начал отталкиваться коленями, оставляя борозды на гладкой траве. Его губы были туго натянуты. Он увидел две ноги ниже диагональной тени, отбрасываемой дверью, которая сейчас оставалась полуоткрытой. Он увидел джинсы, выпачканные чем-то пурпурно-черным. Нити оранжевой отстрочки свободно болтались вдоль швов, вода стекала с манжет и капала вокруг его ботинок, которые уже почти сгнили, обнажая припухшие красные пальцы.

Руки его безвольно свисали, слишком длинные, белые как воск.

Подушечки пальцев были оранжевыми.

Держа свой птичий альбом перед собой, с лицом, мокрым от мелкого дождя и пота, весь в слезах, Стэн шептал сухим монотонным голосом: «Перепелятники.., дубоносы.., колибри.., альбатросы.., киви».

Одна рука существа повернулась, показалась ладонь, на которой вода сгладила почти все

линии — рука идиота, рука манекена в универсальном магазине.

Вот один палец согнулся. Подушечки подрагивали и дергались... дергались и подрагивали.

Это существо приветствовало его.

Стэн Урис, который умер в ванне, перерезав себе руки двадцатью семью годами позже, поднялся на колени, встал на ноги и побежал.

Он бежал через Канзас-стрит, не замечая, есть ли движение на дороге, тяжело и часто дыша, и остановился, чтобы посмотреть назад, только пробежав немалый отрезок.

С этого места он не мог уже разглядеть дверь у основания водонапорной башни, в темноте виднелась только сама водонапорная башня, толстая и при этом даже грациозная.

— Они были мертвыми, — прошептал Стэн про себя в шоке.

Он резко повернулся и побежал домой.

11

Сушилка остановилась. И Стэн тоже.

Трое остальных долгую минуту смотрели на него. Его кожа была серой, словно апрельский вечер, о котором он только что рассказывал им.

— Поразительно, — сказал Бен наконец. Он

выдохнул с неровным, свистящим звуком.

— Это правда, — сказал Стэн низким голосом, — клянусь Богом.

— Я верю тебе, — отозвалась Беверли, — после того, что случилось в моем доме, я поверю во что угодно.

Она неожиданно встала, чуть не перевернув свой стул, и подошла к сушилке. Она начала вынимать оттуда тряпки одну за другой и складывать их. Бев стояла, повернувшись к ним спиной, но Бен подозревал, что она плачет. Он хотел подойти к ней, но ему не хватало храбрости.

— Мы должны сказать об этом Биллу, — заявил Эдди, — Билли должен знать, что надо делать.

— Делать? — переспросил Стэн, повернувшись и взглянув на него. — Что ты имеешь в виду под словом «ДЕЛАТЬ»?

Эдди смущенно посмотрел на него:

— Ну...

— Я не хочу ничего делать, — ответил Стэн. Взгляд у него был такой тяжелый и пристальный, что Эдди скорчился на своем стуле. — Я хочу *забыть* об этом. Вот и все, что я бы хотел сделать.

— Это не легко, — тихо сказала Беверли, обернувшись к нему. Бен был прав: яркое солнце, просвечивавшее сквозь грязные окна прачеч-

ной, высветило блестящие полосы слез на ее щеках. — Это касается не только нас. Я слышала Ронни Гроган. И еще.., маленький мальчик.., я думаю, это был малыш Клементе, который исчез на своем трехколесном велосипеде...

— *И что?* -спросил Стэн вызывающе.

— А если они заберут кого-нибудь еще? — спросила она. — Что если они возьмут еще кого-нибудь из детей?

Его глаза, темно-карие, встретились с ее голубыми, беззвучно вопрошающими: «Что если это произойдет?»

Но Беверли не опустила и не отвела глаз в сторону, и Стэн не выдержал — уронил взгляд вниз... Вот, наверно, почему она плачет, но может быть, забота о других делает ее сильнее?

— Эдди прав, — сказала она, — мы должны рассказать Биллу. А потом, может быть, начальнику полиции.

— Хорошо, — ответил Стэн. Он старался говорить пренебрежительным тоном, но у него не получалось. Голос его звучал устало. — Мертвые дети в водонапорной башне. Кровь, которую могут видеть только дети — не взрослые. Шутники, которые бродят на канале. Воздушные шары, летящие против ветра. Мумии. Прокаженные. У

начальника полиции даже задница рассмеется.., и засунет он нас после этого в сумасшедший дом.

— Если мы все пойдем к нему, — заговорил, волнуясь, Бен, — если мы все вместе пойдем...

— Точно, — сказал Стэн, — очень хорошо. Давай, Хейстак, напиши об этом книгу. — Он встал и подошел к окну, руки в карманах, взгляд злой, пристальный и сокрушен. Через минуту он перестал пялиться в окно, сжал плечи, поправил свою чистую рубашку и, Повернувшись к ним, повторил. — Напиши эту чертову книгу!

— Нет, не я, — сказал Бен спокойно, — Билл собирается писать такие книги.

Стэн посмотрел на него удивленный, и остальные тоже посмотрели на него. На лице Бена было такое выражение, словно он неожиданно и сильно шлепнулся.

Бев сложила последнюю тряпицу.

— Птицы, — сказал Эдди.

— Что? — спросили в один голос Бев и Бен.

Эдди смотрел на Стэна.

— Ты выбрался оттуда благодаря тому, что произносил вслух названия птиц.

— Может быть, — с неохотой сказал Стэн, — А может быть, дверь присосало, а потом она освободилась.

— Без твоей помощи? — спросил Бен.

Стэн пожал плечами. Это не был жест раздражения, просто он действительно не знал.

— Я думаю, причина в том, что ты произносил названия птиц, — сказал Эдди, — но почему? В кинофильмах держатся за крест...

— Или читают Лорда Плейера... — добавил Бен.

— Или двадцать третий Псалом, — проронила Беверли.

— Я знаю двадцать третий Псалом, — зло сказал Стэн, — но я не думаю, что это годится для мертвецов. Я еврей, вы забыли?

Они отвели глаза, смутившись то ли от того, что он уродился евреем, то ли от того, что они позабыли об этом.

— Птицы, — снова сказал Эдди. — Господи!

Он снова виновато посмотрел на Стэна, но Стэн глядел уныло через улицу на Гидро Бангор-офис.

— Билл должен знать, что нужно делать, — неожиданно заявил Бен, словно соглашаясь с Бев и Эдди. — Спорю на что угодно. Спорю на любую сумму денег.

— О'кей. Мы можем рассказать Биллу об этом, если вы хотите, — сказал Стэн серьезно, глядя на всех. — Но есть одна вещь, которая меня останавливает. Вы можете называть меня желторотым

птенцом. Меня это не волнует. Я не птенец. Но некоторые вещи в водонапорной башне...

— Только сумасшедшие не боятся подобных вещей, Стэн, — мягко сказала Беверли.

— Да, я был напуган, но дело не в этом, — горячо ответил Стэн, — и вовсе не по этой причине я рассказал вам обо всем-. Разве вы не понимаете...

Они выжидательно смотрели на него, в их глазах были волнение и надежда. Но Стэн обнаружил, что не может объяснить, что он чувствует. Не может подобрать слова. Его ощущения словно были замурованы внутри него, почти душили его, но он не мог выразить их словами. Каким бы он ни был уверенным, он оставался всего лишь одиннадцатилетним мальчиком, который заканчивает четвертый класс.

Он хотел сказать им: то, что он чувствует — похуже страха. Можно испугаться, например, что машина собьет тебя, когда ты едешь на велосипеде, можно испугаться вакцины Солка, если заболеешь полиомиелитом. Можно испугаться этого сумасшедшего Хрущева, или того, что тонешь, кувыркнувшись в воде через голову. Можно испугаться всего этого и продолжать функционировать.

Но то, что происходит в водонапорной башне...

Он хотел сказать им, что эти мертвые ребята, которые шли, шатаясь и волоча ноги, вниз по спиральной лестнице, — это было нечто гораздо худшее; они не просто напугали его, они все в нем *нарушили*.

Нарушили, да, это было именно то слово, но если бы он произнес его вслух, они бы рассмеялись; они любили его, они приняли его как своего. И все же они могли бы рассмеяться. И все равно, произошло что-то, что быть не могло. Они *нарушили* здоровое ощущение спокойствия, они *нарушили* основную идею, состоящую в том, что Бог окончательно придал земле наклонное положение относительно ее оси, так что сумерки на экваторе могут продолжаться всего двенадцать минут и затягиваются на час или больше для эскимоса, строящего свой ледяной дом. Сделав это, он сказал:

— О'кей, если вы сможете рассчитать наклон оси, вы сможете вычислить любые несусветные вещи. Потому что даже свет имеет вес и внезапное понижение тона железнодорожного свистка — это эффект Доплера, и когда аэроплан ломает звуковой барьер, то звук этот не есть одобрение ангелов или метеоризм демона, а просто обратное сжатие воздуха. Я дал вам такой наклон, и теперь

я бездельничаю и наблюдаю ваше шоу. Мне нечего больше сказать, кроме того, что два плюс два — четыре, огни в небе — это звезды, кровь взрослого можно увидеть, так же как кровь ребенка, и что мертвые мальчики остаются мертвыми.

— Со страхом можно жить, — сказал бы им Стэн, если бы мог. — Пусть не всегда, но в течение долгого, долгого времени. Но с этим *нарушением* жить нельзя, потому что оно сделало расщелину в мыслях, и если заглянуть через нее вниз, то увидишь, что там живут существа, у которых маленькие желтые немигающие глаза; там, внизу, в темноте, — зловоние, и через некоторое время ты начинаешь думать, что там внизу — вся вселенная, и круглая луна поднимается там в небесах, и звезды хохочут ледяными голосами, и у некоторых треугольников — четыре стороны, а то и пять, или пять в пятой степени. В этой вселенной могут расти поющие розы. Все ведет ко всему. Так сказал бы он им, если бы мог. Я посещаю свою церковь и слушаю рассказы о Христе, который ходил по воде, но если я видел, что то же самое делает пугало, я буду вопить, вопить и вопить. Потому что это не выглядит для меня чудом. Это выглядит *нарушением.*

Ничего этого он не смог им сказать. И только

повторил:

— Дело не в испуге. Но я не хочу быть вовлеченным во что-либо, что загонит меня в сумасшедший дом.

— По крайней мере, ты пойдешь с нами, чтобы рассказать ему? — спросил Бен. — Услышать, что он скажет?

— Конечно, — ответил Стэн и засмеялся, — может, мне захватить мой птичий альбом?

Тут засмеялись все, и стало немного легче.

12

Беверли покинула их на Клин-Клоуз и понесла тряпки домой. Квартира все еще пустовала. Она положила тряпки в кухонный шкаф и закрыла его. Выпрямилась и посмотрела вниз, в направлении ванной комнаты.

"Я не собираюсь спускаться туда, -думала она, — я *собираюсь посмотреть эстрадный концерт по телевизору".*

Итак, она вошла в гостиную и включила телевизор, а через пять минут выключила его, в тот момент, когда Дик Кларк показывал, сколько жира *только один* тампон, пропитанный лекарством «Стри-Декс», снимает с лица среднего подростка («Если вы надеетесь добиться чистоты

только при помощи мыла и воды, — говорил Дик, держа грязный тампон перед стеклянным глазом камеры, чтобы каждый подросток в Америке мог хорошо разглядеть его, — посмотрите на это внимательно»).

Она вернулась в кухню к шкафу над раковиной, где ее отец хранил свои инструменты. Среди них лежала карманная мерная рулетка, которая выпускает наружу свой желтый язычок. Она взяла ее своей холодной рукой и спустилась в ванную комнату.

Там было ослепительно чисто и тихо. Но ей тем не менее казалось, что она отовсюду слышит громкий голос миссис Дойон, которая велит своему мальчику Джиму СЕЙЧАС ЖЕ уйти с дороги.

Она вошла в ванную и посмотрела в темный глаз стока.

Она стояла там некоторое время.

Ее ноги под джинсами были, словно мрамор, соски сделались такими твердыми и острыми, что ими можно было резать бумагу, ее губы пересохли. Она ждала голосов.

Голосов не было.

Она коротко, прерывисто вздохнула, а затем начала разматывать стальную ленту, опуская ее в отверстие. Лента продвигалась легко, словно

шпага в глотну циркача на ярморочном представлении. Шесть дюймов, восемь дюймов, десять. Лента остановилась, упершись в колено стока, как полагала Беверли. Она подвигала ее, осторожно пытаясь протолкнуть дальше, и лента пошла вниз. Шестнадцать дюймов, затем два фута, три.

Она следила, как желтая лента скользит из желтого металлического чехла, одна сторона которого стерлась до черного в большой руке ее отца. Внутренним взором она видела, как лента скользит по черному проему трубы, счищая грязь, сдирая чешуйки ржавчины. Вниз, туда, где никогда не бывает солнца, туда, где никогда не прекращается ночь, думала она.

Она представляла головку ленты, с ее маленьким стальным наконечником, не больше ногтя, скользящим все дальше и дальше в темноту, и что-то кричало в отдаленном уголке ее сознания: *«Что же я делаю?»* Она не игнорировала этот крик, но была беспомощна внимать ему. Она видела конец ленты, стремящийся вниз, через подвал. Она видела его проникающим в сточную трубу.., но вот лента снова уперлась.

Она опять подвигала ее. И лента, достаточно податливая, издала страшный и противный звук, напомнивший Беверли свист пилы, когда двига-

ешь ею взад и вперед.

Она видела конец ленты, покачивающийся напротив рожка этой широченной трубы, которая имела твердое керамическое покрытие. Она видела его направленным.., и затем снова стала проталкивать ленту дальше.

Она прогнала ее на шесть футов. Девять...

И вдруг лента побежала из ее рук сама, словно что-то снизу тянуло ее за конец. Не только тянуло ее, — *бежало* вместе с ней. Беверли уставилась на скользящую ленту, ее глаза расширились, губы округлились буквой "О" от страха — страха, да, но не удивления. *Знала* ли она? *Знала* ли она о чем-либо, что могло произойти?

Лента добежала до конца и остановилась. Восемнадцать футов, почти шесть ярдов.

Мягкий смешок донесся из отверстия, за ним последовал низкий шепот, он был почти укоризненным: *«Беверли, Беверли, Беверли... Ты не можешь тягаться с нами... Ты умрешь, если будешь пытаться... Ты умрешь, если будешь пытаться... Ты умрешь, если будешь пытаться... Беверли... Беверли... Беверли.., ли-ли-ли...»*

Что-то щелкнуло внутри этого трубоизмерительного сооружения, и лента с выпачканными цифрами и метками неожиданно побежала назад

в свой чехол. Ближе к концу — последние пять или шесть футов — желтая поверхность была темной и закапана красным, Беверли закричала и бросила ее на пол, словно лента неожиданно изогнулась в живую змею.

Свежая кровь текла тонкой струйкой по чистому, белому фарфору ванны и стекала назад в широкий глаз стока. Она наклонилась, всхлипывая — ее страх тяжестью застыл в желудке, — и подняла ленту. Она зажала ее между большим и указательным пальцами правой руки, и, держа перед собой, понесла на кухню. Пока она шла, кровь капала с ленты на бледный линолеум в холле и на кухне.

Она успокаивала себя, стараясь думать о том, что сказал бы отец — что бы он *сделал* ей, — если бы нашел свою измерительную ленту, всю перепачканную кровью. Конечно, он не сможет увидеть кровь, но такое отвлечение помогало ей собраться с мыслями.

Она взяла одну из чистых тряпок, свежую и еще теплую после чистки, и вернулась в ванную комнату. Перед тем, как начать мыть, она заткнула тяжелой резиновой затычкой отверстие стока, закрыв этот глаз. Кровь была свежая и легко смывалась. Она вернулась по своим собственным

делам, стирая с линолеума капли размером с десятицентовую монету, затем прополоскала тряпку, выжала ее, и отложила в сторону.

Затем она взяла вторую тряпку, чтобы вытереть отцовскую измерительную ленту. Кровь была жирная и липкая. В двух местах она свернулась в сгустки, черные и вязкие.

Хотя кровь перепачкала только последние пять или шесть футов, Беверли вытерла ленту полностью, по всей длине, стирая на ней все следы сточной грязи. Проделав это, она положила рулетку назад в шкаф над раковиной и вынесла перепачканные тряпки из дома. Миссис Дойон снова кричала на Джима. Ее голос был чист, словно звонок в этот еще теплый поздний полдень.

На заднем дворе, который был обыкновенно пустынный и грязный, заросший сорной травой, с веревками для белья, находилась ржавая печь для сжигания мусора. Беверли швырнула тряпки в нее, затем села на задние ступени. Слезы пришли неожиданно, с удивительной силой, и сейчас она не делала даже попытки остановить их.

Она положила руки на колени, голову — на руки, и плакала, пока миссис Дойон звала Джима, чтобы он ушел с дороги, если не хочет, чтобы его сбила машина.

ДЕРРИ: ВТОРАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ

Кто сам видел бедствия, тот сам много страдал.
Виргилий.

Не рыскай, как дурак, за бесконечностью.
Мин Стрит.

14 февраля 1985 г. День Св. Валентина.

Еще два исчезновения за последние недели — и оба дети. А я только-только начал расслабляться. Один — шестнадцатилетний мальчишка по имени Дэннис Торрио, другая — девочка, ей только что исполнилось пять лет, она каталась на санках позади дома на Западном Бродвее. Обезумевшая от горя мать нашла ее санки и «летающую тарелку» и все. Накануне, ночью выпал свежий снег — около четырех дюймов. Кроме следов девочки, нет больше никаких других следов, сказал мне шеф Рэдмахер, когда я позвонил ему. Я думаю, я страшно надоел ему своими вопросами. Подумаешь, ничего такого из-за чего стоило бы не спать по ночам, случаются вещи гораздо более

неприятные, не правда ли?

Я спросил, можно ли мне посмотреть на фотороботы. Он отказал.

Спросил, не вели ли следы девочки к какой-нибудь канализационной трубе или зарешеченному коллектору. Последовало долгое молчание. Потом Рэдмахер сказал: «Я начинаю волноваться о твоем здоровье, не нужно ли тебе проконсультироваться с врачом, Хэнлон, с каким-нибудь психиатром. Ребенка украл ее отец. Ты что, не читал газет?»

«А мальчишку Торри, что, тоже украл отец?» — спросил я.

И снова длинная пауза.

"Оставь ты все это в покое. Оставь *меня* в покое. Дай мне отдохнуть".

Он повесил трубку.

Разумеется, я читал газеты, не сам ли я кладу их в читальный зал Публичной библиотеки каждое утро? Малышка Лори Энн Винтербаргер находилась под опекой матери, после отвратительного развода, произошедшего весной 1982 года. Полиция разрабатывает версию, будто Хорст Винтербаргер, который предположительно работал машинистом на железной дороге, украл свою дочь. Для этого, он приехал из Флориды в Мэн.

Дальше они теоретизировали следующим образом: он будто бы припарковал свой автомобиль где-то возле дома и позвал дочь, та подбежала к нему и села в машину, следовательно, никаких следов, кроме следов малышки, не может быть. Правда, они ничего не могли возразить против факта, что девочка не виделась с отцом с тех пор, как ей исполнилось два года. Развод Винтербаргеров сопровождался запрещением отцу видеться с дочерью, которое последовало после заявления м-с Винтербаргер, что по крайней мере дважды она заставала Хорста Винтербаргера, когда он сексуально приставал к девочке. Суд принял такое решение, несмотря на то, что Винтербаргер отрицал это. Рэдмахер полагал, что именно решение суда повлияло на Винтербаргера, который практически перестал общаться с дочерью, что и привело к похищению. Такая версия выглядела бы довольно правдоподобной, если бы не тот факт, что Лори Энн вряд ли могла узнать отца спустя столько лет и побежать на его зов. Рэдмахер отвечает положительно, хотя девочке было два года, когда она в последний раз видела отца. Я так не думаю. И мать ее говорит, что Лори Энн очень хорошо усвоила, что подходить к незнакомым людям и разговаривать с ними нельзя.

Впрочем, в Дерри большинство детей знали и выполняли это правило. Рэдмахер говорит, что он передал дело федеральной полиции Флориды, они и должны следить за Винтербаргером, а его полномочия на этом заканчиваются. «Дела опеки больше относятся к компетенции юристов, а не полиции», — вот что заявила эта помпезная жирная задница, как отмечается в пятничных Дерри *Ньюз.*

Но мальчишка Торрио, — здесь что-то другое. Прекрасная семья. Игра в футбол за Тигров Дерри. Отличный студент. Прошел школу единоборств летом 1984 года. Никаких историй с наркотиками. Была любимая подружка. Все, что для жизни нужно. Все, чтобы остаться в Дерри, хотя бы еще два года.

И то же самое — , исчез.

Что с ним случилось? Неожиданная любовь к путешествиям? Пьяный шофер, который, быть может, сбил его, убил и закопал? А возможно, он все езде в Дерри, на ночной стороне Дерри, в компании с Бетти Рипсом и. Патриком Хокстетером, и Эдди Коркораном, и всеми остальными? А может...

(*Дальше)*Я снова продолжаю свои записи. Все хожу и хожу вокруг да около, никаких существен-

ных изменений, только ворчу. Я вздрагиваю от скрипа железных лестничных ступеней, я вздрагиваю от теней. Я замечаю за собой, что, расставляя книги в стеллажи, я тревожно думаю: а какова будет моя реакция, если в то время, как я буду толкать свою тележку с книгами, из-за книжных рядов появится рука, ищущая рука...

Снова появилось навязчивое желание начинать звонить им сегодня днем. Я даже дошел до того, что набрал 404 — код Алабамы, держа перед собой номер телефона Стэнли У риса. Потом я только держал телефон у уха, спрашивая себя, потому ли мне хочется звонить им, что я уверен — на сто процентов *уверен,* -или просто потому, что напуган всеми этими привидениями, потому, что не выношу одиночества и мне надо с кем-то поговорить, с кем-то, кто знает или *узнает,* что то, чем я напуган — существует.

На один миг я услышал голос Ричи: *«Кучка? Кучка? Мы не есть хотеть этой кучки!»* -он говорил, подражая Панчи Ванило, кривляясь, но я так хорошо слышал его, как будто он стоял совсем рядом... И я повесил трубку. Потому что, если вы в такой степени не хотите видеть кого-либо, как я не хотел видеть Ричи — или кого-либо из них, — вы в тот же миг начинаете сомневаться в

правильности своего решения. Мы лучше всего лжем самим себе.

Дело в том, что я все-таки не уверен на 100 %. Кому-то еще я бы, может быть, позвонил.., но к настоящему моменту следовало допустить, что даже такая напыщенная задница, как Рэдмахер, может оказаться прав. Девочка *могла* бы запомнить своего отца; от него могли остаться фотографии. И я думаю, что взрослый мог бы убедить ребенка сесть к нему в машину, даже если ребенок был обучен не садиться.

Есть и другое опасение, которое беспокоит меня. Рэдмахер предположил, что я, возможно, схожу с ума. Я не верю в это, но если я начну сейчас звонить им, *они* могут подумать, что я схожу с ума. А хуже всего, что они могут не вспомнить меня вообще. Кто? Майк Хэнлон? Я не помню никакого *Майка Хэнлона. Я совершенно вас не помню. Какое еще обещание?*

Я чувствую, что время звать их еще не пришло... А когда оно придет, я *узнаю,* что это то самое время. И занавес поднимется перед ними в одно и то же время. Когда придет время, они услышат голос Черепахи. Итак, я подожду, рано или поздно я все равно узнаю. Я не верю, что это только вопрос моего звонка. Вопрос только в том, *когда.*

20 февраля 1985 г.

Пожар в Черном Местечке «Прекрасно представляю себе, как Торговая Палата постарается переписать историю, Майк, — сказал бы мне старик Альберт Карсон, вероятно покашливая при этом. — Они стараются, и иногда даже успешно.., но старики-то помнят, как было дело в действительности!.. Они всегда помнят. А могут и рассказать, если их об этом хорошенько порасспросить».

Есть люди, которые, прожив в Дерри двадцать лет, не знают, что там случилось однажды, не знают, что существовали «специальные» бараки для сержантов в старых летных частях, расположенных в Дерри, бараки, которые находились в миле от основного городка. И в середине февраля, когда температура не поднималась выше, а ветер был около 40 миль в час, все это — вопящий, срывающий одежды ветер и холод и дополнительная миля до этих бараков — представляло для вас очевидную опасность замерзнуть или обморозиться, а то и просто могло даже убить вас.

Основные семь бараков хорошо отапливались, имели штормовые окна и изоляцию. Они были теплыми и уютными. «Специальные» же бараки, в которых располагалось 27 человек Компании

И, отапливались старым дровяным забором. Запасы топлива были чисто случайными. Единственной изоляцией был ствол сосны и еловые ветки, которые люди "положили снаружи. Кто-то из них сумел добыть полный комплект штормовых окон, но двадцать семь сотоварищей из «специального» барака в тот же самый день были отправлены в Бангор для помощи в какой-то работе, и когда этой ночью они, усталые, голодные и холодные, пришли в барак, все окна были разбиты, все до единого.

Это было в 1930 году, когда почти все военно-воздушные силы США состояли из бипланов. В Вашингтоне Билли Митчел был понижен в должности из-за своего несносного упрямства и желания модернизировать воздушные силы, что заставило его старших товарищей постараться его скинуть. Вскоре он подал в отставку.

Так они потихоньку летали на базе в Дерри, несмотря на то, что только одна взлетная полоса была там заасфальтирована. Большинство солдат принадлежали к разряду трудолюбивых.

И одним из солдат Компании И, которые возвратились в Дерри в 1937 году, после службы в армии, был мой папа. Он рассказал мне эту историю:

"Однажды весной 1930 года — это случилось за 6 месяцев до пожара в Черном Местечке — я возвращался с четырьмя моими сослуживцами из трехдневного отпуска, который мы провели в Бостоне.

Когда мы проходили через ворота, там стоял на контрольно-пропускном пункте этот верзила, облокотившись на лопату. Какой-то сержант с юга. Морковно-рыжие волосы. Плохие зубы. Прыщавый. Ни дать, ни взять человекообразная обезьяна, ясно, что я имею в виду? Во время Депрессии таких полно было в армии.

Итак, мы пришли, четыре молодых парня, вернулись из отпуска, все еще чувствуя себя отлично, но по его глазам мы увидели: он ищет, чем бы нас прибить. Мы отдали ему честь, как если бы он был Черный Генерал Джек Першинг. Мне казалось, что все будет в порядке; был теплый, замечательный апрельский день, светило солнце, и надо же мне было заговорить: «Доброе утро, сержант», — сказал я, и он заставил меня приземлиться на живот. «Ты хочешь говорить со мной? У тебя есть какое-нибудь разрешение?» — спросил он. «Нет, сэр», — сказал я. Он повернулся к остальным — Тревору Доусону, Карлу Руну н Генри Вайтсану, который потом погиб в огне

пожара, и он сказал им: «Я нанял этого черного шикарного ниггера. Если остальные не хотят присоединиться к нему, пусть отправляются выполнять дьявольскую грязную работу, пусть идут в барак, пакуются и делают отсюда ноги. Вы меня поняли?»

Вот и хорошо, они уйдут. И Вильсон скомандовал: «Шагом марш отсюда, хреновые ублюдки!»

Итак, они убрались, а Вильсон повел меня к одному из инструментальных сараев и дал мне лопату. Потом повел меня к большому полю, которое находилось как раз там, где сейчас стоят аэробусы северо-восточных авиалиний. И он посмотрел на меня с кривой усмешкой, и он показал мне на землю и сказал: «Видишь эту яму, черномазый?»

Там не было никакой ямы, но я решил, что для меня будет лучше, если я буду соглашаться с ним во всем, что придет ему в голову. Поэтому я посмотрел на то место на земле, которое он мне показал и сказал, что пусть он не сомневается, разумеется, я вижу ее. Но он дал мне в нос и свалил меня на землю и кровь хлестала прямо на чистую рубашку.

«Ты не видишь ее, потому что какой-то чертов ублюдок ее закопал», — кричал он, и я увидел

два больших пятна на его щеках. Но при этом он ухмылялся, и выглядел вполне довольным. «Так, мистер Добрый День, вот, что ты будешь делать! Убирай-ка грязь из этой ямы. Марш!»

И я копал больше двух часов, пока не выкопал яму себе до подбородка. Последние несколько метров шла сплошная глина, и к концу я стоял по колена в воде, и башмаки были мокры насквозь.

«Вылезай, Хэнлон», — сказал мне сержант Вильсон. Он сидел рядом на траве, покуривая сигарету. Он даже не предложил мне помочь. Я был грязный и мокрый с ног до головы. Он встал и подошел ко мне. Он показал на яму. «Что ты там видишь, ниггер?» — спросил он. «Вашу яму, сержант Вильсон», — сказал я. «Не нужна мне никакая яма, вырытая негром, давай, забрасывай ее грязью, рядовой Хэнлон».

Я, конечно, закопал ее обратно, и когда я все сделал, солнце уже клонилось к закату и становилось холодно. Он подошел и смотрел на меня, пока я не заровнял всю эту землю на поверхности лопатой. «А что ты видишь здесь сейчас, ниггер?» — спросил он меня. «Кучу грязи, сэр», — сказал я, и он снова меня ударил. Боже мой, Микки, я был на грани того, чтобы размозжить ему голову этой лопатой. Но если бы я сделал это, никогда бы мне

не видать неба над головой, разве только через тюремную решетку. Но случалось, я подумывал, что напрасно не сделал этого. И все-таки я старался любой ценой сохранять мир.

"Это не куча грязи, ты, тупая грязная скотина! — орал он на меня, брызгая слюной. — Это *моя яма'.* Лучше выкопай ее сейчас же! Марш!"

И вот я опять копал эту яму, а потом опять закапывал ее, а потом он спросил, зачем я ее закопал, — он как раз хотел в нее сходить. И я опять копал ее, а он снял штаны и свесил свою грязную задницу над ней и смеялся надо мной, пока делал свои дела и спрашивал: «Ну, как ты, Хэнлон?»

«Все в порядке, сэр», — отвечал я ему, потому что решил: нет, не поддамся, пока я держусь на ногах, пока я еще в сознании, пока не упаду замертво. Меня не вывести из терпения!

"Хорошо, я понял, рядовой Хэнлон, тогда начинай ее закапывать.

Давай, давай, больше жизни, что-то ты стал очень медлительным".

И вот, когда я закапывал ее в очередной раз, прибежал через поле его друг и сказал, что приходила какая-то инспекция и они не могли найти Вильсона. Мои друзья прикрыли меня, поэтому со мной все было в порядке, но друзья Вильсона,

если их можно так назвать, даже не побеспокоились. Он позволил мне уйти, а я потом все смотрел, не появится ли его имя на доске Наказаний на следующий день, но этого не произошло. Я думаю, он сказал, что пропустил проверку, потому что учил уму разуму одного грязного ниггера, который выкопал и закопал все ямы на территории базы в Дерри.

Они, наверное, дали ему медаль за это, вместо того, чтобы заставить чистить картошку. Вот как шли дела во время Компании И в Дерри".

Отец рассказал мне эту историю в 1958 году, тогда, я думаю, ему стукнуло 50, а матери было только 41 год. И я спросил его, почему же он возвратился в Дерри после всех этих ужасов.

"Ну, мне было только 16 лет, когца я пошел в армию, я соврал им о своем возрасте, чтобы они меня взяли. Это даже была не моя идея, это мать мне сказала. Я был большого роста, потому-то вранье прошло, я думаю. Я родился и вырос в Бургао, Северная Каролина, и мы видели мясо только, когда продавали табак, а иногда зимой, когда отец подстреливал опоссума или енота. Самое хорошее, что я вспоминаю о Бургао, было жареное мясо опоссума с кукурузными лепешками, которыми обложено было мясо в большом

количестве.

Отец мой погиб в результате несчастного случая с какой-то сельхозмашиной. И мать сказала, что собирается взять Филли Лубрида в Коринт, так у нее были какие-то родственники, Филли Лубрид был приемным ребенком".

«Ты имеешь в виду моего дядю Фила?» — спросил я, улыбаясь при мысли, что кто-то мог называть его Филли. Он был юристом в Таксоне, штат Аризона, и уже шесть лет состоял в Городском Совете.

Когда я был маленьким, я думал, что дядя Фил очень богатый. Для черного человека в 1958 году, я думаю, он и был богатым. У него было 20 тысяч долларов в год.

"Да, это его я имею в виду, — сказал папа. — Но в те дни это был парень двенадцати лет, он носил соломенную матросскую шляпу и бегал босиком. Он был самый младший, я был постарше, все остальные уехали — двое умерли, двое женились, один Говард был в тюрьме. Он никогда не отличался послушанием. «А ты ступай в армию, — говорила мне твоя бабушка Ширли, — я не думаю, что они платить тебе сразу же станут, но когда начнут, ты сможешь каждый месяц что-нибудь высылать мне. Мне не хочется отсы-

лать тебя, сынок, но если ты не позаботишься обо мне и Филли, я не знаю, что с нами станет». Мать отдала мне свидетельство о рождении, и я видел, что она подправила дату рождения, так что получилось, что мне восемнадцать лет.

Вот я и пошел на призывной пункт, где производился набор и попросил, чтобы меня взяли. Вербовщик показал мне бумаги и где я должен расписаться. «Я умею писать, могу написать свое имя». Но он не поверил и стал смеяться надо мной. «Тогда давай пиши, черномазый», — сказал он. «Минуточку, — ответил я, — я хочу задать вам пару вопросов». «Валяй, я могу ответить на все твои вопросы». «А правда, что в армии два раза в неделю бывает мясо?» «Нет, у них не два раза в неделю мясо», — сказал он.

«Я так и думал», — сказал я, размышляя, что этот человек хоть и кажется обманщиком, все-таки оказался честным обманщиком. Потом он сказал: «У них мясо не два раза в неделю, а каждый день», — и это заставило меня усомниться в его честности. «Ты меня за дурачка держишь», — сказал я.

«Такой ты и есть, черномазый!» — сказал он.

"Ладно, а если я вступлю в армию, я смогу помогать маме и Филли?

Мама говорила, будет выплата".

«Вот, пожалуйста, это здесь, — сказал он, и протянул мне аттестационный лист. — Что еще у тебя на уме?»

«Отлично, а что слышно с учебой на офицера?»

Он откинул голову назад и так захохотал, что мне показалось — он захлебнется своей слюной. Потом он сказал: «Сынок, будет конец света, если в этой армии появится черномазый офицер. Все, подписывай, я уже устал от тебя».

Вот я и подписал и посмотрел, как он штампует аттестационный лист, а потом он дал мне текст присяги, а потом я стал солдатом. Я думал, они пошлют меня в Нью-Джерси, где армия строила мосты на случай войны. А вместо этого я попал в Дерри, Мэн и Компания И".

Он вздохнул и пригладил волосы, большой человек с белыми волосами, которые кольцами ложились на шею. В это время у нас была довольно большая ферма в Дерри и, наверное, самая лучшая стоянка на дороге к югу от Бангора. Все мы трое работали с утра до вечера, и отец еще нанимал кого-нибудь для помощи во время уборки урожая.

Он сказал: "Я вернулся обратно, потому что я видел Юг и видел Север, и одинаковая ненависть

к нам и там и тут. И не только, и не столько сержант Вильсон убедил меня в этом. Он был никем — так себе, белый бедняк из Джорджии, но везде носил свой Юг с собой. Ему не надо было говорить, как Масону-Диксону, что он ненавидит негров. Он просто *делал* это. Нет, только пожар в Черном Местечке убедил меня в этом". Он взглянул на мою мать, которая занималась шитьем. Она не подняла головы, но я знал, что она слушает внимательно, и отец знал это тоже.

«В любом случае этот пожар сделал меня человеком. Около 60 человек погибло от этого пожара, из них 18 из Компании И. Действительно, после пожара почти никого не осталось из Компании. Генри Витсон,... Сток Ансон.... Алан Снопе, Эверет Маккаслин... Нортон Сарторис.., все мои друзья, все погибли в огне. И этот пожар разожгли не сержант Вильсон с его чертовыми дружками. Он был разожжен деррийским отделением Легиона Белой Благопристойности Мэна. Некоторые ребята, сынок, с которыми ты ходишь в школу — это сыновья отцов. Которые зажгли спичку, что дотла сожгла Черное Местечко. Но я не хочу говорить о бедных детишках».

«Но зачем, папа, зачем они сделали это?»

«Ну потому, что они были частью Дерри», —

сказал отец, усмехаясь. Он медленно зажег свою трубку и загасил спичку.

"Я не знаю, почему это произошло именно здесь, я не могу объяснить тебе этого, но я знаю одно, я не удивлен.

Легион Белой Благопристойности был северной версией Ку-Клус-Клана, понимаешь. Они тоже ходили в белых простынях, с таким же крестом, они писали такие же послания ненависти черным. В церквях, где проповедники толковали о равенстве черных с белыми, они подумывали порой установить динамнтные шатки. Большинство книг по истории описывает действия ККК, а не Легиона Белой Благопристойности. Я думаю, это потому, что большинство книг по истории написаны северянами, и они этого стыдятся.

Этот Легион был особенно популярен в больших городах и промышленных центрах — в Нью-Йорке, Нью-Джерси, Детройте, Балтиморе, Бостоне, Портсмуте — везде были его отделения. Они пытались организовать отделение в Мэне и в Дерри имели самый большой успех. А чуть позже было организовано очень солидное отделение в Левинстоне — это почти совпало по времени с пожаром в Черном Местечке, — но в этом случае их не беспокоили черномазые, насилующие бе-

лых женщин, или *70,* что черные отберут работу у белых, потому что там не было ни одного черномазого, о котором можно было бы говорить. Левинстонские легионеры занялись бродягами, которых они прозвали «босоногая армия», и очень опасались, что они соединятся с коммунистическими подонками — это они имели в виду любых безработных. Легион Благопристойности высылал этих парней из города, как только они появлялись там. Да, Легион хорошенько поработал после пожара".

Он помолчал, попыхивая трубкой.

«Кроме Легиона, Микки, еще одно зерно нашло здесь благоприятную почву — обыкновенные клубы для богатых. А после пожара они все посбрасывали свои простыни и все было забыто». На этот раз в его голосе прозвучало такое презрение, что даже мама подняла голову и посмотрела на него с испугом. «В конце концов, кто был убит? 18 негритянских солдат, 14 или 15 городских негров, четыре негра из джаза.., и кучка любителей негров. Что с того?»

«Вилл, хватит», — сказала моя мама.

«Нет, я хочу послушать», — сказал я.

"Тебе уже пора в постель, Микки, — сказал он, растрепав мои волосы своей большой натружен-

ной рукой. — Мне хотелось бы рассказать тебе еще одну вещь, но боюсь, ты не поймешь, потому что я и сам не очень-то понимаю. То, что случилось в Черном Местечке, — очень плохо, .я даже не думаю, что это случилось из-за нас, черных. И даже не потому, что это было слишком близко от Западного Бродвея, где жили, да и сейчас еще живут богачи Дерри. Я не думаю, что Легион имел здесь такой успех, что они привлекли больше всего народу в Дерри, а не в Портленде, Левинстоне или Брунсвике, потому что здесь как-то особенно ненавидят черных. Все зависит от почвы. Так вот, мне кажется, что все плохое, болезненное прекрасно себя чувствует на нашей почве, здесь, в этом городе. Я все ломаю голову над этой проблемой вот уже многие годы. Я не знаю, почему это так, но это так... Но здесь есть и хорошие люди, и тогда здесь были хорошие люди. Когда прошли похороны, тысячи людей повернулись к нам, они все поняли и стали относиться к черным так же, как к белым. Все было закрыто почти неделю. В больницах ухаживали и лечили бесплатно. Приносили корзины с едой и письмами сочувствия, которые были вполне искренними. И везде находились люди, помогавшие пострадавшим.

Я встретил своего друга Дейви Конроя именно

в то время, а он, вы знаете, бел как ванильное мороженое, но я чувствовал в нем брата, я умер бы за него, если бы меня попросили, и, хотя человеку не дано читать в чужом сердце, думаю, что и он бы тоже умер за меня, если бы понадобилось.

Тем не менее армия освободила нас, оставшихся в живых после пожара, наверное, потому, что им стало стыдно... Я закончил службу в Форте Худ, и я пробыл там шесть лет. Там я встретил твою мать, и мы поженились в Галвестоне в доме ее родителей. Но на протяжении всех этих лет Дерри никогда не выходил у меня из головы И после войны я привез твою маму сюда. И здесь появился ты. И вот мы все здесь, почти в трех милях от Черного Местечка, где оно было в 1930 году. Ну вот, Человечек, время идти спать!"

«Хочу про пожар, хочу про пожар», — заныл я.

А он посмотрел на меня с грустью, что всегда так трогало меня, может быть, потому, что это случалось редко, в основном-то он всегда улыбался. «Это история не для маленьких. В другой раз, Микки. Когда мы оба проживем еще несколько лет».

И вышло так, что оба мы прожили еще четыре года, прежде чем я услышал историю о том, что случилось во время пожара. Дни моего отца были

сочтены. Он рассказал мне это в больнице, где он лежал, то приходя в себя, то опять теряя сознание, потому что рак разъедал его внутренности.

26 февраля 1985 г.

Я прочитал свои последние записи в тетради и сам себе удивился, разрыдавшись при воспоминании об отце, который уже 23 года как мертв. Помню, как я горевал после его смерти — это продолжалось два года. А потом, когда я закончил Высшую школу в 1965 году, моя мама посмотрела на меня и сказала: «Как бы гордился тобой твой папа!» Мы поплакали друг у друга на плече, и я подумал, что это конец, что мы наконец оплакали его до конца вот этими последними слезами. Но кто знает, как долго длится боль от потерь? Если 30, 40 лет спустя после смерти ребенка или брата, или сестры, вы в полусне вспоминаете умершего близкого человека с прежней болью, ощущаете прежнюю пустоту от его потери, то невольно возникает чувство, что эта пустота никогда не заполнится, даже после вашей смерти.

Он ушел из армии на пенсию по нетрудоспособности. К этому времени армия, в которой он служил, стала очень похожей на армию военного времени, только слепой, как он сказал мне

однажды, не видит, что скоро все оружие снова будет приведено в действие. Он дорос до звания сержанта и потерял часть левой ноги, когда какой-то новый, вербовщик, испуганный до дрожи, вытащил запал у ручной гранаты и уронил ее на землю, вместо того, чтобы бросить. Она подкатилась к ногам моего отца и взорвалась со звуком, напоминавшим кашель в ночи.

В артиллерии тогда многие становились калеками из-за неисправного оружия. Пули зачастую не стреляли, а гранаты взрывались в руках. У моряков были торпеды, которые никогда не попадали в цель, а если и попадали, то не взрывались. Военно-воздушные силы и Морские воздушные силы имели самолеты, у которых отлетали при приземлении крылья, а в 1939 году в Пенсаколе, как я прочитал, офицер-снабженец обнаружил, что целая колонна правительственных грузовиков не может двигаться, потому что тараканы съели все резиновые шланги и приводные ремни.

Итак, мой отец выжил (включая, конечно, ту его часть, которая стала вашим покорным слугой — Майклом Хэнлоном), благодаря комбинации бюрократических проволочек и неисправного оборудования. Граната взорвалась только напо-

ловину, и он потерял только часть ноги, а не все от головы до пят.

Благодаря деньгам, полученным за нетрудоспособность, мои родители смогли пожениться ровно на год раньше, чем они планировали. Они не сразу поехали в Дерри, а сначала направились в Хьюстон, где до 1945 года работали на военном производстве. Мой отец был мастером на фабрике, выпускающей оболочки для бомб. Мать моя была сестрой милосердия. Но, как он говорил мне в ту ночь, Дерри никогда не выходил у него из головы. И сейчас я думаю, а что было бы, если бы эта чертовская штука сработала тогда, кто вместо меня был бы в этом кружке в Барренсе в тот августовский вечер. Если бы колесо судьбы существовало на самом деле, хорошее всегда бы компенсировало плохое, впрочем, и хорошее может быть достаточно ужасным.

Мой отец имел предписание в Дерри Ньюс. Родители скопили приличную сумму денег. И отец просматривал все объявления о продаже земли. Наконец он прочел объявление о ферме, предназначенной на продажу. Предложение выглядело заманчиво.., по крайней мере, на бумаге. Они вдвоем приехали из Техаса на автобусе, осмотрели ферму и тут же ее купили. Первый

Торговый банк дал им ссуду на десять лет и они стали обустраиваться.

"Сначала у нас были проблемы, — говорил отец в другой раз. — Кое-кто не хотел жить по соседству с неграми. Мы знали, что такое возможно — я не забывал о Черном Местечке, и потому не удивлялись. Ребятишки, проходя мимо, бросали в дом камни и пустые банки из-под пива. Мне пришлось двадцать раз заменять стекла в окнах в тот первый год. Но не только дети занимались этим.

Однажды утром мы, проснувшись, обнаружили нарисованную на стене птичьего сарая свастику, а все цыплята сдохли. Кто-то отравил их пищу. Это были последние цыплята, которых я пытался вырастить.

Но окружной шериф — полицейских начальников в то время здесь не было, потому что Дерри был еще невелик, — так вот, шериф с рвением взялся за дело. Вот что я имел в виду, когда говорил, что здесь переплетено и хорошее, и плохое... Для того человека, Саливана, не имело значения, какого цвета моя кожа и вьющиеся ли у меня волосы. Он приходил раз шесть, разговаривал с людьми и наконец нашел виновного. И кто бы вы думали это был? Ну-ка, три попытки, первые две не считаются!" «Не знаю», — сказал я.

Отец смеялся до слез. Он вытащил большой белый платок и вытер глаза. «Это был Батч Бауэре, вот кто! Отец того парнишки, про которого говорят, что он самый хулиганистый в школе. Отец — негодяй, и сын — маленький задира».

«Дети в школе говорят, что отец Генри — сумасшедший», — сказал я. Бели не ошибаюсь, я в то время учился в 4-м классе — вполне достаточно, чтобы получить и не раз по голове банкой от Генри Бауэрса... Сейчас я думаю, что все обидные негритянские прозвища я впервые услышал из его уст, в первых четырех классах.

"Хорошо, я расскажу, если ты настаиваешь, — сказал он, — мысль о том, что Батч Бауэре сумасшедший не так уж далека от правды. Люди говорят, что это у него началось, когда он вернулся с войны, он был на Тихом океане морским пехотинцем. Все-таки шериф арестовал его, а Батч бесновался, что это безобразие, а все они только кучка любителей негров. О, это вам любой скажет. Я думаю, у него был подписной лист, начиная с нашей улицы и до Витчем-стрит. Сомневаюсь, была ли у него хоть пара не рваных на заду трусов, но он собирался подавать в суд на меня, на шерифа Саливана, на город Дерри, округ Пенобскот, и Бог его знает, на кого еще.

Что касается того, что случилось дальше.., не могу судить, правда это или нет, но как я слышал от Дэйви Конроя, шериф пошел проведать Батча в тюрьму в Бангоре. Шериф сказал: «Настало время заткнуться и послушать, что тебе говорят, Батч. Этот черный парень не хочет давить на судью. Он не хочет посылать тебя в Шоушенк, ему надо только заплатить за цыплят. Он подсчитал, что 200 долларов будет достаточно».

Батч сказал, что отправит эти доллары туда, где не всходит солнце. Тогда шериф сказал ему, что в Шенке есть разработки известняка, и говорят, что если проработать там два года, язык твой станет зеленым, как трава. «Сообрази! Два года разрабатывать известняк или 200 долларов. Как думаешь?»

«Ни один суд в Мэне, — сказал Батч, — не осудит меня за то, что я убил цыплят».

«Я знаю это», — сказал Саливан.

«Тогда о чем мы спорим?» — спросил его Батч.

«Проснись, Батч, они не посадят тебя за цыплят, но они посадят тебя за то, что ты нарисовал свастику на двери».

Рот у Батча широко открылся, а Саливан вышел, чтобы дать ему подумать. Через три дня Батч велел своему брату, который замерз через пару лет,

когда охотился после винных возлияний, продать его новый «Меркьюри», который Батч купил на деньги, полученные после демобилизации. Так я получил две сотни долларов, а Батч все ворчал, что он все у меня сожжет дотла. И он стал ходить туда-сюда, рассказывая об этом своим дружкам. Я как-то столкнулся с ним однажды днем. Он купил старый довоенный «Форд», взамен «Меркьюри», а я купил свою стоянку. Я загородил ему дорогу к отступлению и встал на его пути с винчестером в руках.

«Какой-нибудь пожар на моем пути, и ты будешь застрелен одним плохим черным человеком, старая кляча», — сказал я ему. «Ты не смеешь так разговаривать со мной, черномазый, — сказал он с яростью, но и с испугом. — Ты не имеешь права так разговаривать с белыми людьми, подонок ты этакий».

И я знал, что если сейчас не избавлюсь от него, он от меня никогда не отстанет. Вокруг никого. Я подошел к «Форду» и одной рукой схватил его за волосы, я поставил ружье так, чтобы оно упиралось мне в ремень, а правой рукой взял его за подбородок. Я сказал: «В следующий раз, когда назовешь меня черномазым или черножопым, я размажу твои мозги по машине. И поверь мне,

Батч: любое происшествие со мной или с моими близкими, и ты будешь стерт с лица земли, вместе с твоей женой и братом и братом брата. Я достаточно натерпелся».

И он стал *плакать*, -никогда в жизни я не видел более безобразного зрелища. «Что же это происходит, — сказал он, — ниг.., черно.., парень среди бела дня приставляет ружье к голове рабочего человека прямо на дороге».

«Да, мир должен был бы провалиться в тартарары, если такое могло бы случиться, — согласился я. — Но сейчас это не имеет никакого значения. Все, что имеет значение, заключается в вопросе, достигнем ли мы взаимопонимания здесь и сейчас, или ты хочешь, чтобы тебе небо показалось с овчинку?»

Он согласился на достижение взаимопонимания, и на этом беспокойства, причиняемые Батчем Бауэрсом закончились, за исключением, может быть, случая с твоей собачонкой мистер Чипс, когда она умерла, но у меня нет никаких доказательств, что это дело рук Бауэрса. Чиппи могла отравиться каким-нибудь ядом в пище или еще чем-нибудь.

С этого времени нас оставили в покое, и, когда я оглядываюсь назад, я мало о чем сожалею. У нас

здесь была неплохая жизнь, правда, случались ночи, когда я видел во сне этот пожар, но ведь нет человека, у которого все было бы гладко и который обходился бы без ночных кошмаров".

28 февраля 1985 г.

Бывали дни, когда я садился за стол, чтобы записать историю, которую рассказал мне отец, о пожаре в Черном Местечке, но я все еще никак не могу всерьез приступить к ней.

По-моему, это во «Властелине Колец» один из персонажей говорит, что «путь ведет к пути», это значит, что можно начать с тропинки, ведущей в еще более причудливый мир, чем тот, в котором ты начал делать свои первые шаги, а оттуда ты можешь пойти.., вообще неизвестно куда. То же самое с этими рассказами. Один перетекает в другой, в третий, четвертый, может быть, они идут в том направлении, которое ты выбираешь, а может быть, и нет. А может быть, большее значение имеет рассказчик, а вовсе не рассказ.

Голос, который я запомнил, голос моего отца — низкий, медленный, то, как он покашливал или смеялся. Паузы, во время которых он раскуривал свою трубку или прочищал нос, или шел взять баночку пива со льда. Этот голос для меня — голос всех голосов, голос всех лет, особый голос

этого места — отцовского голоса нет ни в интервью Ива, ни в одной из нехороших историй этого города, ни даже на моих собственных пленках.

Голос моего отца.

Сейчас десять часов, старые часы на улице начинают бить. Мелкие дождинки стучат в окно и в стеклянный переход, ведущий в Детскую библиотеку. Я слышу и другие звуки, треск и шорох вне круга света, в котором я сижу и пишу на желтых страницах моего блокнота. Звуки старого здания, оно оседает.., говорю я себе и удивляюсь. Хотелось бы знать, нет ли где-нибудь в эту непогоду клоуна, продающего воздушные шарики. Ну, ладно, не обращайте внимания. Кажется, я нашел наконец правильный подход к последнему рассказу моего отца.

Я услышал этот рассказ в больничной палате за шесть недель до его смерти. Мы с мамой ходили навещать его каждый день после школы, и каждый вечер я приходил к нему один. Мама оставалась дома, ей надо было делать всякие домашние дела, но она настояла на том, чтобы я ходил к нему. Я приезжал на велосипеде. Она разрешила мне кататься на велосипеде только через четыре года после всех этих убийств. Это были тяжелые шесть недель для мальчика, кото-

рому было только пятнадцать лет. Я любил отца, но я возненавидел эти вечера, вынужденный наблюдать, как он сморщивается и съеживается, как следы боли растекаются и углубляются на его лице. Иногда он кричал, хотя и старался сдерживаться. И, возвращаясь домой в темноте, я вспоминал лето 1958 года, и я боялся оглянуться, потому что там мог быть клоун.., или волк.., или мумия Бена.., или моя птичка. Но больше всего я боялся, что какой бы Оно ни приняло образ, оно будет иметь лицо моего отца, съедаемого раком. Поэтому я что было сил жал на педали, пока сердце не начинало выскакивать из груди. Я приезжал домой раскрасневшийся, мокрый от пота, тяжело дыша. И мама говорила: «Зачем ты ехал так быстро, Микки? Ты заболеешь». А я говорил: «Мне хотелось поскорее добраться до дому, чтобы помочь тебе», — и она давала мне подзатыльник и целовала меня и говорила, какой я хороший мальчик. Шло время, и я с трудом находил темы для разговоров с отцом. Подъезжая к городу, я ломал голову, о чем бы мне с ним сегодня поговорить, трепеща, что придет время, и мы с ним не сможем найти темы для разговора. Его умирание мучило меня и приводило в ярость, но также и смущало; мне казалось, да и сейчас кажется,

что когда мужчина или женщина умирают, то это должно происходить быстро. Рак не только убивал его, он унижал его и оскорблял.

Мы никогда не говорили о его болезни, и в один из этих промежутков молчания я подумал, что мы *должны* говорить об этом, что больше не о чем говорить, и мы будем застигнуты этим, как дети, схваченные без билетов на музыкальном концерте, когда пианино перестало играть, и я почти обезумел, стараясь придумать *что-нибудь*, любую глупость, но только чтобы отвлечь нас от того, что разрушало моего папу, который когда-то схватил Батча Бауэрса за волосы, наставил на него ружье и потребовал оставить нас в покое.

Мы были вынуждены говорить об этом, но если бы мы начали, я бы расплакался. Я не мог бы этому помешать. И в свои 15 летя думал, что эти слезы у постели умирающего отца оскорбили бы и измучили меня больше, чем что бы то ни было другое. И как раз во время одной из таких мучительных пауз я спросил отца о пожаре в Черном Местечке. В этот вечер они накололи его лекарствами, потому что боль была нестерпимой, и он то приходил в себя, то снова терял сознание, то говорил очень ясно, то нес какой-то сонный бред.

Иногда я знал, что он говорит со мной, иногда мне казалось, что он путает меня со своим братом Филлом. Я спросил его об этом пожаре без какой-либо причины, просто это взбрело мне в голову. Глаза его стали осмысленными и он слегка улыбнулся: «Ты еще не забыл, Микки?»

«Нет, сэр», — сказал я, хотя не думал об этом уже года два или три, и добавил то, что он иногда говорил: «Это никогда не выходит у меня из головы».

«Хорошо, сейчас я расскажу тебе все, — сказал он. — 15 лет, я полагаю, достаточный возраст, чтобы знать это, и твоей мамы нет здесь, чтобы помешать нам. Кроме того, ты должен знать это. Я думаю, что такое могло бы случиться только в Дерри, и тебе надо знать и об этом. Ты должен остерегаться. В этом городе благоприятные условия для такого рода вещей. Ты будешь осторожен, да? Мики?» «Да, сэр!» — сказал я.

«Хорошо», — сказал он и откинулся на подушку. Я подумал, что он снова потерял сознание, глаза были закрыты. Но он начал рассказывать.

"Когда я был здесь в армии, в 29-х или 30-х годах, — сказал он, — там на горе был клуб НСО, как раз там, где сейчас Общественный Колледж Дерри. Это было сразу за тем местом, где можно было купить «Дакки Страйк» за семь центов. НСО

клуб был просто старой металлической казармой, но внутри все было оборудовано по высшему классу — ковры на полу, кабинки вдоль стен, музыкальный автомат, по выходным там можно было выпить прохладительного.., только если ты белый, вот так. По воскресеньям там играл оркестр, словом, место, куда хотелось пойти. Там висело объявление, запрещающее продавать крепкие напитки, но мы слышали, что там можно достать выпить, если очень хочется и если у вас есть маленькая зеленая звездочка на армейской карточке. Это было как секретный знак для них. Продавалось там пиво домашнего изготовления, но по выходным можно было купить кое-что покрепче. Если ты — белый.

Конечно, парням из Компании И ни в коем случае нельзя было показываться в этом клубе. Поэтому мы ходили в город, если имели ночной пропуск. В те времена Дерри оставался лесозаготовительным местечком, и там было восемь или десять баров, которые располагались в нижней части города, она называлась Чертовы Пол Акра. В народе эти бары нарекли «слепыми свиньями», что соответствовало действительности, потому что большинство посетителей вели себя там, как свиньи, а выводили их оттуда почти слепыми.

Шериф и все полицейские знали об этом, однако бары эти работали ночи напролет, так же как и в дни лесозаготовок в 1890-х годах. Я думаю, там все было куплено, а может быть и нет, — в Дерри люди на все имеют свою точку зрения. В барах продавались крепкие напитки наравне с пивом, и насколько я слышал, напитки там были в десять раз лучше, чем дрянное виски и джин, которые вы могли получить в клубе для белых в пятницу и воскресенье вечером. Алкоголь в нижний город прибывал прямо через канадскую границу в грузовиках, и напитки соответствовали этикеткам на бутылках. Хорошие напитки были дорогими, но торговали там и всякой гадостью, которая могла шибануть по мозгам, но не убивала, и если после этого вы на самом деле слепли, то это продолжалось недолго. Но в любой из вечеров вы могли получить удар бутылкой по голове. Там были Нан-бар, и Парадиз, и Вэлли Спа, и был один бар — Пауде-хорн, где вы могли снять девицу. О, вы могли запросто снять проститутку в любой забегаловке, там их было полно, готовых на все ради куска хлеба, но для такого молодняка, как я, Тревор Доусон и Карл Рун, моих друзей, сама мысль купить проститутку — белую проститутку — тут было над чем посидеть и подумать".

Как я вам уже говорил, отец в эту ночь получил большую дозу обезболивающего. Я не думаю, что он стал бы говорить нечто подобное своему 15-летнему сыну, если бы не это.

"Да, это случилось как раз перед тем, как представитель Городского Совета захотел встретиться с майором Фуллером. Он сказал, что хочет поговорить о «некоторых проблемах, касающихся взаимоотношений между горожанами и солдатами» и о еврей «озабоченности об избирателях» и о «вопросах приличия». Но в действительности было ясно, как Божий день, чего ему надо от Фуллера. Они не хотели, чтобы армейские негры ходили в их забегаловки, беспокоили белых девиц и пили нелегальные напитки в барах, где это могли делать только белые люди.

Все это могло вызвать только смех. И беспокойство о цветении белой женственности и все, что касалось белых мужчин...! Я, надо сказать, никогда не видел ни одного представителя Городского Совета ни в «Серебряном Долларе», ни в Паудехорне. В этих пивнушках выпивали исключительно головорезы в красно-черных пиджаках, лесорубы с руками, покрытыми шрамами и царапинами, некоторые без глаза, некоторые без пальцев, почти все без зубов, все они пахли

деревом, опилками и живицей. На них были зеленые фланелевые портки, зеленые резиновые сапоги, и следы от них оставались белыми, пока не затаптывались до черноты. От этих мужиков густо пахло, они много ходили и много говорили. Их было много, они были огромными. Однажды вечером в «Вэлли Спа» я видел, как у одного парня лопнул по швам рукав рубахи, когда он делал армреслинг с другим парнем. Рубаха не распоролась по швам, а именно лопнула, понимаешь? Рукав превратился в тряпки. И все засмеялись и захлопали, а один стукнул меня по спине и сказал: «Вот, что мы называем армреслинг, ты, черномазый пердун».

Ты понимаешь, что я хочу сказать: если бы люди, которые, вылезая из лесов, посещали по пятницам и воскресеньям эти забегаловки, чтобы выпить виски и переспать с бабой, вместо того, чтобы подкупать кого-то, если бы эти мужики не хотели, чтобы мы ходили туда, они бы выставили нас оттуда пинком в задницу. Но дело в том, что им было все равно, Мики, они не обращали на это никакого внимания. Однажды вечером один из них — он был ростом футов шесть, а для того времени это было очень много, так вот, он толкнул меня в бок, он был мертвецки пьян и несло

от него, как от корзинки с гнилыми персиками месячной давности. И если бы он снял свою одежду, ее можно было бы поставить с ним рядом. Он посмотрел на меня и сказал: «Мистер, я хочу спросить тебя что-то. Ты есть Негро?»

«Ты прав», — сказал я.

«Как дела?» — сказал он на французском долины Святого Джона и улыбнулся мне так широко, что я увидел все его четыре зуба. — Я знаю, что ты негр. Хей! Я видеть одного в книге! И ты такой!" — Ему трудно было подбирать нужные слова, поэтому он подошел и шлепнул меня по губам.

«Большие Губы», — сказал я.

"Йя, Йя! — сказал он, смеясь, как дитя. — *Ба-а-альшие губи.*Пайду куплю тебе пива".

«Давай покупай!» — сказал я. Он засмеялся, стукнул меня по спине, чуть не попав в лицо, и двинулся к деревянной стойке, где стояли уже в очереди примерно 70 мужчин и 15 женщин.

"Мне нужно два пива, черт возьми! Или я разнесу тут все! — заорал он бармену, громиле со сломанным носом по имени Ромео Дюпри.

— Одно для меня, а одно *для человека с большими губами'."* -И все они чертовски весело смеялись, но не надо мной, Мики. Он принес мне пиво и спросил: «А как тебя зовут? Я не хочу звать

тебя Большие Губы, не звучит».

«Вильям Хэнлон» — сказал я.

«Ну, тогда за тебя, Уилиам Анлон», — сказал он.

"Нет, за *тебя,* -сказал я. — Ты первый белый, который угощает меня пивом". И это была правда.

Потом мы выпили и заказали еще, и он сказал: «А ты уверен, что ты негр? У тебя только большие губы, а так для меня ты совсем как белый только с коричневой кожей».

Мой папа начал смеяться над этим, я тоже. Он так сильно смеялся, что у него начал болеть живот, и он держался за него, скривившись, он закатил глаза, капельки пота стали стекать ему на губы.

«Может быть, послать за сестрой, пап? — спросил я. — Я могу позвонить».

«Нет.., нет.., сейчас все пройдет. Самое плохое, Мики, что даже нельзя посмеяться по-человечески, когда хочется. А теперь это редко».

Он помолчал немного, и я понял, что сейчас самое время поговорить о том, что убивает его. Может быть, будет лучше для нас обоих, если мы сделаем это. Он глотнул воды и продолжал.

"Как бы то ни было, но ни женщины, которые ходили по пивнушкам, ни лесорубы, для которых

это было привычным занятием, не собирались вышвыривать нас вон. Только пятеро стариков из Городского Совета были действительно оскорблены, да еще дюжина тех, кто стояли за ними — старейшины Дерри, ты понимаешь. Ни один из них никогда не переступал порог Парадиза или Вэлли Спа, они выпивали в загородном клубе на горе, но им хотелось убедиться, что ни один из тех бродяг и ни одна девица не пачкаются об этих черномазых из Компании И.

Вот, что сказал майор Фуллер: «Во-первых, я всегда был против, чтобы они там показывались. Я думаю, это ошибка и их отошлют куда-нибудь на юг или в Нью-Джерси».

«Это не мои проблемы», — сказал этот чертов старикашка Мюллер, мне кажется, его звали.

"Отец Сэлли Мюллер?

— спросил я, пораженный. — Сэлли Мюллер учится со мной в одном классе в средней школе".

Отец криво усмехнулся: «Нет, это, наверное, был ее дядя. В т(время отец Сэлли был где-то в колледже. Но если бы он был в Дерри я думаю, он был бы там — плечом к плечу со своим братом. А если ты сомневаешься, что все было так, как я рассказываю, то знай, что этот разговор пересказал мне Тревор Даусон, который мыл полы в

офицерском клубе в тот день и слышал все это».

«Мне все равно, куда правительство посылает этих черномазых, — сказал Мюллер майору Фуллеру. — Мне интересно, куда вы разрешаете им ходить по пятницам и воскресеньям. Если дни ходят выпивать в нижний город, тогда будут проблемы. В нашем городе есть Легион, вы знаете».

«Хорошо, но есть вещи, которые меня связывают. Я не могу им разрешить ходить выпивать в загородный клуб НСО. Не только из-за правил, запрещающих неграм пить с белыми. Но это еще и офицерский клуб, понимаете!? А они все рядовые»

«Это тоже не моя проблема. Я просто надеюсь, что вы примете меры. Ответственность соответствует рангу». И он ушел.

Да, Фуллер решил проблему. Армейская база Дерри была чертовски обширна, хотя на ней и не было ничего. Всего около сотни акров. На севере она кончалась позади Западного Бродвея, где было посажено что-то наподобие зеленого пояса. А там, где сейчас находится Мемориальный парк было Черное Местечко. В начале 30-х годов, когда все это случилось, там был просто старый сарай для реквизита. Но майор Фуллер осмотрел все вокруг и сказал, что там будет «наш клуб».

Действовал он так, будто был Папаша Вобук или что-то в этом духе, а может быть, он даже ощущал себя Папашей, предоставляя кучке черных рядовых свое собственное место, пусть оно было всего-навсего старым сараем. Потом он добавил как бы между прочим, что бары в нижнем городе для нас запрещены. Это было очень жестоко, но что мы могли поделать? У нас не было никаких прав. А молодой парнишка по имени Дик Халлоранн, который был поваром, сказал, что можно все устроить наилучшим образом, если очень постараться. Так мы и сделали, правда, очень постарались. Первый раз, увидев это местечко, мы были подавлены. Грязь, вонь, полно старых инструментов и коробок с бумагами. В сарае было только два малюсеньких окошечка и не было электричества. Пол был грязный. Карл Рун горько засмеялся и сказал: "Старина Майор — настоящий принц, дал нам свое собственное местечко. Свой собственный клуб! Во! И Джордж Брэннок, который тоже погиб в будущем пожаре, сказал: «Хей! Это чертов черный уголок, нормально. И название потрясающее».

Халлоранн был инициатором... Халлоранн, Карл и я. Надеюсь, Господь простит нас, — Он-то знает, что мы не имели ни малейшего представ-

ления, как это все обернется.

Спустя некоторое время к нам присоединились все остальные парни. Мы скребли, мыли, чистили, работали молотками, прибивали гвозди. Трев Даусон оказался неплохим плотником, и он показал, как прорубить еще несколько окон в стенах, и Алан Снопе, черт возьми, принес разноцветные стекла — что-то вроде витражей в церковных окнах.

«Где ты это достал?» — спросил я его. Алан был самым старшим из нас, ему было около 42, достаточно старый, некоторые звали его Поп Снопе.

Он вставил мне в зубы «Кэмел» и подмигнул: «Полночная реквизиция», — сказал он, и больше ничего. Все шло хорошо. И к середине лета мы уже ходили туда. Трев Даусон и еще несколько парней переоборудовали часть строения под кухню, небольшую, чтобы поместились гриль и пара плит, так что вы при желании могли получить гамбургер и французскую булочку. С одной стороны был бар, но там не предполагалось ничего, кроме содовой или напитка типа «Девы Марии» — мы знали свое место. Разве нас не проучили уже однажды? Поэтому если вам хочется напиться, то это можно было сделать в темноте.

Полы были по-прежнему грязными, но мы их

мазали маслом. Трев и Поп Снопе провели электричество — еще одна «Полночная реквизиция», как я понимаю. К июлю вы уже могли пойти туда, взять кока-калы и гамбургер, или сосиску с капустным салатом. Там было симпатично. Так до конца мы и не закончили наш клуб, мы еще работали над ним, когда пожар сжег все дотла. Мне понравилось это занятие, а может быть то, что мы утерли нос этим — Фуллеру и Мюллеру и Городскому Совету. Мы сознавали, что все это наше, когда Ив Мак-Каслин и я водрузили вывеску:

"Черное Местечко.

Компания И гости".

Оно выглядело очень славно, и следующее действо было таким, белые ребята из НСО клуба начали своего рода соревнование. Они добавили комнату отдыха и кафетерий. Но мы не хотели выиграть это соревнование".

Мой отец улыбнулся мне со своей больничной койки. «Мы были молоды, за исключением Снопси, но мы были не совсем дураки. Мы понимали, что белые парни начали соревнование против самих себя, но если бы не дай Бог, мы начали выигрывать, ну тогда кто-нибудь переломал бы нам ноги, чтобы мы не бежали так быстро. У нас было все, что мы хотели, и ничего больше не нужно

было. Но потом.., что-то случилось». Нахмурившись, он замолчал. «Что случилось, пап?»

«Мы обнаружили, что в наших силах организовать оркестр, маленький джаз, — сказал он медленно. — Мартин Деверю — капрал — играл на ударных. Эйс Стивенсон был кларнетистом. Поп Снопе вполне прилично играл на пианино. Еще один парень играл на корнете, а Джордж Брэнлок — на саксофоне. Все остальные время от времени подыгрывали кто на чем — кто на гитаре, кто на гармонике, и даже на расческе, обернутой в вощеную бумагу. Все это, конечно, случилось не сразу, но к концу августа по пятницам и воскресеньям в клубе играл небольшой неистовый Диксиленд комбо. У них получалось все лучше и лучше, нет, они не были великими музыкантами, просто у них получалось как-то теплее... или как-то по-другому...» Он выпростал свою исхудавшую руку из-под одеяла.

«Они играли неистово», — предложил я, улыбаясь.

"Верно! Ты верно ухватил! — воскликнул он, улыбаясь мне в ответ. — А дальше больше: люди из города стали приходить к нам, в наш клуб. Даже некоторые солдаты — белые солдаты с нашей базы. Каждый выходной зал бывал пере-

полнен. Но это случилось не сразу. Сначала белые выглядели, как соль в стакане с перцем, но со временем их стало приходить все больше и больше. Когда появились эти белые, мы и забыли, что надо быть осторожней. Они приносили с собой спиртное в коричневых сумках, обычно хорошее спиртное, которое продавалось в барах в нижнем городе, а бутылки были из-под содовой. Выпивка загородного клуба, вот что я имею в виду, Мики. Выпивка богатых. Чивас, Глентфидич. Что-то вроде шампанского, которое подают на пароходах пассажирам первого класса. «Чемперс», — так некоторые из них называли его, так мы называем дома уродливых мулов.

Нужно было найти выход из положения и прекратить это. Но мы не знали, как это сделать. Они были из *города.* И они были *белыми.* А я уже говорил, мы были молодые и гордились тем, что сделали. И не в состоянии были предугадать, что могло здесь произойти. Мы понимали, что Мюллер и его друзья должно быть знают, что тут происходит, но мы никак не предполагали, что все это сводит их с ума, да, я не ошибся, — они просто обезумели. Они жили-поживали в своих шикарных домах по Западному Бродвею, всего в четверти мили от места, где мы сидели и слушали

музыку типа «Блюзы тетушки Хагар» и «Копая картошку». Это было плохо. Они знали, что их белые молодые люди общаются с черномазыми. А что могло быть хуже? Ведь эти белые были не бродяги, которые уедут, как только сентябрь начнет плавно переходить в октябрь. Надвигалось событие типа того, что произошло в Городе. Молодежь приходила к нам выпить и потанцевать под джазовую музыку, пока один из них не пришел и не закрыл нас. Но они пришли не из Дерри. Они приехали из Бангора, Ньюпорта и Хэвена и Кливс Миле и Старого города. Здесь можно было увидеть разрезающих каперсы прилизанных мальчиков из Мэнского университета в Ороно, с их суровыми девушками, а когда оркестр наш освоил импровизацию рэггайма «Мэйн Стейн Сонг», они чуть не снесли крышу. Конечно, клуб принадлежал армейским, и тем, у кого не было приглашения, приходить не рекомендовалось. Но фактически, Мики, мы открывались в семь и до полуночи дверь не закрывалась вообще. А к середине октября народу набивалось уже столько, что в любое время, попав на танцплощадку, вы стояли там спина к спине еще с шестью танцующими. Места для танцев практически не было, вы могли только стоять и покачиваться.., но мне

не встретилось ни одного человека, который возразил бы или возмутился. К полуночи все в зале рокотало, как в пустом заведенном автомобиле на большой скорости".

Он остановился, сделал еще один глоток воды, а потом продолжил. Глаза его блестели.

"Да, да. Фуллер рано или поздно должен *был* положить этому конец. Сделай он это пораньше, многие бы спаслись. И всего-то требовалось — послать за полицией, чтобы она конфисковала спиртное, которое люди приносили с собой. Этого было бы достаточно, чтобы он достиг чего хотел. Нас бы прикрыли легко и надолго. Кого-то отдали бы под суд и посадили в тюрьму, а остальных просто перевели куда-нибудь. Но Фуллер медлил. Я думаю, он боялся того же, чего и мы. Он боялся, что горожане возмутятся. Мюллер больше не приходил к нему, а Фуллер, думаю, опасался сам идти в нижний город навестить Мюллера. Он много говорил, но ничего не предпринимал, был медлителен, как медуза.

То, что не сделал Фуллер, доделали за него ребята из Легиона Благопристойности. Они пришли в своих белых простынях в начале ноября и приготовили из нас жаркое".

Он снова замолчал, на этот раз он не стал пить

воду, только смотрел в дальний угол комнаты, а в это время в коридоре звонил звонок, и сестричка прошла мимо открытой двери, цокая каблучками по линолеуму. Где-то работал телевизор, где-то играло радио. Я помню, что дул сильный ветер, хотя дело было в августе, но ветер казался холодным. Он ничего не знал о сериале, идущем по телевизору, и о песне «Прогуливаешься, как мужчина» в исполнении группы «Четыре Времени Года» по радио.

"Некоторые из них прошли через зеленый пояс, отделяющий базу от Западного Бродвея, — продолжил он наконец. — Должно быть, они встретились у кого-то дома, а может быть и на базе, чтобы надеть свои белые простыни и сделать факелы, которыми обычно пользовались. Я слышал, что они прошли прямо на базу по Риджелайнской дороге, главной дороге на базу с той стороны. Я слышал — не помню от кого, — что они приехали в совершенно новом «Паккарде», в своих простынях и нахлобученных на голову капюшонах; факелы лежали на полу автомобиля. Факелы эти производились в Лоусвилле: большие куски холстины наматывались на толстую палку, с тонкой резиновой красной прокладкой.

Была суббота, и наша компания прыгала и ска-

кала во всю. Там было сотни две танцующих, а может быть и три. И вот приезжают эти шестеро или восемь белых в своем зеленом бутылочного цвета «Паккарде», а еще большее их количество шагает между деревьями от базы. Они не были молоды, не все были молоды" и иногда я думал, сколько случаев ангины и язвенного кровотечения было на следующий день. Надеюсь, что достаточно много. Грязные, подлые, трусливые ублюдки.

«Паккард» припарковался на горе и дважды мигнул огнями. Человека четыре вышли из него и присоединились к остальным. У некоторых были канистры с бензином, их в те дни можно было купить на автостоянке. У всех были факелы. Один остался стоять у «Паккарда». Ты знаешь, у Мюллера был «Паккард». Да, да. Зеленый. Они собрались вместе позади Черного Местечка и обмочили свои факелы в бензине. Может быть, они хотели только попугать нас. Я слышал и другое, но слышал и такое. Я предпочел бы думать, что они хотели просто напугать нас, уж очень не хочется верить в худшее. Возможно, когда они обмакивали свои факелы, бензин попал им на руки, вспыхнул, и они побросали факелы куда придется, только бы избавиться от них. Как бы

то ни было, черная ноябрьская ночь посветлела от огня факелов. Некоторые держали их над головами и размахивали из стороны в сторону или крутили их над головой, а горящая пакля падала им на головы. Многие смеялись. Другие подошли к окнам кухни и бросили факелы туда. Все загорелось моментально, вспыхнуло, как порох, — за полторы минуты все было кончено. Несколько человек в островерхих белых капюшонах стояли снаружи, они кричали: «Выходите, черномазые, выходите! Выбегайте-ка!» Возможно, кто-то из них кричал, чтобы напугать нас, но мне хотелось бы верить, что большинство старались предупредить нас об опасности, точно так же мне хотелось бы верить, что факелы попали на кухню чисто случайно. Никто внутри помещения не знал о случившемся, пока Джерри Мак-Крю, который помогал повару этим вечером, не открыл дверь на кухню, — и почти сразу же вспыхнул. Языки пламени поднимались футов на десять, и его новый пиджак занялся мгновенно, тут же загорелись волосы.

Я сидел ближе к восточной стороне с Тревом Даусоном и Диком Халлоранном, когда это все случилось. Сначала я подумал, что взорвалась газовая плита. Я едва успел вскочить, когда люди,

рванувшие к дверям, сбили меня с ног. Человек двадцать сразу же пробежали по моей спине. Наверное, впервые в жизни я испугался. Я слышал, как люди стонали и вопили — скорее выбираться отсюда, пожар. Но едва я пытался подняться, как кто-нибудь тут же подминал меня. Кто-то огромным башмаком наступил мне на голову, так что звезды посыпались из глаз. Мой нос был придавлен к натертому полу, я вдохнул запах грязи, закашлял, зачихал. И тут же почувствовал, как женский каблучок, высокий и острый вонзился мне в зад, он почти проткнул меня в том месте, ты понимаешь, и если бы не мои крепкие хаки, я, наверное в ту же ночь истек кровью.

Сейчас это звучит смешно, но я чуть не сдох к чертям собачьим в этом столпотворении. Меня топтали, колотили, ходили по мне, пихали и двигали во все места, так что я на следующий день не мог ходить вообще. Я закричал, но никто не обратил на это внимания, никто, из топтавших меня.

Спас меня Трев. Я увидел перед собой его большую коричневую руку и ухватился за нее, как тонущий хватается за соломинку... Я схватил его руку, и он вытащил меня. В это время кто-то наступил мне на шею, вот сюда".

Он потер то место, где челюсть переходит в ухо,

и я кивнул.

"Мне стало так больно, что на минуту я потерял сознание. Но ни за что я не отпустил бы руку Трева, а он не отпустил бы мою. Наконец я встал на ноги, как раз возле стены, отделяющей зал от кухни, и в это время она рухнула со звуком «флумп», который производит лужа бензина, если ее поджечь. Я видел, как во все стороны посыпались искры, и видел, как бросились прочь от стены люди, как только она начала падать. Кто-то успел, кто-то нет. Один из наших парней, по-моему Харт Сарториус, был погребен под ней, и на одну секунду я увидел, как сжимается и разжимается его рука в искрах и огне из-под упавшей стены. Там была белая девчонка, лет двадцати, не больше, у нее загорелся подол платья. Она была с парнем из колледжа, и я услышал, как она умоляла его не бросать ее в огне. Он пару раз попытался вытащить ее, но потом убежал с остальными. Она стояла и рыдала, а платье занималось все больше и больше. На месте кухни был настоящий ад. Огонь был таким ярким, что на него невозможно было смотреть. Жар становился нестерпимым, Мики, я чувствовал, что кожа у меня сворачивается и трескается от жары, а волосинки в носу начинают обугливаться.

«Надо вырваться отсюда! — прохрипел Трев и начал тащить меня вдоль стены. — Давай, давай!» Но тут Дик Халлоранн схватил нас потащил в другую сторону. Ему было не больше девятнадцати, и глаза у него были, как большие бильярдные шары, но голова варила лучше, чем у нас. Он нас спас. «Не сюда, — закричал он, — не сюда!» И он показал назад, к оркестру, туда, где уже был пожар.

«Ты что, сдурел?» — прокричал в ответ Тревор. У него всегда был громкий голос, но в шуме пожара его едва было слышно. — Сдыхай, если желаешь, но мы с Вилли собираемся выбраться отсюда". Он не отпускал мою руку и опять принялся тащить меня к двери, хотя там было столько людей, что ее и не видно было. Нам надо было пробраться туда, я был в таком шоке, что не соображал, где верх, а где низ. Единственное, что я знал, это что мне не хочется поджариться, как индюшке. И тут Дик схватил Трева за волосы и потянул с такой силой, что Трев повернулся к нему. Дик ударил его по лицу, я видел, как голова Трева откинулась, и подумал, что, видимо. Дик сошел с ума. Затем он проорал в лицо Треву: «Они там все позадавят друг друга у этой двери, куда ты лезешь? Ниггер!» «Откуда ты знаешь?» — заорал Трев, а потом

раздался громкий «Банг», — так дрова трещат в огне, но это был звук взорвавшегося басового барабана. Огонь побежал по балкам кверху, и начал заниматься покрытый мастикой пол.

«Я знаю, знаю», — орал Дик. Он тоже схватил меня за руку, и они оба стали тянуть меня в разные стороны, как в игре «перетягивание канатов». Но тут Трев хорошенько посмотрел на дверь и пошел за Диком. А Дик подволок нас к окну и схватил стул, чтобы выбить стекла, но тут стул начал гореть. Дик подсадил Трева, подталкивая его сзади. «Поднимайся, — кричал он, — поднимайся, черт побери!» И Трев полез по подоконнику. Потом он подтолкнул меня, и я стал карабкаться, схватившись за раму. На следующий день все мои ладони были в царапинах и занозах. Деревянные рамы уже дымились. Я стал спрыгивать, и если бы Трев не подхватил меня, я сломал бы себе шею. Мы посмотрели назад, откуда только что вылезли, и это было нечто! Кошмар из самых страшных. Оконный проем был желтым и пылал огнем. Языки пламени вырывались изо всех щелей, вплоть до крыши — все полыхало в огне. Внутри визжали, плакали, стенали люди. Я видел две коричневые руки, они махали нам, это были руки Дика. Трев Даусон подтолкнул меня

вперед, я бросился к окну и схватил Дика. Когда я принял его вес на себя, прислонившись животом к зданию, я почувствовал такой жар, словно прислонился к раскаленной плите. Появилось лицо Дика, и на какое-то мгновенье я засомневался, сможем ли мы вытащить его. Он хорошенько надышался дымом и был на грани обморока. Его потрескавшиеся губы были широко открыты. Спина дымилась.

А потом меня чуть не вырвало, потому что я почувствовал запах сгорающих внутри людей. Я слышал — люди рассказывали, — будто паленое человеческое мясо похоже по запаху на жаркое из свиных ребрышек, но мне так не показалось. Это больше похоже на то, когда кастрируют лошадей, все их хозяйство сжигают на большом костре, и, когда костер разгорается, эти «шары» взрываются, как орехи, — вот на что это похоже. Я ощутил этот запах и знаю, что долго вынести его не смогу. Я сделал еще одну попытку сдержать рвоту и вытащил Дика. Он потерял один башмак. Я споткнулся о руки Трева и покатился вниз, Дик в это время был у меня на спине, и должен сказать, что голова этого негра была очень тяжелой. Я задохнулся и лежал в грязи несколько секунд, крутясь и держась за живот.

Наконец я смог встать на колени, а потом и на ноги. И я видел этих змей, убегающих через зеленый пояс. Сначала я подумал, что это привидения, но потом увидел ботинки. В это время вокруг Черного Местечка было светло как днем. Я увидел ботинки и понял, что это люди в белых простынях. Один из них упал и немного отстал от остальных и я увидел!"

Он остановился, облизывая губы.

«Что ты увидел, пап?» — спросил я.

«Не обращай внимания, — сказал он. — Дай мне воды, Мики».

Я дал. И он выпил ее всю, а потом начал кашлять.

Нянечка, проходящая мимо, заглянула и спросила: «Не нужно ли вам что-либо, мистер Хэнлон?»

«Свежую порцию анализов, — сказал папа. — У тебя есть, Рода?»

Она нервно, озабоченно усмехнулась и пошла дальше.

Отец передал мне стакан и я поставил его на стол.

«Дольше рассказывать, чем вспоминать, — сказал он. — Ты нальешь мне воды перед тем, как уйти?»

«Конечно, пап».

«Эта история, наверное, будет сниться тебе в кошмарных снах, Мики?» Я открыл было рот, чтобы солгать, но подумал, что лучше не надо. А сейчас я думаю, что если бы я солгал, он бы не стал рассказывать дальше, но может быть, я ошибаюсь.

«Думаю, что да», — сказал я.

«Ну, это не так уж страшно. В кошмарах случаются вещи и похуже. Они для того и существуют, я полагаю».

Он вытащил руку из-под одеяла, я взял ее, и мы держались за руки, пока он заканчивал свой рассказ.

"Я оглянулся как раз вовремя, Трев и Дик бежали, огибая здание, и я бросился за ними, стараясь вдохнуть немного воздуха. Вокруг было человек сорок или пятьдесят. Кто кричал, кто стонал, кто вопил, а кто — все это одновременно. Другие лежали бездыханные на траве. Дверь была закрыта, и мы слышали, как люди внутри молили выпустить их ради Христа, потому что они уже начали гореть. Это была единственная дверь, за исключением той, которая вела на кухню. Чтобы войти, надо было толкнуть дверь от себя, а чтобы выйти, надо было потянуть на себя. Те, кто выбра-

лись, бросались на дверь и старались толкнуть ее. Но дверь не поддавалась. Оставшиеся внутри навалились на нее, давя друг друга. Не было никакой возможности открыть дверь, потому что она держалась весом тех, кто находился внутри. А огонь свирепел.

Трев Даусон помог спастись многим, если бы не он, то вместо восьмидесяти погибших, были бы сотни, но за это он получил вместо медали два года тюрьмы. Понимаешь, как раз в это время подъехал большой грузовик, и кто бы вы думали сидел за рулем? Мой старый друг сержант Вильсон, тот парень, который был владельцем всех ям на территории базы.

Он вылез и стал отдавать приказы, бессмысленные, конечно, люди их даже не слышали. Трев схватил меня за руку) и мы побежали к нему. К тому времени я потерял все следы Дика Халлоранна и не видел его доследующего дня.

«Сержант, я хочу воспользоваться вашим грузовиком!» — крикнул Трев ему в лицо.

«Убирайся с дороги, черномазый», — сказал Вильсон и толкнул его. А потом стал выкрикивать все свои дрянные оскорбления. Но никто не обращал на него никакого внимания, и продолжалось это недолго, потому что Тревор Даусон

выскочил как пробка из бутылки и двинул его хорошенько. У Трева был очень тяжелый удар, и любой другой человек, конечно же, не встал бы, но у этого подлеца была крепкая голова. Он встал, кровь текла у него по подбородку, изо рта и из носа, и он сказал: «Я тебя убью за это!»

Ну, Трев стукнул его еще разок, но уже в живот, а когда он согнулся вдвое, я сложил руки и обоими кулаками стукнул его сзади по шее так сильно, как только мог. Такие удары делают только трусы, но чрезвычайное время требует чрезвычайных поступков. И я бы соврал, Мики, если бы сказал, что этот удар не доставил мне удовольствия. Этот сукин сын упал как подкошенный. А Трев побежал к грузовику, завел его и въехал немного левее двери прямо в здание Черного Местечка. Он врезался на полном ходу, и остановился. "Отойдите! — кричал он в толпу людей, стоящих вокруг. — *Отойдите от грузовика!"* -Они запрыгали, как белки, и что странно, Трев ни на кого не наехал. Он ударял по этой части здания опять и опять, может быть, уже тридцатый раз. Он разбил себе нос о руль, и кровь лилась из носа, когда он встряхивал головой. Он отъезжал ярдов на 50, разгонялся и снова — «Вам!» Черное Местечко было не более, чем консервная банка

из рифленого железа, поэтому последний удар сделал свое дело. Вся эта часть кочегарки рухнула, рычащее пламя вырвалось из здания. Каким образом *кто-то* еще оставался там живым, я не знаю, но оставались. Люди гораздо более живучи, чем мы думаем, Мики. А если не веришь, посмотри на меня. Место это было, как смердящая топка, это был ад из пламени и дыма, но люди посыпались оттуда стремительным потоком. Их было так много, что Трев даже не осмеливался подать грузовик назад, чтобы не задавить кого-либо. Он вылез и побежал ко мне, оставив грузовик. Мы стояли и смотрели на конец всего этого. Это продолжалось минут пять, как говорили, но нам казалось, что длилось вечность. Последние люди, выбегающие оттуда, были все в огне. Их хватали и начинали катать по земле, чтобы сбить огонь. Заглядывая внутрь, мы видели других людей, старающихся выбраться, но мы знали, что это бесполезно.

Трев взял меня за руку, и я взял его за руку, мы пожали друг ДРУГУ руки из последних сил. И стояли, держась за руки, вот как мы с тобой сейчас, Мики, и наблюдали за всеми этими людьми. Они выглядели настоящими привидениями, те, которых мы видели той ночью, мерцающие кон-

туры мужчин и женщин, выбирающихся через пролом, сделанный Тревором. Некоторые простирали к нам руки, как бы умоляя о спасении, другие просто шли, одежда их вся искрилась. Лица горели, они проходили мимо, и мы больше не видели их никогда.

Последней была женщина. Одежда на ней уже сгорела, и вся она горела, как свеча. Казалось, она смотрит прямо на меня, я видел ее горящие веки. Она упала, и все было кончено. Все местечко было покрыто сплошной шапкой огня. К тому времени, когда приехали пожарные машины с базы, а потом еще две из города, все уже выгорело само по себе. Вот какой был пожар в Черном Местечке, Мики".

Он выпил всю воду из стакана и отдал мне стакан, чтобы я налил и фонтанчика в холле. «Я, наверное, обмочу всю постель сегодня ночью, так я думаю, Мики».

Я поцеловал его в щеку, а потом пошел в холл набрать воды.

Когда вернулся, он уже лежал с закрытыми глазами. Я поставил стакан на ночной столик, и он невнятно пробормотал спасибо. Я посмотрел на часы на его столе и увидел, что уже почти восемь.

Время идти домой.

Я наклонился, чтобы поцеловать его на прощанье.., а вместо этого услышал самого себя, шепчущего: «Что ты видел?» Он с трудом повернул голову ко мне. Наверное, он не знал, мой ли голос он слышит, дои голос своих дум. «Да...»

«Что ты видел?» — прошептал я. Мне не хотелось слышать этого, но я *должен был* услышать. Мне было и жарко, и холодно, уши горели, а руки были ледяными. Но мне необходимо было услышать. Так, я думаю, жене Лота нужно было повернуться и увидеть разрушение Содома. «Это была птица, — сказал он. — Как раз над годовой последнего из бегущих людей. Может быть, ястреб. Еще ее зовут пустельга. Но она была очень большая. Никогда никому не рассказывай. Держи рот на замке. Она была футов шесть от крыла до крыла. Но я.., я видел ее глаза.., и я думаю.., она видела.., меня...» Его голова скользнула набок в сторону окна, откуда надвигалась темнота. «Она опустилась и схватила этого последнего человека как раз за простыню, так она сделала.., и я услышал звук крыльев этой птицы... Как будто треск огня.., и она парила.., а я подумал, Птицы не могут так парить.., а эта может.., потому что.., потому что...» Он замолчал. «Почему, пап? — прошептал

я. — Почему она могла так парить?»

«Она не парила», — сказал он.

Я молча сидел, думая, что он уж точно уснул. Никогда мне еще не было так страшно, как сейчас.., потому что четыре года назад я уже видел эту птицу. Каким-то невообразимым образом. Я уже почти забыл тот кошмар. Отец вернул мне его.

«Она не парила, — сказал он. — Она плыла, плыла по небу. Плыла, потому что под каждым крылом у нее были привязаны воздушные шарики». И отец уснул.

1 марта 1985 г.

И снова это пришло. Я знаю. Буду ждать, но в душе — знаю. Не уверен, что смогу это вынести. Ребенком я мог с этим справляться, но у детей в чем-то главном все по-другому. Я написал все это прошлой ночью в каком-то безумии — не то, чтобы я не мог пойти домой, нет. Дерри покрылся толстым слоем льда, и хотя солнце появилось сегодня утром все оставалось неподвижным. Я писал часов до трех, все быстрее и быстрее, чтобы избавиться от всего этого. Я забыл, что видел птицу, гигантскую птицу, когда мне было одиннадцать. Рассказ моего отца вернул меня обратно..,

и теперь я никогда не забуду ее. И ничего из того, что он рассказал мне. Я думаю, это был своего рода его последний подарок мне. Жуткий подарок, скажете вы, но по-своему замечательный. Я уснул, как сидел, за столом, голова на руках, тетрадь и ручка передо мной.

Утром я проснулся с ноющей спиной и больной головой, но чувствуя себя освобожденным, выбросив из себя этот старый рассказ. А потом я увидел, что у меня был компаньон этот ночью, пока я спал. Следы, леденящие душу, вели от передней двери библиотеки (которые я всегда закрывал; я всегда закрываю их) к столу, за которым я спал.

Но следов, ведущих обратно, не было.

Что бы это ни было, оно подошло ко мне ночью, оставило свой талисман.., а потом просто испарилось. Привязанный к моей настольной лампе висел шарик. Он был наполнен гелием и потому плавал в утренних лучах солнца, которые падали в одно из высоких окон. На нем была картинка с изображением моего лица, глаз не было, кровь лилась из окровавленных впадин, стон, искривляющий рот — вот что было на тонкой резиновой коже шарика. Я посмотрел на это и закричал. Крик эхом отозвался в библиотеке, вернулся обратно, вибрируя на спиральной же-

лезной лестнице, ведущей к стеллажам. Шарик взорвался со звуком «банг».

ЧАСТЬ III. ВЗРОСЛЫЕ

Падение, свершенное в отчаянии;
Падение, от непонимания;
Разбудит новые надежды и мечты,
Которые – всего лишь возвращение
Бессмысленности, горя, пустоты.
За тем, что мы не можем совершить,
За тем, что мы не смеем полюбить,
За тем, что потеряли в ожиданье,
Придет лишь новое паденье и страданье.
(Теперь уж без начала и конца).
Уильям Карлос Уильямс
«Патерсон»

Кто заставит их вернуться домой?
Кто заставит их тосковать по дому?
Все Божьи дети устают от скитаний,
Не заставит ли это их вернуться домой?
Не заставит ли это их вернуться домой?
Джо Саус

Глава 10. ВОЗВРАЩЕНИЕ

1

Билл Денбро берет такси

Телефон звонил, вырывая его из сна, но потом он снова засыпал. Он спал слишком крепко — без снов. Не открывая глаз, он схватил трубку, проснувшись лишь наполовину. Его пальцы скользнули по телефонному диску, он смутно предполагал, что это звонит из Дерри Майк Хэнлон, настаивая, чтобы он вспомнил свою клятву и вернулся. Билл с трудом разлепил один глаз и потянулся за трубкой. Она упала на стол, и он схватил ее, открывая другой глаз. В голове у него было совершенно пусто, белая снежная пустыня. Наконец он смог установить телефон. Он поставил руку на локоть *л* поднес трубку к уху.

— Алло?

— Билл? — это был голос Майка. Да это был он. Странно, что еще на прошлой неделе он даже не вспоминал Майка, а сейчас ему было достаточно услышать одно слово, и он узнал его. Довольно забавно, но как-то зловеще забавно...

— Майк!

— Разбудил?

— Да, ничего. Все приехали?

— Все, за исключением Стэна Уриса, — сказал Майк. В его голосе было нечто такое, чего Билл не мог понять.

— Бев приехала последней, вчера, поздно вечером.

— Почему ты говоришь, последней, Стэн, возможно, заявится сегодня.

— Билл, Стэн умер.

— Что? Как? Что-то с самолетом?

— Ничего подобного, — сказал Майк. — Если ты не против, давай подождем с объяснениями, пока не соберемся все вместе. Будет лучше, если я всем скажу одновременно.

— Это как-то связано?..

— Думаю, да, — Майк тяжело задышал. — Уверен, что так. Билл опять почувствовал необъяснимую тяжесть в сердце. Было ли это что-то, что постоянно носишь в своем сердце, не сознавая и не думая об этом? А может, это было предвкушение того неизбежного, что называется собственной смертью? Он достал сигарету, закурил ее и погасил спичку.

— Ты видел кого-нибудь из наших?

— Нет еще, только разговаривал по телефону.

— Ладно, — сказал Билл. — Где мы встречаемся?

— Ты помнишь, где находился старый чугунный завод?

— Да, на Пасчср-роуд.

— Ты отстал от жизни, сейчас это Молл-роуд. Там находится третий по величине универмаг в нашем штате. 48 различных торговцев под одной крышей для вашего удобства.

— Звучит очень пппо-американски.

— Билл.., с тобой все в порядке?

— Да, — сказал он, но сердце стало биться в два раза быстрее обычного, сигарета догорела до фильтра и жгла ему пальцы. Он стал заикаться. Майк услышал это. Они замолчали, а потом Майк сказал:

— Тут же, за прогулочной площадкой магазина, есть ресторан под названием «Восточный Нефрит». У них есть отдельные кабинеты для вечеринок. Вчера я заказал один на целый день, если мы захотим.

— Ты думаешь, это займет так много времени?

— Не знаю.

— Таксист будет знать, как добраться туда?

— Я уверен.

— Отлично, — сказал Билл, записывая название

ресторана на блокноте рядом с телефоном. — Почему ты решил там?

— Потому что он новый, я думаю, — сказал Майк медленно. — Он напоминает... Я не знаю...

— Нейтральная почва? — предположил Билл.

— Да, полагаю, что так.

— Хорошая кухня?

— Я не знаю, — сказал Майк. — Как у тебя аппетит? Билл выдохнул дым, полусмеясь, полукашляя.

— Не очень, старина.

— Да, — сказал Майк, — я чувствую.

— До встречи в полдень?

— После часа, я думаю. Нужно дать Беверли поспать. Билл затянулся сигаретой.

— Она замужем? Майк снова заколебался.

— Поговорим обо всем вместе.

— Как на том вечере встречи выпускников средней школы через десять лет, да? Пришли посмотреть, кто стал толстым, кто лысым, у кого дети? Ддда?

— Хорошо бы, если так, — сказал Майк.

— Да, хорошо бы, Мики, мне тоже этого хотелось бы.

Он повесил трубку, принял душ, постояв под ним довольно долго; и заказал завтрак, до кото-

рого едва дотронулся. Аппетита у него не было вовсе.

Билл набрал номер телефона Главного диспетчерского пункта Компании такси и попросил заехать за ним без четверти час, рассчитывая, что 15 минут вполне достаточно, чтобы добраться до Пасчер-роуд (он обнаружил, даже увидя эту прогулочную площадку, что не может думать о ней, как о Молл-роуд), но не учел при этом, что время будет обеденное — час пик., и что Дерри сильно разросся.

В 1958 году это был уже немалый городишко — около 30 тысяч жителей в черте города и тысяч около семи в пригородах.

Сейчас городок превратился в сити — небольшой сити по стандартам Лондона или Нью-Йорка, но порядочный по стандартам штата Мэн, где самым большим городом был Портленд, который мог похвастать своими 300 тысячами населения.

Такси медленно ехало по Мейн-стрит, *(сейчас мы проезжаем мимо Канала,* -подумал Билл, — *его не видно, но он течет там, в темноте).* Затем они повернули к центру. Он предвидел, что здесь многое изменилось, но мысли об этом сопровождались глубокой тревогой, которой он не ожидал. Он помнил свое детство здесь, как страшное,

нервозное время.., не только из-за лета 58-го года, когда они семеро встретились лицом к лицу с этим ужасом, но и из-за смерти Джорджа, из-за той страшной глубокой депрессии, в какую впали его родители, из-за постоянных насмешек над его заиканием. Бауэре, Хаггинс и Крисе постоянно подкалывали его после драки в Барренсе.

(*Бауэре, и Хаггинс, и Крисе, о. Боже! Бауэре, и Хаггинс, и Крисе)* И еще он думал о том, что Дерри был холоден, что здесь было трудно, Дерри не было никакого дела до того, живы они или нет, даже если бы они победили Клоуна Пеннивайза. Люди Дерри жили с этим Пеннивайзом во всех его обличьях, свыклись с ним, и пусть это было похоже на безумие, они научились даже понимать его, нуждаться в нем. *Любить* его? Может быть, даже и так.

Тогда почему же эта тревога?

Быть может, потому, что изменения в городе вызвали у него уныние. Или потому, что Дерри показался ему не таким значительным, как раньше, он как бы потерял свое лицо для него.

Театр «Бижу»исчез, вместо него была стоянка. Магазин Обуви и Кафе Бэллей Ланч, по соседству с театром, тоже исчезли. На этом месте построили филиал Северного Национального

Банка со световым табло наверху, показывающим время и температуру по шкале Фаренгейта и Цельсия. Центральной аптеки, прибежища мистера Кина, там, где Билл когда-то покупал противоастматическое лекарство для Эдди, тоже не существовало. Аллея Ричардса стала каким-то странным гибридом под названием «минимол». Когда такси остановилось у светофора, Билл увидел магазин пластинок, продуктовый магазин и магазин игрушек, в котором продавалось «ВСЕ ДЛЯ ПОДЗЕМЕЛЬЯ И ДРАКОНОВ».

Такси с трудом продвигалось вперед.

— Сейчас приедем, — сказал шофер. — Хоть бы эти чертовы банки поменяли свой обеденный перерыв. Извините, если я оскорбил ваши религиозные чувства.

— Все в порядке, — сказал Билл.

Удручающая цепь банков и автомобильных стоянок проносилась мимо них, когда они ехали вверх по Центральной улице. Миновав холм и проехав Первый Национальный, они стали набирать скорость.

— Нет, не все изменилось, — заметил Билл. — «Аладдин» все еще здесь.

— Едва ли останется. Эти молокососы хотят и его снести.

— Тоже для банка? — спросил Билл, какая-то часть его изумилась, а другая часть была в ужасе от этой идеи. Он не мог представить, что кто-то в здравом уме захотел бы снести этот шикарный купол со сверкающими стеклянными канделябрами, со спирально поднимающимися справа и слева лестницами на балкон, с гигантским занавесом, ниспадающим волшебными волнами, когда представление заканчивалось. *Нет, только не «Аладдин»,* -прокричала та его часть, которая была в шоке от всего этого. — *Как они могли только подумать снести «Аладдин», ради какого-то банка?!*

— Да, для банка, — сказал шофер. — Этот драный Первый Торговый Окружной из Пенобскота положил на него глаз. Хотят снести «Аладдин», а вместо него поставить целый комплекс, как они это называют «комплексный банковский городок». Получили уже все бумаги из Городского совета, и «Аладдин» приговорен. Потом группа людей из старожилов организовала комитет, они написали петицию, маршировали и загнали их в лужу, потому что собрался публичный Городской совет и Хэнлон дал этим молокососам прикурить, он их вышвырнул. — В голосе шофера послышалось удовлетворение.

— Хэнлон? — изумился Билл. — *Майк* Хэнлон?

— Да, — сказал шофер, — Библиотекарь, черный парень. Ты его знаешь?

— Да, — сказал Билл, вспоминая, как он встретил Майка тогда, в июле 1958 года. Конечно, опять были Бауэре, Хаггинс и Крисе...

— Мы вместе играли, когда были ребятишками. Пока я не уехал.

— И хорошо сделали, — сказал таксист. — Этот хреновый сволочной городишко, извините мой...

— ..французский, если вы религиозный человек, — закончил вместо него Билл.

— Вот, вот, — повторил таксист спокойно, и они молча ехали некоторое время, а потом таксист сказал:

— Он сильно изменился, этот Дерри, но все-таки кое-что осталось. Городская гостиница, откуда я вас забрал. Скульптура в Мемориальном Парке. Помните это местечко, мистер? Когда мы были маленькими, мы думали, что там есть призраки.

— Да, я помню, — сказал Билл.

— А вот больница, узнаете?

Они проезжали роддом Дерри по правую руку. Позади него протекал Пенобскот, до того Места, где он встречался с Кендускеагом. Под дождливым весенним небом река отливала свинцом.

Больница, которую вспомнил Билл, — белое деревянное трехэтажное здание с двумя корпусами по обе стороны — все еще стояла там, но сейчас она была окружена целым комплексом зданий, всего их было около двенадцати.

— А Канал, он все еще здесь? — пробормотал Билл, когда они сворачивали с Центральной улицы на Пасчер-роуд, которая, как Майк и говорил, сейчас называлась Молл-роуд, там была зеленая табличка с этим названием. — Канал все еще здесь?

— Да, — сказал шофер. — Я думаю, он всегда был здесь. Сейчас Молл-роуд была по правую руку от Билла, и, проезжая мимо, он опять ощутил это двойственное чувство. Когда они были маленькими, это место представляло собой длинное поле, заросшее травой с гигантскими раскачивающимися подсолнухами, которые обрамляли северо-восточный край Барренса. К западу чуть вдали от этого поля находился Старый Мыс — там тянулись дома бедняков. Он помнил, как они разрабатывали это поле, стараясь не попасть в погреба чугунолитейного завода Кичнера, который был взорван на Пасху в 1906 году. Это поле было полно реликвий, и они выкапывали их со священным интересом археологов, исследовав-

ших египетские пирамиды: кирпичи, черепки, куски железа с ржавыми болтами, осколками стаканов и бутылок с остатками чего-то такого, что невозможно передать словами, которые издавали запах, сбивающий с ног. Что-то ужасное случилось неподалеку от этого места, около свалки, но он не мог сейчас вспомнить, что именно. Он только помнил имя Патрик Хамболд, что-то связанное с холодильниками. И что-то связанное с птицей, которая преследовала Майка Хэнлона. Что же?..

Он тряхнул головой. Какие-то фрагменты. Какие-то намеки. И все.

Поле тоже исчезло, так же, как и остатки чугунного завода. Билл помнил огромную трубу этого завода. Покрытая черепицей, черная от сажи на последних десяти футах, она лежала в высокой траве, как гигантская курительная трубка. Они забирались на нее и ходили туда-сюда, как канатоходцы, смеясь.

Он опять тряхнул головой, как бы пытаясь избавиться от миража, от этого мола с уродливой коллекцией зданий с надписями и рекламами. Дороги вились от автостоянок в разные стороны. Но мол не исчезал, потому что это был не мираж. Чугунный завод Кичнера исчез, как исчезло и

поле, образовавшееся на руинах этого завода. Мол был реальностью, а не воспоминанием. Но почему-то он не верил этому.

— Вот мы и приехали, мистер, — сказал шофер. Он подъехал к стоянке около здания, которое выглядело, как пагода. — Мы немного опоздали, но лучше поздно, чем никогда.

— Вы правы, — сказал Билл. Он дал шоферу пять долларов. — Сдачи не надо.

— Отлично, елки-палки! — воскликнул таксист. — Если вам опять понадобится такси, звоните в нашу контору и спросите Дэйва. Просто назовите мое имя, — Я просто попрошу религиозного парня, — сказал Билл, улыбаясь.

— Всего хорошего, приятель! — сказал Дэйв, смеясь.

— И тебе того же, Дэйв.

Он постоял под легким дождичком, пока такси не скрылось из виду. Он вспомнил, что хотел спросить шофера еще об одном и забыл — возможно нарочно. Он хотел спросить Дэйва, *нравится ли* ему жить в Дерри. Билл Денбро резко повернулся и зашагал к ресторану. Майк Хэнлон был в холле, он сидел в плетеном кресле с широкой спинкой. Он встал, и Билл почувствовал какую-то нереальность происходящего, это прошло *через* него.

Чувство раздвоенности вернулось, но сейчас оно было гораздо резче и неприятнее. Он помнил небольшого роста мальчишку, аккуратного и проворного. А перед ним стоял высокий человек, похожий на скелет, обтянутый кожей. Одежда висела на нем. Морщины на лице были так глубоки, что, казалось, ему уже далеко за сорок, а не тридцать восемь, как было в действительности.

Эти чувства были написаны на его лице, потому что Майк сказал спокойно:

— Я знаю, как я выгляжу. Билл зарделся и сказал:

— Дело не в том, что ты плохо выглядишь, просто я запомнил тебя мальчишкой, вот и все.

— Правда?

— Ты выглядишь немного устало.

— Я и впрямь немного устал, — сказал Майк. Он улыбнулся, и улыбка осветила его лицо. И тогда Билл увидел того мальчишку, которого он знал 27 лет тому назад. Точно так, как старая деревянная больница была залита стеклом и бетоном, так же и мальчишка, которого знал Билл, был облечен в неизбежные аксессуары взрослости. Морщины на лбу, в углах рта, седые волосы на висках. Но, как и старая больница, которая все еще находилась здесь, так и Майк был перед ним — вот он,

тот мальчик, которого знал Билл. Майк поднял голову и сказал:

— Добро пожаловать в Дерри, Большой Билл!

Билл не посмотрел на протянутую для пожатия руку, он обнял Майка. Майк в ответ крепко сжал его, и Билл почувствовал его волосы, жесткие и курчавые, на своем плече и увидел часть шеи.

— Что бы ни случилось, Майк, мы всегда вместе, — сказал Билл. Он услышал в своем хриплом голосе подступающие слезы, но не стал обращать на это внимания. — Мы уже победили однажды, и снова пппобедим.

Майк отстранился от него на расстояние вытянутой руки, и, хотя он тоже улыбался, в глазах были слезы. Он вытащил платок и вытер глаза.

— Будь уверен, Билл, — сказал он.

— Джентльмены, не желаете ли пройти со мной? — спросила хозяйка. Это была улыбающаяся восточная женщина в изящном кимоно розового цвета, разрисованном драконами с огромными хвостами. Темные волосы ее были плотно собраны на затылке, гладко зачесаны и поддерживались красивым гребнем из слоновой кости.

— Я знаю дорогу. Роза, — сказал Майк.

— Очень хорошо, мистер Хэнлон. — Она улыб-

нулась и тому и другому.

— Я полагаю, вы хотите уединиться?

— Да, спасибо, — сказал Майк. — Сюда, Билл. Он провел его по затемненному коридору, мимо большого зала к двери, на которой висел занавес, сделанный из бусинок.

— А остальные? — начал Билл.

— Все уже здесь, — сказал Майк, — все, кто смог прийти.

Билл затоптался у двери, неожиданно испуганный. Вовсе не потому, что его пугала неизвестность или сверхъестественность происходящего, а просто потому, что он знал: он вырос на 15 дюймов с 1958 года и потерял почти все волосы. Ему было непросто увидеть их всех, детские лица совсем испарились из его памяти, были похоронены под происшедшими изменениями, так же как и больница, похороненная под новыми зданиями.

Мы все выросли, -подумал он. — Мы *не думали тогда, что это может произойти с нами, только не тогда и только не с нами. Но это случилось, и если я войду, это будет реально: мы все уже взрослые.*

Он взглянул на Майка, неожиданно смущенный и оробевший.

— Как они выглядят? — услышал он свой нерешительный голос. — Майк.., как они выглядят?

— Входи, посмотришь, — добродушно сказал Майк и пропустил Билла в небольшой кабинет.

2

Билл Денбро входит и видит…

Возможно, это затемненность комнаты создала иллюзию, которая длилась миг, но Билл позже подумал, что это было сделано специально для него: судьба сжалилась над ним.

В этот краткий миг ему показалось, что никто из них не вырос и все его друзья остались просто детьми.

Ричи Тозиер откинулся на спинку кресла, так что почти касался стены, он что-то говорил Беверли Марш, которая прикрывала рот ладошкой, чтобы скрыть хохоток; Ричи глупо ухмылялся такой знакомой усмешкой. А вот и Эдди Каспбрак, слева от Беверли, перед ним на столе у стакана с водой — пластиковая бутылка с трубочкой в виде пистолета. Вроде бы что-то из области искусства, но назначение прежнее — аспиратор. По другую сторону стола, глядя на эту троицу со смешанным выражением удивления и внимания, сидел Бен Хэнском.

Билл поднял руку к голове, как бы пригладить волосы, которые должны были появиться словно по волшебству, — свои прекрасные рыжие волосы, которые он начал терять, когда учился в колледже.

Это рассеяло иллюзию. У Ричи теперь не было очков. *Наверное, контактные линзы, он всегда ненавидел свои очки,* -подумал Билл. Короткие штанишки и детскую рубашку сменил костюм явно от хорошего портного.

Беверли Марш (если, конечно, ее фамилия все еще Марш) стала ошеломляюще красивой женщиной. Вместо привычного хвостика ее волосы, почти такого же цвета, как когда-то его собственные, ниспадали волнами на ослепительно белую блузку. В полусвете блузка служила красивой оправой для ее почти янтарных волос. *При дневном свете,* -думал Билл, — *они должны гореть огнем.* И он представил себе, что можно почувствовать, если запустить пальцы в эти волосы и перебирать их. *Старая, как мир история,* -подумал он, — я *люблю свою жену, но Боже мой...*

Эдди — удивительно, но правда, — вырос и стал немного похож на Энтони Перкинса. Преждевременные морщины на его лице (хотя в движениях он выглядел моложе и Ричи и Бена) делали его

старше, что усиливалось очками; такие очки, верно, можно было увидеть на лице какого-нибудь английского адвоката, когда он подходит к скамье подсудимых. Волосы его были коротко подстрижены по моде конца 50-х — начала 60-х годов. На нем была куртка в широкую! клетку, казалось, вытащенная откуда-то с распродажи подержанных вещей, как у временно безработного.., но часы на запястье были Патек Филипп, а на мизинце правой руки было кольцо с рубином. Большой камень выглядел вульгарно, тем не менее он был настоящим.

Один Бен очень изменился. И глядя на него, Билл снова почувствовал нереальность происходящего. Лицо у него было прежнее, волосы, хотя и поседели, были причесаны в обычной его манере — на правую сторону. Но Бен сильно похудел. Он свободно сидел в своем кресле, из-под простой рубашки виднелось голубое нижнее белье. Он был в джинсах «Левис», ковбойских ботинках, ремень на джинсах был с пробитыми серебряными бляшками. Эта одежда свободно болталась на теле, стройном и узкобедром. На руке у него был браслет с тяжелой цепочкой, но не золотой, а медной. *Он похудел,* -подумал Билл. — *Он тень самого себя, если можно так выразиться... Старина*

Бен похудел, никогда не перестану удивляться.

Все шестеро замолчали, это длилось недолго, но такого странного молчания Билл не переживал никогда в жизни. Стэна не было с ними, но кто-то седьмой присутствовал. Здесь, в этом отдельном кабинете ресторана, Билл настолько полно почувствовал его присутствие, что его можно было назвать по имени, — но это не был старик с косой за плечами. Это было какое-то белое пятно на карте, которая лежала между 1958-м и 1985 годами, область, которую исследователь мог назвать Великое Не Знаю. Билл удивился, насколько это было точно. Кто был этот седьмой?

Впрочем, какая разница? Седьмой был там. И в этот момент они все почувствовали это.., и, возможно, лучше поняли жуткую силу, которая собрала их вместе. *Оно живо,* -у Билла похолодело внутри. — *Глаз тритона, хвост дракона. Рука Славы.., кто бы это ни был, Оно здесь. Оно существует. Оно в Дерри опять. Оно.*

И он неожиданно почувствовал, что это Оно было седьмым; что Оно и время взаимозаменяемы, но Оно имело все их лица, так же как и лица еще тысячи людей, которых Оно когда-либо пожирало или убивало.., и та мысль, что *Оно* могло бы быть *ими,* была самой страшной мыслью из всех.

Кто из нас останется здесь? -подумал он со страхом. *Сколько из нас никогда больше не выйдут из канализации и коллекторов, где скрывается Оно.., и где Оно питается? Почему мы забыли? Потому ли, что какая-то наша часть никогда не взрослела и никогда не покидала Дерри? Неужели поэтому?*

Он не увидел ответа на их лицах.., только собственные отраженные вопросы.

Мысли формировались и пролетали за секунды и миллисекунды, они создавали собственную временную оболочку, и все они прошли через мозг Билли Денбро не больше чем за пять секунд.

Затем Ричи Тозиер, облокачиваясь на стену, ухмыльнулся и сказал:

— Посмотрите на него! Голова, как бильярдный шар. Давно ты натираешь свою голову воском, Большой Билл?

И Билл, совершенно не представляя, что сейчас скажет, открыл рот:

— Черт побери тебя и твою лошадь, Словесный Понос! На миг все затихли — а потом комната взорвалась от хохота. Билл бросился к ним, стал пожимать руки, и, хотя в его чувствах присутствовал ужас, было в этом и что-то успокаивающее: он приехал домой, и приехал, чтобы все кончи-

лось хорошо.

3

Бен Хэнском худеет

Майк Хэнлон заказал напитки, и, как бы вознаграждая себя за предыдущее молчание, все заговорили в одно и то же время. Беверли Марш, как выяснилось, была сейчас Беверли Роган. Она сказала, что вышла замуж в Чикаго за великолепного человека, который перевернул всю ее жизнь и каким-то волшебным способом сумел преобразовать ее талант к шитью в успешный бизнес. Эдди Каспбрак был владельцем автомобильной компании в Нью-Йорке.

— Что я знаю наверняка, так это то, что моя жена сейчас в постели с Эль Пачино, — сказал он кротко улыбаясь, и вся комната зашлась от смеха.

Они все знали, чего добились Бен и Билл, но Билл смутно чувствовал, что у них нет ассоциации между ними прежними и Нынешними — тем, что Бен — архитектор, а он — писатель, — потому что знали их с детства. Однако у Беверли в сумочке оказались экземпляры «Джоанны» и «Черных Стремнин», и она попросила подписать их. Билл подписал, отметив про себя, что обе кни-

ги наверняка были куплены в киоске аэропорта, когда она выходила из самолета.

Подобным же образом Ричи сказал Бену, как ему понравилось здание Центра Связи в Лондоне.., но по глазам его было видно: он не мог связать автора этого здания с тем честолюбивым толстяком, который показывал им, как добраться до середины Барренса с помощью украденной доски или ржавой автомобильной дверцы.

Ричи был диск-жокеем в Калифорнии. Он сказал, что все его зовут Человек с тысячью голосов, а Билл усмехнулся:

— Боже, Ричи, твои голоса всегда были такие ужасные.

— Лесть не доведет тебя до добра, старина, — ответил Ричи величественно. Когда Беверли спросила, не носит ли он контактные линзы, Ричи сказал низким голосом:

— Подойди поближе, Бэби. Посмотри мне в глаза. — Что Беверли и сделала. Оказалось, он носит мягкие контактные линзы Гидромист.

— А как библиотека, все такая же? — спросил Бен Майка Хэнлона. Майк вытащил свой бумажник и достал снимок библиотеки с птичьего полета. Он сделал это с гордостью человека, показывающего снимки своих детей, своей семьи.

— Снимал парень на легком самолете, — сказал он, пока снимок переходил из рук в руки. — Я хотел уговорить Городской Совет или какого-нибудь частника финансировать размножение этого снимка для Детской Библиотеки, но увы! Никакой помощи. Но снимок хорош, не правда ли?

Все согласились. Бен смотрел на него дольше всех. Наконец он указал на стеклянный коридор, соединяющий два здания:

— Ты еще где-нибудь видел подобное, Майк? Майк улыбнулся.

— Это твой Центр Связи, — сказал он, и все шестеро рассмеялись. Принесли напитки. Все уселись. И вновь наступило тягостное молчание. Они смотрели друг на друга.

— Ну, — спросила Беверли красивым, с хрипотцой, голосом:

— За что пьем?

— За нас, — неожиданно сказал Ричи. На этот раз он не улыбался. Он посмотрел Биллу прямо в глаза, и Билл вспомнил себя и Ричи стоящими в середине Нейболт-стрит после того происшествия с клоуном или оборотнем, когда тот исчез, а они продолжали стоять, держась друг за друга и плача. Когда он поднял стакан, руки его дрожали

так, что несколько капель пролил на скатерть. Ричи медленно встал, и один за другом встали все: сначала Билл, потом Бен, Эдди, Беверли и наконец Майк Хэнлон.

— — За нас! — сказал Ричи, голос его тоже слегка дрожал.

— За Клуб Неудачников 1958 года.

— За Неудачников! — сказала Беверли весело.

— За Неудачников! — сказал Эдди. Лицо его было бледным и старым за дымчатыми очками.

— За Неудачников! — согласился Бен. Слабая улыбка блуждала в кончиках его губ.

— За Неудачников, — мягко сказал Майк.

— За Неудачников, — Билл был последним.

Они чокнулись. Выпили.

Снова повисло молчание. На этот раз Ричи не нарушил его. Но в этом случае молчание казалось необходимым. Они сели, и Билл сказал:

— Давай, Майк, рассказывай, зачем ты нас позвал, что случилось? И что мы можем сделать?

— Сначала поедим, — сказал Майк. — Поговорим после. Они приступили к еде.., и ели хорошо и долго. *Как в старой шутке об осужденном,* -подумал Билл. Но его аппетит был лучше, чем когда-либо за все эти годы. Пища была не то, чтобы сногсшибательная, но очень хорошая, и всего

было много. Все шестеро пробовали и то и се: ребрышки, крылышки цыпленка, тушенные в соусе, фаршированные яйца, каштаны, завернутые в бекон, говяжью вырезку.

Роза сама принесла им десерт — огромную гору запеченных «Алясок», которые она поставила в центре стола, недалеко от Майка.

— Это, наверное, самый лучший обед в моей жизни, — сказал Ричи голосом человека, который умер и попал на небеса.

— Ну, конечно, — сказала Роза удовлетворенно.

— А если я сейчас лопну, вы исполните мое желание? — спросил он ее.

— В «Нефрите Востока» все желания исполняются, сэр, — сказала она.

— Благодарю вас, — сказал Ричи, улыбаясь. — Но я и впрямь переел.

Все же они съели и почти всю запеченную «Аляску». Когда Билл остановился — ремень начал жать, он обратил внимание на стаканы. Ему показалось, что их сотни на столе. Он усмехнулся, вспомнив, что выпил еще два мартини перед едой, а за едой Бог знает сколько бутылок пива. С другими было нечто подобное. Но он не чувствовал себя пьяным.

— Я с детства не ел так, как сегодня, — сказал Бен. Все посмотрели на него. Он немного покраснел. — Это я образно выразился, но по крайней мере я не ел такого количества пищи со школьных времен.

— Ты придерживаешься диеты? — спросил Эдди.

— Да, — сказал Бен. — Свободная диета Бена Хэнскома.

— В чем же она заключается? — спросил Ричи.

— Вам, наверное, неинтересно слушать эту старую историю... — смущенно сказал Бен.

— Не знаю, как остальным, — сказал Билл, — но мне интересно. Давай, Бен, рассказывай. Что превратило Гаргантюа в журнальную модель, которую мы сегодня видим перед собой?

Ричи фыркнул:

— Да, тебя звали Стог, я и забыл.

— Это и не рассказ вовсе, — сказал Бен. — После того лета 1958 года мы прожили в Дерри еще два года. Потом мама потеряла работу, и мы переехали в Небраску, потому что там жила ее сестра, которая предложила взять нас к себе, пока мама снова не встанет на ноги.

Мама искала постоянную работу в течение года. Но к тому времени, когда мы перебрались

в Омаху, я уже весил на 90 фунтов больше, чем тогда, когда вы меня видели последний раз.

Эдди присвистнул:

— Это получается...

— Это получилось 210 фунтов, — сказал Бен угрюмо. — Да, так вот. Я ходил в среднюю школу в Ист Сайд в Омахе и по физкультуре у меня было все плохо. Мальчишки звали меня Туша. Можете себе представить? Все это продолжалось месяцев семь, и вот однажды, когда мы переодевались после физкультуры, двое или трое мальчишек принялись хватать меня за грудь, это называлось у них «наказанием жирных». Очень скоро еще двое присоединились к первым. Потом еще четверо или пятеро. А потом все они начали бегать за мной по раздевалке, потом выбежали в зал и били меня по груди, по голове, по спине, по ногам. Я испугался и начал кричать. А они стали ржать, как сумасшедшие.

Знаете, — сказал он, глядя вниз и поправляя свой браслет, — тогда я в последний раз вспомнил Генри Бауэрса, пока Майк не позвонил мне два дня назад. Мальчишка, который первым начал меня бить, был из деревни, с такими большими руками, и, пока они гонялись за мной, я вспомнил Генри и решил, что все началось сначала. И

запаниковал.

Они бежали за мной по залу мимо кладовки, где хранился спортивный инвентарь. Я был голый и красный, как рак. Я потерял чувство собственного достоинства или.., или даже потерял себя. Я не понимал, где нахожусь. Я звал на помощь. А они бежали за мной и кричали: жирная свинья, жирная свинья, жирная свинья! Там была скамейка...

— Бен, не нужно снова переживать это, — неожиданно сказала Беверли. Ее лицо сделалось пепельно-бледным. Она вертела в руках стакан и чуть не уронила его.

— Пусть закончит, — сказал Билл. Бен посмотрел на него и кивнул.

— В конце коридора стояла скамейка, я упал на нее и ударился головой. Они все окружили меня через минуту, а потом чей-то голос сказал: «Все! Хватит, повеселились!»

Это был тренер, он стоял в дверях в спортивных голубых штанах с белыми полосками по бокам и в белой футболке. Представить себе не могу, сколько времени он там стоял. Они все посмотрели на него, кто-то усмехнулся, кто-то стыдливо спрятал глаза, а кто — как ни в чем не бывало. А я расплакался.

Тренер стоял в дверях, спиной к гимнастиче-

скому залу, глядя на меня, на мое голое красное тело, глядя, как этот жирный ребенок плачет на полу. Наконец он сказал: «Бенни, почему бы тебе не заткнуть свой сраный рот?»

То, что учитель употребляет такие слова, так шокировало меня, что я на самом деле замолчал. Я посмотрел вверх на него, а он подошел поближе и сел на скамейку, где я валялся. Он наклонился надо мной, и свисток, висящий у него на шее, стукнул меня по лбу. Мне пришло в голову, что он хочет поцеловать меня или что-то в этом роде, поэтому я отшатнулся от него, но он только схватил меня обеими руками за груди и разгладил их, потом убрал руки и вытер их о штаны, как будто взялся за что-то грязное.

«Ты думал, что я буду тебя успокаивать? — спросил он меня. — Не собираюсь. Ты вызываешь отвращение не только у них, но и у меня тоже. По разным причинам, но это только потому, что они дети, а я нет. Они не знают, почему ты вызываешь у них чувство отвращения, а я знаю. Ты хоронишь свое прекрасное тело, которое тебе дал Бог, под этим слоем безобразного жира. Это просто глупое потакание своим слабостям, и меня тошнит от этого. А сейчас послушай, Бенни, потому что я в первый и последний раз говорю тебе это. Я тре-

нирую футбольную команду и баскетбольную, и команду по легкой атлетике, и скоро буду тренировать команду по плаванию. И я говорю тебе: ты заплыл жиром вот здесь, — и он стукнул меня по голове, как раз в том месте, куда ударил его проклятый свисток. — Вот где у вас всех заплывает жиром. Ты пропустишь мимо ушей все мои слова о диете, о том, что надо сбавлять вес. Такие парни, как ты, никогда этого не сделают».

— Каков ублюдок, — сказала Беверли негодующе.

— Да, — усмехнулся Бен. — Но он не *знал,* что он ублюдок. Наверное, он смотрел фильм «Д.Ай.» с Джеком Веббом раз шестьдесят и в самом деле думал, что делает мне добро. И, как впоследствии выяснилось, он был прав... Потому что в то время я сам думал о чем-то похожем...

Он посмотрел вдаль, нахмурив брови, и Билла одолело какое-то странное чувство, будто он знает, что Бен собирается сказать дальше.

— Я уже говорил вам, что в последний раз подумал о Генри Бауэрсе, когда мальчишки гнались за мной. Нет, на самом деле последний раз я подумал об этом, когда тренер встал и пошел. Вот тогда я подумал о том, что произошло летом 1958 года.

Он опять заколебался, глядя на каждого, стараясь поймать их взгляды. Потом начал осторожно:

— Я думал о том, как *хорошо* нам было вместе. Я думал о том, что мы сделали и как мы это сделали, и все это поразило меня; если бы тренер когда-либо увидел бы нечто подобное, он бы, наверное, поседел, а сердце остановилось бы, как старый часы. Это было несправедливо, но и он был несправедлив ко мне. Случившегося было достаточно, чтобы...

— Чтобы свести тебя с ума, — сказал Билл. Бен улыбнулся.

— Ты прав. Я позвал: «Эй, тренер!» Он обернулся и посмотрел на меня.

«Тренер, ты сказал, что работаешь с командой по легкой атлетике?»

«Да, но для тебя это ничего не значит», — сказал он.

«Слушай меня, ты, тупой, твердолобый сукин сын! — сказал я, и рот его широко раскрылся, а глаза почти вылезли из орбит. — Я буду готов к соревнованию в марте, что ты на это скажешь?»

«Я скажу, что тебе лучше попридержать язык, а то плохо будет», — сказал он.

«Я обгоню всех, кого ты выставишь, — сказал

я. — Я обгоню самых лучших твоих бегунов. А потом получу от тебя твое сраное извинение».

Он сжал кулаки, и я подумал, что он собирается применить их ко мне. Но он разжал их. «Поговори, поговори, толстяк, — сказал он мягко. — У тебя язык без костей. Но когда ты обгонишь моих лучших, я уйду с работы и пойду на поля собирать зерно». И он ушел.

— И ты похудел? — спросил Ричи.

— Да, — сказал Бен. — Но тренер был не прав. Ожирение началось не в голове у меня, а с моей мамочки. Тем вечером я пришел домой и сказал маме, что хочу немного похудеть. Мы оба выдержали схватку, оба плакали. Она завела свою обычную песню, что я на самом деле не жирный, просто у меня широкая кость, а большие мальчики становятся большими мужчинами, если они много едят. Это была своего рода защита для нее, я думаю. Очень трудно ей было поднимать мальчишку самой. У нее не было ни образования, ни каких-то особых навыков в чем бы то ни было, ничего, кроме желания много работать... А когда она давала мне добавку.., или когда смотрела на меня за столом, как я солидно выгляжу...

— Она чувствовала, что выиграла битву, — продолжил Майк.

— Да, — Бен выпил последнюю бутылку пива и вытер пену с маленьких усиков тыльной стороной руки.

— Так что вы понимаете, что самая большая борьба была не с самим собой, а с ней. Месяцами она просто не принимала этого. Она не убирала мою старую одежду и не покупала новую. А я тоща бегал, бегал везде, иногда сердце так билось в груди, что, казалось, вот-вот выскочит оттуда. Первая миля бега досталась мне тяжело, меня вытошнило, и я потерял сознание. Потом меня просто рвало. А вскоре при беге мне уже приходилось поддерживать штаны. У меня был маршрут, и я бежал в школу с сумкой на шее, которая била меня по груди, а я в это время держал штаны, чтобы они не упали. Рубашки стали, как паруса., А ночью, когда я возвращался домой, я съедал только половину того, что было на тарелке, мать начинала рыдать, говорила, что я морю себя голодом, убиваю себя, что я не люблю ее больше, что я не думаю о том, как много ей приходится работать, чтобы прокормить меня.

— О, Господи, — промычал Ричи, зажигая сигарету, — не представляю, как ты вынес все это.

— Лицо тренера всегда стояло передо мной, — сказал Бен. — Я представлял, как он смотрел на

меня, когда разглаживал складки на моей груди в зале, около раздевалки, и вот так я выдержал. Я разносил газеты, и когда бежал по маршруту, всегда видел это перед собой. На газетные деньги я купил себе джинсы, а сосед-старик с нижнего этажа проковырял пять новых дырок в моем ремне. Я еще вспоминаю первые джинсы, которые мне пришлось покупать, — это когда Генри столкнул меня в Барренс и они разорвались по швам.

— Да, — сказал Эдди, — а ты рассказал мне о шоколадном молоке. Помнишь? Бен кивнул головой.

— Если я тогда вспоминал что-то, то только на миг — раз, и вылетело из головы. В то время я стал брать завтраки в школе «Здоровье и Питание», и обнаружил, что можно съесть очень много всякой зелени и овощей и не потолстеть. Однажды вечером мать положила мне кучу салата и шпината с яблоками — все это покрошила и добавила немного постной ветчины. До этого я никогда не любил этой заячьей еды, но тут я три раза просил добавки и ел да нахваливал, как все вкусно. Это решило все проблемы. Ей было все равно, что я ем, лишь бы побольше. Она завалила меня салатами. Я ел их еще три года. Появилась необходимость иногда смотреться в зеркало,

чтобы убедиться, что у меня не заячья губа.

— А что случилось с тренером? — спросил Эдди. — Вышел ли ты на соревнования? — Он дотронулся до аспиратора, как будто все эти мысли напомнили ему о нем.

— Да, вышел. — сказал Бен. — К тому времени я потерял 70 фунтов и вырос на два дюйма, так что вес распределился ровно. Я выиграл первые два забега и подошел к тренеру, который был готов кусать локти и чистить конюшни. И я сказал: «Похоже, пора собираться на поля собирать урожай. Когда вы собираетесь в Канзас?» Сначала он ничего не сказал, только хлопнул меня по спине. Потом велел мне убираться с поля, потому что он не потерпит в своей команде трепача и ублюдка. «Даже если президент Кеннеди меня попросит, я все равно не пойду в твою вонючую команду, — сказал я, утирая кровь в уголках рта. — То, что ты меня прогнал, я сейчас как-нибудь переживу, но в следующий раз.., ты сядешь за большую тарелку с кукурузой, попомни мои слова». Он сказал, что если я тотчас же не уберусь, он из меня дух вышибет.

Бен улыбался, но ничего ностальгического в этой улыбке не было.

— Это были его точные слова. Все смотрели на

нас удивленно, включая детей, которых я победил. «Вот что я скажу тебе, тренер, — обратился я к нему, — ты слишком стар, чтобы учиться чему-либо. Но если ты меня хоть пальцем тронешь, я постараюсь, чтобы ты потерял работу. Я не уверен, что у меня получится, но я очень постараюсь. Я похудел, у меня есть чувство собственного достоинства, и я имею право на капельку покоя».

Билл сказал:

— Все это звучит замечательно, Бен.., но писатель во мне изумляется: может ли ребенок в самом деле разговаривать таким образом? — и он улыбнулся.

— Ребенок, которому выпало на долю перенести то, что перенесли мы, смог. Я сказал эти слова. Тренер стоял, упершись руками в бедра, он открыл рот, потом опять закрыл. Никто не промолвил ни слова. Я отошел, и больше мне не пришлось иметь дело с тренером Вудлеем. Когда мой воспитатель отдавал табель за этот год, кто-то написал слово «освобожден» против «физкультуры», и он подписал это.

— Ты победил его! — воскликнул Ричи и поднял сжатые в кулаки руки над головой. — Так и надо, Бен. Бен пожал плечами.

— Я думаю, что я победил что-то в себе самом.

Тренер просто подтолкнул меня.., но только память о вас, ребята, заставила меня поверить, что я могу сделать это. И я сделал. Это Конец Правдивой Исповеди. Только мне хотелось бы еще пива. От разговоров всегда жажда.

Майк подозвал официантку. Все шестеро стали заказывать что-то еще и говорить о чем-то неважном, пока не принесли напитки. Билл смотрел в стакан с пивом, наблюдая, как тают хлопья пены. Он удивился и ужаснулся, осознав, что надеется: не он, а кто-то другой начнет сейчас разговор о прошедших годах, может быть, Беверли расскажет им о замечательном человеке, за которого она вышла замуж (даже, если он скучный, как большинство замечательных людей), или Ричи Тозиер вспомнит о смешных случаях на студии телевидения, или Эдди расскажет, что из себя представляет Тэдди Кеннеди, или сколько дает на чай Роберт Рэдфорд.., или проявит проницательность и расскажет, как Бену удалось похудеть, а ему приходится пользоваться аспиратором.

Дело в том, -думал Билл, — *что Майк собирается вот-вот заговорить, а я не уверен, что хочу выслушать, что он скажет. Дело в том, что сердце и так бьется быстрее, чем мне хотелось бы, а руки уже слишком холодны. Дело в том,*

что уже двадцать пять лет я так не боялся. Да и все остальные. Лучше говорить о чем-то другом. Лучше говорить о карьере и что вы рады встретиться со старыми друзьями, лучше говорить о сексе, о бейсболе, о ценах на бензин, о будущем пакте о ненападении. О чем угодно, но только не о том, ради чего мы собрались. Говорите же, говорите!

Кто-то начал. Эдди Каспбрак. Но он начал говорить не о том, кто таков Тэдди Кеннеди, и не о том, сколько дает на чай Рэдфорд, он спросил Майка, когда умер Стэн У рис.

— Позавчера ночью, — сказал Майк, — когда я стал звонить.

— Это как-то связано с тем, из-за чего мы здесь?

— Мне самому хотелось бы знать, но так как он не оставил записки, никто не может быть в этом уверен, — ответил Майк. — Но так как это случилось сразу же после моего звонка, такое предположение вполне основательно.

— Он убил себя, не так ли? — спросила Беверли. — О, Боже, бедный Стэн.

Остальные смотрели на Майка, который закончил пить и сказал:

— Да, он покончил жизнь самоубийством. Сразу

же после того, как я позвонил, он пошел в ванную, набрал воды, залез в нее и вскрыл себе вены.

Билл посмотрел вниз, ему казалось, что вокруг него сидят одни только лица, лица без тел, бледные лица, как круги, белые круги. Как белые воздушные шарики, шары-луны, связанные старым обещанием, которое длится так долго.

— А как ты обнаружил это? — спросил Ричи. — Здешние газеты сообщили?

— Нет, но с некоторых пор я подписываюсь на газеты тех городов, в которых вы живете. У меня целы подписки за несколько лет.

— Все понятно, — сказал Ричи. — Спасибо, Майк.

— Это моя работа, — сказал Майк просто.

— Бедняга Стэн, — повторила Беверли. Она казалась пораженной, не способной осознать эту новость. — Но он тогда был таким храбрым, таким.., решительным.

— Люди меняются, — сказал Эдди.

— Ты думаешь? — спросил Билл. — Стэн был... — он сжал руки на скатерти, стараясь подобрать нужное слово. — Он был человек порядка. Человек, который делит книжки на своей полке на беллетристику и не беллетристику.., а потом располагает их в двух этих секциях в алфавитном

порядке. Я вспоминаю, он однажды говорил — где мы были в то время и что делали, — не помню, но думаю, это было в конце всей нашей истории. Так вот, он сказал, что может вынести страх, но ненавидит грязь, не, хочет испачкаться в этой грязи. Это, мне кажется, сущность Стэна. Может быть, чаша переполнилась, когда Майк позвонил... Он видел два пути: остаться в живых и испачкаться, или умереть чистым. Может быть, люди не настолько меняются, как мы думаем. Может быть.., может быть, они просто становятся жесткими.

Они молчали, пока Ричи не спросил:

— Хорошо, Майк. Но все же расскажи, что происходит в Дерри?

— Кое-что расскажу, — сказал Майк. — Я могу рассказать, например, что происходит сейчас, и могу рассказать немного о нас самих. Но я не могу рассказать, что происходило летом 1958 года, да и не думаю, что когда-нибудь смогу. В конце концов, вы помните это сами. И еще я думаю, что если я расскажу слишком много, прежде чем вы будете готовы к тому, чтобы вспомнить, тогда то, что произошло со Стэном...

— Может случиться с нами? — спокойно спросил Бен. Майк кивнул головой.

— Да. Именно это я имел в виду.

— Тогда расскажи то, что считаешь нужным, Майк, — сказал Билл.

— Хорошо.

4

Неудачники узнают...

— Убийства снова начались, — сказал Майк решительно. Он осмотрел стол, переведя взгляд с одного на другого, пока наконец не остановился на Билле. — Новая серия убийств, если вы позволите мне этот довольно страшный отсчет, начались на мосту Мейн-стрит, а закончилась под ним. Первой жертвой был веселый и ребячливый человек по имени Адриан Меллон. У него был тяжелый случай астмы.

Эдди протянул руку и дотронулся до аспиратора.

— Это случилось прошлым летом — 21 июля, в последнюю ночь Фестиваля на Канале, это разновидность праздника.., э...

— Ритуал Дерри, — сказал Билл низким голосом. Его длинные пальцы медленно массировали виски, и было нетрудно понять, что он вспоминает своего брата Джорджа... Джорджа, который почти наверняка открыл дорогу тому, что когда-то произошло.

— Ритуал, — сказал Майк спокойно. — Да. И он торопливо рассказал им историю о том, что случилось с Адрианом Меллоном, сокрушенно наблюдая, как округляются у них глаза. Он рассказал, что печаталось в «Ньюз», а что нет.., последнее включало свидетельские показания Дена Хагарти и Кристофера Унвина о каком-то клоуне, который был под мостом, как некогда сказочный тролль. Этот клоун, по показаниям Хагарти, выглядел как что-то среднее между Рональдом Макдональдом и Бозо.

— Это был он, — сказал Бен хриплым голосом. — Это был этот чертов Пеннивайз.

— Вот еще одно, — сказал Майк, глядя на Вилла. — Один из офицеров, занимающихся расследованием, тот, который действительно вытащил Адриана Меллона из Канала, — был городской полицейский по имени Гарольд Гарднер.

— Господи Иисусе Христе, — сказал Билл слабым голосом.

— Билл? — Беверли посмотрела на него и положила свою руку на его. Ее голос был полон участия. — Что-то не так, Билл.

— Гарольду тоща должно было быть пять лет, — сказал Билл. Его ошеломленные глаза искали взгляд Майка, стараясь найти подтвер-

ждения. — Да?

— А кто это, Билл? — спросил Ричи.

— Гарольд Гарднер — это сын Дэйва Гарднера, — сказал Билл. — Дейв жил недалеко от нас, когда уубили Джорджа. Это он подобрал Дждж.., моего брата и принес его домой, завернутого в кусок одеяла.

Они посидели молча, Беверли плотно закрыла глаза руками.

— Все сходится, не правда ли? — сказал Майк наконец.

— Да, — сказал Билл низким голосом. — Сходится нормально.

— Я вел досье на всех вас шестерых на протяжении всех этих лет, — продолжал Майк, — но только сейчас я начинаю понимать, зачем я это делал. Благодаря этому я продолжал следить за развитием событий. Понимаете, я чувствовал, что должен быть абсолютно уверен, прежде.., прежде, чем побеспокоить вас. Я должен был быть уверен не на 90%, не на 95%, а на все 100%.

— В декабре прошлого года восьмилетний мальчик по имени Стивен Джонсон был обнаружен мертвым в Мемориал-парке. Как и Адриан Меллон, он был страшно изуродован перед смертью или сразу же после, но выглядел он так, как

будто умер от страха.

— Изнасилование? — спросил Эдди.

— Нет, просто изуродован.

— Сколько их всего? — спросил Эдди, не поднимая головы, как будто вовсе не хотел знать об этом.

— Очень много, — сказал Майк.

— Сколько? — повторил Билл.

— Девять. Вот как далеко это зашло.

— Не может быть! — вскричала Беверли. — Я должна была прочитать об этом в газетах.., увидеть в новостях по телевизору! Когда этот сумасшедший полицейский убивал женщин в Касл Рок, в Мэне.., и те дети, которых убили в Атланте...

— Совершенно верно, — сказал Майк, — я много думал об этом. Эти случаи очень похожи на то, что происходит здесь. И Бев права: они должны были сообщить об этом в новостях. В каком-то смысле, сравнение с Атлантой страшит меня больше всего. Убийство девятерых детей.., тут должны были понаехать корреспонденты и из газет, и с телевидения, и псевдо-психиатры, и репортеры из «Еженедельника Атланты» и «Роллинг Стоун».., короче говоря, весь журналистский люд.

— Но этого не произошло, — сказал Билл.

— Нет, — сказал Майк, — не произошло. Ну, не совсем так, — в воскресном приложении к «Портленд санди телеграф» было короткое сообщение, да еще в «Бостон глоуб» — о первых двух убийствах. Телевизионная программа Бостонского TV «Добрый день!» в феврале показала фрагменты нераскрытых убийств, и один из экспертов упомянул об убийствах в Дерри, но только фрагментально.., и, конечно, не говорил ни о каких связях с подобными убийствами в 1957-1958 годах и в 1929-1930.

Есть, конечно, внешняя причина. Атланта, Нью-Йорк, Чикаго, Детройт.., это все большие города с развитой информационной структурой, и когда там что-нибудь случается, поднимается шумиха. В Дерри нет ни теле-, ни радиостанций, только маленькие радиостанции в средней школе. А Бангор тоже стоит в стороне от средств массовой информации.

— За исключением «Дерри Ньюз», — сказал Эдди, и все они засмеялись.

— Но мы все знаем, что дело не в этом. Средства связи сейчас таковы, что некоторые вещи должна знать вся нация. Но этого не произошло. И я думаю, причина вот в чем: Оно не захотело этого.

— Оно, — прошептал Билл почти про себя.

— Оно, — повторил Майк. — Если мы хотим как-то обозвать Это, то лучше всего называть его ОНО. Я пришел к мысли, что, понимаете, Оно пребывало здесь так долго.., чем бы Оно ни было.., что стало как бы частью Дерри, так же, как Городской парк, Труба, Канал, Бассей-парк или библиотека. Только Оно — не часть географии города, вы понимаете. Может быть, когда-то и было так.., но сейчас Оно — внутри. Каким-то образом Оно проникло внутрь. Это единственное, чем я могу объяснить происходящие здесь ужасные вещи, номинально — объяснимые, а фактически — нет. В 1930 году здесь был пожар в негритянском ночном клубе «Черное Местечко». А за год до этого несколько грабителей было казнено на набережной Канала прямо среди бела дня.

— Банда Брэдли, — сказал Билл. — ФБР поймало их, да?

— Так говорят исторические источники. Но это не совсем точно. Насколько мне удалось разузнать — и я почти уверен, что так оно и было, потому что я люблю этот город и многое бы дал, чтобы это было не так, — банда Брэдли, всего их было семь человек, фактически была расстреляна примерными гражданами Дерри. Когда-нибудь я вам об этом расскажу.

Также произошел взрыв на чугунолитейном заводе Кичнера во время Пасхи 1906 года. Затем была серия чудовищных увечий животных в том же году, которые в конце концов приписали Эндри Рулину — сейчас его внучатый племянник заправляет на Фермах Рулина. Очевидно, его до смерти забили дубинками те самые депутаты, которые и притащили его с собой. Ни одного из депутатов ни разу даже не вызвали в суд.

Майк Хэнлон вытащил небольшую записную книжку из внутреннего кармана и пролистал ее.

— В 1877 году произошло четыре линчевания в черте города, — заговорил он, не поднимая глаз. — Одним из тех, кто вздергивал людей на веревку, был проповедник из мирян из Методистской церкви. Впоследствии он утопил своих четверых детей, как котят в ванной, а потом убил свою жену выстрелом в голову; он вложил ей в руки ружье, чтобы это походило на самоубийство, но никого не удалось одурачить. За год до этого четверо бродяг были обнаружены мертвыми в хижине вниз по течению Кендускеага, они были буквально разорваны на части. Исчезновение детей и целых семей — вот что записано в старых хрониках.., но ни в одном официальном документе нет даже упоминаний об этом. Подобное

продолжается и поныне. Что вы думаете по этому поводу?

— Я думаю, что происходящее здесь носит частный характер, — сказал Бен.

Майк закрыл свою записную книжку, положил ее во внутренний карман, а потом спокойно посмотрел на них.

— Будь я страховым агентом, а не библиотекарем, я, возможно, нарисовал бы график. Он бы показал необыкновенно высокую степень жестокости в каждом известном нам насильственном преступлении; я имею в виду изнасилования, кровосмешения, грабежи и кражи, угоны автомобилей, плохое обращение с детьми, супружеская неверность, угрозы физическим насилием. В Техасе есть город средних размеров, где степень насильственных преступлений гораздо ниже, чем можно было ожидать от города таких размеров и с таким смешанным по расовым признакам населением. Чрезвычайная безмятежность жителей города была объяснена весьма незначительным количеством естественного транквилизатора в воде. А у нас как раз наоборот. И в обычные годы Дерри — неспокойное место, но каждые 27 лет — хотя цикл этот никогда не бывает абсолютно точным — насилие возрастает

до чудовищных размеров.., но это никогда не становилось достоянием широкой общественности. Дерри процветает.., каким-то странным недостойным образом. Это преуспевающий маленький город в относительно малонаселенном штате, где слишком часто происходят вещи непотребные.., а раз в четверть столетия — просто чудовищные.

— И периодичность соблюдается? — спросил Бен. Майк кивнул:

— Да, соблюдается. 1715 — 1716 годы; с 1740 почти до 1743; 1769 — 1770 и так далее и тому подобное. И так до настоящего времени. И я чувствую, что раз от разу становится все хуже и хуже, может быть, потому, что в конце каждого цикла людей в Дерри прибавляется, а может быть, по какой-то другой причине. А в 1958 году, судя по всему, цикл закончился преждевременно. И причиной тому — мы.

Билл Денбро подался вперед, глаза его неожиданно засверкали:

— Ты в этом точно уверен?

— Да, — сказал Майк, — прочие циклы достигали пика где-то в сентябре и завершались очень страшно. Жизнь более или менее начинала стабилизироваться к Рождеству.., а то и к Пасхе. Другими словами, «плохие годы» длились от 14 до

20 месяцев каждые 27 лет. Но плохой год, который начался в октябре 1957 года, когда убили твоего брата, резко завершился в августе 1958 года.

— Почему? — спросил Эдди настойчиво. Дыхание его стало свистящим. Билл вспомнил этот высокий свист, когда Эдди втягивал воздух, и знал, что скоро ему придется воспользоваться своим аспиратором. — Что мы такого сделали?

Вопрос повис в воздухе. Казалось, Майк раздумывает.., наконец, он тряхнул головой.

— Вы вспомните, — сказал он, — скоро вы вспомните.

— А что, если нет? — спросил Бен.

— Тогда Господь поможет нам.

— Девять детей погибли, — сказал Ричи, — Господи!

— Лиза Албрехт и Стивен Джонсон в конце 1984 года, — сказал Майк. — В феврале исчез мальчик по имени Дэннис Торрио. Старшеклассник. Тело его нашли в середине марта в Барренсе. Изуродованное. Здесь недалеко.

Он вытащил фотографию из того же кармана, в который положил записную книжку. Она пошла по рукам. Беверли и Эдди посмотрели на нее в замешательстве, но Ричи отреагировал неожиданно. Он бросил ее, как будто она жгла

ему руки.

— Господи, Господи, Майк! — Он взглянул на Майка, глаза его были широко открыты и полны боли. Спустя мгновение он передал фотографию Биллу. Билл посмотрел на нее, и весь мир перевернулся, покрылся серой дымкой. Он был уверен, что потеряет сознание. Он услышал стон, и знал, что это стонет он. Он уронил фотографию.

— Что это? — услышал Он голос Беверли. — Что все это значит, Билл?

— Это школьная фотография моего брата, — наконец сказал Билл. — Это Джорджи. Фотография из альбома. Та самая, которая оживала. Та, которая подмигивала.

Фотография пошла по кругу, а Билл сидел во главе стола, как каменный, глядя в пространство. Это была фотография с фотографии. На картинке было изображение рваной школьной фотографии, положенной на белый фон, — улыбающиеся губы открывают две дыры вместо зубов, которые никогда не вырастут (если не вырастут в твоей могиле, — подумал Билл и его передернуло). На полях под изображением Джорджа были слова *Школьные друзья. 1957-58.*

— Ее нашли в этом году? — снова спросила Беверли. Майк кивнул и повернулся к Биллу.

— Когда ты видел ее в последний раз?

Билл облизнул губы, стараясь заговорить. Ничего не получалось. В голове эхом проносились слова, которые он хотел сказать, но ничего не выходило, кроме заикания, он боролся с ним, боролся с ужасом.

— Я не видел этой фотографии с весны 1958 года, когда исполнился год после смерти Джорджа. Я хотел показать ее Ричи, но она иисчезла.

В это время раздался хрипящий звук втягивания воздуха, все переглянулись. Эдди клал свой аспиратор на стол, он выглядел немного смущенным.

— Эдди Каспбрак продувается, — дурачась закричал Ричи, а потом неожиданно произнес мрачным голосом Диктора из Киножурнала:

— Сегодня все население города Дерри двинулось на Астматический Парад, гвоздем программы был Большой Эд Сопливая Голова, известный всей Новой Англии как...

Он резко остановился, одна его рука поднялась к лицу, как будто для того, чтобы прикрыть глаза, а Билл неожиданно подумал: *Не прикрыть глаза, а поддернуть очки, спадающие с носа. Очки, которых нет вовсе. О, Боже! Что здесь происходит?*

— Эдди, прости меня, прости, — сказал Ричи. —

Это так жестоко. Не пойму, какого хрена, о чем я думаю. — Он в замешательстве посмотрел на остальных.

Майк Хэнлон заговорил в тишине.

— Я пообещал себе после смерти Стивена Джонсона, когда нашли его тело, что если случится что-либо еще — если случай не будет вызывать сомнений, — я непременно позвоню вам, но я не звонил еще два месяца. Казалось, я был загипнотизирован тем, что происходило, сознательностью и обдуманностью происходящего, фотография Джорджа была обнаружена около упавшего ствола дерева в десяти футах от тела мальчика Торрио. Она не была спрятана, напротив. Убийца словно бы хотел, чтобы ее увидели.

— А как тебе удалось заполучить полицейское фото, Майк? — спросил Бен. — Это ведь полицейское фото, не правда ли?

— Да, ты прав. В Полицейском управлении есть парень, который не прочь подзаработать. Я плачу ему двадцать баксов в месяц — все, что я могу себе позволить. Он поставляет мне информацию.

Тело Доуна Роя было найдено через четыре дня после смерти Торрио. Маккарон-парк. Тринадцать лет. Обезглавлен.

23 апреля этого года. Адам Террольт. Шестна-

дцати лет. Объявление о пропаже поступило на следующий день, после того, как он не пришел домой с репетиции оркестра. Найден на следующий день на тропинке, которая ведет через зеленый пояс позади Западного Бродвея. Также обезглавлен.

6 мая. Фредерик Каун. Два с половиной года. Обнаружен в ванной на втором этаже. Утоплен в туалете.

— О, Майк! — воскликнула Беверли.

— Да, это жутко, — сказал он почти зло. — Думаешь, я не понимаю?

— А полиция не предполагает, что это результат несчастного случая? — спросила Бев. Майк покачал головой.

— Его мать развешивала белье на заднем дворе. Она услышала звуки борьбы — услышала, как сын ее кричит. Она побежала так быстро, как только могла. Когда она поднималась по лестнице, она сказала, что слышала звуки, как будто несколько раз спускали воду в туалете, и что кто-то смеялся. Она сказала, что это был нечеловеческий смех.

— И она ничего не увидела? — спросил Эдди.

— Сына, — просто сказал Майк. — У него была перебита спина, проломлен череп. Стеклянная дверь в душ была разбита. Кровь была везде. Сей-

час мать в психиатрической больнице в Бангоре. Мой.., мой полицейский источник сообщает, что она совершенно потеряла разум.

— Ни хрена удивительного, — сказал Ричи хрипло.

— Полиция предполагает, что убийца прошел через переднюю дверь в то время, как мать вешала белье на заднем дворе. Потом, когда она бежала по лестнице, он мог выпрыгнуть из окна ванной во двор, из которого она только что убежала, и легко смыться. Но окошечко очень маленькое, разве только семилетний мальчик сможет пролезть через него. А прыгнуть надо было с высоты 25 футов на каменный дворик. Рэдмахер не любит об этом говорить. И никто в прессе не заставит его заговорить.

Майк вылил воды и потом передал им еще одну фотографию. Не полицейскую, а просто школьную; на ней был изображен улыбающийся мальчик лет тринадцати. Он был одет в самое лучшее — явно для фотографии; чистые руки аккуратно сложены на коленях. В плазах его блестел какой-то лукавый огонек. Он был черным...

— Джеффри Холли, — сказал Майк. — 13 мая. Через неделю после убийства Кауна. Растерзан. Обнаружен в Бассей-парке, возле Канала.

Девять дней спустя, 22 мая, пятиклассник по имени Джон Фьюри обнаружен мертвым на Нейболт-стрит.

Эдди издал высокий дрожащий крик. Он схватил свой аспиратор, но он упал и стукнулся о стол. Он подкатился к Биллу, который подобрал его. Лицо Эдди стало болезненно желтым. Дыхание клокотало в горле.

— Дайте ему что-нибудь выпить, — прорычал Бен. — Кто-нибудь... Но Эдди отрицательно замотал головой. Он просунул аспиратор прямо в горло и вдохнул воздух. Его грудь содрогалась, когда он стремился глотнуть немного воздуха. Он вдыхал и выдыхал снова и снова, а потом сидел с полузакрытыми глазами.

— Все будет хорошо, — произнес он задыхаясь. — Дайте мне минутку прийти в себя. Я с вами.

— Эдди, а ты уверен? — спросила Беверли. — Может быть, тебе лучше полежать?

— Сейчас все будет хорошо, — повторил он раздраженно. Это был.., просто шок. Понимаете? Просто шок. Я все забыл о Нейболт-стрит.

Никто не возразил. Билл подумал: *Вам уже кажется, что все ваши ресурсы исчерпаны, а потом Майк произносит еще имя, а потом еще одно, как*

фокусник с шариками, — и вы опять отпали на свои задницы.

Слишком многое нужно было сразу же встретить лицом к лицу, нескончаемый поток неописуемых жестокостей, каким-то образом непосредственно нацеленных на этих шестерых людей — о чем говорила фотография Джорджа.

— Обе ноги Джона Фьюри были оторваны, — продолжал Майк. — Но медицинский эксперт сказал, что это случилось после его смерти. У него не выдержало сердце. Казалось, он буквально умер от страха. Он был обнаружен почтальоном, который увидел его руку, высунувшуюся из-под крыльца...

— Это было 29 мая, не правда ли? — сказал Ричи, и Билл быстро взглянул на него. Ричи посмотрел на него, слегка кивнул и снова перевел взгляд на Майка, — Нейболт-стрит, 29.

— О, да, — сказал Майк своим обычным голосом. — Это был дом 29 по Нейболт-стрит. Рэдмахер произвел арест через день после того, как было обнаружено тело Фьюри. Передовая полоса «Ньюз» в тот же день призвала к отмщению.

— После восьми убийств. Необычайно своевременно.

Беверли спросила, кого же арестовали.

— Парня, который жил в маленькой лачуге на обочине седьмой дороги, почти в черте города по дороге в Ньюпорт, — сказал Майк. — Что-то вроде отшельника. Сжигал в своей печке найденные на помойке деревянные вещи. Крыша покрыта щепой и всяким мусором. Зовут Гарольд Ирл. В глаза не видел двухсот долларов сразу. Кто-то, проезжая мимо, заметил, что он стоял в своем дворике, глядя в небо, как раз в тот день, когда нашли Джона Фьюри. Вся его одежда была залита кровью...

— Не может быть, — начал Ричи с надеждой.

— У него в хижине нашли убитого оленя, — сказал Майк. — Он витал в небесах. А кровь на его одежде была оленья. Рэдмахер спросил его, не он ли убил Джона Фьюри. И говорят, он ответил: «О, да. Я убил множество людей, большинство на войне». Он также сказал, что видел что-то ночью в лесу. Голубые огоньки, парящие в нескольких дюймах над землей. Трупные огоньки, как он их назвал. И Большую Ногу.

Они отправили его в дурдом в Бангоре. Медицинским исследованием установлено, что у него почти полностью разрушена печень. Он пил растворитель для красок...

— О, Боже мой! — вымолвила Беверли.

— ..и склонен к галлюцинациям. Его там держали, пока три дня тому назад Рэдмахеру не стукнуло в голову, что он наиболее вероятный из подозреваемых. Он отправил восьмерых парней, и теперь они копают вокруг его лачуги, ищут отрубленные головы, абажуры, сделанные из человеческой кожи, и еще Бог знает что.

Майк помедлил, наклонив голову, а потом продолжил. На этот раз с хрипотцой в голосе.

— Я терпел и терпел. Но когда увидел это, последнее, я стал звонить. Господи, надо было мне сделать это раньше.

— Посмотрим, — сказал Бен сухо.

— Жертвой стал еще один пятиклассник, — сказал Майк. — Одноклассник мальчика Фьюри. Его нашли в стороне от Канзас-стрит, около того места, где Билл прятал свой велик, когда мы бывали в Барренсе. Его звали Белвуд. Он был разорван на части. Останки были найдены у цементной полуразрушенной стены, которую построили вдоль Канзас-стрит около 20 лет назад, чтобы предотвратить эрозию почвы. Вот полицейские снимки той части стены, где были обнаружены останки Белвуда; снято спустя менее получаса после того, как тело увезли. Вот здесь.

Он передал фотографии Ричи Тозиеру, который

посмотрел и передал их Беверли. Она бегло взглянула на них и передала Эдди. Тот рассматривал их внимательно и долго, прежде чем передать Бену. Бен отдал Биллу, который едва взглянул на них.

Прямо поверх стены было написано печатными буквами:

ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ ДОМОЙ ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ ДОМОЙ ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ ДОМОЙ Билл угрюмо посмотрел на Майка. Он был потрясен и напуган; в нем стала просыпаться злость. И он был рад этому. Злость не лучшее из чувств, но все же лучше, чем шок, лучше, чем всепоглощающий страх.

— Чем это было написано?..

— Да, — сказал Майк, — кровью Джерри Белвуда.

5

Ричи делают «Бип-Бип»

Майк забрал свои фотографии. Он подумал: *Билл мог бы попросить одну из последних фотографий Джорджа, но не сделал этого.*Майк положил их во внутренний карман пиджака, и, когда они исчезли с глаз долой, он почувствовал облегчение.

— Девять детей, — сказала Беверли тихо, — я не могу в это поверить. Я имею в виду.., я верю в

это. Но не могу поверить, что такое может быть. Девять детей и ничего, ничего вообще? Совсем ничего?

— Это не совсем так, — ответил Майк. — Люди разозлены, люди испуганы.., или так кажется. Невозможно понять, кто в самом деле чувствует так, а кто притворяется.

— Притворяется?

— Беверли, ты помнишь, когда мы были маленькими, того человека, который уронил газету и спрятался в доме, когда мы звали на помощь?

Что-то всколыхнулось в ее глазах, и она посмотрела одновременно испуганно и подавленно. Потом взгляд ее выразил только изумление.

— Нет.., когда это было, Майк?

— Не бери в голову. Вспомнишь, когда придет время. Я могу только сказать, что сейчас все выглядит, как и должно быть в Дерри. Очутившись лицом к лицу с жуткой чередой убийств, люди делают почти то же самое, что в том, 58-м году, когда дети исчезали или были найдены мертвыми. Снова собирается Комитет Спасения Детей, только на этот раз не в средней школе, а в начальной. Сейчас здесь шестнадцать детективов из Государственного министерства юстиции, а также агенты ФБР, правда, не знаю, сколько их. И хотя

Рэдмахер много говорит, не думаю, что он столько же делает. Снова ввели комендантский час.

— О, да. Комендантский час. — Потирая шею, Бен сказал:

— Как сейчас помню.

— Еще созданы Дружины матерей, которые следят за тем, чтобы каждого школьника кто-нибудь сопровождал домой. «Ньюз» за последние три недели получили больше двух тысяч писем, требующих принять меры. И, конечно, опять началась миграция. Иногда я думаю, что только так можно обнаружить, кто искренне хочет, чтобы это прекратилось, а кто нет. Искренние те, кто испугался и уезжает.

— Что и правда люди уезжают? — спросил Ричи.

— Это происходит с началом цикла. Трудно сказать точно, сколько людей уезжает, потому что цикл не кончается внезапно. Но их довольно много. Они убегают, как дети, которые вдруг обнаружили, что их дом заселен привидениями не понарошку, а в самом деле.

— Вернитесь домой, вернитесь домой, вернитесь домой, — глухо сказала Беверли. Выглянув из-под руки, она посмотрела на Билла, а не на Майка. — Оно хотело, чтобы мы вернулись. По-

чему?

— Оно может хотеть, чтобы мы вернулись, — сказал Майк немного загадочно. — Уверен. Оно может. Оно может жаждать мести. В конце концов мы мешали Ему когда-то.

— Месть.., или просто расставить все по своим местам, — сказал Билл.

Майк кивнул.

— И с вами не все в порядке, с вашей жизнью — тоже. Никто не уехал из Дерри нетронутым.., невредимым.., без Его отметины. Вы все забыли, что случилось здесь, а воспоминания о том лете отрывочны. А потом еще один любопытный факт: вы все богаты.

— О, давай, давай! — сказал Ричи. — Это уж слишком...

— Полегче, полегче, — сказал Майк, поднимая руку. — Я ни в чем вас не обвиняю, я просто стараюсь собрать факты и выложить их вам. Вы богаты по стандартам библиотекаря из маленького города, который получает одиннадцать тысяч в год после уплаты налогов, понятно?

Ричи неловко передернул плечами своего дорогого костюма. Бен, казалось, целиком был поглощен разглаживанием салфетки. Никто, за исключением Билла, не смотрел прямо на

Майка.

— Никто из вас, конечно, не принадлежит к элите, — сказал Майк, — но вы богаты по стандартам американского среднего класса. Мы все здесь друзья, так что по-честному: кто-нибудь из вас заявил на 1984 год доходов меньше 90 тысяч долларов? Поднимите руку.

Они посмотрели друг на друга украдкой, смущенные, как все американцы, грубыми фактами их собственного успеха, которые, как и яйца вкрутую, вызывают неприличные звуки, если их переешь. Билл почувствовал, что краснеет, и не мог одержать краску стыда. Ему заплатили на 10 тысяч больше суммы, названной Майком, только за первые наброски сценария «Аттик Рум». Ему пообещали еще 20 тысяч за каждую переработку, если понадобится. Да еще гонорары.., да еще большая часть прибыли от контрактов на две книги, только что подписанных.., сколько же он заявил в декларации на 84 год? Около 800 тысяч долларов, да? Достаточно, чтобы выглядеть в глазах Майка Хэнлона монстром в свете его доходов в 11 тысяч в год.

Вот сколько мы тебе платим, чтобы ты поддерживал огни маяка, Майк, старина! -думал Билл. — *Господи Иисусе Христе! Когда-нибудь ты*

должен был бы попросить поднять цену!

Майк сказал:

— Билл Денбро — преуспевающий писатель в обществе, где так мало писателей, а еще меньше зарабатывающих себе на жизнь этим трудом. Беверли Роган — продажа тряпок, та область, где больше «званных, чем избранных», она, конечно, самый популярный дизайнер, обслуживающий почти третью часть страны.

— О, но это не я, — сказала Беверли. Она подавила нервический смешок, зажигая новую сигарету от старой. — Это Том. Только Том. Без него я до сих пор подшивала бы юбки и метала подолы. У меня нет никакой деловой сноровки, даже Том говорит. Это только.., вы понимаете, Том. И случай. Счастливый случай.

Она затянулась и выпустила дым.

— Мне думать, что леди протестовать слишком сильно, — шутливо сказал Ричи.

Она *бистро* повернулась и сурово, свысока посмотрела на него:

— Что бы это значило, Ричи Тозиер?

— Не бейте меня, мисс Скарлет, — закричал Ричи высоким дрожащим голосом Пиканинни, — ив этот момент Билл ужасающе ясно увидел того мальчишку, которого знал когда-то; он не

скрывался за взрослой оболочкой Ричи, но это существо было более реальным, чем сам Ричи. — Не бейте меня! Давайте я принесу вам другой коктейль, мисс Скарлет! Вы будет пить из другого кувшина, где он есть немного прохладнее! Не наказывайте несчастного мальчишку!

— Вы невозможны, Ричи, — холодно провозгласила Беверли. — Вам бы следовало повзрослеть.

Ричи посмотрел на нее, его ухмылка сменялась неуверенностью.

— Пока я не приехал сюда, я думал, что уже вырос; — сказал он.

— Ричи, а ты, наверное, самый преуспевающий диск-жокей в Штатах, — сказал Майк. — Ты, конечно, покорил Лос-Анджелес одной левой. У тебя две объединенные программы, кроме всего прочего, одна из них прямо-таки нокаутирующее представление, другая под названием «Причуды сорока».

— Лучше посмотри назад, дубина! — сказал Ричи грозным голосом Мистера Т., но покраснел при этом. — Я заставлю тебя побегать туда-сюда. Я прочищу тебе мозги кулаками. Я...

— Эдди, — продолжал Майк, не обращая внимания на выходки Ричи, — у тебя процветающая автомобильная служба в городе, где при переходе

улицы тебе достаточно шевельнуть локтем, чтобы все машины остановились. Дела у тебя идут нормально, в то время как каждые две недели разоряются две автокомпании.

— Бен, а ты, наверное, самый популярный молодой архитектор в мире. — Бен открыл было рот, чтобы возразить, но тут же захлопнул его.

Майк улыбнулся им, разведя руками.

— Я не собираюсь никого смущать, но я хочу все разложить по полочкам. Есть люди, которым повезло в молодости, и есть люди, которым повезло стать настоящими профессионалами. Не будь людей, умеющих хорошо зарабатывать деньги, я думаю, все бы развалилось. Если бы к такого рода людям принадлежал один или двое из вас, можно было бы подумать, что это случайность. Но вы все такие, включая Стэнли Уриса, который был самым преуспевающим молодым подрядчиком в Атланте, что означает.., на всем Юге. Мне представляется, что ваш успех проистекает из того, что произошло здесь 27 лет тому назад. Если бы вы все эти годы дышали асбестовой пылью и заработали рак легких, связь с теми годами была бы не менее доказательной. Хочет ли кто-нибудь из вас оспорить это?

Он посмотрел на них. Никто не ответил.

— Все, за исключением тебя, — сказал Бен. — Что же случилось с тобой, Мики?

— Разве это не очевидно? — усмехнулся он, — Я оставался здесь.

— Ты хранил огонь на маяке, — сказал Бен. Билл дернулся и испуганно посмотрел на Бена, но Бен сурово глядел на Майка и не видел Билла. — Это заставляет меня, Майк, чувствовать себя препогано.

— Аминь, — сказала Беверли.

Майк покачал головой.

— Вам не за что винить себя, никому из вас. Вы думаете, это был мой выбор, остаться здесь или уехать? Или это, может быть, был ваш выбор? К черту, мы были детьми. По той или иной причине ваши родители были вынуждены уехать, а вы, ребята, были просто частью их багажа. Мои родители остались. Было ли это их собственное решение, каждого из них? Не думаю. Как они могли решать, кому уехать, а кому остаться? Была ли это удача? Судьба? Оно? Что-то другое? Я не знаю. Но это решали не мы, ребята. Так что прекратите.

— А ты.., не того, не злишься? — ласково спросил Эдди.

— Я был слишком занят, чтобы сердиться, —

сказал Майк. — Я много наблюдал и ждал... Я наблюдал и ждал, даже прежде, чем осознал это, но последние пять лет я был, что называется, на стреме. С конца прошлого года я начал вести дневник. А когда человек пишет, он начинает думать больше.., или просто острее. И одна из тем, над которой я размышлял, пока писал, — это природа Оно. Оно меняется, мы знаем это. Я думаю также, Оно подтасовывает факты и оставляет на людях Свои метки, в зависимости от того, кем Оно является; как оставляет свой запах скунс; даже, если вы примете ванну, запах останется. Или как кузнечик оставляет свои выделения у вас на ладони, если вы схватили его в руку.

Майк медленно расстегнул свою рубашку и широко распахнул ее. Все увидели розоватые полосы шрама на гладкой коричневой коже его груди между сосками.

— Такие следы оставляют когти, — сказал он.

— Оборотень, — почти простонал Ричи. — О, Господи! Большой Билл! Оборотень! Когда мы вернулись на Нейболт-стрит.

— Что? — встрепенулся Билл, как человек, которого только что разбудили. — Что, Ричи?!

— Ты что, не помнишь?

— Нет.., а ты?

— Я почти... Я почти вспомнил! — Ричи был и сконфужен и испуган.

— И ты говоришь, это не дьявольские вещи? — спросил Эдди Майка. — Он уставился на шрамы, как загипнотизированный. — Это что же, явление.., естественного порядка?

— Это не то явление естественного порядка, которое мы понимаем и прощаем, — сказал Майк, застегивая свою рубашку. — И я не вижу причин исходить из иной посылки, чем та, которую мы в самом деле *понимаем:* что Оно убивает, убивает детей, и что это ужасно. Билл понял это прежде, чем кто-либо из нас. Ты помнишь, Билл?

— Я помню, что я хотел убить это Оно, — сказал Билл, в первый раз услышав, что это местоимение обрело (и, наверное, навсегда) значение имени в его собственных устах. — Но у меня никогда не было такой широты охвата предмета, вы, надеюсь, понимаете, что я имею в виду. — Я просто хотел убить Оно, потому что Оно убило Джорджа.

— А ты и до сих пор этого хочешь?

Билл старательно обдумывал свой ответ. Он посмотрел на свои сложенные на столе руки и вспомнил Джорджа в его желтом дождевике, веселого, с бумажной лодкой, покрытой тонким

слоем парафина. Он взглянул на Майка.

— Бббольше, чем когда либо.

Майк кивнул, как будто только этого и ожидал.

— Оно оставило свои знаки на нас. Оно избрало нас объектами приложения своей воли, так же как весь наш город, изо дня в день даже во время тех длинных периодов, когда Оно спит или находится в спячке, или что-то там еще делает в промежутках между.., между более деятельными периодами. Но если Оно каким-то определенным образом распространило на нас свою волю, то и мы тоже воздействовали своей волей на Оно. Мы остановили Оно, прежде чем Оно что-то успело сделать с нами, — я знаю это точно. Ослабили ли мы Оно? Причинили ему боль? Не убили ли мы Оно? Я думаю, мы так близко подошли к этому, что устранились, думая, что уже свершили это.

— Но ты тоже не помнишь эту часть? Да? — спросил Бен.

— Нет. Я могу вспомнить все до 15 августа 1958 года, почти все. Но с 15 августа до 4 сентября, когда начались занятия в школе, — все в плотной завесе тумана. Но это не туманная дымка, а полное отсутствие памяти. За одним исключением: мне кажется, я помню, как Билл кричал о чем-то,

называя это *мертвые огни.*

Рука Билла конвульсивно дернулась. Он сбил одну из пустых пивных бутылок, и бутылка разбилась об пол, как бомба.

— Ты не порезался? — спросила Беверли. Она привстала.

— Нет, — сказал он. Голос у него был сухой и хриплый. Руки покрылись гусиной кожей. Казалось, он ощущал свои скулы *(мертвые огни)*и это впивалось в кожу лица, как острые кнопки.

— Я подберу...

— Нет, сиди. — Он хотел посмотреть на нее и не мог. Он не мог отвести глаз от Майка.

— Ты помнишь мертвые огоньки, Билл, — мягко спросил Майк.

— Нет, — сказал Билл так, будто дантист переборщил с новокаином.

— Ты вспомнишь.

— Ради Бога, не надо.

— Все равно ты вспомнишь, — сказал Майк. — Но не сейчас... Я тоже. А кто-нибудь из вас?

Один за другим они отрицательно покачали головами.

— Но мы же *сделали* что-то, — спокойно сказал Майк. — В каком-то месте мы смогли применить свою групповую волю. По какому-то вопросу

мы достигли определенного понимания, сознательно или бессознательно. — Он взволнованно зашевелился. — Боже, если бы Стэн был здесь. Я чувствую, что Стэн с его логичным мышлением, мог бы что-нибудь придумать.

— Не исключено, — сказала Беверли. — Может быть, поэтому он убил себя? Может быть, он подумал, что если это что-то сверхъестественное, то не подействует на взрослых.

— Я думаю, что подействовало бы, — сказал Майк. — Потому что у нас, шестерых, есть нечто общее. Может быть, кто-нибудь из вас понял, что это?

Билл открыл было рот, но тут же закрыл его.

— Продолжай, — сказал Майк, — ты знаешь, по лицу вижу.

— Я не уверен, — ответил Билл, — но может быть, что все мы бездетны?

— Да, — сказал Майк, — то самое.

— Господи Иисусе, Святые Угодники! — возмущенно заговорил Эдди. — Что общего может быть у этого с ценами на бобы в Перу? Кто внушил тебе, что все на земле хотят иметь детей? Что за чушь ты говоришь?!

— А у вас с женой есть дети? — спросил Майк.

— Если ты следишь за каждым нашим шагом,

как ты говорил, какого черта ты спрашиваешь?

— А вы пытались их иметь?

— Мы не пользовались предохранительными средствами, если ты намекаешь на это. — Эдди говорил это с достоинством, но щеки его пылали. — Так получилось, что моя жена немного.., о, черт, она слишком толстая. Мы ходили к врачу, и она сказала, что моя жена никогда не сможет иметь детей, если не похудеет. Что ж мы из-за этого преступники?

— Не волнуйся, Эдс! — успокаивающе произнес Ричи, подавшись к нему.

— Не зови меня Эдс, может быть, ты еще осмелишься ущипнуть меня за щеку? — закричал Эдди, повернувшись к Ричи. — Ты знаешь, я это ненавижу, я всегда это ненавидел.

Ричи умолк.

— Беверли, — спросил Майк, — а что у тебя с Томом?

— Нет детей, — сказала она. — Тоже никак не предохранялись. Том хочет ребенка.., я тоже, конечно, — добавила она торопливо, обводя глазами всех. Билл подумал, что ее глаза слишком блестят, почти как у актрисы, давшей хорошее представление. — Но пока что — ничего.

— А вы проходили тесты? — спросил ее Бен.

— Да, конечно, — сказала она, сдержав короткий смешок. И тут, в миг озарения, каким обладают люди, наделенные проницательностью и даром внутреннего видения, Билл неожиданно понял очень многое о Беверли и ее муже Томе — самом Величайшем Человеке в мире. Беверли ходила проверяться на тесты по бесплодности. И он догадался, что Величайший Человек в мире отказался даже предположить, что что-то может быть не в порядке с его драгоценной спермой.

— А что у тебя с твоей женой, Большой Билл? — спросил Ричи. — Пытались? — Все посмотрели на него с любопытством.., потому что они, конечно же, знали его жену. Одра несомненно была самой знаменитой, если не самой любимой актрисой в мире, хотя в какой-то степени была обязана этим растиражированной известности, которая иногда заменяет талант и служит разменной монетой во второй половине XX века; ее фотография появилась в журнале «Пипл», когда она постригла волосы во время поездки в Нью-Йорк (пьеса, которую она планировала поставить на Бродвее, провалилась), потом была недельная поездка в Голливуд под пристальным наблюдением менеджера. Это была незнакомка, но симпатичное ее лицо было известно всем. Билл заметил, что

Беверли очень заинтересовалась.

— Последние шесть лет мы только этим и занимаемся, — сказал Билл. — Правда, восемь последних месяцев мы заняты другим — делаем фильм «Аттик Рум».

— Проходили тесты на бесплодность? — спросил Бен.

— Да, четыре года назад в Нью-Йорке. Доктора обнаружили небольшую кисту у Одры и сказали, что хотя забеременеть она не помешает, может случиться внематочная беременность. Но и она и я можем иметь детей.

Эдди тупо повторял:

— Это ничего, черт возьми, не доказывает.

— Как сказать, — ядовито заметил Бен.

— А как на твоем фронте, Бен? — спросил Билл. Он был шокирован и удивлен тем, что чуть было не назвал Бена Стогом.

— Я никогда не был женат. Я всегда был очень осторожен. Да мне и не идет отцовство, — сказал Бен. — Кроме того, я не думаю, что об этом стоит говорить.

— А хотите послушать забавную историю? — спросил Ричи. Он улыбался, но глаза его были невеселыми.

— Конечно, тебе всегда удавались смешные

истории, Ричи, — сказал Билл.

— Твое лицо похоже на мою задницу, мальчик, — сказал Ричи Голосом Ирландского Полицейского. Это был Великий Голос Ирландского Полицейского.

Ты совершенствовался по всем направлениям, Ричи, -подумал Билл. — *Ребенком ты не мог подражать Ирландскому Полицейскому, как бы ни напрягал мозги. За исключением одного.., или двух раз, когда...*

(мертвые огоньки)было что?

Бен Хэнском неожиданно прижал свой нос и закричал высоким кривляющимся голосом:

— Бип-бип, Ричи, Бип-бип!

Спустя мгновение Эдди смеясь сделал то же самое. Потом к ним присоединилась Беверли.

— Хорошо, хорошо, — кричал Ричи, смеясь с остальными. — Я не буду. Спаси, Господи!

— Ну, мужик, — едва выговорил Эдди. Он так сильно смеялся, откинувшись в своем кресле, что слезы выступили у него на глазах.

— Ну ты даешь! Словесный Понос! Вот так! Бен! Бен улыбался, но выглядел немного испуганным.

— Бип-бип, — сказала Беверли, хихикая. — Я совсем забыла об этом. Мы всегда делали тебе так, Ричи.

— Вы никогда не могли оценить настоящий талант, вот и все, — сказал Ричи примирительно. Как и в дни детства, его можно было свалить с ног, но он неизменно поднимался, как ванька-встанька, и все начиналось сначала. — Это был один из твоих небольших вкладов в «Клуб Неудачников», не так ли. Стог?

— Да, именно так.

— Что за человек! — дрожащим голосом восхищенно сказал Ричи и, чуть не задевая чайную чашку, стал кланяться, как будто повторяя свое «салям». — Что за человек! Что за человек!

— Бип-бип, Ричи, — сказал Бен шутливо, а потом взорвался смехом. Его грудной баритон ничем не напоминал его мальчишеский голос.

— Парни, хотите выслушать мою историю, или нет? — спросил Ричи. — Я не буду вдаваться в подробности, но вы оставьте ваше бипанье, если хотите услышать историю. Иначе я обижусь. Так вот, перед вами человек, который когда-то брал интервью у Оззи Осборна.

— Расскажи, — сказал Билл. Он взглянул на Майка и заметил, что Майк выглядит более счастливым, чем в начале завтрака, а может быть, он просто отдохнул? Или причиной было то, что он уловил незримую нить, которая связывала их

всех с прошлым, они так легко вошли в свои старые роли, чего обычно не случается, когда старые друзья собираются после долгой разлуки? Так думал Билл. И еще он думал: "Если есть определенные предпосылки для веры в сверхъестественное, что делает возможным воздействие на него, то может быть, все как-то образуется? Мысль была не слишком успокоительная. Он чувствовал себя человеком, привязанным к носу управляемой ракеты. Вот уж в самом деле «бип-бип».

— Ну, так вот, — начал свое повествование Ричи. — Я могу говорить либо долго и нудно, либо дать вам комическую копию с Блонди и Дэгвуда, но я остановлюсь на чем-то среднем. Через год после того, как я поехал в Калифорнию, я встретил там девушку, и мы почувствовали сильное влечение друг к другу. Начали жить вместе. Сначала она принимала противозачаточные таблетки, но от них постоянно плохо себя чувствовала. Неплохо было бы поставить спираль, говорила она, но я еще не совсем сошел с ума: тогда в газетах впервые появились публикации о том, что они небезопасны. Мы много говорили о детях и отлично договорились, что если мы даже узаконим наши отношения, то все равно не будем их иметь, потому что не хотим. Мы не имеем права

бросить детей в этот грязный, перенаселенный, говенный мир.., и бам-бам, бабл, бабл, — пойдем положим бомбу в мужском туалете Банка оф Америка, а потом отойдем на безопасное расстояние, закурим и поговорим о разнице между маоизмом и троцкизмом, если вы понимаете, что я хочу сказать. А может быть, я слишком давил на нас обоих. Елы-палы, мы были молоды и разумно идеалистичны. Развязка наступила, когда меня кастрировали, толпа на Беверли Хилл сделала это без всякого сожаления — вульгарный «чик» — и все. Операция прошла без проблем и без всяких последствий. Хотя они могли быть, вы знаете. У одного моего приятеля это место вспухло до размеров колеса от «Кадиллака» образца 1959 года. Мне пришлось подарить ему на день рождения пару подвязок и две бочки, этакий дизайнерский бандаж, но опухоль спала.

— Все исполнено с твоим обычным тактом и чувством собственного достоинства, — отметил Билл.

— Спасибо, Билл, за слова поддержки. В твоей последней книге ты применил слово «совокупление» 206 раз, я считал.

— Бип-бип, Словесный Понос, — сказал Билл важно, и все засмеялись. Биллу показалось

невероятным, что десять минут тому назад они говорили об убитых детях.

— Поскорее, Ричи, — сказал Бен. — Время летит.

— Мы с Сэнди прожили два с половиной года, — продолжал Ричи. — Дважды подходили к тому, чтобы пожениться. Когда все кончилось, я подумал, как мы спасли себя от сердечной боли и всего прочего, живя просто так, без всякого объединения в семью. Вскоре она получила предложение работать в юридической конторе в Вашингтоне, а я получил предложение в КЛАД, работать по выходным жокеем — не много, но все-таки. Она сказала мне, что это ее шанс, и я буду самым бесчувственным шовинистом в Соединенных Штатах, если стану вставлять ей палки в колеса; вскоре она навсегда покинула Калифорнию. Я сказал ей, что у меня тоже есть шанс. Так мы все вытряхнули и трахнулись, и в конце концов вытряхнутая и трахнутая Сэнди уехала.

Через год после этого я решил сделать обратную вазектомию. Никакой реальной причины для этого не было, и я знал по литературе, что шансов мало, но подумал — чем черт не шутит.

— У тебя был кто-то постоянный? — спросил Билл.

— В том-то и дело, что нет, это самое смешное, — сказал Ричи, ухмыляясь. — Просто однажды проснулся.., с этим в голове.

— Да, хорошенькое дельце, — сказал Эдди. — Общая анестезия, вместо местной? Хирургия? Неделя в больнице!

— Да, доктор предупредил меня об этом, — ответил Ричи.

— Но я настаивал, не знаю почему. Доктор спросил меня, понимаю ли я, что операция будет очень болезненной, а результат — как игра в «орел или решка». Я сказал, что знаю. Он сказал: о'кей. А я спросил, когда же, потому что по мне — чем скорее, тем лучше. Тогда он сказал: «Попридержи коней, сынок, попридержи коней. Первым делом надо взять анализ спермы, чтобы убедиться, что операция необходима». Я сказал, что сдам анализы после вазектомии. Это сработало. Но он сказал мне, что иногда операция не нужна, потому что все происходит само собой. «Ой, мама! — сказал я. — Никто мне этого не говорил». Он сказал, что шансы невелики, почти равны нулю, но раз такая серьезная операция, мы должны все проверить. Ну, я и пошел в мужской туалет с каталогом голливудских красоток Фредерика и спустил в Дикси-чашку...

— Бип-Бип, Ричи, — сказала Беверли.

— Да, ты права, — сказал Ричи, — часть о каталоге Фредерика — ложь, конечно, вы никогда не найдете ничего подобного во врачебном кабинете. Тем не менее, доктор вызывает меня через три дня и спрашивает, какие новости я хочу услышать сначала — плохие или хорошие.

«Конечно, хорошие», — сказал я.

«Хорошие новости, что операция не нужна, — сказал он. — А плохая новость в том, что каждая, с кем ты был в постели последние два или три года, может предъявить к тебе иск как к потенциальному отцу своего ребенка».

«Вы говорите то, что я слышу, я не ослышался?» — спросил я его.

«Я говорю и повторяю, что ты способен к деторождению, в твоей сперме миллионы живых клеточек. И дни твоего скакания на неоседланных лошадках сочтены, Ричард».

Я поблагодарил его и встал. Потом я позвонил Сэнди в Вашингтон.

«Ричи, — сказала она мне. И голос Ричи неожиданно стал голосом той девушки Сэнди, которую никто из них никогда не встречал. Это была не имитация и не простое копирование, это было, как если бы она сама присутствовала здесь. —

Здорово, что ты позвонил! Я вышла замуж!»

«Здорово! — сказал я. — Ты должна была дать мне знать. Я бы прислал тебе смеситель». Она продолжала: «Все тот же старый Ричи, всегда переполнен шутками». «Да, — сказал я, — все тот же старый Ричи, всегда переполненный шутками. А между прочим, Сэнди, у тебя не доучилось ребеночка, после того как ты уехала из Лос-Анджелеса, или может быть, какие-то неприятности с циклом?»

«Эта твоя шутка не смешная, Ричи», — сказала она, и я понял, что она сейчас повесит трубку. Поэтому я рассказал ей все, что произошло. И она начала смеяться, на этот раз это было тяжело. Она смеялась, как мы с вами смеемся, ребята, как будто кто-то рассказал ужасно смешную историю и невозможно удержаться. Когда она стала затихать, я спросил, что она нашла в этом смешного? «Это просто замечательно, — сказала она, — на этот раз посмеялись над тобой. Подшутили над тобой. Пластинка Тозиер. Сколько ублюдков ты наплодил с тех пор, как я уехала на восток, а Ричи?»

«Значит, ты не испытала еще радости материнства?» — спросил я ее.

«Собираюсь в июле, — сказала она. — Есть еще

вопросы?»

«Да, — ответил я, — когда же ты изменила свое мнение о том, что рожать детей в этом говенном мире — аморально?»

«Когда я встретила человека, который оказался не говном», — ответила она и повесила трубку.

Билл начал смеяться. Он смеялся, пока слезы не покатились по щекам.

— Да, — сказал Ричи. — Я думаю, она так быстро со мной переговорила, чтобы оставить за собой последнее слово. Я пошел к врачу через неделю и спросил его, не может ли он объяснить мне подробнее, чем вызвана эта регенерация. Он сказал, что говорил с несколькими своими коллегами о моем случае. Оказалось, что в течение трех лет за 1980 — 1982 годы Калифорнийское отделение Академии медицинских наук получило 23 рапорта о регенерации. Шесть операций оказались сделанными плохо. Над другими шестью просто подшутили. Итак.., только одиннадцать настоящих операций за три года.

— Одиннадцать из скольких сделанных? — спросила Беверли.

— Из 28617-ти, — сказал Ричи, — и ни одного ребенка в результате. Говорит это тебе о чем-нибудь, Эдс?

— Это все же не доказывает, — уныло начал Эдди.

— Нет, — сказал Билл, — это ничего не доказывает. Но это может служить неким звеном. Вопрос заключается в том, что мы сейчас будем делать? Ты что-нибудь думал об этом, Майк?

— Разумеется, думал, — сказал Майк, — но без вас, пока вы все не собрались и не поговорили так, как сейчас, решить было невозможно. Я не мог предвидеть, чем закончится наша встреча, пока она действительно не произошла.

Он надолго замолк, задумчиво глядя на них.

— У меня есть идея, — сказал он, — но, прежде чем я изложу ее вам, нужно, как мне кажется, решить, будем ли мы что-то здесь делать. Постараемся ли мы сделать то же, что уже сделали прежде? Попытаемся ли мы снова убить Оно? Или опять разделимся на шесть и разъедемся в разные стороны?

— Кажется, да, — начала Беверли, но Майк покачал головой — он еще не кончил.

— Вы должны понять, что наши шансы на успех предусмотреть невозможно. Я знаю, что они невелики, и знаю, что, будь Стан с нами, их было бы больше. С уходом Стэна наш круг разорвался. И я не знаю, сможем ли мы вообще с этим

разорванным крутом выбросить Оно вон, хотя бы ненадолго, как мы сделали это прежде. Я думаю, Оно убьет нас одного за другим, и, возможно, каким-нибудь ужасным способом. Детьми мы создали этот кружок, замкнутый кружок, до сих пор я не понимаю, как нам это удалось. Я думаю, если мы согласимся продолжать действовать, мы создадим новый кружок, поменьше, не знаю, сможем ли мы сделать это. Может оказаться, что.., уже слишком поздно. Майк опять посмотрел на них внимательно, глаза его потухли и выглядели усталыми на коричневом лице. — Думаю, нам надо проголосовать. Остаться и попытаться опять что-то сделать или разъехаться по домам. Вот что мы должны выбрать. Я собрал вас здесь во имя старого обещания. Результаты могут быть хуже, и жертв может быть больше, Он взглянул на Билла. И в этот миг Билл понял, что надвигается. Он трепетал, но ничего не мог поделать и с чувством облегчения представил себе, что должен совершить самоубийство; бросить руль и закрыть глаза рукой — принять это. Майк собрал их здесь, Майк скрупулезно выложил все перед ними.., а сейчас он уступает бразды правления... Он собирается отдать их тому, кто уже выиграл в 1958 году.

— Что ты скажешь. Большой Билл? Сформулируй.

— Прежде чем я скажу, — сказал Билл, — ввсе ли поняли вопрос? Ты что-то собираешься сказать, Бев? Она покачала головой.

— Отлично, думаю, вопрос стоит таким образом: остаемся ли мы здесь и боремся, или обо всем забываем? Кто за то, чтобы остаться?

В первые секунды никто за столом не пошевелился. Это напомнило Биллу атмосферу аукциона, когда цена неожиданно зависает, и тогда те, кто не собирается больше повышать цену, замирают, как статуи, боясь пошевелить рукой — как бы аукционист не прибавил еще пять или двадцать пять. Билл подумал о Джорджи, который никому не желал зла, который хотел только выскочить из дому, где просидел целую неделю, о Джорджи с бумажной лодкой в одной руке, о Джорджи, который благодарит его.., а потом встает на цыпочки и целует его в холодную щеку: «Спасибо, Билл. Отличная лодка».

Он почувствовал, как старая ярость поднимается в нем, но сейчас он был старше, и перспективы у него были пошире. Теперь это был не только Джорджи. Жуткая вереница имен прошла перед его мысленным взором. Бетти Рипсом, найденная

замерзшей в земле;

Шерил Ламоники выловлена из Кендускеага, Мэтью Клементс, разбившийся на своем мотоцикле; Вероника Гроган, 9 лет, найдена в канализационном коллекторе; Стивен Джонсон, Лиза Альбрехт, все остальные, и только Богу известно, сколько ненайденных. Он медленно поднял руку и сказал:

— Давайте убьем Оно, на этот раз действительно убьем Оно. Только одно мгновение единственно его рука была поднята, как у единственного ребенка в классе, который знает правильный ответ и которого все остальные ненавидят. Потом Ричи вздохнул, поднял руку и произнес:

— К черту все. Это не может быть хуже, чем брать интервью у Оззи Осборна.

Беверли подняла руку. Краски вернулись на ее лицо, пятна выступили на скулах, щеки горели. Она выглядела и чрезвычайно взволнованной и испуганной до смерти.

Поднял руку и Майк.

Бей поднял руку.

Эдди Каспбрак сидел в кресле и выглядел так, как будто желал раствориться в этом кресле и исчезнуть. Его тонкое лицо было ужасно испуганным, когда он посмотрел направо и налево

и потом назад на Билла. И Биллу на миг показалось, что наверняка Эдди просто встанет, толкнет дверь и выйдет из комнаты, не глядя ни на кого. Но Эдди поднял руку, а другой рукой схватил свой аспиратор.

— Так и надо, Эдс, — сказал Ричи. — Мы действительно собираемся дать себе пищу для размышления, я думаю.

— Бип-бип, Ричи, — дрожащим голосом сказал Эдди.

6

Неудачники получают сюрпризы

— Так что у тебя за идея, Майк? — спросил Билл. Роза, хозяйка, вошедшая с целым блюдом печенья с сюрпризом, окончательно испортила им настроение. Она вежливо и внимательно, без тени любопытства, оглядела этих шестерых людей со вскинутыми руками. Они медленно опустили руки, и никто не произнес ни звука, пока Роза не вышла.

— Это довольно просто, — сказал Майк, — но может оказаться чертовски опасно.

— Валяй, говори, — сказал Ричи.

— Я думаю так мы будем спорить до вечера. Мне кажется, каждый из нас должен вернуться в

то место в Дерри, которое он — или она — помнит лучше.., но не в Барренс. Туда идти еще рано. Можете считать, что это прогулка, если хотите.

— Зачем, Майк? — спросил Бей.

— Я не совсем уверен. Поймите, я во многом полагаюсь на интуицию...

— Тем не менее, мы кое-что узнали и можем от этого отталкиваться, — сказал Ричи. Все улыбнулись, кроме Майка, он просто кивнул.

— Да, такая постановка вопроса хороша, как, впрочем, и любая другая. Взрослым трудно полагаться на интуицию, и это главная причина, почему мы должны сделать именно так.

В конце концов дети на 80% поступают именно так, по крайней мере, пока им не стукнет четырнадцать.

— Ты говоришь, что нужно вернуться к этому делу? — спросил Эдди.

— Я так думаю. Если не знаете точно куда идти, положитесь на свои ноги, они выведут куда-нибудь. А вечером встретимся в библиотеке и поговорим о том, что с вами случится.

— Если что-нибудь случится, — сказал Бен.

— Думаю, что-нибудь да будет.

— А что, как ты думаешь? — спросил Билл. Майк покачал головой.

— Понятия не имею. Думаю, что бы ни случилось, наверняка это будет неприятно. Вполне возможно, что кто-то из нас не придет в библиотеку сегодня вечером. Нет причин так думать.., кроме.., той же интуиции:

Все молчаливо согласились.

— Но почему поодиночке? — наконец спросила Беверли. — Если уж нам предстоит делать это всем вместе, почему ты хочешь, чтобы мы начинали по одному, Майк? Особенно если это настолько рискованно?

— Думаю, я могу ответить, — сказал Билл.

— Давай, Билл, — предложил Майк.

— Это начиналось для каждого из нас отдельно, — сказал Билл, — и я кое-что запомнил. У меня — фото в комнате Джорджа, у Бена — мумия. Потом прокаженный, которого Эдди видел на балконе на улице Нейболт-стрит. Кровь на траве около канала в парке. И птица.., была еще какая-то птица, да, Майк?

Майк мрачно кивнул.

— Большая птица.

— Да, только не такая добрая, как в «Сезам-стрит». Ричи усмехнулся.

— Кошмар, неужели мы все прокляты!

— Бип-бип, Ричи, — сказал Майк, и Ричи

умолк.

— У тебя был голос в трубе и кровь, капающая из водопровода, — сказал Билл Беверли. — А у Ричи... — здесь он остановился в замешательстве.

— Я, должно быть, исключение, подтверждающее правило, Большой Билл, — сказал Ричи. — Впервые я соприкоснулся с этим тоща летом, в комнате Джорджа, когда мы с тобой пришли к тебе и смотрели его альбом с фотографиями. Фото Центральной улицы возле канала начало двигаться. Ты помнишь?

— Да, — сказал Билл, — а ты уверен, что до этого ничего не было, Ричи? Вообще ничего?

— Ну, — что-то мелькнуло в глазах Ричи. — Ну, да, однажды Генри и его приятели гнались за мной, как раз перед окончанием школы, и я убежал от них в отдел игрушек в универмаге. Потом я пошел по Центральной улице и сел на скамейку в парке на минуту, и я подумал, что я видел.., но это было только то, что я видел во сне.

— Что это было? — спросила Беверли.

— Ничего, — ответил Ричи довольно резко, — просто сон. — Он посмотрел на Майка. — Хотя я не отказываюсь от прогулки. Это поможет убить время. Экскурсия по родным местам.

— Значит, договорились? — спросил Билл. Все

кивнули. — Мы встретимся в библиотеке вечером.., когда ты предлагаешь, Майк?

— В семь. Позвоните, если будете опаздывать. Библиотека закрывается в семь на целую неделю, пока не начнутся школьные каникулы.

— В семь самое время, — сказал Билл, обводя всех глазами. — И будьте осторожны. Помните, никто из нас не знает по-настоящему, что нужно дддделать. Считайте, что это разведка. Если что-то увидите, не деритесь. Бегите.

— Я любовник, а не боец, — пропел Ричи мечтательным голосом Майкла Джексона.

— Ну, а если мы собираемся сделать это, нужно начинать, — сказал Бен. — Он слегка улыбнулся левым уголком рта, скорее горько, чем весело.

— Черт меня подери, если я знаю, куда мне идти. По мне, так лучше всего идти с вами, парни, — его глаза на минуту задержались на Беверли. — Не могу придумать ничего, что бы имело какое-то значение для меня. Наверное, я поболтаюсь пару часов, глазея на дома. Ноги уж точно промочу.

— Ты-то найдешь куда пойти, Соломенная Голова, — сказал Ричи. — Походи по старым кафе, собери дань. — Бен засмеялся.

— Мой аппетит заметно поубавился с одиннадцати лет. Я уже набит битком. Вы, парни, можете

выкатить меня отсюда.

— Ну, ладно. Все решено, — сказал Эдди.

— Минутку, — закричала Беверли, когда они стали подниматься со стульев. — Печенье с сюрпризом! Не забудьте про него!

— Ладно, — сказал Ричи, — я уже вижу свой сюрприз — скоро меня съест огромный монстр. Прощай, Ричи!

Они засмеялись, и Майк передал небольшую вазу с печеньем Ричи, который взял одно, а остальные передал дальше. Билл заметил, что никто не посмотрел, что находится внутри, пока все не взяли по одному. Они сидели, каждый держа сделанное в форме шляпки печенье либо в руках, либо на столе перед собой. И даже, когда Беверли, все еще улыбаясь, взяла свое, Билл почувствовал, что с трудом сдерживает крик:

Нет, нет! Не делай этого, это часть всего! Положи обратно, не открывай!

Но было слишком поздно. Беверли сняла шляпку со своего, Бен сделал то же самое со своим. Эдди разламывал свое вилкой, и как раз перед тем, как улыбка Беверли превратилась в гримасу ужаса, Билл успел подумать: *Мы знали, каким-то образом мы знали, потому что никто из нас ни разу не откусил от своего печенья. Нормально было*

бы, если бы мы сделали это, но никто не откусил. Наверное, какая-то часть в нас все еще помнит.

И он понял, что это их глубинное подсознание реализуется таким чудовищным образом; оно говорит более красноречиво, чем мог бы Майк, насколько глубоко это проникло в каждого.., и что оно все еще находится в них.

Кровь брызнула из печенья Беверли, как из разорванной артерии. Она текла по ее руке на стол, оставляя на белой скатерти яркие красные пятна, впитывающиеся в нее.

Эдди Каспбрак глухо вскрикнул и так резко оттолкнулся руками и ногами от стола, что стул, на котором он сидел, едва не опрокинулся. Огромный жук, покрытый отвратительными желто-коричневыми чешуйчатыми пластинками, выполз из его печенья, как из кокона. Его стеклянные глаза слепо таращились на них. Когда он упал в тарелку Эдди, крошки печенья стали осыпаться с его спины шуршащим дождем. Звуки эти преследовали Билла даже во сне, когда позже он лег вздремнуть. Как только жук освободился полностью, он стал тереть свои тонкие суставчатые лапки друг о друга, производя сухое шелестящее жужжание. И Билл осознал, что это какой-то чудовищный мутировавший сверчок.

Он подполз к краю тарелки и кувырнулся на стол кверху лапами.

— О, Боже! — воскликнул Ричи испуганно. — О, Боже! Большой Билл, это глаз! Господи! Какой-то дерьмовый глаз.

Билл оглянулся и увидел Ричи, пристально глядящего на свое печенье с сюрпризом. Кусок глазурного покрытия отвалился на скатерть, и из образовавшейся дыры внимательно смотрел человеческий глаз. Крошки от печенья усеивали его коричневую радужницу и вонзались в хрусталик. Бен Хэнском отшвырнул свое печенье с сюрпризом — это был не намеренный бросок, а просто реакция испуганного человека. В то время как печенье катилось по столу, Билл увидел внутри два зуба с корнями, темными от свернувшейся крови. Он снова посмотрел на Беверли и увидел, что она судорожно глотает воздух, готовясь закричать. Ее взгляд был прикован к тому, что выползало из печенья Эдди, к твари, лежащей на столе и сучащей своими скользкими лапами. Билл вскочил. Он не думал, а только действовал. *Интуиция,* -подумал он, срываясь с места и зажимая рукой рот Беверли, прежде чем она смогла завопить. *Вот, и я действую, полагаясь на интуицию. Майк может мной гордиться.*

Вместо крика Беверли сдавленно замычала. А Эдди издавал какие-то свистящие звуки, которые Билл запомнил очень хорошо. Здесь все в порядке. Звуки были похожи на свист, издаваемый старым насосом. «Все в полном порядке», — как сказал бы Фрэдди Файер-стоун. Билл подумал уже не в первый раз, почему человеку лезут в голову такие мысли в самое неподходящее время.

Он сурово оглядел всех и произнес то, что прозвучало одновременно и до невозможности ностальгически и удивительно своевременно:

— Замолчите! Ни звука! Все замолчите!

Ричи закрыл рот рукой. Лицо Майка стало темно-серым, но он кивнул Биллу. Все отошли от стола. Билл не стал открывать своего печенья, но сейчас увидел, что оно начало медленно пульсировать туда-сюда — вдох-выдох, вдох-выдох, вдох-выдох. А все остальные старались избавиться от этого.

— М-м-м, — опять промычала Беверли под его рукой.

— Замолчи, Бев, — сказал он, убирая руку. Глаза у нее были во все лицо. Губы дрожали.

— Билл... Билл, ты видел? — Ее глаза снова остановились на сверчке. Казалось, он подыхает. Его глаза в складках смотрели на нее, и тут Беверли

снова начала жалобно стонать.

— С.., совершенно верно, — сказал он непреклонно, — возвращайся обратно к столу.

— Я не могу. Билли, я не могу быть рядом с этим...

— Ты можешь. Ты *обязана.* -Он услышал шаги, легкие и быстрые, идущие через небольшой холл по другую сторону занавеса из бус. Он посмотрел на остальных.

— Эй! Обратно к столу. Разговаривайте. Держитесь естественно!

Беверли посмотрела на него умоляюще, и Билл кивнул. Он сел, придвинул стул к столу, стараясь не смотреть на печенье с сюрпризом в своей тарелке. Оно набухало, как какой-то невообразимый нарыв, полный гноя, и все еще медленно пульсировало вверх-вниз.

А *я мог бы попасться на эту удочку,* -подумал он вяло. Эдди опять взял свой ингалятор и впустил лечебный туман в легкие с длинным тонким скрипучим звуком.

— Кому, ты думаешь, достанется приз? — спросил Билл Майка. В это время из-за занавеса вышла Роза с вежливо-вопросительным выражением лица. Боковым зрением Билл увидел, что Бев заставила себя вернуться к столу. *Молодец,* -по-

думал он.

— По-моему, «Чикагские медведи» особенно хороши, — сказал Майк.

— Все в порядке? — спросила Роза.

— Ззамечательно, — сказал Билл. Он указал пальцем на Эдди. — У нашего приятеля был приступ астмы. Он принял лекарство и сейчас ему лучше.

Роза взглянула на Эдди, размышляя.

— Лучше-лучше, — прохрипел тот.

— Не хотите ли вы, чтобы я убрала?

— Попозже, — сказал Майк, пытаясь улыбнуться.

— Все хорошо? — Ее глаза снова обшарили стол, но очевидность взяла верх над сомнениями. Она не увидела ни сверчка, ни глаза, ни зубов, ни дышащего печенья Билла, она, не останавливая взгляда, скользнула по кровавым пятнам на скатерти.

— Все было очень вкусно, — с улыбкой сказала Беверли; улыбка получилась даже более естественной, чем у Билла или у Майка. Это, казалось, совсем успокоило Розу, убеждая ее в том, что, если и было что-то не так, то это случилось не по вине Розы и не из-за ее кухни.

— У девчонки хорошая выдержка, — подумал

Билл.

— А сюрпризы были хороши? — спросила Роза.

— Ну, — сказал Ричи — не знаю, как у остальных, а у меня был настоящий глаз.

Билл услышал легкий треск. Он посмотрел на свою тарелку и увидел лапку, слепо выбирающуюся из своего печенья, она скреблась по тарелке. *Я мог бы попасться на это,* -снова подумал он, но продолжал улыбаться.

— Очень хорошо, — сказал он. Ричи смотрел в тарелку Билла, где огромная черно-белая муха медленно выбиралась из остатков печенья. Она слабо жужжала. Что-то желтоватое и вязкое вытекало из остатков печенья и пачкало скатерть. Теперь появился запах, тяжелый запах гниющей раны.

— Ну, если я вам пока не нужна...

— Нет-нет, спасибо, — сказал Бен, — превосходное печенье. Самое... Самое замечательное.

— Тогда я пойду, — сказала она, пробираясь сквозь бусины в занавеске. Бусины еще колебались и звякали друг о друга, когда все они снова отшатнулись от стола.

— Что это? — спросил Бен сипло, глядя в тарелку Билла.

— Муха, — сказал Билл. — Муха-мутант; на-

верное, подарок от писателя по имени Джордж Лэнглохем. Он написал рассказ «Муха».

По нему был поставлен фильм — ну, не такой уж хороший. Но эта история что-то во мне всколыхнула. Это, похоже. Его старые штучки. Это дело с мухой было у меня на уме давно, потому что я думал написать роман «Жуки на дороге». Я понимаю, что название звучит по-идиотски, но видите ли...

— Извините, — сказала Беверли отстранение. — Меня сейчас вырвет, я думаю.

И она ушла, прежде чем кто-либо из мужчин успел встать. Билл схватил свою салфетку и придавил ею муху, которая была размером с птенца ласточки. Ничего большего не могло вылезти из такого маленького китайского печенья с сюрпризом.., но она смогла: она дважды прожужжала из-под салфетки, а затем умолкла.

— Господи, — пробормотал тихо Эдди.

— Давайте к черту забудем обо всем этом, — сказал Майк, — мы можем встретить Бев в холле.

Беверли как раз выходила из туалета, когда они собрались у кассы. Она выглядела бледной, но успокоенной. Майк заплатил по счету, поцеловал Розу в щечку, а потом все вышли на улицу под дождь.

— Это не изменило вашей решимости? — спросил Майк.

— Не думаю, — сказал Бен.

— Нет, — сказал Эдди.

— Ты вообще о чем? — спросил Ричи.

Билл покачал головой и посмотрел на Беверли.

— Я остаюсь, — сказала она. — Билли, что ты имел в виду, когда сказал: «Это Его старые штучки»?

— Я думал, как я буду писать рассказ про жука, — сказал он. — Этот рассказ Лэнглохема застрял у меня в мыслях. А потом я увидел муху. Ты увидела кровь, Беверли. Почему у тебя на уме была кровь?

— Я полагаю, из-за той крови из водостока, — сразу же сказала Беверли, — кровь, которая потекла из трубы в ванной на старой квартире, когда мне было одиннадцать. — Было ли это действительно так, она не думала. Потому что ей на самом деле немедленно пришло на ум то событие, когда она оставила кровавые следы ног после того, как наступила на разбитый флакон из-под духов. И еще Том. И («Бевви, иногда я сильно волнуюсь») ее отец.

— Ты тоже получил жука, — напомнил Билл Эдди. — Почему?

— Не совсем жук, — сказал Эдди, — сверчок. В нашем подвале водятся сверчки. Дом за двести тысяч, а мы не можем избавиться от сверчков. По ночам они нас сводят с ума. Пару ночей тому назад у меня действительно был кошмар. Мне приснилось, что я проснулся, а моя кровать полна сверчков. Я пытался бить их ингалятором, но только громыхал, а проснувшись, обнаружил, что у меня в постели действительно полно сверчков.

— Хозяйка не видела ничего, — сказал Бен. Он посмотрел на Беверли, — как и твои родители никогда не видели крови, текущей из трубы, сколько бы ее ни было.

— Да, — сказала она.

Они стояли, глядя друг на друга под теплым весенним дождем. Майк посмотрел на часы.

— Автобус будет где-то через двенадцать минут.

— Я думаю, что пойду пешком, — сказал Бен.

— Я пойду с тобой, если ты проводишь меня, — сказал Ричи.

— Отлично, а куда ты идешь? Ричи пожал плечами:

— Пока не знаю.

Остальные решили ждать автобуса.

— В семь вечера, — напомнил Майк, — и будьте

осторожны. Они согласились быть осторожнее, хотя Билл не мог понять, как можно искренне обещать что-нибудь, когда имеешь дело с таким чудовищным множеством непредвиденных факторов.

Он было начал говорить об этом, но потом увидел по их лицам, что все и без него об этом знают. Поэтому он пошел от них, приветственно помахав на прощанье. Туманный воздух окутал его лицо. Прогулка обратно в город будет длинной, но это хорошо. У него было над чем подумать. Он был доволен, что их союз возобновился и что они начали это дело.

Глава 11. ПРОГУЛКИ ПЕШКОМ

1

Бен Хэнском отступает

Ричи Тозиер вышел из такси на перекрестке трех улиц — Канзас-стрит, Центральной и Мейн-стрит, Бен потерял его из виду в конце Ап-Майл-Хилл. Шофер был собратом Билла по вере, но ни Ричи, ни Бен не знали этого: Дэйв угрюмо молчал. Бен мог бы выйти вместе с Ричи, он и думал так сделать, но почему-то ему показалось, что лучше начать поодиночке.

Он стоял на углу Канзас-стрит и Долтри-клоуз, наблюдая, как такси вливается в поток уличного движения, кулаки его в карманах были крепко сжаты, и он старался забыть об отвратительных событиях сегодняшнего ланча. Но напрасно; мысли его упорно возвращались к черно-серой мухе, выползающей из печенья с сюрпризом на тарелку Билла. Он тщетно пытался удержаться от воспоминаний об этой твари, но через пять минут обнаруживал, что вновь и вновь вспоминает ее.

Я *стараюсь как-то это объяснить,* -думал он, — *имея в виду не моральную сторону, а скорее*

математическую. Здания строятся по каким-то определенным правилам и законам природы, законы природы могут выражаться в уравнениях, уравнения можно объяснить. Как можно объяснить то, что произошло менее получаса тому назад?

— Оставь это, — говорил он сам себе уже не в первый раз. — Ты не можешь это объяснить, поэтому оставь это.

Очень хороший совет, правда, проблема заключалась в том, что он не мог воспользоваться им. Он вспоминал, что через день после того, как он увидел мумию на замерзшем Канале, его жизнь продолжалась как обычно. Он знал: что бы ни произошло, как бы близко ужас ни подбирался к нему, но жизнь его продолжалась, как ни в чем не бывало: он ходил в школу, сдавал тесты по арифметике, ходил в библиотеку, когда уроки кончились, да и ел с обычным аппетитом. Он просто включил то, что он видел на Канале, в свою жизнь, и даже если бы его убили.., ну, мальчишки часто бывают на грани смерти. Они носятся по улицам, не глядя по сторонам; заплывают слишком далеко на своих резиновых матрасах, а потом обнаруживают, что им недогрести; катаясь на лошадях, берут непреодолимые барьеры и ломают

шею или падают с деревьев вниз головой.

И сейчас, стоя поя сеткой мелкого моросящего дождя перед магазином скобяных товаров, который в 1958 году был ссудной кассой, Бен смотрел на двойные окна, заполненные пистолетами, ружьями, шпагами и гитарами, подвешенными за грифы, как туши экзотических животных; и тут ему пришло в голову, что мальчишки всегда должны подвергать себя риску, а еще для них хорошо иметь какую-нибудь тайну в жизни. Они безоговорочно верят в невидимый мир. Чудеса, как светлые, так и темные, конечно, имеют для них огромное значение, и они всегда балансируют на грани. Но.., неожиданный сдвиг в сторону прекрасного или ужасного никогда не мешает им съесть добавку за обедом.

Но когда вы вырастаете, все меняется. Вы больше не лежите без сна в постели, услышав, что кто-то возится в туалете или скребется у окна, но когда действительно случается нечто неподдающееся логическому объяснению, цепи перегружаются, элементы перегреваются. Вы начинаете нервничать, трястись, извиваться и вилять, ваше воображение перепрыгивает с одного на другое, нервы дрожат, как у трусливого цыпленка. И вы не можете связать это состояние

с тем, что уже было в вашей предыдущей жизни. Вы не можете это переварить. Вы возвращаетесь к этому снова и снова, играя своими мыслями, как котенок играет мячиком на веревочке. Пока наконец не сходите с ума или не убираетесь в такое место, где до вас никому нет дела.

Он пошел по Канзас-стрит, не задумываясь, куда именно он идет. И вдруг подумал: *ЧТО МЫ СДЕЛАЛИ С СЕРЕБРЯНЫМ ДОЛЛАРОМ?* Он до сих пор не мог вспомнить.

Серебряный доллар, Бен... Беверли спасла тебе жизнь с его помощью. Твою.., а может быть, и всех остальных.., особенно жизнь Билла. У меня кишки чуть не вырвало, пока Беверли не сделала.., что? Что она сделала? И как это смогло сработать? Она уклонилась от этого, и мы все помогли ей. Но как?

Слово пришло неожиданно, слово, которое вообще ничего не означало, но заставило сжаться его плоть. *Чудь.*

Он посмотрел на тротуар и некоторое время видел изображение черепахи, нарисованное мелом, — казалось, мир заплясал перед его глазами. Он крепко зажмурил глаза, а когда снова открыл их, то увидел, что это была не черепаха, а просто нарисованные «классы», наполовину смытые

дождем. *Чудь.*

Что это значило?

— Я не знаю, — сказал он громко, и когда он оглянулся, чтобы посмотреть, не видел ли кто, как он разговаривает сам с собой, то обнаружил, что он свернул с Канзас-стрит на Костелло-авеню. За обедом он говорил другим, что только в Барренсе, единственном месте в Дерри, он чувствовал себя счастливым, когда был мальчишкой.., но это была не совсем правда. Было еще одно место. Либо случайно, либо в беспамятстве, но он пришел на это место — это была Публичная библиотека Дерри.

Он погулял по лужайке перед библиотекой, отмечая, что его матерчатые туфли постепенно намокают, глядя на застекленный проход, который соединял взрослую библиотеку с детской. Проход также не изменился, и отсюда, стоя за свисающими ветвями плакучей ивы, он мог видеть людей, проходящих взад и вперед. Старое восхищение наполнило его сердце, и он на самом деле забыл, впервые забыл о том, что случилось в конце ланча. Он вспомнил, как гулял по этому самому месту ребенком, только в зимнее время, и ему приходилось прокладывать путь сквозь глубокий снег, доходивший почти до бедер. Он

приходил в сумерки, вспоминал Бен, и опять его пробирало до кончиков пальцев, которые уже онемели, а снег таял в его зеленых ботинках. Темнота опускалась над местом, где он стоял, и мир становился лиловым от зимних теней, небо на востоке было пепельно-серым, а на западе тлели последние красные угольки. Там, где он стоял, было холодно, возможно, градусов 10, но было бы еще холоднее, если бы ветер дул из замерзшего Барренса, как это частенько бывало.

Но там, меньше чем в сорока ярдах от места, где он стоял, люди ходили туда-сюда в одних рубашках. Там лился поток яркого белого света, отбрасываемого флюоресцентными лампами, висящими над головой. Маленькие ребятишки вместе хихикали, влюбленные школьники старших классов держались за руки (и если библиотекарша видела их, то запрещала им делать это). Это было что-то волшебное, волшебное в хорошем смысле этого слова, и он был слишком мал, чтобы считаться с такими земными вещами, как электрический свет. Волшебством был этот сверкающий цилиндр света и тепла, соединяющий эти два темных здания, как дорога жизни; волшебством было наблюдение за людьми, идущими через это темное заснеженное поле, но не

тронутыми ни темнотой, ни холодом. Это делало их прекрасными, почти богоподобными.

В конце концов он уходил, всегда останавливался и оглядывался (как он сделал это и сейчас), пока громоздкий каменный корпус взрослой библиотеки не закрывал линию обзора, а потом и огибал здание, подходя к парадной двери.

Ошеломленный ностальгической болью в сердце, Бен поднялся по ступеням взрослой библиотеки, подождал минуту на узкой веранде поя колоннами, где всегда в самый жаркий день было прохладно. Затем он толкнул дверь, обитую железом, с отверстием для того, чтобы опускать книги, и шагнул в тишину. Сила памяти на мгновение закружила ему голову, когда он вступил в неясный круг света, падающего от подвешенного стеклянного глобуса. Сила эта была не физическая — не удар в челюсть или пощечина. Она была больше сродни тому странному чувству времени, помноженному на самое себя, которое люди называют, за неимением лучшего термина, *дежавю.*

Бен уже переживал подобное чувство прежде, но никогда он не получал удара такой силы, который полностью дезориентировал его. Несколько мгновений он стоял в дверях, буквально потеряв

представление о времени, даже не представляя, сколько ему лет. Было ли ему тридцать восемь или только одиннадцать?

Здесь стояла такая же тишина, нарушаемая только внезапным шепотом, слабым стуком штампа, который библиотекарь опускал на книги, запоздалыми замечаниями, да сухим шорохом газетных или журнальных страниц. Ему нравился этот свет, как тогда, так и сейчас. Он косо падал из высоких окон, серый, как крыло голубя в этот дождливый полдень, свет, который был усыпляющим и печальным.

Он шел по полу с черно-красными узорами линолеума, которые были почти полностью стерты ногами, стараясь, как всегда, не шуметь; перед ним вырастала библиотека для взрослых с куполом в центре, и все звуки становились волшебными. Он видел все те же железные ступени лестниц — по одной на каждой стороне от главного подковообразного стола, но он также видел, что за те двадцать пять лет, как они с мамой уехали отсюда, появился небольшой эскалатор. Он почувствовал облегчение, смягчившее это удушающее чувство дежавю. Он чувствовал себя контрабандистом, пересекающим границу, или шпионом из другой страны. Он все еще ожидал,

что библиотекарь за столом поднимет голову, посмотрит на него, а потом обратится к нему ясным звенящим голосом, который нарушит сосредоточенность всех читателей и заставит всех посмотреть на него: «Вы, да вы! Что вы здесь делаете Вам нечего здесь делать. Вы не отсюда! Вы из прошлого! Сейчас же уходите, пока я не позвала полицию!»

Она действительно подняла голову, симпатичная молоденькая девушка, и на одно мгновение Бену показалось, что все его фантазии сейчас превратятся в реальность, и сердце его подкатило к горлу, когда ее бледно-голубые глаза посмотрели на него. Взгляд ее равнодушно скользнул по Бену, и он увидел, что может продолжать идти. Если он и был шпионом, его не обнаружили.

Он прошел по винтовой узкой и опасной для жизни лестнице по пути в коридор, ведущий к детской библиотеке, и свернул в стеклянную галерею, замечая и другие изменения: на выключателях висели таблички желтого цвета, гласящие: «ОПЕК любит, когда вы тратите энергию попусту, поэтому берегите каждый ватт!» Картинки в рамочках на стене были новыми в этом мире столов и стульев светлого дерева, в мире, где фонтанчики для питья были не больше

четырех футов высотой; это были изображения не Дуайта Эйзенхауэра и не Ричарда Никсона, но Рональда Рейгана и Джорджа Буша. В то время, когда Бен кончал школу, как он помнил, Рейган работал в Театре Джи, а Джорджу Бушу едва исполнилось 30 лет.

Но.., это чувство *дежавю* снова захватило его. Перед ним он чувствовал себя беспомощным. На этот раз его охватил ужас оцепенения, как человека, который обнаружил, что все его усилия приблизиться к берегу не увенчались успехом и он тонет.

Это было время, когда библиотекарь рассказывала сказки, и в углу группа из двенадцати малышей, сидя полукругом в своих маленьких креслицах, слушала затаив дыхание ее таинственный тихий голос тролля из сказки: «Кто там идет по моему мосту?» Бен подумал: *Когда она поднимет голову, я увижу мисс Дэвис, и она будет выглядеть такой же молодой, ни на день старше.*

Но когда она подняла голову, он увидел гораздо более молодую женщину, моложе даже мисс Дэвис тех времен. Некоторые детишки откровенно хихикали, но другие внимательно наблюдали за ней, в глазах их отражалась вечная таин-

ственность сказки: победят ли чудовище или оно кого-нибудь съест? «Это я — Хриплый Козел Билли иду по твоему мосту», — продолжала библиотекарь. А Бен, побледнев, прошел мимо нее.

Как она могла рассказывать ту же самую историю? Ту самую историю? Случайность ли это?! Потому что, черт возьми, я не верю в это! Он облокотился на фонтанчик для питья, наклоняясь так низко, что почувствовал себя как Ричи, делающий свой салям.

Мне нужно с кем-то поговорить, -подумал он в панике. — С *Майком, с Биллом, с кем угодно. Действительно ли что-то сталкивает прошлое с настоящим здесь, или я только представляю себе это? Потому что, если это не мое воображение, то я должен быть готов ко всему.*

Он посмотрел на стол, где обменивались книги, и его сердце остановилось в груди, чтобы через несколько секунд с удвоенной скоростью забиться. Объявление было простым и знакомым:

"ПОМНИ О КОМЕНДАНТСКОМ ЧАСЕ.
19.00"
Полицейское управление Дерри

В это мгновение, казалось, все прояснилось для него — понимание пришло с суеверным страхом,

он понял, что то, за что они проголосовали, было только шуткой. Не было никакого возврата в прошлое, никакого. Все было предопределено, как след в памяти, который заставил его, например, посмотреть вверх, когда он поднимался по лестнице. Здесь, в Дерри, было эхо, мертвое эхо, и все, на что они могли надеяться, заключалось в том, сможет ли это эхо достаточно измениться, чтобы все сложилось в их пользу, чтобы они смогли избежать опасности.

— Господи Иисусе, — пробормотал он и потер ладонью щеку.

— Могу ли я чем-нибудь помочь вам? — спросил чей-то голос из-под его локтя, и он даже подпрыгнул от неожиданности. Это была девушка лет семнадцати, ее темно-русые волосы локонами обрамляли прелестное лицо школьницы. Наверняка, помощница библиотекаря, такие были и в 1958 году, — старшеклассницы, которые ставили книги на полки, показывали ребятишкам, как пользоваться каталогом, обсуждали доклады по книгам и школьным сочинениям, помогали отстающим и смущенным школьникам разобраться в сносках и библиографиях. Оплата была мизерная, но всегда находились желающие. Это была работа по договору.

Но зная все это и видя добрый, но вопросительный взгляд девушки, он вспомнил, что больше не принадлежит этому миру: он — великан в стране лилипутов. Самозванец. В библиотеке для взрослых он чувствовал себя неловко, ожидая, что на него посмотрят или заговорят, но здесь он получил какое-то утешение. С одной стороны, он получил подтверждение, что он действительно взрослый, а с другой — еще большее утешение доставлял тот факт, что у девушки под рубашкой западного образца не было бюстгальтера; это доказывало, что на дворе 1985 год, а не 1958-й.

— Нет, спасибо, — сказал он, а потом добавил. — Я ищу сына.

— О! Как его зовут? Может быть, я видела его? — она улыбнулась. — Я знаю почти всех детей.

— Его зовут Бен Хэнском, — сказал он. — Но я не вижу его здесь.

— Как он выглядит, скажите, и я скажу ему, если он здесь.

— Ну, — сказал Бен, чувствуя себя неудобно и жалея, что он начал этот разговор, — он такой коренастый, немного похож на меня. Но не беспокойтесь, мисс. Если вы его увидите, скажите, что его отец заедет за ним по дороге домой.

— Хорошо, — сказала она и улыбнулась, но

улыбки не было в ее глазах. И Бен неожиданно вспомнил, что она подошла и заговорила с ним из простой вежливости и желания помочь. Она была помощницей библиотекаря в Детской библиотеке города, в котором за последние восемь месяцев через короткие промежутки времени было убито девять детей. Вы видите какого-то незнакомца в этом замкнутом мирке, в котором взрослые появляются довольно редко, только для того, чтобы привезти или увезти ребенка. У вас, конечно, возникают подозрения.

— Спасибо, — сказал он, улыбаясь ей в ответ, надеясь, что он ее убедил, а потом убрался восвояси.

Он прошел через коридор в библиотеку для взрослых, а потом, повинуясь какому-то импульсу, подошел к столу библиотекаря. Конечно, предполагалось, что они все будут следовать своим импульсам сегодня. Следовать своим импульсам и наблюдать, куда они приведут.

Именная табличка над конторкой гласила, что имя молоденькой библиотекарши было Кэрол Дэннер. Позади библиотекарши Бен увидел дверь со стеклянной табличкой, где было написано: «МАЙКЛ ХЭНЛОН. СТАРШИЙ БИБЛИОТЕКАРЬ».

— Чем могу помочь? — спросила мисс Дэннер.

— Надеюсь, можете, — сказал Бен. — Мне хотелось бы записаться в библиотеку.

— Очень хорошо, — сказала она, взяв форму. — Вы живете в Дерри?

— Сейчас нет.

— Ваш домашний адрес?

— Рурал-Стар-роуд, 2. Хэмингфорд-хоум, штат Небраска. Он помолчал немного, несколько смущенный ее взглядом, а затем добавил почтовый индекс «59341».

— Вы шутите, мистер Хэнском?

— Совсем нет.

— Вы что, переезжаете в Дерри?

— *4-* Да нет, не думаю.

— Не слишком ли далеко вам придется ездить, чтобы обменять книги? Разве в Небраске нет библиотек?

— Это дань сентиментальности, — сказал Бен. Он думал, это признание поразит ее, но этого не произошло. — Я вырос в Дерри, понимаете? И впервые за много лет приехал сюда, где рос. Я гулял по Дерри, смотрел, что изменилось, а что нет. И неожиданно мне пришло в голову, что отсюда, где я провел десять лет жизни с трех до тринадцати лет, у меня не осталось никакой вещи, чтобы вспомнить годы, прожитые здесь. Хотя

бы почтовой открытки. У меня было несколько серебряных долларов, но один я потерял, остальные отдал друзьям. Поэтому мне хотелось бы иметь какой-нибудь сувенир на память о моем детстве. Уже поздно, но, наверное, лучше поздно, чем никогда?

Кэрол Дэннер улыбнулась, и улыбка превратила ее симпатичное лицо в прекрасное:

— Я думаю, это очень трогательно, — сказала она. — Если вы сможете подождать десять-пятнадцать минут, я заполню вашу карточку и вы сможете ее забрать.

Бен усмехнулся.

— Я полагаю, нужна какая-то плата — для приезжих и так далее.

— А в детстве у вас была карточка?

— Наверняка, — улыбнулся Бен. — За исключением моих друзей, я думаю, библиотечная карточка была для меня самой важной вещью...

«Бен, не подойдешь ли ты сюда?» — громкий голос неожиданно прорезал библиотечную тишину, как скальпель.

Он обернулся, чувствуя себя виноватым за нарушение тишины. Но не увидел никого знакомого.., и понял, спустя мгновение, что никто не смотрит на него и не показывает никаких знаков

недовольства. Он повернулся к молодой женщине, которая с удивлением смотрела на него.

— Что-нибудь не так?

— Нет, все в порядке, — сказал Бен, улыбаясь, — мне послышалось. У меня, наверное, сдвиг по фазе. Извините, что вы сказали?

— Ну, на самом деле это вы говорили. Я просто хотела добавить, что если у вас когда-то была карточка, ваше имя должно еще быть в регистратуре, — сказала она, — мы сейчас все храним на микрофильмах. Еще одно изменение с тех пор, как вы были ребенком.

— Да, — сказал он, — многое изменилось в Дерри.., но многое и осталось без изменений.

— Тем не менее, я сейчас посмотрю ваши сведения и дам вам новую карточку. Никакой оплаты.

— Замечательно, — сказал Бен, но, прежде чем он успел сказать спасибо, вновь голос прорезал священную тишину библиотеки, на этот раз более громко и угрожающе весело: «Давай, давай, Бен! Ты, маленькое жирное дерьмо! Это Твоя Жизнь, Хэнском!»

Бен прочистил горло:

— Я вам очень признателен.

— Не стоит благодарности, — она подняла голову, — на улице потеплело?

— Да, немного, — сказал он.

«Бен Хэнском сделал это! — скрипел голос. Он шел откуда-то сверху, из-за стеллажей. — Бен Хэнском убил детей. Хватайте его! Держите его!»

— Вы вспотели, — сказала она.

— Правда? — спросил он по-идиотски.

— Я сейчас все сделаю, — сказала она.

— Спасибо.

Она направилась к старой пишущей машинке в углу ее конторки. Бен медленно пошел прочь, сердце его вырывалось из груди. Да, он потел, он чувствовал, как капли пота ползут по затылку, под мышками, по волосам на груди. Он посмотрел вверх и увидел клоуна Пеннивайза, стоящего наверху левой лестницы и гладящего на него. Лицо его было белым от грима, губы вымазаны кровавой помадой в усмешку убийцы. В одной руке у него была связка воздушных шаров, а в другой — книга.

Не он, -подумал Бен, — *а Оно. Я стою здесь, в центре Публичной библиотеки Дерри, в ротонде, поздней весной 1985 года, я — взрослый человек, и я сталкиваюсь лицом к лицу с моим детским кошмаром, самым страшным кошмаром:* я *столкнулся лицом к лицу с этим Нечто.*

«Поднимайся, Бен, — звал Пеннивайз, — я не

обижу тебя. У меня есть книга для тебя. Вот книга.., и вот шарик! Поднимайся!»

Бен открыл рот, чтобы ответить: «Ты болван, если думаешь, что я собираюсь идти», — и вдруг он осознал, что если бы он сделал это, все вокруг уставились бы на него, все бы подумали: «Что это за сумасшедший?»

«О, я знаю, что ты не ответишь, ты не можешь ответить, — прокричал Пеннивайз вниз и захихикал. — Я почти одурачил тебя, не так ли? Извините, сэр, нет ли у вас „Принс Альберт“ в банке?.. Есть?.. Лучше отпустите бедного парня! Извините, мэм, это ваш холодильник потек?.. Да?.. Тогда не хотите ли вы поймать его?»

Клоун откинул голову и закатился от смеха. Его хохот гремел и отдавался эхом в куполе ротонды, как черная ракета, и Бен только огромным усилием воли смог сдержаться от того, чтобы не зажать уши руками.

«Иди сюда, Бен, — продолжал звать клоун. — Мы поговорим. На нейтральной территории. Что скажешь?»

Я не собираюсь подниматься, -думал Бен. — *Если я наконец доберусь до тебя, тебе это вряд ли понравится. Мы собираемся убить тебя.*

Клоун опять покатился со смеху: «Убить меня?

Убить Меня?!»

И вдруг, неожиданно пугающе его голос сделался голосом Ричи Тозиера, передразнивающего голос негритенка: «Не трогайте меня, масса, я буду хорошим негром, не убивайте этого черного мальчишку, Соломенная Голова!» И затем снова истерический хохот.

Дрожащий, бледный Бен прошел через центр ротонды, гремящей эхом. Он почувствовал, что вот-вот завопит. Он встал перед книжной полкой и наугад выбрал одну из книг, перелистывая ее дрожащей рукой. Его холодные пальцы оставляли следы на страницах.

«Это твой единственный шанс. Соломенная Голова! — гремел голос сверху и сзади него. — Убирайся из города, убирайся, пока не стемнело. Сегодня вечером я всюду буду преследовать тебя.., тебя и остальных. Ты слишком стар, чтобы остановить меня, Бен. Вы все слишком стары. Слишком стары, чтобы сделать что-нибудь, за исключением того, чтобы позволить себя убить. Убирайся, Бен! Ты что, хочешь полюбоваться на все это вечером?»

Он медленно повернулся, все еще держа книгу в холодных руках. Он не хотел смотреть, но было похоже, что какая-то невидимая рука взяла его

за подбородок и поднимает вверх, вверх, вверх. Клоун исчез. На краю левой лестницы стоял Дракула, но не киношный Дракула; это был не Бела Лугоци, и не Фрэнк Лэнгелла, и не Фрэнсис Ледерер, и не Кристофер Ли, и не Реджи Нолдер. Древний человеко-зверь с лицом искаженным и мертвенно-бледным, с пурпурно-красными глазами, цвета запекшейся крови, с разинутым ртом, открывающим синие оскаленные клыки, торчащие под углом; это было похоже на лабиринт зеркал, где любой неверный шаг приведет к тому, что тебя разорвет на части.

«Ки-и-и-Рач», — прокричало оно и клацнуло челюстями. Кровь потекла изо рта красно-черным потоком. Она капала с плотно сжатых губ на белую шелковую рубаху и текла по ней, оставляя кровавые следы.

«Ты знаешь, что видел Стэн Урис перед тем, как умереть? — прокричал вампир, хохоча через кровавую дыру своего рта. — Был ли это Принц Альберт в банке? Был ли это Дэви Крокет — Король Дикого запада? Что он видел, Бен? Что? Ты хочешь увидеть это тоже? То, что видел он?» И опять этот истерический смех. И Бен знал, что и он тоже скоро забьется в истерике, и не было способа остановить крик; он едва сдерживал

его. Кровь лилась потоком с лестницы, как из мерзкого душа. Одна капля упала на скрюченную от артрита руку старика, читающего «Уолл-стрит джорнэл». Она текла и текла между его суставами, невидимая и неосязаемая.

Бен затаил дыхание, уверенный, что сейчас вырвется крик, немыслимый в тишине этого мягкого моросящего весеннего полудня, как неожиданный удар ножом.., или как рот, набитый лезвиями.

Вместо этого нерешительно и нетвердо, не выкрикнутые, а сказанные, сказанные, как молитва, тихо, пришли слова: *Мы сделаем вместо этого шарики. Мы перельем серебряный доллар в серебряные шарики.*

Джентльмен в шоферской кепке, который просматривал заметки де Варгаса, посмотрел напряженно.

— Чепуха, — сказал он. На этот раз люди действительно посмотрели вверх: кто-то шикнул на старика, на что тот очень обиделся.

— Простите, — сказал Бен низким дрожащим голосом. Он прекрасно знал, что его лицо покрыто потом и что его рубашка прилипла к телу. — Я думал вслух...

— Чепуха, — повторил старик громче. — Кто

сможет делать серебряные шарики из серебряных долларов? Чепуха! Фантастика! Проблемы гравитации...

Неожиданно подошла мисс Дэннер:

— Мистер Брокхил, вы должны соблюдать тишину. Люди читают, — сказала она достаточно вежливо.

— Человеку плохо, — сказал Брокхил, возвращаясь к своей книге. — Кэрол, дайте ему аспирин.

Кэрол Дэннер посмотрела на Бена, и лицо ее заострилось.

— Вы больны, мистер Хэнском? Я понимаю, что это невежливо спрашивать, но выгладите вы ужасно. Бен сказал:

— У меня на завтрак сегодня была китайская еда. Думаю, мне ее не переварить.

— Если вы хотите прилечь, то в кабинете мистера Хэнлона есть раскладушка. Вы могли бы...

— Нет, спасибо, не стоит, — Не полежать ему хотелось, а послать всю эту чертову библиотеку подальше. Он посмотрел на лестничную площадку. Клоун исчез. И вампир исчез. Но висел шарик, крепко привязанный к низким железным перилам, которые загораживали площадку. На боку у него была надпись: «Всего хорошего! Сегодня ты умрешь».

— Я заполнила вашу библиотечную карточку. Вам она еще нужна? — спросила библиотекарша.

— Да, спасибо, — сказал Бен и глубоко и тяжело вздохнул. — Мне очень жаль, что все так случилось.

— Надеюсь, что это не пищевое отравление, — сказала она.

— Это не сработает, — сказал мистер Брокхил, не поднимая глаз от де Варгаса и не выпуская своей потухшей трубки изо рта. — Фантастика. Пуля будет кувыркаться.

И совершенно неожиданно, не желая что-то сказать, Бен начал:

— Шарики, а не пули. Мы поняли уже тогда, что не сможем делать пули. Знаете, мы были детьми. Это была моя идея...

— Ш-ш-ш-ш, — зашипел кто-то опять.

Брокхил взглянул на Бена, как будто желая что-то сказать, но снова вернулся к своим заметкам.

У конторки Кэрол Дэннер подала ему маленькую оранжевую карточку со штампом Публичной библиотеки Дерри вверху.

Ошеломленный, Бен осознал, что это первая в его жизни взрослая библиотечная карточка. Та, которую он имел в детстве, была желто-канаре-

ечного цвета.

— Вы уверены, что не хотите прилечь, мистер Хэнском?

— Я чувствую себя немного лучше. Спасибо.

— Правда?

Он выдавил что-то наподобие улыбки.

— Уверен.

— Вы действительно выглядите немного лучше, — сказала она, но не совсем уверенно, как будто понимая, что нужно говорить так, но в действительности не очень в это веря.

Затем она поднесла книгу под приспособление для микрофильмирования, которое они в то время использовали для записи книг, выдаваемых читателям, и Бен почувствовал почти истерическое изумление. *Это та самая книга, которую я снял с полки, когда клоун начал говорить голосом негритенка,* -подумал он. — *Она решила, что я хотел взять ее. Я впервые за двадцать пять лет взял книгу из Публичной библиотеки Дерри, но даже не знаю, что это за книга. Кроме того, мне это и не надо. Только бы выбраться отсюда. И все, и все!*

— Спасибо, — сказал он, забирая книгу.

— Мы будем очень рады видеть вас снова, мистер Хэнском. Вы уверены, что вам не нужен

аспирин?

— Совершенно уверен, — сказал он, а затем, поколебавшись, спросил. — Вы случайно не знаете, что случилось с миссис Барбарой Старретт? Она была когда-то заведующей библиотекой для детей.

— Она умерла, — сказала Кэрол Дэннер. — Три года тому назад, у нее был удар, как я понимаю. Очень странно. Она была относительно молодой... 58 или 59 лет, я думаю. Мистер Хэнлон даже закрыл на один день библиотеку.

— О! — сказал Бен, ощущая еще одно пустое место в своем сердце. Вот что случается, когда возвращаешься туда, где ты «жил-да-был когда-то», как поется в песне. Крем на торте сладкий, а внутри — горько. Люди забывают вас или умирают, теряют волосы и зубы. Иногда вы обнаруживаете, что они сошли с ума. О, как хорошо быть живым! Господи, помилуй!

— Извините, — сказала она, — вы, наверное, любили ее.

— Да, все ребятишки любили миссис Старретт, — сказал Бен и почувствовал, что слезы подступают совсем близко.

— Как вы...

Если она спросит еще раз, как я себя чувствую,

*я на самом деле расплачусь. Или закричу. Или еще что-нибудь.*Он взглянул на часы и сказал:

— Мне действительно надо бежать. Спасибо, что были так добры.

— Желаю приятно провести день, мистер Хэнском *Не сомневайтесь. Потому что вечером я умру.*

Он помахал ей на прощанье и пошел обратно через весь зал. Мистер Брокхил взглянул на него еще раз строго и подозрительно.

Он посмотрел вверх на площадку. Воздушный шарик все еще болтался там, привязанный к перилам. Но надпись на боку теперь сообщала следующее: «Я УБИЛ БАРБАРУ СТАРРЕТТ! Пеннивайз Клоун».

Он оглянулся, снова чувствуя, как комок подкатывает к горлу. Он смог выйти на улицу и остановился, пораженный солнечным светом — над головой мчались облака, смятенные и прекрасные в солнечном свете, а теплые майские лучи делали траву невыносимо зеленой и буйной. Бен почувствовал, что в сердце его что-то поднимается, ему казалось, что он оставил в библиотеке какую-то невыносимую ношу... Он посмотрел на книгу, которую взял в библиотеке, и зубы его сжались с неожиданной причиняю-

щей боль силой. Это был «Бульдозер» Стивена Мидера, одна из книг, что он брал в библиотеке в тот день, когда ему пришлось бежать в Барренс, чтобы избавиться от Генри Бауэрса и его друзей.

И, вспоминая Генри, он заметил на обложке книги едва заметный отпечаток своего старого ботинка.

Разминая страницы и перелистывая их, он посмотрел в конец книги. Он знал, что в библиотеке перешли на контрольную систему микрофильмирования, но в этой книге все еще был бумажный пакет в конце с засунутыми туда карточками. На каждой линии после фамилии стояла дата возврата, проштампованная библиотекарем. Бен увидел:

Имя читателя Дата возврата
Чарльз Браун Май 14 1958
Дэвид Хартвелл Июнь 01 1958
Джозеф Бреннан Июнь 17 1958

И на последней строке в карточке была его собственная детская подпись, написанная жирным карандашом:
Бенджамин Хэнском Июль 09 1958

И везде, по всей книге — на карточке и на страницах, на последнем листе, — везде стоял

красный, как кровь, штамп — «СДАНО».

— О, Господи Боже мой, — промычал Бен. Он не знал, что еще сказать, кроме: «Боже мой. Боже мой!»

Он стоял в этом обновленном солнечном свете и неожиданно вспомнил: а что же происходит с остальными?

2

Эдди Каспбрак попадает в ловушку

Эдди вышел из автобуса на углу Канзас-стрит и Коссут-лейн. Улица Коссут-лейн плавно спускалась четверть мили до крутого обрыва, сходящего прямо в Барренс. Он совершенно не мог понять, зачем он сошел с автобуса именно здесь. Он не знал никого, кто жил в этой части улицы. Но казалось, что только здесь и надо было сойти. Это все, что он знал, но и этого было достаточно. Беверли выбралась из автобуса, помахав им на прощанье, на одной из остановок в конце Мейн-стрит. Майк отогнал свою машину назад к библиотеке. И сейчас, наблюдая, как маленький и какой-то неуклюжий автобус «Мерседес» удаляется в конец улицы, Эдди не мог понять, что он здесь делает, на этом уединенном и мрачном углу, в этом мрачном городе, в пятистах милях от Миры,

которая, несомненно, проливает слезы из-за него. Он прокашлялся и пошел вдоль по Канзас-стрит, размышляя, идти ли ему к Публичной библиотеке или, может быть, свернуть на Костелло-авеню. Начинало проясняться, и он подумал, не пойти ли ему по Западному Бродвею, чтобы полюбоваться старыми викторианскими домами, которые тянулись вдоль улицы, — этими двумя по-настоящему красивыми кварталами Дерри. Он хаживал сюда, когда был маленьким, — просто гулял по Западному Бродвею, или случайно заходил сюда, если шел куда-нибудь по своим делам. Там стоял дом Мюллеров — на углу Витчем и Западного Бродвея, — красный дом с башенками по обеим сторонам и забором спереди. У Мюллеров был садовник, который всегда смотрел на Эдди с подозрением, когда он проходил мимо.

Дальше стоял дом Бови, через четыре дома от Мюллеров, на той же стороне — по этой причине, как он думал. Грета Бови и Салли Мюллер были такими большими подругами в грамматической школе. Дом утопал в зелени и тоже был с башенками, но башенки на доме Мюллеров были квадратными, в то время как у Бови они завершались смешными конусообразными штуками, которые казались Эдди бумажными колпаками.

Летом у них всегда стояла садовая мебель на лужайке — стол с желтым зонтиком над ним, плетеные стулья и гамак, повешенный между двумя деревьями. Там всегда организовывались игры в крокет. Эдди знал об этом, хотя Грета никогда не приглашала его поиграть. Иногда, проходя мимо, Эдди слышал стук мячей, смех, визг, если чей-то мяч улетал. Однажды он увидел Грету — с лимонадом в одной руке и с крокетной клюшкой в другой, выглядела она, нет слов, такой приятной и стройной. Грета бежала за своим мячом, который улетел, и поэтому Эдди смог увидеть ее.

Он немного влюбился в нее в тот день — ее сияющие светлые волосы спадали на ярко-синее платье. Она глядела по сторонам, и в один момент он даже подумал, что она увидела его, но вскоре он понял, что ошибся, потому что, когда он поднял руку, чтобы поприветствовать ее, она не подняла свою в ответ, она просто бросила найденный мяч на площадку и побежала вслед за ним. Эдди ушел, не обижаясь за то, что она не ответила на приветствие (он искренне верил, что она, должно быть, не заметила его) или за то, что она никогда не приглашала его поиграть в крокет: почему такая красивая девочка, как Грета Бови, будет приглашать такого мальчишку, как

он? Он был плоскогрудым астматиком с лицом водяной крысы.

Эх, -подумал он, бесцельно двигаясь вниз по Канзас-стрит, — *хорошо бы пойти на Западный Бродвей и посмотреть на все эти, дома опять — на дом Мюллеров, Бови, доктора Хэйла, Трэкеров.*Мысли его резко оборвались на последнем имени, потому что, черт подери! — вот он стоит перед гаражом братьев Трэкеров.

— Все еще здесь, — громко сказал Эдди и засмеялся.

Дом на Западном Бродвее принадлежал Филу и Тони Трэкерам — двум старым холостякам, — и был, наверное, самым красивым домом на этой улице — белоснежный викторианский дом, с зелеными лужайками и огромными клумбами, которые буйно цвели, начиная с ранней весны и до поздней осени. На подъездной дороге все щели и выбоины всегда были замазаны, поэтому она всегда оставалась свежей и черной, как темное зеркало. Черепичные скаты крыши своим безупречным зеленым цветом всегда соперничали с лужайками. И люди часто останавливались, чтобы сфотографировать старинные и необыкновенно причудливые окна.

«Любые люди, содержащие дом в таком по-

рядке, должны быть с причудами», — как-то раз безапелляционно отметила мать Эдди, а Эдди побоялся спросить, что это значит.

Гараж для грузовиков был прямой противоположностью дому Трэкеров на Западном Бродвее. Это было низкое кирпичное сооружение. Кладка была старая и местами обвалилась. Фасад был грязно-оранжевым и отбрасывал тень на перепачканный сажей низ здания. Все окна были одинаково грязными, за исключением маленького круглого кусочка на нижней раме в конторе диспетчера. Этот маленький кружочек очищался мальчишками и до Эдди и после него, потому что над столом диспетчера висел календарь «Плейбой». Не было такого мальчишки, который бы не остановился перед игрой в бейсбол и не взглянул на ежемесячную новенькую очаровашку через протертое отверстие на стекле.

Братья ставили свои грузовики отдельно от всех на заднем дворе; они могли стоять там очень долго, потому что оба обожали бейсбол и любили, когда дети приходили к ним поиграть. Фил Трэкер водил грузовик сам, поэтому мальчишки редко видели его, но Тони Трэкер, человек с огромными кулачищами и сильной волей, вел книги и счета, и Эдди (который никогда не играл:

его мать убила бы его, если бы узнала, что он играет в бейсбол, бегая и вдыхая пыльный воздух своими нежными легкими, рискуя сломать ногу или еще Бог знает что) иногда видел его. Он всецело принадлежал лету и этой игре, для Эдди он был частью бейсбола, как позже Мэл Аллен. Тони Трэкер, огромный, а иногда похожий на привидение в своей белой рубашке, мерцающей в наступивших летних сумерках, когда светлячки начинали летать в воздухе, вопил: «Ты должен подлезть под этот мяч, прежде чем схватишь его, ты. Рыжий! Следи за мячом, Полпинты! Ты не сможешь бить по чертовой штуке, если не смотришь на нее!.. Пас, Копыто! Рви подметки от второго судьи, он никогда тебя не догонит!!!» Он никогда никого не звал по имени, как помнит Эдди. А всегда только — «эй. Рыжий, эй. Белобрысый, эй. Четырехглазый, эй. Полпинты». Он никогда не говорил «мяч», а всегда «мач». Бита никогда не была битой, а всегда что-то типа «ясеневая ручка». Еще он имел обыкновение кричать: «Ты никогда не ударишь по мачу, если как следует не замахнешься. Копыто!»

Улыбаясь своим воспоминаниям, Эдди подошел поближе.., и улыбка исчезла. Длинное кирпичное здание, где слышались команды, чинились гру-

зовики, хранились товары короткое время, было погружено в тишину и темноту. Сорная трава росла прямо из гравия, и не было ни одного грузовика по обеим сторонам двора.., только одинокая коробка с ветхими стенами уныло торчала среди этого развала.

Подойдя еще ближе, он увидел вывеску продавца недвижимости в окне: «Продается».

Трэкеры разорились, -подумал он и удивился той грусти, которую вызвала эта мысль, как если бы кто-то умер. Он был рад сейчас, что не пошел дальше по Западному Бродвею. Если «Братья Трэкеры» могли исчезнуть — «Братья Трэкеры», которые казались вечными, — что же могло произойти с улицей, той самой улицей, по которой он так любил гулять мальчишкой? Он не хотел видеть Грету Бови с сединой в волосах, с растолстевшими бедрами и ногами — от чрезмерного сидения, переедания и перепивания. Лучше было держаться подальше.

Вот что мы все должны делать — держаться подальше. Нам нечего здесь делать. Возвращение в детство похоже на немыслимую йоговскую штуку — типа засовывания своей ноги в рот или самопоедания. Это невозможно сделать. А некоторые здравомыслящие люди были бы чертовски

рады, если бы это случилось.., что же могло случиться с Тони и Филом Трэкерами?

С Тони мог случиться сердечный приступ. У него было килограммов 75 лишнего веса. Ему следовало следить за сердцем. Это только поэты могут петь романсы о разбитых сердцах. А сердце Тони, наверняка, отказало. А Фил? Может быть, что-то случилось на дороге. Эдди, который тоже жил когда-то на колесах (правда, сейчас он ездил только на церковные службы, а работал за столом) знал, что случается на дорогах. Старый Фил мог поехать по делу куда-нибудь в Нью-Гемпшир или в Хэйсвильские леса на севере Мэна, когда дорогу занесло снегом или была гололедица, или, может быть, он не справился с управлением на длинной дороге к югу от Дерри, направляясь в Хэвен в весеннюю распутицу. Всякое могло случиться, как поется в этих душещипательных песнях о шоферах грузовиков, которые носят стетсоновские шляпы и принимают жизнь как она есть. Сидеть за столом, конечно, иногда скучно, но Эдди сам побывал на водительском сиденье и знал, что настоящее одиночество всегда окрашено в грязно-красный цвет: свет задних огней впереди едущего автомобиля отражается в капельках дождя на переднем стекле.

— О, как быстро летит это дерьмовое время, — сказал Эдди Каспбрак, вздыхая и даже не обращая внимания на то, что он говорит громко.

Чувствуя себя одновременно просветленным, но и несчастным, — состояние, наиболее характерное для него, чему он никогда не мог поверить, — Эдди прошел через здание, хрустя гравием под ногами, чтобы посмотреть на место, где проходили игры в бейсбол, когда он был ребенком, тоща ему казалось, что мир на 90% состоит из детей.

Площадка изменилась не так сильно, но одного взгляда было достаточно, чтобы увидеть, что игры там больше не проводятся.

В 1958 году ромбовидная форма площадки определялась не только и не столько бейсбольными дорожками, сколько следами бегущих ног. У них практически ничего не было для игры, у этих мальчишек, которые играли здесь в бейсбол; все мальчишки были старше Неудачников, хотя Эдди вспомнил, что Стэн Урис иногда играл, у него были красивые подачи, на поле он мог бегать быстро и имел отличную реакцию.

Сейчас, стоя здесь, Эдди не видел никаких следов этих старых игр. Трава обильно прорастала сквозь гравий. Разбитые бутылки из-под содовой

и пива валялись тут и там: в прежние времена такого никогда бы не допустили. Единственная вещь, которая не изменилась, — это забор из цепей позади площадки., двенадцати футов в высоту, удивительно ржавый и грязный.

Это была уже наша территория, -подумал Эдди, стоя в раздумье там, где 27 лет назад шла их игра. — *Через забор и к Барренсу...* Он громко рассмеялся, а затем посмотрел вокруг себя нервно, как если бы увидел привидение, которое смеялось вместо него, вместо солидного мужчины в шестидолларовых брюках, солидного, как...

«Оставь это», — казалось, он услышал голос Ричи. — «Какой же ты солидный? Ты совсем не солидный, и цыпочек у тебя было мало за последние несколько лет и с большими промежутками. Правда?»

— Правда, — сказал Эдди тихо и пнул несколько камней, которые с шумом покатились. По правде говоря, он видел только два мяча, которые перелетели через забор на площадке позади «Братьев Трэкер», и оба эти мяча были забиты одним и тем же мальчиком, Белчем Хаггинсом. Белч был почти комически огромен — шесть футов в высоту, и уже в 12 лет вес его был около 170. Он получил свое прозвище Отрыжка потому, что спокойно

мог производить рыгание удивительной громкости и продолжительности — в лучшие моменты это звучало как помесь лягушки с цикадой.

Белч был не таким уж жирным, вспомнил Эдди сейчас, но это выглядело так, как будто Господь Бог никогда не производил двенадцатилетнего мальчишку таких необъятных размеров; если бы он не умер в то лето, то достиг бы размеров б на 6 или даже больше. В свои двенадцать лет он был неуклюж, вял и казался почти придурковатым, — все его движения были медлительны и лишены координации. У него не было никакой грации, как, например, у Стэна; казалось, что тело Белча отдельно от головы витает в каком-то медленном сонном мире. Так же медлителен Белч был и на площадке. Если он вел мяч, то только ленивый не смог бы догнать его и перехватить игру. Но если уж он бил, друзья могли быть довольны. Те два мяча, которые Элди видел, Белч так и не нашел. Первый вообще никогда не нашли, хотя более дюжины мальчишек блуждали взад и вперед над спящим обрывом Барренса, разыскивая его. Второй все же был найден. Мяч принадлежал одному шестикласснику по кличке Гнус и использовался с самой ранней весны и до поздней осени 1958 года. В результате это был уже

не идеальный круглый белый шар с красными стежками, он стал грязным, в зелени от травы и лопнул в нескольких местах от постоянных прыжков по гравию. Стежок в одном месте уже начал расходиться. И Эдди, который подбирал улетевшие мячи, когда астма не так беспокоила его, знал, что скоро кто-нибудь выбросит этот мяч и они станут играть другим.

Но пока этот день не пришел, семиклассник, которого, возможно, звали Стрингер Дэдхем, сказал, что он придумал «изменение скорости», подачу, направленную против Белча Хагпшса. Белч принял подачу идеально (она была медленной) и ударил старый мяч Снаффи так сильно, что с него слетела оболочка и пролетела над площадкой, как большая белая моль. А сам мяч продолжал лететь вверх в темное небо, все больше и больше разваливаясь. И Эдди вспомнил, как Стрингер Дэдхем грязно выругался тихим голосом, когда он летел, оставляя след в небе. А шестеро мальчишек по-обезьяньи карабкались на забор, стараясь не выпустить его из виду. Эдди запомнил каркающий смех Тони Трэкера и его крик: «За такие штуки надо гнать со стадиона! Слышите? Надо бы убрать его со стадиона „Янкиз“!»

Питер Гордон нашел мяч недалеко от ручья,

где три недели спустя должен был открыться клуб Неудачников. То, что осталось от него, было меньше трех дюймов в диаметре, он был похож на петушиный глаз, и его уже никак нельзя было перевязать веревкой.

Не сговариваясь, мальчишки принесли остатки мяча Тони Трэкеру, который осмотрел его без слов, окруженный молчаливыми игроками. Если наблюдать за ними с какого-то расстояния, то этот кружок мальчишек, стоящих вокруг высокого человека с большим вылезающим из брюк животом, мог показаться каким-то религиозным собранием. Как бы почитанием какого-то святого образа. Белч Хаггинс даже никуда не побежал. Он стоял среди остальных мальчиков, как человек, который точно не знает, где он находится. То, что Тони Трэкер отдал ему в тот день, было по размеру даже меньше, чем теннисный мяч.

Эдди, заблудившийся в этих воспоминаниях, уходил от того места, где был «дом», проходя через насыпь, где стоял подающий, и дальше на лоно природы. Он немного постоял, оглушенный тишиной; затем подошел к забору. Забор был еще более ржавым, чем тогда, и весь зарос каким-то уродливо вьющимся диким виноградом. Глядя через забор, Эдди мог видеть, как резко земля ухо-

дила вниз, тоже вся заросшая буйной зеленью.

Барренс походил на джунгли больше, чем когда-либо, и он впервые за много лет подумал, почему такое место вообще называется пустошью, его можно было назвать по-разному, но никак не пустошью. Почему не Диким лесом или Джунглями?

Пустошь. Звучание этого слова было угрожающим, почти зловещим, но оно вызывало в памяти не сплетение кустов и деревьев, борющихся за место под солнцем, а картины песчаных дюн, тянущихся в бесконечность, серые плиты пустыни. Майк когда-то говорил, что они все пустоши, и казалось, это правда. Их семеро, и ни у кого нет детей. Даже сейчас, в дни расцвета и зрелости.

Он смотрел сквозь цепи забора, прислушиваясь к далеким звукам машин на Канзас-стрит и к далекому плеску бегущей внизу воды. Она сверкала в весеннем солнечном свете, как блики стекла. Бамбук все еще рос внизу, болезненно белея, как поганка среди зелени. А еще ниже, в заболоченной земле, окаймляющей Кендускеаг, была предполагаемая трясина.

Я *провел самое счастливое время моего детства там, среди этого месива,* -подумал он и вздохнул.

Он уже собирался уходить, когда что-то приковало его внимание: цементный цилиндр с тяжелой стальной крышкой наверху. «Пещеры Морлоков», — называл их Бен, смеясь губами, но не глазами. Если вы подойдете к одному из них, то увидите, что он доходит вам до пояса (если вы, конечно, ребенок), и заметите слова «Департамент общественных работ Дерри», выбитые в металлическом полукруге. И вы можете услышать булькающий звук внутри. Как будто там работала какая-то машина.

Пещеры Морлоков.

Это туда мы ходили. В августе. В конце. Мы ходили в одну из «пещер Морлоков» Бена, в канализационную трубу, но спустя некоторое время она перестала быть канализационной трубой. Она стала.., стала.., чем?

Патрик Хокстеттер упал туда. Беверли видела, как Оно схватило его. Это как-то связано с Генри Бауэрсом, ведь так? И...

Он повернулся и пошел в сторону заброшенного склада, больше не глядя на Барренс; ему не нравились мысли, которые он вызывал. Он хотел домой к Мире. Он не хотел оставаться здесь. Он...

— Лови, парень! — он повернулся на звук голоса и увидел мяч, летящий через забор прямо к

нему. Мяч ударился о гравий и подскочил. Эдди поймал его. Он сделал это, не думая, и это было сделано очень красиво, почти элегантно.

Он посмотрел на то, что показалось ему мячом, и все внутри его похолодело и опустилось. Когда-то это было мячом. Сейчас это была смотанная проволока; оболочка мяча была сорвана. И он увидел, что проволока куда-то тянется. Она проходила поверх забора витой паутиной и исчезала в Барренсе.

О, *Господи, Господи, опять Оно здесь со мной!..*

— Давай сыграем, Эдди, — послышался голос с другой стороны забора, и Эдди с ужасом узнал голос Белча Хаггинса, которого убили в туннеле под Дерри в августе 1958 года. А сейчас здесь был Белч собственной персоной, пытающийся перелезть через забор. На нем была полосатая униформа бейсбольной команды Нью-йоркских «Янкиз», разрисованная осенними листьями на фоне зелени. Это был Белч, но это также был прокаженный, отвратительное существо, восставшее из могилы, где он провел долгие годы. Плоть сего обрюзгшего лица сходила гниющими полосками. Одна глазница была пуста. Что-то шевелилось в его волосах. На одной руке у него была бейсбольная перчатка. Он просунул разлагающи-

еся пальцы своей правой руки через отверстие в заборе; когда он шевелил ими, слышался ужасающий скрежещущий звук, и Эдди подумал, что он сходит с ума.

— Надо бы убрать его со стадиона «Янкиз», — сказал Белч и усмехнулся. Отвратительная жаба, белая и извивающаяся, выпрыгнула из его рта и упала на землю. — Ты меня слышишь? Надо бы убрать его с этого чертового стадиона! А между прочим, Эдди, ты не хочешь поиграть подающим? Я делаю это за десять центов. Черт, я буду делать это бесплатно.

Лицо Белча изменилось. Желеобразный нос провалился, открывая два ряда красных щелей, которые Эдди видел в своих снах. Его волосы поползли с висков, превращаясь в белую паутину. Гниющая кожа на лбу спала, открывая белую кость, покрытую слизью, как мутные линзы прожектора. Белч исчез, появилось нечто, что стояло под балконом дома №29 на Нейболт-стрит.

— Бобби подает мне за десять центов, — монотонно напевал он, начиная перелезать через забор. Он оставлял куски плоти на острых проволочных узлах забора. Забор трясло и шатало под его весом. Когда он дотрагивался до листьев дикого винограда, они становились черны-

ми. — Он делает это в рабочее время. 15 центов сверхурочно.

Эдди пытался закричать, но только сухой бессмысленный шелест вырвался из его горла. Его легкие свистели, как самые старые в мире мехи. Он посмотрел на мяч в своих руках, и неожиданно кровь начала капать с витой проволоки. Она падала на гравий и исчезала между камешками. Эдди бросил то, что было мячом, и попытался сделать несколько шагов назад; глаза вылезли из орбит, он вытирал руки о рубашку. Прокаженный добрался до верха забора. Эдди видел силуэт его головы на фоне неба — как сушеная тыква с отверстиями на Хэллуин. Язык его свисал фута на четыре; он извивался по забору, как змея выползающая изо рта прокаженного. Одна секунда, другая...

Он не испарился, как привидение в кино, он просто выпал из бытия. Но Эдди слышал характерный звук, напоминающий хлопок пробки, вылетающей из бутылки шампанского. Это был звук воздуха," заполняющего пространство, где был прокаженный.

Он повернулся и побежал, но не пробежал и десяти шагов, как какие-то предметы вылетели из заброшенного кирпичного склада. Он подумал,

что это летучие мыши, и закрыл голову руками.., потом он увидел, что это куски материи, которые клали на поле, когда большие ребята играли здесь. Они вертелись и кружились, и он отворачивался, чтобы они не задели лицо. Наконец они легли на свои места все вместе, шлепая по гравию со звуками, напоминающими: «Раз, два, три, игра!»

Сдерживая дыхание, Эдди проскочил мимо поля с перекошенным ртом, с лицом, белым, как сыр.

«Бах!» — звук биты, ударяющей по несуществующему мячу. А потом...

Эдди остановился, силы уходили из него, он тяжело дышал. И вдруг земля стала вспучиваться по прямой линии от «дома» до площадки, как будто гигантский суслик рыл тоннель недалеко от поверхности земли. Гравий падал по обе стороны от тоннеля. Разрыхленная поверхность приблизилась к полю, и один кусок материала взлетел, щелкнув в воздухе. Он летел тяжело, но быстро, издавая шуршащие звуки — звуки, исходящие когда-то от мальчишек, пинающих и поддающих ногами эту тряпку. Земля начала вздыматься между первой и второй площадкой, и эта тоже взлетела в воздух, издавая такие

же звуки, пока, наконец, не опустилась, когда тоннель под землей достиг третьей площадки и направился к «дому». Площадка «дом» также взлетела, но, прежде чем она успела приземлиться, из-под земли появилась какая-то штука, как мрачный сюрприз на вечеринке, и штукой этой был Тони Трэкер, с лицом, похожим на скальп с приклеенными кусками мяса, на его белой рубашке — гниющие куски тела. Он выполз из-под земли на месте с отметкой «дом», раскачиваясь взад и вперед и извиваясь, как червяк. «Неважно, сколько ты будешь примеряться», — сказал Тони Трэкер скрежещущим голосом. «Неважно. Мы увидим. Мы поймаем тебя. Тебя и твоих дружков. Мы схватим мяч!»

Эдди вздрогнул и бросился прочь. Но тут кто-то положил ему руку на плечо. Он сбросил ее. Рука сначала сжала его плечо, потом отпустила... Он повернулся — это оказалась Грета Бови. Она была мертва. У нее не было половины лица, черви ползали в обнажившемся мясе. В руке она держала воздушный шарик зеленого цвета.

— Автомобильная катастрофа, — сказала уцелевшая часть ее рта и ухмыльнулась. Усмешка эта произвела невыразимый лопающий звук, и Эдди увидел ряд сухожилий, двигающихся, как

чудовищные ремни. — Мне было восемнадцать, Эдди, я выпила и поехала на красный свет. Но я все равно хочу с тобой дружить, Эдди.

Эдди отшатнулся от нее, закрыв лицо руками. Она пошла к нему. Кровь брызнула из ее ног, потом засохла.

И наконец позади нее он увидел то, что привело его в совершенный ужас: через площадку к нему тащился Патрик Хокстеттер.

Эдди побежал. Грета опять схватила его, пачкая какой-то ужасной жидкостью его воротник. Тони Трэкер бежал, как суслик человеческого роста. Патрик Хокстеттер спотыкался и шатался. Эдди бежал, не зная, откуда у него берутся силы и дыхание, но бежал со всех ног. И на бегу видел слова, плывущие перед ним; слова были выписаны на шарике зеленого цвета, который держала Грета Бови.

«ТАБЛЕТКИ ОТ АСТМЫ ВЫЗЫВАЮТ РАК ЛЕГКИХ! ПРИВЕТ ОТ АПТЕКИ НА ЦЕНТРАЛЬНОЙ!»

Эдди бежал. Он бежал и бежал, пока не рухнул в изнеможении чуть живой около Маккарон-парка, и несколько ребятишек видели его и наблюдали за ним, потому что он был похож или на привидение, или на больного какой-то страшной болезнью, и, как они думали, он мог быть

даже убийцей, и они спорили, не сдать ли его в полицию, но в конце концов все-таки не сдали.

3

Бев Роган платит долги

Беверли с отсутствующим видом шла вниз по Мейн-стрит от гостиницы, где она переоделась в джинсы и ярко-желтую дымчатую блузку. Она не думала, куда идет. Вместо этого в ее мыслях вертелось следующее:

Твои волосы — зимний огонь,
Тлеющие красные угольки в январе.
Мое сердце сгорает.

Она спрятала стихотворение в нижний ящик под белье. Может, мать и видела это, но ничего не сказала. Важность заключалась в том, что это был единственный ящик, в который отец никогда не заглядывал. Если бы он увидел открытку, он мог бы посмотреть на нее своим ясным, дружелюбным, почти парализующим взглядом и спросить самым дружеским тоном: «Ты сделала то, что нельзя делать? Бев? Ты делала что-то с мальчиком?» Был ли ответ — «нет», был ли ответ — «да», — все равно за этим следовал быстрый и сильный удар, такой быстрый и сильный, что

в первые секунды даже не чувствовалось боли, как будто на месте удара образовывался вакуум, но через мгновение этот вакуум наполнялся болью. А его голос продолжал дружелюбно: "Я *очень* беспокоюсь о тебе, Беверли. Я чудовищно обеспокоен. Ведь ты уже выросла, не так ли?"

Ее отец, может быть, так и живет в Дерри. Он жил здесь, когда она в последний раз слышала о нем, но это было.., как давно? Лет десять тому назад? Задолго до того, как она вышла замуж за Тома, в любом случае. Она получила от него открытку.

«Надеюсь, что ты ведешь себя хорошо и здорова, — говорилось в открытке. Надеюсь, что ты пришлешь мне что-нибудь, если сможешь, так как у меня очень мало денег. Я люблю тебя, Бевви. Папа».

Да, он *любил* ее, и она предполагала, что именно по этой причине она влюбилась так отчаянно в Билла Денбро тем долгим летом 1958 года. Потому что из всех мальчишек Билл единственный, кто вызывал ощущение силы, которое у нее ассоциировалось с отцом.., но это была сила иного сорта, сила, которая умела и слушать. Она не видела высокомерия и чувства собственности ни в его глазах, ни в его поступках. В то время, как она

считала, что беспокойство отца вызвано только чувством власти, в соответствии с которым люди, как домашние животные, должны подвергаться дрессировке и быть послушными.

По этой или по иной причине, но к концу вечеринки в июле того года, на той вечеринке, где Билл одержал полную победу, которая не потребовала от него никаких усилий, она без ума, с головы до пят влюбилась в него. Назвать это просто детским увлечением было все равно, что сказать, что «Ролс-Ройс» — это средство передвижения на четырех колесах, что-то типа вагона. Она не хихикала и не заливалась краской, когда видела его, не писала мелом его имя на деревьях или на стенах Моста Поцелуев. Просто она все время видела перед собой его лицо — томное, причиняющее сладкую боль чувство. Она могла бы умереть ради него.

Вполне естественно, что она думала, что это Билл послал ей любовное стихотворение.., хотя в глубине души она всегда знала, кто это сделал на самом деле. И позже каким-то образом автор признался, что это сделал он. Да, Бен сказал ей это (хотя сейчас она не могла вспомнить, при каких обстоятельствах и когда он действительно сказал это вслух), хотя его любовь к ней была так

же глубоко спрятана, как ее к Биллу.

(*Но ты сказала, Бевви, ты сказала ему, что ты любима.)* Хотя для всех, кто мог смотреть и видеть (добрыми глазами), это было очевидным. Это можно было увидеть по тому, как тщательно он сохраняет дистанцию между ними, как он затаивает дыхание, когда дотрагивается до ее руки, как он одевается, когда знает, что увидит ее. Дорогой, родной толстый Бен.

В конце концов это кончилось — этот трудный треугольник, но как это произошло, она не может вспомнить. Ей кажется, что Бен признал свое авторство и то, что он послал любовное стихотворение. Она думала, что сказала Биллу, что любит его и что будет любить его вечно. И однако эти два разговора помогли им спастись... Она не могла вспомнить. Эта память (или память памяти: это ближе к существу дела) была, как острова, которые на самом деле не острова, а так, небольшие куски отдельного кораллового рифа, который случайно появился из воды, но не как отдельный кусок, а как часть целого. И как она ни старалась глубже проникнуть в остальное, как только она делала это, тут же появлялся этот сумасшедший образ: стая птиц, которая каждую весну возвращается в Новую Англию, перегружа-

ет телефонные провода, деревья и крыши и все места наполняет своим хриплым чириканьем, и даже теплый воздух позднего марта набит ими. Этот образ приходит к ней опять и опять, напоминая и раздражая, как радиоволна, которая заглушает сигнал, который вы действительно хотите поймать.

Приехала домой, -думала она печально, но продолжала путь. То, что она видела перед собой, мало изменилось. Несколько деревьев исчезло; возможно, вязы погибли от какой-нибудь болезни. Дома стали грязнее, разбитых окон стало больше, чем тогда, когда она была ребенком. Некоторые разбитые стекла были заменены картонками. Некоторые нет.

И вот она стоит перед жилым домом №127 по Мейн-стрит. Все еще здесь. Облупленные белые стены стали облупленными шоколадно-коричневыми за те годы, что она здесь не была, но тут не могло быть ошибки. Вот окно, которое было их кухней, вот ее спальня.

Она вздрогнула, обхватив себя руками за плечи крест-накрест.

Папа, может быть, до сих пор живет здесь. Да, может быть. Он бы не переехал без особой нужды. Поднимайся, Беверли. Посмотри на поч-

товые ящики. Три ящика для каждого дома, как в те дни. А если ты увидишь на одном надпись «Марш», ты можешь позвонить и очень скоро услышишь шарканье тапочек внизу в холле, дверь откроется, и ты увидишь его, человека, чья сперма сделала тебя рыжей, левшой и дала тебе способность рисовать.., ты помнишь, как он когда-то рисовал? Он мог рисовать все, что захочет. Если ему хотелось — пожалуйста. Но ему не часто хотелось. Думаю, у него было столько всего, о чем надо было заботиться. Но, когда он садился рисовать, ты сидела рядом с ним, часами наблюдая, как он рисовал котов, собак, коров с выменем и с подписью Му-му. Ты смеялась, и он смеялся, потом говорил: «Теперь ты, Бевви». Потом он водил твоей рукой с карандашом, и ты видела корову, и кота, и смеющегося человека, появляющегося из-под твоего карандаша. И ты вдыхала запах его лосьона и чувствовала тепло его кожи. Заходи, Беверли! Позвони. Он подойдет, и он окажется старым, с глубокими морщинами на лице, а зубы, те, которые остались, будут желтыми, и он посмотрит на тебя и скажет: "О, Бевви, ты вернулась! Вернулась, чтобы навестить своего старого отца. Входи, Бевви, ярад тебя видеть, рад, потому что беспокоился о тебе, очень

беспокоился".

Она медленно шла по тропинке, и сорная трава, растущая между плитками тротуара, цеплялась за ее джинсы. Она ближе подошла к окнам первого этажа, но они были занавешены. Она посмотрела в почтовые ящики. Третий этаж — Стоквезер. Второй — Берк. Первый — у нее перехватило дыхание — Марш.

Но я не позвоню. Я не хочу его видеть. Я не позвоню.

Это было твердое решение. Решение, которое открыло ворота для еще более твердого решения. Она должна идти дальше по тропинке! Обратно в город! Обратно в гостиницу! Упаковать вещи! Заказать такси! Улететь! Велеть Тому собираться! Жить счастливо! Умереть спокойно! Она позвонила. Услышала знакомые шаги из комнаты — чик-чок — это всегда звучало для нее, как китайские имена: *Чинг-Чонг!* Тишина. Нет ответа. Она переминалась с одной ноги на другую, неожиданно захотев в туалет.

Никого нет дома, -подумала она с облегчением. — *Можно идти.* Но вместо этого позвонила снова: Чинг-Чонг! Нет ответа. Она стала думать о прелестном маленьком стихотворении Бена и старалась вспомнить точно, когда и как он

признался в своем авторстве, и почему-то на какую-то долю секунды это вызвало у нее воспоминания о первом менструальном цикле. Когда это у нее началось, в одиннадцать? Точно нет. Но грудь начала побаливать где-то в середине зимы. Почему?.. Потом она опять пыталась представить стаю, забившую телефонные провода, чирикающую везде и всюду.

Сейчас я уйду, я уже позвонила два раза, этого достаточно.

Но она снова позвонила.

Чинг-Чонг!

На этот раз кто-то приближался, и звук был как раз такой, как она себе его представила; усталый шепот старых тапочек. Она дико оглянулась кругом и подошла близко-близко. Не убежать ли ей за угол, пусть отец думает, что это мальчишки балуются? «Эй, мистер! У вас нет „Принс Альберт“ в банке?»

Она с облегчением вздохнула, потому что это был не ее отец. В дверях стояла и глядела на нее высокая женщина далеко за семьдесят. Ее волосы были длинными и пышными, почти белыми, только иногда среди белизны можно было увидеть прядь, как из чистого золота. Глаза за очками отсвечивали синим, как вода в фиордах,

откуда, возможно, приплыли ее предки. На ней был сиреневый халат из натурального шелка. Ветхий, но чистый. Ее морщинистое лицо излучало доброту.

— Что угодно, мисс?

— Прошу прощения, — сказала Беверли. Желание смеяться прошло так же, как и возникло. Она заметила на шее старухи камею. Почти наверняка она была сделана из слоновой кости, настоящей слоновой кости в обрамлении полоски золота, такой тонкой, что она была почти невидима.

Должно быть, я ошиблась квартирой. Или намеренно нажала звонок не той квартиры, -говорил ей внутренний голос.

— Я хотела позвонить к Маршу.

— Марш? — ее голова медленно закачалась.

— Да, понимаете...

— Но здесь нет никакого Марша, — сказала старуха.

— Правда?

— Вы, может быть, не знаете, что Элвин Марш?..

— Да, — сказала Беверли, — это мой отец.

Старуха подняла руку к горлу и дотронулась до камеи. Она вглядывалась в Беверли, что заставило ее чувствовать себя до смешного маленькой,

как будто у нее в руках коробка шотландского печенья или флажок команды Тигров школы Дерри. Затем старуха улыбнулась.., добрая улыбка, но в то же время печальная.

— Почему вас не было столько времени, мисс? Мне, незнакомому человеку, не хотелось бы говорить это, но ваш отец уже пять лет как в могиле.

— Но.., на звонке табличка... — она посмотрела снова и выдавила из себя нечто похожее на смех. Из-за своего возбуждения, угрызений совести и все-таки почти полной уверенности, что ее старик все еще здесь, она прочитала фамилию Керш как Марш.

— Это вы миссис Керш? Да, здесь написано м-с Керш, — согласилась она.

— Вы.., вы знали моего папу?

— Я знала его очень, очень немного. — сказала миссис Керш. Голос ее был немного похож на голос Йоды из фильма «Империя наносит ответный удар». И Беверли захотелось опять рассмеяться. Когда еще чувства ее так быстро меняли направления, как пила — взад и вперед? Правда заключалась в том, что она хотела что-то вспомнить.., но в то же самое время панически боялась этого.

— Он жил в этой квартире на первом этаже

до меня. Мы видели друг друга, я приходила, он уходил, — на протяжении нескольких дней. Он переехал на Роуд-лейн. Знаете?

— Да, — сказала Беверли. Роуд-лейн была в четырех кварталах от Мейн-стрит в Нижнем городе, квартиры там были похуже и поменьше.

— Мне доводилось видеть его и на рынке на Костелло-авеню, — говорила миссис Керш, — ив прачечной, пока ее не закрыли. Иногда мы перебрасывались словами. Мы.., но, девочка моя, вы побледнели! Простите меня. Входите, я налью вам чаю.

— Нет, я не могу, — слабо запротестовала Беверли, но действительно она почувствовала, что бледнеет, как затуманенное стекло, сквозь которое почти ничего не видно. Она могла бы воспользоваться любезностью, посидеть, попить чайку...

— Вы можете, а я хочу, — с теплотой в голосе сказала миссис Керш. — Это самое малое, что я могу сделать для вас, сообщив такую неприятность.

Прежде чем она успела запротестовать, Беверли очутилась в мрачном холле своей старой квартиры, которая теперь казалась ей гораздо меньше, но чувствовала она себя здесь в безопасности, наверное, потому, что все здесь было

другое. Вместо четырехугольного розового стола с тремя креслами там стоял небольшой круглый столик с искусственными цветами в фарфоровой вазе. Вместо старого холодильника фирмы «Кельвинатор» с круглым таймером наверху (который ее отец постоянно чинил) в углу встал добротный цвета меди «Фригидар». Плита была маленькая, но основательная. Над ней тикали часы со светящимся циферблатом. На окнах висели ярко-голубые занавески, за которыми стояли горшки с цветами. Линолеум, который покрывал пол в ее детстве, был снят, а под ним оказался настоящий паркет. Его так часто натирали, что он приобрел оттенок дыни. Миссис Керш посмотрела на нее, стоя у плиты, на которую она ставила чайник.

— Вы здесь выросли?

— Да, — сказала Беверли, — но сейчас здесь все по-другому, так уютно и чисто.., просто замечательно!

— Вы так добры, — сказала миссис Керш, и улыбка сделала ее моложе. Она излучала тепло. — У меня было мало денег, понимаете. Немного, но со страховкой я чувствую себя превосходно. Когда-то, в 1920 году, я приехала из Швеции совсем молоденькой девчонкой, мне было четырнадцать лет и полное отсутствие денег. А так легче всего

научиться ценить деньги, вы согласны?

— Да, — сказала Бев.

— Я работала в госпитале, — продолжала миссис Керш. — Я проработала там много лет — с 1925 года. Я дошла до экономки. Все ключи были у меня. Мой муж хорошо вложил деньги. А сейчас я нашла свою маленькую пристань. Посмотрите, мисс, пока вода не закипит. Походите по комнатам, осмотритесь.

— Нет, спасибо, не надо...

— Пожалуйста, я чувствую себя виноватой. Посмотрите, если хотите.

И она пошла смотреть квартиру. Спальня ее родителей стала спальней миссис Керш, и разница была огромной. В комнате было светлее и больше воздуха. Большой кедровый комод с инициалами Р. Д, распространял приятный аромат. Удивительно большое стеганое покрывало на кровати с изображениями женщин, идущих за водой, мальчиков, пасущих коров, мужчин, укладывающих сено в стога, — замечательное покрывало.

Ее комната стала комнатой для шитья. Черная зингеровская машинка стояла на железном столике под парой мощных тензеровских ламп. Изображение Христа висело на одной стене, а на другой — портрет президента Кеннеди. Под

Д. Ф. К, стояла чудной красоты горка с книгами вместо китайского фарфора, но от этого она не казалась хуже.

В самом конце она зашла в ванную комнату. Она была переделана и перекрашена в розовый цвет глубокого оттенка, не производящий впечатления безвкусицы. Все оборудование было новым, но тем не менее она приближалась к ванной с предчувствием, что ночной кошмар ее детства вновь оживет перец ней; она уставится прямо в черный глаз без век, начнется шепот, а потом кровь...

Она оперлась о раковину, поймав в зеркале над ванной отражение своего бледного лица с черными глазами, а затем стала ждать появления этого глаза, шепота, смеха, стонов, крови.

Она не помнила, сколько времени она простояла там в ожидании всех этих воспоминаний двадцатисемилетней давности. И только голос миссис Керш заставил ее вернуться:

— Чай, мисс!

Она отпрянула от раковины, нарушив полугипнотическое состояние, и вышла из ванной комнаты. Если в этих трубах и была какая-нибудь магия черная, она либо исчезла сейчас, либо.., спала.

— Мне так неудобно...

Миссис Керш посмотрела на нее ясно, немного улыбаясь.

— О, мисс, если бы вы знали, как редко ко мне заходят, даже по вызовам из компаний, вы бы не говорили так. Знаете, одного типа из водопроводной компании, который приходит снимать показания моего счетчика, я скоро совсем закормлю!

Изящные чашечки и блюдечки стояли на круглом кухонном столе — чисто-белые с голубой каемкой по краям. Там же стояла тарелка с маленькими пирожными и печеньем. Кроме сладостей, там был оловянный чайник, испускающий пар и благоухание. Ошеломленная, Бев подумала, что единственное, чего не хватает, так это крохотных сандвичей — «тети-сандвичей», как называла их она — в одно слово. Три основных вида «тети-сандвичей» — со сливочным сырком и маслинами, с кресс-салатом и с яичным салатом.

— Присаживайтесь, — сказала миссис Керш, — присаживайтесь, я налью вам чаю.

— Но я не мисс, — сказала Беверли, показывая кольцо на левой руке. Миссис Керш улыбнулась и махнула рукой. — Я зову всех симпатичных мо-

лоденьких девушек «мисс», — сказала она, — так, привычка. Не обижайтесь.

— Нет, ничего, пожалуйста, — сказала Беверли. Но по какой-то причине она вдруг почувствовала неловкость: было что-то в улыбке старухи, что показалось ей немного.., что? Неприятньно-фальшивым? Но это смешно, не правда ли? — Мне понравилось все, что вы здесь сделали.

— Правда? — спросила миссис Керш и налила ей чаю. Чай выглядел темным и мутным. Беверли не была уверена, стоит ли ей пить его.., она даже не была уверена, хочется ли ей вообще оставаться здесь. *На дверной табличке над звонком было написано «Марш»,* -прошептал вдруг внутренний голос, и она испугалась.

Миссис Керш передала чай. «Спасибо», — сказала Беверли. Чай действительно оказался мутным, однако аромат был дивным. Она попробовала. Замечательно. *Нечего пугаться тени,* -сказала она сама себе.

— Ваш кедровый комод — отличная вещь.

— Антиквариат! — сказала миссис Керш и засмеялась. Беверли заметила, что красота старухи имела один изъян, достаточно обычный в этих северных местах. У нее были очень плохие зубы; крепкие, но плохие. Они были желтыми и два пе-

редних находили один на другой. Клыки казались слишком длинными, почти, как у животного.

Они были белыми.., когда она подошла к двери, она улыбнулась и ты удивилась про себя, какие они белые.

Вдруг она уже не немного, а по-настоящему испугалась. Ей хотелось — ей было необходимо — оказаться как можно дальше от, этого места.

— Очень старая вещь, — воскликнула миссис Керш и выпила свою чашку одним глотком с каким-то неприятным хлюпающим звуком. Она улыбнулась Беверли, — нет, усмехнулась, — и Беверли увидела, что ее глаза тоже изменились. Уголки глаз тоже стали желтыми, древними, с красными прожилками. Ее волосы стали редеть, они уже были не белыми с желтыми прядями, а неприятно грязно-седыми.

— Очень старая вещица, — миссис Керш перевернула свою пустую чашку, хитро глядя на Беверли своими желтыми глазами. — Приехала со мной с родины. Вы заметили инициалы Р. Г.?

— Да, — ее голос, казалось, доносился откуда-то издалека, а в мыслях было одно: *Если она не узнает, что я заметила перемену в ней, возможно, все будет хорошо, если она не увидела, если она не узнает...*

— Мой папа, — сказала она, произнося, как «бапа», и Беверли отметила, что ее платье тоже изменилось. Оно стало топорщиться, сделалось черным. Камея превратилась в скальп, с широко разинутыми челюстями, как будто зевающими. — Его звали Роберт Грей, лучше известный, как Боб Грей, а еще лучше, как Пеннивайз Танцующий Клоун. Хотя это было не его имя тоже. Но он по-настоящему любил хорошую шутку, мой бапа. — Она снова рассмеялась, некоторые ее зубы стали такими же черными, как и ее платье. Морщины на лице стали глубже. Ее нежно-розовая кожа превратилась в болезненно желтую. Руки скрючились в когтистые лапы. Она ухмыльнулась:

— Съешь что-нибудь, дорогая, — тон ее голоса поднялся на пол-октавы, но в этом регистре он начал хрипеть и походил на скрип плохо смазанных дверей.

— Нет, спасибо, — Беверли слышала, что ее голос похож на голос маленькой девочки — которой — нужно — уходить. Казалось, она сама не понимает, что говорит.

— Нет? — спросила ведьма и ухмыльнулась. Ее когти заскребли по тарелке, и она стала запихивать в себя все, что лежало на ней, обеими

лапами. Ее чудовищные зубы чавкали и грызли, чавкали и грызли, ее длинные черные когти вцепились в конфеты, крошки прилипли к ее подбородку. Ее смердящее дыхание напоминало давно гниющий труп. Ее смех походил на кваканье лягушки. Волосы выпадали. Оскаленный скальп клацал зубами.

— О, мой бапаша любил пошутить. Это все шуточки, мисс, нравится? Это бапаша родил меня, а не бамаша. Он витащил миня из своей задницы! Хи-хи-хи!!!

— Мне нужно идти, — Беверли слышала свой слабый тонкий голос — голос маленькой девочки, которую впервые прижали на вечеринке. Ноги ее ослабли. Она была почти уверена, что вместо чая она пила дерьмо, жидкое дерьмо из канализационных труб под городом. Она уже выпила немного, почти глоток. *О, Боже, Боже, Господи, Иисусе Христе, помилуй меня! Пожалуйста, пожалуйста...*

Женщина раскачивалась у нее перед глазами, уменьшаясь в размерах, — сейчас это была старая карга с головкой величиной с яблоко, которая сидела перед ней, раскачиваясь взад и вперед, взад и вперед.

— О, мой бапаша и я — это одно целое, — гово-

рила она, — как я, так и он, и, дорогая, если ты умная, беги отсюда, беги откуда пришла, потому что, если ты останешься — это будет хуже смерти. Ни один человек, умерший в Дерри, по-настоящему не умер. Ты знала это прежде, поверь, это так.

Как в замедленной съемке Беверли подтянула ноги, как бы со стороны наблюдая за собой; она видела, как она вытягивает ноги из-под стола и от ведьмы в агонии от ужаса и не веря, ничему не веря, потому что она поняла вдруг, что уютная маленькая столовая — это вымысел. Даже видя ведьму, все еще хихикающую, хитро смотрящую своими древними желтыми глазами в угол комнаты, она видела, что белые чашки сделаны из кожи, содранной с синего замерзшего трупа.

— Мы все ждем тебя, — скрипела ведьма, а ее когти скребли по столу, оставляя на нем глубокие полосы. — О, да, да!

Лампы над головой обернулись шарами, сделанными из засахаренных леденцов. Деревянные панели были сделаны из карамели. Она посмотрела вниз и увидела, что ее туфли оставляют следы на паркете, который не был паркетом, а состоял из кусков шоколада. Запах сладостей вызывал отвращение.

О, *Боже! Да это же ведьма Гензеля и Гретель,*

та самая, которой я боялась больше всего, потому что она пожирала детей.

— Ты и твои друзья, -скрипела ведьма, смеясь. *— В пещеру! В печку — пока горячая!* -Она смеялась и скрипела. А Беверли побежала к двери, но бежала, как во сне, медленно. Голос ведьмы сверлил ей мозг. Беверли передернуло. Холл был выложен из сахара и нуги, карамели и клубничного повидла. Ручка двери, сделанная из поддельного кристалла, когда она вошла сюда, превратилась в чудовищный сахарный алмаз.

*— Я беспокоюсь о тебе, Бевви, очень беспокоюсь...*Она обернулась, пряди рыжих волос развевались перед ее лицом, она увидела своего отца, спешащего к ней из холла, на нем был черный халат ведьмы и камея в виде скальпа; его руки сжимались и разжимались, губы усмехались слюнявой улыбкой.

— Я бил тебя, потому что хотел тебя, Бевви, — вот и все, что я хотел сделать с тобой, я хотел тебя, я хотел тебя съесть всю, я хотел сосать тебя, я хотел зажать тебя между зубами, йум-йум! О, Бевви! Я хотел посадить тебя в печь, пока она горячая.., и чувствовать твою попку.., твою толстенькую попку... А когда она станет достаточно толстой, съесть.., съесть...

Взвизгнув, она схватилась за ручку двери, дернула ее и выскочила на крыльцо. Далеко в тумане, как будто плавающие видения, она видела автомобили, снующие взад и вперед, и женщину, толкающую тележку с продуктами с рынка на Костелло-авеню.

Я должна выбраться отсюда, -подумала она, — *это совершенно ясно. Там настоящая жизнь, только бы мне выбраться отсюда.*

— Зачем тебе убегать, здесь так хорошо, — сказал ей, смеясь, отец (мой бапа). — Мы так долго тебя ждали. Будет здорово. Будет весело.

Она оглянулась. Теперь отец был одет не в черное платье ведьмы, а в клоунский костюм с большими оранжевыми пуговицами. На нем был колпак, в 1958 году вошедший в моду благодаря Фессу Паркеру из диснеевского мультика о Деви Крокетте. В одной руке у него была связка воздушных шариков. В другой он держал ножку младенца, похожую на цыплячью лапку. На каждом шарике было написано: «ОН ПРИШЕЛ ИЗ ДРУГОГО МИРА».

— Скажи своим друзьям, что я последний из умирающей расы, — сказал он ухмыляясь и спустился за ней по ступенькам крыльца. — Я единственный уцелел на погибшей планете. Я

пришел сожрать всех женщин.., и изнасиловать всех мужчин.., и научиться делать мятные жвачки! И танцевать твист!

Оно начало крутиться и вертеться с шариками в одной руке, с чудовищной кровавой ногой — в другой. Клоунский костюм хлопал и раздувался, хотя Беверли не чувствовала ветра. Ее ноги ослабли, и она рухнула на тротуар, выставив вперед руки, чтобы защититься от удара, который пришелся ей в плечо. Женщина с тележкой остановилась, оглянулась назад в растерянности, но потом заспешила прочь от этого места.

Клоун снова подошел к ней, отбросив ногу в сторону. Она упала на лужайку с неописуемым стуком. Беверли лежала на тротуаре, свернувшись, уверенная, что все происходящее — сон, что скоро она должна проснуться, это не может быть правдой, это сон. Она думала, что это неправда до того момента, пока клоун не коснулся ее своими скрюченными когтистыми лапами. Оно было в реальности. Оно могло убить ее. Как убивало детей.

— В аду знают твое настоящее имя! — закричала она вдруг. Оно отскочило, и на мгновение показалось, что ухмылка на его губах, внутри нарисованной огромной красной улыбки, пре-

вратилась в подобие гримасы ненависти и боли.., а возможно, и страха. Это могло быть только в ее воображении, и она, конечно же, не имела понятия, почему сказала такую странную вещь, но этим она выиграла время.

Она встала и побежала. Скрипящие, хрипящие и хрюкающие голоса, безумные и испуганные, вопили: «Почему ты не смотришь, куда ты идешь, ты, трусливая дура!» Грузовик, развозящий продукты, едва не сбил ее, когда она бросилась через улицу, как ребенок за мячиком; она опомнилась только тогда, когда уже стояла на противоположной стороне улицы, тяжело дыша и чувствуя острую боль в левом боку. Хлебный грузовик поехал дальше по Мейн-стрит.

Клоун исчез. Нога исчезла. Только дом все еще стоял на старом месте. Но лишь сейчас она заметила, какой он был пустынный и заброшенный — окна заколочены, ступеньки на лестнице треснули и провалились.

Была ли я там на самом деле или мне все это приснилось?

Но ее джинсы были грязные, ее желтая блузка в пыли. А на пальцах все еще налип шоколад. Она вытерла пальцы о джинсы и поспешила прочь; лицо горячее, спина холодная, как лед, в глазах и

голове пульсировала кровь.

Мы не можем бороться с этим Нечто, кем бы оно ни было. Оно даже хочет, чтобы мы попробовали. Оно хочет свести старые счеты. Не может примириться с ничьей, я полагаю. Нам лучше убраться отсюда, просто уйти...

Что-то коснулось ее икры, легкое, как дуновение ветерка. Она отскочила, слегка вздрогнув. Она посмотрела вниз и сжалась, закрыв рот рукой. Это был шарик — желтый, как ее блузка. На боку синей краской было написано: «Пьявильно, Кьелик». Она стояла, наблюдая, как он уносится вверх по улице легким весенним ветерком.

4

Ричи Тозиер дает тягу

Да, это было, когда Генри и его друзья гнались за мной, перед концом школы...

Ричи шел вдоль по набережной канала мимо Бассей-парка. Вот он остановился, сжав кулаки в карманах, глядя на Мост Поцелуев и не видя его. *Я улизнул от них в отдел игрушек Фриза.*

Со времени их безумного ланча он прогуливался бесцельно, стараясь привести в порядок мысли о том, что было в печенье.., или показалось, что оно там было. Он думал, что скорее всего ничего

оттуда не вылезало. Это была групповая галлюцинация, вызванная всеми этими дерьмовыми вещами, о которых они говорили. Лучшим доказательством того был факт, что Роза абсолютно ничего не видела. Конечно, родители Беверли тоже никогда не видели крови, которая текла из крана в ванной комнате, но это не одно и то же. *Но почему?!*

— Потому что мы уже взрослые люди, — пробормотал он и обнаружил, что эта мысль абсолютно нелогична и не имеет силы. Это могло быть такой же чепухой, как детская считалка.

Он пошел дальше.

Я *шел к Центру города, сел на скамью в парке и подумал, что видел...*

Он снова остановился, нахмурив брови. Видел что?

...но это было что-то, что я видел во сне. Было ли это, было ли в действительности?!

Он посмотрел налево и увидел большое здание из стекла и бетона, которое выглядело таким модерновым в конце пятидесятых, а сейчас казалось довольно старым, даже древним. *И вот я опять здесь, в этом дерьмовом Центре,* -подумал он, — *сцена еще одной галлюцинации. Или сна. Или еще чего-либо.*

Другие видели его, как Клоуна или Прокаженного, и он легко стал играть эту роль снова. *А ведь мы все легко снова стали играть наши роли, вы не заметили?* Но было ли в этом что-то необычное? Он подумал, что с каждым могло бы случиться подобное, например, когда встречаются выпускники одного класса или одной школы много лет спустя — тот, кто когда-то был комиком в классе, а потом посвятил себя священству, возвратившись в прежнюю компанию и выпив пару рюмок, опять обнаружил себя в роли прежнего дурачка; или лучший ум страны, который получал всевозможные премии, вдруг начинает спорить с пеной у рта о Джоне Ирвинге или Джоне Чивере; а известный профессор математики в Корнуэльском университете обнаруживает себя на сцене с гитарой в руках, вопящим «Глорию» или «Страдающую Птичку» с веселой пьяной дикостью. Что там говорит Стрингстин по этому поводу? — «Не отступай, бэби, и не сдавайся».., но старым песням с пластинок гораздо легче поверить после приличного возлияния.

Но Ричи казалось, что прошлое, к которому они теперь возвращались, было галлюцинацией, а не настоящей жизнью.

Но ты сказал «взрослые», а сейчас это звучит

глупо. Почему так, Ричи, почему?

Потому что Дерри — это безумный город, таинственный, роковой. Почему бы тебе не уехать отсюда?

Потому что все было не так просто, вот почему.

Он был добродушным ребенком, иногда вульгарным, иногда смешным, потому что это был один из путей общения с другими детьми, чтобы тебя не убил какой-нибудь Генри Бауэре или чтобы не остаться в полном одиночестве. Сейчас он понимал, что множество проблем было плодами его фантазии, а реакция у него была в десять, а то и в двадцать раз быстрее, чем у его одноклассников. Они считали его странным, таинственным, даже склонным к самоубийству, в зависимости от его поведения, а возможно, у него было просто умственное переутомление. Если, правда, постоянное умственное переутомление было простым случаем.

В любом случае все это можно было держать под контролем. Или найти выход в другом, как Кинки Брифкейс или Бафорд Киссдрайвея. Ричи обнаружил это, когда провел первый месяц в радиостанции колледжа, в основном каприза ради, стоя перед микрофоном.

Сначала у него получалось не очень хорошо

— он был слишком взволнован. Но он понял, что его способности были не просто хорошими, а великолепными, и это знание вознесло его до небес в облаке эйфории. В это же самое время он начал понимать великий принцип, который двигал Вселенной, по крайней мере той частью Вселенной, которая интересовалась карьерой и успехом. Вы обнаруживаете внутри себя какого-то мечущегося безумца, который посылает к черту всю свою жизнь. Вы загоняете его в угол и хватаете, но не убиваете. О, нет. Убийство как раз и нужно этому маленькому ублюдку. Вы надеваете на него упряжку и заставляете пахать. Безумец работает, как черт, если вы держите его в шорах. А время от времени он развлекает вас шуточками. Так было на самом деле, и этого оказалось достаточно.

Он бывал смешным, да, минута смеха, но в конце концов он перерос свои ночные кошмары, которые были обратной стороной его смеха. Или думал, что перерос. До сегодняшнего дня, пока слово «взрослый» неожиданно не потеряло смысл для него. А сейчас у него было с чем справляться, или хотя бы было над чем подумать: вот об этой огромной дурацкой статуе Поля Баньяна перед Городским Центром.

Я, должно быть, исключение, которое подтвер-

ждает правило, Большой Билл.

А *ты уверен, что ничего не было, Ричи? Вообще ничего?*

Там, ближе к центру.., я думал, что видел!..

Острые иголки боли впились в его глаза; это было уже второй раз за этот день. Боль сжала голову, и он чуть не застонал. Потом она опять ушла, так же быстро, как и пришла. Но он почувствовал еще какой-то запах, не так ли? Что-то, что сейчас отсутствовало, но что когда-то было здесь, что-то, что заставило его думать об этом.

(*Вот и я, я с тобой, Ричи, держи мою руку, ты можешь ухватиться за нее)* Майк Хэнлон. Это был дым, который заставлял его глаза мигать и слезиться. 27 лет тому назад они уже вдыхали этот дым, в конце только Майк и он оставались, и они видели... Но это все исчезло.

Он подошел ближе к статуе Поля Баньяна, так же ошеломленный сейчас ее бесподобной пошлостью, как когда-то в детстве он был сражен ее размерами. Легендарный Поль двадцати футов высотой плюс шесть футов постамента стоял, улыбаясь, глядя на движение городского транспорта и на пешеходов на улице Аутер-Канал со своего места на кромке лужайки Центра города. Городской Центр был воздвигнут в 1954-1955 гг,

для встречи баскетбольных команд низшей лиги, которая так никогда и не состоялась. Городской Совет Дерри выделил деньги на статую годом позже — в 1956 году. Этот поступок горячо обсуждался как на общественных собраниях Совета, так и в редакторской колонке «Дерри Ньюз». Многие думали, что это будет очень красивая статуя, которая непременно привлечет внимание туристов. Но находились и другие, которые считали эту идею чудовищной, вызывающей и невообразимо безвкусной.

Противостояние, которое сейчас Ричи расценивал, как бурю в стакане воды, длилось шесть месяцев, и естественно, было бессмысленным: статую установили, и если бы даже Городской Совет отклонил свое решение (что было бы странно, особенно для Новой Англии) воздвигнуть эту штуку, за которую уже было заплачено, то еще бы, интересно, они ее хранили? Затем статуя, действительно не изваянная, а просто отлитая на каком-то заводе штата Огайо, была установлена на место, ее покрывало полотно таких гигантских размеров, что его можно было использовать вместо паруса для клипера. Его сняли 13 мая 1957 года, когда праздновалось 150-летие города. Одна из фракций предалась воплям негодования, дру-

гая, соответственно, зашлась от восторженных стонов.

Когда Поля открыли, он был одет в свой лучший комбинезон и красно-белую рубашку. Его борода была ослепительно черной, густой и «дровосечной». Его топор — вершина скульптурного мастерства — размещался где-то на его плече, и он непрерывно улыбался в северные небеса, которые в день открытия были голубыми, как кожа прославленного компаньона Поля.

Дети, которые присутствовали на церемонии (а их были сотни, среди них десятилетний Ричи Тозиер с отцом), были в безусловном восторге от этого скульптурного гиганта. Родители подсаживали своих отпрысков на пьедестал, фотографировали их, а потом наблюдали со смешанным чувством изумления и страха, как ребятишки забираются, карабкаются, смеются на огромных башмаках Поля (поправка: огромных черных пластиковых башмаках).

И в марте следующего года Ричи, усталый и испуганный, упал на скамейку перед статуей после того, как убежал от Бауэрса, Крисса и Хаггинса по дороге, которая вела от начальной школы вниз по городу. В конце концов он нашел убежище в отделе игрушек в универмаге Фриза.

Филиал Фриза в Дерри был очень бедным по сравнению с огромным универмагом в Бангоре, но Ричи это мало волновало — для него это была гавань в штормовую погоду. Генри Бауэре вот-вот мог его схватить, а Ричи уже уставал. Он пробежал через вращающиеся двери магазина, и Генри, который плохо понимал механику подобного устройства, чуть не лишился пальцев, стараясь схватить Ричи. Летя вниз по лестнице с развевающейся сзади рубашкой, он услышал, как хлопнула дверь — почти так же громко, как телевизионные выстрелы, и понял, что три злодея все еще бегут за ним. Он смеялся, когда прибежал вниз, но это был нервный смех; он был полон ужаса, как кролик, пойманный в силок. Они действительно хотели избить его хорошенько на этот раз (он не знал, что через десять недель или около того он будет подозревать этих трех, а в частности Генри, в совершении убийства; а еще некоторое время спустя, в июле, произойдет нечто страшное).

А причина была невероятно глупой. Ричи и другие мальчишки из пятого класса заходили в спортивный зал. А шестой класс (Генри болтался среди них, как бык среди коров) выходил из зала. Хотя Генри был еще в пятом классе, он ходил в зал

со старшими мальчиками. Пол только что полили и мистер Фацио не успел еще повесить табличку с предупреждением: «Внимание! Мокрый пол», как Генри поскользнулся и упал на спину. И прежде, чем он успел упасть, Ричи неожиданно завопил: «Пустите, пустите. Банановая Кожура плывет!». Раздался взрыв хохота, смеялись и одноклассники Ричи, и одноклассники Генри, но на лице Генри не было и следа улыбки — только краска обиды вспыхнула на его щеках. «Мы с тобой еще поговорим, Четырехглазый», — сказал он и ушел. Смех тут же прекратился, мальчишки в зале смотрели на Ричи, как если бы он был уже мертв. Генри не стал ожидать реакции, он просто пошел с опущенной головой, с красными от удара локтями и с мокрыми на заду штанами. Глядя на это мокрое пятно, Ричи, как самоубийца, открыл рот, но все-таки сдержался, даже прикусил кончик языка, чтобы что-то не сказать. *Ну, ладно, он забудет,* -говорил он себе успокаивающе. — *Конечно, забудет. Старый Хенк не очень-то работает мозгами. А следующий раз будет смотреть на табличку, ха-ха...* «Ты уже покойник, Словесный Понос, — говорил ему Вине „Сопля“ Талиендо, с определенной долей печального уважения. — Не беспокойся. Я принесу цветы на могилу». «Отрежь

свои уши и принеси цветной капусты», — Ричи величаво повернулся, и все засмеялись, даже старый «Сопля» Талиендо, почему бы нет, они все имели право посмеяться. Что мне волноваться? Они все будут дома, будут смотреть Джимми Додда и «Мушкетеров» в «Микки-Маус Клубе» или слушать Фрэнки Лаймона в «Американском джаз-клубе», а он в это время будет ползти на заднице через женскую галантерею и товары для дома к отделу игрушек. Да, им можно смеяться.

Генри не забыл. Ричи пошел на выход через другой конец, где был детский сад, но Генри поставил там Белча Хаггинса на всякий случай. Ха-ха-ха-ха!

Ричи увидел Белча первым, но путей к отступлению уже не было. Белч смотрел на Дерри-Парк, держа незажженную сигарету в одной руке, а другой задумчиво почесывая зад. Сердце Ричи забилось сильнее, когда он медленно переходил площадку для игр и был уже на полпути к Чартер-стрит, когда Белч повернул голову и увидел его. Он крикнул Генри и Виктору, и погоня началась.

Когда Ричи прибежал в отдел игрушек, там было уже абсолютно безлюдно. Там не было даже продавца, который смотрел за порядком. Ричи слышал топот трех динозавров, апокалипсис

становился все ближе и ближе. А он просто уже не мог бежать. Каждый вдох причинял ему боль — кололо в левом боку. Его глаза остановились на табличке:

«Запасной выход. Только для сотрудников. Будет звонить сирена». Надежда закралась в его сердце. Ричи побежал по проходу, уставленному Дональдами в коробках, армией танков США, сделанных в Японии, различными видами пистолетов, роботами. Он подбежал к двери и толкнул ее так сильно, как только мог. Дверь открылась, впуская прохладный мартовский воздух. Завыла сирена. Ричи немедленно упал на колени и пополз в соседний проход. Он сидел там на корточках, пока дверь не закрылась.

Генри, Белч и Виктор ворвались в отдел игрушек, как раз когда дверь закрылась и звук прекратился. Они побежали к двери, Генри бежал первым, лицо его было решительным и целеустремленным. Наконец появился продавец. Он был в голубой нейлоновой водолазке и спортивном костюме исключительного безобразия. Оправа его очков была розовой, как глаза белого кролика. Ричи подумал, что он похож на Вэлли Кокса в роли мистера Пеппера, и он зажал свой предательский рот рукой, чтобы сдержать при-

ступ рвущегося наружу смеха.

«Вы, мальчики! — воскликнул мистер Пеппер. — Вам нельзя туда ходить. Это запасной выход! Эй, вы! Мальчики!»

Виктор посмотрел на него, немного колеблясь, но Генри и Белч никогда не сходили с заданного курса, и Виктор побежал за ними. Сирена опять зазвучала, на этот раз дольше, пока они не выбежали на аллею. И прежде чем она перестала звенеть, Ричи был уже на ногах и устремился назад, в женскую галантерею.

«Вы, мальчишки, вас вышвырнут из магазина!» — вопил продавец ему вслед. Глядя назад через плечо, Ричи пропищал голосом Грэнни Грант: «Вам когда-нибудь говорили, что вы похожи на мистера Пеппера, молодой человек?»

Так он спасся. И остановился он почти в миле от магазина Фриза перед Городским Центром.., и искренне надеялся, что избежал наказания. По крайней мере на время. Все прошло. Он сел на скамейку по левую руку от Поля Баньяна, желая только одного — покоя, пока он не придет в себя. Порой ему хотелось встать и идти домой, но пока побеждало желание сидеть здесь на теплом солнышке. Утро было холодное, туманное, но чувствовалось, что наступает весна.

Дальше на лужайке он увидел шатер Городского Центра с надписью большими голубыми буквами:

ЭЙ, ТИНЭЙДЖЕРЫ!
ПРИХОДИТЕ К НАМ 28 МАРТА
АРНИ «ВУ-ВУ» ГИНЗБЕРГ ПРЕДСТАВЛЯЕТ РОК-Н-РОЛЛ!
Джерри Ли Льюис
«Пингвины»
Фрэнки Лаймон и «Тинэйджеры»
Джин Винсент и «Голубые Береты»
Пушка Фрэдди «Бум-Бум».
Вечернее полезное для здоровья представление!

Это было то самое зрелище, которое Ричи хотел бы увидеть, но знал, что нет никаких шансов. Представление его матери о правильной эстраде не включало в себя высказывание Джерри Ли Льюиса, говорящего молодым людям Америки: «В нашем амбаре сидит цыпленок», в чьем амбаре, в каком амбаре, не в моем ли? Также оно не включало Фредди Пушку, чьи «Талахасские милочки имели классные ходовые части». Она была уверена, что сделала единственно верный выбор, влюбившись, как девчонка в Фрэнка Синатру.

(Сейчас она называла его «Фрэнки — Сопли»), но, подобно матери Билла Денбро, страшилась рок-н-ролла. Чак Берри ужасал ее, и она говорила, что Ричард Пэннимен, лучше известный молодежи, как Маленький Ричард, «кудахчет, как курица». Ричи с ней не спорил. Его отец был в этом отношении нейтральным, и его еще можно было просветить в части рок-н-ролла, но в глубине души Ричи знал, что здесь правят желания матери — с 16-17-летнего возраста и до сих пор; его мама была твердо убеждена, что мания рок-н-ролла скоро прекратится.

Ричи же думал, что Дэнни и его парни более правы на этот счет, чем его мама, — рок-н-ролл никогда не умрет. Он сам любил рок, хотя единственным источником его познаний были две волны — «Американская эстрада» на 7 канале днем, и «УМЕКС» из Бостона — ночью, когда воздух очищался и волны несли энергичный голос Арни Джинберга, как голос призрака, вызванного на спиритическом сеансе. Бит делал его более чем счастливым. Он заставлял его почувствовать себя сильнее, больше, увереннее. Когда Фрэнки Форд исполнял «Морской круиз» или Эдди Кокран пел «Летний блюз», Ричи действительно переполнялся радостью. В этой музыке была сила,

которая, казалось, принадлежит всем — тощим ребятам, толстым, некрасивым, застенчивым — неудачникам, короче говоря.

Когда-нибудь у него еще будет его рок-н-ролл, если он захочет этого, он был уверен в этом, его мама в конце концов разрешит ему иметь все это. Но это будет не 28 марта 1958-го.., или в 1959.., или... Его глаза закрылись, и он унесся прочь от этого шатра.., и потом, наверное уснул. Это было единственным объяснением, которое придавало смысл тому, что случилось дальше; это могло произойти только во сне.

И вот он опять здесь, Ричи Тозиер, который уже насытился всеми рок-н-роллами, какими хотел.., и который с радостью обнаружил, что ему все еще мало. Он вновь взглянул на большой шатер Городского Центра и увидел с пугающей ясностью те же самые голубые буквы, кричащие:

14 ИЮНЯ
МАНИЯ ТЯЖЕЛОГО МЕТАЛЛА
«ДЖУДАС ПРИСТ»
«АЙРОН МЭЙДЕН»
Покупайте билеты здесь или в любом билетном киоске.

Где-то по дороге они потеряли целую строчку

но, насколько я могу судить, это единственное отличие, — подумал Ричи.

И он услышал голоса Дэнни и его парней, неясные и далекие, словно в конце длинного коридора, доносящиеся из дешевенького радиоприемника: *Рок-н-ролл не умрет никогда, я докопаюсь до его корней.., яузнаю его историю.., ты только смотри на моих друзей...*

Ричи посмотрел назад, на Поля Баньяна.

Старина Поль, -думал он, глядя на скульптуру. *Что-то ты тут поделывал, пока меня не было? Прокладывал новые русла рек,приходя домой усталым и таща за собой свой топор? Или копал новые озера, чтобы со своим ростом суметь искупаться в них, сидя в воде хотя бы по шею? Или пугал детей, как когда-то напугал меня?*

И неожиданно он вспомнил все, как иногда вспоминается слово, вертящееся на кончике языка.

Вот он здесь, сидит на этом мягком мартовском солнышке, подремывая, думая о том, как он придет домой и захватит последние полчаса эстрадной программы, и вдруг неожиданно струя воздуха буквально бьет его в лицо. Ветер сдувает волосы со лба. Над собой он видит лицо Поля Баньяна, как раз напротив его лица, огромное,

больше, чем крупный план в кино, заполнившее все. Движение воздуха было вызвано тем, что Поль склонился вниз.., хотя на самом деле это был уже не Поль Баньян. Лоб стал низким и приплюснутым; пучки волос вылезали из носа, красного, как у запойного пьяницы; глаза налились кровью, а один из них заметно косил.

Топора на его плече уже не было. Поль стоял, облокотившись на него, и острый его конец прочертил дорожку на тротуаре. Он все еще усмехался, но ничего веселого в его усмешке не было. От гигантских желтых зубов воняло, как от маленьких животных, гниющих в лесу.

— Вот я сейчас тебя съем, — сказал гигант низким громыхающим голосом. Этот звук походил на трение валунов друг о друга во время землетрясения. — Если ты сейчас же не отдашь моей курицы, моей арфы и моего мешка с золотом, я съем тебя с потрохами! — Ветер, вызванный этими словами, надул рубашку Ричи, как паруса во время урагана. Его отбросило на скамейку, глаза готовы были лопнуть, вставшие дыбом волосы торчали во все стороны, как птичьи перья.

Гигант начал хохотать. Он скрестил руки на стоящем топоре, схватился за него, как Тед Вильяме, наверное, хватался за свою знаменитую бейс-

больную биту, и вытащил из дыры, проделанной в асфальте. Топор начал медленно подниматься в воздух. Смертельный скрежет раздирал уши. Ричи вдруг понял, что гигант намеревается разрубить его пополам.

Но он чувствовал, что не может двинуться; тупая апатия овладела им. Что это значит? Он спит и видит сон? Вот-вот какой-нибудь шофер просигналит бегущему через дорогу ребенку и он проснется.

— Ага, — хохотнул гигант, — проснешься в аду! — Ив последний момент, когда топор готов был опуститься ему на голову, Ричи понял, что это не сон.., а если даже и сон, то сон, который несет смерть.

Пытаясь закричать, но не произнося ни звука, он скатился со скамейки и упал на гравий, насыпанный вокруг статуи, от которой остался теперь только постамент. Из него торчали два огромных стальных болта на месте ног. Звук рассекающего воздух топора наполнил все давящим свистом; усмешка гиганта превратилась в гримасу убийцы. Губы его раздвинулись так широко, что стали видны жуткие, красные, блестящие десны.

Лезвие топора разрубило скамейку, где мгновение назад сидел Ричи. Оно было таким острым,

что удар не был слышен, просто скамейка развалилась на две части. Дерево, снаружи выкрашенное зеленой краской, внутри было ярко-белым.

Ричи лежал на спине. Все еще пытаясь закричать, он дернулся. Куски гравия через рубашку попали в штаны. А над ним навис Поль, гладя вниз глазами, похожими на огромные люки; гладя, как катается по гравию трусливый маленький мальчик.

Гигант шагнул по направлению к Ричи. Он почувствовал, как земля вздрогнула под его черным сапогом. Гравий затрещал в облаке пыли. Ричи перекатился на живот и вскочил на ноги. Он попытался бежать, но потерял равновесие и опять упал на живот. Воздух выбросило из легких: *У-у-у-х!* Волосы закрыли глаза, но он мог видеть уличное движение, машины, снующие взад и вперед по Каналу и Мейн-стрит, как каждый день, как ни в чем не бывало, как будто никто в этих машинах не видел и никому дела не было до того, что Поль Баньян ожил и сошел с пьедестала, чтобы убить его топором величиной с целый дом. Солнце скрылось. Ричи лежал в тени, похожей своей формой на человека. Он прополз на коленях, почти выпал на дорожку и умудрился встать на ноги. Он побежал так быстро, как только мог;

колени поднимались чуть не до груди, а локти работали, как поршни. Позади он слышал этот непередаваемый звук, жуткий настойчивый свист, давящий на кожу и барабанные перепонки: *С-с-в-и-и-и-п-п-п!*

Земля дрожала. Зубы Ричи отбивали чечетку, как китайские фарфоровые тарелки во время землетрясения. Ему не нужно было ощупывать, он и так знал, что топор Поля врезался в дорожку и наполовину застрял в земле в нескольких дюймах от его ног. В голове у него не смолкал Довелл: *Ах, ребята в Бристоле сильны, как пистоли! Когда они делают, как в Бристоле...* Он вышел из тени гиганта, снова увидел солнечный свет и начал смеяться, — тем же усталым, истерическим смехом, как когда-то в магазине Фриза.

Опять почувствовав горячий пот, текущий по спине, он рискнул повернуться и посмотреть, что там. А там стояла статуя Поля Баньяна на пьедестале, где всегда, с топором на плече, голова закинута вверх, рот раздвинут в вечной оптимистической улыбке мифического героя. Скамейка, разрубленная на две части, слава Богу, была целехонька. Гравий, куда Длинный Поль *(Она все для меня, моя Энни Фуницело,* -пело в голове у Ричи) поставил свою огромную ногу, был нетронут и

безукоризненно чист, кроме небольшой вмятины — следа от тела Ричи, упавшего, когда он *(удирал от гиганта)* во сне. Не было следов ни от ног, ни от топора, ничего — только мальчик, за которым гнался кто-то.., другие мальчишки. И он почувствовал себя маленьким-маленьким (но очень сильным) в этом сне об одержимом великане...

— Дрянь, — пробормотал Ричи тоненьким дрожащим голоском, потом выдавил из себя смешок.

Он постоял еще, ожидая, что статуя снова двинется — может быть, мигнет, или переложит свой топор с одного плеча на другое, или сойдет с пьедестала и склонится над ним. Но, конечно, ничего не произошло. Разумеется.

Что за ерунда? Ха-ха-ха-ха!

Дрема. Сон. Ничего, кроме этого.

Но, как говаривал Авраам Линкольн или, может быть, Сократ, или кто-то еще вроде них, что случилось, то случилось. Все. Время идти домой и освежиться.

И хотя он мог сократить путь, пройдя через площадь у Городского Центра, он решил не делать этого. Он не хотел больше подходить к этой статуе. Поэтому он сделал крюк и к вечеру почти забыл этот случай.

До тех пор, пока...

Вот сидит человек, -думал он, — *человек, одетый в болотно-зеленое спортивное пальто, купленное в одном из самых лучших магазинов на Родев-Драйв; человек в шикарных туфлях от Босс Виджженс и в белье от Калвина Клейна, чтобы прикрыть задницу; человек в мягких контактных линзах; человек, бывший когда-то мальчиком, который думал, что футболки ЛИГИ ПЛЮША с изображением фруктов на спине и пара ботинок «Снэп-Джек» — высший шик. Вот сидит взрослый человек, глядящий на туже старую статую и эй! Поль, Длинный Поль! Я пришел, чтобы сказать, что ты такой же, как всегда, ты не постарел, сукин сын!*

И старое объяснение опять пришло ему в голову: это был сон. Он предполагал, что может поверить в монстров, если его убедить. Монстры, подумаешь, эка невидаль! Не сидел ли он в радиостудиях, читая новости о таких парнях, как Иди Амин Дада или Джим Джонс, или тот тип, который сжег всех этих людей в «Макдональдсе»? К чертям собачьим все эти безопасные спички! Монстры нынче подешевели. Кому сдался билет за пять баксов в кино, если можно прочитать о том же самом в газете за 35 центов или услышать

тот же бред по радио бесплатно? И он думал, что если поверил в весельчака Джима Джонса, то может с таким же успехом поверить в версию Майка Хэнлона, по крайней мере, на какое-то время. Оно имеет даже какое-то свое скромное очарование, потому что Оно пришло извне, и никто не должен нести ответственность за Него. Он может поверить в любого монстра, обладающего множеством лиц, похожих на резиновые игрушечные маски (если ты собираешься купить одну из них, то лучше купить целый пакет, подумал он, за дюжину дешевле, так ведь?), по крайней мере на спор.., но статуя тридцати футов в высоту, которая сходит с пьедестала, а потом пытается разделать тебя, как тушу, своим гипсовым топором? Нет, это уж слишком! Как говаривал Авраам Линкольн, или Сократ, или кто-то еще: *Буду рыбу есть и мясо, а говна я не хочу...*

И снова острая колющая боль резанула по глазам, без видимых причин, без предупреждения, выжав из него сдавленный крик. В этот раз было еще больнее и длилась она дольше, что чертовски испугало его. Он прижал руки к глазам, а потом инстинктивно полез в них, чтобы вытащить контактные линзы.

Может быть, это что-то вроде инфекции, -по-

думал он тупо. — *Но, Боже, как больно!*

Он нажал на веки и готов был уже мигнуть, чтобы линзы выпали (и в следующие 15 минут ползал бы, близоруко щурясь, разыскивая их вокруг скамейки, ощупывая каждую падь гравия и моля Бога, чтобы прекратилась эта жуткая боль, как будто кто-то ногтями раздирает его глаза), как вдруг боль исчезла. Только что была, и вот уже нет. Глаза слезились, потом все утихло.

Он медленно опустил руки, сердце стучало часто и громко, и он боялся мигнуть, чтобы снова не почувствовать эту боль. Но ничего не было. И вдруг он обнаружил, что думает о том единственном фильме ужасов, который по-настоящему испугал его когда-то, еще ребенком; возможно, потому что он всегда беспокоился о своих очках и много времени думал о глазах. Фильм назывался «Ползучий глаз», с Форестом Такером. Не очень хороший. Другие ребятишки животики надрывали от смеха, но Ричи не смеялся. Ричи оставался серьезным и бледным, и глухим, и немым, ни один звук на этот раз не вырвался у него, когда желатиновый глаз выплывал из заколдованного киноаппарата, размахивая своими жилистыми щупальцами перед ним. Глаз сам по себе пугал его, как воплощение сотен подстерегающих его

страхов и тревог. Вскоре после этого ему приснился сон, что он смотрит сам на себя в зеркало, берет огромную булавку, медленно подносит к зрачку и чувствует липкую влажность текущей по дну глаза крови. Он вспомнил — сейчас вспомнил, — как он проснулся и обнаружил, что написал в кровать. Лучшим показателем того, как отвратителен был сон, было то, что ему не стало стыдно после этого; он чувствовал только облегчение, распростершись на влажной простыне и молясь, чтобы это оказалось лишь сном.

— К черту все это! — сказал Ричи Тозиер низким голосом, все еще слегка дрожащим, и попытался встать.

Он пойдет сейчас в гостиницу и попробует вздремнуть. Если это дорога его памяти, то он предпочитал, чтобы в час пик она была свободна. А боль в глазах, возможно, всего лишь сигнал усталости и переутомления плюс стресс от встречи с прошлым, которое навалилось на него сразу в один день. Хватит шока, хватит воспоминаний. Ему не нравилось, как мысли его перескакивают с предмета на предмет. Какую мелодию пел Питер Габриел? «Обезьяний Шок»? Что ж, у обезьяны шока было достаточно. Время немного отдохнуть и осмотреться.

Он поднял глаза и снова посмотрел на шатер Городского Центра. И снова почувствовал такую слабость в ногах, что пришлось сесть. Прошлое давило.

РИЧИ ТОЗИЕР ЧЕЛОВЕК С ТЫСЯЧЕЙ ГОЛОСОВ
ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ГОРОД ДЕРРИ! ТЫСЯЧА ТАНЦЕВ!
В ЧЕСТЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ РИЧИ-ТРЕПАЧА
ГОРОДСКОЙ
ЦЕНТР С ГОРДОСТЬЮ ПРЕДСТАВЛЯЕТ
РОК-ШОУ РИЧИ ТОЗИЕРА «ПАРАД МЕРТВЕЦОВ»

БАДДИ ХОЛЛИ. РИЧИ ВАЛЕНС. БИГ БОППЕР.
ФРЭНКИ ЛАЙМОН. ДЖИН ВИНСЕНТ. МАРВИН ГЭЙВ.

ОРКЕСТР:
ДЖИММИ ХЕНДРИКС — СОЛО ГИТАРА
ФИЛ ЛИНОТТ — БАС-ГИТАРА
ДЖОН ЛЕННОН — РИТМ-ГИТАРА
КЕЙТ МУН — УДАРНЫЕ
ПОЧЕТНЫЙ
ГОСТЬ ВОКАЛИСТ ДЖИМ МОРРИСОН

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ДОМОЙ, РИЧИ!
ТЫ ТОЖЕ МЕРТВЕЦ!

Он почувствовал себя так, как будто кто-то

выкачал из него весь воздух.., а потом снова услышал этот звук, тот самый звук, который, казалось, давил на его кожу и барабанные перепонки, этот резкий, убийственный, свистящий звук розги — *Сви-и-и-п!* Он скатился со скамейки и упал на гравий, думая: *Вот, что они имели в виду под дежавю, теперь ты знаешь, и не нужно будет спрашивать.*

Он ударился плечом и перевернулся, глядя на статую Поля Баньяна — только теперь это был не Поль Баньян. Вместо него там стоял клоун, двадцатифутовый гипсовый истукан, раскрашенный во все цвета радуги; его разрисованное лицо венчалось рыжим хохлом волос. Оранжевые помпоны-пуговицы, вылитые в гипсе, каждая с волейбольный мяч, располагались в ряд на его серебристом костюме. Вместо топора у него была целая связка гипсовых шариков. На каждом шарике выведена надпись: "ВСЕГДА СО МНОЙ РОК-Н-РОЛЛ И РИЧИ ТОЗИЕР СО СВОИМ РОК-ШОУ «ПАРАД МЕРТВЕЦОВ».

Он стал карабкаться назад, на коленях и локтях. Гравий попадал в штаны. Он чувствовал, как распарывается, рвется под мышками его спортивное пальто из Родео-Драйв. Шатаясь, он поднялся на ноги и оглянулся, чтобы посмотреть на клоуна.

Клоун тоже смотрел на него. Его влажные глаза вращались в глазницах.

— Я не испугал тебя, а? — прогрохотал он.

Ричи услышал, как помимо его воли, рот выговорил:

— Такой дешевкой не испугаешь и кобеля, Бозо. Ты понял? Клоун ухмыльнулся и кивнул, как будто он того и ждал. Красные кровоточащие губы разлепились, показав зубы, похожие на бритву.

— Я мог бы сцапать тебя, если бы захотел, — сказало Оно, — но впереди еще много интересного.

— Да, много интересного и смешного, — услышал Ричи свои слова. — А самое смешное, самое смешное будет, когда мы снесем твою дурную башку, бэби.

Ухмылка клоуна становилась все шире и шире. Он поднял одну руку, затянутую в белую перчатку, и Ричи почувствовал дуновение ветра, сдувающего волосы со лба, как это уже было двадцать семь лет тому назад. Клоун показывал на него пальцем, громадным, как коромысло.

Громадным, как... -подумал Ричи, и вдруг опять пришла боль. Будто острые шипы впились в глазное яблоко.

. — Прежде чем вытаскивать бревно из глаза соседа, вытащи соринку из своего собственно-

го, — нараспев произнес клоун, слова грохотали и вибрировали, и снова Ричи стало обволакивать сладкое гниющее дыхание.

Он взглянул вверх и сделал несколько поспешных шагов назад. Клоун наклонился, держась руками в перчатках за свои колени.

— Хочешь поиграть еще, Ричи? Что ты скажешь, если я укажу на твой член, и у тебя случится рак предстательной железы? Или могу указать на твою голову, и у тебя будет застарелая опухоль мозга — и многие скажут, я уверен, что она уже давно была там. Я могу указать на твой рот, и твой глупый трепливый язык превратится в гноящийся обрубок. Я могу сделать это, Ричи. Хочешь посмотреть?

Глаза его становились все шире и шире, и в этих черных зрачках, огромных, как мячи, Ричи увидел безумную тьму, которая возможна только на краю Вселенной; он видел жуткую радость, способную окончательно свести его с ума. В тот момент он понял, что Оно могло бы сделать все, что обещало, и даже больше. И все-таки он опять услышал, помимо его воли, уже не его голос и не любой из созданных им в будущем или в настоящем голосов; он услышал голос, который никогда не слышал прежде. Позже он скажет

остальным, что это было похоже на голос Ниггера Дживиаса, громкий, передразнивающий сам себя, скрипучий.

— Убирайся с дороги, ты, старый облезлый шут! — крикнул он и вдруг рассмеялся. — Ни хрена ты мне не сделаешь, ублюдок! Я буду ходить и говорить, и плевал я на тебя! Мое время — это мое время, и худо тебе будет, если ты не заткнешь свою дерьмовую пасть! Слышишь меня, беломордая тварь?

Ричи показалось, что клоун отступил, но не стал оборачиваться, чтобы в этом убедиться. Он побежал с прижатыми к бокам локтями, с развевающейся позади курткой, не беспокоясь о том, что подумает папаша, который привел своего малыша посмотреть Поля, не боясь, что он может подумать, что Ричи сошел с ума.

Дело в том, что я чувствую себя так, как будто и впрямь сошел с ума. Господи, не дай мне этого, не допусти. Господи! Это должно быть самое хреновое подражание в мире, но оно сработало, сработало...

А потом сзади загремел голос клоуна. Отец малыша не слышал его, но лицо малыша неожиданно сжалось, и он начал вопить. Папаша подхватил сына, крепко прижал к себе, изум-

ленный. И даже через свой собственный ужас Ричи наблюдал за этим маленьким происшествием. Голос клоуна был злобно-веселым, а может быть, просто злобным. У *нас здесь есть глаз для тебя, Ричи... Ты меня слышишь? Тот самый, который ползает. Если не хочешь убраться, не хочешь сказать мне «до свидания», то все равно возвратишься сюда, в этот город, и хорошенько посмеешься над этим хорошеньким большим глазиком! Приходи, он всегда к твоим услугам. Как только захочешь! Слышишь меня, Ричи? Пускай Беверли носит свою большую юбку, а под ней четыре или пять нижних юбок. Пусть она наденет обручальное кольцо себе на палец! Пусть Эдди наденет свои цветные туфли! Мы сыграем одну штучку, Ричи! Мы хорошенько по-о-о-забавимся, Ричи!*

Добежав до дороги, Рич осмелился оглянуться через плечо, и то, что он увидел, немного успокоило его. Поля Баньяна все еще не было, но и клоун исчез. Там, где они стояли, сейчас была двадцатифутовая статуя Бадди Холли. На узком отвороте его спортивного пальто прицеплен значок с надписью: "РОК-ШОУ РИЧИ ТОЗИЕРА «ПАРАД МЕРТВЕЦОВ»

Одно стекло на очках Бадди было заклеено

липким пластырем.

Маленький мальчуган все еще истерически плакал, а папаша быстро шагал с плачущим ребенком на руках в город. Он далеко обошел Ричи. А Ричи продолжал идти, *(ноги не подведут меня на этот раз)* стараясь не думать *(мы поиграем во все эти штучки!)о* том, что только что случилось. О чем он сейчас мечтал, так это о хорошем глотке шотландского виски в баре гостиницы, прежде чем лечь вздремнуть.

Мысли о выпивке — о простой будничной выпивке — немного успокоили его. Он снова посмотрел через плечо, и то, что он увидел вновь появившегося Поля Баньяна, улыбающегося в небо, со своим гипсовым топором на плече, успокоило его еще больше. Ричи пошел еще быстрее, все дальше удаляясь от статуи. Он даже начал думать о возможности галлюцинаций, как вдруг его глаза пронзила та же самая боль, глубокая и ошеломляющая, заставившая его хрипло вскрикнуть. Симпатичная молоденькая девушка, которая шла впереди него, задумчиво глядя в небеса, посмотрела на него, немного замешкалась, а потом поспешила к нему.

— Мистер, с вами все в порядке?

— Это мои контактные линзы, — сказал он

глухо. — Мои проклятые контактные линзы — о. Боже мой, как больно!

На этот раз он схватился за глаза так быстро, что чуть не ткнул в них пальцами. Нажав на веки, он подумал:

Я не смогу выморгнутъ их: вот что случится. И все будет продолжаться так же, все больнее и больнее, пока я не ослепну, не ослепну, не ос...

Но все получилось, как всегда, — он выморгнул их с первого раза. Четкий и определенный мир, где все цвета оставались на местах и где лица, которые он видел, были ясными и отчетливыми, улетучился. Вместо этого появились широкие полосы пастельных, размытых тонов. И хотя они с девушкой, которая была готова помочь и посочувствовать, обшарили весь тротуар и занимались этим минут пятнадцать, они не смогли найти ничего.

Ричи чудилось, что клоун у него за спиной все еще смеется.

5

Билл Денбро видит привидение

В этот день Билл не видел клоуна Пеннивайза, но он видел привидение. Настоящее привидение. Билл поверил в это, и ничто не могло его

переубедить.

Он шел по Витчем-стрит и остановился на минуту у коллектора, где Джордж встретил смерть в тот дождливый октябрьский день 57-го. Билл сел на корточки и уставился в коллектор, огороженный кирпичным бордюром. Сердце его билось тяжело, но все-таки он продолжал смотреть.

— Выходи, что же ты? — сказал он низким голосом, и у него возникла вдруг сумасшедшая идея, что его голос парит над темнотой, не задерживаясь в проходах, не умирая, не исчезая, а просто продолжая двигаться туда и сюда, создавая собственное эхо, отскакивая от выложенных камнем стен и давно умерших механизмов. Ему казалось, что он продолжает парить над спокойными и угрюмыми водами и, наверное, тихо вытекает в одно и то же время из сотен других люков в других частях города.

— Выходи отсюда, или мы сами войдем и схватим тебя! Он с нетерпением ждал ответа, глядя вниз, зажав руки между ног, как игрок перед подачей. Ответа не было.

Он уже готов был встать, когда какая-то тень упала на него. Билл взглянул вверх, готовый ко всему.., но это был лишь маленький ребенок, лет десяти, может быть, одиннадцати, одетый в

темные бойскаутские шорты, которые открывали для всеобщего обозрения его исцарапанные коленки. В одной руке у него было мороженое ярко-оранжевого цвета, в другой — ярко-зеленый скейтборд.

— Вы всегда говорите в люки, мистер? — спросил мальчуган.

— Только в Дерри, — ответил Билл.

Они посмотрели друг на друга, а затем одновременно разразились громким смехом.

— Я хочу задать тебе один гггглупый вопрос, — сказал Билл.

— Давайте, — сказал мальчик.

— Ты когда-нибудь слышал что-нибудь из таких люков? Мальчик посмотрел на Билла как на ненормального.

— Ну ладно, забудь, о чем я ссспрашивал, — сказал Билл. Он зашагал прочь, но не успел сделать и дюжины шагов — он смотрел вверх на холм, смутно надеясь увидеть свой дом, — когда мальчик позвал:

— Мистер!

Билл повернулся, спортивная куртка висела у него на плече, воротничок рубашки был расстегнут, а узел галстука ослаблен. Мальчик внимательно наблюдал за ним, как будто уже

жалея, что начал разговор. Потом передернул плечами, будто говоря «Какого черта!»

— Да.

— Да?

— Да.

— А что ты там слышал?

— Я не знаю. Там говорили на каком-то иностранном языке. Я слышал это в одном из таких люков в Барренсе. Из такой трубы, которые выходят на поверхность...

— Я знаю, что ты имеешь в виду. Это был голос ребенка?

— Сначала ребенка, а потом мужской, — мальчик помедлил. — Я немного испугался. Побежал домой и рассказал отцу. Он сказал, что это, может быть, эхо или что-то еще, что может доноситься из чьего-нибудь дома.

— Ты поверил в это?

Мальчик очаровательно улыбнулся.

— Я читал «Хочешь верь, хочешь не верь», и там писали про одного парня, который извлекал музыку из своих зубов. Радиомузыку. У него были пломбы, как маленькие радиоприемники. Я думаю, что если уж я поверил в это, я мог бы поверить во что угодно.

— А-а! — сказал Билл. — Но поверил ли ты в

это? Мальчик неохотно кивнул головой.

— А ты когда-нибудь еще слышал эти голоса?

— Однажды, когда мылся в ванной, — сказал мальчик. — Это был голос какой-то девочки. Она плакала. Без слов. Я боялся вытащить пробку, когда уже помылся, понимаете? Боялся, что она утонет.

Билл снова кивнул. Мальчик смотрел на Билла в упор, широко раскрытыми глазами.

— А вы знаете что-нибудь об этих голосах, мистер?

— Я слышал их, — сказал Билл, — давным-давно. А ты ничего не знаешь о детях, которых здесь убили, сынок?

Глаза мальчика потухли и стали настороженными.

— Папа не велел мне разговаривать с незнакомыми людьми. Он говорит, что любой может оказаться убийцей. Он отодвинулся от Билла еще на один шаг, пятясь к тени вяза, в который Билл когда-то, двадцать семь лет тому назад, врезался на велосипеде. Он тогда свалился и сломал руль.

— Это не я, сынок, — сказал он. — Последние четыре месяца я провел в Англии. Только вчера приехал в Дерри.

— Все равно мне нельзя разговаривать с ва-

ми, — ответил мальчик.

— Правильно, — согласился Билл. — У нас свободная страна. Мальчик помолчал, а потом сказал:

— Я дружил с одним из них. С Джонни Фьюри. Хороший парень. Я плакал, — сказал он со значением, слизнув остатки мороженого. Потом высунул язык, который стал ярко-оранжевым и облизал пальцы.

— Держись подальше от люков и канализации, сынок, — спокойно сказал Билл. — Подальше от безлюдных мест. Играй лучше на спортплощадке. Но больше всего берегись люков и канализации.

Глаза мальчика вновь заблестели, но он долго ничего не говорил. И вдруг:

— Мистер, рассказать вам кое-что интересное?

— Конечно.

— Вы видели этот фильм, где акула съедает всех людей?

— Ага. «Чччелюсти»

— Так вот, у меня есть друг. Его зовут Томми Викананза, у него с головой не все в порядке. Понимаете? Крыша поехала.

— Понятно.

— Он говорит, что видел такую акулу в Канале. Он гулял один в Бассей-парке недели две тому

назад и сказал, что видел плавник. Он сказал, что он был восемь или девять футов длиной. Один плавник, понимаете? Он сказал: «Вот кто убил Джонни и остальных. Это Челюсти, я знаю, потому что сам видел». А я ему говорю: «Канал такой грязный, что там никто не может жить, даже мальки. А ты говоришь, что видел там Челюсти. У тебя крыша поехала, Томми». А Томми сказал, что она выскочила из воды, как раз как в конце того фильма и пыталась схватить его и съесть, но он вовремя успел отскочить. Смешно, правда, мистер?

— Очень смешно, — согласился Билл.

— У него крыша поехала, ведь правда? Билл заколебался.

— Держись подальше и от Канала, сынок. Понимаешь меня?

— Вы хотите сказать, что верите в это? Билл снова заколебался. Он должен был пожать плечами, но вместо этого кивнул.

Мальчик шумно выдохнул. Он опустил голову, словно от стыда.

— Вообще иногда я думаю, что и у меня крыша поехала.

— Я понимаю тебя, — Билл подошел к мальчику поближе. (Тот смотрел на него с опаской, но

на этот раз не отошел). — Ты разобьешь себе все коленки на этой доске, сынок.

Мальчик посмотрел на свои исцарапанные коленки и улыбнулся.

— Да, вы правы. Я ее когда-нибудь выброшу.

— А можно мне попробовать? — неожиданно спросил Билл. Сначала мальчик посмотрел на него изумленно, а потом рассмеялся.

— Вот будет смешно, — сказал он. — Никогда не видел взрослого на скейтборде.

— Я дам тебе четвертак, — сказал Билл.

— Мой папа говорит...

— Никогда не бери денег или конфет у незнакомцев. Хороший совет. Но я все-таки дам тебе четвертак. Что ты на это скажешь? Я только до угла Дддджэксон-стрит.

— Не надо никакого четвертака, — сказал мальчик. Он снова рассмеялся — веселый и простой звук. Свежий. — Не нужен мне ваш четвертак. Я и так богатый, у меня два доллара. Но мне хочется на вас посмотреть. Только, если сломаете что-нибудь, не говорите, что это я вам дал.

— Не волнуйся, — сказал Билл. — Не скажу.

Он пальцем толкнул одно из истертых колес на доске, любуясь легкостью, с которой оно двигалось, — оно зажужжало, как будто внут-

ри вертелся миллион подшипников. Звук ему нравился. Он вызывал какие-то хорошие, давно забытые чувства. Какое-то ощущение теплоты, прекрасной, как любовь. Он улыбнулся.

— О чем вы думаете? — спросил мальчик.

— Что сейчас убьюсь, — сказал Билл, и мальчик засмеялся.

Билл опустил доску на дорогу и поставил на нее одну ногу. Он покатал скейт туда-сюда, приноравливаясь. Мальчик наблюдал. В уме Билл уже видел себя катящим по Витчем-стрит к Джэксону на жгуче-зеленой, цвета авокадо, доске мальчика — сзади развеваются, как хвост, полы его спортивной куртки, лысина блестит на солнце, колени согнуты и подрагивают, как у неопытных лыжниц, когда они летят со своей первой горки. В таком состоянии что-то в тебе говорит, что ты вот-вот упадешь или уже упал. Он бьется об заклад, что мальчишка никогда не будет ехать на доске подобным образом. Он бьется об заклад, что ребенок поедет так, *(чтобы обогнать самого черта)* как будто не будет никакого завтра.

Хорошее чувство погасло в его груди. Он слишком ясно увидел, как доска выскальзывает у него из-под ног и летит, ничем не обремененная, вниз по улице, невероятная жгуче-зеленая доска того

цвета, который может полюбить только ребенок. Он увидел и себя, падающего на зад или, может быть, на спину. Видел и одиночную палату в городской больнице, где он однажды был, когда навещал Эдди в такой же комнате, после того, как тот сломал руку. Билл Денбро, вытянувшийся во всю длину, одна нога подвешена на растяжках. Входит доктор, смотрит на его карту, потом на него и говорит:

«Ваши две главные ошибки, мистер Денбро, заключаются в том, что, во-первых, вы плохо правили доской, а во-вторых, вы забыли, что вам скоро сорок».

Он наклонился, поднял доску и подал ее мальчику.

— Думаю, не надо, — сказал он.

— Струсили, как цыпленок, — сказал мальчик, не очень обижаясь.

Билл приставил большие пальцы к ушам и стал хлопать локтями:

— Цып-цып-цып! Мальчик засмеялся.

— Мне пора домой.

— Будь осторожней на дороге, — сказал Билл.

— Нельзя быть осторожным на доске, — ответил мальчик, глядя на Билла, как будто он был одним из тех, у кого «крыша поехала».

— Хорошо, — сказал Билл. — «О'кей», как мы говорим в кинобизнесе. Я тебя понял. Но все-таки держись подальше от люков и любой канализации. И старайся держаться рядом с друзьями.

Ребенок кивнул.

— Я уже совсем рядом с домом.

Мой брат тоже был рядом с домом, -подумал Билл.

— Скоро все кончится, — сказал Билл мальчику.

— Вы думаете? — спросил тот.

— Да, я уверен, — сказал Билл.

— О'Кей! Тогда счастливо.., трусливый цыпленок!

Мальчик поставил одну ногу на доску и оттолкнулся другой. А когда он уже катился, поставил вторую ногу на доску и с грохотом полетел вниз по улице со скоростью самоубийцы. Но, как Билл и предполагал, он ехал с ленивой, небрежной грацией. Билл почувствовал любовь к этому ребенку, радость и желание *быть* ребенком самому, и это даже приглушило его страх. Мальчик катил так, как будто не существовало таких понятий, как старение и смерть. Он казался вечным и бессмертным в своих бойскаутских шортах цвета хаки, в своих потрепанных теннисных туфлях без

носков, с грязными ногами, с развевающимися сзади волосами.

Смотри, смотри, влетишь в угол! -подумал Билл встревоженно, но мальчик вильнул бедрами влево, как танцор брейка, ноги его немного сместились по зеленой доске, и он без всяких усилий обогнул угол и свернул на Джексон-стрит, не думая, будет ли кто-нибудь идти ему навстречу. *Мальчик, мальчик,* -думал Билл, — *не всегда будет так.*

Он подошел к своему старому дому, но не остановился; только замедлил шаг. Во дворе были люди: мать в садовом кресле со спящим ребенком на руках наблюдала, как двое ребятишек лет десяти и восьми играли в бадминтон на траве, все еще влажной от недавно прошедшего дождя. Младший из них удачно отбил воланчик, и женщина крикнула: «Отлично, Син!»

Дом был того же темно-голубого цвета, и то же веерообразное окно блестело над дверью, но любимые мамины цветочные клумбы исчезли. С места, где он шел, можно было увидеть перекладину, которую отец сделал когда-то из железных труб на заднем дворе. Он вспомнил, как однажды Джорджи свалился с самого верха и выбил себе зуб. Как он орал!

После смерти Джорджи дом опустел для него и, зачем бы он ни приехал в Дерри, но только не за этим.

И он пошел к углу улицы и свернул направо, ни разу не оглянувшись. Скоро он очутился на Канзас-стрит, направляясь к окраине. Он постоял немного у забора, который тянулся вдоль дороги, выходя прямо к Баррснсу. Забор был тот же самый: шаткое сооружение из дерева, покрытое облупившейся белой известкой; и Барренс был тот же самый.., еще более дикий, если и изменился.

Билл мог слышать бульканье воды, бегущей маленькими ручейками, и видел вокруг ту же панораму Кендускеага. И запах был такой же, невзирая на то, что исчезла дамба. Даже тяжелый аромат растущей зелени в зените весенней зрелости не смог уничтожить запаха отбросов и человеческих испражнений. Он был слаб, но определялся безошибочно. Запах гниения; дуновение подземного мира.

Вот, где все кончилось тогда, и вот, где кончится сейчас, -подумал Билл с дрожью. — *Там внутри.., под городом.*

Он постоял еще немного, убежденный, что должен увидеть что-то — какое-то знамение — знак

дьявола, с которым он приехал бороться в Дерри. Но ничего не произошло. Он слышал журчание бегущей воды, весенний животворный звук, напомнивший ему о запруде, которую они когда-то строили здесь. Он видел деревья и кустарники, качающиеся от легкого ветерка. Но больше ничего. Никаких знаков. И он пошел дальше, отряхивая с рук следы белой краски, покрывающей забор.

Он продолжал идти к окраине города, полувспоминая, полумечтая, и там к нему подошел еще один ребенок — на этот раз маленькая девочка лет десяти в вельветовых брючках и темно-красной блузке. Одной рукой она била по мячу, другой держала за волосы свою куклу — блондинку Арнел.

— Привет, — сказал Билл. Она посмотрела на него:

— Что?

— Какой самый лучший магазин в Дерри? Она задумалась:

— Для меня или для всех?

— Для тебя, — сказал Билл.

— "Секондхэнд Роуз, Секондхэнд Клоуз", — сказала она без малейшего колебания.

— Прошу прощения? — переспросил Билл.

— Чего ты просишь?

— Это что, название магазина?

— Конечно, — сказала она, глядя на Билла как на ненормального.

— "Секондхэнд Роуз, Секондхэнд Клоуз". Моя мама говорит, что это все утиль, но мне нравится. Там старые вещи. Пластинки, каких я никогда не слышала. И еще открытки. Там пахнет, как на чердаке. Ну, мне нужно домой, пока.

И она пошла, не оборачиваясь, хлопая по мячу и держа куклу за волосы.

— Эй! — крикнул он ей вслед. Она капризно оглянулась:

— Ну, чего?

— Этот магазин. Где он находится? Она оглянулась через плечо и сказала:

— Как раз там, куда ты идешь. У Ап-Майл-Хилл. Билл почувствовал, что прошлое захватывает его. Он не собирался спрашивать эту маленькую девочку ни о чем; вопрос просто выскочил из него, как пробка и? бутылки шампанского.

Он спустился с Ап-Майл-Хилл. Товарные склады и упаковочные фабрики, которые он помнил с детства, — мрачные кирпичные здания с грязными окнами, из которых несло тухлятиной, — в основном исчезли, хотя фабрика «Армор и Стар» по упаковке мяса все еще была там. Но Хэмпхилл

исчез, осталось только кино на открытом воздухе и бакалейная лавка, где продавали говядину и кошерное мясо Игла. А на том месте, где стоял флигель братьев Трэкеров, была надпись старомодным шрифтом, гласящая, как девочка и говорила: «Секондхэнд Роуз, Секондхэнд Клоуз». Красный кирпич был выкрашен желтым, наверное, лет десять или двадцать тому назад. Но сейчас он уже потускнел и стал того цвета, который Одра называла «цветом мочи».

Билл медленно шел к магазину, чувствуя, как ощущение *дежавю*снова охватывает его. Позже он рассказывал остальным, что у него было предчувствие, что он увидит привидение, еще до того, как он его действительно увидел. Витрина магазина была не просто грязная — она вызывала отвращение. Это был не какой-нибудь магазинчик антиквариата с изящными маленькими коробочками для ниток или с хрустальными сервизами, освещенными закатными лучами солнца; это было то, что его мать с пренебрежением называла «Ломбардом янки». Все предметы были небрежно свалены в кучи, громоздясь там и сям без всякого порядка. Платья валялись без плечиков. Гитары висели на своих грифах, как преступники на виселице. Были там детские

вещи и страховидные туфли с сопроводительной надписью: «НОШЕНЫЕ, НО НЕ ПЛОХИЕ! Доллар за пару». Рядом стояли два телевизора, непохожие на исправные. Букеты искусственных цветов чахли в грязных вазах на сломанном оббитом обеденном столе. Весь этот хлам, который Билл увидел, служил фоном для одной вещи, к которой немедленно устремился его взгляд. Он стоял, уставясь на это широко открытыми, неверящими глазами; гусиная кожа покрыла все его тело. Лоб стал горячим, руки похолодели, и на мгновение ему показалось, что сейчас все запоры мозга откроются, и ему все станет ясно, и все вспомнится. Справа в витрине стоял его велосипед Сильвер. Рамы так и не было, ржавчина покрывала и переднее, и заднее крылья, но сигнал все еще стоял на руле, хотя его резиновая груша треснула от старости. Сам звонок, который Билл всегда аккуратно полировал, потускнел и покрылся пятнами. Плоский багажник, где когда-то часто сидел Ричи, все еще покоился сзади, но сейчас он был раскурочен и висел на одном болте. Кто-то когда-то раскрасил сиденье под цвет тигровой шкуры, который сейчас затерся до того, что полосы стали едва различимы. Но это был Сильвер. Билл поднял руку, чтобы вытереть слезы, мед-

ленно ползущие по щекам, потом достал платок, промокнул глаза и вошел в магазин. Сама атмосфера в магазине будто заплесневела от времени. Как девочка и говорила, пахло чердаком, но не добрым старым чердаком. Это не был запах хорошего масла, которым любовно полируют поверхности столов, или старого бархата и плюша. Здесь пахло истлевшей бумагой, грязными диванными подушками, пылью и мышиным пометом.

С телевизионного экрана на витрине доносилось завывание рокеров. Как бы соревнуясь с ними, откуда-то из радиоприемника раздался голос диск-жокея, назвавшего самого себя «Ваш дорогой друг Бобби Расселл», который обещал новый альбом Принса тому, кто назовет имя актера, сыгравшего роль Вэлли в фильме «Оставь это Бобру». Билл знал — актера звали Тони Дау, — но ему новый альбом Принса был ни к чему. Радиоприемник стоял на высокой полке среди портретов прошлого века.

Чуть ниже сидел хозяин — человек лет сорока в рабочих джинсах и чешуйчатой тенниске. Волосы его были зачесаны назад, открывая лицо на грани истощения. Он забросил ноги на стол, заваленный гроссбухами, над которыми возвы-

шался кассовый аппарат. Хозяин читал какую-то книжонку, и Билл подумал, что она никогда бы не получила премию Пулитцера. Она называлась «Стройплощадка конного завода». На полу перед его столом стоял шест — вывеска парикмахеров — красные и белые полосы на котором извивались по спирали вверх до бесконечности. Стершаяся веревка от него извивалась по полу до самого плинтуса, как усталая змея. На вывеске спереди было написано: «Производится окраска! 250 долларов».

Когда колокольчик над дверью звякнул, человек за столом заложил книгу, посмотрел вверх и спросил:

— Чем могу служить?

— Послушайте, — и Билл открыл рот, чтобы спросить о велосипеде в окне. Но прежде чем он заговорил, им овладела одна мысль, одно предложение, заполнившее все его мысли и вытеснившее все остальное:

Он стучится ко мне в ящик почтовый, говоря, что видел привидение снова.

Что это. Господи Боже мой?

Он стучится...

— Вы ищете что-нибудь? — спросил хозяин. Его голос был достаточно вежливым, но он внима-

тельно рассматривал Билла.

Он *смотрит на меня так,* -подумал Билл, не испуганный, а скорее, заинтригованный, — *будто думает, что я накурился этой самой травки, от которой кайфуют джазмены.*

— Да, я ииииинтересуюсь... *(ко мне в ящик почтовый)* — ..ииииинтересуюсь пппппочтовым яяящ...

— Вы, наверное имеете в виду этот шест? — В глазах хозяина на этот раз было что-то такое, что Билл ненавидел с детства: неловкость женщины или мужчины, вынужденных выслушивать заику, попытка быстрее закончить за него мысль, чтобы этот паршивый ублюдок поскорее заткнулся. *Но я не заикаюсь! Я поборол это! Я К ЧЕРТОВОЙ МАТЕРИ ПОКОНЧИЛ С ЭТИМ! Я...*

(но он все еще говорит) Слова настолько отчетливо прозвучали в его мозгу, что казалось, он одержим демонами, как в библейские времена — человек, в которого проникло что-то Извне. И все-таки он узнавал этот голос и знал, что это его собственный голос. Он почувствовал, как испарина выступила на лбу.

— Я могу предложить вам *(что видел привидение снова)* этот шест, — сказал хозяин. — По правде говоря, я могу сбавить цену. Он стоит 2-50, но вам отдам за 1-75. Как вы на это посмотрите?

Это единственная настоящая старинная вещь в моем магазине.

— ..почтовый ящик! — Билл почти кричал, и хозяин немного отпрянул. — Не нужен мне шест! Мне нужно.., шест мне не нужен.

— С вами все в порядке, мистер? — спросил хозяин. Его тревожный тон гармонировал с глубокой озабоченностью в глазах, и Билл увидел, что его левая рука исчезла со стола. Он осознал неожиданно больше с помощью логики, чем интуиции, что перед хозяином открытый ящик стола, который Билл не видит, и он почти наверняка положил руку на пистолет. Может быть, он боялся ограбления; а более вероятно, просто беспокоился. В конце концов он был нормальным человеком, в этом городе только недавно прикончили Андриана Меллана.

(Он *стучится ко мне в ящик почтовый, говоря, что видел привидение снова)* Откуда это взялось? Какой-то бред.

(Он *стучится)* Снова и снова.

Огромным, титаническим усилием Билл попытался побороть это. Он заставил себя перевести это предложение на французский. Таким путем он боролся с заиканием, когда был мальчишкой. В то время, как слова всплывали в его сознании,

он изменял их.., и неожиданно почувствовал, что заикание отступает.

Он понял, что хозяин говорит что-то.

— Ииизвините, пожалуйста, что?

— Я говорил, что если у вас чешутся кулаки, валите на улицу, мне здесь этого на хрен не нужно. Билл глубоко вздохнул.

— Давайте начнем сначала, — сказал он. — Как будто я только что ввввошел.

— Хорошо, — сказал хозяин довольно миролюбиво. — Вы только что вошли. И что же?

— Ввввелосипед на витрине, — сказал Билл. — Сколько вы хотите за велосипед?

— Двадцать баксов, — с облегчением сказал хозяин, тем не менее не спеша извлекать руку из стола. — Сначала я думал, это настоящий «Швин», но теперь мне кажется, что это просто имитация. — Он смерил глазами Билла. — Довольно большой велосипед, вы сможете ездить на нем сами.

Думая о скейтборде зеленого цвета, на котором он хотел проехаться, Билл сказал:

— Я думаю мои велосипедные времена уже прошли. Хозяин пожал плечами. Он наконец вытащил левую руку.

— У вас мальчик?

— Да.

— Сколько ему?

— Ооодиннадцать.

— Слишком большой велосипед для одиннадцатилетнего — Вы берете чеки?

— Десять баксов сверх стоимости.

— Я дам вам двадцать, — сказал Билл. — Не возражаете, если я позвоню?

— Пожалуйста, если это в черте города.

— Да, это здесь.

— Тогда идите сюда.

Билл позвонил в публичную библиотеку Дерри.

Майк был там.

— Где ты, Билл? — спросил он. А потом сразу же:

— С тобой все в порядке?

— Со мной все отлично. Ты уже видел кого-нибудь из наших?

— Нет, мы же встречаемся вечером, — последовала пауза. — Так, по крайней мере, я полагаю. — А чем я могу помочь тебе, Большой Билл?

— Я покупаю велосипед, — спокойно сказал Билл. — Я просто думал, что смогу докатить его до твоего дома. У тебя есть гараж или что-то в этом роде, где его можно поставить?

Последовало молчание.

— Майк, ты что?

— Да-да, я здесь, — сказал Майк. — Это Сильвер? Билл посмотрел на хозяина. Тот читал свою книгу снова.., или может быть просто смотрел в нее, внимательно слушая.

— Да, — ответил он.

— А ты где?

— Это называется «Секондхэнд Роуз, Секондхэнд Клоуз».

— Хорошо, — сказал Майк. — Мой адрес: Палмер-лейн, 61. Тебе лучше доехать до Мейн-стрит...

— Я найду.

— Ладно. Я тебя встречу. Будешь ужинать?

— Хорошо бы. А ты сможешь уйти с работы?

— Без проблем. Кэрол останется за меня, — Майк снова заколебался. — Она сказала, что здесь был какой-то парень, за час до моего прихода. Он выглядел, как привидение. Я попросил ее описать. Это был Бен.

— Ты уверен?

— Да. И велосипед. Похоже, это часть всего прочего. Как ты думаешь?

— Без сомнения, — сказал Билл, не отрывая глаз от хозяина, который все еще, казалось, был

всецело поглощен своей книгой.

— Встретимся дома, — сказал Майк. — Дом 61, не забудь!

— Не забуду. Спасибо, Майк.

Билл повесил трубку. В то же самое время хозяин закрыл книгу.

— Ну, что? Нашли, куда его сплавить?

— Да, — Билл вытащил свою книжку и подписал чек на двадцать долларов. Хозяин внимательно сравнил две подписи. При другом стечении обстоятельств Билл подумал бы, что это довольно подозрительно. Наконец хозяин выписал квитанцию и положил чек Билла в кассовый аппарат. Он встал, положил руки на поясницу, потянулся и пошел вперед, к витрине. Он прокладывал путь среди куч хлама, совершенно не спотыкаясь, что Биллу понравилось.

Он поднял велосипед, перевернул его и покатил по краю демонстрационного поля. Билл взялся за руль, чтобы помочь ему. Как только он сделал это, внутренняя дрожь вновь охватила его. Сильвер. Снова. Сильвер в его руках и *(он стучится ко мне в ящик почтовый, говоря, что видел привидение снова)* он должен перебороть эти мысли, потому что он от них ослабевает и сходит с ума.

— Задние колеса немного спущены, — сказал

хозяин (в действительности же они были плоскими, как блин).

— Нет проблем, — сказал Билл.

— Вы его довезете?

(*Когда-то я довозил его отлично, не знаю, как сейчас)* — Надеюсь, — сказал Билл. — Спасибо.

— Не за что. А если захотите поговорить насчет шеста, возвращайтесь.

Хозяин подержал дверь, пока он выходил. Билл вывел велосипед, повернул налево и покатил его к Мейн-стрит. Люди с удивлением и смехом глазели на лысого человека, толкающего огромный велосипед с рваными плоскими покрышками и допотопным гудком, торчащим из дряхлой сетки. Но Биллу не было до них дела. Он наслаждался тем, как легко его взрослые руки держатся за резиновые ручки руля, вспоминая, как он мечтал обернуть ручки каким-нибудь разноцветным пластиком. Но он так никогда и не сделал этого. Он остановился на углу Центральной и Мейн за книжным магазином и прислонил велосипед к зданию, чтобы снять пальто. Трудная это работа — толкать велосипед с лысыми шинами, а денек выдался жарким. Он засунул пальто в сетку и поехал дальше.

Ц*епи, совсем, дряхлые,* -подумал он. — *Кто-то*

не очень хорошо заботился о(нем)Нем.

Он остановился на миг, нахмурясь, и попробовал вспомнить, что случилось с Сильвером. Продал ли он *его* кому-нибудь? Или отдал? А может быть, потерял? Он не мог вспомнить. Вместо этого опять идиотская фраза *(стучится ко мне в ящик почтовый)* такая же неуместная, как легкое кресло на поле боя, как пластинка в камине, или карандаши, торчащие из асфальта дороги. Билл потряс головой. Предложение выскочило из головы и растаяло, как дым. Он стал опять толкать Сильвера к дому Майка.

6

Майк Хэнлон находит связь

Сначала он приготовил ужин — гамбургеры с грибным соусом и салат из шпината. Они закончили возиться с Сильвером и были более чем голодны. Дом Майка оказался маленьким, бело-зеленым и очень опрятным. Майк как раз подъезжал, когда Билл припер Сильвера на Палмер-лейн. Он сидел за рулем старого «Форда», с облупившимися крыльями и треснувшим лобовым стеклом, и Билл вспомнил, как говорил Майк: шестеро членов Клуба Неудачников уехали из Дерри и отделались от своих неудач, а Майк

остался и до сих пор тащится в хвосте.

Билл закатил Сильвера в гараж Майка, пол здесь был в масляных пятнах, но все содержалось в порядке, так же, как и сам дом. Все инструменты висели на своих крючках, на лампах были колпаки, сделанные из консервных банок, похожие на фонари в бильярдной. Билл прислонил велосипед к стене. Они вдвоем молча смотрели на него, держа руки в карманах.

— Да, это Сильвер, — сказал Майк наконец. — Я думал, что ты ошибся. Но это он. Что ты с ним собираешься делать?

— Если бы я знал. У тебя есть насос?

— Да. И новые покрышки тоже. Они у тебя без трубок?

— Да, и всегда такими были, — Билл наклонился посмотреть на покрышки.

— Да, без трубок, — Собираешься опять на нем кататься?

— Ккконечно, нет, — резко сказал Билл. — Мне только не нравится видеть его таким, ччччерт побери!

— Как скажешь, Большой Билл. Ты — начальник. Билл резко обернулся, но Майк уже ушел в дальний конец гаража, доставая насос. Он достал и сумку с инструментами из шкафчика и про-

тянул все это Биллу, который смотрел на это с удивлением. Ему показалось, что он помнил эти вещи с детства: небольшая оловянная коробочка, приблизительно такого же размера и формы, в каких мужчины хранят самодельные сигары, за исключением того, что крышка блестела, начищенная песком, — он использовал ее для того, чтобы натягивать резину на дырку, когда ставил заплаты. Но коробочка выглядела совершенно новой, и на ней была этикетка с ценой — 7 долларов 23 цента. Ему показалось, что, когда он был маленьким, такие коробочки стоили доллар с четвертью.

— Ты этим еще не пользовался, — сказал Билл.

— Нет, — сказал Майк, — я купил это только на прошлой неделе. Там, в универмаге.

— А у тебя самого есть велосипед?

— Нет, — сказал Майк, глядя ему прямо в глаза.

— И ты просто так купил эту сумку?

— Да, что-то меня толкнуло, — подтвердил Майк, продолжая смотреть на Билла. — Проснулся с мыслью, что надо пойти в магазин и купить нечто подобное. Мысль эта вертелась в голове целый день. И вот.., я купил ее. А теперь вот и ты можешь ею пользоваться.

— Да, вот и я, — согласился Билл. — Но, как

говорят в мыльных операх: «Что бы все это значило, дорогой?»

— Спроси у остальных, — сказал Майк, — сегодня вечером.

— Придут ли они, как ты думаешь?

— Я не знаю. Большой Билл, — он подождал и потом добавил:

— Я думаю, может случится, что не все придут. Один или два могут просто уехать из города. Или... — он пожал плечами.

— Что нам делать, если такое случится?

— Не знаю, — Майк указал на сумку с инструментами. — Я заплатил семь долларов за эту штуковину. Ты собираешься делать что-нибудь с ней или будешь просто стоять и глазеть?

Билл достал свое спортивное пальто из сетки и аккуратно повесил его на свободный крючок на стене. Потом он перевернул Сильвера, поставил его на сиденье и начал осторожно отворачивать переднее колесо. Ему не нравилось, как скрипели несмазанные колеса, и он вспомнил, как бесшумно вращались колеса на скейтборде. *Немножко масла, и все будет в полном порядке,* -подумал он. — *Не повредит, если смажу и цепь. Она древняя, как ад... И еще карты. Нужно повесить на него карты. У Майка, наверное, есть карты, я думаю.*

Хорошие. С целлулоидным покрытием, которое делало их такими негибкими и скользкими, что когда ты в первый раз попробовал тасовать их, они рассыпались по всему столу. Карты, конечно, и зажимы, чтобы держать их...

Он остановился, внезапно похолодев.

Господи, о чем я только думаю?

— Что-то не так, Билл? — мягко спросил Майк.

— Нет, ничего.

И вновь что-то стало овладевать им: жуткое, непобежденное и властное: *Он стучится ко мне в ящик почтовый, говоря, что видел привидение снова.* На этот раз за его голосом следовал голос его матери: *Постарайся сказать еще раз, Билли. Ты почти нормально сказал на этот раз.*

Его передернуло.

(*почтовый ящик)* Он потряс головой. *Я не могу сказать этого, не заикаясь, даже теперь,* -подумал он, и на какой-то миг почувствовал, что вот-вот он поймет все. Потом это ушло.

Он открыл сумку с инструментами и продолжил работу. Он возился довольно долго. Майк прислонился к стене и стоял в свете закатного солнца, рукава рубашки были засучены, галстук сбился набок. Он насвистывал мелодию. Билл услышал, что это «Она ослепила меня своей уче-

ностью».

Пока Билл ждал, когда засохнет клей, он смазал Сильверу цепь, зубчатое колесо и оси. Велосипед не стал от этого лучше выглядеть, но когда он стал вращать колеса, то заметил, что они больше не скрипят, и все в общем более или менее в порядке. Он уже собирался перевернуть Сильвера в нормальное положение, когда услышал быстрое перетасовывание карт. Он чуть не уронил Сильвера. Майк стоял рядом держа колоду велосипедных карт с голубыми рубашками.

— Попробуешь?

Билл глубоко вздохнул.

— Думаю, у тебя и зажимы есть?

Майк вытащил четыре из кармана рубашки и протянул их ему.

— Чччто, случайно захватил?

— Да, что-то в этом роде, — сказал Майк.

Билл взял карты и попытался перетасовать их. Руки дрожали, и карты посыпались на пол. Они были везде.., но только две легли лицевой стороной. Билл посмотрел на них, а потом на Майка. Взгляд Майка застыл на картах. Это были два туза пик.

— Это невозможно, — сказал Майк. — Я только что распечатал колоду. Посмотри, — он указал

на коробку около двери гаража, и Билл увидел целлофановую обертку. — Как в одной колоде карт оказались два туза пик?

Билл наклонился и поднял их.

— А как можно было рассыпать целую колоду карт по всему полу, и только две оказались открытыми? — спросил он. — Это еще лучший вввопрос.

Он повернул тузы обратной стороной и показал их Майку. У одного была голубая рубашка, у второго — красная.

— Господи Иисусе Христе! Майк, во что ты нас впутал?

— Что ты с ними собираешься делать? — спросил Майк глухо.

— Положить обратно, — сказал Билл и неожиданно рассмеялся. — Вот что я собираюсь с ними сделать, понятно? Если уж волшебству суждено свершиться, то оно свершится. Правда?

Майк не ответил. Он смотрел, как Билл подошел к переднему колесу и прикрепил карты. Руки его все еще дрожали, и потребовалось некоторое время, чтобы эта дрожь исчезла. Он набрал полные легкие воздуха, подержал его там, потом раскрутил переднее колесо. В тишине гаража раздавались только автоматные очереди — это

трещали карты между спицами колеса.

— Давай, давай, — тихо сказал Майк. — Давай, Большой Билл. А я приготовлю чего-нибудь поесть.

Они жадно съели гамбургеры и сели покурить, наблюдая, как опускается темнота, появившаяся с заднего двора. Билл достал свой бумажник, вытащил чью-то визитную карточку и написал на ней то самое предложение, которое не давало ему жить с того самого момента, как он увидел Сильвера на витрине «Секондхэнд Роуз». Он показал это Майку, который внимательно прочитал, шевеля губами.

— Это о чем-нибудь тебе говорит? — спросил Билл. — Он *стучится ко мне в ящик почтовый...*Он кивнул:

— Да, я знаю, что это.

— Тогда скажи мне, пожалуйста. Или ты опять собираешься морочить мне голову какой-нибудь ерундой?

— Нет, на этот раз, я думаю, можно рассказать тебе. Это старинная скороговорка, которая используется логопедами для упражнений с картавыми и заиками. Твоя мать старалась научить тебя говорить ее в то самое лето. Лето 1958 года. И ты все время бормотал ее про себя.

— Правда? — сказал Билл, а потом медленно повторил:

— Да, правда.

— Тебе очень хотелось сделать ей приятное. Билл, который почувствовал, что вот-вот расплачется, только кивнул. Он не мог говорить.

— Но ты никогда не мог сказать это. Я помню. Ты чертовски старался, но язык тебя не слушался.

— Но я все-таки сказал это. По крайней мере, однажды.

— Когда?

Билл стукнул кулаком по садовому столику.

— Я не помню! — крикнул он. А потом уже уныло сказал снова:

— Просто не помню.

Глава 12. ТРИ НЕЗВАНЫХ ГОСТЯ

1

На следующий день после того, как Майк Хэнлон сделал свои звонки. Генри Бауэре стал слышать голоса. Голоса говорили с ним целый день. Какое-то время Генри думал, что они идут с луны. Ближе к вечеру, когда он смотрел вверх с того места в саду, где он полол грядки мотыгой, ему показалось, что он видит бледную и маленькую луну в голубом дневном небе, луну-призрак.

Именно поэтому он и подумал, что это луна говорила с ним. Только луна-призрак могла бы говорить голосами призраков — голосами его старых друзей и тех маленьких детей, которые играли в Барренсе так давно. Те голоса и другой голос.., голос, который он не осмеливался назвать.

Виктор Крисе говорил с луны первым: *Они возвращаются. Генри. Все. Они возвращаются в Дерри.*

Затем с луны говорил Белч Хаггинс; скорее всего с обратной стороны луны: *Ты единственный. Генри. Единственный из нас, кто остался. Ты*

должен будешь отомстить им за меня и Виктора. Эти молокососы не могут так обойти нас. Правда, однажды я подал мяч Тони Трэкеру, и он сказал, что мяч вылетел за Стадион Янки.

Он рыхлил землю, смотря на луну-призрак в небе, но вскоре пришел Фогарти, ударил его сзади по затылку, а затем стукнул прямо в лицо.

— Ты выпалываешь горох вместе с сорняками, мудак! Генри выпрямился, счищая грязь с лица и волос. Рядом с ним стоял Фогарти, крупный мужчина в белом пиджаке и серых брюках с выпирающим животом. Охранники (которые здесь, в Джанипер-Хилле, назывались «санитарами») не имели права носить с собой полицейские дубинки, однако худшие, среди которых были Фогарти, Адлер и Кунц, носили в карманах свертки 25-центовиков. Они всегда ударяли вас ими в одно и то же место, прямо в затылок. 25-центовики не попадали под запрет. 25-центовики не рассматривались, как опасное оружие в Джанипер-Хилле, заведении для душевнобольных, которое находилось в предместье Огасты, недалеко от дороги на Сиднейтаун.

— Простите, мистер Фогарти, — улыбнулся Генри, обнажая неровные желтые зубы, напоминавшие колья в ограде водонапорной башни.

Зубы у Генри стали выпадать, когда ему исполнилось лет четырнадцать.

— Я прощаю тебя, Генри, — сказал Фогарти, — но если я еще раз тебя поймаю за этим делом, простым извинением ты не отделаешься.

— Да, мистер Фогарти.

Фогарти ушел, оставляя в пыли Западного сада большие коричневые следы. Когда Фогарти уже не мог его видеть. Генри, улучив момент, огляделся. Их выгнали копать, как только прояснилось небо, всех больных из Голубой палаты. В эту палату помещали буйных, но теперь они считались умеренно опасными. В действительности, все пациенты Джанипер-Хилл считались умеренно опасными, а в самой лечебнице были все условия для душевнобольных преступников, чтобы они чувствовали себя комфортно. Генри Бауэре попал сюда по обвинению в убийстве своего отца в конце 1958 года. Этот год был богат на судебные процессы по обвинениям в убийстве; он оставил далеко позади все предыдущие годы.

Они решили, что он убил не только своего *отца.* Если бы он убил только его, он бы провел в психиатрической лечебнице в Огасте всего каких-то двадцать лет, хотя большую часть времени в полной изоляции. Нет, он убил не только

своего *отца;* суд решил, что он убил их всех, или, по крайней мере, большинство из этих людей.

После вынесения приговора «Дерри Ньюз» опубликовала на первой странице статью под заголовком «Конец долгой ночи города Дерри». В статье они перечислили все основные улики: пояс из комода Генри, который принадлежал исчезнувшему Патрику Хокстеттеру; кучу школьных учебников в шкафу, на некоторых из которых стояла подпись пропавшего Виктора Крисса, а на других — пропавшего Белча Хаггинса — оба они были его закадычными друзьями. Хуже всего было то, что под матрацем Генри нашли эти чертовы трусики, определив по меткам прачечной, что они некогда принадлежали покойной Веронике Гроган.

Генри Бауэре, писала «Дерри Ньюз», был тем самым чудовищем, терроризировавшим Дерри весной и летом 1958 года.

Итак, на первой странице номера от 6 декабря «Ньюз» во всеуслышание объявила о конце долгой ночи города Дерри, хотя даже Генри знал, что ночь в Дерри не кончится никогда.

Его запугивали вопросами, окружив плотным кольцом и тыкая в него пальцами. Начальник полиции дважды бил его по лицу, а однажды

детектив по имени Лотмэн ударил его кулаком в живот и потребовал, чтобы он признался, да поживее.

«Там на улице стоят люди и страшно волнуются, — сказал этот Лотмэн. — В Дерри очень долгое время никого не линчевали, но это не значит, что с судом Линча покончено навсегда».

Ему казалось, что его будут держать в тюрьме вечно, не потому что жители Дерри, убежденные в его виновности, готовы были ворваться в полицейский участок, вытащить Генри на улицу и повесить на ближайшей яблоне, а потому, что они отчаялись положить конец этому ужасному кровавому лету; они бы сделали это, но Генри не давал им повода. Они хотели обвинить его во всех убийствах. Он понял это спустя какое-то время. Генри не возражал. После кошмара в канализационной трубе, после того, что случилось с Белчем и Виктором, ему казалось, что не имеет смысла ничего отрицать. Да, сказал он, я убил своего отца. Это правда. Да, я убил Виктора Крисса и Белча Хаггинса. И это правда, по крайней мере, в отношении того, что он сам привел их в тоннель, в котором их убили. Да, я убил Патрика. Да, и Веронику. Да, да, да... Все неправда, но это не имеет значения. Кто-то должен понести наказа-

ние. Возможно, поэтому его и пощадили. А если бы он отрицал...

Он вспомнил, как пояс Патрика оказался в его комоде. В апреле он выиграл его у Патрика в карты, потом обнаружил, что он ему не подходит, и забросил в комод. Он вспомнил и про учебники — черт бы их побрал. Они втроем жили в одной комнате и плевать хотели на летние занятия, впрочем, как и на все остальные. Возможно, в их шкафах было не меньше его учебников, и скорее всего полицейские знали об этом.

Трусики.., нет, он не знал, как трусики Вероники Гроган попали под его матрац.

Но ему казалось, он знал кто, или что, позаботилось об этом.

Лучше не говорить о таких вещах.

Лучше просто промолчать.

Итак, его направили в лечебницу в Огасту и в конце концов, в 1979 году, перевели в Джанипер-Хилл, где лишь один раз он причинил всем беспокойство, и сначала никто не мог понять, отчего это произошло. Один парень попытался выключить ночник Генри. Ночник был сделан в виде утенка Дональда с маленькой матросской шапочкой на голове. После захода солнца Дональд был его защитой. В темноте могли прийти

они. Запоры на дверях и решетки на окнах не остановят их. Они приходят, как туман. Твари. Они разговаривают и смеются.., а иногда хватают его. Волосатые твари, гладкокожие твари, твари с глазами. Именно такие твари по-настоящему убили Вика и Белча, когда загнали их троих в тоннель под Дерри в августе 1958 года.

Теперь оглянувшись вокруг, он увидел остальных обитателей Голубой Палаты. Здесь был Джимми Донлин. Во всех газетах было написано, что Джимми летом 1965 года убил в Портленде свою собственную мать, но ни одна газета не осмелилась написать, что он сделал с трупом. К тому времени, когда прибыли полицейские, Джимми успел съесть больше половины тела, в том числе и головной мозг. «Они сделали меня несчастным», — как-то однажды ночью, после того, как погасили свет, доверительно сообщил он Генри.

Позади Джимми с фанатичным рвением, напевая, как обычно, одну и ту же строчку, копал француз Бенни Белью. Бенин был поджигателем-пироманьяком. Теперь он копал, напевая снова и снова строчку из «Дорз»: «Попробуй натравить ночь на огонь, попробуй натравить ночь на огонь, попробуй натравить ночь на огонь.., по-

пробуй...». Еще дальше работали Джордж Девиль и Франклин Де Круз.

— Ты сам будешь работать или тебе помочь. Генри? — проорал Фогарти, и Генри снова начал копать.

Вскоре голоса зазвучали снова. Но теперь они были другими, голосами тех детей, из-за которых он попал сюда. Они шептали с луны-призрака.

Ты не смог поймать даже толстяка, Бауэре, -шептал один из голосов. — *Теперь я богат, а ты копаешься в горохе. Ха-ха, ну ты и ублюдок!*

Ббауэрс, ттты ппрочитал хоть ккакую-нибудь хххорошую ккнигу с тех ппор, как ттты здесь? Я мммного написал! Я ббогат, а ттты сидишь в Джу-джу-джунипер-Хилл! Ха-ха, ты ттупой, засранец!

— Заткнитесь! — прошептал Генри голосам-призракам, продолжая рыть все быстрее и начав новую грядку гороха. Пот струился у него по щекам, как слезы. *Мы могли бы забрать тебя. Мы могли.*

Мы посадили тебя за решетку, ты, засранец, -смеялся другой голос. — Ты *преследовал меня и не смог поймать, а теперь я богат! Вот так-то, банановая кожура!*

— Заткнись, — пробормотал Генри, копая все

быстрее, — Заткнись же.

Хотел поносить мои трусики, Генри? -подтрунивал над ним другой голос. — *Как нехорошо! Я всем разрешала делать это со мной, потому что была проституткой, а теперь я очень богата, и мы снова все вместе и делаем это, а ты не сможешь сделать это теперь, даже если я разрешу тебе, потому что у тебя не встанет, ха-ха, Генри, ха-ха-ха...*

Он рыл, как сумасшедший: сорняки, грязь, горох летели во все стороны; голоса-призраки с луны-призрака звучали, теперь все отчетливее, громко отдаваясь в ушах эхом; Фогарти, крича во всю глотку, бежал к нему, но Генри не слышал его. Из-за голосов.

Ты даже не смог поймать такого ниггера, как я! -Вступил в общий разговор еще один насмешливый голос-призрак. — Мы *до смерти забросали камнями твоих дружков! Мы убьем и тебя, мать твою! Ха-ха, засранец! Ха-ха-ха...*

Потом они забормотали все вместе, они смеялись над ним, обзывали, спрашивали, как ему понравится шоковая терапия, которую они приготовили для него, когда его переведут отсюда в Красную Палату, издевательски интересовались, нравится ли ему здесь, в Джу-джу-джунипер

Хилл, спрашивали и смеялись, смеялись и спрашивали, и Генри, отбросив мотыгу, заорал на луну-призрак, висевшую на голубом небе, и впервые в его крике слышалась ярость, потом сама луна изменилась и превратилась в лицо клоуна, белое, как сыр, лицо в гноящихся оспинах, с черными зияющими отверстиями вместо глаз, его кровавая улыбка была такой нестерпимой, что Генри не выдержал, теперь он закричал не от ярости, а от смертельного страха, охватившего его, а голос клоуна вещал с луны-призрака: *Ты должен вернуться, Генри. Ты должен вернуться и закончить работу. Ты должен вернуться в Дерри и убить их всех. Ради меня. Ради...*

Фогарти стоял поблизости и орал на Генри уже минуты две, а другие больные оставались на своих местах, держа в руках мотыги, напоминавшие комические фаллосы и делали вид, что происходящее их совсем не интересует. Их лица были почти, да, почти задумчивыми, словно они понимали, что это все часть той тайны, которая забросила их сюда, что неожиданный приступ Генри Бауэрса в Западном саду — не просто приступ, а нечто большее. Фогарти устал кричать и залепил Генри 25-центовыми монетами. Генри сполз на землю, как тонна кирпичей, а голос

клоуна преследовал его, когда он летел в этот темный водоворот, и снова и снова монотонно повторял: *Убей их всех. Генри, убей их всех, убей их всех, убей их всех!*

2

Генри Бауэре проснулся и теперь лежал с открытыми глазами. Луна ушла за горизонт и он почувствовал к ней за это огромную благодарность. Ночью луна казалась менее призрачной, настоящей, но если бы он сейчас увидел отвратительное лицо клоуна на небе, плывущее над холмами, полями, лесами, то он знал, что умер бы от ужаса.

Ровно в 2.04 утра 30 мая его ночник перегорел опять. У него вырвался лишь легкий стон — не более. Вечером у дверей Голубой палаты дежурил Кунц — худший из всех. Он был даже хуже Фогарти, после удара которого Генри едва мог ворочать головой.

В ту ночь он не услышал никаких голосов с луны.

В ту ночь он услышал их из-под кровати.

Генри моментально узнал этот голос. Это был Виктор Крисе, которому где-то под Дерри оторвало голову 27 лет назад. Ее оторвало какое-то

чудовище-Франкенштейн. Генри видел, как все произошло и как потом чудовище повернулось, и он ощутил на себе взгляд его водянистых желтых глаз. Да, чудовище-Франкенштейн убило Виктора, а потом Белча, и вот Вик снова здесь, словно призрачный повторный показ черно-белой программы в стиле пятидесятых, когда Президент был лысым, а у «Бьюиков» были круглые окна.

И теперь, после всего что случилось, услышав этот голос, Генри обнаружил, что совершенно не взволнован и нисколько не напуган. Он даже успокоился.

— Генри, — сказал Виктор.

— Вик! — вскрикнул Генри. — Что ты там делаешь? Бенни Белью всхрапнул и забормотал во сне. Размеренные звуки швейной машинки, издаваемые носом Джимми, на мгновение прекратились на выдохе. В холле Кунц убавил громкость небольшого телевизора марки «Сони» и Генри мысленно представил его: голова по-петушиному наклонена в одну сторону, одна рука — на регуляторе громкости, пальцы другой трогают цилиндр с белыми круглыми 25-центовыми монетами, оттягивающий его правый карман.

— Тебе не надо громко разговаривать, Генри, — сказал Вик. — Я могу слышать даже твои мысли.

А они меня не могут слышать.

— Что тебе надо, Вик? — спросил Генри.

Вик долго не отвечал. Генри уже подумал, что Вик ушел. За дверью Кунц снова прибавил громкость телевизора. Затем под кроватью кто-то заскребся, пружины слабо взвизгнули, и легкая тень выскочила из-под кровати Генри. Вик посмотрел на него снизу вверх и улыбнулся. Генри с трудом улыбнулся в ответ. Вик был немного похож на того чудовищного Франкенштейна. Шею пересекал шрам, напоминающий след от удавки. Генри подумал, что, может быть, это от того, что Вику пришили голову на прежнее место. Глаза были нечеловеческого серо-зеленого цвета, а белки, казалось, плавали в водянистом вязком веществе.

Вику по-прежнему было двенадцать лет.

— Я хочу того же, что и ты, — сказал Вик. — Я хочу отплатить им.

— Отплатить, — задумчиво сказал Генри Бауэре.

— Но для этого тебе надо выбраться отсюда, — сказал Вик. — Тебе надо вернуться в Дерри. Ты нужен мне. Генри. Ты нужен всем нам.

— Они не могут сделать тебе ничего плохого, — сказал Генри, понимая, что он разговаривает с

чем-то большим, чем просто Вик.

— Они не могут сделать мне ничего плохого, если они в меня не верят, — сказал он. — Но здесь кое-кто мне внушает беспокойство, Генри. Мы не думали, что они снова смогут отбиться от нас, но тем не менее это случилось. Толстяк ушел от тебя в Барренсе. Толстяк, остряк и девка улизнули от нас, когда мы пошли за ними после кино. И тогда, когда они спасли ниггера...

— *Не надо об этом!* -закричал Генри на Вика, и на мгновение его голос стал таким же властным, как когда он был их лидером. Но он сразу съежился, испугавшись, что Вик обидится на него; конечно, с тех пор, как Вик стал призраком, он имел полное право делать, что хотел. Но Вик только улыбнулся.

— Я смогу позаботиться о них, если они поверят хоть наполовину, — сказал он. — Но ты жив. Генри. Ты можешь достать их независимо от того, верят они до конца, наполовину или не верят вовсе. Ты можешь добраться до них поодиночке или до всех сразу. Ты можешь отплатить им.

— Отплатить им, — повторил Генри. Затем он вновь с сомнением посмотрел на Вика. — Но я не могу выбраться отсюда, Вик. На окнах — решетки, а у дверей дежурит Кунц. Кунц хуже всех. Может

быть, завтра ночью...

— Не волнуйся за Кунца, — сказал Вик, поднимаясь. Генри увидел, что он все еще в тех же джинсах, которые были на нем в тот день, и они все еще забрызганы грязью из канализационной трубы. — Я позабочусь о Кунце. — Вик протянул руку.

Помедлив, Генри взял его за руку, и они с Виком направились к двери Голубой палаты, ориентируясь по звуку телевизора. Они почти подошли к двери, когда проснулся Джимми Донлин, который съел мозг своей матери. Когда он увидел ночного посетителя Генри, его зрачки расширились от ужаса. Это была его мать. Ее нижняя юбка выглядывала из-под верхней примерно на четверть дюйма, на том месте, где должна была быть макушка, не было ничего. Она уставилась на него ужасными, красными глазами и улыбнулась. Джимми увидел следы ее помады на желтых лошадиных зубах, совсем как тогда, когда она была жива. Джимми завопил:

— *Нет, мама! Нет, мама! Нет, мама!*Телевизор тут же затих, и до того, как зашевелились другие пациенты, Кунц уже распахнул дверь в палату и сказал:

— Ну ладно, засранец, приготовься ловить свою

башку, когда она полетит. Я тебе сейчас задам.

— *Нет, мама! Нет, мама! Прошу тебя, мама! Нет, мама...*Кунц влетел в палату. Сначала он увидел Бауэрса, высокого, с брюшком, немного забавного в свой пижаме, свисающей с рыхлого, как тесто, тела. Он стоял в лучах света, падающего из коридора. Потом он взглянул налево, и крик застрял у него в горле. Рядом с Бауэрсом стояло существо в костюме клоуна. Оно было, вероятно, футов восьми ростом. Его костюм отливал серебром. Спереди болтались оранжевые помпоны, на ногах были надеты немыслимого размера туфли. Но голова не принадлежала ни человеку, ни клоуну: это была голова доберман-пинчера — единственного животного из всех божьих тварей, которого боялся Джон Кунц. Глаза добермана были красного цвета. Его шелковистая морда сморщилась, обнажив белые огромные клыки.

Цилиндр с 25-центовыми монетами выпал из дрожащих пальцев Кунца и закатился в угол. На следующий день Бенни Белью, который крепко проспал всю ночь, найдет его и спрячет в носок. Теперь он был обеспечен сигаретами на месяц вперед.

У Кунца перехватило дыхание, когда клоун направился прямо к нему.

«Цирк приехал!» — закричал клоун рычащим голосом и положил затянутые в белые перчатки руки на плечи Кунца.

Кунц почувствовал под перчатками вместо рук собачьи лапы.

3

В третий раз за этот день, длинный-длинный день, Кэй Макколл подошла к телефону.

На этот раз она продвинулась дальше, чем предыдущие два раза. Она дождалась, когда на другом конце провода сняли трубку и голос полицейского произнес с ирландским акцентом:

— Полицейский участок на Шестой улице. Сержант О'Беннон слушает. Чем могу помочь?

Потом она повесила трубку.

О, *ты хорошо поступаешь. Да, хорошо, черт возьми. На восьмой или девятый раз ты настолько соберешься с духом, что сможешь наконец назвать свое имя.*

Она прошла на кухню и приготовила слабый скотч с содовой, хотя знала, что сейчас алкоголь далеко не самое лучшее. Она припомнила отрывки народных песен, которые напевали в кофейнях университета во времена ее юности: *Виски пей от головы, а джин — от живота. Врач*

сказал, они убьют меня, но не сказал когда... -и рассмеялась пьяным смехом. Подняв голову, она увидела в висящем над стойкой зеркале свое отражение и резко оборвала смех.

Кто эта женщина?

Один глаз раздулся и почти закрыт.

Кто эта избитая женщина?

Нос, как у пьяного рыцаря после трех лет сражений в пивных, распух до невероятных размеров.

Кто эта помятая женщина, похожая на тех женщин, которые тащатся в женский приют после того, как они, окончательно запуганные, набравшись храбрости или просто свихнувшись, уходят от мужчины, который все время причинял им боль, который систематически бил их из недели в неделю, из месяца в месяц, из года в год?

Царапина на одной щеке.

Кто она, пташка Кэй?

Одна рука на перевязи.

Кто? Это ты? Возможно ли, чтобы это была ты?

— Вот она... Мисс Америка, — попыталась она спеть грубым и циничным голосом. Она пропела до седьмого слога, а на восьмом споткнулась. Голос не получился грубым. Он был испуганным. Она это знала. Кэй бывала напугана и раньше,

но всегда могла преодолеть свой страх. Она вдруг подумала, что этот страх она еще не скоро преодолеет.

Доктор, который лечил ее в небольшой одноместной палате больницы Сестер милосердия в полумиле от дороги, был молодым и интересным мужчиной. Кэй подумала, что при других обстоятельствах она попыталась бы (и, может быть, небезуспешно) привести его к себе домой и отправиться с ним в сексуальное путешествие по свету. Запекшихся ссадин она не чувствовала совершенно. Боль шла не от них. В отличие от страха.

Его звали Геффин, и ей было наплевать, что он так откровенно разглядывает ее. Он выплеснул содержимое небольшого бумажного стаканчика в раковину, наполовину наполнил его водой, достал из ящика стола пачку сигарет и предложил ей.

Она взяла сигарету, он помог ей прикурить. Пару секунд она охотилась за спичкой, потому что руки у нее ходили ходуном. Она выбросила спичку в бумажный стаканчик, фс-с-с-с...

— Замечательная привычка, — сказал он. — Правда?

— Оральное тяготение, — ответила Кэй.

Он кивнул, и оба замолчали. Он не отрываясь смотрел на нее. У нее было такое чувство, что он ждет, когда она расплачется, и это сводило ее с ума, потому что чувствовала, что вот-вот так и будет. Она ненавидела, когда люди догадывались о том, что творится у нее в душе; особенно мужчины.

— Приятель? — спросил он наконец.

— Лучше не будем об этом.

— Угу, — он курил и смотрел на нее.

— Разве ваша мама никогда не учила вас, что невежливо так пристально смотреть на женщину?

Она хотела, чтобы ее слова прозвучали, как можно более резко, но вышло совсем наоборот, словно она умоляла его: *Перестаньте смотреть на меня, я знаю, как я выгляжу, я видела себя в зеркале.*Вслед за этой мыслью возникла другая, которая, как она подозревала, неоднократно появлялась у ее Подруги Беверли: когда тебя бьют, все самое худшее происходит внутри тебя, оно причиняет тебе душевные страдания; про это, должно быть говорят, что душа истекает кровью. Она знала, на что была похожа. Хуже всего, что она знала, на что были похожи ее ощущения. Она струсила. И это чувство было для нее гнетущим.

— Я никому об этом не рассказывал, — сказал Геффин низким и приятным голосом. — Когда я работал в скорой помощи.., вы, наверное, подумали, что я сейчас начну заливать.., нет, я видел не меньше двух десятков избитых женщин каждую неделю. Лечением еще по крайней мере двадцати женщин занимались студенты. Итак, послушайте, здесь на столе стоит телефон. Вот вам десять центов. Позвоните на Шестую улицу, назовите свое имя и адрес, расскажите им, что произошло и кто это сделал. Потом повесьте трубку, и я достану бутылку бурбона, которая у меня всегда стоит здесь, в картотеке — чисто для медицинских целей, вы понимаете меня, и мы с вами выпьем. Потому что я вдруг подумал, что единственное унижение в жизни, за которое мужчина имеет право избить женщину — если она наградит его сифилисом.

Кэй болезненно улыбнулась.

— Я ценю ваше предложение, — сказала она, — но я — пас. Сейчас, по крайней мере.

— Ага, — произнес он. — Но когда придете домой, хорошенько посмотрите на себя в зеркало, мисс Макколл. Кто бы это ни был, но отделал он вас хорошо.

И тут она заплакала, потому что не могла

больше сдерживаться. Том Роган позвонил ей около полудня на следующий день после того, как Беверли отправилась в безопасное место. Он хотел знать, виделась ли Кэй с его женой. Он говорил спокойно, обстоятельно, не вызывал ни малейшего раздражения. Кэй сказала ему, что не видела Беверли уже почти две недели. Том поблагодарил ее и повесил трубку. Около часа, в то время, когда она занималась, раздался звонок в дверь. Она пошла открывать.

— Кто там?

— Цветы, мэм, — ответил высокий голос, и как было глупо с ее стороны не разобрать плохой фальцет Тома. Как глупо было поверить, что Том так легко сдастся, как глупо было с ее стороны снять цепочку перед тем, как открыть дверь.

Он вошел, и она только успела сказать: «Ты, убирайся отсю...», как Том размахнулся и влепил ей кулаком в правый глаз. Глаз сразу же заплыл, а в голове словно раздался раскат грома. Она поползла по прихожей, цепляясь за вещи и пытаясь подняться. Хрупкая ваза с одинокой розой разлетелась вдребезги, вешалка опрокинулась. Когда Том закрыл входную дверь и направился к ней, она споткнулась и снова чуть не упала.

— Убирайся отсюда! — крикнула она.

— Как только ты мне скажешь, где она, — сказал Том, направляясь к ней через прихожую. Словно сквозь туман она вдруг подумала, что Том плохо выглядит. На самом деле, правильнее было сказать: ужасно выглядит, и она почувствовала, что ее стремительно охватила смутная, но дикая радость. Что бы Том ни сделал с Бев, похоже, она сполна расквиталась с ним. Достаточно того, что он с ног сбился, разыскивая Бев, и как бы то ни было, теперь ой выглядит так, будто его место в психиатрической лечебнице.

Выглядел он посредственно и был очень зол.

Кэй с трудом поднялась на ноги и попятилась, не сводя с него глаз, как с дикого животного, сбежавшего из клетки.

— Я же сказала тебе, что не видела ее, правда, — сказала она. — А теперь убирайся отсюда, пока я не позвонила в полицию.

— Ты видела ее, — сказал Том. Он сделал попытку усмехнуться распухшими губами. Она увидела, что у него странные неровные зубы. Несколько передних зубов не хватало. — Я звоню и говорю тебе, что не знаю, где находится Бев. Ты отвечаешь, что не видела ее уже две недели. Ничего не спрашиваешь, хотя мне известно, как ты ненавидишь мой характер. Ну, где она? Рас-

сказывай или ты язык проглотила?

Кэй повернулась и побежала в конец прихожей, намереваясь спрятаться в маленькой гостиной. Она бросила взгляд на створки двери из красного дерева, закрытой на потайной замок, и повернула штырек. Она добралась до двери раньше его — он хромал, но не успела она захлопнуть дверь, как он протиснулся между створками. Одним стремительным движением он ворвался в комнату. Она повернулась, чтобы снова убежать, но он схватил ее за платье и так сильно рванул, что разорвал его по всей спине до самой талии. *Это платье сшила твоя жена, ты, дерьмо,* -подумала она безо всякой связи и обернулась.

— *Где она?*

Кэй замахнулась и влепила ему такую пощечину, что его голова откинулась назад и рана на левой половине лица снова начала кровоточить. Он схватил ее за волосы и ударил кулаком в лицо. На мгновение она почувствовала, что ее нос будто взорвался. Она закричала, вздохнула, чтобы снова закричать, и закашлялась, захлебываясь собственной кровью. Ее охватил настоящий ужас. Она не знала, что на свете может существовать такой ужас. Этот сумасшедший сукин сын собирается ее убить.

Она кричала, кричала, и тогда его кулак врезался ей прямо в живот. Задохнувшись, она стала ловить воздух ртом, кашляя и захлебываясь одновременно. В тот ужасный момент ей показалось, что она вот-вот задохнется.

— *Где она?*

Кэй замотала головой.

— Не.., видела ее, — выдохнула она. — Полиция.., ты сядешь в тюрьму.., засранец...

Он резко ударил ее по ногам, и она почувствовала, как что-то отдалось в плечах. Боль была сильной, такой сильной, что вызывала ужас. Он скрутил ей руку за спину, и она, закусив нижнюю губу, пообещала сама себе, что больше не будет кричать.

— *Где она?*

Кэй покачала головой.

Он опять резко дернул вверх ее руку так сильно, что она услышала, как он хрюкнул. Он тяжело дышал ей в ухо. Она почувствовала, как сжатый кулак ее правой руки коснулся левой лопатки, и снова закричала от нестерпимой боли в плече.

— Где она?

— ..знаю...

— Что?

— *Я не ЗНАЮ!*

Он отпустил ее и оттолкнул. Она, всхлипывая, уселась на пол, из носа текли кровь и сопли. В голове стоял почти музыкальный треск и, когда она подняла голову, Том склонился над ней. Он отбил у вазы из уотерфордского хрусталя горлышко и теперь держал в руке нижнюю часть вазы. Острый зазубренный край находился всего в нескольких дюймах от ее лица. Она уставилась на вазу словно зачарованная.

— Давай я тебе кое-что объясню, — сказал он, часто и тяжело дыша, и она почувствовала тепло от его дыхания. — Ты скажешь мне, куда она поехала, или я размажу твое личико прямо по полу. Даю тебе три секунды, может быть, меньше. Когда я зол, для меня время движется быстрее.

Мое лицо, -подумала она, и это заставило ее сдаться окончательно или отступить, если так больше нравится; она подумала об этом чудовище с зазубренным куском уотерфордской вазы, собирающемся порезать ей лицо.

— Она поехала домой, — всхлипнула Кэй. — В ее родной город Дерри. Это место называется Дерри, в штате Мэн.

— На чем она поехала?

— Она села на автобус, следующий на Милуоки. Оттуда она собиралась лететь самолетом.

— Маленькая дерьмовая сучка, — выпрямившись, заорал Том. Он бесцельно сделал большой полукруг и взъерошил волосы так, что они встали дыбом. — Вот стерва, вот сука. Он схватил хрупкую деревянную скульптуру мужчины и женщины, занимающихся любовью (она купила ее, когда ей было еще двадцать два года), и швырнул ее в камин. Скульптура разбилась вдребезги. Некоторое время он вглядывался в свое отражение в зеркале над камином. Он стоял с широко раскрытыми глазами, как будто увидел привидение. Потом снова повернулся к ней. Он что-то достал из кармана куртки, и она глупо удивилась, увидев, что это книга в мягкой обложке. Обложка была почти полностью черного цвета за исключением красных букв названия и картинки, на которой было изображено несколько молодых людей, стоящих на высоком утесе над рекой. — «Черная стремнина».

— Кто этот ублюдок?

— А? Что?

— Денбро. Денбро. — Он раздраженно потряс книгой у нее перед носом и неожиданно ударил ею Кэй по лицу. Резкая боль обожгла щеку, и она запылала огнем. — Кто он?

Она начала понимать.

— Они были друзьями. В детстве. Они оба выросли в Дерри. Он снова сильно ударил ее книгой, на этот раз по другой щеке.

— Прошу тебя, — всхлипнула она. — Прошу тебя. Том. Он поставил над ней стул с тонкими резными ножками и уселся на него. Его лицо напоминало фонарь из тыквы с прорезями для глаз. Сверху вниз Том посмотрел на нее из-за спинки стула.

— Послушай меня, — сказал он. — Послушай своего старого дядюшку Томми. Ты слышишь меня, ты, сука?

Она кивнула. Во рту стоял железный горячий привкус крови. Плечо горело. Она молила Бога, чтобы оно было просто вывихнуто, а не сломано. Но это было не самое худшее. *Мое лицо, он собирался порезать мое лицо...*

— Если позвонишь в полицию и скажешь, что я был здесь, я все равно буду все отрицать. Ты ничего не сможешь доказать, мать твою. У домработницы сегодня выходной, и мы здесь одни, без свидетелей. Конечно, они так или иначе могут меня арестовать, все может быть, не так ли?

Она снова кивнула, словно ее голова держалась на пружине.

— Разумеется, и такое может случиться. Но

когда меня выпустят под залог, я вернусь прямо сюда. Они найдут твои соски на обеденном столе, а глазки — в судке для рыбы. Поняла? Ты хорошо поняла своего старого дядюшку Томми?

Кэй снова разрыдалась. Струна, натянутая в ее голове, продолжала звенеть.

— Ну?

— Что? Я.., я не...

— Очнись, ради Бога! Почему она вернулась туда?

— Я не знаю! — Кэй почти кричала.

Он подошел к ней с разбитой вазой в руке.

— Я не знаю, — сказала она, понижая голос. — Прошу тебя. Она мне не сказала. Прошу тебя, не делай мне больно. Он отшвырнул вазу в мусорное ведро и поднялся.

Он ушел не оглядываясь, опустив голову, походкой большого неуклюжего медведя.

Она устремилась за ним и заперла дверь. Затем бросилась на кухню и заперла ту дверь тоже. После небольшого раздумья она, хромая, поднялась наверх, насколько быстро позволяла боль в животе, и заперла застекленную створчатую дверь на веранду; в этом не было необходимости — ему бы не пришло в голову карабкаться по столбу, чтобы таким образом снова проникнуть в дом.

Он был не просто болен. Он был безумен.

Первый раз, когда она подошла к телефону, она положила на него руку и тут вспомнила, что он ей сказал.

Меня выпустят под залог, и я вернусь прямо сюда.., твои соски на обеденном столе, а глазки в судке для рыбы...

Она отдернула от телефона руку.

Кэй пошла в ванную и посмотрела на себя в зеркало. Расквашенный нос напоминал помидор, глаз почернел. Она не заплакала; слишком сильны были пережитый позор и страх, чтобы она могла заплакать. *О, Бев, я сделала все, что могла, дорогая,* -подумала она. — *Но мое лицо.., он сказал, что порежет мое лицо...*

В аптечке она обнаружила дарвон и валиум. Немного поколебавшись, она наконец проглотила по одной таблетке каждого. Потом она направилась в госпиталь Сестер милосердия, чтобы там ей оказали медицинскую помощь, и познакомилась со знаменитым доктором Геффином, который сейчас был для нее единственным мужчиной, о котором она могла спокойно думать и которого ей не хотелось стереть с лица земли.

А отсюда снова домой, снова домой, ничего не поделаешь.

Она подошла к окну спальни и выглянула на улицу. Солнце уже клонилось к горизонту. На восточном побережье сумерки наступают поздно — в Мэне, должно быть, уже часов семь.

Ты можешь потом решить, обращаться в полицию или нет. Сейчас самое главное — предупредить Беверли.

Насколько, черт возьми, было бы легче, -подумала Кэй, — *если бы ты сказала мне, где остановишься, моя любимая Беверли. Но я догадываюсь, что ты и сама этого не знала.*

Несмотря на то, что Кэй бросила курить два года назад, она достала из ящика аптечки пачку «Пэлл-Мэлл». Вынула одну сигарету, закурила, поморщилась. Последний раз она курила из этой пачки примерно в декабре 1982 года, и эта малышка выдохлась больше, чем спикер сената штата Иллинойс после заседания. Тем не менее она продолжала курить, прикрывая от сигаретного дыма один глаз. Другой глаз закрывался сам. Спасибо Тому Рогану. Осторожно шевеля левой рукой (этот сукин сын вывихнул ее рабочую руку), она набрала номер справочного штата Мэн и попросила названия и номера телефонов всех гостиниц и мотелей Дерри.

— Мэм, вам придется немного подождать, — по-

колебавшись, ответила оператор справочного.

— Это займет больше времени, чем ты думаешь, сестренка, — сказала Кэй. — Мне придется писать другой рукой. Моя рабочая рука взяла отгул.

— Обычно мы не...

— Послушай, — беззлобно сказала Кэй. — Я звоню из Чикаго и пытаюсь отыскать свою подругу, которая только что ушла от мужа и уехала в Дерри, где она родилась и выросла. Ее муж знает, где ее искать. Он узнал это от меня, потому что так избил меня, что вытряхнул все дерьмо. Этот человек — ненормальный. Она должна знать, что он едет.

Последовало долгое молчание, и потом оператор справочного сказала решительным, но более человечным голосом:

— Я думаю, что сейчас вам нужен номер телефона отделения полиции Дерри.

— Прекрасно. Я его тоже запишу. Но ее надо предупредить, — сказала Кэй. — И... — Она вспомнила порезанные щеки Тома, шишку на лбу, еще одну у виска, его тяжелое дыхание, отвратительные распухшие губы. — Если она узнает об его приезде, этого будет достаточно.

Опять последовало долгое молчание.

— Ты здесь, сестричка? — спросила Кэй.

— "Армингтон-мотор-лодж", — сказала оператор, — 643-8146, «Бассей-парк ин», 648-4083, «Баньян-мотор-корт»...

— Помедленней немного, ладно? — попросила она, торопливо записывая. Она поискала глазами пепельницу, не нашла и стряхнула пепел с сигареты прямо на промокашку. — 6 кей, продолжай.

— "Кларендон ин"...

4

Удача улыбнулась ей с пятого раза. Беверли Роган зарегистрировалась в «Дерри-Таун-Хауз». Но удача была лишь наполовину, потому что Беверли куда-то ушла. Она назвала свое имя, номер телефона и передала для Беверли записку, в которой просила позвонить ей сразу же, как только она придет, во сколько бы она ни вернулась.

Служащий гостиницы перечитал записку. Кэй поднялась наверх и приняла еще таблетку валиума. Она легла и приготовилась уснуть. Сон не приходил. *Прости, Бев,* -думала она, глядя в темноту, накатывающую из наркотического дурмана. — *Но он что-то собирался сделать с моим лицом. Я просто не могла этого вынести... Позвони скорее, Бев. Пожалуйста, позвони скорее. И следи в оба за сукиным сыном, за которого ты*

вышла замуж.

5

Сумасшедший сукин сын, за которого Бев вышла замуж, выбрал более удобный путь, чем накануне его жена. Он вылетел из О'Хара на самолете континентальной коммерческой компании авиации США.

Прилетев в международный аэропорт Бангора, он направился в агентство по прокату автомобилей; девушки, одни в желтых, другие в красных, третьи в зеленых платьицах, с беспокойством посмотрели на его избитое злое лицо и с еще большим беспокойством ответили, что, извините, но машин напрокат нет.

Том подошел к газетному киоску и купил бангорскую газету. Он развернул страницу объявлений и, не обращая внимания на взгляды прохожих, выделил для себя три наиболее подходящих. Он дозвонился со второго раза.

— В газете написано, что у вас есть фургон «76 ЛТД». Тысяча четыреста баксов.

— Совершенно верно.

— Вот что я вам скажу, — продолжил Том, потрогав бумажник в кармане пиджака. Бумажник был набит деньгами: шесть тысяч долларов. —

Пригоните машину к аэропорту и прямо здесь совершим сделку. Вы даете мне машину, товарный чек и вашу регистрационную карточку. Я плачу наличными.

В десять часов вечера он уже ехал на восток по маршруту №2 согласно лежавшей на соседнем сиденье карте дорог штата Мэн. Радио в машине не работало, и он ехал в полной тишине. Это было даже к лучшему. Ему многое предстояло обдумать. Например, придумать, что он сделает с Беверли, когда наконец доберется до нее.

В глубине души он был уверен, совершенно уверен, что Беверли уже близко.

Впервые с тех пор, как эта грязная сучка сбежала от него. Том почувствовал себя лучше.

6

Одра Денбро летела в Мэн первым классом на самолете ДС-10 британской авиакомпании. Она вылетела из аэропорта Хитроу вечером, в десять минут шестого и с тех пор следила за солнцем. Солнце одерживало победу — фактически уже одержало, но это уже не имело значения. По чистой случайности она узнала, что самолет британской авиаслужбы, следующий рейсом из Лондона в Лос-Анджелес, останавливается на до-

заправку.., в международном аэропорту Бангора.

День был сущим кошмаром. Фрэдди Файерстоун, продюсер фильма «Мансарда», хотел, чтобы Билл переписал полностью всю последнюю сцену. Одра вынуждена была признаться, что Билла нет в Англии.

— Что? — произнес Фрэдди. Нижняя челюсть у него отвисла. Он посмотрел на Одру так, словно надеялся, что она просто сошла с ума. — Что ты говоришь?

— Его вызвали обратно в Штаты — вот что я говорю. Фрэдди сделал жест, как будто намеревался схватить ее, и Одра отпрянула, немного испуганная. Фрэдди опустил глаза на свои ручищи, засунул их в карманы и лишь посмотрел на нее, ничего не сказав.

— Мне очень жаль, Фрэдди, — кротко сказала она. — Правда. Она встала, чтобы налить себе чашку кофе из «Силекса», стоящего на подносе Фрэдди, и заметила, что руки ее слегка дрожат. Когда она села, то услышала усиленный громкоговорителем голос Фрэдди, который объявил, что все могут отправляться по домам или в пивные; закончился еще один съемочный день. Одра поморщилась. Как минимум десять тысяч фунтов выброшены псу под хвост.

Фрэдди выключил в студии селектор, встал и тоже налил себе кофе. Затем он снова сел и предложил ей сигарету из пачки «Силк Кат».

Одра покачала головой.

Фрэдди взял одну сигарету, прикурил и искоса взглянул на нее сквозь сигаретный дым.

— Это серьезно, я правильно понял?

— Да, — сказала Одра, собрав все свое самообладание.

— Что случилось?

И потому, что Одра беззаветно любила Фрэдди и беззаветно ему доверяла, она рассказала все, что знала. Фрэдди выслушал внимательно и серьезно. Рассказ не занял много времени; когда она закончила, еще продолжали хлопать двери и с автостоянки доносился шум моторов.

Некоторое время Фрэдди молча смотрел в окно. Затем он повернулся к ней.

— У него что, нервный срыв? Одра покачала головой.

— Нет. Не похоже. На него не похоже. Она сглотнула и добавила. — Может быть, тебе самому надо было это увидеть. Фрэдди криво улыбнулся.

— Ты должна понять, что взрослые люди редко чувствуют себя обязанными перед обещаниями, данными ими в детстве. Ведь ты читала про-

изведения Билла, ты знаешь, как много в них посвящено детству, и в этом их большое достоинство, несомненно. Все написано очень толково. И сама мысль, что то, о чем он забыл, случилось с ним снова абсурдна.

— А как же шрамы на руках? — спросила Одра. — У него их никогда не было раньше. До сегодняшнего утра.

— Чепуха! Просто до сегодняшнего дня ты их не замечала. Она беспомощно пожала плечами.

— Я бы заметила.

Тем не менее она видела, что он не верит.

— И что дальше? — спросил ее Фрэдди, но она была в состоянии лишь покачать головой. Фрэдди зажег другую сигарету от тлеющего конца предыдущей. — Нам осталось снимать четыре недели, а твой муж где-то в Массачусетсе...

— В Мэне...

Он махнул рукой.

— Все равно. Как ты будешь работать без него?

— Я...

Он наклонился к ней.

— Ты нравишься мне, Одра. Очень. И мне нравится Билл, даже несмотря на это недоразумение. Я думаю, мы сможем все устроить. Если нужно подчистить сценарий, то я могу это сделать. В

свое время я внес немалую лепту в такого рода работу, Бог свидетель... Если ему что-то не понравится, придется пенять на самого себя. Я обойдусь без Билла, но не могу обойтись без тебя. Я не могу допустить, чтобы ты сбежала в Штаты вслед за мужем, и попытаюсь заставить тебя работать на полную мощность. Сможешь?

— Я не знаю.

— И я не знаю. Но я хочу, чтобы ты кое о чем подумала. Какое-то время мы сможем держать все в тайне, может быть, до перерыва в съемке, если ты добросовестно будешь выполнять свою работу. Но если ты уедешь, то умолчать об этом уже не удастся. Я могу где-то облажаться, но по натуре я не мстительный человек и не собираюсь заверять тебя, что если ты уедешь, я позабочусь о том, чтобы ты никогда больше не работала в кино. Но тебе следует знать, что твоя репутация темпераментной женщины может пристать к тебе до конца жизни. Это я тебе говорю, как твой старый добрый дядюшка. Ты не обижаешься?

— Нет, — апатично ответила она. По правде говоря, ей было на все наплевать. Она думала только о Билле. Фрэдди был достаточно милым человеком, но Фрэдди не понимал ее; при последнем разговоре стало ясно, что хороший он

человек или нет, но он думает только о том, что будет с картиной. Он не видел выражения глаз Билла.., и не слышал, как он заикается.

— Хорошо. — Он встал. — Продолжай играть со мной в кошки-мышки. Хочешь выпить?

Она покачала головой.

— Выпивка нужна мне сейчас в последнюю очередь. Я собираюсь домой и думаю, что все решено.

— Я вызову машину, — сказал он.

— Не надо. Я поеду на поезде.

Он пристально посмотрел на нее, положив одну руку на телефон.

— Я верю, что ты едешь только ради него, — сказал Фрэдди, — и я говорю тебе, что ты совершаешь серьезную ошибку, девочка. Ему шлея под хвост попала, но внутри у него все в порядке. Он встряхнется и придет в норму. Если бы он хотел взять тебя с собой, он бы так и сделал.

— Я еще ничего не решила, — сказала она, хотя на самом деле уже решила все, решила все до того, как за ней утром заехала машина.

— Будь осторожна, — сказал Фрэдди. — Не делай ничего, о чем будешь потом жалеть.

Она почувствовала, что он потерпел серьезное поражение, когда потребовал от нее, чтобы она

уступила, дала обещание, занималась своим делом, спокойно ждала, когда вернется Билл.., или снова исчезнет в дыре прошлого.

Она подошла к нему и тихонько поцеловала в щеку.

— Увидимся, Фрэдди.

Она отправилась домой и позвонила в британскую авиакомпанию. Она сказала служащей, что хотела бы попасть в небольшой городишко в штате Мэн под названием Дерри, если это возможно. Пока женщина проверяла данные компьютера, было тихо.., а потом, как гром среди ясного неба: самолет британской авиакомпании, рейс 23, с остановкой в Бангоре, менее чем в пятидесяти милях оттуда.

— Вы будете заказывать билет, мэм?

Одра закрыла глаза и увидела словно высеченное из камня очень доброе, очень честное лицо Фрэдди и услышала его голос: *Будь осторожна, девочка. Не делай ничего, о чем будешь потом жалеть.*

Фрэдди не хотел, чтобы она уезжала, Билл не хотел, чтобы она уезжала; почему же ее сердце подсказывает ей, что она должна ехать? Она закрыла глаза. *Господи, я чувствую себя такой замученной...*

— Мэм? Вы еще на проводе?

— Буду заказывать, — сказала Одра, но потом заколебалась. Будь осторожна... Может быть, после сна она откажется от этого; между ней и этим безумием проляжет расстояние. Она стала рыться в кошельке в поисках карточки «Американ экспресс».

— На завтра. Первым классом, если есть, но я возьму любой. — *Если я передумаю, то отменю полет. Это возможно. Завтра я встану со свежей головой, и все станет ясно.*

Но утром ничего не стало ясно, и ее сердце продолжало громко подсказывать, что надо ехать.

7

Самолет приземлился в Бангоре в 7.09 по европейскому времени. Одра была единственной пассажиркой, которая летела с пересадкой и остальные смотрели на нее с некоторым недоумением, точно удивлялись, как кто-то может променять этот райский уголок на что-то другое.

Она забрала свой простенький одноместный багаж, который казался таким одиноким на ленте транспортера, и подошла к павильону проката автомашин, в который через час после нее зайдет Том-Роган. Ей повезло больше, чем ему: в салоне

проката оказался «Датсун».

Десять минут спустя Одра уже ехала по дороге, напоминая себе на каждом перекрестке, что если она забудется и повернет налево, то ее придется соскребать с асфальта.

И пока Одра вела машину, она поняла, что сейчас была напугана, как никогда в жизни.

8

То ли по иронии судьбы, то ли из-за простого совпадения, которые иногда случаются в жизни (а чаще всего в Дерри), Том снял номер в «Коала Ин» на Джексон-стрит, а Одра остановилась в «Холидей Ин»; эти два мотеля находились совсем рядом, а их автостоянки разделяла лишь бетонная плита. И случилось так, что взятый напрокат «Датсун» Одры и «ЛТД», который купил Том, оказались припаркованными нос к носу, и разделяла их только дорожка. Сейчас оба спали. Одра тихо на боку, Том Роган — на спине, громко храпя и шлепая распухшими губами.

9

Генри провел этот день в бегах, прячась в зарослях кустарников поблизости от маршрута №9. Иногда он спал. Иногда просто лежал, наблюдая

за полицейскими патрулями, которые рыскали, как охотничьи псы. Пока Неудачники перекусывали, Генри слушал голоса с луны.

И когда сгустились сумерки, он вышел на обочину дороги и принялся ловить машину.

Спустя некоторое время какой-то проезжавший мимо болван подобрал его.

ДЕРРИ: ТРЕТЬЯ ИНТЕРЛЮДИЯ

Слетела птичка с ветки,
Меня не замечая
Червячка склевала
И дальше поскакала.
Эмили Дикинсон
17 марта 1985 года

На исходе 1930 года в «Блэк-Спот» случился пожар. Насколько я смог понять, этот пожар, при котором мой отец едва спасся, положил конец ряду убийств и исчезновений людей в 1929-1930 годах, так же, как и взрыв на чугунолитейном заводе 25 лет назад. Похоже, чтобы прекратить все эти убийства, требуется своего рода чудовищное жертвоприношение, чтобы успокоить некую силу зла, которая царит здесь.., чтобы Оно заснуло еще на четверть века или около того.

Но если в конце каждого цикла убийств необходимо жертвоприношение, то похоже, чтобы запустить этот ужасный цикл, требуется то же самое.

И оно ведет прямо к банде Бредли.

С ними покончили на развилке трех дорог,

ведущих к Каналу, в Мэн и Канзас (недалеко от места, изображенного на фотографии, которая так взволновала Била и Ричи одним июньским днем 1958 года), приблизительно за тринадцать месяцев до пожара в «Блэк-Спот» в октябре 1929 года.., незадолго до крушения фондовой биржи.

Так же, как и после пожара в «Блэк-Спот», многие постоянные жители Дерри делали вид, что не помнят, что произошло в тот день. Одни утверждают, что ездили навестить родственников и их не было в городе, другие — что весь вечер проспали и узнали о случившемся только ночью из новостей по радио. Третьи просто врали, глядя вам прямо в глаза.

В полицейских отчетах за тот день было отмечено, что шерифа Саливана вообще не было в городе (Я точно помню, что рассказал мне Алоизиус Нелл, когда мы с ним загорали в шезлонгах на террасе санатория Полсона в Бангоре. «В тот год, — сказал он, — я сделал карьеру и стал влиятельным человеком. Поэтому я обязан его помнить». Саливан уехал на запад штата Мэн охотиться на птиц. К тому времени, когда он вернулся с охоты, их всех уже накрыли простынями и унесли. Джим Саливан был страшно взбешен.), но на фотографии в книге про гангстеров, которая

называлась «Кровавые надписи и плохие люди», был изображен улыбающийся мужчина, который стоял в морге рядом с изрешеченным пулями трупом Эла Бредли, и если этот человек — не шериф Саливан, то наверняка его брат-близнец.

Я думаю, что настоящую правду я наконец узнал только от мистера Кина — Норберта Кина, который был с 1925 по 1975 год владельцем аптекарского магазина на Центральной улице. Он рассказывал довольно охотно, но, как и отец Бетти Рипсом, заставил выключить микрофон, пока не дойдет до самого главного, все остальное, он считал, несущественно; до сих пор его голос продолжает звучать у меня в ушах — высокий голос еще одного солиста, поющего а капелло в этом проклятом хоре этого проклятого города.

— Нет смысла ничего скрывать, — сказал он. — Все равно никто не поверит.

Он протянул мне старомодную аптекарскую банку:

— Лакрицу? Насколько я помню, ты всегда был неравнодушен к красной лакрице. Майки. Я взял одну.

— Шериф Саливан был в тот день в городе? Мистер Кии засмеялся и взял себе лакрицу.

— Тебя это удивляет?

— Удивляет, — согласился я, жуя кусочек красной лакрицы. Вкус у нее был такой же чудесный, как и много лет тому назад.

— Шериф был здесь в тот день. Он собирался поехать поохотиться на птиц, но чертовски быстро передумал, когда пришел Лал Мэйчен и сказал, что именно в этот день ждет Эла Бредли.

— Как Мэйчен узнал об этом? — спросил я.

— О, эта история поучительна сама по себе, — сказал мистер Кин, и на его лице вновь появилась та же циничная улыбка. — Бредли никогда не считался врагом номер один в хит-параде ФБР, но они его разыскивали приблизительно с 1928 года, чтобы показать, что не сидят сложа руки, как мне кажется. Эл Бредли со своим братом Джорджем ограбил шесть или семь банков на Среднем Западе, а потом похитил банкира и потребовал за него выкуп. Выкуп — тридцать тысяч долларов, большая сумма по тем временам, — заплатили, но они все равно убили банкира.

К тому времени полиция Среднего Запада начала наступать им на пятки, и Эл, Джордж и их сообщники подались через Дерри на север. Они расположились в большом доме на ферме за чертой города в Ньюпорте, недалеко от того места, где сейчас находится Рулин Фармс.

Стояли самые жаркие дни лета 1929-го года. Когда это было? Июль, а может, август, а может, даже начало сентября... Я не уверен. В шайке было восемь человек: Эл Бредли, Джордж Бредли, Джо Конклин со своим братом Калом, ирландец по имени Артур Меллоу, которого они звали Ползун Меллоу, потому что он был близорук, но не носил очков без необходимости, и Патрик Коди, молодой парень из Чикаго, о котором говорили, что он до смерти любит убивать людей, но в то же время прекрасен как Адонис. В банде были еще две женщины: Китти Донахью, по неписаному закону считавшаяся женой Джорджа Бредли, и Мари Хозер, принадлежавшая Коди, но которую время от времени пускали по кругу, судя по тем рассказам, которые мы слышали позднее.

Когда они приехали сюда, то сразу же совершили кражу. Им показалось, сынок, что раз они так далеко от Индианы, то они в безопасности.

На некоторое время они залегли на дно, потом им стало скучно, и они решили, что пора на охоту. Оружия у них было предостаточно, а патронов не хватало. Поэтому 7 октября они в полном составе на двух машинах появились в Дерри. Патрик Коди пошел с женщинами за покупками, а остальные мужчины направились в магазин

спортивных товаров Мэйчена. Китти Донахью купила у Фриза платье и через два дня как раз в этом платье умерла.

Лал Мэйчен сам обслуживал посетителей. Он умер в 1959 году. Слишком был толстым. Всю жизнь был слишком толстым. Но с глазами у него все было в порядке и он говорил, что узнал Эла Бредли в ту же минуту, как только тот вошел. Ему показалось, что он узнал еще кого-то из остальных, но не был уверен, что это Меллоу, пока тот не надел очки, чтобы взглянуть на витрину с ножами.

Эл Бредли подошел к нему и сказал: «Мы бы хотели купить кое-какие боеприпасы».

«Хорошо, — сказал Лал Мэйчен, — вы пришли именно туда, куда нужно».

Бредли дал ему бумагу, и Лал прочитал ее. Бумага потерялась, по крайней мере насколько мне известно, но Лал сказал, что у него кровь застыла в жилах. Они хотели пятьсот патронов 38-го калибра, восемьсот патронов 45-го калибра, шестьдесят патронов 50-го калибра, которые они так и не получили, малокалиберные винтовки для охоты на зверя и птицу и по тысяче патронов для короткоствольного и длинноствольного ружья 22-го калибра. Плюс — только представь! —

шестнадцать тысяч патронов для автомата 45-го калибра.

— Боже праведный, — произнес я.

Мистер Кин снова улыбнулся той же циничной улыбкой и протянул мне аптекарскую банку. Сначала я покачал головой, но потом взял еще лакрицу.

«Ничего себе списочек, мальчики», — сказал Лал.

«Брось, Эл, — сказал Ползун Меллоу. — Я говорил тебе, что в этом захолустном городишке мы ничего не получим. Поехали до Бангора. Если и там ничего не окажется, я на них отыграюсь».

«Попридержи лошадок, — сказал Лал, а сам похолодел как огурец. — В кои-то веки подвернулось выгодное дельце и я не собираюсь дарить его этим евреям из Бангора. 22-й калибр могу принести прямо сейчас, дробь на птицу и половину партии на зверя — тоже. Еще по сотне 38-го и 45-го калибра. Остальное... — Тут Лал прикрыл глаза и почесал подбородок как бы подсчитывая в уме. — ..сделаю послезавтра. Ну как?»

Бредли оскалил зубы и сказал, что звучит заманчиво. Кэл Конклин заикнулся было, что лучше податься до Бангора, но его не поддержали. «Ладно, но если ты не уверен, что достанешь весь

товар полностью по этому списку, скажи об этом прямо сейчас, — сказал Эл Бредли Лалу, — потому что хоть я и симпатяга, но когда я не в себе, не советую тебе стоять у меня на пути. Усек?»

«Усек, — ответил Лал. — Я достану любые патроны, какие пожелаете, мистер...»

«Рейдер, — сказал Бредли. — Ричард Д. Рейдер, к вашим услугам».

Он протянул руку, и Лал пожал ее, не переставая улыбаться. — «Очень рад, мистер Рейдер».

Потом Бредли спросил, в какое время ему и его друзьям удобней подойти за товаром, и Лал Мэйчен спросил, устраивает ли их подойти к двум часам дня. На том и порешили. Они ушли. Лал смотрел им вслед. У дороги они встретились с женщинами и Коли. Лал узнал также и Коди.

— Итак, — сказал мистер Кин, глядя на меня блестящими глазами, — как ты думаешь, что потом сделал Лал? Позвонил в полицию?

— Догадываюсь, что нет, — сказал я, — судя по тому, что произошло. Что касается меня, я бы сломал ногу, пока добрался до телефона.

— Ладно, может быть, сломал, а может, и нет, — сказал мистер Кин все с той же циничной улыбкой, блестя глазами, и я содрогнулся, потому что знал, что он имеет в виду.., и он знал, что я

это знаю. Когда катится что-то тяжелое, его невозможно остановить; оно просто будет катиться и катиться, пока не докатится до ровной поверхности, которая замедлит его движение. Если вы окажетесь у него на пути, оно вас расплющит, но тем не менее не остановится.

— Может быть, сломал, а может, и нет, — повторил мистер Кин. — Но я могу тебе сказать, что сделал Лал Мэйчен. Остаток дня и весь следующий день, когда в магазин заходил кто-то, кого он хорошо знал, буквально несколько человек, он говорил им, что знает, кто охотится на оленей и куропаток в лесах у границы между Ньюпортом и Дерри. Банда Бредли. Это точно они, потому что он узнал их. Он говорил им, что Бредли со своими головорезами вернутся на следующий день около двух часов, чтобы забрать остальной заказ. Он говорил, что пообещал Бредли любые патроны, какие ему нужны и намерен сдержать свое обещание.

— Сколько? — спросил я. Он словно загипнотизировал меня своими блестящими глазами. Неожиданно из-за сухого запаха этой комнаты, запаха лекарств и порошков — мастерола, карболки и микстуры от кашля — неожиданно из-за всех этих запахов я почувствовал, что задыхаюсь,

но сейчас я бы скорее умер от недостатка кислорода, чем ушел.

— Сколько человек предупредил Лал? — уточнил мистер Кин. Я кивнул.

— Я не знаю точно, — сказал мистер Кин. — Я не стоял там и не караулил. Я думаю, всех, кому, как он чувствовал, можно доверять.

— Кому можно доверять, — задумался я. Мой голос слегка осип.

— Ага, — сказал мистер Кин. — Кто жил в Дерри, разумеется. Не тех, кто пас коров. — Он посмеялся старой шутке и продолжил рассказ.

— Я пришел около десяти часов на другой день после того, как банда Бредли появилась у Дала. Он все рассказал мне и поинтересовался, чем может мне помочь. Я только зашел посмотреть, не готовы ли пленки — тоща Мэйчен всем пытался всучить пленки и фотоаппараты Кодак — и, получив фотографии, я сказал, что хотел бы купить немного патронов для своего винчестера.

«Собираешься пострелять, Норб?» — спросил Лал, передавая мне патроны.

«Может быть, удастся подстрелить несколько лисиц», — ответил я, и мы довольно рассмеялись. — Мистер Кин засмеялся, хлопая себя по дряблой ляжке, как будто это была самая удачная

шутка в его жизни. Он наклонился ко мне и похлопал меня по коленке.

— Я имею в виду, сынок, что эта история дошла до тех ушей, для которых она предназначалась. Маленькие городки, сам понимаешь.

Стоит рассказать нужным людям то, о чем хочешь, чтобы знали все и.., понимаешь, о чем я говорю? Еще лакрицу? Онемевшими пальцами я взял еще лакрицу.

— Поправлялся, — сказал мистер Кин и захихикал. Он сразу стал старым, бесконечно старым.., очки с бифокальными линзами соскользнули с длинного носа, тонкая кожа слишком плотно обтянула щеки.

— На другой день я принес в лавку свое ружье, а Боб Таннер, — он был лучшим помощником из всех, кто у меня был после него, — принес пугач. Около одиннадцати часов того же дня пришел Грегори Коул, и попросил двуокись соды и сказал, что будь он проклят, если у него к поясу не прицеплен кольт 45-го калибра.

«Не отстрели себе яйца, Грег», — сказал я.

«Я обошел все леса по дороге из Милфорда не для того, чтобы ты тут скалил зубы, мать твою, — сказал Грег. — Думаю, я кое-кому отстрелю яйца еще до захода солнца».

Около половины второго я повесил на дверь небольшую табличку с надписью: СКОРО ВЕРНУСЬ, ПОДОЖДИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, взял ружье и вышел на Ричард-аллей. Я спросил Боба Таннера, не хочет ли он пойти вместе со мной, и он ответил, что ему надо закончить рецепт для миссис Эмерсон и он подойдет попозже. «Оставьте мне одного в живых, мистер Кин», — сказал он. И я ответил, что ничего обещать не могу.

Вряд ли можно было пробраться по Канал-стрит иначе, чем на автомобиле или пешком. Тогда, да и сейчас тоже, там собирались проложить дорогу для грузовиков, но дальше дело не пошло. Я заметил переходящего через дорогу Джейка Пиннета. В каждой руке он держал по ружью. Он встретился с Энди Криссом, и они направились к одной из скамеек, стоявших там, где сейчас военный мемориал, ну ты знаешь, где Канал уходит под землю.

Пети Ваннесс и Эл Нелл с Джимми Гордоном сидели на ступеньках здания суда, ели из пакетов сандвичи и фрукты, болтали о всякой ерунде и вообще были похожи на мальчишек на школьном дворе. Все они были вооружены. У Джимми Гордона была с собой винтовка «Спрингфилд», оставшаяся еще с первой мировой войны. Она

казалась больше самого Джимми.

Повсюду были мужчины с ружьями; они стояли в дверях, сидели на ступеньках, выглядывали из окон. Грег Коул сидел у дороги с пистолетом 45-го калибра и двумя дюжинами патронов, выложенными в ряд как игрушечные солдатики. Брюс Ягермейер и тот швед, Олаф Терамениус, стояли в тени под шатром кинотеатра «Бижу».

Мистер Кин посмотрел сквозь меня, словно я был стеклянный. Взгляд его уже не был острым; глаза, затянутые дымкой воспоминаний, напоминали глаза человека, с теплотой вспоминающего лучшие годы своей жизни: может быть свой первый побег из дома, или первую крупную форель, или когда он впервые переспал с женщиной по ее желанию.

— Помню, как свистел ветер, сынок, — задумчиво произнес он. — Помню, как я слушал свист ветра, и часы в суде пробили два. Боб Таннер подошел ко мне сзади, а я был на взводе и чуть не прострелил ему голову.

Он лишь кивнул мне и направился к галантерее Ваннокса, оставляя за собой длинную тень.

— Ты, наверное, думаешь, что когда пробило 2.10, потом 2.15, 2.20 и ничего не произошло, люди встали и разошлись по домам? Нет, этого

не произошло. Все оставались на своих местах. Потому что...

— Потому что вы знали, что они приедут, не так ли? — спросил я. — Иначе и быть не могло.

Он лучезарно улыбнулся мне благодарной улыбкой учителя на правильный ответ студента.

— Совершенно верно! — сказал он. — Мы знали. Никому не надо было ничего объяснять. Никому не надо было говорить: «Ну ладно, давайте подождем еще минут двадцать и, если они не появятся, пойдем работать дальше». Все было тихо, но около двадцати пяти минут третьего внизу Ап-Майл-Хилл показались эти две машины, красная и синяя, и направились к перекрестку. Одна из них была марки «Шевроле», а другая — «Ла Саль». Братья Конклины, Патрик Коди и Мари Хозер сидели в «Шевроле». Оба Бредли, Меллоу и Китти Донахью ехали в «Ла Сале».

Обе машины благополучно миновали перекресток, а потом Эл Бредли так неожиданно затормозил, что Коди в него чуть не врезался. На улице было слишком спокойно, и Бредли почувствовал это. Он был зверем, а для зверя не требуется много времени, чтобы его вспугнуть, а за ним охотились уже четыре года.

Он открыл дверцу «Ла Саля» и некоторое время

постоял на подножке. Потом осмотрелся и сделал в сторону Коди прощальный жест рукой. Коди сказал: «Что, босс?» Я услышал его слова очень отчетливо; это были единственные слова, которые я от них услышал в тот день. Еще я помню, как блеснул солнечный зайчик от маленького карманного зеркальца Хозер. Она пудрила нос.

В это время Лал Мэйчен со своим помощником Бифом Марлоу выбежали из магазина Мэйчена. «Сдавайся, Бредли, вы окружены!» — закричал Лал, и не успел Бредли повернуть головы, как Лал выстрелил. Сначала он промахнулся, выстрелив наугад, но следующий выстрел ранил Бредли в плечо. Из раны сразу же хлынула кровь. Бредли ухватился за дверцу «Ла Саля» и повалился в машину. Он включил зажигание, и вот тогда начали стрелять все остальные.

Все произошло за четыре, может быть, за пять минут, но они всем показались чертовски долгими. Пети, Эл и Джимми Гордон просто сидели на ступеньках суда и поливали огнем вслед «Шевроле». Я видел, как Боб Таннер опустился на одно колено и стрелял, дергая затвор как сумасшедший. Ягермейер и Терамениус обстреливали «Ла Саль» справа из-под навеса, а Грег Коул стоял в сточной канаве, держа обеими руками автомат

45-го калибра, и быстро жал на курок.

Человек пятьдесят или шестьдесят стреляли одновременно. После того, как все закончилось, Лал Мэйчен насчитал у кирпичной стены своего магазина тридцать шесть пуль. И это уже через три дня, после того, как каждый встречный и поперечный в городе считал своим долгом взять их себе на память или выцарапать из стены ножом. В самый разгар стрельбы пальба стояла как в сражении на Марне. От оружейного огня во всем магазине Мэйсона вылетели стекла.

Бредли повернул «Ла Саль», и не могу сказать, что он замешкался, но к тому времени, когда он развернулся, у его машины оказались спущены все четыре шины. Передние фары были простреляны, а лобовое стекло отсутствовало напрочь. Ползун Меллоу и Джордж Бредли палили из пистолетов через заднее окно. Я увидел, как одна пуля попала Меллоу в шею, образовав зияющую дыру. Он еще дважды выстрелил и выпал из окна автомобиля с повисшими вниз руками.

Коди попытался развернуть «Шевроле», но лишь врезался в хвост «Ла Саля» Бредли. Для них это был конец, сынок. Передний бампер «Шевроле» заклинило задним бампером «Ла Саля», и они лишились последней возможности сбежать.

Джо Конклин выбрался с заднего сиденья, встал прямо посреди перекрестка с пистолетом в каждой руке и принялся стрелять из них. Он стрелял в Джейка Пиннета и Энди Крисса. Эти двое упали со скамейки, на которой до этого сидели, и растянулись на траве. Энди Крисе завопил: «Я убит! Я убит!» хотя его только слегка задело. Ни один из них не был даже ранен.

До того как Джо Конклина ранило, у него было время выстрелить из обоих пистолетов. Пальто с него слетело, а брюки свалились, словно их пыталась стащить невидимая женщина. Он носил соломенную шляпу, но и она слетела с его головы, обнажив зачесанные на прямой пробор волосы. Один из пистолетов он держал под мышкой, а другой пытался перезарядить. В это время кто-то выстрелил ему по ногам, и он упал. Кении Бортон уверял потом, что этот выстрел сделал он, но что тут можно сказать? Это мог сделать кто угодно.

Брат Конклина, Кэл, вылез из машины вскоре после того, как Джо упал, и свалился с простреленной головой, как тонна кирпичей.

Вылезла из машины и Мари Хозер. Может, она пыталась сдаться, я не знаю. Она все еще держала в правой руке карманное зеркальце, с помощью которого недавно припудривала нос.

Она, по-моему, что-то закричала, но тогда ее трудно было услышать. Вокруг нее свистели пули. Выстрел выбил зеркальце прямо из ее руки. Она бросилась обратно к машине, но пуля попала ей в бедро. Каким-то чудом ей удалось снова забраться вовнутрь.

Эл Бредли включил зажигание на полную мощность, и ему удалось сдвинуть «Ла Саль» с места. Он протащил «Шевроле» по крайней мере футов десять, и только после этого они смогли расцепиться.

Парни так и поливали машину свинцом. Все окна в автомобиле вылетели. Одно из крыльев осталось лежать на улице. Мертвый Меллоу висел в окне машины, но оба брата Бредли были еще живы. Джордж стрелял с заднего сиденья. Рядом с ним лежала его мертвая женщина с простреленным глазом.

Эл Бредли добрался до большого перекрестка, врезался в обочину тротуара и остановил машину. Прячась за задними колесами, он побежал по Канал-стрит. Его изрешетили пулями.

Патрик Коди выбрался из «Шевроле», огляделся, словно вдруг решил сдаться, но потом выхватил из подмышки пистолет 38-го калибра. До того, как его рубашка на груди обагрилась кровью,

он успел три раза выстрелить наугад. Он сполз вниз по краю «Шевроле» и присел на подножку автомобиля. Он еще раз выстрелил, и, насколько мне известно, это был единственный выстрел, который кого-то ранил; пуля от чего-то срикошетила и оцарапала руку Грега Коула. У Грега остался шрам, который он, когда напивался, любил показывать, пока кто-то, по-моему, Эл Нелл, не отвел его в сторону и не сказал ему, чтобы он лучше попридержал язык о том, что случилось с бандой Бредли.

Хозер вылезла из машины, и в этот раз уже не оставалось сомнений, что она собирается сдаться — она вышла с поднятыми руками. Может быть, никто на самом деле и не хотел ее убивать, но в тот момент был перекрестный огонь, и она угодила прямо под него.

Джордж Бредли убежал, но примерно около мемориала кто-то из ружья разнес ему затылок. Он упал замертво с описанными штанами...

Я взял из банки еще лакрицу. В голове у меня стоял туман.

— Они продолжали поливать машины огнем еще минуту или больше, потом огонь стал стихать, — сказал мистер Кин. — Опьяненные кровью люди не так просто успокаиваются. Я это

понял, когда обернулся и увидел шерифа Саливана позади Нелла и других мужчин на крыльце суда, всаживающих пули в изувеченный «Шевроле». И не слушай никого, кто будет тебе говорить, что его там не было;

Норберт Кин сейчас сидит перед тобой и говорит, что он там был.

К тому времени, когда кончилась пальба, эти машины уже и машинами нельзя было назвать — просто груда старого железа и битого стекла. Мужчины направились к ним. Никто не проронил ни слова. Был слышен только вой ветра и хруст стекол под ногами. Вот с этого момента и началась легенда. И ты должен знать, сынок, что, когда начинается легенда, правде приходит конец.

Мистер Кин качнулся в кресле, его шлепанцы свалились на пол и он спокойно посмотрел на меня.

— В «Дерри Ньюз» ничего подобного не было, — я больше не нашел, что сказать.

— Конечно, нет, — сказал мистер Кин и удовлетворенно рассмеялся. — Я видел, как издатель Маклофлин сам лично всадил две пули в Джо Конклина.

— Господи, — пробормотал я.

— Еще лакрицы, сынок?

— Достаточно, — сказал я и облизал губы. — Мистер Кин, как могло случиться, что событие.., такой важности.., скрыли?

— Никто ничего не скрывал, — ответил он с искренним удивлением. — Это случилось потому, что просто никто это не обсуждал. Действительно, кого это волнует? Разве в тот день приехал Президент Соединенных Штатов с миссис Гувер? Все равно, что застрелить бешеных собак, которые могут покусать до смерти, если дать им малейшую возможность. Кроме того, это произошло в Дерри.

Я слышал эту фразу и раньше, и мне кажется, что если я буду продолжать об этом думать, то услышу это снова.., и снова. Они произносят это так спокойно, словно разговаривают с умственно отсталым. Они произносят это так, как бы произнесли фразу «благодаря силе тяжести», если бы вы спросили, как мы удерживаемся на земле, когда ходим. Они говорят об этом, словно это закон природы, понятный любому человеку. И, конечно, хуже всего то, что я на самом деле это понимаю.

У меня был еще один вопрос к Норберту Кину.

— Не заметили ли вы еще кого-нибудь в тот

день, когда началась стрельба?

Мистер Кин ответил достаточно быстро, чтобы моя температура успела подскочить градусов на десять.

— Ты имеешь в виду клоуна? Как ты узнал о нем, сынок?

— О, я где-то слышал о нем, — сказал я.

— Я видел его лишь мельком. Как только дело приняло крутой оборот, я перестал что-либо замечать. Только один раз я посмотрел вокруг и увидел его позади этих шведов под навесом кинотеатра «Бижу», — сказал мистер Кин. — На нем не было ни клоунского костюма, ни других клоунских атрибутов. Он был одет в штаны, какие носят фермеры, и в хлопчатобумажную рубашку. Но лицо его было покрыто белым гримом, который обычно накладывают клоуны и на месте рта красной краской была нарисована широкая клоунская улыбка. У него торчали пучки накладных волос, ну ты знаешь. Рыжие. Для смеха.

Лал Мэйчен никогда не видел этого парня, ни тогда, ни потом. Но его видел Биф. Только Биф, должно быть перепутал, потому что ему показалось, что он видел его в одном из окон где-то с левой стороны улицы, а однажды, когда я спросил Джимми Гордона — он погиб в Пирл-Харборе, ты

знаешь, потонул на корабле, который, кажется, назывался «Калифорния» — он сказал, что видел этого парня за мемориалом.

Мистер Кин покачал головой и слегка улыбнулся.

— Забавно, как люди воспринимают подобные вещи, и еще забавнее, что они после этого вспоминают. Ты можешь услышать шестнадцать рассказов, и ни один из них не будет похож на другой. Возьмем, к примеру, оружие, которое было у этого клоуна...

— Оружие? — переспросил я. — Он тоже стрелял?

— Ага, — сказал мистер Кин. — Когда я мельком взглянул на него, мне показалось, что он нажимал на курок «винчестера», но позднее я понял, что должно быть, мне показалось, потому что «винчестер» был у меня. Бифу Марлоу показалось, что у него «ремингтон», потому что у него самого был «ремингтон». А когда я спросил об этом Джимми, он сказал, что этот парень стрелял из старого «спрингфялда», совсем как у него. Забавно, а?

— Забавно, — выдавил я. — Мистер Кин.., разве никого из вас не удивило, какого черта клоун, тем более в фермерских штанах, делает там именно в

тот день и в тот час?

— Разумеется, — сказал мистер Кин. — Не очень сильно, сам понимаешь, но удивило. Большинство из нас решили, что кто-то хотел принять участие, но не хотел, чтобы его узнали. Может быть, он был членом городского Совета. Норст Мюллер, может, или даже Трейс Ноглер, который тогда был мэром. Или какой-нибудь известный уважаемый человек, который не хотел быть узнанным. Доктор или адвокат. В такой переделке я бы и собственного отца не узнал.

Он засмеялся, и я спросил, над чем он смеется.

— Не исключено, что это был настоящий клоун, — сказал он. — В двадцатые и тридцатые годы ярмарка на западе начиналась гораздо раньше, чем теперь, и продолжалась всю неделю, как раз когда покончили с бандой Бредли. На ярмарке были и клоуны. Может быть, один из них прослышал, что мы собираемся устроить свой небольшой карнавал, и приехал, чтобы поприсутствовать на нем. Он сдержанно улыбнулся.

— Я почти все рассказал, — сказал он. — Но хочу рассказать тебе еще одну вещь, пока у тебя не пропал интерес. Это рассказал мне Биф Марлоу спустя почти шестнадцать лет после того дня. Мы с ним тогда здорово накачались пивом

в Бангоре. Рассказал вдруг ни с того ни с сего. Он сказал, что этот клоун настолько далеко высунулся из окна, что Биф глазам своим не поверил, как он не падает. Не только голова, плечи и руки клоуна свисали из окна; Биф сказал, что все его тело до самых колен висело высоко в воздухе, и он, с той самой широкой красной улыбкой на лице, стрелял по машинам, на которых приехала банда Бредли. Он был похож на страшный фонарь-тыкву с прорезанными глазами и ртом, как выразился Биф.

— Он как будто парил, — сказал я.

— Ага, — согласился мистер Кин. — И Биф сказал, что там было еще что-то, что беспокоило его не одну неделю. Одна из тех вещей, которая вертится в голове, но никак не можешь произнести ее вслух, она словно огнем жжет кожу. Он сказал, что однажды ночью, когда ему потребовалось встать и сходить помочиться, он наконец понял, что его беспокоило все это время. Он стоял, посвистывая и ни о чем конкретном не думал, и его вдруг осенило. Стрельба началась в двадцать пять минут третьего, когда солнце уже клонилось к закату, но у этого клоуна не было тени. Вообще.

ЧАСТЬ IV. ИЮЛЬ 1958

Ты ждешь меня в объятьях сна,
И я иду к тебе, горя
От страсти.
Я потрясен красой твоей,
Я потрясен.
Уильям Карлос Уильямс
«Патерсон»

Когда я родился в рубашке,
То доктор, похлопав задок,
Сказал мне: "Чудесный
Сладкий маленький свисток".
Сидней Симьен
«Мой свисток»

Глава 13. РЕШАЮЩАЯ БИТВА

1

Билл приехал первым. Он сидел в кресле с откидной спинкой и через дверь читального зала наблюдал, как Майк разбирается с несколькими запоздалыми посетителями — пожилой дамой, которая взяла книгу по готике, мужчиной с огромным томом по истории Гражданской войны и худосочным пареньком, который ждал своей очереди, чтобы отметить книгу в твердой обложке с семидневной наклейкой в верхнем углу тома. Билл увидел, что это его последний роман, но не испытал ни удивления, ни радости.

Уходя, юноша распахнул перед девушкой дверь. Они прошли в вестибюль, и Билл готов был поспорить на весь гонорар за ту книгу, которую мальчик сейчас держал в руке, что перед тем, как открыть девушке дверь на улицу, он успел ее украдкой поцеловать. А если ты не сделал этого, то ты просто дурак, — подумал он. — Теперь проводи ее до дома в целости и сохранности.

Майк сказал:

— Порядок, Большой Билл. Сейчас только за-

полню это.

Билл кивнул и положил ногу на ногу. Бумажный пакет у него на коленях слегка хрустнул. В нем лежала полулитровая бутылка бурбона, и он был готов поклясться, что ему никогда в жизни так не хотелось выпить, как сейчас. Если не окажется льда, Майк принесет воды, и, если у него не пропадет желание, воды потребуется совсем немного, чтобы разбавить выпивку.

Он подумал о Сильвере, стоящем у гаража Майка на Палмер-лейн. От Сильвера его мысли естественным путем вернулись к тому дню, когда они встретились в Барренсе — все, кроме Майка — и каждый рассказывал свою историю: о прокаженном под балконом, о мумии, разгуливающей по льду, о крови в водостоке и мертвых мальчиках в водонапорной башне, о картинах, которые двигались, и об оборотнях, преследовавших маленьких детей на пустынной улице.

Теперь он вспомнил, что они пришли в Барренс накануне Четвертого Июля. В городе стояла жара, но в тени на западном берегу Кендускеага было холодно. Он вспомнил один из тех бетонных цилиндров неподалеку от реки, гудящих как ксерокс, за которым только что стояла хорошенькая девушка. Билл вспомнил, как остальные

посмотрели на него, когда каждый рассказал свою историю.

Они ждали, что он скажет им, что делать, как поступить, а он просто не знал, что им ответить, что они хотели от него услышать. Что он сам хотел им сказать? Он вспомнил их лиши Бена, Бевви, Эдди, Стэна, Ричи. И вспомнил музыку. Литл Ричард.

Музыка. Тихая. И солнечные зайчики в глазах. Он вспомнил солнечных зайчиков, потому что

2

Ричи повесил транзистор на самую нижнюю ветку дерева и прислонился к нему. Несмотря на то, что они находились в тени, отраженные водной поверхностью Кендускеага солнечные лучи падали на хромированный корпус транзистора и слепили Биллу глаза.

— Поставь ээто нна землю, Рррричи, — сказал Билл, — Я ммогу ослепнуть.

— Разумеется, Большой Билл, — сразу же согласился Ричи и убрал радио с дерева. Заодно он его выключил, хотя Билл не просил его об этом; в наступившей тишине журчание воды и монотонное гудение канализации показались очень громкими. Их глаза были устремлены на

него, и ему хотелось сказать, чтобы они смотрели в какое-нибудь другое место. За кого они его принимают, за чудотворца?

Конечно, он не мог им этого сказать, так как все они ждали, что он им подскажет, что делать. Они были уверены: он им обязательно скажет, что делать. *Почему я?* -хотелось ему крикнуть, но он знал, почему именно он. Потому что, хотел он этого или не хотел, нравилось ему или не нравилось, но он контролировал ситуацию. Потому что от него исходила идея, потому что у него погиб брат, но самое главное, потому что он каким-то не понятным ему самому образом стал Большим Биллом.

Он посмотрел на Беверли и сразу же отвел взгляд от ее спокойных доверчивых глаз. Когда он смотрел на Беверли, у него внутри появлялось странное чувство. Какое-то потепление.

— Мы нне ммможем обратиться в полицию, — наконец сказал он. Ему показалось, что его голос прозвучал слишком резко и громко. — Мы также нне ммможем пойти ккк родителям. Пока... — он с надеждой посмотрел на Ричи. — Как насчет тттвоих пппредков, четырехглазый? Они, ккажется, ничего?

— Мой добрый друг, — произнес Ричи голосом

дворецкого, — вы, вероятно, не понимаете, что собой представляют мои мать и отец...

— Говори по-английски, Ричи, — сказал Эдди со своего места рядом с Беном. Он сидел вместе с Беном по одной простой причине:

Бен создавал достаточно обширную тень, чтобы Эдди мог в ней укрыться от солнца. У Эдди было маленькое сморщенное беспокойное личико — лицо старичка. В правой руке он держал ингалятор.

Ричи покачал головой.

— У меня нормальные предки, но они никогда не поверят в такое.

— Как ннасчет дддругих ребят?

Они огляделись вокруг, словно искали кого-то, кого не было с ними, вспоминал через несколько лет Билл.

— Кто? — с сомнением спросил Стэн. — Я не припоминаю больше никого, кому бы мог доверять.

— Тем не мменее... — сказал Билл с беспокойством, и, пока он соображал, что сказать дальше, никто не проронил ни слова.

3

Если бы у Бена Хэнскома спросили, он бы от-

ветил, что Генри Бауэре ненавидит его больше, чем кого либо из Неудачников. Из-за того, что произошло в тот день, когда он убежал от Генри в Барренс по Канзас-стрит, из-за того, что случилось в тот день, когда он, Ричи и Беверли убежали от него после «Аладдина», но в основном из-за того, что он не разрешил Генри списать на экзамене и Генри отправился в летнюю школу, что вызвало гнев его отца, Батча Бауэрса, которого все считали сумасшедшим.

Если бы Ричи Тозиера спросили, он бы ответил, что Генри его ненавидит больше всех остальных из-за того случая, когда он перехитрил Генри и еще двух его мушкетеров, которые были с ним во Фризе.

Стэн Урис ответил бы, что Генри больше всех ненавидит его, потому что он еврей (когда Стэн учился в третьем классе, а Генри в пятом, он однажды до крови натер Стэну лицо снегом, а Стэн при этом дико орал от боли и страха).

Билл Денбро считал, что Генри Бауэре больше остальных ненавидит именно его из-за его худобы, заикания и потому что он любил хорошо одеваться («Пппосмотрите на этого пппедика!» — кричал Генри, когда в апреле в школе был День Карьеры и Билл явился в галстуке; но не успел

закончиться праздник, как галстук был сорван и заброшен на дерево по дороге к Чартер-стрит).

Он действительно ненавидел их всех, но тот мальчик, который занимал первое место в личном хит-параде врагов Генри, не был членом клуба Неудачников в тот день третьего июля; это был черный мальчик по имени Майкл Хэнлон, который жил в четверти мили от фермы Бауэрсов.

Отца Генри, который на самом деле был не менее сумасшедшим, чем о нем говорили люди, звали Оскар «Батч» Бауэре. Виновником своей финансовой, физической и умственной деградации Батч Бауэре считал семью Хэнлонов в целом и отца Майка в частности. Это Хэнлон, как любил рассказывать Батч своим немногочисленным друзьям и сыну, чуть не посадил его в окружную тюрьму из-за того, что все его, Хэнлона, цыплята передохли. "Так он смог получить страховку, разве вы не понимаете, — заявлял Батч, пристально вглядываясь в аудиторию зловещим взглядом драчливого капитана Билли Бонса в «Адмирале Бенбоу». — Он подговорил своих дружков, чтобы они выгородили его, а мне пришлось продать мой «Меркурий».

«Кто его выгородил, папа?» — спросил однажды восьмилетний Генри, горя от возмущения,

что так несправедливо поступили с его отцом. Он решил про себя, что когда он вырастет, то найдет этих выгораживалыциков, обольет их медом и посадит на муравейную кучу, как в тех вестернах, которые крутят в кинотеатре «Бижу» по субботам.

После происшествия с цыплятами стал происходить один несчастный случай за другим — то у трактора отваливался рычаг, то его еще новая борона застревала в северном поле, то он обварил шею кипятком и она воспалилась, пришлось вскрывать ланцетом, после чего она опять воспалилась и пришлось делать хирургическую операцию; и в завершение всего этот ниггер начал использовать свои нечестно полученные деньги, чтобы сбить цены Батча, и в результате они потеряли клиентуру.

Постоянно Генри слышал одно и то же: ниггер, ниггер, ниггер. Во всем виноват этот ниггер. У этого ниггера красивый белый дом с лестницами и камином, в то время как Батч со своей женой и сыном живут чуть ли не в лачуге. Когда Батчу однажды не хватило денег на жизнь от дохода с фермы и он вынужден был какое-то время поработать в лесу, в этом тоже был виноват этот нигтер. И когда в 1956 году пересох их колодец

— в этом опять же был виноват он.

Позднее Генри, которому исполнилось уже десять лет, начал прикармливать старыми косточками и хрустящей картошкой Мистера Чипса, собаку Майка. Вскоре Мистер Чипе уже вилял хвостом и бежал Генри навстречу, когда тот его звал. Когда собака достаточно привыкла к Генри и принимала его угощение прямо из рук, в один прекрасный день он накормил ее гамбургером с изрядной порцией яда от насекомых. Отраву он нашел на городской свалке; три недели он экономил, чтобы купить мясо у Кастелло.

Мистер Чипе съел половину отравленного мяса и остановился. «Давай, доедай, ниггерова собака», — сказал Генри. Мистер Чипе завилял хвостом. Так как Генри звал его так с самого начала, то он решил что это его второе имя. Когда у пса начались рези в желудке, Генри оторвал полоску ткани и привязал Мистера Чипса к березе, чтобы он не мог вырваться и убежать домой. Потом он уселся на плоский нагретый солнцем камень и стал наблюдать, как умирает собака. Это продолжалось довольно долго, но Генри решил, что он неплохо провел это время. Наконец у Мистера Чипса начались судороги и с подбородка стекла тонкая струйка зеленой пены.

«Как тебе это нравится, ниггерова собака? — спросил Генри, и на звук его голоса пес, закатив умирающие глаза, попытался вильнуть хвостом. — Понравился завтрак, ты, вонючая собачонка?»

Когда собака умерла, Генри отвязал ее, отправился домой и рассказал отцу, что он сделал. В то время Оскар Бауэре Сыл особенно сумасшедшим; год спустя его жена уйдет от него после того, как он изобьет ее чуть ли не до смерти. Генри боялся отца, иногда даже испытывал к нему страшную ненависть, но в тот день он любил его. И после того, как он рассказал отцу о своем поступке, он понял, что наконец нашел ключ к отцовской любви. Отец хлопнул его по спине так, что Генри едва не упал, отвел его в гостиную и угостил его пивом. Это было первое пиво в его жизни, и все последующие годы его вкус будет ассоциироваться у Генри с положительными эмоциями: победа и любовь.

«Это тебе за хорошую работу», — сказал сумасшедший отец Генри. Они чокнулись коричневыми бутылками и выпили до дна. Насколько Генри было известно, ниггеры никогда не доискивались, кто убил их собаку, но он догадывался, что у них возникли подозрения, кто это сделал.

Он надеялся, что возникли.

Остальные члены клуба Неудачников знали Майка лишь зрительно. В городке, где жил один-единственный негритенок, было бы странно его не заметить, но не более, потому что Майк не ходил в начальную школу Дерри. Его мать была набожной баптисткой, и поэтому Майка отдали учиться в церковную школу на Нейболт-стрит. Между уроками географии, чтения и арифметики дети там изучали Библию и, кроме того, такие предметы, как Значение Десяти Заповедей в безбожном мире, и проводили в классах дискуссии на тему: как решать ежедневные нравственные проблемы (если бы, например, вы увидели, как ваш знакомый стащил что-то в магазине, или услышали, как учитель упоминает имя Господа всуе, то как бы вы поступили?) Майку казалось, что в церковной школе не так уж и плохо. Бывали времена, когда он смутно подозревал, что что-то упустил в жизни — вероятно, у него могло бы быть больше друзей среди сверстников, — но он надеялся, что, поступив в университет, наверстает упущенное. Планы на будущее заставляли его немного волноваться из-за цвета кожи, но к его родителям в городе все хорошо относились, насколько Майк мог видеть, и он верил, что и к

нему будут хорошо относиться, если он в свою очередь будет добр с окружающими.

Исключением из правила, разумеется, был Генри Бауэре.

Несмотря на то, что Майк старался не показывать вида, он чувствовал, что Генри внушает ему постоянный страх. В 1958 году Майк был худеньким стройным мальчиком с хорошей фигурой, выше Стэна Уриса, но не такой высокий, как Билл Денбро. Он был быстрым и проворным, что несколько раз спасало его от Генри. И конечно, его спасало то, что он ходил в другую школу. Из-за этого и из-за разницы в возрасте их пути редко пересекались. Майк прилагал все усилия, чтобы избегать конфликта. Итак, по насмешке судьбы, несмотря на то, что Генри ненавидел Майка Хэнлона больше, чем кого-либо в Дерри, Майку доставалось от него меньше остальных.

Но он получил свое сполна. Однажды весной, после того как он убил собаку Майка, Генри поливал кусты, а Майк в это время направлялся в библиотеку. Был конец марта, погода стояла достаточно теплая для велосипедной прогулки, но в те дни Витчем-стрит раскисла от грязи как раз за фермой Бауэрсов. Образовалось настоящее грязное болото, ничего хорошего не сулившее

велосипедистам.

«Привет, ниггер», — сказал Генри, с ухмылкой появившись из-за кустов.

Майк сделал шаг назад, стреляя глазами по сторонам и прикидывая возможные пути к отступлению. Он знал, что если даст деру, то наверняка обгонит Генри. Генри был большим и сильным, но медлительным.

«Хочешь испачкать меня дегтем, — сказал Генри, наступая на мальчика. — Но ты недостаточно черен для этого, и ко мне не пристанет».

Майк скосил глазами влево и сделал обманное движение в ту же сторону. Генри клюнул на приманку и рванулся в том же направлении — слишком быстро и слишком далеко, чтобы успеть остановиться. Майк быстро взял вправо (на втором курсе университета он будет играть в университетской футбольной команде и только сломанная в середине сезона нога помешает ему установить новый университетский рекорд). Он бы легко увернулся от Генри, если бы не грязь. Она была густой, и Майк поскользнулся и упал на колени. Не успел он подняться, как Генри уже навалился на него.

«Ниггер-ниггер-ниггер!» — кричал Генри в каком-то религиозном экстазе, катая Майка по

грязи. Грязь набилась Майку за воротник рубашки и поползла вниз по спине до самых брюк. Он чувствовал, как грязь стекает ему прямо в ботинки. Но заплакал он, только когда Генри размазал ему по лицу огромную пригоршню грязи, залепив обе ноздри.

«Вот теперь ты черный! — с ликованием прокричал Генри, втирая Майку в волосы грязь. — Теперь ты НАСТОЯЩИЙ черный!»

Он разорвал поплиновый пиджак и рубашку Майка до самого низа и нашлепнул мальчику на пуп грязную лепешку.

«Теперь ты черен, как полночь в РУДНИКЕ!» — победно заорал Генри и налепил Майку на уши по лепешке грязи. Потом он встал, уткнув руки в бока и закричал:

«Я убил твою собаку, черномазый!»

Но Майк не слышал его не только из-за грязи, набившейся ему в уши, но и из-за ужасных рыданий, сотрясавших его маленькое тело.

Генри швырнул в Майка последний липкий комок грязи, повернулся и зашагал домой, не оглядываясь. Через некоторое время Майк тоже поднялся и направился домой, все еще продолжая плакать.

Его мать, разумеется, пришла в ярость; она по-

требовала, чтобы Вилл Хэнлон позвонил шерифу Бортону и тот зашел в дом Бауэрсов до захода солнца. «Он и раньше такое вытворял, до Майка», — услышал Майк голос матери. Он сидел в ванне, а его родители разговаривали на кухне. Он принимал уже вторую ванну, первая почернела в тот же момент, когда он в нее залез. От ярости его мать перешла на местное наречие, которое Майк едва понимал. «Примени к нему закон, Вилл Хэнлон! Щенок, молокосос! Должен быть на него закон! Слышишь?»

Вилл слышал, но не сделал того, что говорила жена. В конце концов, когда она поостыла (это произошло уже ночью, когда Майк уже часа два как спал), он объяснил ей некоторые обстоятельства. Шериф Бортон — не Саливан. Если бы Бортон был шерифом в то время, когда произошел тот случай с отравленными цыплятами, Вилл никогда бы не получил свои двести долларов и вынужден был бы довольствоваться тем, что есть. Кое-кто сочувствует тебе, а кое-кто нет. Бортон относился к последним. По сути, он был просто бесхарактерным человеком.

«У Майка и раньше бывали неприятности с этим парнем, — сказал он Джессике. — Но дело не заходило далеко, потому что он обходил Генри

Бауэрса стороной. Это послужит ему уроком».

«Ты хочешь сказать, что так все и оставишь?»

"Подозреваю, что Бауэре напичкал сына историями о наших с ним стычках, — сказал Вилл, — и поэтому сын ненавидит нас троих, и к тому же отец наверняка сказал ему, что все люди должны ненавидеть ниггеров. Все сводится к этому. Я ничего не могу поделать с тем, что наш сын — негр, что вот сижу здесь и объясняю, что Генри Бауэре не оставит его в покое только потому, что у него темная кожа. Он будет преследовать его до конца жизни, и я ничего не смогу с этим поделать, и ты тоже ничего не сможешь поделать. Именно там, в той христианской школе, в которую ты так стремилась его отдать, учительница сказала им, что белые лучше черных, потому что Хам, сын Ноя, смотрел на своего отца, пока тот спал пьяный и голый, а два других сына отвели глаза. Поэтому сыновья Хама были прокляты и обречены во веки веков рубить деревья и черпать воду, сказала она. И Майки сказал, что когда она рассказывала им эту историю, то смотрела прямо на него.

Джессика глядела на мужа, безмолвная и жалкая. Две слезинки выкатились у нее из глаз и медленно поползли по щекам.

«Неужели ничего нельзя поделать?»

Он ответил мягко, но неумолимо — в те годы жены верили своим мужьям, и у Джессики не было причин сомневаться в словах Вилла:

«Нет. С такой кличкой ничего нельзя поделать ни сейчас, ни в другой жизни. Ниггеры в Мэне навсегда останутся ниггерами. Я много раз думал, что я потому вернулся в Дерри, что нет лучше места, чтобы помнить об этом. Но я поговорю с мальчиком».

На следующий день он позвал из конюшни Майка. Вилл присел на край бороны и похлопал рядом с собой, приглашая Майка сесть с ним.

«Я хочу, чтобы ты больше не попадался на глаза Генри Бауэр-су», — сказал он.

Майк кивнул.

«Его отец — сумасшедший».

Майк снова кивнул. Он слышал об этом много раз. И те несколько раз, что он видел мистера Бауэрса, только усилили представление.

«Я не имею в виду, что он немного не в себе, — сказал Вилл, закурив самокрутку с табаком „Баглер“. Он взглянул на сына. — Он в трех шагах от психушки. Таким он вернулся с войны».

«Мне кажется, что Генри тоже сумасшедший», — сказал Майк тихим, но уверенным голосом, и у Вилла защемило сердце.., хотя он

не мог в это поверить. Даже после всего того, что он перенес в жизни, после всех испытаний, выпавших на его долю, после того случая, когда он чуть заживо не сгорел в том подпольном баре «Блэк-Спот», он не мог поверить, что ребенок вроде Генри может быть сумасшедшим.

«Нет, он слишком наслушался рассказов своего отца, и это вполне естественно», — сказал Вилл. Но все же здесь его сын был прав. Генри Бауэре либо из-за постоянного общения с отцом, либо по какой-то другой причине, непонятной для окружающих, действительно медленно, но верно сходил с ума.

«Я не хочу, чтобы ты улепетывал от него со всех ног, — сказал отец, — только потому что ты негр, а потому, что ты не заслужил, чтобы с тобой плохо обращались. Понимаешь, что я имею в виду?»

«Да, папа», — сказал Майк.

«Я вижу, что ты на самом деле понимаешь, что я имею в виду, — сказал Вилл и взъерошил сыну волосы. — И из этого следует, что тебе надо ходить осторожнее. Спроси сам себя, волнуешься ли ты из-за Генри Бауэрса. Волнуешься?»

«Нет, — сказал Майк. — Нет, не думаю».

Через некоторое время он переменит свое мнение. А именно третьего июля 1958 года.

4

Пока Генри Бауэре, Виктор Крисе, Белч Хаггинс, Питер Гордон и наполовину вылетевший из колледжа Стив Садлер по прозвищу Лось (по имени одного из героев в комиксах) толпой преследовали перепуганного Майка Хэнлона от сортировочной станции до Барренса на протяжении почти полумили, Билл и остальные Неудачники продолжали сидеть на берегу Кендускеага, обсуждая проблему своих ночных кошмаров.

— Кккажется, я знаю, ггде Оно, — нарушил наконец молчание Билл.

— В канализации, — сказал Стэн, и все подскочили от внезапного резкого шума. Эдди, виновато улыбнувшись, убрал респиратор.

Билл кивнул.

— Несколько дней ннназад я сспросил отца о ккканализации. «Раньше здесь было сплошное болото, — рассказал Зак сыну, — и отцы города умудрились в самой худшей его части основать деловой район Дерри. Часть канала под Центральной и Главной улицами, впадающая в Бассей-парк, не что иное, как сток Кендускеага. Большую часть года в стоках почти нет воды, но когда начинается весенний разлив или наводнение, они просто необходимы...» Здесь

он замолчал, видимо, вспомнив наводнение прошлой осени, во время которого он потерял младшего сына. Из-за насосов", — закончил он.

«Пппочему из-за нннасосов?» — спросил Билл, непроизвольно повернув голову.

«Насосы откачивают нечистоты, — сказал отец. — они расположены в Барренсе. Такие бетонные муфты, которые торчат примерно на три фута над землей...»

"Бббен Хэнском называет их «пещеры Морлоков», — сказал Билл.

Зак улыбнулся сыну.., но улыбка вышла печальной. Они сидели у Зака в магазине, где он безучастно скреплял стулья шпонками. "Самые обычные насосы для грязи, малыш, — сказал он. — Они находятся в цилиндрах на глубине примерно десяти футов и, когда изменяется уровень наклона земли, они начинают откачивать отходы. Это старое сооружение, и городу не помешали бы несколько новых насосов, но Совет всегда ссылается на свою нищету, когда на бюджетных собраниях заходит разговор о деньгах на аренду. Если бы мне заплатили по четверти доллара каждый раз, когда я спускался туда и стоя по колено в дерьме, чинил какой-нибудь из этих моторов.., но тебе неинтересно это, Билл? Почему

бы тебе не посмотреть телевизор? По-моему, сегодня вечером будет «Сахарная нога».

«Я хххочу пппослушать», — сказал Билл.

«Почему тебе так интересно слушать про кучу канализационных насосов?» — спросил Зак.

«Шшкольный ддоклад», — поспешно ответил Билл.

«Сейчас каникулы».

«В следующем ггоду».

"Да, довольно скучная тема, — сказал Зак. — Если ты повергнешь учителя в сон, то он наверняка поставит тебе «неуд».

«Смотри, вот Кендускеаг, — он начертил среди стружки на столе, порезанном ленточной пилой, прямую линию. — А вот Барренс. Как деловая часть города находится ниже, чем окраины, Канзас-стрит, например, или Олд-Кейп, или Западный Бродвей, то большая часть отбросов из центра города откачивается в реку. Отходы эти вместе с местными отходами текут прямо к Барренсу. Понимаешь?»

«Дда», — сказал Билл, ближе наклоняясь к отцу, чтобы получше разглядеть линии; его плечо оказалось как раз рядом с рукой отца.

«Когда-нибудь, когда перестанут сбрасывать отходы в реку, этим насосам придет конец. Но

пока еще они находятся в.., как их называет твой приятель?»

«Пещеры Морлоков», — сказал Билл безо всякого заикания; ни он сам, ни его отец этого не заметили.

«Да. Вот для этого и нужны насосы в этих чертовых дырах, и если выпадает немного дождей или не слишком сильные наводнения, то работают они сравнительно хорошо. Хотя стоки и канализация были предусмотрены как отдельные системы, но на самом деле они все время пересекаются. Видишь?» — Он начертил несколько лучеобразных крестиков на линии, изображающей Кендускеаг, и Билл кивнул.

«Ладно, единственное, что тебе необходимо знать о стоке воды, так это что она стекает, куда может. Когда поднимается уровень воды, она заполняет и стоки, и канализационные трубы. Когда вода в стоках поднимается до уровня насосов, она заливает их. И причиняет мне массу хлопот, потому что мне приходится их чинить».

«Ппапа, а ккакого размера сстоки и ттрубы?»

«Ты имеешь в виду отверстия?»

Билл кивнул.

«Основная канализационная труба, наверное, футов шесть в диаметре. Вспомогательная, та,

которая с окраин, думаю, фута три или четыре. Некоторые, может быть, немного больше. И поверь мне, Билли, и можешь сказать об этом своим друзьям: никогда не вздумайте лазать в эти трубы ни затем, чтобы поиграть, ни на спор, ни по какой-нибудь другой причине».

«Почему?»

"Почти с 1885 года за ними следит дюжина различных городских организаций. Во время Депрессии водопроектная организация предложила целую систему канализационных стоков и третичных систем; на общественные работы тогда отпускались большие деньги. Но парней, которые возглавляли этот проект, убили во второй мировой войне, и приблизительно пять лет спустя Водный департамент обнаружил, что большинство проектов системы пропало. Почти девять фунтов документов просто испарилось с 1937 по 1950 год. Мое мнение такое: кто-то не хочет, чтобы узнали, куда ведут эти проклятые трубы и почему.

Когда они работают, всем на них наплевать. Когда они ломаются, приходят три или четыре лопуха из «Дерри Уотер» и пытаются выяснить, какой насос протекает или где образовалась пробка. А когда они спускаются туда, то хорошенько

упаковывают свои завтраки, потому что там полная темнота, жуткая вонь и крысы. Поэтому лучше держаться отсюда подальше. Но самое главное, конечно, то, что вы можете потеряться. Такое уже раньше случалось".

Потеряться под Дерри. Потеряться в канализации. Потеряться в темноте. Сама мысль об этом была настолько мрачной и леденящей, что Билл некоторое время не мог произнести ни слова. Затем он сказал:

«Но разве туда нникогда не ппосылали людей, чтобы составить карту...»

«Мне надо закончить эти шпонки, — резко сказал Зак, отворачиваясь от Билла. — Иди в дом и посмотри, что показывают по телевизору».

«Нно, пппапа...»

«Иди, Билл», — сказал Зак, и Билл почувствовал себя чужим. Из-за этого чувства ужин превратился для него в пытку. Отец листал журналы по электричеству (он надеялся еще когда-нибудь сделать карьеру), а мать читала один из бесконечных английских романов:

Марш, Сайерс, Иннес, Аллингем. Из-за этого чувства еда показалась безвкусной, словно замороженные обеды, которые и в глаза не видели духовки. Спустя некоторое время он поднялся в

свою комнату, лег на кровать, держась за живот, и подумал: *Лавировали корабли, лавировали, да не вылавировали. С* тех пор, как умер Джордж, он все чаще повторял эту скороговорку, хотя мать научила его этой фразе еще за два года до смерти брата. Она звучала в его голове как заклинание. В тот день, когда он сможет подойти к матери и запросто произнести эту фразу без ошибок и без заикания, глядя ей прямо в глаза, он больше не будет для них чужим, лед между ними растает, ее глаза потеплеют, она обнимет его и скажет: «Замечательно, Билли! Какой хороший мальчик! Какой хороший!»

Конечно, он никому не мог поведать свою тайную фантазию, ни под какими пытками он не выдал бы своей потаенной мысли. Если бы он смог произнести эту скороговорку, которой она случайно научила его одним субботним утром, когда они с Джорджем сидели и смотрели Гая Медисона и Энди Дивайн в «Приключениях дикого Била Хикока», то это было бы как поцелуй, который разбудил Спящую Красавицу от холодного сна и вернул ее в теплый мир сказочной любви красавца-принца.

Лавировали корабли, лавировали, да не вылавировали.

— Почему ты так уверен, что Оно в канализации? — спросил Ричи, переводя взгляд с Билла на Стэна Уриса и снова на Билла.

— Вввсе ввведет тттуда, — сказал Билл. — Голоса, кккоторые слышала Ббеверли, ррраздавались из вводостока. И кровь. Кккоща нас ппппреследовал ккккклоун, у ккканализации были оранжевые пппуговицы. И Дддджорджи...

— Это был не клоун, Большой Билл, — сказал Ричи. — Я же говорил тебе. Я знаю, это сумасшествие, но это был оборотень. Он с вызовом посмотрел на остальных ребят.

— Ей-Богу. Я видел это сам. Билл сказал:

— Это для тебя Оно было оборотнем.

— А?

Билл пояснил:

— Разве тты нне пппонимаешь? Это дддля ттебя Оно ббыло оборотнем, ппотому что ттты ппппосмотрел это ннемое кккино в «Аааалладине».

— Не понимаю.

— По-моему, я понял, — спокойно сказал Бен.

— Я ссссходил в ббблиотеку и ппосмотрел книги, — продолжал Билл. — Я думаю, Оно — ннна... — он замолчал, напрягая гортань и потом выпалил, — наваждение.

— Наваждение? — с сомнением переспросил

Эдди.

— Нннаваждение, — подтвердил Билл. Он рассказал им о том, что он нашел по этому поводу в энциклопедии и о главе, которую он прочел в книге под названием «Правда о ночи». Глэмор, сказал он, это гэльское имя существа, которое терроризировало Дерри; другие народы и другие культуры в разные времена называли его по-разному, но все они имели в виду одно и то же. Индейцы с равнины называли это «Маниту». Оно иногда принимало обличье горного льва, или лося, или орла. Эти индейцы верили, что дух Маниту иногда может входить в них, и, когда это происходило, они сами получали возможность превращаться в то животное, которое покровительствовало их дому. Гималайцы называли его «таллус» или «таелус», что означало злое магическое существо, которое может читать ваши мысли и превращаться в ту вещь, которой вы больше всего боитесь. В Центральной Европе Оно называлось «эялик», подобие вурдалака или вампира. Во Франции его называли «ле лу-гару», или «сбрасывающий кожу», термин, который варварски переводят, как «оборотень», но Билл сказал им, что «ле лу-гару» (которое он произносит «ле луп-гароу») может быть чем угодно,

абсолютно чем угодно: волком, ястребом, овцой, даже насекомым.

— А в какой-нибудь из тех статей сказано, как справиться с ним? — спросила Беверли.

Билл кивнул, но вид его при этом выражал сомнение.

— У ггималайцев сосуществует ррритуал, чтобы ссправиться с ннним, нно он сслишком ооотвратителен.

Они посмотрели на него. Им уже расхотелось слушать то, что он собирался им сказать, но это было необходимо для них всех.

— Это нназывается ррритуал Ччуди, — сказал Билл и приступил к объяснению. — Если бы вы были гималайским святым, вы бы выследили таелуса. Таелус высовывает язык. Вы высовываете свой. Вы и Оно касаетесь языками и прикусываете их друг у друга, как будто сцепляете скобой, и смотрите в глаза друг другу.

— Ой, меня сейчас стошнит, — сказала Беверли, согнувшись пополам. Бен легонько похлопал ее по спине и оглянулся вокруг: не видел ли кто. Никто не видел; все смотрели на Билла, как зачарованные.

— Что дальше? — спросил Эдди.

— Тттак, — сказал Билл, — Зззвучит ддико, ннно

в ккккниге ссказано, что ппотом вы нначинаете рассказывать шшшутки и загадывать зззагадки.

— Что? — спросил Стэн.

Билл кивнул. Его лицо напоминало лицо журналиста, который хочет, чтобы вы знали, что не он придумывает новости, он только сообщает их вам.

— Ввот тттак. Ссначала рассказывает ччудовище-таелус, пппотом ддолжны рассказывать вввы, рассказываете и ппповорачиваетесь...

Беверли села, подтянув колени к подбородку и обхватила их руками.

— Не понимаю, как люди могут разговаривать, когда у них языки пригвождены друг к другу.

Ричи тут же высунул язык, обхватил его пальцами и заговорил нараспев:

— А мой папа — мусорщик!

Никто не рассмеялся, хотя это была старая детская шутка.

— Ммможет ббыть, имеется в ввиду телепатия, — сказал Билл. — Во вввсяком сслучае, если ччеловек зззасмеется первым, ннесмотря на бббо...

— Боль? — спросил Стэн. Билл кивнул.

— ..то таелус уубивает его и сссьедает. Я ддумаю, его дддушу. Ннно если ччеловек ззаставит тта-

елуса ззасмеяться пппервым, то ему пппридется исчезнуть на сссотни лет.

— В книге не сказано, откуда он появляется? — спросил Бен. Билл покачал головой.

— Ты сам хоть немного веришь в это? — спросил Стэн, пытаясь придать голосу насмешливые нотки, но не смог найти в себе для этого достаточно моральных и умственных сил.

Билл пожал плечами и сказал:

— Ппочти верю. — Казалось, он собирается еще что-то добавить, но он не произнес больше ни слова.

— Это объясняет многое, — медленно произнес Эдди. — Клоун, прокаженный, оборотень... — он посмотрел на Стэна. — Мертвые мальчики, мне кажется, тоже.

— Похоже, это работенка как раз для Ричарда Тозиера, — сказал Ричи голосом диктора за кадром в кинохронике, — человека, у которого всегда в запасе тысяча шуток и шесть тысяч загадок.

— Если мы тебе поручим эту работенку, мы все помрем, — сказал Бен. — Медленно. В страшных мучениях. Тут все снова рассмеялись.

— Ладно, что будем делать? — требовательно сказал Стэн, но Билл лишь снова покачал головой.., и тут он почувствовал, что знает ответ. Стэн

поднялся.

— Давайте пойдем куда-нибудь? — сказал он. — Мне тут надоело.

— Мне здесь нравится, — сказала Беверли. — Здесь в тени очень неплохо.

Она взглянула на Стэна.

— Тебе, наверное, захотелось подурачиться? Пойти на свалку или побросать в бутылки камнями?

— И мне нравится бросать в бутылки камнями, — сказал Ричи и встал рядом со Стэном. Он отряхнул воротник и принялся гордо вышагивать по кругу, как Джеймс Дин в «Бунтаре без причины». — Они обидели меня, — сказал он с унылым выражением лица, почесывая грудь. — Мои родители. Школа. Об-ще-ство. Все они, все давят на меня, малыш. Они...

— Дерьмо, — сказала Беверли и вздохнула.

— У меня есть петарды, — сказал Стэн, и все забыли и о Глэморах, и о Маниту, и об ужасной пародии Ричи на Джеймса Дина, когда Стэн достал из бокового кармана упаковку «Блэк Кэтс». Даже Билл был поражен.

— Гггосподи пппомилуй, Стэн, гггде ты их ввввзял?

— У того толстого мальчишки, с которым время

от времени хожу в синагогу, — сказал Стэн. — Я их обменял на целую кучу комиксов про Супермена и Маленькую Лулу.

— Давайте постреляем! — закричал Ричи, от радости с ним чуть не случился апоплексический удар. — Давай постреляем, Стэнни, я никому не скажу, христопродавец ты этакий, обещаю. Я всем буду говорить, что у тебя самый маленький нос, Стэнни! Я всем буду говорить, что ты — не обрезанный!

Услышав это, Беверли зарыдала от смеха. С ней и в самом деле мог случиться апоплексический удар, если бы она не закрыла лицо руками. Билл засмеялся, Эдди засмеялся, и через минуту Стэн засмеялся вместе с ними. В тот день, накануне Четвертого Июля, их смех разносился над залитой солнечным светом водой Кендускеага, и никто из них не заметил уставившиеся на них из зарослей ежевики и бесплодных кустов черной смородины оранжевые глаза. Берег реки на тридцать футов кругом полностью зарос ежевикой, а в центре зарослей находилась как раз одна из тех «чертовых дыр» Бена. Именно из этой бетонной трубы на них таращились эти глаза в два фута шириной.

В тот день Майк убегал от Генри Бауэрса и его дружков, потому что на следующий день был праздник, Четвертое Июля. В оркестре церковной школы Майк играл на тромбоне, и Четвертого Июля оркестр должен был участвовать в ежегодном праздничном параде и играть «Военный гимн республики». Этого дня Майк ждал целый месяц. Из-за слетевшей велосипедной цепи он прогулял последнюю репетицию. Репетиция была запланирована до половины третьего, и он заодно решил почистить тромбон, который раньше хранился в школьном музыкальном классе.

Когда он подошел к церковной школе на Нейболт-стрит и обернулся назад, мысли его мгновенно повернули в другом направлении. Генри, Виктор, Белч, Питер Гордон и Лось Садлер, цепью рассредоточившись по всей дороге, шли за ним. Если бы они вышли из дома Бауэрса на пять минут позже, Майк успел бы скрыться из виду за вершиной следующего холма, и решающая битва и все, что за ней последовало, могло бы произойти в другое время или не произойти вовсе.

Но спустя несколько лет именно у Майка возникла мысль, что, вероятно, в то лето никто из них не был полноценным хозяином своих дел и поступков; если какая-то доля удачи и доб-

рой воли принимала участие в этом спектакле, то их роль была очень незначительной. Он бы мог перечислить множество подозрительных совпадений, но по крайней мере одну вещь он наверняка не мог знать. Когда в тот день Стэн Урис показал друзьям коробочку «Блэк Кэтс» и Неудачники отправились на свалку взрывать петарды, Виктор, Белч и другие пришли на ферму Бауэрса, потому что у Генри тоже были петарды, небольшие бомбочки и М-80 (за хранение последних несколько лет спустя ввели уголовное наказание). Большие мальчишки собрались пойти за угольную яму около железной дороги и там взорвать сокровища Генри.

Все они, даже Белч, обходили стороной ферму Бауэрсов по двум простым причинам: во-первых, из-за сумасшедшего отца Генри и чтобы не заканчивать за Генри различную работу. Эти мальчики не были лентяями, но у них самих было дома множество дел: прополоть сорняки, натаскать камней и дров, наносить воды, накосить травы, собрать то, что созрело в то или иное время года: горох, огурцы, помидоры, картофель. Кроме того, дома они это делали без потогонной системы чокнутого отца Генри, которому было абсолютно наплевать, кого бить (однажды, когда Виктор

Крисе уронил корзину с помидорами, которую он тащил от самой дороги, отец Генри избил его поленом). Довольно неприятная вещь — получать по спине березовым поленом; но хуже всего, что при этом Батч Бауэре напевал: «Я убью всех узкоглазых! Я убью всех вонючих узкоглазых!»

С присущей ему немногословностью, Белч Хагтинс два года назад сказал Виктору: «Я не трахаюсь с сумасшедшими». Виктор засмеялся и согласился с ним.

Но петарды были слишком большим искушением для мальчиков, и они не смогли устоять.

«Вот что я скажу тебе, Генри, — сказал Виктор, когда Генри позвонил ему в девять утра и пригласил в гости. — Лучше давай встретимся около часа у угольной ямы. Что скажешь?»

«Ты можешь подходить к яме к часу, только меня там не будет, — ответил Генри. — У меня дома дел по горло. Но если ты подойдешь туда часам к трем, то я буду там. И первая М-80 полетит в твою дурацкую башку, Вик».

Вик засмеялся, но потом согласился прийти и помочь управиться с делами.

Остальные тоже пришли, и пятеро взрослых парней как черти трудились на ферме у Бауэрса все утро. Когда Генри спросил у отца, может ли он

уйти, Бауэрс-старший просто вяло махнул рукой. Батч устроился на веранде в кресле-качалке с молочной бутылкой, наполненной крепким сидром, и поставил на перила веранды портативный радиоприемник «Филко». Обнаженный японский меч лежал на коленях Батча; военный трофей, который, как говорил Батч, он вытащил из тела умирающего япошки на острове Тарава (на самом деле он обменял его в Гонолулу на шесть бутылок «Будвейзера» и три ручки). Когда Батч напивался, он почти всегда доставал этот меч. И с тех пор все мальчики, включая Генри, в глубине души были убеждены, что рано или поздно он убьет этим мечом кого-нибудь еще и лучше бы его убрать подальше от Батча.

Когда Генри заметил на улице Майка Хэнлона, мальчикам ничего больше не оставалось, как выйти на дорогу.

— Это ниггер! — сказал он, и глаза у него загорелись, как у ребенка, ожидающего скорого появления Санта-Клауса у рождественской елки.

— Ниггер? — у Белча Хагтинса был озадаченный вид. Он видел Хэнлона только один раз, но его безжизненные глаза сверкнули. — А, да! Ниггер! Пошли за ним. Генри.

Белч рысью бросился за Майком, остальные по-

следовали его примеру, но Генри схватил Белча за руку и осадил назад. У Генри было больше опыта в охоте на Майка Хэнлона, чем у остальных, и он знал, что поймать его не так просто. Этот черномазый мог уйти.

— Он не видит нас. Давайте просто быстро пойдем за ним и постепенно сократим расстояние.

Так и сделали. Сторонний наблюдатель был бы удивлен: пятеро мальчиков были похожи на спортсменов, участвующих в олимпийских соревнованиях по ходьбе. Пузо Лося Садлера подпрыгивало вверх-вниз внутри футболки с надписью «Университет Дерри». По красному лицу Белча катился пот. Но расстояние между ними и Майком уменьшалось — двести ярдов, сто пятьдесят ярдов, сто ярдов.

— Что будем с ним делать, Генри? — тихо спросил Виктор Крисе. В его голосе прозвучало любопытство, но, по правде говоря, Вик был обеспокоен. Через некоторое время он начнет беспокоиться за Генри все больше и больше. Ему было наплевать, что Генри собирался сделать с сыном Хэнлонов: избить его или просто порвать ему рубашку или стащить с него штаны и повесить их на дерево. Но он не был уверен, что у Генри на уме только это. В этом году бы-

ло несколько неприятных случаев с детьми из начальной школы, про которых Генри обычно говорил «мелкое дерьмо». Генри часто командовал и терроризировал «мелкое дерьмо», и с марта они стали обходить его за версту. Одного из них, четырехглазого сына Тозиеров, Генри с друзьями выслеживали до самого Фриза, но где-то упустили его в тот момент, когда им уже стало казаться, что они схватили его за задницу. Потом, в последний день школьных занятий, сын Хэнскомов...

Но Виктор не любил вспоминать об этом.

Его беспокоила одна простая вещь: Генри мог зайти СЛИШКОМ ДАЛЕКО. Насколько ДАЛЕКО, Виктор даже боялся себе представить.., но сердце подсказывало ему, что на этот вопрос есть только один ответ.

— Мы поймаем его и спустим в угольную яму, — сказал Генри. — Думаю, засунем ему в башмаки по парочке петард и посмотрим, как он умеет танцевать.

— Но не М-80, Генри, правда?

Если Генри собирается сделать что-либо подобное, Виктор высыплет порох. М-80 в туфлях могут прострелить ниггеру ноги, а это — более чем СЛИШКОМ ДАЛЕКО.

— У меня их только четыре штуки, — сказал

Генри, не сводя глаз со спины Майка Хэнлона. Теперь расстояние между ними сократилось до семидесяти пяти ярдов, и он тоже заговорил тихо. — Ты думаешь, я выброшу их ради какого-то вонючего ниггера?

— Нет, Генри, конечно, нет.

— Мы просто положим парочку «Блэк Кэтс» в его мокасины, — сказал Генри, — потом стащим с него штаны и выбросим одежду в кусты. Пусть прикрывается крапивой.

— И бросим его в уголь, — сказал Белч, и его обычно мутные глаза засверкали. — Да, Генри? А там холодно?

— Холодно, как в могиле, — небрежно сказал Генри, и Виктору это совершенно не понравилось. — Мы вымажем его углем, как я уже однажды вымазал его в грязи, и... — Генри оскалился, обнажив зубы, которые у него начали гнить, когда ему было еще лет двенадцать. — И я ему кое-что скажу. Не думаю, чтобы он слышал, когда я ему это сказал в прошлый раз.

— Что ты скажешь, Генри? — спросил Питер. Питер Гордон был страшно заинтригован и возбужден. Он вырос в одной из «приличных семей» Дерри — они жили на Западном Бродвее — и через два года его пошлют в приготовительную

школу в Гротоне, по крайней мере, он так думал тогда, третьего июля. Он был умнее Виктора Крисса, но недостаточно долго водился с ними, чтобы понять, насколько велико разлагающее влияние Генри.

— Увидишь, — сказал Генри. — Теперь все заткнитесь. Мы уже близко.

От Майка их отделяло всего двадцать пять ярдов, и Генри уже открыл рот, чтобы отдать приказ схватить его, когда у Лося Садлера выстрелила первая в этот день петарда. Вечером Лось съел три тарелки печеных бобов, и звук получился почти такой же громкий, как выстрел из пистолета.

Майк обернулся. Генри увидел, как округлились его глаза.

— Хватайте его! — заорал Генри.

Майк застыл на секунду, затем сорвался с места и побежал во весь опор.

6

Неудачники огибали бамбуковые заросли в Барренсе, когда Билл представил, что они в джунглях на сафари. Он часто так представлял, гуляя по этой части Барренса. Высокий белый бамбук мешал разглядеть дорогу. Земля была черная, под ногами хлюпала грязь с дерном, и, чтобы не

зачерпнуть грязь в ботинки, детям приходилось перепрыгивать через нее. Лужи со стоячей водой отражали странно унылую радугу. В воздухе стоял тяжелый запах испарений, издаваемый частично свалкой, частично гниющей растительностью.

Недалеко от Кендускеага Билл остановился и обернулся к Ричи.

— Ввпереди тттигр, Тттозиер. Ричи кивнул и обернулся к Беверли:

— Тигр, — выдохнул он.

— Тигр, — сказала она Бену.

— Людоед? — спросил Бен, сдерживая дыхание, чтобы не пыхтеть.

— Весь в крови, — ответила Беверли.

— Тигр-людоед, — прошептал Бен Стэну, и тот передал новость Эдди, худое лицо которого от волнения покрылось румянцем.

Они медленно скрылись в зарослях бамбука. Тигр прошел прямо перед ними, они увидели его очень близко: крупный, наверное, фунтов четыреста, в его движениях чувствовалась грация и сила, шкура переливалась как шелк. Очень близко они увидели его зеленые глаза и пятна крови на морде — кровь воина-пигмея, последней съеденной заживо жертвы.

Бамбук шуршал музыкально и как-то жут-

ковато. Либо это летний ветерок, либо тигр направляется к Олд-Кейп на краю Барренса.

— Ушел, — сказал Билл. Он перевел дыхание и снова вышел на тропинку. Остальные последовали за ним.

Ричи оказался единственным вооруженным мужчиной: он сделал из плотного картона пистолет, а рукоятку обмотал изолентой, чтобы не скользила.

— Если двинешься с места. Большой Билл, я всажу в тебя пулю, — зловеще произнес он и поправил дулом пистолета свои старые очки.

— Здесь жжживет пплемя ватусов, — сказал Билл. — Ннне состоит стрелять. Тты же нне хочешь, ччтобы с ттебя осеняли скальп?

— О! — сказал изумленный Ричи.

Билл жестом подозвал остальных ребят, и они снова пошли по тропинке, которая сужалась к концу бамбуковых зарослей. Они вышли на берег Кендускеага там, где для перехода через реку были набросаны камни. Бен стал показывать, как их следует класть. Берете большой камень и бросаете его в воду, затем берете второй камень и, встав на первый, бросаете его в воду тоже, потом берете третий камень и, стоя на втором камне, опять бросаете его в воду и так до тех пор,

пока не перейдете через реку (которая здесь в это время года менее фута глубиной и даже видно дно с темно-желтыми песчаными бугорками), не замочив ноги. Фокус был простой, почти детский, но никто из них не видел его, пока Бен не показал, как это делается. Когда он молол чепуху, его было приятно послушать, но как только он начинал показывать то, что они раньше никогда не видели, все чувствовали себя просто болванами.

Поодиночке они спустились вниз по берегу и стали переходить через реку по сухим выступам камней, которые только что набросали.

— Билл! — неожиданно позвала Беверли. Он сразу же застыл с вытянутыми вперед руками, но не оглянулся. Вокруг него плескалась и струилась вода.

— Что?

— Здесь пираньи! Два дня назад я видела, как они съели целую корову. Через минуту после того, как она упала, от нее не осталось ничего кроме костей. Не упади!

— Хорошо, — сказал Билл. — Будьте осторожны, ребята.

Неожиданный свист гудка товарного поезда, загружающегося на железнодорожной насыпи, заставил Эдди Каспбрака покачнуться почти на

середине пути, и он чуть не упал в воду. На мгновение он посмотрел на блестящую от солнечных лучей воду, от которой слепило глаза, и действительно увидел стаю кружащих пираний. Они не были частью той игры воображения Билла про джунгли-сафари, он был в этом совершенно уверен. Рыбы, которых он увидел в воде, были похожи на выросших до гигантских размеров золотых рыбок с огромными отвратительными челюстями, как у морского окуня. Пилообразные зубы торчали между толстых губ, и, как и золотые рыбки, они были оранжевого цвета. Такие же оранжевые, как пушистые помпоны, которые иногда носят цирковые клоуны.

Они кружились в обмелевшей реке и скрежетали зубами.

Эдди уколол себя в руку булавкой.

Я упаду в воду, -подумал он, — я *упаду в воду, и они съедят меня заживо.*

Стэн Урис крепко схватил его за запястье и оттащил от смертельного места.

— Ты был на волосок от гибели, — сказал Стэн. — Если бы ты упал в воду, твоя мать всыпала б тебе по первое число.

Но в этот раз Эдди совсем не подумал о матери. Остальные ребята уже добрались до другого

берега и считали вагоны товарного поезда. Эдди дико посмотрел Стэну прямо в глаза и снова посмотрел в воду. Он увидел плавающую кожуру от помидора и больше ничего. Он снова посмотрел на Стэна.

— Стэн, я видел...

— Что?

Эдди покачал головой.

— Ничего, наверное, показалось, — сказал он. — Я просто немного (но *они были там, да, они были и они съели бы меня заживо)* нервный. Из-за тигра, наверное. Пошли.

Западный берег Кендускеага — Олд-Кейп — в дождливую погоду и во время весенних паводков превращался в грязное болото, но за последние две недели или больше в Дерри не было сильных дождей, и берег высох до такой степени, что покрылся трещинами, из которых, отбрасывая темные тени, выпирали некоторые из тех самых бетонных цилиндров. Приблизительно в двадцати ядрах от них над Кендускеагом возвышалась бетонная труба, из которой постоянно стекала в реку коричневая струя воды. Бен спокойно сказал:

— Жутко здесь.

Остальные кивнули.

Билл повел всех наверх по сухому берегу, и они очутились в густом кустарнике среди жужжания жуков и стрекота кузнечиков. Запах свалки стал теперь более отчетливым и едким; в небо поднимались черные клубы дыма. На земле повсюду, кроме узенькой тропинки, валялся мусор. Билл расчистил ногой кучу отбросов, и Ричи пришел в неописуемый восторг. Он смеялся чуть ли не до слез.

— Тебе обязательно нужно написать об этом книгу, Большой Билл, — сказал он. — Это будет интересно.

Билл вскарабкался на вершину кряжа и посмотрел вниз на свалку.

— О, черт, — сказал он и засунул руки в карманы. Остальные ребята собрались вокруг него.

Сегодня мусор жгли в северном конце свалки, а здесь, в этой части, мусорщик (наверняка это был Армандо Фазио, для друзей просто Мэнди, холостой брат сторожа начальной школы) возился с бульдозером Д-9, оставшимся со времен второй мировой. С его помощью он иногда сгребал мусор в ямы, чтобы потом все сжечь. Он сидел без рубашки, и на сиденье бульдозера под парусиновым зонтиком работал большой переносной радиоприемник, по которому передавали

предпраздничный концерт, Золотой Сакс играл «Сенаторов».

— Здесь мы не сможем спуститься, — заметил Бен. Мэнди Фазио был неплохим парнем, но если он встречал на свалке детей, он их сразу же прогонял — из-за крыс, из-за яда, который он ежедневно рассыпал, чтобы крысы не так быстро плодились, из страха, что они могут порезаться, упасть, сгореть.., но самое главное, потому что он считал, что свалка — не место для детских игр. «Разве вы хорошие дети?» — кричал он на ребят, которых ему удавалось выследить на свалке. Их привлекали сюда битые бутылки (или крысы, или гайки), а может быть, экзотическое очарование «свалки-подбиралки»: здесь можно было найти еще работающую игрушку, стул, который можно починить и поставить в штабе, или старый телевизор с целехоньким кинескопом — если в него бросить камень, может получиться великолепный взрыв. «Разве вы хорошие дети? — ревел Мэнди (он кричал не оттого, что был зол, а потому что был глухим и не носил слуховой аппарат). — Тебе что, твои старики не говорили, чтобы ты был хорошим? Хорошие парни и девчонки не играют на свалке! Идите в парк! Идите в Дом культуры и поиграйте там в хоккей. Будьте

вы хорошими детьми!»

— Нет, — сказал Ричи. — Здесь нам точно не спуститься. Они немного посидели, понаблюдали за Мэнди, колдующим над своим бульдозером, в надежде, что он сдастся и уйдет, но в действительности сами в это не верили: если у Мэнди был радиоприемник, то, значит, он намерен проторчать здесь целый день. *За это время можно обоссаться,* -подумал Билл.

На целом свете не было лучше места, чтобы взрывать петарды, чем свалка. Их можно положить под оловянный таз и потом наблюдать, как таз взлетит на воздух, когда петарда взорвется, или можно зажечь шнур, опустить их в бутылку, а потом убежать, как будто за тобой гонятся три дюжины чертей. Бутылки не всегда взрываются, но, как правило, взрываются.

— Как бы я хотел, чтобы у нас было хоть несколько М-80, — вздохнул Ричи, не подозревая, что скоро одна из них полетит ему в голову.

— Моя мама говорит, что люди должны довольствоваться тем, что у них есть, — сказал Эдди так торжественно, что все рассмеялись. Когда смех утих, все снова посмотрели на Билла. Билл подумал и потом произнес:

— Я знаю одно ммместо. В кконце Бббарренса у

жжелезнод-до-рожных путей есть сстарый ппесчаный карьер.

— Да! — сказал Стэн, поднимаясь на ноги. — Я знаю это место. Ты гений, Билл!

— Там должно здорово бабахнуть, — согласилась Беверли.

— Хорошо, пойдемте, — сказал Ричи.

Шестеро ребят (до магического числа не хватает одного) направились вдоль холма, огибающего свалку. Мэнди Фазио, случайно подняв глаза, увидел их силуэты, напоминающие возвращающихся после набега индейцев. Он подумал сначала, не крикнуть ли им, что Барренс — не место для детей, но вместо этого вернулся к своей работе. Во всяком случае, они не были на свалке.

7

Майк Хэнлон без передышки добежал до церковной школы и рванулся по Нейболт-стрит прямо к железнодорожным путям. В школе имелся сторож, но мистер Гендрон был очень стар и слышал еще хуже, чем Мэнди Фазио. К тому же он любил летом большую часть дня подремать в тихой котельне, развалившись в видавшем виды кресле-качалке с газетой «Ньюз» на коленях. Майк мог стоять, барабанить в дверь, кричать

старику, чтобы он впустил его, а Генри Бауэре тем временем догнал бы его и отвинтил бы его дурную голову.

Итак, Майк просто побежал дальше.

Но он не просто бездумно несся вперед, — он пытался задать себе темп, пытался контролировать дыхание, чтобы не выдохнуться. Генри, Белч и Лось Садлер не представляли для него опасности, даже будучи относительно свежими и бодрыми, они бегали, как раненые быки. Виктор Крисе и Питер Гордон, однако, были гораздо проворнее. Когда Майк пробежал дом, где Билл и Ричи видели клоуна — или оборотня, — он обернулся и с тревогой увидел, что Питер Гордон уже почти догоняет его. Питер весело улыбался улыбкой лошади, участвующей в скачках с препятствиями, и Майк подумал: *Интересно, как бы он улыбался, если б знал, что случится, когда они меня поймают... Неужели он думает, что они просто скажут мне: «Твоя очередь пятнать» и убегут?*

Когда впереди появились неясные очертания ворот сортировальной станции с надписью: ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ. НЕ ВХОДИТЬ.

НАРУШИТЕЛИ ПРЕСЛЕДУЮТСЯ В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ, Майк был вынужден сбавить темп. Он

не чувствовал сильной усталости; дыхание было частым, но он продолжал его контролировать, хотя знал, что, если ему придется долго держать такой темп, его ожидают потом болезненные последствия.

Ворота были наполовину открыты. Он еще раз оглянулся и увидел, что снова оторвался от Питера. Виктор отстал от Питера шагов на десять, остальные были от них ярдах в сорока-пятидесяти. Даже в эти короткие мгновения Майк успел разглядеть черную ярость, искажавшую лицо Генри.

Он легко и быстро проскользнул в приоткрытые ворота, повернулся и захлопнул дверь. Услышал щелчок сработавшего замка. Через минуту Питер Гордон уже ломился в решетку, а через несколько секунд к нему подбежал Виктор Крисе. На лице Питера уже не было улыбки: он смотрел на Майка мрачным, угрюмым взглядом. Он пошарил в поисках замка, но безуспешно: ворота запирались изнутри.

Невероятно, но он сказал:

— Давай, парень, открывай ворота. Это нечестно.

— Что значит «нечестно»? — спросил Майк, часто и тяжело дыша. — Пятеро на одного?

— Нечестно, — повторил Питер, словно не слыша того, что сказал Майк.

Майк посмотрел на Виктора и увидел беспокойство в его глазах. Он заговорил, только когда к воротам прибежали остальные.

— Открывай, ниггер, — взревел Генри. Он стал трясти решетку с такой свирепой яростью, что Питер испуганно посмотрел на него. — Открой! Открой сейчас же!

— Не открою, — спокойно сказал Майк.

— Открой! — закричал Белч. — Открой, ты, вонючий черномазый!

Майк отошел от ворот, сердце громко стучало в груди. Он не мог понять, то ли он был напуган, то ли просто взволнован. Они прильнули к воротам с другой стороны, кричали, обзывали его ниггером и такими словами, о существовании которых он и не подозревал: черножопый, землекопалка, черничник, обезьяна и тому подобное. И он лишь удивился, когда Генри достал что-то из кармана, зажег о ноготь большого пальца спичку и нечто круглое красное перелетело через ограду. Он инстинктивно отскочил, когда, поднимая столбы пыли, слева от него разорвалась бомба.

На какое-то мгновение после взрыва наступила тишина. Майк, не веря в случившееся, уставился

на них через ограду, они тоже уставились на него. Питер Гордон застыл в шоке, и даже у Белча был потрясенный вид.

Теперь они испугались за него, -подумал Майк, и неожиданно внутри его заговорил неизвестный голос, возможно, впервые за всю его жизнь, голос по-взрослому взволнованный. — *Они испугались, но это их не остановит. Тебе надо бежать. Майки, или случится что-то ужасное. Не все они хотят, чтобы это случилось, может быть, Виктор не хочет и Питер Гордон, он тоже не хочет, но это все равно случится, потому что Генри сделает так, чтобы это случилось. Поэтому — беги. Беги быстрее.*

Он отступил на два-три шага назад, и тогда Генри Бауэре сказал:

— Это я убил твою собаку, ниггер.

Майк замер, словно его ударили под дых мячом в кегельбане. Он пристально посмотрел Генри Бауэрсу прямо в глаза и понял, что Генри говорит чистую правду. Он убил Мистера Чипса.

Этот момент показался Майку бесконечно долгим; глядя в мутные сумасшедшие глаза Генри и в его почерневшее от бешенства лицо, он подумал, что за это время он понял многое, и главное, что Генри был гораздо более сумасшедшим, чем

Майк себе представлял. Кроме того, он понял, что мир жесток, и это открытие так потрясло его, что он крикнул ему:

— Ты, проклятый ублюдок!

Генри взревел от ярости, бросился на ограду и с бешеным упорством по-обезьяньи полез на решетку. Это было ужасающее зрелище. Майк молчал, он хотел проверить, прав ли тот взрослый голос, который заговорил внутри его или нет. Да, он был прав: после минутного колебания остальные тоже начали карабкаться наверх.

Майк перебежал через трехколейный путь, подняв теннисными туфлями облачко золы, лежащей между путей. Перебегая через вторую колею, он споткнулся и почувствовал, что лодыжку обожгла резкая боль. Он поднялся и снова побежал. Позади раздался глухой стук — это Генри спрыгнул с забора.

— Вот теперь я поймаю тебя за задницу, ниггер! — заорал Генри.

Разум подсказывал Майку, что Барренс — это единственный шанс. Если ему удастся добраться туда, он сможет спрятаться в зарослях кустарников, в бамбуке.., или если положение будет действительно безысходное, то заберется в одну из водосточных труб и переждет там.

Он мог это сделать, может быть.., но ярость кипела у него в груди, потому что он ничего не мог поделать с голосом разума. Он понимал, что Генри преследует его, что у него есть шанс, но Мистер Чипе?., убить Мистера Чипса? *Моя СОБАКА не была ниггером, ты, вонючий ублюдок,* -думал он на бегу, и в нем росла неукротимая ярость.

Теперь он услышал другой голос, голос своего отца.

Я не хочу, чтобы ты улепетывал от него со всех ног.., и из этого следует, что тебе надо ходить осторожнее. Спроси сам себя, волнуешься ли ты еще из-за Генри Бауэрса?..

Майк бежал через сортировочную станцию прямо к сборным домам складов. За складами виднелась другая решетчатая ограда, отделявшая станцию от Барренса. Сначала он собирался подняться по ней и спрыгнуть по другую сторону ограды, но вместо этого круто изменил направление и побежал направо, к песчаному карьеру.

Прибежав к карьеру, Майк стянул рубашку. У самого края он обернулся. Генри бежал через рельсы, его приятели неслись рядом с ним. Все нормально. Может быть.

Как можно быстрее Майк набрал шесть пригоршней крупных кусков угля и набил ими ру-

башку. Затем он снова побежал к ограде. Вместо того, чтобы перелезть через ограду, он развернулся к ней спиной. Он вывалил уголь из рубашки прямо на землю, нагнулся и поднял пару кусков.

Генри не видел их; он видел только затравленного ниггера, стоящего у забора. Улыбаясь, он бежал ему навстречу.

— Это тебе за мою собаку, ублюдок! — прокричал Майк бессознательно срываясь на крик. Замахнувшись, он швырнул в него один из комьев. Уголь полетел строго по прямой и попал Генри прямо в лоб — Бум! — и рикошетом отлетел в сторону. Генри споткнулся и упал на колени, схватившись руками за голову. Между пальцами, как по заклинанию, тут же потекла кровь.

Остальные замедлили бег и остановились, на их лицах появилось одинаковое недоумевающее выражение. Генри издал душераздирающий крик и снова поднялся на ноги, продолжая держаться за голову. Майк бросил следующий камень. Генри увернулся. Он направился прямо к Майку, и, когда Майк швырнул третий кусок угля, Генри убрал руку от разбитого лба и почти небрежно отбил летящий камень. Он улыбнулся.

— Тебя ждет большой сюрприз! — сказал он. — Такой... О, ГОСПОДИ! — Генри попытался сказать

еще что-то, но издал только невнятный булькающий звук.

Майк бросил еще один кусок угля, и именно этот кусок попал Генри прямо в рот. Генри снова свалился на колени. Питер Гордон стоял, широко разинув рот. Лось Садлер нахмурил лоб, словно пытался решить трудную математическую задачу.

— А вы чего ждете? — выдавил Генри. Между пальцами у него сочилась кровь. Голос звучал хрипло и казался чужим. — Хватайте его! Хватайте этого сосунка!

Майк не стал дожидаться, когда они бросятся выполнять приказ Генри. Он отбросил рубашку и полез через ограду. Он начал карабкаться наверх и тут почувствовал, как сильные руки схватили его за ногу. Он посмотрел вниз и увидел искаженное лицо Генри Бауэрса, перепачканное кровью и углем. Майк дернул ногой. Теннисная туфля осталась в руках у Генри. Он лягнул Генри голой пяткой прямо в лицо и услышал как что-то хрустнуло. Генри снова заорал и попятился, держась за расквашенный нос.

Другая рука — Белча Хаггинса — грубо вцепилась в отворот джинсов, но Майку удалось от него отделаться. Он перекинул одну ногу через

ограду, и в это время что-то с ослепительной силой ударило в лицо и обожгло щеку. Потом что-то ударило в бок, в предплечье и бедро. Они обстреливали Майка его же боеприпасами.

На некоторое время он повис на руках, потом упал на землю и дважды перевернулся через себя. Поросшая кустарником земля в этом месте шла под уклон, и, возможно, это спасло Майку Хэнлону зрение, а может быть, даже и жизнь: Генри снова подошел к ограде и на этот раз бросил через забор одну из четырех М-80. Она упала и с ужасным грохотом — БАХ! — взорвалась, образовав в траве широкую зияющую воронку.

В ушах у Майка зазвенело, и он, пошатываясь, поднялся на ноги. Теперь его скрывала высокая трава, росшая на окраине Барренса. Он провел рукой по правой щеке, и на руке осталась кровь. Это его не особенно беспокоило, он не ждал, что выйдет из этой переделки без единой царапины.

Генри бросил бомбу, но Майк увидел, как она перелетела через забор, и легко увернулся.

— Давайте, ловите его! — прорычал Генри и полез через ограду.

Остальные начали взбираться на забор; Питер и Виктор — с некоторой неохотой, а Белч и Лось — с прежним нетерпением.

Майк не стал ждать. Он повернулся и побежал в заросли. Генри ревел ему вслед:

— Я найду тебя, ниггер! Я найду тебя!

8

Неудачники добрались до дальнего конца песчаного карьера, который напоминал огромную, поросшую сорняком выбоину в земле. Последний раз отсюда добывали песок три года назад. Когда раздался первый взрыв, они все стояли вокруг Стэна и оценивающе разглядывали упаковку «Блэк Кэтс». Эдди подпрыгнул. Он все еще был напуган тем видением с пираньями, которых, как ему показалось, он на самом деле видел (он точно не знал, как выглядят настоящие пираньи, но у него не возникало никаких сомнений, что они напоминают огромных золотых рыбок с зубами).

— Спокойна, Эдди-сан, — сказал Ричи, подражая голосу китайца. — Эта проста другие мальтиски стрелять из петарда.

— Ппопробуй их пппередразнить, Ррричи, — заметил Билл. Все рассмеялись.

— Я попытаюсь, Большой Билл, — сказал Ричи. — Я чувствую, что, если у меня хорошо получится, я заслужу твою любовь. — Он послал Биллу воздушный поцелуй. Билл выстрелил в него из

пальца. Бен и Эдди стояли рядом и улыбались.

— О, я такая молодая, а ты такой старый, — неожиданно запел Стэн Урис, удачно подражая Полу Анке, — сказала мне любимая...

— Он умеет петь! — взвизгнул Ричи детским голоском. — Какой холосый мальцик, какой музыкальный, умеет петь песенки! — и потом голосом диктора за кадром. — Распишитесь здесь, мальчик, на этой пунктирной линии.

Ричи обнял Стэна за плечи и одарил его широкой очаровательной улыбкой.

— Мы отрастим тебе волосы, мальчик. Дадим в руки гитару. Дадим...

Билл быстро и легко дважды хлопнул Ричи по руке. Из-за предстоящей стрельбы все были немного взволнованы.

— Открывай, Стэн, — сказала Беверли. — У меня есть спички. Они опять собрались вокруг Стэна, который осторожно открыл коробочку с петардами. Медленно, с благоговением он снял красную целлофановую обертку и выложил блок картонных трубочек, голубых, красных и зеленых, на ладонь. Шнуры петард были сплетены вместе в китайскую косичку.

— Я размотаю... — начал Стэн, и тут раздался более громкий взрыв. Эхо медленно прокатилось по

Барренсу. С восточной части свалки, пронзительно крича, поднялась стая чаек. Все одновременно вздрогнули. Стэн выронил петарды и наклонился, чтобы их собрать.

— Динамит? — взволнованно спросила Беверли. Она посмотрела на Билла, стоящего с поднятой головой и широко раскрытыми глазами, и подумала, что никогда он не был так красив, как сейчас, но в гордой посадке его головы было что-то слишком тревожное, слишком напряженное. Он был похож на оленя, принюхивающегося к запаху пороха.

— По-моему, это М-80, — спокойно произнес Бен. — В прошлом году на Четвертое Июля я был в парке, и там были эти ребята из университета, и у них была парочка этих бомб. Они положили одну в железную урну. Грохот был такой же, как сейчас.

— А в урне пробило дыру, Соломенная Голова? — спросил Ричи.

— Нет, но ее раздуло по бокам, как будто туда кто-то забрался и грохнул. Они убежали.

— Последний взрыв был ближе, — сказал Эдди. Он тоже посмотрел на Билла.

— Ну что, ребята, будем стрелять или нет? — спросил Стэн. Он развязал около дюжины петард,

а остальные до поры до времени завернул обратно в вощеную бумагу.

— Конечно, — сказал Ричи.

— Уубери.

Все вопросительно и немного испуганно посмотрели на Билла. Его резкий тон подействовал на них больше, чем слова.

— Уубери, — повторил Билл, лицо его исказилось от усилия, когда он пытался произнести слова. С губ потекла струйка слюны. — Чччто-то ссслучилось.

Эдди облизнул губы, Ричи поправил большим пальцем сползшие на нос очки, а Бен лишь машинально подвинулся ближе к Беверли.

Стэн открыл рот и хотел что-то сказать, но раздался еще один взрыв, потише.

— Ккамни, — сказал Билл.

— Что, Билл? — спросил Стэн.

— Ккамни. Снаряды, — Билл начал подбирать камни и класть их в карманы, пока те не раздулись. Остальные уставились на него, словно он сошел с ума.., а Эдди почувствовал, что его прошиб пот. Неожиданно он подумал, что так начинается приступ малярии. Однажды с ним случилось нечто подобное, когда они с Биллом встретили Бена, и в тот день Генри Бауэре нечаян-

но расквасил ему нос. Но сейчас ощущение было еще хуже. Было такое чувство, что в Барренсе вот-вот разразится Хиросима.

Бен принялся собирать камни, к нему присоединился Ричи. Они подбирали быстро и молча. Очки Ричи все время сваливались и с легким звоном падали на усыпанную песком землю. Он рассеянно сложил их и засунул в карман.

— Зачем ты это делаешь, Ричи? — спросила Беверли. Ее голос прозвучал тонко и слишком натянуто.

— Не знаю, детка, — сказал Ричи, продолжая собирать камни.

— Беверли, может быть, тебе лучше, э-э, на некоторое время вернуться на свалку? — сказал Бен. В руках у него были камни.

— К чертям собачьим, — сказала она. — К чертям собачьим, Бен Хэнском, — Она наклонилась и начала тоже собирать камни.

Стэн задумчиво посмотрел на них. Они собирали камни как фермеры-лунатики. Губы их были сжаты в тонкую упрямую линию.

Эдди почувствовал знакомое напряжение, его горло начинало сжиматься.

Не сейчас, черт бы тебя побрал, -неожиданно подумал он. — *Не сейчас, когда я нужен своим*

друзьям. Как сказал Бен, к чертям собачьим.

И тоже начал собирать камни.

9

Генри Бауэре чересчур быстро стал слишком большим, чтобы при обычных обстоятельствах быть быстрым и проворным, но сейчас обстоятельства не были обычными. Он обезумел от боли и ярости, и они придавали ему невероятную физическую силу. Сознательное мышление исчезло; в его мозгу творилось нечто напоминающее пожар поздним летом, когда наступают сумерки и все вокруг становится розово-красным и дымчато-серым. Майк Хэнлон действовал на него как красная тряпка на быка. Майк бежал по примитивному маршруту вдоль края карьера, так он непременно прибежит на свалку. Но мысли Генри были слишком далеко от траектории движения Майка; он продирался сквозь кустарник и заросли ежевики по прямой, не чувствуя ни уколов шипов, ни ударов гибких веток, которые хлестали его по лицу, по шее, по рукам. Единственное, что сейчас имело для него значение, — это курчавая голова ниггера, маячащая впереди. Одна из М-80 лежала у него в правой руке, в левой он сжимал деревянную спичку. Ко-

гда он поймает этого ниггера, он зажжет спичку, поднесет ее к шнуру и затолкает эту пепельницу прямо ему в штаны.

Майку был открыт только один путь — вперед, и он скорее дополз, чем добежал до края карьера. Майк скатился на дно, встал на ноги и вдруг на полпути понял, что здесь есть еще кто-то. Шестеро ребят стояли в один ряд и со странным выражением следили за происходящим. Только потом, когда у него была возможность разобраться со своими мыслями, он понял, что ему показалось странным в их взгляде: казалось, они ждали его.

— Помоги, — с трудом произнес Майк, хромая им навстречу. Интуитивно он обратился к высокому мальчику с рыжими волосами. — Ребята... Большие ребята...

В это время в карьер влетел Генри. Он увидел еще шестерых ребят, забуксовал и остановился. На какое-то мгновение на его лице промелькнула неуверенность, и он через плечо обернулся назад. Увидев своих воинов, он, уже улыбаясь, снова посмотрел на Неудачников. Майк стоял позади Билла, тяжело дыша.

— Я знаю тебя, парень, — сказал Генри, обращаясь к Биллу. Он посмотрел на Ричи. — И тебя тоже знаю. Где твои очки, четырехглазый?

Не успел Ричи ответить, как Генри заметил Бена.

— И вы здесь, сукины дети! Еврей и толстяк! Это твоя подружка, толстяк?

Бен слегка вздрогнул.

Как раз в это время рядом с Генри остановился Питер Гордон. Подбежавший Виктор встал от Генри по другую сторону, Белч и Лось появились последними. Они встали рядом с Виктором и Питером, и теперь двумя аккуратными, почти симметричными рядами друг против друга стояли два враждебных лагеря.

Когда Генри заговорил, он дышал часто и тяжело, и это придавало ему еще большее сходство с быком:

— Я могу вас так отделать, что и костей не соберете, но сегодня я вас отпускаю. Мне нужен только этот ниггер. А вы, мелкое дерьмо, брысь отсюда!

— Во-во! — поддакнул Белч.

— Он убил мою собаку! — крикнул Майк пронзительным срывающимся голосом. — Он сам сказал!

— Иди сюда, — сказал Генри, — и может быть, я не стану убивать и тебя.

Майк задрожал, но не сдвинулся с места. Мягко

и отчетливо Билл произнес:

— Барренс наш. А вы, ррребята, убирайтесь оттсюда. У Генри расширились глаза, как будто ему неожиданно дали пощечину.

— Ты что меня гонишь? — спросил он. — Ты, козел?

— Вввас, — сказал Билл. — Ммы ввытряхнем из вввас дддерьмо, Ббауэрс. Убирайтесь оотсюда.

— Ты, заикающийся урод, — сказал Генри. Он нагнул голову и бросился на Билла.

Билл набрал целую пригоршню камней. У всех, за исключением Майка и Беверли, которая держала в руке только один камень, тоже были полные руки. Билл, не спеша, стал бросать камни в Генри. Его броски были сильными и достаточно точными. Первый камень пролетел мимо; второй попал Генри в плечо. Если бы Билл промахнулся в третий раз, то Генри был бы совсем рядом и свалил бы его на землю. Но Билл не промахнулся. Он попал прямо в бычью голову Генри.

От неожиданной боли Генри закричал, поднял глаза.., и получил еще четыре удара: любовное послание от Ричи Тозиера попало ему в фудь; камень, брошенный Эдди, срикошетил от плеча; Стэн Урис попал ему в подбородок; и единственный камень Беверли угодил ему в живот.

Он бросил на них ошарашенный взгляд, и тут воздух наполнился свистом снарядов. Генри упал на спину, на его лице застыло то же самое недоумевающие выражение.

— Ну же, ребята, — закричал он. — Помогите мне!

— За ними, — сказал Билл низким голосом и, не дожидаясь остальных, побежал вперед.

Они бросились за ним, швыряя камнями теперь не только в Генри, но и в остальных. Приятели Генри пытались подобрать снаряды с земли, но, пока они успевали набрать достаточное количество, их засыпали градом камней. Камень, брошенный Биллом, до крови рассек скулу Питеру Гордону. Он закричал и отступил на несколько шагов, замолчал, нерешительно бросил пару камней.., и побежал. С него достаточно; такая переделка не для мальчика с Западного Бродвея.

Генри свирепо схватил пригоршню камней, но, к счастью для Неудачников, большинство из них оказалось галькой. Самый большой камень он бросил в Беверли и ранил ее в руку. Она закричала.

Бен с рычанием бросился к Генри Бауэрсу, который вовремя обернулся и заметил приближающегося Бена, но для отступления уже не

осталось времени. Генри потерял равновесие — Бен весил футов сто пятьдесят или сто шестьдесят; результат не оставлял сомнений.

Нельзя сказать, что Генри просто неуклюже растянулся. Он полетел. Он приземлился на спину и забуксовал. Бен снова подбежал к нему, лишь смутно ощутив отдающую теплом боль в ухе, потому что Белч Хаггинс оцарапал ему ухо камнем размером с шарик для гольфа.

Генри, шатаясь, встал на колени. Бен подбежал к нему и сильно ударил ногой в левый бок. Генри грузно скатился на спину, полоснув взглядом по Бену.

— Будешь знать, как бросать камни в девчонок! — закричал Бен. Он не мог припомнить, чтобы когда-нибудь в жизни был в таком бешенстве. — Будешь знать...

И тут он увидел в руке Генри пламя. Генри зажег спичку. Он поднес ее к толстому шнуру М-80 и швырнул Бену в лицо. Совершенно бессознательно Бен отбил бомбу ладонью, словно воланчик бадминтонной ракеткой. М-80 полетела обратно. Генри увидел, как она приближается к нему. С расширенными от ужаса глазами он откатился в сторону. Через какую-то долю секунды бомба взорвалась, опалив ему рубашку на спине.

В следующее мгновение Лось Садлер ударил Бена, и тот упал на колени. Клацнув зубами, он прикусил язык; изо рта потекла кровь. Он изумленно сощурился. Лось приближался к нему, но не успел он дойти до стоящего на коленях Бена, как позади него оказался Билл и запустил в него камнем. Лось упал и взвыл.

— Ты меня ударил сзади, желтопузый, — заорал Лось. — Ты, грязный вонючий драчун!

Он собрался броситься на него, но Ричи присоединился к Биллу, и они вместе начали обстреливать Лося камнями. На Ричи красноречие Лося о том, как должны и как не должны вести себя желтопузые, не произвело никакого впечатления; он видел, как они впятером преследовали одного испуганного мальчишку, и не собирался строить из себя короля Артура и рыцарей Круглого стола. Один из посланных Ричи камней оцарапал Лосю кожу над левой бровью. Лось снова взвыл.

К ним присоединились подошедшие Эдди и Стэн. Вслед за ними подошла Беверли; ее рука кровоточила, но глаза горели решимостью. Кругом летели камни. Один из них попал Белчу Хаггинсу в «электрическую» косточку, и он закричал. Неуклюже приплясывая, он стал тереть локоть. Генри поднялся на ноги, его рубашка

свисала на спине лохмотьями, но кожа под ней каким-то чудом оказалась нетронутой. Не успел он повернуться, как Бен Хэнском запустил ему камнем в затылок, и он снова упал на колени.

Самый большой ущерб в тот день нанес Неудачникам Виктор Крисе, отчасти оттого, что был неплохим бейсбольным питчером, но в основном, как ни парадоксально звучит, оттого, что он единственный был взволнован происходящим. С каждой минутой ему все больше хотелось поскорее убраться отсюда. В драке с камнями можно серьезно пострадать: можно размозжить кому-нибудь череп или выбить зубы или даже глаз. Но, несмотря на это, он участвовал в этой драке с самого начала, он действительно в ней участвовал. И пытался заглушить беспокойное чувство.

Благодаря своему хладнокровию он выиграл полминуты и набрал пригоршню крупных камней. Один из них он послал в Эдди, так как Неудачники перестроили свою стрелковую цепь, и попал ему в подбородок. Он с криком упал, и из раны сразу же потекла кровь. Бен обернулся к нему, но Эдди уже вставал на ноги; кровь на его мертвенно-бледной коже казалась ужасающе красной.

Виктор бросил камень в Ричи, и камень отско-

чил от его груди. Ричи бросил камень в Виктора. Вик легко увернулся и запустил одним из снарядов в Билла Денбро. Билл убрал голову, но недостаточно быстро — камень сильно рассек ему щеку.

Билл повернулся к Виктору. Их глаза встретились, и Виктор увидел во взгляде этого заикающегося мальчика нечто такое, что в два счета отрезвило его. Невероятно, но с его губ уже были готовы сорваться слова: «Я больше не буду».., но он ничего не сказал этому маленькому парню, не то его дружки спустили бы на него всех собак.

Билл пошел на Виктора, Виктор пошел на Билла. В этот момент, словно по какому-то телепатическому сигналу, они начали бросать друг в друга камни, продолжая при этом сближаться. Основная борьба разворачивалась вокруг этих двух ребят, поэтому остальные остановились и стали наблюдать за ними, даже Генри повернул голову.

Виктор уворачивался и наклонялся, а Билл даже не пытался избежать ударов. Камни, посланные Виктором, били его в грудь, плечи, живот. Один из них поранил ухо. Билл невозмутимо бросал один камень за другим с убийственной силой. Третий камень, пущенный Биллом, с су-

хим ломким хрустом попал Виктору в колено. Его боеприпасы подошли к концу. У Билла оставался последний камень, гладкий и белый, с кварцевым отливом, несколько напоминающий по размеру и по форме утиное яйцо. Виктор Крисе подумал, что он должен быть очень твердым.

Билла отделяло от него менее пяти футов.

— Тты, уубирайся отсюда, сссейчас же, — сказал он, — или я пппроломлю тттебе ббашку. Я нне шучу.

Взглянув в глаза Билла, Виктор понял, что он действительно сделает это. Не сказав ни слова, он повернулся и направился туда, куда ушел Питер Гордон.

Белч и Лось Садлер неуверенно озирались. Из уголка рта Садлера стекала кровь. По лицу Белча из раненой головы тоже текла кровь.

Генри шевельнул губами, но не произнес ни слова.

Билл повернулся к Генри.

— Уубирайтесь, — сказал он.

— А если я не уберусь? — Генри пытался говорить грубо, но Билл видел, какие у него были глаза. Он напуган, и он уйдет. Казалось, Билл должен был почувствовать радость, даже триумф, но он не чувствовал ничего, кроме усталости.

— Если тты нне уберешься, — сказал Билл, — мммы ттебя вввынссем. Я додумаю, что шесть ччеловек сссмогут уложить ттебя в бббольницу, — Семь, — сказал Майк Хэнлон и присоединился к ним. В каждой руке он держал по камню размером с теннисный мяч. — Только попробуй тронуть меня, Бауэре. Я с удовольствием отправлю тебя в больницу.

— Ты, вонючий НИГГЕР! — срывающимся голосом, в котором уже слышались слезы, завопил Генри. Услышав этот крик, Белч и Лось решили для себя исход сражения: они отступили, и последние камни выпали у них из рук. Белч оглянулся вокруг, как бы не понимая, где он находится.

— Убирайтесь с нашего места, — сказала Беверли.

— Заткнись ты, сиповка, — сказал Генри. — Ты... Четыре камня полетели в него одновременно. Он закричал и пополз назад по заросшей полынью земле, лохмотья рубашки волочились вслед за ним. Он перевел взгляд с суровых лиц мальчишек на обезумевшие лица Белча и Лося. От них нечего ждать помощи. Лось сконфуженно отвернулся.

Генри встал, всхлипывая и шмыгая разбитым носом.

— Я всех вас убью, — сказал он и неожиданно побежал. Через минуту он скрылся из виду.

— Дддавг я, — сказал Билл, обращаясь к Белчу. — Убирайся оттсюда. И обболыпе чтобы я тттебя здесь нне видел. Барренс наш.

— Размечтался. Лучше не стой Генри поперек дороги, малыш, — сказал Белч. — Пошли, Лось.

Они ушли, низко опустив головы, и ни разу не оглянулись.

Наступившую тишину нарушил сдавленный кашель Эдди Каспбрака. Бен направился к нему, но тут почувствовал, что три конфеты «Твинки» и четыре «Дин-Дон», которые он проглотил по дороге к Барренсу, начали у него в желудке забастовку, и он, забыв про Эдди, побежал в кусты, где его тихо стошнило в полном одиночестве.

К Эдди подошли Ричи и Беверли. Беверли обняла мальчика за тонкую талию, а Ричи тем временем пытался достать из его кармана аспиратор.

— Глотай, Эдди, — сказал он и нажал на кнопку. Эдди сделал резкий вдох.

— Спасибо, — наконец произнес Эдди. Бен вернулся из-за кустов, красный от смущения, вытирая рот рукой. Беверли подошла к нему и взяла за руки.

— Спасибо, что вступился за меня, — сказала она. Бен кивнул, глядя на свои грязные кроссовки.

— В любое время, детка, — сказал он.

Все по очереди обернулись и посмотрели на Майка, чернокожего Майка. Они смотрели внимательно, настороженно, задумчиво. Майк и раньше чувствовал, что люди его разглядывают с любопытством. Не было в его жизни минуты, чтобы он не чувствовал этого, и он тоже посмотрел на них честными глазами.

Билл перевел взгляд с Майка на Ричи. Их глаза встретились. Биллу показалось, что в его голове словно раздался щелчок, как будто недостающая деталь машины встала на свое место, и почувствовал, как ледяные капли пота заструились по спине. *Теперь мы все в сборе,* -подумал он, и мысль эта была настолько сильной, настолько правильной, что на секунду он подумал, не произнести ли ее вслух. Но, конечно, говорить об этом во всеуслышание не было необходимости; он увидел это по глазам Ричи, Бена, Эдди, Беверли, Стэна.

Теперь мы все в сборе, -подумал он снова. — О, *Боже, помоги нам. Теперь это начнется по-настоящему. Прошу Тебя, Господи, помоги нам.*

— Как тебя зовут, мальчик? — спросила Бе-

верли.

— Майк Хэнлон.

Глава 14. АЛЬБОМ

1

Вышло, что Билл был не одинок, — все принесли выпивку. Билл принес бурбон, Беверли — водку и пакет апельсинового сока, Ричи — пиво, Бен Хэнском — бутылку «Уайлд Терки». У Майка в небольшом холодильнике в кладовке тоже оказалось пиво.

Эдди Каспбрак с маленькой коричневой сумкой в руках пришел последним.

— Что у тебя там, Эдди? — спросил Ричи. — «За-Рекс» или «Кул-Эйд»?

Многозначительно улыбаясь, Эдди сначала вытащил бутылку джина, а за ней — бутылку сливового сока.

Наступила гробовая тишина, и Ричи патетически произнес:

— Кто-нибудь, позовите людей в белых халатах. У Эдди Касп-брака окончательно поехала крыша.

— -Джин со сливовым соком очень полезен для здоровья, — наставительно произнес Эдди.., и все дико засмеялись. В тишине библиотеки раскаты смеха докатились до застекленного вестибюля, разделявшего взрослую и детскую библиотеки.

— Ты пришел во всеоружии, — сказал Бен, утирая глаза. — Ты пришел во всеоружии, Эдди. Держу пари, ты точно тронулся.

Улыбаясь, Эдди наполнил бумажный стаканчик на три четверти соком и торжественно влил в него две крышечки джина.

— О, Эдди, как я люблю тебя, — сказала Беверли, и Эдди, вздрогнув, посмотрел на нее, не переставая улыбаться. Она опустила глаза. — Я всех вас люблю.

— Ммы ттоже любим ттебя, Ббев, — сказал Билл.

— Да, — подтвердил Бен. — Мы любим тебя. Его зрачки расширились, и он засмеялся. — Я думаю, мы по-прежнему любим друг друга... Знаете, насколько редко такое бывает.

Некоторое время все сидели молча, потом Майк поинтересовался у Ричи, почему он снова в очках.

— Я чуть не разорился на контактных линзах, — кратко объяснил Ричи. — Может, займемся делом?

Все посмотрели на Билла, так же как тогда в карьере, и Майк подумал: Они смотрят на Билла, когда им нужен лидер, и на Эдди, когда им нужен штурман. «Займемся делом» — что за дурацкая

фраза. Что я им скажу? Что дети, тела которых нашли тогда и походят сейчас, не подверглись сексуальному насилию и даже не были изувечены, а только частично съедены? Что я достал семь шахтерских касок с мощными электрическими фонарями и они лежат у меня дома, и одна из них — для парня по имени Стэн Урис, который больше не может «устроить сцену», как мы раньше говорили? Или достаточно сказать, чтобы они отправлялись домой и хорошенько выспались, потому что завтра или послезавтра ночью этому навсегда придет конец — либо для Оно, либо для нас?

Нет, про это не следует говорить ни слова, и вот почему, вот она, причина: мы по-прежнему любим друг друга. Многое изменилось за последние двадцать семь лет, но, как ни удивительно, это чувство осталось таким же, как и раньше. В этой любви, подумал Майк, заключается наша единственная настоящая надежда.

Единственное, что им осталось сделать, чтобы положить этому конец — отловить Оно, собрав в некое колесо опыт прошлого и настоящего. Да, — подумал Майк, — именно так. Сегодня вечером начнем собирать колесо; завтра посмотрим, вертится ли оно по-прежнему.., как

раньше, когда мы прогнали тех больших парней из песчаного карьера и из Барренса.

— Ты вспомнил остальное? — спросил Майк у Ричи. Ричи глотнул еще пива и покачал головой.

— Я помню, ты рассказывал нам о птице.., и о дымоходе. Улыбка исчезла с лица Ричи.

— Я вспомнил об этом, когда гулял здесь вечером с Бевви и Беном. Что за отвратительное представление там устроили...

— Би-би, Ричи, — улыбнулась Беверли.

— Ладно, как знаешь, — сказал он, снова улыбаясь и поправляя на носу очки. Он стал ужасно похож на прежнего Ричи. Он подмигнул Майку. — Ты да я, да мы с тобой. Майки?

Майк фыркнул и кивнул.

— Мись Сколет! Мись Сколет! — прохныкал Ричи детским голоском. — В коптильне стало оцень залко, мись Сколет! Смеясь, Билл сказал:

— Еще одна блестящая техническая и архитектурная победа Бена Хэнскома. Беверли кивнула.

— Когда мы копали штаб, ты приносил в Барренс альбом твоего отца с фотографиями, Майк.

— О, Господи! — резко выпрямившись, сказал Билл. — И фотографии...

Ричи мрачно кивнул.

— Тот же фокус, что и в комнате Джорджи. Только в этот раз мы все видели это. Бен сказал:

— Я вспомнил, куда делся еще один серебряный доллар. Все повернулись и посмотрели на него.

— Перед тем как приехать сюда, я дал три доллара своему другу, — спокойно произнес Бен. — Для его ребятишек. Я точно помнил, что где-то был четвертый, но не мог вспомнить, куда он подевался. Теперь я вспомнил, — он посмотрел на Билла. — Мы делали серебряную пулю, помните? Ты, я и Ричи. Сначала мы делали серебряную пулю...

— Ты был уверен, что сможешь сделать ее, — согласился Ричи, — но в конце...

— Мы сструсили, — медленно произнес Билл. Память снова вернула его туда и он снова услышал тот же самый тихий, но отчетливый звук — ЩЕЛК! — когда это произошло. Мы уже близко, — подумал он.

— Мы вернулись на Нейболт-стрит, — сказал Ричи, — Все.

— Ты спас мне жизнь, Большой Билл, — неожиданно сказал Бен, и Билл покачал головой. — Да, да, не спорь, — настаивал Бен, и на этот раз Билл не стал возражать. Он подумал, что, может быть, именно так и было, но он не помнит.., и

действительно ли это был он? Он подумал: может быть, Беверли...

— Извините, я на минутку, — сказал Майк. — Пойду возьму пиво из холодильника.

— Возьми и на меня, — сказал Ричи.

— Хэнлон не пьет пиво с белыми мужчинами, — ответил Майк, — но ты — исключение. Дразнила.

— Би-би, Майки, — с серьезным видом произнес Ричи, и Майк пошел за пивом; за его спиной звучал их веселый смех.

Он щелкнул выключателем. Кладовка находилась в маленькой комнатке, нуждавшейся в хорошей уборке. Он открыл небольшой холодильник, и его до самых костей пронзил ледяной холод, словно наступил февраль, а апрель больше не наступит никогда.

Праздничная гирлянда из синих и оранжевых воздушных шариков весело вырвалась из холодильника, и он вдруг, несмотря на страх, непроизвольно подумал: Теперь нам не хватает только Гая Ломбарда, играющего на трубе «Старую долгую песню». Слегка коснувшись лица Майка, они взмыли под потолок кладовки. Он хотел закричать, но крик застрял у него в горле, когда он увидел то, что находилось за воздушными шариками,

что Оно подбросило ему в холодильник рядом с упаковкой пива, как будто для того, чтобы было, чем пообедать поздно вечером, когда его ни на что не годные друзья расскажут свои никудышные истории и отправятся по казенным кроватям в их родном городе, который больше не был для них родным.

Майк попятился, закрыв лицо руками, чтобы не видеть страшной картины. Он споткнулся об один из стульев, чуть не упал и отвел руки от глаз. Оно было по-прежнему там: отчлененная голова Стэна Уриса лежала рядом с упаковкой пива «Буд Лайт», но эта голова не принадлежала мужчине, это была голова одиннадцатилетнего мальчика. Рот Стэна был открыт в беззвучном крике, но Майк не увидел ни зубов, ни языка, потому что он был полностью забит перьями. Перья были светло-коричневого цвета и невообразимо огромные. Он знал, какой птице принадлежат эти перья. О, да. Точно. Он видел эту птицу в мае 1958 года, и они все видели ее в начале августа 1958 года и потом, год спустя, когда он приехал к умирающему отцу, он узнал, что Вилл Хэнлон тоже видел ее однажды после того, как спасся при пожаре в «Блэк-Спот».

Из шеи Стэна по лоскуткам кожи стекала

кровь и сворачивалась в луже на нижней полке холодильника. При ярком свете лампочки она казалась темно-рубинового цвета.

— У.., у.., у... — попытался что-то сказать Майк, но кроме этих нечленораздельных звуков не смог ничего произнести. Голова открыла глаза. Это были серебристые глаза клоуна. Глаза повернулись и посмотрели на него. Вокруг забитого перьями рта начали извиваться губы. Голова пыталась что-то сказать, вероятно, что-то пророческое, как оракул в Древней Греции, — Я просто решил, что должен быть с тобой, Майк, потому что без меня ты проиграешь. Ты проиграешь без меня, и ты знаешь об этом, ведь знаешь? У тебя был бы шанс, если бы ты увидел мое остальное тело, но твой истинно американский рассудок этого бы не вынес. Надеюсь, ты понимаешь, что я имею в виду, дружище? Все, что вы шестеро можете сделать — это попрощаться со своим прошлым и покончить жизнь самоубийством. И я подумал, что могу тебе в этом помочь. Помочь, усек. Майки? Усек, старина? Усек, ты, вонючий ниггер?

Ты не существуешь! — закричал он, но на самом деле не издал ни единого звука, как телевизор, у которого выключили громкость.

Невероятно нелепо, но голова подмигнула ему.

— Я существую. Существую. Как капли дождя. И ты знаешь, что я хочу сказать. Майки. То, что вы шестеро хотите попытаться сделать, — это все равно, что взлететь в реактивном самолете без шасси. Нет смысла взлетать, если не можешь приземлиться, не так ли? И нет смысла садиться, если не можешь снова взлететь. Ты никогда не знал настоящих загадок и шуток. Тебе никогда не заставить меня смеяться. Майки. Би-би, Майки, что скажешь? Помнишь птичку? Обычный воробышек. Но скажи: хей! Это было великолепно, правда? Большой, как сарай, как одно из чудовищ в глупых японских фильмах, которых ты так боялся в детстве. Времена, когда ты знал, как прогнать эту птичку от своего дома, прошли безвозвратно. Поверь мне. Майки. Если ты знаешь, как работать головой, то убирайся отсюда, убирайся из Дерри прямо сейчас. Если тыне знаешь, с твоей головой произойдет то же самое. Воспользуйся этим указателем на большой дороге жизни, прежде чем потеряешь ее, мой добрый друг.

Перекатившись через лицо, голова, издавая жуткий скрежет из набитого перьями рта, выпала из холодильника. Она покатилась по полу

прямо к нему, как чудовищный шар, у которого попеременно показывались то спекшиеся от крови волосы, то сморщенное лицо; она катилась к нему, и за ней тянулась дорожка тягучей крови с оторвавшимися кусочками перьев. Губы ее шевелились, обнажая комок птичьего оперения.

— Би-би, Майки! — закричала она, и Майк как сумасшедший побежал от нее с вытянутыми руками, словно отгораживаясь ими от кошмарного видения. — Би-би, би-би, би-би, мать твою-би-и...

Неожиданно раздался громкий хлопок, напоминающий звук пробки, вылетевшей из бутылки дешевого шампанского. Голова исчезла. Тонкие фонтанчики кровавых струек взмыли вверх и снова упали на пол. Не имеет смысла мыть кладовку, Кэрол все равно ничего не увидит, когда придет завтра, даже если ей придется проходить сквозь эти шарики, чтобы подойти к плитке и сварить кофе. Как удобно, — он нервно хихикнул.

Он посмотрел наверх. Да, шарики по-прежнему были здесь. На голубых было написано:

В ДЕРРИ НИГГЕРЫ ЛОВЯТ ПТИЧЕК

На оранжевых было написано:

НЕУДАЧНИКИ ПРОДОЛЖАЮТ ПРОИГРЫВАТЬ.
СТЭНЛИ УРИС НАКОНЕЦ ВПЕРЕДИ

— Майк? — позвал его Ричи из справочного, где собрались все остальные. — Ты что там, умер?

Почти, — подумал Майк, глядя на воздушные шарики, кровь и перья в холодильнике.

В ответ он крикнул:

— Я думаю, что вам, ребята, лучше подойти сюда. Он услышал, как скрипнули стулья, и среди невнятных голосов Ричи сказал: «О, Господи, что опять?», а другим слухом, слухом своей памяти услышал, как Ричи сказал что-то еще, и неожиданно вспомнил, что давно искал; более того, он понял, почему это оказалось таким неуловимым. Он вспомнил реакцию остальных, когда он пришел в самую темную, самую заросшую часть Барренса и в тот день.., ничего не случилось. Никто не удивился, никто не спросил, как он нашел их, никто ничего не расспрашивал. Бен жевал «Твинки», он точно помнил, Беверли и Ричи курили сигареты, Билл лежал на спине, закинув руки за голову и смотрел в небо, Эдди со Стэном внимательно разглядывали веточки, разложенные поверх квадратной ямы со стороной около пяти футов.

Никто не удивился, никто не спросил, никто не расспрашивал. Он просто появился, и его приняли. Они как будто, сами того не ведая, ждали его. И

этим третьим ухом, принадлежавшим его памяти, он услышал детский голосок Ричи, такой же писклявый, как недавно в библиотеке:

— Лоди, мись Клоди, сюда опять идет

2

челный мальчик! Запилайтесь, я не знаю, зацем он плисел в Балленс. Посмотли на его кульцавую голову, Больсой Билл!

Билл даже не повернул головы, он продолжал задумчиво разглядывать кучевые облака, плывшие по небу. Он был полностью погружен в свои размышления. Однако Ричи не обиделся, что его обделили вниманием, и продолжал лепетать:

— Вы только посмотлите, кульцавая голова плинес мне есе один тюлъпанцик. У меня узе есть один на веланде...

— Би-би, Ричи, — сказал Бен с полным ртом, и Беверли рассмеялась.

— Привет, — неуверенно произнес Майк. Сердце его билось немного сильнее обычного, но он сам решил для себя, что должен сюда прийти. Он был обязан поблагодарить их, а отец его учил, что долги надо отдавать, и чем быстрее, тем лучше, пока их не накопилось слишком много.

Стэн оглянулся.

— Привет, — сказал он и снова посмотрел на квадрат с веточками. — Бен, ты уверен, что это то, что нужно?

— Абсолютно, — сказал Бен. — Привет, Майк.

— Хочешь сигаретку, — предложила Беверли. — У меня еще две остались.

— Нет, спасибо.

Майк глубоко вздохнул и сказал:

— Я хочу вас еще раз поблагодарить, что вы спасли меня тогда. Те парни меня не пощадили бы. Мне жаль, что некоторые из вас пострадали из-за меня.

Билл махнул рукой:

— Не ббеспокойся об этом. Они и нннас ддоставали целый ггод, — он сел и посмотрел на Майка с неожиданным интересом. — Могу я тебя кккое о чем ссспросить?

— Спрашивай, — он робко присел. Майк уже слышал такое начало. Этот парень Денбро собирается спросить его, что значит быть негром.

Но вместо этого Билл сказал:

— Когда два года нненазад Лларсен пподал ннеберущийся нна чччемпионате, ккак ддумаешь, ему ппросто пповезло?

Ричи слишком сильно затянулся сигаретой и закашлялся. Беверли добродушно похлопала его

по спине:

— Ты еще новичок, Ричи, тебе надо учиться.

— Мне кажется, она обрушится, Бен, — с беспокойством сказал Эдди, глядя на яму, — а я не уверен, что мне хочется быть похороненным заживо.

— Если не хочешь, чтобы тебя похоронили заживо, — сказал Бен, — то просто возьми и соси свой проклятый аспиратор, пока тебя от него кто-нибудь не оттащит.

Стэну Урису шутка показалась прелестной. Он запрокинул голову и смеялся до тех пор, пока Эдди не пнул его по ноге и не сказал, чтобы он заткнулся.

— Повезло, — наконец произнес Майк. — Мне кажется, в любом неберущемся мяче больше везения, чем умения.

— И я тттак сосчитаю, — сказал Билл. Майк хотел развить эту тему, но Билл, казалось, был удовлетворен его ответом. Он опять лег, сцепил руки над головой и принялся дальше изучать облака.

— Ребята, что это вы сооружаете? — спросил Майк, указывая на квадрат.

— О, это идея недели Соломенной Головы, — сказал Ричи. — В прошлый раз он затопил Барренс,

но это был так, пустяк, вот сейчас — настоящий класс. Называется: вырой штаб. В следующем месяце...

— Нне ннадо обижать Ббена, — сказал Билл, глядя в небо, — это ннехорошо.

— Ради бога, Билл, я просто шучу.

— Иногда ттты сслишком ммного шутишь, Ррричи. Ричи выслушал упрек молча.

— Я так и не понял, — сказал Майк.

— Ну, это очень просто, — сказал Бен. — Они хотели построить штаб на дереве, и это легко сделать. Но у людей дурацкая привычка ломать себе кости, когда падают с деревьев...

— Петушок-петушок, одолжи косточку... — сказал Стэн и снова засмеялся, а остальные озадаченно уставились на него. Чувство юмора Стэна оставляло желать лучшего, и те немногие шутки, которые он отпускал, были в основном такого характера.

— Вы есть сходить с ума, сеньоро, — сказал Ричи. — В вашей голова завелась таракан, я думать.

— В общем, так, — сказал Бен. — Вот что мы делаем. Мы выкопали яму около пяти футов. Глубже сделать нельзя, потому что, как мне кажется, дальше находятся грунтовые воды. Они здесь очень близко к поверхности. Потом мы

укрепим края, чтобы они не обвалились, — здесь он выразительно посмотрел на Эдди, но Эдди остался невозмутим.

— И что потом? — спросил Майк, заинтересовавшись.

— Потом мы сделаем перекрытие.

— А-а.

— Наложим сверху досок. Можно сделать люк или что-нибудь в этом роде, чтобы можно было входить и выходить, даже окна, если захотите.

— Ннам нннадо ннесколько ппетель, — сказал Билл, продолжая следить за облаками.

— Можно купить в скобяной лавке у Рейнольдса, — сказал Бен.

— Ребята, у ккого есть ккарманные ддденьги? — спросил Билл.

— У меня есть пять долларов, — сказала Беверли, — я их заработала, когда подрабатывала няней.

Ричи моментально встал на четвереньки и пополз к ней.

— Я люблю тебя, Бевви, — сказал он, глядя на нее преданными собачьими глазами. — Ты выйдешь за меня замуж? Мы будем жить в бунгало среди кипарисов...

— Среди чего? — сказала Беверли, а Бен смотрел

на них со смешанным чувством тревоги, удивления и сосредоточенности.

— Среди кипарисов, окружающих бунгало. Пять баксов нам хватит за глаза, любимая, и тебе, и мне, и нашим троим малышам... Беверли рассмеялась и смущенно отошла в сторону.

— Нннадо пподсчитать зазазатраты, — сказал Билл. — Ппполучится ли у ннас штаб?

— После того, как мы перекроем яму досками, — продолжал Бен, — мы намажем их супермощным клеем «Тэнгл-Трек» и обложим дерном. Можно присыпать сосновыми иголками. Мы заберемся туда, и люди типа Генри Бауэрса будут ходить прямо над нами и не будут знать, что мы здесь.

— Это ты сам придумал? — спросил Майк. — Господи, вот здорово! Бен улыбнулся. Настала его очередь краснеть. Неожиданно Билл сел и посмотрел на Майка.

— Ххочешь ппомочь?

— Еще бы.., конечно, — сказал Майк. — Это было бы замечательно.

Остальные переглянулись.

Нас семеро, -подумал он и безо всякой причины вздрогнул.

— Когда вы собираетесь начать?

— Очень сскоро, — сказал Билл, и Майк знал

— *знал*, что Билл говорит не только о подземном штабе Бена. И Бен это знал, и Ричи, и Беверли, и Эдди. Даже Стэн Урис перестал улыбаться, — Очень скоро ммы сделаем, что ззадумали.

Наступила пауза, и Майк понял две вещи. Они хотели ему что-то сказать, о чем-то рассказать.., и он не был до конца уверен, что хочет это слышать. Бен собрал веточки и теперь бесцельно бросал их в грязь. Волосы свисали ему прямо на лицо. Ричи грыз и без того обгрызенные ногти. Только Билл смотрел прямо на Майка.

— Что-то не так? — с беспокойством спросил Майк. Медленно подбирая слова, Билл сказал:

— Ммы — отряд. Если ххочешь, мможешь ввв-ступить в ннаш отряд, нно тты дддолжен сбудешь хранить ннашу ттайну.

— Ты имеешь в виду штаб? — спросил Майк более тревожно. — Да, конечно...

— У нас есть другая тайна, парень, — сказал Ричи, не глядя на Майка. — И Большой Билл хочет сказать, что этим летом нам предстоит совершить нечто более важное, чем выкопать подземный штаб.

— Он прав, — сказал Бен.

Неожиданно раздался свистящий звук. Майк подскочил. Но это был всего лишь Эдди. Он ви-

новато посмотрел на Майка, пожал плечами и кивнул.

— Ладно, — наконец сказал Майк, — не испытывайте мое терпение. Рассказывайте.

Билл посмотрел на остальных.

— Мможет, ккто-то из присутствующих нне хочет, ччтобы он был в ннашем отряде?

Никто не ответил и не поднял руки.

— Ккто хочет рассказать? — спросил Билл. Снова наступило долгое молчание, и на этот раз Билл не стал его нарушать. Наконец Беверли вздохнула и подняла на Майка глаза.

— Дети, которых убили, — сказала она. — Мы знаем, кто это делает, и это — не человек.

3

Они рассказали ему все по очереди: о клоуне на льду, о прокаженном под балконом, о крови и голосах в водостоке, о мертвых мальчиках в водонапорной башне. Ричи рассказал о том, что случилось, когда они с Биллом возвращались по Нейболт-стрит. Последним был Билл, который рассказал об ожившей школьной фотографии и о картинке, которая схватила его за руку. В конце рассказа он объяснил, что Оно убило его брата Джорджи и что отряд Неудачников собирается

уничтожить чудовище.., что бы оно из себя ни представляло.

Позднее, когда Майк возвращался вечером домой, он вспоминал, что сначала он слушал с недоверием, которое потом переросло в страх, и подумал, что тут в конце концов он мог вскочить и убежать без оглядки в полной уверенности, что либо попал в компанию белых детей, которые не любят черных, либо что находится среди шестерых сумасшедших, которые нахватались друг от друга безумных фантазий, подобно детям, заразившимся в школе друг от друга опасной болезнью.

Но он не убежал, потому что, несмотря на весь ужас, у него появилось странное чувство успокоенности. Или какое-то другое, очень простое чувство, словно он пришел домой. *Нас здесь семеро,* -снова подумал он, когда Билл, наконец, закончил свой рассказ.

Он открыл рот, еще не зная, что собирается сказать.

— Я видел клоуна, — сказал он.

— Что? — одновременно спросили Ричи и Стэн, а Беверли так резко повернула голову, что ее лошадиный хвост перепрыгнул с левого плеча на правое.

— Я видел его четвертого, — медленно сказал Майк, в основном обращаясь к Биллу. Билл пристально смотрел прямо в зрачки Майка. — Да, четвертого июля.

На мгновение он замешкался и подумал: *Но я узнал его. Я узнал его, потому что видел его не в первый раз. И не в первый раз я видел что-то.., что-то не то.*

Затем он вспомнил о птице; впервые с самого мая он позволил себе подумать о ней, если не считать ночных кошмаров. Он решил, что сходит с ума. Какое он испытал облегчение, когда понял, что он не сумасшедший.., но это облегчение было пугающим. Он облизал губы.

— Продолжай, — нетерпеливо сказала Бев. — Поживее.

— Ладно, дело в том, что я участвовал в параде. Я...

— Я видел тебя, — сказал Эдди. — Ты играл на саксофоне.

— Вообще-то это тромбон, — сказал Майк. — Я играю в оркестре нейболтской церковной школы. Короче, как бы там ни было, я видел этого клоуна. Он раздавал детям шарики. Он был таким же, как о нем рассказывали Бен и Билл. Серебристый костюм, оранжевые пуговицы, белый грим на

лице, большая красная улыбка. Не знаю, что это: помада или грим, но выглядит как кровь.

Остальные кивнули, взволнованные рассказом Майка, а Билл продолжал пристально смотреть ему в глаза.

— И рыжая пппакля нна гголове? — спросил он, бессознательно шевельнув над головой пальцами. Майк кивнул.

— Когда я увидел его такого.., я испугался. И пока я смотрел на него, он повернулся и помахал мне рукой, как будто прочитал мои мысли, или чувства, или как там это называется. И я.., еще больше испугался. Я не знаю почему, но за пару секунд он так меня напугал, что я даже не мог больше играть на тромбоне. У меня пересохло во рту, и я почувствовал... — Он мельком взглянул на Беверли. Теперь он отчетливо вспомнил, как нестерпимо ярко вспыхнуло солнце на меди тромбона, а музыка показалась очень громкой, а небо — слишком синим. Клоун поднял руку в белой перчатке (в другой он держал нитки шариков) и медленно помахал ему на прощанье; его кровавая улыбка была такой красной и такой широкой, что Майк чуть не закричал. Он вспомнил, как у него свело живот, а в кишечнике стало тесно и горячо, и он чуть не наложил прямо в штаны.

Но при Беверли он не мог об этом рассказать. Никто никогда не скажет подобной чепухи при девчонках, даже при таких, при которых можно сказать «стерва» или «дрянь»... — Я испугался, — закончил он, чувствуя, как его рассказ прозвучал очень слабо, но он не знал, как рассказать об остальном. Но они кивнули, словно все поняли, и он почувствовал невероятное облегчение. Почему-то этот клоун, который смотрел на него и улыбался красной улыбкой, медленно машущий ему вслед рукой в белой перчатке.., испугал его больше, чем Генри Бауэре и его дружки. Намного больше.

— Потом мы прошли, — продолжал Майк. — Мы промаршировали к Мейн-стрит, и я опять увидел его. Он раздавал детям шарики. Но почти все дети не хотели их брать. Некоторые малыши плакали. Я не мог понять, как он так быстро добрался туда. Я решил, что их, видимо, двое, просто они одеты одинаково. Команда. Но он повернулся, и снова мне помахал, и я узнал его. Это был тот же человек.

— Он не человек, — сказал Ричи, и Беверли вздрогнула. Билл на минуту обнял ее, и она с благодарностью посмотрела ему в глаза.

— Он помахал мне.., и потом подмигнул. Как

будто знал какую-то тайну. Или как будто понял, что я узнал *его.*Билл снял руку с плеча Беверли.

— Тты узнал его?

— Мне кажется, да, — сказал Майк. — Мне надо кое-что проверить, и потом я скажу наверняка. У моего отца есть кое-какие открытки... Он их собирает... Послушайте, ребята, вы тут еще будете играть?

— Конечно, — сказал Бен. — Нам же надо построить штаб. Майк кивнул.

— Я проверю и скажу, прав ли я. Если я прав, то могу принести открытки сюда.

— Сстарые? — спросил Билл.

— Да.

— Чччто там? — спросил Билл.

Майк открыл рот и потом снова закрыл. Он нерешительно оглядел их и сказал:

— Вы подумаете, что я сошел с ума. Или вру.

— Тты решил, ччто ммы сссумасшедшие? Майк покачал головой.

— Готов поспорить, что мы не сумасшедшие, — сказал Эдди. — Я, конечно, не совсем здоров, но я не ненормальный. Мне так кажется.

— Нет, — сказал Майк. — Не думаю, что ты сумасшедший.

— Ххорошо, мы тоже не ббудем считать тебя

сссумасшедшим, — сказал Билл.

Майк оглядел их с ног до головы и, откашлявшись, сказал:

— Я видел птицу. Два или три месяца назад. Я видел птицу. Стэн У рис посмотрел на Майка.

— Какую именно? Майк неохотно ответил:

— Она была похожа на воробья, но напоминала немного малиновку. У нее была оранжевая грудка.

— Ясно, и что такого особенного в этой птичке? — спросил Бен. — В Дерри много птиц, — но ему было не по себе и, когда он посмотрел на Стэна, он был уверен, что Стэн вспоминает водонапорную башню и как он остановил это, когда начал выкрикивать названия птиц. Но когда Майк заговорил, он забыл об этом и обо всем остальном.

— Эта птица была больше, чем дом, — сказал он. Он посмотрел на их потрясенные, изумленные лица. Он ожидал, что они засмеются, но никто из них не засмеялся. У Стэна был такой вид, словно его кто-то стукнул кирпичом. Его лицо стало бледным, как безжизненное ноябрьское солнце.

— Клянусь, что это правда, — сказал Майк. — Это была гигантская птица, как в фильмах ужасов про доисторические времена.

— Да, как «Гигантский коготь», — сказал Ричи. Он вспомнил, что птица в том фильме выглядела фальшивой, но к тому времени, когда она добралась до Нью-Йорка, он уже был так взволнован, что рассыпал воздушную кукурузу на балконе в «Аладдине»... Фокси Фоксворт чуть не вышвырнул его из кинотеатра, но фильм и так уже почти закончился. Время от времени вы получаете пинок под зад, но, как говорит Большой Билл, придет и ваш черед.

— Но она не казалась доисторической, — сказал Майки. — И она не была похожа на этих, как их там, в греческих легендах...

— Рррух, — предположил Билл.

— По-моему, так. На них она тоже не была похожа. Она была нечто среднее между малиновкой и воробьем. Самая обычная птица, — он засмеялся немного странно.

— Гггде? — начал Билл.

— Расскажи нам, — просто сказала Беверли.

И, собравшись с мыслями, Майк стал рассказывать. Он видел, как их лица становятся все более сосредоточенными и испуганными, но в них не было ни недоверия, ни насмешки, и почувствовал, как что-то тяжелое сжимается у него в груди. Так же как Бен со своей мумией или

Эдди с прокаженным, или Стэн с утонувшими мальчиками, он увидел то, что могло бы привести его к настоящему помешательству; не из-за ужаса, а из-за того, что потрясение было слишком велико и необъяснимо. Этому не существовало рационального объяснения, это надо было просто не заметить. Майк читал, что свет Божьей любви опалял лицо Илии и сделал его черным; но когда это произошло, Илия был уже стариком, и, видимо, вот в чем разница. Пытался ли кто-нибудь из этих библейских парней потягаться с ангелом, когда они только вышли из детского возраста?

Он остался в живых, но у него сложился свой собственный взгляд на мир. Он был достаточно молод, и этот взгляд оказался невероятно разносторонним. Но то, что произошло в тот день, тем не менее проникло в самые отдаленные уголки его разума, и иногда во сне он убегал от этой гротескной птицы, а ее гигантская тень нависала прямо над ним. Некоторые из этих снов отложились у него в памяти, некоторые он забыл, но все они *были* -тени, которые двигались сами по себе.

4

Майк рассказал им историю с птицей у старого литейного завода и как он, убегая оттуда, спря-

тался в трубе. Позднее трое из них, Бен, Ричи и Билл, отправились в публичную библиотеку. Бен и Ричи оглядывались по сторонам, не появится ли Бауэре, а Билл только, нахмурившись, смотрел на тротуар, погруженный в свои мысли. Примерно через час после того, как Майк поведал свою историю, он ушел, сказав, что отец велел прийти к четырем, чтобы собрать горох. Беверли сказала, что ей надо сходить в магазин и приготовить отцу обед. У Эдди и Стэна тоже нашлись свои дела. Но перед тем как разойтись, они начали копать то, что должно было скоро стать их штабом, если Бен не ошибся. Для Билла и для всех остальных, как ему казалось, копание было актом почти символическим. Они начали делать это. Что бы они ни задумали сделать, они делали это вместе, у них был отряд, и они начали делать это.

Бен спросил Билла, поверил ли он рассказу Майка Хэнлона. Они проходили мимо городского Дома культуры. Библиотека находилась как раз впереди — большое каменное продолговатое здание в тени столетних вязов, еще не тронутых голландской болезнью, которая скоро подкосит их.

— Да, — сказал Билл. — Ммне ккажется, что это ппправда. Ббезумная, нно ппправда. А ты как

сосчитаешь, Ррричи? Ричи кивнул.

— Да. Я не хочу в это верить, если вы понимаете, что я имею в виду, но по-моему, да. Помните, что он сказал о птичьем языке? Билл и Бен кивнули. На языке был оранжевый пушок.

— Вот ведь скандалист, — сказал Ричи. — Словно шутник из комиксов как Лекс Лютор или Джокер или еще кто-нибудь такого рода. Всегда оставляет фирменный знак.

Билл задумчиво кивнул. Оно было похоже на шутника из комиксов. Потому что они его таким видели. Именно таким его придумали. Да, скорее всего. Все это детские фантазии, но почему-то эта штука — их детская фантазия — была слишком буйной.

Они перешли на другую сторону улицы, где находилась библиотека.

— Я спросил Стэна, ссслышал ли он ккогда-нибудь о такой птице, — сказал Билл, — не обязательно ттакой ббболыыой, а ппросто...

— Настоящей? — договорил Ричи. Билл кивнул.

— Он ссслышал, что гтде-то в Южной Аааамерике или Аааафрике должна быть пппохожая, но не в этих мместах.

— Значит, он не поверил? — спросил Бен.

— Он ппповерил, — ответил Билл. И рассказал о том, что предположил Стэн, когда они с Биллом ходили за велосипедом Стэна. Стэну пришло в голову, что до того, как Майк поведал свою историю, никто из них не видел эту птицу. Что-то другое, может быть, но не эту птицу, потому что эта птица была личным кошмаром Майка Хэнлона. Но теперь.., теперь птица стала собственностью всего отряда неудачников. Любой из них мог увидеть ее теперь. Она не обязательно должна выглядеть так, как описал ее Майк; Билл мог ее увидеть в виде вороны, Ричи — ястребом, Беверли — золотистым орлом; и еще одно знал Стэн: что Оно теперь могло всем им явиться в виде птицы. Билл сказал Стэну, что если это так, то любой из них может теперь увидеть прокаженного, мумию и, возможно, мертвых мальчиков.

— И это значит, что мы должны как можно скорее что-то делать, — ответил Стэн. — Оно знает...

— Ччто? — резко спросил Билл. — Ввсе, что зззнаем мы?

— Парень, если Оно знает все, то мы погибли, — ответил Стэн. — Но могу поспорить, что Оно знает, что мы знаем про Него. Мне кажется, Оно попытается добраться до нас. Помнишь, о чем мы говорили вчера?

— Да.

— Мне бы хотелось пойти с тобой.

— Бббен с Ррричи ттоже ббудут. Бен ддействительно остроумный пппарень, и Ррричи тоже, ккогда не ввыпендривается.

Теперь, когда они стояли около библиотеки, Ричи спросил Билла, что конкретно он имел в виду. Медленно произнося слова, чтобы не очень сильно заикаться, Билл рассказал им все. Эта мысль вертелась в голове на протяжении двух последних недель, но ему не хватало именно истории Майка с птицей, чтобы идея обрела нормальный вид.

Что делают, когда хотят избавиться от птиц?

Лучше всего подстрелить их.

Что делают, когда хотят избавиться от чудовища? В кино показывают, что лучше всего подстрелить его серебряной пулей.

Бен и Ричи выслушали его достаточно почтительно. Потом Ричи спросил:

— Где ты достанешь серебряную пулю, Большой Билл? Закажешь по почте?

— Очень сссмешно. Ннам пппридется самим сделать ее.

— Как?

— По-моему, для того мы и пришли в библиоте-

ку. Чтобы выяснить это, — сказал Бен.

Ричи кивнул и поправил очки. Глаза за стеклами очков были серьезными и задумчивыми.., но он сомневался, подумал Билл. Он чувствовал, что и сам не уверен в успехе. По крайней мере, Ричи больше не дурачится, а это уже шаг вперед.

— Кажется, у твоего отца есть «Вальтер»? — спросил Ричи. — Тот, который мы брали на Нейболт-стрит.

— Да, — ответил Билл.

— Если мы действительно будем знать, как сделать серебряную пулю, где мы возьмем серебро? — спросил Ричи.

— Я позабочусь об этом, — скромно сказал Бен.

— Так.., хорошо, — сказал Ричи. — Пусть об этом позаботится Соломенная Голова. Что дальше? Опять Нейболт-стрит? Билл кивнул.

— Ооопять Нннейболт-стрит. И пшютом ммы пппрострелим его вввонючую гголову.

Трое ребят постояли еще немного, серьезно глядя друг на друга, и пошли в библиотеку.

5

— Конечно, робята, опять тот же чорный парня! — закричал Ричи голосом ирландца-полицейского.

Прошла неделя, была уже почти середина июля, и подземный штаб был почти готов.

— Допрос утро тебе, мистер О'Хэнлон, сор! И прекрасно, прекрасно день обещать быть! Прекрасно, как картошка, как мой старый мам бывало...

— Насколько я знаю, Ричи, полдень — это конец утра, — сказал Бен, неожиданно появляясь из ямы, — и полдень был два часа назад.

Они с Ричи укрепляли стенки ямы. Бен снял свитер, потому что день был жаркий, а работа — не из легких. Посеревшая от пота футболка прилипла к груди и мешком свисала на животе. Взгляд у него был в высшей степени самонадеянный. Но Майк подозревал, что стоит появиться Беверли, как Бен снова спрячется в свой нелепый свитер, не успеете вы и глазом моргнуть.

— Не надо колкостей, ты говоришь совсем как мистер Стэн, — сказал Ричи. Пять минут назад он вылез из ямы, потому что, как он сказал, настало время перекурить.

— Мне послышалось, что ты сказал, что у тебя нет сигарет, — сказал Бен.

— Да, — сказал Ричи. — Но это дело принципа.

Майк держал под мышкой отцовский альбом с фотографиями.

— Где все? — спросил он. Он знал, что Билл должен быть где-то поблизости, так как видел под мостом Сильвера.

— Билл и Эдди ушли на свалку примерно полчаса назад, за досками, — сказал Ричи. — Стэнни и Бев отправились в скобяную лавку Рейнольдса за петлями. Я не знаю, зачем там вверх-вниз скачет ряса Соломенной Головы — вверх-вниз ха-ха, усек? — но, видимо, пользы от него никакой. Мальчику нужен кто-нибудь, чтобы за ним приглядывал, понимаешь? Между прочим, ты должен нам двадцать три цента, если все еще хочешь быть в нашем отряде. Твой пай за петли.

Майк переложил альбом из правой руки в левую и полез в карман. Он отсчитал двадцать три цента (в общем итоге его оставшееся богатство составило десять центов) и протянул их Ричи. Затем он подошел к яме и посмотрел вниз.

Это была уже не просто яма. Ее края были аккуратно выровнены и укреплены. Доски были все разной формы и ширины, но Бен, Билл и Стэн над ними хорошенько потрудились и с помощью инструментов из магазина Зака Денбро довели их до нужной кондиции (Билл очень болезненно следил, чтобы все инструменты каждый вечер и в том же состоянии возвращались на прежнее

место). Бен с Ричи прибивали поперечины между подпорками. Рядом лежал сваленный в кучу дерн для крыши штаба.

— Мне кажется, вы, ребята, неплохо потрудились, — сказал Майк.

— Конечно, — сказал Бен и указал на альбом. — Что ты принес?

— Альбом отца, — сказал Майк. — Он собирает старые открытки и вырезки из газет про Дерри. Это его хобби. Пару дней назад я его просматривал — я говорил вам, что мне показалось, я где-то видел этого клоуна раньше. И я видел его. Здесь. Вот поэтому я принес это сюда. — Ему стыдно было признаться, что он не осмелился спросить на это разрешения у отца, побоявшись вопросов, которые могли последовать из его просьбы. Он, как воришка, взял его из дома, пока отец сажал помидоры на западном поле, а мать развешивала белье на заднем дворе. — Я думаю, вам, ребята, стоит тоже на это посмотреть.

— Ладно, давай посмотрим, — сказал Ричи.

— Я бы подождал остальных. Так было бы лучше.

— О'кей, — Ричи, по правде говоря, не горел желанием рассматривать открытки с видами Дерри ни в этом, ни в каком другом альбоме. Особенно

после того, что случилось в комнате Джорджи. — Хочешь помочь мне и Бену укрепить стенки?

— Еще бы, — Майк осторожно положил альбом отца на землю подальше от ямы, чтобы не запятнать его грязью, и взял лопату.

— Копай здесь, — сказал Бен и показал Майку участок, где надо было копать. Примерно на фут глубиной. Потом я вставлю доску и подержу ее, чтобы она не упала, а ты в это время ее засыплешь землей.

— Хороший план, парень, — глубокомысленно изрек Ричи, сидя на краю ямы и болтая ногами.

— А почему бы тебе самому этим не заняться? — спросил Майк.

— Я что-то притомился, — с довольным видом сказал Ричи.

— Как продвигается ваш с Биллом план? — Майк остановился, чтобы снять рубашку, и снова принялся копать. День был очень жаркий, даже в Барренсе.

— Так.., неплохо, — сказал Ричи, и Майку показалось, что он бросил на Бена предостерегающий взгляд. — По-моему, неплохо.

— Почему молчит радио, Ричи? — спросил Бен. Он соскользнул в яму, в которой копал Майк. Транзистор Ричи висел на ремне в укромном ме-

сте, — на толстой ветке ближайшего кустарника.

— Батарейки сели, — сказал Ричи. — Ты забрал мои последние двадцать пять центов, чтобы купить петли, помнишь? Жестоко, Соломенная Голова, очень жестоко. После всего, что я для тебя сделал. Кроме того, единственное, что я могу сейчас поставить, это «WABI», а они играют рок-н-ролл.

— Что?

— Соломенная Голова думает, что Томми Сендс и Пат Бун поют рок-н-ролл, — сказал Ричи, — но он так думает, потому что он больной. Элвис поет рок-н-ролл, Эрни К. Доу поет, рок-н-ролл, Карл Перкинс поет рок-н-ролл, Бадди Холли. «О-о, Пегги.., моя Пегги...»

— Прошу тебя, Ричи, — сказал Бен.

— А еще, — сказал Майк, налегая на лопату, — Фате Домино, Чак Берри, Литл Ричард, Шеп и «Лаймлайтс», Лаверн Бейкер, Френки Лаймон и «Тинэйджеры», Ханк Баллард и «Миднайтерс», «Коастерс», «Айсли Бразерс», «Кресте», «Чордс», Стик Макги...

Они смотрели на него с таким изумлением, что Майк рассмеялся.

— Я запутался сразу после Литл Ричарда, — сказал Ричи. Он любил Литл Ричарда, но если у него

и был этим летом тайный кумир в рок-н-ролле, то это — Джерри Ли Льюис. Его мать случайно вошла в гостиную в тот момент, когда Джерри Ли выступал в «Американской эстраде». Как раз в эту минуту Джерри Ли влез на пианино и играл на нем, вися вниз головой. Он пел «Студенческий рок-н-ролл». Какое-то время Ричи был уверен, что мать упадет в обморок. В обморок она не упала, но она была настолько потрясена увиденным, что за обедом поставила вопрос о том, чтобы отправить Ричи провести остаток лета в спортивном лагере. Теперь Ричи занавесил глаза волосами и запел: «Давай, детка, все кошечки в университете танцуют рок-н-ролл...»

Бен обошел вокруг ямы, потирая большой живот и сделав вид, что его вот-вот стошнит. Майк зажал нос и так засмеялся, что из глаз хлынули слезы.

— Что-то не так? — спросил Ричи. — Что вас беспокоит, ребята? Это же здорово! Я хочу сказать, что это действительно *здорово!*

— О, парень, — сказал Майк, но он так сильно смеялся, что едва мог вымолвить слово, — это же бред! Я хочу сказать, что это действительно бред!

— У негров нет вкуса, — сказал Ричи. — Я думаю, об этом написано даже в Библии.

— О, мамми, — простонал Майк, смеясь еще больше, а когда Ричи с искренним недоумением спросил, что это такое было, Майк свалился на землю и принялся кататься по ней, подвывая и держась за живот.

— Ты, наверное, думаешь, что я завидую, — сказал Ричи. — Ты, наверное, думаешь, что я тоже хочу быть негром.

Теперь и Бен сполз вниз, дико хохоча. Его тело колыхалось и тряслось, глаза вылезли из орбит.

— Хватит, Ричи, — выдавил он. — Я сейчас наложу в штаны. Я по-по-подохну, от смеха, если ты не пере-рестанешь...

— Я не хочу быть негром, — продолжал Ричи. — Кому охота носить розовые штаны и жить в Бостоне, и покупать пиццу по кусочкам? Я хочу быть евреем, как Стэн. Хочу иметь залоговый магазин и продавать переключатели для бритв, пластиковые собачьи подстилки и подержанные гитары.

Бен и Майк рыдали от смеха. Их смех эхом перекатывался по зеленым джунглям оврага, пугая птиц и белок на ветках. Их смех был полон беззаботной юности, жизненной силы и свободы. Почти каждое живое существо, уха которого достиг этот жизнерадостный смех, так или иначе

отреагировало на него, но существо, которое вынырнуло из широкой бетонной трубы водостока и снова пропало в верхней части Кендускеага, не было живым.

Накануне внезапно разразилась сильная буря (будущий штаб не сильно пострадал, потому что с тех пор, как ребята начали копать яму, они каждый вечер тщательно накрывали ее куском брезента, который Эдди стянул с киоска Уолли Спа; брезент пропах краской, но свое предназначение оправдывал), и в сточные трубы под Дерри часа два-три, не меньше, бурлящим потоком стекала вода. Этот неистовый поток воды и вынес на свет Божий свой страшный груз.

Это было тело девятилетнего мальчика по имени Джимми Куллум. На его лице кроме носа не было больше ничего. На том месте, где должно было быть все остальное, осталось сплошное месиво. Этот кусок сырого мяса был сплошь усыпан глубокими черными отметинами, которые, кажется, мог опознать только Стэн Урис: это были следы от птичьего клюва. Очень большого клюва.

Билли и Эдди с набранными на свалке досками переходили по камням Кендускеага менее чем в сорока ярдах от трупа. До них долетел смех Ричи,

Бена и Майка. Они улыбнулись и поспешили дальше, чтобы узнать, что такое смешное произошло за время их отсутствия, не заметив останков Джимми Куллума.

6

Они по-прежнему продолжали смеяться, когда на пустошь, качаясь под тяжестью досок, пришли Билл и Эдди. Эдди, обычно бледный, как сыр, даже порозовел. Они свалили доски, пополнив свои почти истощившиеся запасы. Бен выбрался из ямы, чтобы проверить находку.

— Хорошая работа, — сказал он. — Ничего себе! Здорово! Билл рухнул на землю.

— Мне сссейчас умереть от рпразрыва ссердца или нннемного пподождать?

— Немного подожди, — рассеянно сказал Бен. Он принес кое-какие свои инструменты и теперь осторожно ходил по новым доскам, выдергивая гвозди и болты. Одну доску он отбросил в сторону, потому что она была расколота. Он постучал по другой доске, и она по крайней мере в трех местах издала гнилой звук. Эту доску он тоже отбросил в сторону. Эдди сидел на куче земли и наблюдал за ним. Пока Бен вытаскивал гвоздодером старый гвоздь из доски, он трубил на своем аспираторе.

Гвоздь визжал, как маленькое отвратительное животное, на которое наступили, а ему это не понравилось.

— Если ты поранишься ржавым гвоздем, у тебя может получиться гангрена, — сказал Эдди Бену.

— Да? — спросил Ричи. — А что такое гонорена? Название как у венерической болезни.

— Эх ты, птичка божия, — сказал Эдди. — Не гонорена, а гангрена, то есть заражение крови. А еще может быть столбняк. То есть сжатие челюстей. В ржавчине содержатся такие специальные микробы, которые, когда порежешься, проникают в тело, и твоим нервам хана, — лицо Эдди стало пунцово-красным, и он сделал из аспиратора быстрый вдох.

— Сжатие челюстей, о, Господи, — потрясенно произнес Ричи.

— Еще бы. Сначала твои челюсти сжимаются так плотно, что ты не можешь даже открыть рот, не то что есть. Приходится прорезать дырку в щеке и кормить тебя жидкостью через трубочку.

— Вот это да, — сказал Майк, выпрямляясь в яме. Его глаза были широко раскрыты, и белки на темном лице казались очень белыми. — Не может быть!

— Это мне рассказывала мама, — сказал Эд-

ди. — Потом сжимается глотка, ты больше не можешь есть и начинаешь умирать. Они молча обдумывали ужасные последствия болезни.

— И нет никаких лекарств, — усилил впечатление Эдди. Тишина.

— Поэтому, — отрывисто сказал Эдди, — я всегда опасаюсь ржавых гвоздей и тому подобного дерьма. Когда-то мне делали укол от столбняка, и это действительно больно.

— Тогда почему бы тебе не пойти с Биллом на свалку и не отнести весь этот хлам обратно? — спросил Ричи.

Эдди взглянул на Билла, который смотрел в яму, в его взгляде промелькнули любовь и преклонение, и он мягко сказал:

— Некоторые вещи делают даже тогда, когда есть риск. Это первое, что я выяснил для себя сам, без помощи мамы.

Снова наступила тишина. Потом Бен пошел опять выдирать ржавые гвозди, и через некоторое время к нему присоединился Майк Хэнлон.

Лишившийся голоса транзистор Ричи висел на нижней ветке, качаясь от слабого ветерка. Билл подумал, как все, странно, как странно и как правильно, что этим летом они все собрались здесь. Он знал, что многие дети уезжают на лето к

родственникам. Некоторые его знакомые ребята поехали на каникулы в Калифорнию в Диснейленд или в лагерь Код, а один его закадычный друг уехал в одно местечко с труднопроизносимым, странным, но почему-то запоминающимся названием Кстаад. Некоторые дети поехали в церковный лагерь, некоторые в лагерь для скаутов, а дети богатых родителей — в лагерь, где учат плавать, играть в гольф и говорить «о, хороший удар!» вместо «мать твою...», когда ваш соперник срезает мяч в теннисе; некоторых детей родители просто отправили ПОДАЛЬШЕ. Билл мог их понять. Он знал нескольких ребят, которые хотели уехать ПОДАЛЬШЕ отсюда, напуганные маньяком, разгуливающим этим летом в Дерри, но он подозревал, что в городе еще больше родителей, напуганных этим чудовищем. Те, кто собирался провести отпуск дома, неожиданно решили уехать ПОДАЛЬШЕ *(Кстаад? Где это: в Швеции? в Аргентине? в Испании?)*отсюда. Немного было похоже на страх, вызванный полиомиелитом в 1956 году, когда заболели четверо ребят, которые пошли купаться в бассейн «О'Брайен мемориал пул». Взрослые — это слово было для Билла синонимом родителей, решили тогда, впрочем, как и теперь, что лучше уехать ПОДАЛЬШЕ отсюда.

Безопаснее. Все, кто мог уехать, уехали. Билл понимал, что значит ПОДАЛЬШЕ.

Никто из нас не уехал ПОДАЛЬШЕ, -подумал Билл, наблюдая за Беном и Майком, которые выдергивали ржавые гвозди из старых досок, и за Эдди, направляющимся в кусты отлить (в этом деле нельзя терпеть, говорил он, потому что может лопнуть мочевой пузырь, но при этом надо смотреть, чтобы не дотронуться до ядовитого плюща. Кому охота иметь неприятности на этом месте?). — *Мы все здесь, в Дерри. Не в лагере, не у родственников, не на отдыхе, не где-то ПОДАЛЬШЕ. Все здесь. Примите и распишитесь.*

— Там, на свалке, я видел дверь, — сказал Эдди, застегивая на ходу ширинку.

— Надеюсь, ты стряхнул, Эдди, — сказал Ричи. — Надо стряхивать каждый раз, а то заболеешь раком. Моя мама всегда мне это твердит.

Эдди испуганно посмотрел на Ричи, но увидел, что он улыбается. Он бросил на него уничтожающий взгляд и сказал:

— Нам было все не унести. Но Билл сказал, что если мы все сходим, то быстро все принесем.

— Конечно, ты никогда не стряхиваешь до конца, — продолжал Ричи. — Хочешь знать, что мне сказал один умный человек, Эд?

— Нет, — сказал Эдди, — и я не хочу, чтобы ты впредь называл меня Эдом. Ричи. Я говорю совершенно искренне. Я же не называю тебя Дик, к примеру: «У тебя есть еще жвачка, Дик?» И я не понимаю, почему...

— Этот умный человек, — произнес Ричи, — сказал следующее:

«Как бы ты ни изгибался, последние капли всегда упадут тебе в штаны». Поэтому на свете так много больных раком, Эдди, любовь моя.

— На свете потому так много больных раком, что такие сопляки, как ты и Беверли, курят сигареты, — сказал Эдди.

— Беверли не соплячка, — сказал Бен обиженным голосом. — Следи за тем, что говоришь.

. — Би-би, ребята, — рассеянно сказал Билл. — Ккстати о Беверли. Она довольно ссильная дддевочка и может нам ппомочь пппритащить дверь.

Бен спросил, что из себя представляет эта дверь.

— Ммне кккажется, она из красного ддерева.

— Кто это выбросил дверь из красного дерева? — спросил удивленный Бен.

— Люди все выбрасывают, — сказал Майк. — Для чего же тогда свалка? Но для меня убийствен-

но ходить туда. Я имею в виду, что это меня на самом деле убивает.

— Да, — согласился Бен. — Многое из этого хлама еще может пригодиться. А в Китае и Южной Америке есть люди, у которых ничего нет. Вот что говорит моя мать.

— Люди, у которых ничего нет, есть и здесь, в Мэне, солнышко, — улыбнулся Ричи.

— Чччто это? — спросил Билл, заметив альбом, который принес Майк. Майк сказал, что, когда вернутся Стэн и Беверли, он покажет всем фотографию клоуна.

Билл и Ричи переглянулись.

— Что-то не так? — спросил Майк. — Думаете, случится то же, что и в комнате твоего брата, Билл?

— Дда, — ответил Билл и не произнес больше ни слова. Они снова спустились в яму и работали там до возвращения Стэна и Беверли. Они принесли коричневые бумажные пакеты с петлями. Пока Майк рассказывал, Бен сидел по-турецки и делал из длинных досок окошки. Наверное, только Билл заметил, как легко и быстро двигаются его пальцы, какие они умелые и проворные, как пальцы хирурга. Билл залюбовался ими.

— Некоторым из этих открыток несколько

сетей лет, — сказал Майк, положив альбом на колени. — Отец их покупает на распродажах и в магазинах подержанных вещей. Иногда он их покупает или обменивается с другими коллекционерами. Некоторые открытки объемные, со стереоэффектом, а на одной длинной картонке наклеены две одинаковые открытки, и когда на них смотришь через такую штуку наподобие бинокля, получается как будто видишь одну картинку, только в трех измерениях. Как «Дом ярости» или «Тварь из Черной лагуны».

— Чем ему нравится весь этот хлам? — спросила Беверли. На ней были простые джинсы «Ливайс», но она что-то придумала с отворотом брюк, оторочив их по краю каким-то блестящим материалом дюйма четыре шириной, так, что они стали похожи на некую причуду моряка.

— Да, — поддержал Эдди, — в Дерри такая скукотища.

— Ну, я, правда, не уверен, но мне кажется, это от того, что он родился в другом месте, — нерешительно произнес Майк. — Для него все как будто — я не знаю — как будто все внове, словно приходишь в кино, а полфильма уже прошло....

— Кконечно, и хочется посмотреть нначало, — сказал Билл.

— Да, — сказал Майк. — О Дерри ходит очень много разных историй. Некоторые мне даже нравятся. И мне кажется, какие-то истории должны быть и про это существо, про Оно, если вы так решили его называть.

Он посмотрел на Билла, и Билл кивнул. Взгляд у него был задумчивым.

— Итак, после парада Четвертого Июля я просмотрел альбом, потому что я знал, где я видел клоуна. Я знал это. Смотрите. Он открыл книгу, пролистал ее и отдал сидящему справа Бену.

— Ннне тттрогай ссстраницы, — сказал Билл. Его голос был таким властным, что все вздрогнули. Ричи увидел, что он сжал в кулак руку, которую когда-то затянуло в альбом Джорджи.

— Билл прав, — сказал Ричи, и этот покорный голос, совершенно не похожий на голос Ричи, убедил всех. — Будь осторожен, как говорит Стэн. Если мы видели, как это произошло, то и вы, ребята, можете увидеть это.

— Почувствовать, — мрачно сказал Билл.

Альбом передали из рук в руки. Все держали книгу осторожно, за края, словно это был старый динамит.

Альбом вернулся к Майку. Он открыл его на одной из первых страниц.

— Папа говорит, что возраст этой открытки определить невозможно, но вероятно, это начало или середина семнадцатого века. Он как-то починил одному парню ленточную пилу, и тот дал ему ящик старых книг и открыток. Это одна из них. Он говорит, что она стоит не меньше сорока баксов, а может быть, и больше.

Это была гравюра на дереве, размером с большую открытку. Когда очередь дошла до Билла, он с облегчением заметил, что все открытки в альбоме отца Майка находятся под защитной пластиковой пленкой. Он посмотрел на гравюру зачарованным взглядом и подумал: *Здесь. Я вижу его, Оно. На самом деле вижу. Это лицо врага.*

На открытке был изображен веселый парень, жонглирующий огромными кеглями посреди грязной улицы. По обеим сторонам улицы были изображены несколько домов и бараков, которые, как догадался Билл, были магазинчиками, или лавками, или как там они тоща назывались. Городок был бы совсем не похож на Дерри, если бы не Канал. Он тек здесь, среди глинистых берегов. Вверху открытки на заднем плане Билл увидел упряжку мулов, которые тащили по воде баржу.

Вокруг веселого парня собрались около дюжины ребятишек. Один из них был в соломенной

шляпе как у пастушка. У другого мальчика в руках был обруч с палкой, чтобы катать его; не такая палка, которую теперь можно купить вместе с обручем в магазине Вулворта, — это была ветка от дерева. Билл разглядел на ней обнаженные узелки в тех местах, где ножом или топориком отсекли прутики. *Этот малыш не тайванец и не кореец,* -подумал он, — этим мальчиком мог бы быть он сам, если б родился на четыре-пять поколений раньше.

У веселого парня была огромная улыбка на лице. Он был без грима (хотя Билл заметил, что все его лицо выглядело так, словно на нем лежал слой краски), и лыс за исключением двух клочков волос, которые торчали над ушами, как рожки, и Билл не сомневался, что это был их клоун. *Двести лет назад или больше,* -подумал он и почувствовал, как в нем растет огромная волна ужаса, ярости и беспокойства. Спустя двадцать семь лет, сидя в городской библиотеке и вспоминая, как он впервые заглянул в альбом отца Майка, он понял, что должен чувствовать охотник, который напал на свежий след тигра-убийцы. *Двести лет назад.., так давно, одному Богу известно, как давно.* Он удивился, насколько давно дух этого Шутника обитал в Дерри, но еще он понял, что как раз эту

мысль ему совершенно не хочется развивать.

— Дай мне, Билл! — сказал Ричи, но Билл еще несколько секунд продолжал держать альбом, не сводя глаз с гравюры, в полной уверенности, что она вот-вот задвигается: кегли (если это кегли), которыми жонглировал весельчак, будут взлетать и падать, взлетать и падать, дети будут смеяться и хлопать в ладоши (хотя, может быть, не все будут смеяться и аплодировать, некоторые, может быть, заплачут и убегут), а упряжка мулов, тянущих баржу, скроется за краем гравюры.

Этого не произошло, и он передал книгу Ричи.

Когда альбом вернулся к Майку, он перевернул несколько страниц.

— Вот, — сказал он. — Это открытка 1956 года, за четыре года до того, как Линкольна выбрали президентом.

Книга снова пошла по кругу. Открытка была цветной и сделана из картона. На ней была изображена компания пьяниц, стоящих перед салуном, а толстый полицейский с бачками, стоя на доске, положенной между двумя бочками, с пафосом произносил обличительную речь. В одной руке он держал кувшин с пенящимся пивом. Доска ощутимо подгибалась под тяжестью его тела. В некотором отдалении группа женщин

в чепцах с отвращением смотрела на это представление, где смешались буффонада и попытка порицания невоздержанности. Под картинкой стояла надпись: «ПОЛИТИКИ В ДЕРРИ ЖАЖДУТ РАБОТЫ», — ГОВОРИТ СЕНАТОР ГАРНЕР!"

— Папа говорит, что такого рода картинки пользовались широкой популярностью целых двадцать дет до начала Гражданской войны, — сказал Майк. — Их называли «дурашливые картинки» и посылали друг другу. Наподобие тех шуток в «Безумном», по-моему.

— Ссатира, — сказал Билл.

— Да, — согласился Майк. — Теперь посмотрите в этот угол. Сходство этой открытки с «Безумным» было несколько иного характера. На ней, так же как и на коллаже Морга Друкера из кадров фильма «Безумный», напечатанном в журнале о кино, было множество картинок и шутливых надписей. Здесь был изображен толстый улыбающийся мужчина, вливающий стакан пива собаке в глотку. Здесь была женщина, которая рассыпала картофель прямо в грязь. Здесь были два озорных уличных мальчишки, засовывающих серную спичку в подметки туфель какого-то процветающего бизнесмена. Девочка, которая так сильно кружилась под вязами, что были видны

трусики. Но, несмотря на эти сбивающие с толку подробности, Майку не пришлось никому из них показывать, где изображен клоун. В кричащем костюме оборванца он играл в кости с компанией пьяных лесорубов. Он подмигивал дровосеку с удивленным лицом, который, видимо, прозевал фишку. Бродяга-клоун забирал у него деньги.

— Снова он, — сказал Билл. — Что.., через сто лет?

— Около того, — сказал Майк. — А вот еще одна. 1891 год. Это была вырезка с первой страницы «Дерри Ньюз». «УРА! — кричал витиеватый заголовок, — ОТКРЫТ ЧУГУНОЛИТЕЙНЫЙ ЗАВОД!» И чуть ниже: «Город превращается в большой гала-пикник». Картинка изображала церемонию разрезания ленточки перед чугунолитейным заводом Кичнера. Манера, в какой была сделана фотография, напомнила Биллу фотографии Курье и Ива, которые его мать повесила в столовой, хотя эти вырезки не шли ни в какое сравнение с глянцевыми фотографиями знаменитостей. Парень в причудливой визитке и в цилиндре держал над ленточкой пару больших ножниц с распахнутыми ножами, а толпа, человек пятьсот, смотрела на него. Слева от него клоун — их клоун — делал перед ребятами «колесо». Он перевернул-

ся вниз головой, и казалось, что он не улыбается, а кричит.

Он поспешно передал альбом Ричи.

Следующая картинка оказалась фотографией, под которой Вилл Хэнлон написал: «1933. Отмена закона в Дерри». Хотя никто из мальчиков не знал о законе Уол Стеда и об его отмене, по фотографии было нетрудно догадаться, что это был за закон. На фото был изображен киоск прохладительных напитков Уолли-Спа в Хелс-Хафакр, который заполонили плотовщики в белых рубашках с расстегнутыми воротниками, в канотье, некоторые были в футболках или в рыбацких костюмах. Все они с победным видом поднимали вверх стаканы и бутылки. На окне висели два больших плаката: «С ВОЗВРАЩЕНИЕМ, ДЖОН-ЯЧМЕННОЕ ЗЕРНО» и «СЕГОДНЯ ПИВО — БЕСПЛАТНО». Клоун был одет как изысканный денди: белые туфли, гетры, гангстерские брюки. Поставив одну ногу на подножку автомобиля «Рено», он пил из бокала шампанское.

— 1945-й, — сказал Майк.

Опять «Дерри Ньюз». Заголовок: «ЯПОНИЯ СДАЕТСЯ. ВОЙНА ОКОНЧЕНА! СЛАВА БОГУ, ВОЙНА ОКОНЧЕНА!» Парад танцующей лентой двигался по Главной улице, направляясь к Ап-Майл-Хилл.

И здесь на заднем плане маячил клоун в серебристом костюме с оранжевыми пуговицами, застывший в матрице точек зернистой газетной вырезки, он, казалось, предупреждал, что ничего не кончилось, никто не сдался, никто не победил, кроме того, он словно предупреждал, что все потеряно. По крайней мере так показалось Биллу.

Билл похолодел. Во рту у него пересохло. Он испугался.

Точки на картинке неожиданно исчезли, и она зашевелилась.

— Это то, что... — начал Майк.

— Пппосмотрите, — сказал Билл. Слова слетали с его губ, как полурастаявшие кубики льда. — Все, ввсе пппосмотрите на это! Они столпились вокруг Билла.

— О, Боже! — прошептала Беверли в суеверном страхе.

— Это Оно! — почти крикнул Ричи, в запале ударив Билла по спине. Он перевел взгляд с белого искаженного лица Эдди на застывшее лицо Стэна Уриса. — Это то, что мы видели в комнате Джорджа! *Это точно то, что мы видели...*

— Тс-с-с... — сказал Бен. — Слушайте. Он почти прорыдал.

— Господи, вы слышите их, вы слышите, это

там! И в тишине, которую нарушал лишь летний ветерок, они услышали оркестр, который играл военный марш. Музыка была тихой от разделявшего их расстояния или от времени.., звуки ликующей толпы доносились словно с плохо настроенной радиостанции. Они услышали звуки хлопков, такие тихие, словно кто-то щелкал пальцами.

— Петарды, — прошептала Беверли и потерла трясущимися руками глаза. — Там петарды, правильно?

Никто не ответил. Все жадно смотрели на картинку. Парад развернулся и направился прямо на них, но когда демонстранты достигли крайней границы — в том месте, где, казалось, они вот-вот переступят через край картинки и шагнут в мир, от которого их отделяли тринадцать лет, — они скрылись из виду, словно соскользнули по невидимой горке. Сначала исчезли солдаты первой мировой войны, под плоскими касками их лица казались удивительно старыми, в руках они держали плакаты: «ВЕТЕРАНЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ! ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ДОМОЙ, В ДЕРРИ, НАШИ ХРАБРЫЕ МАЛЬЧИКИ», потом исчезли бойскауты, потом — пехотинцы, медсестры, христианский оркестр Дерри, потом ветераны второй мировой

войны и за ними — университетский оркестр. Толпа двигалась и менялась, со вторых и третьих этажей выстроившихся вдоль улицы зданий летели телеграфные ленты и конфетти. Клоун пританцовывал на тротуаре, ходил колесом, изображал стрелков и передразнивал салют. Но Билл заметил, что народ сторонится его, но не так, словно они его видят, это совершенно точно, — они обходили его, словно в этом месте дурно пахло.

Только дети действительно видели клоуна, но и они шарахались от него.

Бен протянул руку к картинке, как это сделал Билл в комнате Джорджа.

— НннНЕТ! — закричал Билл.

— Мне кажется, все нормально, Билл, — сказал Бен. — Посмотри. И он на минуту положил руку на защитный пластик на картинке и потом убрал ее. — Но если снять обертку...

Беверли вскрикнула. Когда Бен протянул руку, клоун прекратил фиглярствовать. Он бросился к ним, нарисованный кровавый рот что-то быстро невнятно тараторил и смеялся. Билл вздрогнул, но не выпустил книгу из рук, решив, что, может, он исчезнет, как исчезли парад, и оркестр, и бой-скауты, и «кадиллак», в котором восседала «Мисс

Дерри» 1945 года.

Но клоун не исчез на той горке, которая как бы определяла границу между тем старым миром и миром сегодняшним. Вместо этого он с ужасающей ловкостью вспрыгнул на фонарный столб на заднем плане в левой части фотографии. Оно по-обезьяньи вскарабкалось по столбу и вдруг прижалось лицом к плотной пластиковой пленке, которой Вилл Хэнлон проложил каждую страницу альбома. Беверли снова закричала. На этот раз закричал и Эдди, хотя его крик был тихим, почти беззвучным. Пластик прогнулся — потом они, обсуждая этот случай, пришли к выводу, что им не показалось, а так и было на самом деле. Билл увидел, как сплющился красный шарик клоунского носа, как всегда сплющивается нос, когда вплотную прильнешь к оконному стеклу лицом.

Убью вас всех! -кричал и смеялся клоун. — *Попробуйте остановить меня, и я убью вас всех! Вы не можете меня остановить! Я — оборотень!*

На мгновение Оно превратилось в оборотня, в серебристое лицо-луну, выглядывающее на них из воротника серебристого костюма, сверкая обнаженными белыми зубами.

Вы не можете остановить меня, я — прока-

женный!

Теперь появилось шелушащееся от гноящихся язв лицо прокаженного, уставившееся на них глазами живого мертвеца.

Вы не можете остановить меня, я — мумия!

Лицо прокаженного постарело и покрылось безжизненными трещинами. Древние бинты наполовину сползли с кожи. Бен отвернулся, его лицо побледнело как творог, одной рукой он вцепился в шею.

Вы не можете остановить меня, я *— мертвые мальчики!*

— Нет! — заорал Стэн Урис. Его глаза выкатились из орбит, лицо приобрело синюшный оттенок. *Шоковое состояние,* -непроизвольно подумал про себя Билл, и именно это словосочетание послужит двенадцать лет спустя названием для его романа; он не вспомнит, откуда оно появилось, просто возьмет и назовет так книгу, как обычно писатели подбирают нужное слово в нужное время, словно скромный дар из внешнего пространства, (другого пространства) где иногда встречаются хорошие слова.

Стэн выхватил альбом у него из рук и с грохотом захлопнул его. Так он и держал его закрытым, и от напряжения на его обеих руках от запястья

до предплечья вспухли сухожилия. Он посмотрел на всех полубезумным взглядом.

— Нет, — быстро сказал он. — Нет, нет, нет!

И Билл неожиданно понял, что эти быстро повторяющиеся отрицания Стэна важнее страшного клоуна; он понял, что именно на такую реакцию надеялся клоун, потому что...

Потому что, может быть. Оно боится нас, по-настоящему боится, впервые за свою долгую, долгую жизнь.

Он схватил Стэна и дважды встряхнул его, сильно держа за плечи. Стэн клацнул зубами и выронил альбом. Майк поднял его и поспешно отложил в сторону. После того, что он только что увидел, ему не хотелось даже дотрагиваться до него. Но альбом принадлежал его отцу, и он интуитивно понял, что его отец никогда не увидит того, что только что видел его сын.

— Нет, — вяло сказал Стэн.

— Да, — сказал Билл.

— Нет, — повторил Стэн.

— Да. Мы вввсе...

— Нет.

— ..вввсе ввидели это, Стэн, — сказал Билл. Он посмотрел на остальных ребят.

— Да, — сказал Бен.

— Да, — сказал Ричи.

— Да, — сказал Майк. — Боже мой, да.

— Да, — сказала Бев.

— Да, — сдавленно произнес Эдди.

Билл посмотрел на Стэна, пытаясь встретиться с ним глазами, но Стэн отвел взгляд с сторону.

— Не дддай этому зззавладеть ттобой, друг, — сказал Билл. — Тты тттоже ввидел это.

— *Я не хотел это видеть,* -простонал Стэн.

— Нно тты вввидел.

Стэн посмотрел на остальных. Он пробежал руками по стриженым волосам, вздрогнул и вздохнул. Глаза, кажется, прояснились от того безумия, которое так взволновало Билла.

— Да, — сказал он. — Да. Хорошо. Да. Ты этого хочешь? Да. Билл подумал: Мы *по-прежнему вместе. Оно не остановит нас.*

Мы по-прежнему можем убить Его. Мы по-прежнему можем убитьЕго.., если не будем бояться.

Билл посмотрел на остальных и увидел, что все они по-разному оценили про себя истерику Стэна.

— Ддда, — сказал он и улыбнулся Стэну. Стэн улыбнулся в ответ, и с его лица исчезло ужасное потрясенное выражение.

— Этого я и ххххотел, ты, мокрый кконец.

— Би-би, Думбо, — сказал Стэн, и все рассмеялись.

— Смех был нервный, но лучше, чем никакой, — подытожил Билл. — Додавайте, — сказал он, потому что кто-то должен был что-то сказать. — Ддавайте ззакончим штаб. Что сскажите?

Они посмотрели на него благодарными глазами, и он почувствовал, что рад этому.., но их благодарное чувство не убавило его собственного ужаса. Даже было что-то в их благодарности такое, из-за чего он был готов их возненавидеть. Неужели ему всегда суждено скрывать свой собственный страх, чтобы не разорвать эту хрупкую связь, которая объединяет их в одно целое? Об этом непорядочно даже думать, Большой Билл. Потому что он в какой-то степени использует их, использует своих друзей, рискует их жизнями, чтобы установить причину смерти своего брата. Но в этом ли все дело? Нет, потому что Джорджи мертв, а Билл считал, что мстить можно только за живых. Что его толкает на это? Самонадеянное маленькое дерьмо, которое размахивает оловянным мечом и пытается убедить себя, что похож на короля Артура!

О, *Господи,* -простонал он про себя, — *если взрос-*

лые ломают головы над этой чепухой, то я не хочу, не хочу быть взрослым.

Его решение было твердым, но мучительным.

Глава 15. ДЫМОВОЕ ОТВЕРСТИЕ

1

Ричи Тозиер поправил очки на носу (жест стал совершенно привычным, хотя он носил контактные линзы уже целых двадцать лет) и с некоторым изумлением подумал, что атмосфера в комнате изменилась, пока Майк вспоминал случай с птицей на чугунолитейном заводе и напоминал им о фотоальбоме отца и о том, как двигалась фотография.

Ричи почувствовал, как в комнате появляется какая-то буйная пьянящая энергия. За последние несколько лет он девять или десять раз пробовал кокаин — в основном на вечеринках. Кокаин не столь необходим, если ты лежишь себе дома, особенно когда в основном время у тебя проходит, как и у всех диск-жокеев — в работе. Но ощущение кайфа, как от кокаина, было похожим, правда не совсем таким. Это чувство было более чистым и более высоким. Ему вдруг показалось, что чувство это пришло к нему из детства, что он испытывал его каждый день и принимал это как само собой разумеющееся. Он подумал, что

если бы он задумывался об этом мощном потоке энергии ребенком (он не мог вспомнить, было ли такое), он бы просто принял это как одно из явлений жизни, что-то вроде того, что всегда при тебе, как цвет глаз или волос.

Ну, в конце концов, все это оказалось неправдой. Энергия, которой вы распоряжались так экстравагантно, когда были ребенком, энергия, которая, казалось, никогда не истощится — вдруг испарилась где-то в возрасте от 18 до 24 лет, ее сменило что-то скучное, что-то вроде искусственного кайфа от кокаина: может быть, это были какие-то стремления, может быть, высокие цели или какое-либо из подобных слов, употребляемых в Молодежной торговой палате. Это не имело большого значения, не все сразу пошло хорошо. И, может быть, — подумал Ричи, — это и было самое жуткое. Нельзя сразу перестать быть ребенком, сразу, с громким треском, как лопнувший воздушный шарик с надписями «Бурма-Шэйв» по бокам. Ребенок просто выходит из тебя, как воздух из шины. И однажды ты смотришь на себя в зеркало, а оттуда на тебя глядит взрослый человек. Можно продолжать носить голубые джинсы, можно по-прежнему ходить на концерты Спрингстина и Сигера, можно подкрашивать

волосы, но лицо останется таким же — взрослого человека.

Но сейчас эта энергия возвращалась. Нет, не во всем — и не совсем, — но все-таки возвращалась. И не только к нему одному; он чувствовал, что она наполняет всю комнату. Ричи показалось, что Майк выглядит отлично — первый раз с того времени, как они собрались на этот ужасный ланч над пропастью. Когда Ричи вошел в холл и увидел Майка, сидящего с Беном и Эдди, он был шокирован и подумал: Вот человек, который сходит с ума; может быть даже готов покончить жизнь самоубийством. Но сейчас это прошло. Не затаилось, а просто исчезло. Ричи сидел и наблюдал, как последние следы этого безумия исчезают с лица Майка, когда он вспоминал эти случаи с птицей и альбомом. Он наполнился энергией. И то же самое произошло со всеми остальными. Это было видно по их лицам, по их жестам.

Беверли посмотрела на шарики, которые Билл отнес к аппарату микрофильмирования на большом столе.

Голубые шарики.

В ДЕРРИ НИГГЕРЫ ЛОВЯТ ПТИЧЕК Оранжевые шарики.

НЕУДАЧНИКИ ПРОДОЛЖАЮТ ПРОИГРЫВАТЬ.

СТЭНЛИ УРИС НАКОНЕЦ ВПЕРЕДИ Господи, — подумал Ричи, открывая новую бутылку пива, — все еще не так плохо. Оно может быть любым монстром, которым Оно хочет быть, и немудрено, что Оно может подпитывать наши страхи.

Эдди нарушил молчание:

— Что, как вы думаете. Оно знает о том, что мы собираемся делать? — спросил он.

— Оно было здесь, правда? — произнес Бен.

— Не думаю, что это имеет большое значение, — ответил Эдди. Билл кивает.

— Это только иллюзии, — сказал он.

— Я не уверен, что Оно может видеть нас и знать, что мы делаем. Вы можете видеть диктора в телевизоре, но он-то вас не видит.

— А эти шарики, ведь они не иллюзии, — Беверли показала пальцем через плечо. — Они-то реальные.

— Но все-таки это неправда, — произнес Ричи, и все смотрят на него.

— Образы реальные. Я уверен. Они...

И вдруг что-то щелкнуло и появилось в комнате, что-то новое; оно щелкнуло с такой силой, что он зажал уши. Глаза его расширились за стеклами очков.

— О, Господи! — неожиданно крикнул он. Он

схватился за стол, почти встал, потом опять упал в кресло с глухим шумом. Он посмотрел на Майка, а все остальные испуганно и встревоженно повернулись к нему.

— Горит, — почти крикнул он. — Глаза горят!

Майк! глаза горят...

Майк кивнул, слегка улыбаясь.

— Рррички, ччто это? — спросил Билл.

Но Риччи не слышал его. Воспоминания наплыли на него как прилив, бросая его попеременно то в жар, то в холод, и он неожиданно понял, почему эти воспоминания возвращаются так постепенно. Если бы он вспомнил все сразу, сила их была бы подобна выстрелу, разрывающему виски. Они снесли бы ему весь затылок.

— Мы видели, что Оно пришло! — сказал он Майку. — Ведь правда, мы видели, что Оно пришло? Ты и я.., или, может быть, это был не я? — Он схватил руку Майка, которая лежала на столе. — Ты тоже видел это, Майки, или это только я? Ты видел? Лесной костер? Кратер?

— Да, я видел, — ответил Майк спокойно и стиснул руку Ричи. Ричи закрыл глаза, думая, что он никогда не чувствовал такой мощной волны облегчения в своей жизни.

— О чем вы, парни? — спросил Эдди, глядя то на

одного, то на другого.

Ричи посмотрел на Майка, но Майк покачал головой.

— Давай ты, Ричи. Я скажу что-нибудь вечером.

— Вы все не знаете, а может быть, просто не запомнили, потому что вы ушли, — сказал им Ричи. — Я и Майки были последними индейцами в вигваме с дымовым отверстием.

— Дымовое отверстие, — сказал Билл задумчиво. Глаза его были где-то далеко, и они светились голубым.

— Ощущение горения в глазах, — сказал Ричи, — под моими контактными линзами. Я первый раз почувствовал его сразу после того, как Майк позвонил мне в Калифорнию. Я не знал, что это такое, но сейчас я знаю. Это был дым 27-летней давности.

Он посмотрел на Майка.

— Психологический, ты бы сказал? Психосоматический? Что-то связанное с подсознанием?

— Я бы так не сказал, — спокойно заметил Майк. — То, что ты чувствовал, так же реально, как шарики или та голова, которую я видел в холодильнике, или труп Тони Трэкера, который видел Эдди. Расскажи им, Ричи.

Ричи начал рассказывать:

— Это случилось через четыре или пять дней после того, как Майк принес отцовский альбом в Барренс. Думаю, что это было где-то во второй половине июля. Наш штаб уже был. Но.., дымовое отверстие, это и была твоя идея, Соломенная голова! Ты вычитал ее из одной из твоих книг!

Слегка улыбаясь, Бен кивнул.

Ричи подумал: В тот день было пасмурно. Ни ветерка. В воздухе пахло грозой. Как тогда, за месяц до того, когда мы стояли у реки кружком, а Стэнли резал наши руки осколком бутылки из-под кока-колы. В воздухе была такая тишина, как будто природа ждала, что вот-вот что-то случится, а позже Билл сказал, что все было так плохо и произошло так быстро, потому что не было тяги.

17 июля. Да, именно тогда. Это был день дымового отверстия. 17 июля 1958 года, почти спустя целый месяц после начала летних каникул, и ядро Неудачников — Билл, Эдди и Бен — сформировалось в Барренсе. Это случилось через два дня после того, как было найдено тело Джимми Куллума, и через день после того, как мистер Нелл снова явился в Барренс и встал прямо над их штабом, не зная, что он там находится, потому что

к этому времени они замаскировали его, и Бен сам следил за тем, чтобы были уничтожены все следы и чтобы дерн был на месте. Если вы только не станете на четвереньки и не проползете все вокруг, у вас даже не возникнет подозрения, что там что-то есть. Как и запруда, штаб Бена удался на славу, но мистер Нелл ничего об этом не знал. Он детально допросил их, официально, занося их ответы в черную записную книжку, но они мало что могли сказать, по крайней мере о Джимми Куллуме, и мистер Нелл опять ушел, напомнив им еще раз, что нельзя играть в Барренсе одним.., никогда.

Мистер Нелл приходил 16-го, день был жаркий, влажный, но солнечный. А 17-го было пасмурно...

— Ты расскажешь нам, Ричи? — спросила Бев, слегка улыбаясь полными, накрашенными бледно-розовой помадой губами, глаза ее сияли.

— Я как раз думаю, с чего начать, — сказал Ричи. Он снял очки, протер подолом рубашки, и неожиданно понял, с чего: с земли, раскрывающейся перед ногами Билла и его собственными. Конечно, он знал о штабе, как и Билл и все остальные, но его до сих пор пугало зрелище разверзающейся земли.

Он вспоминил, как Билл вез его на багажнике Сильвера к их обычному месту на Канзас-стрит,

а потом оставил свой велик под маленьким мостом. Он вспомнил, как они вдвоем шли к открытому месту, иногда сворачивая, потому что кусты были слишком густыми — была середина лета, и Барренс был в полном расцвете своей пышности. Он вспомнил сонмища комаров, назойливо зудящих у самого уха: вспомнил, что Билл сказал (все возвращается к нему настолько ясно, как будто это случилось не вчера, а происходит сейчас):

— Пподождди ее

2

ссекунду, Ррричи! Проклятущий сидит у тебя на шее.

— О, Господи! — сказал Ричи. Он ненавидел комаров. *Маленькие летающие вампиры — вот что они такое.* -Убей его, Билли! Билл хлопнул Ричи по шее.

— Ой!

— Что?

Билл открыл ладонь перед лицом Ричи. Там лежал убитый комар, как раз посередине ладони, и кровь испачкала всю ладонь.

Моя кровь, -подумал Ричи, *— большая потеря для вас и для многих.*

— Да, — сказал он.

— Нне беспокойся, — сказал Билл. — Этот гад никогда уже не станцует танго.

Они шли, отбиваясь от комаров, которые тучей вились над ними, наверное, привлеченные запахом пота — тем, что через несколько лет назовут «ферменты». Или еще чем-то еще.

— Билл, а когда ты собираешься рассказать всем о серебряных пулях? — спросил Ричи, когда они добрались до полянки, хотя он предполагал, что Стэн уже обо всем догадался. Стэн был очень проницательным, слишком проницательным, чтобы быть везучим, думал иногда Ричи. В тот день, когда Майк принес альбом своего отца в Барренс, Стэн пропал. И Ричи уже подозревал, что они больше не увидят Стэна, и что клуб Неудачников скоро станет секстетом (это слово Ричи очень любил, даже с ударением на первом слоге). Но Стэн объявился на следующий день.

— Собираешься ли ты рассказать им что-нибудь сегодня?

— Нне сегодня, — сказал Билл.

— Ты думаешь, они не будут работать? Да?

Билл пожал плечами.

Ричи, который понимал Билла Денбро лучше всех, подозревал, что, если бы не заикание, Билл

мог бы сказать, что изготовление серебряных пуль — это просто подражание персонажам из книг, даже из комиксов. Одним словом, это была игра. Но они попробуют сыграть в нее. А Бен Хэнском, может быть, даже и закончит ее. В кино это бы сработало. Но...

— Итак?

— У меня есть идея, — сказал Билл. — Гораздо проще. Но если только Бббеверли...

— Если Беверли что?

— ..не будет против.

И Билл больше ничего не сказал. Они вышли на открытое пространство. Если посмотреть поближе, можно было бы подумать, что трава примята, слегка примята — какой-то у нее потрепанный вид. Можно было даже подумать, что есть здесь нечто искусственное в том, как лежали листья, как были разбросаны сосновые иглы на самом дерне. Билл подобрал обертку от жвачки — наверняка это Бен се выбросил — и рассеянно положил ее в карман.

Мальчики вышли к центру поляны.., и кусок земли около 10 дюймов длины и 3 дюймов шириной с пронзительным скрипом повернулся на петлях, обнаруживая черные веки. Глаза выглянули из этой темноты, заставив Ричи покрыться

холодным потом. Но это был только Эдди Каспбрак и его глаза. Эдди, придуряясь, сказал:

— Кто идет по моему мосту?

Внизу захихикали, появились огоньки.

— Это я, ваш слуга, сеньор, — сказал Ричи, присев на корточках, закручивая невидимые усы, говоря Голосом Панчо Ванилла, — Правда? — спросила Беверли снизу. — Покажи свой значок.

— Сачок? — крикнул Ричи, кривляясь. — Не нужен нам никакой чертов сачок.

— Иди к черту, Панчо, — ответил Эдди и закрыл черное отверстие. Снизу опять раздались сдавленные смешки.

— Руки вверх, выходите по одному! — скомандовал Ричи низким взрослым голосом. Он начал шагать взад и вперед по дерновому покрытию над клубным домом. Земля под ним пружинила, но выдерживала: построили они на совесть.

— Вам не отвертеться! — кричал он вниз, представляя из себя бесстрашного Джо Фрайди. — Давайте, давайте, выходите, гнилушки! Или мы войдем и будем стрелять!

— Впусти их, Бен, а то они снесут крышу, — сказала Бев. Мгновение спустя дверца отвалилась, как люк в подводной лодке. Выглянул Бен. Он был весь красный. Ричи сразу же вспомнил, что

тот сидел рядом с Беверли.

Билл и Ричи спустились вниз, а Бен снова закрыл крышку. И вот они уже все сидят, вытянув ноги, облокотившись на деревянные стены, лица их тускло освещены лучом фонарика Бена.

— Ннну, ччто тттут происходит? — спросил Билл.

— Ничего особенного, — сказал Бен. Он действительно сидел рядом с Беверли, и лицо его было красным и счастливым. — Мы только...

— Скажи им, Бен, — прервал его Эдди. — Расскажи им эту историю, посмотрим, что они скажут.

— Это не повредит твоей астме? — спросил Стэн Эдди тоном практичного человека, дающего деловые советы.

Ричи сел между Майком и Беном, обхватив руками колени. Было восхитительно прохладно здесь, внизу, все казалось таким таинственным. Следуя глазами за лучом фонарика, он на время забыл, что так поразило его там, снаружи минуту назад.

— О чем это вы говорите?

— О, Бен рассказывает нам историю об одной индейской церемонии, — сказала Бев. — Но Стэн прав, это может повредить твоей астме, Эдди.

— Не беспокойтесь об этом, — сказал Эдди. —

Обычно это происходит, когда я волнуюсь. Но я попытаюсь, в любом случае.

— Чччто попытаешься? — спросил его Билл.

— Участвовать в церемонии Дымового Отверстия, — сказал Эдди.

— А ччто это такое?

Ричи следил глазами, как луч фонарика поднялся вверх. Он бесцельно шарил по деревянной крышке потолка над штабом, пока Бен объяснял. Он скользил по разбитым в щепки панелям дверей красного дерева, тех самых дверей, которые они притащили с дамбы три дня тому назад — за день до того, как было обнаружено тело Джимми Куллума. Все, что Ричи помнил о Джимми Куллуме, тихом мальчике, тоже в очках, — это то, что он любил в дождь играть в «Скрэбл». *Больше не поиграет,* -подумал Ричи, слегка вздрогнув. В сумеречном свете никто не заметил этой дрожи, но Майк Хэнлон, который сидел рядом с ним, плечом к плечу, посмотрел на него внимательно.

— Да, я взял эту книгу в библиотеке на прошлой неделе, — заговорил Бен. — Она называется «Духи Великой Равнины», и она об индейских племенах, которые жили на западе лет сто пятьдесят тому назад. Все эти пайуты, пауни, кайова и прочие команчи. Правда, очень хорошая книга.

Мне бы хотелось когда-нибудь побывать там; где они жили. В Айова, Небраске, Колорадо, Юте...

— Хватит, заткнись и расскажи о церемонии Дымового Отверстия, — сказала Беверли, толкая его локтем.

— Конечно, — сказал он. — Правильно. — И Ричи был уверен, что его реакция будет такая, если даже Беверли толкнет его локтем и скажет: «А сейчас выпей яду, Бен, хорошо?»

— Понимаете, почти все эти племена имели свои собственные обряды. И я подумал, что нашему штабу тоже нужно что-то такое... Если им приходилось принимать какое-нибудь важное решение, они рыли большую яму в земле и закрывали ее ветками, оставляя маленькую отдушину на самом верху.

— Дддымовое отверстие, — сказал Билл.

— Не устаю изумляться быстроте реакции твоего ума, Большой Билл, — авторитетно заявил Ричи. — Тебе бы хорошо поучаствовать в игре «21». Уверен, ты побьешь самого старого Чарли Ван Дорена.

Билл сделал вид, что хочет ударить его, Ричи отклонился и сильно стукнулся головой о подпорку.

— О-о-о-о!

— Так тебе и надо, — сказал Билл.

— Я тебе покажу, подлый гринго, — сказал Ричи, — не нуждаемся мы в...

— Мальчики, хватит, надоело, — сказала Беверли, — это интересно. — И она одарила Бена таким теплым взглядом, что Ричи подумал, что через пару минут из ушей Соломенной Головы вырвется пар.

— О'кей, Бббен, — сказал Билл. — Продолжай.

— Ладно, — сказал Бен. Вместо слова раздалось какое-то карканье. Ему пришлось прочистить горло, прежде чем он смог заговорить. — Как только дымовое отверстие заканчивали, они начинали разводить внизу костер. Из зеленых веток, чтобы они получше *дымили.* Затем все воины спускались вниз и садились вокруг огня. Помещение наполнялось дымом. В книге говорилось, что это была религиозная церемония, но еще и своего рода соревнование, понимаете? Через полдня большинство воинов выползали оттуда, потому что они не могли больше вынести дыма, а только двое или трое оставались. И все думали, что они видят разные видения.

— Да, если вдыхать дым пять-шесть часов, у каждого будут видения, — сказал Майк, и все рассмеялись.

— Все думали, что эти видения дают знаки племени, что делать дальше, — сказал Бен. — И я не знаю, насколько правдива эта часть книги, но там говорится, что видения всегда подсказывали правильно.

Воцарилось молчание, и Ричи посмотрел на Билла, он был уверен, что и *все* остальные смотрят на него сейчас. И Ричи почувствовал, что история Вена — это не только то, что вы просто прочитали в книге, а потом хотите попробовать сделать сами, как химический эксперимент или какой-нибудь фокус. Они все знали это. Это было нечто, что они *должны* были сделать.

У *них были видения... В большинстве случаев видения подсказывали правильно.*

Ричи подумал: *Держу пари, если мы спросим Соломенную Голову, он скажет, что книга сама прыгнула ему в руки. Как будто он хотел прочитать только именно эту книгу и потом рассказать нам про обряд Дымового Отверстия. Потому что здесь есть племя, не правда ли? Да. Это мы. И, конечно, я думаю, мы очень нуждаемся в предсказании, мы хотим знать, что случится дальше.*

За этой мыслью последовала другая: *Известно ли было, что это случится? С того времени как*

Бена посетила мысль вместо штаба на дереве сделать его под землей, предполагалось ли, что это случится? Интересно, как много мы думаем за себя сами, и сколько думается за нас?

В любом случае, он думал, что такая идея должна успокаивать. Приятно было представлять, что нечто большое, чем вы сами, более *сильное,* думает вместо вас, как взрослые люди, которые заботятся о том, чтобы вы были сыты, покупают вам одежду и распоряжаются вашим временем. И Ричи был убежден, что сила, которая собрала их вместе, сила, которая использовала Бена как передатчика для того, чтобы они использовали дымовое отверстие, — эта сила была не такая, как та, которая убивала детей. Эта сила была, напротив, враждебна той, другой...

(*которую вы могли бы назвать)* Оно.

Но все равно, ему не нравилось быть под контролем, не нравилось, что контролируются все его действия, не нравилось, что им управляли, не нравилось, что их направляли...

Все они смотрели на Билла, все ждали, что скажет Билл.

— Зззнаете, — сказал он, — это звучит соблазнительно. Беверли вздохнула, а Стэн неловко шевельнулся...

— В сссамом деле лллловко, — повторил Билл, глядя на свои руки, и, возможно, от слабого света фонарика, или это было собственное воображение Ричи, но ему показалось, что Билл выглядит немного бледным и немного испуганным, хотя и улыбается. — Может быть, мы воспользуемся видением, чтобы оно рассказало нам, как нам поступить с нашими проблемами.

Если у кого-то и будут видения, -подумал Ричи, — *так это у Билла.* Но в этом он ошибся.

— Ну, — сказал Бен, — может быть, это происходит только с индейцами, но было бы глупо не попытаться.

— А, возможно, мы все задохнемся в этом дыму и умрем здесь, — угрюмо сказал Стэн. — Вот уж действительно будет глупо.

— Ты не хочешь попробовать, Стэн? — спросил Эдди.

— Да нет, хочу, — сказал Стэн. — С вами я готов и не на такие глупости.

Он посмотрел на Билла.

— Когда? Билл сказал:

— Ну, другого времени, кроме сегодняшнего, может и не быть? Все задумчиво замолчали. Затем Ричи встал, поднял на вытянутых руках крышку двери и впустил смутный свет тихого

летнего дня.

— Я возьму топорик, — сказал Бен, следуя за ним. — Кто хочет помочь мне срезать несколько зеленых веток? В конце концов они все стали помогать.

3

На подготовку у них ушло около часа. Они срезали по четыре или пять охапок небольших зеленых ветвей, а Бен ободрал с них веточки и листья.

— Ох, и дыму будет, — сказал он. — Я даже не знаю, сможем ли мы их зажечь.

Беверли и Ричи пошли к берегу Кендускеага и принесли целую коллекцию камней приличного размера, сложив их в куртку Эдди. Неся камни, Ричи сказал:

— Тебе не нужно этого делать, ты ведь девочка. А Бен говорил, что только воины заходили вниз в дымовое отверстие, а не скво.

Беверли помолчала, глядя на Ричи с удивлением и раздражением. Локон выбился из ее конского хвоста, она выпятила нижнюю губу и заправила его обратно.

— Если мы будем драться с тобой, Ричи, я уложу тебя за минуту, и ты это отлично знаешь.

— Эта не имеет значений, мисс Скавлет, — заявил Ричи, глядя ей прямо в глаза. — Ты девочка и всегда будешь девочкой! И никогда не станешь индейским воином.

— Тогда я буду воинкой, — сказала Беверли. — Мы будем нести эти камни, или мне запустить их в твою дебильную башку?

— Потише, потише, мисс Скавлет! У меня не дебильная голова! — проканючил Ричи, а Беверли рассмеялась так, что выпустила свой конец куртки Эдди, и все камни посыпались на землю.

Хотя Ричи всерьез не думал о том, чтобы исключить ее из числа присутствующих на церемонии по причине ее пола, но Билл Денбро отнесся к этому очень серьезно.

Она стояла, глядя на него и уперев руки в бедра, ее щеки пылали от негодования.

— Держи карман шире, Заика. Я тоже принимаю в этом участие! Или я больше не член вашего клуба? Билл терпеливо объяснял:

— Эээто не совсем тттак, Бев, и тты ззнаешь это. Просто кто-то *должен* остаться наверху.

— *Почему?*

Билл попытался ответить, но не смог преодолеть своего заикания. Он посмотрел на Эдди, прося помощи.

— Это то, о чем говорил Стэн, — сказал Эдди спокойно. — Из-за дыма. Билл говорит, что действительно может случиться, что мы угорим. От этого можно умереть. Билл говорит, что такое часто случается, когда люди погибают от пожаров в домах. Они не сгорают, они просто угорают. Они...

Теперь она повернулась к Эдди:

— Понятно, он хочет, чтобы кто-нибудь был на страже на случай, если что-нибудь произойдет? Эдди принужденно кивнул.

— Хорошо, а почему не ты? У тебя ведь астма, — Эдди ничего не сказал. Тогда она повернулась обратно к Биллу. Все остальные стояли вокруг, засунув руки в карманы и глядя на свои башмаки.

— Все потому что я девчонка, да? Именно поэтому?

— Бббев!..

— Не смей ничего говорить, — оборвала она резко. — Просто кивай, если «да», и мотай головой, если «нет». *Мозги-то* у тебя не заикаются? Из-за того, что я девчонка?

Билл неохотно кивнул. Она смотрела на него несколько мгновений, губы ее дрожали, и Ричи подумал, что вот сейчас она заплачет, но вместо этого она разразилась руганью.

— Ну что, вашу мать? — она повернулась, чтобы посмотреть на всех остальных, а они отворачивались от ее взгляда, будто он был радиоактивным. — Пошли вы все подальше, если вы все так думаете!

Она повернулась к Биллу и начала говорить быстро, стараясь не обидеть его:

— Это же не просто детская игра в войну или в прятки, и ты знаешь это, Билл. Мы *должны* сделать это. Это часть какого-то плана. И ты не исключишь меня только потому, что я девчонка. Ты что, не понимаешь? Если ты не передумаешь, я сейчас же уйду, а если я уйду, то *навсегда.* Вам ясно?

Она остановилась. Билл посмотрел на нее. Казалось, он взял себя в руки, но Ричи испугался. Он чувствовал, что шанс победить того, кто убил Джорджи и других детей, добраться до Оно и убить Его, сейчас находится под угрозой. *Семь*, -подумал Ричи. — *Магическое число. Нас должно быть семеро. Вот как должно это быть.*

Где-то запела птица; умолкла; запела снова.

— Лладно, — сказал Билл, и Ричи вздохнул свободнее.

— Нно кто-то дддолжен оостаться. Ккто хххочет? Ричи думал, что либо Эдди, либо Стэн

наверняка будут добровольцами, но Эдди не сказал ничего. А Стэн стоял бледный, молчаливый и задумчивый. Майк заложил большие пальцы рук за пояса, как Стив Маквин в фильме «Жить или умереть», неподвижно глядя на всех.

— Дддавайте, — сказал Билл, и Ричи осознал, что все притворство сейчас улетучилось — и страстная речь Бев, и мрачность Билла — за всем этим виделось хорошо знакомое старое лицо. Это была часть всего, и, возможно, такая же опасная, как экспедиция его и Билла к дому №29 на Нейболт-стрит. Они знали это. И неожиданно он почувствовал гордость за них, гордость за то, что он вместе с ними. Много лет его не считали одним из них, а теперь считают. Наконец он стал одним из них. Он не знал, считают их еще неудачниками, или нет, но он знал, что они вместе. Они друзья.

Чертовски близкие друзья. Ричи снял очки и протер их краем рубашки.

— Я знаю, как поступить, — сказала Бев и вытащила из кармана коробок спичек. На этикетке были совсем крошечные изображения претенденток на звание «Мисс Рейнголд» этого года. Беверли зажгла спичку, потом погасила ее и присоединила к остальным шести. Белые концы

семи спичек торчали из ее зажатого кулака.

— Тяни, — сказала она, протягивая спички Биллу. — Кто вытянет спичку с обгорелой головкой, останется наверху и будет вытаскивать остальных, если кто-нибудь угорит.

Билл спокойно посмотрел на нее.

— Вввот ттак ттты ххочешь?

Она улыбнулась, и улыбка осветила ее лицо.

— Да, чучело, я хочу так. А ты?

— Я лллюбблю тебя, Ббев, — сказал он и стремительно покраснел. Казалось, он не замечает этого. Он изучал концы спичек, торчащие из ее кулака, и наконец вытащил одну. Головка была необгорелая. Она повернулась к Бену и предложила ему оставшиеся шесть спичек.

— Я тоже люблю тебя, — сказал Бен хрипло. Лицо его побагровело, он выглядел так, что, казалось, вот-вот упадет в обморок. Но никто не засмеялся. Где-то в глубине Барренса снова запела птица. *Стэн знает, что это за птица,* -подумал Ричи невпопад.

— Спасибо, — сказала она, улыбаясь, и Бен вытащил спичку; она была необгорелая.

Следующим был Эдди. Эдди смущенно улыбался, и улыбка его была необыкновенно милая и застенчивая.

— Думаю, я тоже люблю тебя, Бев, — сказал он и вытащил спичку. Головка была целой.

Теперь у Беверли в руке было четыре спички, и она предложила их Ричи.

— Я-а-а люблю вас, мисс Скарлет! — заорал Ричи изо всех сил и, кривляясь, стал посылать ей воздушные поцелуи. Беверли только посмотрела на него, слегка улыбаясь, но Ричи стало стыдно.

— Я правда люблю тебя, Бев, — сказал он и дотронулся до ее волос. — Тебе приятно?

— Спасибо, — сказала она.

Он вытащил спичку и посмотрел на нее, думая, что вытащил обгорелую. Но нет, она оказалась необгорелой. Бев протянула спички Стэну.

— Я люблю тебя, — сказал Стэн и вытащил одну спичку. Необгорелая.

— Теперь мы с тобой, Майк, — сказала она и предложила вытащить из оставшихся двух. Он сделал шаг вперед.

— Я не слишком хорошо знаю тебя, чтобы говорить о любви, — сказал он, — и тем не менее, я люблю тебя. По-моему, ты можешь давать моей матери уроки ругани.

Все засмеялись, и Майк взял спичку. И у него оказалась необгорелая спичка.

— Тттвоя очередь Ббев, — сказал Билл.

Беверли, выглядевшая раздраженной — все ухищрения оказались напрасными, — открыла руку. Головка оставшейся спички тоже была необгоревшей.

— Тттты пподменила их, — сказал Билл обвиняющим тоном.

— Нет, нет, — в ее голосе не было гневного протеста, который следовало бы ожидать, а просто неподдельное изумление.

— Честное слово, нет, — она показала им ладонь. Они все увидели явный след от обгоревшей спички.

— Билл, клянусь именем матери!

Билл посмотрел на нее и кивнул. Не сговариваясь, все протянули свои спички Биллу. Все семеро стояли, почти касаясь головами друг друга. А Стэн и Эдди стали шарить по земле в поисках обгоревшей спички. Но все было напрасно.

— *Я не подменяла,* -снова сказала Беверли, ни к кому в частности не обращаясь.

— И что теперь делать? — спросил Ричи.

— Давайте пойдем все вместе, — сказал Билл, — по-моему ттолько это ннам и *остается.*

— Ну, а если мы все угорим? — спросил Эдди. Билл снова посмотрел на Беверли.

— Если Бев ссказала ппправду, а я ввверю ей, то

ннничего нне сслучится.

— Откуда ты *знаешь!* -спросил Стэн.

— Ззнаю, и ввсе.

Где-то снова запела птица.

4

Бен и Ричи спустились вниз первыми, а остальные передавали камни друг другу, спуская их вниз. Ричи передавал их Бену, который выкладывал из них круг на земляном полу штаба.

— О'кей, — сказал он. — Достаточно.

Остальные спускались вниз с охапками зеленых веток, которые они срезали топориком Бена. Билл спустился последним. Он закрыл большую дверь и открыл узенькое оконце на петлях.

— Вввот, — сказал он, — ввот наше ддымовое отверстие. У нас есть что-нибудь для растопки?

— Если хотите, можете использовать это, — сказал Майк и достал из заднего кармана потрепанную книжонку с юмористическими рассказами Арчи. — Я ее уже прочитал.

Билл мрачно и медленно разрывал одну страницу за другой. Остальные сидели у стены, колено к колену, плечо к плечу, молча наблюдали. Все были внимательны и сосредоточены.

Билл положил листья и ветки на бумагу, а по-

том взглянул на Беверли.

— Ддавай сспички, — сказал он.

Она зажгла одну, и крошечное желтое пламя засветилось во мраке.

— Может, это отгонит проклятье, — сказала она неровным голосом и поднесла горящую спичку к бумаге в нескольких местах. Когда пламя спички дошло до пальцев, она бросила спичку на середину.

Желтое пламя поднималось, потрескивая и отбрасывая отблески на их лица, снимая напряжение. В этот момент Ричи нисколько не удивляла индейская история Бена. Ему казалось, что они вернулись в те далекие времена, когда белого человека воспринимали как небылицу те индейцы, которые преследовали стада бизонов, такие громадные, что могли покрыть землю от горизонта до горизонта, а когда они бежали, то земля сотрясалась, будто во время землетрясения.

В этот момент Ричи явственно представил себе этих индейцев кайова или пауни, или как там их еще, как они сидели в своей дымовой яме, колено к колену, плечо к плечу, глядя, как пламя пожирает, шипя, зеленые деревья, прислушиваясь к тихому и непрерывному *с-с-с-с-с-с-с* вытекающего

из свежего дерева сока, ожидая видения.

Сидя тут, он мог поверить во все это.., и глядя на их спокойные лица, наблюдающие за пламенем, он понимал, что и они во все это верят. Загорелись ветки. Помещение стало наполняться дымом. Часть дыма, белая, как дымовые сигналы в субботнем сериале с Рэндольфом Скоттом и Эдди Мерфи, выходила из дымового отверстия.

Дым не расходился, потому что не было сквозняка, и большинство его оставалось внизу. Он был едким и разъедал глаза и горло. Ричи услышал, как Эдди дважды закашлялся, — сухой звук, будто две доски стукнули одна о другую, — а потом умолк. *Не следовало бы ему оставаться здесь,* -подумал он.., но что-то помешало произнести это вслух.

Билл подбросил еще одну охапку веток в дымящийся костер и спросил тонким голосом, так не похожим на его обычный:

— Ну что? У кого-нибудь есть видения?

— Видение о том, как мы уходим отсюда, — сказал Стэн Урис, и Беверли засмеялась, кашляя и задыхаясь. Ричи откинул голову и посмотрел вверх на дымовое отверстие — тонкий прямоугольник белого цвета. Он подумал о статуе Поля Баньяна в тот день в марте.., но это был только

мираж, галлюцинация, *(видение).*

— Этот дым меня *убивает,* -сказал Бен. — фу-у-у!

— Тогда иди, — пробормотал Ричи, не отрывая взгляда от дымового отверстия. Он чувствовал, что сможет управлять всем этим, чувствовал, что стал футов на десять легче. И он был абсолютно уверен, черт побери, что помещение увеличилось. До этого толстая нога Бена Хэнскома прижималась к его левой ноге, а костлявое плечо Билла Денбро прикасалось к правой руке. А сейчас он ни до кого не дотрагивался. Он взглянул налево и направо, чтобы убедиться, что его ощущения его не обманывают — так оно и было. Бен был примерно в футе от него, а Билл справа был еще дальше.

— Наше помещение увеличивается в объеме, друзья мои и соседи! — сказал он. Потом глубоко вздохнул и закашлялся. Очень сильно болело в груди, как при гриппе или сильной простуде. На миг ему показалось, что это никогда не кончится и он будет кашлять, пока им не придется вытолкать его отсюда. *Если они еще смогут,* -подумал он, но мысль была слишком расплывчатой, чтобы испугать его. Потом Билл поколотил его по спине, и приступ кашля прошел.

— Вы не знаете и никогда не узнаете, — сказал Ричи. Он опять смотрел в дымовое отверстие, вместо того чтобы смотреть на Билла.

Каким ярким казалось оно ему! Он закрыл глаза, но прямоугольник все еще стоял перед глазами, паря во тьме, но только стал уже зеленого цвета.

— Чччто ты ииимешь вввиду? — спросил Билл.

— Послушай, Заика, — он помолчал минуту, услышав, что кто-то кашляет, но не мог понять, кто именно, — это ты должен говорить разными голосами, а не я, Большой Билл. Ты...

Кашель усиливался. И вдруг помещение наполнилось дневным светом, это произошло так неожиданно, и свет был такой яркий, что Ричи пришлось зажмуриться. Он только отметил, что это Стэн Урис карабкается наверх, выбираясь наружу.

— Простите, — выдавал Стэн сквозь спазматический кашель. — Больше не могу.

— Все в порядке, — услышал Ричи собственный голос. — Чтобы выйти отсюда, тебе на фиг не нужны никакие «значки-сачки». — Голос его, казалось, исходил из кого-то другого.

Секунду спустя дверь захлопнулась. Но свежего воздуха вошло достаточно, и голова его стала

понемногу проясняться. Когда Бен придвинулся на место Стэна, Ричи вновь почувствовал его ногу рядом со своей. *И с чего ему вздумалось, что помещение увеличивается?*

Майк Хэнлон подбросил палочек в дымящийся костер. Ричи часто задышал, глядя на дымовое отверстие. Он совершенно потерял ощущение времени, но смутно был уверен, что, несмотря на дым, в штабе уютно и тепло.

Он посмотрел вокруг, на своих друзей. У них был жалкий вид полузадохшихся в дыму, когда наверху был солнечный день. Голова Бев откинулась на подпорку, руки лежали на коленях, глаза закрыты, слезы текли по щекам к мочкам ушей. Билл сидел, скрестив ноги и опустив голову на грудь. А Бен...

Бен вдруг совершенно неожиданно сорвался с места и снова распахнул дверь — Теперь Бен, — сказал Майк. Он сидел по-индейски прямо, напротив Ричи; глаза у него были красные, как у кролика.

Снова стало относительно прохладно, воздух посвежел, дым потянулся наружу через дверь. Бен закашлялся до рвоты. Стэн помогал ему выбраться, и едва они успели закрыть дверь, как Эдди, шатаясь, поднялся на ноги. Его лицо было

смертельно бледным; а под глазами — огромные синяки, расплывшиеся до скул. Его впалая грудь то опускалась, то поднималась от частого спазматического дыхания. Он слабо цеплялся за крышку спасительного люка, и если бы не помощь Бена и Стэна, которые схватили его один за одну руку, другой за другую, он бы свалился.

— Извините, — выдавил из себя Эдди, и они вытащили его наружу. Дверь захлопнулась снова.

Относительно долго все было спокойно. Дым продолжал сгущаться, пока не превратился в плотный туман. *Похоже на суп из зеленого горошка, Ватсон,* -подумал Ричи, представив себя на миг Шерлоком Холмсом (Холмсом, похожим на Бэзила Рэтбуна и удручающе черно-белым), идущим по своим делам по Бейкер-стрит, а где-то неподалеку Мориарти, в стороне ждет карета, и вот-вот начнется игра.

Мысли были удивительно ясными и *четкими.* Казалось, они имеют вес, как будто это были не простые «карманные» дневные мечтания, каких у него бывало на дню по сто раз (сделать уборку до девяти, вынести мусор, *и вот это подходит, все кончено... ИСЧЕЗЛО! Беги домой, Тозиер.., и разбили пластинку Бэйб!),* но здесь все было почти *настоящим.*

У него хватило здравого смысла понять, что если все упирается в видение Бэзила Рэтбуна как Шерлока Холмса, то вся идея видения становится никчемной.

Конечно, если бы не было там Мориарти. Там снаружи какое-то Оно, настоящее. Оно...

Дверь снова распахнулась, — это выскочила Беверли, сухо кашляя и зажимая рот рукой. Бен схватил ее за одну руку, Стэн — за другую. Наполовину вытащенная, наполовину выкарабкавшаяся сама, она поднялась вверх и исчезла.

— *Увеличивается,* -сказал Билл.

Ричи огляделся. Он увидел сложенный из камней круг, из которого валил дым, собираясь в облака. Прямо напротив он видел Майка, сидящего со скрещенными ногами, как идол, сделанный из красного дерева, уставившегося на него, хотя дым и разъедал его глаза. Казалось, Майк находится ярдах в двадцати от него, а Билл и того дальше. Подземный клубный домик стал казаться залом для бальных танцев.

— Не имеет значения, — сказал Майк. — Я думаю, скоро начнется. *Что-то* уже есть.

— Да, — сказал Билл. Ннно я я я...

Он начал кашлять. Он старался сдержаться, но кашель усиливался, становился сухим и лающим.

В дыму Ричи видел, как Билл неуверенно встал на ноги, вскарабкался к двери и распахнул ее.

— Сссссччччасттли...

А затем исчез, поддерживаемый остальными.

— Похоже, мы с тобой остались вдвоем, старина Майки, — сказал Ричи, а потом зашелся от кашля сам. — Я был уверен, что это будет Билл...

Приступ кашля становился все сильнее, перехватывало дыхание. Голова стала как ватная, она была как репа, сочащаяся кровью. Из глаз за очками текли слезы.

Откуда-то издалека он слышал голос Майка:

— Поднимайся, если надо, Ричи. Не надо, угоришь. Не убивай себя.

Он протянул руку к Майку и помахал ему *(не надо этих дурацких слов)* отказываясь. Мало-помалу он стал справляться со своим кашлем. Майк был прав — что-то должно было произойти. Очень скоро. И он хотел быть здесь, когда *это* произойдет.

Он откинул голову назад и посмотрел на дымовое отверстие. Приступ кашля прошел, голова стала легкой. И у него появилось ощущение, что он парит в воздухе. Это было приятное чувство. Он неглубоко вздохнул и подумал: *Когда-нибудь я стану звездой рок-н-рола. Наверняка стану, — по-*

думал он. — Я буду знаменит. Я буду записывать пластинки, музыкальные альбомы, буду сниматься вкино. Я буду носить черную спортивную куртку и белые туфли, у меня будет желтый «кадиллак». И когда я вернусь в Дерри, все они лопнут от зависти, даже Бауэре. Я ношу очки, кому какое собачье дело, Бадди Холли тоже носит очки. Я буду прыгать и плясать до посинения. Я буду самой яркой звездой рок-н-ролла, самой яркой из всех в Мэне. Я...

Мысли медленно поплыли. Все потеряло значение. Он обнаружил, что теперь ему не нужно стараться дышать неглубоко, его легкие адаптировались. Он мог вдыхать сколько угодно дыма. Может, он с Венеры?

Майк подбросил палочек в огонь. Чтобы не отставать, Ричи бросил еще одну охапку.

— Как ты себя чувствуешь, Ричи? — спросил Майк.

Ричи улыбнулся.

— Лучше, почти хорошо. А ты?

Майк кивнул и улыбнулся в ответ.

— Я нормально. У тебя были какие-нибудь забавные мысли?

— Ага. Сначала я думал, что я Шерлок Холмс. Потом, что я могу танцевать как Дауэлс. У тебя

такие красные глаза, ты не поверишь.

— У тебя тоже. Как два кролика в клетке — вот кто мы такие.

— Да?

— Точно.

— Ты хочешь сказать, что все в порядке?

— Все в порядке. А ты хочешь сказать, что нашел подходящее слово?

— Нашел, Майк.

— Да. О'кей!

Они усмехнулись, глядя друг на друга. Ричи откинулся назад к стене и опять стал смотреть на дымовое отверстие. И вскоре он почувствовал, что медленно воспарил. Причем движется *вверх.* Он поднимался *вверх,* как *(плывем вниз мы все)* воздушный шарик.

— Пппарни, вввсе в порядке?

Голос Билла шел из дымового отверстия. С Венеры. Беспокоится. Ричи почувствовал, что пришел в себя.

— Все в полном порядке, — услышал он свой собственный голос, отдаленный и сердитый. — Все в порядке, мы *говорили,* что все хорошо, не беспокойся, Билл, дай нам найти слово, мы хотим сказать, что мы нашли *(мир)* слово.

Штаб стал больше, чем когда-либо, пол покрыл-

ся каким-то полированным деревом. Дым стоял, как густой туман, сквозь него с трудом можно было различить костер. Этот пол! Господи, помилуй! Такой же большой, как пол в зале для бальных танцев в этой музыкальной фантастической феерии. Майк смотрел на него с противоположной стороны, его очертания были уже трудно различимы.

Ты идешь, старина Майки?

Вместе с тобой, Ричи.

Ты *все еще хочешь сказать, что все в порядке?*

Да.., но держи руку.., ты можешь схватить?

Думаю да.

Ричи протянул свою руку и, хотя Майк был в самом дальнем конце этой огромной комнаты, он почувствовал, как сильные коричневые руки держат его за запястья. О, это было приятное прикосновение — приятно было почувствовать даже само желание уюта и покоя, и с другой стороны — найти покой и уют в желании, найти некое вещество в дыму и дым в веществе...

Он откинул голову назад и посмотрел на дыру для дыма, такую белую и крошечную. Сейчас она была так далеко и высоко, в *миляхотсюда*. Небесный свет Венеры.

Обряд свершался. Он начал парить. *Ну что ж,*

давай! -подумал он, и начал подниматься все быстрее и быстрее сквозь дым, туман, мглу, как бы это ни называлось.

5

Теперь они находились где-то в ином месте.

Они вдвоем стояли в центре Барренса. Смеркалось.

Он знал, что это Барренс, но здесь все было по-другому. Зелень стала гуще и пышнее, все вокруг девственно благоухало. Вокруг цвели растения, которых он прежде никогда не видел. А то, что он вначале принимал за деревья, было на самом деле гигантскими папоротниками. Слышалось журчание льющейся воды, но оно было слишком громким — вода в ручье Кендускеаг текла с мягким и нежным звуком, а это журчание скорее напоминало шум реки Колорадо в том месте, где она пересекает Большой Каньон.

Было очень жарко. Но не так, как бывает в Мэне летом (хотя и здесь влажность бывает такая, что ночью можно обливаться потом в постели). В том месте, где они сейчас находились, было так жарко и влажно, что и представить себе нельзя. Плотные клочья тумана стелились по земле и окутывали ноги мальчиков. Едко пахло кисло-

той, как от сгоревших зеленых деревьев.

Они с Майком направились в сторону журчащей воды. Они молча шли, прокладывая себе дорогу сквозь странную зелень. Толстые веревки лиан свисали с деревьев, как огромные гамаки. Ричи услышал, как кто-то продирался сквозь кусты. Судя по звуку, этот кто-то был гораздо больше оленя.

Он постоял, чтобы оглядеться вокруг, поворачиваясь по сторонам и изучая горизонт. Он знал, где должна была находиться толстая белая труба Стэндпайпа, но ее там не было. Не было и ветки железной дороги, ведущей к депо, в самом конце Нейболт-стрит, а на месте домов Старого Мыса тянулись только низкие овраги со скальными выступами обнаженных пород красного песчаника среди гигантских папоротников и высоких сосен.

Сверху что-то захлопало. Мальчики едва-едва успели пригнуться, как над ними пронеслась стая летучих мышей. Ричи никогда в жизни не видел таких гигантских летучих мышей; на мгновение он жутко испугался, больше даже, чем тогда, когда они с Биллом убегали на Сильвере от оборотня, а он преследовал их по пятам. Безмолвие и чужеродность этой земли наводили

страх, но ее привычность пугала еще больше, они узнавали ее.

Нельзя бояться, — сказал он сам себе. — *Запомни, что это сон, видение или назови как хочешь, а на самом деле мы со стариной Майки сидим в нашем штабе, наполненном дымом. Очень скоро Большой Билл занервничает, почему мы больше не отвечаем, они с Беном зайдут и вытащат нас оттуда. Как Цветик-Семицветик — если поверишь и захочешь, все сбывается.*

Но он видел огромные крылья летучих мышей, и как сквозь их перепончатую кожу просвечивало солнце; а когда они проходили под высокими папоротниками, он увидел жирную желтую гусеницу, ползущую через лист, оставляя за собой следы. По телу гусеницы прыгали и шипели какие-то крохотные черные существа. Если это был сон, то это был самый правдоподобный и ясный сон в его жизни.

Они пошли на звук воды. Там был густой, доходящий до колен туман, и Ричи не мог сказать, касается он земли или нет. Они дошли до места, где обрывался туман и открывалась земля. Ричи не поверил своим глазам. Этот поток не мог быть Кендускеагом, но это был он. Река бурлила и шумела в своем узком русле, ограниченном ка-

менистым берегами. Глядя на противоположную сторону, он видел скалистые берега; по обнаженным пластам можно было судить о возрасте земляных пород, сначала красных, потом оранжевых, потом опять красных. По камням нечего было и думать перейти эту реку, для этого нужен был как минимум веревочный мост. Рокот и рев реки напоминали рык разгневанного глупого существа, и Ричи заметил, открыв от изумления рот, что серебряные с розовым отливом рыбы неправдоподобно высоко выпрыгивают из воды, ловя мошек. Они шумно плюхались в воду, и Ричи успевал рассмотреть их и убедиться, что он никогда в жизни не видел таких рыб и даже не читал о подобных в книгах.

Птицы с шумом проносились по воздуху, пронзительно крича. Их было очень много — не десяток и не два, а так много, что небо казалось темным, так как они заслоняли солнце. Что-то еще проносилось сквозь кусты, потом еще и еще. Ричи обернулся, и сердце больно забилось о ребра: он увидел нечто, напоминающее антилопу, проносящееся на юго-восток.

Что-то должно случиться, И они знают это. Пролетали птицы, приземляясь где-то далеко на юге. Еще одно животное пронеслось мимо

них.., и еще одно. Потом наступила тишина, нарушаемая только рокотом Кендускеага. В этой тишине была какая-то настороженность, как в ожидании родов. Ричи не нравилось все это. Он чувствовал, что у него зашевелились волосы на голове, и схватил Майка за руку. *Ты знаешь, где мы находимся?* -закричал он Майку. Ты *узнал?*

Господи! Конечно! -крикнул Майк. — *Это прошлое, Ричи! Прошлое!* Ричи кивнул. Конечно, это прошлое, как давным-давно, много-много лет тому назад, когда мы жили в лесу и никто больше нище не жил. Они были в Барренсе, каким он был. Бог знает, сколько тысяч лет тому назад! Они были в таком далеком прошлом, что невозможно представить, до оледенения, когда в Новой Англии были такие же тропики, как теперь в Южной Америке. Он нервно осматривался, ожидая увидеть длинные шеи бронтозавров на фоне неба, глядящих с высоты, набив полный рот зеленых веток, или саблезубого тифа, выскакивающего из засады.

Но по-прежнему стояла тишина, как пять или десять минут тому назад, прежде чем стали видны ужасные грозные сполохи, горящие пурпуром в небе, а свет стал зыбким, красно-желтым, и ветер почти полностью затих и душный запах

использованных машинных батарей повис в воздухе.

Мы в прошлом, миллион лет тому назад, а может быть, десять миллионов, а может быть, и все восемьдесят. Но вот они мы, и что-то должно произойти, не знаю, что именно, но что-то, и я боюсь, я хочу, чтобы это все кончилось, я хочу назад, и Билл, пожалуйста, Билл, пожалуйста, вытащи нас отсюда, мы кажется, влипли в историю, пожалуйста, пожалуйста, помоги...

Майк крепко сжал его руку, и он понял, что тишина уже нарушилась. Чувствовались постоянные низкие вибрации — он скорее чувствовал их, чем слышал, они давили ему на барабанные перепонки, надавливая на чувствительные крохотные кости, регулирующие звук. Гул постепенно нарастал. В нем не было мелодии, он просто *был: (то слово, которое было вначале — было слово, была земля...)*бездушный, бессердечный звук. Он схватился за дерево, которое стояло рядом, рука дотронулась до него, нащупала шероховатости ствола, и он почувствовал вибрацию, исходящую изнутри. В то же самое время он почувствовал ее под ногами — постоянное дрожание, которое проходило от ступней до лодыжек и колен, заставляя сухожилия звенеть

как струна.

Оно росло и росло.

Оно шло с неба. Не желая делать этого, но и не имея возможности предотвратить неизбежное, Ричи посмотрел вверх. Солнце было похоже на расплавленный, горящий круг в низком небе, окруженный сказочным кольцом тумана. А под ним неистово зеленел ковер Барренса, но слишком спокойный. Сейчас Ричи подумал, что он понял, в чем заключается видение: *они должны были увидеть пришествие Оно.*

Вибрация обрела голос — рокочущий рев, который восходил в громыхающее крещендо. Он зажал уши руками и закричал, не слыша сам себя. Рядом с ним Майк Хэнлон делал то же самое, и Ричи увидел, что у Майка из носа течет кровь.

Облака на западе окрасились в красный цвет. Луч прочертил след по направлению к ним, расширяясь, превращаясь из ручейка в поток, а потом в реку огня зловещего оттенка, а затем, как горящая падающая комета, прорезал слои облаков. Поднялся ветер. Он был горячий и опаляющий, дымный и душный. То, что было на небе, напоминало комету гигантских размеров, как огромная горящая спичечная головка, на которую больно смотреть. От нее отрывались за-

ряды электричества, голубые вспышки, которые загорались от нее и образовывали грозу.

Космический корабль! -закричал Ричи, падая на колени и закрывая глаза, — О *Господи! Это космический корабль!*

Но он знал — и позже скажет всем остальным, что это *не космический корабль*, хотя, возможно, он пролетал *через* космос, чтобы попасть сюда. Что бы это ни было, откуда бы ни пришло — с другой звезды или с другой галактики — Оно спустилось к ним в этот длинный-длинный день, и если первое попавшееся слово было *космический корабль*, то это, возможно, только потому, что у него не было других слов, объясняющих то, что видели его глаза.

Затем раздался взрыв — за грохотом последовали накатывающие толчки, которые свалили их обоих с ног. На этот раз Майк схватил Ричи за руку. Последовал еще один взрыв. Ричи открыл глаза и увидел ослепительную вспышку и столб дыма, поднимающийся к небу.

Оно! -закричал он Майку в полном экстазе от ужаса, которого он не испытывал никогда в жизни — ни до, ни после, — никогда он не чувствовал такого глубокого шока, который поглотил все остальные эмоции. — *Оно! Оно! Оно!!!*

Майк поднял его на ноги, и они побежали по крутому берегу молодого Кендускеага, не замечая, как близки они к краю обрыва. Сперва Майк споткнулся и упал на колени. Потом то же случилось с Ричи, который поцарапал голень и порвал штаны. Поднялся ветер, неся запах горящего леса прямо на них. Дым становился все гуще, и Ричи мало-помалу убеждался, что они с Майком бегут не одни. Снова мимо неслись животные, спасающиеся от дыма...

6

— Все в порядке?

Он открыл глаза и увидел, что Беверли стоит на коленях, склонившись на ним, и вытирает его губы платком. Все остальные — Билл, Эдди, Стэн и Бен — стояли за ней, и их лица были серьезными и встревоженными. Скула Ричи болела так сильно, как если бы по ней проехал танк. Он попытался что-то сказать Беверли, но из его горла вырвались только какие-то хриплые звуки. Он попытался прокашляться, но его чуть не вывернуло наизнанку. У Ричи было такое ощущение, как будто его горло и легкие все еще наполнены дымом.

Наконец ему удалось выговорить:

— Ты что, дала мне пощечину, Беверли?

— Я просто совершенно не знала, что делать.

— Вот черт, — пробормотал Ричи.

— Я думала, с тобой случилось что-то совершенно непоправимое, — Бев вдруг расплакалась.

Ричи неуклюже похлопал ее по плечу, а Билл обнял ее за шею. Она сразу же протянула руку назад, схватила и сжала руку Билла.

Наконец Ричи удалось подняться, и у него тут же сильно зарябило в глазах. Когда это ощущение прошло, Ричи увидел бледное изумленное лицо Майка, прислонившегося к росшему поблизости дереву.

— Я блевал? — спросил Ричи у Бев, которая продолжала всхлипывать.

Она кивнула.

Хриплым, запинающимся голосом ирландского полицейского, Ричи выговорил:

— На тебя что-нибудь попало, дорогая?

Бев засмеялась сквозь слезы и покачала головой.

— Я перевернула тебя на бок... Боялась, что ты.., за-захлебнешься. Она снова начала плакать.

— Нnне чччестно, — сказал Билл, все еще не выпуская ее руку из своей. — Здесь положено заикаться только мне.

— Неплохо, Большой Билл, — Ричи попытался встать, но с шумом повалился обратно на землю. Рябь в глазах не проходила. Он закашлялся и повернул голову в сторону, поняв, что сейчас его снова вырвет, всего за мгновение до того, как это случилось. Его вырвало зеленой пеной и густой слизью. Закрыв глаза, Ричи спросил:

— Никто не хочет перекусить?

— Вот дерьмо! — воскликнул Бен, которому стало одновременно и смешно, и противно.

— Я бы скорее назвал это блевотиной, — прохрипел Ричи, хотя глаза его были закрыты. — Обычно дерьмо выходит с другого конца, во всяком случае, у меня. Не знаю, может у тебя не так, Соломенная Голова?

Когда он наконец открыл глаза, он увидел штаб в двадцати ярдах от себя. Из раскрытых окна и большой двери в крыше валил дым, но уже не так сильно, как раньше.

На этот раз Ричи удалось подняться на ноги. Какое-то время он был совершенно уверен, что сейчас его снова вырвет, или он упадет в обморок, или же случится и то, и другое.

— Черт бы побрал, — пробормотал он, все очертания плыли и колебались у него перед глазами. Когда голова перестала кружиться, Ричи

направился к Майку. Глаза того были все еще красными, как у хорька. Увидев мокрые пятна на его брюках, Ричи подумал, что старина Майки тоже не избежал гимнастики для желудка.

— Для белого ты оказался очень крепким! — прохрипел Майк и слабо схватился за плечо друга.

У Ричи не находилось слов — чрезвычайно редкая ситуация. Билл вместе со всеми остальными подошел ближе.

— Это ты нас вытащил? — спросил Ричи.

— Яя и Бббен. Вввы ттак ооорали. Оооба. Ннно... — тут он взглянул на Бена.

— Это все из-за этого дыма, — в голосе Бена, впрочем, не было уверенности.

— Я правильно понимаю, что ты имеешь в виду? — вяло спросил Ричи.

— Ты о чем? — Билл пожал плечами.

— Сначала нас там не было, разве не так? Вы полезли вниз, потому что услышали наши крики, но сначала нас там не было, — сказал Майк.

— Там было столько дыма, — сказал Бен. — Вы так орали, что мы все перепугались. Но эти крики.., они.., как бы...

— Ддоносились иззалека, — закончил за него Билл. Сильно заикаясь, он рассказал, что когда

они с Беном спустились вниз, то не увидели ни Ричи, ни Майка. Они стали обшаривать все задымленное помещение, боясь, что друзья могут просто задохнуться. Наконец Билл нащупал чью-то руку, руку Ричи, как оказалось впоследствии, и «ддернул зза ннее изо ввсех ссил». Тогда Ричи появился из темноты, на три четверти в бессознательном состоянии. Обернувшись, Билл увидел, что Бен стоит, по-медвежьи обхватив Майка, и оба они задыхаются от кашля. Бен подтолкнул Майка вверх и помог ему выбраться через дверь в крыше.

Бен слушал все это и время от времени утвердительно кивал.

— Знаешь, как я там носился? Вытянул вперед руку, как будто хочу со всеми поздороваться. И ты за нее ухватился. Как чертовски здорово, что ты за нее ухватился, Майк. А я-то уже начинал думать, что никогда тебя больше не увижу.

— Ребята, как это у вас получается, что вы там бегали и спотыкались? Там ведь не больше полутора метров в каждую сторону.

На мгновение все замолчали и уставились на Билла, который о чем-то напряженно думал с нахмуренными бровями.

— Ведь штаб тогда действительно *был* боль-

ше, — сказал наконец Билл. — Рразве нет, Бен?

— Во всяком случае, так мне показалось, — пожал плечами Бен. — Или во всем виноват дым?

— Дым тут ни при чем, — пробормотал Ричи. — Как раз перед тем, как это случилось — перед тем, как мы оказались снаружи — мне пришло в голову, что штаб стал по размерам не меньше зала для бальных танцев. Я видел такие залы в мюзиклах. В «Семи невестах для семи женихов», например. Майк стоял у противоположной стены, и я видел его с трудом.

— Вы оказались снаружи? — спросила Беверли.

— Ну, я имел в вицу.., как бы...

— Это произошло? Правда? Вам было видение, совсем как у Бена в книжке? — Она схватила Ричи за руку, ее лицо просто сияло. — Это действительно произошло?

Ричи посмотрел на свои ноги, потом на ноги Майка. На колене у Майка красовалась здоровенная прореха в его вельветовых брюках. На его собственных джинсах тоже были дырки — на том же самом месте. Сквозь дырки виднелись его колени, покрытые кровоточащими ссадинами.

— Если это было видение, я не хочу, чтобы оно повторилось, — сказал он. — Я не знаю, что там

было, но мои брюки были совершенно целые, когда нас угораздило туда спуститься. Ну и достанется же мне за них от мамочки.

— И что там было? — одновременно спросили Эдди и Бен. Ричи и Майк посмотрели друг на друга. Затем Ричи спросил:

— Бевви, есть что-нибудь покурить? Она протянула две самодельные папиросы. От первой же затяжки ему стало так плохо, что он вернул папиросу Бев.

— Извини, совершенно не могу курить.

— Это было прошлое, — сказал Майк.

— Черт бы его побрал, — откликнулся Ричи. — Это было даже не прошлое. Что-то давно забытое. Как из прошлой жизни.

— Да, ты прав. Мы были в Барренсе, но погружались в Кендускеаг со скоростью миля в минуту. Там оказалось очень глубоко. Нам было так чертовски неуютно. Извини, Бевви, но я не вру. И вокруг плавали рыбы. По-моему, лососи.

— Пппапа гггворит, ччто в Ккквендускеаге уже ооочень давно ннне водится ннникакая рр-рыба. Из-за ссточных вод.

— Это и было очень давно, — Ричи как-то странно взглянул на них. — Я думаю, что это было миллион лет тому назад.

Его слова были встречены всеобщим молчанием. Наконец Беверли нарушила тишину.

— И что же там было?

Ричи чувствовал, что слова застревают у него в горле, и ему приходилось делать усилия для того, чтобы произнести их. Его как будто снова рвало.

— Мы увидели Его, — сказал он наконец. — Я думаю, это было Оно.

— Господи, — прошептал Стэн. — О, Господи. Послышалось шипение ингалятора Эдди.

— Оно спустилось с неба, — сказал Майк. — Не хотел бы я увидеть нечто подобное второй раз. Оно горело ярким пламенем, рассыпало искры прямо снопами и грохотало, как гром. Этот шум...

Он покачал головой и взглянул на Ричи.

— Он был похож на конец света. Когда Оно приземлилось, весь лес мгновенно вспыхнул. И все кончилось.

— Это был космический корабль? — спросил Бен.

— Да, — сказал Ричи.

— Нет, — сказал Майк.

Они посмотрели друг на друга.

— Впрочем, пожалуй, нет, — сказал Майк. И тут же Ричи заметил:

— Нет, знаете, это действительно был космический корабль, но... И они снова замолчали, под недоуменными взглядами друзей.

— Рассказывай ты, — решил Ричи. — По-моему, мы имеем в виду одно и то же, просто они не понимают.

Майк кашлянул в кулак и с виноватым видом оглядел всю аудиторию.

— Я просто не знаю, что говорить.

— Пппопробуй, — решительно настоял Билл.

— Оно спустилось с неба, — повторил Майк. — Но это не был космический корабль в полном смысле слова. Оно скорее было похоже.., ну.., на Ковчег из Писания, про который в Библии говорится, что в нем был Дух Божий.., только Бог тут совсем ни при чем. Стоило только взглянуть на Него, чтобы почувствовать недоброе, почувствовать, что Оно служит злу, правда.

Майк снова взглянул на остальных.

Ричи кивнул.

— Оно пришло.., оттуда. Такое у меня было чувство. Оттуда.

— Что значит «оттуда», Ричи? — спросил Эдди.

— Просто «оттуда», и все, — ответил Ричи. — А когда Оно приземлилось, Оно так разворотило землю вокруг себя! Огромный холм превратился

в дырку от бублика. Оно село в том месте, где сейчас центральная часть Дерри.

— Врубаетесь? — он посмотрел на слушателей.

Бев выронила недокуренную сигарету и наступила н? нее.

— Оно всегда было там, с начала времен.., с тех времен, когда на Земле еще не было людей или было немного где-то в Африке — прыгали по деревьям, жгли костры в пещерах. Потом кратер исчез, ледник завалил его чем-то, углубил долину... Но теперь там, внутри, уже засело Оно. Возможно, оно погрузилось в сон в ожидании того, когда растает лед и появятся люди, — сказал Майк.

— Вот почему Оно использует трубы и каналы для сточных вод, — вставил Ричи. — Это его улицы.

— А как Оно выглядело? — коротко спросил хриплым голосом Стэн Урис.

Они пожали плечами.

— Сможем ли мы с Ним справиться? — спросил Эдди в полной тишине. — С такой штукой? Никто не ответил ему.

Глава 16. ПЕРЕЛОМ ЭДДИ

1

Когда Ричи закончил свой рассказ, Эдди почувствовал, что по его левому предплечью начала подниматься боль. Подниматься? Да нет, скорее распиливать руку пополам, как будто кто-то затачивал старую ржавую пилу об его кость. Он скорчился от боли, сунул руку в карман и достал экседрин. Запил две таблетки глотком джина со сливовым соком. Весь день рука то начинала, то переставала болеть. Сначала он подумал, что это обострился бурсит. У него всегда начинались приступы этой болезни в сырую погоду. Однако где-то на середине рассказа Ричи новое воспоминание помогло ему понять, что это за боль. Это уже не Переулок Воспоминаний, а целая Магистраль, — подумал Эдди.

Пять лет назад во время регулярного осмотра (каждые шесть недель у Эдди регулярный осмотр) доктор между делом сказал ему:

— Эд, у вас здесь старый перелом... Вы в детстве упали с дерева?

— Вроде того, — согласился Эдди, не собираясь

посвящать доктора Роббинса в то, что, если бы его мама увидела его на дереве, ее непременно хватил бы удар. По правде говоря, он не помнил точно, как сломал руку. Это казалось ему совершенно неважным (теперь Эдди думает, что это отсутствие интереса к причине перелома уже само по себе является очень странным для человека, который привык придавать большое значение каждому чиху и каждому изменению цвета своего дерьма). Но это был старый перелом, который редко беспокоил его, что-то вроде давнишнего происшествия — полузабытого и представляющего мало интереса. Когда Эдди приходилось проводить несколько часов за рулем в дождливую погоду, рука начинала побаливать. Но пара таблеток аспирина помогала забыть об этой боли. Не такой уж сильной она была.

Но теперь все по-другому: какой-то безумец наточил свою ржавую пилу, скрежещет ею о кость, и Эдди вспомнил, что в больнице, в первые три-четыре дня после перелома, особенно поздно ночью, у него было очень похожее ощущение. Тогда он лежал в кровати, покрывшись потом от летнего зноя, и ждал, когда же сиделка принесет ему таблетку, по его щекам катились слезы, а вголове была всего одна мысль: Что за идиот

сидит внутри меня и точит свою пилу?

Если это Переулок Воспоминаний, — *подумал Эдди,* -я бы с удовольствием променял его на клизму для мозга — такую, чтобы прочистить кишечник моего сознания.

Неожиданно для самого себя Эдди сказал:

— Генри Бауэре сломал мне руку. Вы помните?

— Это случилось перед самым исчезновением Патрика Хокстеттера. Числа не помню, — кивнул Майк.

— А я помню, — вяло произнес Эдди. — Это было двадцатого июля. Когда объявили о пропаже Хокстеттера? Двадцать третьего?

— Двадцать второго, — уточнила Беверли Роган, не говоря, впрочем, почему она так уверена в дате. Дело в том, что Бев видела, как Оно забрало Патрика.

— Двадцатого июля, — задумчиво произнес Эдди, перекатывая свой ингалятор по столу из одной руки в другую и обратно. — Через три или четыре дня после этой истории с дымом. Весь остаток лета я проходил в гипсе, помните?

Ричи хлопнул себя по лбу. Этот типичный жест все помнят с того старого времени, а Билл со смешанным чувством удивления и неловкости подумал о том, что на какое-то мгновение Ричи

сделался как две капли воды похожим на Вивера Кливера.

— Ну конечно! Ведь ты был в гипсе, когда мы ходили в этот дом на Нейболт-стрит, разве нет? Да и потом.., в темноте... — но теперь Ричи уже в недоумении покачал головой.

— Ччто сслучилось, Ричи? — спросил Билл.

— Эту часть я еще не могу вспомнить, — признал Ричи. — А ты? Билл медленно покачал головой.

— В этот день Хокстеттер был с ними, — сказал Эдди. — Тогда я последний раз видел его в живых. Может быть, он пошел вместо Питера Гордона. По-моему, Бауэре не хотел больше видеть Гордона с тех пор, как тот сбежал во время драки.

— Все они погибли, правда? — тихо спросила Беверли. — После Джимми Куллума погибли только друзья Бауэрса.., или его бывшие друзья.

— Все, кроме самого Бауэрса, — согласился Майк, бросив взгляд на воздушные шарики, привязанные к прибору для просмотра микрофильмов. — Он теперь в Джанипер-Хилл. Это частная психиатрическая клиника в Огасте.

— А кккогда оони ссломали ттебе ррук?

— Большой Билл, ты заикаешься все сильнее и

сильнее, — провозгласил Эдди и большим глотком допил то, что оставалось у него в бокале.

— Не обращай внимания, — сказал Билл. — Ррасскажи.

— Расскажи, — поддержала его Беверли и слегка коснулась рукой Эдди.

— Ну хорошо, — он вновь наполнил бокал. — Через два дня после того, как я вышел из больницы, вы заявились ко мне домой и показали мне эти серебряные шарики. Помнишь, Билл?

Билл кивнул.

Эдди бросил взгляд на Беверли.

— Билл спросил тебя, смогла бы ты выстрелить одним из них, если бы дело дошло до этого.., ведь ты стреляешь лучше всех. По-моему, ты отказалась, сказала, что боишься... Ты сказала еще кое-что, но я не помню, что именно. Вроде бы... — Эдди высунул язык и коснулся пальцем самого кончика, словно хотел снять пылинку. Ричи и Бен улыбнулись. — Ты говорила о Хокстеттере?

— Да, — ответила Беверли. — Я расскажу, когда ты закончишь. Продолжай.

— Когда вы ушли, в мою комнату вошла мама, и у нас началось настоящее сражение. Она хотела, чтобы я перестал водиться с вами. И ей чуть было не удалось убедить меня это сделать

— вы же знаете, она умела убеждать, капать на мозги...

Билл снова кивнул. Он вспомнил миссис Каспбрак — огромную женщину с лицом шизофренички. Выражение ее лица могло одновременно быть надменным, яростным, жалким и испуганным.

— Да, она вполне могла бы меня убедить, — продолжил Эдди. — Но в тот же день, когда Бауэре сломал мне руку, произошло еще кое-что. И это совершенно потрясло меня.

Эдди улыбнулся, думая: Да, потрясло... И это все, что ты можешь сказать? Что толку рассказывать, если все равно никогда не удается описать словами свои чувства. Будь это в книжке или в фильме, то, что случилось перед тем, как Бауэре сломал мне руку, навсегда перевернуло бы мою жизнь и все теперь было бы совсем по-другому. В книжке или фильме мне не нужно было бы держать в своей комнате целый чемодан таблеток, я никогда не женился бы на Мире, не таскал бы с собой этот трахнутый ингалятор. Да, в книге или фильме...

Вдруг все увидели, что ингалятор Эдди сам по себе начал кататься по столу. При этом он слегка погромыхивал, как мара-касы, как кости.., как смех. Докатившись до дальнего края, посередине между Беном и Ричи, он подпрыгнул в воздух

и упал на пол. Ричи безуспешно попытался его подхватить, но Билл пронзительно завопил:

— Нне прикасайся!

— Шарики! — воскликнул Бен, и все они обернулись.

Теперь на обоих шариках, привязанных к прибору, красовалась надпись: «Лекарство от астмы вызывает рак!» Под этой надписью нарисованы ухмыляющиеся черепа.

Шарики с треском лопнули.

Эдди наблюдал за ними, ощущая, как во рту накапливается сухость, как грудь, словно под прессом, сдавливают знакомые признаки удушья.

— И ччто же с ттобой ссслучилось? — спросил Билл. Эдди облизнул губы, собираясь, но не осмеливаясь подняться и пойти за ингалятором.

Он вспомнил этот день, двадцатое, как тогда было жарко, как мать дала ему полностью заполненный чек, в котором не была указана только сумма, и доллар наличными — это его жалованье.

— Мистер Кин, — Эдди казалось, что его голос доносится откуда-то издалека. — Это был мистер Кин.

— Не самый приятный человек в Дерри, — сказал Майк, но Эдди, погруженный в собственные

мысли, едва ли услышал его.

Тот день был жарким, но внутри помещения аптеки на центральной царила прохлада. Под потолком, обитым тонкой жестью, вращались деревянные лопасти вентиляторов, в воздухе ощущался приятный запах порошков и патентованных лекарств. В этом месте продавали здоровье — таково было твердое, хотя и невысказанное убеждение его матери. Внутренние часы Эдди были установлены на половину двенадцатого, и он нимало не сомневался в правоте своей матери в этом вопросе, как, впрочем, и во всех остальных.

Да, мистер Кин действительно положил всему этому конец, — *подумал он с каким-то приятным негодованием.*

В тот день мистер Кин вместо того чтобы, как обычно, отдать ему большой белый пакет с лекарствами и рецепт и посоветовать убрать его на всякий случай в карман, задумчиво посмотрел на Эдди и сказал:

— *Зайди-ка*

2

на минутку ко мне. Я хочу с тобой поговорить.

Эдди не сдвинулся с места. Он просто слегка

испуганно смотрел, мигая, на мистера Кина. Внезапно ему показалось, что аптекарь решил, что он что-то стащил с прилавка. Входя в аптеку, Эдди всегда читал объявление, висевшее на двери и гласившее: "Воровство — это не забава, не развлечение и не подвиг! Воровство это *преступление,*и Вас ждет *возмездие".*

Эдди никогда не лелеял преступных замыслов, но при виде этого страшного объявления он всегда чувствовал себя виноватым — ему начинало казаться, что мистер Кин знает о нем что-то такое, о чем он сам даже не подозревает.

Затем аптекарь еще больше смутил его, сказав:

— Как насчет коктейля?

— Э-э...

— Дружок, за счет заведения. Я всегда выпиваю один коктейль в это время. Это добавляет сил, если тебе, конечно, не нужно следить за своим весом, а я бы сказал, что эта проблема не актуальна для нас обоих. Моя жена говорит, что я выгляжу, как натянутая струна. Вот твоему приятелю Хэнскому — ему нужно следить за своим весом. С чем ты будешь коктейль?

— Вы знаете, мама велела мне идти домой сразу же после...

— Мне кажется, ты предпочитаешь с шокола-

дом. Шоколад годится? — глаза мистера Кина сверкнули, как в пустыне сверкают на солнце осколки слюды. Во всяком случае, это сравнение пришло в голову Эдди, почитателю писательских талантов Макса Бранда и Арчи Джослена.

— Да, — сдался Эдди. Ему почему-то стало не по себе от того, как аптекарь поправил свои очки с золотыми ободками, от того, как вел себя аптекарь — он казался одновременно озабоченным и довольным. Эдди не хотелось идти в контору с мистером Кином. Нет, не ради коктейля пригласил его аптекарь. Дудки. И Эдди представил себе, что то, ради чего его туда позвали, на самом деле окажется не очень приятным.

Может, он хочет сказать, что у меня рак или что-нибудь в этом роде, -отчаянно соображал Эдди. — *Может, это детский рак? Лейкемия? О, Господи!*

Не будь таким олухом, -осадил он сам себя, стараясь подражать Заике Биллу. Заика Билл стал новым кумиром Эдди после того, как он разочаровался в Джоке Мэхони — актере, исполнявшем роль Конногвардейца в утренней субботней программе. Несмотря на дефект речи, Большой Билл всегда оказывался на высоте положения. — *Этот парень — не врач, а фармацевт, как-никак.*

Но это не успокоило Эдди.

Мистер Кин поднял крышку прилавка и поманил его костлявым пальцем. Эдди, сам того не желая, пошел за ним.

Руби — девушка, которая сидела за прилавком рядом с кассовым аппаратом, читала номер «Серебряного экрана».

— Руби, не сделаешь нам два коктейля? — обратился к ней аптекарь. — Один шоколадный, другой кофейный.

— Конечно, — Руби заложила страницу журнала краем суперобложки и встала.

— Принесешь их в контору.

— Хорошо.

— Пойдем, сынок. Я не кусаюсь, — тут мистер Кин подмигнул, чем совершенно смутил Эдди.

До этого ему ни разу не приходилось бывать за прилавком, и он с интересом смотрел на все эти бутылочки и таблетки. Если бы он попал сюда по собственному желанию, он мог бы часами рассматривать ступку с пестиком, весы с гирьками и странные капсулы. Но мистер Кин утянул его в контору и плотно закрыл дверь. Когда дверь захлопнулась, Эдди почувствовал, что у него в груди все сжалось, и попытался перебороть это ощущение. В пакете с покупками лежал новый

ингалятор и, выйдя отсюда, он мог бы насладиться его животворным содержимым.

На углу стола стояла банка с лакричным кремом. Мистер Кин предложил ему попробовать крем.

— Нет, спасибо, — вежливо отказался Эдди.

Мистер Кин уселся на вращающийся стул и занялся кремом. Потом он открыл один из ящиков стола и что-то достал. Он положил этот предмет рядом с высокой банкой, и Эдди начал ощущать настоящую тревогу. Это был ингалятор. Мистер Кин откинулся на спинку стула так, что его голова почти коснулась календаря, висевшего на стене. На календаре были изображены какие-то таблетки. Под ними была подпись: «Сквибб». И...

...и в течение одного кошмарного мгновения, как раз когда мистер Кин открыл рот, собираясь что-то сказать, Эдди вдруг подумал о том происшествии, которое случилось однажды в обувном магазине, когда он, еще совсем маленьким мальчиком, получил нагоняй от матери за то, что засунул ногу в рентгеновский аппарат. В течение этого кошмарного мгновения Эдди казалось, что сейчас мистер Кин скажет:

«Эдди, девять из десяти докторов считают, что лекарство от астмы вызывает рак, как и рентге-

новские аппараты в наших обувных магазинах. Может быть, ты уже болен им. Я просто думал, что ты должен это знать».

Но то, что мистер Кин действительно собирался сказать и сказал, прозвучало настолько необычно, что сначала Эдди даже не мог решить, что же ответить, поэтому он продолжал молча сидеть на прямом деревянном стуле по другую сторону стола мистера Кина.

— Это не может продолжаться вечно. Эдди открыл рот, потом снова закрыл его.

— Сколько тебе лет, Эдди? Одиннадцать, не так ли?

— Да, сэр, — ответил Эдди слабым голосом. Его дыхание становилось все более учащенным. Эдди еще не пыхтел, как кипящий чайник (Ричи говорил в таких случаях: «Эй, снимите Эдди с огня! Он уже вскипел!»), но уже готов был это сделать. Он с тоской посмотрел на ингалятор на столе и, поскольку ему показалось, что от него ждут чего-то еще, добавил:

— В ноябре мне исполнится двенадцать.

Мистер Кин кивнул, наклонился вперед, как это делают фармацевты в рекламных роликах по телевидению, и сложил руки. Стекла его очков ярко блестели в свете мощных ламп дневного

света. — Эдди, ты знаешь, что такое плацебо?

Эдди напряг все свои умственные способности и предположил:

— Может быть, это такая штука у коров, где у них молоко, нет? Мистер Кин засмеялся и снова откинулся на спинку стула.

— Нет, — сказал он, и Эдди покраснел до корней волос. Теперь он отчетливо слышал свист своего дыхания.

— Плацебо...

Отрывистый стук в дверь прервал аптекаря. Не дожидаясь, пока ее пригласят войти, в дверном проеме показалась Руби, держа в каждой руке по бокалу для коктейля.

— Твой, наверное, с шоколадом, — сказала она Эдди и скорчила ему рожу. Он постарался как можно достойнее отпарировать этот удар, но никогда в жизни он не испытывал такого равнодушия к коктейлям и мороженому. Его мучила какая-то неясная тревога — именно такое чувство он испытывал, сидя в одних трусах за столом в кабинете доктора Хэндора в ожидании самого доктора. Тоща он знал, что за стеной, в приемной, сидит его мать, занимая почти целый диван, подняв к самым глазам, словно молитвенник, какую-нибудь книжку (скорее всего, «Силу

позитивного мышления» Винсента Пила или «Народную медицину» доктора Джарвиса). Голый и беззащитный, он чувствовал себя загнанным зверем между матерью и доктором.

Когда Руби вышла, Эдди отпил из бокала, почти не ощущая вкуса. Мистер Кин подождал, пока дверь закроется, и снова улыбнулся своей слюдяной улыбкой.

— Расслабься, Эдди. Я тебя не укушу и не обижу.

Эдди кивнул, потому что мистер Кин был взрослый, а со взрослыми всегда нужно соглашаться (так говорила мама), но на самом деле он думал: *«Не надо, я сто раз слышал это вранье!»* Именно так успокаивал его доктор, открывая стерилизатор, когда Эдди почувствовал острый запах спирта. Это был запах уколов и запах лжи. И то, и другое сводилось к одному: если тебя стараются убедить, что ты ничего даже не почувствуешь, только комариный укус, нужно ждать сильной боли, *очень сильной.*

Эдди еще раз поднес ко рту бокал с соломинкой. В этом было мало приятного. Из-за горловых спазмов он с трудом мог дышать. Он взглянул на ингалятор, уютно устроившийся посередине приходно-расходной книги аптекаря, хотел попросить его, но не отважился. Эдди в голову

пришла странная мысль: может быть, мистер Кин *знает,* что Эдди хочет, но не осмеливается попросить у него ингалятор, может быть, мистер Кин *(мучает его)* издевается над ним специально? Только эта мысль не могла быть верной, не правда ли? Разве станет взрослый — тем более *здравоохранительный* взрослый — так издеваться над маленьким мальчиком? Конечно же, нет. Эдди не мог даже допустить, что это так: в таком случае его постигло бы страшное разочарование во всем мире, как он его воспринимал.

Но вот он лежит, вон там, так близко и тем не менее так далеко. Как будто бы человек, умирающий от жажды в пустыне, не может дотянуться до воды. Вот он лежит на столе, рядом с улыбающимся лицом аптекаря.

И тут Эдди сделал одно из самых важных открытий своего детства: *Настоящие чудовища — это взрослые.* Это открытие не было встречено фанфарами, оно не было результатом мгновенного озарения. Оно просто пришло и ушло, уступив место другой, более настоятельной мысли: *Мне нужен мой ингалятор, и я хочу выбраться отсюда.*

— Расслабься, — повторил мистер Кин. — Твоя основная беда, Эдди, в том, что ты все время на-

пряжен и сжат, как пружина. Возьмем, к примеру, твою астму. Вот смотри...

Мистер Кин выдвинул ящик стола, пошарил внутри и достал воздушный шарик. Вдохнув изо всех сил полной грудью (при этом его галстук поднялся вверх и стал похож на крошечный челнок на гребне волны), он надул шарик. На нем была надпись: «Аптека на Центральной. Рецепты, медицинские принадлежности и всякая всячина». Мистер Кин завязал шарик и показал его мальчику.

— Представь на минуту, что это легкое, — сказал он. — *Твое*легкое. На самом деле, конечно, нужно было бы надуть два шарика, но у меня после рождественской распродажи остался всего один...

— Мистер Кин, можно я возьму свой ингалятор? — у Эдди в голове начинало шуметь. Его дыхательное горло все плотнее сжималось. Сердце колотилось все сильнее, на лбу выступили капли пота. Бокал с шоколадным коктейлем стоял на углу стола мистера Кина, и вишенка, лежавшая на поверхности взбитой пены, начинала медленно погружаться в нее.

— Подожди-ка минутку, — сказал мистер Кин. — Прислушайся к моим словам, Эдди. Я хочу

тебе помочь. Кто-то должен это сделать. Если Расе Хэндор недостаточно мужествен для этого, придется сделать это мне. Твое легкое — как этот шарик, только окружено мышцами, и эти мышцы управляют им, как руки человека управляют кузнечными мехами, понимаешь? У здорового человека эти мышцы сжимают и расширяют легкое. Но если хозяин этого здорового легкого будет все время напряжен, мышцы перестанут помогать ему и начнут мешать. Смотри!

Мистер Кин обхватил воздушный шарик своей костлявой рукой, покрытой желтоватыми пятнышками, и сдавил его. Шарик вздулся под и над его кулаком, и Эдди зажмурился в ожидании хлопка. Одновременно он прекратил дышать, наклонился над столом и схватил ингалятор. Плечом Эдди задел тяжелый бокал с коктейлем. Бокал упал на пол и разбился с оглушительным грохотом.

Но Эдди в этот момент было не до бокала. Он стащил с ингалятора колпачок и, засунув его наконечник себе в горло, нажал на кнопку. Мальчик начал прерывисто дышать, и в его голове пронеслось паническим роем, как это всегда случалось в момент удушья: *Ну, пожалуйста, мамочка, я задыхаюсь, я не могу ДЫШАТЬ, о Гос-*

поди, Господи, Боже мой, я не могу ДЫШАТЬ, ну пожалуйста, я не хочу умирать, не хочу умирать, ну, пожалуйста...

Распыленное лекарство из ингалятора осело на воспаленных стенках глотки, и Эдди снова мог дышать.

— Извините, — сказал он, чуть не плача. — Я не хотел... Я сейчас все уберу и заплачу за бокал.., только не говорите ничего моей маме, ладно? Извините, мистер Кин, я просто не мог *дышать...*

Снова послышался отрывистый стук в дверь, и показалась голова Руби.

— Что...

— Все в порядке, — резко оборвал ее мистер Кин. — Оставь нас одних.

— Ну извините! — сказала Руби, закатив глаза, и захлопнула дверь.

Эдди снова начал хрипеть. Он еще раз приложился к ингалятору и снова начал мямлить извинения. Мальчик перестал только после того, как увидел, что мистер Кин опять улыбается своей слюдяной улыбкой. Руки аптекаря были сложены на груди. На столе лежал воздушный шарик. Вдруг у Эдди мелькнула догадка. Он попытался убедить себя в том, что она совершенно несостоятельна, но не смог. У мистера Кина был

такой вид, как будто приступ астмы у мальчика доставил ему гораздо больше удовольствия, чем кофейный коктейль.

— Не волнуйся, — убеждал Эдди мистер Кин. — Руби все потом уберет, и, если хочешь знать правду, я даже рад, что ты разбил бокал. Потому что я пообещаю ничего не говорить твоей маме о бокале, если ты пообещаешь ничего не говорить о нашем разговоре.

— Конечно, я обещаю, — с нетерпением сказал Эдди.

— Отлично, — отозвался мистер Кин. — Мы поняли друг друга. Теперь ты чувствуешь себя гораздо лучше, не так ли? Эдди кивнул.

— А почему?

— Почему? Ну я ведь принял лекарство... — Эдди посмотрел на мистера Кина точно так же, как смотрел на миссис Кейси в школе, когда не был полностью уверен в своем ответе.

— Но ведь ты не принимал никаких лекарств. Ты принял *плацебо.*Плацебо, Эдди, это такая штука, которая похожа на лекарство по вкусу и цвету, но не является лекарством. Плацебо — не лекарство, потому что в нем нет активных ингредиентов. Или если считать его лекарством, то это лекарство совершенно особого рода, лекарство

для головы, — мистер Кин улыбнулся. — Понимаешь это, Эдди? Лекарство для головы.

Эдди все прекрасно понимал: мистер Кин только что назвал его сумасшедшим. Но вслух он прошептал:

— Нет, я не совсем понимаю.

— Позволь рассказать тебе одну небольшую историю, — начал аптекарь. — В 1954 году в Депольском университете был проведен ряд экспериментов на больных, у которых была язва желудка. Сотня пациентов получила таблетки. Всем им сказали, что это таблетки от язвы, но половине из них на самом деле дали плацебо.., совершенно безобидное вещество в одинаковой розовой оболочке, — мистер Кин захихикал, как человек, который рассказывает не об эксперименте, а о каком-то забавном происшествии. — Из этих ста пациентов девяносто три сказали, что чувствуют себя гораздо лучше, а состояние восьмидесяти одного и в самом деле улучшилось. Что ты теперь скажешь? К какому выводу приводит этот эксперимент?

— Не знаю, — слабо ответил Эдди.

Мистер Кин торжественно указал на свою голову.

— Большая часть болезней начинается здесь,

вот что я скажу. Я занимаюсь лекарствами много лет, и я узнал об эффекте плацебо задолго до исследования этих врачей из Депольского университета. Обычно плацебо приходится давать пожилым людям. Такой старик или старуха приходит к доктору, не сомневаясь в том, что у него или у нее сердечная болезнь, рак, диабет или еще какая-нибудь чертовщина. Но в большинстве случаев ничего этого нет и в помине. Они плохо чувствуют себя из-за старости, вот и все. Но что остается делать доктору? Сказать им, что они похожи на часы с севшими пружинами? Хм! Да ничего подобного! Доктора не упускают случая получить гонорар, — на лице мистера Кина играла насмешливая улыбка.

Эдди просто сидел и ждал, пока все это наконец закончится. Ты *не принимал никаких лекарств* -эти слова жгли его память.

— Доктора ничего не рассказывают им, и я тоже. К чему это? Когда-нибудь старики будут приходить ко мне с рецептом, на котором так и будет написано: «Плацебо», или: «Двадцать пять гран Голубого Неба», как обычно писал старый доктор Пирсон.

Мистер Кин захихикал и приложился к соломинке в бокале с кофейным коктейлем.

— Ну и что же в этом плохого? — спросил он у Эдди и ответил на свой вопрос сам:

— Да ничего! Абсолютно ничего! По крайней мере, в большинстве случаев... Плацебо — это просто спасение для пожилых людей. Есть и другие случаи — рак, запущенная болезнь сердца, другие заболевания, о которых мы пока не можем сказать ничего определенного, а иногда это детские болезни, как у тебя. Если в таких случаях плацебо помогает больному, то что в этом плохого? Ты видишь в этом что-нибудь плохое, Эдди?

— Нет, сэр, — Эдди посмотрел на пол, на пролитый коктейль, остатки мороженого и осколки бокала. Поверх всего этого лежала вишенка, похожая на каплю крови, свидетельствующую об убийстве. Напряжение в груди мальчика снова стало расти.

— Ну тогда мы просто как Майк и Айк! Мы мыслим одинаково. Пять лет тому назад, когда у Вернона Мэйтленда обнаружили рак пищевода — надо сказать, это редкая разновидность рака и очень тяжелая, — доктора поняли, что не могут ему ничем помочь. Тогда я зашел в его палату с упаковкой таблеток сахарина. Верной всегда был моим другом, и я сказал ему: «Берн, это особое экспериментальное болеутоляющее лекарство.

Доктор не знает, что я дал его тебе, и пусть он не узнает об этом никогда. Может быть, оно не поможет тебе, но я в него верю. Принимай не больше одной таблетки в день, и только тогда, когда боль становится невыносимой». На его глазах были слезы благодарности. Слезы... И они помогли ему! Да! Таблетки сахарина избавили его от мучений! Потому что все мучения происходят из-за этого.

Мистер Кин снова торжественно похлопал себя по лбу.

— Мое лекарство действует, — сказал Эдди.

— Я знаю, — аптекарь улыбнулся, и в его улыбке было сознание превосходства взрослого над ребенком. — Оно действует на легкие, потому что действует на голову. Гидрокс, Эдди, — это вода, в которую добавлена камфара, чтобы она была похожа на лекарство по вкусу.

— Нет, — сказал Эдди. В горле у него снова начало хрипеть. Мистер Кин отпил немного коктейля, отправил в рот ложечку мороженого и тщательно вытер подбородок носовым платком. Эдди сидел, засунув в горло ингалятор.

— Отпустите меня.

— Пожалуйста, разреши мне закончить.

— Нет, я хочу уйти. Вы получили свои деньги, не держите меня!

— Разреши мне закончить, — голос аптекаря прозвучал так категорично, что Эдди уселся назад. Господи, как ужасны порой эти взрослые!

— Твоя проблема частично заключается в том, что твой врач Расе Хэндор безвольный человек, а твоя мама уверена в том, что ты болен. Ты, Эдди, попал между двух огней.

— Я не сумасшедший, — прошептал мальчик еле слышно. Стул под мистером Кином заскрипел, как огромный сверчок.

— Что?

— Я говорю, я не сумасшедший! — закричал Эдди, и кровь бросилась ему в лицо.

Улыбку на лице аптекаря можно было понять так: "Думай, как *ты* хочешь, а я буду думать, как я хочу!"

— Все, что я хочу сказать, Эдди, это, что ты здоров физически. Астмой больны не твои *легкие,* а твое *сознание.*

— Вы думаете, что я сумасшедший!

Мистер Кин наклонился и пристально посмотрел на мальчика.

— Я так не думаю, — тихо сказал он. — А ты?

— Вес это ложь! — Эдди даже удивился, что может так громко кричать. Он пытался представить, как бы повел себя Билл на его месте. Билл

бы знал, что ответить, не важно, заикаясь или нет. Билл повел бы себя, как мужчина. — Все это глупая ложь. У меня *есть* астма, *есть!*

— Ну конечно, — сухая усмешка на губах аптекаря стала похожа на оскал черепа. — Но откуда она у тебя?

В голове у Эдди бушевал настоящий ураган. О, ему было плохо, так плохо...

— Четыре года назад, в 1954 году, — в тот самый год, когда в Депольском университете поставили эксперимент, — странное совпадение, правда? — доктор Хэндор начал прописывать тебе гидрокс, то есть смесь водорода и кислорода, воду, Эдди! До сих пор я молчал, но теперь настало время сказать правду. Лекарство от астмы воздействует на твою голову, а не на легкие. Твоя астма вызвана тем, что твоя диафрагма подвергается нервному напряжению по воле твоего сознания.., или по воле твоей матери. Ты не болен.

Наступила гнетущая тишина.

Эдди сидел на своем стуле, борясь с потоком мыслей, вызванных словами аптекаря. На одно мгновение он допустил, что тот лжет, и ужаснулся тем выводам, которые вытекали из рассуждений Кина. Но зачем же ему лгать, тем более по такому серьезному поводу?

Мистер Кин улыбался — словно кусочки слюды блестели в лучах солнца.

У *меня есть астма, есть. В тот день, когда Генри Бауэре разбил мне нос, когда мы с Биллом пробовали строить плотину в Барренсе, я чудом остался жив. Неужели все это — плод моего воображения? Но зачем же ему лгать?* (Прошло много лет, прежде чем Эдди задал себе еще более ужасный вопрос: *Зачем же ему нужно было говорить мне правду?)* До него, словно во сне, доносились реплики мистера Кина:

— Я присматривался к тебе, Эдди. Я рассказал тебе все это только потому, что подумал — ты уже достаточно взрослый. Впрочем, не только и даже не столько поэтому. Гораздо важнее то, что у тебя есть друзья и, по-моему, на них можно положиться, да?

— Да.

Мистер Кин откинулся на спинку стула, который при этом снова заскрипел, как сверчок, и прикрыл один глаз. Возможно, он хотел подмигнуть Эдди.

— И держу пари, что твоей маме это не по душе.

— Да нет, они ей очень даже по душе. — Эдди вспомнил те гадости, которые его мама говори-

ла о Ричи Тозиере (У *этого мальчишки всегда скверно пахнет изо рта... По-моему он курит.),*ее брезгливое предостережение никогда не одалживать денег Стэну У рису, потому что он еврей, ее неприязнь к Биллу Денбро и к «этому толстяку».

— Они ей довольно-таки по душе, — повторил Эдди.

— Правда? — мистер Кин продолжал улыбаться. — Ну правда это или нет, но по крайней мере у тебя есть друзья. Может, тебе стоит поделиться с ними этими своими проблемами? Рассказать им об этом.., расстройстве сознания. Выслушать их мнение.

Эдди не отвечал. Так он чувствовал себя в большей безопасности. Кроме того, мальчик был уверен в том, что если мистер Кин не отпустит его через одну-две минуты, он не выдержит и расплачется.

— Ну хорошо! — мистер Кин поднялся. — Я думаю, что сказал все, что собирался. Если я расстроил тебя, прости меня, Эдди. Я всего лишь выполнял свой долг. Я...

Тут Эдди схватил свой ингалятор и белый пакет с лекарствами и бросился бежать. Одной ногой он наступил в лужу коктейля, поскользнулся и чуть не упал. Потом он помчался изо всех сил от этого

ужасного места, этой аптеки на Центральной, не обращая внимания на хрип и свист в горле. Руби, разинув рот от изумления, смотрела ему вслед.

Мальчик чувствовал, что мистер Кин наблюдает за его позорным бегством, стоя у двери своего заведения, задумчиво улыбаясь. Улыбаясь той самой улыбкой, похожей на блеск осколков слюды.

Мальчик перевел дух на перекрестке трех улиц — Канзас, Мейн и Центральной. Присев на невысокий уступ каменной стены рядом с автобусной остановкой, он еще раз воспользовался ингалятором. На этот раз вкус лекарства был неприятным и вяжущим *(просто вода и несколько капель камфары)* и Эдди показалось, что если он снова сунет наконечник ингалятора в рот, его вырвет.

3

Выйдя двадцать пять минут спустя из магазина на Костелло-авеню со стаканом пепси в одной руке и двумя конфетами «Пэйди» в другой, Эдди был неприятно удивлен, увидев слева от себя Генри Бауэрса, Виктора Крисса, Лося Садлера и Патрика Хокстеттера, стоящих на коленях на площадке, усыпанной гравием. Сначала мальчик решил, что они играют в кости, но потом увидел, что ребята складывают деньги на расстеленную на

земле футболку Виктора. Невдалеке в беспорядке валялись их учебники для летней школы.

В любой другой день Эдди просто зашел бы тихонько назад в магазин и попросил бы у мистера Джедро разрешения выйти через заднюю дверь. Но вместо этого мальчик замер на месте, одной рукой еще сжимая ручку двери, на которой красовалась реклама сигарет:

«УИНСТОН» ИМЕЕТ ЛУЧШИЙ ВКУС, ЭТО ЛУЧШИЕ ИЗ СИГАРЕТ. ДВАДЦАТЬ РАЗ ИСПЫТАТЬ НИ С ЧЕМ НЕ СРАВНИМОЕ НАСЛАЖДЕНИЕ", и мальчик-посыльный, возвещающий: "ТРЕБУЙТЕ «ФИЛИП МОРИС», а в другой держа коричневую хозяйственную сумку и белый пакет с лекарствами.

Виктор Крисе заметил его и толкнул локтем Генри. Генри поднял голову, то же самое сделал Патрик Хокстеттер. Хуже соображающий Лось продолжал считать свои пенни еще несколько секунд, после чего до него дошло, что все почему-то молчат, и он тоже посмотрел на Эдди.

Генри встал и стряхнул с колен кусочки гравия. Его нос был закрыт повязкой, отчего голос звучал немного гнусаво.

— Будь я проклят, — сказал он. — Один из тех, кто швырялся в нас камнями. Где твои дружки,

козел? Там, внутри?

Эдди безмолвно кивнул, прежде чем успел понять, что этого не следовало делать.

На лице Генри засияла улыбка.

— Что ж, я не против разделаться с вами по очереди. Иди-ка сюда, козел, — сказал он.

Виктор подошел к Генри и встал рядом с ним, Патрик неторопливо направился туда же, на его лице застыло знакомое отсутствующее выражение — улыбка идиота. Лось все еще стоял на коленях.

— Ну иди же сюда, дерьмо, — сказал Генри. — Обсудим вопрос о швырянии камнями. Ты не против?

Только теперь Эдди понял, что ему нужно было сразу же спрятаться в магазине, где его мог защитить взрослый. Он сделал шаг назад, но Генри бросился к нему, дернул за руку, и улыбка на его лице сменилась жестоким, хищным выражением. Эдди выпустил ручку двери и повалился со ступенек вниз. Он обязательно упал бы лицом в гравий, но Виктор схватил его подмышки и сильно толкнул. Эдди с трудом удалось удержаться на ногах. Теперь он оказался в центре круга, и от каждого противника его отделяло не больше десяти футов. Ближе всех, улыбаясь, стоял Генри.

Его волосы были зачесаны назад.

Сзади слева от Генри стоял Хокстеттер. Эдди никогда не видел этого более чем странного парня в чьем-нибудь обществе вплоть до сегодняшнего дня. У Патрика было небольшое брюшко, нависавшее над пряжкой его ремня «Красный всадник». Его лицо имело форму идеального круга и цветом напоминало кефир. Теперь его нос слегка загорел, и поэтому кожа на нем шелушилась; от него на обе щеки, словно крылья, расходились пятна более слабого загара. В школе его любимым занятием было убивать мух при помощи линейки «Скул-тайм», складывать их в пенал, а потом на переменке демонстрировать свою коллекцию одноклассникам. При этом он хранил полное молчание, на пухлых губах кривилась усмешка, серо-зеленые глаза оставались серьезными и задумчивыми. Именно такое выражение было на его лице и теперь.

— Как дела, каменщик? — Генри начал медленно приближаться. — Сегодня забыл прихватить с собой свои камни?

— Не трогай меня, — дрожащим голосом отозвался Эдди.

— Не трогай меня, — передразнил его Генри, в притворном ужасе заламывая руки. Виктор

засмеялся.

— А если трону, что ты сделаешь? А, каменщик? — он с неожиданной быстротой выбросил руку вперед и с оглушительным грохотом заехал Эдди по скуле. Голова Эдди запрокинулась назад, из левого глаза начали течь слезы.

— Там внутри мои друзья, — сказал Эдди.

— Там внутри мои друзья, — завопил Хокстеттер. — Ой! Ой! Держите меня!

И он стал заходить справа.

Эдди повернулся к нему и почувствовал, как от второго удара Бауэрса вспыхнула его другая щека.

Не плачь, -подумал он, — *они ждут этого, но терпи, Эдди. Билл не сделал бы этого. Билл не стал бы плакать, и ты тоже не...*

Виктор сделал шаг вперед и толкнул Эдди в грудь. Тот попытался отступить, но споткнулся о присевшего сзади Патрика и упал, поранив обе ладони об острый гравий. Воздух вышел из его легких с громким шумом.

Минуту спустя Бауэре уже восседал на груди Эдди, попирая его своей задницей и прижимая к земле руки жертвы своими коленями.

— Есть с собой камни, каменщик? — взгляд глаз Генри был совершенно безумным, и это испугало

Эдди больше, чем боль в руках и невозможность дышать. Генри просто чокнулся. Где-то поблизости копошился Патрик.

— Хочешь покидаться камнями? А? Так я тебе помогу! Вот тебе камни, вот!

Генри набрал полную пригоршню гравия, обрушил ее на лицо Эдди и стал тереть гравием по его лицу. Острые камешки врезались в щеки, веки, губы мальчика. Он закричал.

— Хочешь камней? Ты их получишь! Вот они, каменщик. Хочешь камней? Хорошо, на, получай!

Гравий посыпался в открытый рот Эдди. Он почувствовал, как камешки скрежещут о его зубы, закричал опять и выплюнул гравий.

— Хочешь еще камней? Да? Еще немного? Еще...

— Прекрати! Эй, ты! Прекрати. Ты, мальчик! Отстань от него! Немедленно! Ты меня слышишь? Отпусти его!

Своими наполовину прикрытыми заплаканными глазами Эдди увидел, как большая рука протянулась к Генри и сгребла его за воротник рубашки и правую лямку брюк. Потом рука рванула его, и Бауэре наконец слетел с Эдди. Он упал на гравий и тут же вскочил на ноги. Эдди

поднялся на ноги с трудом. Сначала его усилия не увенчались успехом. Он остановился передохнуть и выплюнул изо рта окровавленные кусочки гравия.

Его спасителем оказался мистер Джедро, одетый в свой длинный белый фартук. На лице хозяина магазинчика не было страха, хотя Генри был на три дюйма выше и, наверное, на пятьдесят фунтов тяжелее его. Он не боялся Генри, потому что был взрослым, а Генри был ребенком.

На этот раз, -подумал Эдди, — *это может не иметь никакого значения.* Но мистер Джедро еще не понимал в чем дело. Он не понимал, что Бауэре чокнулся.

— Убирайся отсюда, — сказал мистер Джедро, наступая на высокого мальчика со злобным лицом. — Убирайся, и чтобы я никогда тебя больше не видел. Терпеть не могу драчунов, тем более таких, которые вчетвером нападают на одного. Что сказали бы ваши матери?

Он обвел всех тяжелым взглядом. Лось и Виктор, потупившись, разглядывали свои шнурки. Только Патрик смотрел на Джедро своими серо-зелеными глазами. Хозяин магазинчика снова взглянул на Бауэрса, но не успел он произнести: «А теперь берите свои велосипеды и...» — как тот

сильно толкнул его в грудь.

Мистер Джедро покачнулся и упал, ударившись о ступеньки, ведущие к двери магазина, из под его ног полетел гравий, на лице застыло выражение неподдельного удивления, которое могло бы показаться комичным в любой другой ситуации. Мистер Джедро сел, потирая ушибленную спину.

— Как ты... — начал он. Тень Генри нависла над ним.

— Иди в свой магазин.

— Ты... — сказал мистер Джедро, но на этот раз замолчал сам. Эдди понял, что до него наконец-то дошло, что Генри способен на все. Мистер Джедро поднялся и, поддерживая руками мешавший ему фартук, со всех ног бросился к двери магазина, но споткнулся об одну из ступенек и неловко упал на колено. Правда, он тут же поднялся, но это падение заставило его почувствовать себя беззащитным, хотя он и был взрослым.

Стоя на верхней ступеньке, мистер Джедро обернулся и крикнул:

— Я вызываю полицию!

Генри сделал вид, что сейчас бросится за ним, и Джедро тут же исчез за дверью. Эдди понял, что это конец и ему неоткуда больше ждать помощи. Нужно было уносить ноги.

Мальчик вскочил на ноги и побежал, пользуясь тем, что Генри все еще стоит у нижней ступеньки, не сводя глаз с захлопнувшейся двери, и что все остальные тоже замерли на мгновение, пораженные этим посрамлением чести взрослого (спокойным и равнодушным оставался один лишь Патрик).

Он успел пробежать половину квартала, когда Генри обернулся и горящими глазами посмотрел ему вслед.

— Все за ним!

Был он астматиком или нет, но в этот день Эдди устроил своим преследователям хорошую гонку. Временами ему даже казалось, что подошвы его «флайеров» не касаются земли, и он пролетает за один шаг не меньше пятидесяти футов. Ему даже пришла в голову невероятная мысль о том, что им не догнать его.

Но в тот самый момент, когда до спасительной Канзас-стрит оставалось рукой подать, на дорогу из-за угла здания неожиданно выкатил какой-то малыш на трехколесном велосипеде. Эдди попытался свернуть в сторону, но одной ногой зацепился за заднюю подножку велосипеда. Малыш даже не покачнулся на своем велосипеде, но Эдди в головокружительном кульбите начал

падать. Его падение было долгим — сначала мальчик упал на плечо, оттолкнулся, упал снова и проехался на животе около десяти футов, сдирая кожу на коленях и локтях. Когда Эдди только попытался подняться, Бауэре налетел сзади и сшиб его с ног сокрушительным ударом. В ушах мальчика словно прогремел выстрел базуки, и он упал лицом на бетонное покрытие тротуара. Из носа у него пошла кровь. Генри ловко перекатился через один бок, как парашютист-десантник, и вскочил на ноги, схватив свою жертву за ворот куртки и правое запястье. Эдди почувствовал на затылке жаркое и влажное дыхание своего пыхтящего мучителя.

— Хочешь камней, каменщик? Ну конечно! Дерьмо! — Он вывернул Эдди руку и завел ее за спину. Тот закричал.

— Камни — каменщикам, правильно? — Генри еще сильнее вывернул руку Эдди. Боковым зрением Эдди различал, как сзади на него надвигаются остальные враги. Малыш на велосипеде начал громко реветь. *Присоединяйся к обществу, парнишка,* -подумал Эдди, и это вызвало у него громкий смех, похожий на истерический хохот. Он смеялся, несмотря на мучительную боль, от которой в глазах стояли слезы.

— Тебе это кажется смешным? — Казалось, что Генри не столько разъярен, сколько поражен этим. — Тебе это кажется смешным?

А не был ли Генри не только удивлен, но и напуган? Много лет спустя Эдди понял: пожалуй, был, да, Бауэре был напуган.

Эдди попытался освободить свою руку. Ему чуть было не удалось это сделать, потому что его рука стала скользкой от пота. Может быть, именно поэтому на этот раз Генри еще сильнее заломил руку ему за спину. Раздался треск ломающейся кости, похожий на треск сучьев, ломающихся под тяжелым слоем снега. Огромное серое облако боли выплыло из сломанной руки Эдди. Он пронзительно вскрикнул, но его собственный голос показался ему далеким и тихим. Мир вокруг стал терять свои цвета, и, когда Генри выпустил и оттолкнул Эдди, мальчику показалось, что он не падает, а медленно опускается на тротуар. Ему понадобилось много времени для того, чтобы опуститься на землю, и он успел рассмотреть каждую трещинку на поверхности старого, давно не подновлявшегося тротуара. У него было время полюбоваться солнечными лучами, отражающимися от крупинок слюды, забившихся в промежутки между плитами, рассмотреть нари-

сованное розовым мелком поле для «классов». На какое-то мгновение ему показалось, что розовые полустершиеся линии — это панцирь черепахи.

В тот момент он мог бы потерять сознание, но оперся на сломанную руку и почувствовал, как в ней снова вспыхнула горячая сильная боль, услышал скрежет обломков кости друг о друга, впился зубами в кончик языка и ощутил вкус крови. Эдди перевернулся на спину и увидел стоящих вокруг него Генри, Виктора, Лося и Патрика. Они показались ему невероятно высокими. Их лица находились так далеко вверху, как если бы эти четверо были могильщиками, заглядывающими в разрытую могилу.

— Как, нравится, каменщик? — голос Генри доносился издалека, с трудом пробиваясь сквозь густые облака боли. — Нравится? Правда, здорово?

Хокстеттер захихикал.

— Твой отец сумасшедший, — услышал Эдди собственный голос, — и ты тоже.

С лица Генри словно стерли улыбку. Он занес ногу для удара, но в воздухе послышался вой сирен. Генри замер на месте. Виктор и Лось нерешительно посмотрели друг на друга.

— Генри, по-моему, пора сматываться, — сказал

Лось.

— Ну я-то точно сматываюсь, — сказал Виктор. Какими далекими казались их голоса! Они висели в воздухе, как воздушные шарики во время циркового представления. Виктор бросился к библиотеке, влетел в парк и скрылся из вида.

Генри сохранял неподвижность еще какое-то время, видимо, надеясь, что полицейская машина проедет мимо и он сможет завершить расправу. Но вой сирен приближался.

— Тебе повезло, козел, — и они с Лосем последовали примеру Виктора. Патрик продолжал стоять рядом.

— Да, чуть не забыл, — просипел он, вдохнул поглубже и плюнул Эдди в лицо большим сгустком зеленой слизи. *Чвяк.*

— Не ешь все сразу, если не хочешь, — на лице Патрика появилась все та же злобная желчная усмешка. — Оставь на потом.

Он медленно развернулся и вскоре исчез.

Эдди попытался вытереть плевок здоровой рукой, но даже самое незначительное движение вызывало невыносимую боль.

Когда ты вышел из аптеки, тебе и в голову не могло прийти, что в результате ты окажешься на тротуаре Костелло-авеню со сломанной

рукой, и по твоему лицу будут стекать сопли Хокстеттера! Ты так и не попробовал пепси. Жизнь полна неожиданностей, не правда ли?

Невероятно, но он опять засмеялся. Смех был слабым, и рука снова стала болеть, но смеяться было здорово. И еще чего-то не хватало его астмы Эдди дышал совершенно свободно, по крайней мере, сейчас. Это тоже было здорово. Никогда больше он не станет пользоваться ингалятором. Ни за что на свете.

Завывания сирены доносились откуда-то совсем рядом. Эдди закрыл глаза, и мир стал красным, но изменил свой цвет на черный, когда на лицо мальчика упала тень. Это был малыш на трехколесном велосипеде.

— Ты в порядке?

— А что, похоже?

— Нет, не похоже, — сказал малыш и покатил по тротуару, распевая «Фермера в лощине».

Эдди опять начал смеяться. А вот и полицейская машина, слышен визг ее тормозов. Он обратил внимание на то, что ему хочется, чтобы в ней оказался мистер Нелл, хотя ему было прекрасно известно, что мистер Нелл — обычный патрульный и не ездит на машине.

Черт возьми, чего ты смеешься?

Он не понимал, почему испытывает такое сильное облегчение, несмотря на боль. Может быть, потому, что ему удалось остаться в живых, отделавшись одним переломом, и ему открылись некоторые очень важные вещи? Какие именно, еще предстояло поразмыслить, этим он и занялся много лет спустя, поставив перед собой на столе в библиотеке Дерри бокал с джином и сливовым соком, держа под рукой ингалятор, когда сказал остальным, что еще тогда, в детстве, почувствовал, что это происшествие имеет очень большое значение — для этого он был уже достаточно взрослым, но не для того, чтобы точно понять, какое именно.

Наверное, тогда я впервые почувствовал сильную боль, -скажет он потом друзьям. — *Я и не подозревал, что это окажет на меня такое воздействие. Я не был раздавлен. Наоборот.., у меня появилась возможность для сравнения, я понял, что можно жить, испытывая боль, несмотря на боль.*

Эдди с трудом повернул голову направо и увидел огромные черные файрстойуновские шины, ослепительно блестящие хромированные крылья полицейского автомобиля и мигание голубых сигнальных огней. Потом Эдди услышал хрип-

лый ирландский голос мистера Нелла, больше похожий на голос Ирландского Полицейского в исполнении Ричи, чем на голос самого мистера Нелла... Но, может быть, дело тут было в расстоянии?

— Господи Боже, да это малыш Каспбрак! Тут Эдди потерял сознание

4

и не приходил в него довольно долго, исключая один момент. На несколько минут сознание вернулось к Эдди во время поездки на полицейской машине. Он увидел, что мистер Нелл сидит рядом с ним, потягивая что-то из своей коричневой бутылочки и уткнув нос в книжку в мягкой обложке под названием «Я — судья». На обложке была изображена девушка. Эдди никогда не видел такой большой груди, как у нее. Мальчик перевел взгляд на водителя, сидевшего впереди. Тот обернулся и бросил на Эдди злобный взгляд. Его лицо было сероватым от грима и талька, глаза блестели, как монеты по двадцать пять центов. Это был не кто иной, как Пеннивайз.

— Мистер Нелл, — сипло позвал Эдди.

— Как себя чувствуешь, малыш? — полицейский посмотрел на мальчика и улыбнулся.

— Водитель.., водитель...

— А, мы доедем в момент, — мистер Нелл протянул ему свою коричневую бутылочку. — Глотни-ка чуток отсюда. Сразу полегчает.

Содержимое бутылочки напоминало жидкое пламя. Эдди закашлялся, что не замедлило сказаться на его руке. Он снова поднял голову и взглянул на водителя. Просто какой-то парень со стрижкой «ежиком». Никакой не клоун.

Эдди снова отключился.

Он очнулся уже в операционной, услышал, как в приемном покое трубит в трубы и бьет в литавры его мама, и хотел попросить, чтобы медсестра не пускала ее сюда, но слова застревали у него в горле, как он ни пытался заставить себя говорить.

— ..если он умирает, я хочу знать правду! — вопила его мама. — Вы слышите? Знать это — мое право, и видеть его — это мое право! Я могу привлечь вас к ответственности! У меня много знакомых юристов! Целое морс! Некоторые юристы — мои лучшие друзья!

— Не пытайся говорить, — сказала Эдди сестра. Это была молодая девушка, и он чувствовал прикосновение ее грудей к своей руке. На мгновение он представил на ее месте Беверли Марш, но тут же снова потерял сознание.

Когда сознание вернулось к Эдди, он увидел, что его мама уже внутри и с огромной скоростью тараторит что-то доктору Хэндору. Его мама, Соня Каспбрак, была женщиной необъятных размеров. Ее слоновьи ноги, обтянутые специальными медицинскими чулками, странным образом были ровными. На лице миссис Каспбрак разлилась неестественная бледность, которую нарушали только отдельные пятна нервного румянца.

— Ма... — выговорил Эдди. — ..все хорошо.., со мной все хорошо...

— Да нет же, нет, — простонала миссис Каспбрак, заламывая руки. Эдди услышал, как скрипят их суставы. Видя отчаяние своей матери, вызванное его последним приключением, мальчик начал учащенно дышать. Он хотел сказать ей, чтобы она так не волновалась, а то не выдержит сердце, но не смог — сухость во рту была слишком сильной.

— Нет, Эдди, нет, не все хорошо, ты в очень плохом состоянии, но все будет хорошо, пусть для этого понадобится задействовать всех специалистов, какие только бывают. О Эдди... Эдди.., бедная твоя ручка...

Она разразилась рыданиями. Сестра смотрела на нее без особой симпатии.

На протяжении всей этой арии доктор Хэндор продолжал мямлить:

— Соня.., пожалуйста, Соня... Соня... — Это был худой, безвольный человек с маленькими неровно подстриженными усиками, взволнованный происходящим. Эдди вспомнил слова мистера Кина, и ему стало жалко доктора.

Наконец Расе Хэндор взял себя в руки и отважился сказать:

— Соня, если вы так расстроены, вам лучше выйти. Она обернулась, и доктор сник.

— И не думайте об этом! Никогда! Мой сын на смертном одре! Мой сын на смертном одре!

Эдди поразил всех, заговорив.

— Я хочу, чтобы ты вышла, ма. Если я буду кричать, а, наверное, я буду, тебе будет лучше побыть снаружи.

Она повернулась к сыну в изумлении.., и в обиде. При виде ее обиженного лица тиски снова сжали его грудь.

— Конечно же, не будет! — воскликнула миссис Каспбрак. — Что за ужасные вещи ты говоришь? Ты бредишь, не нахожу другого объяснения!

— Не знаю, чем это объяснить, и не мое это дело, — сказала сестра. — Все, что я знаю, это то, что мы стоим здесь сложа руки и ничего не делаем

для мальчика.

— Что вы имеете в виду? — голос Сони приобрел трубную окраску, как всегда бывало в минуты наибольшего возмущения.

— Прошу вас, Соня. Не будем спорить. Нужно помочь мальчику, — прошептал Хэндор.

Соня отшатнулась, ее глаза блестели, как у медведицы, защищающей своего детеныша. Он угрожал отмщением, возможно, даже судебным иском. Потом ее глаза затуманились, и блеск потух.

— Сейчас тебе плохо, но скоро все будет хорошо. Очень скоро, это я тебе обещаю.

— Конечно, ма, — выдавил Эдди. — Можно мне ингалятор?

— Почему нет? — Соня Каспбрак с ликованием взглянула на медсестру, как будто с нее только что сняли нелепое обвинение. — У моего сына астма. Это серьезная болезнь, но он прекрасно держится.

— Прекрасно, — ровным голосом ответила сестра. Мать Эдди дала ему ингалятор. Мгновением позже доктор Хэндор начал ощупывать его руку. Он делал это очень аккуратно, но боль все еще была очень сильной. Эдди почувствовал, что вот-вот вскрикнет, и заскрипел зубами, боясь, что его

мать тоже начнет кричать. На его лбу выступили крупные капли пота.

— Вы делаете ему больно! Я знаю это! Но в этом нет никакой необходимости! Прекратите! Не нужно делать ему больно! Он такой нежный, он не вынесет этого!

Эдди увидел, как возмущенные глаза медсестры встретились с усталыми безвольными глазами доктора. Ее глаза говорили: «Уберите отсюда эту женщину!» Хэндор потупился: «Я не могу. Я боюсь ее».

Боль дала Эдди удивительную ясность ощущения, хотя ему пришлось заплатить за нее слишком дорогой ценой. После этого бессловесного диалога, не оставалось никаких сомнений: мистер Кин не солгал. В ингаляторе просто вода с камфарным привкусом, астма не в горле и не в легких, а в его сознании. Так или иначе, с этим придется считаться.

Боль позволила Эдди беспристрастно взглянуть на свою мать: цветочки на ее платье от Лэйн Брайант, пятна пота чуть ниже подмышек — прокладки уже не могли его впитывать, потертые туфли. Он увидел ее маленькие глаза, глубоко спрятавшиеся в складках кожи, и в голову ему пришла страшная мысль: это были почти такие

же глаза хищника, как глаза того прокаженного, выползшего из подвала дома № 29 на Нейболт-стрит. «Вот он я, все хорошо.., не стоит убегать, Эдди...»

Доктор Хэндор осторожно обхватил сломанную руку мальчика и сдавил ее. Последовала вспышка боли, и Эдди отключился.

5

Ему дали что-то выпить, и доктор вправил перелом. Эдди слышал, как он говорит его маме, что это очень легкий перелом, обычный детский перелом, как если бы он упал с дерева. Мама гневно возопила:

— Эдди не лазает по деревьям! Теперь скажите мне правду! Насколько это опасно?

Потом сестра дала ему таблетку. Он снова почувствовал прикосновение ее грудей к своему плечу и был благодарен ей за это успокаивающее прикосновение. Хотя в глазах у него стоял туман, он понял, что медсестра сердится на его мать. Ему показалось, что он говорит: «Она не как тот прокаженный, она пожирает меня только потому, что любит», — но, видимо, он сказал это не вслух, потому что лицо медсестры оставалось все таким же суровым.

У Эдди сохранились смутные воспоминания о том, как его везли по коридору, а сзади раздавался голос миссис Каспбрак:

— Что вы имеете в виду под часами для посещения? Не говорите мне о часах для посещения, он мой сын!

Эта ночь принесла с собой боль, много боли. Он лежал с открытыми глазами, глядя, как за окном бушует гроза. Когда в черном небе блеснула ослепительная молния, Эдди быстро засунул голову под одеяло, боясь увидеть на нем ухмыляющееся лицо какого-нибудь монстра.

Наконец он снова уснул и увидел сон, как будто его друзья — Билл, Бен, Ричи, Стэн, Майк и Бев — приехали в больницу на велосипедах. К своему удивлению, он увидел, что Бев одета в платье красивого зеленого цвета — цвета Карибского моря на иллюстрациях в журнале «Нэшнл Джиографэфик». До этого он никогда не видел ее в платье, он помнил на ней только джинсы, гетры и то, что девочки называют «школьным костюмом» — юбки и блузки; блузки, как правило, белые, с круглым воротом, а юбки коричневые, плиссированные и подрубленные на середине голени, так, чтобы не были видны колени.

Ему снилось, что они приехали ко времени для

посещения, которое начиналось в 14.00, и его мама, которая прилежно ждала с одиннадцати, с криками напустилась на них.

«Если вы думаете, что зайдете туда, то не тут-то было!» — закричала она, и клоун, который все время сидел в приемной с номером журнала «Лук» в руках, вскочил и начал аплодировать ей, быстро похлопывая руками в белых перчатках... Он выделывал антраша, пританцовывал, толкал перед собой тележку, выполнял прыжок через спину, а миссис Каспбрак, захлебываясь, кричала на друзей Эдди, и они, сжавшись, отступали за спину Билла, который единственный стоял выпрямившись, бледный, но внешне невозмутимый, глубоко засунув руки в карманы (может быть, для того, чтобы никто, включая и самого Билла, не видел, дрожат у него руки или нет). Никто, кроме Эдди, клоуна не видел.., хотя младенец, безмятежно посапывавший на руках у матери, вдруг проснулся и начал громко кричать.

«От вас и так много было вреда! — вопила миссис Каспбрак. — Я знаю, что это за мальчики! У них неприятности в школе и в полиции! И то, что у них счеты с вами, еще не значит, что у них должны быть счеты с ним! Так я ему и сказала, и он согласился со мной. Он хотел, чтобы я про-

гнала вас, он больше не хочет вас видеть! Никого из вас! Я знала, что все это до добра не доведет, и вот — пожалуйста! Мой Эдди в больнице! Такой нежный мальчик, как он...»

Клоун прыгал, танцевал, садился на шпагат и стоял на одной руке. Теперь его улыбка казалась совершенно реальной, и Эдди во сне понял, что клоуну только этого и было нужно — чтобы в их отношениях появился разлад и смятение, чтобы все пошло не так, как хотелось им. В каком-то порочном экстазе клоун сделал двойной кувырок и чмокнул миссис Каспбрак в щеку.

«Мммальчики, кккоторые сделали ээто...» — начал Билл.

«Молчать! — завопила миссис Каспбрак. — Ты еще осмеливаешься что-то говорить? Между ним и вами все кончено! Кончено!»

В комнату вбежал студент-практикант и заявил маме Эдди, что ей придется или взять себя в руки, или покинуть больницу. Клоун начал гаснуть и растворился в воздухе. Перед глазами у Эдди пронеслись прокаженный, его мать, птица, потом волк-оборотень и вампир с косыми глазами, похожими на лезвия бритв «Жиллетт», и блестящими, как кривые зеркала в карнавальном павильоне. Он увидел Франкенштейна и его творение, нечто

мясистое и яйцеобразное, которое открывало и закрывало свои скорлупки, как рот. Ему предстал целый сонм ужасных уродливых тварей. Но еще до того, как клоун окончательно пропал, Эдди увидел то, что было ужаснее всего, — лицо своей матери.

«Нет! — попробовал закричать он. — Нет! Нет! Только не она! Только не мама!»

Но никто не повернулся к нему, никто не услышал его. И, погружаясь в глубокий сон, Эдди испытал гадкое парализующее ощущение: никто не слышит его слов, потому что он мертв. Оно убило его, и он был мертв, превратился в призрак.

6

Триумф, который испытывала Соня Каспбрак после того, как заставила убраться этих так называемых друзей Эдди, быстро улетучился после того, как она на следующий день, 21 июля, вошла в его палату. Она не могла понять, почему ее триумф вдруг сменился непонятным страхом: что-то новое было в лице ее сына, что-то, чего ей никогда не приходилось видеть там раньше, — твердость. Да, твердость и решительность.

Столкновение с друзьями Эдди произошло не в комнате для посетителей, как приснилось Эдди.

Она знала, что они придут, и ждала их, друзей Эдди, — «друзей», которые наверняка учат его курить (им-то нет дела до его астмы), которые оказывают на него дурное влияние, о которых он только и говорит, приходя вечером домой. «Друзья», из-за которых ему сломали руку! Поэтому миссис Каспбрак и задержалась у больницы, чтобы велеть им раз и навсегда убираться со своей «дружбой», которая заканчивается переломами и докторами.

Наконец они появились. К ужасу своему миссис Каспбрак увидела среди них одного черномазого. Нет-нет, она ничего не имеет против того, чтобы негры ездили в автобусах и ходили в кинотеатры вместе с белыми. Естественно, если они не начинают надоедать белым (женщинам) людям. Разумеется, они тоже люди. Но миссис Каспбрак твердо верила в так называемый птичий закон: дрозды не летают вместе с малиновками и ворон соловью не пара. Ее девизом было — «каждому свое». Она чуть не взорвалась от возмущения, увидев, что Майк Хэнлон, как ни в чем не бывало, едет на велосипеде вместе со всеми остальными. «А я и не знала, что ты дружишь с черномазыми», — мысленно упрекнула она Эдди.

«Да, — думала она двадцать минут спустя, вхо-

дя в больничную палату, где лежал ее сын, — она заставила их убраться, сказала пару ласковых. Они проглотили все молча, ни у кого, кроме этого заики Денбро, не хватило духу возразить. А эта девчонка с бесстыжими глазищами — вот шлюха! Небось, с нижнего конца Мейн-стрит, а то и еще похуже. Хорошо еще у нее не хватило наглости открывать рот, а то бы она, Соня, сразу вправила ей мозги — уж она-то знает, как называются девочки, которые рано начинают бегать за мальчиками. Да-да, и ни сейчас, ни в будущем она не желает видеть Эдди среди них».

Все остальные стояли потупившись и только переминались с ноги на ногу. Так и должно быть, по ее мнению. Когда она сказала им все, что о них думает, они вскочили на велосипеды и уехали (Тозиер на багажнике у Денбро). Внутренне содрогаясь, миссис Каспбрак подумала, сколько же раз ее Эдди ездил на таком же огромном, подозрительном велосипеде, рискуя сломать себе шею.

Я *сделала это ради тебя, Эдди,* — думала она, заходя в палату. — *Я знаю, ты, должно быть, сперва расстроишься, и это так естественно. Но родители всегда знают, что лучше. Для этого Бог и создал родителей — чтобы они руководили, воспитывали.., и оберегали.* Потом он поймет.

Если она и чувствовала облегчение, то только потому, что сделала это ради сына. Всегда испытываешь облегчение, вытаскивая ребенка из дурной компании.

Но сейчас, глядя Эдди в лицо, она чувствовала себя неуютно. Он не спал, и это было уже удивительно. Обычно после лекарства Эдди выглядел вялым и заторможенным, но сейчас выражение его глаз стало не мягким и робким, как обычно, а внимательным и резким. Обычно Эдди, как и Бен Хэнском (хотя этого Соня не могла знать), сначала бросал на своего собеседника быстрый пытливый взгляд, чтобы определить его настроение, а потом сразу же отводил глаза. Но сейчас Эдди смотрел на нее в упор, и отводить глаза пришлось ей. «Наверное, это побочное действие лекарств, нужно посоветоваться с Хэндором, — подумала она. — Он словно ждал меня». Эта мысль испугала ее, хотя на самом деле должна была бы наполнить радостью — что может быть лучше ребенка, ждущего свою мать?

— Ты прогнала моих друзей, — резко сказал он. Ни тени сомнения или вопроса.

Она вздрогнула почти виновато, первой ее мыслью было: «Откуда он знает? Он не может этого знать!» — И чувство вины перед сыном тут

же сменилось злостью на себя и на него. Миссис Каспбрак улыбнулась.

— Ну, Эдди, как мы себя сегодня чувствуем?

Какой-то молокосос-студент или эта вчерашняя медсестра-неумеха, сующая нос не в свое дело, — кто-то рассказал ему. Ну в этом она еще разберется.

— Как мы себя сегодня чувствуем? — Он не отвечал, и ей пришлось повторить вопрос. Должно быть, он просто не слышит. Ей никогда не приходилось читать, что перелом может привести к нарушению слуха, но, видимо, и такое бывает.

Эдди продолжал молчать.

Она прошла в глубину палаты, коря себя за нерешительность по отношению к сыну. Никогда еще она не испытывала к нему такого чувства. В ней медленно закипала ярость. Как он смеет так вести себя? И это после того, как она столько сделала для него и стольким пожертвовала!

— Я говорила с доктором Хэндором. Он говорит, что скоро тебе станет лучше, — бодро сказала Соня, усаживаясь на деревянный стул с прямой спинкой возле кровати Эдди. — Разумеется, если возникнут какие-то проблемы, мы поедем в Портленд к специалистам. И даже в Бостон, если понадобится. — Она улыбнулась, словно обещая

что-то приятное. Но Эдди не улыбнулся в ответ и продолжал молчать.

— Эдди, ты меня слышишь?

— Ты прогнала моих друзей, — повторил мальчик.

— Да, — сказала она, отбросив притворство, и замолчала. В молчанку можно было играть вдвоем. Она просто снова взглянула на сына.

Но произошло нечто странное, нечто в самом деле ужасное. Глаза Эдди начали.., увеличиваться. Серые пятнышки в его глазах, казалось, стали двигаться, как крошечные грозовые облака. Внезапно она поняла, что на этот раз он не «капризничает», не «куксится» или что-то в этом роде. Эдди был сердит на нее всерьез.., и Соня вся как-то испуганно съежилась: ей представилось, что на нее смотрит не маленький мальчик, а кто-то совсем другой, старший и грозный. Опустив глаза, она раскрыла сумочку и стала рыться в ней в поисках «Клинекса».

— Да, я прогнала их, — она с удивлением обнаружила, что может говорить ровным и даже уверенным голосом... Если не смотреть ему в глаза...

— Ты получил серьезное повреждение, Эдди, и сейчас тебе не нужны никакие посетители,

кроме мамы, а уж такие и подавно. Если бы не они, ты сейчас сидел бы дома у телевизора или мастерил бы в гараже свой гоночный автомобиль из ящиков из-под мыла.

Эдди мечтал построить гоночный автомобиль из ящиков из-под мыла и поехать с ним в Бангор. В случае успеха он мог бы рассчитывать на приз — бесплатную поездку на «Национальные соревнования мыльных ящиков» в Акрон, штат Огайо. Соня и в самом деле хотела, чтобы он мечтал об этом, так как создание автомобиля из ящиков и колес от фургона «Чу-Чу Флайер» казалось ей не более, чем мечтой. Она и не помышляла о том, чтобы отпустить сына на гонки в Дерри, Бангор и уж тем более в Акрон, где какие-то сумасшедшие съезжают по крутому склону на ящике из-под апельсинов с приделанными колесами и без тормозов. Но, как любила повторять мать Сони, «иногда незнание бывает благом» (правда, она так же часто любила повторять: «Скажи правду, и пусть дьяволу станет стыдно», но память у Сони, как у большинства людей, была избирательна).

— Руку мне сломали не друзья, — все так же ровно сказал Эдди. — Я говорил об этом доктору Хэндору прошлой ночью и мистеру Неллу сегодня утром. Руку мне сломал Генри Бауэре. С ним были

и другие, но сделал это он. Будь со мной друзья, этого никогда бы не случилось.

Соня сразу вспомнила слова миссис Ван Претт о том, что полезно иметь друзей, и к ней вернулась ярость. Она вскинула голову.

— Это здесь совершенно ни при чем, и ты прекрасно это знаешь. Эдди, ты, что же, думаешь, что твоя мама с луны свалилась? Я прекрасно знаю, почему Бауэре сломал тебе руку. Полицейский вчера заходил и к нам домой. Этот большой мальчик сломал тебе руку, потому что ты вместе со своими «друзьями» чем-то ему насолил. Разве так получилось бы, если бы ты меня сразу послушался и перестал бы с ними водиться?

— Нет, я думаю, что тогда получилось бы еще хуже.

— Эдди, ты шутишь?

— Я не шучу, — сказал он, и Соня почувствовала, как от него, из него исходят волны энергии. — Билл и мои остальные друзья вернутся, ма. Я это точно знаю. И на этот раз ты не скажешь им ни слова. Это мои друзья, и ты не будешь пытаться лишить меня моих друзей только потому, что сама боишься одиночества.

В изумлении и немом ужасе миссис Каспбрак уставилась на своего сына. Слезы потекли по ее

щекам, впитываясь в пудру.

— Вот как ты, оказывается, разговариваешь со своей мамочкой, — сказала она, всхлипывая. — Может быть, так твои друзья привыкли разговаривать со своими родителями?

Слезы давали ей ощущение безопасности. Обычно Эдди тоже начинал плакать, видя ее в слезах. Возможно, это подлый прием, но разве что-то может быть подлым, если мать старается спасти сына? По крайне мере, так считала миссис Каспбрак.

Она посмотрела на сына, чувствуя себя невероятно опустошенной, уязвленной и.., уверенной в том, что Эдди не вынесет такого ручья слез. Холодное выражение покинет его лицо, возможно, он станет задыхаться и пыхтеть, и это послужит, как всегда, знаком выигранной ею битвы.., во имя сына, конечно же. Всегда во имя сына. То, что выражение его лица не только не смягчилось, но стало еще жестче, заставило ее рыдать. Он казался грустным, и даже это было ужасным для нее: грусть на его лице была такой взрослой! Боязнь того, что ее сын начнет взрослеть, всегда пробуждала внутри нее маленькую взволнованную курочку, панически бьющую крыльями. Именно так она чувствовала себя в тех редких

случаях, когда начинала думать о том, что будет с ней, если Эдди не захочет поступать в Бизнес-колледж в Дерри, или в Университет в Ороно, или в «Хассон» в Бангоре, и она не сможет видеть его дома каждый вечер после занятий; или если он встретит девушку и захочет на ней жениться. «Где место для меня во всем этом, — кричала маленькая обезумевшая птичка в эти кошмарные мгновения. — Как мне жить тогда? Я люблю тебя, Эдди! Я люблю тебя! Я забочусь о тебе и люблю тебя! Ведь ты не умеешь стирать, гладить белье, готовить, да и откуда тебе это уметь! Я делаю все это для тебя, ведь я люблю тебя!»

— Я люблю тебя, мама. Но своих друзей я тоже люблю... Мне кажется, ты плачешь нарочно, — прошептал Эдди про себя.

— Эдди, ты так обидел меня, — проговорила она, и в новых слезах его лицо двоилось и даже троилось. В отличие от предыдущих, эти слезы были искренними. В своем роде она была крепкой женщиной: похоронив мужа, не впала в отчаяние, смогла найти работу в то время, когда сделать это было не так-то легко, вырастила сына и при необходимости всегда была готова встать на его защиту. Впервые за много лет она плакала искренне; может быть, в последний раз это было

тоща, когда пятилетний Эдди заболел бронхитом и она испугалась, что он умрет. Теперь она плакала из-за того, что на его лице было такое взрослое, до боли чужое выражение. Она боялась за него, но в то же время боялась и его самого, окружавшей его ауры.., его требовательного взгляда.

— Я не хочу выбирать между тобой и друзьями. — Эдди говорил неровным, напряженным голосом, но продолжал держать себя в руках. — Это нечестно.

— Они плохие друзья, Эдди, — закричала миссис Каспбрак почти в неистовстве. — Я знаю, так подсказывает мне сердце матери, они не принесут тебе ничего, кроме несчастий и боли!

Ужаснее всего было то, что ей действительно так казалось. Так подсказывала ей интуиция, когда Соня вспоминала взгляд Денбро, стоящего с засунутыми в карманы руками и пылающими в солнечных лучах рыжими волосами. Его взгляд казался ей таким серьезным, странным и далеким.., как теперешний взгляд Эдди.

Аура, окружавшая Эдди, тоже делала его похожим на Билла. Миссис Каспбрак стало не по себе.

— Ма...

Встав, она едва не перевернула стул.

— Я приду вечером. Ты говоришь так от шока,

от боли, от горя. Я знаю. Ты.., ты... — она потеряла мысль и принялась искать текст, заготовленный ее услужливым сознанием. — У тебя серьезное повреждение, Эдди, но все будет просто отлично. Ты еще согласишься со мной, что они действительно плохие друзья. Они не нашего круга. Это друзья не для тебя. Подумай хорошенько, разве может твоя мама ошибаться? Подумай, и...

«Я убегаю! — подумала она в отчаянии. — Убегаю от своего собственного сына! О, Господи, не допусти этого!»

— Ма...

Какое-то мгновение ей хотелось броситься прочь, теперь она просто боялась его: за ним стояла какая-то сила, что-то большее, чем даже его друзья, что внушало ей страх. Ей казалось, что ее сын охвачен каким-то приступом, приступом какой-то ужасной лихорадки, подобно тому, как в пять лет его свалил внезапный приступ бронхита.

Миссис Каспбрак задержалась в дверях, боясь услышать то, что он скажет... И когда он наконец сказал это, оно настолько поразило ее, что она даже не вполне поняла его слова. Понимание обрушилось на нее подобно снежной лавине, и ей показалось, что она вот-вот потеряет сознание.

— Мистер Кин считает, что мое лекарство от астмы — простая вода, — сказал Эдди.

— Что? Что? — она посмотрела на сына обезумевшими глазами.

— Простая вода. Он говорит, в нее что-то добавляют, чтобы было похоже на лекарство. Он называет его пла-це-бо.

— Он лжет! Он нагло лжет! Зачем ему понадобилось так лгать? Ну ведь в Дерри есть и другие аптеки. Ведь...

— У меня было достаточно времени подумать над его словами, — мягко, но безапелляционно сказал Эдди, — и я думаю, что он говорит правду.

— Эдди, говорю тебе, он *лжет*! — Внутри нее снова забила крыльями маленькая курочка.

— Я думаю, что он говорит правду, иначе на бутылочке было бы предупреждение о том, что, если принять слишком большую дозу, можно умереть или, по крайней мере, станет очень плохо. Даже...

— Эдди, я не хочу этого слышать! — она закрыла руками уши. — Ты.., ты.., это просто не ты, другого объяснения быть не может!

— Даже если лекарство можно купить без рецепта, на нем все равно всегда пишут указания по применению, — продолжал он, не повышая

голоса, не сводя с нее своих серых глаз. — Даже если это простой сироп от кашля «Вике».., или твой геритол.

Эдди замолчал на мгновение. Соня опустила руки: они были такими тяжелыми!

— И по-моему.., по-моему, ты все это знала, ма.

— Эдди! — она почти умоляла его.

— Потому что, — продолжал он, словно и не слышал ее слов, теперь он морщил лоб, стараясь сосредоточиться, — потому что вы, взрослые, всегда все знаете про лекарства. Я пользуюсь ингалятором пять, иногда шесть раз в день. Ты никогда бы не позволила мне пользоваться им, если бы не знала, что он абсолютно безвреден. Потому что ты должна защищать меня от всего. Так ты всегда говоришь. Так ты.., ты все знала? Знала, что там простая вода?

Миссис Каспбрак молчала. Ее губы дрожали так сильно, что ей стало казаться, что у нее дрожит все лицо. Она больше не плакала, потому что боялась плакать.

— Потому что если ты знала это, — напряженно сказал Эдди. — Если ты знала это, то я хочу знать, почему я ничего об этом не знал! Я могу многое понять, только не то, почему моей маме понадобилось меня обманывать, говорить, что

вода — это лекарство.., или что астма у меня вот здесь, — он показал на свою грудь. — В то время как мистер Кин говорит, что она у меня здесь, в голове...

Она подумала, что сейчас все объяснит ему — просто и логично. Расскажет, как она думала, что он умрет, когда ему было пять лет, как эта мысль чуть не свела ее с ума — ведь всего за два года до этого она потеряла Фрэнка. Как она пришла к пониманию того, что ребенка можно защитить только при помощи неусыпного контроля и наблюдения за ним, что его нужно возделывать, как сад, удобрять, пропалывать, а иногда и прореживать, хотя это может принести боль. Она скажет ему, что иногда ребенку, особенно такому нежному ребенку, как он, Эдди, лучше думать, что он болен, чем действительно быть больным, и закончила бы тем, что доктора порою так глупы и бесполезны, но любовь дарует матери удивительную силу, поэтому она знает, что у него астма, и не имеет значения, что говорят доктора и какие лекарства они прописывают. Она скажет, что материнская любовь способна превращать в животворное лекарство простую воду, и фармацевтические пестик со ступкой тут ни при чем. Именно благодаря тому, что ты

любишь меня, а я люблю тебя, я могу делать это. Такой силой Бог награждает любящих матерей. Прошу тебя, Эдди, единственная моя кровиночка, ты должен мне верить!

Но в результате миссис Каспбрак не сказала ничего. Ее страх был слишком велик.

— Но, может быть, нам даже не нужно говорить об этом, — продолжал Эдди. — Может быть, мистер Кин просто пошутил. Взрослые иногда.., ты же знаешь, иногда они шутят над детьми. Ведь дети так доверчивы. Конечно, так поступать плохо, но иногда взрослые так делают.

— Да, — с готовностью согласилась Соня Каспбрак. — Иногда они шутят, иногда они поступают глупо.., низко.., и.., и...

— Так что я буду продолжать дружить с Биллом и остальными, — сказал Эдди. — И пользоваться своим лекарством тоже. Наверное, это лучший выход, правда?

И только теперь, когда было уже слишком поздно, она поняла, как глупо попалась в ловушку. Он просто шантажировал ее, но ей было нечего возразить. Она хотела спросить его, как он мог вести себя так расчетливо, так продуманно, уже было открыла рот.., но закрыла его снова. В этом состоянии он вполне мог ответить.

И только одно она знала точно. Да, то, что никогда больше она не зайдет в аптеку этого носатого мистера Кина.

Голос Эдди, ставший теперь удивительно застенчивым, прервал ее мысли.

— Ма?..

Она посмотрела на него и увидела перед собой Эдди, всего лишь Эдди, и радостно бросилась к нему.

— Обними меня, пожалуйста, ма...

Она осторожно обняла его, чтобы не повредить его сломанную руку (чтобы ни один маленький осколочек не смог попасть в его сосуды и вонзиться в его сердце — разве может мать убить своего ребенка любовью?), и Эдди тоже обнял ее.

7

По мнению Эдди, его мама ушла как раз вовремя. На протяжении всего этого ужасного противостояния горло мальчика болезненно сжималось, дыхание тяжело скапливалось в легких, угрожая задушить его.

Он терпел до тех пор, пока за ней не захлопнулась дверь, потом стал торопливо дышать и пыхтеть. Спертый воздух протискивался через его сжатое спазмами горло, как обжигающая кочер-

га. Он схватил ингалятор, не обращая внимания на боль в руке, и нажал на кнопку. Живительная влага оросила его воспаленное горло. Он глубоко вдохнул камфарный воздух, думая: «Не важно, пла-це-бо это или нет, какая разница, как его называть, если оно мне помогает?»

Потом он всплакнул и погрузился в беспокойный сон. Ему снилась темнота, и в этой темноте — какие-то ухающие машины, перекачивающие что-то.

8

Когда вечером Билл вместе с остальными Неудачниками вернулся в больницу, Эдди не удивился их появлению. Он знал, что они придут.

Весь день стояла ужасная жара — позже все признавали, что тот день был одним из самых жарких летних дней за последние годы, — около четырех часов дня в небе стали сгущаться тучи. Огромные, багрово-черные, они несли внутри дождь и были начинены молниями. Люди старались побыстрее сделать свои дела на улице и все время посматривали на небо. Большинство предсказывало, что после обеда начнется сильный и продолжительный дождь, по окончании которого исчезнет эта жуткая духота. К шести вечера

парки и детские площадки, и так пустовавшие все лето, полностью обезлюдели. Дождь так и не пошел, и качели неподвижно застыли в странном желтом свете, не отбрасывая тени. Громкие раскаты грома, лай собак и глухой шум машин на внешнем конце Мейн-стрит были единственными звуками, доносившимися в палату Эдди через окно до прихода Неудачников.

Первым вошел Билл, потом Ричи, за ним Беверли и Стэн и наконец Майк с Беном. Последний чувствовал себя в белом свитере с высоким горлом крайне неуютно.

Они подошли к его кровати в торжественном молчании. Даже на лице Ричи не было улыбки.

«Какие лица, — подумал удивленный Эдди. — Господи, какие лица!»

Он видел в них то, что видела в нем его мать этим утром: странное сочетание силы и беспомощности. На их лицах лежали желтые блики предгрозового света, и от этого их лица казались призрачными, далекими, туманными.

«Что-то происходит с нами, — подумал Эдди. — Что-то происходит... Мы на грани чего-то нового. Но что ждет нас впереди? Куда мы идем? Куда?»

— Ппривет, Ээдди, — сказал Билл. — Ккак ссамочувствие?

— Нормально, Большой Билл, — Эдди попробовал улыбнуться.

— Ну и денек был у тебя вчера, представляю, — гром заглушил голос Майка. В палате были потушены и верхний свет, и ночник у кровати, их лица оживали и гасли вновь вместе с мерцанием желтого света. Эдди представил себе весь Дерри, погруженный в это желтое мерцание: желтые блики, лежащие на длинных дорожках Маккарон-парка, слабые изломанные лучи, проникающие сквозь отверстия в навесе над Мостом Поцелуев, Кендускеаг, похожий на дымчатое стекло, его широкую дорожку, пересекающую Барренс; подумал о качелях, отвесно возвышающихся во дворе начальной школы Дерри под сгущающимися в небе тучами, об этом призрачном грозовом свете, о безмолвии, охватившем весь город, который казался спящим.., или вымершим.

— Да, — ответил Эдди. — Это был великий день.

— Мои ппредки ссобираются в ккино ппослезавтра ввечером, — сказал Билл. — Нна нновый ффильм. Ттогда мы них и сделаем. Сс...

— Серебряные шарики, — подсказал Ричи.

— Я думал...

— Так будет лучше, — негромко заметил Бен. — Я до сих пор думаю, что пули лучше, но думать мало. Если бы мы были взрослыми...

— Да, если бы мы были взрослыми, все было бы круто, правда? — спросила Беверли. — Взрослые могут все, правда? Взрослые могут делать что хотят, и все всегда выходит как надо. — Она засмеялась коротким нервным смехом. — Билл хочет, чтобы в Оно стреляла я. Можешь себе представить, Эдди? Называйте меня просто Беверли Грозная.

— Не понимаю, о чем ты говоришь, — на самом деле Эдди, пожалуй, понимал, какое-то представление начинало складываться.

Бен начал объяснять. Они расплавят один из его серебряных долларов и сделают два серебряных шарика размером чуть меньше шарикоподшипника. И тогда, если в подвале дома № 29 на Нейболт-стрит действительно прячется оборотень, Беверли пальнет ему в голову одним из этих шариков из рогатки Билла. Чао, оборотень! А если они не ошиблись насчет того существа со многими лицами, то же и Оно.

Очевидно на лице Эдди появилось новое выражение, потому что Ричи засмеялся и кивнул.

— Я понимаю твои чувства, дружище! Когда

Билл сегодня начал говорить о своей рогатке вместо ружья его отца, я решил, что он окончательно съехал с катушек. Но сегодня днем... — Он замолчал и откашлялся. «Сегодня днем после того как твоя мамаша показала нам, где раки зимуют», — так он собирался начать, но этого, совершенно очевидно, не стоило делать. — Сегодня днем мы спустились на свалку. Билл взял с собой рогатку. Смотри. — Из заднего кармана Ричи извлек сплющенную жестяную банку из-под ананасовых долек «Дель Монте». Прямо по центру зияло большое отверстие с рваными краями диаметром в два дюйма.

— Беверли сделала это с двадцати футов, камнем. Я бы сказал, что это тридцать восьмой калибр. Де Трэшмаут так и сказал, а уж ему можно верить.

— Одно дело палить по жестянкам, — сказала Беверли. — Если бы это было что-нибудь другое.., что-нибудь живое... Билл, для этого нужен ты. Серьезно.

— Ннет. Мы ввсе ппробовали. Ии тты ввидела, ччто ппполучилось.

— И что же получилось? — спросил Эдди.

Беверли, сжав губы так сильно, что они побелели, отошла к окну, а Билл начал медленно, с

остановками, рассказывать. По причинам, которые она не могла бы объяснить даже самой себе, Бев была даже более чем испугана, она была совершенно поражена тем, что произошло сегодня. Когда вечером они шли в больницу, она настаивала, что нужно отлить пули.., не потому, что больше, чем Билл или Ричи, была уверена в их надежности, а потому что думала, что если они когда-нибудь понадобятся, то стрелять ими будет (Билл) кто-то другой.

Но факты оставались фактами. Каждый из них взял по десять камней и стрелял по десяти жестянкам с расстояния в двадцать футов. Ричи попал один раз, и то случайно, Бен попал два раза, Билл — четыре, Майк — пять.

Беверли, не особенно стараясь, пробила девять банок точно посередине. Десятая перевернулась, когда камень попал в ее край.

— Но сначала мы ддолжны сделать сснаряды.

— Послезавтра вечером? К тому времени меня выпишут, — сказал Эдди. Мама будет возражать, но... — Эдди был уверен, что она не будет возражать слишком сильно. Только не сейчас.

— Рука-то болит? — спросила Беверли. На ней было надето розовое платье (но не то, какое ему приснилось; может быть, она сняла его после

того, как его мама прогнала их) с аппликациями — маленькими цветочками. И шелковые или нейлоновые чулки; она выглядела очень взрослой и в то же время очень по-детски, как девочка, играющая в переодевания. На ее лице было задумчивое выражение. Эдди подумал: «Наверное, именно так она выглядит, когда спит».

— Не очень, — сказал он вслух.

Они поговорили еще немного, время от времени прерываемые раскатами грома. Эдди не расспрашивал их о том, что они делали, выйдя из больницы днем, и никто из них тоже не упомянул об этом. Ричи вытащил свою игрушку — кольцо на веревочке, потом снова убрал ее.

Когда наступила очередная пауза, Эдди услышал щелчок и увидел в руке у Билла что-то блестящее. На мгновение ему представилось, что это нож, но когда Стэн включил верхний свет, он увидел, что это всего лишь шариковая ручка. В свете лампы все они снова приобрели свой обычный, реальный вид.

— Мы хотим расписаться у тебя на гипсе, — Билл неловко встретился глазами с Эдди.

«Но дело же не в этом, — подумал Эдди с внезапной волнующей ясностью. — Это же контракт, контракт или что-то очень похожее». Сначала ему

стало страшно.., потом стыдно за свой страх. Кто бы захотел расписаться у него на гипсе, сломай он руку прошлым летом? Кто, кроме его мамы и, может быть, доктора Хэндора? И его тетушки из Хэвена?

Это были его друзья, и его мама ошибалась: они не были плохими друзьями. Может быть, подумалось ему, таких вещей, как плохие или хорошие друзья, просто не существует, а друзья всегда просто друзья — те люди, которые стоят рядом плечом к плечу с тобой в трудную минуту и готовы помочь тебе. Наверное, они всегда стоят того, чтобы за них беспокоились и жили ради них, может быть, даже умирали за них, если в этом есть необходимость. Не хорошие друзья.

И не плохие друзья. Просто те люди, кого тебе хочется видеть, кто занимает место в твоем сердце.

— Хорошо, — сказал Эдди, проглотив комок в горле. — Хорошо, ты правда здорово придумал. Большой Билл.

И Билл торжественно склонился над ним и написал свою фамилию на неровной поверхности гипса большими неровными буквами. Ричи расписался росчерком. Почерк Бена был настолько же узким, насколько сам он был толстым, а его

буквы падали назад. Левше Майку Хэнлону было неудобно писать, поэтому его буквы тоже были большими и неуклюжими. Он расписался рядом с локтем Эдди и обвел свое имя кружком. Когда над Эдди наклонилась Беверли, он почувствовал слабый цветочный аромат духов. Роспись Стэна была сделана маленькими буквами, тесно прижавшимися друг к другу, рядом с запястьем Эдди.

Потом все они отступили назад, словно осознав, что только что совершили. Снаружи снова глухо загрохотал гром. Молния озарила палату неровным ярким светом.

— Так? — спросил Эдди. Билл кивнул.

— Пприходи к ммоему ддому ппослезавтра ппосле ужина, если ссможешь, лладно?

Эдди кивнул, и тема была закрыта.

Глава 17. ЕЩЕ ОДНО ИСЧЕЗНОВЕНИЕ, ИЛИ СМЕРТЬ ПАТРИКА ХОКСТЕТТЕРА

1

Эдди умолк и налил себе еще. Рука его заметно дрожала. Он посмотрел на Беверли и спросил:

— Ты ведь видела Оно, Бев? Ты видела, как Оно забрало Патрика Хокстеттера через день после того, как вы расписались на моем гипсе?

Все невольно подались вперед.

Беверли отбросила со лба копну рыжеватых волос. На их фоне ее лицо кажется неестественно бледным. Она вытащила из пачки последнюю сигарету, щелкнула зажигалкой, глубоко затянулась и выпустила облако голубоватого дыма.

— Да, — сказала она. — Я видела, как это случилось. Ее передернуло.

— Он был сссумасшедший, — сказал Билл, — разве то, что Генри стал якшаться с придурком вроде Патрика Хокстеттера, не говорит о многом?

— Да, ты прав, — спокойно сказала Беверли. — Патрик действительно был ненормальный. В школе ни одна девчонка не соглашалась сидеть

впереди него. Сидишь вот так, пишешь сочинение или решаешь задачу и постоянно чувствуешь прикосновение его руки.., горячей и потной. Фу, гадость, — она сглотнула. — И эта рука легонько прикасается к твоему боку или груди. Тогда у девчонок и груди-то еще не было почти, но Хокстеттера это, видно, не смущало.

Почувствуешь это, отодвинешься, повернешься, а он только ухмыляется своим большим ртом. Ухмылка у него была, как резиновая. А еще этот пенал...

— С дохлыми мухами, — вставил Ричи. — Ага. Он бил их на уроке своей зеленой линейкой, а потом складывал в пенал. Я даже помню, как этот пенал выглядел — ярко-красный с белой рифленой крышкой.

Эдди кивнул.

— Отодвинешься, — продолжила Беверли, — а он откроет пенал и поставит его так, чтобы тебе были видны эти дохлые мухи. Самое ужасное было то, что он ухмылялся вот так, но никогда ни слова не говорил. Миссис Дуглас знала это. Грета Бови жаловалась ей на него, и Салли Мюллер, я думаю, тоже, но... Миссис Дуглас сама его боялась.

Бен качнулся на стуле, закинув руки за голову.

Беверли до сих пор не может понять, как можно быть таким тощим.

— Уверен, так оно и было, — сказал Бен.

— Ттак ччто же случилось с ннним, Беверли? — спросил Билл.

— Ричи, помнишь рогатку? Рогатку вспомнили все.

— Билл дал ее мне, я сначала не хотела, но он... — она вымученно улыбнулась Биллу, — одним словом, вы же сами знаете, как трудно сказать «нет» Большому Биллу. В общем, у меня была эта рогатка, и в тот день я решила попрактиковаться. До сих пор не могу понять, как это у меня хватило духу воспользоваться ею. Правда, выхода у меня не было. Я убила одну из этих тварей. Господи, это было ужасно. Даже сейчас мне страшно вспоминать. Я убила одну, но другая схватила меня. Вот смотрите.

Она подняла руку и развернула ее так, чтобы всем был виден круглый бугристый шрам на предплечье. Словно к коже прижали горящую сигару. От одного его вида Майка Хэнлона передернуло. Он никогда не слышал эту историю, но догадывался о ней.

— Ты был прав насчет рогатки, Ричи, — сказала Беверли. — Это действительно смертельное

оружие. Сначала я побаивалась ее, но теперь она мне даже нравится.

Ричи засмеялся и хлопнул ее по плечу.

— Ха, я знал это еще тогда, глупая ты баба!

— Правда?

— Да. Это было видно по твоим глазам, Бевви.

— Я имею в виду, что она была похожа на игрушку, но оказалась настоящей. Она пробивала дырки в чем угодно.

— Ив тот день ты в чем-то пробила дырку? — задумчиво спросил Бен. Она кивнула.

— Не в Патрике, случайно?

— О Господи, конечно же, нет! — говорит Беверли. — Не в нем.., подожди-ка...

Она потушила сигарету, отпила из бокала и снова взяла себя в руки. У нее возникло ощущение, что память вот-вот вернется полностью.

— Знаете, я каталась на роликах, упала и здорово ушибла ногу. Потом решила спуститься в Барренс и пострелять. Сначала заглянула в штаб — думала, вы там. Вас не было, только пахло дымом. Там еще очень долго стоял этот запах, помните?

— Нам ведь так и не удалось его до конца проветрить. — подтвердил Бен.

— Я пошла к свалке. Там было во что постре-

лять. — Она замолчала. На ее лбу выступил мелкий бисер пота. Наконец, она продолжила:

— Я хотела пострелять во что-то живое. Не в чаек — этого бы я никогда не сделала, а в крыс. Хотела попробовать, смогу ли... Хорошо, что я пошла со стороны Канзас, а не со стороны Олд-Кейп, потому что со стороны Олд-Кейп, возле железнодорожной насыпи, совершенно открытое место. Они сразу бы меня увидели, и тогда я не знаю, что бы случилось.

— Ккто бы ттебя уувидел?

— Они — Генри Бауэре, Виктор Крисе, Белч Хаггинс и Патрик Хокстеттер. Они были на свалке и...

Вдруг она начала безудержно хихикать, ее щеки стали пунцовыми, на глазах выступили слезы.

— Что за черт, Бев? — спросил Ричи. — Мы тоже хотим посмеяться.

— О, это была шутка, — ответила она. — Это была шутка, но они, наверное, убили бы меня, если бы знали, что я подсматриваю.

— Я вспомнил! — воскликнул Бен и тоже начал смеяться. — Я помню, ты рассказывала.

Давясь от смеха, Беверли сказала:

— Они сидели со спущенными штанами, пукали и поджигали свои газы.

На мгновение воцарилось гробовое молчание, потом все разразились хохотом.

Она затянулась, обвела их взглядом и начала рассказ:

— Если идти к свалке со стороны Канзас-стрит, это было немного похоже

2

на то, как будто ты входишь в какой-то пояс астероидов. Пояс свалкоидов. Сначала вокруг нет ничего, кроме кустов и мягкой земли, а потом появляется первый свалкоид — ржавая жестянка из-под соуса «Принц Спагетти» или бутылка, по которой ползали жучки, привлеченные сладкими остатками лимонада или сиропа. Где-то блестит на солнце застрявший в ветвях дерева кусок фольги. Потом видишь или, если зазевался, наступаешь на пружину от матраса или на кость, которую притащила туда какая-нибудь собака.

Сама свалка была не таким уж плохим и даже интересным местом. Что было неприятно, так это то, как она разрасталась. Этот пояс свалкоидов.

Она подходила все ближе. Деревья становились выше, в основном это были ели, кусты редели. Пронзительно кричали чайки, воздух был наполнен запахом гари.

Вдруг поблизости послышался чей-то крик, и она подпрыгнула от неожиданности. Потом кто-то засмеялся. Беверли усмехнулась. Значит, они все-таки здесь. Они ушли из штаба, потому что там воняло, и перебрались сюда. Наверное, бьют камнями бутылки или просто роются на свалке.

Она пошла чуть быстрее, забыв о своей ужасной ссадине, так ей хотелось увидеть их.., увидеть его, с его рыжими волосами, совсем как у нее, увидеть, как он улыбнется ей своей чуть кривой улыбкой, которую она так любила. Беверли была еще слишком юной, чтобы полюбить серьезно, слишком юной, чтобы чувствовать что-то, кроме простой влюбленности, но Билла она любила. Она шла теперь быстрее, роликовые коньки оттягивали ей плечо, висевшая на ремне рогатка при каждом шаге больно била ее пониже спины.

Беверли оказалась уже совсем недалеко от них, прежде чем поняла, что это не ее компания, а парни Бауэрса.

Она уже вышла из-за прикрывающих ее кустов. Ярдах в семидесяти впереди виднелась высоченная стена свалки, солнечные блики играли на осколках бутылок возле кучи гравия. По левую сторону, вдалеке, стоял бульдозер Мэнди Фазио. Впереди, гораздо ближе к Беверли, был целый

лабиринт старых автомобилей. В конце каждого месяца их ломали и везли в Портленд под пресс, но сейчас там было их штук десять или больше — некоторые лежали на боку, а некоторые вверх тормашками, как дохлые собаки. Они были свалены в два ряда, и Беверли шла между ними, словно среди декораций для фантастического фильма. Она шла и лениво думала, можно ли разбить ветровое стекло вот этой, например, машины из рогатки. Один карман ее голубых шортов был доверху наполнен шариками от подшипников — ее персональная амуниция.

Голоса и смех слышались из-за разбитых машин, слева от нее, ближе к началу настоящей свалки, Беверли обошла последнюю машину — «студебеккер» без переднего капота. Приветствие замерло у нее на губах. Рука, которой она собиралась помахать им, медленно опустилась вниз.

Краска бросилась ей в лицо: *Боже мой, почему они все голые?*

Это было первое, что пришло ей в голову. В тот же момент она с ужасом поняла, кто это был. Беверли словно вросла в землю возле своей половины «студебеккера». Если бы в этот момент кто-то из них поднял голову и взглянул вверх, он не мог бы ее не заметить — невысокого роста

девчонку, пара роликовых коньков через плечо, ссадина на колене все еще сочится кровью, рот полуоткрыт, щеки пылают.

Еще до того, как метнуться за спасительный «студебеккер», она успела заметить, что они все-таки не совсем голые. Рубашки оставались на них, а брюки и трусы они просто спустили до земли. *Как будто они хотят по-большому,* -подумала она, даже в уме заменяя это слово эвфемизмом, — *только когда же это так бывает, чтобы захотелось всем четверым сразу?*

Очутившись вне поля зрения мальчишек, Беверли решила немедленно сматываться. И как можно скорее. Ее сердце учащенно билось, а мускулы словно накачали адреналином. Бев осмотрелась и пожалела, что не приняла никаких мер предосторожности, не сомневаясь в том, что здесь ее друзья. Слева рад автомобилей был не очень плотным, потому что их составляли в один ряд, дверь к двери только перед приездом специальной машины, превращавшей автомобили в груду поблескивающего металла. Пока Беверли шла к свалке, она несколько раз оказывалась в поле зрения парней, и если бы она стала бежать, они могли бы ее увидеть.

К тому же ей не давало покоя постыдное любо-

пытство: что же такое они делают?

Она быстро выглянула из-за «студебеккера».

Генри и Виктор были более или менее развернуты к ней лицом, Патрик сидел слева от Генри, Белч был спиной к ней. Она обратила внимание на то, что у Белча исключительно *волосатая* задница, и в горле у нее зашевелился полуистерический смешок, похожий на пузыри в имбирном пиве. Ей пришлось зажать рот обеими руками и спрятаться за «студебеккер», чтобы сдержать смех.

Тебе нужно убегать, Беверли. Если они тебя поймают...

Она выглянула в проход между машинами, все еще зажимая рот рукой. Проход был в ширину около десяти футов и весь усыпан жестянками и мелкими кусочками стекла, поросшими сорняками. Стоит ей издать хоть один звук, и они тут же услышат ее.., особенно если их поглощенность своим занятием уменьшится. Подумав о своей неосторожности, Беверли ощутила холод во всем теле. Да и...

Что же такое они делают?

На этот раз она увидела больше деталей. Поблизости валялись школьные книжки и тетрадки. Значит, они идут с занятий в летней школе —

Школе для Дураков. Поскольку Генри и Виктор сидели лицом к ней, она видела у них эти штуки. Вообще она видела эти штуки своими глазами впервые в жизни, если не считать потрепанной книжонки, которую однажды приносила в школу Бренда Эрроусмит и в которой все равно ничего нельзя было разглядеть. Эти штуки были похожи на свисающие между ног маленькие трубочки. У Генри его штука была маленькой и безволосой, а у Виктора — довольно большой, и над ней росли густые черные волосы.

У *Билла тоже есть такая,* -подумала она, и по всему ее телу пробежала горячая дрожь, от которой у нее перехватило дух и закружилась голова. (Похоже чувствовал себя Бен Хэнском в последний день занятий, глядя на ножной браслет Беверли, сверкающий на солнце, правда, он не испытывал при этом ужаса.) Она снова посмотрела назад. Теперь дорожка между автомобилями к спасительному Барренсу показалась ей такой длинной! Она боялась пошевелиться. Если они узнают, что она видела у них эти штуки, они ее поколотят. И не чуть-чуть, а очень сильно.

Вдруг Белч вскрикнул, да так, что она подскочила на месте, а Генри заорал:

— Три фута! Не вру, Белч! Три фута! Правда,

Вик?

Вик подтвердил это, и все четверо залились громоподобным смехом.

Хокстеттер встал и повернул свой зад прямо к лицу Генри. Тот держал в руке серебристый блестящий предмет. Зажигалку, поняла Бев.

— Ты, по-моему, говорил, что у тебя на подходе очередной? — сказал Генри.

— Да, — ответил Патрик. — Я скажу, когда именно... Приготовиться! Приготовься, сейчас... Давай, пошел!

Генри щелкнул зажигалкой. Одновременно Беверли услышала звук, который ни с чем не могла бы спутать, потому что часто слышала его у себя дома после того, как мать готовила бобы или горох. Ее отец обожал бобы. Вдруг у нее отвисла челюсть. Казалось, что ярко-голубая вспышка исходит прямо из задницы Патрика. Она была похожа на пламя газовой горелки или паяльной лампы.

Мальчики захохотали снова, а Беверли спряталась за машину, пытаясь сдержать смех. Она смеялась не от веселья. В некотором смысле все происходящее, безусловно, было смешным, но в первую очередь ее смех был вызван недоумением и ужасом — она просто не знала, что ей делать.

Причина заключалась в том, что она увидела эти штуки, но не исчерпывалась этим. В конце концов она знала, что V мальчиков есть эти штуки, точно так же, как и у девочек есть свои, другие эти штуки. И все же их действия казались ей такими странными, нелепыми и в то же время ужасно примитивными, что она, к своему собственному удивлению, не могла сдержать хихиканье, но продолжала взывать к своему здравому смыслу.

Прекрати, -говорила она себе, словно это был ответ, — *прекрати, а то они тебя заметят, Бевви!*

Но она ничего не могла поделать. Все, на что она была способна, — это смеяться шепотом, почти неслышно, закрыв обеими руками рот. Ее щеки покраснели, как яблоки, в глазах стояли слезы.

— Елки-палки, да это больно! — завопил Виктор.

— Двадцать футов! — восхитился Генри. — Ей-Богу, Вик, двадцать футов! Клянусь здоровьем мамочки!

3

Генри, Виктор, Белч и Патрик оказались в этот жаркий июльский полдень на свалке со спущенными штанами благодаря Рине Дэвен-порт.

Генри знал, к чему приводит потребление большого количества жареных бобов. Наверное, лучше всего описывала результат этого маленькая дурацкая присказка, которую Генри узнал от своего отца, еще когда сидел у него на коленях в коротких штанишках: *«Отгадай загадку, ответь-ка на вопрос: что стреляет в пятку, а попадает в кос?»* Рина встречалась с его отцом вот уже восемь лет. Ей было сорок лет, она была очень толстой, и обычно от нее дурно пахло. Бобы были гордостью Рины. Она замачивала их в субботу вечером, а потом все воскресенье поджаривала на медленном огне. Генри считал, что они ничего — их можно с аппетитом пожевать, чтобы набить себе желудок, но за восемь лет *все* успевает надоесть.

Рина не удовлетворялась небольшим количеством бобов, она готовила их в огромных количествах. Когда вечером в воскресенье ее старенький зеленый «Сото» подъезжал к дому Бауэрсов, на сидении рядом с ней обычно стояло дымящееся двадцатигаллоновое ведро с бобами. В этот вечер они ужинали бобами втроем, на следующий вечер Батч снова разогревал бобы. Во вторник и среду Генри брал с собой в школу полную банку все тех же самых бобов. К четвергу

или пятнице ни Генри, ни его отец уже не могли выносить бобовый запах. Обе спальни начинали вонять желудочными газами, несмотря на постоянно распахнутые окна. Батч смешивал остатки бобов с другими объедками и скармливал их Бипу или Бопу — двум бауэрсовским поросятам. Рина предпочитала не показываться вплоть до воскресенья, когда все начиналось по новой.

В то утро Генри взял с собой в школу огромное количество старых бобов, и они вчетвером слопали все без остатка, сидя в тени раскидистого вяза на детской площадке, так что их животы начали лопаться.

Пойти на свалку предложил Патрик — там можно было спокойно отдохнуть в середине летнего рабочего дня. К тому времени, как они дошли туда, бобы уже сделали свое дело.

4

Понемногу Беверли снова взяла себя в руки. Она понимала, что ей нужно сматываться: дальше оставаться поблизости было опасно. Правда они были заняты чем-то своим, и даже если бы случилось худшее, у нее была большая фора (где-то в глубине сознания шевелилась мысль о том, что, на худой конец, пригодится и рогатка).

Она уже было начала пятиться назад, когда Виктор сказал:

— Генри, мне пора. Отец просил меня помочь ему перебрать зерно сегодня после полудня.

— Ну и что? — сказал Генри. — Обойдется.

— Нет, он и так на меня зол за то, что случилось вчера.

— Пошел он в задницу, если не понимает шуток. Беверли стала прислушиваться, думая, что речь пойдет о встрече с Эдди.

— Нет, мне пора.

— Наверное, у него просто задница разболелась, — сказал Патрик.

— Думай, что говоришь, козел, — вскинул голову Виктор. — А то сразу разучишься говорить.

— Мне тоже нужно идти, — сказал Белч.

— Тебя тоже просил помочь отец? — Видимо, Генри счел это хорошей шуткой: отец Белча умер.

— Нет, у меня работа сегодня вечером. Я разношу «Еженедельник Покупателя».

— Что это за дерьмо? — голос Генри прозвучал одновременно зло и печально.

— Это работа, — торжественно сказал Белч. — Я зарабатываю деньги, Генри презрительно хмыкнул, и Беверли снова отважилась подсмотреть

за ними. Виктор и Белч, стоя, застегивали свои ремни. Генри и Патрик продолжали сидеть на корточках со спущенными штанами. В руке Генри вспыхнула зажигалка.

— Ты-то не уйдешь? — спросил Генри у Патрика.

— Нет, — ответил Патрик.

— Тебе не нужно перебирать зерно или идти на какую-то трахнутую работу?

— Нет, — повторил Патрик.

— Ну мы пошли, — неуверенно произнес Белч. — До встречи.

— Ага, — Генри плюнул на землю рядом с грубым рабочим ботинком Белча.

Вик и Белч направились к старым машинам, стоявшим в два ряда.., прямо к «студебеккеру», за которым притаилась Бев. Сначала она просто в оцепенении прижалась к земле, обезумев от страха, потом приподнялась и быстро переметнулась по узкому проходу между левым бортом «студебеккера» и стоящим рядом с ним разбитым «фордом» вперед, на мгновение застыла, вслушиваясь в звуки их шагов. У нее пересохло во рту, по спине побежали струйки пота, и она попробовала представить себя с рукой в гипсе, как у Эдди. Потом она забралась на сиденье для пассажира

внутри «форда», слезла с него на пол и плотно прижалась к грязному коврику на полу, стараясь казаться как можно незаметней. Внутри салона было очень жарко и душно, в воздухе стоял запах гниющей обшивки сидений и давнишнего крысиного помета. Она с трудом удержалась, чтобы не чихнуть и не закашляться. Она услышала негромкие голоса Белча и Виктора, прошедших поблизости. Вскоре они стихли.

Она три раза осторожно чихнула, прикрывая рот руками.

Она решила, что теперь ей самое время исчезнуть. Наилучшим способом сделать это было перелезть на сиденье водителя, выбраться обратно в узкий проход между машинами и убежать. Бев думала, что ей удастся это сделать, но от страха не могла решиться выполнить свой план. Здесь, в машине, ей было не так страшно. Кроме того, если двое уже ушли, то, может быть, Генри с Патриком тоже скоро уйдут, и она сможет пойти в штаб. Ей уже не хотелось упражняться в меткости.

Кроме того, ей очень хотелось по-маленькому.

Давайте, -подумала она. *— Давайте, поторопитесь и уходите, ну пожаааалуйста!*

Минуту спустя она услышала крик Хокстеттера,

в котором одновременно звучали смех и боль.

— Шесть футов! — завопил Генри. — Как паяльная лампа! Ей-богу!

Потом стало тихо. По ее спине бежали струйки пота. Солнце светило ей в шею. Мочевой пузырь, казалось, готов был лопнуть.

Генри завопил так громко, что Беверли, которая едва не заснула, несмотря на то, что ей было так плохо и неудобно, чуть не закричала сама.

— Черт возьми, Хокстеттер! Ты же подпалил мне задницу! Что ты делаешь там с этой зажигалкой?

— Десять футов, — захихикал Патрик (при этом звуке Бев стало так же противно, как если бы она увидела, что у нее в тарелке извивается червяк). — Десять футов, дюйм в дюйм, Генри. Ослепительное пламя. Десять футов, дюйм в дюйм! Провалиться мне на этом месте!

— Дай-ка сюда, — буркнул ему Генри. *Давайте, уходите поскорей, дураки паршивые!*Патрик заговорил снова, на этот раз так тихо, что любой слабый порыв ветра заглушил бы его голос.

— Я хочу тебе кое-что показать, — сказал Патрик.

— Что?

— Просто кое-что. Это очень приятно.

— Что? — повторил Генри.

Наступила тишина.

Я не хочу смотреть, не хочу смотреть, что они там делают, да и они могут заметить меня, и обязательно заметят, тебе и так сегодня слишком много везло. Поэтому не двигайся. Не подсматривай...

Но любопытство оказалось сильней здравого смысла. В этой тишине было что-то необычное и даже пугающее. Она начала медленно поднимать голову до тех пор, пока перед ней не оказалось покрытое трещинами грязное лобовое стекло «форда». Она была в безопасности: оба мальчика полностью отключились от действительности. Патрик делал что-то непонятное ей, но она почувствовала, что то, что он делает, не может быть хорошим, слишком уж странный этот Хокстеттер.

Патрик держал одну руку между ног у Генри, а вторую — между своих ног. Одной рукой он осторожно касался этой штуки Генри, другой рукой сжимал свою собственную. Он даже не сжимал ее, а как-то мял, теребил и периодически выпускал.

Что он делает? -уныло подумала Беверли.

Этого она точно не знала, но внутри нее неуклонно нарастало беспокойство. Она уже

давно не была так взволнованна — с тех пор, как из отверстия в ее ванне хлынула кровь. Что-то говорило ей, что если они увидят ее, то не просто поколотят, а, может быть, даже убьют.

И все же она не могла отвести от них глаз.

У Патрика эта штука стала немного длиннее, но все еще безвольно свисала вниз, как змея без позвоночника. У Генри она, напротив, значительно увеличилась в размерах, поднялась вверх и стала казаться очень твердой. Патрик двигал рукой вверх и вниз, иногда сдавливал ее, а иногда осторожно поглаживал странный тяжелый мешочек под этой штукой.

Это его шарики, -подумала Беверли. — *Неужели мальчики все время с ними ходят? Господи, я бы сошла от этого с ума!*

Тогда ей пришло в голову, что такие есть и у Билла. Ей представилось, что она стоит рядом с ним, держит их в руке, ощущая в своей руке их тяжесть.., и ее лицо снова залилось краской стыда.

Генри, как загипнотизированный, смотрел на руку Патрика. Его зажигалка лежала на большом камне, блестя в ярких лучах полуденного солнца.

— Хочешь, я возьму его в рот, — Патрик улыбнулся, скривив свои полные губы.

— Что? — Генри словно очнулся от глубокого сна.

— Если хочешь, я возьму его в рот. Мне не про... Генри резко выбросил вперед руку и ударил Патрика по лицу. Тот повалился на гравий. Беверли снова присела, в ее груди заколотилось сердце, сжав зубы, она сдержала стон. Генри повернулся в ее сторону, и ей, сжавшейся в комочек рядом с пассажирским сиденьем внутри старой ржавой развалюхи, показалось, что он увидел ее.

Господи, хоть бы ему в глаза светило солнце, -взмолилась она. — *Господи, ну пожалуйста! Зачем только я подсматривала?*

Последовала мучительная пауза. Блузка Бев прилипла к ее потному телу. Капельки пота блестели на ее загорелых руках. Ее мочевой пузырь болезненно сжался. Бев подумала, что вот-вот намочит штаны. Она ждала, что сейчас взбешенное лицо Генри появится в окне «форда». Как же он мог ее не заметить? Он вытащит ее из машины и поколотит ее. Он...

Пожалуйста, Господи, не надо, чтоб он меня увидел, ну пожалуйста, ладно?

Потом она услышала голос Генри, и к ее растущему ужасу его голос приближался.

— Я не голубой.

И откуда-то издалека голос Патрика:

— Но тебе это понравилось.

— Мне это не понравилось. А если ты кому-то скажешь, что мне понравилось, я тебя убью, гомосек ты чертов!

— Он у тебя стоял, — голос Патрика звучал так, как если бы он улыбался. Хотя она и боялась Бауэрса до смерти, эта улыбка ее не удивила: Патрик был чокнутым, может быть, еще более чокнутым, чем Генри, а настолько чокнутые обычно ничего не боятся. — Я сам видел.

Послышался хруст гравия — все ближе и ближе. Беверли широко раскрытыми глазами посмотрела вверх. Через лобовое стекло «форда» она видела затылок Генри... Сейчас он смотрел на Патрика, но стоило ему обернуться...

— Если ты кому-то скажешь, я расскажу, что ты гомик, а потом убью.

— Я тебя не боюсь, Генри, — Патрик захихикал. — Но я никому не скажу, если ты дашь мне доллар.

Генри беспокойно задвигался и немного повернулся, теперь она уже могла видеть его висок. *Пожалуйста, Господи, пожалуйста,* -обезумев, повторяла она, и ее мочевой пузырь сжимался все сильнее.

— Если ты расскажешь, — Генри говорил неторопливо и уверенно. — Я расскажу, что ты делал с кошками и собаками. Про твой холодильник. Знаешь, ведь тебя поймают и упрячут в ха-арошенькую психушку.

Патрик молчал. Генри забарабанил пальцами по капоту «форда», в котором пряталась Беверли.

— Ты меня слышишь?

— Слышу, — на этот раз голос Патрика казался раздосадованным и немного испуганным. Он завопил:

— Тебе это понравилось! Он стоял! Никогда не видел, чтобы еще у кого-то он так сильно стоял!

— Да, ты, наверное, их видел много, не сомневаюсь, ты, маленький гомик! Не забывай, что я тебе говорил насчет твоего холодильника. Твоего! Если попадешься мне на глаза, я оторву тебе башку!

Патрик молчал.

Генри начал удаляться. Беверли увидела, как он проходил мимо противоположного борта «форда». Стоило ему повернуть голову влево и... Но он не повернул ее. Минуту спустя она услышала, как он поднимается в том же направлении, в котором ушли Виктор с Белчем.

Теперь оставался один Патрик.

Беверли подождала, но ничего не услышала. Прошло уже пять минут. Желание помочиться стало невыносимым. Она еще могла бы вытерпеть две или три минуты, но не больше. Больше всего ее беспокоило то, что она не знала, где Патрик.

Выглянув через лобовое стекло, она увидела, что он все еще сидит на том же месте, рядом с забытой Генри зажигалкой. Патрик сложил свои учебники обратно в холщовую сумку, но его штаны вместе с трусами болтались на ногах. Он играл зажигалкой. Он поворачивал колесико, вспыхивало пламя, почти невидимое при дневном свете, он защелкивал крышку зажигалки и начинал все сначала. У Патрика был совершенно завороженный вид. С угла его рта по подбородку сбегала узенькая струйка крови и разбитая губа начинала набухать. Он, казалось, ничего не замечал, и на долю мгновения Беверли стало так противно, что ее чуть не стошнило. Патрик-то был чокнутый, дело понятное, но никогда в жизни ей еще не было так противно находиться рядом с другим человеком.

Она осторожно протиснулась под рулевым колесом «форда», вылезла из этой развалюхи и на корточках перебралась за нее. Вскочив, Бев

побежала в том направлении, откуда перед этим пришла. Оказавшись в сосновой рощице за автомобилями, она обернулась. Сзади не было никого, только на корпусах машин поблескивало солнце. Бев почувствовала несказанное облегчение. Оставалось только одно неудобство — переполненный мочевой пузырь.

Натягивая шорты, Бев услышала шаги. Сквозь ветки были видны голубые джинсы и выцветшая клетчатая рубашка Патрика. Она снова присела, ожидая, что он пойдет к Канзас-стрит. Укрытие было надежным, желания — выполнены, а Патрик погружен в свои сумасшедшие мысли. Когда Патрик пройдет, она побежит назад в штаб.

Но Патрик не прошел мимо, а остановился прямо напротив нее и уставился на ржавый холодильник «Амана».

Просвет в кустах позволял Беверли наблюдать за Патриком, не рискуя быть замеченной. В ней снова стало просыпаться любопытство, и теперь она могла бы в случае чего убежать от Патрика, который, хотя и был не таким толстым, как Бен, все же бегал не очень быстро. Бев вытащила из кармана рогатку и несколько стальных дробинок. Один меткий выстрел по колену заставил бы его отказаться от преследования.

Теперь она вспомнила этот холодильник — единственный, с которого Мэнди Фазио не сорвал клещами замок и не снял дверь.

Патрик начал что-то бубнить и раскачиваться из стороны в сторону перед старым ржавым холодильником. Бев стало не по себе: Хокстеттер был похож на человека, пытающегося вызвать из склепа дух мертвеца, как в фильмах ужасов.

Что он затевает?

Если бы она знала, что произойдет после того, как Патрик закончит свой странный ритуал и откроет дверь холодильника, она бы не задумываясь бросилась бежать как можно дальше.

5

Никто, включая Майка, не подозревал, до какой степени свихнулся Хокстеттер. Сыну торговца краской был двенадцать лет. Его мать, очень религиозная католичка, умерла от рака молочной железы в 1962-м, через четыре года после того, как ее сыном поживились силы зла, обосновавшиеся в Дерри и под ним. Хотя его «Ай-кью», показатель умственного развития, был не намного ниже, чем у остальных, Патрик уже дважды оставался на второй год — в первом и третьем классе. Теперь он ходил в летнюю школу, чтобы не остаться

еще и в пятом. Учителя находили его неспособным (некоторые из них написали об этом в его регистрационной карточке на шести строчках, которые обычно всегда оставались пустыми, и были озаглавлены «Замечания учителя») и довольно неприятным (об этом не написал никто: слишком уж неясными были их чувства по отношению к этом ученику; едва ли их можно было описать и на шестидесяти строчках, не говоря уж о шести). Родись Патрик десятью годами позже, куратор направил бы его к детскому психиатру, и тот, возможно, обнаружил бы зловещие глубины за этим бледным мучнистым лицом (правда, может быть, ему бы это и не удалось: на самом деле Патрик был гораздо умнее, чем можно было судить по результатам тестов «Ай-кью»).

Патрик всегда был социопатом, а к этому жаркому лету 1958-го наверняка превратился в полного психопата. Он уже не помнил, когда перестал верить в «реальность» остальных людей, да и вообще всех живых существ. Себя-то он считал действительно существующим, может быть, единственным во всем мире, но это не означало для него, что даже он «реален». Он не понимал, что такое боль — как по отношению к другим, так и по отношению к самому себе (именно по-

этому он не испугался Генри). Хотя реальность казалась Патрику совершенно бессмысленным понятием, он хорошо сознавал важность «правил». Поэтому у учителей, хотя все они находили его очень странным, никогда не было проблем с Патриком в отношении дисциплины. Иногда он сдавал листок с контрольной, на котором не было написано вообще ничего или стоял большой знак вопроса. Миссис Дуглас обнаружила, что лучше не сажать его рядом с девочками — всех их он пытался хватать и лапать, но при всем этом Хокстеттер вел себя так тихо, что порой его можно было принять за каменное изваяние. На Патрика закрыть глаза было гораздо легче, чем на таких хулиганов, как Генри Бауэре и его компания, — они то крали деньги на молоко, то портили школьное имущество, то грубили прямо в лицо; или на бедняжку Элизабет Тейлор (это имя было словно злой насмешкой), у которой голова работала только время от времени и которая к тому же страдала эпилепсией и за ней нужен был глаз да глаз: она вполне могла на детской площадке задрать юбку, чтобы похвастаться новыми трусиками. Другими словами, начальная школа Дерри была обычной сборной солянкой, в ней можно было бы не обратить внимание даже

на самого Пеннивайза.

Со временем Патрик нашел себе источник новых ощущений, — он стал испытывать возбуждение от убийства живых существ. Патрик стал убивать мух; сначала он только оглушал их мухобойкой, потом сделал открытие, что для этого прекрасно подходит и его школьная линейка. Ему открылись и прелести липкой бумаги для мух. Всего за два цента в магазинчике на Костелло-авеню можно было купить длинную липкую полоску. Иногда Патрик проводил по два часа в гараже, наблюдая за тем, как мухи садятся, прилипают и пытаются улететь, и его рот был при этом широко открыт, в глазах горело нездоровое возбуждение, по его круглому лицу и по всему телу катились крупные капли пота. Патрик убивал и жуков. Он старался поймать жука живым, брал иголку из маминой подушечки для шитья, насаживал на нее насекомое, садился рядом, скрестив ноги и наблюдал за его мучениями. При этом у него был вид мальчика, читающего увлекательную книгу. Однажды он увидел в канаве на Мейн-стрит задавленную машиной кошку и стоял рядом, наблюдая за тем, как она умирает до тех пор, пока его не остановила проходившая мимо пожилая женщина, обратившая внимание

на то, что мальчик пинает умирающее животное ногами. *"Иди домой!* -закричала она. — *Ты что, спятил?"* Патрик пошел домой. Он не рассердился на старуху. Его поймали, когда он нарушал правила, вот и все.

За год до теперешних событий Патрик наткнулся на свалке на один из самых больших свалкоидов, окружавших свалку, — на ржавый белый холодильник «Амана» (Майк Хэнлон или любой из его друзей не удивились бы, узнав, что это произошло в тот же день, когда погиб Джордж Денбро).

Как и Бев, он не раз слышал предостережения взрослых о таких вещах, как смерть играющих детей внутри выброшенных приборов и мебели от недостатка воздуха. Патрик долго смотрел на холодильник, играя с самим собой в «карманный бильярд». На этот раз возбуждение было сильнее, чем когда-либо. Дело в том, что теперь в сумеречном сознании Патрика внезапно блеснула идея.

Неделю спустя у Льюисов, живших по соседству с Хокстеттерами, пропал кот Бобби. Дети, которые не помнили, чтобы Бобби надолго пропадал со двора, обыскали всю округу, потом собрали свои карманные деньги и дали объявление в колонку «Пропажи и находки» городской газеты. Все было

безрезультатно. И никто из них не заподозрил бы неладное, если бы увидел в тот день, как Патрик в своей неуклюжей шубе, пахнущей нафталином (после того, как в пятьдесят седьмом осенью спало наводнение, наступило резкое похолодание) несет какую-то картонную коробку.

За десять дней до Дня Благодарения Энгстромы, жившие через квартал от Хокстеттеров, хватились своего щенка-коккера. На протяжении последующих шести или восьми месяцев в разных семьях продолжали пропадать кошки и собаки: конечно же, все они становились жертвами Патрика, не говоря уж о десятках бездомных животных из соседнего района.

Все они оканчивали свои дни в ржавом «Амане» на свалке. Каждый раз, когда Патрик шел к нему с очередной жертвой, его глаза горели от возбуждения, сердце колотилось в груди, и он думал, что, наверное, на этот раз Мэнди Фазио сбил замок на холодильнике своей кувалдой. Но почему-то Мэнди так и не притронулся к этому холодильнику. Может быть, он просто не попался ему на глаза или Патрик мешал ему сделать это при помощи своей гипнотической силы.., или чьей-то еще.

Коккер Энгстромов оказался самым стойким. Несмотря на исключительный холод, он был еще

жив, когда Патрик пришел туда в третий раз за три последующих дня, хотя и потерял всю свою жизнерадостность (когда Патрик вытащил пса из коробки и стал засовывать его в холодильник, тот радостно вилял хвостом и пытался лизать ему руки). Когда Патрик пришел на следующий день, щенок чуть не убежал. Патрик бежал за ним до основной свалки, пока ему не удалось прыгнуть на него и схватить за заднюю лапу. Щенок хватил Патрика своими острыми зубами, но это не возымело должного действия:

Патрик снова запер его в холодильнике. При этом у него появилась эрекция, что случалось нередко в подобные моменты.

На следующий день щенок снова попытался убежать, но был уже слишком обессиленным. Патрик запихнул его обратно, захлопнул ржавую дверь и припер ее плечом, слушая, как щенок скребется в дверь и жалобно скулит. «Славный пес, — прошептал Хокстеттер, закрыв глаза и учащенно дыша. — Вот славный пес». На третий день щенок смог только поднять глаза на своего мучителя. Его бока быстро вздымались и тут же опадали. На следующий день Патрик нашел безжизненный труп с застывшей пеной на пасти и носу. Это напомнило Патрику кокосовую са-

харную вату, и он не переставал смеяться, когда вытащил свою жертву из холодильника и швырнул в кусты.

Этим летом Патрику удалось поймать мало животных (о которых он думал как о «подопытных кроликах» в те моменты, когда он вообще о них думал). Не задумываясь о реальности, Патрик тем не менее обладал развитым чувством самосохранения и обостренной интуицией. Он предполагал, что его подозревают. Кто именно, он не знал: возможно, мистер Энгстром? Однажды мистер Энгстром как-то странно задумчиво посмотрел Патрику вслед. Он тогда покупал сигареты, а Патрика послали за хлебом. Мистер Нелл? Кто-то еще? Патрик не знал, кто именно, но интуиция подсказывала, что за ним следят, а с интуицией он никогда не спорил.

К своему удивлению, он обнаружил, что ржавый «Амана» стал обладать над ним странной властью. Скучая на уроках, он рисовал его в тетрадках. Иногда холодильник снился ему по ночам в виде гробницы высотой в семь футов, блестящей в призрачном свете луны. Ему снилось, что дверь «Аманы» открывается и оттуда выглядывают два огромных глаза. Он просыпался в холодном поту, но все же не мог полностью отказаться от

прелестей холодильных приключений.

Сегодня он наконец понял, кто его подозревает. Бауэре. Бауэре держал в своих руках страшный секрет Патрика, и это повергло последнего в глубочайший ужас, который он только мог испытывать. На самом деле, это отчаяние не было таким уж сильным, но все же Патрик находил это — не то чтобы страх, скорее некоторое внутренне беспокойство, — очень раздражающим. Генри знал. Знал, что иногда Патрик нарушает правила.

Его последней жертвой был голубь, найденный им на Джексон-стрит после того, как его сбила машина и он не мог летать. Патрик сходил домой за картонной коробкой, посадил в нее голубя и посадил в холодильник. Когда на следующий день он заглянул в «Аману», голубь был мертв. Тогда Патрик не потрудился выбросить трупик. После угрозы Генри ему подумалось, что лучше избавиться от этой улики. Он не станет закрывать холодильник, а потом придет с тряпкой и водой и вымоет его. Отлично.

Патрик открыл холодильник, чтобы встретить свою собственную смерть.

Сначала он просто изумился увиденному. Это не имело никакого значения, никакого контек-

ста.

От голубя не оставалось ничего — только кости и перья. Мясо куда-то исчезло. Вокруг скелета на стенках холодильника, с обратной стороны морозильной камеры, на решетчатых полках сидело множество странных существ бледно-розового цвета, похожих на большие макароны. Они слегка вибрировали, словно под дуновением легкого ветерка. Только никакого ветерка не было. Патрик нахмурился.

Внезапно одна из этих штуковин расправила перепончатые крылья и, прежде чем Патрик успел понять, что происходит, с чмокающим звуком впилась в его левую руку. Он почувствовал горячее прикосновение, но оно тут же прошло.., и бледное тело существа начало медленно наливаться кровью и багроветь.

Хотя Патрик почти ничего не боялся в общепринятом смысле слова (сложно бояться «нереальных» вещей), была одна вещь, которая могла наполнить его брезгливым отвращением. Однажды, когда ему было семь лет, он, купаясь в озере Брюстер, вышел из воды и обнаружил на животе и на ногах четыре или пять присосавшихся пиявок. Он успел докричаться до хрипоты, прежде чем отец снял с него пиявок.

Теперь благодаря мгновенному озарению он понял, что эти штуки — какая-то новая разновидность пиявок, летающих пиявок. Они заполонили его холодильник.

Патрик стал кричать и колотить по существу на его руке, которое раздулось уже до размеров теннисного шарика. После третьего удара оно на мгновение оторвалось с тем же *чавкающим* звуком. Кровь — *его* кровь — ручьем хлынула на руку, но слепая желеобразная голова существа все еще держалась за его руку. Чем-то она напоминала голову птицы, заканчивалась узким клювоподобным образованием, но этот клюв был не сплющенным и заостренным, а круглым и прямым, как хоботок москита. Хоботок был воткнут в руку Патрика.

Продолжая кричать, он сжал существо пальцами и выдернул хоботок из своей руки. Хоботок легко вышел из раны. Из нее хлынула кровь, смешанная с какой-то желтовато-белой жидкостью, похожей на гной. В его руке осталось отверстие размером с десятицентовик. Боли не чувствовалось.

Разорванное пополам существо продолжало извиваться и искать, во что бы воткнуть хоботок у него на руке.

Патрик швырнул его на землю, повернулся и едва успел схватиться за ручку «Аманы», как из нее вылетело множество таких же существ. Они облепили его руки, шею, лоб. Подняв руку ко лбу, Патрик заметил на своей ладони четырех наливающихся кровью тварей.

Боли не было.., лишь странное чувство пустоты. Колотя своими облепленными пиявками руками по шее и голове, дико вопя, Патрик думал: *Это нереально, просто дурной сон, не бойся, это нереально, нет ничего реального...*

Но кровь, бьющая из раздавленных пиявок, казалась достаточно реальной, как и жужжание их крыльев.., и его отчаяние.

Одна из них упала за ворот его рубашки и прилепилась к телу. Пока он отчаянно колотил по ней и смотрел, как по рубашке расплывается кровавое пятно, еще одна присосалась к его правому глазу. Патрик закрыл глаз, но бесполезно: тварь вонзила свой хоботок в глазное яблоко и начала медленно выцеживать из него жидкость. Патрик почувствовал жар в глазу, который медленно сжимался в глазнице, и завопил опять. При этом другая пиявка залетела в его рот и уселась на языке.

Все это было совершенно безболезненно.

Размахивая руками и крича, Патрик побрел к разбитым машинам. Над ним кружились паразиты. Напившись, некоторые из них взрывались, как воздушные шарики, при этом они окатывали мальчика его же кровью — примерно по половине пинты каждая. Пиявка у него во рту росла, и он открыл рот: единственной его мыслью было то, что она не должна взорваться внутри, не должна.

Но так и случилось. Патрик выплюнул кровь вместе с остатками тела пиявки, как кровавую рвоту, упал на мелкий гравий и стал кататься по нему, продолжая вопить. Постепенно его собственные крики стали казаться ему слабыми и отдаленными.

Перед тем, как потерять сознание, Патрик увидел фигуру, вышедшую из-за разбитых автомобилей. Сначала он решил, что это, наверное, какой-то парень, может быть, Мэнди Фазио, и сейчас его спасут. Но потом он увидел, что лицо пришедшего переливается, как воск. Иногда оно, казалось, затвердевало и приобретало похожие черты, но тут же снова начинало меняться, как будто бы его обладатель не мог окончательно решить, в кого же ему превратиться.

— Здравствуй и прощай, — произнес булька-

ющий голос внутри этого странного существа, и Патрик попытался закричать опять. Он не хотел умирать, он не мог умереть, будучи единственным «реальным» человеком. Если он умрет, весь мир умрет вместе с ним.

Существо схватило Патрика за руки, облепленные пиявками, и потащило его к Барренсу. Холщовая школьная сумка мальчика, все еще висевшая на шее, волочилась за ним по земле. Патрик, еще пытаясь закричать, потерял сознание.

Оно вернулось к нему лишь на мгновение — в темном, мокром и затхлом подземелье, где Оно готовилось начать свою трапезу.

6

Сначала Беверли не могла взять в толк, что происходит с Патриком. Он начал так странно молотить руками, танцевать и вопить. Она осторожно встала, держа в одной руке рогатку, а в другой два шарика. Патрик ковылял по тропинке, не переставая оглушительно вопить. В этот момент Беверли стала как две капли похожей на ту хорошенькую женщину, которой ей предстояло стать в будущем, и если бы Бен Хэнском увидел ее, его сердце могло бы этого не выдержать.

Она выпрямилась во весь рост и высоко подняла голову, широко открыв глаза. Ее волосы, заплетенные в две косички, были аккуратно перевязаны двумя маленькими красными бархатными веревочками, которые она купила в магазине Дали за десять центов. Ее поза была воплощением готовности и чуткости, как у кошки или рыси. Она перенесла вес тела на левую ногу, наполовину развернув туловище в сторону Патрика, и штанины ее выцветших шортов, приподнявшись, открыли края желтых хлопчатобумажных трусиков. Ее мускулистые стройные ноги были красивыми, несмотря на многочисленные ссадины, царапины и следы грязи.

Это уловка. Он увидел тебя, решил, что не сможет тебя поймать по-честному, и пытается выманить обманом. Не ходи за ним, Бев!

Но другая часть ее сознания говорила, что в его криках слишком много боли и отчаяния. Она хотела видеть, что происходит с Патриком — если с ним действительно что-то происходит — вблизи. Но больше всего ей хотелось бы, чтобы она пошла в Барренс другой дорогой и не наткнулась на компанию Бауэрса.

Патрик смолк. Минуту спустя послышался голос — и это, Бев знала это, было плодом ее вооб-

ражения, — голос ее отца, говорящий:

«Здравствуй и прощай». В этот день ее отца даже не было в Дерри: в восемь часов он вместе с Джо Тэммерли поехал в Брунсвик за грузовиком «чеви». Она потрясла головой, чтобы стряхнуть это наваждение. Голос больше ничего не говорил. Определенно ей показалось.

Она вышла из кустов на тропинку, в любой момент готовая пуститься наутек от хитреца Патрика. Ее чувства обострились до степени чуткости кошачьих усов. Она посмотрела под ноги и ужаснулась. Земля была залита кровью.

Поддельная кровь, -настаивал здравый смысл. — *Сорок пять центов у Дали. Будь бдительна, Бев!*

Она опустилась на колени, коснулась крови пальцами и поднесла их к глазам. Кровь была настоящей.

Вдруг ее левой руки коснулось что-то горячее. Она посмотрела на нее и увидела что-то, напомнившее репейник. Но это был не репейник. Репейник не трясется и не вибрирует. Эта вещь была живой, и мгновение спустя Бев поняла, что она кусает ее. Девочка наотмашь ударила по пиявке. Та взорвалась, обрызгав Бев ее собственной кровью. Она сделала шаг назад и увидела, что это еще не все — бесформенная голова существа

продолжала висеть у нее на руке и сосать кровь.

Пронзительно вскрикнув от страха и отвращения, она схватила пиявку рукой. Из раны показался хоботок, с которого капала кровь. Теперь Беверли поняла, откуда взялась кровь на земле... Она посмотрела на холодильник.

Его дверца теперь была захлопнута на защелку, но несколько паразитов еще продолжали сидеть на ржавой потрескавшейся поверхности. Одна из тварей раскрыла свои перепончатые крылья и полетела к ней.

Бессознательно Беверли положила один из стальных шариков в ремень рогатки и оттянула резинку. Мышцы ее левой руки напряглись, и из раны в ней начала сочиться кровь. Она автоматически выпустила резинку рогатки.

Черт! Промазала! -подумала она, когда рогатка выстрелила и стальной шарик понесся к цели, ослепительно сверкая в лучах сеянца. Потом она говорила остальным Неудачникам, что она наверняка промахнулась, точно так же, как игрок в кегли иногда наверняка знает, что промахнулся, едва выпустив шар, но потом шарик изменил направление. Это произошло за долю секунды, но она ясно видела, что он действительно изменил направление, попал в тварь и разнес ее на

мелкие кусочки. Тропка покрылась множеством желтых капелек.

Беверли отступила с широко открытыми глазами и побледневшим лицом. Ее взгляд был прикован к остальным пиявкам, сидевшим на «Амане». Но остальные паразиты, казалось, не обращали на нее никакого внимания, продолжая безмятежно ползать взад и вперед, как осенние мухи.

Она развернулась и побежала.

Стараясь не поддаваться одолевшей ее панике, она время от времени оглядывалась через плечо, держа в руке рогатку. На дорожке и росших по ее сторонам кустах были следы крови, как будто Патрик бежал, шарахаясь из стороны в сторону.

Беверли снова оказалась среди старых автомобилей. Перед ней была большая лужа крови, которая постепенно впитывалась в почву. На земле были следы борьбы, вдаль уходили два длинных следа от чьих-то ног, волочившихся по земле.

Беверли остановилась и перевела дух. Она с облегчением заметила, что кровь из раны уже почти перестала течь, хотя вся рука была в крови. Теперь рука начинала болеть, в ней появилось ноющее ощущение, как во рту после визита к

зубному, когда заканчивается действие обезболивающего.

Она посмотрела на холодильник, потом снова на два длинных следа, тянувшихся мимо свалки к Барренсу.

Эти твари сидели в «Амане». Они облепили его с ног до головы, иначе откуда столько крови? Он дошел до этого места, потом(здравствуй и прощай)случилось что-то еще. Что?

И она, к своему ужасу, знала, что произошло. Пиявки были частью Оно, они загнали Патрика в пасть другой части Оно, как молодого бычка, охваченного ужасом, загоняют на бойню.

Скорее отсюда, Беверли!

Вместо этого она пошла туда, куда уходили два следа, крепко сжимая в руке рогатку.

По крайней мере, сходи за остальными!

Я схожу.., чуть позже.

Она продолжала идти вдоль следа вниз по склону. Почва становилась все более влажной. Следы вели в кусты. Время от времени начинали и тут же прекращали стрекотать цикады. Москиты садились на ее окровавленную руку и ей приходилось сгонять их.

На земле что-то лежало. Она подняла самодельный бумажник, которые дети делают на

уроках труда. Тот, кто сделал его, был очевидным неумехой: широкие стенки уже ослабли и больше не могли удерживать крышку отделения для банкнот, и она почти оторвалась. В бумажнике не было ничего, кроме двадцати пяти центов в отделении для мелочи и читательского библиотечного билета на имя Патрика Хокстеттера. Бев отшвырнула его в сторону и вытерла руку о шорты.

Через пятьдесят футов она нашла спортивную туфлю. Кусты были слишком густыми, но, поскольку на них виднелись следы крови, не нужно было быть следопытом, чтобы определить направление пути.

След уходил в густые заросли. Бев поскользнулась, упала и оцарапалась об острые шипы. На верхней части ее бедра выступила кровь. Она часто дышала, ее волосы прилипли к потному лбу. На одной из едва заметных тропинок виднелись следы крови. Кендускеаг был уже близко.

На тропинке валялась вторая туфля Патрика с окровавленными шнурками.

Держа рогатку наготове, она подошла к реке. На земле снова виднелись следы от ног Патрика. Теперь они были не такими глубокими. *Потому что он потерял туфли,* -подумала она.

Сделав последний поворот, Бев подошла к реке. Следы спускались по берегу и уходили в бетонный цилиндр одной из насосных станций, обрываясь перед входом. Железный люк был слегка сдвинут.

Вдруг до ее ушей донесся громкий нечеловеческий хохот из-под крышки люка.

Это было чересчур. Скапливавшаяся паника наконец охватила ее. Бев помчалась к поляне, на которой был штаб, закрывая лицо от хлещущих ветвей окровавленной левой рукой.

Иногда я тоже жалею, папочка, -пронеслось у нее в мозгу. — *Иногда я ОЧЕНЬ жалею.*

7

Четырьмя часами позже все Неудачники, кроме Эдди, сидели на корточках в кустах возле того места, где совсем недавно пряталась Беверли, наблюдая за тем, как Хокстеттер возится с холодильником. В небе снова сгущались тучи, в воздухе появился запах приближающегося дождя. Билл держал в руке конец длинной бельевой веревки, которую они, собрав всю наличность, купили в магазинчике вместе с аптечкой Джонсона для Бев. Билл тщательно забинтовал ее раненую руку.

— Сскажи рродителям, что ооцарапалась, ккогда каталась нна роликах, — посоветовал Билл.

— Мои коньки! А я совсем про них забыла! — воскликнула Бев.

— Вон они! — показал Бен. Коньки валялись неподалеку, она тут же вскочила и побежала за ними, вспомнив, что положила их там перед тем, как помочиться.

Билл сам обвязал один конец веревки вокруг ручки «Аманы». Все остальные боязливо сжались за его спиной, готовые отскочить при малейшем движении. Бев предложила Биллу взять рогатку, но он отказался. Но все оставалось неподвижно: видимо, паразиты улетели, только перед холодильником на земле была кровь.

— Можно привести сюда шерифа Бортона и мистера Нелла, но они ничему не поверят, — с горечью заметил Стэн.

— Да, они просто ничего не увидят, — согласился Ричи. — Как рука, Бев?

— Болит, — она посмотрела на Билла, на Ричи и снова на Билла. — А мои мама и папа увидят дырку от укуса этой гадины?

— Нне ддумаю. Пприготовьтесь уубегать. Ссейчас я ее ппривяжу. Билл обернул конец веревки вокруг хромированной ручки, усеянной пятныш-

ками ржавчины, завязал морской узел и стал отступать назад, вытравливая веревку. Он был осторожен, как сапер, обезвреживающий боевую мину.

Он улыбнулся нервной улыбкой, когда все они отошли.

— ФУУ, — сказал он. — Сслава Богу, ххватит.

Теперь, когда они были (как они надеялись) в безопасности, повторил, чтобы все приготовились бежать. Прямо над ними ударил гром, и все подпрыгнули от неожиданности. С неба начали падать первые редкие капли.

Билл изо всех сил дернул за веревку. Дверь холодильника открылась, и узел соскочил с ручки. На землю упала груда оранжевых шариков, и Стэн Урис застонал. Остальные просто стояли, разинув рот.

Дождь усилился. Над ними раскатывался гром, заставляя их втягивать голову в плечи, и голубоватый неровный свет молнии осветил открывшуюся дверь «Аманы». Ричи увидел это первым и издал высокий пронзительный крик. Билл вскрикнул как-то сердито. Остальные молчали.

На внутренней стороне двери было неровными буквами, выведенными свежей кровью, напи-

сано:

"ОСТАНОВИТЕСЬ, ДРУЗЬЯ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ Я УБЬЮ ВАС ВСЕХ. БУДЬТЕ БЛАГОРАЗУМНЫ.

ВАШ ПРИЯТЕЛЬ ПЕННИВАЙЗ".

Град пошел вместе с усиливающимся дождем. Дверь «Аманы» раскачивалась взад и вперед под порывами ветра, буквы начали смываться каплями дождя и стали похожи на афишу фильма ужасов.

Бев не знала, что Билл не стоит рядом, до тех пор, пока не увидела, как он идет по тропинке к холодильнику, потрясая обоими кулаками. По его лицу катились капли дождя, мокрая рубашка прилипла к спине.

— *Ммы пприкончим ттебя!* -заорал Билл. В небе громыхали раскаты грома. Молния ударила так близко, что Бев ощутила запах озона. Поблизости послышался треск упавшего дерева.

— Билл, вернись! — закричал Ричи. — Вернись! Он хотел броситься за ним, но Бен не дал ему.

— *Ты убил моего брата Джорджи! Ты, сукин сын! Ты, гадина! Ты, собачье отродье! Покажись нам! Ну покажись же!*

Град обрушился на них, как лавина. Даже кусты не могли их защитить. Бен закрыла лицо рукой. Она видела на лице Бена красные отметины от

градин.

— Билл, вернись! — в отчаянии закричала она, и ее слова заглушил очередной удар грома, прокатившийся над Барренсом.

— *Выходи, ублюдок!*

Билл в остервенении поддал ногой кучку шариков, выпавших из холодильника, развернулся и пошел обратно, не обращая внимания на град, хотя вся земля была уже покрыта белым ковром.

Он вломился в кусты, и Стэну пришлось удержать его за плечо, чтобы он не пошел в самую гущу и не искололся о колючки кустов. Билл плакал.

— Все в порядке, Билл, — Бен неуклюже обнял друга.

— Да, — поддержал его Ричи. — Не расстраивайся. Мы тебя не бросим.

Билл обвел диким взглядом остальных.

— Ведь мы все будем вместе?

Они молча кивнули.

Билл поднял голову, вытирая слезы. Они все промокли до нитки и были теперь похожи на группку щенков, которые только что перешли вброд через ручей.

— Оно ббоится ннас. Яя ччувствую. Еей Богу.

— По-моему, ты прав, — кивнула Бев.

— Ппомогите ммне, — сказал Билл. — Ппожалуйста, попомогите.

— Мы поможем тебе, — Беверли обняла его, не сознавая, насколько это просто, насколько он тоненький. Она почувствовала, как его сердце бешено колотится под рубашкой так близко к ее собственному. Никакое прикосновение еще не казалось ей таким горячим и сладким.

Ричи обнял их обоих и склонил голову на плечо Бев. Бен сделал то же самое с другого бока. Стэн обхватил Ричи и Бена за плечи. Майк, поколебавшись минуту, обнял одной рукой Беверли за талию, а другой — вздрагивающие плечи Билла. Так они и стояли в этом братском объятии, и дождь превратился в сильный ливень, настолько сильный, что он походил на какую-то вторую атмосферу. Сверкала молния, гремел гром. Все молчали. Беверли стояла с закрытыми глазами. Сбившись в кучку, они застыли под дождем, обнимая друг друга, слушая шум дождя. Это она помнила лучше всего — шум дождя, их общее молчание и смутное чувство сожаления о том, что с ними нет Эдди. Это она запомнила навсегда.

Но больше всего она запомнила ощущение силы и молодости.

Глава 18. РОГАТКА

1

— Ладно, Соломенная Голова, — произнес Ричи. — Твоя очередь. Рыжая выкурила все свои сигареты и почти все мои. Уже становится поздно.

Бен посмотрел на часы. Да, уже поздно — около полуночи. Как раз время еще для одной истории, — подумал он. — Еще одна история до двенадцати. Чтобы немного нас взбодрить. Что это будет за история? Но это, конечно, только шутка, да к тому же не очень хорошая, — осталась только одна история, по крайней мере, единственная, которую он помнит, и это история серебряных пуль — как их сделали в мастерской Зака Денбро ночью двадцать третьего, и как их использовали двадцать пятого.

Он кивнул Ричи.

— Ну, ладно. Еще один рассказ до двенадцати, просто чтобы согреться. У Билла и Ричи была мысль о пулях...

— Нет, — возразил Ричи. — Сначала Билл думал об этом и весь извелся...

— Я просто нннначал бббеспокоиться...

— Это действительно, я думаю, неважно, — начал Бен. — Мы трое торчали в библиотеке весь июль того года. Пытались выяснить, как делать серебряные пули. У меня было серебро: четыре серебряных доллара, отцовские. Но Билл беспокоился, что с нами будет, если мы выстрелим в монстра и промахнемся, а он кинется и вцепится нам в горло. Но когда мы увидели, как хорошо получилось у Беверли с той ее рогаткой, мы решили использовать один из моих серебряных долларов, чтобы из него сделать серебряные пули. Мы все собрали и пошли к Биллу. Эдди, ты был там...

— Я сказал матери, что мы собираемся играть в «Монополию», — подтвердил Эдди. — У меня действительно болела рука, но я должен был идти. Как она на меня орала! И каждый раз, когда я слышал шаги позади себя на тротуаре, я оборачивался, думая, что это Бауэре. От этого рука болела еще сильнее.

Билл нахмурился.

— И все, что мы делали, так это стояли вокруг и смотрели, как Бен работает. Я думаю, Бен действительно ммммог бы сссделать серебряные пули.

— О, я не так уверен в этом, — ответил Бен,

хотя он все-таки был уверен. Он вспомнил, как опускались сумерки (мистер Денбро обещал всех их развезти по домам), пели сверчки в траве, вспомнил первые вспышки молнии за окнами. Билл аккуратно расставил фишки «Монополии» в столовой, чтобы создать впечатление, что игра продолжается уже час или около того.

Он вспомнил это, и еще пятно желтого света, падающего на рабочий стол Зака. Он вспомнил, как Билл сказал:

— Мы должны быть осе

2

сторожными. Я не хочу оставлять бббеспорядок. А то отец ррр... — Он выплюнул несколько "р" и в конце концов сказал:

— развоняется. Ричи карикатурно вытер щеку.

— Может, дашь полотенце, Заика Билл?

Билл сделал движение, как будто хочет ударить его. Ричи струсил, закричав голосом маленького негритенка.

Бен не обращал на них внимания. Он смотрел, как Билл выкладывает свои инструменты по одному на свет. Часть его сознания желала, чтобы в один прекрасный день он тоже обзавелся таким симпатичным рабочим столом. На нем

лежало много вещей, нужных для будущей работы. Не так трудно делать серебряные пули, но все равно надо быть осторожным. У него должно получиться — он это знал, хотя никто не учил его этой работе.

Билл настоял на том, чтобы Бен делал пули, и продолжал настаивать на том, что именно Беверли должна ими стрелять. Вроде бы они обсуждали все это, но двадцать семь лет спустя рассказывая историю, Бен понял, что никто не предполагал, что серебряная пуля может не остановить монстра — все фильмы ужасов, которые они пересмотрели, протестовали против этого.

— О'кей, — сказал Бен. Он хрустнул костяшками пальцев и затем посмотрел на Билла. — А где формы?

— А! — подпрыгнул Билл. — Вввот, — он полез в карман и извлек оттуда носовой платок, из которого вытряхнул два стальных шарика с дырочками. Это и были формы.

Когда они решили отлить шарики вместо пуль, Билл с Ричи снова отправились в библиотеку.

— Все вам неймется, — сказала миссис Старретт — То пули, теперь подшипники. И это называется каникулы!

— Нам нравится все время быть в форме, — ска-

зал Ричи. — Верно, Билл?

— Ддда.

Оказалось, делать отливки очень просто, если есть формы. Весь вопрос состоял в том, где их достать. Парочка осторожных вопросов Заку Денбро прояснила это.., и никто из Неудачников не был удивлен, обнаружив, что единственное место в Дерри, где можно получить такие формы, — это «Прессы и механизмы» Кичнера. Этот Кичнер, который владел и управлял этим предприятием, был внучатым племянником братьев, владевших Кичнеровским чугунолитейным заводом.

Билл и Ричи пошли туда со всей наличностью, которую Неудачники смогли наскрести, — десять долларов пятьдесят девять центов. Когда Билл спросил, сколько может стоить пара двухдюймовых подшипников. Карл Кичнер, с виду старый алкаш, вонявший, как лежалая конская попона, спросил, для чего им это нужно. Ричи позволил говорить Биллу, зная, что так, может быть, лучше — дети смеялись над заиканием Билла; взрослых оно смущало. Иногда это было очень полезно.

Билл уже начал было объяснять, что он и Ричи разработали проект чего-то вроде модели ветряной мельницы для школы на будущий год, когда Кичнер махнув рукой, велел им заткнуться и

назвал невероятную цену в пятьдесят центов за подшипник.

Не веря в свою удачу, Билл раскошелился на единственный долларовый банкнот.

— Не надейтесь, что я дам вам сумку, — сказал Карл Кичнер, глядя на них с презрением человека, считающего, что он видел все, чем богат мир, — во всяком случае большую часть. — Вы не получите сумку меньше чем за пять баксов.

— Лладно, сэр, — сказал Билл.

— И не торчите здесь, перед входом, — сказал Кичнер. — Вам обоим не мешало бы постричься. Когда они вышли, Билл сказал:

— Тты замечаешь, Рррички, что ввзрослые никогда не продают ничего, кккроме кконфет, или кккомиксов, или, может, бббилетов в кино, не сспросив сначала, зззачем вам это нужно, а?

— Ага, — сказал Ричи.

— Пппочему? Пппочему это?

— Потому что они думают, что мы опасны.

— Дда? Ты тттак дддумаешь?

— Да, — хихикнул Ричи. — Давай торчать перед входом, хочешь? Мы поднимем воротники и будем шокировать людей своими прическами.

— Пошел на хер, — сказал Билл.

— Хорошо, — заметил Бен, внимательно оглядев инструменты. И затем положил их вниз. — Отлично. Сейчас...

Они освободили место для Бена, глядя на него с надеждой, как начинающий автолюбитель безуспешно чинивший свой автомобиль, смотрит на механика. Бен не слушал их. Он весь сконцентрировался на своей работе.

— Дайте мне гильзу, — сказал он, — и паяльную лампу. Билл передал ему обрезанную минометную гильзу. Это был военный сувенир. Зак подобрал его пять дней спустя после того, как он и оставшиеся в живых солдаты армии генерала Поттина переправились через реку в Германию. Было время (Билл тогда был очень мал, а Джордж вообще еще в пеленках), когда отец использовал ее как пепельницу. Потом он бросил курить, и гильза от миномета исчезла. Билл нашел ее в глубине гаража как раз неделю назад.

Бен вставил гильзу в тиски, зажал ее, потом взял у Беверли паяльную лампу. Он залез в карман, вытащил серебряный доллар и проверил его на прочность. Раздался глухой звук.

— Отец правда дал его тебе? — спросила Беверли.

— Да, — ответил Бен, — хотя я не очень хорошо

это помню.

— Ты уверен, что сможешь сделать это? Он посмотрел на нее и улыбнулся.

— Да, — сказал он.

Она улыбнулась в ответ. Для Бена этого было достаточно. Если бы она улыбнулась ему еще раз, он бы с удовольствием сделал достаточно серебряных пуль, чтобы перестрелять целый взвод оборотней. Он поспешно отвернулся.

— О'кей, все идет по плану. Без проблем. Проще, чем два пальца обоссать, верно?

Они неуверенно кивнули.

Спустя годы, вспоминая все это, Бен подумает: *В наши дни мальчишка мог просто побежать и купить паяльную лампу... Или взять у отца в мастерской.* Но в 1958 году все было не так.

— Не волнуйся, — сказал он Стэну, который стоял за Беверли.

— А, — вскинулся тот, заморгав.

— Не беспокойся.

— Я и не беспокоюсь.

— А-а.., я думал, беспокоишься. Я только хотел, чтобы вы все знали, что все это совершенно безопасно. *Если* бы вы беспокоились. Я имею в виду...

— Все нормально, Бен?

— Все отлично, — пробормотал Бен. — Дай мне спички, Ричи. Ричи дал ему коробок спичек. Бен повернул рукоятку, приоткрыл отверстие клапана, зажег спичку и поднес к кончику паяльной лампы. Послышался *глухой шум,* вспыхнуло пламя. Бен отрегулировал огонь и начал нагревать основание гильзы.

— Ппподождите, — сказал Билл и ринулся в дом. Он вернулся через минуту, держа к руках пару дешевых темных очков типа «Черепаха» для хспяиствснных целей, которые лежали уже больше года на кухне.

— Лучше надень их, Соломенная Голова! Бен ухмыльнулся и напялил их.

— Черт, да это же Фабиан! — воскликнул Ричи. — Или Фрэнки Авалон, или кто-то еще из этих импортных эстрадников.

— Заткнись, болтливый дебил, — приказал Бен и начал хихикать против своей воли. Сама мысль, что он Фабиан или кто-то еще, смешила его. Пламя чуть метнулось, и он перестал смеяться: он снова сконцентрировался. Через две минуты он отдал лампу Эдди, который благоговейно принял ее.

— Готово, — сказал он Биллу. — Давай перчатку! Только быстро, быстро!

Билл передал ему перчатку, Бен надел ее и, держа в этой руке гильзу от минометного снаряда, другой рукой заворачивал рукоятку тисков.

— Держи это прямо, Бев.

— Я готова, можешь начинать, — прокричала она. Бен опрокинул гильзу в воронку. Все остальные наблюдали, как ручеек расплавленного серебра лился между двумя сосудами. Бен вылил все аккуратно, не пролив ни капли серебра. В какую-то секунду он почувствовал себя окрыленным. Действительность чудесным образом преобразилась. В этот момент он перестал чувствовать себя добродушным толстяком Беном Хэнскомом, который носил рубашки навыпуск, чтобы прикрыть свой живот, он почувствовал себя Тором, кующим гром и молнию в кузнице богов. Потом это чувство прошло.

— О'кей, — сказал он. — Мне нужно еще раз подогреть серебро. Кто-нибудь, протолкните гвоздь или еще что в горлышко воронки, пока оно там не застыло.

Это проделал Стэн.

Бен снова вставил гильзу в тиски и взял паяльную лампу у Эдди.

— Ну вот, — сказал он. — Номер два. И вернулся к работе.

4

Через десять минут все было готово.

— Что сейчас? — спросил Майк.

— А сейчас поиграем разок в «Монополию», — сказал Бен, — пока они застывают. Потом я их разобью по линии разъема стамеской, и все будет готово.

Ричи беспокойно посмотрел на треснутый циферблат своего «Таймекса», которому здорово досталось, но он все равно продолжал идти по-прежнему.

— Когда придут твои родители, Билл?

— Ккк десяти или десяти тттридцати, — сказал Билл. — Та же самая история, что и ее "Аааааа...

— "Аладдином", — докончил Стэн.

— Да. И они потом еще наверняка остановятся съесть кусочек пппиццы. Они почти всегда оостанавливаются.

— То есть у нас еще полно времени, — подытожил Бен. Билл кивнул.

— Давайте зайдем внутрь, — сказала Бев. — Я хочу позвонить домой. Я обещала, что сделаю это. Но только молчите. Он думает, что я сейчас в Доме культуры и приеду оттуда на велосипеде домой.

— А что, если он захочет раньше заехать за

тобой и отвезти домой? — спросил Майк.

— Тогда, — сказала Беверли, — у меня будет масса неприятностей.

Бен подумал: *Я бы защитил тебя, Беверли.* Где-то в дальнем уголке его сознания начали всплывать грезы, такие сладкие, что он забыл обо всем. Отец Бев начал здорово придираться к ней: орал на нее и все такое (даже в своих грезах Бен не мог себе представить, как плохо иметь дело с Элом Маршем). Бен представил себя стоящим перед ним и как он просит его отстать от нее.

Если хочешь неприятностей, толстяк, то валяй, продолжай защищать мою дочь.

Хэнском, обычно спокойный книжный мальчик, мог быть разъяренным тигром, если его довести до бешенства. Он говорит Элу Маршу чрезвычайно искренне: *«Если вы хотите добраться до нее, вам придется сначала иметь дело со мной».*

Марш начинает двигаться вперед.., и вдруг его останавливает стальной блеск в глазах Бена.

"Ты *еще пожалеешь",* -бормочет он, но уже ясно: вся спесь сошла с него. После всего этого он просто бумажный тигр.

«Я как-то в этом сомневаюсь», -говорит Хэнском с непроницаемой улыбкой Гарри Купера, и

отец Беверли поспешно уходит.

"Что на тебя нашло, Бен? -всхлипывает Бев, но ее глаза сияют и полны счастья. — *Ты выглядел так, как будто был готов убить его". "Убить его?* -говорит Хэнском, и непроницаемая улыбка Гарри Купера все не сходит с его уст. — *Нет, детка. Он, может быть, и скотина, но он как-никак твой отец. Я, может, отшлепал бы его маленько, но это только потому, что, когда кто-то разговаривает с тобой не так, я немного выхожу из себя. Знаешь?"* Она простирает руки вокруг него и целует его *(в губы! в губы!) «Я люблю тебя, Бен!»* -рыдает она. Он может чувствовать ее маленькие груди, прижавшиеся крепко к его грудной клетке и...

Он немного дернулся, отбрасывая эту яркую, очень светлую мечту и с усилием возвращаясь в действительность. Ричи стоял в дверном проеме, спрашивая, идет ли он, и Бен понял, что он уже совсем один в мастерской.

— Да, конечно.

— Стареешь, Соломенная Голова, — сказал Ричи, когда Бен подошел к двери и похлопал его по плечу. Бен ухмыльнулся и по-дружески съездил Ричи по шее.

С отцом Бев проблем не было.

— Он вернулся с работы поздно, — сказала мать Бев по телефону, — крепко заснул перед телевизором, а проснулся, когда уже пора было идти спать.

— Ты домой придешь, Бев?

— Да, папа Билла Денбро собирается развезти нас всех по домам.

Вдруг голос миссис Марш прозвучал встревоженно:

— Ты не на свидании, Бев?

— Нет, конечно, нет, — сказала Бев, смотря сквозь изогнутый проход между темным холлом, где находилась она, и столовой, где сидели остальные, склонившись над доской «Монополии». *Но я очень хотела бы,* -подумала Бев.

— Мальчики тут есть, но они нормальные, играют тут, каждый вечер чья-нибудь мама или папа развозят по домам всех.

Многое в этом по крайней мере было правдой. А все остальное было такой большой ложью, что она чувствовала, как горят ее щеки в темноте.

— Хорошо, — сказала ее мать. — Я просто хотела быть уверенной. Потому что, если твой отец узнает, что ты бегаешь на свидания в твоем возрасте, он сойдет с ума. — После некоторого раздумья

она добавила:

— Да и я тоже.

— Да, я знаю, — сказала Бев, все еще глядя в столовую комнату... Она действительно *знала* -все-таки здесь был не один мальчик, а шесть, да еще в доме, где родители ушли. Она увидела Бена, смотрящего на нее с тревогой, и послала ему улыбку (говорившую, что все нормально). Он покраснел, но тоже улыбнулся в ответ.

— Там есть кто-то из твоих подруг?

Какие подруги, мама? -подумала Бев. А вслух сказала:

— Ну, Петти О'Хара здесь. И Элли Гейгер здесь, думаю. Она играет в «шафл-борд» внизу. — Легкость, с которой ложь слетала с ее уст, заставила ее устыдиться. Лучше бы она разговаривала со своим отцом, это было бы хуже для нее, но стыда было бы меньше. Она подумала, что она действительно не очень хорошая девочка.

— Я люблю тебя, мама, — сказала она.

— Взаимно, Бев, — мать немного помолчала, а затем добавила:

— Будь осторожна. Газеты говорят, что появилась еще одна жертва. Мальчик по имени Патрик Хокстеттер. Его разыскивают. Ты его знала, Бев-ви?

Она закрыла глаза на секунду.

— Нет, мама.

— Хорошо. Тогда до свидания.

— Пока.

Она присоединилась к остальным за столом, и они играли еще час. Стэн был в большом выигрыше.

— Евреям везет в деньгах, — сказал Стэн, выставляя гостиницу на Атлантик-авеню и два зеленых домика на Вентнор-авеню. — Все знают это.

— Иисус сделал меня евреем, — нашелся сразу Ричи, и все засмеялись. Бен был сражен наповал.

Беверли время от времени бросала взгляды на Билла, примечая его белые тонкие руки, голубые глаза, прекрасные рыжеватые волосы. Когда он передвигал серебряную фишку по полю, как маркер, она думала: *Если он возьмет меня за руку, то я буду так рада, что, наверное, сойду с ума.* Казалось, что в груди у нее пылает яркое пламя, и она незаметно улыбнулась в руку.

6

Конец вечера был неплохим. Бен взял одну из стамесок Зака с полки, чтобы разбить литейные формы по разъемам. Они открыли их просто. Два

маленьких серебряных шарика упали на стол. На одном из них они еле-еле заметили дату: 925. На другом, как думала Беверли, были остатки волнистых волос Свободы. Они смотрели какое-то время на шарики, не произнося ни слова; потом Стэн поднял один.

— Довольно маленький, — заметил он.

— Таким же был камень на праще Давида, когда он выступил против Голиафа, — сказал Майк.

— Эти шарики как будто обладают какой-то силой. Бен понял это и кивнул. Все остальные тоже.

— Мммы вввсе сделали? — спросил Билл.

— Все, — сказала Бен. — Вот, — он протянул вторую пулю Биллу, который был так удивлен, что чуть не выронил ее. Пули были почти идеальной круглой формы. Похожие, как две капли воды, одинаковые по весу и назначению. Когда они вернулись к Бену, он взял их в руки, а потом посмотрел на Билла.

— Что мы дальше будем с ними делать?

— Дддай их Ббеверли.

— Нет!

Билл посмотрел на нее. Его лицо было добрым, но строгим.

— Ббев, мы уже гговорили об этом, и...

— Я сделаю это, — сказала она. — Я пристрелю эту Богом проклятую тварь, когда придет время. *Если* Оно вообще придет. Я скорее перестреляю всех нас, но не оставлю Его в живых. Но все равно я не хочу брать пули домой. Кто-нибудь из родителей *(отец)* может их найти. Тогда хана.

— А у тебя что, нет потайного места? — спросил Ричи. — У меня их четыре или пять.

— У меня есть место, — сказала Беверли. Это была маленькая щель в днище одного из ящиков стола, куда она иногда откладывала сигареты, комиксы и, немного позже, журналы мод и фильмов. — Но все же я не стала бы ему доверять. Возьми их ты, Билл. До поры до времени подержи у себя.

— О'кей, — тихо сказал Билл, и в этот момент огни автомобиля осветили автостраду перед домом. — Ччерт ввозьми, ккак рано. Давайте убираться отсюда.

Они все снова, как ни в чем не бывало, сидели за «Монополией», когда Шарон Денбро открыла дверь кухни.

Ричи выпучил глаза и притворился, что отирает пот со лба, остальные от души рассмеялись. Ричи умел притворяться.

Она вошла через секунду.

— Твой отец ждет твоих друзей в машине, Билл.

— Хххорошо, мам, — сказал Билл. — Мы ввсе равно уже заканчиваем.

— Кто выиграл? — спросила Шарон, искренне улыбаясь маленьким друзьям Билла. *Девочка должна стать очень привлекательной*, — подумала она. Она предположила, что через год или два они должны будут провожать девушек, если они, конечно, собирались это делать, а не проводить время в постоянной мальчишеской компании. Но сейчас еще рано думать о половом влечении.

— Сстэн вввыиграл, — сказал Билл. — Еееевреи хорошо умеют делать деньги.

— *Билл!* -крикнула она с ужасом, покраснев, потом, пораженная, посмотрела, как они хохотали во все горло, в том числе и Стэн. Удивление перешло во что-то вроде страха (хотя об этом она не сказала мужу позже, в постели). В воздухе висело ощущение, похожее на статическое электричество, но только гораздо более мощное, гораздо более жуткое. Она чувствовала, что если она коснется одного из них, то получит сильный электрический заряд. *Что случилось с ними?* -подумала она с тревогой и, возможно,

уже открыла рот, чтобы сказать это. Но потом Билл извинился (хотя все с тем же дьявольским блеском в глазах), а Стэн сказал, что все хорошо и что это просто шутка, которую они время от времени разыгрывают с ним, и она почувствовала себя слишком смущенной, чтобы вообще хоть что-нибудь сказать.

Она почувствовала облегчение, когда ребята ушли, а ее загадочный, заикающийся сын удалился в свою комнату и включил свет.

7

День, когда Клуб Неудачников встретился в открытом поединке с Оно; день, когда Оно чуть не выпотрошило Бена Хэнскома, пришелся на 25 июля 1958 года. Этот день был теплым, влажным и тихим. Бен достаточно хорошо помнил погоду того дня — это был последний день теплой погоды. После этого резко похолодало и зарядили дожди.

Они прибыли к дому № 29 по Нейболт-стрит около десяти утра того дня: Билл привез Ричи на Сильвере; Бен, раскинув большие ягодицы, восседал на своем «Рэли»; Беверли приехала на Нейболт-стрит на женском «Сквине»; ее волосы были зачесаны ото лба к затылку и стянуты зеле-

ной ленточкой. Майк пришел один, а примерно через пять минут вместе подошли Эдди и Стэн.

— Кккак твоя рррука, Эээдди?

— О, неплохо. Болит, если я ворочаюсь в кровати, когда сплю. Ты принес это?

«Это» — был завернутый брезентовый сверток на багажнике Сильвера. Билл снял его и развязал. Он протянул рогатку Беверли, которая взяла ее с гримасой, но ничего не сказала. В свертке была еще жестяная банка. Билл открыл ее и показал всем два серебряных шарика. Они смотрели на них молча, собравшись в кружок на почти лишенной растительности площадке дома № 29 — на площадке, где, казалось, росли одни сорняки. Билл, Ричи и Эдди видели дом еще раньше, другие — нет, и поэтому они сейчас глядели на него с любопытством.

Окна глядят, как глаза, -подумал Стэн, и его рука полезла в задний карман за брошюрой. Он потрогал ее на счастье. Он носил брошюру с собой почти везде — это была книга М.К.Хендея «Справочник по птицам Северной Америки». — *Они выглядят как грязные слепые глаза.*

Оно воняет, -подумала Беверли. — *Я могу уловить запах, но никак не пойму, что это.*

Майк подумал: *От дома пахнет чугунолитей-*

ным заводом. Кажется.., нас будто приглашают войти.

Это одно из мест, где Оно прячется, -подумал Бен. — *Одно из мест, похожих на пещеры Морлоков, откуда Оно выходит и куда возвращается. И Оно знает, что мы сейчас здесь. Оно ждет, чтобы его нашли.*

— Вы все по-прежнему готовы? — спросил Билл. Они смотрели на него, бледные и мрачные. Никто не сказал «нет». Эдди вытащил из кармана свой аспиратор и глубоко вдохнул струю.

— Дай мне немного, — попросил Ричи. Эдди посмотрел на него, дивленный, ожидая какой-нибудь подковырки. Ричи протянул руку:

— Ну серьезно, Джейк. Можно и мне чуть-чуть? Эдди пожал своим здоровым плечом и протянул ему ингалятор. Ричи пшикнул аспиратором и глубоко затянулся.

— Помогло чуть-чуть, — сказал он, протягивая аспиратор назад. Он немножко закашлялся, но глаза его выглядели нормально.

— О, и мне, — сказал Стэн. — Ладно?

И так, один за другим они использовали аспиратор Эдди. Когда он вернулся к нему, он засунул его в задний карман, и он так и торчал оттуда. Они снова повернулись, чтобы посмотреть на дом.

— Живет *кто-нибудь* на этой улице? — спросила Беверли хриплым голосом.

— Да почти никого, — произнес Майк. — Почти никого. Только ройные бездельники, которые ненадолго здесь останавливаются и сразу же уезжают на своих грузовиках.

— Они ничего не увидят, — сказал Стэн. — С ними все нормально, со многими из них во всяком случае. — Он посмотрел на Билла.

— А могут ли вообще взрослые увидеть Его, что ты думаешь, Билл?

— Я не ззнаю, — сказал Билл. — Может быть, *некоторые.*

— Я хотел бы, чтобы мы могли встретить хоть одного, — мрачно сказал Ричи. — Это действительно не работа для детей, ты понимаешь, о чем я говорю?

— Должен же быть кто-нибудь из взрослых поблизости, — продолжил Ричи, глядя на заброшенный дом с его осыпавшейся краской, грязными окнами, темным подъездом. Бен устало вздохнул. На какой-то миг Бен почувствовал, что они правы.

Потом Билл сказал:

— Пппройдгм вввокруг. Посмотрим, что там.

Они шли с левой стороны подъезда, где со-

оружение с краю было почти разрушено. В цветочницах все еще росли дикие розы.., но когда Эдди тронул их, то отпрянул, словно дотронулся до прокаженного: розы были черные и мертвые.

— Оно просто коснулось их, но когда Оно успело *это* сделать? — просила Беверли с ужасом. Билл кивнул.

— Ребята, вы *ууувер*ены в себе?

Некоторое мгновение все молчали. Они *не были* уверены, хотя все они понимали по лицу Билла, что он продолжит мероприятие и без них, полностью не были уверены. На лице Билла было нечто вроде стыда. Как он раньше сказал им, Джордж был не их братом.

Но все другие дети, -подумал Бен. — *Бетти Рипсом, Шарон Ламоники, те дети Клеменсов, Эдди Коркоран (только возможно), Ронни Гроган.., даже Патрик Хокстеттер. Оно убивает детей, сволочь, детей!*

— Я иду, Большой Билл, — сказал он.

— Черт, я тоже, — сказала Беверли.

— Конечно, — сказал Ричи. — Ты думаешь, мы позволим тебе повеселиться одному?

Билл посмотрел на них, горло его заработало, и потом он крикнул. Он протянул жестяную коробку Беверли.

— Билл, а ты *уверен?*

— Уууверен.

Она кивнула, не впервые пораженная и очарованная его решимостью. Потом открыла коробку, вытащила пули и засунула одну в правый передний карман своих джинсов. Другую положила в кожу рогатки. Она почувствовала шарик в своем кулаке, сначала холодный, потом потеплевший.

— Ну пойдем, — позвала она надтреснутым голосом. — Пойдемте, пока я не задрожала от страха.

Билл кивнул, потом пристально посмотрел на Эдди.

— Ммможешь ты ссделать это? Эдди кивнул.

— Конечно, могу. Я был одинок в последнее время. На этот раз я с моими друзьями. Правильно? — Он посмотрел на них и слегка улыбнулся. Его выражение было робким, но очень трогательным.

Ричи похлопал его по плечу.

— Вот это правильно, сэр. Мы убьем любого, кто пожэлает украсть твой аспиратор. Но мы будем убивать его *мэдлэнно.*

— Это ужасно, Ричи, — сказала Бев, хихикнув.

— Пппойдем под дом, — сказал Билл. — Все иидите за мной. Потом в ппподвал.

— Если ты пойдешь первым и это чудище прыгнет на тебя, что мне делать? — спросила Беверли. — Стрелять сквозь тебя?

— Если будет нннадо, — сказал Билл. — Но я пполагаю, ты ссначала попробуешь ообойти меня.

Ричи дико рассмеялся.

— Ммы пройдем ччерез это место, если понадобится. — Он пожал плечами. — Мможет мы вввообще ничего не нннайдем.

— Ты веришь в это? — спросил Майк.

— Нет, — отрезал Билл. — Оно зздесь. — Билл верил в то, что он прав. Дом №29 казался упакованным в ядовитый конверт. Его нельзя было увидеть.., но Его можно было чувствовать. Он облизнул губы.

— Вы птотовы? — спросил их Билл. Они в ответ посмотрели на него.

— Готовы, Билл, — сказал Ричи.

— Пппошли тттогда, — сказал Билл. — Иди прямо за мной, Беверли. — Он опустился на колени и пополз под розами в подъезд.

8

Они пошли за ним: Беверли, Бен, Эдди, Ричи, Стэн, Майк. Листья под крыльцом шуршали и

ударяли в нос запахом кислятины. Бен сморщил нос. Нюхал ли он когда-нибудь опавшие листья? Он подумал, что нет. И затем ему в голову пришла неприятная мысль. Они пахли так же, как пахнет мумия сразу после того, как тот, кто обнаружил ее, открыл гроб: пыль и горькая дубильная кислота.

Билл добрался до разбитого окна подвала и посмотрел внутрь. К нему подползла Беверли.

— Ты что-нибудь видишь?

Билл покачал головой.

— Но это нничего не ооозначает. Ппосмотри, ввон угольная куча, по которой я и Ричи тогда вылезали, Бен, стоявший между ними, увидел ее. Он был теперь возбужден и испуган и радовался этому возбуждению. Видеть эту кучу — было словно видеть какой-то памятник, о котором раньше только читал.

Билл изловчился и пролез через окно. Беверли дала Бену рогатку, свернув резинку и кожу в ней.

— Дай мне ее в ту же секунду, как я спущусь, — сказала она. — В *ту же* секунду.

— Понятно.

Она проскользнула легко и быстро. Было — для Бена, по крайней мере, — одно мгновение, когда сердце замерло — когда ее блузка вылезла из

джинсов, и он увидел ее плоский белый живот. Затем он почувствовал дрожь ее рук, когда вручал ей рогатку.

— О'кей, она у меня. Пошли.

Бен повернулся и начал пролезать через окно. Он, вероятно, предвидел, что случится потом, это было действительно неизбежно. Он застрял. Его зад словно привязали к прямоугольному окну подвала, и он не мог двинуться дальше. Он начал выбираться назад и понял, ужаснувшись, что не может этого сделать, он порвет штаны и, возможно, трусы — до колен. И тогда свалится с голой (и очень большой) задницей своей прямо под ноги своей любимой.

— Поторопись! — сказал Эдди.

Бен обреченно оттолкнулся обеими руками. Какое-то мгновение он все еще не мог двигаться, а затем его зад показался из оконного проема. Джинсы больно сдавили пах. Верхняя часть окна разорвала его рубашку до лопаток. Теперь застряло его пузо.

— Втяни живот, Соломенная Голова, — сказал Ричи, истерически хихикая. — Лучше втяни, а то придется отправить Майка за отцовской цепью, чтобы вытащить тебя.

— Би-би, — пропыхтел Бен, сжав зубы. Он втя-

нул свой живот настолько, насколько мог. Еще немного продвинулся, затем снова застрял.

Он повернул голову, борясь с паникой и клаустрофобией. Его лицо стало ярко-красным, потным. Кислый запах листьев тяжело, до одурения ударял в его ноздри.

— Билл! Вытащите меня!

Он почувствовал, как Билл схватил его за одну лодыжку, а Беверли — за другую. Он снова втянул живот и через минуту свалился в окно. Билл подхватил его, и они оба чуть не упали. Бен не мог смотреть на Бев. Он никогда раньше в своей жизни не был так смущен, как в этот момент.

— У тттебя все в порядке, ссстарина?

— Да.

Билл рассмеялся. К нему присоединилась Беверли, а затем и Бен тоже смог улыбнуться, хотя лишь спустя годы он сможет увидеть что-то забавное в происшедшем.

— Эй! — позвал сверху Ричи. — Помогите Эдди!

— Ссейчас! — Билл и Бен заняли позицию под окном. Эдди полз вниз спиной. Билл схватил его за ноги прямо над коленями.

— Смотри, что ты делаешь, — сказал Эдди недовольным голосом. — Я боюсь щекотки.

— Рамона очень боится щекотки, синьор, — раз-

дался голос Ричи. Бен взял Эдди за талию, пытаясь не повредить ему руку. Он и Билл на руках перетащили Эдди через окно подвала, как покойника. Эдци один раз вскрикнул, но это было все.

— Эддди?

— Да, — сказал Эдди. — Все в порядке. — Но большие капли пота выступили у него на лбу, и он прерывисто дышал. Глаза его блуждали по подвалу.

Билл снова отступил назад. Беверли стояла около него, держа рогатку за рукоятку, готовая выстрелить, если понадобится. Ее глаза не выпускали из виду подвал. Следующим влез Ричи, за ним Стэн и Майк; все они передвигались с плавной грацией, которой Бен глубоко завидовал. И вот они все были внизу, в подвале, где Билл и Ричи видели Оно всего лишь месяц назад.

Помещение было плохо освещенным, но не совсем темным. Тусклый свет проникал через окна и расползался по грязному полу. Бену подвал показался очень большим, даже *слишком* большим, как будто это какая-то оптическая иллюзия. Пыльные стропила нависали над головой, печные трубы заржавели, какая-то белая пыльная бахрома свисала с водосточных труб грязными веревками и полосами. И запах здесь тоже был.

Отвратительный запах гнили. Бен подумал: *Оно здесь, точно, наверняка.*

Билл направился к лестнице. Другие двинулись за ним. Он задержался у основания лестницы и внимательно посмотрел вниз. Потом сунул ногу вниз и что-то выбросил. Без слов они посмотрели на эту штуковину. Это была белая перчатка клоуна, теперь запачканная пылью и грязью.

— Наверх, — сказал он.

Они пошли наверх и попали в грязную кухню. Один стул выделялся темно-бордовым пятном в центре вздутого, с буграми линолеума. Больше мебели не было. В углу валялись пустые бутылки. В кладовке Бен увидел еще одну кучу бутылок. Он чувствовал запах попойки — вина и старых вонючих сигарет. Эти запахи преследовали, но тот, другой, запах тоже был здесь. Он все время усиливался.

Беверли подошла к буфету и открыла одну из секций. Она пронзительно вскрикнула, когда черно-коричневая норвежская крыса свалилась ей почти прямо в лицо. Крыса шмякнулась на стойку и оглядела их черными глазками. Все еще крича, Беверли подняла рогатку и натянула резинку.

— *Нет,* -заорал Билл.

Она повернулась к нему, бледная и испуганная. Затем она кивнула и расслабила руку, серебряный шарик упал без выстрела, но Бен подумал, что она была очень-очень близка к тому, чтобы выстрелить. Она медленно расслабилась, подошла к Бену и оперлась на него. Он твердо обнял ее за плечи.

Крыса прошмыгнула по стойке, свалилась на пол, оттуда метнулась в кладовку, и была такова.

— Оно хотело, чтобы я выстрелила в него, — сказала Беверли слабым голосом. — И истратила на нее половину наших боеприпасов.

— Да, — сказал Билл. — Это как тренировочная дистанция ФБР в Квентине. Там отправляют на макет улицы и быстро выдвигают разные цели. Если вы попадете в честных граждан вместо преступников, вы теряете очки.

— Я не могу сделать это, Билл, — сказала она. — Я сейчас все испорчу, — Она протянула ему рогатку, но Билл покачал головой.

— Ты *дддолжна,* Беверли.

Из другой секции буфета раздалось мяуканье.

Ричи подошел к нему.

— Не подходи слишком близко! — взревел Стэн. — Это может... Ричи посмотрел внутрь, и выражение болезненного отвращения переко-

сило его лицо. Он захлопнул дверцу буфета со стуком, от которого по всему дому разнеслось мертвое эхо.

— Гадость, — голос Ричи звучал сдавленно. — Самая большая гадость, которую я когда-либо видел... А может, и кто-либо другой. — Он вытер рот тыльной стороной руки. — Там их *сотни.* -Он посмотрел на них, его рот скривился немного в их сторону. — Их *хвосты...* Они все спутаны, Билл. Связаны вместе, — он сделал гримасу. — Как змеи.

Они посмотрели на дверцу буфета. Мяуканье было приглушенное, но все-таки слышимое. *Крысы,* -подумал Бен, глядя на бледное лицо Билла и через его плечо на пепельно-серое лицо Майка. — *Все боятся, крыс. Оно это тоже знает.*

— Пппошли, — сказал Билл. — Здесь на, Ннейболт-стрит, вввеселье никогда не пппрекращается.

Они спустились в прихожую. Здесь смешалась вонь сгнившей штукатурки и старой застоялой мочи. Они могли выглянуть на улицу через грязные оконные стекла и увидеть свои велосипеды. Велосипеды Бев и Бена были перевернуты рулем вниз. Велосипед Билла прислонился к чахлому клену. Бену велосипеды показались удаленны-

ми за тысячу миль — как будто видимые через другой конец телескопа. Пустынная улица с вздутыми полосками асфальта, полинявшее мокрое небо, постоянное «чух-чух-чух» бегущего локомотива.., эти вещи казались ему грезами, галлюцинациями. Что было реальностью, так это убогая прихожая с ее вонью и гнездившимися в ней тенями.

Осколки коричневого стекла в одном углу — разбитые бутылки «Рейнголда».

В другом углу, насквозь промокшем, валялся эротический журнал размером с дайджест. Женщина на обложке склонилась к стулу, юбка сзади поднята, демонстрируя верх ее чулок в сеточку и черные трусики. Бена картинка не возбуждала; не смущало его и то, что Беверли тоже видела ее. Сырость сделала кожу женщины желтой и сморщила обложку так, что на лице женщины появились морщины Ее похотливый взгляд сделался оскалом мертвой шлюхи.

(Годы спустя, когда Бен снова прокручивал это, Бев вдруг вскрикнула, испугав их всех, — они не столько слушали историю, сколько переживали ее заново. "Это была *она!* -закричала Бев. — Миссис Керш".) Пока Бен смотрел, молодая, но одновременно старая шлюха на обложке

подмигнула ему. Она непристойным призывным жестом вильнула задом.

Как облитый ушатом воды, все еще в поту, Бен отвел взгляд.

Билл толкнул дверь слева, и они прошли за ним в сводчатую комнату, которая могла быть когда-то гостиной. Мятая пара зеленых штанов свисала с лампы под потолком. Как и подвал, эта комната показалась Бену очень большой и почти такой же длинной, как грузовой автомобиль. Слишком длинной для такого маленького дома.., каким они видели его снаружи.

О, но *это было снаружи,* -говорил внутри его мозга новый голос. Это был карикатурный, визгливый голос, и Бен понял с внезапной определенностью, что он слышит самого Пеннивайза. Пеннивайз разговаривал с ним по какому-то безумному внутреннему радио. — *Снаружи вещи всегда кажутся меньше, чем они на самом деле, не правда ли, Бен?*

— Уходи, — прошептал Бен.

Ричи повернулся и увидел его бледное, напряженное лицо.

— Ты что-то сказал?

Бен покачал головой. Голос пропал. Это было хорошо. Все-таки *(снаружи)* он понял. Этот дом

был особым местом, своего рода станцией, одним из мест в Дерри, наверное, одним из многих, откуда Оно могло выбраться наружу. Этот вонючий прогнивший дом, где все было как-то не так. Не потому, что он казался слишком большим, — не те углы, не та перспектива Бен стоял в дверях между передней и гостиной, а другие шли от него через пространство, которое выглядело сейчас почти таким же большим, как Бассей-парк.., но когда они уходили, они, казалось, *увеличивались,* а не уменьшались. Казалось, пол накренился и...

Майк повернулся.

— Бен! — позвал он, и Бен увидел тревогу на его лице. — Догоняй! А то отстанешь! — Он едва мог услышать последнее слово. Оно ускользнуло, как будто заглушенное быстро идущим поездом. Внезапно испугавшись, он побежал. Дверь позади него захлопнулась с приглушенным звуком. Он закричал.., и, казалось, что-то пронеслось в воздухе прямо за ним, вздымая его рубашку и волосы. Он оглянулся назад, но там никого не было От этого ему, однако, не стало легче.

Бен догнал остальных Он тяжело дышал, почти задыхался, и поклялся бы, что пробежал по крайней мере полмили.., но когда он посмотрел назад, дальняя стена гостиной была всего лишь в

десяти футах. Майк больно сжал его плечо — Ты напугал меня, приятель, — сказал он. Ричи, Стэн и Эдди вопросительно смотрели на Майка. — Он выглядел *маленьким,* -сказал Майк. — Как будто он был в миле отсюда.

— Билл!

Билл оглянулся.

— Мы должны держаться близко друг к другу, — задыхаясь сказал Бен. — Это место.., оно растягивается или что-то в этом роде. Мы заблудимся. Мне кажется, Оно *хочет,* чтобы мы заблудились. Чтобы мы разъединились.

Мгновение Билл смотрел на него, плотно сжав губы.

— Хорошо, — сказал он. — Давайте додержаться ппплотнее. Нне отставать.

Они испуганно кивнули, сбившись кучей за дверью прихожей. Рука Стэна нащупала книгу о птицах в заднем кармане. Эдди в одной руке держал ингалятор, сжимая его, разжимая и снова сжимая, как стофунтовый хиляк, пытающийся накачать свои мускулы теннисным мячом.

Билл открыл дверь, и открылся еще один, более узкий проход — передняя. Обои, изображающие гирлянды роз и эльфов в зеленых шапочках, ниспадали с вздувшейся штукатурки безобразными

лохмотьями. На потолке кругами разошлись желтые водяные пятна. Ядовито-бледный свет проникал через грязное окно в конце прихожей.

Внезапно коридор, казалось, вырос в длину. Потолок поднялся и затем начал стягиваться, как какая-то таинственная ракета. Двери срослись с потолком, вытянувшись, как тянучка. Лица эльфов удлинились и стали злобными, их глаза кровоточили черными дырами.

Стэн пронзительно закричал и схватился руками за глаза.

— *Эээпго ннне нненастоящее!* -закричал Билл.

— *Настоящее!* -закричал Стэн в ответ, закрывая глаза сжатыми кулаками. — Это *настоящее.* Ты *знаешь*, что это настоящее. Господи, я *схожу с ума, это сумасшествие, сумасшествие.*

— *Сссссмотри!* -закричал Билл Стэну, всем им, и Бен, у которого голова шла кругом, увидел, как Билл наклонился, пригнулся и ринулся вверх. Его сжатый кулак ни обо что не ударился, абсолютно ни обо что, но раздался тяжелый стук. Куски штукатурки обвалились с того места, где больше не было никакого потолка.., а затем он появился. Проход стал опять проходом — узким, с низким потолком, но стены больше не уходили в бесконечность. Был только Билл, который смотрел

на них и поглаживал свою кровоточащую руку, покрытую пылью от штукатурки. Вверху виднелась четкая метка, которую его кулак оставил в мягкой штукатурке потолка.

— Нннне настоящее, — сказал он Стэну, всем им. — Ппросто фффальшивка. Как ммммаска на Хэллуин.

— Для *тебя* может быть, — сказал без выражения Стэн. Его лицо оставалось испуганным, он явно был в шоке. — Но если бы я попробовал сделать это, может быть, ничего бы не получилось. Потому что.., у тебя брат, Билл, а у меня нет никого.

Он посмотрел вокруг — сначала назад, в сторону гостиной, которая теперь как бы скрылась в плотной бурой дымке, такой густой, что они едва могли видеть дверь, через которую они входили в эту прихожую, освещенную, но все равно пугающую, все равно безумную. Эльфы кривлялись на рваных обоях под гирляндами роз. Солнце смотрело из стекол окон в конце прихожей, и Бен знал, что если они спустятся, они увидят мертвых мух.., еще разбитые стаканы.., а дальше что? Доски пола разойдутся, сбрасывая их в мертвую темноту, где пальцы-крючъя ждут, чтобы схватить их? Стэн был прав, Боже, зачем они пришли

в Его логовище без ничего, кроме двух глупых серебряных шариков и рогатки?

Он видел, что паника Стэна передается от одного к другому, как огонь по траве, раздуваемой порывом ветра; паника росла в глазах Эдди, она скривила рот Бев в гримасу боли, заставила Ричи держать очки обеими руками и озираться вокруг, как будто где-то рядом прячется сам дьявол.

Они были на грани бегства; просьба Билла держаться вместе была почти позабыта. Они слышали, как паника стучится им в уши. Как будто Бен слышал мисс Дэвис, помощника библиотекаря, читающую малышам: *«Кто это топ-топает по моему месту?»* И он увидел их, малышей, детишек, наклонившихся вперед, их лица, спокойные и серьезные, их глаза, отражающие вечное очарование сказки: будет ли чудовище побеждено.., или оно сожрет свои жертвы?

— У меня ничего нет! — всхлипывал Стэн Урис, и он казался очень маленьким — таким маленьким, что мог проскользнуть через одну из трещин в дощатом полу прихожей, проскользнуть, как письмо. — У тебя есть брат, а у меня нет *ничего!"– У тебя есть!* -закричал в ответ Билл. Он схватил Стэна, и Бен подумал вдруг, что он ударит его, и взмолился про себя: *«Нет, Билл, пожалуйста, ты*

ведь не Генри; если ты сделаешь это. Оно убьет нас всех прямо сейчас!» Но Билл не ударил Стэна. Он грубо повернул его и вырвал книжку из заднего кармана джинсов.

— Не лапай! — закричал Стэн, начиная плакать. Другие стояли ошарашенные, прижавшись друг к другу, подальше от Билла, чьи глаза, казалось, по-настоящему горят. Его лоб светился, как лампа, и он держал книгу и протягивал ее Стэну, как священник протягивает крест, чтобы изгнать вампира.

— У *тебя ееесть твои пппти...*

Он поднял голову вверх, сухожилия на шее вытянулись, кадык, как наконечник стрелы, вонзился в его горло. Бена наполнили страх и жалость к своему другу Биллу Денбро, но одновременно и чувство удивительного облегчения. Сомневался ли он в Билле? Разве они сомневались? Кто-нибудь из них? *Билл, скажи, правда?*

И так или иначе, Билл сказал.

— У *тебя еесть тттвои ппптицы! Твои ппптицы!*Он решительно протянул книгу Стэну. Стэн взял ее и посмотрел на Билла, не говоря ни слова. На его щеках блестели слезы. Он так сильно сжал книгу, что пальцы побелели. Билл посмотрел на него, потом на остальных.

— Пппошли, — сказал он снова.

— Разве птицы подействуют? — спросил Стэн. Его голос был низким и хриплым.

— В водонапорной башне они же сработали, правда? — спросила его Бев, Стэн неуверенно посмотрел на нее. Ричи ударил его по плечу.

— Давай, Стэн, — сказал он. — Ты мужик или мышь?

— Я, должно быть, мужик, — с дрожью в голосе сказал Стэн и вытер слезы с лица тыльной стороной ладони. — Насколько я знаю, мыши не гадят в штаны.

Они засмеялись, и Бен мог бы поклясться, что он почувствовал, как дом отступает от них, от этого их дружного смеха. Майк повернулся.

— Та большая комната. Комната, через которую мы только что прошли. Смотрите!

Они посмотрели. Гостиная была теперь почти черной. Не было дыма или какого-либо газа; была просто чернота, сплошная чернота. Воздух лишился своего света. Чернота, казалось, накатывает и окутывает их, когда они смотрят в нее, соединяется, липнет к их лицам.

— Пппошли.

Они отвернулись от темноты и прошли в переднюю. Из нее открывались три двери, две — с

грязными белыми фарфоровыми ручками, в третьей на месте ручки осталась лишь дыра. Билл взялся за первую ручку, повернул ее и распахнул дверь. Бев шла за ним по пятам, подняв рогатку.

Бен отступил, уверенный, что остальные делают то же самое, столпившись за Биллом, как напуганная стайка. Это оказалась спальня, в которой не было ничего, кроме запачканного матраса. Из него торчали ржавые воспоминания о былых пружинах. За единственным окном комнаты кланялись и качались подсолнухи.

— Ничего нет... — начал Билл, а затем матрас начал раздуваться и ритмично дышать. Внезапно он треснул прямо посередине. Из него стала сочиться черная липкая жидкость; пачкая матрас, она лилась по полу по направлению к дверному проему. Она извивалась, как веревка.

— Закрой ее, Билл! — закричал Ричи. — Закрой эту чертову дверь!

Билл с силой захлопнул ее, посмотрел на них и кивнул.

— Пошли.

Он едва дотронулся до ручки второй двери — двери на другой стороне узкого прохода, — как за ее деревянной панелью послышалось мощное жужжание.

9

Даже Билл отпрянул от этого все усиливающегося нечеловеческого звука. Бен почувствовал, что звук может свети его с ума; он вообразил гигантского сверчка за дверью — как из фильма, где радиация создала насекомых огромных размеров, — «Начало конца», что ли, или «Черный скорпион», или фильм с насекомыми в канализационных стоках Лос-Анджелеса. Он не смог бы убежать, даже если бы этот жужжащий жуткий ужас расщепил панели двери и начал ощупывать его своими огромными волосатыми лапами. Он смутно слышал, как рядом с ним хрипит и задыхается в кашле Эдди.

Звук нарастал толчками, хоть и оставался жужжащим. Билл сделал еще один шаг назад, теперь уже у него в лице не было ни кровинки, глаза вытаращились, губы казались пурпурным шрамом под носом.

— Стреляй в него, Беверли! — услышал Бен свой крик. — Стреляй в него через дверь, стреляй до того, как он схватит нас!

К грязному окну в конце коридора тяжелой давящей массой прилипло солнце.

Беверли поднимала рогатку, словно во сне, по мере того, как вопль-жужжание становился

громче, громче...

Но перед тем, как она смогла оттянуть резинку рогатки назад, Майк закричал:

— Нет! Нет! Не надо, Бев! О, Боже! Подожди! — и он, нервно рассмеявшись, рванулся вперед, схватился за ручку, повернул ее и распахнул дверь. Она свободно раскрылась с коротким скрежещущим звуком. — Это трещотка! Простая трещотка, вот и все, — то, чем пугают ворон!

Комната была пуста. На полу лежала коробка «Стерно» с пробитыми концами. В середине была плотно привязана навощенная веревка, завязанная узлом поверх отверстий, пробитых на концах коробки. Хотя в комнате не было никакого жужжания — одно окно было закрыто и наглухо забито досками, впуская только узкие полосы света, — не могло быть никакого сомнения, что жужжание исходило из коробки.

Майк подошел к ней и сильно пнул ее ногой. Жужжание прекратилось, когда коробка отлетела в дальний угол.

— Просто трещотка, — сказал он остальным, как бы извиняясь. — Мы такой пугали ворон. Ничего. Просто дешевая хитрость. Но я не ворона, — он посмотрел на Билла, больше не смеясь, но спокойно улыбаясь. — Я все еще боюсь Оно,

думаю, мы все боимся, но Оно боится нас тоже. По правде говоря, Оно, я думаю, очень здорово боится.

Билл кивнул:

— Я ттоже ттак ддумаю, — сказал он.

Они подошли к двери в конце прихожей, и, когда Бен увидел, как Билл засовывает свой палец в дырку, где была когда-то ручка двери, он понял, что сейчас наступит конец; за дверью не будет уже никакой хитрости, никаких шуток. Запах был теперь пугающим, и грозное ощущение противоборства двух сил, витающее вокруг них, стало намного сильнее. Он посмотрел на Эдди, одна рука у того была на перевязи, здоровой рукой он держал аспиратор. Он посмотрел на Бев, она стояла с другой стороны, лицо у нее было белое, она держала рогатку, похожую на грудную косточку птицы, и подумал: *Если нам придется бежать, я постараюсь защитить тебя, Беверли. Клянусь, я постараюсь.*

Она, может быть, почувствовала его мысли, потому что повернулась к нему и наградила его напряженной улыбкой. Бен улыбнулся в ответ.

Билл распахнул дверь. Ее петли издали тупой скрип и затем затихли. Это была ванная комната.., но что-то в ней было не то. *Кто-то что-то*

здесь разбил, -было все, что Бен мог уяснить вначале. — *Не бутылку.., а что?*

Повсюду валялись, зловеще мерцая, белые черепки. Потом он понял. Это было как безумие, ударяющее в голову. Он засмеялся. Ричи присоединился к нему.

— Да, здорово дедуля напердел, — сказал Эдди, и Майк начал хихикать и кивать головой. Стэн слегка улыбался. Только Билл и Беверли оставались мрачными.

Белые куски, разбросанные по полу, были черепками фаянса. Унитаз взорвался. Бачок, как пьяный, накренился в луже воды, и его спасло от падения только то, что унитаз стоял в углу комнаты и бачок был у самой стенки.

Они сгрудились за Биллом и Беверли, их ноги скрипели на кусках фаянса. *Что бы это ни было,* -подумал Бен, — оно *к черту разнесло этот несчастный туалет.* Он сразу увидел Генри Бауэрса, бросающего в него гранатой, а потом удирающего.

Его только занимало, сколько же понадобилось динамита для такого дела. Крупных кусков уцелело чертовски мало, в основном остались только малюсенькие острые осколки, похожие на дротики. Обои (гирлянды роз и резвящиеся эльфы, как

в прихожей) повсюду были усеяны дырками. Это было похоже на взрыв, но Бен знал, что взрыв вогнал бы в стены гораздо больше осколков.

Рядом на когтистых ножках стояла ванна. Бен посмотрел внутрь и увидел на дне накипь, осадки и песок. Сверху смотрела ржавая головка душа. Здесь был таз и аптечка с неплотно закрытой дверцей, показывающей пустые полочки. На полках, там, где раньше были лекарства, стояли ржавые кружки.

— Я бы не подходил слишком близко к этому, Большой Билл! — сказал резко Ричи, и Бен оглянулся.

Билл приближался к устью канализационной трубы в полу, над которой когда-то был унитаз. Он наклонился вперед.., и затем повернулся к остальным.

— Я сслышу, как работает ннассос.., такой же, как в Барренсе! Бев подошла к Биллу. За ней подошел Бен, и да, он тоже мог это слышать: непрерывный гудящий шум. За исключением эха в трубах, это вовсе не звучало механически. Это звучало, как нечто живое.

— Ввот оттткуда Оно ппприходило, — сказал Билл. Его лицо было мертвенно бледным, глаза горели от возбуждения. — Ввот откккуда Оно

пришло ввв тттот день, и ввот оттткуда Оно приходит *всегда!*Канализация!

Ричи кивнул.

— Мы были в подвале, но Оно было не там. Оно приходило снизу, потому что только отсюда Оно могло выйти.

— И это *сделало* Оно? — спросила Беверли.

— Я ддумаю, Оно сспешило, — серьезно ответил Билл. Бен посмотрел в трубу. Она была трех футов в диаметре и темная, как шахта. Внутренняя керамическая поверхность была покрыта чем-то, о чем он не хотел думать. Гудящий шум гипнотически уплывал.., и вдруг он увидел что-то. Он увидел это не физическими глазами, а глазом, глубоко заключенным в его мозгу.

Оно мчалось к ним, развивая скорость экспресса, заполняя горловину этой темной трубы; Оно было сейчас в своей собственной форме, какой бы она ни была; Обычно Оно принимало какую-либоформу, знакомую им; Оно приближалось, приближалось из своих отвратительных пещер и черных катакомб под землей. Его глаза мерцали могильным желтовато-зеленым огнем, Оно приближалось.

И затем он увидел Его глаза внизу, в той темноте, горящие искры, злобные и беспощадные. За

гудением механизмов Бен теперь мог слышать новый звук: *«Хсссс...»* Из пасти канализационной трубы доносилось зловоние, и он отступил назад, кашляя и задыхаясь.

— Оно идет! — закричал он. — Билл, я увидел Его, Оно идет! Беверли подняла рогатку.

— Хорошо, — сказала она.

Что-то взорвалось в канализационной трубе. Бен, пытаясь потом припомнить, что случилось, мог вспомнить только серебристо-оранжевую льющуюся субстанцию. Она не была призрачной, она была твердой, и он ощущал другую форму, какую-то истинную сущность формы, за ним.., но глаза Бена не могли охватить то, что он видел, это было слишком ужасно.

Ричи, спотыкаясь, отступил назад, лицо его исказилось от ужаса, он кричал и кричал: *Оборотень! Билл! Это оборотень! Оборотень!*

И вдруг форма переросла в реальность — для Бена, для них всех.

Оборотень встал, балансируя над канализационной трубой; одна его волосатая нога находилась там, где раньше когда-то стоял унитаз. Его зеленые глаза смотрели на них с мертвенного лица. Пасть сморщилась и желтовато-белая пена сочилась сквозь зубы. Он издавал скрежещущее

рычание. Его руки протянулись к Беверли, вылезая из рукавов куртки. Ударил волной сырой горячий запах убийства.

Беверли закричала. Бен схватил ее за блузку и так рванул, что треснули швы под мышками. Одна когтистая лапа чиркнула воздух там, где Беверли находилась лишь мгновение назад. Беверли отшатнулась к стене. Серебряный шарик выпал из кожи рогатки. Секунду он мерцал в воздухе. Майк, быстрее чем обычно, подхватил его и отдал ей.

— Стреляй в Него, сестра, — сказал он. Голос его был совершенно спокойным, почти суровым. — Выстрели в Него прямо сейчас.

Оборотень издал оглушительный рев, от которого мороз прошел по коже.

Рев превратился в смех. Оно устремилось к Биллу, когда он повернулся посмотреть на Беверли. Бен оттолкнул его в сторону, и Билл чуть не упал.

— *Стреляй в Него, Бев!* -кричал Ричи. — *Ради Бога, стреляй в Него!*

Оборотень прыгнул вперед, и Бен не сомневался ни тогда, ни потом, что Оно знало, кто был здесь главным. Беверли натянула резинку и выстрелила. Шарик вылетел и снова не попал, но

теперь его не притянуло к цели. Она промахнулась больше чем на фут, пробив дырку в обоях над ванной. Билл, у которого руки были изрезаны кусками фаянса и кровоточили во многих местах, виртуозно выругался.

Голова оборотня быстро повернулась; его мерцающие зеленые глаза вперились в Беверли. Не раздумывая, Бен загородил ее, когда она полезла в карман за другим шариком. Ее джинсы были слишком тесными, как и шорты, которые она надела в тот день, когда увидела Патрика Хокстеттера и его холодильник, она еще донашивала прошлогодние вещи. Ее пальцы сжали шарик, он выскользнул, но она снова его нащупала и вытащила, вывернув карман наизнанку и выронив на пол четырнадцать центов, корешки двух билетов из «Аладдина» и разные обрывки.

Оборотень бросился на Бена, который стоял перед ней в боевой позиции.., и мешал ей стрелять. Его голова нагнулась в несущем смерть рывке хищника, челюсти лязгали. Бен загородил ему дорогу. Казалось что для страха больше не осталось места — вместо этого он чувствовал гнев вперемешку с каким-то странным чувством остановившегося времени.

Он схватил Его за жесткие, спутанные волосы,

чувствуя под ними тяжесть черепа. Он отталкивал от себя Его плоскую, волчью голову изо всех сил, но хотя весил немало, это не помогло. Если бы он не отпрянул назад и не прижался к стене, Оно разорвало бы ему горло своими зубами.

Оно кинулось за ним, Его зеленовато-желтые глаза сверкали, при каждом выдохе раздавалось рычание. От него разило канализацией и еще чем-то — тошнотворный, дикий запах, вроде гниющих лесных орехов. Одна из Его тяжелых лап поднялась, и Бен рванулся как можно дальше в сторону. Лапа с тяжелыми когтями врезалась в обои, осыпав штукатурку, оставив в стене глубокие раны. Он мог смутно слышать, как Ричи что-то кричит, Эдди вопит, чтобы Беверли стреляла в Него, стреляла в Него! Но Беверли не стреляла. У нее была другая возможность. Рогатка не имела значения; она знала то единственное, что ей *нужно.* Трезвый холод, которого она больше никогда в жизни не ощущала, сковал ее зрение. В нем все виделось рельефным, никогда снова она не увидит трех измерений реальности, обозначенных так четко. Она различала все цвета, видела на любое расстояние. Страх ушел. Она чувствовала азарт охотника и предвкушала завершение охоты. Ее пульс замедлился. Истери-

чески дрожащая мертвая хватка, с которой она держала рогатку, ослабела, затем рука приобрела крепость привычки. Бев глубоко вздохнула, ей казалось, что ее легкие никогда не наполнятся до конца. Смутно, слабо, она слышала отрывистые звуки — не имело значения, что это было. Она отклонилась влево, ожидая, чтобы кошмарная голова Оборотня с абсолютной точностью попала между концов рогатки.

Когти Оборотня снова опустились. Бен пытался опять уклониться, но внезапно оказался в Его железных объятиях. Оно тряхнуло его, как тряпичную куклу. Челюсти Его лязгнули. — Ублюдок...

Бен вонзил большой палец в один из Его глаз. Оно вскрикнуло от боли, и одна из когтистых лап разодрала его рубашку. Бен втянул живот, но один из когтей прочертил линию по его торсу. Кровь хлынула из раны и полилась на его штаны, туфли, пол. Оборотень швырнул его в ванну. Он ударился головой, искры посыпались из глаз; он стал биться, чтобы встать, и увидел, что живот весь в крови.

Оборотень навис над ним. Бен видел с той же сомнамбулической ясностью, что на нем выцветшие джинсы «Леви Страус». Швы их разошлись.

Красный пестрый платок, весь в соплях, вроде тех, что носили машинисты, высовывался из заднего кармана. На спине его черно-рыжей куртки красовалась надпись: «БРИГАДА СМЕРТИ ШКОЛЫ ДЕРРИ». Под ней имя «ПЕННИВАЙЗ». И в центре число «13».

Оно снова пошло на Билла. Он встал на ноги и теперь стоял спиной к стене, глядя на Него в упор.

— *Стреляй в Него, Беверли!* -снова закричал Ричи.

— Би-би, Ричи, — услышала она сама себя за тысячу миль отсюда.

Голова Оборотня вдруг оказалась прямо в развилке. Она прицелилась в один из его зеленых глаз и выстрелила. Руки ее не дрожали; она выстрелила так же точно, как стреляла в консервные банки на свалке в тот день, когда они соревновались, чтобы посмотреть, кто лучше всех.

А в это время Бен думал: *О, Беверли, если ты промахнешься на этот раз, мы все погибли, а я не хочу умирать в этой грязной ванне, но я не могу выбраться.* Но она не промахнулась. Еще один круглый глаз — не зеленый, а мертвый, черный — вдруг возник прямо в центре Его морды: она

целилась в правый глаз и промахнулась менее чем на полдюйма.

Его крик — почти человеческий крик удивления, боли, страха и ярости — был оглушающим. В ушах Бена зазвенело. Затем круглая дыра в Его лбу исчезла, закрытая потоками крови. Кровь не текла, она била из раны фонтаном под высоким давлением. Потоки крови залили лицо и волосы Бена. *Не имеет значения,* -истерически думал Бен. — *Не волнуйся, Билл. Никто так, или иначе не сможет увидеть Его, когда мы выберемся отсюда. Если мы когда-нибудь выйдем.*

Билл и Беверли подошли к Оборотню, и за ними Ричи. Он истерически крикнул:

— Стреляй в него снова, Беверли! Убей Его!

— Убей Его! — крикнул Майк.

— Да, убей Его! — подхватил Эдди.

— *Убей Его!* -кричал Билл, его рот скривился в дрожащую дугу. На волосах налипла беловато-желтая полоска штукатурки. — *Убей Его, Беверли, не дай Ему уйти!*

Боеприпасов не осталось, -бессвязно подумал Бен, — *нам хана. О чем ты говоришь, чем убить Его?* Но он посмотрел на Беверли и понял: если бы до того момента его сердце никогда не принадлежало ей, то оно бы перелетело к ней сейчас.

Она снова натянула резинку, сомкнув пальцы над чашечкой, пряча ее пустоту.

— Убей Его! — крикнул и Бен и неуклюже взобрался на край ванны. Его джинсы и белье до кожи пропитались кровью. Он не имел никакого представления, сильно его ранило или нет. После первоначального шока боли не было, но, наверняка, крови вытекло ужасно много.

Зеленоватые глаза Оборотня вспыхивали и гасли, теперь наполненные страхом так же, как и болью. Кровь ручьем лилась на куртку.

Билл Денбро улыбнулся. Это была кроткая, прекрасная улыбка.., но она не отражалась в его глазах.

— Ты не должен был начинать с моего брата, — сказал он. — Пошли этого мудака в ад, Беверли.

Страх исчез из глаз этого существа — Оно почуяло. С необычайной грацией Оно повернулось и нырнуло в канализацию. Когда Оно уходило, Оно преобразилось. Куртка растаяла прямо на Его шкуре, и она обесцветилась. Череп удлинился, как будто был сделан из воска, который теперь размягчался и начинал плавиться. Его форма изменилась. На одно мгновение Бен подумал, что он почти что видит, какая форма у Него была в действительности, и сердце у него окаменело

внутри грудной клетки, заставив его судорожно всхлипнуть.

Я убью вас всех! -ревел голос из канализационной трубы. Он был плотным, сочным, диким, ни в коей мере не человеческим. — *Убью вас всех.., убью вас всех.., убью вас всех...* Слова угасали и угасали, уменьшаясь, размываясь, исчезая в отдалении, наконец соединились с негромким гудением насосных механизмов, уплывая через трубы.

Дом глухо, еле слышно застонал, будто собирался обвалиться. Но он не обвалился, как заметил Бен, а странным образом сжался до обычных размеров. Какое бы колдовство Оно ни использовало, чтобы заставить дом № 29 на Нейболт-стрит казаться больше, оно теперь утратило силу. Дом сократился, как эластик. Теперь это был дом, который пах сыростью и немного плесенью; лишенный мебели дом, куда заходили бродяги и алкаши выпить, поболтать и укрыться от непогоды. Оно ушло.

Без Него тишина казалась очень громкой.

10

— Мммы должны вввыбраться из этого мместа, — сказал Билл. Он подошел туда, где Бен

пытался встать, и схватил его за протянутую руку. Беверли стояла около стока. Она посмотрела на себя, и хладнокровие исчезло в краске стыда, которая, казалось, обтянула всю ее кожу сплошным теплым чулком. Она, должно быть, глубоко дышала. Трескающиеся отдаленные звуки — это были пуговицы на ее блузке. Их не было ни одной. Блузка раскрылась, ее маленькие груди совсем обнажились. Она попыталась задернуть блузку.

— Рррричи, — сказал Билл. — Помоги мне с Бббеном. Он... Ричи присоединился к нему, затем Стэн и Майк. Вчетвером они поставили Бена на ноги. Эдди подошел к Беверли и неуклюже положил свою здоровую руку ей на плечо.

— У тебя здорово получилось, — сказал он, и Беверли залилась слезами.

Бен сделал два спотыкающихся шага к стене и прислонился к ней перед тем, как снова упасть. Голова его была легкой. Краски мира то возвращались, то снова уплывали. Его тошнило.

Затем он почувствовал рядом руку Билла, сильную и успокаивающую.

— Ччто, ппплохо, Ссоломенная Голова?

Бен заставил себя посмотреть на свой живот. Он нашел, что выполнение двух простых действий — наклон шеи и прикосновение к разрезу

рубашки — потребовало больше мужества, чем ему нужно было, чтобы войти в дом. Он ожидал увидеть половину своих внутренностей у себя на животе, как гротескное вымя. Вместо этого увидел, что поток крови течет ленивым ручейком. Оборотень ранил его глубоко, но явно не смертельно.

Ричи посмотрел на разрез, который круто спускался по груди Бена и исчезал справа над желудком, затем прямо в лицо Бену.

— Он едва не пустил твои кишки на подтяжки. Ты это знаешь?

— Не трепись и катись, — сказал Бен.

Они с Ричи внимательно посмотрели друг на друга, изучая, затем разразились истерическим смехом в одно и то же время, брызгая друг на друга слюной. Ричи взял Бена за руки и толкнул его назад.

— Мы побили Его, Соломенная Голова! Мы побили Его!

— Мы ннне пппобили Его, — сказал Билл сурово. — Нам ппросто пппповезло. Давайте ввввыходить, ппока Оно нне ррешило ввернуться.

— Ккуда? — спросил Майк.

— К Барренсу, — ответил Билл.

Беверли подошла к ним, все еще стягивая блуз-

ку на груди. Ее щеки были ярко-красными. — В штаб? Билл кивнул.

— Дайте мне кто-нибудь рубашку, — попросила Беверли, покраснев еще сильней. Билл внимательно посмотрел на нее, и кровь мгновенно прихлынула к его собственному лицу. Он быстро отвел глаза, но в этот краткий момент Бен успел испытать гнетущую ревность.

В одну единственную секунду Билл узнал ее так, как знал раньше только Бен.

Остальные тоже посмотрели и затем отвернулись. Ричи покашлял в руку. Стен покраснел. Майк отскочил назад на шаг-два, как будто действительно напуганный припухлостью маленькой белой груди, просвечивающей под ее рукой.

Беверли вскинула голову, отбросив назад спутавшиеся волосы. Она все еще была красной, но лицо ее прояснилось.

— Я же не виновата, что я девочка, — сказала она, — или в том, что я становлюсь большой. Кто-нибудь даст мне рубашку?.

— Кконечно, — сказал Билл. Он снял через голову свою белую футболку, обнажая свою узкую грудь, торчащие ребра, загорелые, веснушчатые плечи. — Вввот.

— Спасибо, Билл, — сказала она, и на какой-то момент их глаза встретились. На этот раз Билл не отвел взгляд. Он смотрел твердо, по-взрослому.

— Ппожалуйста, — сказал он.

Удачи тебе. Большой Билл, -подумал Бен, и отвернулся от этого взгляда. Он причинил ему боль, делал больно там, куда ни вампир, ни оборотень никогда не смогли бы попасть. Но в то же самое время была такая вещь, как правила приличия. Слова он не знал, он понимал их смысл. Смотреть на них, когда они глядели друг на друга вот так, было бы так же неприлично, как смотреть на ее груди, высвободившиеся из блузки, когда она надевала через голову футболку Билла.

Пускай так. Но ты никогда не будешь любить ее так, как я. Никогда.

Футболка Билла доходила ей почти до колен. Если бы не джинсы, которые выступали из-под каймы, было бы похоже, что на ней короткая ночная рубашка.

— Ппойдемте, — повторил Билл. — Я нне ззнаю насчет вввас, ппарни, но ммне на сегодня достаточно.

Достаточно оказалось им всем.

11

Через час они оказались в штабе, где были открыты и окно, и люк. Внутри было прохладно, и Барренс в этот день был благословенно спокоен и тих. Они сидели, почти не разговаривая, погруженные каждый в свои мысли. Ричи и Бев взад-вперед передавали «Мальборо». Эдди сделал вдох из аспиратора. Майк несколько раз чихнул и извинился. Он сказал, что подцепил простуду.

— Это единственное, что вы *могли* подцепить, сеньор, — сказал Ричи довольно дружелюбно, и это было все.

Бен думал, что сумасшедшая интерлюдия в доме на Нейболт-стрит уже кажется сном. Он *забудется, сотрется из памяти,* -думал он, — *как стираются из памяти дурные сны. Ты просыпаешься, тяжело дыша и обливаясь потом, а через пятнадцать минут не можешь вспомнить, что тебе снилось.*

Но этого не случилось. Все, что произошло, с того момента, как он пролез через подвальное окно, до момента, когда Билл разбил кухонное окно стулом, чтобы они могли выйти, оставалось ярким и четким в его памяти. Это не был сон. Рана с запекшейся кровью на груди и животе не была сном, и не имело значения, увидит ли ее мать или нет.

Наконец Беверли встала.

— Я должна идти домой, — сказала она. — Хочу переодеться до того, как мама вернется. Если она увидит меня в мальчишечьей рубашке — убьет.

— Убьет, сеньорита, — согласился Ричи, — но она будет убивать вас *медленно.*

— Би-би, Ричи.

Билл смотрел на нее серьезно.

— Я верну твою рубашку, Билл.

Он кивнул и махнул рукой, чтобы показать, что это неважно.

— Тебе не влетит, если ты придешь домой без нее?

— Ннет. Они еддва мменя замечают, ккогда я ррядом. Она кивнула, закусив свою полную нижнюю губу — девочка одиннадцати лет, высокая для своего возраста и уже прекрасная.

— Что будет дальше, Билл?

— Я ннне зззнаю.

— Это ведь не кончилось, так? Билл покачал головой. Бен сказал:

— Теперь Оно захочет нас больше, чем когда-либо.

— Опять серебряные пули? — спросила она его. Он понял, что с трудом может вынести ее взгляд. *Я люблю тебя, Беверли.., разрешимне только это.*

У тебя может быть Билл или весь мир, или все, что тебе нужно.. Дай мне только это, позволь мне продолжать любить тебя, и я думаю, этого будет достаточно.

— Я не знаю, — сказал Бен. — Мы могли бы, но... — Он медлил с ответом, пожав плечами. Он не мог сказать, что он чувствовал, как-то не мог это выразить — это было, как в фильме с чудищем, но это ведь не так. Мумия выглядела очень живой.., что подтверждало ее реальность. То же самое в отношении Оборотня — он мог.., мог свидетельствовать об этом, потому что он видел его не в фильме, он чувствовал в руках его жесткие спутанные волосы, видел маленькое, злобно-оранжевое огненное пятно (как помпон!) в одном из Его зеленых глаз. Эти вещи были.., ну.., они были сонно-реальными. А когда сны становились реальными, они уходили из-под власти спящего и начинали жить своей, мертвой жизнью, способные к самостоятельным действиям. Серебряные шарики действовали, потому что эти семеро ребят были едины в своей вере, что они будут действовать. Но шарики не убили Его. И в следующий раз Оно явится к ним в новом обличье, над которым серебро не властно.

Власть, власть, -подумал Бен, глядя на Беверли.

Сейчас все было в порядке; ее глаза встретили опять глаза Билла, и они смотрели друг на друга, как потерянные. Это длилось только мгновение, но Бену оно показалось вечностью.

Все всегда стремятся к власти. Я люблю Беверли Марш, и она имеет власть надо мной. Она любит Билла Денбро, и поэтому он имеет над ней власть. Но я думаю, и он начинает любить ее. Может быть, это из-за ее лица, каким оно было, когда она говорила, что не виновата, что она девочка. Может быть, ее грудь, которую он видел всего лишь одну секунду. Может быть, просто то, как, она иногда выглядит при хорошем свете, или ее глаза. Не имеет значения. Но если он начинает любить ее, она начинает иметь над ним власть. Супермен имеет власть, но лишь когда творит добрые дела. Бэтмен имеет власть, но даже он не может летать или видеть сквозь стены. Моя мама имеет власть надо мной. А ее хозяин на заводе имеет власть над ней. Все имеют какую-то власть.., кроме, может быть, маленьких детей.

Затем он подумал, что даже маленькие дети имеют власть: они могут кричать до тех пор, пока вы не сделаете что-нибудь, чтобы они замолчали.

— Бен? — спросила Беверли, снова глядя на

него. — Ты что язык проглотил?

— А? Нет. Я думал о власти. Власти... «шариков». Билл внимательно посмотрел на него.

— Я думал, откуда приходит власть, — признался Бен.

— Ооооооно... — начал Билл и закрыл рот. Выражение задумчивости появилось на его лице.

— Я действительно должна идти, — сказала Беверли. — Ведь мы увидимся, а?

— Конечно, приходи сюда завтра. Мы будем ломать вторую руку Эдди, — сказал Стэн.

Все засмеялись. Эдди сделал вид, что бросает аспиратор в Стэна.

— Тоща пока, — сказала Беверли и упорхнула.

Бен посмотрел на Билла и увидел, что он не смеется. На его лице все еще сохранялось задумчивое выражение, и Бен знал, что его нужно будет окликнуть два или три раза, прежде чем он отзовется. Он знал, о чем думал Билл; он сам будет думать об этом несколько дней. Но все время — нет. Одежда, которую матери пришлось латать; игры в салки в Барренсе; а когда первые четыре дня в августе шел дождь, они шли домой к Ричи и играли там, пока дождь сначала накрапывал, а потом лил вовсю. Его мать объявит ему, что она считает, что Пэт Никсон является самой

привлекательной женщиной в Америке, и он ее до ужаса удивит, когда предпочтет ей Мерилин Монро (кроме цвета волос, он считал, Бев похожа на Мерилин Монро). Будет время съесть столько «Твинкиз», «Ринг-Дингз» и «Девил Догз», сколько попадет в его руки, и будет время посидеть на заднем крыльце, читая «Счастливая Звезда и спутники Меркурия». Для всех этих вещей будет время, пока раны на его груди и животе будет затягиваться и начнут чесаться, потому что жизнь продолжается, и в одиннадцать лет, хотя он и был очень понятливым, он плохо представлял себе будущее. Он мог жить с тем, что случилось в доме на Нейболт-стрит. В конце концов, мир был полон чудес.

Но будут странные моменты, когда он снова задумается над этими вопросами: *власть серебра, власть шариков — отчего происходит эта власть? Откуда происходит любая власть? Как ты получаешь ее? Как ты ее используешь?*

Ему казалось, что их жизнь могла зависеть от этих вопросов. Однажды ночью, когда он заснул, а дождь монотонно, убаюкивающе барабанил в окна и по крыше, ему пришло в голову, что есть еще один вопрос, возможно, *единственный.* Оно имеет некоторую реальную сущность, и Бен

почти что видел ее. Увидеть сущность означало увидеть тайну. Это тоже была власть? Возможно, да. Потому что разве неправда, что власть, подобная власти Оно, таилась в изменении формы? Был ребенок, который кричал посреди ночи; была атомная бомба; была серебряная пулька; было то, как Беверли смотрела на Билла, и то, как Билл смотрел на нее.

Что же было этой властью?

12

В последующие две недели ничего особенного не случилось.

ДЕРРИ: ЧЕТВЕРТАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ

"Ты проиграло
Ты не можешь выигрывать все время.
Ты проиграло
Ты не можешь выигрывать все время,
что я говорил!
Я знаю, милая моя,
Я вижу, как печаль опускается на твоем горизонте".
Джон Ли Хукер
«Ты проиграло»
6 апреля 1985

Я вам вот что скажу, друзья и ближние: я сегодня пьян. Пьян в задницу. Ржаное виски. Пошел к Вэлли и начал, потом пошел в шалман на Мейнстрит за полчаса до закрытия и купил бутылку Ржаной. Я знаю, до чего я нажрался. Мы гуляли — веселились, а проспались — прослезились. Итак, вот он сидит один пьяный негр в общественной библиотеке после закрытия, с открытой книгой прямо перед собой и с бутылкой «Старого Кентукки» слева. «Скажи правду и устыдишь дьявола», — говаривала моя мать, но она забыла

сказать, что иногда трезвостью этого парнокопытного не устыдишь. Ирландцы знают, что они, конечно, белые негры Господа, и кто знает, может быть, они на порядок впереди?

Хочу писать о пьянстве и о дьяволе. Помните «Остров сокровищ»? Старый морской волк на «Адмирале Бенбоу». «Мы их еще уделаем, Джеки!» Держу пари, старый мудак даже поверил в это. Нажравшись рому или ржаной, — можно поверить во все, что угодно.

Пьянство и дьявол. О'кей.

Иногда меня забавляет думать, сколько бы я протянул, если бы действительно опубликовал кое-что из этой писанины, которой я занимаюсь во мраке ночи, что-нибудь о Легионе Благопристойности, пожаре в «Блэк-Спот», похождениях банды Бредли.., или о деле Клода Хэро и «Серебряном Долларе».

«Серебряный Доллар» — это была пивная, и то, что явилось самым странным массовым убийством за всю историю Америки, случилось именно там в сентябре 1905-го. В Дерри все еще есть старожилы, которые утверждают, что помнят ее, но единственное свидетельство, которому я действительно доверяю, — это свидетельство Сарагуда. Когда это случилось, ему было восем-

надцать.

Сарагуд теперь живет в доме престарелых Паульсона. У него нет зубов, и его франко-новоанглийский акцент долины Святого Иоанна настолько силен, что, вероятно, только другой старый житель штата Мэн мог бы понять, что он говорит, если бы его разговор был передан фонетически. Сэнди Иве, фольклорист из Мэнского университета, которого я уже упоминал на этих страницах, помог мне перевести мои аудиозаписи.

Клод Хэро был, по словам Сарагуда, «мерзким сыном шлюхи, у которого был взгляд, который сверлил тебя, как кобылий глаз в лунном свете».

Сарагуд говорил, что он — и все, кто работал с Хэро, — верили, что он был хитер, как собака, крадущая цыплят.., когда совершал набеги с топориком на «Серебряный Доллар», все более потрясающие с каждым разом. Это было не все. До тех пор лесозаготовители в Дерри не считали, что таланты Хэро простирались дальше поджогов в лесах.

Лето 1905 года было долгим и жарким, и в лесах бушевало много пожаров. Самый большой из них, который, по его признанию, он учинил, просто поднеся зажженную свечу к вороху щепок

и хвороста, случился в Большом Индейском лесу в Хэвене. Он унес двадцать тысяч акров самой твердой древесины, и дым от него чувствовался в тридцати пяти милях, когда конка тащилась по Ап-Майл-Хилл в Дерри.

Весной того года ходили разговоры об объединении в профсоюзы. Организацией их занимались четыре лесоруба (не то чтобы было много что организовывать — рабочие штата Мэн тогда были противниками союзов, они и сейчас в большинстве своем таковы), и одним из четырех был Клод Хэро, который в своей профсоюзной деятельности видел шанс повыпендриваться и проводить еще больше времени в попойках на Бейкер и Эксчейндж-стрит. Хэро и его компания называли себя «организаторами», а лесопромышленные тузы называли их «главарями». Воззвание, прибитое в столовых в лагерях лесорубов, сообщало, что любой, кого заподозрят в разговорах о профсоюзах, будет немедленно уволен с работы.

В мае того же года в ущелье Трефэм случилась краткосрочная забастовка, и хотя она была прервана тотчас же и рабочими, не желающими вступать в профсоюз, и городскими властями, Хэро и его дружки-организаторы рассматривали ее как великую победу своего дела. Соответственно

они пришли в Дерри, чтобы нажраться и «поорганизовывать».., или повыпендриваться, можно и так и эдак, в зависимости от того, чью сторону вы выбираете. Как бы то ни было, должен был действовать сухой закон. Они вламывались почти во все бары, закончив в сонном «Серебряном Долларе», обняв друг друга за плечи, напившиеся вусмерть, чередуя профсоюзные песнопения с до смешного напыщенными мелодиями наподобие «Глаза матери смотрят с небес», хотя я сам думаю, что любая мать, смотрящая оттуда и видящая своего сына в таком состоянии, могла бы быть прощена за то, что отвернулась.

Согласно Эгберту Сарагуду, единственной причиной, которую можно было усмотреть в участии Хэро в движении, был Дэйви Хартвелл. Хартвелл был главным «организатором», или «главарем», и Хэро был влюблен в него. Он не был единственным; многие причастные к движению любили Хартвелла глубоко и страстно, той гордой любовью, которую мужчины приберегают для тех из своего пола, которые имеют магнетизм, достигающий, по-видимому, святости. Дэйви Хартвелл был человеком, который ходил так, как будто ему принадлежит полмира, а на остальном висел замок.

Хэро вводил Хартвелла в дела организации так, как обучал бы его, если бы решил сделаться судостроителем в Бревере или в Бате, или строить Седьмые эстакады в Вермонте, или пытаться внедрить экспресс-пони на Западе. Хэро был хитрый и подлый, и в каком-нибудь романе у него совсем не было бы никаких положительных качеств. Но иногда, когда человек проводит жизнь, не доверяя другим и не вызывая доверия у них, одинокий (или потерянный), то есть сам по себе, он может найти друга или возлюбленного и жить для этого человека так же, как собака живет для своего хозяина. Вот что, по-видимому, было между Хэро и Хартвеллом.

Так или иначе, четверо провели ту ночь в гостинице «Брентвуд Армз», которую лесорубы тогда называли «Плавучая собака» (почему — покрыто мраком и уже ушло навсегда, как и сама гостиница). Четверо вошли, ни один не вышел. Одного из них, Энди Делессепса, больше никогда не видели. Хотя история говорит, что он будто бы провел остаток своей жизни в приятном покое в Портсмуте, но я как-то сомневаюсь в этом. Двое других главарей, Амсел Бикфорд и Дэйви Хартвелл, были найдены плавающими головой вниз в Кендускеаге. У Бикфорда не было головы — кто-то

снес ее ударом топора лесоруба. У Хартвелла не было обеих ног, и те, кто нашел его, клялись, что никогда не видели на человеческом лице такого выражения ужаса и боли. Кто-то растянул его рот, надув щеки, и когда те, кто обнаружил его, перевернули тело и разжали губы, в грязь выпало семь пальцев его ног. Одни думали, что он, может быть, потерял три других за годы работы в лесах; другие придерживались мнения, что он, может быть, проглотил их перед смертью.

К рубашке каждого была приколота бумажка со словом «Союз».

Клода Хэро так никогда и не предали суду за то, что случилось в «Серебряном Долларе» в ночь на 9 сентября 1905 года, поэтому нет возможности узнать точно, как он избежал судьбы других той майской ночью. Мы можем сделать предположение: долгое время он был сам по себе, выучился быстро прыгать, возможно, воспитал в себе собачью сноровку чуять реальную опасность и выбираться из нее. Но почему он не взял с собой Хартвелла? А может, он был взят в лес остальными «агитаторами»? Может быть, они припасли его напоследок, и он смог убежать, даже когда крики Хартвелла (заглушенные, так как ему в рот засунули пальцы ног) эхом раздавались во

тьме и пугали птиц, разгоняя их с их насестов? Нет возможности узнать наверняка, но это последнее предположение мне кажется наиболее вероятным.

Клод Хэро стал человеком-призраком. Он приходил в лагерь в Долине Святого Иоанна, становился в очередь с другими лесорубами за едой, получал миску похлебки, съедал ее и уходил до того, как кто-то соображал, что он один из той компашки. Через несколько недель после этого он показался в пивнушке «Винтерпорт», говоря о профсоюзе и клянясь, что отомстит тем, кто убил его друзей; Хамильтон Трэкер, Уильям Мюллер и Ричард Бови — вот имена, которые он упоминал чаще всего. Все они жили в Дерри, и их остроконечные, с мансардами дома стоят на Западном Бродвее по сей день. Через годы они и их потомки подожгут «Блэк-Спот».

То, что были люди, которым не понравилось, что Клод Хэро выпутался, не может быть подвергнуто сомнению, особенно после того, как начались пожары в июне того года. Но хотя Хэро часто видели, он был быстр и чувствовал опасность, как зверь. Насколько я сумел выяснить, никакого официального обвинения против него не было выдвинуто и полиция так и не наложила

на него руку. Может, боялись того, что Хэро мог сказать, если бы предстал перед судом за поджог.

Какие бы ни были причины, леса вокруг Дерри и Хэвена горели все то жаркое лето. Исчезали дети, было больше драк и убийств, чем обычно, и облако страха, так же как и облако дыма, распространялось над городом.

Наконец первого сентября пришли дожди, и лило целую неделю. Центр Дерри затопило, что было необычно, но большие дома на Западном Бродвее были выше, и в некоторых из этих больших домов, должно быть, вздохнули облегченно. Пусть сумасшедший «канук» всю зиму прячется в лесах, если это то, чего он хочет, — вот что они могли бы сказать. На это лето его работа сделана, и мы поймаем его до того, как высохнут леса в июне на следующий год.

Потом пришло 9 сентября. Я не могу объяснить, что случилось;

Сарагуд не может это объяснить; насколько я знаю, никто не может. Я могу только пересказать события, которые произошли.

Сонный «Серебряный Доллар» был забит лесорубами, пьющими пиво. Снаружи спускались туманные сумерки. Кендускеаг поднялся высоко и отливал серебром, заполняя свое русло от бе-

рега к берегу, и, согласно Эгберту Сарагуду, «дул дьявольский ветер — он залезал через дырки в штанах и слепил глаза». Улицы превратились в болота. В задней комнате за одним из столов шла карточная игра. Это были люди Уильяма Мюллера. Мюллер был совладельцем железнодорожной ветки «Д.С, и У.М.», а также могущественным лесохозяином, которому принадлежали миллионы акров леса; а люди, которые играли в покер в «Долларе» этой ночью, были частично дровосеки, частично железнодорожные спекулянты-биржевики, но все были в напряге. Двое из них, Тинкер Маккатчесн и Флойд Калдервуд, посидели в тюрьме. С ними был Латроп Раунс (его прозвище, такое же неясное, как и «Плывущая собака», было Эль-Катук), Дэвид Стагли Греньер и Эдди Кинг — бородатый человек, чьи очки были такие же толстые, как и его пузо. Кажется очень вероятным, что они были из тех, кто в течение последних двух с половиной месяцев следил за Клодом Хэро. Кажется вероятным также, что они участвовали в той маленькой резне, которая покончила с Хартвеллом и Бикфордом.

Бар, как рассказал Сарагуд, был переполнен, десятки мужчин перли туда, пили пиво и закусывали, поливая покрытый опилками грязный пол.

Дверь открылась, и вошел Клод Хэро. В руках у него был обоюдоострый топор дровосека. Он шагнул к стойке и локтями раздвинул себе место. Эгберт Сарагуд стоял слева от него; он заметил, что от Хэро пахло, как от лесного хорька. Бармен принес Хэро большой бокал пива, два яйца вкрутую в миске и солонку соли. Хэро сунул ему двухдолларовую ассигнацию и положил сдачу — доллар восемьдесят пять центов в карман куртки. Он посолил яйца и съел их. Он посолил пиво, выпил его и отрыгнул.

— Снаружи места больше, чем внутри, — сказал Сарагуд, как будто половина жителей в северном Мэне не была все это лето в шорохе от Хэро.

— Ты знаешь, *что* это правда, — ответил Хэро со своим всегдашним акцентом.

Он заказал себе еще одно пиво, выпил и снова отрыгнул. Разговор в баре продолжался. Некоторые окликали Клода, и Клод кивал и махал им рукой, но не улыбался. Сарагуд сказал, что он выглядел как человек, который наполовину спит. За столом сзади продолжалась игра в покер. Эль-Катук сдавал. Никто не побеспокоился о том, чтобы сказать игрокам, что Клод Хэро в баре.., хотя, так как их стол был всего лишь в двадцати футах и так как имя Клода произносилось людь-

ми, знавшими его, не один раз, трудно понять, как они могли продолжать играть, не осознавая смертельной опасности. Но вот что произошло.

После того, как Хэро закончил вторую кружку пива, он попросил извинения у Сарагуда, поднял свой топор и повернулся к столу, где люди Мюллера играли в покер. Затем он начал резню.

Флойд Калдервуд только что налил себе стакан Ржаного виски и ставил назад бутылку, когда подошел Хэро и отрубил руку Калдервуда по запястье. Калдервуд посмотрел на руку и закричал: она все еще держала бутылку, но вдруг оказалась ни к чему не прикреплена, кроме мокрых хрящей и вен. На какой-то момент отрубленная рука даже плотнее сжала бутылку, а потом упала и легла на стол, как мертвый паук. Из запястья хлынула кровь.

В баре кто-то требовал еще пива, и кто-то спросил бармена, которого звали Джонси, красит ли он все еще свои волосы. «Никогда не красил их», — ответил Джонси сварливо: он был тщеславен в отношении своих волос.

— Я встретил проститутку в Макортни, которая сказала, что то, что растет вокруг твоего хера, белое, как снег, — сказал парень.

— Она трепло, — ответил Джонси.

— Спусти портки и дай нам поглядеть, — сказал лесоруб по имени Фолкленд, с которым Эгберт Сарагуд состязался в выпивке до прихода Хэро. Это вызвало общий смех.

Позади них пронзительно кричал Флойд Калдервуд. Несколько человек, прислонившись к стойке, случайно повернулись и увидели, как Клод Хэро погрузил свой топор в голову Тинкера Маккатчесна. Тинкер был крупным мужиком с черной седеющей бородой. Он привстал, по лицу его потекла кровь, затем он опять сел. Хэро вытащил топор из его головы. Тинкер начал снова подниматься, и Хэро ударил топором сбоку, погружая его в затылок. Он издал звук, как сказал Сарагуд, как будто тюк белья упал на пол. Тинкер плюхнулся на стол, карты веером посыпались у него из рук.

Остальные игроки заорали. Калдервуд, все еще пронзительно вопя, пытался поднять правую руку левой, его кровь вытекала из обрубка запястья непрерывным потоком. У Стагли Гренье́ра было то, что Сарагуд назвал «пугачом» (означающим пистолет в кобуре под мышкой), и он тянулся за ним абсолютно безуспешно. Эдди Кинг пытался встать и упал прямо со стула на спину. Перед тем, как он смог встать, Хэро встал над ним, расставив

ноги, и занес топор над его головой. Кинг закричал и сжал руки в умоляющем жесте.

— *Пожалуйста, Клод, я только что женился в прошлом месяце!* -вскричал Кинг.

Топор опустился, его основание почти исчезло в огромном животе Кинга. Кровь брызнула на брусчатый потолок «Доллара». Эдди начал пятиться назад по полу. Клод вытащил топор из него так же, как хороший дровосек вытаскивает топор из древесины мягких пород, качая его взад-вперед, чтобы освободиться от цепкого захвата сочной древесной мякоти. Когда топор высвободился, он обрушил его на голову Кинга, затем еще раз, и крик Эдди Кинга прекратился. Однако Клод Хэро не успокоился: он начал кромсать Кинга, как щепки.

В баре разговор переключился на то, какая будет зима. Верной Стэнчфилд, фермер из Пальмиры, заявил, что она будет мягкой — дождь осенью истощает снег зимой. Альфи Ноглер, у которого была ферма на Ноглер-Роуд в Дерри (ее сейчас нет; там, где Альфи Ноглер когда-то выращивал горох, и бобы, и свеклу, теперь на восемь миль тянется шестиколейная железнодорожная ветка), позволил себе не согласиться. Он видел аж восемь колец на некоторых волосатых гусеницах

— неслыханное количество. Еще один обещал гололед; еще кто-то грязь. Надлежащим образом вспомнили ураган 1901-го. Джон-си пустил по бару кружки пива и миски крутых яиц.

А за ними продолжались крики и рекой лилась кровь.

В этом месте моего опроса Эгберта Сарагуда я выключил магнитофон и спросил его: «Как это случилось? Вы говорите, что вы не знали, что это продолжается, или вы знали, но дали этому продолжаться, или еще что?»

Подбородок Сарагуда упал на верхнюю пуговицу его запачканной едой майки. Брови его сдвинулись. Тишина в комнате Сарагуда, маленькой, тесной, пахнущей медикаментами, длилась так долго, что я собрался повторить свой вопрос, когда он ответил: "Мы знали. Но это, по-видимому, не имело никакого значения. Это было своего рода политикой. Да, вроде этого. Как городские дела. Пусть люди, которые разбираются в политике, заботятся о ней, а люди, которые разбираются в городских делах, занимаются *ими.* Такие вещи лучше всего делаются, когда работяги не вмешиваются".

— Вы действительно говорили о погоде и просто боялись выйти и сказать, так? — спросил

я внезапно. Вопрос просто вырвался у меня, и я, конечно, не ожидал, что Сарагуд, который был старым, и медлительным, и неграмотным, ответит на него.., но он ответил совсем без удивления.

— Да, — сказал он, — возможно.

Пока мужчины в баре продолжали говорить о погоде, Клод Хэро продолжал резню. Стагли Греньеру наконец удалось высвободить свой пугач. Топор опускался раз за разом на Эдди Кинга, который уже был разрублен на куски. Пуля, которую выпустил Гренье, попала в основание топора и рикошетом отлетела с искрой и протяжным визгом.

Эль-Катук поднялся на ноги и начал отходить задом. Он все еще держал колоду карт, которую раздавал; карты полетели на пол. Клод пошел за ним. Эль-Катук выставил руки. Стагли Гренье сделал еще один выстрел, который прошел в десяти футах от Хэро.

— Остановись, Клод, — попросил Эль-Катук. Сарагуд сказал, что ему показалось, будто Катук пытался улыбнуться. — Я не был с ними. Я вовсе в этом не замешан.

Хэро только оскалился.

— Я был в Милленоккете, — убеждал Эль-Катук,

его голос поднялся до крика. — *Я был в Милленоккете, клянусь именем своей матери! Спроси любого, если не веришь мнеееее...*

Клод поднял окровавленные топор, и Эль-Катук швырнул остатками карт в его лицо. Топор со свистом опустился. Эль-Катук увернулся. Лезвие топора застряло в обшивке, которая покрывала заднюю стену «Серебряного Доллара». Эль-Катук попытался бежать. Клод вытащил топор из стены и всадил его ему между лодыжками. Эль-Катук рухнул. Стагли Гренье снова выстрелил в Хэро, на этот раз немного удачнее. Он целился в голову сумасшедшего лесоруба — пуля ударила в мясистую часть бедра Хэро.

Тем временем Эль-Катук отчаянно полз к двери, волосы упали на его лицо. Хэро снова опустил топор со злобным рычанием, и через мгновение отрубленная голова Катука катилась по полу, устланному опилками, с причудливо высунутым языком. Она подкатилась к обутой ноге лесоруба по имени Уорни, который провел большую часть дня в «Долларе» и который к тому времени так нагрузился, что не понимал, на земле он или на море. Он отфутболил голову, не глядя, что это такое, и крикнул Джонси принести ему еще пива.

Эль-Катук прополз еще три фута, кровь била из

его шеи сильной струей, прежде чем он окончательно отбросил копыта. Это подстегнуло Стагли. Хэро повернулся к нему, но Стагли выскочил в уборную и запер дверь.

Хэро бросился туда, вопя и беснуясь, слюни текли у него изо рта. Когда он вошел, Стагли не было, хотя холодное, протекающее помещение не имело окон. Минуту Хэро стоял там, опустив голову, мощные руки его были забрызганы кровью и слизью, и затем с ревом смахнул крышки с трех очков. И в этот момент он увидел, как ботинки Стагли исчезают под зазубренной доской, идущей по краю стены туалета. Стагли Гренье с пронзительным криком бежал под дождем по Экскейндж-стрит, весь в дерьме, крича, что его убивают. Он пережил резню в «Серебряном Долларе» — он был единственным, кто пережил, но через три месяца, наслушавшись шуток о методе своего избавления, он навсегда покинул Дерри.

Хэро вышел из туалета и стоял перед ним, как бык после приятного волнения, голова была опущена вниз, топор он держал перед собой. Он тяжело дышал и сопел и был покрыт запекшейся кровью с головы до ног.

— Закрой дверь, Клод, вонища идет до небес, — сказал Сарагуд. Клод уронил топор на пол и

сделал, что его просили. Он пошел к карточному столу, где сидели его жертвы, отфутболив по дороге отрубленную ногу Эдди Кинга. Затем он просто сел и положил голову на руки. Возлияния и разговор в баре продолжались. Через пять минут начали прибывать еще люди, среди них три или четыре заместителя шерифа (за главного был отец Лала Маршена, и когда он увидел все это, у него случился сердечный приступ, и его отправили к доктору Шратту). Клода Хэро повязали. Когда его забирали, он не оказал никакого сопротивления.

Той ночью все бары на Бейкер и Эксчендж-стрит бурлили и кипели от новостей о резне. Праведная ярость начала брать верх, и, когда бары закрылись, более семидесяти человек отправились в город к тюрьме и окружному суду. В руках у них были факелы и фонари. Некоторые несли пистолеты, некоторые — топоры, некоторые — ножовки.

Окружной шериф должен был вернуться из Бангора полуденным автобусом на следующий день, поэтому *его* там не было, а Гус Маршен лежал в лазарете доктора Шратта с сердечным приступом. Два заместителя, которые сидели в конторе, играя в криббидж, услышали, как

идет толпа, и быстро вышли оттуда. Пьяные вломились и вытащили Клода Хэро из тюремной камеры. Он не очень-то протестовал, и казался безучастным.

Они протащили его на своих плечах, как футбольного героя, вынесли на Канал-стрит и там линчевали на старом вязе, нависавшем над Каналом. «Он совсем не сопротивлялся», — сказал Эгберт Сара-гуд. Это было, насколько подсказывают городские хроники, единственное линчевание, которое когда-либо имело место в этой части штата Мэн. И почти нет необходимости говорить, что в «Новостях Дерри» не было никаких сообщений. Многие из тех, кто продолжал беспечно пить, пока Хэро делал свое дело в «Серебряном Долларе», участвовали в линчевании — вздернули его. К полуночи их настроение изменилось.

Я задал Сарагуду последний вопрос: видел ли он кого-нибудь, кого он не знал, в течение этого страшного дня? Кого-нибудь, чей вид удивил его, как странный, не к месту, смешной, даже клоунский? Кого-нибудь, кто бы пил в баре в этот день, кого-то, кто, может быть, обратился в одного из подстрекателей в эту ночь, пока пьянка продолжалась и разговор перешел к линчеванию?

— Может быть, это было, — ответил Сарагуд. Он

устал к тому времени и клевал носом, готовый к послеобеденному сну. — Это было очень давно, мистер. Давным-давно.

— Но вы кое-что помните, — сказал я.

— Я, помню, думал, что по дороге в Бангор должна быть ярмарка, — сказал Сарагуд. — Я в ту ночь гудел в «Кровяной Бадье». «Бадья» была в шести дверях от «Серебряного Доллара». Там был парень.., смешной такой парень.., делал сальто и перевороты.., жонглировал стаканами.., трюки.., клал монеты на свой лоб, и они оставались прямо там.., смешно, знаете ли...

Его костлявый подбородок снова опустился ему на грудь. Он собирался заснуть прямо передо мной. В углах рта начала скапливаться слюна; у рта было столько складочек и морщинок, как на кошельке у леди.

— Видел его несколько раз с тех пор, — сказал Сарагуд. — Думаю, что он, может быть, так хорошо провел время той ночью.., что решил уходить.

— Да. Он долго был поблизости, — сказал я.

Его ответом был слабый храп. Сарагуд заснул в своем кресле у окна с лекарствами, разложенными для него на подоконнике, как солдаты, явившиеся на смотр. Я выключил свой магнитофон и просто сидел какое-то время, глядя на него,

этого странного путешественника по времени с 1890 года, который помнил время, когда не было машин, электрических ламп, самолетов, штата Аризона. И Пеннивайз был там, указывая им дорогу к еще одному жуткому жертвоприношению, еще одному в длинной истории жутких жертвоприношений Дерри. То, которое было в сентябре 1905-го, послужило началом периода страха, включившего взрыв Кичнеровского чугунолитейного завода в следующем году на Пасху.

Это вызывает некоторые интересные (и, насколько я знаю, жизненно важные) вопросы. Что Оно *в действительности* ест, например? Я знаю, что некоторые дети были частично съедены — это показывают отметины-укусы, но, возможно, именно мы заставляем Его делать это. Конечно, с детства мы слышали, что первое, что делает монстр, когда уносит тебя в глухой лес, — так это съедает тебя. Это, вероятно, худшее, что мы можем вообразить. Но в действительности монстры живут верой, не так ли? Я пришел к твердому выводу: пища может давать жизнь, но источник силы — вера, а не пища. И кто более всего способен к всеобщему проявлению веры, как не ребенок?

Но возникает проблема: дети растут. В церкви

сила увековечивается и обновляется периодическими ритуальными действиями. В Дерри тоже власть, по-видимому, увековечивается и обновляется периодическими ритуальными действиями. Может быть, Оно защищается тем, что, когда дети вырастают и становятся взрослыми, они уже либо неспособны к вере, либо искалечены духовным или воображенческим артритом.

Да. Я думаю, секрет здесь. И если я позвоню друзьям, что они вспомнят? Чему они поверят? Достаточно ли этого, чтобы покончить с этим страхом раз и навсегда, или только достаточно, чтобы быть убитым? Их *зовут* -я знаю это очень хорошо. Каждому убийству в этом новом цикле был вызов. Мы почти убили Его дважды, и в конце концов мы загнали его в лабиринт туннелей и в отвратительные вонючие норы под городом. Но мне кажется, я знаю еще один секрет: хотя *Оно* бессмертно (или почти бессмертной, мы — нет. Оно должно только ждать до тех пор, пока акт веры который сделал нас потенциальными убийцами монстра и источниками силы, не станет невозможным. Двадцать семь лет. Возможно, этот период сна для Него такой же короткий и освежающий, как дневной сон для нас. И когда Оно пробуждается, Оно то же самое, но треть

нашей жизни прошла мимо. Наши перспективы сузились, наша вера в колдовство, которая и делает колдовство возможным, износилась, как пара новых ботинок после многодневного хождения.

Зачем звать нас снова? Почему не дать нам просто умереть? Потому что мы почти убили Его, потому что мы напугали Его, я думаю. Потому что Оно жаждет отмщения.

И теперь, теперь, когда мы не верим больше в Санта-Клауса, в Золотой Зуб, в Гензель и Гретель или тролля под мостом, Оно для нас готово. *Возвращайтесь,* -говорит Оно. — *Возвращайтесь, закончим наше дело в Дерри. Приносите всякие свои шарики и свои «берегись»! То-то поиграем! Возвращайтесь, и мы посмотрим, помните ли вы простейшую вещь из всех: как нужно быть ребенком, облеченным верой, и поэтому бояться темноты.*

В этом одном, по меньшей мере, я выигрываю на тысячу процентов я боюсь. Так жутко боюсь!

ЧАСТЬ V. РИТУАЛ ЧУДИ

Этого не надо делать. Все сети сгнили. Вырви кишки из машины, не строй больше мостов. Через какой воздух ты будешь летать, чтобы соединить континенты? Пусть слова падают как угодно – они не спасут любовь. Это будет редкое испытание. Они очень хотят спастись. Наводнение сделало свою работу.
Уильям Карлос Уильямс
«Патерсон»

Смотри и запоминай. Смотри на эту землю,
Далеко-далеко через заводы и траву.
Конечно, да, конечно, они позволят тебе пройти.
Говори тогда и спроси лес и суглинок:
Что ты слышишь? Что шепчет земля?
Землю отняли у тебя: это не твой дом.
Карл Шапиро
«Лекция о путешествии для изгнанников»

Глава 19. ВО ВРЕМЯ НОЧНОГО БДЕНИЯ

1

Общественная библиотека в Дерри, 23.45

Когда Бен Хэнском закончил свой рассказ о серебряных шариках, Майк решил, что всем пора спать.

— На сегодня уже достаточно, — сказал он. Самому Майку явно было более чем достаточно: его лицо казалось усталым и вытянувшимся, и Беверли подумала, что он выглядит просто больным.

— Но мы не закончили, — возразил Эдди. — Как насчет всего остального? Я все еще не помню...

— Майк ппправ, — сказал Билл. — Либо мы вспомним, либо нннет. Я думаю, мы ввспомним. Мы вввспомним все, что нужно.

— Может, все это нам полезно? — предположил Ричи. Майк кивнул.

— Увидимся завтра. — Он посмотрел на часы. — То есть позже сегодня.

— Здесь? — спросила Беверли. Майк медленно покачал головой.

— Я предлагаю встретиться на Канзас-стрит. Где Билл прятал свой велосипед.

— Мы пойдем в Баррснс, — сказал Эдди и вдруг вздрогнул. Майк снова кивнул.

Минуту сохранялась тишина, когда они смотрели друг на друга. Затем Билл поднялся на ноги, за ним встали все остальные.

— Я хочу, чтобы вы были осторожны остаток ночи, — сказал Майк. — Оно было здесь, Оно может вновь появиться там, где вы будете. Но после этой встречи я чувствую себя лучше. — Он посмотрел на Билла. — Я бы сказал, что это еще можно сделать, правда, Билл?

Билл медленно кивнул.

— Да. Я думаю, можно.

— Оно это тоже узнает, — сказал Майк, — и Оно сделает все, что можно, чтобы создать перевес в свою пользу.

— Что мы будем делать, если Оно покажется? — спросил Ричи. — Зажмем носы, закроем глаза, повернемся три раза и прогоним дурные мысли? Бросим волшебную пыль в Его лицо? Споем старые песни Элвиса Пресли? Что?

Майк покачал головой.

— Если бы я мог сказать вам, не было бы никаких проблем, правда? Все, что я знаю — это что есть еще одна сила, по крайней мере была, когда мы были детьми, которая хотела, чтобы мы оста-

лись в живых и сделали свое дело. Может быть, она все еще здесь, — Он пожал плечами. Это был усталый жест. — Я думал, двое, может быть, даже трое из нас исчезнут ко времени нашей встречи. Пропадут или умрут. То, что все мы сегодня вернулись, дает мне повод надеяться.

Ричи посмотрел на свои часы.

— Четверть второго. Как летит время, когда весело, правильно, Соломенная Голова?

— Би-би, Ричи, — сказал Бен и с трудом улыбнулся.

— Ты хочешь пойти со мной дддомой, Беверли? — спросил Билл.

— Конечно, — она надевала пальто. Библиотека казалась теперь очень неспокойной, населенной тенями, пугающей. Билл чувствовал, как эти последние два дня догоняют его сразу, наваливаясь сзади. Если бы это была только усталость, это было бы ничего, но это было больше: чувство, *что он распадается на части, галлюцинирует, сходит с ума.* Ощущение, что за тобой наблюдают. *Может быть, я вовсе и не здесь*, -думал он. — *Может быть, я в лечебнице Оля душевнобольных доктора Сьюарда, с Ренфилдом на пару, — он с мухами, а я с монстрами, оба уверены, что вечеринка продолжается, и разодеты в пух и прах, но не в*

смокингах, а в смирительных рубашках.

— Как ты, Ричи?

Ричи покачал головой.

— Я разрешу Соломенной Голове и Каспбраку проводить меня домой, — сказал он. — Идет, ребята?

— Конечно, — сказал Бен. Он быстро посмотрел на Беверли, которая стояла рядом с Биллом, и почувствовал боль, которую почти забыл. Новое воспоминание встрепенулось, сжало сердце, но затем уплыло.

— Как ты, Мммайк? — спросил Билл. — Пойдешь с нами? Майк покачал головой.

— Я должен...

Тут тишину прорезал пронзительный крик Беверли. Купольный свод вверху собрал его, и это зазвучало подобно смеху привидений-плакальщиц, летающих и хлопающих крыльями вокруг них.

Билл резко повернулся к ней, Ричи уронил свою куртку, раздался грохот стекла, когда рука Эдди смела пустую бутылку из-под джина на пол.

Беверли отпрянула от них, вытянув руки, с лицом белым, как бумага. Ее глаза, глубоко сидящие в темных глазницах, вылезли из орбит.

— *Мои руки!* -воскликнула она. — *Руки!*

— Что... — начал Билл и затем увидел кровь, медленно капающую между его трясущихся пальцев. Он подался вперед и почувствовал болезненное тепло на своих собственных руках. Боль не была острой, она больше напоминала боль, которую чувствуешь в старой заживающей ране.

Старые шрамы на его ладони, шрамы, которые снова появились в Англии, открылись и кровоточили. Он посмотрел по сторонам и увидел, как Эдди Каспбрак тупо уставился на свои собственные руки. Они у него тоже кровоточили. И у Майка. И у Ричи. И у Бена.

— Нам из этого не выбраться, правда? — сказала Беверли. Она заплакала. Этот звук усилился в тихой пустоте библиотеки; само здание, казалось, плачет с ней. Билл подумал, что, если этот звук не прекратится, он сойдет с ума.

— Нас втянули в это, да поможет нам Господь, — она зарыдала еще громче, и тонкая струйка крови потекла из одной ее ноздри. Она вытерла ее тыльной стороной трясущейся руки, и на пол капнуло еще больше крови.

— Бббыстро! — сказал Билл и схватил руку Эдди.

— Что...

— *Быстрее!*

Он протянул другую руку, и через минуту Беверли взяла ее. Она все еще плакала.

— Да, — сказал Майк. Он выглядел ошарашенным. — Это снова началось, не так ли, Билл? Это все началось снова.

— Дддда, я дддумаю...

Майк взял руку Эдди, а Ричи взял другую руку Беверли. На мгновение Бен только смотрел на них, и затем, как будто во сне, он поднял свои окровавленные руки и встал между Майком и Ричи. Он крепко стиснул их руки. Круг замкнулся.

(О, *Чудь, это ритуал Чуди, и Черепаха поможет нам)* Билл попытался крикнуть, но никакого звука не вышло. Он видел, как голова Эдди откинулась назад, как напряглись жилы на его шее. Бедра Бев дважды напряженно дернулись, как будто в оргазме, коротком и остром, как щелчок пистолета. Рот Майка странно двигался — это была гримаса и смех одновременно. В тишине библиотеки двери с шумом открывались и закрывались, звук катился как бильярдные шары. В газетном зале в безветренном урагане разлетелись журналы. В комнате Кэрол Даннер библиотечная печатная машинка Ай-би-эм вдруг ожила и напечатала:

Онстучитсякомне
Вящикпо
Чтовыйговорячтовиделпривидение
Снова

Машинку заело. Она зашипела и издала сочную электронную отрыжку, как будто все внутри было переполнено. На втором стеллаже полка с оккультными книгами вдруг опрокинулась, вывалив Эдгара Кейса, Нострадамуса, Чарльза Форта и апокрифы на пол.

Билл почувствовал усиливающееся ощущение силы. Он смутно ощущал эрекцию, волосы на его голове встали дыбом. Чувство силы было просто чудовищным.

Все двери библиотеки с шумом хлопнули в унисон.

Старинные часы за абонементным столом пробили час.

Затем все прошло, как будто кто-то повернул выключатель.

Они опустили руки, ошеломленно глядя друг на друга. Никто ничего не сказал. Когда ощущение силы прошло, Билл почувствовал, как в него вползает чувство обреченности. Он посмотрел на их белые, напряженные лица, а затем на свои руки. Они были запачканы кровью, но раны, ко-

торые Стэн У рис сделал куском бутылки в августе 1958-го, опять закрылись, оставив только кривые белые линии наподобие связанной веревки. Он подумал: *В последний раз мы семеро были вместе.., когда Стэн сделал эти разрезы в Барренсе. Стэна чет, он мертв. И теперь последний раз мы вшестером вместе. Я таю это,* я *чувствую это.*

Беверли, дрожа, прижалась к нему. Билл обнял ее. Они все посмотрели на него, глазами огромными и яркими в этой сумеречности; стол, длинный стол, за которым они сидели, был завален пустыми бутылками, стаканами, пепельницами — маленький островок света.

— Этого достаточно, — быстро сказал Билл. — Достаточно удовольствия на один вечер. Танцы мы прибережем на другой раз.

— Я помню, — сказала Беверли. Она посмотрела на Билла, глаза у нее были огромными, бледные щеки — сухими.

— Я помню все. Мой отец узнал насчет вас, парни. Бежал за мной. Бауэре, и Крисе, и Хаггинс. Как я бежала. Туннель.., птицы... Оно... *Я помню все.*

— Да, — сказал Ричи. — Я тоже.

Эдди кивнул.

— Насосная станция...

Билл сказал:

— И как Эдди...

— Пойдемте теперь, — сказал Майк. — Отдохнем. Уже поздно.

— Пошли с нами, Майк, — сказала Беверли.

— Нет. Я должен закрыть все двери. И кое-что записать... Миг нашей встречи, если хотите. Я недолго. Давайте.

Они молча пошли к двери. Билл и Беверли были вместе, Эдди, Ричи и Бен за ними. Когда они вышли на широкие гранитные ступеньки, Билл подумал, как молодо выглядит Беверли, как уязвимо... Появилась зловещая убежденность, что он снова может влюбиться в нее. Он пытался думать об Одре, но Одра казалась далеко. Она спала сейчас в их доме на Флит, когда солнце всходило, и молочница начала свой обход.

Небо Дерри снова затянуло, и низкие облака густыми полосами легли на пустынные улицы. Дальше по улице, в черноте вырисовывался дом культуры Дерри, узкий, высокий, викторианской эпохи. Билл подумал, что *всегда, когда ходил в этот дом, он ходил один.*

Ему пришлось подавить дикий смешок. Звук их шагов казался очень громким. Рука Беверли коснулась его руки, и Билл с благодарностью мягко сжал ее.

— Это началось до того, как мы приготовились, — сказала она.

— Были ли мы кккогда-нибудь птотовы?

— Ты был готов, Большой Билл.

Прикосновение ее руки было и неожиданным и необходимым. Он задавал себе вопрос, каким было бы прикосновение к ее груди второй раз в жизни, каким оно будет, и догадывался, что до того как окончится эта длинная ночь, он узнает. Он подумал: *Я люблю тебя, Беверли... Я люблю тебя. Бен тоже любил тебя... Он любит тебя. Мы любили тебя тогда... Мы любим тебя и теперь. Любим больше, потому что это началось. Теперь нет выхода.*

Он оглянулся и увидел библиотеку на расстоянии в полквартала. Ричи и Эдди стояли на верхней ступеньке, Бен — уже внизу, глядя им вслед. Руки его были засунуты в карманы, плечи опущены, и через колеблющуюся линзу низкого тумана казалось, что ему снова одиннадцать лет. Если бы он мог послать Бену мысль, Билл сказал бы ему:

Это не имеет значения, Бен. Любовь — вот что имеет значение, волнение.., когда всегда хочется и никогда не время. Может быть, все это мы берем с собой, когда выходим из голубого и входим

вчерное. Холодный уют, может быть, но это лучше, чем совсем никакого уюта.

— Мой отец знал, — вдруг сказала Беверли. — Однажды я пришла домой из Барренса и он как раз узнал. Я когда-нибудь говорила тебе, что он обычно говорил мне, когда впадал в безумие?

— Что?

— "Я беспокоюсь о тебе, Бевви", — вот что он обычно говорил. — "Я *очень* беспокоюсь".

Она засмеялась, и в то же время ее пробрала дрожь.

— Я думаю, он хотел сделать мне больно, Билл. Я имею в виду.., он делал мне больно раньше, но вот последний раз было по-другому. Он был.., ну, во многом он был странным. Я любила его. Я любила его очень, но...

Она посмотрела на него, возможно, ожидая, что он скажет это за нее. Он не говорил, рано или поздно она должна была сказать это сама. Ложь и самообман стали балластом, который они не могли вынести.

— Я тоже ненавидела его, — сказала она, и ее рука на мгновение сжала руку Билла. — Я никогда раньше никому в жизни этого не говорила. Я думала, Господь поразит меня, если я когда-нибудь скажу это вслух.

— Тогда скажи это.

— Нет.

— Давай. Это причинит боль, но, может быть, лучше вскрыть старый гнойник. Скажи.

— Я ненавидела своего отца, — сказала она и беспомощно зарыдала. — Я ненавидела его, я боялась его, я ненавидела его, я так и не была для него достаточно хорошей девочкой, и я ненавидела его, да, ненавидела, но я и любила его.

Он остановился и прижал ее к себе. Ее руки судорожно обвились вокруг него. Ее слезы намочили ему щеку. Он чувствовал ее тело, зрелое и упругое. Он чуть-чуть отодвинулся от нее, не желая, чтобы она почувствовала его эрекцию.., но она снова прижалась.

— Мы провели там все утро, — сказала она, — играя в салки или что-то в этом роде. Что-то *невинное.* Мы даже не говорили о Нем в тот день, во всяком случае, не тогда.., хотя обычно мы говорили о Нем каждый день. Помнишь?

— Да, — сказал он. — Я помню.

— Небо было в тучах.., жарко. Утром мы много играли. Я пришла домой около одиннадцати тридцати. Я думала съесть бутерброд и миску супа после того, как приму душ. И потом вернуться и снова играть. Родители должны были быть на

работе. Но он был там. Он был дома. Он

2

Лоуэр-Мейн-стрит, 11.30

швырнул ее в комнату, не успела она даже войти в дверь. Она испуганно вскрикнула и затем осеклась, так как ударилась о стену с такой силой, что онемело плечо. Она свалилась на их прогибающийся диван, дико озираясь вокруг. Дверь в переднюю с шумом захлопнулась.

Позади нее стоял отец.

— Я беспокоюсь о тебе, Бевви, — сказал он. — Иногда я *очень*беспокоюсь. Ты это знаешь. Это я тебе говорю, верно? Будь уверена.

— Папа, что...

Он медленно шел к ней через гостиную, лицо у него было задумчивое, печальное, словно неживое. Она не хотела видеть его, но оно было там, как незрячий, слепой блеск грязи на тихой воде. Он задумчиво тер костяшки пальцев правой руки. На нем была его военная форма, и когда она посмотрела вниз, она увидела, что его тупоносые ботинки оставляют следы на мамином ковре. *Я должна вытащить пылесос,* -подумала она бессвязно. — *Пропылесосить. Если он даст мне возможность пропылесосить. Если он...*

Это была грязь. Черная грязь. Ее мозг тревожно заносил ее в сторону. Она снова была в Барренсе с Биллом, Ричи, Эдди и другими. Там, в Барренсе, была черная, липкая, вязкая грязь, как на папиных ботинках, там, в болотистом месте, где штуковина, которую Ричи называл бамбуком, стояла скелетообразной белой рощицей. Когда дул ветер, стебли глухо ударялись друг о друга, производя звук, похожий на шаманские барабаны, но разве ее отец был там, в Барренсе? Разве отец...

ШЛЕП!

Его рука широко размахнулась и ударила ее по лицу. Ее голова с глухим стуком ударилась о стену. Он заложил большие пальцы за ремень и смотрел на нее с выражением мертвого отвлеченного любопытства. Она почувствовала, как теплая струйка крови потекла из левого уголка ее нижней губы.

— Я увидел, что ты становишься взрослой, — сказал он, и она подумала, что он еще что-то скажет, но на этот раз это оказалось все.

— Папа, о чем ты говоришь? — спросила она тихим дрожащим голосом.

— Если ты соврешь мне, я тебя изобью до смерти, Бевви, — сказал он, и она с ужасом заметила,

что он не смотрит на нее, он смотрел на картину «Конюх и Иво» над ее головой на стене над диваном. Сознание опять отвлекло ее куда-то в сторону, и теперь ей было четыре года, она сидела в ванночке со своей голубой пластмассовой лодочкой и мылом «Попи», ее отец, такой большой и такой любимый, стоял около нее на коленях, одетый в серые саржевые брюки и полосатую футболку, с мочалкой в одной руке и стаканом апельсиновой содовой в другой, намыливая ее спину и приговаривая: «Дай мне посмотреть на эти ушки, Бевви, твоей мамочке нужна картошечка на ужин». И она могла слышать, как ее маленькое "я" хохочет, глядя на его слегка серовато лицо, которое, как она тогда думала, должно быть вечным.

— Я не буду врать, папа, — сказала она, — что случилось? Он заколыхался у нее перед глазами, так как подошли слезы.

— Ты была там, в Барренсе, с шайкой парней?

Ее сердце забилось, глаза снова опустились на запачканные грязью ботинки. Той черной, цепкой грязью. Если в нее глубоко вступить, она засосет ботинок.., и Ричи, и Билл считали, что, если так идти, то болото засосет.

— Я играла там в кувыр...

Шлеп! -рука, покрытая твердыми мозолями, снова размахнулась. Она закричала от испуга, обиды и боли. Ее пугал этот взгляд, он никогда *так* на нее не смотрел. Что-то с ним случилось. Он становился страшным... Что, если он замыслил убить ее? Что, если...

(о, *Беверли, остановись, он твой ОТЕЦ, и ОТЦЫ не убивают ДОЧЕРЕЙ)* ...он потерял контроль над собой, а? Что, если...

— Что ты позволила им сделать с тобой?

— Сделать? Что... — она не имела представления, что он имел в виду.

— Снимай штаны.

Ее недоумение возросло. То, что он говорил, казалось, не вязалось одно с другим.

— Что? Почему!?

Его рука поднялась — она отклонилась назад.

— Сними их, Бевви. Я хочу посмотреть, невинна ли ты. Теперь был новый образ, безумнее, чем предыдущие: она видела, как она стягивает джинсы, и одна нога высвобождается из них. Отец с ремнем гонял ее по комнате, когда она пыталась прыгать от него на одной ноге, и кричал: *Я знал, что ты невинна! Я знал это!*

— Папа, я не знаю, что...

Его рука опустилась, теперь не ударяя, а сжи-

мая, стискивая. Она со страшной силой сдавила ее плечо. Бев закричала. Он ее дернул, и в первый раз посмотрел прямо в ее глаза. Она снова закричала — от того, что она увидела там. Там не было.., н*ичего.* Ее отца не было. И Беверли вдруг поняла, что она одна в квартире с Ним, одна с Ним в это сонное августовское утро. Здесь не было того густого, насыщенного ощущения силы и неприкрытого зла, которое она чувствовала в доме на Нейболт-стрит полторы недели тому назад, — Оно было как будто растворено основательным человекообразном отца, — но Оно было здесь, действуя через него.

Он швырнул ее в сторону. Она ударилась о кофейный столик, споткнулась и с криком растянулась на полу. *Вот как это происходит,* -подумала она. — *Я расскажу Биллу, он поймет. Оно в Дерри везде. Оно просто... Оно просто заполняет все пустоты, вот и все.*

Она перевернулась. К ней подходил отец.

— Я знаю, что ты была там, — сказал он. — Мне сказали. Я не поверил этому. Я не верил, что моя Бевви болтается с шайкой парней. Затем, этим утром я увидел тебя сам. Моя Бевви в компании парней. Еще нет двенадцати — и болтаться с компанией парней! — Эта последняя мысль, по-

видимому, повергла его в новый приступ ярости, она прошла током по его костлявому телу. *Нет даже двенадцати!* -крикнул он и ударил ее в бедро, что заставило ее закричать. Его челюсти сжались от этого факта или идеи, или чем это могло еще быть для него, как челюсти собаки, голодной собаки, увидевшей кусок мяса. *Нет даже двенадцати! Нет даже двенадцати! Нет даже ДВЕНАДЦАТИ!*

Он ударил ее. Беверли отползла. Так она добралась до кухонного пространства в квартире. Его ботинок задел ящик под плитой, заставив звякнуть горшки и кастрюли внутри.

— Не убегай от меня, Бевви, — сказал он. — Ты этого не сделаешь, иначе тебе будет хуже. Поверь мне. Поверь своему отцу. Это серьезно. Болтаться с парнями, позволять им Бог знает что делать с тобой — нет даже *двенадцати* -это серьезно, видит Бог. Он схватил ее за плечи и поставил на ноги.

— Ты хорошенькая девочка, — сказал он. — Многие рады позабавиться с хорошенькой девочкой. Многие девочки хотят, чтобы с ними позабавились. Ты была их потаскушкой, у этих мальчишек, Бевви?

Наконец, она поняла, что Оно вбило ему в голову.., хотя часть ее понимала, что эта мысль

могла быть там почти все время; Оно просто использовало инструменты, которые были в распоряжении, чтобы привести ее в действие.

— Нет, папа. Нет, папа...

— *Я видел, как ты куришь!* -взревел он. На этот раз он ударил ее ладонью руки, достаточно сильно, чтобы она отошла какими-то пьяными шагами к кухонному столу, где и растянулась, почувствовав мучительную боль в пояснице. Солонка и перечница упали на пол. Перечница разбилась. Черные цветы появились и исчезли у нее перед глазами. Послышались какие-то звуки в глубине. Она увидела его лицо. Что-то в его лице. Он смотрел на ее грудь. Она вдруг осознала, что ее блузка не заправлена и что на ней нет бюстгальтера. Она снова перенеслась мыслью к дому на Нейболт-стрит, когда Билл дал ей свою рубашку. Она чувствовала, что ее груди просвечивали через тонкую хлопчатобумажную материю, но случайные, быстрые взгляды не беспокоили ее, они казались совершенно естественными.

И взгляд Билла казался более чем естественным — он казался глубоким и обещающим поддержку в случае опасности.

Теперь она чувствовала вину, смешанную с ужасом. Разве ее отец был так не прав? Разве у

нее не было *(ты была их потаскушкой)* мыслей? Дурных мыслей? Мыслей о том, о чем он сейчас говорил?

Это не одно и то же! Никто не смотрел так, как *(ты была потаскушкой)* он смотрит на меня сейчас! Не одно и то же!

Она заправила блузку.

— Бевви?

— Папа, мы просто *играем.* Это все. Мы играем.., мы.., не делаем ничего.., ничего *плохого.* Мы...

— Я видел, как ты куришь, — сказал он, подходя к ней. Его глаза пронзили ее грудь и узкие прямые бедра. Вдруг он заговорил нараспев, высоким голосом мальчишки-школьника, который напугал ее даже больше:

— Девочка, которая будет жевать резинку, будет курить! Девочка, которая будет курить, будет пить! Девочка, которая будет пить, все знают, что такая девочка будет делать!

— Я НИЧЕГО НЕ ДЕЛАЛА! -закричала она ему, когда его руки опустились на ее плечи. Теперь он не хватал и не бил. Его руки были ласковыми. И это-то пугало ее больше всего.

— Беверли, — сказал он с не требующей доказательств сумасшедшей логикой одержимого, — я видел тебя с парнями. Теперь ты должна сказать

мне, что делает девочка с мальчиками в той мерзопакости, если не то, что делают на спине?

— *Оставь меня в покое!* -закричала она ему. Гнев, которого она никогда не подозревала, вырвался из глубины ее. Гнев зажег голубовато-желтое пламя в ее мозгу. Он угрожал ее мыслям. Все время отец пугал ее, все время стыдил ее, все время оскорблял ее. — *Оставь ты меня в покое!*

— Не говори так со своим отцом! — сказал он, вздрогнув.

— *Я не делала того, о чем ты говоришь! Никогда не делала!*

— Может быть. Может быть, нет. Я хочу проверить и убедиться. Я знаю как. Сними штаны.

— *Нет.*

Его глаза расширились, показав пожелтевшую роговую оболочку вокруг интенсивно-голубой радужной.

— *Что* ты сказала?

— Я сказала: *нет.* Его глаза застыли на ее глазах, и, возможно, он увидел там сверкающий гнев, ярчайший взрыв неповиновения. — Кто сказал тебе?

— Бевви...

— Кто сказал тебе, что мы там играем? Это был незнакомец? Это был человек, одетый в оран-

жевое и серебристое? На нем были перчатки? Он выглядел как клоун, даже если он и не был клоуном? Как его звали?

— Бевви, ты должна остановиться...

— Нет, *ты* должен остановиться, — сказала она ему. Он взмахнул рукой, но теперь не раскрыл ее, а сжал в кулак, чтобы разбить что-либо. Беверли нагнулась. Его кулак пронесся над ее головой и врезался в стену. Он взвыл и отступил от нее, поднеся кулак ко рту. Она отбежала от него быстрыми семенящими шажками.

— *Ты вернешься сюда!*

— Нет, — сказала она. — Ты хочешь ударить меня. Я люблю тебя, папа, но я ненавижу тебя, когда ты такой. Ты не можешь этого больше делать.

(*Оно* заставляет тебя делать это, но *ты* не поддавайся) — Я не знаю, о чем ты говоришь, — сказал он, — но лучше подойди сюда. Я не собираюсь еще раз просить тебя.

— Нет, — сказала она, снова заплакав.

— Не заставляй меня идти и сгребать тебя в охапку, Бевви. Ты пожалеешь, если мне придется сделать это. Иди ко мне.

— Скажи мне, кто тебе сказал, — чеканила Беверли, — и я подойду.

Он кинулся к ней с такой кошачьей быстротой,

что, хотя она и подозревала такое движение, он ее почти схватил. Она нащупала ручку кухонной двери, распахнула дверь и побежала по коридору к выходу, побежала как в паническом сне, как она бежала от мисс Керш двадцать семь лет спустя. За ней с шумом ломился в дверь Эл Марш, хлопнув ею так, что она затрещала.

— *ТЫ ВЕРНЕШЬСЯ СЮДА ПРЯМО СЕЙЧАС, НЕМЕДЛЕННО!* -орал он, дергая дверь и преследуя дочь.

Парадная дверь была на задвижке. Она пришла домой через задний вход. Одной дрожащей рукой она возилась с задвижкой, а другая безуспешно нажимала на ручку двери. Сзади опять слышался вопль ее отца; крик *(сними штаны, потаскушка)* животного. Она дернула ручку двери, и та, наконец, распахнулась. Она тяжело дышала, спазмы подступали к горлу. Она обернулась и увидела отца прямо позади себя, уже протягивающего к ней руки, с ухмылкой, обнажившей желтые лошадиные зубы во рту.

Беверли бросилась через дверь и почувствовала его пальцы, зацепившие ее блузку, но не успевшие схватить ее. Она пустилась вниз по лестнице, потеряла равновесие и растянулась на бетонной дорожке, содрав кожу на обеих коленках.

— ТЫ ВЕРНЕШЬСЯ СЮДА ПРЯМО СЕЙЧАС ИЛИ, КЛЯНУСЬ БОГОМ, Я СДЕРУ С ТЕБЯ ШКУРУ!

Она быстро вскочила на ноги.

(*сними штаны)* Из разбитых коленок сочилась кровь. Она оглянулась, и вот он опять, Эл Марш, страж и хранитель, седой человек, одетый в штаны цвета хаки и такую же рубашку с двумя накладными карманами брелок для ключей за поясом, на цепочке, волосы растрепаны. Но в его глазах не было его — того отца, который мыл ей спинку и тер ее животик, потому что он заботился о ней, *очень* заботился и беспокоился; того отца, который однажды пытался заплести ей косичку, когда ей было семь лет, у него не получилось, и он вместе с ней хохотал над тем, как смешно она торчала; того отца, который знал, как делать напиток из яиц с сахаром и с корицей в воскресенье, и напиток этот был вкуснее, чем все то, что можно было купить за четверть доллара в кафе-мороженом Дерри. В его глазах не было отца, мужской руки в ее жизни, мужского начала без всякой сексуальной примеси. Ничего этого не было теперь в его глазах. Она видела там тупого убийцу. Она видела там Его.

И она бежала. Она бежала от Него.

Мистер Паскаль посмотрел, вздрогнув, с того

места, где он поливал свой газон и слушал игру «Ред Секс» по портативному радио, лежавшему на поручне при входе. Детишки Циммермана стояли спиной к старому бомбардировщику «Гудзон», который они купили за двадцать пять долларов и мыли почти каждый день. Один из них держал шланг, другой — ведро мыльной пены. У обоих сосредоточенно отвисли челюсти. Миссис Дентон выглянула из своей квартиры на втором этаже, платье одной из шести дочерей было у нее на коленях, корзиночка портнихи у ее ног, во рту булавки Маленький Ларе Терамениус быстро оттянул свою тележку с тротуара и стоял на пустом газоне Бакки Паскаля. Он заревел, когда Бевви, которая утром спокойно показывала ему, как завязывать сандалики, чтобы они не развязывались, пулей пронеслась мимо него с криком, с широко открытыми глазами. Через минуту пробежал ее отец, страшно крича на нее, и Ларе, которому тогда было три года и который через двенадцать лет погиб в аварии на мотоцикле, увидел в лице мистера Марша что-то страшное и нечеловеческое. У мальчика после этого были кошмары на протяжении трех недель. В них он видел, как мистер Марш превращается в паука.

Беверли бежала. Она отчетливо сознавала, что

она бежит во имя спасения своей жизни. Если ее отец поймает ее сейчас, не имеет значения, что они на улице. Временами люди в Дерри впадали в безумие; ей не нужно было читать газеты или знать исторические хроники Дерри, чтобы понять это. Если он поймает ее, он ее задушит, или изобьет, или убьет. И когда все кончится, кто-то придет и заберет его, и он будет сидеть в камере так же, как отчим Эдди Коркорана сидел в камере, потрясенный и невменяемый.

Она бежала к центру города, встречая все больше и больше людей на своем пути. Они внимательно смотрели — сначала на нее, затем на бегущего по пятам отца, и они смотрели с изумлением, некоторые из них совершенно обескураженные. Но то, что было на их лицах, быстро проходило. Они смотрели и затем продолжали идти по своим делам. Воздух, проходивший через ее легкие, становился теперь тяжелее.

Она пересекла Канал, ноги стучали по цементу, в то время как машины громыхали по тяжелым деревянным торцам моста справа от нее. Слева она могла видеть каменное полукружие, где Канал уходил под город.

Она быстро перебежала Мейн-стрит, не замечая гудков машин и скрежета тормозов. Она бежала

прямо, потому что Барренс лежал в этом направлении. Он был на расстоянии мили, и если она доберется туда, она как-нибудь оторвется от отца на трудном склоне Ап-Майл-Хилл (или на одном из даже более крутых переулков). Это было все, что можно было сделать.

— *ВОЗВРАЩАЙСЯ, СУЧКА, ПРЕДУПРЕЖДАЮ ТЕБЯ!*Когда она добралась до тротуара на дальнем конце улицы, она еще раз оглянулась назад, копна ее каштановых волос упала ей на плечо, когда она оглядывалась. Отец переходил улицу, так же не обращая внимания на движение, как и она, лицо его блестело от пота и покраснело.

Она юркнула в проход, который шел позади складов. Это был тыл зданий, которые окаймляли Ап-Майл-Хилл: «Стар Биф», «Армор Митпакинг», склад Хемпфила, «Игл Биф энд Кошер Мит». Проход был узкий, мощеный булыжником, и еще больше сужался из-за мусорных баков и ведер, расставленных повсюду. Скользкий булыжник покрывали Бог знает какие отбросы и грязь. Там царила смесь запахов, иногда слабых, иногда резких, иногда просто ужасающих.., но все говорило о мясе и бойне. Тучами летали мухи. Внутри некоторых зданий она могла слышать чудовищный визг пил, распиливающих кости. Ее ноги споты-

кались и скользили по булыжнику. Бедром она ударилась об оцинкованный мусорный бачок, и свертки с требухой, завернутые в газеты, рассыпались, как огромные мясные цветы в джунглях.

— ТЫ ВЕРНЕШЬСЯ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, НАЗАД, БЕВВИ! СЕЙЧАС ЖЕ! НЕ ДЕЛАЙ ХУЖЕ, ЧЕМ УЖЕ ЕСТЬ, ДЕВЧОНКА!

Двое мужчин отдыхали в загроможденном проходе Кичнеровского паковочного цеха, прожевывая толстые бутерброды, с ведрами для мусора под рукой.

— Ты в плохом месте, девочка, — сказал один из них мягко. — Похоже, ты со своим папашей залетишь.., в дровяной сарай. Другой засмеялся.

Он догонял. Она могла слышать его громовые шаги и тяжелое дыхание прямо позади себя; взглянув направо, она могла увидеть черное крыло его тени, летящей по высокому дощатому забору.

Затем отец удивленно и злобно вскрикнул, так как, поскользнувшись, он грохнулся на булыжник. Он на минуту отстал, больше не выкрикивая слов, а только выплескивая свою бессвязную ярость, в то время как мужчины в проходе смеялись и хлопали друг друга по спине.

Проход повернул влево.., и она оказалась в

тупике, рот ее отчаянно раскрылся...

Городской мусоровоз плотно закупорил проход. Ни с одной стороны не было даже девятидюймового просвета. Двигатель машины молчал, и она могла различить разговор в кабине мусоровоза. Был обеденный перерыв. До полудня оставалось не более двух-трех минут.

Беверли снова услышала, как он приближается. Она бросилась вниз и нырнула под мусоровоз, работая локтями и сбитыми коленками. Запах выхлопных газов и дизельного топлива смешался с запахом свежего мяса, и эта смесь вызывала у нее тошноту до головокружения. Но она продолжала протискиваться через грязь, слизь и вонь. Один раз она не смогла сдержать крика, когда ее спина прикоснулась к горячей выхлопной трубе машины.

— Беверли? Ты там? — каждое слово сцеплялось с предыдущим на одном дыхании. Она посмотрела назад и встретилась с его глазами, когда он наклонился и пристально посмотрел под грузовик.

— Оставь меня в покое! — бросила она.

— *Сука,* -ответил он густым, сдавленным голосом. Он резко наклонился и начал ползти за ней, неуклюже цепляясь за мусоровоз, чтобы

подтянуться.

Беверли ухватилась за кабину грузовика, сжала одну из огромных шин — ее пальцы до костяшек впились в резину — и с огромным усилием подтянулась. Копчиком она ударилась о передний буфер машины и снова побежала, направляясь теперь к Ап-Майл-Хилл, блузка и джинсы запачканы, вонь от них до небес. Она оглянулась и увидела, как руки отца в грязных пятнах высовываются из-под кабины мусоровоза, как клешни какого-то воображаемого чудовища, вылезавшие в далеком детстве из-под ее кровати.

Быстро, едва соображая, она устремилась между складом Фельдмана и пристройкой братьев Трэкеров. Эта нора, слишком узкая даже для того, чтобы ее можно было назвать проходом, была заполнена разбитыми рамами, сорняками, подсолнухами и, конечно, еще больше — мусором.

Беверли спряталась за груду рам и припала там к земле. Через несколько минут она увидела, как ее отец топчется у входа в нору.

Беверли встала и заспешила к дальнему концу норы. Там было цепное ограждение. Она обезьянкой забралась наверх и на дальнем конце спустилась вниз. Теперь она находилась на земельном участке Теологической семинарии

Дерри. Она побежала к ухоженному газону и к торцу здания. Она слышала, как внутри здания кто-то играл на органе. Звуки тихо и приятно отпечатывались в спокойном воздухе.

Между семинарией и Канзас-стрит стояла высокая изгородь. Она пристально посмотрела через нее и увидела своего отца на дальней стороне улицы, тяжело дышащего, под мышками на рубашке выступили темные пятна пота.

Он смотрел вокруг, руки были опущены по бокам. Его брелок для ключей ярко блестел на солнце.

Беверли смотрела на него, тоже тяжело дыша, сердце, как у крольчонка, *быстро* билось у самого ее горла. Ей очень хотелось пить, ей был неприятен запах горячего пота, исходивший от нее. *Если бы меня изобразили на юмористической картинке,* -подумала она отвлеченно, — *от меня бы исходили вонючие хвосты.*

Отец медленно шел к семинарии.

Беверли задержала дыхание.

Пожалуйста, Господи, я не могу больше бежать. Помоги мне, Господи. Не дай ему найти меня.

Эл Марш медленно подошел к тротуару, прямо к тому месту, где пряталась на дальней стороне

изгороди его дочь.

Господи, дорогой, не дай ему унюхать меня!

Он не унюхал — может быть, потому что после того, как сам упал в проходе и ползал на карачках под мусоровозом, Эл вонял так же ужасно, как она. Он продолжал идти. Он вернулся на Ап-Майл-Хилл, и она следила за ним до тех пор, пока он не скрылся из виду.

Беверли медленно собралась. Ее одежда была покрыта отходами, лицо в грязи, там, где она обожглась о выхлопную трубу мусоровоза, болела спина. Эти физические боли бледнели в сравнении с беспорядочным роем ее мыслей — ей казалось, что она уплыла на край света, и ни один из нормальных стереотипов поведения не подходит. Она не могла себе представить, как идти домой, но не могла и представить, как не идти домой: сегодня она открыто не повиновалась отцу, открыто *не повиновалась* Ему...

Она должна была отбросить эту мысль, потому что она заставляла чувствовать себя слабой и дрожать до боли в желудке. Она любила отца. Разве не было одной из десяти заповедей «Почитай отца и мать твою, и дни твои будут долгими на земле?» Да. Но он не был самим собой. Не был отцом. Он на самом деле был каким-то совершен-

но другим. Самозванцем. Им...

Вдруг она похолодела, так как страшный вопрос пришел ей в голову: случалось ли это с другими? Это или нечто подобное? Она должна предупредить их. Они потревожили Его, и, вероятно, теперь Оно предпринимает шаги, хочет застраховать Себя от того, чтобы они больше никогда Его не задевали. И на самом деле, куда еще можно было пойти? Они были ее единственными друзьями. Билл. Билл бы знал, что делать. Билл бы сказал ей, что делать, Билл бы дал ей то, *что надо.*

Она остановилась там, где край семинарии соединялся с тротуаром Канзас-стрит, и пристально посмотрела вокруг изгороди. Отца явно не было. Она повернула направо и пошла вдоль Канзас-стрит к Барренсу. Возможно, никого из них не было там прямо сейчас, они обедали дома. Но они вернутся. Между тем она могла пойти в прохладный штаб и попытаться собраться с мыслями. Она оставит форточку открытой, так что и солнечный свет попадет к ней и, возможно, она даже поспит. Ее усталое тело и перенапряженный мозг схватились за эту мысль. Поспать, да, это пойдет на пользу.

Ее голова поникла, когда она с трудом прошла

мимо последних домов, перед тем как земля стала слишком крутой для домов, и окунулась в Барренс — пустошь, где, как ни невероятно это казалось, ее отец прятался и шпионил.

Она не слышала шагов позади себя. Мальчишки изо всех сил старались не шуметь. Их уже опередили один раз. Они не хотели, чтобы это повторилось. Они приближались и приближались к ней, ступая как кошки. Белч и Виктор ухмылялись, но лицо Генри было отсутствующим и серьезным. Волосы его были непричесаны и торчали лохмами. У него был такой же рассеянный, не сфокусированный, взгляд, как у Эла Марша в квартире. Один грязный палец он держал на губах, показывая *шшшш*, пока они не приблизились на расстояние тридцати футов.

В это лето Генри постоянно точило какое-то умственное расстройство, мост, соединявший его со здравомыслием, все более сужался. В тот день, когда он позволил Патрику Хокстеттеру ласкать себя, этот мост стал туго натянутым канатом. Канат с треском разорвался в это утро. Он вышел во двор в одних только рваных желтеющих трусах и посмотрел в небо. Призрак ночной луны еще мерцал там, и, когда он посмотрел на него, луна вдруг преобразилась в скелетообразное ухмыля-

ющееся лицо. Генри упал на колени перед этим лицом, охваченный ужасом и радостью. От луны исходили голоса-призраки. Голоса менялись, иногда, казалось, сливались друг с другом в мягком бормотании, которое однажды можно было понять.., но он почувствовал истину, которая состояла в том, что во всех этих голосах был один голос, один разум. Голос велел ему подловить Белча и Виктора и прийти на угол Канзас-стрит и Костелло-авеню около полудня. Голос сказал ему, что он узнает, что нужно делать. Можно не сомневаться в том, что там будет та сука. Он ждал, что голос скажет ему, что делать дальше. Ответ пришел, когда расстояние между ними уменьшилось. Голос пришел не от луны, а от решетки на сточной трубе, которую они миновали. Голос был тихим, но четким. Белч и Виктор посмотрели на решетку завороженно, почти гипнотически, потом снова посмотрели на Беверли.

— *Убейте ее,* -сказал голос из водостока.

Генри Бауэре полез в карман джинсов и вытащил небольшую девятидюймовую штуковину, отделанную по краям как бы слоновой костью. Маленькая хромовая кнопка блестела на одном конце этого сомнительного *предмета прикладного искусства.* Генри нажал на нее.

Шестидюймовое лезвие показалось из щели на конце ручки. Он слегка подкинул его на ладони. Он пошел быстрее. Виктор и Белч, все еще смотря с изумлением, тоже увеличили скорость, чтобы поспеть за ним.

Беверли их *не слышала,* но что-то заставило ее повернуть голову, и она увидела Генри, который подкрадывался тихо, как индеец. Чувство, заставившее ее повернуть голову, было слишком явным, непосредственным и сильным, чтобы его можно было отрицать. Это было чувство того, что за тобой

3

Общественная библиотека Дерри, 1.55

наблюдают.

Майк Хэнлон отложил ручку в сторону и посмотрел на отбрасывающую тень перевернутую нишу главной комнаты библиотеки. Он увидел островки света, отброшенные висящими лампами, увидел книги, тонущие в дымке, увидел лестницу, протягивающую свои грациозные решетчатые спирали к стеллажам. Все было на месте.

И в то же самое время он не верил, что он здесь один. И что больше никого нет.

После того как остальные ушли, Майк сделал уборку с тщательностью, которая вошла в привычку. Он работал на автопилоте, его разум находился за миллион миль.., и двадцать семь лет. Он вытряхнул пепельницы и выбросил пустые бутылки из-под спиртного (положив на них слой мусора, чтобы Кэрол не была шокирована) в ящик за своим столом. Затем он взял швабру и вымел остатки бутылки из-под джина, которую разбил Эдди.

Когда стол был убран, он прошел в читальный зал периодики и собрал разбросанные журналы. Когда он делал эти простые процедуры, его ум перебирал истории, которые они рассказали, концентрируясь на самом главном из того, что они изложили. Они считали, что помнят все; он полагал, что Билл и Беверли — почти все. Но было больше. Это пришло бы к ним.., если бы Оно дало им время. В 1958-м не было возможности подготовиться. Они говорили до бесконечности и, может быть, в конце концов приблизились... Затем подошло 14 августа, и Генри с дружками просто загнали их в канализационные трубы.

Может, я должен был бы рассказать им, -подумал он, кладя на место последние журналы. Но что-то сильно протестовало против этой мысли

— голос Черепахи, подумал он. Возможно, это была часть ее, а возможно, частью ее было и это чувство округлости, приближенности. Может быть, этот последний акт тоже должен повториться, каким-то более современным образом. Он аккуратно сложил фонарики и шахтерские шлемы к завтрашнему дню; у него был план канализации и очистной системы Дерри, они были разложены в том же гамом шкафу. Но когда они были детьми, все их разговоры и все их планы, продуманные или нет, в конце концов упирались в ничто; в конце концов их просто загоняли в канализационные трубы, припирали к стене. Должно ли это случиться опять? Он пришел к заключению, что вера и сила взаимозаменяемы, равноценны. Была ли даже проще окончательная истина? Что никакой акт веры невозможен до тех пор, пока тебя грубо не втолкнули в самую суть вещей, как новорожденного младенца без парашюта выпускают в небо из материнского лона? Когда ты падаешь, тебя заставляют верить в парашют, в существование, не так ли? Дернуть кольцо, когда ты упал — вот и все, что тут можно придумать.

Иисус Христос, я как Фултон Шил в роли негра, -подумал Майк и улыбнулся.

Майк все обдумал и аккуратно разложил свои мысли по полочкам, в то время как другая часть его мозга ждала, что он найдет себя уставшим достаточно, чтобы пойти домой и поспать пару часов. Но когда он действительно закончил, он нашел себя, как всегда, бодрым. Поэтому он пошел к единственному закрытому стеллажу за своей конторкой, открыв проволочную дверцу ключом и заглянул внутрь. Этот стеллаж, якобы огнеупорный, когда сводчатого типа дверь закрывалась и запиралась на замок, содержал ценные первые издания библиотеки, книги, подписанные писателями, давно уже умершими (среди подписанных изданий были «Моби Дик» и «Листья травы» Уитмена), исторические материалы, касающиеся города, и личные бумаги нескольких из тех немногих писателей, которые жили и работали в Дерри. Майк надеялся, если все это кончится хорошо, убедить Билла оставить свои рукописи общественной библиотеке в Дерри. Двигаясь по третьему проходу хранилищ при свете ламп, покрытых жестью, вдыхая знакомые библиотечные запахи пыли, плесени и коричневой, увядающей бумаги, он думал: *Когда я умру, я думаю, я пойду туда с библиотечной карточкой в одной руке и штампом «ПРОСРОЧЕНО» в другой.*

Что ж, может быть, есть и худшие пути.

Он остановился на полпути по третьему проходу. Его записная книжка для стенографических записей с загнутыми уголками, содержащая бегло записанные рассказы о Дерри и его беспокойных похождениях, была засунута между «Старым городом Дерри» Фрика и «Историей Дерри» Мичеда. Он запрятал книжку так далеко, что она была почти не видна. Никто не наткнулся бы на нее, если бы не искал.

Майк взял ее и вернулся к столу, около которого у них было собрание, не забыв выключить свет в закрытом книгохранилище и еще раз запереть проволочную западню. Он сел и просмотрел исписанные страницы, думая о том, какое это странное, изуродованное свидетельское показание: частично история, частично скандал, частично дневник, частично признание. Он не работал над ней с 6 апреля. *Скоро мне понадобится новая книга,* -подумал он, перелистывая несколько пустых страниц, которые остались. Потом он открыл ручку и написал «31 мая» двумя строками ниже последней записи. Он помедлил, отсутствующим взглядом посмотрел на пустую библиотеку и затем начал писать обо всем, что случилось за последние три дня, начиная с теле-

фонного звонка Стэнли Урису.

Он спокойно писал в течение пятнадцати минут, затем начал рассредоточиваться. Он все чаще и чаще останавливался. Образ отрезанной головы Стэна Уриса в холодильнике все время старался вторгнуться в его мысли, окровавленной головы Стэна с открытым ртом, набитым перьями, вываливающейся из холодильника и катящейся по полу по направлению к нему. Он с усилием отогнал это от себя и продолжал писать. Через пять минут он выпрямился и посмотрел вокруг, убежденный, что сейчас увидит, как эта голова катится по старой черно-красной плитке бельэтажа, и глаза у нее такие же стеклянные и пустые, как глаза головы северного оленя в музее.

Не было ничего. Ни головы, ни звука, кроме напряженного биения его собственного сердца.

Ты должен держаться, Майк. Это просто мандраж, вот и все. Больше ничего.

Но это было бесполезно. Слова начали уходить от него, мысли, казалось, рассыпались в разные стороны. Что-то давило на его затылок, и давление, казалось, усиливалось.

За ним наблюдают.

Он положил ручку и встал из-за стола.

— Здесь кто-нибудь есть? — позвал он, и его голос эхом разнесся по залу, отрезвив его. Он облизал губы и попытался снова:

— Билл?.. Бен?..

Билллл... Бенин...

Вдруг Майк решил, что пора домой. Он просто возьмет с собой свою записную книжку. Он потянулся к ней и услышал слабые, скользящие шаги.

Он посмотрел вверх. Пятна света были окружены углубляющимися островками тени. Больше ничего.., по крайней мере, он ничего не мог увидеть. Он ждал, сердце учащенно билось.

Шаги послышались снова, на этот раз он определил направление. Стеклянный переход, который соединял взрослую библиотеку с детской. Там... Кто-то... Что-то...

Двигаясь тихо, Майк прошел к абонементному столику. Двойные двери, ведущие в проход, были открыты и удерживались деревянными распорками, и он мог заглянуть внутрь. Он смог увидеть то, что казалось ногами, и с внезапным обморочным ужасом он подумал, может, это Стэн пришел в конце концов, может, Стэн собирается выйти из тени со своей книжкой про птиц в руках, лицо у него белое, губы пунцовые, на запястьях и до

локтя открытые порезы. *Я в конце концов пришел,* -сказал бы Стэн. — *На это ушло какое-то время, потому что мне нужно было вылезти через дыру в земле, но я в конце концов пришел...*

Раздались его шаги, и теперь Майк мог явственно видеть ботинки — ботинки и рваные хлопчатобумажные штаны. Выцветшие синие тесемки болтались на лодыжках без носков. И в темноте на уровне примерно в шесть футов над этими лодыжками — мерцающие глаза.

Он схватился за поверхность полукруглого абонементного стола, не отводя взгляда от этих глаз. Его пальцы нащупали деревянный угол маленького ящичка — карточки с просроченными книгами. Меньший ящичек — канцелярские скрепки и резинки. Они были на чем-то металлическом и держали его. Это был нож для вскрытия писем со словами «ИИСУС СПАСАЕТ», выдавленными на рукоятке. Хрупкая вещица, которая пришла по почте от баптистской церкви Милости Господней как часть кампании по сбору средств. Майк не посещал службы в течение пятнадцати лет, но церковь Милости Господней была его родной церковью, и он послал им пять долларов — все, что мог. Он давно хотел выбросить это приспособление для вскрытия писем, но оно

оставалось там, среди всего этого беспорядка на его стороне абонемента (сторона Кэрол всегда была безукоризненно чистой).

Он плотно обхватил его и уставился в затемненный проход.

Раздался еще один шаг.., еще один. Теперь рваные хлопчатобумажные штаны были видны до колен. Он мог видеть тело, которому они принадлежали: оно было большим, массивным, неуклюжим. Плечи были округлые, волосах нечесаны. Фигура была похожа на обезьянью.

— Кто вы?

Фигура просто стояла там, пристально его рассматривая.

Все еще испуганный, Майк пришел к мысли, что это не может быть Стэн Урис. Кто бы это ни был, это не Стэн У рис.

Фигура сделала еще один шаг, и теперь свет от лампы, ближайшей к проходу, упал на петли без ремня на джинсах вокруг талии.

Внезапно Майк узнал. Даже перед тем как фигура заговорила, он узнал.

— Привет, ниггер, — сказала фигура. — В кого ты тут кидал камни? Хочешь знать, кто отравил твою чертову собаку?

Фигура сделала еще один шаг вперед, и свет

упал на лицо Генри Бауэрса. Он стал толстым и обрюзгшим, кожа имела нездоровый сальный оттенок, щеки опали и покрылись щетиной, и в щетине этой было белого так же много, как и черного. Три большие волнистые морщины выступали на лбу и над кустистыми бровями. Другие морщины скобками окружали уголки рта с толстыми губами. Глазки были маленькие и ничтожные внутри обесцвеченных мешков плоти — налитые кровью и бессмысленные. Лицо человека, год у которого идет за два, человека, которому в его тридцать девять лет набежало семьдесят три. Но это также было лицо двенадцатилетнего мальчика. Одежда Генри была все еще зеленая от каких-то кустарников, в которых он прятался днем.

— Ты не хочешь поздороваться, ниггер? — спросил Генри.

— Привет, Генри, — ему смутно пришло в голову, что он последние два дня не слушал радио, даже не читал газет, что было его каждодневным ритуалом. Слишком много происходило. Слишком он был занят.

Жаль.

Генри выплыл из коридора между детской и взрослой библиотеками и стоял там, глядя на

Майка своими свинячьими глазками. Его губы разошлись в отвратительной усмешке, обнажив гнилые зубы.

— Голоса, — сказал он. — Ты когда-нибудь слышал голоса, ниггер?

— Чьи голоса, Генри? — он заложил обе руки за спину, как школьник, вызванный декламировать стихи, и переложил приспособление для вскрытия писем из левой руки в правую. Старинные часы, подаренные Хорогом Мюллером в 1923 году, мерно отсчитывали секунды в гладком пруду библиотечной тишины.

— С луны, — сказал Генри. Он сунул руку в карман. — Они шли с луны. Множество голосов.

Он помедлил, слегка нахмурился, потом покачал головой.

— Множество, но в действительности только один. *Его* голос.

— Ты видел Его, Генри?

— Да, — сказал Генри. — Франкенштейн. Оторвал голову Виктору. Ты, должно быть, читал об этом. Звук был как у громадной молнии. Потом Оно пришло за Белчем. Белч дрался с ним.

— Неужели?

— Да. Так я удрал.

— Ты оставил его умирать.

— *Не говори этого!* -Щеки Генри вспыхнули тусклым красным цветом. Он сделал два шага вперед. Чем дальше он проходил от пуповины, связывающей детскую библиотеку со взрослой, тем моложе он казался Майку. Он видел следы распада на лице Генри, но он видел также еще что-то: ребенок, которого воспитывал сумасшедший Батч Бауэре, стал с годами черт знает чем. — Не говори так! Это тоже: убивает меня!

— Оно не убило нас.

Глаза Генри злобно ухмыльнулись.

— Пока нет. Но Оно убьет. И я не оставлю вас, пока Оно не придет, — он вытащил свою руку из кармана. В ней была изящная девятидюймовая штуковина с отделкой под слоновую кость по бокам. Маленькая хромовая кнопочка блестела на одном конце этого сомнительного *предмета прикладного искусства.* Генри нажал ее. Шестидюймовое стальное лезвие показалось из щели на одном конце рукоятки. Он подкинул лезвие на ладони и двинулся к абонементному с голу несколько быстрее.

— Смотри, что я нашел, — сказал он. — Я знал, где смотреть. Его набухшее красное веко хитро подмигнуло.

— Человек на луне сказал мне, — Генри сно-

ва обнажил зубы. — сегодня прятался. Вечером подъехал на попутках. Старик. Я ударил его. Наверное убил. Бросил машину в Ньюпорте. Прямо за городской чертой Дерри я услышал тот голос. Я посмотрел в канаву. Там была одежда. И нож. Мой старый нож.

— Ты что-то путаешь, Генри. Мы сбежали и вы сбежали. Если ОНО хочет нас, оно хочет и вас.

Генри, нахмурясь, покачал головой.

— Нет.

— Я думаю, да. Может быть, ты и делал Его работу, но Оно не играло на фаворитов, правда? Оно получило обоих твоих друзей, и пока Белч дрался с Ним, ты убежал. Но теперь ты здесь. Я думаю, что ты часть Его неоконченного дела, Генри. Я действительно так думаю.

— Нет!

— Может быть, Франкенштейн — это то, чем он тебе являлся? Или оборотень? Вампир? Клоун? А, Генри? *Может быть, ты действительно хочешь увидеть то, на что Оно похоже*, Генри? Мы видели. Хочешь, чтобы я тебе сказал? Хочешь, чтобы я...

— Замолчи! — закричал Генри и двинулся на Майка.

Майк отступил и выставил одну ногу. Генри

запнулся о нее и упал, скользя по истоптанным плиткам, как полотер. Он ударился головой о ножку стола, где этим вечером сидели Неудачники, рассказывая свои истории. Нож выпал из его руки.

Майк пошел за ним. В этот момент он мог прикончить Генри, можно было бы всадить ножик для вскрытия писем «Иисус спасает», пришедший по почте от старой родной церкви, в затылок Генри и затем вызвать полицию. Было бы много официальной чепухи, но не слишком много — не в Дерри, где такие сверхъестественные и дикие события не были чем-то необычным.

То, что остановило его, было осознание, пронизывающее подобно молнии, что, если он убьет Генри, он сделает Его работу так же, как сделал бы Генри Его работу, убивая Майка. И еще что-то: тот, другой взгляд, который он видел на лице Генри, — усталый затравленный взгляд ребенка, с которым плохо обходятся, которого втравили в грязное дело с какой-то неизвестной целью. Генри вырос под действием безумного сознания Батча Бауэрса, наверняка он принадлежал Ему даже прежде, чем он заподозрил, что Оно существует.

Поэтому вместо того, чтобы всадить ножик

для вскрытия писем в уязвимую шею Генри, он попытался схватить его нож. Он неудачно взял его, и его пальцы сомкнулись на лезвии. Не было никакой особенной боли; только красная кровь потекла из трех пальцев правой руки на ладонь, изборожденную шрамами.

Он подался назад. Генри развернулся и снова схватил нож. Майк встал на колени, и оба они сейчас находились друг против друга, кровоточащие: у Майка пальцы, у Генри нос. Генри мотнул головой, и капли улетели в темноту.

— Думаешь, ты такой красавчик! — взвизгнул он хрипло. — Херовы маменькины сынки — вот кто вы все были! Мы могли бы побить вас в честном бою!

— Положи нож. Генри, — сказал спокойно Майк. — Я вызову полицию. Они приедут, возьмут тебя и увезут в Джанипер-Хилл. Ты будешь вне Дерри. Ты будешь в безопасности.

Генри пытался говорить и не мог. Он не мог вынести эту ненавистную шутку, что он будет спасен в Джанипер-Хилл или в Лос-Анджелесе, или в джунглях Тимбукту. Рано или поздно взойдет луна, белая как кость и холодная как снег, и придут голоса-призраки, и лицо луны преобразится в Его лицо, невнятно говоря и смеясь, и

приказывая. Он сглотнул липкую кровь.

— Вы никогда не дрались честно!

— А вы? — спросил Майк.

— У, ниггерсволочьпадлафянь ! — закричал Генри и снова прыгнул на Майка.

Майк наклонился, чтобы избежать его неуклюжего, медвежьего броска, не удержал равновесия и упал на спину. Генри снова ударился о стол, отпрянул, повернулся и схватил руку Майка. Майк взмахнул приспособлением для вскрытия писем и почувствовал, как оно глубоко входит в предплечье Генри. Генри вскрикнул, но вместо того, чтобы отпустить, ухватился сильнее. Он тянулся к Майку, волосы лезли ему в глаза, кровь текла из разбитого носа на толстые губы. Майк попытался оттолкнуть Генри. Генри метнул лезвие блестящей дугой. Все шесть дюймов его вошли в бедро Майка. Оно вошло без всяких усилий, как будто в теплый кусок масла. Генри вытянул его, хлынула кровь, и, крича от боли, Майк сильно оттолкнул его.

Он с трудом встал на ноги, но Генри проделал это быстрее, и Майк едва-едва смог избежать следующего неистового броска. Он чувствовал, как кровь течет из раны ручьем, заполняя ботинок.

Он *попал в мою бедренную артерию, я думаю.*

Боже, он сильно задел меня. Везде кровь. Кровь на полу. Ботинкам капут, черт, купил их только два месяца назад...

Генри снова пошел, тяжело дыша и сопя, как бешеный буйвол. Майк отступил назад и снова замахнулся приспособлением для вскрытия писем. Оно разорвало грязную рубашку Генри и оставило глубокий порез на ребрах. Генри взревел, когда Майк оттолкнул его.

— Грязный мерзкий нигтер! — всхлипнул он. — *Смотри, что ты сделал!*

— Брось нож, Генри, — сказал Майк.

Позади них послышалось хихиканье. Генри оглянулся.., и затем закричал в совершенном ужасе, прижав руки к щекам, как старая обиженная горничная. Взгляд Майка устремился к абонементному столу. Раздалось *«ну, давай!»* -и голова Стэна Уриса вырвалась из-за стола. Пружина поддерживала его перерезанную мокрую шею. Его лицо было синевато-серым от грязи. На каждой щеке — горячечное пятно красного цвета. Большие оранжевые помпоны болтались на месте глаз. Эта гротескная голова Стэна в ящике наклонялась взад-вперед на конце пружины, как один из гигантских подсолнухов рядом с домом на Нейболт-стрит. Ее рот открывался, и визжа-

щий, смеющийся голос монотонно повторял: *Убей его, Генри! Убей ниггера, убей черномазого, убей его, убей его, УБЕЙ ЕГО!*

Майк обернулся к Генри, угрюмо сознавая, что его обманули, устало соображая, чью голову видел Генри. Стэна? Виктора Крисса? Может, своего отца?

Генри взревел и бросился на Майка, лезвие двигалось вверх-вниз, как игла швейной машинки.

— Гей, ниггер! — кричал Генри. — Геееей, ниггер! геееей, ниггер!

Майк отступил, и порезанная нога почти тотчас же подогнулась, и он упал на пол. Он вообще вряд ли чувствовал что-либо в этой ноге. Она была холодной и чужой. Посмотрев вниз, он увидел, что его кремовые туфли теперь стали ярко-красными.

Лезвие Генри мелькало у него перед носом.

Майк нанес удар ножиком для вскрытия писем «ИИСУС СПАСАЕТ», когда Генри сделал вторую попытку. Генри напоролся на него, как жук на булавку. Теплая кровь брызнула на руку Майка. Раздался треск, и, когда он вытащил свою руку, у него была только половина ножика. Остальная часть торчала из живота Генри.

— Геееей, ниггер! — орал Генри, схватившись

за сломанное ост-рис. Кровь текла у него по пальцам. Он смотрел на нее округлившимися, непонимающими глазами. Голова в конце ящика, со скрипом подскакивающая на пружине, пронзительно кричала и смеялась. Майк, чувствуя теперь боль и головокружение, обернулся и увидел голову Белча Хаггинса, — это была пробка от шампанского в человеческом обличье, на ней была бейсбольная шапочка Нью-йоркских «Янкиз», повернутая назад. Он громко застонал, и звук улетел в пространство, отдаваясь эхом в собственных ушах. Он сознавал, что он сидит в луже теплой крови. *Если я не наложу жгут на ногу, я умру.*

— Геееей! Ниптгеееееррррр! — кричал Генри. Все еще сжимая свой кровоточащий живот одной рукой и лезвие другой, он, спотыкаясь, пошел от Майка к библиотечным дверям. Он, как пьяный, шатаясь из стороны в сторону, шел по главной комнате. Генри задел один из пустых стульев и опрокинул его. Дрожащей рукой свалил стопку газет на пол. Он дошел до двери, открыл ее скрюченной рукой и растворился в ночи.

Сознание оставляло Майка. Он старался расстегнуть пряжку своего ремня пальцами, которые он едва чувствовал. Наконец ему удалось открыть

ее и вытащить пояс из штанов. Он наложил ремень на кровоточащую ногу прямо под пахом и сильно затянул его. Держа его одной рукой, он пополз к абонементному столу. Там был телефон. Он не знал, как он доберется до него, но в данный момент это не имело значения. Надо было просто добраться туда. Все кругом качалось, стиралось, скрывалось в серых волнах. Он нащупал зубами язык и сильно укусил его. Боль была немедленной и сильной. Все снова вошло в фокус. Он стал сознавать, что все еще держит сломанную ручку ножика для вскрытия писем, и отбросил ее. Вот, наконец, и абонементный стол — высокий, как Эверест.

Майк поджал здоровую ногу и оттолкнулся вверх, держась за край стола рукой, которая не была на ремне. Его рот растянулся в дрожащую гримасу, глаза сощурились. Наконец ему удалось подняться. Он стоял там, похожий на аиста, и подтягивал к себе телефон. На ленте сбоку были три номера: пожарная, полиция, больница. Дрожащим пальцем Майк набрал номер больницы: 555-3711. Он закрыл глаза, когда телефон начал давать гудки и.., затем они широко открылись, так как ответил голос клоуна Пеннивайза.

— Привет, ниггер! — крикнул Пеннивайз и за-

тем его острый, как разбитое стекло, смех проник в ухо Майка. — Что ты говоришь? Как у тебя? Мне кажется, ты мертв, как ты думаешь? Я думаю, Генри сделал с тобой дело! Хочешь шарик, Майки? Хочешь шарик? Как у тебя? Эй, эй!

Глаза Майка поднялись к циферблату старинных мюллеровских часов, и он увидел без всякого удивления, что их циферблат сменился лицом его отца, серым и осунувшимся от рака. Глаза были обращены наверх, показывая только выпученные белки. Вдруг отец высунул язык, и часы начали бить.

Майк выпустил край абонементного стола. Он качнулся на здоровой ноге и снова упал. Трубка болталась перед ним на проводе, как амулет духовидца. Становилось очень трудно держаться за ремень.

— Привет тебе, Амсс! — кричал Пеннивайз из висящей телефонной трубки. — Вот Король-Рыболов! Я и есть Король-Рыболов так или иначе, и *это* правда. Ты не знал этого, мальчик?

— Если кто-нибудь там есть, — слабо сказал Майк, — настоящий голос за тем, который я слышу, пожалуйста, помогите мне. Меня зовут Майк Хэнлон, и я в общественной библиотеке Дерри. Я опасно ранен и истекаю кровью. Если вы там, я

не могу вас слышать. Мне не дают слышать вас... Если вы там, пожалуйста, поспешите.

Он лег на бок и подтянул ноги так, что оказался в положении плода во чреве матери. Потом два раза обернул правую руку ремнем и сосредоточился на том, чтобы держать ее, в то время как мир уплывал в хлопковых, похожих на воздушные шарики, облаках серого цвета.

— Привет, эй там! — кричал Пеннивайз из свистящего, качающегося телефона. — Как ты, грязный черномазый? Привет

4

Канзас-стрит, 12.30

тебе, — сказал Генри Бауэре. — Как дела, маленькая сука? Беверли моментально среагировала, пустившись бежать. Это была более быстрая реакция, чем они ожидали. Она действительно смогла бы убежать, если бы не ее волосы. Генри схватил их длинную прядь и потянул назад. Он ухмыльнулся ей в лицо. Его дыхание было густым, теплым и вонючим.

— Привет! — сказал Генри. — Куда идешь? Снова играть со своими вшивыми дружками? Я думаю, что отрежу твой нос и заставлю его съесть. Тебе это нравится?

Она пыталась освободиться. Генри смеялся, таская ее за волосы взад-вперед. Опасно блеснул нож на подернутом дымкой августовском солнце.

Внезапно просигналила машина — длинным гудком.

— Эй! Эй! Что вы, ребята, делаете? А ну отпустите девчонку! За рулем хорошо сохранившегося «Форда» марки 1950 года сидела пожилая дама. Она подъехала к обочине и облокотилась на покрытое одеялом сиденье, пристально всматриваясь через окно со стороны пассажира. При виде ее сердитого честного лица ошеломленный взгляд Виктора Крисса переключился на Генри.

— Что...

— Помогите! — закричала пронзительно Бев. — У него нож. *Нож!*Гнев пожилой леди обернулся беспокойством, удивлением и даже ужасом.

— Что вы, мальчики, делаете? *Отпустите* ее!

Через улицу — Бев видела это совершенно отчетливо — Герберт Росс встал со своего шезлонга на крыльце, подошел к перилам и посмотрел окрест. Его лицо было таким же отсутствующим, как у Белча Хаггинса. Он свернул газету, повернулся и спокойно пошел в дом.

— Оставьте *ее!* -пронзительно закричала старая женщина.

Генри обнажил зубы и вдруг побежал к ее машине, волоча за собой за волосы Беверли. Она споткнулась, упала на одно колено, ее тошнило. Боль в волосах была чудовищной, непереносимой. Она чувствовала, что часть ее волос вырвана с корнем.

Пожилая женщина закричала и закрыла окно со своей стороны. Генри размахнулся, и лезвие разбило стекло. Нога женщины нажала на педаль сцепления маленького «Форда», и машина выехала на Канзас-стрит тремя большими рывками, влетев на обочину, где и застряла. Генри шел за машиной, все еще волоча Беверли за волосы. Виктор облизал губы и огляделся вокруг. Белч надвинул на лоб бейсбольную кепку, которую он носил — «Нью-Йорк Янкиз» и застыл, ничего не понимая.

Бев видела испуганное лицо пожилой женщины в течение какого-то мгновения, затем женщина схватилась за дверцу сначала со стороны пассажира, затем со своей стороны. Двигатель «форда» со скрежетом заработал и пошел. Генри поднял ногу в ботинке и ударил в задний фонарь.

— Убирайся отсюда, тощая старая сука!

Шины заскрипели, когда старая женщина сно-

ва выехала на улицу. Приближавшийся пикап свернул в сторону, чтобы не столкнуться с ней, он сигналил не умолкая. Генри повернулся к Беверли, снова начиная улыбаться, и тут она ногой в спортивном кеде ударила его прямо по яйцам.

Улыбка на лице Генри сменилась гримасой дикой боли. Нож выпал из рук и стукнулся о мостовую. Другая рука отпустила ее волосы (отпуская, дернула еще раз, очень сильно), и он упал на колени, крича и держась за пах. Она видела прядь своих собственных волос у него в руке, и в этот момент весь ее ужас превратился в бешеную ненависть. Она сделала глубокий, толчком, вздох и нанесла сильный удар по голове.

Затем повернулась и побежала.

Белч проковылял за ней три шага и остановился. Он и Виктор подошли к Генри, который отстранил их и пытался подняться на ноги, обеими руками все еще держась за яйца; не в первый раз в то лето его били в это место.

Он наклонился и подобрал лезвие.

— ..вай, — хрипел он.

— Что, Генри? — озабоченно спросил Белч.

Генри повернул к нему лицо, в котором было столько физической боли и неприкрытой ненависти, что Белч отступил на шаг.

— Я сказал.., давай! — закричал он и неуклюже заковылял по улице за Беверли, держась за пах.

— Мы не сможем теперь ее поймать, Генри, — сказал Виктор озабоченно. — Черт, ты еле ходишь.

— Мы поймаем ее, — тяжело дышал Генри. Его верхняя губа поднималась и опускалась в бессознательной, собачьей ухмылке. Капли пота скопились у него на лбу и сбегали вниз по разгоряченным щекам. — Мы поймаем ее, да. Потому что я знаю, куда она идет. Она идет в Барренс к своим дерьмовым

5

Гостиница Дерри, 2.00

друзьям, — сказала Беверли.

— Хмм? — Билл посмотрел на нее. Его мысли были далеко. Они шли, держась за руки, молчание между ними было красноречивее слов — они были захвачены друг другом. Он уяснил только последнее слово из того, что она говорила. За квартал от них, в густом тумане светились огни гостиницы.

— Я говорю, что вы были моими лучшими друзьями. Единственными друзьями, которые у меня когда-либо были, — она улыбнулась. — Дружить

я никогда не умела, как мне кажется, хотя у меня есть в Чикаго хороший друг. Женщина, которую зовут Кэй Макколл. Я думаю, тебе бы она понравилась, Билл.

— Возможно. Я сам никогда особенно не умел дружить, — он улыбнулся. — Тогда, тогда мы были всем, в чем мы нуждались.

Он увидел капельки влаги на ее волосах и подумал про себя, что свет образовал нимб вокруг ее головы. Ее серьезные глаза повернулись к нему.

— Мне сейчас что-то нужно, — сказала она.

— Чччто это?

— Мне нужно, чтобы ты поцеловал меня, — сказала она. Он подумал об Одре, и в первый раз ему пришло в голову, что она *похожа* на Беверли, Он подумал, что, может быть, это все время привязывало его к Одре, по этой причине он нашел достаточно смелости пригласить Одру к концу голливудской вечеринки, на которой они познакомились. Он почувствовал острую боль вины.., и заключил Беверли, друга детства, в свои объятия.

Ее поцелуй был крепким, и теплым, и сладостным. Ее груди касались его открытого пальто, и бедра ее двигались к его.., назад.., и снова к его бедрам. Когда ее бедра отодвинулись назад во

второй раз, он запустил обе руки в ее волосы и приблизился к ней. Когда она почувствовала, как она напрягается, она издала легкий стон и уткнулись лицом в его шею. Он почувствовал слезы на своей коже, теплые и таинственные.

— Пошли, — сказала она. — Быстро.

Он взял ее за руку и так они прошли до гостиницы. Вестибюль был старый, увитый растениями, на нем лежало какое-то увядающее очарование. Убранство очень напоминало девятнадцатый век. В этот час здесь не было никого, кроме администратора, который был едва виден за своей конторкой; он смотрел телевизор, постукивая ногами по столу. Билл нажал кнопку третьего этажа пальцем, который немного дрожал — возбуждение? нервозность? вина? все вместе? О, да, конечно, и еще какая-то безумная радость вместе со страхом. Это смешение чувств было неприятно, но чувства эти казались необходимыми. Он провел ее по коридору до своего номера, как-то смущенно решая, что если ему суждено быть неверным, то этот факт измены должен завершиться у него, а не у нее. Он понял вдруг, что вспоминает о Сьюзен Браун, своем первом литературном агенте и своей первой любовнице.

Обманывать. Обманывать свою жену. Он

пытался обдумать это, но оно казалось одновременно и реальным, и нереальным. Что было самым сильным — так это несчастное чувство ностальгии, старомодное чувство измены. Одра была сейчас дома, варила кофе, сидя за кухонным столом в своем халате, может быть, учила роль, может, читала роман Дика Френсиса.

Его ключ задвигался в замке номера 311. Если бы они вошли в номер Беверли на пятом этаже, они бы увидели зажженный огонек на ее телефонном аппарате, администратор, который смотрел телевизор, оставил ей извещение позвонить подруге Кэй в Чикаго (после третьего неистового звонка Кэй он в конце концов вспомнил об этом), дело, возможно, приняло бы другой оборот: им пятерым можно было бы не скрываться от деррийской полиции, когда наступит тот день. Но они пошли в его номер — так, возможно, было предначертано.

Дверь открылась. Они были внутри. Она посмотрела на него. Глаза ее горели, щеки пылали, грудь быстро вздымалась и опускалась. Она взял ее руки и был ошеломлен чувством правдивости, *справедливости* -чувством соединения прошлого и настоящего, и на этом соединении не было никаких швов. Он неуклюже захлопнул дверь

одной ногой, и она тепло улыбнулась ему.

— Мое сердце, — сказала она и положила его руку на свою грудь. Он чувствовал его под этой твердой, сводящей с ума мягкостью, оно работало как мотор.

— Твое сссердце...

— Мое сердце.

Они сидели на кровати, все еще одетые, целуясь. Ее рука скользнула внутрь его рубашки, затем назад. Она нащупала пальцами ряд пуговиц, задержалась на талии.., и затем тем же пальцем скользнула ниже, нащупывая твердую упругость его члена. Мышцы, о которых он и не думал, напряглись и задрожали у него в паху. Он оборвал поцелуй и отодвинулся от нее на кровати.

— Билл?

— Должен осссстановиться на минуту, — сказал он. — Иначе я выпущу в шшшштаны, как мальчишка.

Она снова нежно улыбнулась, и посмотрела на него.

— Так ли? Или у тебя какие-то подспудные мысли?

— Подспудные мысли, — сказал Билл. — У меня они вввсегда.

— У меня нет. Я ненавижу его, — сказала она.

Он посмотрел на нее, ее улыбка погасла.

— Я этого не знала даже отдаленно всего две ночи назад, — сказала она. — О, я знала это, где-то там, с самого начала. Он бьет и причиняет мне боль. Я вышла за него замуж, потому что.., потому что мой отец всегда беспокоился обо мне, я думаю. Как бы я ни страдала, он все-таки беспокоился. Я думаю, я знала, что он одобрил бы Тома. Потому что Том тоже беспокоился. Он *сильно* беспокоился. И пока кто-то заботился обо мне, я была цела и невредима. Более чем цела. *Реальна.*

Она посмотрела на него серьезно. Ее блузка вылезла из брюк, обнажив белую полоску живота. Он захотел поцеловать ее.

— Но это не было реальным. Это был кошмар. Быть замужем за Томом походило на возвращение в кошмар. Почему человек так поступает, Билл? Почему человек сам, по собственному желанию, возвращает себя в кошмар?

Билл сказал:

— Единственная причина, которую я могу пппредставить, это что лллюди возвращаются, ччтобы нннайти ссебя.

— Кошмар здесь, — сказала Бев. — Кошмар — это Дерри. Том кажется мелочью по сравнению с этим. Я сейчас могу лучше его видеть. Я ненавижу

себя за годы, проведенные с ним... Ты не знаешь.., то, что он заставлял меня делать, и, ох, я была достаточно рада делать это, ты знаешь, потому что он заботился обо мне. Я бы заплакала.., но иногда слишком стыдно. Ты знаешь?

— Не надо, — сказал он спокойно, и положил свою руку на ее. Она плотно ее сжала. Ее глаза были полны блеска, но слезы не шли. — Это есть у каждого. Но это не эээкзамен. Просто ты проходишь это так, ккак ты можешь.

— Я имею в виду, — сказала она, — что я не обманываю Тома и не пытаюсь использовать тебя, чтобы как-то отомстить ему или что-нибудь в этом роде. Для меня это что-то естественное, здоровое, сладкое. Но я не хочу причинять тебе боль, Билл. Или втягивать тебя во что-то, о чем бы ты потом жалел.

Он думал об этом, думал об этом по-настоящему глубоко и серьезно. Но маленькое странное воспоминание — *он стучится ко мне и так далее* -снова задвигалось в нем, врываясь в его мысли. Это был длинный, долгий день. Звонок Майка и его приглашение пообедать были сто лет назад. Так много всего случилось с тех пор.

— Друзья не ооообманывают друг дддруга, — сказал он и наклонился над ней. Их губы сомкну-

лись, и он начал расстегивать ее блузку.

Одна ее рука переместилась к нему на затылок и прижала его к себе, а другая сначала расстегнула молнию на слаксах, а потом сдернула их. Какой-то момент его рука, теплая рука, лежала на ее животе, стягивая трусы; потом легкий толчок, и она сама направила его.

Когда он вошел в нее, она мягко изогнулась под ним и пробормотала:

— Будь моим. Я люблю тебя, Билл.

— Я тоже люблю тебя, — сказал он, улыбаясь в ее голое плечо. Они начали медленно, и он почувствовал, как пот начинает стекать по его коже, когда она задвигалась быстрее под ним. Его сознание начало растворяться, сосредоточиваясь все более и более на их единении. Ее поры раскрылись, издавая прекрасный мускусный запах.

Беверли почувствовала приближение оргазма. Она шла к нему, работая для него, никогда не сомневаясь, что он наступит. Вдруг ее тело замерло и, казалось, взлетело вверх, но не в оргазме, а в чем-то гораздо высшем, чем то, что она имела с Томом или с двумя любовниками, которых имела до Тома. Она стала сознавать, что она не просто кончит — это будет тактическое оружие. Она немного испугалась.., но ее тело снова подхвати-

ло ритм. Она чувствовала твердую плоть Билла, все его тело вдруг стало таким же твердым, как часть его в ее лоне, и в этот самый момент она достигла высшей точки — *начала* достигать высшей точки, удовлетворения настолько огромного, что оно было почти агонией, затопившей все глубинные шлюзы, и она укусила его плечо, чтобы подавить крик.

— О, Боже мой, — он глубоко, счастливо вздохнул, и, хотя она потом не была в этом полностью уверена, она подумала, что он плачет. Он отодвинулся, и она подумала, что он собирается выйти из нее — она пыталась подготовиться к этому моменту, который всегда приносил скоротечное, необъяснимое чувство потери и пустоты, и затем он снова с силой вошел в нее. Прямо тут же у нее был второй оргазм, чего она за собой раньше не знала, и окошко памяти открылось снова, и она увидела птиц, тысячи птиц, спускающихся на конек каждой крыши, телефонные провода, на каждый почтовый ящик в Дерри, весенних птиц в белом апрельском небе, и пришла боль, смешанная с удовольствием — удовлетворением, — но она была тихой, каким кажется белое весеннее небо. Тихая физическая боль, смешанная с тихим физическим наслаждением и каким-то безум-

ным чувством самоутверждения. Она таяла.., она.., она...

— *Вы все?* -закричала она вдруг, глаза расширились, ошеломленные.

Он отделился, вышел из нее на этот раз, но в этом внезапном приливе откровения она едва почувствовала его движение.

— Что? Беверли? У ттебя ввсе ввв....

— *Вы все? Я занималась любовью со всеми вами?*Она увидела потрясенное удивление на лице Билла, его отвисшую челюсть.., и внезапное понимание. Но это было не ее открытие; даже в своем собственном шоке она увидела это. Это было его собственное.

— Мы...

— Билл? Что это?

— Это был тттвой способ вывести нннас, — сказал он, и теперь в его глазах было столько изумления, что они напугали ее, — Беверли, тттты *не понимаешь?* Это был *тттттвой способ вывести нас!* Мы все.., но мы были...

Вдруг он испугался, не уверенный в своих силах.

— Теперь ты помнишь остальное? — спросила она. Он медленно покачал головой.

— Не тточно. Но... — Он посмотрел на нее, и

она увидела, что он очень испуган. — Что я действительно вспомнил, так это, что мы *хххотели* выйти. И я не увверен... Беверли, я не уверен, что взрослые могут так делать.

Бесконечно долгий миг она смотрела на него ничего не говоря, затем села на край кровати. Тело ее было гладким и прекрасным, линия позвоночника была едва различима в полумраке, когда она нагнулась, чтобы снять чулки, которые все еще были на ней. Волосы гривой падали на одно плечо. Он подумал, что захочет ее снова к утру, и снова пришло чувство вины, но оно сглаживалось оправданием, что Одра через океан отсюда. *Опусти еще один пятицентовик в автомат,* -подумал он. — *Эта мелодия называется «То, о чем она не знает, не причинит ей боль». Но где-то болит. В пространстве между людьми, может быть.*

Беверли встала и поправила кровать.

— Идем спать. Нам нужен сон. Обоим.

— Ххорошо.

Правильно, уже было поздно. Больше всего на свете он хотел спать.., но не один, не сегодня. Последний шок прошел — слишком быстро, может быть, но он чувствовал себя таким уставшим, таким изнуренным. Расписанная по секундам

реальность была похожа на сон; вместо вины он просто чувствовал, что это безопасное место. Можно будет полежать здесь немного, поспать в ее объятиях. Он нуждался в ее тепле и дружелюбии. Оба они были сексуально заряжены, но теперь это не могло причинить боли никому из них.

Он снял носки и рубашку и устроился рядом с ней. Она прижалась к нему своими теплыми грудями, прохладными длинными ногами. Билл держал ее, чувствуя разницу — ее тело было длиннее, чем у Одры, и полнее в груди и в бедрах, но это было желанное тело.

С *тобой должен был быть Бен, дорогая,* -подумал он сонно. — *Я думаю так должно было быть. Почему это не был Бен?*

Беверли прижалась к нему — не ради секса, а просто чтобы почувствовать тепло его тела. Она сама уже наполовину засыпала. Ее счастье здесь с ним, после всех этих лет, было реальным. Она знала это из-за привкуса горечи. Была ночь, и может быть, у них будет еще раз завтра утром. Затем они спустятся в водосточные трубы, как они делали это раньше, и найдут Его. Круг будет сужаться, их нынешняя жизнь плавно сольется с их детством; они окажутся на какой-то безумной

ленте Мебиуса.

Или это случится, и они там все умрут.

Она перевернулась. Его рука скользнула по ее боку и нежно обняла одну грудь. И ей не нужно было ждать, не смыкая глаз, не сожмется ли вдруг эта рука в кулак.

Сон подступил к ней, и мысли ее начали путаться. Как всегда, она увидела россыпи сияющих цветов, когда пересекала границу яви и сна — мирриады этих цветов расцветали под голубым небом. Они увядали, и возникало ощущение падения — такое ощущение, от которого она иногда просыпалась в поту, готовая вот-вот закричать. Детские сны с падением, как она прочитала в тексте по психологии в колледже, были нормальным явлением.

Но на этот раз не было резкого толчка; она могла чувствовать тепло и приятную тяжесть руки Билла, могла чувствовать, как он ласкает ее грудь. Она подумала, что, если бы она падала, она бы падала не одна.

Затем она коснулась земли и побежала: этот сон, каким бы он ни был, шел быстро. Она бежала сквозь сон, сквозь тишину, а может быть, просто сквозь время. Годы шли быстро. Годы бежали. Годы летели. Если вы повернетесь и побежите

за своим детством, вам не нужно сдерживать свой бег.

Двадцать девять лет — в этом году она покрасила волосы.

(*еще быстрее...)* Двадцать два — в этом году она влюбилась в футболиста по имени Грег Мэллори, который чуть не изнасиловал ее после вечеринки землячества.

(*быстрее, быстрее...)*

Шестнадцать — напилась с двумя подружками на обзорной площадке Горы Синей Птицы в Портленде.

Четырнадцать...

Двенадцать...

(*быстрее, быстрее, быстрее...)*

Она бежит сквозь сон вдогонку за своими двенадцатью годами, перепрыгивая через барьер памяти, который Оно поставило перед ними (чувствуется холодный туман в ее работающих сонных легких), возвращаясь назад в свое одиннадцатилетие, бежит, бежит как очумелая, бежит, чтобы сразиться с дьяволом, оглядываясь теперь назад, оглядываясь

6

Барренс, 12.40

через плечо, чтобы увидеть какой-либо признак их, когда она скользила и взбиралась по насыпи. Никакого признака, по крайней мере пока. Она подумала об отце, и волна вины и страха накатила на нее.

Она посмотрела под шатающийся мостик, надеясь увидеть Сильвера, но Сильвера не было. Был тайный склад игрушечных пистолетов, о которых они больше не беспокоились и не брали домой, и больше ничего. Она оглянулась назад еще раз и увидела их. Белч и Виктор, поддерживая между собой Генри, стояли на краю насыпи, как индейцы-дозорные в фильме Рэндольфа Скотта. Генри был ужасно бледен. Он указывал на нее. Виктор и Белч начали помогать ему спускаться по склону. Грязь и гравий осыпались с их ботинок.

Беверли смотрела на них долго, как загипнотизированная, затем она повернулась и побежала через ручеек, который вытекал из-под моста, игнорируя специально положенные Беном камни, ее кеды поднимали фонтаны воды. Она бежала по тропинке, дыхание жаром стискивало ей горло. Она чувствовала, что мышцы ее ног дрожат.

Теперь ей осталось немного. Землянка штаба. Если она сможет добраться туда, она окажется в безопасности.

Она бежала по дорожке, ветки хлестали ее по щекам, одна попала ей в глаз и заставила его заслезиться. Она срезала вправо, запутавшись в лабиринте подлеска, и вышла к просвету. И замаскированный люк, и щель-окно были открыты, доносились звуки рок-н-ролла. Услышав, что кто-то приближается, Бен Хэнском резко вскочил. В одной руке у него была коробка мятных конфет, в другой — комиксы Арчи.

Он увидел Бев, и рот его раскрылся. При других обстоятельствах это было бы забавно.

— Бев, какого черта...

Она не потрудилась ответить. Позади нее, и не очень далеко, она услышала удары и хлест веток; слышалась громкая ругань. Чувствовалось, что Генри оживал и обретал энергию. Поэтому она просто влетела в квадратное отверстие люка. В ее волосах запутались зеленые листья и прутики, а также всякая дрянь, которую она собрала, когда пролезала под мусоровозом.

Бен увидел, что она заходит на посадку, как 101-й воздушно-десантный, и исчез так же быстро, как показался. Беверли прыгнула, и он неуклюже схватил ее.

— Закрой все, — сказала она, тяжело дыша. — Поспеши, Бен, ради Бога! Они идут!

— Кто?

— Генри и его приятели! Генри сошел с ума, у него нож... Бену этого было достаточно. Он выронил свои конфеты и книжку. Бормоча, он задвинул люк. Верх был покрыт дерном, — тайная Тропа соответствовала названию. Несколько кусков дерна валялись на виду, но это было все. Беверли встала на цыпочки и закрыла окно. Они сидели в темноте.

Она нащупала Бена и в панике прижалась к нему. Они оба стояли на коленях. С внезапным ужасом Беверли поняла, что транзистор Ричи все еще играет где-то в темноте: Литл Ричард пел «Девочка ничего не может поделать».

— Бен.., радио.., они услышат...

— О, Боже!

Он оттолкнул ее своим мясистым бедром и чуть не уронил в темноте. Она слышала, как радио упало на пол. «Девочка ничего не может сделать, если парни и мужчины останавливаются и смотрят», — информировал их теперь Ричард со своим обычным хриплым энтузиазмом. «Ничего не может поделать!» — вторил ансамбль. «Девочка ничего не может поделать», — так же тяжело выдыхал теперь Бен. Они звучали как два паровых двигателя. Затем вдруг раздался треск..,

и тишина.

— О, черт, — сказал Бен. — Я раздавил его. Ричи разозлится. Он потянулся к Беверли в темноте. Она почувствовала, как его рука дотронулась до ее груди, затем отдернулась, как будто обожглась. Она потянулась за ним, ухватилась за его рубашку и притянула его ближе.

— Беверли, что...

— Тсссс!

Он замолчал. Они сидели рядом, обняв руками друг друга, и смотрели вверх. Темнота была еще не полной; на одной стороне люка пробивалась узкая полоска света, а три другие разлиновали окно-щель. Одна из них была достаточно широкой, чтобы дать косому лучу упасть в штаб. Она могла только молиться, чтобы они не увидели его.

Она слышала, как они приближались. Сначала она не могла разобрать слов.., а затем смогла. Она сильнее прижалась к Бену.

— Если она побежала в бамбук, мы легко возьмем ее след, — говорил Виктор.

— Они играют где-то здесь, — ответил Генри. Голос у него был напряженным, слова выходили с большим усилием. — Так сказал сопляк Талиендо. И в тот день, когда у нас была эта несчастная драка, они выходили отсюда.

— Да, они играют в войну, — сказал Белч.

Вдруг прямо над ними раздались тяжелые звуки шагов; крышка, покрытая дерном, ходила вверх-вниз. Грязь падала на запрокинутое лицо Беверли. Один, двое, может, даже все они втроем стояли на двери штаба. У нее свело живот; она должна была прикусить язык, чтобы не закричать. Бен зажал своей большой рукой ее рот и посмотрел наверх, прикидывая, отгадают ли они.., или уже знают и просто разыгрывают.

— У них есть место, — говорил Генри. — Вот что мне сказал сопляк. Дом на дереве или что-то в этом роде. Они его называют своим штабом.

— Я устрою им штаб, если они хотят, — сказал Виктор. Белч разразился хохотом.

Трам, трам, трам, -наверху. Крышка на этот раз немного отошла. Наверняка они заметили ее: обычная земля так не подается.

— Давай посмотрим вот там, у реки, — сказал Генри. — Держу пари, она там.

— О'кей, — сказал Виктор.

Трам, трам. -Они уходили. Бев выдохнула с облегчением через сжатые зубы.., и затем Генри сказал:

— Ты оставайся здесь и карауль тропу, Белч.

— О'кей, — ответил Белч и начал ходить взад

и вперед, иногда сходя с крышки люка, иногда возвращаясь на нее. Еще больше грязи и пыли летело вниз. Бен и Беверли смотрели друг на друга. У обоих были напряженные, грязные лицами. Бев поняла, что в клубе пахнет не только дымом — несло еще мусором и потом. *Это от меня,* — с отчаянием думала она. Невзирая на запах, она плотнее прижалась к Бену. Вся его масса показалась очень желанной, очень комфортной, и она была рада, что его так много. Может быть, он ничем и не был, кроме испуганного толстяка, когда школа выпустила его на летние каникулы, но сейчас он был больше, чем это; как все они, он изменился. Если Белч обнаружит их, Бен просто устроит ему сюрприз.

— Я устрою им штаб, если они хотят штаб, — сказал Белч и захихикал. Хихиканье Белча Хаггинса было тихим, утробным звуком. — Устрою им штаб, если они хотят. Хорошо. Очень даже хорошо.

Она поняла, что верхняя часть тела Бена сотрясается в коротких, резких движениях: он втягивал воздух в легкие и выпускал его маленькими порциями. В один тревожный момент она подумала, что он начал плакать, но затем она внимательно посмотрела ему в лицо и поняла,

что он борется со смехом. Его глаза, из которых лились слезы, встретились с ее глазами, сделали безумное вращение и отошли в сторону. В слабом свете, который проникал через трещины вокруг закрытого люка и окна, она могла видеть, что его лицо побагровело от напряжения.

— Покажу им штаб, если они хотят, — сказал Белч, и тяжело уселся прямо на середину крышки люка. На этот раз крышка задрожала более тревожно, и Бев услышала тихий, но зловещий треск одной из опор. Крышка должна была поддерживать куски камуфляжного дерна, положенного на ее верх.., а не еще сто шестьдесят фунтов веса Белча Хаггинса.

Если он не встанет, то свалится прямо нам на колени, -подумала Бев, и начала проникаться истерикой Бена. Она пыталась отогнать ее от себя. Краешком глаза она вдруг увидела, как она выталкивает окошко из петель, чтобы рукой дотянуться и толкнуть Белча Хаггинса в спину, пока он сидел там в подернутом дымкой полуденном свете, бормоча что-то и хихикая. Она зарылась лицом в грудь Бена, чтобы отогнать это желание.

— Шшшш, — прошипел Бен. — Ради Христа, Бев... *Трррах.* На этот раз громче.

— Выдержит? — снова спросила она.

— Может быть, если он не будет пердеть, — сказал Бен, и через минуту Белч *вывел* руладу — громкий и насыщенный звук трубы, который, казалось, длился по меньшей мере три секунды. Ребята прижались друг к другу еще плотнее, сдерживая неистовый смех друг друга. У Беверли так сильно разболелась голова, что она подумала, что ее хватит удар.

Затем, очень отдаленно, они услышали, как Генри зовет Белча.

— *Что?* -завопил Белч, вставая тяжело и с шумом, от чего еще больше грязи упало на Бена и Беверли. — *Что, Генри?*

Генри что-то крикнул в ответ, Беверли могла разобрать только слова «берег» и «кусты».

— О'кей! — завопил Белч, и его ноги в последний раз наступили на крышку люка. Раздался финальный трескучий звук, он был намного громче, и кусочки дерева полетели на колени Бев. Она в удивлении собрала их.

— Еще пять минут, — сказал Бен тихим шепотом. — Это все, что потребовалось бы.

— Ты слышал его, когда он пукал? — спросила Беверли, начиная снова хихикать.

— Прямо как третья мировая война, — сказал Бен, тоже начиная смеяться.

Это сняло напряжение, и они дико рассмеялись, стараясь делать это шепотом.

В конце концов, не думая, что она вообще это когда-нибудь скажет (и конечно, не сказала бы, если бы не эта ситуация), Беверли произнесла:

— Спасибо тебе за стихотворение, Бен.

Бен перестал смеяться сразу же и посмотрел на нее серьезно, настороженно. Из заднего кармана он вытащил носовой платок и медленно вытер им лицо.

— Стихотворение?

— Хайку. Хайку на почтовой открытке. Ты послал ее, не помнишь?

— Нет, — сказал Бен. — Я не посылал никакого Хайку. Потому что, если бы такой парень, как я — такой толстяк, как я, — сделал бы нечто подобное, девочка бы наверняка смеялась над ним.

— Я не смеялась. Я подумала, что это прекрасно.

— Я не мог никогда писать ничего прекрасного. Может быть, Билл. Но не я.

— Билл может, — согласилась она. — Но Билл никогда не напишет ничего такого приятного, как это. Можно мне взять твой носовой платок?

Он дал ей носовой платок, и она тщательно вытерла свое лицо.

— Как ты узнала, что это я? — спросил он в конце концов.

— Не знаю, просто узнала, и все.

Горло Бена судорожно вздрагивало. Он посмотрел вниз, на свои руки.

— Я этим ничего не имел в виду. Она посмотрела на него серьезно.

— Ты лучше не думай об этом, — сказала она. — Если ты это сделаешь, это действительно испортит весь день, а я скажу тебе, что он и так катится по наклонной.

Он продолжал смотреть на свои руки и, наконец, сказал голосом, который она с трудом могла расслышать.

— Ну, я имею в виду, что я люблю тебя, Беверли, но я не хочу, чтобы это что-нибудь испортило.

— Не испортит, — сказала она и крепко обняла его. — Мне сейчас очень нужна любовь.

— Но ведь тебе больше нравится Билл.

— Может быть, да, — сказала она, — но это не имеет значения. Если бы мы были взрослыми, может быть, это имело бы значение, немного. Но я вас всех люблю по-своему. Вы мои единственные друзья. И тебя, Бен.

— Спасибо, — сказал он. Он помолчал, борясь с собой, и наконец выговорил. Он даже смог по-

смотреть на нее, когда он сказал это.

— Я написал это стихотворение.

Они посидели немного, не говоря ни слова. Бев чувствовала себя в безопасности. Защищенной. Образ лица ее отца и нож Генри казались менее живыми и пугающими, когда они вот так близко сидели рядом. Это чувство защищенности трудно было определить, и она и не пыталась, хотя много позже она узнала источник его силы: она была в руках мужчины, который бы умер за нее без колебания. Это было то, что она просто знала: это было в запахе, который шел из пор Бена.

— Остальные шли сюда, — вдруг сказал Бен. — Что, если их поймали?

Она выпрямилась, соображая, что она почти дремала, клевала носом. Она вспомнила, что Билл пригласил Майка Хэнлона домой позавтракать с ним. Ричи собирался идти домой со Стэном и поесть сэндвичей. И Эдди обещал принести снова свою доску «Парчези». Они скоро придут, совершенно не подозревая, что Генри и его дружки в Барренсе.

— Мы должны предупредить их, — сказала Беверли. — Генри гоняется не только за мной.

— Если мы уйдем, и они вернутся...

— Да, но мы, по крайней мере, знаем, что они

здесь. А Билл и ребята не знают. Эдди не сможет даже убежать, они сломали ему руку.

— Бог ты мой! — сказал Бен. — Думаю, нам надо рискнуть.

— Да, — она сглотнула и посмотрела на свои часики, в тусклом свете трудно было прочитать время, но она думала, что было немного больше часа. — Бен...

— Что?

— Генри *по-настоящему* сошел с ума. Он как тот парень в «Школьных джунглях». Он собирался убить меня, а те двое ему помогали.

— О, нет, — сказал Бен. — Генри сумасшедший, но *не настолько.*Он просто...

— Просто что? — сказала Беверли. Она вспомнила Генри и Патрика на автомобильном кладбище, когда ярко светило солнце. Пустые глаза Генри.

Бен не ответил. Он думал. Вещи менялись, не правда ли? Когда ты участвуешь в этих переменах, тебе их труднее видеть. Ты должен сделать шаг в сторону, чтобы увидеть их.., должен постараться, во всяком случае. Когда ты ходил в школу, ты боялся Генри, но только потому что Генри был больше и потому что он был хулиганом — таким парнем, который обычно хватал первоклассника, по-индейски выворачивал ему руку и отпихивал

его, плачущего. И так во всем. Затем он сделал гравировку на животе Бена. Потом была драка камнями, и Генри бросал в головы людям М-80. Одной из таких штуковин можно было бы и убить кого-нибудь. Спокойно можно было убить. Он стал смотреть по-другому — как одержимый, что ли. Казалось, вам всегда нужно было быть с ним начеку, также как вы всегда должны быть начеку с тиграми или ядовитыми змеями, если вы находитесь в джунглях. Но вы к этому привыкаете, настолько привыкаете, что вам это даже не кажется необычным. Но Генри *был*сумасшедшим, не правда ли? Да. Бен узнал это в тот день, когда школа кончилась, и упрямо отказался верить в это или помнить это. Это было то, что не хотелось помнить и во что не хотелось верить. И вдруг у него в голове возникла мысль — холодная, как октябрьская грязь, мысль настолько сильная, что казалась почти непреложной. *Оно использовало Генри. Может быть, других тоже, но Оно использовало их через Генри. И если это правда, тогда она, возможно, права. Это не просто индейские выкручивания или подзатыльники во время уроков к концу учебного дня, пока миссис Дуглас читает книгу у себя за столом, не просто удар на площадке, так что ты падаешь и раздираешь себе*

коленку. Если Оно его использует, тогда Генри возьмется за нож.

— Одна пожилая женщина видела, как они хотели убить меня, — сказала Беверли. — Генри напал на *нее.* Он разбил ей заднюю фару.

Это встревожило Бена больше, чем все остальное. Он инстинктивно понимал, как большинство ребят, что они живут ниже поля зрения взрослых и ниже их поля мышления. Когда взрослый идет, пританцовывая и напевая по улице, думая свои взрослые думы о работе, о друзьях, о покупке автомобиля и вообще, о чем бы он ни думал, он никогда не замечает детей, играющих в «классики», или в войну, или в салки, или в прятки. Хулиганы наподобие Генри могли вволю охотиться за другими ребятами, пока они оставались под этой линией видения. Самое большее — это то, что проходящий взрослый мог сказать что-нибудь наподобие «прекратите это» и затем опять продолжить свое пританцовывание-напевание, не беспокоясь о том, прекратил хулиган или нет. Поэтому хулиган ждал, когда взрослый повернет за угол.., и затем возвращался к своему делу, как обычно. Похоже было, что взрослые думали, что настоящая жизнь начинается только тогда, когда человек имеет рост в пять футов.

Если Генри напал на какую-то старую леди, он вышел за это поле зрения. И это более всего прочего заставило Бена предположить, что он действительно стал сумасшедшим.

Беверли увидела в лице Бена веру и почувствовала облегчение. Ей не надо было рассказывать о том, как мистер Росс просто свернул газету и прошел в дом. Она не хотела рассказывать об этом. Это было слишком жутко.

— Пошли на Канзас-стрит, — сказал Бен и резко открыл люк. — Будь готова бежать.

Он встал в открытое отверстие и осмотрелся. Кругом было тихо. Он слышал журчание Кендускеага поблизости, пение птиц, тяжелое дыхание дизельного двигателя, фыркающего в железнодорожном депо. Он больше ничего не слышал, и это беспокоило его. Он чувствовал бы себя намного лучше, если бы услышал, как Генри, Виктор и Белч ругались в подлеске у потока. Но он их вообще не слышал.

— Пошли, — сказал он и помог Беверли выйти наружу. Она тоже с беспокойством посмотрела вокруг, отбросила рукой волосы, поморщившись от того, какие они грязные.

Он взял ее за руку, и они прошли сквозь заслон кустарников к Канзас-стрит.

— Нам лучше держаться в стороне от дороги.

— Нет, — сказала она, — мы должны торопиться. Он кивнул.

— Хорошо.

Они пошли к дороге и двинулись в сторону Канзас-стрит. Когда она споткнулась о камень на дорожке и

7

Территория семинарии, 12.17

упала на посеребренную луной дорогу. В лунном свете струйка крови, капающая с руки на растрескавшийся бетон, выглядела такой же черной, как кровь жука. Генри тупо, в каком-то оцепенении посмотрел на нее, затем поднял голову и огляделся.

Канзас-стрит была по-утреннему спокойна, тиха, дома закрыты, темны, за исключением света, разбрасываемого ночными огнями.

Ага. Здесь была решетка канализационной трубы.

К одной из железных перекладин ее был привязан воздушный шарик с улыбающимся слащавым лицом. Шарик раскачивался на слабом ветерке.

Генри снова встал на ноги, придерживая липкой рукой живот. Ниггер угостил его здорово,

но Генри врезал ему лучше. Да, сэр. Что касается ниггера, Генри чувствовал себя очень хорошо.

— Парень просто дурак, — пробормотал Генри и пошел, ковыляя и спотыкаясь, к колышущемуся воздушному шару. На его руке блестела свежая кровь, продолжающая течь из живота.

— С одним покончено. Вмазал сопляку. Вмажу им всем, покажу, как бросать камни.

Мир наплывал медленно катящимися волнами, большими волнами, похожими на те, которые использовали для показа в начале каждого эпизода в «Гавайи-Пять-0» по телевизору в палате.

И Генри мог Генри мог Генри мог почти

(услышать звук, который те мальчишки на Оаху издают, когда они поднимаются на волну, чтобы лететь лететьлететьлететь)

(Реальность мира. Трубы. Катания на волне. Помнишь трубу? Труба была еще та. «Стереть с лица земли». Сумасшедший смех там вначале. Похоже на Патрика Хокстеттера. Чертовски странный парень)

Он беспокоился, что это было...

(*черт возьми, намного лучше, чем здорово, это было просто ЗАМЕЧАТЕЛЬНО, это было ТАК ЖЕ ПРЕКРАСНО, КАК КРОВЬ)*

(о'кей труба выходит наверх, не возвращайся, и

мои парни поймают волну...)

(выстрелят)

(выстрелятвыстрелятвыстрелят)

(в волну и пойдут по мостовой со мной стрелять)

(стрелять в мир, но хранить)

ухо внутри его головы: оно продолжало слушать этот звук *дз-зинн.*Глаз внутри его головы: он продолжал видеть голову Виктора, поднимающуюся на конце той пружины, веки, щеки и лоб залиты кровью.

Генри посмотрел налево и увидел, что дома сменились высокой черной шпалерой живой изгороди. Над ней вырисовывалась узкая, мрачная викторианская махина теологической семинарии. Света нигде не было. Семинария выпустила свой последний класс в июне 1974 г. Тем летом она закрыла свои двери, и теперь все, что гуляло там, гуляло в одиночестве.., и только по разрешению кружка сплетниц, называющих себя Деррийским историческим обществом.

Он подошел к дорожке, которая вела к главному входу. Она перегораживалась тяжелой цепью, на которой висела металлическая табличка: «НЕ НАРУШАЙТЕ ПРАВО ВЛАДЕНИЯ ТРЕБУЕТСЯ ОРДЕР ДЕРРИЙСКОГО ПОЛИЦЕЙСКОГО УПРАВЛЕНИЯ».

Ноги Генри запутались на этой дорожке, и он снова тяжело упал — *шмяк!* -на мостовую. Впереди какая-то машина сворачивала на Канзас-стрит с Хоторна. Передние фары залили улицу. Генри боролся с ослепительным светом достаточно долго, чтобы увидеть огни наверху: это была полицейская машина.

Он пролез под цепью и пополз налево, так что оказался за изгородью. Ночная роса освежила его разгоряченное лицо. Он лежал лицом вниз, поворачивая голову из стороны в сторону, смачивая щеки и утоляя жажду всем, что мог пить.

Полицейская машина проехала мимо, не замедляя движения.

Затем вдруг вспыхнули ее огоньки-стаканы, смывая темноту колеблющимися голубыми импульсами света. На пустынных улицах не было необходимости в сирене, но Генри услышал, что она издала во всю мощь резкий пронзительный звук.

Пойман, я пойман, -быстро говорил его мозг.., и затем он понял, что полицейская машина направлялась дальше, на Канзас-стрит. Через минуту адский пронзительный звук заполнил ночь, долетая до него с юга. Он представил себе некоего огромного бархатного кота, прыгающего

из темноты, глаза зеленые, мягкая шерсть, Оно в новом обличье, пришедшее за ним, пришедшее сожрать его.

Понемногу (и только когда пронзительный звук начал отдаляться) он сообразил, что это была скорая помощь, ехавшая в ту же сторону, куда направилась полицейская машина. Он лежал дрожа на мокрой траве, слишком холодной, борясь *(ворчание кузен жужжание кузен камень он катится у нас цыпленок в сарае, какой сарай чей сарай мой)с* тошнотой. Он боялся, что, если его стошнит, то все его кишки вылетят наружу.., а надо было еще заполучить тех пятерых.

Скорая помощь и полицейская машина. Куда они направляются? В Библиотеку, конечно. Ниггер. Но они опоздали. Я вмазал ему. Можете выключить свои сирены, мальчики. Он не услышит. Он такой же мертвый, как фонарный столб. Он...

Но так ли это?

Генри облизал свои шелушащиеся губы сухим языком. Если бы он был мертв, ночью не было бы никакой воющей сирены. Если только ниггер не вызвал их. Поэтому, может быть — только *может быть*,ниггер не был мертв.

— Нет, — выдохнул Генри. Он перевернулся на спину и уставился в небо, на биллионы звезд там,

наверху. Оно пришло оттуда, он знал. Откуда-то с этого неба.

Оно *(пришло из космоса с похотью к земным женщинам пришло сожрать всех женщин и изнасиловать всех мужчин говорил Фрэнк не имеешь ли ты в виду сожрать всех мужчин и изнасиловать всех женщин, достойных этого шоу, дурак, ты что, Иисус? обычно говорил Виктор, и этого было достаточно)* пришло из другого мира, со звезд. От разглядывания этого звездного неба по коже бегали мурашки: оно было слишком большим, слишком черным. Слишком возможно было представить себе, как оно превращается в кроваво-красное, слишком возможно представить себе, как в линиях огня возникает Лицо...

Он закрыл глаза, дрожа и скрестив руки на животе, и подумал:

Ниггер мертв. Кто-то услышал, как мы деремся, и вызвал полицейских посмотреть, вот и все.

Тогда зачем «скорая»?

— Заткнись, заткнись! — взревел Генри. Он почувствовал снова старую ярость; он вспомнил, как они надували его снова и снова в прежние дни — эти прежние дни казались такими близкими и такими животрепещущими сейчас, — как каждый раз они ускользали у него из пальцев.

Как в тот последний день, после того как Белч увидел, как эта шлюха бежит по Канзас-стрит к Барренсу. Он помнил это, о, да, он помнил это достаточно ясно. Когда вас бьют по яйцам, вы это помните. С ним это случалось снова и снова в то лето.

Генри отчаянно пытался сесть, вздрагивая от кинжальной боли у него в кишках.

Виктор и Белч помогли ему тогда спуститься в Барренс. Он шел очень быстро несмотря на боль, которая захлестнула его и ударяла в пах и в низ живота. Пришло время закончить это. Они шли по тропе к прогалине, от которой пять-шесть тропинок лучами расходились, как нити паутины. Да, там играли дети; не надо было быть детективом, чтобы увидеть это. Там валялись фантики от конфет, несколько досок и рассыпанные опилки, как будто здесь что-то строили.

Он, помнится, стоял в центре прогалины и рассматривал деревья, пытаясь найти их домик на дереве. Он бы увидел его и забрался бы наверх, и девчонка бы съежилась там от страха, и он бы взял нож, чтобы перерезать ей горло, и сжимал бы ее соски, приятные и мягкие, пока она не перестала бы двигаться.

Но он не смог увидеть никакого домика на де-

реве, то же самое Белч и Виктор. Старая знакомая ярость поднялась в горле. Он и Виктор оставили Белча караулить просвет, пока сами пошли к реке. Но там тоже не было никакого признака девчонки. Он, помнится, наклонился, поднял камень и

8

Барренс, 12.55

швырнул его далеко в ручей, раздраженный и сбитый с толку.

— Куда, е-мое, она ушла? — требовательно спросил он, оборачиваясь к Виктору.

Виктор медленно покачал головой.

— Не знаю, — сказал он. — У тебя течет кровь. Генри посмотрел вниз и увидел темное пятно размером с двадцатипятицентовую монету в паху своих джинсов. Сильная боль переходила в слабую, пульсирующую, но его трусы были слишком маленькими и слишком тесными. Яйца его разбухали. Он снова почувствовал гнев внутри, что-то вроде веревки, связанной узлом вокруг сердца. Это сделала она.

— Где она? — зашипел он на Виктора.

— Не знаю, — снова сказал Виктор тем же самым пустым голосом. Он казался загипноти-

зированным, словно получившим солнечный удар. — Убежала, мне кажется. Она могла бежать все время по дороге к Старому Мысу.

— Она не убежала, — сказал Генри. — Она прячется. У них есть место, и она прячется там. Может быть, это и не домик на дереве. Может быть, это что-то еще.

— Что?

— Я не знаю! — Генри закричал, и Виктор подался назад. Генри стоял в Кендускеаге, холодная вода пенилась над верхом его спортивных тапок, он смотрел вокруг. Его глаза сосредоточились на цилиндре, выступающем из насыпи в двадцати футах вниз по течению, — насосная установка. Он выбрался из воды и подошел к ней, чувствуя, как в него вселяется какой-то благоговейный ужас. Его кожа, казалась, уплотняется, глаза расширились, так что смогли видеть больше и дальше; казалось, он чувствует, как тончайшие крошечные волосики у него в ушах поднимаются и движутся, как водоросли в подводном течении.

Тихое жужжание шло от насоса, и за ним он увидел трубу, торчащую из насыпи над Кендускеагом. Непрерывный поток грязи истекал из трубы, впадая в воду.

Он наклонился над круглым железным верхом

цилиндра.

— Генри? — нервно позвал Виктор. — Генри? Что ты делаешь? Генри не удостоил его вниманием. Он приложил глаз к одному из круглых отверстий в железе и не увидел ничего, кроме черноты. Он сменил глаз на ухо.

— *Жди.*

Голос доносился до него из черноты внутри, и внутренняя температура Генри вдруг упала до нуля, его вены и артерии смерзлись в кристаллические трубочки со льдом. Но с этими ощущениями пришло почти неизвестное чувство: любовь. Его глаза расширились. Клоунская улыбка раздвинула его губы в большую мягкую дугу. Это был голос с луны. Теперь Оно было в насосной установке.., внизу, в канализации.

— *Жди.., смотри...*

Он ждал, но больше ничего не было: только непрерывный усыпляющий шум насосных механизмов. Он пошел туда, где на насыпи стоял Виктор, осторожно наблюдавший за ним. Генри проигнорировал его и крикнул Белчу. Белч быстро подошел.

— Давай, — сказал он.

— Что мы будем делать, Генри? — спросил Белч.

— Ждать. Смотреть.

Они снова поползли к прогалине и сели. Генри пытался снять трусы с яиц, которые отчаянно болели, но это было слишком больно.

— Генри, что... — начал Белч.

— Шшшшшш!

Белч послушно замолчал. У Генри был «Кэмел», но он им не длился. Он не хотел, чтобы эта сучка почуяла запах сигареты, если она была поблизости. Он мог объяснить, но не было необходимости. Голос сказал ему только два слова, но они, казалась, объяснили все. Они играли здесь. Скоро вернутся остальные. Зачем напрягаться только н? одну сучку, когда они могли бы захватить всех семерых говнюков?

Они ждали и смотрели. Казалось, что Виктор и Белч уснули с открытыми глазами. Это не было долгое ожидание, но у Генри было время обдумать много мыслей. Например, как он утром нашел лезвие. Оно не было тем же самым, которое у него было в последний день в школе — то он где-то потерял. Это выглядело намного холоднее.

Оно пришло по почте.

Своего рода.

Он стоял на крыльце, глядя на свой разбитый накренившийся почтовый ящик, пытаясь

схватить то, что он видел. Ящик был украшен воздушными шарами. Два шара были привязаны к металлическому крюку, куда почтальон иногда вешал посылки, другие были привязаны к флажку. Красные, желтые, голубые, зеленые. Как будто какой-то загадочный цирк прошел по Уитчем-роуд глубокой ночью, оставив этот знак.

Когда он подошел к почтовому ящику, он увидел, на шарах какие-то лица — лица ребят, которые изводили его все лето, ребят, которые, казалось, смеялись над ним при каждом удобном случае.

Он уставился на этих призраков, широко раскрыв рот, и затем шары стали лопаться один за другим. Это было хорошо; казалось, как будто он заставлял их лопаться, просто думая об этом, убивая их своими мыслями.

Передняя часть почтового ящика вдруг отвалилась вниз. Генри подошел к нему и заглянул внутрь. Хотя почтальон не добирался до их глуши до середины дня, Генри не почувствовал никакого удивления, когда увидел плоскую прямоугольную упаковку внутри. Он вытащил ее. «МИСТЕР ГЕНРИ БАУЭРС, ДЕРРИ, МЭН», — гласил адрес. Был даже обратный адрес вроде: МИСТЕР РОБЕРТ ГРЕЙ, ДЕРРИ, МЭН.

Он вскрыл упаковку, и коричневая бумага упала к его ногам. Внутри была белая коробка. Он открыл ее. В ложе из белой ваты лежал нож. Он забрал его в дом.

Его отец лежал на соломенном тюфяке в спальне, которую они делили, окруженный пустыми пивными банками, его живот свисал из желтых штанов. Генри встал около него на колени, прислушиваясь к его храпу и вибрациям при вдохах-выдохах, наблюдая, как его губы собираются в складки и морщатся при каждом вздохе.

Генри приставил конец ножа к тощей шее отца. Отец немного пошевелился и снова впал в пивной сон. Генри держал нож так почти пять минут, глаза у него были далекие и задумчивые, подушечка левого большого пальца ласкала серебристую кнопку, вставленную в ручку. Голос с луны говорил с ним — он шептал, шелестел, как весенний ветер, теплый, но с холодом где-то внутри, он шуршал как бумажное гнездо, наполненное разбуженными шершнями, он подлизывался, как умелый политикан.

Все, что голос говорил, казалось Генри верным, и поэтому он нажал серебряную кнопку. Внутри ножа раздался щелк, когда вышла пружина-убийца, и шесть дюймов стали вошло в шею Батча

Бауэрса. Лезвие вошло так же легко, как зубцы вилки в тушку хорошо прожаренного цыпленка. Верхний конец лезвия выскочил на другой стороне; с него капало.

Глаза Батча раскрылись. Он уставился в потолок. Челюсть отвисла. Кровь текла из уголков рта, по щекам, к мочкам ушей. Он начал булькать. Большой кровавый пузырь вылез между его вялых губ и лопнул. Одна из рук поползла к коленке Генри и конвульсивно сжала ее. Генри не противился. Потом рука упала. Булькающие звуки прекратились через мгновение. Батч Бауэрс был мертв.

Генри вытащил нож, вытер его о грязную простыню, которая закрывала тюфяк отца, и сдавил нож, пока пружинка не щелкнула. Он посмотрел на отца без особого интереса. Голос сказал ему о той работе, которую надо проделать днем, пока он стоял на коленях около Батча с ножом у его шеи. Голос все объяснил. Поэтому он пошел в другую комнату и позвонил Белчу и Виктору.

Теперь они были здесь, все трое, и хотя его яйца ужасно болели, нож в левом переднем кармане штанов как-то успокаивал. Он чувствовал, что скоро будет резня. Голос с луны сообщил ему это, когда он стоял на коленях перед отцом, и по до-

роге в город он не мог оторвать глаз от бледного диска-призрака в небе. Он видел, что на луне был человек — страшное, мерцающее лицо-призрак с глубокими дырами вместо глаз и гладкой ухмылкой, которая, казалось, почти достигает его скул. Оно разговаривало *(мы плаваем здесь Генри мы все здесь плаваем ты тоже поплывешь)* всю дорогу в город.

Убей их всех. Генри, -говорил голос-призрак с луны и Генри понимал, к чему он клонит; Генри чувствовал, что он разделяет его чувства. Он убьет их всех, своих мучителей, а затем эти чувства — что он теряет хватку, что он приходит в безжалостный большой мир, в котором он не сможет верховодить, как верховодит на площадке деррийской средней школы, что в этом большом мире толстяк, и нигтер, и заика могут как-то повзрослеть, пока он только постареет, — эти чувства уйдут.

Он убьет их всех, и тогда голоса — голоса внутри и один голос, который говорит с ним с луны — оставят его в покое. Он убьет их и затем вернется домой и сядет на заднем крыльце с отцовским японским мечом на коленях. Он выпьет один из отцовских «Рейнгольдов». Он послушает радио, но не бейсбол. Он будет слушать рок-н-ролл. Хотя

Ричи не знал этого (и ему было бы наплевать, если бы знал), но в одном предмете они соглашались: рок-н-ролл — это очень даже здорово. В сарае у нас будут цыплята, в чьем сарае, в каком сарае, в моем сарае. Потом все будет хорошо: все будет клево потом, все будет отлично потом, и все, что могло бы случиться дальше, не имело значения. Голос о нем позаботится — он чувствовал это. Если ты позаботишься о Нем, Оно позаботится о тебе. Вот как все случилось в Дерри.

Но детей надо остановить, остановить скорее, остановить сегодня. Так сказал ему голос.

Генри вытащил свой новый нож из кармана, посмотрел на него, повернул и так и эдак, восхищаясь тем, как солнце скользит по хромированной поверхности. Затем Белч схватил его руку и прошипел:

— Посмотри-ка! Генри, посмотри-ка! Ну и ну!

Генри посмотрел и почувствовал, как внутри него растет четкая ясность. Квадратный участок прогалины поднимался, как по волшебству, открывая растущий слой темноты внизу. Только на какое-то мгновение он почувствовал толчок ужаса, когда ему пришло в голову, что это может быть владелец голоса.., так как наверняка Оно жило где-то под городом. Потом он услышал

скрип песка в шарнирах и понял. Они не смогли увидеть домика на дереве, так как его не было.

— Боже мой, мы стояли прямо над ними, — простонал Виктор, и когда голова и плечи Бена появились в квадратном люке в центре прогалины, он сделал рывок вперед. Генри ухватился за него и удержал.

— Разве мы не зацапаем их. Генри? — спросил Виктор, когда Бен поднялся на ноги.

— Мы зацапаем их, — сказал Генри, не сводя глаз с ненавистного толстяка. Еще один специалист по яйцам. *Я так дам тебе по яйцам, что ты сможешь их носить, как серьги, жирный мудак. Провалиться мне на этом месте, если я этого не сделаю.* -Не беспокойся.

Толстяк помогал сучке вылезти из дыры. Она осмотрелась с недоверием, и на какое-то мгновение Генри подумал, что она смотрит прямо на него. Затем она отвела глаза. Они оба лопотали друг с другом, затем устремились в густой подлесок и ушли.

— Давай, — сказал Генри, когда звук ломающихся ветвей и шуршащих листьев увял почти до неслышимости, — Мы будем следовать за ними. Но держитесь сзади и будьте осторожны. Они нужны мне все.

Они трое пересекли прогалину, как солдаты на дозоре, низко пригнувшись, глаза у них были широко раскрыты. Белч задержался, чтобы заглянуть в штаб и в восторженном удивлении покачал головой.

— Я сидел прямо над их головами, — сказал он.

Генри нетерпеливо подтолкнул его вперед.

Они прошли тропинкой, потому что здесь было тише. Они были на полпути к Канзас-стрит, когда сучка и толстяк, держась за руки *(не трогательно ли это?* -в каком-то экстазе подумал Генри), появились почти прямо перед ними.

По счастью, они шли спиной к компании Генри, и никто из них не посмотрел назад. Генри, Виктор и Белч застыли, потом потянулись к тени в стороне от тропинки. Вскоре Бен и Беверли были просто двумя рубашками, мелькавшими в лабиринте деревьев и кустарников. Они втроем опять начали преследование.., еще осторожней. Генри снова вытащил нож и

9

Генри воодушевляется, 2.30

нажал на хромированную кнопку в ручке. Выскочило лезвие. Он мечтательно посмотрел на него в лунном свете, ему нравилось, как свет

звезд мерцает на лезвии, он не имел никакого представления, сколько сейчас времени. Он плыл вне реальности.

Какой-то звук вошел в его сознание и начал расти. Это был мотор машины. Она приближалась. Глаза Генри расширились в темноте. Он зажал нож плотнее, ожидая, когда машина проедет мимо.

Она не проехала. Она подошла к обочине за забором семинарии и просто остановилась там, причем двигатель работал на холостом ходу. С гримасой на лице (его живот твердел, он стал крепким, как доска, а кровь лениво сочилась между пальцами — липкая, как кленовый сок, если надрезать дерево в начале апреля), он встал на колени и раздвинул упругие ветки живой изгороди. Он увидел передние фары и силуэт машины. Полицейские? Его рука схватилась за нож и расслабилась, схватилась и расслабилась, схватилась и расслабилась.

Я *послал тебе шанс покататься, Генри,* -прошептал голос. — *Своего рода такси, если тебе это по душе. В конце концов, мыдолжны скоро доставить тебя к гостинице. Ночь темнеет, сгущается.*

Голос тоненько хихикнул и замолк. Теперь

единственными звуками были жужжание сверчков и непрерывный шум работающего вхолостую двигателя машины. *Звук как от глушителя,* -рассеянно подумал Генри.

Он неуклюже поднялся на ноги и вернулся назад к семинарской дорожке. Он осмотрел машину кругом. Не полицейская: никаких стаканов на крыше, и форма не та. Форма была.., старая.

Генри снова услышал хихиканье.., а может быть, это только ветер.

Он вышел из тени изгороди, пролез под цепью, снова встал на ноги и пошел в сторону работающей на холстом ходу машины, которая словно жила в мире поляроидной черно-белой моментальной фотографии — мире яркого лунного света и непроницаемой тени. Генри чувствовал себя паршиво: его рубашка почернела от крови, и кровь пропитала почти до колен его джинсы. Лицо казалось белым пятном среди пробивающейся щетины.

Он дошел до пересечения семинарской дороги и тротуара и внимательно посмотрел на машину, заметив водителя за рулем. Он узнал ее — это была машина, которой, как клялся его отец, он завладеет в один прекрасный день — «Плимут Фьюри» выпуска 1958 г. Она была красно-белая, и

Генри знал (не говорил ли ему об этом довольно часто его отец?), что двигатель, работающий под капотом, это V — 8327. Мощность — 255 лошадиных сил, может развить скорость семьдесят миль за девять секунд. *Я должен заполучить эту машину, и тогда, когда я умру, меня могут в ней похоронить,* -любил говаривать Батч.., кроме того, конечно, что он так и не заполучил машину, и штат похоронил его, после того как Генри, бредящего и вопящего что-то о чудовищах, забрали в дурдом.

Если он внутри, мне кажется, я не смогу взять ее, -подумал Генри, сжимая нож, пьяно качаясь взад-вперед, глядя на черный силуэт водителя.

Затем дверца для пассажира распахнулась, сверху пролился свет, и к нему повернулся водитель. Это был Белч Хаггинс. Лицо его выглядело повисшей в воздухе маской. Одного глаза не было, и прогнившая дыра на пергаментной щеке обнажила почерневшие зубы. На голове Белча была напялена бейсбольная шапочка нью-йоркских «Янкиз», которая была на нем в тот день, когда он погиб. Она была надета задом наперед. Серо-зеленая масса стекала по козырьку.

— Белч! — закричал Генри, и боль вырвалась из его живота, заставив его опять кричать без слов.

Мертвые губы Белча растянулись в усмешке, трескаясь беловато-серыми бескровными складками. Он скрючил одну руку в направлении открытой двери пригласительным жестом.

Генри поколебался, затем обошел вокруг машины, одной рукой потрогав эмблему в форме буквы V, как он всегда трогал ее, когда отец брал его с собой в демонстрационный зал в Бангоре, чтобы посмотреть на такую вот машину, когда он был ребенком. Когда он добрался до стороны пассажира, серая волна окутала его, и он вынужден был схватиться за открытую дверцу, чтобы удержаться на ногах. Он стоял так, с опущенной головой, тяжело сопя при вдохе.

Наконец мир пришел в норму — по крайней мере, частично — и он смог, повозившись у двери, упасть на сидение. Боль снова схватила его кишки, и свежая кровь выступила на руке. Она походила на теплое желе. Он откинул голову назад и сжал зубы, связки на шее напряглись. Наконец боль стала понемногу отступать.

Дверь захлопнулась сама по себе. Верхний свет погас. Генри увидел одну из сгнивших рук Белча рядом на рычаге передачи. Собранные в пучки белые узлы костяшек пальцев Белча замерцали через гниющую плоть его пальцев.

«фьюри» начала двигаться по Канзас-стрит в сторону Ап-Майл-Хилл.

— Как дела, Белч? — услышал Генри самого себя. Это было глупо, конечно — Белч не мог быть здесь, мертвецы не водят машин, но это было все, о чем он мог подумать.

Белч не ответил. Его глубоко ввалившийся глаз уставился на дорогу. Зубы ослепительно сверкнули на Генри через дыру в щеке. Генри смутно сознавал, что от старины Белча пахнет крепко. На самом деле от старины Белча пахло, как от корзины сгнивших помидоров, пролежавших пару лет в погребе.

Бардачок распахнулся, ударив Генри по коленкам, и в свете маленькой лампочки внутри он увидел бутылку «Техасского драйвера», наполовину наполненную. Он взял ее, открыл и сделал хороший глоток. Жидкость приятной прохладой скользнула по пищеводу и обожгла желудок, как раскаленная лава. Его всего встряхнуло.., и затем он почувствовал себя немного лучше, немного более связанным с миром.

— Спасибо, — сказал он.

Голова Белча повернулась к нему. Генри мог расслышать скрип сухожилий на шее Белча, звук был похож на скрип ржавых дверных петель. Ми-

нуту Белч рассматривал его мертвым одноглазым взглядом, и Генри впервые понял, что у Белча нет большей части носа. Собака, может быть. Или крысы. Крысы казались более вероятными. Ходы, по которым они шли за детьми в тот день, были полны крыс.

В таком же замедленном движении голова Белча снова повернулась в сторону дороги. Генри был рад. Да, Белч глядел на него вот так, но что это? Генри не мог понять. Что-то было в единственном запавшем глазу Белча. Упрек? Гнев? Что?

За рулем машины мертвец.

Генри посмотрел на свою руку и увидел, что она покрылась гусиной кожей. Он быстро сделал еще один глоток из бутылки. Он пошел легче и разлил свое тепло еще дальше.

«Плимут» катился вниз с Ап-Майл-Хилла и шел по кругу против часовой стрелки.., правда никакого движения в это время ночи не было, все светофоры мигали на пустых улицах желтым светом, постоянно освещая ближние дома желтыми бликами. Было так тихо, что Генри мог слышать: внутри каждой лампочки светофора щелкает реле.., или это было его воображение?

— ..не хотел бросить тебя в тот день, Белч, — сказал Генри. — Я имею в виду, если у тебя это

на уме.

Снова этот скрип сухожилий. Белч снова смотрит на него одним ввалившимся глазом. И его губы растягиваются в ужасную усмешку, обнажающую серо-черные десны, которые стали сплошными морщинами.

Что это за усмешка? Приятельская усмешка? Или это усмешка, которая говорит: Я должен забрать тебя. Генри, я должен забрать тебя за то, что ты предал меня и Вика? Что это за усмешка?

— Ты должен понять, как это было, — сказал Генри и затем остановился. Как это *было?* В его уме все смешалось, куски перемещались, куски головоломки, которая лежала на одном из чертовых карточных столов в комнате отдыха в «Джанипер-Хилл». Как это *было* конкретно? Они шли за толстяком и сучкой назад к Канзас-стрит и ждали в кустах, следя, как они карабкаются вверх по насыпи. Если бы они исчезли из виду, он, Виктор и Белч прекратили бы эту игру-облаву и просто пошли бы за ними: лучше двое, чем никого, а остальных бы взяли со временем.

Но они не исчезли, они просто прислонились к изгороди, разговаривая и наблюдая за улицей. Время от времени они просматривали спуск к

Барренсу, но Генри держал обоих воинов вне поля зрения.

Генри помнит, что небо покрылось облаками, тучи двинулись с востока, воздух стал плотным. Днем будет дождь.

Что случилось потом? Что...

Костлявая, покрытая кожей рука легла на плечо Генри, и он вскрикнул. Он снова уплывал в ту ватную туманность, но ужасное прикосновение Белча и кинжальная боль в животе от вскрика вернули его назад. Он посмотрел вокруг, и лицо Белча было менее чем в двух дюймах от лица Генри; он уловил его дыхание и хотел, чтобы его не было. Старина Белч на самом деле рассыпался в прах. Генри опять вспомнились помидоры, гниющие в каком-нибудь укромном уголке сарая. Его мутило.

Он вдруг вспомнил конец — конец Белча и Вика. Как что-то вылезло из темноты, когда они стояли в шахте с решеткой от канализации вверху, думая, куда идти дальше. *Что-то...* Генри не мог сказать что. Пока Виктор не вскрикнул: *«Франкенштейн! Это Франкенштейн!»* И это было оно, чудовище Франкенштейн, с болтами, свисающими с шеи, с глубоким шрамом от шва, идущим через лоб, крадущийся в туфлях, наподо-

бие детских сандалий.

"Франкенштейн! -закричал Вик, — *Фр...!"* И затем голова Виктора отделилась, голова Виктора полетела по шахтному проходу, ударившись о каменную преграду на дальнем конце с влажным отвратительным звуком. Водянистые желтые глаза чудовища уставились на Генри, и Генри окаменел. Его мочевой пузырь раскрылся, и он почувствовал теплый ручеек на своих ногах.

Тварь нетвердой походкой приближалась к нему, и Белч... Белч...

— Послушай, я знаю, я убежал, — сказал Генри. — Я не должен был делать этого. Но.., но...

Белч только пристально посмотрел.

— Я растерялся, — прошептал Генри, как будто оправдываясь перед Белчем, что он тоже поплатился. Это звучало слабо, вроде как сказать: *Да, я знаю, ты убит, Белч, но у меня тоже кое-что припасено...* Но это *было* ужасно.., поистине ужасно. Он часами блуждал в этой вонючей тьме и, в конце концов, он стал кричать. В какой-то момент он упал — долгий с головокружением припадок, за который у него было время подумать: О, *боже, через минуту я буду мертв, через минуту меня не будет,* -и затем он оказался в быстротекущей воде. Под Каналом, как он предполагал. Он вы-

шел в угасающий солнечный свет, блуждал в поисках выхода к берегу и, наконец, выбрался из Кендускеага менее чем в пятидесяти ярдах от места, где Адриан Меллон утонул двадцать семь лет назад. Он поскользнулся, упал, ударился головой и запачкался грязью. Когда он пробудился, было уже очень темно. Как-то он нашел дорогу к шоссе №2 и доехал до дома. А там его ждали полицейские.

Но то было тогда, а это сейчас. Белч выступил против чудовища Франкенштейна, и оно содрало левую сторону его лица до скальпа — это видел Генри до своего бегства. Но теперь Белч был здесь, он на что-то показывал.

Генри увидел, что они тормозят перед деррийской гостиницей, и вдруг он все отчетливо понял. Деррийская гостиница была единственной оставшейся. В 1958 г, были «Восточная звезда» в конце Эксчейндж-стрит и «Отдых путника» на Террелт-стрит. Обе исчезли при обновлении города (Генри все знал об этом: в Джанипер-Хилл он с большим интересом читал «Дерри Ньюз»). Остались только городская гостиница и кучка маленьких мотелей на окраине.

Вот где они будут, -подумал он. — *Прямо здесь. Все, кто остался. Спят в своих кроватях и видят*

во сне леденцы и танцы... А может быть, канализационные трубы... И я их заполучу. Одного за другим я заполучу их.

Он взял бутылку «драйвера» и снова отхлебнул. Он чувствовал, как свежая кровь стекает на колени, и сиденье под ним было липким, но от спиртного стало немного легче. Он предпочел бы хороший «бурбон», но «драйвер» был лучше, чем ничего.

— Видишь ли, — сказал он Белчу, — мне жаль, что я убежал. Я не знаю, почему я убежал. Пожалуйста.., не будь сумасшедшим.

Белч заговорил один единственный раз, но этот голос не был его голосом. Голос, который исходил из гниющего рта Белча, был глубокий и сильный, пугающий. При звуке его Генри заскулил. Это был голос с луны, голос клоуна, голос, который он слышал, когда ему снились канализационные и сточные трубы, где постоянно текла вода.

— Ты, заткнись и возьми их, — сказал голос.

— Конечно, — захныкал Генри. — Конечно, о'кей, я *хочу*, нет проблем... Он сунул бутылку снова в бардачок. Шея у него дрожала, как и зубы. И тут он увидел бумажку там, где была бутылка. Он вытащил ее и развернул, оставив кровавые отпечатки пальцев на уголках. На бумаге четко

было выведено ярко-красным цветом:

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА ОТ ПЕННИВАЙЗА

Ниже аккуратно выведено большими буквами:

Билл Денбро 311
Бен Хэнском 409
Эдди Каспбрак 609
Беверли Марш 518
Ричи Тозиер 217

Их номера в гостинице. Это хорошо. Это экономило время.

— Спасибо, Бе...

Но Белча не было. Место водителя было пустым. Там лежала только бейсбольная шапочка нью-йоркских «Янкиз», смятая на козырьке. И что-то липкое на ручке коробки передач.

Генри с удивлением смотрел, сердце билось у него в горле.., и затем он, казалось, услышал, как что-то шевелится на заднем сиденье. Он быстро выскочил, открыв дверь и почти вывалившись в спешке на мостовую. Он ушел от машины...

Идти было трудно: каждый шаг отдавался и разрывался болью в его животе. Но он добрался до тротуара и стоял там, глядя на восьмиэтажное кирпичное здание, которое, наряду с библиоте-

кой, кинотеатром «Аладдин» и семинарией, было одним из немногих, которые он ясно помнил из тех прежних дней. На верхних этажах света не было, но шары матового стекла, располагавшиеся по бокам главного входа, мягко мерцали в темноте, окруженные ореолом летающей мошкары.

Генри тяжелой поступью прошел вперед и плечом открыл одну из дверей.

Вестибюль был пустынен и тих. На полу лежал выцветший турецкий ковер. Потолок представлял собой панель, разделенную на прямоугольники, изображающие сцены времен заселения Дерри. Было много диванов, шезлонгов и огромный камин, погасший и тихий, возле него на железной полке лежало березовое полено. Из низких горшков выглядывали растения. Двойные стеклянные двери, ведущие в бар и ресторан, были закрыты. Из какого-то номера слышался приглушенный звук телевизора.

Он крадучись прошел по вестибюлю, его штаны и рубашка были испещрены кровавыми полосами. Кровь въелась в складки рук; она сбегала по щекам и запачкала его лоб, как косметика. Глаза его вылезли из глазниц. Любой, кто увидел бы его в вестибюле, с криком в ужасе убежал бы. Но там никого не было.

Двери лифта открылись, как только он нажал кнопку ВВЕРХ. Он посмотрел на бумажку в своей руке, затем на кнопки этажей. После минуты раздумий он нажал "б", и двери закрылись. Слышался легкий шум мотора, когда лифт начал подниматься.

Можно начать сверху и идти вниз.

Он тяжело прислонился к задней стенке кабины, глаза полузакрыты. Шум механизмов лифта успокаивал. Так же как шум механизмов насосов дренажной системы. Тот день — он продолжал возвращаться к нему. Как все казалось заранее подготовленным, как будто все они просто разыгрывали роли. Как Вик и старина Белч казались.., ну почти накачанными наркотиками. Он вспомнил...

Кабина остановилась, тряхнув его и послав еще одну волну острой боли в живот. Двери раскрылись. Генри шагнул в тихий холл (здесь еще больше растений, висячих, паукообразных; он не хотел прикасаться ни к одному из них, ни к одному из этих влажных побегов, они слишком сильно напоминали ему о тех штуках, которые висели там в темноте). Он еще раз посмотрел на бумажку. Каспбрак был в номере 609. Генри направился туда, держась одной рукой для устой-

чивости за стену, оставляя слабый кровавый след на обоях, когда шел (но он отступал всякий раз, когда подходил близко к одному из висячих паукообразных, он не хотел дотрагиваться до них). Дыхание его было резким и сухим.

Вот он. Генри вытащил лезвие из кармана, облизал языком свои сухие губы и постучал в дверь. Ничего. Он постучал еще раз, теперь сильнее.

— Кто там?

Хорошо. Он, наверное, в пижаме, полусонный. И когда он откроет дверь, Генри всадит лезвие прямо в полость основания горла, уязвимую полость прямо под адамовым яблоком.

— Посыльный, сэр, — ответил Генри. — Сообщение от вашей жены.

Была ли жена у Каспбрака? Может, это было глупо говорить? Он ждал, хладнокровно стоя на страже. Он услышал шаги — шлепанье тапочек.

— От Миры? — Голос казался взволнованным. Хорошо. Через несколько секунд он будет еще больше обеспокоен. Пульс лихорадочно стучал в правом виске Генри.

— Думаю, да, сэр. Имени нет. Тут говорится только, что ваша жена.

Была пауза, затем металлический лязг, когда Каспбрак возился с цепочкой. Ухмыляясь, Ген-

ри нажал кнопку на рукоятке лезвия. *Щелк.* Он держал лезвие на уровне щеки, наготове. Он слышал, как палец поворачивает замок. Всего через мгновение он погрузит лезвие в покрытое тонкой кожей маленькое горло гадины. Он ждал. Дверь открылась, и Эдди

10

Неудачники все вместе, 1.20

увидел, как Стэн и Ричи как раз выходят из магазина на Костелло-Авеню, каждый ест мороженое на палочке.

— Привет! — крикнул он. — Эй, подождите!

Они обернулись, и Стэн помахал рукой. Эдди как можно быстрее побежал к ним, хотя, по правде говоря, на самом деле это было не очень быстро. Одна рука его была в гипсе, а в другой было его доска «Парчези».

— Что ты говоришь, Эдди? Что ты говоришь, парень? — спросил Ричи величественным раскатистым голосом джентльмена с Юга. — Послушай... Послушай.., у мальчика сломана ручка! Посмотри, Стэн, мальчик сломал ручку! Послушай.., будь добреньким и понеси досточку мальчика.

— Я сам понесу, — сказал, немного задыхаясь, Эдди. — Дай лизнуть мороженое!

— Твоя мамочка не одобрит, Эдди, — печально сказал Ричи. Он стал есть быстрее. Он только что добрался до шоколадной части в середине, его любимой части. — *Микробы,* мальчик! Послушай... Послушай, к тебе попадут *микробы,* если ты будешь есть после кого-то!

— Я рискну, — сказал Эдди.

Неохотно Ричи поднес свое мороженое ко рту Эдди.., и вырвал его быстро-быстро, как только Эдди пару раз лизнул.

— Если хочешь, можешь взять мое, — сказал Стэн. — Я еще не проголодался после завтрака.

— Евреи мало едят, — пояснил Ричи. — Это часть их религии. Они втроем шли в приятном обществе к Канзас-стрит и к Барренсу. Дерри казался покинутым в глубоком туманном полуденном сне. Шторы многих домов, мимо которых они проходили, были опущены. Игрушки оставались на площадках, как будто их владельцев спешно оторвали от игры и послали спать. На западе собиралась гроза.

— Правда?

— Нет, Ричи просто морочит тебе голову, — сказал Стэн. — Евреи едят столько же, сколько обычные люди. Он указал на Ричи.

— Как он.

— Знаешь, ты как-то дерьмово ведешь себя по отношению к Стэну, — сказал Эдди Ричи. — Как бы тебе понравилось, если бы кто-нибудь говорил всякую дрянь о тебе только потому что ты католик?

— О, католики еще и не то делают, — сказал Ричи. — Отец говорил мне, что Гитлер был католиком, и Гитлер убил миллионы евреев. Правильно, Стэн?

— Да, кажется, — сказал Стэн. Он выглядел смущенным.

— Моя матушка *разъярилась*, когда отец сказал мне это, — продолжал Ричи. Легкая, связанная с воспоминаниями усмешка легла не его лицо. — Совершенно *разъярилась*. У нас, католиков, была еще Инквизиция, у которой были крюки, приспособления для выкручивания пальцев и все такое. Я думаю, что все религии странные.

— Я тоже, — сказал Стэн спокойно. — Мы не *ортодоксы* или что-нибудь в этом роде. Я имею в виду, мы едим ветчину и бекон. Я едва даже знаю, что такое быть евреем. Я родился в Дерри, и иногда мы ездим в синагогу в Бангор на праздники, вроде Йемкиппура, но... — он пожал плечами.

— Ветчина? Бекон? — Эдди был озадачен. Он и его мама были методистами.

— Ортодоксальные евреи не едят всякой такой ерунды, — сказал Стэн. — В Торе что-то говорится о том, что нельзя есть ничего, что ползает по земле или ходит по дну океана. Я точно не знаю, что там сказано. Но свиней есть нельзя и крабов тоже. А мои их едят. Я тоже.

— Это странно, — сказал Эдди и залился смехом. — Я никогда не слышал о религии, которая бы говорила вам, что можно *есть*. Эдак они будут вам говорить, какой газ выпускать.

— Кошерный газ, — сказал Стэн и сам засмеялся. Ни Ричи, ни Эдди не поняли, над чем он смеется.

— Ты должен признать, Стэнни, что это довольно-таки странно, — сказал Ричи. — Я имею в виду не есть колбасы только потому, что тебе случилось быть евреем.

— Да? — спросил Стэн. — Ты ешь мясо по пятницам?

— Боже, нет! — Сказал шокированный Ричи. — В пятницу нельзя есть мясо, потому что... — Он немного ухмыльнулся. — О'кей, я понял, что ты имеешь в виду.

— Католики действительно попадут в ад, если они едят мясо по пятницам? — спросил Эдди, обескураженный, совершенно не представляя, что за два поколения до него его предки были поль-

скими католиками, которые скорее прошлись бы голыми по улице, чем вкусили в пятницу мяса.

— Ну, вот что я тебе скажу, Эдди, — сказал Ричи. — Я на самом деле не думаю, что Бог послал бы меня в пекло только за то, что я забылся и съел на завтрак в пятницу сэндвич, но зачем рисковать? Правильно?

— Думаю, да, — сказал Эдди. — Но это кажется таким...

Таким глупым, собирался сказать он, и затем вспомнил историю, которую миссис Пасли рассказала в воскресной школе, когда он был маленьким ребенком — первоклассником в «Маленьких прихожанах». Согласно миссис Пасли, какой-то плохой мальчик однажды украл хлеб для причастия с подноса и положил его в карман. Он принес его домой и бросил в унитаз просто для того, чтобы посмотреть, что будет. Сразу же — во всяком случае так сообщила миссис Пасли своим зачарованным «маленьким прихожанам» — вода в унитазе стала ярко-красной. Это была Кровь Христа, сказала она, и кровь эта явилась маленькому мальчику, потому что он совершил очень плохой поступок, называемый *БОГОХУЛЬСТВО.* Она явилась предупредить его, что, бросая плоть Христа в унитаз, он подвергал свою бессмертную

душу опасности ада.

К этому времени Эдди только что вкусил наслаждение от акта причастия, в котором ему разрешили участвовать с прошлого года. Методисты использовали валлийский виноградный сок вместо вина, а Тело Христа было представлено нарезанными кубиками свежего упругого Чудо-Хлеба. Ему нравилась идея принимать пищу и питье в качестве религиозного обряда. Но под влиянием рассказа миссис Пасли его благоговение перед ритуалом превратилось во что-то более мощное, что-то достаточно страшное. Просто протянуть руку к кубику хлеба стало актом, который требовал мужества, и он всегда боялся электрического разряда.., или хуже: а вдруг хлеб в его руке поменяет цвет, станет кровавым, и безликий Голос начнет громыхать в церкви: *Не достоин! Не достоин! Осужден на муки ада!* Часто после того как он принимал причастие, его горло сжималось, дыхание стесняло, и он с паническим нетерпением ждал, когда закончится благословение, чтобы пойти быстрее в вестибюль и воспользоваться ингалятором.

Ты *же не хочешь быть настолько глупым,* -говорил он себе, когда стал старше. — *Это был просто рассказ, и миссис Пасли наверняка не*

была никакой святой — мама сказала, что она развелась в Киттери и играет в динго в «Санта Мария» в Бангоре и что настоящие христиане не играют в азартные игры, настоящие христиане оставляют игры язычникам и католикам.

Все это освободило его чувства, но не разум. Рассказ о хлебе, который превратил воду в унитазе в кровь, беспокоил его, глодал его, даже заставил его потерять сон. Однажды ночью ему пришло в голову, что, чтобы навсегда разделаться с этим, ему самому нужно взять кусочек хлеба, бросить его в унитаз и посмотреть, что произойдет.

Но такой эксперимент был за пределами его мужества, его рациональный ум не мог устоять против зловещего образа крови, растворяющего в воде облако обвинения и потенциального проклятия. Он не мог устоять против магического заклинания-талисмана: *Придите и ешьте плоть Мою и кровь Мою, что Я пролил за вас.*Нет, он никогда бы не сделал этого эксперимента.

— Я думаю, все религии странные — сказал теперь Эдди. *Но сильные, -*добавлял его разум, — *почти волшебные.., или это БОГОХУЛЬСТВО?* Он начал думать о том, что видел на Нейболт-стрит, и в первый раз он увидел безумную параллель — Оборотень в конце концов вышел из унитаза.

— Слушайте, мне кажется, все спят, — сказал Ричи, небрежно бросая стаканчик от мороженого в водосток. — Вы когда-нибудь видели такую тишину? Что, все ушли в Бар-Харбор на целый день?

— Пппривет, ппарни! — крикнул сзади Билл Денбро. — Пппподождите!

Эдди обернулся, удивленный, что услышал голос Большого Билла. Он катил на Сильвере из-за угла Костелло-Авеню, обгоняя Майка, хотя «Швинн» Майка был почти новой марки.

— *Эй, Сильвер, ДАВАЙЙЙЙЙ!* -кричал Билл. Он катил к ним, делая наверное, двадцать миль в час; трещали спицы и скрипели шины. Затем он нажал на педали и с расстановкой затормозил.

— Заика Билл! — сказал Ричи. — Как дела, парень? Послушай, как ты, как ты, парень?

— Порядок! — сказал Билл. — Видели Бена или Беверли? Подъехал Майк и присоединился к ним. Пот капельками застыл на его лице.

— Как быстро твой велик идет, а? Билл засмеялся.

— Я не знаю точно. Довольно бббыстро.

— Я их не видел, — сказал Ричи. — Они, может, где-нибудь болтаются. Поют дуэтом. «Ш-бум, ш-бум.., ай-да-да-да-да.., ты какой-то мечтательный,

дорогой».

Стэн У рис засвистел.

— Он просто ревнует, — сказал Ричи Майку. — Евреи не умеют петь.

«Бу-бу-бу...»

— Би-би, Ричи, — сказал ему Майк, и они все засмеялись. Они снова направлялись в Барренс, Майк с Биллом толкали свои велосипеды. Разговор сначала был живой, затем замедлился. Взглянув на Билла, Эдди увидел беспокойство на его лице и подумал, что это беспокойство переходит к нему. Он знал, что Ричи пошутил, но на самом деле *казалось*, что все в Дерри уехали в Бар-Харбор на целый день.., или еще *куда-то.* На улице не двигалось ни одной машины, не было ни одной пожилой женщины, толкающей тележку, наполненную бакалеей, к себе домой.

— Определенно тихо, а? — решился Эдди, но Билл только кивнул. Они перешли на другую сторону Канзас-стрит, к Барренсу, и там они увидели Бена и Беверли, бегущих к ним с криками. Эдди был шокирован видом Беверли, обычно такая чистая и аккуратная, волосы всегда вымыты и завязаны сзади в конский хвост. Теперь она в каких-то полосах грязи, глаза дикие. На щеке была царапина. Джинсы покрыты коркой какой-то

мерзости, блузка порвана.

Бен бежал позади нее, задыхаясь, живот его колыхался.

— Нельзя идти в Барренс, — задыхалась Беверли. — Парни... Генри... Виктор... Они где-то там.., нож.., у него нож...

— Пппомедленнее, — сказал Билл, как-то без усилий, бессознательно принимая на себя право принимать решения. Он внимательно посмотрел на Вена, когда он подбежал, его щеки ярко пылали, огромная грудь вздымалась.

— Она говорит, что Генри сошел с ума. Большой Билл, — сказал Бен.

— Черт, ты думаешь, что он был *ненормальным?* -спросил Ричи и сплюнул между зубами.

— Заткнись, Ррричи, — велел он. Рука Эдди полезла в карман и дотронулась до ингалятора. Он не знал, что все это значит, но уже знал, что это чертовски плохо.

Заставляя себя говорить как можно спокойнее, Беверли удалось подать отредактированный вариант рассказа — вариант, который она начала с того, как Генри, Виктор и Белч схватили ее на улице. Она не рассказала им об отце — этого она отчаянно стыдилась.

Когда она закончила, Билл минуту стоял в мол-

чании, с руками в карманах, подбородок опущен, руль Сильвера упирался в грудь. Другие ждали, бросая быстрые взгляды на перила, которые шли вдоль края Канзас-стрит. Билл долго думал, и никто не прерывал его. Эдди осознал, что это, может быть, конец, осознал вдруг и без усилий. Ведь это чувствовалось в дневной тишине, правда? Чувство, что весь город взял и съехал, оставив после себя только пустые оболочки зданий.

Ричи думал о портрете в альбоме Джорджа, который вдруг ожил.

Беверли думала о своем отце. Какие безжизненные глаза у него были!

Майк думал о той птице.

Бен думал о мумии и запахе, похожем на гниль.

Стэн Урис думал о мокрых синих джинсах и о руках — таких белых, как смятая бумага, тоже мокрых.

— Пппошли, — сказал наконец Билл. — Мммы спускаемся.

— Билл, — сказал Бен. Его лицо было взволнованное. — Беверли сказала, что Генри на самом деле *сумасшедший.* То, что он хотел убить...

— Эээто не их, — сказал Билл, жестом показывая на зеленые, торчащие как зубы, скалы справа

от них и ниже их — подлесок, густые рощицы деревьев, бамбук, блеск воды. — *Это ннне их сссобственность.*

Он посмотрел на них, лицо у него было суровое.

— Я ууустал бббояться их. Мы бббудем дддраться с ними камнями, и если нам нннадо ббббудет побить их еще рраз, мы это сделаем.

— Но Билл, — сказал Эдди, — что, если не только с *ними!*Билл повернулся к Эдди, и совершенно шокированный Эдци увидел, какое усталое и измученное лицо у Билла — было что-то пугающее в этом лице, но только позже, уже взрослым, засыпая после встречи в библиотеке, он понял, что его пугало: это было лицо мальчика, подошедшего к грани сумасшествия, мальчика, который в конце концов был не более здоров и не более контролировал свои действия, чем Генри. И все-таки настоящий Билл был все еще там, смотрящий из тех гонимых призраками ужасающих глаз.., и это был сердитый, решительный Билл.

— Хорошо, — сказал он, — а ееесли *ннет?.*

Никто не ответил ему. Прогремел гром, теперь ближе. Эдди посмотрел на небо и увидел, как грозовые облака движутся с запада темными сгустками. Собирался дождь, сволочь, как говори-

ла иногда его мать.

— Тттеперь ввот что я ввам сскажу, — обратился Билл ко всем, внимательно глядя на них. — Никто из вас нне ддолжен идти ссо мной, если вы не ххотите. Это ввваше ппправо.

— Я пойду, Большой Билл, — сказал спокойно Ричи.

— Я тоже, — сказал Бен.

— Конечно, — сказал Майк, поежившись. Беверли и Стэн согласились, и последним — Эдди.

— Я думаю, тебе не надо, Эдди, — сказал Ричи. — Ты же знаешь, у тебя рука не в порядке. Эдди посмотрел на Билла.

— Мне он нужен, — сказал Билл. — Ты пппойдешь сссо ммммной, Эддди. Я буду за тттобой сссмотреть.

— Спасибо, Билл, — сказал Эдди. Усталое, наполовину сумасшедшее лицо Билла показалось ему внезапно прекрасным — прекрасным и горячо любимым. Он почувствовал смутное ощущение восхищения. *Я бы умер за него, мне кажется, если бы он сказал мне. Что это за сила? Если она заставляет тебя выглядеть так, как сейчас выглядит Билл, наверно, это не такая хорошая сила.*

— Да, у Билла есть оружие на крайний слу-

чай, — сказал Ричи. — Биологическое оружие.

Он поднял руку, левую руку, и помахал правой рукой под показавшейся подмышкой. Бен и Майк немного посмеялись, Эдди улыбнулся.

Опять грянул гром, на этот раз близко и достаточно громко, чтобы заставить их подпрыгнуть и прижаться друг к другу. Спускался ветер, в канализации шумели отходы. Первые из темных облаков проплыли над подернутым дымкой диском солнца и растаяли. Дул прохладный ветер, охлаждая пот на неприкрытой руке Эдди. Он дрожал.

Билл посмотрел на Стэна и затем сказал неожиданную вещь.

— У ттебя еесть кккнига о пптицах, Стэн? Стэн похлопал по заднему карману. Билл снова посмотрел на него.

— Давайте сппустимся ввниз, — сказал он.

Они пошли вниз по насыпи одной связкой, кроме Билла, который остался с Эдди, как он и обещал. Он дал Ричи толкать вниз Сильвер, и когда они спустились в низину, Билл поставил свой велосипед на обычное место под мостом. Затем они стояли вместе, оглядываясь по сторонам.

Предстоящая буря не вызвала темноты, не было даже тусклости. Не изменилось качество света,

вещи стояли сонно и неподвижно: без теней, ясные, словно точеные. Эдди почувствовал сосущий страх под ложечкой и неприятное предчувствие в животе, когда он понял, почему качество этого света показалось ему таким знакомым — это тот же самый свет, который он видел в доме №29 по Нейболт-стрит.

Полоса молнии пронзила облака, молния была достаточно яркая и заставила их вздрогнуть. Он приложил руку к лицу и стал считать: р*аз.., два.., три...* И затем грянул гром кашляющим лаем, взрывной звук, треск наподобие фейерверка, и они прижались еще ближе друг к другу.

— По прогнозу сегодня утром никакого дождя, — сказал беспокойно Бен. — Газеты говорили: жарко и облачно.

Майк рассматривал небо. Облака шли там, как килевые шлюпки с черным дном, высокие и тяжелые, быстро расползающиеся в голубую дымку, которая покрыла небо от горизонта до горизонта, когда они вышли после завтрака из дома Денбро.

— Быстро идет, — сказал он. — Никогда не видел, чтобы буря так быстро шла. — И, как бы в подтверждение этого, снова грянул гром.

— Пппошли, — сказал Билл. — Ддавайте положим дддоску Эдди в штабе.

Они шли по тропе, которую протоптали за недели с тех пор, как случился инцидент с запрудой. Билл и Эдди шли впереди, их плечи виднелись сквозь зеленые листья кустарников, другие шли за ними.

Снова поднялся ветер, заставляя листья на деревьях и кустарниках шептаться друг с другом. Далеко впереди шумел бамбук, как барабаны в сказках о джунглях.

— Билл? — сказал Эдди тихим голосом.

— Что?

— Я думал, это бывает только в фильмах, но... — Эдди неловко засмеялся. — Я чувствую, как кто-то наблюдает за мной, — О, они тттам, кконечно, — сказал Билл. Эдди нервно посмотрел вокруг и прижал плотнее доску «Парчези». Он

11

Комната Эдди, 3.05

открыл дверь монстру из комикса ужасов.

Какое-то привидение с полосами запекшейся крови стояло там, и оно могло быть только Генри Бауэрсом. Генри выглядел как труп, вернувшийся из могилы. Лицо Генри было окаменевшей маской колдуна, маской ненависти и убийства. Его правая рука поднята на уровне щеки, и, когда

глаза Эдди расширились и он в шоке сделал первый вздох, рука рванулась вперед, и в ней мягко блеснуло лезвие.

Без всяких раздумий — на это не было времени: если бы он остановился подумать, он был бы убит — он с силой хлопнул дверью. Она ударила Генри в предплечье, отклонив движение так, что он качнулся дугой меньше чем за дюйм от шеи Эдди.

Раздался хруст, когда дверь ударила руку Генри о косяк. Генри издал приглушенный крик. Его рука разжалась. Нож со звоном ударился о пол. Эдди отпихнул его ногой, и он отлетел под телевизор.

Генри навалился своей массой на дверь. Он перевешивал Эдди на сотню фунтов, и Эдди отлетел назад, как кукла, его колени ударились о кровать, и он упал. Генри вошел в комнату и захлопнул за собой дверь. Он повернул задвижку, когда Эдди сел с широко открытыми глазами, его горло уже начало свистеть.

— О'кей, педик, — сказал Генри. Его глаза моментально опустились на пол в поисках ножа. Он не увидел его. Эдди ухватился за ночной столик и нашел одну из двух бутылок воды «Перье», которую он заказал раньше в этот день. Эта бутылка была полная, другую он выпил перед тем, как

идти в библиотеку, потому что нервы его были напряжены и он чувствовал изжогу. «Перье» была хороша для пищеварения.

Когда Генри выронил нож и пошел к Эдди, Эдди схватил зеленую грушевидную бутылку за горлышко и разбил ее о край ночного столика.

«Перье» пенился и шипел, залив почти все лекарства, которые лежали на столике.

Рубашка и штаны Генри засохли от крови. Его правая рука висел, каким-то странным углом.

— Педик, — сказал Генри, — я покажу тебе, как бросаться камнями.

Он двинулся к кровати и потянулся к Эдди, который все еще смутно соображал, что происходит. Не более сорока секунд прошло с тех пор, как он открыл дверь. Генри потянулся за ним. Эдди бросил в него бутылку «Перье» с разбитым горлышком. Она попала в лицо Генри, разрезав правую щеку и оторвав от нее болтающийся лоскут, и выбила правый глаз Генри. Генри издал задыхающийся крик и отступил назад. Его разрезанный глаз, источая беловато-желтую жидкость, свободно вытекал из глазницы. Из щеки обильным фонтаном лилась кровь. Собственный крик Эдди был громче. Он встал с постели и пошел к Генри — возможно, помочь ему, он не был точно

уверен — и Генри снова бросился на него. Эдди оборонялся бутылкой «Перье», как фехтовальным мечом, и на этот раз зазубренные края зеленого стекла проникли глубже в левую руку Генри и впились в пальцы. Потекла потоком свежая кровь. Генри издал густой хрюкающий звук, звук человека, прочищающего горло, и отшвырнул Эдди правой рукой.

Эдди отлетел назад и ударился о письменный стол. Его левая рука как-то балансировала сзади, и он тяжело упал на нее. Его пронзила дикая внезапная вспышка боли. Он почувствовал, как кость треснула по старой линии слома, и он должен был стиснуть зубы, чтобы не закричать.

Какая-то тень закрыла свет.

Генри Бауэре стоял над ним, качаясь взад-вперед. Его колени согнулись. Левая рука пачкала кровью одежду Эдди.

Эдди держал остатки бутылки «Перье», и теперь, когда колени Генри полностью расслабились, он всадил ее перед собой, острым концом, в грудину Генри. Напоровшись на бутылку, Генри рухнул как дерево. Эдди почувствовал, как что-то раскололось в его руке, и сверло новой дикой боли прошло через его левую руку, которая все еще была под его телом. Теплая жидкость каскадом

изливалась на него. Он не был уверен, была ли это кровь Генри или его собственная.

Генри дергался, как выброшенная на берег форель. Его ботинки ритмично ударялись о ковер. Эдди чувствовал его гнилое дыхание. Затем Генри вытянулся и перевернулся. Из середины его живота нелепо торчала бутылка, ее конец указывал на потолок, как будто бы она росла туда.

— *Бульк,* -произнес Генри, и больше ничего. Он смотрел в потолок. Эдди подумал, что он, должно быть, мертв.

Эдди боролся с волнами дурноты, которая казалось уносит его сознание. Он встал на колени и наконец на ноги. Появилась свежая боль, когда сломанная рука повисла перед ним, она прояснила немного его голову. Со свистом, с трудом обретая дыхание, он дотянулся до ночного столика. Он взял свой ингалятор из лужи газированной воды, вставил его в рот и нажал кнопку. Он вздрогнул от его вкуса, затем еще раз нажал. Он посмотрел на тело на ковре — мог это быть Генри? Могло это быть? Могло. Постаревший, с ежиком волос, скорее седым, чем черным, с толстым, бледным и опухшим телом, все-таки это был Генри. И Генри был мертв. В конце концов Генри был...

— *Бульк,* -сказал Генри и сел. Его рука цеплялась за воздух, как будто за подпорки, которые только он мог видеть. Его выбитый глаз вытекал и капал, его нижняя дужка теперь выкатилась на щеку. Он посмотрел вокруг, увидел, как Эдди, опираясь о стену, пытается подняться.

Он открыл рот, и из него хлынула кровь. Генри снова свалился. С сильно бьющимся сердцем Эдди нащупал телефон и смог только сбить его со стола на кровать. Он ухватился за него и набрал 0. Телефон звонил снова, и снова, и снова.

— *Давай,* -думал Эдди, — *что ты там делаешь, писаешь, что ли? Ну подойди же к телефону!*

Гудки продолжались, и продолжались, и продолжались. Эдди не сводил глаз с Генри, ожидая, что в любой момент тот попытается встать. Кровь, Боже мой, как много крови.

— Дежурный, — наконец ответил сонный, раздраженный голос.

— Позвоните в номер мистера Денбро, — сказал Эдди. — Как можно скорее. — Другим ухом он теперь прислушивался к комнатам вокруг. Насколько хорошая здесь слышимость? Не прибежит ли кто-нибудь стучать в дверь и спрашивать, все ли в порядке?

— Вы действительно хотите, чтобы я позво-

нил? — спросил клерк. — Сейчас десять минут четвертого.

— Да, хочу! — почти закричал Эдди. Рука, которой он держал трубку, конвульсивно дрожала. В другой руке словно свилось гнездо ос, отвратительно жужжащих. Генри опять двинулся? Нет, вроде нет.

— О'кей, о'кей, — сказал клерк. — Умерьте свой пыл, друг мой. Раздался щелчок, и затем хриплое жужжание телефона в номере. *Давай, Билл, давай, да...*

Внезапная, ужасная мысль пришла в голову Эдди. А вдруг Генри сначала пришел к Биллу? Или Ричи? Бену? Беверли? Или, может быть, он сначала нанес визит в библиотеку? Наверняка он был еще где-то *сначала;* если бы кто-то не обработал Генри, Эдди бы лежал сейчас мертвым на полу, с лезвием, торчащим из груди, так же как горлышко бутылки «Перье» из кишок Генри. А вдруг Генри сначала нанес визит всем остальным, заставая их расслабленными, полуспящими, как Генри застал его? А вдруг они все мертвы? И эта мысль была так ужасна, что Эдди подумал, что он начнет сейчас кричать, если никто не ответит в номере Билла.

— Пожалуйста, Большой Билл, — шептал он, —

пожалуйста, дружище, будь там.

Трубка была снята, и голос Билла, нетипично для него осторожный, сказал:

— Алло?

— Билл, — сказал, вернее, почти пролепетал Эдд. — Билл, слава Богу.

— Эдди? — Голос Билла стал моментально приглушенным, говоря кому-то еще, кто это звонит. Затем он снова сделался четким. — Ччто ссслучилось. Эдди?

— Это Генри Бауэре, — сказал Эдди. Он снова посмотрел на тело на полу. Изменило ли оно положение? На этот раз не так-то просто было убедить себя, что оно не изменило. — Билл, он пришел сюда.., и я убил его. У него был нож. Я думаю... — Он понизил голос. — Я думаю, это был тот же самый нож, который у него был в тот день. Когда мы пошли в сточную трубу. Ты помнишь?

— Пппомню, — сказал мрачно Билл. — Эдди, послушай меня. Я хочу, чтобы ты

12

Барренс, 1.55

ппошел ннназад и ппопросил Бббена пприйти ссюда.

— О'кей, — сказал Эдди и пошел назад. Теперь

они приближались к прогалине. В покрытом тучами небе гремел гром, и кусты шевелились под напором ветра.

Бен присоединился к ним, как только они вошли в прогалину. Люк в штаб был открыт, совершенно невероятный квадрат черноты в зеленом пространстве. Река слышалась очень четко, и вдруг в голову Билла пришла уверенность, что он уже слышал этот звук и был в том месте. Он глубоко вздохнул, обоняя землю, и воздух, и находящуюся вдалеке свалку, вздувающуюся как вулкан, но никак не решающуюся выбросить лаву. Он видел, как стая птиц летит от железнодорожной эстакады в сторону Старого Мыса. Он посмотрел на кипящие облака.

— Что это? — спросил Бен.

— Почему они нне попытались ппоймать нас? — спросил Билл. — Они ттам. Эээдди был прав нннасчет этого. Я ммогу их *ччувствовать*-там.

— Да, — сказал Бен. — Может, они настолько глупы, что думают, что мы залезем назад в штаб. Там бы они нас сцапали, как в ловушке.

— Ммможет быть, — сказал Билл и почувствовал внезапную беспомощную ярость на свое заикание, которое не давало ему возможность

говорить быстро. Возможно, было что-то, о чем он не сумел сказать — как он чувствует, что может видеть в глазах Генри Бауэрса, как он чувствует, что хоть и с разных сторон, хотя будучи заложником друг друга, он и Генри стали близки.

Генри ждал, что они будут драться....

Оно ждало, что они будут драться...

И *будут убиты.*

Белый свет холодной вспышкой наполнил его голову. Они будут жертвами убийцы, который устраивает в Дерри облавы со времени смерти Джорджа — за ними семерыми. Может быть, их тела найдут, может быть, нет. Это зависит от того, захочет ли Оно, защитит ли Оно Генри — ив меньшей степени Белча и Виктора. *Да. И до конца, до конца существования этого города мы будем считаться жертвами убийцы. Это так, каким-то смешным образом это действительно так. Оно требует нашей смерти. Генри — инструмент для свершения ее, поэтому Оно не должно выходить. Я первый, я думаю — Беверли и Ричи, возможно смогут удержать остальных, или Маш, но Стэн напуган и Бен тоже, хотя я знаю, он сильнее, чем Стэн. А у Эдди сломана рука. Зачем я повел их сюда, вниз? Зачем?*

— Билл? — встревоженно позвал Бен. Осталь-

ные подошли к ним около штаба. Гром снова грянул, и кусты начали шелестеть сильнее. Бамбук стучал под усиливающемся ветром.

— Билл! — теперь это был Ричи.

— Шшшш! — остальные, обеспокоенные, застыли под его ярко горящими глазами, затуманенными этой мыслью.

Он внимательно смотрел на подлесок, и на тропинку, вьющуюся через него назад к Канзас-стрит, и его разум вдруг поднялся на новую высоту, как будто взлетающий выше самолет. В уме он не заикался, он чувствовал, как будто его мысли несло сумасшедшим потоком интуиции — как будто все приближалось к нему.

Джордж — на одном конце, я и мои друзья — на другом. И затем это кончится.

*(*опять) Опять, да, опять, потому что это случилось раньше и всегда должна быть какая-то жертва, какое-то жертвоприношение в конце, какая-то ужасная вещь, чтобы остановить это, я не знаю, как я могу знать это, но я знаю.., и они.., они...

— Они дадут эээтому случиться, — пробормотал Билл, уставившись широко открытыми глазами на крысиный хвостик тропинки. — Конечно, они дддадут.

— — Билл? — спросила Бев умоляюще. Стэн стоял с одной ее стороны, маленький и аккуратный, в голубой тенниске и брюках военного образца. Майк стоял с другой, напряженно глядя на Билла, как будто читал его мысли.

Они дадут этому произойти, они всегда дают, и все успокаивается, все продолжается. Оно... Оно...

*(*спит) ...спит.., или находится в спячке.., и затем Оно начинает снова, и они знают.., люди знают.., что Оно должно быть таким, каким Оно может быть.

— Я пппп...

О, пожалуйста, Господи, пожалуйста, Господи, он сжимает кулаки, пожалуйста Господи, он ударяет ими по столбам, дай мне, Господи, Христос, ДАЙ МНЕ СПОСОБНОСТЬ ГОВОРИТЬ!

— Я ппривел вас сюда, ппотому что нет мместа безопасней, — сказал он. Слюна срывалась с его губ, он вытер ее тыльной стороной руки. — *Ддерри* -это Оно. Вы пппонимаете ммменя?

Он посмотрел на них, они слегка отвели взгляд, глаза их блестели почти в смертельном страхе.

— *Ддерри — это Оно!* В лллюбом ммместе, куда мы ни ппопадем, когда Ооно доберется до ннас, ллюди нне *увидят,* ннне *услышат,* нне *узнают.*

Он смотрел на них умоляюще.

— Рразве вы не вввидите? Ввсе, что ммы мможем ссделать, — это ппопытаться ззакончить то, что ммы нначали.

Беверли увидела, как мистер Росс поднимается, смотрит на нее, сворачивает газету и просто уходит в дом. *Они не увидят, они не услышат, они не узнают. И мой отец...*

(сними штаны, потаскушка) Он хотел убить ее.

Майк думал о завтраке с Биллом. Мать Билла витала в своих грезах, не замечая никого из них, читая роман Генри Джеймса, пока мальчики делали сэндвичи и поедали их, стоя у стола. Ричи думал об аккуратном, но очень пустом доме Стэна. Стэн был немного удивлен: его мать почти что всегда была дома во время завтрака. В тех редких случаях, когда ее не было, она оставляла записку, говоря, где ее можно найти. Но сегодня не было никакой записки. Машины не было — и все. «Наверное пошла в магазин со своей подружкой Дебби», — сказал Стэн, нахмурясь немного, и принялся за приготовление сэндвичей с салатом и яйцами. Ричи забыл об этом. До этого момента.

Эдди думал о своей матери. Когда он уходил со своей доской «Парчези», не было никаких ее обычных предупреждений: *Будь осторожен,*

Эдди, стань в укрытие, если пойдет дождь, Эдди, не смей играть ни в какие грубые игры, Эдди. Она не спросила, есть ли у него ингалятор, не сказала ему, во сколько вернуться домой, не предупредила его об «этих ужасных мальчишках, с которыми ты играешь». Она просто ушла смотреть мелодраму по телевизору, как будто его не существовало.

Как будто бы его не существовало.

Вариант той же самой мысли прошел через головы всех мальчишек: они все в промежутке между тем как проснулись и временем завтрака просто стали призраками.

Призраками.

— Билл, — сказал хрипло Стэн, — а если мы срежем? Через Старый Мыс?

Билл покачал головой.

— Я ттак не ддумаю. Ннас ббы ссхватили в ббамбуке. — .или в омммӱте.., или ннастоящая рыба-пппирания в Ккендускеаге. — .или ччтонибудь еще.

У каждого было свое собственное представление о том же самом конце. Бен увидел кусты, которые внезапно становятся растениями, пожирающими людей. Беверли увидела летящих пиявок, которые появились из того старого холодильника. Стэн увидел грязную землю в бамбуке,

изрыгающую живые трупы детей, затянутых туда легендарным омутом. Майк Хэнлон представил себе маленьких юрких рептилий со страшными зубами-пилами, вдруг извергающихся из трещины сгнившего дерева, нападающих на них, растерзывающих их на куски. Ричи увидел Ползучий Глаз, заволакивающий их сверху, когда они бегут под железнодорожной эстакадой. А Эдди увидел, как они забираются на насыпь Старого Мыса только для того, чтобы посмотреть вверх и увидеть прокаженного, стоящего наверху, по его обвисшей плоти ползают жуки и личинки, он ждет их.

— Если бы мы как-то могли выбраться из города... — пробормотал Ричи, затем вздрогнул, так как гром с неба прокричал яростное «нет». Пошел дождь, пока он лишь накрапывал, но скоро польет как из ведра. Туманный покой этого дня кончился, как будто бы его никогда и не было. — Мы бы спаслись, если бы только могли выбраться из этого чертова города.

Беверли начала:

— Би.... — И вдруг из ветвистого кустарника вылетел камень и ударил Майка в голову. Он отступил назад, кровь потекла через густую шапку его волос, и он бы упал, если бы Билл не

поддержал его.

— Я научу вас бросаться камнями! — донесся до них издевательский голос Генри.

Билл увидел, как остальные озирались вокруг дикими глазами, готовые разбежаться в разные стороны. И если бы они сделали это, все было бы кончено.

— Бббен! — сказал он резко. Бен посмотрел на него.

— Билл, мы должны бежать. Они...

Из кустов полетело еще два камня. Один ударил Стэна в верхнюю часть бедра. Он вскрикнул, скорее от удивления, чем от боли. От второго Беверли уклонилась. Он ударился о землю и покатился через люк штаба.

— Ввы пппомните первый ддень, когда ввву ппришли сюда? — кричал Билл, стараясь перекричать гром. — Ддень, когда кккончилась шшкола?

— Билл... — закричал Ричи.

Билл жестом велел ему замолчать, глаза его оставались прикованными к Бену, пригвождая его к месту.

— Конечно, — сказал Бен, растерянно пытаясь глядеть во всех направлениях сразу. Кусты теперь дико шевелились и танцевали в диком танце, их

движение казалось страшным приливом.

— Ккканализация, — сказал Билл. — Насос. Ввот кккуда ммы должны пппойти.

— Но...

— *Пппойдем туда!*

Шквал камней полетел из кустов, и в течение мгновения Билл видел лицо Виктора Крисса, какое-то испуганное, вытянутое и жадное в одно и то же время. Потом камень ударил его в позвоночник, и теперь была очередь Майка поддержать его, чтобы он не упал. На миг у него потемнело в глазах. Щека онемела. Затем ощущение вернулось болезненными толчками, и он почувствовал, как у него по лицу бежит кровь. Он схватился за щеку, пошатнувшись от сильного болезненного удара, посмотрел на кровь, вытер ее о джинсы. Освежающий ветер поднял его волосы дыбом.

— Научу тебя бросаться камнями, заикающаяся жопа! — полусмеялся, полуорал Генри.

— *Пойдем тттуда!* -кричал Билл. Он понял теперь, почему он послал Эдди назад за Беном: они должны идти к насосной установке, *но только к одной определенной насосной установке,* и только Бен точно знал к какой из них, несколько насосов стояло по обоим берегам Кендускеага

через неправильные промежутки. — Вввот ттто место! Ддорога ттуда! К ннему!

— Билл, ты не можешь этого *знать!* -закричала Беверли. Он дико зарычал на нее — на них на всех:

— Я *знаю!*

Бен стоял какое-то время, облизывая губы и глядя на Билла. Затем он рванул к прогалине, направляясь в сторону реки. Бриллиантовая подвеска молнии прорезала небо, сиренево-белое, а затем раздался треск грома, заставивший Билла зашататься на ногах. Камень величиной с кулак пролетел мимо его носа и ударил Бена в задницу. Он взревел от боли, рука его схватилась за ушибленное место.

— *Ага, толстяк!* -кричал Генри тем же самым полусмехом-полувоплем. Кустарник зашелестел и затрещал, и Генри появился, когда дождь перестал дурачиться и перешел в ливень. Вода текла по ежику Генри, по его бровям, щекам. Его ухмылка показывала все зубы. — Научу тебя бросать ка...

Майк нашел один из кусков того, что было крышей штаба, и бросил его. Он дважды перевернулся и попал Генри в лоб. Он вскрикнул, схватился рукой за голову, как человек, которому

вдруг пришла хорошая идея, и тяжело опустился на землю.

— *Ббежим!* -заорал Билл. — За Бббеном!

Еще больше треска и шума раздалось в кустах, и, когда все остальные Неудачники побежали за Беном Хэнскомом, появились Виктор и Белч, подняли Генри, и все трое пустились в погоню за ребятами.

Даже позднее, когда Бен вспомнил остаток дня, он мог припомнить только беспорядочный бег через кусты. Он помнил ветки, перегруженные отяжелевшими от дождя листьями, которые били по лицу и охлаждали его холодной водой, а гром и молния казались ему бесконечными и непрерывными, помнил, что крики Генри, чтобы они вернулись назад и дрались, казались соединившимися с шумом Кендускеага, по мере того как они приближались к реке. Каждый раз, когда он замедлял движение, Билл толкал его в спину, заставляя бежать быстрее.

Что, если я не смогу ее найти? Что, если я не смогу найти эту насосную установку?

Дыхание вырывалось из его легких, жаркое и с привкусом крови где-то в конце горла, на задней его стенке. Он чувствовал острую боль в боку. Задница ныла в том месте, где в нее попал ка-

мень. Беверли говорила, что Генри и его дружки собирались убить их, и сейчас Бен в это поверил, да, поверил.

Он выбежал к берегу Кендускеага так неожиданно, что едва не свалился через край. Ему удалось удержать равновесие, и затем насыпь, подмытая, обвалилась, и он сбежал, все время падая и скользя, к краю быстро текущей воды, его рубашка морщилась на спине, липкая грязь пачкала кожу и впивалась в нее.

Билл догнал его и помог ему встать на ноги.

Остальные выскочили из-за кустов, которые нависали над берегом. Ричи и Эдди были последними, Ричи одной рукой держал за талию Эдди, его спадающие очки ударяли по кончику носа.

— Гггде? — кричал Билл.

Бен посмотрел сначала налево, затем направо, понимая, что времени убийственно мало. Река уже казалась выше, и небо, темное от дождя, придавало ей пугающий серо-стальной оттенок. Берега ее покрывали подлесок и сухие деревья, причем все теперь танцевало под мелодию ветра. Он слышал, как Эдди задыхается.

— Гггде?

— Я не з... — начал он и затем увидел наклоненное дерево и под ним размытую пещеру. Это

было там, где он прятался в первый день. Он тогда уснул и, когда проснулся, услышал, как Билл и Эдди переговариваются поблизости. Потом большие парни пришли.., увидели.., победили. *Та-та, ребятки, это была настоящая детская запруда, поверьте мне.*

— Там! — закричал он. — Туда!

Снова сверкнула молния, и на этот раз Бен смог услышать ее жужжащий звук, как перегруженный трансформатор поезда. Она ударила в дерево, и сине-белый электрический огонь зашипел осколками, как зубочистка сказочного великана. Дерево рухнуло в реку со страшным треском, взмыв фонтан воды высоко в небо. Он с трудом вздохнул и почувствовал что-то горячее, гнилостное и дикое. Огненный шар прокатился по упавшему дереву, казалось, дерево загорелось ярче, и шар исчез. Раздался гром — но не над ними, а *вокруг* них, как будто они стояли в его эпицентре. Дождь лил сплошной завесой.

Билл тяжело ударил Вена в спину, пробуждая от сумеречного созерцания этих вещей.

— Показывай!

Бен пошел, брызгая и тяжело ступая, по краю реки, волосы падали ему на глаза. Он добрался до дерева — маленькая пещера в его корнях исчезла

— и перебрался через него, пальцами ног врезаясь в сырое укрытие, царапая руки и предплечья.

Билл и Ричи за руки перевели Эдди, и, когда он споткнулся о ствол дерева, Бен подхватил его. Они оба тяжело опустились на землю. Эдди вскрикнул.

— У тебя все в порядке? — спросил Бен.

— Думаю, да, — ответил Эдди, вставая на ноги. Он потянулся к своему ингалятору и чуть не выронил его. Бен поймал его на лету, и Эдди посмотрел на него с благодарностью, засунул в рот и нажал на кнопку.

Подошел Ричи, затем Стэн и Майк. Билл помогал Беверли перебираться через дерево, и Бен и Ричи подхватили ее на этой стороне; волосы ее прилипли к голове, синие джинсы теперь превратились в черные.

Билл подошел последним и полез на ствол дерева. Он увидел, что Генри и двое других бегут к ним, разбрызгивая воду, сполз с поваленного дерева, и крикнул:

— Кккамни! Ббросайте ккамни!

Здесь, на берегу, их было полно, и дерево, в которое ударила молния, стало отличной баррикадой. Через минуту-другую все семеро бросали камни в Генри и его дружков. Они уже почти по-

дошли к дереву на расстояние прямого выстрела, но вынуждены были отпрянуть назад, крича от боли и ярости, так как камни били им в лицо, грудь, руки и ноги.

— Учите нас бросать камни! — закричал Ричи, запуская голыш величиной с куриное яйцо в Виктора. Камень ударил ему в плечо и отскочил. Виктор взвыл. — Давай, давай, учи нас, мальчик! Мы *хорошо* учимся!

— *Да-ааа!* -закричал Майк. — Как тебе это нравится? Как тебе это *нравится!*

Ответа не было, они отступили, пока не оказались вне поля зрения и собрались вместе. Через минуту они карабкались по насыпи, скользя и оступаясь на мокрой земле, которая была уже изборождена маленькими бегущими ручейками, держась за ветки, чтобы не упасть.

Они исчезли в подлеске.

— Они собираются нас окружить, Большой Билл, — сказал Ричи, надвигая очки на нос.

— Это хххорошо, — сказал Билл. — Пппродолжай, Бен. Мы ппойдем за тобой.

Бен осторожно прошел по насыпи, остановился и увидел насосную установку в двадцати ярдах вниз по течению. К нему подошли все остальные. Они могли еще увидеть цилиндры на противо-

положном берегу, один довольно-таки близко, другой — в сорока ярдах вверх по течению. Оба выпускали потоки грязной воды в Кендускеаг, но из трубы, торчащей вниз по насыпи, выливалось совсем немного. Она не шумела, как заметил Бен. Насосная система была выведена из строя.

Он внимательно посмотрел на Билла.., с некоторым испугом.

Билл смотрел на Ричи, Стэна, Майка.

— Ммы дддолжны ссснять ккрышку, — сказал он. — Пппомогите ммне.

На железе были ручки, но дождь сделал их скользкими, и крышка казалась невероятно тяжелой. Бен услышал, как внутри капает вода — эхообразный неприятный звук.

— *Ввввзялись!* -крикнул Билл, и все пятеро приподняли крышку. Крышка подвинулась с противным резким звуком.

Беверли держалась рядом с Ричи; и Эдди толкал здоровой рукой.

— *Раз, два, три, взялись!* -скомандовал Ричи. Крышка проскрипела немного дальше от вершины цилиндра. Показался полумесяц темноты.

— Раз, два, три, *взялись!*Полумесяц стал шире.

— Раз, два, три, *взялись!*

Бен толкал, пока у него перед глазами не запры-

гали красные пятна.

— Назад! — крикнул Майк. — Пошел, он пошел!

Они встали в сторону и смотрели, как большая круглая шапка потеряла равновесие, затем упала. Она продавила вмятину в сырой земле и приземлилась вверх дном. С ее поверхности на спутанную траву выползли жуки.

— ФУ, — сказал Эдди.

Билл внимательно посмотрел внутрь. Железные ступеньки спускались в круглый бассейн черной воды, его поверхность теперь была изрешечена дождевыми каплями. Замерший насос покоился там, в середине, наполовину погруженный в воду. Он увидел, как вода льется в насосную установку из устья подающей трубы, и со страхом подумал: *Вот куда мы должны идти. Туда.*

— Ээээдди. Ддавай кко ммме. Эдди посмотрел на него, не понимая.

— На сспину. Ддержись зззоровой ррруукой, — Он показал. Эдди понял, но не проявил особого желания.

— Быстро! — подгонял Билл. — Оони сскоро ббудут!

Эдди схватился за шею Билла, Стэн и Майк помогли ему, так что он смог ногами обхватить

туловище Билла. Когда Билл качнулся неуклюже над крышкой цилиндра, Бен увидел, что глаза Эдди плотно закрыты.

Сквозь дождь он расслышал другой звук: хруст веток и голоса Генри, Виктора и Белча. Самая мерзкая в мире троица.

Билл сдвинул грубую цементную крышку цилиндра и начал свой путь вниз, осторожно, шаг за шагом. Железные ступеньки были скользкие. Эдди держал его мертвой хваткой, и Билл подумал, что теперь он получит графическое представление о том, что такое астма Эдди.

— Я боюсь, Билл, — прошептал Эдди.

— Яяя тттоже, — сказал Билл.

Он ступил на бетонное основание и уцепился за самую верхнюю ступеньку. Хотя Эдди душил его и казалось, будто он весит уже сто фунтов, Билл на минуту задержался, глядя на Барренс, на Кендускеаг, на бегущие облака. Голос внутри — не испуганный голос, а твердый — сказал ему, чтобы он хорошенько все рассмотрел на случай, если он никогда больше не увидит этот свет.

Поэтому он посмотрел, а затем начал спускаться с Эдди, который висел у него на спине.

— Я не смогу держаться дольше, — сказал Эдди.

— И не ннужно будет, — сказал Билл. — Мы ппочти ввнизу.

Одна его нога вступила в прохладную воду. Он нащупал следующую ступеньку. Под этой была еще одна, и затем лестница кончалась. Он стоял по колено в воде рядом с насосом.

Он соскочил, вздрогнув, когда холодная вода насквозь промочила его штаны, и опустил Эдди. Он глубоко вздохнул. Запах был не очень горячий, но сильный.

Он посмотрел на устье цилиндра. Оно нависло в десяти футах над его головой. Остальные собрались у края, глядя вниз.

— Дддавайте! — крикнул он. — По ооднному! Быстро! Беверли шагнула первой, легко качнувшись над ободом и хватаясь за лестницу. Следующим был Стэн. За ними пошли остальные. Ричи шел последним, остановившись, чтобы прислушаться к движению Генри и приятелей. Он понял по звуку, что они, наверное, заходят слева от насосной установки, но не очень далеко, В этот момент Виктор заорал:

— Генри! Там! Тозиер!

Ричи оглянулся и увидел, как они рванули к нему. Виктор бежал первым.., но затем Генри оттолкнул его настолько яростно, что Виктор упал

на колени. У Генри был нож, настоящий нож для убоя свиней, капли крови капали с лезвия.

Ричи посмотрел в цилиндр, увидел, как Бен и Стэн помогали Майку слезть с лестницы, и резко поменял позицию. Генри понял, что он делает, и закричал ему. Ричи, безумно смеясь, ударил левой рукой по изгибу правого локтя и выставил предплечье вверх, а его рука сжалась в кулак — это был жест, старый, как мир. Чтобы удостоверится, что Генри правильно понял, он поднял свой средний палец вверх.

— *Ты умрешь прямо там!* -крикнул Генри.

— *Попробуй!* -крикнул Ричи, смеясь. Ему было страшно ступать в бетонное жерло, но все-таки он не мог остановить смех. И своим голосом ирландского полицейского он протрубил: "Конечно, клянусь Богом, удача *никогда* не покидает ирландцев, дружок!"

Генри поскользнулся на мокрой траве и съехал на заднице менее чем в двадцати футах от того места, где стоял Ричи ногами уже на верхней ступеньке лестницы, а голова и грудь были снаружи.

— Эй, *тупицы!* -крикнул Ричи в возбуждении от триумфа и затем скрылся на лестнице. Железные ступени скользили, и один раз он чуть не упал.

Затем Билл и Майк схватили его. И он встал на колени в воде рядом с остальными вокруг насоса. Он весь дрожал, чувствуя, как его бросает то в жар, то в холод, и все-таки никак не мог перестать смеяться.

— Ты бы видел его, Большой Билл, этого увальня, который никак не может отказаться от того, что он заводила...

Наверху в круглом отверстии показалась голова Генри. Царапины от веток расчертили его щеки. Рот его кривился, глаза его горели огнем.

— О'кей, — крикнул он им вниз. Его слова гулко отражались внутри бетонного цилиндра. — Вот я иду. Сейчас вам покажу.

Он свесил одну ногу, нащупал самую верхнюю ступеньку, свесил другую ногу.

Громко произнося слова, Билл сказал:

— Когда оон сспустится ддостаточно бблизко ввниз, ммы ссхватим еего. Сстащим еего вниз. Сскрутим. Пппоняли?

— О'кей, губернатор, — сказал Ричи, отдавая салют дрожащей рукой.

— Поняли, — сказал Бен.

Стэн наклонился и подмигнул Эдди, который не понимал, что происходит, за исключением того, что ему казалось, что Ричи спятил. Он смеялся,

как полоумный, пока Генри Бауэре — грозный Генри Бауэре — готовился спуститься и убить их всех, как крыс в дождевой кадке.

— Все готово для него, Билл! — крикнул Стэн.

Генри застыл за три ступеньки до конца. Через свое плечо он посмотрел на Неудачников. В первый раз на его лице появилось сомнение.

Эдди вдруг понял это. Если он продолжит спускаться, они должны будут приходить по одному. Прыгать было слишком высоко, особенно если внизу находятся насосные механизмы, а здесь были они, все семеро, ожидающие их тесным маленьким кружком.

— Ддавай, Генри, — сказал Билл любезно. — Ччего ттты ттам жжждешь?

— Верно, — вставил Ричи. — Тебе хочется побить ребяток, да? Давай, Генри.

— Мы ждем, Генри, — сказала нежно Бев. — Я не думаю, что тебе понравится, но спускайся, если хочешь.

— Если ты не цыпленок, — добавил Бен. Он начал издавать цыплячьи звуки. К нему тотчас же присоединился Ричи, и скоро все они делали это. Насмешливое кудахтанье разносилось между сырыми, капающими стенами. Генри посмотрел на них, в левой руке зажат нож, лицо цвета ста-

рых кирпичей. Он постоял так секунд тридцать, затем вскарабкался наверх. Неудачники кричали и свистели ему вслед.

— Ооо'кей, — сказал Билл. Он говорил низким голосом. — Ммы ддолжны ппойти в ккканализационную ттрубу. Ббыстро.

— Зачем? — спросила Беверли, но Билл был избавлен от попытки отвечать. Генри снова появился у обода насосной установки и бросил вниз камень размером с теннисный мяч. Беверли закричала, а Стэн с хриплым криком прижал Эдди к круглой стенке. Камень ударился о ржавый кожух насосных механизмов и вывел музыкальное «бенгпт», потом срикошетил влево и ударился о бетонную стенку, не долетев до Эдди всего лишь полфута. Кусочек бетона больно ударил его по щеке. Камень с брызгами упал в воду.

— *Бббыстро!* -снова крикнул Билл, и они столпились у входной трубы насосной установки. Ее диаметр был около пяти футов. Билл посылал их одного за другим (смутный образ цирка — здоровенные клоуны выходят из маленькой машины — метеоритной вспышкой пронесся в его сознании; годы спустя он использует тот же самый образ в книге под названием «Черные пороги»), а сам полез последним, после того как уклонился

еще от одного камня. А в это время камни летели вниз, большинство из них ударялось о кожух насоса и отскакивало под причудливым углом.

Когда они прекратили падать, Билл посмотрел вверх и увидел, что Генри очень-очень быстро спускается по лестнице.

— Хххватайте его! — закричал он остальным. Ричи, Бен и Майк втиснулись рядом с Биллом. Ричи подпрыгнул и схватился за лодыжку Генри. Генри выругался и дернул ногой, как будто пытаясь стряхнуть маленькую собачонку с острыми зубами — терьера, может быть, или китайского мопса. Ричи схватился за ступеньку, забрался даже выше и действительно вонзил свои зубы в лодыжку Генри. Генри пронзительно завопил и быстро выбрался наверх. Один его ботинок упал и плюхнулся в воду, где и утонул.

— Укусил меня! Этот хер укусил меня!

— Да, хорошую вещицу мне впрыснули — столбняк — этой весной, — подначил его Ричи.

— Закидайте их! — неистовствовал Генри. — Закидайте их, разбомбите их, размозжите им головы!

Полетели новые камни. Мальчики снова быстро прижались к стене. Майка ударил в руку маленький камень, и он вытянул ее, испугав-

шись, пока боль не прошла.

— Это паритет, — сказал Бен. — Мы не можем подняться наверх, а они не могут спуститься вниз.

— А нам не ннужно пподниматься, — сказал спокойно Билл, и ввы ввсе это ззнаете. Ннам нникогда ббболыпе нне ппридется пподняться наверх.

Они посмотрели на него, в глазах были боль и страх. Голос Генри, скрывающий за издевательскими нотками бешеную злобу, долетел сверху:

— Мы можем здесь ждать целый день, детки!

Беверли отвернулась и посмотрела в канал сточной трубы. Свет быстро сгущался, и ей было видно немного. Она видела бетонный тоннель, на треть заполненный бушующей водой. Она поняла, что вода сейчас поднялась выше, чем раньше, когда они только еще спустились, потому что насос не работал. Она почувствовала, как клаустрофобия хватает ее за горло, действуя на кожу, которая стала похожа на фланель. Если прибудет достаточно воды, они утонут.

— Билл, должны ли мы?..

Он пожал плечами. Этим было сказано все. Да, они должны были — что же еще? Быть убитыми Генри, Виктором, Белчем в Барренсе? Или чем-то

еще — может, чем-то намного более ужасным — в городе? Она поняла его мысли сейчас очень хорошо, в его пожатии плечами не было никакого сомнения. Для них лучше идти к Нему, вызвать Его, как в вестернах, бросить ему вызов. Решительнее. Смелее.

Ричи сказал:

— Что это был за ритуал, о котором ты нам рассказывал, Большой Билл? Тот, из библиотечной книжки?

— *Ччуд*ь, -сказал Билл, немного улыбаясь.

— *Чудь*, -кивнул Ричи. — Ты кусаешь Его язык, и Оно кусает твой, верно?

— Ввверно.

— Тогда ты шутишь. Билл кивнул.

— Забавно, — сказал Ричи, глядя в темную трубу, — я это просто не представляю.

— Я тоже, — сказал Бен. У него в груди скопился тяжелый страх, почти душивший его. Он чувствовал, что единственное, что его удерживает от того, чтобы не сесть в воду и не барахтаться в ней, как ребенок, или просто сойти с ума — это спокойствие Билла.., и Беверли. Он чувствовал, что он скорее умрет, чем покажет Беверли, насколько он напуган.

— Ты знаешь, куда ведет эта труба? — спросил

Стэн Билла. Билл покачал головой.

— Ты знаешь, как найти Его? Билл снова покачал головой.

— Мы узнаем, когда подойдем ближе, — сказал вдруг Ричи. Он глубоко и напряженно вздохнул. — Если мы должны сделать это, тогда давайте.

Билл кивнул.

— Ппойду пппервым. Затем Эдди. Бббен. Бев. Стэн. Майк. Тты, ппоследний, Ричи. Ккаждый ддержитт руку на плече ттого, ккто идет ввпереди. Тттам темно.

— Вы выходите? — заорал на них Генри Бауэре.

— Мы кое-куда пойдем, — пробормотал Ричи.

Они образовали процессию, как будто слепые. Билл один раз посмотрел назад, утвердившись, что каждый положил руку на плечо впереди идущего. Затем, слегка наклоняясь вперед против стремительного течения потока, Билл Денбро повел своих друзей в темноту, куда почти год назад уплыл кораблик, который он сделал для своего брата.

Глава 20 КРУГ ЗАМЫКАЕТСЯ

1

Том

Тому Рогану приснился дурацкий сумасшедший сон. Во сне он убивал своего отца.

Часть его разума понимала, насколько это бредово: его отец умер, когда Том был только в третьем классе. Ну.., может быть, «умер» было не таким верным словом. Может быть, «покончил жизнь самоубийством» было верней. Ральф Роган сделал себе коктейль из джина и щелока. Можно сказать, отходной коктейль. Тома сделали ответственным за брата и сестер, и он начал получать взбучку, если у них что-то было не так.

Поэтому он не мог убить своего отца.., разве что там, в этом ужасном сне, он держал у шеи отца то, что было похоже на какую-то невинную рукоятку.., только ведь она не была невинной, правда? На конце рукоятки была кнопочка, и если бы он нажал ее, то появилось бы лезвие и вошло отцу прямо в горло. *Я не сделаю ничего такого, папа, не беспокойся,* -думал его сонный мозг прямо перед тем, как палец нажал на кнопочку и выскочило

лезвие. Спящие глаза отца раскрылись и уставились в потолок; рот открылся, и из него вырвался поток булькающей крови. *Папа, я не делал этого!* -кричал его мозг. — *Это кто-то другой...*

Он очень хотел проснуться и не мог. Лучшее, что он мог сделать (и оказалось, что это так же плохо), — погрузиться в новый сон. В этом сне он шел по грязи, с трудом вытаскивая ноги, сквозь длинный темный туннель. Яйца его ныли, лицо жгло, потому что оно было исцарапано. С ним были другие, но он мог различить лишь смутные, неясные силуэты. Впрочем, это не имело значения. Что имело значение — так это дети где-то впереди. Им нужно было отплатить. Они нуждались

(в *порке)*

в наказании.

В странном туннеле ужасно воняло. Вода струилась со стен, отдаваясь эхом. Его башмаки и штаны промокли насквозь. Маленькие говнюки были где-то впереди в этом лабиринте туннелей, и, возможно, они думали, что

(Генри)

что Том и его друзья заблудятся, но над ними подшутили

(ха-ха, над вами над всеми!)

потому что у него был еще один друг, о да, особый друг, и этот друг наметил проход, по которому они должны идти с...

(*лунными воздушными шарами)*

как бишь их? Ну которые большие и круглые и как-то освещены изнутри, так что они испускают свет, похожий на тот, что таинственно падает от старомодных уличных фонарей. Один из этих шаров плыл и кружился над каждым подземным перекрестком, и на каждом была стрелка, показывающая дорогу в ответвление туннеля, в которое он и

(Виктор и Белч)

его невидимые друзья должны были свернуть. И это был правильный проход; он мог слышать остальных впереди, их шаги с брызгами отдавались эхом, он мог слышать их искаженные голоса. Они становились ближе, догоняли. И когда они догнали... Том посмотрел вниз и увидел, что у него в руке тот же нож.

На мгновение он испугался — это было похоже на один из тех сумасшедших астральных опытов, о которых он читал в бульварных еженедельниках, когда ваша душа оставляет ваше тело и входит в чье-то другое. Он чувствовал свое тело как-то по-другому, как будто он был не Томом, а

(Генри)

кем-то еще, кем-то моложе. Он начал в панике пробиваться из этого сна, и затем какой-то голос заговорил с ним, успокаивающий голос, шепчущий ему в ухо: *Не имеет значения, где это, и не имеет значения, кто ты. То, что имеет значение, — это то, что Беверли там, она с ними, мой дорогой друг, и ты знаешь, что? Она делает кое-что гораздо худшее, чем украдкой курит. Ты знаешь, что? Она трахается со своим старым дружком Биллом Денбро! Да, точно! Она и этот заикающийся урод, да, они делают это! Они...*

Это ложь! -попытался он крикнуть. — *Она бы не осмелилась!*

Но он знал, что это не ложь. Она протянула его ремнем по

(ударила меня по)

яйцам и убежала, и теперь она обманывала его, грязная

(девчонка)

маленькая сучка действительно *обманула* его, и, дорогие друзья, дорогие ближние, она получит порку, всем поркам порку — сначала она, а затем Денбро, ее *дружок*, пописывающий романы. И с любым, кто попытался бы встать у него на пути, — с ним произойдет то же самое.

Он поспешил вперед, хотя дыхание его уже сбивалось. Впереди он видел еще один светящийся круг, покачивающийся в темноте, — еще один лунный воздушный шар. Он слышал голоса людей впереди, и то, что это были детские голоса, больше не беспокоило его. Это произошло, когда голос сказал: "Не имеет значения, *где, когда и кто.*Там была *Беверли,* и, мои дорогие друзья и дорогие ближние..."

— Давайте, ребятки, шевелите жопами, — сказал он, и даже не имело значения, что его голос был не его собственный, а голос какого-то мальчишки.

Затем, когда они приблизились к лунному воздушному шару, он осмотрелся и в первый раз увидел своих спутников. Оба были мертвецы. Один без головы. Лицо другого было разодрано как будто огромным когтем.

— Мы идем так быстро, как можем, Генри, — сказал парень с разодранным лицом, его губы двигались, как два куска, несинхронно, гротескно не совпадая друг с другом, и именно тогда Том разбил сон на части и пришел в себя, находясь на грани какого-то огромного пустого пространства.

Ему пришлось с силой удерживать равновесие, но он вновь потерял его и упал на пол. На полу

лежал ковер, но падение все-таки вызвало острую боль в ушибленном колене, и пришлось зажать рот рукой.

Где я? Где я, черт бы все побрал?

Он стал различать слабый, но четкий свет, и на один какой-то страшный момент подумал, что он снова во сне, что это был свет от тех сумасшедших воздушных шаров, от одного из них. Затем он вспомнил, что оставил приоткрытой дверь ванной комнаты, и в ней горела флюоресцентная лампа. Он всегда оставлял свет включенным, когда находился в каком-либо новом месте; это спасало от того, чтобы разбить коленку, если вам надо встать в три часа ночи пописать.

Свет вернул реальность на место. Это был сон, все было каким-то сумасшедшим сном. Он находился в каком-то кабаке. Это Дерри, штат Мэн. Он охотился здесь за своей женой, и в середине ночного кошмара упал с кровати. Это было все; больше ничего.

Это не просто кошмар.

Он подпрыгнул, как будто эти слова были сказаны рядом с его ухом, а не внутри его собственного мозга. Казалось, этот голос не похож на его собственный внутренний — он был холодным, чужим.., но каким-то гипнотическим и

доверительным.

Он медленно встал, взял стакан воды со столика рядом с кроватью и выпил. Дрожащими руками взлохматил волосы. Часы на столе показывали десять минут четвертого.

Ложись спать. Подожди до утра, И чужой голос ответил: *Но утром кругом будет полно людей, слишком много людей. И кроме того, ты сможешь на этот раз застать их там. На этот раз ты сможешь быть первым.*

Там? Он подумал о своем сне: сочащаяся вода, темнота.

Свет внезапно сделался ярче. Он повернул голову, не желая делать это, но и не в состоянии остановиться. У него вырвался стон: к ручке двери в ванную комнату был привязан воздушный шар. Он качался на веревке длиной около трех футов. Шарик мерцал, наполненный призрачным белым светом; он был похож на блуждающий в болоте огонек, сонно плывущий между деревьями, обвешанный серыми нитями мха. На выпуклой поверхности шарика светилась кроваво-красная стрелка.

Она указывала на дверь, ведущую в прихожую.

Не имеет в действительности значения, кто я, -тихо говорил голос, и Том теперь понял, что он

раздается не в его голове и не снаружи, он исходит от шарика, из центра, из сердцевины этого странного прекрасного белого света. — *Все, что имеет значение, — это то, что я хочу помочь тебе. Том. Я хочу увидеть, как ты ее выпорешь, как ты их всех выпорешь. Они как-то очень часто переходили мне дорогу... Поэтому слушай. Том. Слушай очень внимательно. Теперь все вместе... Следуй за шариком...*

Том слушал. Голос из воздушного шара объяснял.

Он объяснил все.

Когда это было сделано, он лопнул моментальной вспышкой света, и Том начал одеваться.

2

Одра

У Одры тоже были кошмары.

Она проснулась и рывком села, выпрямившись на кровати, сбросив простыню, ее маленькие груди вздымались в быстром, возбужденном дыхании.

Как и у Тома, ее сон был запутанным, мучительным и неясным. Как и у Тома, у нее было ощущение, что есть еще кто-то, вернее, что ее сознание перенесено в другое тело и в другой ум.

Она шла в темном месте, рядом с ней находились несколько человек, и она испытывала гнетущее чувство страха — они шли в этот страх сознательно, и она хотела остановить их, объяснить, что происходит.., но человек, за которым она спускалась, по-видимому, знал и верил, что это необходимо.

Она также сознавала, что за ними охотятся и что преследователи мало-помалу догоняют их.

Во сне был Билл, но его рассказ о том, как он забыл свое детство, должно быть, застрял у нее в голове, потому что в ее сне Билл был снова мальчиком десяти или двенадцати лет, у него были еще все волосы! Она держала его за руку и смутно сознавала, что она очень любит его, и что ее готовность идти основывалась на твердой уверенности, что Билл защитит ее и всех их, что Билл, Большой Билл как-то проведет их через все это и выведет снова в дневной свет.

О, но она была так напугана!

Они подошли к разветвлению нескольких тунелей, и Билл стоял там, глядя на них, а один из детей — мальчик в гипсовой повязке, которая светилась призрачно-белым в темноте, — проговорил:

— Этот, Билл. Нижний.

— Ттты ууверен?

— Да.

И поэтому они пошли той дорогой; а затем там была дверь, крошечная деревянная дверь, не больше трех футов высотой, дверь, которую можно видеть в книге сказок, и на двери была отметина. Она не могла вспомнить, что это была за отметина, какая-то странная руна или символ. Но она собрала весь свой ужас в одну фокусирующую точку и вырвала себя из того другого тела, тела той девочки, кем бы она *(Беверли, Беверли)* ни была.

Она сидела, вытянувшись в струну на незнакомой кровати, в поту, с широко открытыми глазами, учащенно дыша, будто только что пробежала кросс. Руками она коснулась ног, возможно, они мокрые и холодные от воды, через которую она шла в своем сне. Но ноги были сухими.

Затем она долго не могла сориентироваться — это был не их дом в Топанга-Каньоне или квартира на Флит-стрит. Это было какое-то чужое место, обставленное кроватью, комодом, двумя стульями и телевизором.

«О, Господи, давай Одра...»

Она резко потерла руками лицо, и болезненное ощущение дезориентации отступило. Она была

в Дерри. Дерри, штат Мэн, где ее муж провел детство, о котором, как он сказал, он больше не помнит. Незнакомое ей и не особенно хорошее место по своей атмосфере, но, по крайней мере, известное. Она была здесь, потому что Билл был здесь, и она увидит его завтра, в гостинице Дерри. Что бы ужасного здесь ни случилось, что бы ни означали те новые шрамы на его руках, они встретят это вместе.

Она позвонит ему, скажет, что она здесь, потом придет к нему. После этого.., ну...

На самом деле, она не имела никакого представления, что будет после этого. Дезориентация, это желание быть в каком-то месте, которого по существу не было, снова наступала. Когда ей было девятнадцать лет, она проделала турне с жалкой театральной труппой; сорок никем не замеченных спектаклей «Мышьяк и Старый Шнурок» в сорока ничем не примечательных городках и городишках. Все они прошли за сорок семь совсем не замечательных дней. Она начала с «Бобового Театра» в Массачусетсе и закончила в «Сыграй это снова, Сэм» в Саусалито. И где-нибудь в промежутке, в каком-нибудь городке Среднего Запада вроде Амес, Айова, или Грэнд Айл, Небраска, или, может быть, Джубели, Северная Дакота,

она вот так просыпалась в середине ночи, охваченная паникой, без ориентации, не понимая, в каком городе она находится, какой сейчас день и вообще зачем она там, где она была. Даже ее имя казалось ей нереальным.

Это чувство сейчас снова вернулось. Ее дурные сны не прекратились с пробуждением, и она почувствовала неконтролируемый страх. Город, казалось, сдавил ее, как удав. Она могла чувствовать его, и ощущения, которые он вызывал, не были хорошими. Она даже пожалела, что не последовала совету Фрэдди и не осталась.

Ее сознание сосредоточилось на Билле, хватаясь за мысли о нем, как тонущая женщина схватилась бы за доску, за спасательный пояс, за все, что

(мы *все летаем здесь внизу. Одра)*

держится на поверхности.

Холодок пронизал ее, и она скрестила руки на обнаженной груди. Озноб покрыл ее кожу мурашками. На мгновение ей показалось, что какой-то голос говорит вслух, но внутри ее головы. Как будто там сидел кто-то чужой.

Я схожу с ума! Господи, что это?

Нет, -ответило ее сознание. — *Это просто дезориентация.., нарушение суточного ритма ор-*

ганизма после перелета через несколько часовых поясов.., беспокойство о муже. Никто не говорит внутри твоей головы. Никто...

«Мы все здесь внизу летаем, Одра, — сказал голос из ванной комнаты. Это был реальный голос, реальный, как сам дом. И лукавый. Лукавый и издевательский, и злой. — Ты тоже будешь летать». Голос издал плотоядный смешок, который убывал, пока не стал звучать, как свист в засорившейся канализации. Одра вскрикнула.., затем прижала руки ко рту.

— Я не слышала этого.

Она проговорила это вслух, рассчитывая, что тот голос будет возражать ей. Он не возражал. В комнате было тихо. Где-то далеко в ночи просвистел поезд.

Внезапно ей так понадобился Билл, что ждать до утра казалось невозможным. Она была в стандартной комнате мотеля, такой же, как тридцать девять других номеров, но внезапно это показалось ей слишком. Все. Когда вы начинаете слышать голоса, это уже слишком. От этого бросает в дрожь. Она, казалось, вновь скатывалась в кошмар, которого совсем недавно избежала. Она чувствовала себя испуганной и ужасно одинокой. *Хуже, — подумала она. — Я чувствую себя мерт-*

вой. Вдруг ее сердце дважды толкнулось в грудь, заставив ее хватать воздух и испуганно кашлять. На мгновение она почувствовала страх от сидения на одном месте, клаустрофобию внутри собственного тела и подумала, не имеет ли весь этот ужас в конце концов банальных физических причин: может быть, у нее будет сердечный приступ. Или уже был.

Сердце отпустило, но с трудом.

Одра включила свет у тумбочки и посмотрела на часики. Двенадцать минут четвертого. Она бы поспала, но это теперь для нее не имело значения — ничего не имело значения, кроме того, чтобы услышать его голос. Она хотела закончить ночь с ним. Если бы Билл был рядом с ней, ее часовой механизм работал бы синхронно с его, и она бы успокоилась. Кошмары ушли бы прочь. Он описывал чужие кошмары — это была его профессия, — но ей он никогда не давал ничего, кроме спокойствия. И этого спокойствия, странного холодного ядрышка в его пылком воображении, ей сейчас так не хватало. Она взяла телефонную книгу, нашла номер гостиницы в Дерри и набрала его.

— Гостиница Дерри слушает.

— Будьте добры, позвоните, пожалуйста, в но-

мер мистера Денбро. Мистера Уильяма Денбро.

— Этому парню звонят когда-нибудь днем? — спросил клерк, и прежде чем она сумела подумать и спросить, что должно означать «этому», он ее соединил.

Телефон прозвонил раз, другой, третий. Она представила его, натянувшего одеяло до самого носа, могла представить, как одна рука его выпросталась наружу, нащупывая телефон. Она видела, как он делал это раньше, и любящая улыбка коснулась ее губ. Она погасла, когда телефон прозвонил четвертый раз.., и пятый.., и шестой. На половине седьмого звонка связь прервалась.

— Номер не отвечает.

— Черт знает что, — сказала Одра, более чем когда-либо напуганная и обеспокоенная. — Вы уверены, что позвонили в ту комнату?

— Да, — сказал клерк. — Мистер Денбро говорил по внутреннему телефону минут пять назад. Я знаю, что он на тот звонок ответил, потому что свет на щите горел минуту-две. Он, должно быть, пошел в другой номер.

— Так, а какой это был номер?

— Я не помню. Шестой этаж, по-моему. Но... Она опустила трубку на рычаг. Вдруг четкая, определенная, наводящая уныние мысль пришла ей в

голову. Это была женщина.

Какая-то женщина позвонила ему.., и он ушел к ней. Ну что теперь, Одра? Как мы с этим справимся?

Она чувствовала, что подступают слезы. Они щекотали ее глаза и нос; она могла чувствовать комок рыданий в глубине горла. Никакого гнева по крайней мере пока не было.., только болезненное чувство утраты и ненужности свободы.

Одра, держи себя в руках. Ты делаешь слишком поспешные выводы. Сейчас середина ночи, тебе приснился страшный сон, и теперь тебе видится Билл с другой женщиной. Но это не обязательно так. Что тебе нужно сделать, так это встать — так или иначе, ты больше не уснешь. Включи свет и дочитай роман, который начала в самолете. Помнишь, что говорит Билл? Лучший допинг. Книга — здоровье. Никакого возбуждения. Больше никаких ударов-кошмаров и слышащихся голосов. Дороти Сойерс и Лорд Питер, вот билет. Девять Портных. Так и до рассвета не дотянешь. Это...

Вдруг в ванной комнате включился свет; она видела его под дверью. Затем щелкнула задвижка, и дверь широко распахнулась. Она уставилась на нее, глаза округлились, руки инстинктивно закрыли крест-накрест грудь. Сердце начало биться

о грудную клетку, и кислый привкус адреналина наполнил рот.

Тот же голос, низкий и протяжный, сказал: «Мы все здесь внизу летаем. Одра». Последнее слово было длинным, низким угасающим вскриком: *«Одрааааааа ааа»*, который закончился снова тем болезненным булькающим звуком, так похожим на смех.

— Кто там? — закричала она, подавшись назад.

Это не было мое воображение, никоим образом, вы не должны говорить мне, что...

Щелкнул телевизор. Она обернулась и увидела клоуна в серебристом костюме с большими оранжевыми пуговицами, дурачащегося на экране. Там, где должны были быть глаза, виднелись лишь черные глазницы, и, когда его нарисованные губы растянулись в ухмылку, она увидела, острые, как бритвы, зубы. Он держал отрубленную голову, с которой капала кровь. Ее глаза закатились, рот открылся, но она могла хорошо разглядеть, что это голова Фрэдди Файерстоуна. Клоун смеялся и танцевал. Он раскачивал голову, и капли брызгали на внутреннюю часть экрана. Она слышала, как они там шипят.

Одра пыталась закричать, но ничего не вышло, кроме слабого стона. Она нащупала платье, ви-

севшее на спинке стула, и сумочку. Распахнула дверь и громко захлопнула ее за собой, тяжело дыша, с белым как бумага лицом. Она выронила сумочку и кое-как натянула через голову платье.

— Лети, — сказал из-за нее низкий, хихикающий голос, и она почувствовала, как холодный палец ласкает ее голую пятку.

Она издала еще один высокий грудной крик и отшатнулась от двери. Белые мертвые пальцы шарили взад-вперед под ней, вместо сошедших ногтей на них темнели багрово-бледные бескровные пятна. Они с шорохом скребли по грубому ворсу ковра в холле.

Одра подхватила ремешок сумочки и побежала голыми ногами к двери в конце холла. Она была сейчас в слепой панике, ее единственной мыслью было найти гостиницу в Дерри и Билла. Не имело значения, лежит ли он в постели с другой женщиной, или с целым гаремом. Она найдет его и заставит забрать ее от этого, чем бы оно ни было, отвратительного существа, и из этого города.

Она выбежала на улицу, на стоянку, дико озираясь в поисках своей машины. На мгновение ее мозг оцепенел, и она не могла даже вспомнить, какую машину она водит. Затем вспомнила, «датсун», табачно-бурого цвета. Она увидела ее

в глубине стоянки и поспешила к ней. Она судорожно рылась в сумочке в поисках ключей, со все возрастающей паникой перебирая таблетки, косметику, мелочь, очки от солнца, пластинки жвачки — все в полном беспорядке. Она не заметила ветхую «ЛТД», припаркованную нос к носу с нанятой ею машиной, и человека, сидящего за рулем. Она не видела, как дверца «ЛТД» открылась и водитель вышел; она пыталась совладать с усиливающейся уверенностью, что она оставила ключи от «датсуна» в комнате. Она не могла вернуться туда, просто *не могла.*

Ее пальцы нащупали твердый с зубчиками металл под коробочкой мятных таблеток, и она схватила его с радостным криком. На какой-то страшный миг она подумала, что это может быть ключ от их «ровера», стоящего сейчас в гараже на флит-стрит за три тысячи миль отсюда; и затем нащупала бланк о найме машины. Она вставила ключ в замок, дыша коротко и тяжело, и повернула его. Тут на ее плечо опустилась рука, и она закричала.., на этот раз громко. Где-то в ответ залаяла собака, но это было все.

Рука, твердая как сталь, грубо схватила ее и повернула. Лицо, которое она увидела перед собой, было распухшим и пьяным. Глаза сверкали. Когда

вздутые губы растянулись в гротескной улыбке, она увидела, что несколько передних зубов было выбито. Обломки торчали, как гнилые пеньки.

Она пыталась что-то сказать и не могла. Рука держала крепко.

— Не видел ли я вас в кино? — прошептал Том Роган.

3

Комната Эдди

Беверли и Билл быстро оделись, ничего не говоря, и поспешили в комнату Эдди. По дороге к лифту они услышали где-то сзади телефонный звонок. Звук был приглушенным, как будто призрачным.

— Билл, это у тебя звонят?

— Мможет ббыть, — сказал он. — Один из ннаших ззвонит, ннаверннo.

Он нажал кнопку «Вверх».

Эдди открыл им дверь, лицо у него было белое и напряженное. Его левая рука торчала под углом, неестественным и чем-то напоминающим прежние времена.

— У меня все в порядке, — сказал он. — Я принял два «Дарвона». Боль уже не такая сильная.

Но ему явно было плохо. Его губы, сжатые по-

чти в одну черту, посинели и распухли.

Билл посмотрел за его спину и увидел тело на полу. Одного взгляда было достаточно, чтобы удостовериться сразу в двух вещах, — это был Генри Бауэре, и он был мертв. Он прошел мимо Эдди и встал на колени около тела. Горлышко бутылки «Перье» глубоко вошло в живот Генри вместе с клочьями его рубахи. Глаза Генри были полуоткрыты и подернуты пеленой. Рот, залитый кровью, скривился в злобной гримасе. Руки скрючились в когти.

На него упала тень, и Билл посмотрел вверх. Это была Беверли. Она смотрела на Генри без всякого выражения.

— Ввсе ввремя он ггонялся зза ннами, — сказал Билл. Она кивнула.

— Он не кажется старым. Ты видишь это, Билл? Он совсем не кажется старым.

Внезапно она посмотрела назад, на Эдди, который сидел на кровати. *Эдди* как раз выглядел старым, старым и изможденным. Его рука беспомощно лежала на коленях.

— Нужно вызвать врача для Эдди.

— Нет, — сказали в унисон Билл и Эдди.

— Но он же ранен! Его рука...

— Это тто же ссамое, что и в пппрошлый рраз, —

сказал Билл. Он встал на ноги и взял ее руки в свои, глядя ей в лицо. — Как только ммы ввыйдсм отсюда.., как только ммы ообъявим ггороду...

— Они арестуют меня за убийство, — сказал мрачно Эдди. — Или всех нас. Или задержат. Или что-то в этом роде. Потом произойдет несчастный случай. Один из тех несчастных случаев, которые случаются только в Дерри. Может быть, они запихнут нас в тюрьму, и помощник шерифа придет в ярость и перестреляет всех нас. А может, мы все умрем от трупного яда или решим вдруг повеситься в наших камерах.

— Эдди, это сумасшествие! Это...

— Неужели? — спросил он. — Помни, это Дерри.

— Но мы теперь взрослые! Ведь вы не думаете.., я имею в виду, он пришел сюда в середине ночи.., напал на тебя...

— Чччто? — спросил Билл. — Где нннож? Она посмотрела вокруг, но не увидела его и упала на колени, чтобы посмотреть под кроватью.

— Не беспокойся, — сказал Эдди тем же самым слабым голосом, со свистом. — Я стукнул дверью по его руке, когда он пытался пырнуть меня. Он уронил его, и я ногой зашвырнул его под телевизор. Сейчас его нет. Я уже смотрел.

— Бббеверли, зови остальных, — сказал Билл. — Я могу ннналожить шшину на руку Ээдди, мне ккажется.

Она посмотрела на него долгим взглядом, затем снова посмотрела вниз на лежащее тело. Она подумала, что вид этого номера все объяснит любому полицейскому, у которого есть хоть что-то в голове. В номере видны явные следы борьбы. Рука Эдди сломана. Этот человек мертв. Типичный случай самообороны от ночного взломщика. Но тут она вспомнила мистера Росса. Мистера Росса, поднявшегося, посмотревшего, а затем просто сложившего газету и ушедшего в дом.

Как только мы выйдем отсюда.., как только мы объявим городу...

Это заставило ее вспомнить Билла в детстве, его белое, усталое, голубоглазое лицо, когда он говорил: *"Дерри — это Оно. Вы меня понимаете? Любое место, куда мы пойдем.., когда Оно доберется до нас, они не увидят, они не услышат, они не узнают. Вы понимаетеэто? Все, что мы можем сделать, — это постараться закончить то, что мы начали".*

Стоя сейчас здесь, глядя на труп Генри, Беверли думала: *Они оба говорят, что мы все опять окунулись в это. Что это стало повторяться. Все*

это. Ребенком я могла принять это, потому что дети верят в чудеса. Но...

— Вы уверены? — спросила она безнадежно. — Билл, ты *уверен?*Он сидел на кровати с Эдди, бережно взяв его руку.

— А ттты? — спросил он. — После всего того, что случилось сегодня?

Да. Все, что случилось. Их кошмарный ленч. Почтенная старая женщина, которая превратилась в сморщенную ведьму у нее на глазах, *(мой родитель был и моим мучителем)* и цикл рассказов в библиотеке сегодня вечером с сопутствующими явлениями. Все те вещи. И все-таки.., ее мозг кричал, отчаянно звал остановить это сейчас, пресечь доводами рассудка, потому что если она не прекратит, они наверняка закончат эту ночь тем, что спустятся в Барренс, найдут одну насосную установку и...

— Я не знаю, — сказала она. — Я просто.., не знаю. Даже после всего того, что случилось, Билл, мне кажется, что мы могли бы вызвать полицию. Может быть.

— Ввызови остальных, — снова сказал Билл. — Поссмотрим, что ооони ддумают.

— Хорошо.

Она позвонила сначала Ричи, затем Бену. Оба

согласились прийти прямо тут же. Никто не спрашивал, что случилось. Она нашла телефон Майка в книге и набрала его номер. Ответа не было; после десятка гудков она повесила трубку.

— Ппопробуй в библиотеку, — сказал Билл.

Он взял короткие стержни от карниза с меньшего из двух окон в комнате Эдди и крепко привязал их к руке Эдди поясом от банного халата и резинкой от пижамы.

Еще до того как она нашла номер, раздался стук в дверь. Бен и Ричи пришли вместе, Бен в джинсах и рубашке навыпуск, Ричи — в нарядных серых хлопчатобумажных брюках и с пижамным верхом. Его глаза осторожно оглядывали всю комнату из-за очков.

— Боже, Эдди, что случилось...

— О, мой Бог! — вскрикнул Бен. Он увидел Генри на полу.

— Сспокойно! — резко сказал Билл. — И ззакрой ддверь! Ричи закрыл. Его глаза остановились на теле.

— Генри?

Бен сделал три шага вперед к покойнику и затем остановился, как будто испугавшись, что он может укусить его. Он посмотрел беспомощно на Билла.

— Тты ррасскажи, — сказал он Эдди. — Ппроклятое зззаикание ввсе ввремя остановится ххуже и ххуже.

Эдди описал все, что случилось, пока Беверли выискивала номер общественной библиотеки Дерри и звонила по нему. Она думала, что Майк, возможно, заснул там, — у него в конторе есть даже своя койка. Случилось то, чего она не ожидала: трубка была снята на втором гудке, и голос, которого она раньше никогда не слышала, сказал «алло».

— Хелло, — ответила она, глядя на остальных и делая неопределенный жест рукой. — Мистер Хэнлон там?

— Кто это? — спросил голос.

Она провела языком по губам. Билл пристально смотрел на нее. Бен и Ричи озирались. Начало настоящей тревоги зашевелилось внутри нее.

— А кто вы? — задала она встречный вопрос. — Вы не мистер Хэнлон.

— Я шеф полиции Дерри Эндрю Рэдмахер, — сказал голос. — Мистер Хэнлон сейчас находится в больнице Дерри. Недавно на него было нападение, и он тяжело ранен. Теперь скажите, пожалуйста, кто вы? Я хочу знать ваше имя.

Но она едва слышала это последнее. Волны

шока прокатились через нее, поднимая ее головокружительно высоко, за пределы себя. Мышцы ее живота, и ноги, и пах — все стало чужим и затекло, и она подумала бессвязно: *Должно быть, вот так бывает, когда люди боятся, что они намочат штаны. Конечно. Просто теряется контроль над теми мышцами...*

— Как тяжело он ранен? — услышала она свой бумажный голос, и затем Билл встал рядом, его рука на ее плече, и Бен был тут, и Ричи, и она почувствовала прилив благодарности к ним. Она протянула свою свободную руку, и Билл взял ее. Ричи положил свою руку на руку Билла, а Бен — на руку Ричи. Подошел Эдди и положил сверху свою здоровую руку.

— Я хочу знать ваше имя, — резко повторил Рэдмахер, и на какой-то момент маленький трусишка внутри нее, трусишка, который был воспитан ее отцом и охраняем ее мужем, почти что ответил: *Я Беверли Марш, и я в гостинице Дерри. Пожалуйста, пришлите мистера Нелла. Здесь мертвый человек, который все еще наполовину мальчик, и мы все очень испугались.*

Но она сказала:

— Я.., боюсь, я не могу сказать вам. Пока что не могу.

— Что вы знаете об этом?

— Ничего, — сказала она, потрясенная. — С чего вы взяли, что я знаю? Боже мой!

— Вы что, каждое утро звоните в библиотеку в полчетвертого утра? — спросил Рэдмахер. — Так? Это хреново, юная леди. Это нападение, и то, как парень выглядит, — он может умереть к восходу солнца. Я еще раз вас спрашиваю: кто вы и что вы знаете об этом?

Закрыв глаза, сжимая руку Билла изо всех сил, она спросила:

— А может, он уже умер? Вы просто не говорите мне, чтобы не пугать меня? Он действительно умер? Пожалуйста, скажите мне.

— Он очень тяжело ранен. И если это не пугает вас, то должно пугать. Теперь я хочу знать, кто вы и почему...

Как во сне, она увидела, как ее рука плавно рассекла пространство и положила трубку на рычаг. Она посмотрела на Генри и почувствовала шок — такой же резкий, как прикосновение холодной руки. Один глаз Генри был закрыт. Из другого, разбитого, непрерывно текло.

Казалось, Генри подмигивает ей.

4

Ричи позвонил в госпиталь. Билл подвел Беверли к кровати, и она села рядом с Эдди, глядя в пространство. Она думала, что заплачет, но слез не было. Единственное чувство, которое она осознавала и которое было сильным, — это желание, чтобы кто-то накрыл Генри Бауэрса. Его подмигивающий взгляд ей вовсе не нравился.

В долю секунды Ричи сделался репортером из «Дерри Ньюз». Он понял, что на мистера Майкла Хэнлона, главного библиотекаря города, было совершено нападение, когда он поздно засиделся в библиотеке. Несколько слов из больницы о состоянии мистера Хэнлона?

Ричи слушал, кивая.

— Понимаю, мистер Керпаскиан — вы это пишете с двумя "к"? Так. О'кей. И вы...

Он слушал, делая пальцем машинальные движения, как будто писал на прокладке.

— У.., угу.., да. Да, понимаю. Ну что мы обычно делаем в таких случаях — ссылаемся на вас как на «источник». Затем, позднее, мы можем.., угу.., ладно! Правильно! — Ричи сердечно рассмеялся и стер капли пота со лба; он снова послушал. — О'кей, мистер Керпаскиан. Да. Я...да, понял, К-Е-Р-П-А-С-К-И-А-Н, правильно! Чешский еврей, правда? Неужели? Это.., это самое необычное. Да,

хорошо. Спокойной ночи. Спасибо.

Он положил трубку и закрыл глаза.

— Иисус! — закричал он густым, низким голосом. — Иисус! Иисус! Иисус!

Он сделал движение, как будто хотел смахнуть телефон со стола, а затем просто уронил руку. Снял очки и протер их полой пижамы.

— Он жив, но в тяжелом состоянии, — сказал он остальным. — Генри разрезал его на куски, как рождественскую индейку. Один из порезов пришелся на бедренную артерию, и он потерял всю кровь, которую может потерять человек, и все-таки остался жив. Майк сумел сделать жгут, иначе он бы умер, пока его искали.

Беверли начала плакать. Она плакала, как ребенок, обеими руками закрыв лицо. Некоторое время ее икающие рыдания и быстрый свист дыхания Эдди были единственными звуками в комнате.

— Майк был не единственным, кого разделали, как рождественскую индейку, — сказал наконец Эдди. — Генри выглядел так, будто он прошел двенадцать туров с Рокки Бальбоа в кухонном искусстве.

— Тты ввсе еще ххочешь идти в ппполицию, Бев? На ночном столике были таблетки, но они

размокли в луже из «Перье». Она пошла в ванную комнату, далеко огибая тело Генри, взяла губку и полила ее холодной водой. Губка приятно освежала ее разгоряченное опухшее лицо. Она почувствовала, что опять может думать ясно — не рационально, но ясно. Она вдруг поняла, что рациональность убьет их, если они попытаются воспользоваться ею сейчас. Тот полицейский. Рэдмахер. Он заподозрил ее. Естественно. -Люди не звонят в библиотеку в полчетвертого утра. Он предположил какую-то связь с убийством. Что бы он предположил, если бы выяснил, что она звонила ему из комнаты, где на полу, с бутылкой, воткнутой в кишки, лежит мертвец? Что она и еще четверо только что приехали в город, приехали для воссоздания союза, а этому парню случилось пройти мимо? Поверила бы она в эту сказку, если бы они поменялись местами? Поверил бы кто-нибудь? Конечно, они бы подкрепили их рассказ, добавив, что они приехали, чтобы прикончить чудовище, живущее в канализации под городом. *Это* определенно добавило бы ноту убедительности, ноту твердого реализма. Она вышла из ванной и посмотрела на Билла.

— Нет, — сказала она. — Я не хочу идти в полицию. Я думаю, Эдди прав — с нами могло бы

что-то произойти. Что-то окончательное. Но не это действительная причина.

Она посмотрела на них четверых.

— Мы поклялись, — сказала она. — Мы поклялись. Братом Билла... Стэном.., всеми остальными.., а теперь Майком. Я готова, Билл. Билл посмотрел на остальных.

Ричи кивнул.

— О'кей, Большой Билл. Давай попробуем. Бен сказал:

— Шансов у нас сейчас меньше, чем когда-либо. Нас на двух меньше теперь.

Билл ничего не сказал.

— О'кей, — кивнул Бен. — Она права. Мы поклялись.

— Ээээдди?

Эдди слабо улыбнулся.

— Я думаю, мне еще раз достанется на той лестнице. Если лестница все еще там.

— Хотя на этот раз нет никого, кто бросал бы камни, — сказала Беверли. — Они мертвы. Все трое.

— Мы это сделаем сейчас, Билл? — спросил Ричи.

— Дддда, — сказал Билл. — Я ддумаю, ннастало ввремя.

— Можно я что-то скажу? — резко спросил Бен. Билл посмотрел на него и слегка усмехнулся.

— В любое ввремя.

— Вы, парни, по-прежнему лучшие друзья, которых я когда-либо имел, — сказал Бен. — Неважно, как это проявляется. Я просто.., вы знаете, хотел сказать вам это.

Он осмотрел стоящих вокруг друзей, и они серьезно посмотрели на него.

— Я рад, что я вспомни,! вас, — добавил он.

Ричи фыркнул. Беверли хихикнула. Затем они все засмеялись, глядя друг на друга по-старому, несмотря на то, что Майк был в больнице, возможно, умирающий или уже мертвый; несмотря на то, что рука Эдди была сломана — опять; несмотря на то, что это было очень раннее утро.

— Соломенная Голова, у тебя *такой слог,* -сказал Ричи, смеясь и вытирая глаза. — *Он* должен был стать писателем, Большой Билл. Все еще слегка смеясь, Билл сказал:

— И ннна эээтой нненоте...

5

Они взяли нанятую Эдди машину. Правил Ричи. Туман был сейчас плотнее, застилая улицы словно сигаретным дымом, но не добираясь до

высоких, закрытых уличных фонарей. Звезды наверху казались яркими льдинками, весенние звезды.., но, высунув голову в полуоткрытое окно со стороны пассажирского сиденья, Билл подумал, что в отдалении слышится летний гром. Где-то за горизонтом собирался дождь. Ричи включил радио и нашел Джина Винсента, поющего «Би Боп А-Лула». Он нажал на другую кнопку и получил Бадди Холли. Третье переключение принесло Эдди Кохрейна, поющего «Лето голубеет».

— "Я бы хотел помочь тебе, сын, но ты слишком молод для того, чтобы голосовать", — пел глубокий голос.

— Выключи, Ричи, — мягко сказала Беверли. Он потянулся к радио, и его рука застыла.

— Настройтесь на «Парад мертвецов» Ричи Тозиера! — смеющийся, крикливый голос клоуна вывел под удары кончиками пальцев по струнам гитары из мелодии Эдди Кохрейна. — Не дотрагивайся до радио, держи его настроенным на роке, они ушли из хит-парадов, но не из наших сердец и продолжают приходить, прямо сейчас! Приходите все! Мы все играем в меткость здесь! Все! И если ты не веришь мне, послушай утренний конферанс с выходом из могилы. Джорджи

Денбро! Скажи им, Джорджи!

И вдруг брат Билла запричитал из радио: *Вы отослали меня из дома, и Оно убило меня! Я думал. Оно в подвале, Большой Билл, я думал, Оно в подвале, но Оно в канализации, и Оно убило меня, да, Оно убило меня, Большой Билл, и ты позволил Ему...*

Ричи повернул выключатель с такой силой, что ручка отвалилась и упала на коврик.

— Рок-н-ролл действительно в кайф, — сказал Ричи, его голос дрожал. — Бев права, мы оставим это, что вы скажете?

Никто не ответил. Лицо Билла было бледным, спокойным и задумчивым под мерцанием уличных фонарей, и, когда на западе снова пророкотал гром, они все услыхали его.

6

В Барренсе

Тот же самый старый мост.

Ричи поставил машину около него, и они вышли и направились к ограждению — тому же самому старому ограждению — и посмотрели вниз.

Тот же самый старый Барренс.

Он, казалось, не изменился за последние два-

дцать семь лет; Биллу переход, сделанный здесь и ставший единственной новой приметой местности, казался нереальным, чем-то таким же эфемерным, как живопись на стекле или как эффект проекции заднего экрана в кино. Корявые старые деревья и кустарники мерцали во вьющемся тумане, и Билл подумал: *Мне кажется, вот что мы имеем в виду, когда говорим о живучести памяти, памяти или чего-то вроде памяти,* о *чем-то, что видим в нужное время и с нужного угла, образе, который извергает эмоции, как реактивный двигатель. Вы видите его так четко, что все, что случилось в промежутке, исчезло, ушло. Если есть желание замкнуть круг между прошлым и настоящим, то круг замкнут.*

— Пппошли, — сказал он и забрался на перила. Они спустились за ним на насыпь, по которой были разбросаны щебень и галька. Когда они добрались до низины, Билл автоматически поискал глазами Сильвера и затем рассмеялся над собой. Сильвер стоял у стены в гараже Майка. Казалось, Сильвер вообще не играл здесь никакой роли, хотя это было странно после всей той истории с его появлением.

— Введи ннас ттуда, — сказал Билл Бену.

Бен посмотрел на него, и Билл прочитал в его

глазах мысль: *этот сон длился двадцать семь лет, Билл,* -затем он кивнул и направился в подлесок.

Тропа — *их* тропа — с тех пор заросла, и они должны были с усилием пробираться сквозь лабиринты терновника и боярышника; вокруг них усыпляюще пели сверчки, и несколько светлячков, первых ласточек на благоухающем летнем пиршестве, показалось в темноте. Билл предположил, что дети все еще играют там, но они сделали свои собственные секретные ходы и лазы.

Они подошли к прогалине, где был их штаб, но теперь здесь вообще не было никакой прогалины. Чахлые кусты и сосны еще раз подтвердили все это.

— Смотрите, — прошептал Бен и пересек прогалину (в их памяти это было все-таки здесь, просто перекрыто еще одним слоем живописи на стекле).

Он за что-то дернул. Это была дверь красного дерева, которую они нашли на краю свалки, дверь, которую они использовали, чтобы доделать крышу клуба. Теперь она валялась в стороне и выглядела так, будто ее не касались десять лет или больше. Вьюнок прочно обосновался на грязной поверхности.

— Оставь ее в покое, Соломенная Голова, — пробормотал Ричи. — Она уже старая.

— Введи ннас ттуда, Бен, — повторил сзади Билл. Поэтому они пошли за ним к Кендускеагу, держась влево от прогалины, которой больше не существовало. Звук текущей воды становился громче, и они чуть не упали в Кендускеаг, перед тем как увидели его: разросшаяся листва стеной загораживала край насыпи. Край этот осыпался под каблуками ковбойских ботинок Бена, и Билл схватил его за шиворот.

— Спасибо, — сказал Бен.

— *Не надо.* Рраныие тты бы утащил мменя зза особой. Ссюда ввниз?

Бен кивнул и повел их по заросшему берегу, пробираясь сквозь лабиринты кустарников, думая, насколько легче это было, когда у вас было только четыре фута пять дюймов роста и вы могли пройти под любым кустом, любыми зарослями (зарослями в сознании, также зарослями на пути, предположил он) одним небрежным рывком. *Наш урок на сегодня, мальчики и девочки: чем больше вещи меняются,тем больше они меняются. Всякий, кто говорит, что, чем больше вещи меняются, тем больше они остаются теми же самыми, явно страдает серьезной умственной*

отсталостью. Потому что...

Его нога наткнулась на что-то, и он свалился с глухим звуком, чуть не ударившись головой о бетонный цилиндр насосной установки. Она была почти похоронена в углублении, заросшем кустами ежевики. Когда он снова встал на ноги, он понял, что его лицо, руки, кисти исполосованы колючками ежевики в двух десятках мест.

— Да хоть бы и в тридцати местах, — сказал он, чувствуя, как по щекам бежит кровь.

— Что? — спросил Эдди.

— Ничего.

Он наклонился, чтобы посмотреть, что такое торчит. Наверное, корень.

Но это был не корень. Это была железная крышка люка. Кто-то откинул ее.

Конечно, -подумал Бен, — *это мы. Двадцать семь лет назад.*

Но он понял, что это безумие, даже перед тем как увидел через ржавчину свежие параллельные царапины на металле. Насос в тот день не работал. Рано или поздно кто-то пришел бы, чтобы отремонтировать его, и положил бы крышку на место.

Он встал, и они впятером собрались вокруг цилиндра и посмотрели внутрь. Они услыша-

ли звук стекающей воды. Больше ничего. Ричи взял все спички из номера Эдди. Теперь он зажег спичку и бросил ее вниз. В течение какого-то мгновения они могли видеть сырой внутренний рукав цилиндра и молчаливую громаду насосных механизмов. Это было все.

— Может, здесь долго не были, — сказал натянуто Ричи. — Не обязательно должно случиться...

— Это случилось относительно недавно, — сказал Бен. — Скорее всего после того, как прошел последний раз дождь.

Он взял еще одну спичку у Ричи, зажег ее и показал на свежие царапины.

— Ппод нней что-то есть, — сказал Билл, когда Бен погасил спичку.

— Что? — спросил Бен.

— Яя нне ммогу сказать. Похоже на ремень. Тты и Рричи, ппомогите ммне пперевернуть ее.

Они схватились за крышку и поставили ее на ребро, как гигантскую монету. В это время Беверли зажгла спичку, и Бен осторожно поднял сумочку, которая торчала под крышкой люка. Он потянул ее за ремешок. Беверли начала задувать спичку и затем посмотрела в лицо Билла.

— Билл? Что это? В чем дело?

Глаза Билла застыли. Они не могли оторваться

от потертой кожаной сумки с длинным ремнем. Вдруг он вспомнил название песни, которая звучала по радио в задней комнате магазина кожгалантереи, когда он купил ее. «Саусалито летние ночи». Это было сверхъестественно, загадочно. У него совершенно пересохло во рту — язык и небо, щеки были гладкими и сухими. Он слышал сверчков, и видел светляков, и обонял густую зеленую тьму, бесконтрольно сгущающуюся вокруг него, и он подумал: *Это еще один трюк, еще одна иллюзия, она в Англии, это очередная дешевка, потому что Оно напугано, да. Оно не может быть таким же уверенным, как Оно было, когда вызывало нас всех, и вообще, Билл, успокойся — сколько потертых кожаных сумочек на длинных ремнях в мире, как ты думаешь? Миллион? Десять миллионов?*

Наверное, больше. Но только одна такая, как эта. Он купил ее для Одры в кожгалантерейном магазине Бербэнка, пока по радио играли «Саусалито летние ночи», по радио в задней комнате.

— *Билл!* -Рука Беверли лежала на его плече, тряся его. Далеко. Двадцать семь тысяч лье под водой. Как называлась группа, которая пела «Саусалито летние ночи»? Ричи, наверное, знал.

— *Я* знаю, — сказал Билл холодно прямо в удивленное, испуганное лицо Ричи и улыбнулся. —

Это был «Дизель». Не слышу аплодисментов.

— Билл, что случилось? — прошептал Ричи. Билл закричал. Он выхватил спички из рук Беверли, зажег одну и выхватил сумочку из рук Бена.

— Билл, Боже, что...

Он раскрыл молнию сумочки и перевернул ее. То, что выпало, было настолько Одрой, что на мгновение он нечеловеческим усилием воли сдержался, чтобы не закричать опять. Среди «Клонекса», пластинок жвачки и предметов косметики он увидел коробочку мятных таблеток «Алтоид»., и украшенную камнями пудреницу, которую Фрэдди файерстоун подарил ей, когда она согласилась на роль в «Комнате на чердаке».

— Ммоя жжена ттам внизу, — сказал он, упал на колени и начал запихивать назад в сумочку ее вещи. Он пригладил щеткой свои волосы, которых больше не существовало, но он об этом даже не думал.

— Твоя жена? *Одра?* -Лицо Беверли было крайне удивленным, глаза огромные.

— Ее ссумочка. Ее ввеши.

— О Боже, Билл, — пробормотал Ричи, — этого не может быть, ты же знаешь...

Он нашел кошелек из крокодиловой кожи. Открыл его и держал. Ричи зажег еще одну спичку и

смотрел в лицо, которое он видел в полудюжине фильмов, фотография на водительском удостоверении для «Калифорнии» Одры была менее чарующей, но вполне убедительной.

— Но Ггенри мертв, и Виктор, и Бббелч.., так кто же забрал ее? — он встал и посмотрел на них лихорадочно. — *Кто забрал ее?*Бен положил руку на плечо Билла.

— Я думаю, спустимся лучше вниз и выясним, а? Билл посмотрел на него в прострации, как будто не понимая, кем может быть Бен, и затем его глаза прояснились.

— Дда, — сказал он. — Эдди?

— Билл, извини.

— Ты можешь сспуститься?

— Я однажды уже спускался.

Билл наклонился, и Эдди обхватил правой рукой его шею. Бен и Ричи подсадили его, пока он не обхватил Билла ногами. Когда Билл перенес неуклюже одну ногу через крышку цилиндра, Бен увидел, что глаза у Эдди плотно закрыты.., и какое-то мгновение ему казалось, что он слышит, как самая отвратительная в мире троица продирается через кустарники. Он повернулся, ожидая увидеть, как они трое выходят из тумана, но все, что он услышал, был поднимающийся бриз, ко-

торый колыхал бамбук в четверти мили отсюда. Никого из их старых врагов не было в живых.

Билл схватил тяжелую бетонную крышку цилиндра и направился вниз, шаг за шагом, ступенька за ступенькой. Эдди держался за него мертвой хваткой, и Билл едва мог дышать. *Ее сумочка. Боже мой, как могла ее сумочка попасть сюда? Не имеет значения. Но если Ты там. Господь, и если Ты внемлешь молитвам, пусть с ней все будет в порядке, не дай ей страдать за то, что Бев и я сделали ночью, или за то, что сделал я однажды летом, когда был ребенком.., и это был клоун? Это Боб Грей похитил ее? Если да, я не знаю, сможет ли даже Бог помочь ей.*

— Я боюсь, Билл, — сказал Эдди тонким голоском.

— Я ттоже. — Он наполовину присел, вздрогнув, когда холодная вода поднялась до паха, и опустил Эдди. Они стояли по колено в воде и смотрели, как другие спускаются по лестнице.

Глава 21. ПОД ГОРОДОМ

1

Оно, август 1958

Что-то новое случилось в мире.

В первый раз за все время, что-то новое.

До Вселенной были только две вещи. Одной было Оно Само, а другой была Черепаха. Черепаха была тупым старым существом, которое никогда не выходило из панциря. Оно думало, что, может быть, Черепаха мертва, мертва в течение последних биллионов лет или около того. Даже если этого не было, это было все-таки глупое старое существо, и даже если Черепаха вытошнила всю Вселенную, это не изменило факта ее глупости.

Оно пришло сюда намного позже того, как Черепаха удалилась в свой панцирь, сюда, на Землю, и Оно открыло здесь глубину воображения, которая была почти что новой, почти что имела значение. Это качество воображения сделало пищу очень вкусной. Их разодранная зубами плоть вставала дыбом от экзотических ужасов и сладострастных страхов: им снились ночные чудища и движущаяся грязь; против твоей воли

они созерцали бесконечные бездны.

На этой обильной пище Оно существовало в простом цикле — и робу ждаться, чтобы есть, и засыпать, чтобы видеть сны. Оно создало место в Своем собственном воображении и смотрело на это место с любовью из мертвых огоньков, которые были Его глазами. Дерри был Его орудием убийства, жители Дерри — Его овцами. Все продолжалось.

Затем.., эти дети.

Что-то новое.

Впервые за все время.

Конца Оно ворвалось в дом на Нейболт-стрит, имея в виду убить их всех, несколько обеспокоенное тем, что Оно не смогло уже сделать это (и, вероятно, это беспокойство было первой новизной), произошло что-то, что было совершенно неожиданным, о чем даже не думалось, и была боль, огромная, ревущая боль по всей форме, которую Оно приняло, и на одно мгновение был также страх, потому что единственная вещь, которая была общей у него с глупой старой Черепахой и с макрокосмом за пределами ничтожного яйца этого космоса, была как раз эта: все живые существа должны жить законами той формы, в которой они пребывают. Впервые Оно поняло,

что, возможно. Его способность изменять Свои формы могла работать против него так же, как и за Него. Раньше никогда не было боли, раньше никогда не было страха; и на какое-то мгновение Оно подумало, что может умереть — о. Его голова была наполнена огромной белой серебряной болью, и Оно ревело и мяукало, и вопило, и, так или иначе, дети убежали.

Но теперь они приближались. Они вошли в Его владения под городом, семь глупых детей, идущих через тьму без огня или оружия. Оно убьет их теперь, наверняка.

Оно сделало огромное собственное открытие: Оно не нуждалось в изменениях или в новизне. Ему не нужны были новые вещи, никогда. Оно нуждалось только в еде и во сне, в еде и снова в сне.

Вслед за болью и той короткой вспышкой страха возникло еще одно, новое ощущение (так как все искренние эмоции были новыми для Него, хотя Оно было великим лицедеем эмоций) — гнев. Оно убьет детей; потому что они, по несчастью — поразительному несчастью! — ранили Его. Но Оно сначала заставит их страдать, потому что на какой-то миг они заставили Его испугаться их.

Тогда приходите ко мне, думало Оно, *слушая*

*их приближение,*приходите ко мне, детки, и вы увидите, как мы здесь летаем внизу.., как мы все летаем.

И *все-таки была мысль, которая внедрялась, не взирая на то, что Оно пыталось изо всех сил отогнать эту мысль прочь. Это было просто вот что: если все вещи проистекали из него (а они наверняка проистекали, с тех пор как Черепаха извергла космос и затем ушла внутрь своего панциря), как могло любое существо этого или какого-либо другого мира дурачить Его или обижать Его — не важно, на миг ли, по ничтожному ли поводу. Как могло это быть?*

И поэтому последняя новая мысль пришла Ему в голову — не ощущение, а холодное рассуждение: а вдруг Оно не было единственным, как Оно всегда считало?

А вдруг было еще Одно?

И вдруг эти дети были агентами того, Другого?

Вдруг.., вдруг...

Оно начало трепетать.

Ненависть была новой. Боль была новой. Противостояние Его намерениям было новым. Но самой ужасной новой вещью был этот страх, боязнь. Не боязнь детей, она прошла, а боязнь не быть Единственным.

Нет. Не было никого Другого. Наверняка не было. Возможно, потому что они были дети, их воображение имело некую жалкую силу, которую Оно недооценило. Но теперь, когда они подходили, Оно даст им прийти. Они придут, и Оно бросит их одного за другим в макрокосм.., в мертвые огоньки своих глаз.

Да.

Когда они придут сюда, Оно бросит их, орущих и безумных, в мертвые огоньки.

2

В туннелях, 2.15

У Бев и Ричи, может быть, было десять спичек, но Билл не разрешал им пользоваться ими. На данный момент, во всяком случае, в канализации все еще был тусклый свет. Немного, но он мог различить следующие четыре фута перед собой, и пока он мог это делать, они экономили спички.

Он предполагал, что слабый свет, который они ощущали, должно быть, исходит из входных-выходных отверстий в перекрытиях наверху, над их головами, может быть, даже из круглых отверстий в крышках люков. Казалось необычайно странным думать, что они под городом, но, конечно, к настоящему моменту они должны

быть там.

Вода теперь была глубже. Три раза проплывали мертвые животные: крыса, котенок, раздувшаяся светящаяся штука, которая могла быть сурком. Он слышал, как один из них пробормотал что-то брезгливое, когда этот зверек проплывал мимо.

Вода, через которую они пробирались, была относительно спокойной, но все это должно было очень скоро закончиться: не слишком далеко наверху слышался постоянный пустой рев. Канализация поворачивала вправо. Они сделали поворот, и здесь были три трубы, изрыгающие воду в их трубу. Они шли наверх вертикально, как линзы на светофоре. Канализация здесь упиралась в тупик. Свет стал по краям ярче. Билл посмотрел наверх и увидел, что они находятся в квадратной, облицованной камнем шахте пятнадцати футов высотой. Там наверху была канализационная решетка, и вода лилась на них ведрами. Похоже было на примитивный душ.

Билл безнадежно посмотрел на три трубы. Верхняя пропускала воду, которая была почти чистая, хотя в ней были листья, сучки и кусочки мусора: сигаретные окурки, обертки жевательной резинки, другие похожие штуковины. Средняя труба пропускала серую воду. А из самой нижней трубы

шел серовато-коричневый поток нечистот.

— Эээдди!

Эдди с трудом подошел к нему. Его волосы прилипли ко лбу. Его гипс стал промокшей, капающей массой.

— Ккуда?

Если вам нужно было знать, как что-то построить, спрашивали Бена; если вам нужно было знать, по какой дороге идти, спрашивали Эдди. Они об этом не говорили, но все это знали. Если вы были в каком-то незнакомом месте и хотели попасть в знакомое, Эдди мог привести вас туда, делая повороты направо и налево с неиссякаемой уверенностью, до тех пор, пока вы просто не ограничивались тем, что послушно следовали за ним и надеялись, что все выйдет как полагается.., что они всегда, по-видимому, и делали. Билл рассказал однажды Ричи, что, когда он и Эдди впервые начали играть в Барренсе, он, Билл, постоянно боялся заблудиться. У Эдди не было никаких страхов, и он всегда приводил их обоих прямо туда, куда обещал их вывести. "Если бы я зззаблудился в Хайнсвильских лесах, и Эээдди был бы со ммной, я ббы нне тторопился, — сказал Билл Ричи. — Он просто *знает.* Мой ппапа гговорит, что ннекоторые ллюди, похоже, иимеют

ккомпас в гголове. Ккак Эээдди".

— *Я не могу расслышать, что ты говоришь!* -закричал Эдди.

— По *какой,* я спросил?

— По какой *что?* -Эдди сжимал ингалятор в здоровой руке, и Билл подумал, что он действительно больше похож на утонувшую крысу, чем на мальчика.

— По какой нам *идти?*

— Ну, это зависит от того, куда мы хотим идти, — сказал Эдди, и за это Билл чуть было его не придушил. Эдди с сомнением смотрел на три трубы. Все трубы могли бы им пригодиться, но нижняя выглядела особенно уютной.

Билл собрал всех в кружок.

— Где, черт побери, *находится* Оно? — спросил он их.

— В середине города, — сказал быстро Ричи. — Прямо под центром города. Около Канала.

Беверли кивнула. То же самое сделал Бен. И Стэн.

— Ммайк?

— Да, — сказал он, — вот где Оно. Около Канала. Или под ним. Билл снов? посмотрел на Эдди.

— По какой?

Эдди неохотно показал на нижнюю трубу.., и

хотя сердце Билла опустилось, он вовсе не был удивлен.

— Та.

— О, черт, — сказал Стэн безрадостно. — Это дерьмо.

— Мы не... — начал Майк и затем прервался. Он задрал голову, прислушиваясь к чему-то. Его глаза были встревожены.

— Что... — начал Билл, но Майк приложил палец к губам, говоря *Шшшшш!*

Теперь и Билл тоже мог слышать: звуки брызг. Приближение. Хрюканье и приглушенные слова. Генри все еще не отступал.

— Быстро, — сказал Бен. — Пошли.

Стэн посмотрел назад, на ход, которым они пришли, затем посмотрел на самую нижнюю из трех труб. Он плотно сжал губы и кивнул.

— Пойдемте, — сказал он — Дерьмо смывается.

— Дружище Стэн смывает дерьмо! — закричал Ричи. — Вакка-вакка-ва...

— Ричи, *заткнись*, пожалуйста, — зашипела на него Беверли. Билл повел их к трубе, кривясь от запаха, и забрался внутрь. Запах: это была канализация, это было дерьмо, но здесь был еще какой-то запах, не так ли? Более плотный, более живой запах. Если бы хрюканье животного могло

иметь запах (и, как предполагал Билл, если бы это животное, о котором идет речь, ело нужные вещи), оно бы походило на этот подзапах. Мы *отправились в нужном направлении, все в порядке. Оно было здесь.., и Оно было здесь давно.*

К тому времени, как они прошли двадцать футов, воздух стал густым и ядовитым. Они передвигались медленно, пробираясь сквозь вещество, которое не было грязью. Он посмотрел через плечо и сказал:

— Ииди ппрямо зза мной, Ээдди. Тты ммне ннужен.

Свет угас до самого слабого серого, немножко подержался на этом оттенке, затем исчез, и они оказались *(из голубизны и)* в черноте. Билл волочил ноги через зловоние, чувствуя, что он почти разрывает его физически, одну руку он держал перед собой и ждал, что в любой момент наткнется на всклокоченные волосы и зеленые глаза-лампы откроются в темноте. Конец наступит одной горячей вспышкой боли, когда Оно вырвет его голову из плеч.

Тьма смешивалась со звуками, все это увеличивалось и отдавалось эхом. Он мог слышать за собой сопение друзей, иногда чье-нибудь бормотание. Раздавались охающие стоны и бульканье.

Один раз поток омерзительно теплой воды прошел за ним и между его ногами, замочив его по бедра и качнув его на пятках. Он чувствовал, как Эдди неистово хватает его за рубашку, а затем поток убывает. От конца прохода Ричи кричит с мрачным юмором:

— Я думаю, нас только что описал Веселый Зеленый Гигант, Билл.

Билл слышал, как вода и отбросы стекают небольшими порциями через сеть малых труб, которые сейчас должны быть над их головами. Он вспомнил разговор о канализационных трубах Дерри со своим отцом и подумал, что он знает, что это за труба, — она должна была управлять притоком воды, который случался во время сильных дождей и в сезон наводнений. Все это добро покидало Дерри, для того чтобы слиться с Торролт-стрим и рекой Пенобскот. Городу нравилось выпускать свое говно в Кендускеаг, потому что оно воняло. Но вся так называемая сырая вода шла в Кендускеаг, и так как трубы не могли справиться со сточными массами, то случалось затопление, наподобие того, которое только что произошло. Если было одно, могло быть и другое. Он беспокойно посмотрел вверх, не увидел ничего, что могло быть решетками у трубы, а также

по сторонам, и что в любой момент это может...

Он не понял, что достиг конца трубы, до тех пор, пока не выпал из нее и не заковылял вперед, размахивая руками в бесплодной попытке удержать равновесие. Он упал на живот в полужидкую массу в двух футах внизу устья трубы, из которой только что вывалился. Что-то с писком пробежало над его рукой. Он закричал и сел, хватаясь дрожащей рукой за грудь, уверенный, что по нему только что пробежала крыса: он почувствовал отвратительное скольжение безволосого хвоста этого существа.

Он попытался встать и ударился головой о низкий потолок новой трубы. Это был сильный удар, и Билл упал на колени, и большие красные цветы искрами рассыпались у него перед глазами.

— Будь осторожен! — он услышал свой крик; слова отдавались эхом. — Здесь сспуск, Эээдди! Где ттты?

— Здесь! — взмахнувшая рука Эдди задела нос Билла. — Помоги мне, Билл, я не могу видеть...

Раздалось огромное водяное *керуошшшшшшш!* Беверли, Майк и Ричи закричали в унисон. При дневном свете почти совершенная гармония, которую они втроем составляли, была бы забавной; здесь внизу, в темноте, в канализации,

она была устрашающей. Внезапно они все упали. Билл схватил Эдди медвежьей хваткой, пытаясь спасти его руку.

— О Господи, я думал, я утону, — простонал Ричи. — Мы окунулись — вот те на, душ из говна, — черт возьми, они должны сделать сюда классный поход как-нибудь, Билл, мы можем взять мистера Карсона и провести его.

— А миссис Джиммисон могла бы прочитать после этого лекцию о здоровье, — сказал Бен дрожащим голосом, и они все громко засмеялись. Когда смех иссяк, Стэн вдруг залился несчастными слезами.

— Не надо, дружище, — сказал Ричи, положив руку на торчащие плечи Стэна. — Ты всех нас вынудишь плакать, дружище.

— Все в порядке! — громко сказал Стэн, все еще плача. — Я могу вынести страх, но *ненавижу* торчать в этой грязи.

— Как тты ддумаешь, сспички ееще мможно ииспользовать? — спросил Билл Ричи.

— Я отдал мои Бев.

Билл почувствовал в темноте прикосновение к своей руке и сжал спички. Они были сухими.

— Я держала их под мышкой, — сказала она. — Они хорошие. Так или иначе, ты можешь попро-

бовать.

Билл взял одну спичку и зажег ее. Она загорелась, и он поднял ее вверх. Его друзья сбились в кучу, отшатнувшись при краткой яркой вспышке света. Они были обрызганы и запачканы экскрементами, и все выглядели очень маленькими и очень испуганными. За ними виднелась канализационная труба, из которой они вышли. Труба, в которой они стояли сейчас, была все-таки меньше. Она шла прямо в двух направлениях, ее поверхность была покрыта слоем отвратительных осадков. И...

Он присвистнул и затряс спичкой, так как она обожгла его пальцы. Он прислушался и услышал звуки быстротекущей воды, капающей воды, внезапный фонтанирующий рев, когда открывались задвижки труб, пропуская отходы в Кендускеаг, который сейчас был Бог знает как далеко за ними. Он не слышал Генри и остальных — пока.

Он спокойно сказал:

— Справа от меня мертвец. Примерно в ддесяти ффутах от ннас. Я ддумаю, это мможет ббыть Пппп...

— Патрик? — спросила Беверли, ее голос дрожал и был на грани истерики. — Это Патрик Хокстеттер?

— Дддда. Тты ххочешь, чтобы я ззажег еще одну сспичку? Эдди сказал:

— Нужно, Билл. Если я не увижу, как идет труба, я не узнаю, куда идти.

Билл зажег спичку. В ее мерцании они все увидели зеленый, распухший предмет, который был Патриком Хокстеттером. Труп усмехался им в темноте с жутким дружелюбием, но только половиной лица; остальное съели крысы. Вокруг Патрика были разбросаны его книги из летней школы, раздутые сыростью до размеров словарей.

— Боже, — хрипло сказал Майк, глаза его были широко раскрыты.

— Я опять их слышу, — сказала Беверли. — Генри и остальных. Акустика, должно быть, донесла ее голос и до них; Генри заорал в канализационную трубу, и на мгновение показалось, будто он стоит прямо там.

— *Мы до вас доберемсяяяяяяя!*

— Идите сюда! — закричал Ричи. Его глаза были яркие, сверкающие, пляшущие, лихорадочные. — Приходите, тупицы! Здесь прямо как в бассейне. При...

Затем по трубе прошел пронзительный крик такого дикого ужаса и боли, что дрожащая спич-

ка выпала из пальцев Билла. Рука Эдди обвилась вокруг него, и Билл опять взвалил на себя Эдди, чувствуя, что тело его дрожит, как провод под током, когда Стэн Урис прижался к нему с другой стороны... Тот крик поднимался и поднимался.., а затем раздался звук непристойного густого пуканья, и крик оборвался.

— Что-то схватило одного из них, — задыхаясь, испуганно проговорил в темноте Майк. — Что-то.., какой-то монстр... Билл, мы должны уйти отсюда.., пожалуйста...

Билл мог слышать всех, кто остался, — одного или двух, с этой акустикой невозможно было точно сказать, — как он пробирается, и спотыкается по канализационной трубе к ним.

— По какой, Эдди? — спросил он настойчиво. — Тты зззнаешь?

— К Каналу? — спросил Эдди, дрожа в руках Билла.

— Да!

— Направо. Мимо Патрика.., или над ним, — голос Эдди вдруг стал твердым. — Мне на это наплевать. Он был одним из тех, кто сломал мне руку. И плюнул мне в лицо.

— Давайте ппойдем, — сказал Билл, глядя назад, на канализационную трубу, которую они только

что оставили. — Ддержитесь ддруг за ддруга, ккак ррраньше!

Он ощупью пошел вперед, протискивая свое плечо вдоль склизкой фарфоровой поверхности трубы, скрежеща зубами, не желая наступить на Патрика.., или в него.

Так они медленно прошли дальше в темноту, пока вода бушевала вокруг них и пока снаружи буря гуляла и свистела, и несла раннюю темень на Дерри, темень, которая выла ветром, вспыхивала электрическим огнем и грохотала падающими деревьями, которые кричали предсмертными криками огромных доисторических существ.

3

Оно, май 1985

Теперь они снова подходили, и хотя все произошло во многом так, как Оно предвидело, кое-что, чего Оно не предвидело, вернулось: этот сводящий с ума, раздражающий страх.., это чувство еще Одного. Оно ненавидело этот страх, Оно бы развернулось и съело его, если бы Оно могло.., но страх издевательски плясал за пределами досягаемости, и Оно могло убить страх, только убив их.

Наверняка в таком страхе не было нужды; они теперь были старше, и их число уменьшилось

с семи до пяти. Пять было число силы, но оно не имело мистического качества, качества талисмана семи. Верно, Его слуга не смог убить библиотекаря, но библиотекарь умрет в больнице. Позднее, перед тем как рассвет коснется неба, Оно пошлет мужчину-санитара с отравленной пилюлей, которая покончит с библиотекарем раз и навсегда.

Жена писателя была теперь с Ним, живая и все-таки неживая — ее мозг сильно повредился, когда она в первый раз увидела Его таким, каким Он был в действительности, — без всяких масок и чар, а все его чары были только зеркала, конечно, отбрасывающие на испуганного созерцателя худшее в его или ее собственном мозгу, гелиографические образы, как зеркало может направить солнечный луч в широко открытый доверчивый глаз и ошеломить его до слепоты.

Теперь мозг жены писателя был с Ним, в Нем, за пределами конца макрокосма; в темноте за пределами Черепахи; в беспределье вне всех пределов.

Она была в Его глазу; она была в Его мозгу.

Она была в мертвых огоньках.

О, но чары были удивительные. Хэнлон, например. Он не помнил, не сознавал, но его мать могла

бы рассказать ему, откуда приходила птица, которую он видел на чугунолитейном заводе. Когда он был только шестимесячным ребенком, его мать оставила его спать в колыбели в боковом дворе и пошла вешать простыни и пеленки на веревку. Она прибежала на его крики. Большая ворона села на край коляски и клевала младенца Майки, как злобная тварь в детской сказке. Он кричал от боли и страха, неспособный прогнать ворону, которая чувствовала легкую добычу. Мать ударила птицу кулаком и отогнала ее, увидела, что она до крови поранила в двух-трех местах руки Майки, и понесла его к доктору Стилвагону за прививкой от столбняка. Часть Майка помнила это всегда — крошечный ребенок, гигантская птица, и когда Оно пришло к Майку, Майк снова увидел гигантскую птицу.

Но когда Его слуга, муж девчонки, раньше притащил жену писателя, Оно не надело никакой маски — Оно не одевалось, когда было дома. Муж-слуга посмотрел один раз и упал замертво от шока, лицо серое, глаза наполнились кровью, которая излилась из его мозга в десятках точек. Жена писателя выдала одну сильную, ужасную мысль — О ДОРОГОЙ БОЖЕ, ЭТО ЖЕНЩИНА! — *и затем все мысли прекратились. Она поплыла в*

мертвые огоньки. Оно вышло из Себя и позаботилось о ее физических останках; подготовило их для дальнейшего поедания. Теперь Одра Денбро была подвешена в середине его владений, крестнакрест, голова свешивалась к плечу, глаза в изумлении широко открыты, ступни ног опущены вниз.

Но в них все-таки еще была сила. Уменьшенная, но все-таки была. Они пришли сюда детьми, и как-то, вопреки всем странностям, вопреки тому, что должно было быть, что могло быть, они сильно ранили Его, чуть не убили Его, заставили Его убраться глубоко в землю, где Оно обитало раненое и ненавидящее, и дрожащее в растекающейся луже собственной странной крови.

Отсюда еще одна новость, если хотите: впервые в Своей никогда не кончающейся истерии Оно вынуждено было составить план; впервые Оно нашло, что Оно боится просто принять то, что Оно хотело от Дерри, от Его собственного охотничьего угодья.

Оно всегда любило детей. Многие взрослые могли быть использованы, не зная, что они были использованы, и Оно даже питалось некоторыми из старших на протяжении всех этих лет — у взрослых были свои собственные страхи, и их же-

лезы могли быть перфорированы, открыты, так что химикаты страха заполняли тело и солили мясо. Но их страхи были большей частью слишком сложны. Страхи детей были проще и обычно более мощные. Страхи детей можно было часто вызвать чем-то одним.., и если требовалась приманка, что ж, какой ребенок не полюбит клоуна?

Оно смутно понимало, что эти дети как-то повернули Его собственные инструменты против Него, что, по совпадению (наверняка, неумышленно, наверняка, не управляемые рукой какого-то Другого), связью семи чрезвычайно впечатлительных умов Оно было поставлено перед лицом великой опасности. Любой из этих семи по отдельности был бы Его едой и питьем, и если бы им не пришлось прийти вместе, Оно, наверняка, сожрало бы их одного за другим, влекомое богатством их воображения, как лев может быть влеком к одному определенному источнику запахом зебры. Но вместе они открыли волнующий секрет, о котором даже Оно не знало: что вера имеет вторую грань. Если есть десять тысяч средневековых крестьян, которые создают вампиров верой в их реальность, может быть один — возможно, ребенок, — который будет в состоянии вообразить кол, чтобы его убить. Но

кол — это только глупая деревяшка, мозг — вот молот, который вгоняет его в тело вампира.

Все-таки в конце концов Оно спаслось, ушло глубоко, и уставшие испуганные дети решили не идти за ним, когда Оно было в Своем самом уязвимом состоянии. Они решили поверить, что Оно мертво или умирает, и ушли.

Оно знало об их клятве и знало, что они вернутся, так же как лев знает, что зебра в конце концов возвратится к источнику. Оно начало строить планы, еще когда Оно засыпало. Когда Оно проснется, Оно излечится, обновится — но их детства сгорят, как семь толстых свечей. Прежняя сила их воображения будет приглушена и ослаблена. Они больше не будут воображать, что в Кендускеаге водятся пираньи или что если вы наступаете на трещину, вы, может, действительно ломаете спину вашей матери, или что если вы убиваете божью коровку, севшую на вашу рубашку, ваш дом этой ночью сгорит. Вместо этого они поверят в страхование. Вместо этого они поверят в вино за обедом — приятное, но не слишком дорогое, вроде «Поули-Фюизе» 1983 года — и позволят его заказать — официант! Вместо этого они поверят, что пауки поглощают в сорок семь раз больше их собственного веса из-за

избытка желудочного сока. Вместо этого они поверят в телевидение, в Гэри Харта, бегающего, чтобы предупредить инфаркт, и отказавшегося от мяса, чтобы предотвратить рак кишечника. С течением лет их мечты уменьшатся. И когда Оно проснется, Оно позовет их назад, да, назад, потому что страх был плодовитый, его порождением был гнев, а гнев кричал об отмщении.

Оно позовет их и затем убьет их.

Только теперь, когда они подходили, страх вернулся. Они выросли, и их воображение ослабло, но не настолько, насколько считало Оно. Оно чувствовало зловещий, выводящий из себя рост их силы, когда они соединяются вместе, и Оно в первый раз задумалось, не сделало ли Оно ошибки.

Но зачем быть таким мрачным? Жребий брошен, и не все предзнаменования были плохи. Писатель наполовину спятил из-за своей жены, и это было хорошо. Писатель был самым сильным, тем, кто за годы как-то натренировал свой мозг для этой конфронтации, и когда писатель будет мертв с кишками, вывернутыми из тела, когда их драгоценный Большой Билл будет мертв, остальные быстро станут Им.

Оно хорошо поест.., и затем, возможно, Оно снова уйдет глубоко. И заснет. На какое-то время.

4

В туннелях, 4.30

— Билл! — крикнул Ричи в трубу, отдающую эхом. Он двигался так быстро, как мог, но это не было очень быстро. Он вспомнил, что детьми они, наклонившись, шли в этой трубе, которая вела от насосной установки в Барренс. Сейчас он полз, и труба казалась невероятно узкой. Его очки продолжали спадать на кончик носа, а он продолжал водворять их на место. Он слышал позади себя Бена и Бев.

— Билл! — закричал он снова. — Эдди!

— Я здесь! — голос Эдди был еле слышен.

— Где Билл? — крикнул Ричи.

— Впереди наверху, — крикнул Эдди. Он теперь был очень близко, и Ричи скорее чувствовал, чем видел его как раз впереди. — Он не ждет!

Голова Ричи наткнулась на ногу Эдди. Через минуту голова Бев наткнулась на зад Ричи.

— *Билл!* -закричал пронзительно Ричи. Труба сконцентрировала его крик и послала его обратно, ударяя ему в уши. — *Билл, подожди нас! Мы должны идти вместе, разве ты этого не знаешь?*

Слабо, отдаваясь эхом, донесся голос Билла:

— *Одра! Одра! Где ты?*

— Черт тебя подери, Большой Билл! — пробормотал Ричи тихо. Очки его упали. Он выругался, нащупал их и снова водрузил на нос. Он набрал дыхание и снова закричал:

— Ты заблудишься без Эдди, чертова жопа! Подожди! Подожди нас! Ты слышишь меня, Билл? ПОДОЖДИ НАС, ЧЕРТ ВОЗЬМИ!

Наступил мучительный миг тишины. Казалось, никто не дышал. Все, что мог слышать Ричи, это капающую в отдалении воду; в канализации не было воды, кроме случайных старых лужиц.

— *Билл!* — он прошелся дрожащей рукой по волосам и едва сдержал слезы. — *ДАВАЙ... ПОЖАЛУЙСТА, ДРУЖИЩЕ! ПОДОЖДИ НАС! ПОЖАЛУЙСТА!*

И — еще тише — вернулся голос Билла:

— Жду.

— Спасибо Господу за маленькую услугу, — пробормотал Ричи. Он подтолкнул Эдди. — Идем.

— Я не знаю, сколько я смогу с одной рукой, — сказал Эдди оправдываясь.

— Ну, так или иначе, пошли, — сказал Ричи, и Эдди снова пополз. Билл, изможденный и измученный, ждал их в шахте канализации, где три трубы выстроились в ряд, как линзы на мертвом светофоре.

Здесь было достаточно места, чтобы стоять.

— Вон там, — сказал Билл. — Ккрисс. И Бббелч.

Они посмотрели. Беверли застонала, и Бен положил на нее руку. Скелет Белча Хаггинса, одетого в сгнившие тряпки, казался более или менее нетронутым. То, что осталось от Виктора, было без головы. Билл посмотрел в глубь ствола и увидел оскаленный череп.

Он был там, — останки его. *Это нам специально оставили парни,*подумал Билл и содрогнулся.

Эта часть канализации уже не использовалась. Ричи гадал, почему здесь довольно чисто. Установка по очистке сточных вод была демонтирована. Когда-то, когда они все были заняты тем, что учились бриться, водить машину" курить, трахаться потихоньку, всей этой милой ерунде, была образована комиссия по защите окружающей среды, и она запретила сброс сточных вод в реки и каналы. Поэтому эта часть канализационной системы просто развалилась, и вместе с ней развалились тела Виктора Крисса и Белча Хаггинса. Как дикие мальчики Питера Пэна, Виктор и Белч так и не выросли. Здесь лежали скелеты двух мальчишек в рваных остатках футболок и джинсов, которые сгнили до тряпок. Искореженный ксилофон грудной клетки Крисса оброс

мхом, мох был и на орле пряжки его военного ремня.

— Их схватил монстр, — тихо сказал Бен. — Вы помните? Мы слышали, как это случилось.

— Одра ммертва, — голос Билла был механическим. — Я это знаю.

— Ты ничего *такого* не знаешь! — сказала Беверли с такой яростью, что Билл смутился и посмотрел на нее. — Все, что ты знаешь наверняка, это что много *других* людей погибло и многие из них дети. — Она подошла к нему и встала перед ним, подбоченясь. Руки и лицо ее были запачканы грязью, волосы растрепались и были неопрятны. Ричи подумал, что она выглядит совершенно великолепно. — И ты знаешь, *кто* сделал это.

— Мнне нникогда нне ннадо ббыло гговорить, ккуда я ссобираюсь, — сказал Билл. — Зачем я сделал это? Зачем я...

Ее руки взвились и схватили его за рубашку. В изумлении Ричи смотрел, как она трясет его.

— Все! Ты знаешь за чем мы пришли! Мы поклялись, и *мы сделаем это!* Ты понимаешь меня, Билл? Если она мертва, она мертва.., но *Оно нет!* Теперь ты нужен нам. Ты понимаешь это? Ты *нужен* нам! — теперь она кричала. — Поэтому

ты встанешь ради нас! Ты встанешь ради нас, как раньше, иначе никто из нас не выберется отсюда!

Он долго, без слов, смотрел на нее, и Ричи начал думать: *Давай, Большой Билл. Давай, давай...*

Билл обвел их всех взглядом и кивнул.

— Эээдци?

— Я здесь, Билл.

— Тты еще ппомнишь, ккакая ттруба? Эдди показал за Виктором и сказал:

— Та. Кажется довольно маленькой, да? Билл снова кивнул.

— Ты сможешь это сделать? С ттвоей ссломанной ррукой?

— Для тебя смогу, Билл!

Билл улыбнулся самой безрадостной, самой ужасной улыбкой, которую Ричи когда-либо видел.

— Введи нас ттуда, Ээдди. Ддавайте сделаем это.

5

В туннелях, 4.55

Когда Билл полз, он напоминал себе о выходе в конце этой трубы, но все-таки он его удивил. Один миг его руки нащупывали покрытую коркой

поверхность старой трубы в следующий момент он схватился за воздух. Его понесло вперед, и он покатился инстинктивно, упав на плечо со страшным хрустом.

— Ооосторожно! — услышал он свой крик. — Здесь ввыход. Эээдди!

— Сюда! — размахивающая рука Эдди ударилась о лоб Билла. — Помоги мне выбраться!

Билл обхватил Эдди и поднял его, стараясь не повредить его больную руку. Следующим был Бен, затем Бев, затем Ричи.

— У ттебя сспички еесть, Рричи?

— У меня есть, — сказала Беверли. Билл почувствовал прикосновение к своей руке и сжал в ней спички. — Здесь только восемь из десяти, но у Бена больше. Из номера.

Билл спросил:

— Ты их держала под мышкой, Ббев?

— В этот раз нет, — сказала она и обвила его руками в темноте. Он крепко сжал ее, глаза у него были закрыты, пытаясь принять от нее покой и тепло, которые она так сильно хотела ему дать.

Он нежно выпустил ее и чиркнул спичкой. Власть памяти была огромной — они все сразу посмотрели направо. То, что осталось от Патрика Хокстеттера, точнее, от его тела, было все еще

там, среди нескольких неуклюжих, распухших предметов, которые могли быть книгами. Единственная по-настоящему узнаваемая вещь — это выступающее полукружие зубов, два-три из них с пломбами.

И что-то рядом. Мерцающий круг, едва видимый в разливающемся свете спички.

Билл потушил спичку и зажег еще одну. Он поднял предмет.

— Обручальное кольцо Одры, — сказал он. Голос его был пустой, невыразительный.

Спичка обожгла ему пальцы, погасла. В темноте он надел кольцо.

— Билл? — сказал Ричи с сомнением. — Имеешь ли ты представление

6

В туннелях, 2.20

сколько времени они шли через туннели под Дерри с тех пор, как они покинули место, где было тело Патрика Хокстеттера, но Билл был уверен, что он никогда не сможет найти дорогу назад. Он продолжал думать о том, что сказал его отец: *«Там можно шляться неделями».* Если чувство направления Эдди обманет их сейчас, им не нужно будет, чтобы Оно их убило; они будут

ходить до тех пор, пока не умрут.., или, если они попадут в другую систему труб, до тех пор, пока не утонут, как крысы в дождевой бочке.

Но Эдди казался ни чуточки не обеспокоенным. Время от времени он просил Билла зажечь одну спичку из их уменьшающегося запаса, задумчиво смотрел по сторонам и снова отправлялся в путь. Он делал повороты направо и налево, по-видимому, наугад. Иногда трубы были настолько большими, что Билл не мог дотянуться до их верха, даже вытянув руки вверх. Иногда они должны были ползти; в течение пяти страшных минут (которые казались похожими на пять часов) они, как черви, ползли на животе, теперь Эдди был впереди, остальные за ним, касаясь носом пяток ползущего впереди.

Единственное, в чем Билл был полностью уверен, было то, что они как-то попали в демонтированную секцию канализационной системы Дерри. Все действующие трубы были либо далеко позади, либо далеко над ними. Рев бегущей воды переходил в удаляющийся гром. Эти трубы были более старыми, не керамическими, а покрытыми рассыпчатым глиноподобным веществом, которое периодически изливалось порциями неприятно пахнущей жидкости. Запах челове-

ческих отходов — тот плотный, наполненный газами запах, который грозил им всем удушением, — угас, но сменился еще одним запахом, ядовитым и древним, который был хуже.

Бен подумал, что это запах мумии. Эдди он показался запахом прокаженного. Ричи показалось, что так пахнет самый старый в мире фланелевый пиджак, теперь превращающийся в прах и гниющий, — пиджак дровосека, очень большой, достаточно большой для персонажа наподобие Поля Баньяна, например. Беверли он казался пахнущим, как отделение для носков в комоде отца. В Стэне Урисе он пробудил ужасное воспоминание из его раннего детства — необычно еврейское воспоминание в мальчике, который имел самое отдаленное понимание своего еврейства. Он пах, как глина, смешанная с маслом, и заставлял его думать о безглазом, безротом демоне, называемом Големом — глиняным человеком, которого евреи-отступники изготовили как-то в средние века, чтобы спасти их от *гоев*, которые грабили их и насиловали их женщин. Майк думал о сухом запахе перьев в мертвом гнезде.

Когда они в конце концов добрались до конца узкой трубы, они, как угри, скатились на искривленную поверхность еще одной, которая шла под

косым углом к трубе, в которой они только что были, и обнаружили, что они опять могут встать. Билл посчитал головки спичек в своей коробке. Четыре. Он сжал губы и решил не рассказывать остальным, как близки они были к тому, чтобы остаться без огня...

— Ккак у ввас, рребята, ддела?

Они что-то пробормотали в ответ, и он кивнул в темноте. Никакой паники и никаких слез, после слез Стэна. Это было хорошо. Он чувствовал их руки, и они некоторое время вот так постояли в темноте, и давая, и получая от этого соприкосновения. Билл ощущал в этом уверенность, надежное чувство, что они в общем значат больше, чем сумма их семи "я"; они вновь соединились в более могущественное целое.

Он зажег одну из оставшихся спичек, и они увидели узкий туннель, тянущийся впереди по наклону. Верх этой трубы был покрыт оседающей паутиной, ее части, размытые водой, висели клочьями. Когда Билл взглянул на них, по нему пробежал атавистический холодок. Пол там был сухой, но плотный от древнего гумуса и того, что могло быть листьями, грибком.., или какими-то невообразимыми осадками. Дальше они увидели груду камней и кучу зеленых тряпок. Они могли

когда-то быть тем материалом, который назывался «блестящим хлопком», рабочей одеждой. Билл представил себе какого-то рабочего-ассенизатора, который заблудился, бродил здесь и был обнаружен...

Спичка затухала. Он повернул ее головкой вниз, чтобы немного продлить свечение.

— Тты знаешь, ггде ммы? — спросил он Эдди.

Эдди показал вниз на слегка искривленный стержень туннеля.

— Вон там Канал, — сказал он. — Менее полумили, если эта штука не повернет в другом направлении. Сейчас мы прямо под Ап-Майл-Хиллом, я думаю. Но, Билл...

Спичка обожгла пальцы Билла, и он дал ей упасть. Они снова были в темноте. Кто-то — Билл подумал, что это Беверли — вздохнул. Но перед тем, как спичка упала, он увидел беспокойство на лице Эдди.

— Ччто? Ччто ээто?

— Когда я говорю, что мы под Ап-Майл-Хиллом, я имею в виду, что мы *действительно* под ним. Сейчас мы уже долго идем. Никто *никогда* так глубоко канализацию не прокладывал. Когда прокладывают туннель так глубоко, он называется шахтой.

— Глубоко ли мы находимся, как ты думаешь, Эдди? — спросил Ричи.

— Четверть мили, — сказал Эдди. — Может быть, больше.

— Боже ты мой! — воскликнул Беверли.

— Так или иначе, это не канализация, — сказал Стэн. — Можно различить это по запаху. Он мерзкий, но это не запах *запахов.*

— Мне кажется, я бы лучше нюхал дерьмо, — сказал Бен. — Здесь пахнет, как...

До них долетел крик, исходящий из устья трубы, из которой они только что вышли, и поднял дыбом волосы на затылке Билла. Они семеро потянулись друг к другу и сжались.

...ппполучим этих сукиных детей. Мы заполучиииим...

— Генри, — выдохнул Эдди, — о мой Бог, он все-таки подходит.

— Я не удивлен, — сказал Ричи. — Некоторых людей нужно просто давить.

Они уже могли расслышать слабое тяжелое дыхание, скрип ботинок, шелест ткани.

...вассссс...

— Ппошли, — сказал Билл.

Они пошли вниз по трубе, теперь передвигаясь по двое, кроме Майка, который был в конце ше-

ренги: Билл и Эдди, Ричи и Бев, Бен и Стэн.

— Ккак ддалеко, ппо-ттвоему, Ггенри?

— Трудно сказать, Большой Билл, — сказал Эдди. — Слабое эхо, — голос внезапно упал. — Ты видел ту груду костей?

— Ддда, — сказал Билл, понижая голос.

— Там был ремень от одежды. Я думаю, это был парень из гидроуправления.

— Ммне ккажется, дда.

— Сколько времени, ты думаешь?..

— Нне ззнаю.

Эдди в темноте положил свою здоровую руку на Билла.

Вероятно, минут через пятнадцать они услышали, как в темноте к ним что-то приближается.

Ричи остановился, весь застыв. Вдруг ему снова стало три года. Он слышал это хлюпающее, колеблющееся движение — все приближающееся и приближающееся — и шелест, как будто от веток, сопровождающий его, и еще до того, как Билл зажег спичку, он знал, что это.

— *Глаз!* -закричал он. — *Господи, это Ползучий Глаз!*

В течение минуты остальные не были уверены, что они видят (у Беверли было впечатление, что ее нашел отец, даже здесь, внизу, а Эдди показа-

лось, что Патрик Хокстеттер вернулся к жизни; как-то Патрик обогнал их и встал перед ними), но крик Ричи, *определенность* Ричи, несомненность его сковала их всех. Они увидели то, что увидел Ричи.

Гигантский Глаз заполнил туннель, остекленевший черный зрачок двух футов в поперечнике, радужная оболочка красновато-коричневого цвета. Белок был навыкате, перевитый красными венами, которые непрерывно пульсировали. Это был желатиновый ужас без век, без ресниц, который двигался в ложе сырых щупальцев. Они шарили по ссыпающейся поверхности туннеля и опускались, как пальцы, так что при мерцании потухающей спички Билла казалось, что Глаз охвачен кошмарными пальцами, которые тащили Его.

Оно уставилось на них с пустой и злобной жадностью. Спичка потухла.

В темноте Билл почувствовал, как щупальца ласкают его лодыжки, его голени.., но не мог двинуться. Тело окаменело. Он чувствовал Его приближение, он ощущал тепло, исходящее от него, и слышал пульсацию крови, увлажняющую Его мембраны. Он представил себе дрожь, которую почувствует, когда Оно дотронется до него,

и все-таки не мог кричать. Даже когда щупальца скользнули по его талии, зацепились за петли его джинсов и начали тянуть его, он не мог кричать или бороться. Мертвая сонливость, казалось, сковала все его тело.

Беверли почувствовала, как одно из щупальцев скользит по раковине уха и вдруг сильно дергает его. Вспыхнула боль, и ее потянуло вперед, бьющуюся и стонущую, как будто старая учительница вышла из себя и тащит ее в конец классной комнаты, где ее с силой посадят на стул и наденут колпак, предназначенный для ленивого ученика. Стэн и Ричи пытались сопротивляться, но лес невидимых щупальцев колыхался и шелестел вокруг них. Бен схватил Беверли и пытался оттащить ее. Она крепко вцепилась в его руки.

— Бен... Бен, Оно схватило меня...

— Нет... Подожди... Я потяну...

Он потянул изо всех сил, и Беверли вскрикнула, так как боль разлилась в ее ухе и потекла кровь. Щупальце, сухое и твердое, зацепило рубашку Бена, помедлило, затем скрутилось мучительным узлом на плече.

Билл протянул руку, и она вошла в вязкую мягкую сырость. *Глаз!* -закричал его мозг. — О *Боже, моя рука попала в Глаз! О Боже! О дорогой*

Господь! Глаз! Моя рука в Глазу!

Он теперь начал бить, но щупальца безжалостно тащили его вперед. Его рука исчезла в том мокром алчном тепле. Потом предплечье. Потом его рука окунулась в Глаз до локтя. Скоро и остальное его тело войдет в эту скользкую поверхность, и он почувствовал, что тогда он сойдет с ума. Он боролся неистово, нанося удары по щупальцам другой рукой.

Эдди стоял, словно мальчик во сне, слыша приглушенные крики и звуки борьбы, в которую были втянуты его друзья. Он чувствовал щупальца вокруг себя, но пока что еще ни одно по-настоящему не опустилось на него.

Беги домой! -скомандовал его разум довольно громко. — *Беги домой к маме, Эдди! Ты сможешь найти дорогу!*

Билл закричал в темноте — высокий, отчаянный звук, который сопровождался отвратительным хлюпаньем и чмоканьем.

Паралич Эдди как рукой сняло — Оно пыталось захватить Большого Билла!

— *Нет!* -закричал Эдди.

Это был рев на полном выдохе. Никто бы никогда не угадал, что такой воинственный звук мог выйти из такой щуплой груди, груди Эдди Кас-

пбрака, *легких* Эдди Каспбрака, которые являли собой, конечно же, самый ужасный случай астмы в Дерри. Он рванул вперед, прыгая на нависающие щупальца, не видя их, его сломанная рука ударяла в его собственную грудь, когда она качалась взад-вперед в мокром гипсе. Он нащупал в кармане и вытащил ингалятор *(кислота, кислота, вот чем это пахнет, кислотой, кислотой от батарейки).*

Он налетел на спину Билла Денбро и оттолкнул его в сторону. Раздался звук выливающейся воды, сопровождаемый голодным мяуканьем, которое Эдди не столько слышал ушами, сколько чувствовал. Он поднял ингалятор *(кислота, это кислота, я хочу, чтобы она была, и ты съешь ее, съешь ее, съешь).*

— ЭТО КИСЛОТА ОТ БАТАРЕЙКИ, СВОЛОЧЬ! -закричал Эдди и выпустил струю.

В то же самое время он ударил Глаз. Его нога глубоко вошла в желе Его роговой оболочки. На ногу хлынул поток горячей жидкости. Он вытащил ногу, смутно соображая, что потерял ботинок.

ОТВАЛИ! НО-НО, СЭМ! УХОДИ, ХОСЕ! ИЗЫДИ! ОТВАЛИ!

Он почувствовал, как щупальца касаются его, но слабо. Он снова нажал ингалятор, поливая

Глаз, и снова почувствовал то мяуканье.., теперь звук удивления и боли.

— *Бейте его!* -исступленно кричал Эдди — *Это просто херо-вый Глаз! Бейте его! Вы слышите меня? Бей его, Билл! Вышиби из него* годно! *Эй, сейчас я размажу твои яйца, как картофельное пюре, и Я СЛОМАЛ РУКУ!*

Билл почувствовал снова силу. Он вырвал свою руку, с которой капало, из Глаза.., и затем ударил ею, кулаком, снова в Глаз. Через мгновение рядом очутился Бен. Он вбежал в Глаз, мыча от гнева и отвращения, и начал осыпать ударами его студенистую, колышущуюся поверхность.

— *Пусть уходит!* -кричал он. — *Ты слышишь меня? Пусть уходит! Уходи! Уходи отсюда!*

— *Просто Глаз! Просто херовый Глаз!* -вопил Эдди как в бреду.

Он снова нажал на кнопку ингалятора, и почувствовал, как Оно отступило. Щупальца, которые схватили его, упали.

— *Ричи! Ричи! Давай! Это же просто Глаз!*

Ричи тяжело выступил вперед, не понимая, что он делает это, приближаясь к самому жуткому, самому страшному монстру в мире. Но он делал это.

Он нанес лишь один слабый удар, и ощущение,

что его кулак окунулся в Глаз — он был толстым и мокрым, и каким-то хрящеватым, — заставило его выбросить все содержимое своих внутренностей одним судорожным движением. Из него вышел звук — *плюм!* -и мысль о том, что его действительно вырвало на Глаз, побудило сделать это снова. Это был один-единственный удар, но с тех пор, как был сотворен этот монстр, возможно, это было то, что необходимо. Вдруг щупальца исчезли, как их и не было. Они услышали, как Оно отступает.., а затем единственными звуками остались тяжелое дыхание Эдди и тихий плач Беверли, которая держалась рукой за кровоточащее ухо.

Билл зажег одну из трех оставшихся спичек. Они внимательно посмотрели друг на друга и были поражены пережившими шок лицами. По левой руке Билла сбегало что-то густое, туманное, напоминающее смесь полузастывшего яичного белка и соплей. Сбоку шеи Беверли стекала струйкой кровь, а на шее Бена был свежий порез. Ричи медленно надвинул очки на нос.

— У ввас ввсе ввв ппорядке? — хрипло спросил Билл.

— Как *ты,* Билл? — спросил Ричи.

— Ддда, — он повернулся к Эдди и сжал худень-

кого мальчика с неистовой силой. — Тты сспас ммне жжизнь, ддружище.

— Оно съело твой *ботинок,* -сказала Беверли и дико засмеялась. — Это очень *плохо.*

— Я куплю тебе новую пару кедов, когда мы выберемся отсюда, — сказал Ричи. Он похлопал Эдди по спине в темноте. — Как ты это сделал, Эдди?

— Выстрелил из моего ингалятора. Разыграл, что это кислота. Оно ведь и имеет такой вкус, если я им пользуюсь, вы знаете, в трудные дни. Сработал здорово.

— Я размажу твои яйца в картофельное пюре, и я сломал руку! — повторил Ричи и хихикнул, как сумасшедший. — Не так старо, Эд. Действительно смешно, сказать тебе по правде.

— Я ненавижу, когда ты называешь меня Эд.

— "Я знаю, — сказал Ричи, крепко сжимая его в своих объятиях, — но кто-то должен тебя взбадривать, Эд. Когда ты перестаешь быть беззаботным ребенком и вырастаешь, ты должен, как бы это сказать, ты должен понять, что жизнь не всегда проста, мальчик!

Эдди начал истерически хохотать.

— Это найхеровейший голос, который я когда-либо слышал, Ричи.

— Держи свой ингалятор наготове, — сказала

Беверли. — Он опять может нам понадобиться.

— Вы нигде не видели Его? — спросил Майк. — Когда зажигали спичку?

— Оно уушло, — сказал Билл и затем мрачно добавил:

— Но мы приближаемся к Нему. К мместу, ггде оно обитает. И я думаю, ммы уубьем его на ээтот рраз.

— Генри все еще ходит, — сказал Стен. Голос его был низким и хриплым. — Я снова слышу его там.

— Тогда давайте двинемся, — сказал Бен.

Они двинулись. Туннель все время уходил вниз, и запах — та стелящаяся, дикая вонь — становился все сильнее. По временам они могли слышать позади себя Генри, но теперь эти крики казались отдаленными и совсем неважными. У них у всех было чувство — аналогичное тому чувству отчужденности и разобщенности, которое они ощутили на Нейболт-стрит, — что они продвигаются по краю вселенной в какое-то странное ничто. Билл чувствовал (хотя у него не хватало слов, чтобы выразить то, что он знал), что они приближаются к мрачному сердцу всех бед Дерри.

Майку Хэнлону казалось, что он может почти чувствовать, как его сердце болезненно, ритмич-

но бьется. У Беверли было ощущение злой силы, вырастающей вокруг нее, окутывающей ее, определенно пытающейся оторвать ее от остальных и сделать одинокой. Она нервно протянула руки в обе стороны и коснулась Билла и Бена. Ей показалось, что она должна была тянуться слишком далеко, и она крикнула:

— Возьмитесь за руки! Похоже, что мы отдаляемся друг от друга!

Стэн первым понял, что он снова видит. В воздухе появилось ровное, странное свечение. Сначала он мог видеть только руки — его руки, держащие с одной стороны Бена и Майка с другой. Затем он понял, что видит пуговицы на грязной рубашке Ричи и кольцо Капитана Полночь, которое Эдди носил на мизинце.

— Ребята, вы тоже видите? — спросил Стэн, остановившись. Остальные также остановились. Билл посмотрел кругом, впервые сообразив, что он видит — хоть и немного — и затем то, что туннель удивительно расширился. Они оказались просто в изогнутом отсеке — таком же большом, как Летний Туннель в Бостоне, «Больше» — внес он уточнение, когда осмотрелся с возрастающим чувством благоговейного страха.

Они запрокинули головы, чтобы увидеть по-

толок, который теперь был в пятидесяти или более футах над ними и держался на изогнутых подпорках из камня, похожих на ребра. Сети грязной паутины висели между подпорками. Пол был теперь каменным, но покрыт такой кучей первозданной грязи, что было все равно, по чему они шли. По сторонам на расстоянии пятидесяти футов нависали каменные стены.

— Система водоснабжения здесь, должно быть, действительно сошла с ума, — сказал Ричи и тревожно засмеялся.

— Похоже на собор, — тихо сказала Беверли.

— Откуда идет свет? — хотел знать Бен.

— Ппохоже, оот сстен, — сказал Билл.

— Мне это не нравится, — сказал Стэн.

— Пойдем. Ггенри ббудет ддышать нам в ззатылок... Громкий, истошный крик разорвал темень, а затем раздался шелестящий, тяжелый гул крыльев. Из темноты выплыла некая тень с одним светящимся глазом — другой глаз потух.

— Птица! — закричал Стэн. — Посмотрите, это птица!

Она летела на них, как неистовый истребитель; ее пластинчатый оранжевый клюв открывался и закрывался, чтобы обнажить розовую внутреннюю линию Ее рта, плюшевую, как подушечка

в гробу.

Она шла прямо на Эдди.

Ее клюв врезался в его плечо, и он почувствовал, как боль въедается в его плоть, как кислота. Кровь хлынула на грудь. Он вскрикнул, когда Ее взмахивающие крылья ударили ему в лицо нездоровым воздухом туннеля. Птица отлетела назад, Ее глаз злобно сверкал, вращаясь в глазнице, застилаясь только тогда, когда Ее моргающее веко тряслось, чтобы закрыть глаз тонкой пленкой. Ее когти искали Эдди, который увертывался, издавая крики. Они прорезали рубашку на спине, прочертив неглубокие багровые полосы на лопатках. Эдди закричал и попытался отползти, но птица снова отлетела.

Майк прорвался вперед, порывшись у себя в кармане. Он пришел с ножом в одно лезвие. Когда птица снова пикировала на Эдди, он замахнулся им быстрой, упругой дугой через один из когтей птицы. Нож вошел глубоко, полилась кровь. Птица отпрянула, а затем снова пошла в атаку, сложив свои крылья, падая, как пуля. Майк в последний момент упал на бок, ударив ее ножом. Он промахнулся, и коготь птицы ранил его запястье с такой силой, что рука онемела и по ней прошла дрожь, — рана, которая открылась,

прошла до локтя. Нож улетел в темноту.

Птица летела назад с победным клекотом, и Майк прижался к лежащему Эдди и ждал наихудшего.

Стэн рванулся вперед к двум мальчикам, прижавшимся друг к другу на полу, когда птица вернулась. Он стоял, маленький и какой-то опрятный, несмотря на грязь, въевшуюся в его руки, штаны и рубашку, и вдруг выпростал руки необычайным жестом — ладонями вверх, пальцами вниз. Птица издала еще один крик и дернулась, планируя рядом со Стэном, промахнувшись на какие-то дюймы, лохматя его волосы потоком воздуха от крыльев. Он сжался в плотный комок, встречая лицом к лицу ее очередной заход.

— Я верю в ярко-красных танагр, хотя я и не видел ни одной, — сказал он высоким ясным голосом. Птица пронзительно закричала и совершила вираж в сторону, как будто бы он попал в нее. — И верю в калао и в новогвинейского жаворонка, и во фламинго Бразилии.

Птица пронзительно кричала, кружила и вдруг влетела в туннель с громким клекотом.

— *Я верю в золотого орла!* -кричал Стэн ей вслед. — *И я думаю, что где-то действительно есть феникс! Но я не верю в тебя, поэтому на хер*

*уходи отсюда! Уходи! Убирайся в ад!*Он замолчал, и тишина показалась оглушительной. Билл, Бен и Беверли подошли к Майку и Эдди; они помогли Эдди встать на ноги, и Билл посмотрел на порезы.

— Ннеглубокие, — сказал он. — Нно, ддержу ппари, ввыглядят оони ддьявольски.

— Она разорвала мою рубашку, Большой Билл, — щеки Эдди блестели от слез, и он опять дышал с присвистом. Его варварский рев исчез; трудно было поверить, что он когда-либо был. — Что я скажу маме?

Билл слегка улыбнулся.

— Ппочему ббы нне пподумать об ээтом, ккогда ммы ввыберемся отсюда? Сделай гглоток, Ээдди.

Эдди глубоко вздохнул и затем с присвистом выдохнул.

— Это было великолепно, дружище, — сказал Ричи Стэну. — Это было просто *великолепно!*Стэн весь дрожал.

— Никакой такой птицы, как та, нет, вот и все. Никогда не было и не будет.

— *Мы идем!* -кричал Генри сзади них сумасшедшим голосом, который теперь смеялся и выл и звучал так, будто что-то выползало из трещины в крыше ада. — *Я и Белч! Мы идем, и мы схватим*

вас, молососы! Вы не сможете смыться!

Билл закричал:

— Ууходи, Ггенри! Ппока еще есть ввремя!

Ответом Генри был дикий, бессловесный крик. Они услышали шум шагов, и внезапно Билла осенило: Генри был настоящий, он был смертный, он не мог быть остановлен ингалятором или книгой о птицах. Магия не действовала на Генри. Он был слишком тупой.

— Ппошли. Ммы должны оооставаться ввпереди ннего. Они снова пошли, держась за руки; рваная рубашка Эдди болталась позади него. Свет становился ярче, туннель больше. Когда он наклонялся вниз, потолок уходил вверх до тех пор, пока возможно было видеть. Теперь им казалось, что они идут вовсе не в туннеле, а проходят через гигантский подземный внутренний двор, приближаясь к какому-то циклопическому замку. Свет от стен стал бегущим зелено-желтым огнем. Запах сделался сильнее, и они начали чувствовать вибрацию, которая могла быть реальной, а могла быть и только в их воображении. Она была непрерывной и ритмичной. Это было биение сердца.

— Впереди конец! — крикнула Беверли. — Посмотрите! Глухая стена!

Но когда они подтянулись поближе, похожие на муравьев на этом огромном пространстве грязных каменных блоков, причем каждый блок больше, чем Бассей-парк, оказалось, что стена не полностью глухая. В ней была одна дверь. И хотя сама стена возвышалась над ними на сотни футов, дверь была очень маленькая. Она была не больше трех футов в высоту, такая, какую можно было увидеть в книжке сказок, сделанная из прочных дубовых досок, зашипованных между собой крест-накрест, и обитая железными планками. Это была, как они сразу поняли, дверь, сделанная только для детей.

Призрачно, в своей памяти, Бен слышал, как библиотекарь читала малышам: *«Кто идет по моему мосту?»* Дети наклоняются вперед, в их глазах блестит все прежнее очарование: будет ли монстр побежден.., или съест героев?

На двери была отметина, и около нее лежала груда костей. Маленьких костей. Костей Бог знает каких маленьких детей.

Они пришли к жилищу Его.

И отметина на двери: что это такое?

Билл подумал, что это бумажный кораблик.

Стэн увидел в этом птицу, поднимающуюся в небо, может быть, феникса. Майк увидел лицо

— лицо сумасшедшего Батча Бауэрса, возможно, если только оно могло быть видно.

Ричи увидел два глаза за парой очков.

Беверли увидела руку, сжатую в кулак.

Эдди поверил, что это лицо прокаженного, у которого глаза запали, рот в трещинах, — все болезни, все недуги отпечатались на том лице.

Бен Хэнском видел кучу разорванных оберток, и казалось, что они пахнут кислыми специями.

Позднее, придя к этой двери с все еще отдающимися в его ушах криками Белча, совершенно один, Генри Бауэре увидит это как луну, полную, яркую.., и черную.

— Я боюсь, Билл, — сказал Бен дрожащим голосом. — Должны ли мы?

Билл коснулся носком костей, и вдруг они под его ногой стали кучей праха. Он тоже испугался.., но был ведь Джордж. Оно вырвало с корнем руку Джорджа. Были ли те маленькие и хрупкие косточки среди этих? Да, конечно, были.

Они были здесь вместо владельцев костей, Джорджа и других — тех, кто был принесен сюда, тех, кого могли принести сюда, тех, кто остался гнить в других местах.

— Мы должны, — сказал Билл.

— Что, если она закрыта? — спросила Беверли

едва слышным голосом.

— Оона нне ззакрыта, — сказал Билл и затем добавил то, что он знал из глубин своих. — Ттакие мместа нникогда не ззакрываются.

Он протянул согнутые пальцы правой руки к двери и толкнул ее. Она открылась и пропустила поток болезненного желто-зеленого света. Им в нос ударил запах зоопарка, головокружительно сильный, головокружительно мощный.

По одному они прошли через сказочную дверь внутрь Его логовища. Билл

7

В туннелях, 4.59

остановился так внезапно, что остальные сбились в кучу, как грузовые машины, когда у впереди идущей внезапно отказывает двигатель.

— Что это? — голос Бена.

— Ооно ббыло ззде́сь. Гглаз. Ввы ппомните?

— Я помню, — сказал Ричи. — Эдди остановил его своим ингалятором. Сделал вид, что это кислота. Он сказал что-то про яйца. Довольно смешное, но я не помню точно что.

— Это нне имеет ззначения. Мы не увидим нничего, ччто ммы ввидели рраныпе, — сказал Билл.

Он зажег спичку и посмотрел на остальных. Их

лица фосфоресцировали в мерцании спички, фосфоресцировали и были таинственны. И казались очень молодыми.

— Ккак ввы, ребята?

— Все о'кей, Большой Билл, — сказал Эдди, но его лицо было перекошено от боли. Самодельная шина Билла съехала. — Как ты?

— О'оокей! — сказал и Билл помахал спичкой, прежде чем его лицо выдало совсем противоположное.

— Как это случилось? — спросила его Беверли, прикасаясь в темноте к его руке. — Билл, как могла она...?

— Ппотому что я уупомянул нназвание ггорода. Оона пприехала ввслед за ммной. Ддаже ккогда я дделал это, ччто-то ввнутри мменя велело прекратить. Нно я нне сслушал, — он беспомощно покачал в темноте головой. — Но ддаже если она пприехала в Ддерри, я нне ппонимаю, ккак она ммогла ппопасть *сюда.* Если Ггенри нне ппривел ее, тоща ккто?

— Оно, — сказал Бен. — Оно не должно выглядеть плохо, мы это знаем. Оно могло прийти и сказать, что ты в беде. Привести ее сюда, для того чтобы.., достать тебя, я предполагаю. Убить наше нутро. Потому что вот чем ты всегда был. Боль-

шой Билл. Нашим нутром.

— Том? — спросила Беверли, еле слышно, ошеломленная.

— *Ккто?* -Билл чиркнул еще одну спичку. Она смотрела на него с отчаянной честностью.

— Том. Мой муж. Он тоже знал. Во всяком случае, я думаю, я упомянула ему название города, так же как ты упомянул его Одре. Я.., я не знаю, взяло Оно его или нет. Он на меня тогда очень был зол.

— Иисус, что это, какая-то мелодрама, где все рано или поздно внезапно появляются? — сказал Ричи.

— Не мелодрама, — сказал Билл, с нотами муки в голосе. — Шоу. Как цирк. Бев приехала туда и вышла замуж за Генри Бауэрса. Когда она уехала, почему бы ему не приехать сюда? В конце концов, настоящий Генри приехал.

— Нет, — сказала Беверли. — Я вышла замуж за своего отца.

— Если он тебя избивал, какая разница? — спросил Эдди.

— Встаньте вокруг меня, — сказал Билл. — Плотнее. Они встали. Билл потянулся в обе стороны и нашел здоровую руку Эдди и одну из рук Ричи. Скоро они стояли в кругу, как они уже делали

однажды, когда их было больше числом. Эдди почувствовал, как кто-то положил руку ему на плечо. Чувство было теплым, успокаивающим и очень знакомым.

Билл почувствовал ощущение силы, которое помнил из прошлого, но понял с некоторым отчаянием, что вещи по-настоящему *изменились*. Могущество нигде поблизости не было таким сильным — оно билось и вспыхивало, и гасло, как пламя свечи в отвратительном воздухе. Темнота казалась плотнее и ближе к ним, более победоносной. И он мог обонять Его. *Внизу в этом проходе,* -думал он, — *и не так уж далеко, есть дверь с отметиной на ней. Что было за этой дверью? Одна вещь, которую я все еще не могу вспомнить. Я могу помнить, как мои пальцы вдруг онемели и как я толкнул дверь. Я могу даже помнить поток света, который полился и как он казался почти живым, будто это был не просто свет, а флюоресцирующие змеи. Я помню запах, как от обезьянника в большом зоопарке, даже хуже. И затем.., ничего.*

— Ккто-нибудь ппомнит, кем ббыло Оно по-настоящему?

— Нет, — сказал Эдди.

— Я думаю... — начал Ричи, и затем Билл мог

почти осязать, как он в темноте покачал головой. — Нет.

— Нет, — сказала Беверли.

— Хм, — это был Бен. — Это та вещь, которую я все еще не могу вспомнить. Кем было Оно.., или как мы с Ним боролись.

— Чудь, — сказала Беверли. — Вот как мы боролись с ним. Но я не помню, что это означает.

— Встаньте около мменя, — сказал Билл, — и я ввстану около ввас, ребята.

— Билл, — сказал Бен. Голос его был очень спокойным. — Кто-то идет.

Билл прислушался. Он слышал плетущиеся, шаркающие шаги, приближающиеся к ним в темноте.., и он испугался.

— Ооодра? — позвал он.., и знал уже, что это была не она. То, что шаркало по направлению к ним, подошло ближе. Билл зажег спичку.

8

Дерри, 5.00

Первое необычное событие случилось в тот день поздней весны 1985 года за две минуты до восхода солнца. Чтобы понять, насколько эго было не то, надо было знать два факта, которые были известны Майку Хэнлону (который лежал

без сознания в деррийской больнице в тот момент, когда взошло солнце); оба факта касались баптистской церкви Божьей Благодати, которая стояла на углу Витчем-стрит и Джексон-стрит с 1897 года. Церковь увенчивалась изящным белым шпилем, который был апофеозом каждой протестантской колокольни в Новой Англии. На четырех сторонах основания колокольни были циферблаты, а сами часы были сконструированы и привезены из Швейцарии в 1898 году. Единственные часы, похожие на эти, стояли на городской площади Хейвен-Виледж, в сорока милях отсюда.

Стивен Бови, лесопромышленный магнат, который жил на Западном Бродвее, передал часы в дар городу — они стоили что-то около 17000 долларов. Бови мог себе это позволить. Он был набожным прихожанином и в течение сорока лет старостой (в течение нескольких последних лет он был еще и президентом деррийского филиала Лиги Белого Благочестия). Кроме того, он был известен своими набожными проповедями перед мирянами в День Матери.

Со времени своей установки до 31 мая 1985 года эти часы четко отбивали каждый час и полчаса — с одним известным исключением. В день взрыва

на Кичнеровском заводе они не пробили полдень. Жители считали, что Его преподобие Джоллин остановил часы, чтобы показать, что церковь объявила траур по погибшим детям, и Джоллин никогда не освобождал их от иллюзий, хотя это было неправдой. Часы просто не пробили.

Они пробили пять часов утра 31 мая 1985 года.

В этот момент весь Дерри, все старожилы открыли глаза и сели, обеспокоенные без всякой причины, на которую они могли указать. Были выпиты лекарства, вставлены искусственные челюсти, зажжены трубки и сигары.

Старики насторожились.

Одним из них был Норберт Кин, которому исполнилось девяносто пять лет. Он проковылял к окну и посмотрел на темнеющее небо. Прогноз погоды за ночь до этого обещал ясное небо, но его кости говорили ему, что будет дождь и сильный. Он чувствовал страх в глубине души; каким-то смутным образом он почувствовал угрозу, как будто яд неустанно пробирался к его сердцу. Он как-то случайно подумал о дне, когда компания Брэдли необдуманно въехала в Дерри, под прицел семидесяти пяти пистолетов и ружей. Такая работа оставляла в человеке ощущение чего-то теплого и ленивого внутри, чего-то, что было..,

было как-то *подтверждено.* Он не мог бы выразить это лучше, даже для себя. Работа наподобие этой оставляла в человеке ощущение своей вечной жизни, и Норберт Кин имел это ощущение. Девяносто шесть лет ему исполнится 20 июня, и он все еще проходил пешком каждый день три мили. Но сейчас он чувствовал испуг.

— Те дети, — сказал он, выглядывая из окна, не сознавая, что он говорил. — Что с теми, черт возьми, с этими детьми? Как они озорничают на этот раз?

Эгберт Сарагуд, девяноста девяти лет, который был в «Серебряном Долларе», когда Клод Хэро наточил свой топор и сыграл «Мертвый Марш» на нем для четырех человек, проснулся в тот же самый момент, сел на кровати и издал хриплый крик, который никто не услышал. Ему приснился Клод, только Клод пришел за *ним;* топор опустился, и через мгновение после этого Сарагуд увидел свою собственную отрубленную руку, подпрыгивающую и изгибающуюся на стойке.

Что-то не то, -подумал он как-то тускло, испугавшись и затрясшись в своих обмоченных кальсонах. — *Что-то чертовски не так.*

Дейв Гарднер, который обнаружил изувеченное тело Джорджа Денбро в октябре 1957 года и

чей сын обнаружил первую жертву в этом новом цикле ранней весной, открыл глаза на ударе «пять» и подумал, даже перед тем как посмотреть на часы на столике: *Церковь Божьей Благодати не пробила пять... Что случилось?* Он почувствовал большой, плохо объяснимый страх. За годы Дейв преуспел; в 1965 года он купил «шубут», и теперь на Дерри Молл стоял второй «шубут», а третий — в Бангоре. Вдруг все те вещи — вещи, ради которых он проработал всю жизнь, — показались ему находящимися в опасности. *Отчего?* -крикнул он себе, глядя на спящую жену. — *Отчего, почему, отчего эти чертовы часы не пробили пять?* Но никакого ответа не было.

Он встал и подошел к окну, поддерживая штаны. Небо было беспокойным, облака летели на запад, и беспокойство Дейва росло. В первый раз за долгое время он понял, что думает о криках, которые выгнали его двадцать семь лет назад на крыльцо, где он увидел корчившуюся фигуру в желтом дождевике. Он посмотрел на приближающиеся облака и подумал: *Мы в опасности. Все мы. Дерри.*

Шеф полиции Эндрю Рэдмахер, который по-настоящему считал, что он сделал все от него зависящее, чтобы раскрыть новую цепочку

убийств детей, охватившую Дерри, стоял на крыльце своего дома, заложив большие пальцы за ремень, смотрел вверх на облака и чувствовал тот же самый дискомфорт. *Что-то случится. Похоже, что польет как из ведра — одно к одному. Но это не все.* Он вздрогнул.., и пока он стоял там на своем крыльце и запах бекона, который готовила его жена, доносился через дверь, первые капли дождя размером с десятицентовики темными пятнами усеяли тротуар перед его симпатичным домиком на Рейнолдс-стрит, и где-то прямо над горизонтом со стороны Бассей-парка грянул гром.

Рэдмахер снова вздрогнул.

9

Джордж, 5.01

Билл поднял спичку вверх.., и вдруг из его горла вырвался долгий, дрожащий, отчаянный хриплый крик.

Это был Джордж, колышущийся в туннеле и устремляющийся к нему, Джордж, все еще одетый в свой забрызганный кровью желтый дождевичок. Один рукав болтался вяло и бесполезно. Лицо Джорджа было белым, как сыр, и глаза блестели серебром. Они смотрели в глаза Билла.

Мой кораблик! -колыхаясь, донесся потерянный голос Джорджа в туннеле. — *Я не могу найти его, Билл, я везде смотрел и не могу найти его, и сейчас я мертвый, и это твоя вина, твоя вина, ТВОЯ ВИНА...*

— Дддджордж! — пронзительно закричал Билл. Он чувствовал, как его ум срывается с якоря.

Джордж спотыкался-ковылял по направлению к нему, и теперь одна его рука, которая осталась, поднялась в сторону Билла; в кисти она переходила в лапу с когтями. Когти были грязными и цепкими.

Твоя вина, -прошептал Джордж и ухмыльнулся. Его зубы были клыками; они медленно открывались и закрывались, как зубья в капкане на медведя. — *Ты послал меня на улицу, и это все.., твоя вина.*

— Нннет, Дддджордж! — кричал Билл. — Я нне зззнал...

Убью тебя! -крикнул Джордж, и из его рта с клыками вырвалась смесь собачьих звуков: взвизгивание, вопли, лай. Что-то вроде смеха.

Теперь Билл мог ощущать запах брата, мог ощущать, что Джордж гниет. Это был запах подвала, запах какого-то жуткого чудовища, стоящего скорчившись, с желтым глазом, в углу, ожидаю-

щего, чтобы выпустить кишки из какого-нибудь маленького мальчика.

Зубы Джорджа скрежетали. Звук напоминал удары бильярдных шаров друг о друга. Желтый гной начал сочиться из его глаз и капать на лицо.., и спичка погасла.

Билл почувствовал, что его друзья исчезли, — они убежали, конечно, они убежали, они оставили его одного. Они отрезали его от себя, как и его родители отрезали его, потому что Джордж прав: это была его вина. Вскоре он почувствует, как эта единственная рука хватает его за горло; почувствует, как те клыки раздирают его, и это будет правильно. Это будет только справедливо. Он послал Джорджа на смерть, и он потратил всю свою взрослую жизнь на то, чтобы писать об ужасе того предательства — о, он надевал на него много лиц, почти столько же лиц, сколько Оно использовало для своей выгоды, но монстр на дне каждого из этих лиц был просто Джорджем, выбегающим в дождь со своим бумажным корабликом, обмазанным парафином. Теперь наступает расплата.

«Ты заслуживаешь смерти за то, что убил меня», — прошептал Джордж. Он был теперь очень близко. Билл закрыл глаза.

Затем в туннеле брызнул желтый свет, и он открыл их. Ричи держал спичку.

— Борись с Ним, Билл! — кричал Ричи. — Ради Бога, борись с Ним!

Что ты здесь делаешь? Он посмотрел на них, ошеломленный. Они вовсе не убежали. Как могло это быть? Как это могло быть после того, что они видели, как отвратительно он убил своего брата?

— Сражайся с Ним! — кричала Беверли. — О, Билл, сражайся с Ним! Только ты можешь сделать это! Пожалуйста...

Теперь Джордж был менее чем в пяти футах. Он вдруг показал Биллу язык. По нему ползли грибовидные наросты. Билл снова закричал.

— Убей Его, Билл! — кричал Эдди. — Это не твой брат! Убей Его, пока Оно маленькое. *Убей Его СЕЙЧАС!*

Джордж посмотрел на Эдди, отведя свои блистающие серебром глаза только на какой-то миг, и Эдди откатился назад и ударился о стену, как будто его толкнули. Билл стоял завороженный, наблюдая, как его брат подходит к нему, его брат Джордж, снова после всех этих лет, это был Джордж в конце, так как это был Джордж в начале, о да, и он мог слышать скрип желтого дождевика Джорджа, когда Джордж приближал-

ся, он мог слышать звон пряжек на его ботинках, и он мог обонять что-то вроде мокрых листьев, как будто под дождевиком тело Джорджа было сделано из них, как будто ноги внутри галош Джорджа были ступни-листья, да, человек-лист, так это было, таким был Джордж, он был гнилым лицом-шаром и телом, сделанным из мертвых листьев, тех, которые попадают в канализацию после наводнения.

В каком-то тумане он слышал, как Беверли закричала.

(*он стучится ко мне)– Билл, пожалуйста, Билл...*

(в ящик почтовый, говоря) «Мы поищем мой кораблик вместе», — сказал Джордж. Густой желтый гной, фальшивые слезы катились по его щекам. Он потянулся к Биллу, и его голова склонилась в сторону, и клыки разжались.

(*что видел привидение снова, он видел привидение, ОН ВИДИТ)* «Мы найдем его, — сказал Джордж, и Билл почувствовал его дыхание, и это был запах раздавленных животных, лежащих на шоссе в полночь; когда рот Джорджа раскрылся, он увидел нечто, копошащееся внутри. — Он все еще здесь внизу, все летает здесь внизу, мы будем летать, Билл, мы все будем летать...»

Тянущаяся снизу рука Джорджа сомкнулась на шее Билла.

(*ОН УВИДИТ ПРИВИДЕНИЕ, МЫ УВИДИМ ПРИВИДЕНИЕ,*
ОНИ, МЫ, ВЫ УВИДИТЕ ПРИВИДЕНИЕ) Искаженное лицо Джорджа приближалось к шее Билла.

...летаем...

— *Он стучится ко мне в ящик почтовый!* -крикнул Билл. Его голос был глубже, вообще едва ли его собственный, и какой-то вспышкой памяти Ричи вспомнил, что Билл заикался только своим собственным голосом: когда он прикидывался кем-нибудь еще, он *никогда* не заикался.

Джордж-двойник отпрянул, шипя.

— Это Оно! — возбужденно крикнул Ричи. — Ты попал в него, Билл! Попади в Него! Попади в Него! Попади в Него!

— Он *стучится ко мне в ящик почтовый, говоря, что видел привидение снова!* -загремел Билл. Он пошел на Джорджа-двойника. — *Ты не привидение! Джордж* знает, что я не хотел, чтобы он умер! Мои близкие ошиблись! Они свалили это на меня, *и это было ошибкой. Ты слышишь меня?*

Джордж-двойник резко повернулся, пища, как крыса. Он начал убегать, колыхаясь под своим желтым дождевичком. Сам дождевичок, каза-

лось, капает, стекает яркими пятнами желтого. Оно теряло Свою форму, становясь аморфным.

— Он *стучится ко мне в ящик почтовый, сукин сын!* -кричал Билл Денбро, — *говоря, что он видел привидение снова!*

Он прыгнул на него, и его пальцы вцепились в желтый дождевик, который больше не был дождевиком. То, что он схватил, было похоже на какую-то теплую конфету, которая таяла у него в пальцах, как только он сжимал ее в кулак. Он упал на колени. Затем Ричи закричал, так как гаснущая спичка обожгла его пальцы, и они снова окунулись в темноту.

Билл чувствовал, что в его груди снова начинает что-то вырастать, что-то жаркое и душащее, приносящее боль, как обжигающая крапива. Он обхватил свои колени и подтянул их к подбородку, надеясь, что это остановит боль или хотя бы облегчит ее; он был подсознательно благодарен за темноту, радуясь, что другие не видят его мук, Он услышал, как какой-то колышущийся стон убегает от него.

— *Джордж!* -крикнул он. — *Джордж, прости! Я никогда не хотел ничего пппохого, чтобы ссслучилось что-то плохое!*

Возможно, у него было еще что сказать, но он не

мог сказать это. Тогда он зарыдал, упав на спину, закрыв одной рукой глаза, вспомнив кораблик, вспомнив непрерывный стук дождя в окна спальни, вспомнив лекарства и вату на ночном столике, слабую лихорадочную боль в голове и во всем теле, вспомнив Джорджа, больше всего это:

Джорджа, Джорджа в его желтом дождевичке с капюшоном.

— *Джордж, прости!* -крикнул он сквозь слезы. — *Прости, прости, пожалуйста, ПРОСТИ...*

И затем они были около него, его друзья, и никто не зажег спички, и кто-то держал его, он не знал кто, может быть, Беверли, может быть, Бен или Ричи. Они были с ним, в этот короткий миг тишина была доброй.

10

Дерри, 5.30

К 5.30 дождь пошел сильно. Синоптики по Бангорскому каналу выразили некоторое удивление и принесли извинения всем тем, кто строил планы на пикники и загородные поездки на основании вчерашнего прогноза. Резкая перемена, друзья; как раз один из тех странных капризов погоды, которые иногда формируются в долине Пенобскота с ошеломляющей внезапностью.

Метеоролог Джим Уитт списал то, что он назвал чрезвычайно подвижной системой низкого давления. Это было сказано мягко. Погодные странности доходили от облачности в Бангоре до ливня в Хемпдене, моросящего дождя в Хейвене и умеренного дождя в Ньюпорте. Но в Дерри, в тридцати милях от центра Бангора, лило как из ведра. Пассажиры маршрута 7 обнаружили, что они передвигаются по воде, которая местами достигала глубины восьми дюймов, и за Рулин Фармз закупоренный сток в углублении покрыл шоссе таким количеством воды, что оно стало по существу непроходимым. К шести утра дорожный патруль Дерри поставил по обеим сторонам углубления указатели — ОБЪЕЗД.

Те, кто ждал под укрытием на Мейн-стрит первого в этот день автобуса, который отвезет их на работу, стояли, глядя через ограждение на Канал, где вода зловеще прибывала в бетонном русле. Конечно, никакого наводнения не будет; все сходились на этом. Вода все еще была на четыре дюйма ниже самой высокой отметки 1977 года, а в тот год не было никакого наводнения. Дождь шел с постоянным неослабевающим упорством, и в низко нависших облаках прогремел гром. Вода сбегала потоками по Ап-Майл-Хиллу и ревела

в дренажных и канализационных трубах.

Никакого наводнения, соглашались все, но на всех лицах был налет беспокойства.

В 5.45 силовой трансформатор на платформе около заброшенного гаража грузовых машин взорвался вспышкой пурпурного цвета, разбрасывая вращающиеся куски металла на покрытую гравием крышу. Один из летящих кусков металла рассек кабель высокого напряжения, который тоже упал на крышу, шипя и извиваясь, как змея, выстрелив почти жидким потоком искр. Крыша вспыхнула, несмотря на ливень, и скоро весь гараж горел. Силовой кабель упал с крыши на полоску, поросшую сорняками, которая шла вокруг площадки, где маленькие мальчики играли когда-то в бейсбол. Пожарное управление Дерри первый раз выехало в тот день в 6.02 и прибыло в грузовой гараж в 6.09. Один из первых пожарных был Калвин Кларк, один из близнецов Кларков, с которыми Бен, Беверли, Ричи и Билл ходили в школу. На третьем шаге от пожарной машины его кожаный ботинок наступил на провод жизнеобеспечения. Почти мгновенно Калвин был убит электрическим током. Его язык вывалился изо рта; резиновый пожарный комбинезон начал тлеть. От него шел запах, как от горящих шин на

городской свалке.

В 6.05 жители Мерит-стрит на Олд-Кейпе почувствовали нечто, что могло быть подземным взрывом. Тарелки падали с полок, а картины со стен. В 6.06 все туалеты на Мерит-стрит внезапно взорвались гейзером экскрементов, и свежие фекалии наполнили трубы, которые питали очистные сооружения в Барренсе. В некоторых случаях эти взрывы были настолько сильными, что проделали дырки в потолках ванных комнат. Женщина по имени Энн Стюарт была убита, когда старое зубчатое колесо вылетело из туалета вместе с куском трубы. Зубчатое колесо прошло через матовое стекло двери душевой и вошло ей в горло, как страшная пуля, когда она мыла волосы. Она была почти обезглавлена. Зубчатое колесо было реликвией Кичнеровского завода и засело в канализации почти три четверти столетия назад. Еще одна женщина была убита, когда неистовое обратное движение сточных вод, вызванное расширением метана, взорвало туалет, как бомбу. Несчастная женщина, которая сидела на толчке в это время и читала ежегодник «Банана Рипаблик», была разорвана на куски.

В 6.19 молния ударила в Мост Поцелуев, который пересекал Канал между Бассей-парком и

средней шкодой Дерри. Осколки взмыли высоко в воздух и потом дождем упали в Канал, который быстро унес их прочь.

Ветер усиливался. В 6.30 датчик в вестибюле здания суда зарегистрировал его на отметке пятнадцать миль в час. К 6.45 он поднялся до двадцати четырех миль в час.

В 6.46 Майк Хэнлон проснулся в своей палате в деррийской больнице. Его возвращение в сознание было своего рода медленным наплывом — долгое время он думал, что ему снится сон. Если так, это был странный сон — сон-отдых, как его старый профессор психологии доктор Абельсон мог бы назвать его. Для страха, казалось, не было никакой внешней причины, но все равно он был; обычная белая палата, казалось, криком кричит об угрожающей опасности.

Он постепенно понял, что проснулся. Простая белая комната была больничной палатой. Над его головой висели бутылочки, одна из них наполнена яркой жидкостью, а другая — глубокой темно-красной.

Кровь. Он увидел неработающий телевизор, прикрепленный к стене, и услышал непрерывный звук дождя, бьющего в окно.

Майк попытался пошевелить ногами. Одна

двигалась свободно, но другая, правая, вообще не двигалась. Ощущение этой ноги было очень слабым, и он понял, что она плотно завязана.

Понемногу сознание вернулось. Он сел сделать запись в своей тетради, и появился Генри Бауэре. Они немного поговорили. Была драка, и...

Генри! Куда ушел Генри? За остальными?

Майк потянулся к звонку. Он был задрапирован в изголовье кровати, и он нашаривал его руками, когда дверь открылась. Там стоял медбрат. Две пуговицы его белого халата были расстегнуты, темные волосы растрепаны, он смотрел заспанным взглядом Бена Кейси. У него на шее висел медальон святого Христофора. Даже в своем затуманенном состоянии Майк моментально узнал его. В 1958 году шестнадцатилетняя девочка по имени Шерил Ламоники была убита в Дерри, убита Им. У девочки был четырнадцатилетний брат по имени Марк, и это был он.

— Марк? — спросил слабо он. — Я должен поговорить с тобой.

— Шшшш, — сказал Марк. Рука его была в кармане. — Никаких разговоров.

Он прошел в палату, и, когда он встал у изножья кровати, Майк увидел с безнадежным холодком, какие пустые глаза у Марка Ламоники. Его голова

была слегка наклонена, как будто он прислушивался к отдаленной музыке. Он вытащил руку из кармана. В ней был шприц.

— Вы сейчас уснете, — сказал Марк и шагнул в сторону кровати.

11

Под городом, 6.49

— *Шшшшш,* -закричал вдруг Билл, хотя не было никаких звуков, кроме его собственных слабых шагов.

Ричи зажег спичку. Стены туннеля отодвинулись, и они пятеро показались себе такими маленькими в этом пространстве под городом. Они прижались друг к другу, и Беверли почувствовала сонное оцепенение, когда смотрела на гигантские плиты на полу и на висящие сети паутины. Теперь они были близко. Близко.

— Что ты слышишь? — спросила она Билла, пытаясь осмотреться в тусклом свете зажженной Ричи спички и страшась увидеть, что кто-то, шатаясь, появится из темноты. Кто это мог быть? Инопланетянин из страшного фильма с Сигурни Вивером? Огромная крыса с оранжевыми глазами и серебряными зубами? Но не было ничего — только пыльный запах темноты и в отдалении

грохот бегущей воды, как будто наполнялись канализационные трубы.

— Чччто-то нне ттак, — сказал Билл. — Майк...

— Майк? — спросил Эдди. — Что насчет Майка?

— Я тоже это чувствую, — сказал Бен. — Это... Билл, он умер?

— Нет, — сказал Билл, его глаза были подернуты дымкой и не выражали ничего — вся его тревога была заключена в его интонации и защитной позе тела. — Он.., ооооон!

Он сглотнул. В горле щелкнуло. Глаза его расширились.

— О, о, *нет!*

— Билл? — крикнула Беверли, встревоженная. — Билл, что это? Что?

— Вввозьмитесь за ммои рруки! — закричал Билл. — *Ббббыстро!*Ричи выронил спичку и схватил одну руку Билла. Беверли ухватилась за другую. Она протянула свободную руку к Эдди, и тот слабо взял ее своей сломанной рукой. Бен взял другую его руку и замкнул круг, взявшись за руку Ричи.

— *Пошли ему нашу силу!* -кричал Билл странным, глубоким голосом. — *Пошли ему нашу силу, кто бы Ты ни был, пошли ему нашу силу. Сейчас!*

Сейчас! Сейчас!

Беверли почувствовала, как что-то уходит от них и передается Майку. В каком-то экстазе голова ее начала вращаться, а сиплый свист дыхания Эдди слился с неистовым грохотом воды в канализационных трубах.

12

— Сейчас, — сказал Марк Ламоники тихим голосом. Он вздохнул, как человек, который чувствует приближение оргазма.

Майк снова и снова давил кнопку вызова. Он слышал, как она звонит в сестринском отделении внизу в холле, но никто не приходил. Каким-то дьявольским боковым зрением он видел, что сестры сидят сейчас там в кружке, читая утреннюю газету, пьют кофе, слушают его звонок, но не слышат его, или слышат, но не реагируют, они отреагируют позднее, когда все будет кончено, потому что вот так делаются дела в Дерри. В Дерри некоторые вещи лучше было не видеть и не слышать.., пока они не закончены.

Майк отпустил кнопку.

Марк склонился над ним, кончик шприца блестел в его руке. Медальон святого Христофора болтался гипнотически взад-вперед, когда он

сдернул простыню.

— Прямо туда, — прошептал он, и снова вздохнул. — В грудину.

Майк вдруг почувствовал, как в нем взмывает сила, какая-то первобытная сила, которая наполнила его тело напряжением. Пальцы скрючились, как в судороге. Расширились глаза. Хрюкающий звук вырвался из горла, и чувство паралича внезапно отступило от него, как при ударе наотмашь.

Правая рука дернулась в сторону ночного столика. Там стоял пластмассовый кувшин, а рядом с ним — тяжелый больничный стакан. Рука сжала стакан. В Ламоники почувствовалась перемена; сонный, добродушный свет исчез из его глаз и сменился настороженным замешательством. Он немного подался назад, и тут Майк с силой швырнул стакан в лицо Ламоники.

Ламоники закричал и попятился, уронив шприц. Руками он потянулся к окровавленному лицу; кровь бежала по его запястьям, пачкая его белый халат.

Сила ушла так же быстро, как и пришла. Майк пустым взглядом оглядел куски разбитого стакана на кровати, свою больничную рубашку и свою собственную истекающую кровью руку. Он услы-

шал быстрый, легкий звук туфель на скрипящей подошве, который приближался из холла.

Сейчас они придут, -подумал он. — *О да, сейчас. И кто появится после того, как они уйдут? Кто?*

Когда в его палату ворвались медсестры, которые спокойно сидели в сестринской, когда его звонок неистово звонил, Майк закрыл глаза и помолился, чтобы это было все. Он молился за то, чтобы его друзья были где-то под городом, он молился, чтобы с ними было все в порядке, он молился, чтобы они прикончили Его.

Он не знал точно. Кому он молится.., но он все равно молился.

13

Под городом, 6.54

— С Нним ввсе вв ппорядке, — сказал наконец Билл. Бен не знал, сколько времени они стояли в темноте, держась за руки. Ему казалось, что он почувствовал, как что-то — что-то от них, из их круга — вышло и затем возвратилось. Но он не знал, куда та штука — если она вообще существовала — ушла и что сделала.

— Ты уверен, Билл? — спросил Ричи.

— Ддда. — Билл отпустил руки Ричи и Беверли. — Но ммы ддолжны ззакончить это ккак

можно сскорее. Ппошли.

Они снова пошли, причем Ричи или Билл периодически зажигали спички. *Нет в нас прежних сил,* -думал Бен. — *Но часть осталась, верно? Чудь. Что это означает? Чем было Оно конкретно? Каким было Его настоящее лицо? И если мы не убили Его, то ранили. Как мы сделали это?*

Зал, через который они проходили — он мог больше не называться туннелем, — становился все больше и больше. Их шаги отдавались эхом. Бен вспомнил запах, густой запах зоопарка. Он начал понимать, что спички больше не нужны, снова был свет, странный свет: призрачный блеск, который все время становился сильнее. В этом болотном свете его друзья выглядели, как ожившие мертвецы.

— Впереди стена, Билл, — сказал Эдди.

— Зззнаю.

Бен почувствовал, как его сердце учащенно забилось. Во рту был кислый привкус, начинала болеть голова. От испуга он двигался медленно и неуклюже.

— Дверь, — прошептала Беверли.

Да, здесь была дверь. Однажды, двадцать семь лет назад, они смогли пройти через эту дверь, просто наклонив головы, не более того. Теперь

они должны были идти, сложившись чуть ли не вдвое или ползти на руках и коленках.

Яркий зеленовато-желтый свет вытекал из-под двери. Он проходил через изысканно украшенную замочную скважину в витой ручке — она сразу бросалась в глаза.

На двери была отметина, и снова они все увидели разное в том странном устройстве. Беверли увидела лицо Тома. Билл — отрубленную голову Одры с пустыми глазами, которые смотрели на него, обвиняя. Эдди — оскаленный череп, висящий между двумя скрещенными костями, символ яда. Ричи — бородатое лицо дегенерата Поля Баньяна, с глазами, суживающими в щелки убийцы. А Бен — Генри Бауэрса.

— Билл, хватит ли у нас сил? — спросил он. — Можем ли мы сделать это?

— Нне ззнаю?, — ответил Билл.

— Что, если она закрыта? — спросила Беверли слабым голосом: лицо Тома строило ей рожи.

— Ннет, — сказал Билл. — Ттакие мместа ннникогда нне ззакрываются.

Он протянул к двери пальцы правой руки — он должен был наклониться, чтобы сделать это, — и толкнул дверь. Она открылась, и на них хлынул поток болезненного желто-зеленого света. Запах

зоопарка снова пахнул на них, запах прошлого стал настоящим, зловеще ожил, оказался страшно живучим.

Катись, колесо, -просто так подумал Билл и посмотрел на остальных. Затем он стал на четвереньки. За ним последовали Беверли, потом Ричи, Эдди. Последним был Бен. Переместившись через вход, он выпрямился в таинственном мерцании огня, ползущего вверх и вниз по мокрым каменным стенам, и вдруг последнее воспоминание будто сплющило его ударом молота.

Он вскрикнул, отступив назад, одна его рука поднялась к голове, и его первой бессвязной мыслью было: *Неудивительно, что Стэн покончил самоубийством! О Боже, жаль, что я не сделал этого!* Он видел то же самое выражение застывшего ужаса на лицах остальных, когда последний ключ повернулся в последнем замке.

Затем Беверли закричала, прижимаясь к Биллу, так как Оно вырвалось из легкой занавески своей паутины, кошмарный Паук за пределами пространства и времени. Паук, живущий за пределами самого больного воображения, понимания того, что может жить в глубочайших глубинах ада.

Нет, -подумал холодно Билл, — *и не Паук вовсе,*

не это его первозданность, эта форма — не та форма, которую я извлек из нашего разума;, она просто наиближайшая, к которой может прийти наш разум(мертвые огоньки) в сознании того, какое Оно.

Оно, вероятно, было высотой в пятнадцать футов и черное, как безлунная ночь. Каждая из его ног была толстой, как бедро культуриста. Его глаза горели яркими злобными рубинами, вылезая из глазниц, наполненных какой-то капающей жидкостью цвета хрома. Его нижние челюсти открывались и закрывались, открывались и закрывались, выпуская ленты пены. Окаменевший в экстазе ужаса, балансируя на грани помешательства, Бен зачарованно видел, что эта пена была живой; она стекала на вымощенный плитняком пол, а потом забивалась в трещины, как одноклеточные простейшие организмы.

Но Оно представляет собой еще что-то, есть какая-то окончательная форма, форма, которую я могу видеть почти так же,как вы могли бы *видеть форму человека, движущегося за экраном, пока идет фильм, какая-то другая форма, но я не хочу видеть Ее, пожалуйста. Боже, разреши мне не видеть Ее...*

И это не имело значения, не так ли? Они видели

то, что они видели, и Бен каким-то образом понял, что Оно заключено в эту окончательную форму, форму Паука, их непрошенным и неизвестно откуда взявшимся воображением. Именно против этого Оно они будут бороться, чтобы победить или умереть.

Эта тварь визжала и мяукала, и Бен был совершенно уверен, что слышит звуки, которые Оно производит, дважды: в своей голове и затем, через долю секунды, в своих ушах. *Телепатия,* -подумал он, — я *читаю в Его сознании.* Его тень — это маленькое яйцо, мчащееся во весь опор вдоль древних стен этого помещения, которое было Его логовом. Его тело было покрыто грубым волосяным покровом, и Бен увидел, что у Него достаточно длинное жало, чтобы пронзить человека. Какая-то прозрачная жидкость капала с его острия, и Бен заметил, что она тоже была живая; как и слюна, яд уходил в трещины пола. Его желе, да.., но под ним Его живот выпячивался гротескно, почти волочась по полу, когда Оно двигалось, теперь слегка изменяя направление, следуя безошибочно в сторону их лидера, в сторону Большого Билла.

Это защитная оболочка Его матки, -подумал Бен, и его разум, казалось, закричал от этого

открытия. — *Какое бы Оно ни было за пределами того, что мы видим, эта его ипостась, по крайней мере, является символически точной: Оно женского пола, и Оно беременно... Оно было беременно тогда, и никто из нас не знал этого, кроме Стэна, о Господи, да, это Стэн, Стэн, не Майк, понял, Стэн сказал нам... Вот почему мы должны были вернуться назад, не имеет значения, какое Оно, потому что Оно женского пола. Оно беременно какой-то немыслимой икрой.., и Его время подошло.*

Решительно Билл Денбро шагнул навстречу Ему.

— *Билл, нет!* -закричала Беверли.

— Состой ттам! — закричал Билл, не оглядываясь.

И затем Ричи подбежал к нему, выкрикивая его имя, и Бен понял, что его ноги движутся. *Я должен снова стать ребенком,* -подумал он бессвязно. — *Это единственный способ, которым я могу удержаться от того, чтобы Оно не свело меня с ума. Должен снова стать ребенком.., должен принять это. Как-то.*

Бегут. Кричат имя Билла. Смутно сознает, что Эдди подбегает к нему, сломанная рука его болтается, пояс от банного халата, которым Билл

подвязал ее, теперь волочится по полу. Эдди вытащил свой ингалятор. Он был похож на сумасшедшего, отощавшего, вооруженного бандита с каким-то загадочным пистолетом.

Бен услышал, как Билл орет:

— Ты *уууубил моего брата, сссраная СУКА!*

Затем Оно встало на дыбы над Биллом, похоронив его в своей тени, Его лапы били и хватались за воздух. Бен услышал Его напряженное мяуканье, посмотрев в Его горящие злобой красные глаза.., и на мгновение действительно *увидел* форму позади формы: увидел огоньки, увидел бесконечное ползущее волосатое существо, которое было сделано из света и ничего более, оранжевого света, мертвого света, который насмехался над жизнью. Ритуал начался во второй раз.

Глава 22. РИТУАЛ ЧУДИ

1

В логовище, 1958 г.

Именно Билл держал их вместе, когда огромный черный Паук вылезал из своей паутины, обдавая их зловонным дыханием, от которого шевелились волосы. Стэн визжал как поросенок, карие глаза его почти вылезали из орбит, он ногтями раздирал себе щеки. Бен медленно отходил назад, пока его обширный зад не уперся в левую дверь. Он почувствовал холодный огонь, обжигающий сквозь брюки, и еще раз отступил. Ему казалось, что весь этот жуткий кошмар ему просто снится. Как бывает во сне, он вдруг обнаружил, что не может поднять руки, будто к ним привязали какой-то груз.

Глаза Ричи были прикованы к паутине. Развешенные там и сям, наполовину завернутые в шелковистую паутину, отчего казалось, что они движутся, как живые, висели гниющие, наполовину съеденные тела. Он подумал, что узнал Эдди Коркорана под самым потолком, хотя обе его ноги и одна рука были съедены.

Беверли и Майк прижались друг к другу, как Гензель и Гретель в лесу, и смотрели, парализованные ужасом, как Паук дополз до пола и направился к ним, и ужасные ломаные тени тащились рядом по стене.

Билл оглядел их, высокий тощий мальчишка в грязных заплатанных штанах, которые когда-то были белыми джинсами с отворотами. Волосы его свисали со лба, глаза горели. Он посмотрел на них, как бы прощаясь, и повернулся к Пауку. А потом, невероятно, он пошел через комнату навстречу Ему; он не бежал, просто быстро шел, согнув руки в локтях и сжав кулаки.

— *Ттты уубил мммоего бббрата!*

— *Нет, Билл, нет!* -закричала Беверли, вырываясь из объятий Майка, бросаясь к Биллу, ее рыжие волосы развевались сзади.

— *Оставь его!* -кричала она Пауку. — *Не трогай его! Черт побери! Беверли!* -подумал Бен и тоже побежал, живот его колыхался, ноги дрожали. Он смутно предполагал, что Эдди Каспбрак бежит слева от него, держа ингалятор в здоровой руке, как пистолет.

А потом Оно вознеслось над Биллом, который был безоружен! Оно накрыло Билла своей тенью, лапы повисли в воздухе. Бен схватил Беверли за

плечо, но рука его соскользнула. Она обернулась к нему, глаза ее были безумны, губы искривились.

— *Помогите ему!* -кричала она.

— *Как?* -прокричал Бен в ответ.

Он ринулся навстречу Пауку, услышал его довольное мурлыканье, заглянул в бездонные, дьявольские глаза и увидел что-то позади него; что-то гораздо худшее, чем паук, что-то безумно горячее. Его решимость поколебалась.., но ведь это Беверли просила его, Бев, и он любил ее.

— *Черт побери! Оставь Билла!* -пронзительно закричал он. Спустя мгновение чья-то рука ударила его по плечу так сильно, что он чуть не упал. Это был Ричи. Хотя слезы бежали у него по щекам, Ричи усмехался, как сумасшедший, углы рта, казалось, сейчас достанут до мочек ушей. Слюна текла между зубов.

— *Достанем ее. Соломенная Голова!* -кричал Ричи. — *Чудь, это Чудь!*

Ее? — тупо подумал Бен. — *Почему он сказал Ее?*И громко спросил:

— *О'кей, Но что это? Что значит Чудь?*

— Если б я знал! — завопил Ричи и побежал к Биллу в тень Его. Оно присело на задние лапы. Передние сучили по воздуху над головой Билла. А Стэн Урис, вынужденный приблизиться,

несмотря на то, что каждая клеточка его мозга и тела противилась этому, Стэн увидел, что Билл прямо уставился своими голубыми глазами в нечеловеческие оранжевые глаза Его, те самые глаза, откуда исходил жуткий свет. Стен остановился, понимая, что ритуал Чуди, в чем бы он ни заключался, начался.

2

Билл в Пустоте (начало)

— Кто ты и почему пришел ко Мне?

— Я Билл Денбро. Ты знаешь, кто я есть и почему пришел сюда. Ты убила моего брата и я здесь, чтобы убить Тебя. Ты выбрала не того ребенка, сука.

— Я Вечность. Я Пожирательница Миров.

— Да? Правда? Ну тогда это твоя последняя порция, сестренка.

— У тебя нет сил; вот она сила; почувствуй ее, отродье, а потом расскажи, как ты пришел убить Вечность. Ты думаешь, что ты видишь Меня? Ты видишь лишь то, что позволяет твой умишко. Хочешь увидеть Меня? Давай! Иди сюда, отребье! Иди!

— Выброшен...

(он)

Нет, не выброшен, *выстрелен,* выстрелен как живая пуля, как Человек-из-Пушки-на-Луну в цирке Шрайн, который приезжает в Дерри каждый май. Его схватили и *перенесли* через Паучью нору.

Это только мне чудится! -кричал он сам себе. — *Тело мое стоит еще там, лицом к лицу с Ним. Смелее! Это только игра воображения. Смелее! Все правильно. Стоять, стоять...*

(толчок)

С ревом несясь вперед по черному хлюпающему туннелю с гнилыми, осыпающимися кирпичами, которому было пятьдесят лет, сто, тысячу, миллион миллиардов, кто знает? — разрывая мертвую тишину прошлого, которое горело то пляшущими желто-зелеными огнями, то сверкающими воздушными шарами, наполненными белым ужасным мертвящим светом, то просто глухо-черными — он летел со скоростью тысяча миль в час мимо груды костей то человеческих, то нет, и скорость его была, как у снаряда с ракетоносителем. Так он проносился по бесконечному туннелю, но не прямо вверх, а с отклонением, не к свету, а к темноте, какой-то чудовищной темноте

(его кулаки)

разрывая внешнюю темноту в совершенную

черноту, которая была везде, она была космосом, вселенной, и основание этой черноты было *твердым, твердым,* как полированный эбонит, и он катился по ней на груди, животе и бедрах, как груз по наклонной доске. Он был на балу у вечности, и вечность эта была *черной.*

(в ящик почтовый)

— остановись, зачем ты говоришь это? Это тебе не поможет, глупый мальчишкаговоря, что видел привидение снова!

— остановись! он стучится ко мне в ящик почтовый, говоря, что видел привидение снова!

— прекрати, прекрати, я требую, я приказываю, чтобы ты остановился!

Ну что, не нравится?

И думая: *Если я смогу сказать это вслух, не заикаясь, я смогу разрушить это наваждение.*

, -Это не наваждение, ты, глупый маленький мальчик, — это вечность, Моя вечность, и ты в ней потерялся, заблудился навсегда, никогда отсюда не выберешься; ты тоже уже вечный и будешь вечно блуждать в темноте.., после того, как встретишься со мной лицом к лицу...

Но было что-то еще здесь. Билл ощущал, чувствовал, как-то по-сумасшедшему обонял чье-то огромное присутствие в темноте. Силуэт. Он чув-

ствовал не страх, а ощущение непреодолимого благоговения; это была мощь, которая помешала, преодолела силу Его, и Билл только успел подумать бессвязно: *Пожалуйста, пожалуйста, кто бы Ты ни был, вспомни, что я очень маленький...*

Он рванулся навстречу и увидел, что это была огромная Черепаха, ее панцирь сиял всеми цветами радуги. Древняя голова рептилии медленно покачивалась над панцирем, и Билл почувствовал смутное недоумение видом того существа, которое вызволило его. Глаза Черепахи были добрые. Билл подумал, что это, должно быть, самое древнее существо, которое можно себе представить, гораздо старше Его, которое претендовало на вечность.

— Кто ты?

— Я Черепаха, сынок. Я создала Вселенную, но, пожалуйста, не вини меня за это; у меня болел живот.

— Помоги мне, помоги, пожалуйста!

— Я не принимаю участия в этом деле.

— Мой брат...

— На своем месте в макровселенной; энергия вечна, даже такой маленький мальчик, как ты, должен знать это.

Сейчас он летел над Черепахой, и даже на такой

огромной скорости плоский панцирь Черепахи казался длящимся бесконечно. Он представил, что едет в поезде и проезжает мимо кого-то, кто идет в другом направлении, а поезд был таким длинным, что казалось невероятным, что можно остановиться и даже пойти обратно. Он все еще слышал бормотание и гудение Его, злобный визг, полный безумной ненависти. Но когда говорила Черепаха, голос Его становился пустым и бессвязным. Черепаха разговаривала в голове Билла, и он понимал, однако, что существует Нечто еще, и это Другое пребывает где-то далеко, за гранью мира. Это Другое Нечто, возможно, создало и Черепаху, которая только наблюдает, и Оно, которое только пожирает. Это Другое является силой вне вселенной, мощью за пределами любой другой мощи, автором всего, что есть.

Неожиданно до него дошло: Оно хотело выбросить его через стену в конце вселенной в какое-то другое место, *(что эта старая Черепаха называла макровселенной)*где я действительно живу, где Оно существует как титаническое сверкающее ядро, которое могло бы быть мельчайшей песчинкой в мозгу Другого; он, наверное, увидит Оно обнаженным, существом, не имеющим формы, разрушающим свет, и там он мог бы быть либо

полностью уничтоженным, либо живущим вечно отраженной ущербной жизнью в сознании этого одержимого, бесформенного, бесконечно голодного существа.

— Пожалуйста, помогите мне, ради других...

— Ты должен помочь себе сам, сынок.

*— Но как? Пожалуйста, скажите как? Как? КАК?*Наконец он добрался до огромных задних ног Черепахи, у него было достаточно времени на осмотр ее грандиозной, древней плоти, он изумлялся ее тяжелыми когтями — они были странного желто-голубого цвета, и он мог видеть в них, как галактики плывут друг через Друга.

— Пожалуйста, ты хорошая, я чувствую и верю, что ты хорошая, и я умоляю тебя.., не сможешь ли ты мне помочь?

— Ты уже знаешь, есть только Чудь и твои, друзья.

— Пожалуйста, о, пожалуйста!

— Сынок, ты вспомнил: «Он стучится ко мне в ящик почтовый, говоря, что видел привидение снова» ..это все, что я могу сказать тебе, и уж коль ты влез в эти космологические дебри, то будь добр, выброси все инструкции.

Сейчас он понял, что голос Черепахи становится все более отдаленным. Он был вне ее, пулей

летя в темноту, которая была глубже самой глубины. Голос Черепахи перекрывался, над ним возобладало ликующее невнятное бормотание Существа, которое вытолкнуло его в это черное логовище — голос Паука, Его.

— Как тебе понравилось снаружи. Мой Маленький Друг? Нравится? Ты полюбил это местечко? Поставишь 98 против 100, что это был хороший удар и ты отсюда можешь танцевать дальше? Можешь поймать это своими миндалинами и понять, где право, где лево? Тебе понравилась моя подружка Черепаха? Я думал, что эта глупая дура давным-давно умерла и ей бы не мешало сделать это, думаешь, она сможет тебе помочь? нет, нет, нет, нет, нет, он стучитсяонстучитсяон, нет– Прекрати кривляться, времени в обрез; давай поговорим, пока еще можно. Расскажи мне о себе, Маленький Дружок.., расскажи, какте бе понравился весь этот темный холод там снаружи? Ты насладился своим грандиозным путешествием в ничто, которое лежит снаружи? Подожди, вот мы вырвемся туда. Маленький Дружок! Подожди, ты прорвешься туда, где Я существую! Подожди! Подожди мертвых огоньков! Ты посмотришь и сойдешь с ума.., но ты будешь жив.., и будешь жить внутри них.., внутри Меня...

Оно заскрипело ядовитым смехом, и Билл услышал, что голос Его начинает замирать и одновременно разбухать, будто выходит из своих границ.., или бьется в них, стараясь выбраться. Было ли это именно так? Да. Он думал, что так. Потому что, когда голоса звучали синхронно, один из них, тот, к которому он несся сейчас, был совершенно незнаком ему. Он говорил так, как не может воспроизвести ни одно человеческое горло или язык. Это был голос мертвых огоньков, подумал он.

— *Времени в обрез; давай поговорим, пока можно* Этот человеческий голос становился слабее, как радио Бангорской станции слабело, когда ваш автомобиль уезжал на юг. Яркий мерцающий страх наполнил его. Скоро он перестанет нормально сознательно общаться с Ним.., и какая-то часть его существа поняла это, по смеху Его, По ЕЕ чуждой радости, что это было именно то, что Оно хотело. Не просто послать его туда, где Оно действительно существовало, а разрушить связь их сознаний. Если это произойдет, он со всей очевидностью полностью погибнет. Выйти из этой связи означало навсегда потерять путь к спасению; он хорошо это понял из поведения родителей по отношению к нему после того, как

умер Джорджи. Это был единственный урок, который он извлек из их ледяной холодности.

Покинуть Его.., и приблизить Его. Но покинуть было важнее. Если Оно хотело сожрать детей здесь, или поглотить их, или что там Оно с ними делало, почему Оно не послало их *всех* сюда? Почему именно его?

Потому что Оно хотело избавить свою Паучью сущность от него, вот поэтому. Каким-то образом Паук-Оно и Оно, которое звало его мертвыми огоньками, были связаны. Что бы там ни жило в этой темноте, там Оно было неуязвимо только тогда, когда Оно было в этом месте, а не где-то еще.., но Оно было также и на земле, в Дерри, в физической форме. Каким бы омерзительным Оно ни было в Дерри, форма была *физическая.., а* то, что имело физическую форму, могло быть убито.

Билл летел сквозь тьму, скорость все еще нарастала. *Почему я так хорошо ощущаю, что все разговоры Его просто блеф, надувательство? Почему это так? И каким образом это происходит?*

Он понимал, как может быть.., только может быть.

«Есть только Чудь», -сказала Черепаха. Предположим это то, что надо. Предположим, что они

проникли глубоко в чей-то другой язык, не физически, а умственно, духовно? И предположим, что если Оно может выбросить Билла достаточно далеко в логово и достаточно близко к вечной своей сущности, то ритуалу придет конец? Это расколет его, убьет его и выиграет все в одно и то же время.

— Ты хорошо соображаешь, сынок, но очень скоро будет слишком поздно.

Оно испугалось! Испугалось меня! Испугалось нас всех!

— скольжение, он соскальзывал куда-то, а впереди была стена, он ощущал ее, ощущал в темноте, стена на краю бесконечности, а за ней — другое измерение, мертвые огоньки...

— Не говори со мной, сынок, и не говори сам с собой, это разрывает твою свободу, можешь укусить, если хочешь, если осмелишься, если сможешь быть смелым, если вынесешь это.., вгрызайся, сынок!

Билл схватил — не зубами, но как будто зубами своего сознания.

Повышая голос до полного регистра, изменяя его (изменяя на самом деле, превращая в голос своего отца, хотя Билл до самой смерти не узнал этого; некоторые тайны не раскрываются, воз-

можно, это и к лучшему), на одном дыхании он закричал:

ОН СТУЧИТСЯ КО МНЕ В ЯЩИК ПОЧТОВЫЙ, ГОВОРЯ, ЧТО ВИДЕЛ ПРИВИДЕНИЕ СНОВА, А СЕЙЧАС ОТПУСТИ МЕНЯ!

Он почувствовал в своем сознании, что Оно вопит от тщетного нетерпеливого гнева.., но это также был крик страха и боли.

Ему никогда не приходилось исполнять чью-либо волю, такого с Ним никогда не случалось, и до самого последнего момента существования Оно не подозревало, что это может случиться.

Билл чувствовал, что Оно мучается с ним, не тянет его, а выталкивает, стараясь избавиться от него.

ОН СТУЧИТСЯ КО МНЕ В ЯЩИК ПОЧТОВЫЙ, Я СКАЗАЛ! ПРЕКРАТИ ЭТО! ВЕРНИ МЕНЯ ОБРАТНО! ТЫ ДОЛЖНО! Я ПРИКАЗЫВАЮ! Я ТРЕБУЮ!

Оно заорало снова, боль стала сильнее — возможно, отчасти потому, что за все свое долгое существование Оно только причиняло боль, питаясь ею, и никогда Само не испытывало на себе.

Оно все еще пыталось избавиться от него, слепо и упрямо настаивая на своей победе, так как всегда Оно одерживало победу.., но Билл почувствовал, что скорость его уменьшается, и

гротескный образ пришел ему в голову: язык Оно, покрытый живыми каплями слюны, надувается, как толстый валик, лопающийся, истекающий кровью. Он видел, как он сам цепляется зубами за кончик этого языка, кусая и разрывая его время от времени, лицо его погружается в сукровицу, которая и есть кровь Его, утопая в Его мертвящем зловонии, но удерживаясь, удерживаясь каким-то образом, в то время как Оно боролось со слепой болью и яростью, чтобы он снова не стал рвать язык.

(*Чудь, это Чудь, стой, смелее, будь стойким, стой за своего брата, за друзей; верь, верь во все вещи, в которые ты когда-то верил, верь, что, если ты скажешь полисмену, что ты потерялся, он доставит тебя домой в целости и сохранности, что есть Сказка о Зубе, который живет в гигантском глазурованном замке, и Санта Клаус на Северном полюсе, который делает там игрушки с троллями и эльфами, и что Полночный Капитан может быть реальностью, да, может быть, несмотря на Кальвина и старшего брата Кисеи Кларка Карлтона, говорящего, что это все — детский бред; верь, что твои мать и отец снова тебя любят, что храбрость возможна и слова будут гладко литься все время; нет больше*

неудачников, не нужно съеживаться от страха в земляной яме иназывать ее штабом, не нужно больше плакать в комнате Джорджи от бессилия и невозможности спасти его, верь в себя, верь в огонь этого желания.) Неожиданно он начал смеяться в темноте, но это был не истерический смех, а смех изумления.

О, *ЧЕРТ, Я ВЕРЮ ВО ВСЕ ЭТИ ШТУКИ!* -кричал он, и это была правда; даже в одиннадцать лет он мог понять, что иногда все оборачивается смешной стороной. Свет мерцал вокруг него. Он поднял руки над головой и поднял голову и вдруг почувствовал, что какая-то сила пронизывает его с ног до головы.

Он услышал, что Оно опять заорало.., и неожиданно его стало тащить обратно, на ту дорогу, по которой он пришел. Он все еще мысленно представлял, как его зубы вгрызаются в странную плоть языка, сжимаются в гримасе старухи-смерти. Он летел сквозь тьму, ноги волочились следом, а шнурки его старых башмаков развевались как победное знамя; ветер этой пустоты свистел в его ушах.

Он пролетел мимо Черепахи и увидел, что та спрятала голову в панцирь; голос ее был глухим и искаженным, будто даже панцирь, в котором

она жила, был сам по себе вечностью:

— Неплохо, сынок, но я бы закончила это сейчас, не давай Ему исчезнуть, энергия имеет свойство рассеиваться, ты знаешь? знай, что то, что можно сделать в одиннадцать лет, может не повториться больше никогда.

Голос Черепахи слабел, слабел, слабел. Была только мчащаяся темнота.., а затем русло циклопического тоннеля.., запах времени и разложения.., паутина на его лице, как гниющая пряжа в логове.., рассыпающиеся кирпичи, запачканные.., пересечения времени, всюду темнота, лунные шары — все исчезло, а Оно вопило и вопило:

— Отпусти меня, отпусти меня, я никогда больше не вернусь, больно, больно! — Он стучится ко мне! -кричал Билл в исступлении.

Впереди он еще видел огни, но они становились слабее, пока совсем не погасли.., и на какое-то мгновение он увидел себя и остальных ребят, держащихся за руки в одну линию, Эдди с одной стороны, а Ричи с другой. Он видел собственное тело, осевшее, голова опущена, он смотрит на Паука, который качается и извивается, как дервиш, его огромные колючие ноги сучат по полу, яд капает с жала. Оно.

Оно кричит в смертельной агонии.

Затем он вталкивается в свое тело, как рука в бейсбольную перчатку. Эта сила отрывает его руки от Эдди и Ричи, ставит его на колени, тянет его по полу до края паутины. Он протягивает руку к одной из нитей паутины, ни о чем не думая, и рука немедленно начинает неметь, будто ему сделали укол новокаина. Нить толщиной с телефонный провод.

— Не трогай ее, Билл! — вскрикнул Бен, и Билл отдернул руку, но на ладони осталась ссадина, как раз под пальцами. Сразу же потекла кровь; он встал на дрожащие ноги и стал смотреть на Паука.

Оно уползало от них, прокладывая путь в наступающих сумерках в дальнем конце своей норы. Оно оставляло лужицы и пятна крови, когда проходило, однако их противостояние прорывало внутренности Его в дюжине, даже в сотне мест.

— *Билл, паутина!* -закричал Майк. — *Посмотри!*Он отступил назад, вытягивая шею, а нити паутины опускались вниз, падая на пол по обе стороны от него, как тела бледных мясистых змей. Нити немедленно стали терять форму и просачивались в трещины в полу. Паутина распадалась на части, освобождаясь от своих

сплетений. Одно из тел взлетело, подобно мухе, а потом упало, ударившись об пол со звуком разбивающейся тыквы.

— *Паук!* -закричал Билл. — *Где Оно?*

В голове у него все еще стоял мяукающий и кричащий от боли голос Его. И Билл понял, что Оно исчезло в том самом туннеле, куда был выброшен Билл.., но исчезло ли оно, чтобы вернуться в то место, куда Оно намеревалось послать Билла.., или спряталось, ожидая их ухода? Чтобы умереть? Или спастись?

— Господи! Огни! — закричал Ричи. — *Огни* исчезают! Что случилось, Билл? Где ты был? Мы думали, что ты умер!

Частично Билл осознавал, что это неправда: если бы они действительно думали, что он умер, они бы убежали, разбежались по одному, а Оно с легкостью ловило бы их одного за другим. Или правильнее было бы сказать, что они *думали,* что он мертв, но *верили,* что он жив.

Мы должны убедиться! Если Оно умирает или возвращается туда, откуда пришло и где находится оставшаяся часть Оно, то это хорошо. А что если Оно только ранено? Если Ему станет лучше? Что...

Стэн отмахнулся от своих мыслей, как будто

выбросил разбитый стакан. В сумеречном свете Билл увидел, что одна из нитей паутины коснулась плеча Стэна. И прежде чем Билл успел дотянуться до него, Майк рывком бросился на мальчика. Он отбросил Стэна от куска Паутины, часть которой упала на рубашку.

— Убегайте, — крикнул им Бен. — *Убегайте, она вся падает!*Он схватил Беверли за руку и стал тянуть ее к маленькой двери, пока Стэн вставал на ноги, озираясь вокруг, а потом схватил Эдди. Наверху разрывалось в агонии паучья паутина, теряя свою страшную симметричность. Тела лениво извивались в воздухе, как кошмарное ожерелье. Лопнувшие нити падали, как гнилые ступеньки какой-то странной стремянки. Более прочные нити повисали на камнях, шипя как коты, теряли форму и уползали.

Майк Хэнлон пробирался сквозь них, как будто прокладывал путь через линию противника при игре в футбол в школьной команде, наклонив голову, уклоняясь и увертываясь. Ричи догнал его. Невероятно, но Ричи смеялся, хотя волосы его стояли дыбом, как иглы у дикобраза. Огни меркли, фосфоресцирующие искорки на стенах уже погасли.

— Билл! — кричал Майк. — Давай! Бросай все!

— *А что если Оно не умерло?* -кричал Билл им. — Мы *должны бежать за Ним, мы должны убедиться!*

Спутанные клубки паутины опускались как парашюты, а когда они падали, раздавался звук, как от разрываемой на части кожи.

— Оно уже умерло! — кричал Эдди, догоняя их. Глаза его лихорадочно горели; дыхание клокотало в груди. Упавшие нити паутины оставили множество шрамов на его гипсовой повязке. — Я слышал Его, Оно умирает, Оно не издавало бы таких звуков, если бы все было хорошо, Оно умирает, я уверен!

Руки Ричи появились из темноты, схватили Билла, сжали в объятиях. И он стал тащить Билла обратно в полном экстазе.

— Я тоже слышал — Оно умирает, Большой Билл! Умирает.., а *ты не заикаешься! Совсем не заикаешься.* Как ты этого достиг? Как, черт побери?

Голова у Билла кружилась. Изнеможение охватило его. Он не помнил, чтобы когда-нибудь так уставал.., но в голове крутились слова Черепахи: *Я бы покончила с этим сейчас. Не давай Ему исчезнуть.., то, что ты смог сделать в одиннадцать лет, может не получиться больше никогда.*

— Но мы должны удостовериться...

Тени скрывали их руки, и темнота была почти полная. Но прежде чем стало совсем темно, он подумал, что увидел такое же сомнение на лице Беверли.., и в глазах Стэна. И пока не исчезли последние проблески света, они продолжали слышать мрачные шепчуще-шелестящие звуки непередаваемого распадения на части паутины Его.

3

Билл в Пустоте (позже)

— А, вот ты и снова здесь, мой юный друг! Но что случилось с твоими волосами? Ты лыс как бильярдный шар! Печально! Как коротка человеческая жизнь! Каждая жизнь это короткий памфлет, написанный идиотом! Та-та-та и так далее– Я все еще Билл Денбро. Ты убило моего брата, и ты убило Взрослого Стэна и пыталось убить Майка. И я собираюсь сказать тебе что-то: на этот раз я не остановлюсь, пока работа не будет сделана.

— Черепаха была тупая, слишком тупая, чтобы лгать. Она сказала тебе правду.., время просто прошло еще один круг. Ты ранил меня.., ты удивил меня, но больше такого не будет. Я — то, что зовет тебя назад. Это Я.

— Ты позвало. Хорошо. Но не Ты одно.

— Твоя подружка Черепаха.., недавно она умерла, старая идиотка блеванула внутри своего панциря и захлебнулась до смерти на галактике или двух. Очень печально. Ты не думаешь? Но и очень странно, обманчиво, как в книге Рипли «Хочешь Верь, хочешь не Верь». Я думаю, это случилось как раз тогда, когда ты что-то там написал, ты должен был почувствовать, что она умерла, мой юный друг.

— Я не верю этому.

— О, ты поверишь.., ты увидишь на этот раз, мой юный друг! Я собираюсь показать тебе все, включая мертвые огоньки.

Он почувствовал, что голос Его поднимается, рычит и грохочет, наконец он почувствовал полный предел ярости Его, и его охватил ужас. Он добрался до языка сознания Его, концентрируясь, стараясь полностью повторить напряжение той детской веры, в то же время понимая горькую правду того, что Оно сказало: в прошлый раз Оно было неподготовлено. На этот раз.., даже если не только Оно позвало их, без сомнения Оно их ждало.

Но еще...

Он почувствовал свою ярость, чистую и зве-

нящую, глаза застыли на глазах Его. Он ощущал старые шрамы Его, ощущал, что Оно и впрямь ранено и эта рана все еще болит.

И когда Оно швыряло его, когда он почувствовал, как разум покидает тело, он сконцентрировал все свое существо на том, чтобы схватить язык Оно *...и ослабил свою хватку.*

4

Ричи

Остальные четверо смотрели, как парализованные. Это было точное повторение того, что случилось тогда, в первый раз. Паук, который, казалось, схватил Билла и собирался пожрать его, вдруг остановился. Глаза Билла сомкнулись с красными глазами Его. Было полное ощущение контакта.., контакта за пределами их воображения, но они чувствовали, как боролись, сталкивались две воли.

Потом Ричи посмотрел на новую паутину и увидел первое отличие.

Там были тела, наполовину съеденные, наполовину сгнившие, все было то же самое.., но высоко в углу висело другое тело, и Ричи был уверен, что оно было свежее, возможно, даже все еще живое. Беверли не смотрела вверх, ее

глаза были прикованы к Биллу и Пауку, но даже в том ужасе, в котором он пребывал, Ричи увидел сходство между Беверли и той женщиной в паутине. Волосы длинные рыжие. Глаза открыты, но остекленели и недвижимы. Струйка слюны спускалась от губ до подбородка. Она была привязана к главной нити паутины легкой паутинной сбруей, обмотавшей ее талию и обе ее руки. Так она и болталась полусогнутая, ноги были свободны и обнажены.

Ричи увидел другое тело, разлагающееся внизу паутины; этого человека он никогда прежде не видел.., но все-таки в глубине сознания он отметил почти бессознательно сходство со взрослым, безжалостным Генри Бауэрсом. Кровь лилась из обоих его глаз, собираясь в лужицу вокруг рта и на подбородке. Он...

Затем Беверли начала кричать:

— Что-то случилось! Что-то случилось! Сделайте что-нибудь, ради Бога! Может кто-нибудь что-нибудь сделать?

Ричи снова посмотрел на Билла и Паука.., и полуощутил, полууслышал смех монстра. Лицо Билла стало вытягиваться каким-то неуловимым образом. Кожа сделалась пергаментно-желтой и прозрачной, как у очень старого человека. Глаза

замутились.

"О, *Билл, где ты?"* Ричи видел, как неожиданно у Билла из носа ручьем хлынула кровь. Рот его искривился в попытке закричать.., и снова Паук наступал на него. Оно поворачивалось, держа жало наготове.

Оно убьет его.., убьет его тело, даже.., если его сознание где-то далеко. Это означает, что Оно закроет ему путь к возвращению навсегда. Оно одерживает победу... Билл, где ты? Ради Бога, где ты?

И откуда-то очень ясно, с какой-то невообразимой дистанции он услышал голос Билла, его крик.., и слова, хотя и бессмысленные, но кристально-ясные, полные боли и *(Черепаха мертва, о Боже, Черепаха действительно мертва)* отчаяния.

Бев снова передернуло, и она заткнула уши, чтобы не слышать этот туманный голос. Жало Паука вырастало, и Ричи внимательно рассматривал его, улыбаясь во весь рот, и вдруг сказал одним из своих лучших Голосов Ирландского Полицейского.

— Здесь мы, здесь, моя дорогая девочка! Что, черт возьми, ты собираешься делать? Довольно! Прекрати болтать, иначе я сниму твои штаниш-

ки и отшлепаю как следует!

Паук перестал смеяться, и Ричи почувствовал новый подъем рева от злости и боли внутри Паука. *Ему больно,* -победно подумал он. — *Что вы скажете! Ему больно! И думаете, почему?*

Я СХВАТИЛ ЕГО ЗА ЯЗЫК! Я ДУМАЮ, ЧТО БИЛЛ КАК-ТО УПУСТИЛ ЕГО. НО КОГДА ОНО ОТВЛЕКЛОСЬ, Я ПОЙМАЛ ЕГО...

Затем, крича на него, Оно вызвало рой разъяренных пчел из своего сознания, вышибло Ричи из его тела и швырнуло в темноту. Ричи смутно сознавал, что Оно старается стряхнуть его с себя. И Оно хорошо выполняло свою работу. Ужас охватил Ричи, но потом он сменился ощущением космической отчужденности. Беверли, вспомнил он, показывала, как играет в куклы, укладывает их спать, прогуливает собачку и путешествует по миру, а он рассказывал обо всем этом на своей гитаре «Дункан». И вот он здесь, Ричи — музыкант, а язык Оно — это струна. Он здесь, и это уже не выгуливание собак, а, может быть, выгуливание Паука — что может быть смешнее?

Ричи засмеялся — невежливо, конечно, смеяться с полным ртом, но он не сомневался, что здесь никто не читал о Хороших Манерах. Это заставило его рассмеяться еще сильнее, и он еще

сильнее вцепился в язык. Паук закричал и стал стряхивать его с еще большей яростью. Оно завыло одновременно от злости и удивления — Оно полагало, что только писатель может бросить ему вызов, а теперь еще этот человек, который смеется, как глупый ребенок, схватил Его за язык, когда Оно менее всего ожидало это.

Ричи чувствовал, что скользит куда-то.

Подержитесь немного, сеньорита, мы вместе пойдем туда, или я продам вам лотерейный билетик, по которому все выигрывают, клянусь именем матери.

Он снова почувствовал, как его зубы сильнее вцепились в язык Его. И одновременно Оно впилось своими ядовитыми зубами в его собственный язык. И все равно ему было смешно. Даже в темноте, несясь следом за Биллом, когда только язык Его связывал его с остальным миром, даже страдая от боли, которую причиняли ядовитые зубы Его, застилая его сознание красным туманом, ему было чертовски смешно.

Следите, люди. Поверьте, что диск-жокей может летать. Все нормально, он летит.

Ричи никогда в жизни не бывал в такой темноте; он даже представить себе не мог, что существует подобная темнота; он летел где-то

приблизительно со скоростью света, и его трясло, как терьер трясет крысу. Он ощущал, что существует нечто впереди. Какое-то титаническое тело. Черепаха, о которой сокрушался Билл своим слабеющим голосом. Должно быть. Это был только панцирь, мертвая оболочка. Он пролетел ее, мчась в темноту.

Действительно, несусь со скоростью света, -подумал он и снова почувствовал этот дикий толчок, заставляющий смеяться.

Билл, Билл, ты слышишь меня?

— Он исчез, он в мертвых огоньках, отпусти меня! ОТПУСТИ МЕНЯ! (Ричи?) Невероятное расстояние; невероятно далеко в черноте. *Билл, Билл, я здесь! держись! ради Бога, держись!*

— Он умер, вы все умерли, а ты слишком стар, не понимаешь что ли? А теперь отпусти меня!

— Эй, ты, сучка! мы никогда не стары, чтобы танцевать рок-н-ролл!

— ОТПУСТИ МЕНЯ!!!

— Отнеси меня к нему, тогда, может быть, отпущу Ричи! Ближе, сейчас он был ближе, слава Богу.

— Здесь я, Большой Билл! Ричи пришел, чтобы вызволить тебя! Пришел спасти твою старую задницу! Помнишь, как тогда, на Нейболт-

стрит?

— ОТПУСТИшши!

Боль была на этот раз очень сильная, и Ричи с удивлением понял, как он прочно схватил Его, а Оно-то верило, что только Билл может сделать это. Ну, ладно, хорошо. Ричи не думал о том, чтобы убивать Его тотчас же, он не до конца был уверен, что Его *можно* убить. Но *Билл* может быть убит. И Ричи почувствовал, что Биллу осталось очень недолго. Билл приближался, и в этом было что-то опасное, о чем лучше не думать.

Ричи, нет! Возвращайся! Это конец всего, как раз здесь! Мертвые огоньки! звучит так, как будто ты собираешься повернуть несущуюся лошадь в полночь, сеньор.., а где ты есть, золотко мое? Улыбнись, чтобы я увидел тебя!

И неожиданно Билл появился, скатываясь *(направо или налево? Здесь не было направления)* по одну сторону или по другую. А за ним Ричи, быстро приближаясь, увидел (почувствовал) что-то такое, что наконец остановило его смех. Это был барьер, нечто странное, бесформенное, то, что его мозг не мог постичь. Вместо этого его мозг перевел, как только мог, перевел Его в форму Паука, позволяя Ричи думать об этом, как о какой-то колоссальной серой стене, сделанной

из невообразимо древних столбов. Эти столбы бесконечно тянулись и вверх, и вниз, как прутья в клетке. А между ними сиял слепящий свет. Он мерцал и двигался, улыбался и скалился. Свет был живым.

(*мертвые огоньки)* Больше, чем живой, он был полон силы — магнетизм, гравитация, возможно, и что-то другое. Ричи почувствовал, что его поднимают и опускают, вращают и толкают. Он чувствовал, как свет жадно движется по его лицу.., и свет этот *думает.*

Это Оно, это Оно, суть Его.

— Отпусти меня, отпусти, ты обещал отпустить меня.

Я знаю, но иногда, золотко, я лгу, моя мама била меня за это, но мой папа, папа только воспитывал.

Он ощущал, что Билл бьется у входа в щель в стене, ощущал дьявольские пальцы света, касающиеся его, и в последней отчаянной попытке он рванулся и добрался до своего друга.

Билл! Твою руку, дай руку! ТВОЮ РУКУ! ЧЕРТ ПОБЕРИ! ТВОЮ РУКУ!

Билл выбросил свою руку, пальцы сжимались и разжимались, этот живой огонь блестел и сверкал на свадебном кольце Одры, в рунах, в

мавританских узорах — круги, кресты, звезды, свастики, соединенные окружности, которые вырастали в цепи. Лицо Билла было залито тем же светом, который как бы покрывал его татуировкой. Ричи вытянулся как только мог, слыша крики и стоны Его.

(*Я потерял его, о Боже! Я потерял его, сейчас его выбросит)* Но тут пальцы Билла сомкнулись на пальцах Ричи, и Ричи крепко схватил их и сжал. Одна нога Билла попала в щель в замерзшей деревянной стене, и в один сумасшедший момент Ричи понял, что видит все кости, вены и капилляры внутри, как будто Билла просвечивало рентгеном. Ричи почувствовал, что мускулы на его руке натянулись, как резиновые, а сухожилия на предплечье начинают трещать от огромного давления на них.

Он собрал все силы и закричал:

— Тяни нас назад! Тяни нас назад или я убью тебя! Я... Я заговорю тебя до смерти!

Паук снова завизжал, и Ричи неожиданно почувствовал, как какой-то огромный обвивающий ремень скрутил его тело. Руки его побелели от напряжения. Хватка, держащая руки Билла, стала ослабевать.

— Держись, Большой Билл!

— Я держусь за тебя, Ричи, держусь!

Тебе лучше, -подумал Ричи, *— потому, что можно пройти десять миллиардов миль и не найти этого паршивого платного туалета!*

Они со свистом мчались назад, эти безумные огоньки померкли, сделались роем бриллиантовых булавочных головок и наконец погасли. Они неслись сквозь темноту, как торпеды. Ричи ухватился зубами за язык Его, онемевшей рукой держась за запястье Билла. А вот и Черепаха, они пролетели над ней, не успев моргнуть.

Ричи ощущал, что они приближаются к тому, что когда-то было реальным миром (хотя он полагал, что уже никогда больше не сможет считать его точно «реальным», а будет рассматривать только за задернутым занавесом крестообразной решетки — решетки, которая похожа на нити паутины). *Но с нами все будет в порядке* -думал он. *— Мы вернемся. Мы...*

Но снова началась борьба — с криками, с ударами, с избиением друг друга. Паук старался последний раз стряхнуть их с себя и выбросить во Внешний мир. Опять Ричи почувствовал, что его хватка ослабевает. Он слышал, как Оно победно ревет, и сконцентрировал всю свою волю на том, чтобы удержать.., но он продолжал скользить.

Он ухватился зубами с неистовством, но язык Его, казалось, теряет свою вещественность и реальность, будто становится легкой паутиной. — *Помогите!* - кричал Ричи. — *Я его теряю! Помогите! Кто-нибудь! Помогите нам!*

5

Эдди

Эдди не мог дать себе полного отчета в том, что происходит; он как-то чувствовал это, как-то видел, но словно сквозь густой занавес. Где-то там Билл и Ричи боролись, чтобы вернуться назад. Их тела были здесь, но все остальное, *настоящее* -было где-то далеко.

Он видел, как Паук обернулся, чтобы поразить Билла своим жалом, а потом Ричи выбежал вперед, крича на Него своим смешным голосом Ирландского Полицейского, которым он когда-то имел обыкновение говорить, — только Ричи спустя столько лет смог улучшить этот голос, потому что Голос звучал очень похоже на голос мистера Нелла в те старые времена.

Паук обернулся к Ричи, и Эдди увидел его невыносимо красные глаза, вылезающие из орбит. Ричи снова заорал, на этот раз голосом Панчо Ванилла, и Эдди *почувствовал,* что Паук ревет

от боли. Бен хрипло закричал, когда на шкуре Паука появились трещины как раз вдоль линии, где когда-то давно были уже шрамы. Поток сукровицы, черной, как сырая нефть, стал выливаться из него. Ричи начал говорить что-то еще.., но его голос стал удаляться, *слабеть*, как в конце популярной песни. Голова откинулась назад, глаза сосредоточились на глазах Его. Паук снова замер.

Прошло время — Эдди не имел понятия, сколько именно. Ричи и Паук уставились друг на друга. Эдди чувствовал, что между ними была какая-то связь, он чувствовал, что где-то ведутся какие-то разговоры и возникают эмоции, но где-то очень далеко. Он не мог ничего сделать, но ощущал нюансы всего происходящего по цвету и оттенкам.

Билл лежал поверженный на полу, из носа и ушей текла кровь, пальцы его слегка шевелились, лицо было бледным, глаза закрыты.

Паук кровоточил в четырех или пяти местах, он снова был сильно изранен, но все еще опасно живуч. И Эдди подумал: *Почему мы просто стоим и ждем чего-то. Мы можем причинить ему боль, пока Он занимается Ричи! Почему никто не двигается с места. Господи!?*

Он почувствовал ощущение неистового триум-

фа — и это чувство становилось яснее и глубже. Ближе. *Они возвращаются!* -хотел он закричать, но рот его был сухой, а горло сдавило. *Они возвращаются!*

Потом голова Ричи стала медленно поворачиваться из стороны в сторону. Казалось, что тело его *пульсирует* под одеждой. Очки его немного повисели на носу, а потом упали и разбились о каменный пол.

Паук задвигался, его колючие лапы сухо зашелестели на полу. Эдди услышал, как Оно победно вскрикнуло, а спустя миг голос Ричи ворвался в его сознание:

(*помогите! кто-нибудь! помогите! я теряю Его!)* Эдди выбежал вперед, вытаскивая свой ингалятор здоровой рукой, губы его искривились в гримасе, дыхание со свистом и болью вырывалось из груди, а просвет в горле сейчас был с игольное ушко. В безумии ворвался голос его матери, кричащей: *Не подходи к этой твари, не подходи близко! От этого у тебя может быть рак!*

— *Заткнись, ма!* -прокричал Эдди высоким ломающимся голосом, — все, что осталось от его голоса. Голова Паука повернулась на звук, и глаза Его на миг оторвались от Ричи.

— *Вот!* -простонал Эдди слабеющим голосом. —

Вот что у меня есть.

Он прыгнул к Пауку, одновременно нажимая на ингалятор, и скоро вся его детская вера в медицину вернулась к нему, вера в «детскую» медицину, которая может разрешить все проблемы, избавит от боли при драке с большими мальчишками или когда его сбивали с ног, прорываясь к двери, чтобы выйти из школы, или при стрессах, когда ему приходилось сидеть на краю поля Братьев Трэкеров, не принимая участия в игре, потому что мама не позволяла ему играть в бейсбол. И он прыгнул на морду Паука, вдыхая его зловонное желтое дыхание, чувствуя, что злобный Паук охвачен единственным желанием — их всех пожрать. И он прыснул ингалятором в один из красных глаз Паука.

Он едва услышал, как Оно закричало, на этот раз не от ярости, а только от боли, ужасной стенающей агонии. Он видел, как на кроваво-красном глазу появились капельки, которые становились белыми, когда падали на пол, видел, как они начинают сочиться, как капли карболовой кислоты. Он видел, как громадный глаз Оно расплющивается, как кровавый яичный желток, и как из него потоком льются живая кровь, сукровица и гной.

— *Возвращайся, Билл!* -крикнул он изо всех

оставшихся сил, и потом он ударил Его и почувствовал, как зловонный жар Его стал припекать его; он чувствовал жуткую влажную теплоту и понял, что его здоровая рука скользнула в рот Пауку.

И он снова стал бить Его ингалятором, на этот раз ударяя по горлу, прямо по его гнилой дьявольской вонючей глотке, и эта неожиданная обжигающая боль, острая, как удар тяжелого ножа, когда челюсти Паука сомкнулись и оторвали его руку от плеча.

Эдди упал на пол, пытаясь рукой зажать рану и остановить льющуюся кровь. Он смутно сознавал, что Билл поднимается на дрожащие ноги, а Ричи идет, покачиваясь и запинаясь, как пьяный после длинной тяжелой ночи.

— ..Эд...

Как далеко. Как неважно. Он чувствовал, что все вокруг убегает от него с потоком льющейся крови.., вся злость, вся боль, все страхи, все неудачи и ошибки. Он думал, что умирает.., ах, Боже, но как все *понятно,* как *ясно,* будто в окне, в котором помыли стекла и сейчас весь свет может проходить сквозь него; *свет, о* Боже, этот совершенный свет, который очищает горизонт где-то в этом мире каждую секунду.

— ..эд, о Боже, Билл, Бен, ему оторвало руку, он... Он взглянул на Беверли и увидел, что она плачет, слезы текут по ее грязным щекам; когда она стала поддерживать его, он понял, что она сняла блузку и старается порвать ее, чтобы приложить к ране, и что она зовет на помощь. Потом он взглянул на Ричи и облизал губы. Слабее и слабее. Становится яснее и яснее, ясно и пусто, все примеси уходят из него, чтобы он смог стать чище, чтобы сквозь него смог проходить свет, и, если бы у него было время, он бы помолился за это, а потом мог бы сказать проповедь. *Не так все плохо,* -начал бы он. — *Совсем не плохо.* Но было что-то, что он хотел сказать с самого начала.

— Ричи, — прошептал он.

— Что? — Ричи встал на колени, вопросительно глядя на него.

— Не зови меня Эдом, — сказал он и улыбнулся. Он поднял левую руку и дотронулся до щеки Ричи. Ричи плакал. — Ты знаешь, я.., я...

Эдди закрыл глаза, думая, как закончить, и пока он думал над этим, он умер.

6

Дерри, 7.00 — 9.00 утра

К семи часам утра скорость ветра в Дерри до-

стигала 37 миль в час, порывами — до 45 миль. Гарри Брук, служащий Национального Бюро Погоды в Международном Аэропорту Бангора позвонил в Главное Управление НБП в Огасте. Он сказал, что ветер дует с запада такими порывами, которых он раньше не помнил.., но это похоже на какой-то местный рид урагана, который располагается только исключительно на территории города Дерри.

В 7.10 главная радиостанция Бангора передала первое погодное предупреждение. Взрыв на электрогенераторе Братьев Трэкеров вырубил все электричество на Канзас-стрит около Барренса. В 7.17 огромный старый клен на Олд-Кейп за Барренсом упал с чудовищным треском, сравняв с землей магазин «Найт-Оул» на углу Мерит-стрит и Кейп-авеню. Престарелый хозяин Рэймонд Фогарти был убит опрокинутым охладителем пива. Это был тот самый Рэймонд Фогарти, священник Первой Методистской Церкви в Дерри, который проводил обряд захоронения Джорджа Денбро в октябре 1957 года. Клен повредил линии электропередач, и электричество отключилось и в Олд-Кейпе и в более фешенебельном районе Шербурн-Вудс, который расположен за Олд-Кейпом. Часы на часовне Баптистской Церкви не

били ни шесть часов, ни семь. В 7.20, через три минуты после того, как упал клен, и через час пятнадцать минут после того, как все туалеты и канализационные трубы неожиданно прорвались, часы на башне пробили тринадцать раз. Через минуту бело-голубой удар молнии попал в часовню. Хизер Либби, жена священника, которая как раз в это время смотрела из окна кухни, сказала, что «часовня взорвалась так, будто ее до этого хорошенько начинили динамитом». Белые доски, балки и перекладины, часы швейцарской работы — все это было выброшено на улицу. Остатки часовни быстро сгорели, а затем были смыты дождем, очень похожим на тропический ливень. Улицы, ведущие вниз к окраинной зоне магазинов, пенились и струились. Подъем воды в Канале под Мейн-стрит был постоянным, и это заставляло людей беспокоиться. В 7.25, когда Баптистская Часовня взорвалась с грохотом, который отозвался во всех уголках Дерри, дворник, приезжающий в Вэлли-Спа каждое утро, кроме воскресений, подметать улицы, увидел нечто такое, что заставило его мчаться с криками по улице. Этот парень был алкоголиком с первого семестра в Университете Мэна и в течение одиннадцати лет получал за свою работу гроши — его

реальная плата заключалась в том, что он мог допивать из кружек все пиво, которое оставалось в баре. Ричи Тозиер мог помнить его, а мог и не помнить, это был Винченцо Карузо Талиендо, больше известный среди своих одноклассников под именем Сопля Талиендо. Когда он мел улицу в это апокалиптическое утро в Дерри, подходя все ближе и ближе к вожделенной зоне, где было семь пивных бочек, он увидел, что все эти семь — три «Бада», два «Наррагансетта», один «Шильтц» (больше известный пьяницам Вэлли как «Слитц») и один «Миллер Лайт», — наклонились вперед, как будто семь невидимых рук толкнули их. Пиво потекло из них ручьями бело-золотой пены. Вине побежал вперед, думая не о фантомах или привидениях, а о том, что его утренняя зарплата уплывает в канализацию. Затем он остановился, глаза его вылезли из орбит, и душераздирающий крик прорезал пустую, пахнущую пивом улицу возле Вэлли-Спа. Вместо пива хлынула яркая артериальная кровь. Она вытекала из хромированных труб и бежала маленькими ручьями по обе стороны бара. Потом из кранов пивных бочек стали вываливаться волосы и куски плоти. Сопля Талиендо в трансе смотрел на все это, не имея больше сил даже заорать. Затем раздался

приглушенный взрыв, будто взорвалась пивная кружка под прилавком. Все дверцы шкафов в баре моментально раскрылись. Зеленоватый дым, как после взрыва фокусника-мага, стал расползаться по помещению как раз из этих шкафов. С Сопли было достаточно. Крича, он припустил по улице, которая стала сплошным каналом. Он упал на спину, встал, с ужасом оглянулся назад. Одно из окон бара вылетело с шумом, как от выстрела. Осколки стекла просвистели мимо головы. Спустя минуту взорвалось другое окно. Но опять, как по волшебству, его не задело.., но тут он решил, что как раз пришло время навестить сестру в Истпорте. Он сразу пустился в путь, и это путешествие по улицам Дерри и за пределы Дерри достойно отдельной саги.., но нужно лишь сказать, что он благополучно вышел из города. Другим не так повезло. Алоизиус Нелл, которому стукнуло 77, сидел со своей женой в скромной гостиной у себя дома на Стрэфем-стрит, наблюдая за начавшимся штормом. В 7.32 он пережил роковой удар. Жена рассказывала его брату через неделю, что Алоизиус уронил чашку кофе на колени, сел совершенно прямо, с широко раскрытыми глазами и закричал: *«.Сюда, сюда, моя девочка! Какого черта ты думаешь, мы делаем?*

Довольно! Прекрати болтовню, иначе я сниму твои шта-нишки-и-и-и...» Потом он упал с кресла прямо на чашку кофе. Моурин Нелл, которая знала, как плохо было у него с сердцем последние три года, сразу же поняла, что с ним *совсем* плохо, и, расстегнув ему воротник, она побежала к телефону, чтобы вызвать отца Макдауэлла. Но телефон не работал. Он издавал только пронзительный писк, как полицейская сирена. И хотя она знала, что это пахнет богохульством и что она ответит за это перед Святым Петром, она попыталась совершить над ним обряд сама, будучи уверена, что Бог поймет, если даже Святой Петр не поймет. Алоизиус был хорошим человеком и хорошим мужем, а то, что он слишком много пил, — так это виновата его ирландская натура.

В 7.49 целая серия взрывов сотрясла Городской центр, который стоял на том месте, где когда-то был чугунолитейный завод Кичнера. Никто не пострадал, потому что Центр открывался не раньше 10.00, а пятеро дворников приезжали только к 8.00 (тем более в такую погоду вряд ли кто-либо из них высунул нос из дверей).

Целая армия исследователей после всего случившегося отмела мысль о саботаже. Они предполагали — довольно туманно, — что при-

чиной взрывов была, возможно, вода, которую засосало в электрическую систему Центра. Каковы бы ни были причины, никто не собирался ходить за покупками в Центр уже надолго. Один взрыв почти полностью уничтожил ювелирный магазин Заля. Бриллиантовые кольца, браслеты, нити жемчуга, свадебные кольца, часы «Сейко» разлетелись вокруг кучей ярких сверкающих безделушек. Музыкальный автомат пролетел по всему восточному коридору и приземлился в фонтане за Пенни, где быстренько сыграл мелодию из «Истории любви», пока окончательно не замолчал. Тот же самый взрыв проделал дыру в мороженице «Баскин-Роббинс», и ледяной кисель из тридцати коробок мороженого потек по всему полу. Взрыв сорвал крышу с Сиэрс, и ветер понес ее, как бумажного змея. Она пролетела тысячу ярдов, полностью уничтожив силосную яму фермера по имени Брен Киллгалон. Его 16-летний сын выскочил на улицу с фотоаппаратом «Кодак», принадлежавшим его матери, и снял эту картину. «Нэшнл Энуааре» заплатил за снимки 60 долларов, на которые мальчик купил две цепи для своего мотоцикла «Ямаха». Третий взрыв раздался внутри галантерейного магазина «Хит и Мисс», выбрасывая горящие юбки, джинсы

и нижнее белье на залитую водой стоянку для автомобилей.

И последний взрыв вскрыл филиал Фермерского банка Дерри, как гнилую коробку печенья. Часть крыши банка тоже была снесена. Сигнализация звенела без устали, пока автоматическая система безопасности не отключилась через четыре часа. Деловые контракты, банковское оборудование, депозитные счета и разные бланки поднялись в небо и разлетелись по ветру. И деньги: в большинстве десятки и двадцатки, потом пятерки и банкноты по 50 и 100. Больше 75.000 долларов улетели на ветер, как показали банковские отчеты впоследствии...

Правда, позже, после массовой встряски в исполнительной структуре банка, строго по записям, конечно, выяснилось, что там было около 200000 долларов. Женщина по имени Ребекка Полсон из Хэйвен-Виллэджа нашла 50-долларовую банкноту, лежащую на коврике у задней двери, две двадцатки в птичьем домике и одну сотню, прилепившуюся к дубу на заднем дворе. Она с мужем использовали эти деньги для очередного взноса на машину. Доктор Хэйл, врач на пенсии, который жил на Западном Бродвее почти пятьдесят лет, был убит в 8.00 утра. Доктор

любил хвастаться тем, что он в течение 25 лет в одно и то же время совершает прогулку в две мили от своего дома на Западном Бродвее, вокруг Дерри-Парка и начальной школы. Ничего не могло остановить его — ни дождь, ни снег, ни холод, ни зной. И в это утро, 31 мая, он собирался сделать то же самое, несмотря на обеспокоенное ворчание своей экономки. Его последними словами в этом мире было сказанное через плечо, когда он шел к парадной двери, натягивая шляпу на уши: "Не будь такой дурой, Хильда. Ничего особенного, какой-то дождь. Ты бы увидела в 57 году! Вот *это*был ураган!" Когда доктор повернул на Западный Бродвей, крыша люка около распивочной Мюллера неожиданно поднялась, как ракетоноситель, и снесла голову доктору так быстро и аккуратно, что он прошел еще три шага, прежде чем свалился мертвый на дорогу. А ветер продолжал усиливаться.

7

Под городом/4.15 вечера

Билл вел их по темному туннелю час или полтора, а потом, скорее с удивлением, чем с испугом, заметил, что впервые в жизни он потерял дорогу.

Они еще слышали глухой шум воды в канализации, но акустика была такая, что невозможно было сказать, откуда идут звуки, — то ли снизу, то ли сверху, то ли справа, то ли слева, то ли сзади, то ли спереди. Спички все кончились. Они потерялись в темноте.

Биллу было страшно, очень страшно. Разговор с отцом в магазине не выходил у него из головы. *Десять фунтов документов просто испарилось... Мое мнение такое: кто-то не хочет, чтобы узнали, куда ведут эти проклятые трубы и почему.., там полная темнота, жуткая вонь и крысы. Поэтому лучше держаться отсюда подальше. Но самое главное, конечно, то, что вы можете потеряться. Такое уже раньше случалось?*

Случалось раньше, случалось раньше, случалось...

Конечно, случалось. На пути к логову Его, например, они видели гору костей с истлевшей материей на них.

Билл почувствовал панический страх, пытаясь подняться и вернуться обратно. Он толкал дверь, она поддавалась, но с трудом, и он чувствовал, что сзади есть какое-то живое существо, которое борется, извивается, стараясь вырваться. Ко всему прочему был еще немаловажный вопрос,

остающийся без ответа — убили они Оно, или нет. Ричи говорил, что да, Майк говорил — да, и Эдди говорил так же. Но ему не понравилось испуганное сомнение на лицах Беверли и Стэна, когда погасли последние спички и они стали ползти обратно через маленькую дверь в этой страшной разваливающейся паутине.

— Итак, что же нам сейчас делать? — спросил Стэн. Билл услышал испуганный дрожащий голос маленького мальчика и знал, что вопрос адресован непосредственно к нему.

— Да, — сказал Бен. — Что? Черт, хоть бы фонарик был.., или даже.., свечка.

Биллу послышалось, что сзади раздалось сдавленное рыдание. Это испугало его больше, чем что-нибудь еще. Бен бы очень удивился, узнав об этом, но Билл считал этого толстяка полным запаса энергии, он считал его гораздо сильнее Ричи и не способным так быстро сдаваться, как Стэн. И если даже Бен теряет силы, то значит, что они на краю какой-то очень большой неприятности. И Билл мысленно возвращался не к скелету того парня из «Водоканала», а к Тому Сойеру и Бекки Тэтчер, заблудившимися в пещере Мак-Дугласа. Он отбрасывал эту мысль, но она упрямо возвращалась.

Что-то еще беспокоило его, но это что-то было таким большим и смутным, что его усталый мозг отказывался разбираться. Возможно, именно простота этой мысли делала ее легко ускользающей: они отпадали друг от друга. Задача, которая держала их вместе все это долгое лето, была решена. Они встретили Оно и победили Его. Оно должно умереть, как считали Ричи и Эдди, или Оно было ранено так сильно, что будет спать еще сто лет или тысячу, или десять тысяч. Они встретились с Ним лицом к лицу, видели Его в последней маске, и Оно было достаточно жутким, о, конечно, но однажды увиденное, оно уже не казалось таким страшным в своей физической форме, поэтому самое сильное оружие они у Него отобрали. Все они, в конце концов, видели пауков прежде. Это странные, незнакомые, страшные существа, и он предполагал, что они больше никогда не смогут их видеть *(если мы когда-либо выберемся отсюда)* без дрожи омерзения. Но паук все-таки оставался пауком. Возможно, в конце, когда будут сорваны последние маски ужаса, не останется ничего, с чем бы человеческий мозг не смог бы примириться. Это была обнадеживающая мысль. Все, за исключением *(мертвые огоньки)* того, что было за этим, но, вероятно, даже это невообрази-

мое живое существо, которое корчилось сейчас за дверями к макрокосму, было мертвым или умирало. Мертвые огоньки и путешествие в черноту, к тому месту, где они были, становились уже едва различимыми, и их трудно было восстановить в памяти. Но все это было не то. Ощущение, прочувствованное, но не объясненное, заключалось в том, что их единение заканчивалось.., оно заканчивалось, но они все еще оставались в темноте. То Другое, через их дружбу, смогло сделать их больше, чем просто детьми. Но они становились детьми опять. И Билл чувствовал это, так же как и другие.

— И что теперь, Билл? — спросил Ричи, наконец прямо ставя вопрос.

— Я нннне знаю, — сказал Билл.

Заикание опять вернулось, тут как тут. Он услышал, и они услышали это. И он стоял в темноте, вдыхая запах их растущей паники, поражаясь, сколько еще пройдет времени, прежде чем один из них — наиболее вероятным было, что это будет Стэн, — поставит вопрос ребром: *Почему ты не знаешь? Ведь это ты втянул нас во все это!*

— А что с Генри? — с трудом произнес Майк. — Он еще там или нет?

— О, Господи, — сказал Эдди.., почти просто-

нал. — А я и забыл про *него. Конечно,* он там; может, тоже заблудился, и мы наткнемся на него в любое время... Боже, Билл, нет ли у тебя *какой-нибудь* идеи? Твой отец работает здесь! Неужели у тебя нет *никакой* идеи?

Билл прислушивался к отдаленному хлюпанью воды и старался придумать что-нибудь, чего Эдди и все они вправе были ожидать от него. Потому что, правильно, это он втянул всех во все это и он нес ответственность за то, чтобы вызволить их всех отсюда. Но ничего не приходило в голову. Ничего.

— У меня есть идея, — спокойно сказала Беверли. В темноте Билл услышал звук, который не мог определить сразу. Слабый шелестящий звук, но не пугающий. А потом еще более слабый звук.., расстегивающейся молнии. *Что?* -подумал он, а потом понял, что. Она раздевалась. По какой-то причине, она раздевалась.

— Что ты *делаешь?* -спросил Ричи, и его голос дрогнул на последнем слове.

— Я знаю кое-что, — сказал голос Беверли в темноте, и Билл почувствовал, что он принадлежит кому-то, кто старше их. — Я знаю, потому что мне сказал мой отец. Я знаю, как снова сделать, чтобы мы были вместе. А если мы не будем вместе, мы

никогда не выберемся отсюда.

— Что? — спросил Бен, пораженный и ужаснувшийся. — О чем ты говоришь?

— О том, что соединит нас навсегда. Что-то, что покажет нам...

— Нннет, Бббеверли! — сказал Билл, неожиданно понимая все.

— ..это покажет, что я всех вас люблю, — сказала Беверли, — что вы все мои друзья.

— Что она го... — начал Майк. Беверли спокойно прервала его.

— Кто первый? — спросила она. — Я думаю

8

В Логове/1985

он умирает, — зарыдала Беверли. — Его *рука.* Оно отгрызло его руку...

Она добралась до Билла, повисла на нем, и Билл обнял ее.

— *Оно опять удираеет!* -зарычал он. Он запачкал кровью губы и подбородок. — *Пппошли, Ричи. Бббен! На этот раз мы должны прикончить Его!*

Ричи повернул Билла к себе и посмотрел на него, как на безнадежно больного человека:

— Билл, мы должны позаботиться об Эдди. Мы должны сделать носилки и вынести его отсюда.

Но Беверли уже сидела, положив голову Эдди себе на колени, гладя его. Она закрыла ему глаза.

— Иди с Биллом, — сказала она. — Если мы допустим, чтобы он умер ни за что.., если Оно вернется через 25 лет или 50, или даже через две тысячи лет, я клянусь.., я сама буду являться вам, как привидение. *Идите!*

Ричи посмотрел на нее, не веря. Потом он увидел, что ее лицо теряет свою форму, становится все туманнее в наступающих тенях. Свет становился все слабее и слабее. И он решился.

— Хорошо, — сказал он Биллу. — На этот раз охотниками будем мы.

Бен стоял позади паутины, которая снова стала распадаться. Он также видел какие-то очертания, висящие высоко над ними, и молился, чтобы Билл не посмотрел вверх. Но когда сверху стали падать нити и клочья, и мотки паутины, Билл посмотрел.

Он увидел Одру, свисающую, как старая сломанная игрушка. Она стала падать, пролетела футов десять, остановилась, раскачиваясь из стороны в сторону, а потом пролетела еще футов пятнадцать. Лицо ее не менялось. Фарфорово-голубые глаза были широко открыты. Голые ноги раскачивались, как маятник. Волосы падали на

плечи. Рот приоткрыт.

— *ОДРА!* -закричал он.

— Билл, пойдем! — закричал и Бен.

Паутина падала и падала на них, отпадала на пол и начинала течь. Неожиданно Ричи схватил Билла за талию и толкнул его вперед, подпрыгнув на высоту десять футов одним прыжком от пола до начала переплетения паутины, свисающей вниз.

— Пойдем, Билл, давай, давай!

— *Это Одра!* -в отчаянии кричал Билл. — *Эээто ОДРА!*

— А я и не говорю, что это Папа Римский, — угрюмо сказал Ричи. — Эдди мертв, и мы собираемся убить Его, если Оно еще до сих пор живо. На этот раз нам нужно закончить работу, Большой Билл. Жива она или нет. Теперь *пошли!*

Билл еще несколько мгновений стоял, глядя назад, а затем образы всех детей, убитых детей, казалось, прошли перед его мысленным взором, как на той потерянной фотографии из альбома Джорджи.

ШКОЛЬНЫЕ ДРУЗЬЯ.

— Ххорошо. Пойдем. Прости меня, Господи!

Они с Ричи пробежали под свисающей, начинающей падать паутиной и догнали Бена на другой

стороне. Они бежали за Ним, в то время как Одра висела и раскачивалась в 50 футах от каменного пола, завернутая в кокон, который был привязан к распадающейся паутине.

9

Бен

Они шли по следам черной крови, оставленной Им, — нефтяные лужи сукровицы, которые стекали и просачивались в трещины в полу. Но когда пол начал подниматься к полукружию отверстия в черноту, в самом дальнем конце логова, Бен увидел нечто новое: следы от яиц. Каждое из них было черное и с грубой скорлупой и такие большие, как страусиные. Восковой свет исходил от них самих. Бен понял, что они сами были полупрозрачными; он видел черные фигуры, двигающиеся внутри.

Это дети Его, -подумал он, чувствуя растущее отвращение. — *Это ублюдки Его. Боже! Боже!*

Ричи и Билл остановились и уставились на яйца глупо и с каким-то удивлением.

— Давайте, давайте! — кричал Бен. — Я ими займусь!

— Давай! — крикнул Ричи и бросил Бену коробок спичек из городской гостиницы Дерри.

Бен поймал их. Билл и Ричи продолжили свой бег. Бен немного понаблюдал за их исчезновением в быстро гаснущем свете. Они бежали в темноту, где скрывалось Оно. Затем он посмотрел на первое яйцо с тонкой скорлупой, с черной тенью внутри и почувствовал, что его решимость пропадает. Их было.., слишком много. Это было слишком ужасно. Они наверняка умрут и без его помощи, большинство из них было уже разбито.

Ему приходил конец.., а если даже одно из них будет способно выжить.., даже одно...

Призвав всю свою храбрость, вспомнив бледное, лицо умирающего Эдди, Бен поднял ногу, обутую в лыжные ботинки, над первым яйцом. Оно разбилось с хлюпающим взвизгом, и какая-то вонючая плацента потекла вокруг его ботинка. Потом паук, размером с крысу, слабо пополз по полу, стараясь удрать, и Бен слышал в своем мозгу высокие мяукающие звуки, похожие на звуки пилы, быстро двигающейся туда-сюда, создающей призрачную музыку.

Бен наклонился за своей ногой, ощущая ее, как ходулю, и снова наступил на паука. Он чувствовал, как тело паука хрустнуло и расползлось под каблуком. Он как следует надавил и на этот раз не мог убрать ногу. Его вырвало, он потряс ногой,

вытирая ее о камень, прислушиваясь к слабеющим звукам в своей голове.

Сколько их? Сколько этих яиц? Кажется я где-то читал, что пауки могут откладывать тысячи.., или миллионы яиц? Я не смогу сделать это. Я сойду с ума...

Ты должен. Ты должен. Продолжай, Бен.., сделаем это вместе!

Он подошел к следующему яйцу и сделал то же самое в гаснущем свете. Все повторилось: хрустнувший треск, пронзительное зловоние жидкости, звуки умирания. Следующее. Следующее. Он медленно приближался к черной арке, в которой исчезли его друзья. Была полная темнота, Беверли и разлагающаяся паутина остались где-то позади. Он снова слышал шепот умирания. Яйца оставались мертвенно-бледными камнями в темноте. Как только он подходил к одному из них, он зажигал спичку и держал, пока она не гасла. В каждом случае он успевал проследить за всем процессом и раздавить яйцо прежде, чем гасла спичка. Он не знал, что будет делать, когда спички кончатся, а яйца не все будут раздавлены.

Оно/1985

Они все еще идут.

Оно чувствовало, что они Его преследуют, приближаются, и страх нарастал. Наверное, Оно не было вечно — немыслимое в конце концов должно быть осмысленным. Хуже всего, что Оно почувствовало смерть своих детенышей. Третий из этих ненавистных мужчин-мальчишек настойчиво следовал по пятам за ее детенышами; почти обезумевший от отвращения, он продолжал методически затаптывать жизнь каждого из яиц Его.

Нет! Оно вопило, накреняясь то в одну сторону, то в другую, чувствуя, что жизнь уходит, вытекая вместе с кровью из сотен ран, ни одна из которых не была смертельной, но каждая как песнь собственной боли задерживала Его. Одна из ног Его висела, как кусок мяса. Один глаз ослеп. Оно чувствовало, что внутри все порвано; один из этих ненавистных мужчин-мальчишек умудрился ударить Его в глотку.

И они все еще идут, сокращая расстояние, и как это произойдет? Оно стонало и мяукало, а когда почувствовало, что они уже рядом, сзади. Оно сделало единственное, что могло, — повернулось, чтобы бороться.

11

Беверли

Прежде чем последние огоньки исчезли и полная темнота опустилась, она увидела жену Билла, которая пролетела еще футов двадцать и затем повисла снова. Она начала вращаться, длинные рыжие волосы веером неслись за ней. *Его жена,* -подумала она. — *Но я были его первой любовью, и если он думает, что какая-то другая женщина была его первой, это случилось только потому, что он забыл.., забыл Дерри.*

И она была одна в темноте, только звуки падающей паутины и неподвижное тело Эдди. Она не хотела опускать его, не хотела, чтобы его лицо оказалось на полу в таком месте. Поэтому она держала его голову на согнутой руке, которая уже почти онемела. Убрала волосы с его лба. Думала о птицах.., это было что-то, как она предполагала, что осталось у нее от Стэна. Бедный Стэн, он не увидит этого.

Все они... Я была первой любовью для них всех.

Она старалась оживить воспоминания, о которых было приятно думать в темноте, куда не проникали звуки. Тогда она не чувствовала бы себя такой одинокой. Сначала в голове преобла-

дали образы птиц — вороны, сороки, скворцы, весенние птицы, которые прилетают откуда-то, когда улицы полны тающего снега, бегут ручьи и только отдельные грязные кучи снега лежат в тени.

Ей казалось, что они прилетали всегда в облачные дни, и она не могла понять, откуда они брались. Вдруг они появлялись в Дерри, наполняя улицы своим оживленным криком. Они сидели на телефонных проводах, на крышах викторианских домов на Западном Бродвее, дрались за места на алюминиевых проволоках антенн телевидения в начале Вэлли-Спа, тяжело повисали на ветвях кленов по Нижней Мейн-стрит. Они рассаживались и перекликались друг с другом пронзительными голосами, как старые сельские кумушки на еженедельных играх «Бинго», а потом, по какому-то сигналу, недоступному человеческому уху, вдруг снимались с места и заполняли небо своими черными телами и крыльями.., и улетали куда-то еще.

Да, птицы, я думала о них, потому что мне было стыдно. Это отец, заставлял меня стыдиться, я думаю, а может быть, и Оно. Может быть.

Она стала вспоминать — сначала птицы, потом

воспоминания. Но они были такими туманными, бессвязными. Наверное, они и всегда будут такими. Она...

Ее мысли прервались, когда она поняла, что Эдди

12

Любовь и Желание, 10 августа 1958 года

пришел первым, потому что был больше всех испуган. *Он пришел к ней не как друг, проведший с ней целое лето, не как ее нечаянный любовник, но как он приходил к своей матери три или четыре года тому назад — за утешением; он не отшатнулся от ее гладкой обнаженности, сначала она даже подумала, что он ее не чувствует. Он дрожит, и хотя она держит его в своих объятиях, но кромешная тьма не позволяет ей увидеть его.*

— Что ты хочешь? — спрашивает он ее.

— Ты должен засунуть свою штучку в меня, — говорит она. Он старается оттолкнуть ее, но она держит его, и он опускается на нее. Она услышала, что кто-то — она думает, что этоБен, — задохнулся.

— Бевви, я не могу сделать этого, я не знаю, как...

— Я думаю, это просто, только ты должен раз-

деться, — она думает о сложностях с гипсовой повязкой, рубашкой, это сначала разъединяет их, потом опять соединяет и пугает.

— Хотя бы брюки.

— Нет, я не могу.

Но она думает, что часть его самого может и хочет, потом его дрожь прекращается, и она чувствует, как что-то маленькое и твердое прижимается к правой стороне ее живота.

— Ты можешь, — говорит она и притягивает его к себе.

Поверхность, на которой она лежит, твердая, глинистая и сухая. Отдаленный шум воды навевает дремоту и успокаивает. Она дотягивается до него. На какой-то момент появляется лицо ее отца, строгое и обвиняющее (Я хочу посмотреть, девственна ли ты?) *а потом она обнимает Эдди за шею, ее гладкая щека прижимается, к его гладкой щеке, и когда он нежно дотрагивается до ее маленькой груди, она вздыхает и думает:* Это Эдди *— и вспоминает день в июле — неужели только месяц прошел? — когда никто, кроме него, не вернулся в Барренс, и у него была целая стопка юмористических книжек «Литл Лулу», и они вместе читали целый день, как Маленькая Лулу собирала землянику и вляпалась во все эти*

невероятные истории, и про ведьму Хэзл. Было очень весело.

Она думает о птицах; особенно о грачах, скворцах и воронах, которые возвращаются весной, а руки ее тянутся к ремню и расстегивают его, а он опять говорит, что не может сделать этого; она говорит, что он может, она знает, что он может, и то, что она чувствует, не стыд или страх, а что-то вроде триумфа.

— Куда? — говорит он, и эта твердая штучка настойчиво толкается между ее ног.

— Сюда, — говорит она.

— Бевви, но я на тебя упаду, — говорит он, и она слышит его свистящее дыхания– Я думаю, так и надо, — говорит она и держит его нежно, и направляет его.

Он толкает слишком быстро и делается больно.

— С-с-с-с-с! — она сдерживает дыхание и кусает нижнюю губу и снова думает о птицах, о весенних птицах, сидящих на коньках домов, и сразу же взлетающих под низкие мартовские облака.

— Беверли, — спрашивает он неуверенно, — с тобой все в порядке?

— Помедленнее, — говорит она, — тебе легче будет дышать.

Он движется медленнее, и через мгновение его дыхание учащается, и она понимает, что это не потому, что с ним что-то не в порядке.

Боль ослабевает. Неожиданно он начинает двигаться быстрее, затем останавливается, застывает и издает звук, какой-то звук. Она чувствует, что это для него нечто необычное, чрезвычайное, что-то вроде.., полета. Она чувствует себя сильной; она ощущает внутри себя ликование. Неужели этого так боялся ее отец? Да, он должен был. В этом есть какая-то сила, сила разорванных оков, это глубоко в крови. Она не чувствует физического наслаждения, а только какой-то умственный экстаз. Она чувствует близость. Она держит его, а он прижимает лицо к ее шее. Он плачет. Она поддерживает его и чувствует, что та часть его, которая их связывала, начинает ослабевать, не уходит из нее, а просто начинает ослабевать, становится меньше.

Когда он отодвигается, она садится и трогает его лицо в темноте.

— Получилось?

— Что получилось?

— Что должно было, я не знаю точно. Он качает головой — она чувствует руками, дотрагиваясь до его щеки,– Я точно не знаю, было ли

*это как.., ты знаешь, как большие мальчишки говорят. Но это.., было действительно что-то.*Он говорит тихо, чтобы не услышали остальные:

— Я тебя люблю, Беверли.

Она задумывается. Она совершенно уверена, что они все об этом говорят, кто шепотом, кто вслух, и она не может вспомнить, что говорят. Это не имеет значения. Нужно ли говорить каждому все сначала?

Да, наверное, но это не имеет значения. Они должны говорить об этом, это подлинная, человеческая связь между бытием и небытием, единственное место, где кровоток соприкасается с вечностью. Это не имеет значения. Значение имеет только любовь и желание. В этой темноте так же хорошо, как и в любом другом месте. Даже лучше, может быть.

Потом приходит Майк, потом Ричи. И все повторяется. Сейчас она чувствует некоторое удовольствие. Смутное тепло в ее детском незрелом существе, и она закрывает глаза, когда к ней подходит Стэн, и думает о птицах, весенних птицах, она видит их снова и снова, все сразу же освещается, заполняя обнаженные зимой деревья, вестники самого неистового времени года; она видит, как они взмывают в небо снова и снова,

плеск их крыльев, как хлопанье простыней на веревках, и она думает: Через месяц у каждого ребенка в Парке-Дерри будет воздушный змей, они будут бегать, держась за веревки, чтобы они не перепутались друг с другом. *Она думает:* Вот, что означает полет.

Со *Стэном, как и с другими, она чувствует это ощущение разочарованности от ослабления, ухода от того, в чем они действительно нуждаются, чего они ждут от этого действия, какой-то предел — близкий, но не найденный.*

*— Получилось? — снова спрашивает она, и хотя сама не знает, точно, что «получилось», но понимает, что не получилось. Она долго ждет, и наконец приходит Бен.*Он дрожит с ног до головы, но это не от страха, как у Стэна.

— Беверли, — говорит он, — я не могу.

— Ты можешь, я чувствую.

Она уверена, что он может. Он был сильнее и больше всех. Она могла почувствовать это по мягкому толчку его живота. Размер его вызвал некоторое удивление, и она слегка потрогала рукой эту выпуклость. Он застонал ей в шею, и от его дыхания тело ее покрылось мурашками. Она почувствовала первую волну настоящего жара в себе — неожиданно чувство это в ней стало на-

растать; она поняла, что это было у него очень большое(если он такой большой, как же это все может поместиться в ней?)слишком взрослый для нее, что-то как у Генри, восьмого размера, что-то, что не предназначено для детей, что может взорвать и разорвать. Но не было ни времени, ни места думать об этом; здесь была любовь и было желание, и темнота. Если бы они не попробовали, они бы, наверное, оставили это.

— Беверли, не надо...

— Надо.

— Я...

— Покажи мне, как надо летать, — сказала она со спокойствием, которого не чувствовала, зная, по мокрой теплоте на шее и щеках, что он плачет. — Покажи мне, Бен.

— Нет...

— Если ты написал стихотворение, покажи мне. Потрогай мои волосы, если хочешь, Бен. Все в порядке.

— Беверли, я.., я...

Сейчас он не дрожал, его трясло с ног до головы. Но она понимала, что это не страх, — та часть его тела, которая говорила, что сможет сделать все... Она думала о(птицах)его лицо, его дорогое, честное лицо, и она знала, что это не страх; это

желание, глубокая страсть, и она почувствовала ощущение силы в себе опять, что-то вроде полета, как полет, будто смотришь сверху и видишь птиц на крышах, на телевизионной антенне над Вэлли, видишь улицы, как на карте; желание, да, это было что-то, это была любовь и желание, которое научило летать.

— Бен! Да! — вскрикнула она, и все, что сдерживало его, прорвалось.

Она снова почувствовала боль, и на миг ей показалось и она испугалась, что у нее все порвется и он ее раздавит. Но он приподнялся на руках, и это ощущение прошло.

Да, он большой, боль вернулась, и она была гораздо глубже, чем тогда, когда Эдди первый раз вошел в нее. Ей снова пришлось закусить губу, чтобы не закричать и думать о птицах, пока не прошло это горение. Но оно продолжалось, и ей пришлось дотронуться до его губ пальцем, и он застонал.

Жар снова вернулся, и она снова почувствовала, что ее сила передается ему, она отдавала ее с радостью и устремлялась ему навстречу. Появилось первое впечатление раскачивания, восхитительной сладости, которая заставила ее беспомощно поворачивать голову из сторо-

ны в сторону, и стон вырвался из ее сомкнутых губ. Это был полет, это, о любовь, о желание, невозможно выразить словами — принимать и давать, замкнутый круг: принимать, давать.., летать.

— О, Бен! Мой дорогой, да, — шептала она, чувствуя, что след этой сладостной связи остается у нее на лице, что-то вроде вечности, восьмой размер раздавил ее.

— Я так люблю тебя, дорогой.

И она поняла, что происходит то, о чем шептались девчонки и хихикали о сексе в женском туалете, но это совсем не то, насколько она теперь понимала; они только восхищались, как замечателен может быть секс, а она сейчас понимала, что для многих из них секс так и останется непонятным и неприятным чудищем. Они говорили о нем — Это. Будете заниматься Этим. А твоя сестра и ее мальчик занимаются Этим? А твои родители еще занимаются Этим? И как они никогда не собираются заниматься Этим. О, да, и можно было подумать, что все девчонки из пятого класса останутся старыми девами, и для Беверли было ясно, что никто из них даже не мог подозревать об этом.., пришла она к такому заключению и удержалась от крика только по-

тому, что знала, что остальные будут слышать и подумают, что ей больно. Она закрыла рот рукой и стала кусать ладонь. Теперь она лучше понимала смешки Греты Бови и Салли Мюллер, и всех других: не провели ли они, все семеро, все это длинное лето, самое длинное в своей жизни, смеясь, как помешанные? Вы смеетесь, потому что все страшное и неизвестное — смешно, вы смеетесь, как иногда маленькие детишки смеются и плачут в одно и то же время, когда подходит цирковой клоун, зная, что здесь нужно смеяться.., но это тоже неизвестность, полная неизвестной вечной мощи.

То, что она кусала руку, не смогло остановить ее крик, и она, чтобы не испугать их всех и Бена, кричала в темноту: Да! Да! Да!

Восхитительные образы полета смешались у нее в голове с карканьем ворон и криками грачей и скворцов: эти звуки стали для нее самой прекрасной музыкой в мире.

Она летела и летела вверх, и сила была не у нее и не у него, а где-то между ними, и он тоже закричал, и она чувствовала, как дрожат его руки, она обвилась вокруг него, чувствуя спазм, его тело, его полное слияние с ней в темноте. И они ворвались вместе в этот живоносный свет.

Потом все было кончено, и они лежали в объятиях друг друга, и когда он хотел что-то сказать — наверное, какие-то глупые извинения, что нарушило бы все впечатление, какие-то жалкиеизвинения, как наручники, — она остановила слова поцелуем и отпустила его.

К *ней подошел Билл.*

Он старался что-то сказать, но заикание было очень сильным.

— Успокойся, — сказала она, уверенная от своего нового опыта, но она также знала, что устала. Устала и вся мокрая. Все внутри и снаружи было мокрым и липким, и она подумала, что это может быть от того, что Бен действительно кончил, а может быть, потому, что у нее началось кровотечение. — Все будет нормально.

— Ааа ттты уууверена?

— Да, — сказала она и сцепила руки вокруг его шеи, чувствуя приятный запах его спутанных волос. — Только ты будь уверен.

— Ааа эээто...

— Шшшшш...

Это было не так, как с Беном, была страсть, но другого рода. То, что Билл был последним, стало лучшим завершением всего. Он добрый, нежный, спокойный. Она чувствовала его готовность, но

она сдерживалась его внимательностью и беспокойством за нее, потому что только Билл и она сама понимали, что это за грандиозный акт и что об этом нельзя никогда никому говорить, даже друг другу.

В *конце она удивилась тому неожиданному подъему, она даже подумала:* Да! Это должно случиться еще раз, не знаю, как я выдержу это...

Но ее мысли были вытеснены абсолютным удовольствием, и она услышала, как он шепчет: «Я люблю тебя, Бев, я люблю тебя и всегда буду любить тебя» — он повторял это снова и снова и совсем не заикался.

Она прижала его к себе, и они некоторое время так и лежали — щека к щеке.

Он молча отошел от нее, и она осталась одна. Натянула на себя одежду, медленно застегивая каждую вещь. Она чувствовала боль, которую они, будучи мужчинами, никогда не почувствуют. Она ощущала также усталое удовольствие и облегчение, что все кончено. Внутри у нее была пустота, и хотя она радовалась, что все стало опять на свои места, эта пустота внутри вызывала какую-то странную меланхолию, которую она никогда не могла выразить.., за исключением того, что она думала об обнаженных деревьях под

белым зимним небом, пустых деревьях, ждущих, что прилетят эти черные птицы и рассядутся, как министры, это будет в конце марта, и птицы будут предвестниками смерти снега. Она нашла их, нащупывая руками.

Какое-то время все молчали, а когда кто-то заговорил, ее не удивило, что это был Эдди.

— Я думаю, если мы пройдем два поворота и повернем налево... Господи, я же знал *это, но я тогда так устал и испугался...*

— Пугайся хоть всю жизнь, Эд, — сказал Ричи. Его голос был довольным. Паника исчезла полностью.

— Мы пошли неправильно и в некоторых других местах, — сказал Эдди, не обращая на него внимания, — но это самый худший путь. Если мы выберемся с этого места, остальное будет уже легче.

Они выстроились в нестройную колонну, Эдди — первым, Беверли вторая, ее руки лежали на плечах Эдди, а руки Майка на ее плечах. Они снова стали двигаться, на этот раз быстрее. Эдди больше не нервничал.

Мы идем домой, — *подумала она и вздрогнула от облегчения и радости.* -Домой, да. И все будет хорошо. Мы сделали свое дело, за которым при-

шли, а теперь мы возвращаемся, чтобы снова быть детьми. И это тоже будет хорошо.

И когда они шли сквозь тьму, она поняла, что звуки бегущей воды стали ближе.

Глава 23. ВЫХОД

1

Дерри/9.00-10.00 утра

К десяти минутам десятого скорость ветра в Дерри зафиксировалась в среднем на 55 милях в час; порывы достигали 70 миль.

Анемометр зафиксировал один порыв в 81 милю, а затем стрелка упала до нуля. Ветер вырвал куполообразный прибор с крыши здания, где он был прикреплен, и зашвырнул его куда-то в дождливые сумерки дня.

Как и лодочку Джорджи, его никто никогда больше не видел. К девяти тридцати случилось то, что считалось невозможным, в чем Управление Водоканала Дерри могло присягнуть и клялось, что этого не случится, а именно: затопление всех окраин Дерри впервые после августа 1958 года, когда старая канализация переполнилась во время урагана и ливня. Без четверти десять подъехали на автомобилях люди с угрюмыми лицами и расставили свои грузовики по обеим сторонам Канала; метеорологические приборы зашкаливало от сумасшедшего ветра. Впервые

с октября 1957 года стали укладывать мешки с песком, чтобы укрепить цементную набережную Канала. Арка, откуда Канал разветвлялся на три стороны, в самом центре окраины Дерри была почти полностью затоплена. По Мейн-стрит, Канал-стрит и у подножия Ап-Майл-Хилла нельзя было проехать, только пройти пешком, и те, кто торопился пройти по этим улицам, где в полном разгаре была работа по укреплению набережных мешками с песком, чувствовали, как земля под ногами дрожит от страшных потоков воды, на главной магистрали от проезжающих грузовиков. Но эти вибрации были постоянными, и люди стремились перейти на северную часть, подальше от страшного сотрясения, которое скорее можно было почувствовать, а не услышать. Гарольд Гардинер кричал Альфреду Зитнеру, у которого была недвижимость на западной стороне города, спрашивая его, разрушатся ли дома на этих улицах? Зитнер сказал, что мир перевернется, если такое произойдет, а ад замерзнет. Гарольд живо представил себе Адольфа Гитлера и Иуду Искариота на коньках, а потом опять стал таскать мешки с песком. Сейчас вода была не меньше чем на три дюйма выше цементных стен Канала. В Барренсе Кендускеаг уже вышел

из берегов, и можно было предположить, что к полудню все зеленое великолепие — кустарники и деревья — скроется под водой этого огромного озера. Люди продолжали работать, отдыхая только тогда, когда кончался запас мешков с песком, а без десяти десять их мороз продрал по коже от страшного скрежещущего звука. Позже Гарольд Гардинер рассказывал своей жене, что он подумал, что наступает конец света.

Не вся окраина города падала наземь, только водонапорная башня. Это видел один Эндрю Кин, внук Норберта Кина; только он видел, как это случилось, но в это утро он перекурил сигарет и сначала подумал, что у него начались галлюцинации. Он шлялся по ураганным улицам Дерри уже с восьми часов утра, как раз в то время, когда доктор Хэйл был вознесен от своей медицинской практики на небеса. Он вымок до костей (за исключением мешочка с травкой на две унции, привязанного под мышкой), но в общем не замечал этого. Он не мог поверить своим глазам. Он подошел к Мемориальному парку, который стоял на склоне горы с водонапорной башней. И может быть, он ошибался, но водонапорная башня дала заметный *крен,* как та чертова Пизанская башня, которую можно видеть на всех

макаронных коробках. "О, *вот это да!"* -закричал Эндрю Кин, его глаза вылезли из орбит — как будто они были привязаны на струне, — как только он услышал этот оглушающий звук. Угол наклона башни становился все больше. А он стоял там, джинсы прилипли к тощим ногам, а с повязки на голове капала вода прямо в глаза. Куски белой штукатурки отлетали от стен огромной круглой водонапорной башни по всему радиусу.., нет, отлетали — не то слово, они *струились со* стен. В двадцати футах от фундамента появилась большая трещина. Вода начала литься через эту трещину, и теперь штукатурка не струилась со стен башни, она просто извергалась прямо в потоки воды. Из башни стали слышны звуки разрывов, и Эндрю *увидел,* что она начинает двигаться, как стрелки гигантских часов наклоняются от двенадцати к часу, а потом к двум. Мешочек с травкой оторвался и упал внутрь рубашки, а он даже не заметил. Он стоял как зачарованный. Громкие гудящие звуки неслись изнутри башни, как будто струны самой огромной в мире гитары разрывались одна за другой. Внутри цилиндра были натянуты провода, чтобы обеспечить лучший баланс против давления воды. Водонапорная башня стала накреняться

все быстрее и быстрее, доски и балки трескались на части, кружась, кувыркаясь в воздухе.

«ЧЕРТ ПОДЕРИ!» -закричал Эндрю, но звук его голоса затерялся и утонул в финальном оглушительном, разбивающем все и вся падении башни и в нарастающем звуке одного с двумя четвертями миллиона галлонов, семью тысячами тонн воды, извергающейся из проломленной стены башни. Она набегала гигантской серой приливной волной, и, конечно же, если бы Эндрю Кин находился на стороне, где стояла башня, он бы и минуты больше не просуществовал. Но, как известно, Господь оберегает пьяниц, маленьких детей и шизофреников; Эндрю стоял как раз в таком месте, где он мог видеть все, а его не коснулась ни одна капля воды из башни. *«ЧЕРТ ПОДЕРИ ВСЕ ЭТИ ДЕЛА!»* -заорал Эндрю, когда волна покатилась вдоль Мемориального парка, смыв на своем пути солнечные часы, около которых частенько простаивал маленький мальчик Стэн Урис, наблюдая за птицами в полевой бинокль своего отца. *«СТИВЕН СПИЛЛБЕРГ СЪЕСТ СВОЮ ШЛЯПУ!»* Каменная кормушка тоже была снесена водой. Эндрю видел некоторое время, как она раскачивалась, — подставка в одну сторону, блюдо в другую, потом наоборот, — а потом все исчезло.

Кленовая и березовая аллеи, отделяющие Мемориальный парк от Канзас-стрит были смыты, как игрушечные кегли. За ними жутким клубком катились спутанные столбы электропередач. Вода покатила свои волны вдоль улицы, начиная растекаться, становясь похожей просто на воду, а не на вздымающуюся стену, которая смыла солнечные часы и кормушку для птиц, и деревья, но она была еще достаточно мощной, чтобы снести дюжину домов в конце Канзас-стрит с их фундаментов прямо в Барренс. И они поплыли с удивительной легкостью, большинство из них даже не разрушилось.

Эндрю Кин узнал один из них, принадлежащий семье Карла Массенсика, Мистер Массенсик был его учителем в шестом классе — настоящий пес. Когда дом проплывал мимо него, Эндрю заметил свечу, ярко горящую в одном из окон, но потом он подумал, что мог вообразить это себе, если, рассмотреть этот вопрос иначе. А со стороны Барренса раздался звук взрыва и резкий выброс желтого пламени, будто кто-то поджег газовый фонарь Колмэна и бросил в разбитую нефтяную цистерну. Эндрю смотрел на нижнюю часть Канзас-стрит, где только сорок секунд назад стояли стройной линией дома вполне зажиточных, сред-

него класса жителей. Теперь это стало мертвым городом, и в это невозможно было поверить. На месте этих домов разверзлось десять огромных ям, выглядевших как плавательные бассейны. Эндрю хотел еще раз выразить свое мнение по этому поводу, но не смог. Кажется, все его крики на этом и закончились. Диафрагма опустилась и ослабела. Он услышал еще целую серию разрывов; звуки, похожие на то, будто гигант в башмаках, полных гальки и камней, идет вниз по лестнице. Это катилась вниз с горы водонапорная башня, чудовищный белый цилиндр, из которого выливались остатки воды, толстые провода и кабели, которые помогали сдерживать стены вместе, летели по воздуху, а затем падали на мягкую землю, оставляя на ней рваные туннели, которые тут же заполнялись водой. Эндрю наблюдал все это, задрав голову так, что она находилась где-то около позвоночника. Водонапорная башня сейчас была в горизонтальном положении; более ста двадцати пяти футов она летела по воздуху. На миг показалось, что она так и замерла в этом положении — сюрреалистический образ, прямо с резиновых стен сумасшедшего дома, — дождевая вода сверкает на разбитых стенах, все окна выбиты, висят оконные рамы, предупредительный

фонарь на верхушке для низко летящих самолетов все еще горит. А потом она падает на улицу с последним оглушительным звуком. На Канзас-стрит и так было полно воды, а тут она начала рваться дальше по дороге к Ап-Майл-Хиллу. *Там должны тоже быть дома,* -подумал Эндрю Кин, и неожиданно силы покинули его. Он тяжело сел прямо в лужу. Он смотрел на разрушенный каменный фундамент, на котором водонапорная башня стояла всю его сознательную жизнь. Он сомневался, что кто-нибудь, когда-нибудь поверит ему. Он сомневался, верит ли он сам своим глазам.

2

Убийство, 10.02 утра, 31 мая 1985 года

Билл и Ричи видели, как Оно повернулось к ним, рот Оно открывался и закрывался, один здоровый глаз уставился на них, и Билл понял, что Оно истощило все ресурсы собственного освещения, как какой-нибудь светлячок. Но все-таки свет был — мигающий и туманный. Оно было тяжело ранено. Мысли Его гудели и отдавались *(отпустите меня! отпустите меня! отпустите меня! и у вас будет все, что захотите — деньги, счастье, карьера, власть — Я все могу дать вам)*

в голове.

Билл двигался вперед с пустыми руками, его глаза в упор смотрели в единственный красный глаз Оно. Он чувствовал мощь, нарастающую мощь внутри себя, наполняющую его, превращающую руки в натянутые струны, каждый кулак в отдельно взятую силу. Ричи шагал рядом с ним, скривив губы.

(*Я отдам тебе твою жену, я могу сделать это, только я — она ничего не вспомнит, как вы семеро ничего не помнили)* Сейчас они были близко, очень близко. Билл чувствовал зловонный запах Его и понял с внезапным ужасом, что это был запах Барренса, запах, который они принимали за вонь канализационных труб и грязных ручейков.., но верили ли они когда-либо во все, что с ними тогда случилось? Это был запах Его, и, наверное, самым сильным он был в Барренсе, впрочем, запах этот висел над всем Дерри как облако, и люди уже не чувствовали его, так работники зоопарков привыкают к запаху зверей и только удивляются, почему посетители морщат носы, когда входят.

— Нас двое, — пробормотал он Ричи, и Ричи кивнул, не отрывая глаз от Паука, который сейчас же отпрянул от них.

Оно вращало своими отвратительными конечностями, издавая клацающие звуки; наконец Оно вынуждено было принять бой.

(*Я могу дать вам бессмертие — просто коснусь вас и вы будете жить сколько захотите, хотите 200 лет, хотите 300, а хотите 500, — я могу сделать вас богами на земле, если вы меня отпустите, если вы меня отпустите, если вы меня отпустите)* — Билл? — спросил Ричи хрипло.

С криком, нарастающим в нем, нарастающим, нарастающим.

Билл пошел вперед. Ричи бежал рядом с ним бок о бок. Они вместе ударили правыми кулаками, но Билл понимал, что на самом деле это не кулаки, это была их общая сила, подкрепленная силой того Другого, это была сила памяти и воли; это была сила их любви и их незабываемого детства.

Визг Паука наполнил голову Билла, будто распарывая его мозги. Он чувствовал, что его кулак глубоко пронзает какую-то содрогающуюся влажность. Рука его погрузилась туда по плечо. Он вытащил ее, отряхивая черную кровь Паука. Из дыры, которую он пробил, потекла сукровица.

Он видел Ричи, стоящего как раз под самым телом Паука, покрытого с ног до головы его мер-

цающей кровью. Ричи стоял в классической стойке боксера, молотя Паука кулаками.

Паук стремился достать их своими лапами. Билл почувствовал, что одна из них порвала ему рубашку и кожу. Жало Оно бесполезно ударяло по полу. Крики Его колоколами стучали в голове. Оно неуклюже наклонилось вперед, стараясь ухватиться за него, но вместо того, чтобы отступить, Билл рванулся вперед, работая не кулаками, а всем телом, как торпедой. Он влетел в глотку Его, как спринтер на дистанции, наклонив плечи, головой вперед.

На мгновение он почувствовал, что вонючая плоть Его просто поддается, как бы пропуская его насквозь. Со сдавленным криком он стал работать руками и ногами, разрывая внутренности Его. И он выбрался, весь покрытый Его горячими кишками. Жидкость капала по лицу, заливала уши. Он высмаркивал ее из носа тонкими струйками.

Снова он был в черноте, по плечи внутри конвульсивно извивающегося тела Его. А в заложенных ушах раздавалось — *бам, бам, бам, бам,* -как басовые барабаны, возглавляющие цирковую процессию. Это были звуки сердца Его.

Он услышал крик Ричи, крик неожиданной

боли, звук, который поднимался, превращаясь в стон, который внезапно оборвался. Билл выбросил оба своих кулака вперед. Он задыхался, давился в пульсирующем мешке гортани, наполненном жидкостью.

БАМ БАМ БАМ БАМ БАМ бам бам бам

Он вцепился в Оно, разрывая на части, раздирая, в поисках источника звука; он разрушал и крушил органы, пальцы его сжимались и разжимались; казалось, грудь его вот-вот разорвется от недостатка воздуха.

БАМбамБАМбамБАМбам

И вдруг оно было в его руках, огромное, живое, то, что стучало и пульсировало в его ладонях, толкая их туда-сюда.

(НЕТНЕТНЕТНЕТНЕТНЕТ)

— *Да!* -кричал Билл, задыхаясь и захлебываясь.

Попробуй уйди, ты сучка! Попробуй удери! ЧТО, НРАВИТСЯ? ТЫ ЭТО ЛЮБИШЬ? А?

Он обхватил пальцами пульсирующую плоть сердца Его, а потом сжал со всей силой, на которую был способен.

Раздался последний пронзительный крик боли и ужаса, когда сердце Его трепыхалось в его руках, а затем разорвалось между пальцами, вытекая сквозь них медленными струйками.

Крик, слабее, тише... Билл почувствовал, как тело Его неожиданно сжалось вокруг него, как рука в тесной перчатке. Потом все ослабло. Ему становилось ясно, что Оно опадает, медленно кренясь в одну сторону. Одновременно он стал выбираться, так как начинал терять сознание.

Паук содрогался в последних судорогах на боку — гигантская куча вонючего мяса. Ноги еще подергивались и подрагивали, беспомощно царапая пол в беспорядочном движении.

Билл выбрался наружу, судорожно дыша, отплевываясь, чтобы очистить рот от ужасной плоти Его. Он запнулся в собственных ногах и упал на колени.

И тут он ясно услышал Голос Другого: Черепаха, должно быть, умерла, но это было то, что заменило ее.

«Сынок, ты действительно хорошо поработал».

Затем все прошло. Силы возвращались к нему. Но он все еще чувствовал себя слабым, подавленным, в полубессознательном состоянии.

Он посмотрел через плечо и увидел черную кучу ночных кошмаров, умирающего Паука, все еще подергивающегося и содрогающегося.

— *Ричи!* -закричал он хриплым сорванным

голосом. — *Ричи, где ты?*

Нет ответа.

Свет исчез. Умер вместе с Пауком. Он похлопал по карману рубашки; там был последний коробок спичек, но он не мог зажечь ни одной — они промокли от крови.

— *Ричи!* -снова закричал он, начиная рыдать.

Он пополз вперед, одна рука вперед, потом другая — в темноте. Наконец одной рукой он наткнулся на что-то, что вяло отозвалось на его прикосновение. Он стал нащупывать.., и остановился, когда дотронулся до лица Ричи.

— *Ричи! Ричи!*

Опять нет ответа Едва двигаясь в темноте, Билл одной рукой обхватил Ричи за спину, другой под колени. Он с трудом встал на ноги и медленно, спотыкаясь, поплелся обратно.

3

Дерри/10.15 утра

В 10.00 сильные колебания, которые сотрясали окраины Дерри, усилились и превратились в громыхающий рев. «Дерри Ньюз» позже сообщали, что опорные стойки подземных коммуникаций Канала, ослабли под напором потока воды и просто не выдержали, разрушились. Однако на-

шлись люди, которые были не согласны с этим мнением.

— Я был там, я знаю, — говорил своей жене Гарольд Гардинер. — Это не опорные стойки сломались. Это было *землетрясение,* вот что это было. Проклятое *землетрясение.*

Так или иначе, результат был один. Когда громыхание стало еще сильнее, начали дрожать стекла окон, а потом они разбивались вдребезги, штукатурка стала падать с потолков, и нечеловеческий скрежет и скрип потолочных балок и грохот разрушающегося фундамента слились в пугающем хоре. Кирпичный фасад «Мэтченс» пошел трещинами, как будто его схватила какая-то гигантская рука. Кабель, держащий шатер кинотеатра «Аладдин», лопнул, и шатер с шумом упал на землю. Аллея Ричарда, которая проходила сзади Центральной улицы, внезапно оказалась завалена камнями желтого цвета от дома Брайана Дауда, построенного в 1952 году. Чудовищное облако желтой пыли поднялось в воздух и унеслось, как вуаль на ветру.

В то же самое время взорвалась статуя Поля Баньяна перед Городским Центром. Как будто сбывалась клятва той старой учительницы рисования, что она взорвет эту чудовищную

статую. Бородатая улыбающаяся голова взлетела в воздух. Одна нога упала вперед, другая назад, будто Поль попытался сделать прыжок с таким энтузиазмом, что разорвался на части. Части эти разлетелись, как облако шрапнели, гипсовый топор поднялся в дождливое небо, исчез, а потом вернулся обратно, кувыркаясь и поворачиваясь то одним концом, то другим. Он пробил сначала крышу над Мостом Поцелуев, а потом и пол.

А в 10.02 утра окраина Дерри просто была сметена. Почти вся вода из разрушенной водонапорной башни потекла по Канзас-стрит и вылилась в Барренс, но тонны ее прорвались в деловой центр со стороны Ап-Майл-Хилла. Вероятно, это была последняя капля воды, переполнившая чашу.., а возможно, на самом деле, как говорил Гарольд Гардинер своей жене, *было* землетрясение. Трещины пошли по всей Мейн-стрит. Сначала были узкими.., потом начали расширяться, как голодные рты, и звуки Канала, выходящего из берегов, стали пугающе громкими. Все начало трястись. Неоновая вывеска, рекламирующая «Мокасины Последний Писк Моды» перед магазином сувениров, упала и ударилась о землю, и яма сразу же наполнилась водой на три фута. Минуты через две или три здание Шорти, которое стояло сразу

же за магазином мистера Пэйпербека, начало опускаться. Первым это явление увидел Бадди Энгстром. Он толкнул Альфреда Зитнера, который стоял и глазел, а затем Гарольда Гардинера. Через секунду работы по переноске мешков с песком были приостановлены. Люди по обе стороны Канала только стояли и смотрели на окраину города сквозь льющийся дождь, на лицах застыло одинаковое выражение испуганного изумления. Казалось, что сувенирный магазин «Сквайре и Сандрис» был построен на каком-то элеваторе, который сейчас спускается вниз. Он погружался в явно твердый бетон с чувством солидности и собственного достоинства. Когда здание прекратило свое падение, можно было встать на четвереньки на покрытый водой асфальт и войти в него через окна третьего этажа. Вода стала заливаться внутрь здания, и минуту спустя сам Шорти появился на крыше, размахивая руками, моля о помощи. Затем оно рухнуло, как и здание конторы рядом, где м-р Пэйпербек арендовал первый этаж, которое тоже ушло в землю. К сожалению, это здание опускалось не прямо, как здание Шорти; сначала оно накренилось (и стало похоже на эту чертову Пизанскую башню с макаронных пачек). Когда оно опускалось, начали

падать кирпичи — прямо душ из кирпичей с крыши и со стен. Несколько кирпичей ударили Шорти. Гарольд Гардинер видел, как он отклонился назад, защищая голову руками.., а потом верхние три этажа здания м-ра Пэйпербека исчезли как корова языком слизнула. Шорти пропал. Кто-то из добровольцев, переносящих мешки с песком, закричал, а потом все смешалось в шуме и гуле разрушения. Людей сбивало с ног, сбрасывало и смывало с улицы. Гарольд Гардинер видел здания, стоявшие друг против друга на Мейн-стрит, — они наклонились вперед, наподобие двух леди, наклонявшихся над игроками в карты, давая им советы, головы которых почти соприкасались. Сама улица тонула, погружалась, разрушалась. Вода плескалась и брызгала. А потом один за другим все здания по обе стороны, улицы просто теряли центр тяжести и рушились на улицу — Северо-Восточный банк, обувной магазин, табачная лавка Элви, Бэйли-Ланч, магазин пластинок Бандлера. А потом уже стало не хватать места на улице, куда можно было упасть. Улица падала в Канал, сначала растягиваясь как змея, а потом распадаясь на куски асфальта. Гарольд видел, как островок безопасности посреди пересечения трех улиц внезапно исчез из виду,

а когда оттуда выплеснулась вода, он понял, что сейчас произойдет.

— *Надо убираться отсюда!* -закричал он Элу Зитнеру. — *Сейчас здесь все будет под водой! Эл! Сейчас все затопит!*

Эл Зитнер не подавал признаков жизни. У него было лицо, как у слепого, или как у человека под гипнозом. Он стоял в своей непромокаемой красно-голубой спортивной куртке, в рубашке с расстегнутым воротником, с вышитым маленьким крокодильчиком на левой стороне, в своих голубых носках с белым значком гольф-клуба на обеих сторонах, в биновских ботинках на резиновой подошве. Он наблюдал, как его миллион долларов, вложенных в эти здания, проплывали по улице, равно как три или четыре миллиона вкладов его друзей, с которыми он играл в покер, гольф, с которыми катался на лыжах в Рэндли. Неожиданно его родной город Дерри, штат Мэн, Господи помилуй, стал похож на эти чертовы города, где эти тронутые люди катаются в длинных каноэ. Вода бурлила и кипела между теми зданиями, которые еще стояли. Канал-стрит падала в черную дыру ныряющих досок на краю пенящегося озера. Не мудрено, что Зитнер не слышал Гарольда. Остальные, однако, пришли к такому

же заключению — что нужно было бросать все эти дела и убираться. Многие побросали мешки с песком и бросились убегать, только пятки засверкали. Гарольд Гардинер был одним из них, поэтому спасся. Другие были менее удачливы и застряли где-то в главной зоне Канала, которая была сейчас забита тоннами асфальта, бетона, кирпичей, штукатурки, стекла и четырьмя миллионами долларов убытков от отборных товаров, которые уплывали по бетонному рукаву Канала, унося с собой людей и мешки с песком. Гарольд думал, что и он должен сейчас очутиться там, потому что вода прибывала быстрее, чем он бежал. Он сумел спастись только тем, что ногтями уцепился за набережную, покрытую кустарником. Он оглянулся один раз и увидел человека, показавшегося ему Роджером Лернердом, старшим офицером кредитного общества; он пытался завести машину у стоянки Мини-Мола. Даже сквозь рев воды и шум ветра Гарольд мог слышать, как мотор маленькой машины не заводился даже заводной ручкой, пока гладкая черная вода не покрыла панели по обе стороны от него. Затем с глухим шумом Кендускеаг вышел из берегов и затопил и Мини-Мол Канала, и красную яркую машину Роджера Лернерда. И Гарольд начал

опять карабкаться, хватаясь за ветки, сучья, за все, что казалось достаточно прочным, чтобы выдержать его вес. Он искал землю повыше. Как сказал бы Эндрю Кин, Гарольд Гардинер в это утро был озадачен поисками земли повыше. Позади себя он слышал, как окраины Дерри продолжали разрушаться. Гул походил на артиллерийский обстрел.

4

Билл

— *Беверли!* -закричал он.

Спина его и руки были одним куском болящей плоти. Ричи, казалось весит футов 500. *Положи его, оставь,* -шептал ему усталый мозг. — *Он мертв, ты знаешь, черт возьми, что он мертв, почему ты не положишь его?*

Но он не сделает, не может сделать этого.

— *Беверли!* -закричал он опять. — *Бен! Кто-нибудь!*Он думал: *Это место, куда Оно швырнуло меня — и Ричи только швырнуло Оно нас дальше, гораздо дальше. На что это былопохоже? Я теряю это, забываю...*

— Билл? — это был голос Бена, усталый, изможденный, где-то совсем рядом. — Где ты?

— Я здесь, приятель. Я несу Ричи. Он.., его ра-

нило.

— Продолжай говорить, — Бен был уже ближе. — Продолжай говорить, Билл.

— Мы убили *Его,* -сказал Билл, направляясь туда, откуда слышался голос Бена. — Мы убили эту сучку. И если Ричи мертв...

— *Мертв?* -спросил Бен, ошеломленный. Он был уже совсем близко.., а потом протянул руку в темноту и дотронулся до носа Билла. — Что значит «мертв»?

— Я.., он...

Теперь они вместе поддерживали Ричи.

— Я не видел его, — сказал Билл. — Вот в чем дело. Я ннне мммог его *видеть!*

— *Ричи!* -закричал Бен и стал его трясти. — *Ричи! Приди в себя! Давай, Ричи, черт возьми!* -голос его задрожал. — *РИЧИ ТЫ ВСТАНЕШЬ ИЛИ НЕТ, ЧЕРТ ТЕБЯ ПОДЕРИ?*

И в темноте Ричи сказал сонным, неясным голосом, только что пришедшего в сознание человека: «Порядок, Соломенная Голова. Нам не нужны дурацкие значки...»

— *Ричи!* -кричал Билл. — *Ричи, ты в порядке?*

— Эта сука отбросила меня, — пробормотал Ричи тем же усталым, едва проснувшимся голосом. — Я бил ее очень сильно. Это все.., все, что я

помню. Где Бевви?

— Где-то там, на обратном пути, — сказал Бен. Он быстро рассказал им про яйца. — Я затоптал больше сотни. Думаю, что все.

— Молю бога, — сказал Ричи. Он начинал говорить получше. — Отпусти меня, Большой Билл. Я могу идти... Вода громче?

— Да, — сказал Билл; они втроем протянули руки в темноту. — Как твоя голова?

— Дьявольски больно. Что случилось после того, как я потерял сознание?

И Билл рассказал им все, что мог заставить себя рассказать.

— И Оно мертво? — с наслаждением произнес Ричи. — Ты уверен, Билл?

— Да, — сказал Билл. — На этот раз я действительно уверен.

— Слава Богу, — сказал Ричи. — Поддержи меня, Билл. Я пойду. Билл поддержал, и они пошли дальше. Почти после каждого шага что-то хрустело у них под ногами в темноте. Он подумал, что это части яиц, которые растоптал Бен, и его передернуло. Было приятно думать, что они не видят остатков у себя под ногами.

— *Беверли!* -кричал Бен. — *Беверли!*

— *Я здесь...*

Ее крик был слабым, почти не слышным в рокоте воды. Они двигались дальше в темноте, постоянно окликая ее.

Когда они наконец добрались до нее, Билл спросил, не осталось ли у нее спичек. Она протянула ему полкоробка. Он зажег одну и увидел их лица в призрачном освещении: Бен, поддерживающий Ричи одной рукой; Ричи стоял, шатаясь, кровь текла из его правого виска;

Беверли и Эдди, лежащий у нее на коленях. Потом он повернулся в другую сторону. Одра, съежившись, лежала на камнях, ноги подогнуты, голова откинута назад. Паутина почти вся растаяла вокруг нее. Спичка обожгла ему пальцы, и он выбросил ее. В темноте он не рассчитал расстояние, споткнулся об нее и почти растянулся.

— Одра! Ты меня сслышишь?

Он поддержал и посадил ее, потом просунул руку под ее волосы и нащупал пульс на шее. Пульс был медленный и ровный.

Он зажег другую спичку и увидел, что зрачок ее сократился. Но это было произвольное сокращение: взгляд ее не был сфокусирован даже, когда он поднес спичку к самому ее лицу, так что кожа ее порозовела. Она была жива, но без сознания. Черт, это было еще хуже, и он знал это. Она была

в кататоническом шоке.

Вторая спичка обожгла ему пальцы. Он выбросил ее.

— Билл, мне не нравится шум воды, — сказал Бен. — Думаю, нам надо поскорее выбираться отсюда.

— Как мы сделаем это без Эдди? — пробормотал Ричи.

— Мы сможем, — сказала Бев. — Билл, Бен прав. Нам нужно выбираться.

— Я возьму ее.

— Конечно. Но мы должны идти прямо сейчас.

— Куда?

— Ты должен знать, — сказала Беверли мягко. — Ты убил Его.

И ты узнаешь, Билл.

Он поднял Одру, как поднимал Ричи, и вернулся к остальным. Ощущение того, что она у него на руках, не успокаивало и мучило, потому что она была как дышащая восковая кукла.

— Куда идти, Билл? — спросил Бен.

— Я ннне…

(ты *знаешь, ты убил Его, и ты узнаешь)* — Ладно, пойдемте, — сказал Билл. — Посмотрим, сможем ли мы найти дорогу назад. Беверли, возьми это, — и он отдал ей спички.

— А как с Эдди? — спросила она. — Мы должны вынести его.

— Кккак это сделать? — спросил Билл. — Беверли, это место разрушается.

— Мы *должны* вынести его отсюда, парни, — сказал Ричи.

— Давай, Бен.

Они вдвоем умудрились поднять тело Эдди. Беверли осветила им путь к волшебной дверце. Билл пронес Одру, осторожно подняв ее с пола. Ричи и Бен вынесли Эдди.

— Положите его, — сказала Беверли, — он может остаться здесь.

— Здесь слишком темно, — всхлипнул Ричи. — Ты знаешь.., слишком темно... Эд.., он...

— Нет, все в порядке, — сказал Бен. — Может быть, здесь он и должен остаться. Я думаю, это так.

Они положили Эдди, и Ричи поцеловал его в щеку. Потом он слепо посмотрел на Бена.

— Ты уверен?

— Да. Пошли, Ричи.

Ричи встал и повернулся к двери.

— *Проклятая сука!* -внезапно крикнул он и пнул ногой в дверь. Дверь захлопнулась со звуком *чак.*

— Зачем ты это сделал? — спросила Беверли.

— Не знаю, — сказал Ричи, но он знал. Он посмотрел на дверь через плечо, пока горела спичка, которую держала Беверли.

— Билл, отметка на двери...

— Что с ней? — спросил Билл. Ричи сказал:

— Она исчезла.

5

Дерри, 10.30 утра

Стеклянный коридор, соединяющий взрослую библиотеку с детской, неожиданно взорвался одной ослепительной вспышкой света. Стекло разлетелось в виде зонтика, распадаясь от напряжения, покрывая деревья, которыми была засажена площадка около библиотеки. От такого сильного удара могли быть и раненые и убитые, но там никого не было — ни внутри, ни снаружи. В этот день библиотека вообще не открывалась. Туннель, которым так восхищался Бен, когда был мальчишкой, никогда больше не восстановится: в Дерри и так было столько разрушений, и казалось, что проще оставить библиотеки в отдельных зданиях. И через какое-то время никто в Городском Совете даже не мог вспомнить, для чего нужен был этот стеклянный коридор.

Возможно, только Бен мог бы действительно рассказать им, как это было, когда стоишь спокойным зимним вечером, из носа течет, руки в варежках немеют от мороза, и смотришь, как люди ходят взад и вперед внутри, проходя сквозь зиму без пальто, окруженные светом. Он мог бы рассказать им...но вряд ли это было то, о чем разговаривают и что обсуждают на Городском Совете, — как ты стоял в темноте и учился любить свет. Вот как это могло быть, факты были таковы: стеклянный коридор взорвался без видимых причин, никто не пострадал (что само по себе было счастьем, потому что от этого утреннего урагана было 67 убитых и больше трехсот двадцати раненых), и он никогда не был восстановлен. После 31 мая 1985 года, если вы хотели перейти из детской библиотеки во взрослую, вам нужно было выйти на улицу, а если было холодно или шел дождь, или снег, приходилось надевать пальто.

6

Выход, 10.54 утра, 31 мая 1985 года

— Подождите, — попросил Билл. — Дайте мне подумать.., отдохните.

— Давай я тебе помогу нести ее, — снова сказал Ричи. Они оставили Эдди в логовище Его, и никто

не хотел об этом говорить. Но Эдди был мертв, а Одра все еще жива, по крайней мере, физически.

— Я сам, — сказал Билл, едва переводя дыхание.

— Идиот. Заработаешь себе сердечный приступ. Давай я помогу, Большой Билл.

— Как твоя гголова?

— Болит, — сказал Ричи. — Не уходи от разговора. С облегчением Билл отдал ее Ричи. Могло быть и хуже. Одра была высокой, и нормальный ее вес был 180 фунтов. Но роль, которую она должна была играть в «Комнате на чердаке», роль молодой женщины, ставшей заложницей психа, считавшего себя политическим террористом, предполагала, что Фрэдди Файерстоун сначала снимет все эпизоды на чердаке. Поэтому Одра села на строгую диету: вареное мясо птицы, прессованный творог, рыба — и потеряла 20 фунтов. Но все-таки после такой прогулки в темноте с Одрой на руках (полмили или три четверти мили, кто знает) ее сто двадцать фунтов показались двумястами.

— Ссспасибо, парень, — сказал он.

— Не стоит. Ты следующий, Соломенная Голова.

— Би-би, Ричи, — сказал Бен, и Билл нехотя

улыбнулся. Это была усталая улыбка и улыбался он недолго, но лучше меньше, чем ничего.

— Куда, Билл? — спросила Беверли. — Звуки воды громче, чем раньше. Мы можем здесь и утонуть.

— Прямо вперед, потом налево, — сказал Билл. — Может быть, попробуем пойти немного быстрее.

Они шли еще четверть часа. Билл изучал все повороты. Шум воды продолжал нарастать, пока не стало казаться, что вода окружает их со всех сторон. Билл на ощупь искал путь, одной рукой дотрагиваясь до влажных кирпичных стен, и внезапно вода потекла у него под ногами. Ручей был мелкий и быстрый.

— Давай мне Одру, — сказал он Бену, который громко пыхтел.

— Сейчас вверх по ручью.

Бен осторожно передал ее Биллу, который положил ее на плечо, как пожарник. Если бы она только запротестовала.., задвигалась.., сделала что-нибудь.

— Как там у нас со спичками, Бев?

— Немного, штук шесть, наверное. Билл.., ты знаешь, куда идешь?

— Думаю, что знаю, — сказал он. — Пошли!

Они последовали за ним за угол. Вода плескалась у Билла под ногами, доходя до лодыжек, а потом до колен, а потом до бедер. Шум воды превратился в рев. Туннель, по которому они шли, постоянно колебался. С минуту Билл думал, что ручей течет слишком сильно и им трудно идти против течения, но потом они прошли отводную трубу, которая наполняла их туннель огромным потоком воды, и он удивился, что вода покрыта белыми барашками, хотя поток воды ослабевает, но становится все глубже и глубже. Это...

Я *видел, как вода поступает из трубы, видел!*

— *Эй!* -закричал он. — *Парни, вы что-нибудь вввидите?*

— За последние пятнадцать минут стало светлее! — прокричала Беверли в ответ. — *Где мы, Билл? Ты знаешь?*

— *Я думал, что знаю,* -почти сказал он.

— *Нет, пошли дальше!*

Он полагал, что они приближаются к забетонированной части Кендускеага, которая называется Канал.., та часть, которая идет под окраиной города и называется Бассей-парк. Здесь внизу был *свет,* но под городом в Канале не могло быть света. Но он продолжал также светить.

У Билла начались серьезные проблемы с Од-

рой. Но не из-за течения, а из-за глубины. *Очень скоро она у меня поплывет*, подумал он. Он видел Бена слева от себя, а справа Беверли, а немного повернув голову, он смог видеть Ричи, который шел следом за Беном. Идти становилось очень трудно. Дно туннеля было засыпано какими-то обломками кирпичами, как он чувствовал. А прямо впереди что-то торчало из воды, как нос корабля, который тонет.

Бен шел к этому предмету, дрожа от холодной воды. В лицо ему ударилась коробка с сигарами. Он оттолкнул ее от себя и схватился за предмет, торчащий из воды. Он вытаращил глаза. Это оказалась большая вывеска. Он смог прочитать буквы: Ал и внизу Буд...

И внезапно он понял.

— Билл! Ричи! Бев! — он смеялся от изумления.

— Что это, Бен? — прокричала Беверли.

Схватив обеими руками, Бен потащил ее назад. Раздался скребущий звук — это вывеска скребла по стене туннеля. Сейчас они могли прочитать: «АЛАДДИ», а внизу: «НАЗАД В БУДУЩЕЕ».

— Это шатер от «Аладдина», — сказал Ричи. — Как...

— Улица провалилась, — прошептал Билл. Он широко открыл глаза от удивления. Он смотрел в

туннель. Свет впереди становился ярче.

— *Что,* Билл?

— Что там, черт подери, *случилось?*

— Билл, *Билл,* что?

— Все эти канализационные трубы, — зло сказал Билл. — Все эти старые трубы! Здесь был колодец, но сейчас, я думаю...

Он снова стал барахтаться, продвигаясь вперед, поддерживая вверх Одру. Бен, Бев и Ричи — рядом с ним. Через пять минут Билл посмотрел вверх и увидел синее небо. Он смотрел сквозь трещину в туннеле, трещину, которая уходила больше чем на 70 футов от того места, где он стоял. Вода перемежалась маленькими островками и архипелагами — груды кирпичей, задний бампер «плимута», наполненный водой, шест из парка, прислонившийся к стене, как пьяница; красный флаг для нарушителей поднят.

Идти было почти невозможно — из-за мини-гор, которые образовались по непонятным причинам, грозя сломать им ноги. Вода текла уже у них под мышками.

Сейчас здесь потише, -подумал Билл. — *Но если бы мы были здесь часа два тому назад, я думаю, мы бы расстались с жизнью.*

— Что же это, черт побери, Большой Билл? —

спросил Ричи. Он стоял слева от Билла, лицо его сморщилось от удивления, когда он посмотрел вверх на дыру в крыше туннеля. *Только это не крыша туннеля,* -подумал Билл. — *Это Мейн-стрит, по крайней мере была когда-то Мейн-стрит.*

— Я думаю, что большая часть окраины Дерри сейчас в Канале и ее несет в Кендускеаг. Очень скоро она будет в реке Пенобскот, а потом и в Атлантическом океане — хорошенькое избавление! Ты не можешь помочь мне с Одрой, Ричи? Я не думаю, что смогу...

— Конечно, — сказал Ричи. — Конечно, Билл.

Он взял Одру у Билла. В этом свете Билл мог рассмотреть ее лучше, чем даже хотел, — бледная маска, которую не могла скрыть ни грязь, ни пятна крови, испачкавшие ее лицо — лоб и щеки. Ее глаза все еще были широко открыты.., широко открыты и бессмысленны. Волосы свисали прямыми мокрыми прядями. Она была похожа на одну из тех надувных кукол, которые продавались на Улице Удовольствий в Нью-Йорке или на Репербане в Гамбурге. Единственное отличие было в том, что она дышала.., но это тоже могло быть тиканье часов, не более того.

— Как мы собираемся выбраться отсюда? —

спросил он Ричи.

— Попроси Бена, чтобы он подсадил тебя, — сказал Ричи. — Вы поможете Бев выбраться наверх, а потом вдвоем вытащите твою жену. Бен поможет мне подняться, а мы вытащим Бена. А потом я вам покажу, как выиграть волейбольный турнир для женского университетского клуба.

— Би-Би, Ричи.

— Би-Би твою задницу, Большой Билл.

Усталость накатывалась на него упрямыми волнами. Он поймал взгляд Беверли и удержал его на миг. Она слегка кивнула ему, а он ей улыбнулся.

— Дашь мне твои десять пальцев, Бббен? Бен, который тоже выглядел невыразимо усталым, кивнул. Глубокая царапина пересекала ему щеку.

— Думаю, что смогу сделать это.

Он замолчал и сплел пальцы вместе. Билл взобрался одной ногой на руки Бена, оперся на них и подпрыгнул вверх. Этого было достаточно. Бен подтолкнул его, и Билл схватился за край разрушенной крыши туннеля. Он подтянулся и вылез наверх. Первое, что он увидел, был оранжево-белый барьер. Второе — толпа людей, женщин и мужчин, за барьером. Третье — универмаг Фриза

— только он выглядел странно укороченным. Но он быстро понял, что почти половина магазина рухнула на улицу и в Канал внизу. Верхняя часть нависала над улицей, и создавалось впечатление, что она вот-вот упадет вниз, как куча плохо сложенных книг.

— Посмотрите! Посмотрите! На улице кто-то есть! Какая-то женщина указывала на то место, откуда высовывалась голова Билла сквозь прорехи в разрушенном асфальте тротуара.

— Господи помилуй, там кто-то есть! Она хотела было выбежать вперед, пожилая женщина, повязанная платком по-крестьянски. Полицейский задержал ее.

— Здесь небезопасно, миссис Нельсон. Вы знаете. Остальная часть улицы может начать разрушаться в любое время.

Миссис Нельсон, я помню Вас. Ваша сестра сидела иногда со мной и Джорджи. Он поднял руку, чтобы показать ей, что с ним все в порядке, а когда она в ответ подняла свою, он почувствовал внезапную волну облегчения и надежды.

Он перевернулся и лег на проседающий тротуар, стараясь распределить вес своего тела как можно более равномерно, как будто на тонком льду; потом потянулся вниз за Бев. Она схватила

его за кисти рук, и из последних сил он вытянул ее наверх. Солнце, которого до этого не было, вдруг выглянуло из облаков и осветило все вокруг. Беверли посмотрела удивленно вверх, поймала взгляд Билла и улыбнулась.

— Я люблю тебя, Билл, — сказала она. — И я молюсь, чтобы с ней было все в порядке.

— Ссспасибо тебе, Бевви, — сказал он, и его добрая улыбка заставила ее заплакать.

Он крепко обнял ее, и маленькая толпа, собравшаяся за барьером, зааплодировала. Фотограф из «Дерри Ньюз» сфотографировал их. Фотография появилась в первом июльском выпуске газеты, который был отпечатан в Бангоре, так как вода разрушила типографию «Ньюз». Заголовок был прост и правдив, и Билл вырезал фотографию из газеты и хранил ее в своем бумажнике долгие годы. «Спасители» — таков был заголовок. Это было все, но этого было достаточно.

Было без шести минут одиннадцать в Дерри, штат Мэн.

7

Дерри/Позже в тот же самый день

Стеклянный коридор между детской и взрослой библиотекой взорвался в 10.30 утра. В 10.33

дождь прекратился. Он не ослабевал, а перестал сразу, будто кто-то наверху закрыл кран. И сразу же начал ослабевать ветер; он так быстро терял силу, что люди останавливались и смотрели друг на друга с подозрением и удивлением. Выглядело это так, как если бы 747 работающих моторов прекратили свою работу, припарковавшись у ворот. Солнце выглянуло в первый раз в 10.47. А к полудню облака полностью исчезли, и пришел день, ясный и жаркий.

К 3.30 дня ртутный столбик на градуснике на входных дверях «Секондхэнд Роуз, Секондхэнд Клоуз» показывал 83 — самая высокая температура для этого времени года. Люди ходили по улицам, как зомби, почти не разговаривая. Выражение на их лицах было удивительно одинаковым: что-то типа тупого изумления, что было бы само по себе смешно, если бы не было так откровенно жалко. К вечеру в Дерри собрались репортеры из Эй-Би-Си и Си-Би-Эс, из Эн-Би-Си и Си-Эн-Эн, и скоро они выдадут какую-нибудь новую версию правды, донесут ее до большинства людей; они сделают ее реальной.., хотя некоторые предполагают, что правдивости меньше всего можно доверять, она так же надежна, как кусок холста, разрисованный полосами, как па-

утиной...

На следующее утро в Дерри прибудут Брайант Гамбл и Биллиард Скотт из «Сегодня». Во время программы Гамбл будет интервьюировать Эндрю Кина. Эндрю сказал: «Вся водонапорная башня развалилась на части и покатилась с горы. Это было — бррр! Вы понимаете, что я имею в виду? А я всегда думал, когда смотрел на вас по телевизору, что вы гораздо больше». Когда увидишь себя и своих соседей по телевизору — вот это сделает все реальным. Это даст им возможность осмыслить эту ужасную, непостижимую вещь. Это был СТРАННЫЙ УРАГАН. Число погибших, ЧИСЛО ПОГИБШИХ перейдет в ПРОБУЖДЕНИЕ УРАГАНА-УБИЙЦЫ. Это был, конечно, САМЫЙ СТРАШНЫЙ ВЕСЕННИЙ УРАГАН В ИСТОРИИ ШТАТА МЭН. Все эти заголовки, как бы они ни были ужасны, были и полезны — они помогали приглушить всю странность того, что произошло.., наверное, все-таки *странность* слишком мягкое слово. *Безумие* было бы лучше. Глядя на себя в телевизоре, они увидят это более привычным, не таким безумным. Но прежде чем все это было показано по телевидению, люди из Дерри ходили по своим разрушенным, грязным улицам с выражением неверия на лицах. Почти не

разговаривая, они ходили и подбирали какие-то вещи, а потом снова выбрасывали их, стараясь понять, что произошло за последние семь или восемь часов. Мужчины стояли на Канзас-стрит и курили, глядя на дома, поверженные, лежащие в Барренсе. Другие мужчины и женщины стояли у заградительного барьера, глядя на черную дыру, которая была окраиной их города еще до 10.00 утра. Шапка в воскресной газете гласила:

«МЫ ВОССТАНОВИМ ДЕРРИ, КЛЯНУСЬ ВАМ». — ГОВОРИТ МЭР ДЕРРИ" — и, наверное, они так и сделают. Но в последующие недели, когда на заседаниях Городского совета решалось, как начать восстановительные работы, огромный кратер, который оказался на месте бывшей окраины Дерри, стал расширяться, невидимо, постепенно, но неуклонно. Через четыре дня после урагана главное здание Управления Бангорской Гидроэлектростанции провалилось в дыру. Три дня спустя Дом Летящей Собаки, где продавали лучшие в восточной части Мэна немецкие сосиски, упал туда же. Канализация в отдельных домах, в квартирах и деловых зданиях периодически засорялась. На Олд-Кейпе она так плохо работала, что люди постепенно начали съезжать. 10 июня были первые скачки в Бассей-парке.

Первая скачка по расписанию была в 8.00 вечера, и, казалось, это немного подняло настроение у всех. Но когда рысаки уже возвращались в свои конюшни, несколько секций на открытой трибуне провалилось, и человек шесть пострадало. Одним из них был Фокси Фоксвос, который управлял кинотеатром «Аладдин» до 1973 года. Фокси провел в больнице две недели, страдая от боли в сломанной ноге. Когда его выписали, он решил переехать к своей сестре в Самерсвес, штат Нью-Гемпшир.

Он был неодинок. Дерри стал разваливаться на части.

8

Они посмотрели, как хлопали задние двери «скорой помощи», а потом пошли к пассажирскому сиденью. «Скорая помощь» двигалась в сторону больницы Дерри. Ричи с опасностью для жизни и конечностей остановил ее и настоял, чтобы разгневанный шофер разрешил положить Одру, хотя шофер уверял, что места нет вообще. Дело кончилось тем, что они положили Одру на полу.

— Что теперь? — спросил Бен. У него под глазами были огромные коричневые круги и серое

кольцо грязи вокруг шеи.

— Я возвращаюсь в гостиницу, — сказал Билл. — Собираюсь поспать часов шестнадцать.

— Я за тобой, — сказал Ричи. Он с надеждой посмотрел на Бев. — У вас не осталось сигарет, милая леди?

— Нет, — сказала Беверли. — Я думаю, что опять брошу.

— Очень заманчивая идея.

Они начали медленно подниматься на холм, четверо — бок о бок.

— Все пппозади, — сказал Билл. Бен кивнул.

— Мы сделали это. *Ты* сделал это, Билл.

— Мы все это сделали, — сказала Беверли. — Хорошо бы принести Эдди сюда. Я хочу этого больше всего на свете.

Они дошли до угла Аппер-Мейн и Пойнт-стрит. Малыш в красном дождевике и зеленых резиновых сапожках пускал бумажную лодочку в ручье, которые сейчас текли везде. Он взглянул вверх, увидел, что они смотрят на него, и вежливо помахал. Билл вспомнил, что это был мальчик со скейтбордом — тот самый, чей друг видел в Канале Челюсти.

Он улыбнулся и пошел к мальчику.

— Сейчас все в порядке, — сказал он. Мальчик

недоверчиво изучал его, потом улыбнулся. Улыбка была солнечной и излучала надежду.

— Да, — сказал он. — Думаю, что так.

— Клянусь твоей задницей. Мальчик засмеялся.

— Тебе надо бббыть пппоосторожнее со скейтбордом.

— Нет уж, — сказал мальчик, и на этот раз засмеялся Билл. Он сдержался, чтобы не взъерошить волосы мальчугана — это возможно обидело бы его, — и вернулся к остальным.

— Кто это был? — спросил Ричи.

— Друг, — сказал Билл. Он засунул руки в карман.

— Помните, как мы выбирались отсюда тогда? Беверли кивнула.

— Эдди привел нас назад в Барренс. Только мы вылезли на другом конце Кендускеага. Со стороны Олд-Кейпа.

— Ты и Соломенная Голова столкнули крышку люка с одной из этих насосных станций, — сказал Ричи Биллу, — потому что вы были самые тяжелые.

— Да, — сказал Бен. — Это были мы. Солнце село, но было еще светло.

— Да, — сказал Билл. — И мы все были там.

— Ничто не длится вечно, — сказал Ричи. Он посмотрел вниз под гору, по которой они только что взошли, и вздохнул. — Посмотрите сюда, например.

Он протянул свою руку. Тоненькие шрамы на ладони исчезли. Беверли посмотрела на свою руку, Бен сделал то же самое, Билл — на свою. Все руки были грязные, но отметины исчезли.

— Ничего не длится вечно, — повторил Ричи. Он посмотрел на Билла, и Билл увидел дорожки слез на грязных щеках Ричи.

— За исключением, может быть любви, — сказал Бен.

— И желания, — сказала Беверли.

— А что вы скажете о друзьях? — спросил Билл и улыбнулся. — Что ты думаешь, Трепач?

— Хорошо, — сказал Ричи, улыбаясь и вытирая глаза. — Я хочу сказать: спасибо вам за это, мальчики; я говорю, я хочу сказать — спасибо за это.

Билл протянул руку, и они положили свои руки на его и постояли так какое-то время, семеро, которые уменьшились до четырех, но все равно смогли образовать кружок. Они посмотрели друг на друга. Бен сейчас тоже плакал, слезы прямо лились из его глаз, но он улыбался.

— Я так люблю вас, ребята, — сказал он и сжал

руки Бев и Ричи сильно-сильно, а потом отпустил. — А сейчас надо посмотреть, нет ли в этом местечке чего-нибудь похожего на завтрак? И нам надо позвонить Майку. Сказать, что у нас все в порядке.

— Хорошая идея, сеньор, — сказал Ричи. — Ты всегда можешь сделать все хорошо, я думаю. А ты что думаешь, Большой Билл?

— Я думаю, шел бы ты подальше, — сказал Билл. И они пошли к гостинице, смеясь, и когда Билл толкнул стеклянную дверь, Беверли поймала взглядом что-то такое, чего она никогда не забудет, но о чем никому не скажет. На один момент она увидела их отражения в стекле — только их было шесть, не четыре, потому что Эдди стоял позади Ричи, а Стэн — позади Билла, слегка улыбаясь.

9

Выход, Сумерки, 10 августа 1958 года

Солнце аккуратно садится за горизонт, как немного приплюснутый красный мяч, и бросает лихорадочные лучи света на Барренс. Железный люк на одной из насосных станций немного поднимается, потом опять опускается, снова поднимается и начинает скользить.

— Тттолкай ее, Бен, а то у меня ппплечо сссломается. Крышка скользит дальше, поднимается и падает в кустарник, который растет вокруг бетонного цилиндра. Семеро детей вылезают один за другим и оглядываются, моргая от молчаливого изумления. Они похожи на детей, которые никогда прежде не видели дневного света.

— Здесь так спокойно, — тихо говорит Беверли. Единственные звуки — это шум воды и торжественное пение насекомых. Ураган прошел, но Кендускеаг по-прежнему очень высок. Ближе к городу, недалеко от того места, где река одевается в бетон и начинает называться Каналом, она выходит из берегов, хотя наводнение, несомненно, очень серьезное; самое страшное — несколько затопленных подвалов. На этот раз.

Стэн уходит от них, лицо *его смущенное и задумчивое. Билл оглядываемся и сначала думает, что Стэн увидел маленький костер на берегу реки, костер — это его первое впечатление; красные языки пламени — слишком яркие, чтобы смотреть на них. Но когда Стэн подбирает это правой рукой, угол освещенности меняется и Билл видит, что это всего лишь бутылка из-под «кока-колы», которую кто-то бросил в реку.*

Он видит, как Стэн поднимает ее, держит за гор-

лышко и бьет о выступ скалы, на берегу. Бутылка разбивается, и Билл чувствует, что все смотрят, как Стен достает что-то из остатков бутылки со спокойным и сосредоточенным видом.

Наконец он поднимает узкий кусок стекла. Уходящее на запад солнце отбрасывает красный луч и отражается в нем, и Билл опять думает: «Как огонь».

Стэн глядит на него, и Билл вдруг понимает, ему все совершенно ясно и понятно. Он идет навстречу Стэну и протягивает ему руки, ладонями вверх. Стэн отступает назад прямо в воду. Маленькие жучки мелькают над ее поверхностью, и Билл видит переливчатую стрекозу в траве у дальнего берега, как маленькую летящую радугу. Лягушка заводит свою заунывную песнь, и, когда Стэн берет его левую руку и разрезает осколком стекла ладонь и кровь начинает капать, Билл думает в каком-то экстазе: «Сколько здесь жизни!»

— *Билл!*

— Конечно. Обе.

Стэн разрезает другую его руку. Больно, но не очень. Жалобно начинает звать кого-то козодой — холодный, мирный звук. Билл думает: «Козодой поднимает луну».

Он смотрит на свои руки, на обе, кровоточащие, а потом вокруг. А вот и остальные — Эдди со своим ингалятором, зажатым в одной руке; Бен с его огромным животом, выпирающим из разорванных остатков рубашки; Ричи, его лицо странно беззащитно без очков;

Майк, молчаливый и торжественный, его обычно полные губы сжаты в одну тонкую линию. И Беверли — голова поднята, глаза широко открыты и ясны, волосы все еще красивые, несмотря на грязь.

Все мы. Все мы здесь.

И он видит их, по-настоящему видит их, в последний раз, потому что каким-то образом он понимает, что они никогда не будут вместе опять, всемером — так, как сейчас. Никто ничего не говорит. Беверли поднимает руки, через некоторое время — Ричи и Бен поднимают руки тоже. Майк и Эдди делают то же самое. Стэн разрезает им руки одному за другим, а солнце начинает полоть за горизонт, охлаждая красный свой жар до сумеречного бледно-розового цвета. Козодой снова начинает кричать. Билл видит первые слабые завитки тумана на воде и чувствует, что становится частью всего этого — острый экстаз, о котором он никогда не будет

говорить, как Беверли позже никогда не скажет об отражении, которое она видела, об этих двух мертвых мужчинах, с которыми она дружила, когда была ребенком.

Ветерок шевелит деревья и кусты, заставляя их вздыхать, а он думает: «Это прелестное местечко, и я никогда не забуду его. Как здесь красиво, и какие они красивые; каждый из них прекрасен».

Козодой снова кричит, мелодично и плавно, и на миг Билл чувствует, что и он может петь, а потом растаять во мраке — как будто улетая, храбро паря в воздухе.

Он смотрит на Беверли, а она улыбается ему. Она закрывает глаза и разводит руки. Билл берет ее левую руку, Бен — правую. Билл чувствует тепло ее крови, смешивающейся с его собственной. Другие присоединяются, и они стоят кружком, их руки соединены в этом совершенно сокровенном единении.

Стэн смотрит на Билла настойчиво и даже со страхом.

— Пппоклянемся, чччто ммы ввернемся, — говорит Билл. — Поклянитесь ммне, ччто если Оно не ммертво, мы ввсе вернемся домой.

— Клянусь, — говорит Бен.

— Клянусь, — Ричи.

— Да, клянусь, — Бев.

— Клянусь, — бормочет Майк Хэнлон.

— Да, клянусь, — Эдди, его голос тонок и тих.

— Я тоже клянусь, — шепчет Стэн, но его голос срывается, и он смотрит вниз, когда говорит эти слова.

— Я ккккляну́сь.

Так это было, вот и все. Но они постояли там еще, обретая силу в этом кружке, в защищенном со всех сторон теле, которое они создали. Свет окрашивает их лица в бледные слабеющие цвета; солнце уже зашло, и закат умирает. Они стоят вместе в кружке, когда темнота опускается на Барренс, наполняя все тропинки, по которым они гуляли в это лето, полянки, где они играли в салки и в войну, потайные местечки, где они сидели и обсуждали важные детские вопросы или курили сигареты Беверли, или где они просто молчали, наблюдая за отражением облаков в воде. Глаза дня закрывались.

Наконец Бен опустил руки. Он что-то сказал, кивнул головой и ушел. Ричи идет за ним, потом Беверли и Майк идут вместе. Все молчат. Они карабкаются на набережную Канзас-стрит и просто расходятся. И когда Билл вспоминает все это двадцать семь лет спустя, он понимает, что

они больше никогда не собирались все вместе. Вчетвером — довольно часто, иногда впятером, вшестером однажды или дважды. Но никогда все семеро.

Он уходит последним. Он долго стоит, облокотившись на чахлый забор, глядя вниз на Барренс, пока впереди не загорается первая звезда на летнем небе. Он стоит под голубым и над черным и смотрит, как Барренс наполняется темнотой.

Мне никогда не захочется играть там, внизу, -неожиданно понимает он и удивляется, что мысль эта не ужасает его и не печалит, а, наоборот, освобождает.

Он стоит там еще немного, потом отворачивается от Барренса и направляется домой, проходя по темным улицам, держа руки в карманах, глядя время от времени на дома Дерри, тепло освещенные ночным светом.

Через квартал или два он начинает идти быстрее, думая об ужине.., а еще через пару кварталов он начинает насвистывать.

ДЕРРИ:. ПОСЛЕДНЯЯ ИНТЕРЛЮДИЯ

Океан в это время – это сплошная флотилия кораблей; и вряд ли нам удастся не столкнуться с каким-нибудь из них, переплывая его. Мы просто пересекаем его, – сказал мистер Микобер, поигрывая своими очками, – просто пересекаем. Движение – это иллюзия.
Чарльз Диккенс
«Давид Копперфильд»

4 июня 1985 года

Билл пришел минут двадцать назад и принес мне эту книгу — Кэрол нашла ее на одном из столов в библиотеке и отдала ему, когда он попросил. Я думал, что ее мог бы взять шеф полиции Рэдмахер, но, очевидно, он не хотел с ней ничего делать.

Заикание Билла опять исчезает, но бедняга постарел за эти четыре дня года на четыре. Он сказал мне, что Одра выпишется из больницы Дерри (где я и сам сейчас лежу) завтра, и только

нужно будет пройти частное обследование в Институте Мозга в Бангоре. Физически она чувствует себя превосходно — небольшие царапины и синяки уже проходят. Но психически...

— Ты поднимаешь ей руку, а она остается в таком же положении, — сказал Билл. Он сидел у окна, вертя в руках стакан с содовой. — Она так и будет там болтаться, пока кто-нибудь не положит ее на место. Она реагирует, но очень заторможенно. Они сделали снимок мозга, он показывает сильное поражение альфа-волны. Она в ккката тоническом шоке, Майк.

Я сказал:

— У меня есть идея. Может быть, и не очень хорошая. Если тебе не понравится, просто скажи.

— Какая?

— Мне здесь торчать еще целую неделю, — сказал я. — Вместо того, чтобы посылать Одру в Бангор, почему бы тебе не поехать ко мне вместе с ней, Билл? Побудь с ней недельку. Разговаривай, даже если она не отвечает. Она.., она в сознании?

— Нет, — сказал Билл угрюмо.

— А ты сможешь — я имею в виду — ты будешь...

— Попробую ли я сделать что-нибудь? — Он улыбнулся, и это была такая страдальческая

улыбка, что мне пришлось отвести глаза. Так улыбался мой отец, когда рассказывал мне о Батче Бауэрсе и цыплятах. — Да. Я думаю, что мы так и сделаем.

— Не буду уговаривать тебя не обращать на это внимания, ты не сделаешь этого, это очевидно, — сказал я, — но, пожалуйста, помни, ты сам высказался, что многое из того, что произошло, было безусловно предопределено. Это может включать и Одру.

— Я нничего не скажу о том, куда я ездил.

Иногда лучше вообще ничего не отвечать, что я и сделал.

— Хорошо, — сказал он. — Если ты действительно предлагаешь мне...

— Да, именно предлагаю. Ключи возьмешь в больничной камере хранения. У меня там в морозилке парочка бифштексов «Дельмонико». Может быть, и это было предопределено.

— Она ест только мягкую и жидкую пищу.

— Ну ладно, — сказал я, продолжая улыбаться, — может быть, появится причина отпраздновать что-нибудь. Там есть очень хорошая бутылка вина в шкафу в кладовке. «Мондави». Местное, но очень хорошее.

Он подошел и пожал мне руку.

— Спасибо, Майк.

— В любое время, Большой Билл. Он отпустил мою руку.

— Ричи улетел в Калифорнию сегодня утром? Я кивнул.

— Ты думаешь поддерживать с ним связь?

— Ммможет быть. Некоторое время в любом случае. Но... — он посмотрел на меня ровно. — Это снова произойдет, я думаю.

— Забывание?

— Да. Фактически, я думаю, что это уже началось. Так, небольшие фрагменты. Детали. Но, думаю, это будет усиливаться.

— Может быть, это и к лучшему.

— Может быть, — он выглянул из окна, все еще вертя в руке стакан с содовой, почти наверняка думая о своей жене, такой большеглазой, молчаливой, красивой и восковой. *Кататония.* Похоже на звук захлопывающейся двери. Он вздохнул:

— Может быть, так и есть.

— Что с Беном и Беверли?

Он посмотрел на меня и улыбнулся:

— Бен пригласил ее с собой в Небраску, и она согласилась, по крайней мере, на время. А ты знаешь о ее плане насчет Чикаго?

Я кивнул. Беверли рассказала Бену, а Бен

рассказал мне вчера. Насколько я понимаю *(абсурдность положения),* последнее описание Беверли ее мужа, замечательного, фантастического Тома, было гораздо более правдивым, чем первое. Замечательный, фантастический Том держал Бев в эмоциональных, душевных, а иногда и физических тисках последние четыре года, а то и больше. Замечательный, фантастический Том приехал сюда, выбив информацию о Бев из ее единственной близкой подруги.

— Она сказала, что собирается поехать к подруге в Чикаго через неделю и подать заявление о пропаже Тома.

— Очень сомнительно, — сказал я. — Никто никогда не будет искать его там.

Эдди тоже, -подумал я, но ничего не сказал.

— Нет, думаю, нет, — сказал Билл. — Когда она приедет, бьюсь об заклад, Бен тоже с ней приедет. А ты знаешь кое-что еще? Что-то по-настоящему странное?

— Что?

— Я думаю, что она действительно помнит, *что* случилось с Томом.

Я уставился на него.

— Она забыла или забывает, — сказал Билл. — А я не могу вспомнить, как выглядела *дверь* в

то место, где было Оно. Я стараюсь думать об этом, вспоминать, и случается странная вещь: я начинаю представлять кккозлов, гуляющих по мосту, из этого рассказа «Три козленка Билли». Ничего себе?

— След приведет в конце концов в Дерри, след Тома Рогана, — сказал я. — Он оставил после себя кучу бумаг. Арендовал машину, авиабилеты.

— Не уверен, — сказал Билл, зажигая сигарету. — Я думаю, что он оплатил билеты наличными и назвал вымышленное имя. Может быть, купил здесь дешевый автомобиль или украл какой-нибудь.

— Почему?

— Давай посмотрим, — сказал Билл. — Неужели он проделал такой путь только ради того, чтобы отшлепать ее?

Наши взгляды встретились, и мы немного помолчали, глядя друг на друга, потом он встал.

— Слушай, Майк...

— Все будет хорошо, сплюнь три раза, — сказал я. — Я в этом разбираюсь.

Он рассмеялся. Смеялся он долго, а когда всхлипнул в последнем приступе смеха, он сказал:

— Спасибо, что выручил с квартирой, Майк.

— Я не могу поклясться, что это приведет к

какому-нибудь результату. Там нет каких-либо лечебных свойств, насколько я могу судить.

— Хорошо... Увидимся. — И тут он сделал странную вещь, странную, но довольно приятную: он поцеловал меня в щеку. — Благослови тебя Господи, Майк. Я буду поблизости.

— Все еще будет в порядке, Билл, — сказал я. — Не оставляй надежду. Все может быть в порядке.

Он улыбнулся и кивнул головой, но думаю, что одно и то же слово было у нас на уме: *Кататония.*

5 июня 1985 года

Сегодня приходили попрощаться Бен и Беверли. Они не летят. Бен арендовал автомобиль — огромный «кадиллак» у Герца, и они собираются ехать в автомобиле, не спеша. В их глазах было что-то такое, что позволяло им медлить сейчас, и, ставлю свою пенсию, они будут делать это до самой Небраски.

Беверли обняла меня, пожелала мне поправляться побыстрее, а потом заплакала.

Бен тоже обнял и в третий или четвертый раз попросил меня писать. Я сказал ему, что буду писать, и так я и сделаю.., некоторое время, по крайней мере... Потому что в этот раз со мной

происходит то же самое.

Я забываю.

Как только что сказал Билл, пока это только мелочи, детали. Но мне кажется, что это будет усиливаться. Произойдет ли это через месяц или год, но только эта книга будет напоминать о том, что произошло здесь, в Дерри. Я даже думаю, что сами слова могут начать исчезать, оставляя пустые страницы, как тогда, когда я купил эту записную книжку в канцелярском отделе универмага Фриза. Это ужасная мысль, и при дневном свете она мне кажется совершенно параноидальной.., но знаете ли вы, что в ночные часы она кажется совершенно логичной?

Это забывание.., его перспектива повергла меня в панику, но и дала мне некоторое облегчение. Это означает, что на этот раз они действительно убили Его, так как уже нет нужды в дежурном, который должен стоять на часах в ожидании, когда начнется новый цикл. Печальная тревога и неизъяснимое облегчение. И все-таки я склоняюсь в сторону облегчения, необъяснимого или объяснимого, не имеет значения.

Билл пришел сказать, что они с Одрой въехали ко мне. В ней никаких изменений.

— Я всегда буду помнить тебя, — это сказала

мне Беверли, когда они с Беном уезжали.

И я прочел в ее глазах, что она действительно не забудет.

6 июня 1985 года

Интересное место в сегодняшней «Дерри Ньюз» на первой странице. Под заголовком: «Ураган заставил Хэнли отказаться от планов дальнейшей застройки». Хэнли — это предположительно Тим Хэнли, мультимиллионер, который ворвался в Дерри как вихрь в конце 60-х. Именно Хэнли и Зитнер организовали консорциум, ответственный за строительство Городского Центра (который в соответствии с другой статьей на странице один, возможно, будет объявлен полным банкротом). Тим Хэнли мечтал увидеть, как растет и процветает Дерри. Были, конечно, здесь и мотивы прибыли, но было и что-то большее. Хэнли искренне хотел увидеть, как это случится. То, что он неожиданно оставил намерения о дальнейшей застройке, дало мне некоторую пищу для размышления. Совершенно очевидно, конечно, что Хэнли больше не питает добрых чувств к Дерри. Я считаю, что также возможно, что он скоро потеряет свою последнюю рубашку из-за разрушения Центра.

Но статья также утверждает, что Хэнли не одинок — другие вкладчики и предполагаемые вкладчики денег в Дерри могут передумать. Конечно, не будем тревожить Эла Зитнера — Бог прибрал его, когда все рушилось на окраине Дерри. Что касается других, то они думают, как и Хэнли, и стоят перед трудной проблемой — как восстановить городскую зону, если вы знаете, что больше 50 процентов ее лежит под водой?

Я думаю, что после долгого призрачно-живого существования Дерри умирает.., как ночная фиалка, чье время цветения пришло и ушло.

Сегодня днем звонил Биллу Денбро. У Одры никаких изменений.

Час тому назад звонил Ричи в Калифорнию. Его автоответчик сопровождал вопросы музыкой из третьего альбома «Криденс», которая звучала на заднем плане. Эти чертовы машины всегда выбивали меня из колеи. Я оставил свое имя и номер телефона, потом, поколебавшись, добавил, надеюсь, что он снова будет носить свои контактные линзы. Я хотел было уже повесить трубку, как Ричи сам поднял трубку и сказал:

— Майки! Как ты там?

Голос его был дружелюбным и теплым.., но в нем слышалось явное замешательство, как будто

его схватили за руку.

— Хэлло, Ричи! — сказал я. — У меня все нормально.

— Хорошо. Больше не болит?

— Немного. Но скоро все пройдет. Только чешется сильно. Буду чертовски рад, когда снимут гипс с ребер. Кстати, я люблю «Криденс». Ричи засмеялся:

— Фи, это не «Криденс», это «Рок-н-ролльные девчонки» из последнего альбома Фогерти «Сентерфильд». Слышал что-нибудь из этого альбома?

— Нет.

— Купи, это великолепно. Это как... — он подыскивал слова некоторое время, а потом сказал:

— Это как раньше.

— Обязательно куплю, — сказал я и, возможно, сделаю это. Мне всегда нравился Джон Фогерти. А «Грин Ривер» — это моя самая любимая песня из «Криденс». Там поется: «Возвращайся домой перед самым закатом», да, именно так.

— А как там Билл?

— Они с Одрой присматривают за моим домом, пока я здесь.

— Хорошо. Это хорошо, — он немного помолчал. — Хочешь услышать что-нибудь странное,

старина Майки?

— Конечно, — сказал я. Я прекрасно знал, что он собирается сказать.

— Ну ладно... Я сижу здесь в моей студии, слушаю последние *новинки,* делаю кое-какие копии, читаю какие-то мемуары.., у меня тут горы всякого барахла, и я просматриваю их уже целый месяц по двадцать пять часов в сутки. Поэтому я включил автоответчик, но звук убавил почти до предела, чтобы отвечать на звонки, на которые я хочу отвечать. А всяких кретинов я могу прослушать и в записи. А тебя я заставил так долго говорить по автоответчику только потому, что...

— ..потому что сначала ты не сообразил, кто я такой.

— Господи, правильно. Как ты узнал?

— Потому что мы все опять начали забывать. На этот раз *все.*

— Майки, ты *уверен!* — Как была фамилия Стэна? — спросил я его.

На другом конце провода замолчали. И надолго замолчали. Во время этой паузы я слышал какую-то женщину, разговаривавшую в Омахе.., или, может быть, она была в Рутвене или в Аризоне, или во Флинте, Мичиган. Я слышал ее так же ясно, как если бы это был голос космонавта, покида-

ющего солнечную систему в капсуле сгоревшей ракеты и благодарящего кого-то за печенье.

Потом Ричи сказал нерешительно:

— Я думаю, Андервуд, но это не еврейская фамилия, правда?

— Его фамилия была Урис.

— Урис! — закричал Ричи, в голосе слышалось одновременно облегчение и потрясение.

— Господи, я *ненавижу*, когда что-то вертится у меня на кончике языка, а я не могу вспомнить. Когда кто-нибудь приносит игру «Тривиал Персьют», я говорю: «Извините, но я думаю, у меня опять начинается понос, поэтому я сейчас собираюсь домой, о'кей?» Но ты-то помнишь. Майки, как и прежде?

— Нет. Я посмотрел в моей записной книжке. Снова долгое молчание. Затем:

— И *ты* не помнишь?

— Не-а.

— Ни черта?

— Ни черта.

— Тогда на этот раз действительно все кончено, — сказал он, и облегчение в его голосе казалось неподдельным.

— Думаю, да.

На всем этом длинном расстоянии — от штата

Мэн до Калифорнии — не было слышно ни звука. Мне кажется, мы думали об одном и том же: все кончено, да, и через шесть недель или через шесть месяцев — какое это имеет значение? — мы все забудем друг о друге. Все кончено, и все, что имело значение, тоже — наша дружба и жизнь Стэна и Эдди. Я почти забыл о них, понимаете? Это страшно звучит, но почти забыл и о Стэне, и об Эдди. Чем болел Эдди, астмой или у него была хроническая мигрень? Черт меня побери, если я помню точно, хотя я думаю, что это была мигрень. Спрошу Билла. Он будет звонить.

— Ладно, передавай привет Биллу и его прелестной жене, — сказал Ричи с наигранной легкостью.

— Хорошо, Ричи, — сказал я, закрывая глаза и потирая лоб. Он помнил, что жена Билла была в Дерри.., но не помнит ее имени или того, что с ней случилось.

— А если будешь в Лос-Анджелесе, позвони. Мы встретимся и поболтаем.

— Конечно, — я почувствовал, как горячие слезы подступают к глазам.

— А если ты вздумаешь вернуться, сделай то же самое.

— Майки!

— Я здесь.

— Я люблю тебя, парень!

— Я тоже.

— О'кей. Подними свой большой палец...

— Би-би, Ричи.

Он засмеялся.

— Да, да, да. Теперь засунь его себе в ухо, Майк. Я сказал в твое *ухо,* парень.

Он повесил трубку, я тоже. Потом я откинулся на подушки с закрытыми глазами и не открывал их еще долго.

7 июня 1985 года

Еще раз говорил с Биллом по телефону. Одра уже ест твердую пищу, сказал он, но больше никаких изменений. Я спросил, что было у Эдди, — астма или мигрень.

— Астма — сказал он уверенно. — Помнишь его ингалятор?

— Да, конечно, — сказал я и вспомнил. Но только, когда Билл сказал.

— Майк?

— Да.

— Как была его фамилия?

Я посмотрел в записную книжку, лежащую на ночном столике, но не взял ее.

— Не могу точно вспомнить.

— Что-то вроде Коркорана, — сказал Билл с недоумением, — но это не точно. У тебя же все записано. Правда?

— Правда, — сказал я.

— Слава Богу.

— У тебя есть какие-нибудь идеи насчет Одры?

— Одна, — сказал он, — но слишком безумная. Я не хочу о ней говорить.

— Ты уверен?

— Да.

— Хорошо.

— Майк, это ужасно, не правда ли? Что мы все забываем?

— Да, — сказал я. Так оно и было.

8 июня 1985 года

Рэйтон, который должен был разбить площадку на заводе в Дерри и начать строительство в июле, в последнюю минуту отказался и решил строить в Вотвилле. Редакция на первой странице «Ньюз» выразила свое недоумение.., и, если я могу читать между строчек, была немного испугана.

Я думаю, что догадался, в чем заключалась идея Билла относительно Одры. Но ему нужно было действовать быстрее, пока последнее волшебство

не ушло из этих мест. Если оно уже не исчезло.

Но вероятно то, что я думал прежде, не было таким безумным. Имена и адреса друзей в моей маленькой записной книжке исчезают. Цвет и качество чернил выглядят таким образом, будто они были написаны пятьдесят, а то и все семьдесят пять лет назад. Это произошло четыре или пять дней тому назад. Я подозреваю, что к сентябрю их имена полностью исчезнут.

Я думаю, я мог бы сохранить их; я мог бы снова и снова переписывать их. Но я также подозреваю, что и они в свою очередь начнут исчезать и что очень скоро это превратится в тщетное упражнение. Типа того, как написать «Я больше никогда не буду играть в мяч в классе» пятьдесят раз. Я стал бы писать и переписывать имена, которые бы ничего для меня не значили, потому что я их забыл.

Пусть будет как будет.

Билл, действуй быстрее.., но будь осторожен!

9 июня 1985 года

Проснулся среди ночи от жуткого ночного кошмара, который не могу вспомнить, впал в панику, дыхание останавливалось. Дотянулся до кнопки вызова, но не смог нажать на нее. Было

ужасное видение Марка Ламоники, отвечающего на звонок с гипо.., или Генри Бауэрса с лезвием бритвы.

Я схватил записную книжку и набрал номер Бена Хэнскома в Небраске.., адрес и имя еще больше стерлись, но пока еще можно прочесть. Вот так-то, Джо! Ответил автоответчик телефонной компании: этот номер телефона не обслуживается, аннулирован.

Был ли Бен толстым, или он носил что-то вроде спортивных тапок?

Лежал без сна до рассвета.

10 июня 1985 года

Сказали, что я могу идти домой завтра.

Я позвонил Биллу и сказал ему это — я думаю, я хотел предупредить, что у него в запасе очень мало времени. Билл единственный, кого я ясно помню, и я подозреваю, что я — единственный, кого *он*помнит. Наверное, потому, что мы еще в Дерри.

— Хорошо, — сказал он. — К завтрашнему дню мы уедем.

— У тебя все еще есть идея?

— Да. Похоже, как раз время ее использовать.

— Будь осторожен.

Он засмеялся и сказал что-то, что я и понял, и нет: «Нельзя быть осторожным на доске, дядя».

— Я узнаю, как все прошло, Билл?

— Узнаешь, — сказал он и повесил трубку.

Мое сердце с тобой, Билл, независимо от того, как все обернется. Мое сердце со всеми вами, и я думаю, что даже если мы забываем друг друга, мы будем вспоминать во сне.

Я почти закончил с моим дневником, думаю, что дневник — это все, что осталось, и что рассказ о старых тайнах и странностях, которые происходили в Дерри, будет только на страницах этого дневника. Со мной все прекрасно, я думаю, завтра, когда они позволят мне уйти отсюда, наконец настанет время подумать о том, как начать новую жизнь.., хотя какой она будет, мне до сих пор неясно.

Я люблю вас, парни, вы знаете.

Я очень люблю вас.

ЭПИЛОГ. БИЛЛ ДЕНБРО ПОБЕЖДАЕТ ДЬЯВОЛА II

Я знаю невесту, когда она ездит на пони,
Я знаю невесту, когда она ходит на мол,
Я знаю невесту, когда она хочет напиться,
Я знаю невесту, танцует она рок-н-ролл.
Ник Лоув

Нельзя быть осторожным на доске, дядя.
Один мальчик

1

Полдень летнего дня.

Билл стоит раздетый в спальной комнате Майка Хэнлона, гладя на свое длинное тело в дверное зеркало. Его лысая голова блестит на свету, который падает через окно и отбрасывает тень на пол и стену. Грудь его совершенно безволосая,

бедра и ноги костлявые, хотя покрыты узлами мускулов. *Да,* -думает он, — *это тело взрослого человека, нет вопросов. Вот вам живот, который поглотил столько хороших бифштексов и так много бутылок пива, и столько плотных завтраков с рубленым мясом и острыми французскими соусами вместо диетических блюд. И зад у тебя отвислый, Билл, старый чувак. Ты, конечно, можешь устроить небольшую пробежку, если ты не слишком пьяный, и можешь видеть что-нибудь, но ты уж не можешь мчаться за старым «Данлопом», как когда-то, когда тебе было семнадцать лет. У тебя были любовные приключения, и твои причиндалы выглядят как раз на твой возраст. У тебя морщины на лице, которых не было в семнадцать... Черт возьми, их не было даже на твоем первом авторском портрете, на том самом, где ты так старался выглядеть, будто знаешь что-то.., что-нибудь. Ты слишком стар для того, что ты думаешь сделать, Билли-бой. Ты убьешь и себя, и ее.*

Он надел штаны.

Если бы мы не верили, мы никогда не смогли.., сделать то, что мы сделали.

Потому что он действительно не мог вспомнить, что они такое сделали и что привело Одру в

состояние кататонического шока. Он знал только то, что он собирается сделать сейчас, и он знал, что если он не сделает этого *сейчас,* он тоже забудет это. Одра сидела внизу, в легком кресле Майка, ее волосы прямо свисали по плечам. Она сосредоточенно смотрела телевизор, где показывали «Охотников за долларами».

Она не могла говорить и двигалась, если только ее вести.

Это другое. Ты слишком стар, дядя. Поверь.

Я не верю.

Тогда помирай здесь, в Дерри. Большое дело!

Он надел носки, джинсы и футболку, которую купил в «Магазине Рубашек» в Бангоре вчера. Футболка была ярко-оранжевая. Поперек груди написано: «КУДА К ЧЕРТУ ДЕЛСЯ ДЕРРИ, ШТАТ МЭН?» Он сел на кровать Майка, которую делил последнюю неделю со своей теплой, но ничего не чувствующей женой. Он стал надевать кроссовки.., кеды, которые он тоже купил вчера в Бангоре.

Он встал и посмотрел на себя в зеркало снова. Он увидел мужчину среднего возраста, одетого в одежду ребенка.

Ты выглядишь смешно.

А *какой ребенок не выглядит смешно?*

Но ты не ребенок. Оставь это!

— Давайте потанцуем немного рок-н-ролл, — мягко сказал Билл и вышел из комнаты.

2

В снах, которые он видел последние несколько лет, он всегда покидает Дерри один на закате. Город пуст, все уехали. Теологическая семинария и дома викторианского стиля на Западном Бродвее мрачно чернеют под синим небом. А когда-то на закатном солнце ты всегда приезжал в один из них.

Он может слышать звуки футбольных мячей, стучащих по бетону. Еще один звук — это вода, гудящая в канализационных трубах.

3

Он покатил Сильвера по дороге, поставил его на стоянку и снова проверил шины. Передняя была в норме, но задняя немного спустила. Он достал велосипедный насос, который купил Майк, и подкачал немного заднее колесо. Когда он положил насос назад, он проверил игральные карты и зажимы. Колеса на велосипеде опять производили тот звук автоматической очереди, которым Билл наслаждался, когда был ребенком. Отлично.

Ты сошел с ума.

Может быть. Посмотрим.

Он снова зашел в гараж Майка, взял масленку и промазал цепь и зубчатое колесо. Потом встал, посмотрел на Сильвера и нажал на грушу сигнальной трубы; она негромко загудела. Звук был хорошим. Он кивнул и пошел в дом

4

И он снова видел все эти места нетронутыми, какими они были в те дни: неуклюжий кирпичный блок начальной школы Дерри, Мост Поцелуев, исписанный инициалами старшеклассников, готовых взорвать мир своей страстью, которые, повзрослев, становились страховыми агентами и продавцами автомобилей, и официантками, и парикмахерами; он видел статую Поля Баньяна на фоне кровавого заката и поникший белый забор, отделяющий Канзас-стрит от Барренса. Он видел их такими, какими они были и будут в какой-то части его мозга.., и сердце его разрывалось от любви и печали.

Уходим, уходим из Дерри, — *думал он.* -Мы покидаем Дерри, и если это рассказ, то это будут последние шесть страниц; готовься пролистнуть их, поставить на полку и забыть.

Солнце садится, и слышны только звуки фут-

больного мяча да льющейся воды в канализации. Пора.

«Охотники за долларами» сменились «Колесом фортуны». Одра пассивно сидела перед телевизором, глаза ее не отрывались от экрана. Ее поведение не изменилось, когда Билл выключил телевизор.

— Одра, — сказал он, подходя к ней и беря за руку. — Пошли.

Она не шелохнулась. Ее рука лежала в его. Теплый воск. Билл поднял ее вторую руку с подлокотника кресла Майка и опустил на ее колено. Он одевал ее в это утро дольше, чем одевался сам, на ней были джинсы «Левис» и голубая кофточка. Она бы выглядела очень хорошо, если бы не бессмысленный взгляд ее широко открытых глаз.

— Пошли, — повторил он и провел ее через дверь кухни Майка. Она шла сама.., хотя, наверное, упала бы с верхней ступеньки крыльца прямо в грязь, если бы Билл не обнял ее рукой за талию и не свел вниз со ступенек. Он повел ее к тому месту, где стоял на тормозе Сильвер. Стоял яркий солнечный день. Одра остановилась около велосипеда, безразлично глядя на стену гаража Майка.

— Пойдем, Одра.

Она не двигалась. Билл терпеливо поднял ее длинные ноги и поставил на ободья багажника Сильвера. Наконец она встала, багажник был у нее между ног, но она не садилась на него. Билл нажал слегка ей на голову, и Одра села.

Он сел на седло и отпустил тормоз. Приготовился взять руки Одры и обнять ими себя за талию, но прежде чем он успел сделать это, они обхватили его по собственной инициативе, как маленькие испуганные мышки.

Он посмотрел вниз на руки, и сердце его забилось быстрее. Это было первое независимое действие, которое Одра сделала за целую неделю, насколько он знал, конечно.., первое независимое движение с тех пор, как *Это случилось..,* что бы это ни было.

— Одра?

Нет ответа. Он хотел повернуть голову и посмотреть на нее, но не смог сделать это. Были только руки вокруг его талии, на ногтях еще остались следы от старого маникюра, следы красного лака, который был нанесен яркой, живой, талантливой женщиной в маленьком английском городке.

— Мы собираемся покататься, — сказал Билл и начал нажимать на педали, двигаясь в сторону

Палмер-Лейна, прислушиваясь к шуршанию гравия под колесами. — Я хочу, чтобы ты держалась хорошенько, Одра. Я думаю... Я думаю, что смогу поехать побыстрее.

Если не потеряю штаны.

Он думал о мальчике, которого он встретил раньше, когда был в Дерри, когда *Это* все еще происходило.

"Нельзябыть осторожным на доске", -сказал тогда мальчик. *Более правильных слов нельзя придумать, парень.*

— Одра, ты готова?

Нет ответа. Не стала ли она крепче держаться за талию? Возможно просто желаемое принимается за действительное.

Он доехал до конца дороги и посмотрел направо. Палмер-Лейн упиралась в Аппер-Мейн-стрит, где левый поворот направит его на гору, ведущую на окраину города. Вниз по горе. Набрать скорость. Он почувствовал дрожь, когда представил себе эту дорогу *(старые кости ломаются легче, Билли-бой),* как он летит по ней — мысль промелькнула очень быстро и исчезла. Но... Но она пугала, не правда ли? Нет. Это было также и желание.., то самое чувство, что охватило его, когда он увидел мальчика со скейтбордом под мыш-

кой. Желание быстро мчаться, чувствовать ветер гонки за спиной, если даже не знаешь, гонишься ты или убегаешь, — просто двигаться, лететь.

Тревога и желание. Вся разница между тревогой и желанием — разница между взрослым, считающим деньги, и ребенком, который просто берет их и идет, например, в кино. А между этим весь мир. Не такая уж большая разница. Ведь есть же и другие дети. Так чувствуешь себя, когда сопровождающий автомобиль приближается к отметке первого участка, откуда *действительно* начинается гонка.

Тревога и желание. То, что ты хочешь, и то, что ты боишься попробовать. Место, где ты был и куда хочешь попасть. Что-то из рок-н-ролла, из песен о том, что ты хочешь: девушку, автомобиль, место, где ты хочешь остановиться и жить. О Господи, помоги вынести это! На мгновение Билл закрыл глаза, чувствуя мягкий мертвый вес своей жены за собой, чувствуя, что гора где-то впереди, чувствуя свое собственное сердце внутри.

Будь смелым, будь честным, надо выстоять.

Он начал нажимать на педали сильнее.

— Не хочешь немного потанцевать рок-н-ролл. Одра? Нет ответа. Но так и должно быть. Он был готов.

— Тогда держись!

Он заработал ногами. Сначала было трудно. Сильвер раскачивался взад и вперед, вес Одры мешал сохранять равновесие.., хотя она должна была пытаться сохранить равновесие даже бессознательно, или они разобьются здесь же. Билл привстал на педалях, руки вцепились в руль с безумной силой, голова тянется к небу, глаза горят, жилы на шее напряглись.

Сейчас упадем, прямо сейчас, на улице, разобьем головы, и она, и я — не будет этого, Билл, езжай, езжай, сукин сын.

Он, стоя, жал на педали, чувствуя каждую сигарету, которую выкурил за последние двадцать лет, в повышенном кровяном давлении и в каждом ударе сердца. *Черт с ним, со всем этим!* -думал он, и нарастание безумной скорости заставило его улыбнуться. Карты, которые издавали отрывистые звуки, сейчас начали клацать быстрее и быстрее. Это были новые, прекрасные новые велосипедные карты, и они давали хороший звук. Билл почувствовал первое *дуновение ветра* на своей лысине, и улыбка стала шире. *Я создал этот ветерок,* -подумал он. — *Я сделал его, нажимая на эти проклятые педали*".

Приближался указатель «СТОП» в конце аллеи,

куда он подъезжал. Билл начал тормозить.., а потом (улыбка становилась все шире и шире, показывая его зубы), потом он стал нажимать на педали опять.

Не обращая внимания на указатель, Билл Денбро повернул налево, на Аппер-Мейн-стрит над Бассей-парком. Снова вес Одры подвел его: они почти потеряли равновесие и начали накреняться. Велосипед закачался, завилял, но потом выровнялся. Ветерок становился сильнее, осушая пот на лбу, испаряя его, уши заложило низким пьянящим звуком, похожим на шум океана в ракушке и не похожим ни на что в мире. Билл думал, что этот звук знаком мальчику, несущемуся на скейтборде. *Но этот звук ты можешь забыть, мальчик,* -подумал он. *— Предметы имеют обыкновение изменяться. Это грязная шутка, но будь готов к ней.*

Он нажимал на педали еще сильнее, стараясь сохранить равновесие на скорости. Руины Поля Баньяна остались слева — поверженный колосс. Бил закричал:

— Хей-йо, Сильвер! А-о-а-о-а-о-а-о!

Руки Одры крепко держали его за талию; он чувствовал, как она прислоняется к его спине. Но невозможно было повернуться и посмотреть

на нее сейчас.., никакой возможности, никакой необходимости. Он еще сильнее жал на педали, громко смеясь, — длинный, тощий, лысый человек на велосипеде, вцепившийся в руль, чтобы уменьшить давление ветра. Люди оборачивались, чтобы посмотреть, как он несется по Бассей-парку.

Здесь Аппер-Мейн-стрит уходила к центру города под более острым углом, и голос внутри начал шептать, что если он сейчас не затормозит, то уже не сможет сделать этого, он просто влетит в остатки того, что было когда-то пересечением трех улиц, как летучая мышь в ад, и убьет и себя, и ее.

Но вместо того, чтобы нажать на тормоза, он снова стал вращать педали, заставляя велосипед двигаться еще быстрее. Сейчас он летел вниз по Мейн-стрит, и мог еще видеть оранжево-белые заградительные барьеры, дымовые сигналы с газом, отмечающие границу резкого поворота, и верхушки зданий, осевших вниз на улице, как плод сумасшедшего воображения.

— *Хейо, Сильвер! А-о-а-о-а-о-а-о-а-о!* -кричал Билл в исступлении и мчался вниз по горе к неизбежному, что бы там ни произошло, осознавая на этот раз, что Дерри — это его город, осознавая, что

он живой под этим настоящим небом, и что все было — желание, желание, желание.

Он несся вниз с горы на Сильвере: он несся, чтобы победить дьявола.

6

...покидаем.

Итак, ты уезжаешь, и есть желание взглянуть еще разок назад, еще раз посмотреть на закат, увидеть это суровое небо Новой Англии — еще один последний раз — холмы, водонапорная башня, Поль с топором на плече. Но это, наверное, не такая уж хорошая затея — оглядываться назад, все книги об этом говорят. Посмотри, что произошло с женой Лота. Лучше не оглядываться. Лучше верить, что ты будешь счастливее там, впереди, где бы то ни было — и так может быть; кто осмелится сказать, что не может быть таких концов? Не все корабли, которые уплывают во тьму, пропадают, не увидев рассвета; если жизнь и учит чему-нибудь, то она учит, что существует очень много счастливых концов, но человек, который верит в то, что Господь не требует от него разума, сталкивается с серьезными проблемами.

Уезжаешь и уезжай скорее, пока солнце не на-

чало садиться, думает он во сне. Вот, что ты делаешь. И все, что у тебя остается, это призраки — призраки тех детей, которые стояли в воде на закате солнца, стояли в кругу, стояли, соединив руки, лица их были юными, но упрямыми.., достаточно упрямыми, чтобы стать теми людьми, которыми они станут, и достаточно упрямыми, чтобы понять, может быть, что те люди, которыми они станут, обязательно должны стать теми людьми, которыми они были прежде. Круг замыкается, колесо крутится, и это все, что осталось.

Не нужно оглядываться, чтобы увидеть тех детей; часть твоего разума будет видеть их всегда, жить вместе с ними, любить их, но они — вместилище всего, чем ты можешь стать.

Ребята, я люблю вас. Я люблю вас так сильно.

Быстрее уезжай, уезжай быстрее, пока не погас свет, уезжай из Дерри, уезжай от своей памяти.., но не от желания. Это останется, средоточие всего, что мы есть, и того, во что мы верили детьми, всего, что сияло в наших глазах, даже когда мы заблудились и ветер дул в ночи.

Уезжай и старайся улыбаться. Послушай немного рок-н-ролл по радио и иди вперед по жизни со всей храбростью, на которую способен, и

со всей верой, которую можешь наскрести. Будь честным, будь смелым, выдержи.

Все остальное — темнота.

7

— Эй!

— Эй! Мистер, вы...

— Смотри!

Слова проносились по ветру как ручейки, как бессмысленные звуки или как отвязанные воздушные шарики. Вот приближаются заградительные барьеры; он мог вдохнуть горячий запах газа из дымовых сигналов. Он видел сонную темноту там, где были когда-то улицы, слышал звук ревущей воды, несущейся вниз во тьму, и смеялся над этим звуком.

Он повернул Сильвера налево так сильно, что чуть не задел заградительные барьеры, зацепив ногой в джинсах за один из них. Колесо Сильвера прошло меньше, чем в трех дюймах от того места, где был обрыв, и он ехал сбоку от дорожки, где можно было еще маневрировать. Прямо впереди вода размыла тротуар и половину улицы перед ювелирным магазином. Барьеры прикрывали то, что оставалось от улицы; все это было сильно повреждено.

— Билл? — это был голос Одры, удивленный и немного глухой. Он звучал так, как если бы она только что проснулась от глубокого сна. — Билл, где мы? Что мы делаем?

— *Хейо, Сильвер!* -кричал Билл, наезжая на сигнал, стоявший прямо перед Сильвером у заградительного барьера, вдающегося под прямым углом в открытое окно ювелирного магазина.

— *Хейо, Сильвер, давай!!!!*

Сильвер ударился о барьер на скорости больше 40 миль в час, и барьер полетел: центральная доска — в одном направлении, опоры в форме буквы "А" — в двух других. Одра кричала и сжимала Билла так сильно, что ему трудно стало дышать. По всем улицам и сверху, и снизу Мейн-стрит, Канал-стрит и Канзас-стрит люди стояли в дверях и на обочинах дороги и наблюдали.

Сильвер влетел на обочину. Билл почувствовал, как его левое бедро и колено проскребло по стене ювелирного магазина. Он чувствовал, как переднее колесо Сильвера задрожало, и понял, что сейчас упадет...

...но потом инерционный рывок Сильвера вывез их обратно на дорогу. Билл свернул, чтобы обогнуть перевернутый бак, и снова выехал на улицу. Взвизгнули тормоза. Он увидел большой

грузовик, летящий прямо на них, и не мог прекратить смеяться. Он проехал по месту, где грузовик прогромыхал секунду спустя. Рассчитывай время, мудак!

С криками, с льющимися из глаз слезами, Билл нажимал на гудок Сильвера, вслушиваясь, как каждый хриплый резкий звук вонзается в яркий дневной свет.

— Билл, ты убьешь нас обоих! — кричала Одра, и хотя в голосе ее слышался ужас, она тоже смеялась.

Билл снова повернул Сильвера и на этот раз почувствовал, как Одра наклоняется вместе с ним, что позволяло легче управлять велосипедом, помогая им двоим жить с ним, хотя бы в этот короткий промежуток времени, сливая три живых существа в одно.

— Ты так думаешь? — крикнул он в ответ — Я *знаю!* -прокричала она, а потом обняла его за то место, где не прекращалась стойкая и приятная эрекция. — Но не останавливайся!

Но он не мог ничего поделать. Скорость Сильвера стала спадать на Ап-Майл-Хилле; громыхание карт снова становилось отдельными выстрелами. Билл остановился и повернулся к ней. Она была бледна, глаза широко открыты, явно испу-

ганные и смущенные.., но разбуженные, живые и *смеющиеся.*

— Одра, — сказал он, смеясь вместе с ней.

Он помог ей слезть с велосипеда, прислонил Сильвера к кирпичной стене и обнял ее. Он целовал ее лоб, глаза, щеки, рот, шею, грудь. Она прижимала его к себе.

— Билл, что со мной было? Я помню, как сошла с самолета в Бангоре, а больше не могу вспомнить *ничего. С* тобой все в порядке?

— Да.

— А со мной?

— Да. Уже все.

Она оттолкнула его, чтобы посмотреть на него.

— Билл, ты что, не заикаешься?

— Нет, — сказал Билл и поцеловал ее. — Заикание прошло.

— Навсегда?

— Да, на этот раз, я думаю, навсегда.

— Ты что-нибудь говорил про рок-н-ролл?

— Не знаю, а разве говорил?

— Я люблю тебя, — сказала она.

Он кивнул и улыбнулся. Когда он улыбался, он выглядел очень молодым, несмотря на лысину.

— Я тоже люблю тебя, — сказал он. — А что еще надо?

8

Он просыпается от сна, не помня точно, что это было; помня лишь, что он видел сон, как будто был снова ребенком.

Он дотрагивается до гладкой спины своей жены, а она спит, тихонько дыша, и видит свои собственные сны. Он думает о том, как хорошо быть ребенком, но также хорошо быть взрослым и уметь разбираться в детских тайнах.., в детской вере и детских желаниях. «Когда-нибудь я напишу обо всем этом», — думает он, и знает, что это только предрассветные мысли, мысли-после-сна. Но так приятно думать об этом в утренней чистой тишине; думать, что детство имеет свои собственные приятные секреты и правила и что соблюдение этих правил требует всей храбрости и любви. Думать о том, что смотреть вперед можно, лишь оглядываясь назад, и что жизнь каждого человека имеет свою собственную имитацию вечности: колесо.

Что-то подобное Билл Денбро иногда думает, когда просыпается рано утром, после сна, когда он почти вспоминает свое детство и друзей, с которыми он разделял его.